

www.megabook.do.am

Олег ДИВОВ

СЛЕД ЗОМБИ 1-3
СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ
МАСТЕР СОБАК
БРАТЯ ПО РАЗУМУ

Олег ДИВОВ
СЛЕД ЗОМБИ I
СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Развитие событий с определенного момента полностью вымышлено. Имена реальных действующих лиц изменены. Все цитируемые документы получены из открытых источников. Неопровержимых доказательств существования организации, называемой в тексте "Проект", на сегодняшний день нет. Всем россиянам, считающим себя жертвами психотронного террора, посвящается.

ПРОЛОГ

ДНЕВНИК МАЙОРА КРЕСТОВСКОГО

6-16 августа 1991 года. Западная Сибирь

6 августа. Пятый день преследования. Кажется, сегодня мы окончательно потеряем темп. Здесь начинается дикая тайга, непролазная чащоба. Придется забыть о прыжках на "вертушке" и идти пешком. В нашем распоряжении только след, с которого собаки постоянно сбиваются. И данные пеленгатора, которым я до сих пор верю с трудом.

Какого черта он пошел на север? И как ему удалось забраться в эту глушь? Нет, поставим вопрос иначе. Почему его отпустили так далеко? Опять рассматриваю фотографию. Кажется, знаю его лицо до малейшей черточки. Но почему-то хочется снова заглянуть в эти огромные глаза. Кто ты, Костенко Тимофей Сергеевич, 1968 г. р., русский, москвич, член ВЛКСМ, без определенных занятий?

7 августа. Он уходит звериными тропами. Собакам приходится очень тяжело. Иногда несколько часов кряду идем только по пеленгу. Ребята начинают поглядывать на меня с недоверием и отпускать замечания. Они видят, что я слишком уверенно выбираю направление. Пока что я вяло отшучиваюсь.

Объект в полутора днях пути впереди. Оставляет довольно много отчетливых следов.

Как и прежде, он движется ровно, будто по ниточке. Словно его, как и нас, ведет чей-то пеленг. Иначе я это объяснить не могу. У него нет ни компаса, ни карты.

Да и туристский опыт почти отсутствует. Тем не менее он идет очень резво. И прямо, только прямо!

8 августа. Поутру, едва проснувшись, и каждый раз, когда собаки теряют след, я ныряю за деревья. Ухожу подальше от группы и достаю из-за пазухи черную коробочку с экраном на жидких кристаллах. Нажимаю кнопку под надписью "прогрев" и через минуту жму на "локал.". И на экране появляется стрелка. Просто стрелка, больше ничего. Я мог бы сейчас написать по этому поводу очень много слов. В основном ругательных. Но я не писатель, а коммандо. У меня другие задачи.

9 августа. Нам навстречу сбрасывают еще одну группу. Кажется, начальство тоже уверено, что Костенко не свернет и будет мчаться по прямой. Это очень неприятно.

Выходит, нам досталась роль загонщиков, а "сделают" Костенко те, другие.

Спрашивается, какого... (зачеркнуто)...

Интересно, получил ли их старший те же инструкции, что и я?

10 августа. Мы все измотаны дальше некуда. И по-прежнему болтаемся в сутках пути от объекта. Самое обидное, что больше всего наше продвижение сдерживают... собаки. Они не так выносливы, как мы.

Вместе с тем шансы у нас неплохие. Засаду десантировали почти в ста километрах впереди. Ближе не вышло. Если чуть-чуть надавать, мы вполне успеем сцапать Костенко первыми. Тем более что он тоже не железный. Начинает, кажется, слегка прихрамывать. Может быть, вызвать сюда "вертушку", чтобы забрали собак с проводниками? Садиться здесь негде. Но и спешить некуда, пусть их тащат на борт подъемником. Я все больше доверяю пеленгатору. Он работает безупречно.

11 августа. Большой привал. Перечитал свои записи. Потом битых

полчаса таращился на фотографию объекта. Породистая морда. Тяжело будет в нее выстрелить. Я не убийца. Я не убийца.

У него куча особых примет. Шрамы на теле, родинки, легкая картавость речи.

Манера прокусывать насквозь сигаретный фильтр. Но это все детский лепет по сравнению с главным. Волосы. Длинная, до плеч, седая пепельная грива. Сейчас он собрал ее в хвост. Откуда у парня в двадцать три года такая седина? И почему у корней волосы темно-коричневые? Как будто он был крашен под седого. И волосы, отрастая, приобретают естественный цвет.

Трофимов, местный кагэбэшник, на все вопросы только мотает головой. Его тоже удивляет, почему ловить Костенко прислали москвичей. К тому же это его злит.

Хотя задачи нам ставит именно Комитет. Еще одна загадка. Почему по Костенко не работают гэбэшные оперативники? Я уверен, что у них есть группы, ничем не уступающие моей.

12 августа. Собаки встали намертво. Проклятье! Знай я, что такое случится, бросил бы их еще вчера. А теперь отдохнувшие здоровые псы скулят и жмутся к ногам проводников. Мы на крошечной полянке, впереди бурелом. И собаки отказываются туда идти.

Группа нервничает. Ребята в курсе, что наш объект - существо необычное, если не сказать хуже. И теперь, глядя на собак, начинают психовать. Наткнулись на след, довольно свежий. Но собаки кидаются от него, как черт от ладана. Что такое?

Ничем этот след не присыпан. Вообще, объект всегда погоню игнорировал. Будто не предполагал, что она возможна. Бред.

Теперь психанул я. Впервые пеленгатор дал сбой. Вместо стрелки на нем появилось размытое пятно. Оно стреловидной формы, и я смог вычислить направление. Что такое? Батарейки сели? Поменял, результат тот же. Вряд ли это означает, что объект совсем близко. Судя по следам, мы все еще отстаем на сутки.

Принимаю решение оставить кинологов и дальше идти без собак. Похоже, это обрадует и тех и других. У одного пса истерика. Остальные в каком-то ступоре.

Скажу Трофимову, чтобы вызывал сюда "вертушку".

13 августа. Пеленгатор работает все хуже. Но теперь я пользуюсь им часто, почти не скрываясь. И мы набрали приличный ход. Я уверен, что мы возьмем его завтра или послезавтра. Но с каждым днем мне все меньше хочется этого. Кажется, я слишком много думал на эту тему.

В начале августа он прошел через три людных поселка, две охотничьих заимки и лагерь геологов. Не скрываясь, вступая в контакт с людьми. Но даже парень, который подвозил наш объект на грузовике, не смог опознать Костенко по фотографии. Мы очень жестко допрашивали свидетелей. Я был поражен до глубины души. Его действительно никто не помнил!

Тогда я еще не верил пеленгатору. И если бы не девчонка из группы топогеодезистов, мы вряд ли смогли бы так быстро взять правильное направление. Она видела Костенко на пароме - мельком, но, похоже, втюрилась по уши. А он был неподвижен, как статуя, и глядел куда-то за горизонт. Похоже, он просто ее не заметил. И не тронул. Потому что с остальными он что-то сотворил.

Грешным делом, я верю в экстрасенсов. И перспектива встречи с Костенко меня пугает. Теперь, когда много наблюдений слились воедино, -

да, пугает. Ребята тоже взвинчены до предела.

14 августа. Дохлая рысь. Здоровенная противная кошка. Навернулась с дерева, с высоты в три метра. Сломала лапу и почему-то сдохла. Трофимов все детство провел в тайге. Говорит, так не бывает. Я вижу, как он напуган. Четкие следы объекта уходят от рыси в чащу.

Мне приказано взять его мертвым. Как только будет визуальный контакт, немедленно огонь на поражение. Сфотографировать, закопать и уйти. После этого мы с группой переходим в ГБ. Привилегий обещали немерено. В принципе, мне все равно, где работать. Комитет много дурного сделал в прежние времена - но ведь иначе было нельзя. Они исполняли приказы. Но они же и служили Родине. А то, что меня пытались запугать, когда я получал это задание... Наверное, по-другому не умеют.

Привычка. Я не в обиде на них. И горжусь тем, что именно мою группу выбрали для выполнения такого деликатного задания.

И все-таки, очень хотелось бы знать, кто такой Костенко. Чего он натворил.

Почему за ним отправили именно нас. И как пеленгатор, который совсем разладился, умудряется-таки выдавать нам верный маршрут. По-прежнему совершенно прямой, как стрела.

15 августа. Еще один привал, и все. Завтра Костенко наш. Теперь это дело принципа. На сосне, под которой я сижу, красуется свежий затес и надпись на нем шариковой ручкой:

"Отсюда начинаю убивать". У нас словно второе дыхание открылось. Парни злы, как черти.

Теперь понятно, зачем нужны были угрозы, которые я выслушал на Лубянке. Они хотели меня разозлить. И правильно сделали. Злоба убивает страх. А страху-то я за эти дни натерпелся... Особенно во время допросов свидетелей. Я быстро пришел к выводу, что наш объект - не человек или не совсем человек. Но я был зол и шел вперед.

Его действительно нужно ликвидировать. Он совсем рядом и завтра получит свое.

Группа, которая идет нам навстречу, не успевает. Они там завязли в болоте по уши. И все же мне жаль. Он безоружен, топорик и нож, больше ничего. А я не палач. Но долг офицера, долг перед Родиной заставляет решать: или - или.

Мечтаю о дне, когда партия окончательно победит маляра. И наша страна вернет себе былое величие. Как прекрасно то, что происходит сейчас. Мы проходим через сложный и мучительный ритуал очищения.

Вот написал и сам не верю. А теперь, батенька, немедленно спать.

16 он чудовище надеюсь он вернется добьет меня

ЧАСТЬ I

ЖУРНАЛИСТ

26 апреля - 30 ноября 1990 года

Когда из-за угла выпрыгнул оборотень, у Тима перехватило дыхание. Крепко сбитый широкоплечий зверь стоял прямо, чуть согнув в локтях когтистые передние лапы.

Закрыв собой проход, вервольф оскалил длинные клыки, хрипло рыкнул, и Тима обдало запахом гнилого мяса.

Глаза чудовища горели в полумраке желтым огнем. Омерзительная щетинистая морда будто ухмылялась. Вставшая дыбом шерсть торчала рваными клочьями. Более тошнотворного зрелища Тим не видел в жизни. Вервольф только выглядел животным, но не был им. Он был - верная смерть. И почему-то в белом лабораторном халате.

Тим припал левым боком к стене, выставив топор перед собой. Зверь рыкнул снова, и человек почувствовал, что у него дрожат колени. Противная мелкая дрожь беспомощности потекла по телу снизу вверх, парализуя волю. Тим поймал себя на том, что пятится.

Зверь вдруг нырнул вперед и резко взмахнул правой лапой. Трясущимися руками Тим едва успел заблокировать удар, и по лезвию топора потекла черная кровь. Вервольф заорал во всю глотку, прыгнул и легко подмял Тима под себя. Желтые глаза заглянули человеку прямо в душу. Громовой торжествующий рык заполнил собой весь мир. И тогда Тим закричал.

С безумным воплем он подпрыгнул над кроватью чуть ли не на полметра и упал на четвереньки. И, содрогаясь всем телом, принялся заматываться в теплое одеяло, бормоча то ли заклинания, то ли проклятья.

Телефон звонил.

Тим громко застонал. Собрав волю в кулак, он высунул из-под одеяла руку и на ощупь ударил ладонью по клавише ночника. Потом осторожно выглянул наружу. В комнате было почти светло, но все еще довольно страшно.

- Тим! - позвал незнакомый женский голос. Телефон умолк.

- Эй! - позвал другой голос. Теперь уже мужской. Но тоже возникший где-то в голове.

Телефон зазвонил снова.

Тогда Тим разозлился. Он сел на кровати, до боли сжал кулаки и зарычал - не хуже вервольфа из кошмара. Встал, прошлепал до выключателя и зажег в спальне верхний свет. Вернулся, сел на кровать, сосредоточился и попробовал "щелкнуть". Не получилось. Не обращая внимания на крик телефона, Тим развел ладони перед собой на полметра и слегка пошевелил ими. Поля будто и не было никогда. Руки по-прежнему тряслись и плохо слушались, а по лицу катился пот.

Проклятый телефон не унимался. Тим вздохнул, поднял аппарат с пола на кровать, снял трубку и опасно прислушался.

- Ну? - спросил молодой женский голос. - Так и будем молчать?

Тим медленно опустил трубку на контакты, закрыл глаза и тихонько выматерился.

Нащупав тапочки и кое-как вдев в них ступни, он поднялся и нетвердыми шагами подошел к двери. Открыв ее, просунул руку наружу и, не глядя, нажал кнопку. В коридоре вспыхнула лампочка. Тим по стенке добрался до кухни, таким же манером включил свет там, поразмыслил несколько секунд, распахнул дверь кабинета и его тоже осветил. В ванную он вошел под настойчивые вопли телефона.

Холодная вода смыла остатки кошмара. Тим невесело подмигнул своему отражению и двинулся на кухню. Одной рукой открыл дверцу холодильника, другой - снял трубку.

В холодильнике было пять банок морской капусты, два десятка яиц, пачка масла, три бутылки "Столичной" по ноль пять литра, одна Ноль семь и две бутылки пива "Русь". В трубке все тот же голос спросил:

- Тимофей, это ты?

- Ты ошиблась, - сказал Тим, бросая трубку. Он выбрал одну из

пол-литровых бутылок. Открыл банку капусты, достал вилку, отвинтил пробку. Не присаживаясь, сделал из горлышка три больших глотка, запрокидывая бутылку повыше. Пусть организм не жульничает, а будет вынужден проглотить действительно много. Чтобы поставить на стол опустевшую на треть бутылку, пришлось схватиться за холодильник.

Телефон зазвонил. Тим смахнул набежавшие на глаза слезы, уселся за стол и в несколько секунд жадно сожрал полбанки капусты. Закурил. И ему стало легче, легче, еще легче, совсем легко. Он снова отхлебнул, прожевал, затянулся, придвинул к себе пепельницу, снял трубку и буркнул:

- Доброй ночи.

- Доброй ночи! - эхом передразнила девушка. - Ты мне ничего не хочешь сказать?

- А чего бы ты хотела?

- Скотина!!! - заорали на другом конце провода и с грохотом дали отбой.

Тим рассмеялся. Он пересел со стула в глубокое кресло, поставленное к столу боком и занимающее в кухне все свободное место. Подвинул к себе водочную стопку и наполнил ее до краев. И поднял трубку, едва раздался первый звонок.

- М-да?

- Тебе не приходит в голову, что следовало бы передо мной извиниться? - осведомилась девушка.

- Сомневаюсь.

- Ах, он сомневается! Ты как со мной разговариваешь?! Ты жалкий, никчемный, бездарный, лупоглазый, кривоногий... - Ой, ой, ой, ой... - пробормотал Тим, морщась и кладя трубку на стол. Под доносящиеся из мембраны неразборчивые вопли он поднял стопку на уровень глаз, посмотрел сквозь нее на мир и кровожадно усмехнулся. Выпил, помотал головой и рассмеялся счастливым беззаботным смехом.

Телефон давился частыми гудками. Тим взял банку капусты и методично очистил ее до дна. Поджег забытый в пепельнице окурок. Посмотрел на часы и тяжело вздохнул.

"Полпервого ночи. Нельзя было рано ложиться. Засыпать нужно на рассвете, когда силы зла уже не так властны над миром-А ночью следует бодрствовать, чтобы голова была напряжена и в нее не могли влезть. Неужели только так? Плевать.

Сейчас плевать. Вот я добыю бутылочку, откупорю другую, включу музычку, возьму книжечку - и когда рухну в кровать, это будет такой отруб, что ни одна сволочь до меня не достучится. И сны я увижу обычные - яркие, светлые, интересные. В этих снах я буду нужен множеству людей и смогу для них сделать много хорошего".

Тим положил трубку и тут же поднял ее снова.

- Не надоело? - осведомился он довольно агрессивно.

- Ну и скотина же ты!

- Про скотину уже было.

- Ты скотина, скотина, скотина! Ты предатель! Ты грязный лживый двуличный предатель! Чего стоят все эти твои красивые слова, которые ты мне говорил, а?!

- Да я их тебе уже полгода...

- Подлец? Ничтожество! Предатель!

- Положим, если кто и предатель, так не я...

- Скотина! Я за все свои ошибки попросила у тебя прощения! Честно и

откровенно!

А ты...

- Ты действительно ничего так и не поняла, - заключил Тим, горестно кивая своим мыслям.

- А что тут понимать?!

- Я совсем не тот мужчина, что тебе нужен. Я ушел. Я не вернусь.

- Да какой ты мужчина?! Ты тряпка, ты слабак, ты ничтожество!

- Шла бы ты в глубокую задницу, - попросил Тим и бросил трубку на рычаги. Снял ее и положил на стол. Налил и выпил. Встал, глотнул воды из чайника. Прodelал несколько замысловатых пассов руками, будто оглаживая свое тело. Застыл в странной расслабленной стойке, будто готовясь к рукопашному бою. И неожиданно легко "щелкнул".

Кухня окрасилась во все цвета радуги. Разной интенсивности, цвета эти пульсировали, текли, переливались. Одни были холодными, другие теплыми, одни гладкими, другие мохнатыми, будто шерстяными - и все были видны. Бездушные на вид предметы ожили и заговорили с Тимом на языке пси.

На этот раз Тим, похоже, "щелкнул" непривычно глубоко, потому что сквозь оконное стекло просочился и подлетел знакомиться дружелюбный бледно-голубой бублик.

Раньше Тим почти не видел эти сгустки материи, болтающиеся в воздухе по каким-то своим делам. Тим подставил ладонь. Бублик деликатно на нее спланировал, посидел несколько секунд, ерзая, будто устраиваясь поудобнее, - и вдруг в руку провалился, растворившись в ауре человека. От неожиданности Тим слегка вздрогнул и из-за этого плохо различил пришедшийся, кажется, прямо в сердце легкий укол тепла. На секунду Тим ощутил головокружение, а когда оно прошло, он видел еще лучше. И еще лучше понимал суть происходящего вокруг.

Поэтому он напрягся, когда прямо в кухню ударила синяя молния. И отлетела от Тима, словно тот был резиновый, уходя рикошетом в коридор. "Так вот отчего среди ночи тебя иногда словно пронзает током и пробирает дрожь! - догадался Тим. - Надо же!"

Он закрыл глаза и осторожно пошарил руками вокруг головы. "Проклятье!" На ощупь это было похоже на вмятину в ауре. "А вот еще одна. Значит, я не ошибся. Кто-то пытался меня "пробить". Но кто, и зачем ему это нужно? Не понимаю. В любом случае это может быть опасно. Среди московских сенсов достаточно сумасшедших, и вполне мог объявиться какой-нибудь маньяк, которому нравится бодать остальных.

Но до чего же, гад, силен! Я ведь мальчик крепкий, а он вот как меня ушиб... И расстояние! Не сидит же он в соседней квартире..." Тим массировал ауру головы и терялся в догадках. "Допустим, меня ударил кто-то чужой. Интересно, он сам нагнал мне этот кошмарчик с вервольфом или я просто во сне сопротивлялся и подсознание мое стало бить тревогу? Спасибо тебе, конечно, дорогое подсознание, что разбудило. Но уж больно ты у меня крутое. Вытолкнуло из себя такой ужас... А ведь действительно, я очень боюсь вервольфов. Просто-таки до судорог. Какое счастье, что их, кажется, не бывает!.. Ну, похоже, хватит".

Чтобы проверить контроль, Тим последовательно "отщелкнул" на несколько менее сложных уровней, наблюдая, как беднеет гамма тонких излучений и блекнут цвета.

Дольше всех не сдавалось красное электричество в проводах. Тим удовлетворенно крякнул, вылил в себя остатки водки, снова запил ее водой из чайника и задумался, не соорудить ли яичницу. После работы ему всегда

хотелось есть.

Через несколько минут, когда пять яиц весело шкворчали на сковородке, Тим вспомнил про телефон. Шагнул к столу, и его здорово шатнуло. Рассмеявшись, Тим положил трубку на место и крепко выругался. Потому что зуммер тренькнул снова.

На этот раз в трубке надрывно рыдали.

- Перестань, - сказал Тим брезгливо.

- Тимочка... Прости меня, пожалуйста... Я ничего с собой не могла поделывать. Ты меня так расстроил... - Я тебя не расстраивал. Я просто от тебя ушел.

- Не говори так, пожалуйста! Не говори...

- Я тебе объяснил, что нельзя поднимать на меня руку? Объяснил или нет?

- Тима, ради бога!

- Один раз я стерпел. Но во мне что-то сломалось, понимаешь? Я думал, это вернется, но... Вышло иначе. И вообще дело не в том, что тебе понравилось меня лупить по морде. Просто между нами все кончилось уже давным-давно. А я ждал чего-то, ждал... Напрасно.

- Тима, ради всего святого, ради всего, что нас связывает, ради нашей любви... - Нашей любви уже нет, - сказал Тим жестко и выключил под сковородой газ. Язык у него слегка заплетался. На душе было легко и приятно. Чувство освобождения от крепких уз оказалось поначалу горестным. Позади оставалась привязанность такой глубины, что на разрыв ушел почти год. И столько сил, что, казалось, впереди уже не будет ничего. А теперь Тим верил, что жизнь еще только начинается. Он тщательно проанализировал роль спиртного в охватившем его облегчении. И нашел, что водка тут ни при чем. Он стряхнул с себя эту женщину с прекрасным лицом и душой, полной злобы. Окончательно. И постарается больше не иметь дела со злыми людьми.

- Тима, любимый мой, единственный!

- Прощай, Наташа. Надеюсь, мы больше с тобой никогда не увидимся, - сказал Тим.

И прежде, чем положить трубку, совершенно искренне добавил:

- Будь счастлива.

Потом он отключил телефоны. Съел яичницу, налил себе еще чуть-чуть, включил музыку.

Снова "щелкнул" и пошел к окну знакомиться с бубликами.

***

На ступенях факультета журналистики курили редкие гости - Зайцев и Смолянинов.

- Что нового в Чернобыле?

- Вот этот сапог, левый, - сказал Смолянинов, пожимая Тиму руку, - каждый день мою с мылом. Не в ту лужу наступил. Ой, пардон! - И он нырнул в двери вслед за входящей на факультет юной особой выдающихся форм.

- Ему там отличный дозиметр подарили. - Зайцев ловким щелчком выстрелил окурочек в урну. - Думаем покататься по городу, составить радиационную карту Москвы.

Растянем на десяток публикаций.

- Зайчик, - сказал Тим. - Как там дела с той лабораторией, на которую

я тебя навел? Ты не ездил?

- Ездил. Слушай, ты сам-то в это дело веришь?

- Фотографии видел?

Зайцев рассмеялся.

- Прости меня, пожалуйста, но ты очень доверчивый. Тим почесал в затылке. Зайцев был теплый, пушистый и доброжелательный. И недоверчивый. Больше года он вел в газете еженедельную рубрику, посвященную слухам. Сам их находил, сам проверял и, как правило, опровергал. Тут станешь недоверчивым, черт побери!

- Знаешь что, Заяц, - предложил Тим. - Давай к этому делу отнесемся профессионально. Допустим, это чистой воды утка. Но на этой утке можно сделать имя. Можно на весь Союз прогреметь. А что потом будет - наплевать.

Теперь в затылке почесал Зайцев.

- Пусть нас потом опровергает хоть Академия наук, - продолжал Тим. - А народ вполне готов скушать историю про тонкие излучения. В экстрасенсов люди верят?

Верят.

- Ну, здесь же не экстрасенсы. Здесь попытка создать аппаратуру, имитирующую их способности.

- Ты пойми такую вещь, старина. Сегодня в наш обиход вошла микроволновая печь, которая волшебным образом вскипятит тебе суп в коробке из-под ботинок. И это никого не удивляет. Люди даже понять не пытаются, как она работает. А группа Понынина строит все свои генераторы на том же принципе. Только частоты другие.

- Странный тип этот Понынин, - пожаловался Зайцев.

- Да он просто очень сильный биоэнергетик, - не удержался и ляпнул Тим. И чуть язык не прикусил. Потому что Зайцев бросил на него косой взгляд. - Олечка, ты совсем экстрасенсов не воспринимаешь? - спросил его Тим сочувственно.

Зайцев поморщился.

- Слишком много шарлатанов, - сказал он. - Слишком много фокусников. Сплошь обманщики. И очень часто - не злонамеренные, а просто со сдвигом по фазе. Они в первую очередь себя обманывают.

- Ладно. Что сказал Гульнов по этому поводу?

- Сказал, будем думать. Поедешь со мной в редакцию? Ты все сдал на сегодня?

- Я все сдал навсегда, - ответил Тим. На лицо его вдруг легла тень. Он достал из кармана зачетку и по красивой высокой дуге послал ее точнехонько в урну.

Зайцев ловко поймал зачетку на лету. Тим закусил губу и отвернулся.

- Не могу здесь больше, - пробормотал он. - Здесь все ложь от начала до конца.

На весь факультет два нормальных журналиста. Остальные не практикуют уже много лет или выдают такое, что уши вянут и глаза слезятся. Надоело мне.

Зайцев открыл зачетку и перелистал ее.

- Я Эту сессию сдал, принципиально не готовясь ни к одному экзамену, - сказал Тим горько. - И всего две тройки. Здесь всем на все наплевать, понимаешь?

Единственные, кто болеют за свой предмет, - это крепкие и твердые ленинцы.

Партийно-советская печать и история КПСС. Зайцев протянул ему зачетку.

- Оставь хотя бы на память. Все-таки это три года жизни.

- Если считать армию, то все пять, - вздохнул Тим, неприязненно разглядывая зачетку издали. Помялся и взял. - Ты знаешь, я о двух годах в армии сейчас жалею меньше, чем о трех годах на факультете. Допустим, последний год я почти не ходил - но все равно... - Поедем, - сказал Зайцев. - Узнаем, что Гульнов надумал.

- Он осторожный, - вздохнул Тим.

- Он умный, - сообщил Зайцев наставительно. - И опытный. Он нам объяснит, как все сделать, чтобы не подставиться.

- Я ни в чем не убедил ни его, ни тебя. - Тим вздохнул еще горше.

- Тима, ну ты подумай! Мало доказательств! Мало же! Раскопаем что-нибудь серьезное, и тогда... Тим "щелкнул". И Зайцев стал таким, какой он есть, - крепкое, прочно стоящее на ногах, очень надежное образование желтых и оранжевых тонов. Через двор факультета пролетело несколько синих грушевидных сгустков. Один из них завис над памятником Ломоносову и принялся зачем-то его изучать. Синие груши Тима не интересовали. Не получалось у них взаимности. Тим "принюхался" к Зайцеву.

"Хороший парень Заяц. На него и смотреть приятно, а уж "нюхать" - как это биоэнергетики называют то, что я делаю сейчас, - вообще одно удовольствие.

Только вот левая почка слабовата. Ну, это мы поправим. Заслужит пусть сначала".

Тим переключился в нормальный режим.

- Ты о чем задумался так глубоко? - спросил Зайцев. - Оставь, старик, ей-богу... - Поехали в редакцию, - сказал Тим. - Вздрючим твоего начальника как следует.

- Ты только на него слишком не наезжай. Он знает, что делает.

- Я тоже, - сказал Тим. И в сотый раз глубоко вздохнул.

***

- Откровенно говоря, я не очень-то силен в физиологии, - признался Тим. Сейчас он работал, но в последние месяцы это уже не мешало ему общаться. Он стал гораздо сильнее и с каждым днем все изощреннее пользовался своим даром.

Его рука мягко оглаживала живот пациентки на расстоянии нескольких сантиметров от тела. "Может быть, скоро я научусь обходиться без рук, - подумал Тим. - Только бы не распугать клиентуру. В экстрасенса, который совершает загадочные пассы, люди еще способны поверить. А если ты просто напрягся и сидишь как изваяние, то это уже черт знает что такое".

- Как это? - удивилась женщина.

- Ну... Я, конечно, знаю, что у вас две почки и они находятся ближе к спине.

Печень, одна штука, вот тут где-то недалеко, в животе. Ну, сердце. Тоже одна штука. Ну, женские дела... Хотя тут-то я почти эксперт. В том, как эта система функционирует, я хорошо разбираюсь. И приведу ее в порядок, не сомневайтесь. Но это для вас так просто - печень, сердце, почки, придатки... А для меня совсем не так.

- А что же вы видите?

- Знаете, сложно описать. Человек очень непростая структура. Вот представьте себе пишущую машинку. Казалось бы, какие дела - бац по клавише, буква пропечаталась. А на самом деле одна-единственная эта клавиша приводит в действие три цепи, у одной из которых к тому же самостоятельный привод. И попробуй разберись. Вы ведь почувствовали в целом облегчение после того сеанса?

- Да, Тимофей, это было так замечательно...

- Вот видите... Да, я сконцентрировался на вашей конкретной проблеме. Но я не мог не воздействовать на все системы в целом. Кроме того, когда одному органу полегчало, организм смог больше сил бросить на то, чтобы подтянуть остальные.

Много тут всякого разного переплелось. А я-то всего-навсего пытаюсь научить вас быть нормального цвета.

- Цвета? Ой, Тимофей, а какая я?

- Разных оттенков желтого и оранжевого. Потом, эти цвета разной интенсивности и разные на ощупь. Как у большинства людей. Но это только на мой взгляд. Я подозреваю, что у каждого биоэнергетика своя палитра. Мы все очень разные. И вообще, я не хотел бы оказаться в одном ряду с другими. Я с ними и не общаюсь почти. И сам не афиширую то, что я - сенс.

Тим оторвал руку от пациентки, слегка потряс кистью в воздухе, прижал ладони к глазам и неспешно, через все уровни пси-восприятия, начал спускаться к обычной жизни. Секунд через десять он уронил руки на колени, открыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

- Нормально, - сказал он. - Теперь жду вас в четверг, в то же время. Еще два-три сеанса, и все.

- Спасибо вам большое, - сказала женщина, садясь и застегивая кофточку. На Тима она смотрела почти с благоговением.

- Потом, - отмахнулся Тим. - Вот когда родите крепкого здорового мальчика, тогда милости просим ко мне с цветами и коньяком. А пока лучше деньгами.

- Мальчика? - удивилась женщина. Тим смутился.

- Не знаю... - пробормотал он, отводя взгляд. - Столько я всего чувствую, что иногда сам удивляюсь. Не знаю. Похоже.

Женщина рассмеялась и вдруг протянула руку и провела ладонью по его пышной темно-коричневой шевелюре, спадающей до плеч.

- Мне все равно, - сказала она мягко. - Лишь бы получилось. Мы с мужем так хотим ребенка... Ох, храни вас Господь, Тимофей, от таких проблем. Хотя вы-то справитесь, наверное... - Как знать... - Тим окончательно смутился. - Я тоже не всемогущ. Да, я буду расти, учиться, совершенствоваться, но природа тоже не стоит на месте. Она с каждым годом портится. Тут мне один иглотерапевт жаловался, что в последние годы в Москве что-то изменилось. Он убежден, что его терапия перестала быть такой эффективной, как раньше. Симптомы она снимает по-прежнему хорошо, но саму болезнь уже не лечит. Я думаю, это очень серьезное предупреждение для многих, и для меня в том числе.

- Воздух грязный? - спросила женщина, открывая сумочку.

- Все грязное, - вздохнул Тим, принимая деньги. - Спасибо. Воздух грязный, вода, пища... По мне, так самое страшное, что мысли у людей грязные. Кстати, о грязи.

Если все получится, рожать постарайтесь за границей. Или подыщите себе заранее что-нибудь надежное здесь.

- Сейчас многие дома рожают...
- А реанимация у вас дома есть?
- Ну, Тима, это вы уж... Ой...
- Да нет, что вы! Нет же! Все у вас будет нормально. Но случаются же непредвиденные обстоятельства, понимаете? Ну, не знаю... потолок рухнет. Женщина рассмеялась.
- Я поняла, - сказала она. - Но на этот случай я вас приглашу, Тимофей.
По-моему, вы лучше, чем реанимация. Во всяком случае, мне рассказывали... - Врут! - отрезал Тим и почувствовал, что краснеет.

***

Тряся головой, как эпилептик, Тим стоял посреди тротуара и пытался отогнать наваждение.

Он никого не трогал, ничего особенного не предпринимал. Ему просто нужно было зайти к Рябцеву и поговорить с ним. Но вот уже третий раз за полтора часа Тим, словно впадая на какое-то время в забытие, проходил мимо и удалялся по меньшей мере на два квартала от нужного ему дома.

Сейчас он застрял в километре от искомой точки и больше приближаться к ней не хотел. Где-то неподалеку проходила та невидимая граница, за которой сознание Тима мутилось, и будто какая-то мягкая рука отталкивала его в сторону, заставляя уходить с маршрута вбок.

Тим закурил и тоскливым взглядом обвел улицу. Ему не было страшно. Он ведь не галлюцинировал, не ощущал беспочвенного ужаса. С ним просто творилось что-то не то. Творилось в реальности и наводило на очень неприятные размышления. Он шел на встречу с необычным человеком, и метод, которым этой встрече кто-то пытался воспрепятствовать, тоже оказался из ряда вон... Владимир Владимирович Рябцев был шизоид и экстрасенс. Большинство коллег по цеху шарахалось от него, как от чумного. Считалось, что Рябцев своими бредовыми идеями дискредитирует концепцию целительства. Он часто вел себя как псих, а практикующие сенсы вовсе не хотели казаться психами, они хотели, чтобы их принимали за врачей.

Когда-то Рябцева уважали и побаивались. До того, как у него стали возникать навороченные и детально проработанные бредовые концепции, он многое успел сделать. В частности, был одним из основателей "Центра Новой Медицины", где в свое время "повышал квалификацию" Тим. Он как раз тосковал на одном из семинаров, когда в дверях возник Рябцев. Отодвинув преподавателя, своего бывшего ученика, Рябцев царственно взошел на трибуну и выдал полчаса такой лихой пурги, что слушатели только ушами хлопали. Тогда-то Тим и заинтересовался. Острый журналистский нюх подсказал ему, что Рябцев - это находка. Тим уже слышал историю о "поехавшем" сенсе, который отошел от дел и вплотную занялся борьбой с мировым злом. В частности, ему рассказывал о Рябцеве Олег Зайцев. Владимир Владимирович нуждался в рекламе своих идей и просто задолбал отдел науки звонками с рассказами о том, как повлияло на историю человечества вмешательство сверхцивилизации из планетной системы альфы Большого Пса.

Крепкий дядька лет пятидесяти с удивительно добрым, лучистым и искренним взглядом, Рябцев нес с трибуны крутой бред. Он излагал собственную теорию возникновения жизни на Земле и объяснял, что НЛО -

земного происхождения и работают на японскую разведку. Еще он сокрушался по поводу того, что все евреи - марионетки в руках КГБ, а армянская нация имеет давние и прочные традиции скотоложства.

Преподаватель трусливо бежал. Рябцев проповедовал. Собравшиеся в зале молодые сенсы обалдевали, не знали, что делать, и время от времени судорожно "щелкали".

Тим тоже "принюхался" к Рябцеву и увидел ярко светящееся нечто. Этакую звезду, из которой энергия так и хлестала во все стороны, и конца-края энергии не было.

По собственным заверениям, Рябцев черпал ее прямо из Матери-Земли, с которой состоял в каких-то непростых отношениях.

Наконец Рябцев уgomонился, призвал всех быть добрыми и бескорыстными, нести свет просвещения в массы и бороться с японской разведкой. Группа с облегчением бросилась врассыпную. А Тим задержался.

За свою довольно обширную журналистскую практику Тим успел пообщаться со многими не вполне здоровыми людьми. Поэтому японская разведка и бедные евреи Тима не смутили. Рябцев интересовал его как носитель информации. В бредовой лекции проскочило слово "психотроника" - термин, который заставил Тима вздрогнуть... ..На улице зажглись фонари. Тим затоптал сигарету и бросил взгляд в ту сторону, куда хотел добраться. Голова мгновенно закружилась. "Нет, хватит с меня..." Наверное, ему все-таки следовало испугаться. То, что он сейчас испытал на себе, опытные люди называли "вождение". И Тим еще легко отделался - его просто не пускали туда, куда он шел. А некоторым "водимым" случалось и лоб разбить о стенку, двигаясь по улице в состоянии наведенного извне транса.

Но страха Тим по-прежнему не чувствовал. Измененное состояние, навязанное ему кем-то со стороны, затормозило его реакции. Тим просто хотел освободиться, снова быть себе хозяином. А для этого следовало как можно дальше уйти от запретной территории.

И крайне желательно - выпить пива... ..Общество сенсов, как и любой замкнутый профессиональный клан, породило свои мифы и легенды. Не только прикольные байки, но и настоящие "ужастики". О том, например, что проклятые коммунисты заказали технарям из КГБ разработку аппаратуры для дистанционного контроля над человеческой психикой. И со дня на день пустят ее в дело.

Не самый беспочвенный страх. Еще в пятидесятые годы французы выдумали систему подавления на низких частотах - инфразвуковое оружие. Говорили, что при достаточной мощности эта штука отслаивала человеку мясо от костей. Американцы, применяя какую-то сложнейшую психотехнику, создавали людей с многослойным сознанием, когда в одном теле уживались две-три личности. Но самые интересные вещи шепотом говорили про наших. Мол, в тайных лабораториях КГБ давно уже построили жуткую машину, безмерно усиливающую возможности оператора-сенса. Эта техника может на расстоянии остановить тебе сердце. А может и подчинить тебя, превратив в... Тут чаще всего раздавалось слово "зомби".

Тим слушал эти рассказы, морщась. Его всегда коржило от неверного употребления терминов. И над словом "зомби" он хихикал. Хотя определение "биоробот" было еще глупее. Но оба они постепенно входили в обиход. И все чаще осмелевшие от водки сенсы несли какую-то чушь про зомбированных агентов КГБ, шляющихся по московским улицам, и таинственные смерти людей от остановки сердца во сне.

Тим догадывался, почему легенда так живуча и занимает умы коллег. Дело в том, что, согласно каноническому тексту легенды, операторами в "Программе "Зомби" тоже работали сенсы. Таинственная аппаратура не подчинялась обычному человеку.

Оператором мог быть только сенс. А это означало, что все сенсы с их невинными шалостями типа целительства и биоэнерголокации, за которые пока никого не посадили, вдруг оказывались под колпаком у "органов". И если аппаратура действительно существует, то однажды сенсов возьмут в оборот. Половину для острастки посадят, а другую навечно поставят "к станку". Естественно, ни одному нормальному сенсу оказаться ни в той, ни в другой половине не улыбалось.

Особенно их раздражало, что сумасшедших вроде Рябцева вербовка не коснется.

Потому что Рябцев в принципе неуправляем. Некоторые, правда, надеялись, что его все-таки тоже посадят.

Несколько раз Тима отзывали в уголок на традиционных вечеринках после семинаров в "Центре" и спрашивали, не слышал ли он что-нибудь о "Программе "Зомби".

Журналист все-таки. Тим не слышал. Тогда ему бросили в почтовый ящик странный документ. Некто Бандуров, якобы бывший политзаключенный, человек явно со сдвигом на сексуальной почве, описывал на трех страницах машинки, как ему в голову внедрились загадочные "голоса", подавили его волю и принялись крутить им, как хотели. Тим подумал, что от этой-то бредятины легенда и пошла. Он спустил документ в унитаз, но какой-то осадок в душе остался.

И этот осадок всплыл, когда Рябцев походя использовал термин "психотроника".

Название мифической науки о техническом моделировании паранормальных способностей человека... ..В пивной оказалось на удивление тихо и просторно. Тим без труда нашел посуду, разменял деньги, протолкался к автоматам, налил себе три кружки, нырнул за угловой столик и жадно припал к разбавленному, но все равно вкусному напитку.

Первую кружку он опорожнил секунд за десять. Вторую пил смакуя, с расстановкой, чувствуя, как сдавивший разум железный обруч распускает тиски. Третью кружку Тим затолкал в себя с усилием. И понял, что все - отпустило. Он сорвался с крючка.

Пивное опьянение частично парализовало центр контроля в мозге, и кто-то чужой, "державший" Тима через этот центр, мог теперь дергать за ниточки сколько угодно.

Тим окосел и был свободен. Теперь ему просто захотелось все спокойно обдумать, и он пошел за добавкой.

Вернувшись к столику, он обнаружил за ним высокого худого человека с изможденным лицом и ослепительно горящими глазами. Тим сразу понял, что это за птица, но по инерции сунул кружки на стол. А блокироваться уже не успел, потому что худой поймал своими прожекторами его взгляд. И не отпускал.

У Тима подогнулись колени, и он тяжело облокотился о стол. На такую наглую, хамскую откачку энергии он нарвался впервые. С огромным усилием ему удалось выстроить перед собой невидимый барьер, и энергетический "ствол", установленный худым, закрылся.

- Ну и сука же ты! - пробормотал Тим, отдуваясь. - Тебе не стыдно, а? Как так можно?

Худой противно хихикал, сверля Тима полубезумным взглядом.

Тим судорожно цеплялся за край стола, с трудом удерживая себя на ногах. Больше всего ему хотелось упасть и потерять сознание.

- Ладно, - сказал худой. У него оказался высокий скрипучий голос. - Ты извини.

Откройся...

Тим подумал, что хуже не будет. Он расслабился, посмотрел худому в глаза и почувствовал, что энергия пошла обратно. В Тима упругими толчками вливались жизненные силы.

Худой явно добавил ему здоровья и от себя, потому что Тима затошнило. Он отлип от стола и бросился в направлении туалета.

Когда Тим, утираясь рукавом, вернулся, худой меланхолично прилебывал из его кружки.

Тим "щелкнул". Да, он не ошибся. Перед ним был обычный сумасшедший экстрасенс, каких в Москве полным-полно.

- Ну и зачем все это было? - спросил Тим агрессивно.

- Соскучился, - признался худой. Он отставил пустую кружку и взял следующую. - Давно я не видел таких, как ты... А потом, я ведь тебя узнал. Мы с тобой встречались. В Древнем Египте.

Тим со вздохом придвинул к себе последнюю кружку и осторожно сделал несколько глотков.

- Ты не беспокойся, - утешил его худой. - Все у тебя будет хорошо, я знаю. Жить ты будешь долго и много будешь мучиться. В смысле - морально... - Ну, спасибо, - процедил Тим.

- Главное - не забывай, что мы должны, - сказал худой и ярко сверкнул глазами исподлобья.

- И что же мы должны? - хмыкнул Тим.

- Пауков давить! - неожиданно яростно высказался худой.

- Кого?!

- Пауков! Кагэбэшников!

- А-а... - Тим достал сигареты, и худой тут же к ним потянулся. Тим подвинул ему спички. Чем-то этот псих его привлекал.

- Я уже не могу, - сказал худой, выпуская колечками дым. - Они меня сломали. А ты - можешь.

- Не похоже, чтобы тебя сломали, - заметил Тим.

- Не похоже?! - рассмеялся худой. Он придвинулся к Тиму и, глядя в его лицо, спросил:

- А тебя когда-нибудь в жопу ё.. ли?

- Ой... - Тим инстинктивно отодвинулся.

- А меня ё...ли, - сказал худой. - Мылом жопу мазали и ё...ли.

- Кто? - машинально спросил Тим.

- А мальчики-педерастики. На зоне. Вот так-то. Я за это, - худой ткнул пальцем себе в переносицу, - сел. И они меня там... Ф-фух!

- Что значит - за это?..

- Незаконная врачебная практика. Колдуном меня выставили. Понял?

- А, вот ты где! - раздалось откуда-то сбоку. Тим оглянулся. К столику приближались, слегка пошатываясь, двое мужчин средних лет.

- Привет! - сказал Тиму один из них, усатый, потный от выпитого, в распахнутой настежь куртке. - Ну что, - он повернулся к худому. - Пошли! Мы тебя и так уже полчаса ищем...

- Да я тут, вот с парнем разговорился...

- Ага! - рассмеялся усатый, бросая взгляд на Тима. - Разговорился! Да

мужик от тебя уже ох...ел! Ты посмотри на него!

Худой равнодушно пожал плечами.

- Ладно, - он снова повернулся к Тиму. - Ты только не забывай. Ничего не забывай. И делай, что должен. Все у тебя будет... -...Хорошо! - закончил за него фразу усатый, взяв худого под руку. - Пошли!

- Пошли! - согласился худой, позволяя увлечь себя к выходу. Сделав шаг, он обернулся.

- У тебя все получится, - сказал он Тиму. - Я вижу. Ты - то, что надо. Тонкая душа и стальное сердце. Никого не жалея. Только сделай, что должен... - И его уволокли.

- Браток, - обратился к Тиму второй из подошедших, мучительно пытаясь сфокусировать на Тиме взгляд. - Ты его извини, ладно? Он классный мужик, просто еще не привык здесь... - Да все нормально, - кивнул Тим.

- Ну, и отлично, - его собеседник повернулся, чуть не потерял равновесие, но взмахнул руками, удержал себя от падения и двинулся зигзагом на выход.

Тим сжал ладонями виски. Только сумасшедшего биоэнергетика со странной проповедью ему не хватало для того, чтобы совершенно обалдеть.

Он слишком много думал в последнее время о том, о чем не должен был бы задумываться. Ни как журналист, ни как сенс, ни как просто человек. А теперь он познакомился с "вождением" и тут же получил странный намек, который можно было понять только как предупреждение.

И вот тут-то ему стало по-настоящему страшно. Теперь он ненавидел себя за то, что подошел однажды к Рябцеву и оказался в самом эпицентре конфликта, сути которого до сих пор не понимал...Полтора часа в пустой аудитории он говорил с Рябцевым, греясь в потоках света и тепла, струившихся из этой странной, но удивительно симпатичной личности. Тем не менее голова у Тима под конец разболелась из-за необходимости постоянно "фильтровать базар". Но в итоге Рябцев пообещал свести Тима с неким Польшинным, в лаборатории которого Тим увидит очень много интересного.

Через неделю Тим побывал у Польшина и действительно увидел такое, что кинулся в газету, прибежал в отдел науки и уговорил Олежку Зайцева сходить посмотреть.

И тут события начали развиваться лавинообразно. Некто чужой попытался атаковать и "пробить" Тима. Зайцев и заведующий отделом науки Володя Гульнов рассказали Тиму, чисто по дружбе и в порядке хохмы, что в газету приходят странные письма от людей, которые уверяют, будто их сознание кто-то хочет подчинить.

А потом Тиму позвонил Рябцев. Он сказал, что в гостинице сидит одна женщина, приезжая, издалека, которая остро нуждается в разговоре с журналистом. Тим отнекивался, но Рябцев мог затрахать мертвого. Тим пришел, увидел эту женщину, задал ей несколько вопросов и навсегда проклял тот день, когда решил познакомиться с Рябцевым.

***

Хозяева называли ее Эфа. По первой букве ее настоящего имени - Ф. Однажды поздним вечером, увидев за окном яркое свечение, она выглянула наружу в полной уверенности, что мимо пролетает НЛО. Окраина города, местность пустынная. Машины внизу она уже не заметила. Так же, как и приборов, которые появились в квартире одинокой женщины на следующий

день. Они показались ей чем-то совершенно естественным и стали неотъемлемой частью ее жизни на долгую тысячу дней.

А тогда, в момент первого контакта, была только нахлынувшая вдруг страшная подавленность и непреодолимое желание спать. Утром, по пути на работу, она впервые услышала странный звук и почувствовала нечто, что тоже вскоре стало привычным. Ощущение было потрясающее, словно летишь на крыльях. Исчез вагон метро, и был только мелодичный гул в голове, по волнам которого уносишься далеко-далеко. А потом раздались человеческие голоса.

Конечно, она собралась к психиатру. Но что-то остановило ее на полпути. Она трезво оценила ситуацию: вот является к доктору одинокая некрасивая тетка сорока трех лет... И вернулась. А ее бы и так не пустили. Все должно было оставаться по-прежнему - тихая, спокойная жизнь, работа. Никаких изменений хозяева не хотели. Они вели эксперимент.

Их было несколько, один - главный. "Зови меня Черт", - сказал он. У них сложились очень хорошие отношения, у хозяев и их кролика. Эфе объяснили: эксперимент грандиозен, и то, что именно она выбрана в качестве объекта, делает ей честь. И Эфа была довольна.

Приходя домой, она усаживалась напротив телевизора и разговаривала с Чертом, глядя в темный экран. Вместе они мечтали, как все изменится в мире, когда эксперимент закончится. Когда вся планета научится обмену информацией на биоэнергетическом уровне. Когда все станут телепатами. И как все от этого будут счастливы.

Была ли счастлива она сама? Пожалуй. Впервые за долгие годы ее жизнь оказалась полной смысла. Хозяева воспринимались ею как друзья, товарищи по ответственной работе на благо всей Земли. Она безошибочно отличала голос Черта от других и любила с ним общаться. Он был шутник. Посылал ей поцелуи, рассказывал анекдоты.

Черт не делал скидки только на одно: он совершенно не думал о том, насколько изнашивается нервная система биоробота.

Или, наоборот, хотел это выяснить?

Игра продолжалась три года. За это время хозяева продвинулись очень далеко. Они внушали Эфе, что хотели, и она воспринимала их желания как собственные. Приказ не выглядел приказом: объект просто знал, что должен сделать то-то, не ощущая вмешательства в свою жизнь. Но жизнь эта объекту уже не принадлежала.

Тем временем напряжение в психике объекта росло. Сбой в программе возник осенью 1988 года. Контроль ослаб. Черт перестал активно вмешиваться в дела робота. И Эфа начала критически осмысливать реальность. Нет, она по-прежнему любила Черта.

Но в ее душе угнездился страх. Она поняла, насколько велика была власть хозяев над ней. И решила во всем разобраться.

Возможно, Черт задумал проверить, воспримут ли Эфу всерьез. Или хотел на нее "поймать", как на живца, сильного биоэнергетика. Так или иначе, Эфа уже не была роботом. Хотя убежденно говорила по-прежнему, что эксперимент не несет в себе зла. Но появилась одна странная особенность в ее поведении. Некий инстинкт гнал ее в Москву, к центральной лаборатории Черта, местонахождение которой ей не сообщали. Но Эфа довольно четко ощущала направление. Северо-запад.

Приехав в Москву, она начала звонить во все доступные места и спрашивать, что ей делать. В редакциях газет вешали трубку. Тогда она

занялась ведомствами, пытаюсь узнать, где могут идти работы, хотя бы смежные по тематике. Разумеется, впустую.

Тогда Эфа призвала на помощь экстрасенсов. Приходило несколько человек, но, по их свидетельству, вокруг Эфы был непроницаемый для них заслон. Кроме того, они крайне неуютно чувствовали себя в одной комнате с ней.

Черт посмеивался и отпускал ехидные замечания. Шевелил занавесками в гостиничном номере, бряцал посудой в холодильнике. Пробовал вышибить стулья из-под гостей Эфы. Забросил на оконный карниз третьего этажа маленького чертика, сплетенного из куска телефонного кабеля. И не давал комментариев.

Но когда пришел Тим, Черт сказал: "Ты связалась-таки с прессой, это интересно.

Посмотрим". Эфа рассказывала Тиму свою историю, периодически обращаясь к Черту за уточнениями. Он иногда отвечал, иногда нет. Потом вдруг ляпнул:

"Дура ты, дура, а стоишь миллион".

Тим ушел, а Рябцев остался. "Мы тут еще поболтаем", - сказал он. Тим кивнул и вышел на холод, размышляя, как это его угораздило забыть диктофон. Никогда раньше с ним такого не случалось.

Впрочем, он запомнил все очень хорошо. Особенно - то, что увидел, "щелкнув". Это было так необычно, что за время беседы он "щелкал" трижды. Но видел все то же - размытое угольно-черное пятно. Мягкая, чуть шершавая фактура поверхности. Слабо шевелящиеся края. Один раз Тиму показалось, что пятно выдвинуло щупальце в его направлении. Он было напрягся, но ложноножка втянулась обратно. При воспоминании об этом эпизоде Тима передернуло и он плотнее запахнул пальто. Холод. Холод шел от этого пятна по имени Эфа. Кошмарный холод.

***

- Привет! - позвал голос.

Тим вздрогнул, открыл глаза и в ужасе сжался в комок. Он еще не успел по-настоящему заснуть, только-только начал задремывать, и голос расслышал очень хорошо. "Проклятье! Многие вполне нормальные люди, оставшись в тишине и одиночестве, слышат потусторонние голоса. Наша психика не любит тишины и пустоты и старается вакуум заполнить. Со мной так бывало. Я всегда мечтал отгородиться от людей, залезть в нору и там притихнуть. Не пугали меня такие голоса. Но этот... Вот чертовщина!"

Тим "щелкнул" и внимательно осмотрел комнату. Никаких аномалий. Вроде бы... "Ого! Как это я проморгал? Да нет, раньше я просто был слабее и таких вещей не мог разглядеть. Однако, крут становлюсь... - Тим свесился с кровати. На полу отчетливо проступали голубые линии. В глубине сознания Тим аж рот открыл и язык высунул от восторга. - Надо же, не врут люди! Вот они, силовые линии, вот она, сетка энергетического поля, которой покрыта вся Земля. И идут полосы точно перпендикулярно друг другу, слегка пульсируя в местах скрещивания. Как по учебнику - прямоугольники, где-то два на два с половиной метра. Хорошо, что комната большая и все отлично видно".

Тим напрягся и увидел еще больше. Возможно, ему показалось, но он разглядел, что линии не были плоскими - вверх от поверхности земли шли тонкие полупрозрачные стенки. Тим осторожно ткнул одну из стенок

пальцем, но ничего не почувствовал.

Тогда он поднялся с кровати, шагнул к ближайшему "перекрестку" и потрогал его.

"Ф-фу! Жжется. Чуть-чуть, но противно. Недаром на таком перекрестке никогда не ляжет собака. А человек, тупица, ляжет. И никак понять не сможет, отчего ему так плохо спится, и вообще он какой-то никакой. Н-да. Оппаньки!" Тим потряс головой, переключаясь, и почти бегом рванул в кабинет. Несколько минут он сосредоточенно рылся в ящиках стола, пока не нашел то, что искал, - простенькую биолокационную схему квартиры и инструмент, с помощью которого она была составлена. Гнутая под девяносто градусов стальная вязальная спица. "Помню, как хозяин квартиры тогда обалдел..." Взяв карту в руки, а спицу в зубы, Тим вернулся в спальню. "Точно как в аптеке."

Все перекрестки силовых линий, которые я тогда засек, соответствуют тому, что вижу сейчас". Для верности Тим взял спицу и ткнул ею в ближайший перекресток.

Спица чуть шевельнулась. Тим подвинулся, и спица тут же ожила, резво крутнувшись градусов на двести. "А чего я, собственно, проверяю себя? Ну, увидел я эти линии. Подумаешь! Я еще бублики вижу, молнии, груши и шарики. Скоро разгляжу, как бабы голые кругом летают, - и что, это меня удивит? Да нисколечко".

Тим присел на кровать и задумался. "А ведь по делу я разволновался. Ни про груши, ни про шарики, ни даже про голую бабу ни в одной книге не сказано. И ни один биоэнергетик мне про них не говорил. Так что это мое личное дело. А вот про силовые линии черным по белому прописано в учебнике практической биолокации.

Так, мол, и так, ячея два на два с половиной, геопатогенные точки в местах скрещивания, лучший инструмент выявления - спица из стали. Про остальное я читать тогда не стал. Я же лекарь, народный целитель, трамтарарам. Меня именно геопатогенные эффекты и волновали... Черт! И все-таки, про голых баб. И про летающие тарелки. Положим, сегодня я увидел сетку. А что я увижу завтра? Это ведь может оказаться что-то совершенно запредельное. Не спятить бы".

- А пойдем-ка, брат, отметим это Дело! - провозгласил Тим, встал и направился в кухню. И только открыв дверь холодильника, обнаружил, что все это время уверенно двигался и отлично видел в кромешной темноте.

***

В лаборатории Полынина было непривычно шумно. Осторожно заглянув в двери, Тим увидел, что весь персонал сгрудился у полынинского стола и наперебой рвет друг у друга из рук какие-то фотографии. Сам Полынин, большой, грузный, седой и какой-то удивительно экономный в движениях, словах и даже интонациях, восседал в кресле и благодушно улыбался. А перед ним прыгал и жестикулировал, что-то объясняя, мелкий и совершенно несерьезный с виду мужичок лет сорока.

Тим шагнул в комнату и осторожно поздоровался.

- А, Тимофей! - Полынин вяло поднял руку. - Заходите. Посмотрите, вам это будет очень интересно.

Лабораторские на Тима едва взглянули и снова принялись за фотографии. Мелкий оживленно потряс Тиму руку. У него оказался пронзительный острый взгляд, как будто он видел все на свете, будто в икс-лучах. И еще в этом

взгляде была усталость.

Тим взял одну из фотографий и обомлел. Он уже видел снимки человеческой ауры, даже бубликов и груш, подманенных на руку оператора. Ему показывали фотографии, запечатлевшие излучение пачки сигарет и черномыльской картошки, и получившееся случайно изображение лаборанта, стоявшего за запертой дверью. Здесь насобачились делать такие вещи, о которых прогрессивное человечество и не подозревало. Но это делали именно в лаборатории, намеренно, продираясь трудными путями, надрываясь и кричтя. И качество изображения было, как правило, более чем поганое.

А фотографии, которые принес мелкий, отображали вполне нормальные интерьеры и пейзажи. Немного не в фокусе, но гораздо лучше, чем у Польшина. И в этих пейзажах и интерьерах всюду резвились шарики.

- Вот, - показывал мелкий, подпрыгивая от возбуждения, - вот двое у меня на плечах сидят, а один на руке устроился. И еще несколько в углу, вот. А тут, смотрите, я ночью крестный ход на Пасху снимал - и сам даже внимания не обратил, а потом гляжу - сидит! Наблюдает!

Действительно, на дереве чуть в стороне от церкви притаился здоровенный шар, размером чуть ли не с футбольный мяч. Яркий-яркий. Тим внимательно обследовал еще один снимок, потом еще. "Чертовски не похоже на фотографический брак. А на ловкую мистификацию похоже. Ну, положим, я уверен, что это не мистификация. Но публиковать такое фото в газете - номер дохлый".

- Виктор Иванович прошлой весной попал под излучение НЛЮ, - вяло сказал Тиму Польшин. - И вот, начал их видеть. А теперь и фотографировать научился. И гораздо лучше, чем мы. Гм-м... - Ох, они мне поначалу жизни не давали! - рассмеялся мелкий. - Как только засекали, что я их вижу, просто чуть не заклевали! Но я им то-оже задал перцу! Не сразу, конечно, непросто это, но разобрался, что к чему, и такое им устроил! У нас теперь вооруженное перемирие.

- Вы уж поосторожнее, Виктор Иванович, не расходуйте себя понапрасну, - попросил Польшин.

- А чего они первые-то?! - возмутился мелкий. Он явно наслаждался общением с людьми, которые ему не просто верят, но еще и хорошо понимают его проблемы.

Внутренне Тим ему кивнул.

- Я тут на днях в поля выезжал, на натуру, - продолжал мелкий. - Календарь мне заказали с видами... А эти полетали-полетали, а потом в кучу сбились, и вдруг, я прямо обалдел, гляжу - летит в небе здоровая черная курица. Предупреждение мне такое... Ничего, они у меня дождутся! Их и тут полно, вон, в коридоре у вас... Сюда не суются, а там прямо роем носятся! Прямо роем!

- Н-да, - протянул Польшин. - Тимофей, вы что-то хотели...

Тим улыбнулся. "Поскольку к фотографиям я особого интереса не проявил, значит, аудиенцию пора заканчивать. У них тут с мелким, видимо, будет серьезный разговор. Ох, до чего же биоэнергетики старшего поколения любят все секретить!"

Инстинкт самосохранения. Ладно, сделаю дело и уйду".

- Вы не знаете, где сейчас может быть Рябцев? Владимир Владимирович? - поинтересовался Тим. - Похоже, его нет в Москве.

Польшин задумался.

- Интересный человек, - неожиданно выдал он фразу, которой Тим совсем не ожидал.

- Его идеи... подчас неожиданны. Но всегда интересны. Я не знаю, Тимофей. Он заходил на той неделе. Но не говорил мне, что куда-то собирается.

Тим кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Спасибо. Я зайду, как только у меня будет для вас обнадеживающая информация.

По такому поводу Польшин даже встал и лениво протянул Тиму широченную ладонь.

Взяв ее в руку, Тим чуть было не "щелкнул", настолько она оказалась теплой.

Мелкий с Тимом попрощался без сожаления. Тим явно не произвел на него впечатления понимающего собеседника. Он был просто вежлив и внимателен - а таких мелкий мог найти сколько угодно в ближайшей психбольнице. И наверняка успел немало повидать к сегодняшнему дню.

Тим "щелкнул" - таки, выйдя на улицу. Польшинская лаборатория долбила в небо рыжим светом, что твой вулкан. На фоне нулевой активности пятиэтажного жилого дома, подвал которого занимали ученые, это было очень красиво.

Тим "щелкнул" глубже, потом еще глубже, потом до упора. Но силовых линий на почве не разглядел. "Похоже, мое восприятие активнее всего ночью, - подумал он.

- Может быть, ведь я "сова". Ярко выраженная. А Польшин ярко выраженный сенс. И тем не менее никогда свой дар не обнаруживает при посторонних. Только однажды я его застучал, когда он ладонью обшаривал какой-то датчик. Но это я, сенс, мог определить, что он его "нюхает". Конечно, вряд ли бы Польшин многого добился, если бы при разработке приборов себя не использовал в первую очередь как прибор".

Тим закурил и двинулся к метро. На ходу он размышлял о том, какая, наверное, у Польшина была непростая жизнь. Сильному экстрасенсу для того, чтобы дослужиться в науке до докторской степени, нужно быть очень сдержанным и волевым человеком.

Природа сенса такая - он хочет использовать свой талант, постоянно тренировать и развивать его. А значит - время от времени его будут на этом Деле засекать посторонние. И тут же пойдет нехороший слухок... "Но ведь он нашел выход", - подумал Тим. Действительно, Польшин оказался достаточно умен, хитер и расчетлив. Он работал в той области знания, в которой, как ему казалось, были корни его паранормальных способностей. Работал успешно. И в итоге получил собственную лабораторию. Собрал вокруг таких же сенсов, только послабее, и начал сооружать технику для локализации подземных аномалий. На радость якобы геологам. "Хотя я-то уверен, - мысленно усмехнулся Тим, - что этот его Институт минералогии, и еще какой-то логии, и чего-то еще - только прикрытие. На военных ты работаешь, Польшин. Не на ГБ, не такой ты человек, я-то знаю, я ведь тоже сенс. Но что-то ты делаешь для генералов, это уж сто процентов. Умница ты, Польшин.

Я только одного не понимаю - зачем ты пошел на контакт с журналистом. Журналисты не любят недосказанностей. А ты постоянно о чем-то умалчиваешь. И на многое намекаешь. Допустим, ты хочешь предупредить об опасности. Но кто мне даст опубликовать твоё предостережение? У меня нет доказательств. Я мог бы их привести, опираясь на свои возможности сенса. Но стоит мне в редакции произнести это проклятое слово - "экстрасенс", и каюк. Ребята видели достаточно шарлатанов и психов для того, чтобы над

словом этим хохотать до упаду. И предложат они мне сходить подлечиться. А показать им красивый фокус я не смогу. Я не фокусник. Я биоэнергетик. Я лечу некоторые болезни, стабилизирую давление и работу сердца, провожу то, что я называю "балансировкой организма в целом". Но я не умею смотреть через стену, внушать мысли на расстоянии и угадывать карты Зенера.

Может быть, пока не умею. А может, и никогда не смогу. И что же мне - как Полынин, всю жизнь прятать свой дар от людей? Вот уж фигурки. Но как именно действовать, я еще не придумал".

Тим остановился у винного магазина и глубоко задумался. В магазине было хоть шаром покати, но у входа околачивались бутлегеры. Тим почувствовал мелкие, с гаденькой пеной, волны интереса, идущие от них.

"Я получил информацию, которая может перевернуть мир. Хуже, чем перевернуть, - сломать, изуродовать. Интересно - окажись в моих обстоятельствах не сенс, а обычный человек, просто нормальный журналист... Посмеялся бы. Или постарался бы как можно скорее все забыть. Как ни крути, а тема - гроб. Такой материал в редакции не просто задавят, а даже затопчут. Вместе с автором.

Но главное - пусть даже спустится с неба архангел и откроет мне "зеленую улицу", - я вообще не уверен в том, что это стоит публиковать.

Сейчас народ газетам верит как никогда. Но информация, которой я собираюсь с ним поделиться, не уместится в головах. И меня поднимет на смех вся страна. А потом тысяч десять-двадцать психов бросится на улицы, крича, что ими манипулируют. Это будет очень закономерно. Это уже начинается. В девятнадцатом веке модно было косить под Наполеона. А в двадцатом модно воображать, что у тебя в голове радиоприемник, принимающий сигналы от Фиделя Кастро.

Выходит - я ничего не могу сказать людям. Но как же мне дальше жить?"

Тим закусил губу, повернулся на каблуках и решительно двинулся за водкой.

***

Выставив перед собой топор, мягкими неслышными шагами Тим продвигался вперед по тускло освещенному узкому коридору. Он плохо видел, в глаза текло что-то скользкое и липкое, но не хватало сил утереть лоб. Страшно было даже на секунду отпустить рукоятку тяжелой железяки, которая давала Тиму единственный шанс отбиться от кошмара, прячущегося за углом.

Кошмар не заставил себя ждать - издалека, отражаясь от стен, донесся хриплый утробный рык вервольфа. Тим похолодел. Он уже знал, что будет дальше. Помнил развитие событий до мельчайших подробностей и не хотел услышать еще раз свой безумный предсмертный вопль. Тим остановился и замотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение. Не открывая глаз, он бился на кровати, как выброшенная на берег рыба.

Из-за угла показалась оскаленная морда, то ли волчья, то ли медвежья. И взгляд ее желтых глаз был настолько ужасен, что Тим заорал, рванулся и проснулся. Весь в поту, судорожно вцепившись в одеяло, он лежал, глядя в потолок, напрочь парализованный страхом.

- Как дела? - спросил голос.

Тима словно ударило током. Он скрутился на кровати узлом, инстинктивно пряча голову под подушку. "Опять этот голос на грани яви и сна! Все тот же голос". И на этот раз Тим поймал самое главное. Этот

голос пришел извне. Его не вытолкнуло наружу подсознание, он не был сгенерирован где-то в мозгу. Нет, он появился из-за стены и пронзил Тима насквозь, как пронзает голубая молния. Тим почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. Слезы беспомощности перед чем-то сильным, неведомым, страшным.

В ванной Тим долго смотрел в зеркало. Его била мелкая дрожь. Безошибочный инстинкт сенса твердил: проваливаясь в сон, он испытал какое-то воздействие со стороны. "Что происходит? Это не сумасшествие, точно. Я слишком много читал по психологии и общался с психологами, чтобы не распознать первые ростки душевной болезни. Нет во мне безумия. Давным-давно я разложил себя по полочкам, отнес к шизоидному типу и успокоился. Я нормален. Тогда что со мной?" Толкая себя, как бревно, Тим доплелся до кухни. Он снова полз по стене и зажигал везде свет. Ему было страшно.

Он долго пил водку из горлышка и приходил в себя, калачиком свернувшись в кресле. Потом сделал бесконтактный массаж и наткнулся на несколько "вмятин" в ауре. "Кто-то чужой ударил меня. Не могу поверить. Не могу-у-у-у..." - Алкашом меня сделаете, уроды! - громко сказал он в пространство. И снова припал к горлышку.

Потом он жадно глотал воду из чайника. А потом "щелкнул", очень сильно, почти до обморока. И впервые в жизни увидел мир во всем его многообразии.

И упал, обессиленный и потрясенный открывшейся ему красотой, в кресло. И заснул мертвым, непробиваемым сном.

- Я не знаю, имеет ли смысл об этом говорить, - сказал Тим, рисуя сигаретой в воздухе причудливый узор. Он был уже здорово пьян. - Но понимаешь, солнышко, мне очень хочется с кем-то поделиться. Конечно, это глупо до крайности - рассказывать ужасики дорогому тебе человеку... - А ты не думай, - предложила Ольга. - Ты просто возьми и расскажи.

Был уже третий час ночи, и они сидели у Тима, по разные стороны кухонного стола, глядя друг другу в глаза. Пепельница была полна окурков, закуски съедены, бутылки пусты, и они занимались любимым делом - разговаривали.

Ольга была платиновая блондинка таких насыщенных тонов, что ее часто принимали за крашеную. Высокая, с отличной, даже на привередливый взгляд Тима, фигурой, она привлекала внимание мужчин всех возрастов и достатков. Но сидела она на кухне у безработного ровесника и вглядывалась в его лицо так, будто собиралась писать с него портрет. Впрочем, это-то она уже пыталась сделать однажды, но задача оказалась ей явно не по плечу.

- Понимаешь... - сказал Тим и глубоко задумался. Протянул назад руку, не глядя, открыл дверцу холодильника и вытащил очередную бутылку. Уверенными движениями, не пролив ни капли, смешал водку пополам с белым вермутом, добавил тоника, бросил льда в бокалы, один подвинул Ольге, а к другому припал сам и долго, с наслаждением, тянул чудесный напиток, приносящий уверенность и покой. Ольга рассеянно перекатывала бокал в пальцах, слушая, как шуршит о стенки лед.

- В общем, такое дело, - пробормотал Тим, с трудом отрываясь от коктейля. - Я наткнулся на тему, о которой думать-то неприятно, не то что говорить. Но я почти на сто процентов уверен: сегодня в нашей стране очень активно идет разработка принципиально нового оружия.

- Что-то по твоей части?

- Да, - кивнул Тим. - Если бы я был не я... Очень уж сложно в такую

штуку поверить. Она словно из фантастического романа. Ты читала "Обитаемый остров" Стругацких?

Ольга слегка присвистнула и взяла сигареты. Тим протянул ей огня.

- Разумеется, пока эта разработка в стадии эксперимента. Но у меня есть информация, вполне достоверная, о том, что они ведут полевые испытания. Склепают образец - и тут же в дело его... - Тим взял из пепельницы окурки, увидел, что тот потух, и потянулся за новой сигаретой.

Ольга смотрела на него очень внимательно и ждала продолжения. Она была единственным из близких Тиму людей, который спокойно относился к тому, что Тим - сенс. Год назад по совету подруги она обратилась к Тиму с пустяковой, но жутко неприятной мигренью. Тим нашел, что это чистой воды психосоматика, и искренне посоветовал девушке в качестве радикального средства как следует влюбиться.

Впрочем, мигрень-то он ей вылечил. Но не более того. Он никогда не шел на тесные контакты с пациентами. Старался их даже не жалеть. Смотрел на человека просто как на разладившийся прибор. И чинил.

А потом они столкнулись на улице. И их притянуло словно магнитом. Они сидели у Тима на кухне, пили martini и говорили, говорили, говорили... Потом чуть не каждый день встречались, ходили на выставки и концерты, опять сидели на кухне, пили и боролись с желанием кинуться друг другу на шею. У обоих было слишком трудное личное прошлое, они стали осторожны и внимательны и искали в партнере что-то большее, чем обычно ищут люди. Им обоим сейчас было особенно нужен не любовник, но друг.

И все-таки они еще не были по-настоящему друзьями, когда в лифте, где совершенно невозможно было сохранять дистанцию, Тим протянул руку и мягко-мягко погладил ее волосы. Лифт стоял на этаже уже минуту, а они все не могли разомкнуть объятия, и губы их сливались в мягком и плавном движении. Они слишком давно хотели друг друга и были совершенно уверены в том, что так и будет. И этот поцелуй стал не бешеной вспышкой страсти, а лаской, близкой к священнодействию. И они опять прошли на кухню и привычно сели по разные стороны стола. Но теперь они держались за руки. И Тим говорил, а она слушала, а потом говорила она, и слушал он. А потом он сказал, что это нужно отметить, и опять смешивал коктейли.

И еще они долго-долго шли по коридору в спальню, роняя на пол одежду, то прижимаясь друг к другу, то отстраняясь, чтобы получше рассмотреть свое новое приобретение и убедиться, что все у него именно так, как хочется. Все происходило будто в сказке, совсем не так, как в дни пугливой и суетливой юности, когда то, что "это со мной было", гораздо важнее, чем "это было так...".

Видимо, они стали взрослыми. И их предыдущий опыт, глубокий и богатый механически, но совершенно бездарный по сути, теперь дал им очень важное. Они не стеснялись любоваться и не боялись ласкать. Для них не было движений стыдных или неловких, им ничто не мешало, и ничто не торопило их. Когда упругие молодые груди, освободившись от тесной материи, прижались к груди Тима, у него закружилась голова. И когда в белизне чистых простынь - будто знал он, что все случится именно сегодня (а ведь не знал, не знал), - к ее бедру прижалась его вздыбившаяся плоть, она протянула руку и осторожно погладила его и прошептала "О, какой ты красивый..." - он понял, что она имеет в виду. И вошел в нее, и уже через минуту ее тело выгнулось дугой, и с громким криком она впервые в жизни потеряла сознание.

Тим даже испугался. Он не "щелкал", ничего специально не придумывал, он просто любил ее. А она, вернувшись секунд через десять из сладкого небытия, долго не могла опомниться. Но когда они немного успокоились, то решили сделать вид, что ничего еще и не было, и попробовать снова. И они попробовали снова, и это получилось совсем безумно, совершенно невозможно, и когда она вновь расслабленно уронила руки, а ее голова безвольно откинулась вбок, Тим с глухим стоном вышел из нее, и тугая молочно-белая струя разбилась об ее упруго торчащий сосок.

Потом они долго удивлялись, отчего все у них получилось именно так. Почти никому с первого раза не удается достичь полной гармонии тел. А многим это бывает недоступно и в сотый раз. Умные люди редко меняют партнеров, ведь только с тем, кто знает тебя наизусть, можно, двигаясь день ото дня туда, куда хочется, достичь настоящих высот. А новый партнер - это всегда недоверие, пусть даже на уровне бессознательного.

Потом они вместе радостно смеялись, когда Тим сказал, что это все ерунда и к ним не относится. Они с самого начала были удивительно близки - с того самого дня, когда Тим угрюмо, руки в карманы, топал по Кузнецкому и чуть не сбил с ног красивую девчонку, за которой двое кавалеров волокли планшеты с эскизами.

А теперь он пытался рассказать ей о своих страхах.

***

Тим вставил кассету и опустил палец на кнопку. Подумал, убрал руку, встал и подошел к холодильнику. Потоптался немного перед соблазнительной дверцей, за которой, он точно помнил, спряталась бутылка. И вернулся в кресло. Закурил и включил магнитофон.

Голос человека был нервный, срывающийся - интервьюируемый сильно волновался. Не так, как волнуются "чайники" перед микрофоном, нет. Этот деятель трясся, потому что принял серьезное решение, но страх перед этим решением до конца преодолеть не смог.

Он мямлил, терялся, подбирал слова. Но говорил. Тим курил, слушал и все больше убеждался, что история правдоподобна. Этот Лебедев из Новосибирска был классическим образцом неудачника и мечтателя. Нормальный рядовой дурачок.

Бесталанный, глуповатый, но, кажется, порядочный, хороший человек. С глубоко подавленным комплексом супермена. Работал кем-то вроде массовика-затейника и всю жизнь мечтал послужить Родине и спасти человечество.

Когда беднягу вызвали в КГБ и сказали, что давно за ним наблюдают и решили дать ему настоящее дело, он прыгать готов был от восторга. "Не согласны ли вы, товарищ Лебедев, поработать в дипломатической службе за рубежом? Не согласитесь ли вы сначала пройти обучение здесь, в Новосибирске?.." Еще бы он не был согласен! И тут началось что-то непонятное. "Да, интересная история, - подумал Тим. - Это будет покруче всего, что я слышал до сих пор. Потому что остальные зомби использовались как расходный материал, подопытные крысы. А этот..." "Сначала я был очень удивлен, - говорил Лебедев. - Например, сидим мы с Марченко, и вдруг у меня в голове раздается его голос: "Возьми со стола карандаш, дай мне". Губы при этом не шевелятся. Это не был гипноз, это была самая настоящая телепатия. Как мне потом объяснили, КГБ глубоко изучил возможности человека, знакомые нам только по статьям об

экстрасенсах.

Разработанные КГБ технологии позволяют наделить такими способностями кого угодно.

Марченко уверял меня, что в перспективе я буду обучен работе с аппаратурой, которая даст мне огромные возможности. Меня уверяли, что мои индивидуальные качества подходят для такой работы и я должен послужить Родине в нынешние трудные времена..." Сначала он был напуган. Но ему объяснили, что контрразведка дело сложное и здесь не обойтись без таких вещей, как "внеречевая связь". Эти методы сверхсекретны и применяются всего лишь несколько лет, они еще в стадии доработки. Давайте, товарищ Лебедев, помогите нам их совершенствовать. Новоявленный сексот дал подписку. И только через три года узнал, что в тот момент, когда он ставил подпись, такую же бумажку о неразглашении государственной тайны подписывала его жена.

"Но получилось так, - запинаясь, бормотал Лебедев, - что они приспособили меня для выполнения совершенно другой работы. И я долго не понимал, зачем я это делаю и вообще, что со мной происходит. Они сумели коренным образом изменить мою психику. Управляли мной, как машиной, и противостоять этому я не мог, моя воля была сломлена. Я принадлежал себе только во сне.

В шесть утра меня будили. Я слышал: "Вставай, быстро, умывайся, не задерживайся, собери бумаги..." Они командовали, что мне надеть, какой взять портфель, как сегодня выглядеть... Особенно я пугался, когда приказ шел не в виде голосовой команды. Иногда я просто ощущал, что должен сделать то-то и то-то. И быстро. Я спрашивал Марченко, что со мной происходит, но он говорил: "Не волнуйся, это новый метод работы с агентами, мы и тебя обучим, и ты сможешь управлять не только отдельным человеком, но и коллективами". Постепенно я вроде бы привык.

КГБ, по моим представлениям, был организацией чуть ли не святой. И я слепо им подчинялся. Иду по городу, слышу голос: "Стой! Достань записную книжку! Запиши телефон..." И я уже не думал о голосах в моей голове, меня волновали только люди, которым я позвоню, войду к ним в доверие и буду затем вести наблюдение. А люди под моим надзором были разные. Главное - лидеры демократических организаций. Уже через год работы я знал в лицо не менее пятисот человек.

Понятия не имею, как такой объем информации уместился у меня в памяти. Я работал не меньше двадцати часов в сутки и не уставал. Только в девять утра мне приходилось отмечаться в Доме культуры, куда меня устроили "органы". Все остальное время я проводил с людьми, интересовавшимися КГБ..." Тим не удержался, остановил ленту и пошел к холодильнику. Поразмыслив, достал не водку, а пиво. "Значит, голоса? И немотивированные желания. Ну, положим, управлять моими желаниями никто пока не пробует. Или пробует, но не может. Да, очень складно все у тебя получается, товарищ Лебедев. Чертовски детализированная бредовая концепция. Хотя я точно знаю, что ты, Лебедев, не псих. Потому что если и ты больной, то кто же тогда я?!"

Тим снова нажал клавишу. Он отметил, что Лебедев начал выходить из-под контроля раньше, чем Эфа, - уже на второй год. Но Эфа существовала в замкнутом мире. А в повседневной жизни Лебедева было множество внешних раздражителей, факторов, позволяющих сохранить с реальностью связь и критически оценивать происходящее.

Он начал ломаться, когда ему усложнили задачу. Сначала пришлось

воровать документы. Потом организовывать мелкие провокации. Агент становился опытнее. Но одновременно все ближе знакомился с теми, за кем следил. И когда его подключили к новому, более значительному проекту, начал сомневаться в том, что дело "хозяев" - правое.

"Они разрабатывали в то время систему устранения неугодных им людей через постепенное разрушение организма. Конкретно в Новосибирске они планировали убрать лидера ДС Сорокина, за ним должна была наступить очередь Котова, Ольшанского и Колесникова. На сегодняшний день они вывели из строя Сорокина.

Физически-то он еще жив... - тут Лебедев на секунду замялся. - Марченко говорил мне, что им легко на небольшой период, одну-две недели, создать человеку иллюзию психического расстройства. Человек сам обратится к психиатру, а остальное - дело врачей. Несколько инъекций - и ты станешь действительно болен... Их методы воздействия позволяют как мгновенно умертвить человека, так и постепенно разрушить его организм. Если вы пьете хоть чуть-чуть, вам могут внушить устойчивую тягу к алкоголю (Тим отвлекся и уставился на бутылку пива у себя в руке)... Но это делается редко. Чаще людей принуждают травить себя неумеренными дозами безобидных на первый взгляд лекарств, например, болеутоляющих препаратов.

Мои "подопечные" быстро утомлялись, плохо себя чувствовали, буквально валялись с ног..." Как Лебедев понял из объяснений "хозяев", они не нуждались в полном устранении неугодных. Достаточно было просто выбить человека из колеи, расшатать нервы, подорвать здоровье, сделать так, что он сам отойдет от активных действий.

Больной - не боец. Место психа - в психушке.

Тим кивнул и принялся было размышлять. Но тут Лебедев понес такое, что Тим подскочил в кресле и весь обратился в слух.

"Саму аппаратуру я не видел. Но я недаром три года был вхож в систему КГБ. При мне обсуждались многие вопросы, и я многое впоследствии испытал на себе, когда решил порвать с этой страшной организацией. А они давали мне большие возможности, очень большие... Иногда они раскрывали мою психику до такого состояния... Не знаю, как объяснить (Тим закрипел зубами)... Я был сверхчеловеком. Гением. Пробуждались, как я понимаю, какие-то "спящие" участки мозга. Эйфория. Разве что не летал. Я этого не понимаю, мне трудно об этом говорить, но я слышал, что ведется постоянное "отслеживание" одаренных людей, чуть ли не с детства. И кому-то его талант, что называется, "глушат". А некоторым - своим - состояние "сверхчеловека" дают извне..." Тим с размаху ударил ладонью по клавишам. Магнитофон замолк. И в наступившей тишине Тим услышал, что в комнате громко, отчетливо бьется сердце. Его сердце.

***

Он ласкал ее губами, а она кончиками пальцев гладила свои напрягшиеся соски, и их тела содрогались в едином ритме. Несмотря на всю свою раскованность, они долго и осторожно шли к самым тонким удовольствиям, стараясь не смутить, не сделать больно, не шокировать. Но теперь они уже знали друг друга до мелочей и могли при желании за считанные минуты достичь того, что в книгах называли "поистине неземным блаженством". Походя Тим раскрыл небольшую тайну - раньше он всегда удивлялся, почему авторы, даже самые раскованные, описывая сексуальные переживания героев,

пользуются туманными и расплывчатыми формулировками. Все оказалось просто - если ты сам никогда не испытывал настоящей радости в постели, у тебя не найдется подходящих слов. А если испытывал - тем более никаких слов не хватит... Сначала Тим ничего не услышал. Он наслаждался Ольгой, он пил сочащийся из нее сок, и голова его кружилась от неведомой ранее возможности совершенно ни о чем не думать. Его разум был весь поглощен ощущениями, чувственным восприятием происходящего. Кристальная ясность сознания и посреди - восторженная, абсолютная пустота.

Видимо, этой-то пустоты голос и ждал.

- Так он, оказывается, п...лиз! - радостно заявил голос.

- Может, он еще и х...сос? - предположил другой. Женский.

Язык Тима остановил свой бег, а руки, нежно оглаживавшие бедра любимой, задрожали.

Ольга качалась на мягких волнах. Каждая следующая подбрасывала ее все выше и выше, в самое небо, и это было неопишимо. Она пыталась немножко придерживать взлеты, чтобы продлить удовольствие, почувствовать его глубже и ярче, но сил терпеть не было, и очередная волна грозила захлестнуть ее с головой. Тело девушки изогнулось, и в сладком мурлыкающем стоне зазвенел приближающийся крик, но... Волна ослабла и плавно опустила ее на землю. Окажись с ней другой мужчина, она бы обиделась. Но с другим мужчиной ничего подобного не было и не могло быть.

Оказывается, когда приходит любовь, ты уже не можешь быть эгоистом в сексе.

"Какая интересная мысль. Да, я уже могу о чем-то думать. Жалко, что не вышло... Но не каждый же раз должно быть так хорошо, верно, подруга?" Тяжело дыша, она попыталась открыть глаза. Уффф... Тим, скручиваясь в комок, медленно боком сползал на пол. Когда его тело глухо ударилось о ковер, Ольга от неожиданности вскрикнула и села на кровати. И прижала руки к лицу. Потому что ее мужчина лежал на полу, скрючившись в позе эмбриона, и не шевелился.

Она била его по щекам, целовала, обнимала, прижимала к груди его безвольно мотающуюся голову. Потом догадалась принести воды и побрызгать ему в лицо. Тогда он открыл глаза, и от его взгляда Ольга задохнулась. Огромные, с невероятно расширенными зрачками, глаза Тима были совершенно пусты. Она снова прижала его голову к груди, чтобы только не видеть этих глаз, и, борясь с желанием закричать во весь голос, принялась раскачиваться из стороны в сторону, что-то монотонно напевая, убаюкивая его, потому что ничего лучше придумать не могла.

И через несколько минут сквозь ватную тишину услышала его шепот:

- Я люблю тебя...

В постели Тим был очень легкий - во время любви, даже когда он давил ее всем своим весом, она этого просто не чувствовала. Но на самом деле он весил не так уж мало, и затащить его обратно на кровать оказалось совсем не просто. На полпути Тим вдруг уперся и сказал: "Нет, не надо". Она отпустила его, и он, согнувшись в три погибели, держась за стену, пополз из спальни.

- Ты в ванную хочешь? - спросила она, подхватывая его. - Пойдем, милый, держись за меня.

Тим что-то утвердительно хмыкнул. Он на глазах распрямлялся и через порог ванной шагнул уже довольно уверенно. Пошарив рукой, открыл кран и стал плескать в лицо холодную воду. Ольга бросила на себя короткий

взгляд в зеркало и тут же отвернулась.

Тим сделал из-под крана несколько жадных глотков, выпрямился, мазнул по лицу полотенцем и обернулся к девушке. Глаза у него были уже совсем нормальные, только левое веко нервно дергалось.

- Шок, - сказал он хрипло. - Ты чудо, спасибо тебе. Я тебя люблю.

И тогда Ольга бросилась ему на грудь и с наслаждением разрыдалась так, что уже Тиму пришлось ее убаюкивать.

- Ты мне когда-нибудь потом расскажешь? - осторожно спросила она через полчаса, когда они сидели на кухне.

- Нет, - отрезал Тим и в который раз жадно присосался к стакану с мартини. До этого он залпом проглотил несколько рюмок водки, а потом уже со словами "Ну и пусть голова болит" принялся смешивать коктейли.

Тим поставил опустевший стакан на стол, отдышался и сказал:

- Ну, может быть, много лет спустя.

Глаза у него слегка остекленели, но это Ольге было знакомо. Тим много пил в последнее время. Сказать ему напрямую, что такое безостановочное пьянство ее пугает, Ольга не решалась. Было в этом человеке нечто, что отбивало всякую охоту на него давить. Он был мягок и ласков, дружелюбен и спокоен, но под этой внешней оболочкой Ольга уже не раз нащупывала в разговорах и делах несгибаемый стержень.

Тим был доверчив к людям, но не позволял им собой управлять. Это она уже поняла.

- А ты веришь в то, что у нас много лет впереди? - вдруг спросил Тим, хитро прищурившись.

- Не знаю, - честно ответила она, слегка опуская глаза.

- А хочется?

Ольга молча кивнула.

- Значит, будет, - сказал Тим. - Все будет хорошо, я тебе обещаю.

- Ты же не знаешь... - вырвалось у нее. Если бы она успела, то зажала бы себе рот. Но это вырвалось.

- Ну почему же? Знаю. Хочу, чтобы ты поняла: в этой жизни все всегда бывает так, как я хочу. Всегда все будет по-моему. Пусть не сразу, постепенно, но все получится. А когда получается по-моему, это значит - лучшим образом для нас обоих. Потому что во всех моих планах на будущее есть место для тебя. И только для тебя. Я действительно тебя люблю. И я постараюсь, - на этом слове он сделал ударение, - чтобы все было так, как нужно нам.

Она протянула руку через стол и погладила его пальцы. И опять сморозила глупость.

- Это были ОНИ?

Тим прикрыл глаза и чмокнул губами.

- Забудь ты мою трепотню, - сказал он ласково. И Ольга почувствовала, что у нее дрожат колени.

***

Мягкими короткими шажками Тим двигался по комнате. Он работал сейчас на самом глубоком уровне пси, и окружающий мир был настолько сложен, что Тиму время от времени становилось просто неприятно. "Никогда я все это до конца не пойму.

Никогда я в одиночку всего не разгадаю. Как все эти излучения взаимодействуют, как уживаются друг с другом, такие разные, такие

непохожие? И все-таки их природа едина. Ладно. Вот еще черное пятно. Это с меня ночью сыпался шлак.

Сможем мы это пятно стереть? А сможем, сможем... Вот так, получается. Отлично.

Дальше".

Тим осторожно прошел сквозь линию глобального поля Хартмана - голубые стенки толщиной сантиметров в двадцать разбили комнату на прямоугольники сумасшедшей трехмерной шахматной доски. В углу - слава Богу, что в углу, - ярко светилось одно из пересечений. "Где-то в земле прямо под этой крестовиной лежит центральная зона водоносной жилы. Говорят, достаточно пару лет поспать в таком уголке, чтобы схлопотать рак. А вот и диагональная сеть Карри... Она с большой ячейкой и задевает мою спальню только в двух местах. А сеть Виттмана, ромбическая, вообще такая здоровенная, что мы с ней только один раз встречаемся. Ну и ладушки. Н-да. Ничего интересного у нас в спальне нет".

Тим медленно вернулся в "человеческое" состояние и пошел на кухню. Открыв холодильник, достал початую бутылку пива, уселся, закурил, отхлебнул из горлышка и с недоверием покосился на два рулона алюминиевой фольги, лежащие на столе.

"Вот уж не думал, что до этого дойдет. Но если эти гады и в следующий раз сунутся ко мне в такой момент..." Тим закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. Ему вдруг захотелось снова "щелкнуть". Нырять в призрачный мир экстрасенсорного восприятия, он чувствовал себя гораздо увереннее, чем на банальной, холодной, неудобной, жестокой Земле. И шарик, и бублик, и грушу, и даже голубую молнию он мог запросто размазать по стене. А что делать, если против тебя - люди? "Драться? Не умею и не люблю.

Сколько раз получал по морде и сдачи давал - каждый раз прикосновение к другому человеку было для меня словно удар током. И безумное чувство стыда от того, что я причинил вред человеческому существу. Ненавижу. Хотя, судя по всему, дело в физическом контакте. Не исключено, что я запросто смогу продырявить врага из огнестрельного оружия и даже ухом не поведу. Только вот стрелять мне не из чего.

И это, наверное, хорошо".

Тим допил пиво и сунул бутылку под стол. "Сволочи! Вот скоты! - Он покачал головой. - Нашли-таки они мою "кнопку". Уинстон Смит боялся крыс - и возлюбил Большого Брата. А мой отец боится тараканов. До судорог. А я боюсь змей. Хотя если придется... Справлюсь, наверное. Я со всем могу справиться. Но сейчас они меня взяли за самое больное место.

Сколько уже было этих раз, днями и ночами, в постели и не в самых подходящих местах, когда я думал, что я урод? Не так чтоб очень много, но и не мало.

Все-таки мне уже двадцать два. Но только месяц назад оказалось, что проклятый компьютер в моей голове можно-таки ненадолго выключить. До чего же было всегда обидно - задыхаясь и потея, слушать, как стонет и рычит от восторга твоя девушка, и о чем-то в это время напряженно размышлять... А может, я просто им всем не доверял? Не знаю. Оля... Милая. Бесконечно милая. Умница, красавица, такая женственная и одновременно сильная... Да, Тим, старина, это любовь. И настигла она тебя в самый неподходящий момент".

Тим рывком поднялся, взял фольгу и отправился в спальню. Там он небрежно смахнул с кровати белье, спихнул на пол матрас и принялся

раскатывать фольгу по пружинной сетке дивана. Он работал очень аккуратно, надежно фиксируя блестящие полосы скотчем, и не успокоился, пока экран не стал на вид совершенно непробиваемым. Тогда Тим "щелкнул". Некоторое время он стоял, рассматривая экран сверху - гладкое иссиня-черное поле. А потом вспомнил, как это было десять лет назад, и ударил по экрану изо всех сил. Отдача сбила его с ног. Тим отлетел к стене, больно ударился затылком, съехал на пол и, схватившись за ушибленное место, принялся злорадно хохотать. А потом встал, заново соорудил постель, даже попрыгал на ней - не шуршит ли-и отправился на кухню, где дожидалось пиво.

***

- Здравствуй, Тима, - сказал Гульнов и машинально почесал намечающуюся бородку.

Тим пожал ему руку и плюхнулся в кресло.

- В жизни каждого мужчины наступает момент, - сообщил он, - когда ему хочется отпустить бороду. Понимаю и сочувствую.

Гульнов улыбнулся и принялся копаться в грудке бумаги, полностью скрывавшей его рабочий стол.

Тим улыбнулся в ответ. Ему нравилось смотреть на Гульнова - человека подкупающе мягкого в интонациях, манерах и движениях. Эта мягкость не была кажущейся - когда Тим "щелкал", то видел Гульнова светлым и пушистым. Гульнов создавал вокруг себя уют. Тим очень любил по поводу и без повода заглядывать к нему в отдел науки и просто сидеть, хотя бы просто сидеть в уголке.

- А мне нельзя с бородой, - вздохнул Тим. - К сожалению, я знаю, какое это будет душераздирающее зрелище. Меня однажды забросили в черниговские леса на командно-штабные учения. И я там суток десять не брился. Когда потом добрался до зеркала, чуть зайкой не стал на всю жизнь.

Гульнов хмыкнул. Он что-то зацепил в своей куче и теперь осторожно, чтобы не рассыпать остальное, тянул на себя.

- Смотри, - сказал он, протягивая Тиму макет газетной полосы.

Тим жадно схватил макет, посмотрел и тут же переменялся в лице.

- Это же сегодняшний номер, - процедил он сквозь зубы.

- Сняли, - Гульнов печально кивнул. - Видишь, три абзаца отчеркнуто.

Тим пригляделся. Третью забракованной полосы, которую раз в две недели выпускал отдел науки, занимал репортаж из лаборатории Польшина. И репортаж был весь исчеркан синей ручкой.

- Что ж мне Заяц не сказал... - пробормотал Тим. - Я и не знал.

- Порадовать тебя хотели. Вот, сами радуемся теперь. Ты читай, читай. Скажешь потом, что думаешь по этому поводу.

Для начала Тим охватил взглядом материал целиком, прыгая через строки. Репортаж был хорош. Польшинскую теорию строения биополя Зайцев расписал простым, доступным языком, комментарии к фотографиям оказались такими, какие сделал бы сам Тим. Тон репортажа был легкий, ненавязчивый, но и без оговорок типа "может быть" и "похоже на правду". Интонация была скорее "хотите верьте, хотите нет, а вот мы это видели".

- Классно, - сказал Тим. Углубился в зачеркнутые абзацы и отдельно помеченные места. До боли стиснул челюсти. И из интервью с Польшиним, и из комментариев Зайцева было с мясом, по живому, вырвано все то, что Тим

так хотел рассказать людям. На первый взгляд в забракованных фразах не было ничего криминального. Там просто говорилось, что при современном уровне развития науки полынинские технологии легко воспроизводимы и не представляют собой ничего сверхъестественного. И превращение их в технологии боевые тоже возможно. Заяц деликатно расспрашивал Полынина о том, какие негативные воздействия может испытать человек, попавший под излучение микроволнового генератора. А Полынин в ответ мямлил и юлил. С помощью знаков препинания хитрый Зайцев ловко воспроизвел все паузы и закатывания глаз к потолку. Даже самый тупой читатель увидел бы, что Полынин, мягко говоря, зажимает информацию. Это была хорошая работа.

- Зайчик умница, - сказал Тим, разглаживая макет на коленях.

Гульнов кивнул.

- И кто эту полосу зарезал? - спросил Тим, стараясь не злиться. Ему очень не хотелось думать, что Гульнов все-таки слабак и не смог отстоять материал. Еще ему очень не хотелось даже предполагать, что Гульнов в информацию о психотронном оружии не поверил. Это означало, что он не верит самому Тиму. "А кто же тогда мне вообще способен поверить, мать-перемать?!"

- Главный ее зарезал, - вздохнул Гульнов. И Тиму полегчало. С главным редактором Гульнов справиться не мог по определению.

- Вот уж не думал, что он посмотрит эту полосу... - А он и не смотрел. Пока ему не позвонили.

- Е-мое... - пробормотал Тим.

- Цензура позвонила, - уточнил Гульнов. - Цензура, которой якобы больше нет.

- Но ее же действительно больше нет...

- Как ни странно, главный тоже так думал. Если бы он думал иначе, он бы мне не рассказал о том, что случилось. Верно?

- Вот уж не знал, что у нас главный - хороший человек.

- Ну, может быть, не очень хороший, но довольно порядочный. Так вот, он сказал, что ему позвонили и мягко сообщили: хотите садиться, ребята, - печатайте этот материал. А не хотите - давайте выкидывайте все, что касается создания оружия.

- Черт возьми... - протянул Тим. - Там ведь всего-навсего боевые аспекты применения СВЧ... Представляю, какой поднялся бы хай, пропихни ты мою статью об Эфе.

Гульнов снова кивнул. Он глядел на Тима виновато и очень мягко.

- Понимаешь, они очень грамотно высказались. Мол, мы вам, ребята, запретить ничего не можем. Но если хотите садиться... Н-да.

Тим встряхнул головой и бросил макет на стол.

- Что ж, - сказал он жестко. - Теперь у нас есть четкое доказательство того, что это правда. Во всяком случае, мне хватает.

Гульнов поморщился. Он очень не любил категоричных высказываний.

- Будешь работать с нами? - спросил он.

- А вы будете копать дальше? - прищурился Тим. В душе у него все кипело. Он был чертовски разочарован тем, что сделанный по его наводке материал сняли. Кроме того, ему было немного стыдно, что из-за этого у Гульнова "слетела" полоса.

И в то же время Тим получил главное. Ему поверили. Проклятая цензура сделала так, что именно те люди, которых он уважал и которые раньше сомневались в его словах, теперь поверили ему.

- Заяц будет копать, - сказал Гульнов. - Он для начала пойдет по

ученым. Нам нужны авторитетные люди, на которых цензура руку не поднимет. Пусть там будут только намеки. Или, наоборот, пусть они скажут, что такого не может быть. А это, - он прихлопнул ладонью "зарезанный" макет, - поработает для затравки. Будет почта обязательно. Будут отклики. Что-нибудь да всплывет. У нас народ приучен читать между строк.

- Знаешь, Володя, - пробормотал Тим задумчиво. - Да я вам, наверное, и не очень нужен... То есть я могу встать на подхвате. Но у меня и опыта гораздо меньше, чем у вас обоих, да и тема, честно говоря, не моя. Ты же знаешь, я "социальщик" ярко выраженный. О взаимоотношениях людей я умею писать. А психотронное оружие... - Подумай, - сказал Гульнов, пожимая плечами. Особо разочарованным он не выглядел. Тим его понимал - своим предложением Гульнов в первую очередь хотел показать, что недоверия больше нет.

- И когда теперь? - спросил Тим, подбородком указывая на макет.

- На следующей неделе. Хочешь этот взять себе?

- Зачем? - усмехнулся Тим. - Один экземпляр - это не тот тираж, которым стоит гордиться.

- Все хорошее, что написали люди, тоже когда-то было в одном экземпляре, - заметил Гульнов.

- Ты же знаешь, что общего между человеком и мухой, - сказал Тим, вставая. - Их обоих можно прихлопнуть газетой. Вот поэтому я и хочу работать в газете. Чтобы гадов - мочить. Спасибо, Володя, - он протянул Гульнову руку, и тот вяло ее пожал.

В коридоре на Тима налетел Смолянинов и чуть не сбил его с ног.

- Ха! - заорал он. - Господин Костенко! Примите мои соболезнования!

- Да ну... - смутился Тим. - Ты лучше Зайчика пожалей. Сколько он корячился, и все впустую.

- Впустую ничего не бывает, - внушительно заявил Смолянинов. - Слушай, это все действительно так серьезно?

- Это очень серьезно.

- Н-да... Слушай, Тим! Между прочим, я сегодня буду стронций вымывать из организма. И Заяц будет, и Володька. Заходи.

- Спасибо, не получится, - улыбнулся Тим.

- Так приходите вдвоем, - заговорщически предложил Смолянинов ему на ухо. - Блондинка? Брюнетка? Рыжая?

- Платиновая, - гордо объявил Тим, чувствуя, что краснеет. Смолянинов это, конечно, разглядел.

- Любовь! - заключил он. - Завидую!

- Да ладно... - окончательно смутился Тим. - Ну, спасибо за приглашение, я побежал.

- Берегите себя, - повторил Смолянинов и рванул дальше по коридору. Тим задумчиво смотрел ему вслед. Смолянинова в редакции считали человеком бесшабашно храбрым, но вот за психотронное оружие он бы никогда не взялся. Потому что был чертовски умен, циничен и умел в любой ситуации делать главное для журналиста - выживать на линии огня, на переднем крае. А когда в тебя летит не пуля, а невидимая голубая молния, пригнуться ты не успеешь.

Тим сунул руки глубоко в карманы и зашагал к лифтам. На ходу он вспоминал, какой должен быть диаметр у медной проволоки для петли Лаковского. Эта "петля" - Кольцо с длиной окружности в метр - тоже считалась у биоэнергетиков отменным экраном, даже лучше фольги.

***

Он, кажется, на минуту вздремнул. Обнаружил во сне хорошо знакомый узкий коридор с плохим освещением. Почувствовал тяжесть проклятого топора в руках. Догадался, что за углом прячется смерть в облике вервольфа. И проснулся от страха.

Попытался открыть глаза, чуть-чуть приподнял веки и увидел зеленый туман.

Тим лежал на боку, на диванчике в кабинете, и не мог пошевелиться. Тело отказывалось слушаться, оно было парализовано. А в воздухе повис тонкий неплотный зеленый туман, и в этом тумане, где-то у двери, за краем угла зрения, притаился ужас.

Рот наполнился слюной. По телу пробежала волна неприятной вибрации, еще раз, еще раз, с каждым разом сильнее. Как будто диван под ним мелко-мелко затрясся.

Из-под полуприкрытых век Тим видел подсвеченный бьющим из окна закатным солнцем туман, но ни повернуть голову, ни даже просто шевельнуть глазами не мог. И "щелкнуть" тоже не мог. Это было совершенно невозможно.

Вибрация усилилась. Теперь дрожь охватила все тело и била немилосердно, мелко, но очень сильно. Слюна потекла с губы, и сглотнуть не было сил. А там, в тумане, прятался ужас. Прятался, выжидая удобного момента, чтобы наброситься. Страх в чистом виде. И если ты найдешь в себе силы, двинешь глазами и помотришь на него... Тогда он прыгнет на тебя и поглотит целиком.

Навсегда.

Тим почувствовал, что теряет контроль над собой. Ему безумно хотелось закричать - нет, не в голос, потому что голосовые связки тоже не слушались. Но сейчас он не выдержит, и яростный вопль животного ужаса заполнит мозг. И за этим воплем придет освобождение. Никаких больше страхов. Никаких больше проблем. Придет спасительное безумие.

Тим сконцентрировал внимание на глазах. Он так напрягся, что ему на мгновение полегчало. И смог чуть-чуть, самую малость, сдвинуть зрачки. Только не в сторону ужаса в тумане, нет! От него. Тим увидел свою руку. Ее должна была бить крупная дрожь, сотрясавшая все тело. Но рука лежала совершенно неподвижно. И Тим вспомнил.

Семья, живущая в подмосковных Химках, сорокалетние мать и отец, двое детей, возраст - десять и восемь, бабушка, возраст не установлен. В течение последних трех лет жалуются на похожие симптомы. Их начинает трясти под вечер. Правда, не до паралича. Спасаются они под покрывалами из алюминиевой фольги, иначе не могут заснуть. Обращались во все возможные инстанции, но везде только смеются.

Бывший сотрудник КГБ, который показывал результаты замеров СВЧ-фона в своей квартире. Его семью жарили микроволновым лучом, как котлету на сковородке.

Уволился из органов "по политике", тут же был подвергнут насильственно психиатрическому освидетельствованию. Признан нормальным. Однажды ночью проснулся от страшного жжения в позвоночнике - и началось. Один из симптомов - вибрация во всем теле.

И группа "охотников за летающими тарелками", карабкавшаяся на Гиссарский хребет якобы к месту посадки НЛО. Три человека ночью

проснулись от бешеной вибрации.

Яркое свечение в воздухе, различимое сквозь брезентовую стенку палатки.

Абсолютный паралич воли на несколько минут.

Только вот чего "уфологи" точно не чувствовали - так это страха. Потому что внутренне они были готовы к встрече с Неведомым.

"А я что - не готов?"

С этой мыслью Тим собрался в комок. Он весь сжался в крошечный шарик, сгусток энергии. "Там, в углу, стоит и глядит на меня что-то невообразимо страшное. Как его победить? Только став еще более страшным, чем оно само".

И вместо того, чтобы внутри себя заорать от ужаса, Тим злобно рыкнул. Дал ненависти заполнить сознание до отказа. Резко, прыжком, развернулся из "шарика" до размеров собственного тела. И легко повернул оскаленное лицо навстречу врагу.

Ххххаааа!!!

В комнате не было ничего и никого - ни тумана, ни ужаса, ни даже пыли в солнечном луче. Ни малейшего напоминания о том, что случилось. Только сведенные до боли мышцы и утробный рык откуда-то из самой груди.

Тим закатил глаза, покачнулся на краю дивана и с деревянным стуком повалился на пол.

***

- Смотри! - сказал Тим. - Документ, однако. Ольга взяла у него бледную ксерокопию и принялась читать. Тим достал из холодильника очередную ванночку со льдом.

"Независимые эксперты, - было написано на бланке с логотипом какого-то "Комитета охраны жилищ", - расследовали факты проведения КГБ СССР преступных опытов по воздействию сверхвысоких частот (СВЧ) на поведенческие функции человека (создание биороботов).

В результате установлено следующее:

1. Опыты на людях начали проводиться в СССР с 1977 г. и к настоящему моменту приняли достаточно широкий размах.
2. Облучение СВЧ, особенно длительное, приводит к разрушению здоровья человека и подавляет его волю (превращает в биоробота).
3. При соответствующей комбинации частоты, фокусировки и мощности излучения возможно различное воздействие на деятельность сердца и даже его остановка. В связи с этим требует дополнительного расследования причина смерти А. Д.

Сахарова.

4. Обращение подопытных в различные инстанции приводило не к прекращению облучения, а к помещению их в психиатрическую лечебницу, где им ставился диагноз "шизофрения" и "НП" - нецелесообразность переписки".

5. Жалобы и болевые ощущения пострадавших совпадают с результатами научных исследований о воздействии электромагнитных излучений на организм человека..." Ольга не стала заглядывать дальше, в перечисление имен и научных степеней "независимых экспертов". Положила документ на стол и вздохнула.

- Бред, да? - спросил Тим, протягивая ей стакан.

- Спасибо, - кивнула она. Очень холодная водка пополам с грейпфрутовым соком и несколько кубиков льда. Отличный напиток. Тим

замечательно умеет делать такие вещи. Крепкие и совсем без водочного привкуса. - Почему бред? Только вот зачем они Сахарова приплели... - Это и есть самый важный аргумент "против"! - Тим сел рядом и обнял Ольгу за плечи. Он мягко потерся носом о ее щеку, и она испытала острый, почти болезненный прилив нежности. - Понимаешь, здесь получается такая смешная петля.

Если бы не Сахаров, документ читался бы неплохо. Но те, кто его писал, убеждены, что академика убил КГБ. И если сказать им, что без ссылки на Сахарова документ будет правдоподобен... Вот тут ты увидишь, насколько все эти люди больны.

Ольга повернулась к Тиму, заглянула в его усталые глаза, а потом их поцеловала, сначала левый, потом правый.

- Бедный мой, - сказала она.

- Точно, - кивнул Тим. - Бедный я. Потому что я же говорю - петля. Допустим, банда сумасшедших распространяет шизофренические документы. Ерунда, не впервой.

Но вот три года назад, когда в Москве объявился первый такой псих, он вошел в контакт с двумя известными журналистами. Передал им свои мемуары. И оба журналиста очень скоро умерли. Мужик, Бандуров его фамилия - клевая, правда? - с перепугу лег на дно. Но он же действительно псих. Страшно двинутый на сексуальной почве. Там половина мемуаров посвящена тому, как эти гады вторгались в его сексуальную сферу. Очень натуралистическое описание... Ольга что-то себе представила и улыбнулась. Тим улыбнулся в ответ. Он не боялся рассказывать ей такие вещи. Того, что случилось с Тимом в постели месяц назад, она не помнила. Тогда, отдышавшись и придя в себя, Тим увидел, как она испугана, и впервые в жизни решился на вмешательство, которое мог бы назвать "экстрасенсорным гипнозом". Он только хотел стереть ее страх - но вместе со страхом исчезла и память о том, что его вызвало. А Тим дал себе зарок такого больше не делать ни с кем и никогда.

- Так вот, - продолжил он. - Психопат не может все время быть нормальным, ему нужно иногда активизироваться. И в следующий активный период мужик отнес свои записки не кому-нибудь, а академику Сахарову лично в руки. Вот такие дела.

Говорят, переживает теперь страшно. Слушай, зачем я тебе это рассказываю, а?

- Потому что я тебе верю, - сказала Ольга. И поцеловала его в губы, нежно-нежно.

Тогда Тим поставил стакан на стол и обнял ее уже двумя руками.

На кровати она перевернула его на спину, уселась сверху, вобрала в себя, и Тим провалился в блаженное забытие, которое так недавно стало ему доступным. Он не думал ни о чем, весь отдался своим ощущениям и поразился тому, как остро чувствует эмоции своей любимой. На секунду ему показалось, что он произвольно "щелкнул", но это было не так. Он просто воспринимал ее чувства, как будто два человека стали одним. Закрыв глаза, он нырнул в содрогаящуюся темноту, и тут сквозь нее пробилась голоса.

Стонала женщина. Стонала, задыхаясь от наслаждения. Похотливо хрюкал и бормотал что-то неразборчиво матерное тонкий и визгливый мужской голосок. И сквозь этот фон пробился третий голос, давно знакомый - сильный, мужественный, главный, басовитый.

- Смотри! - сказал он Тиму весело. - А ее-то уже трое е...!

- В жопу, в жопу хочу! - провыла женщина. - Аааа!!!

Тим не крикнул, не дернулся, не задрожал, даже не потерял эрекцию. Подсознательно он был готов к вторжению в свой разум, как те "уфологи" на Гиссарском хребте к визиту летающих огней и трясучке во всем теле. Тим просто чертовски расстроился. Потому что уже вычислил, что теперь делать и какие это будет иметь для него последствия.

Он "щелкнул". И понял, отчего не работает экран под матрасом. Комната была залита голубоватым свечением, которое заполняло ее всю и текло под небольшим углом сверху. Как срывается с плоскогорья водопад. Холодный, злой оттенок голубого. Раньше Тим такого не видел. Он "щелкнул" до упора, но локализовать генератор излучения не смог. Похоже, сигнал шел очень издалека и через систему ретрансляторов. Но ближайший Тим, кажется, засек.

Ольга, тяжело дыша, ритмично двигалась, изгибаясь всем телом. Она еще не почувствовала, что Тим отключился. С начала вторжения прошло всего лишь секунды три-четыре.

Женщина в мозгу Тима выла и ругалась матом, требуя, чтобы он перестал кобениться и вдул ей в жопу как следует. Визгливый по-прежнему хрюкал и бормотал. Тим задвинул обоих в угол сознания и настроился на главного. Он четко сформулировал мысль и, произнося неслышные слова, почувствовал, как движется язык и напрягаются голосовые связки.

- Ты оператор? - спросил он.

- Я оператор, - эхом отозвался бас. Он уже не веселился, скорее в голосе прозвучало недоумение и легкий испуг.

- Я тебя поймаю, - пообещал Тим. - И оторву тебе... - он подумал, -... голову.

Прощай. Ты мертвец.

Оператор что-то промямлил в ответ, но Тим уже поставил блок. Секунда, две - голоса смолкли. Тим "щелкнул" и увидел, как голубой свет всасывается обратно в потолок.

Движения Ольги стали замедляться, она почувствовала, что что-то не так. Тим мягко, ласково остановил ее. Их тела разомкнулись, Тим осторожно подтолкнул девушку, чтобы она легла на спину. "Все, прошло мое недолгое счастье. Я уже просто не смогу в достаточной степени расслабиться для того, чтобы кончить ей в губы, или когда она на мне, или в любом другом нестандартном варианте. Я теперь всегда буду слишком напряжен".

Тим вошел в нее. "Да, только эта позиция, которая намертво отпечатана у меня в мозжечке с самого первого раза. Именно в этой позе мне так привычно совмещать несовместимое - ласкать и думать. У меня остаются мои губы, мои руки, мое желание дать ей счастье. И я буду по-прежнему доводить ее до экстаза и делать с ней все, что она захочет. Но когда я захочу кончить, я всегда буду сверху. И голова моя будет думать - держать блокировку.

Потому что теперь не думать - это непозволительная роскошь для меня. Еще раз-другой они меня пробьют, и мне кранты. Стану либо импотентом, либо марионеткой. А так - ни два, ни полтора, но хотя бы моя милая получит немножко удовольствия. Я буду наслаждаться тем, что ей хорошо. Как-нибудь проживем. А там, глядишь, я достану этих гадов - и все вернется. Все вернется, правда, Оля?

Я тебя люблю".

Тим двигался, и в слиянии губ гасли вздохи и стоны любви. В голове

Тима играла музыка. Для начала он "поставил" "Dire Straits". У них было много вещей с подходящим ритмом.

***

Среди ночи Тим осторожно прикрыл дверь в квартиру, пробежал по лестнице шесть этажей вниз, зашел в соседний подъезд. Девять этажей вверх, тихонько, не спеша, прислушиваясь. А вот и решетка, закрывающая выход на чердак. Громадный замок.

Ну, посмотрим.

Тим неглубоко "щелкнул" и осторожно пощупал сканирующим лучом пространство над головой. Людей нет. Тогда он "щелкнул" до упора и "принюхался" на пределе своих нынешних, совершенно фантастических возможностей. Беспомощный и незащищенный внешне, застывший, как статуя, с закрытыми глазами и искаженным от напряжения лицом, он принюхался к точке, где должен был стоять ретранслятор. Ничего там не оказалось.

Ничего, кроме светящегося остаточным излучением квадрата размером примерно метр на полтора, окруженного аккуратными террикончиками шлака. Что-то здесь было еще час назад. А теперь - не было.

Эту штуковину несли на руках, и она оставляла пятна. Тим вышел во двор и встал, "принюхиваясь", под мягко летящий с неба пушистый снег. Вот здесь была их машина. Судя по отпечаткам протектора... "Да, точно. Тот самый "ГАЗ-66" защитного цвета с надписью "Техпомощь" на борту. Ты же, тормоз несчастный, прошел мимо него, обалдевший от предвкушения любви, и не заметил ничего странного. Глянул, как на пустое место. А он стоял бесстыдно, не скрываясь.

Обнаглели донельзя. Или они не понимают, что со мной сделали, насколько я стал чувствителен и до какого озверения они меня довели?!" Падал снег, было тепло. Тим протянул ладонь, поймал несколько снежинок и прижал руку к горящему от злобы лицу. Все, тупик. "Они загнали меня в угол. Кажется, теперь я понимаю, отчего "поехал" на сексуальной почве Бандуров, чем на самом деле была счастлива Эфа и почему начал вендетту безобидный Лебедев, дурак и "шестерка" по жизни".

Тим прошелся по двору, печатая следы в тонком снежном покрывале. "Есть области чувств, которые человек тщательно оберегает и трогать не позволяет никому. Что это? Инстинкт продолжения рода во всех его ипостасях. Вспомним наших зомби, вырвавшихся из-под власти "хозяев". Галина Самойлова из Воронежа, Валентина Танич из Москвы, Сергей Колесников из Киева. Единственное, что было ценного в их жизни, - дети. На это "хозяева" и нажали. Бешеный страх за детей в течение нескольких лет, пока зомби работал, делал зомби психопатом. И люди срывались с крючка, сходили с нарезки, становились свободны.

А вот Бандуров, одинокий и бездетный, не успел уйти из "большого секса". И однажды, когда положил свой прибор на пенек, замахнулся топором, да так и застыл... С этого момента он тоже малость тронулся рассудком. И стал для "хозяев" недоступен. Они его наказать хотели, а вышло - потеряли. Потому что сумасшедший не контролирует себя. А при психотронной атаке задействуется собственный центр контроля в мозге. Верно, Тим! Думай, мой хороший! Ты все поймешь.

Ты каждый раз "щелкал", встречаясь с беглым зомби. И ничего особенного не видел - легкая энергетическая аномалия мозга, характерная для психопатических личностей, и все. А вот у "активного" зомби,

находящегося под контролем, должна быть своеобразная "черная метка". Интересно, ты сумеешь ее разглядеть? Скорее всего. Так. А к чему ты все это, Тим? Ты словно на войну с ними собрался".

Тим поднял лицо к небу. "Может быть, - сказал он себе. - Допустим, блокировка, когда в голове все время бренчит музыка, оказалась весьма эффективной. Хорошо, я спас от вторжения свою сексуальную жизнь. Хотя разве это жизнь с таким блоком?..

Ну, неважно. Но как защищаться во время сна? Опять каждый вечер надираться до чертиков, чтобы отключать контроль? Либо я сопьюсь, либо еще раньше посажу себе печень и сдохну.

И в любом случае я быстро расштатаю нервную систему так, что не смогу работать как сенс. Я уже сейчас на пределе. У меня почти не осталось пациентов, я разогнал старых и не беру новых. Потому что еще неделя, и я начну их одной рукой лечить, а другой - подпитываться от них, воровать энергию. Просто включится инстинкт самосохранения. И я стану вампиром. А вампиром я быть точно не хочу".

Тим вздохнул и повернулся к подъезду. Там, дома, спит любимая. А в холодильнике стоит водка. И впереди - либо сумасшествие, либо... "Мне плохо. Меня прижали.

Нужно выпить".

Усевшись на кухне, Тим долго глядел в полный до краев стакан. "Жилье оплачено на полгода вперед. А вот денег на еду и допинг осталось месяца на два. Успею я решить эту проблему за два месяца?"

- Ну, блиди! - прошипел он. - Достали вы меня!

Давясь, он затолкал в рот спиртное. Закурил.

"Зачем я им? Может, эти гады решили посмотреть, как поведет себя под давлением экстрасенса? Непонятно. Значит, нужно выяснить главное - для чего меня "пробивают" и делают мне больно. Нужен контакт с "хозяевами". Мне нужно знать, кто они и чего от меня хотят. Если они решили сделать из меня лабораторную крысу - из самих чучела набыю. А если у них есть ко мне деловой разговор - что ж, поговорим..." Тим налил себе еще. Все проблемы окружающего мира постепенно отходили на второй план. Куда-то делись сложности с родителями. Перестала волновать заброшенная учеба. Не трогали больше журналистские заморочки. И пропала любимая - действительно ли любимая? - женщина.

Остался только он, Тимофей Костенко, который никого не любит, кроме себя, и у которого все еще впереди.

Это было знакомое ощущение. И чертовски приятное.

- Из всех чучела набыю, - сказал Тим, сжимая кулак. Он поднялся, встал посреди кухни, "щелкнул". Отбросил глупый тошнотворный мир, придуманный людьми, весь сотканный из пошлости, подлости и похоти. Несколько секунд вживался в мир тонких излучений, такой реальный, такой честный и правильный. Легко поймал в кулак пролетающую мимо голубую молнию. Совершенно не чувствуя боли, которую молния пыталась ему причинить, посмотрел, как она бьется, вырываясь. И одним коротким напряжением воли убил ее. Поймал еще. И тоже убил. И убил еще. И еще. И еще. И засмеялся.

Когда Ольга проснулась на рассвете и бросилась его искать, Тим полулежал в кресле, стоящем посреди кухни. Он спал крепким сном, и на губах его играла незнакомая Ольге прежде холодная, злая улыбка.

ЧАСТЬ II

ЭКСТРАСЕНС

30 ноября 1990 года - 26 января 1991 года

- Добрый день, господин Лапшин! - сказал Тим в трубку, перебивая голос на автоответчике. - Это вас некто Костенко беспокоит. Если вы дома, пожалуйста, ответьте.

- ...буду вам очень признателен... - бормотало в трубке. - Говорите после звукового сигнала... - Сергей Борисович! - повторил Тим. - Это Тимофей Костенко. Пожалуйста, ответьте мне!

- Да! - раздраженно бросила трубка. - Слушаю вас.

- Здравствуйте, Сергей Борисович.

- Здравствуйте, Тимофей. Чем могу быть полезен?

- Мы не могли бы встретиться?

- Зачем? - без секунды промедления выдохнул Лапшин. И Тим услышал в его голосе страх.

- Это не займет много времени. У меня к вам несколько вопросов, и очень не хотелось бы по телефону... - Честное слово, я просто не знаю, Тимофей.

- Пятнадцать минут, Сергей Борисович. Будьте любезны! Лапшин замялся. Слышно было, как он тяжело дышит.

- Право, не знаю... - пробормотал он наконец. - Понимаете, Тимофей, у меня сейчас наплыв клиентов... Ну, вы в курсе, что это такое. Я просто не в состоянии уделить вам время. Я должен отдыхать, восстанавливаться, вы же понимаете... - А я вам помогу, - предложил Тим вкрадчиво.

- Нет! - почти взвизгнул Лапшин. - Нет, спасибо большое, нет... Вы знаете что, Тимофей... А вы позвоните мне через недельку, а? Хорошо? Возможно, я буду посвободнее... - Хорошо, - вздохнул Тим. - До свидания. Я обязательно... - До свидания! - радостно перебил его Лапшин и уронил трубку.

- Вот чмо! - рявкнул Тим, ударяя кулаком по столу. Он перелистал записную книжку и набрал еще один номер.

- Алё... - вальяжно, с придыханием, отозвался глубокий и низкий женский голос.

- Привет, красавица! - Тим поймал себя на том, что невольно включил игривую и двусмысленную интонацию.

- Ха! - отозвалась Людмила. - Тимка! Здорово! Где пропал?

- Не "где пропал", а "куда пропал"...

- Мы люди дремучие, статейки в газетки не пишем. Ладно, чего надо? Третий глаз не открывается?

- Ты гостей принимаешь? - поинтересовался Тим. - С большими красивыми бутылками вкусной полезной водки?

- Зачем? - в точности, как давеча Лапшин, насторожилась Людмила.

- Нужна консультация. Не пойму я тут никак одну вещь...

- Так расскажи...

- Да тут не скажешь, показать надо.

- Тим, лапушка, не темни. В чем дело?

- У-у... Скажем так. У тебя нет в последнее время такого странного ощущения... Как будто ты малость не в себе?

- Тим, ты совсем дурак?!

- А что я такого сказал?!

- А ты не знаешь, да?!

- Люда, погоди. Я же тебе и говорю - давай принимай гостей. Может, я действительно ничего не знаю.

- Ой, не смешите меня! Все, Тим, пока. Мне некогда. Приветик!

- Ух, чтоб тебя... - пробормотал Тим, бросая трубку. Он перелистал книжку снова, взялся было за телефон, но передумал. Поднялся, открыл холодильник, сделал из горлышка хороший глоток коньяка и некоторое время стоял, уставившись невидящим взглядом за окно. Звонко клацнул зубами и пошел одеваться. "Ну, ребята, - подумал он, - вы меня разозлили".

- Кто там? - спросил через дверь Кремер, внимательно разглядывая Тима в "глазок".

- Костенко, - назвался Тим. - А ты не видишь, да?

- У меня клиент, - сказал Кремер. - Приходи завтра.

- А если я сейчас "щелкну"? - спросил Тим с угрозой в голосе.

Раздался звон набрасываемой цепочки, клацнули по очереди два замка.

Глаза у Кремера оказались полузакрыты. В отличие от Тима, он действительно "щелкнул". Кремер был в хорошей форме, и Тим почувствовал неприятное жжение в переносице.

- А через дверь слабо? - спросил он ехидно.

- Так она же стальная, - удивился Кремер, выходя из транса. - Чего надо?

- Давай открывай. Надо четверть часа твоего времени.

- Заболел?

- Задолбал. Слушай ты, тощий викинг, я сейчас твою цепочку зубами перекушу.

Кремер тяжело вздохнул, захлопнул дверь, снял цепочку и снова открыл.

- Заходи, - сказал он брезгливо, - алкоголик. Когда нажраться успел?

- По пути, - ответил Тим, проходя вслед за хозяином на кухню. Кремер был белобрысый, с арийскими чертами лица, очень высокий, но гораздо уже Тима в плечах и весь какой-то по жизни недокормленный. Поэтому его так и прозвали - "тощий викинг".

- Ну? - спросил он, усаживаясь за стол. - Я время засек, ты учти.

Тим сел напротив.

- Что же ты меня впустил? - поинтересовался он, небрежно отодвигая стопку грязных тарелок и ставя на стол фляжку коньяка. - Ты действительно решил, что если я "щелкну", то увижу, кто есть в квартире, а кого нет?

- Чего надо? - повторил Кремер, игнорируя появление выпивки.

- Мне почему-то все задают именно этот вопрос. Не "как дела, Тим?", не "что случилось?"... Все спрашивают, чего мне надо. И никто не хочет со мной встречаться. Почему ты впустил меня в дом, Коля?

- Когда я "щелкнул", ты не закрылся, - ответил, помедлив, Кремер. - Я увидел, что тебе нечего скрывать. А еще ты пьяный, гад. Ну так что, Тим, как дела? Что случилось?

Тим рассмеялся и отточенным движением "свернул шею" коньячной фляжке.

- Будешь? - спросил он. Кремер помотал головой.

- У меня клиент через час. И у тебя действительно очень мало времени.

- Хорошо, - кивнул Тим, завинчивая крышечку. - Коля, ты ничего такого... необычного не чувствуешь? - Он неопределенно помахал ладонью в воздухе.

- Ничего, - сказал Кремер серьезно.

- Какое-то давление извне...

- Какое давление? - Кремер сделал большие глаза. Получилось вполне искренне.

- Ладно. Скажем конкретнее. Тебя не пытались на днях пробить, Коля?

- Кто?! - вытаращился Кремер. - Зачем?! Каким образом?!

- Кто, кто... Х...й в кожаном пальто! - пробормотал Тим, поднимаясь и убирая фляжку в карман. - Извини за беспокойство, Коля.

Кремер молча положил руки на стол и сцепил пальцы в замок. Он смотрел за окно, и его худые плечи сутулились больше обычного.

- Пока! - сказал Тим. Кремер не ответил. Тогда Тим коротко, на долю секунды, "щелкнул". Поле Кремера было все словно в мелких язвочках - следах плохо заглаженных пробоев. Особенно много их было вокруг головы. Тим повернулся, вышел и захлопнул за собой дверь.

***

Васнецов открыл, не спрашивая. Но остался стоять на пороге, загораживая вход в квартиру. Ему это было не трудно, одной васнецовской бородатой физиономией можно было заткнуть, наверное, тоннель метро.

- Ты чего не позвонил? - спросил он.

- Здравствуй, - сказал Тим. - А я когда звоню, меня не приглашают. Что со мной такое, а? Может, у меня вся спина белая? Или мне черную метку поднесли, а я и не заметил?

- Черную метку, говоришь? - задумчиво произнес Васнецов, беззастенчиво рассматривая гостя, и Тим понял, что бородач весь сгорает от желания "щелкнуть", но стесняется.

- Давай, давай, - Тим махнул рукой и криво усмехнулся. - "Щелкай". Может, ты после этого не только руку мне подашь, но и на порог вступишь.

- Ой! - Васнецов аж подпрыгнул и изобразил на лице положенное хозяину радушие. - Это я от неожиданности. Прости, Тима. Здравствуй, старик! Заходи, пожалуйста!

- Ну спасибо.

- Раздевайся. Вот тапочки.

- Спасибо. Я не помешал?

- Нет, что ты, у меня "окно" на два часа. Чай пить будешь?

- Пожалуй. Спасибо.

- Ну проходи на кухню, проходи.

Пока Васнецов колдовал над чайником, Тим украдкой отхлебнул коньяку и даже внимания не обратил на то, что делает. Его день уже давно начинался с глотка спиртного. А одинокие вечера только из этого и состояли. Тим боялся. И к каждой ночи он целенаправленно подпаивал себя, чтобы сонное забытие наступало мгновенно, ударом, без дремотного перехода, в который могут вторгнуться проклятые голоса.

- Так что там про черную метку? - спросил Тим. Васнецов медленно развернулся к нему и сложил руки на ГРУДИ.

- Я сворачиваю практику, - сказал он грустно. Тим закусил губу и посмотрел бородачу прямо в глаза.

- Устал? - спросил он осторожно.

- Надоело.

- Сорри, - предупредил Тим. "Щелкнул". До упора. И увидел громадную вмятину в ауре над головой Васнецова. И множество небольших пробоев у печени, почек, вокруг сердца, вдоль позвоночника.

- Хочу уехать, - услышал он голос Васнецова. - Уже подал документы. А

ты силен, парень! Ты очень быстро растешь. Очень быстро.

- Как-то все это... - Тим поискал нужное слово. - Неспроста.

- Я знаю, - сказал Васнецов грустно.

- Что ты знаешь? - спросил Тим, возвращаясь.

- Да то же, что и все... - Чайник на плите засвистел, и Васнецов отвернулся, чтобы выключить газ.

- А я не знаю, - пожаловался Тим. - И мне никто не говорит. Может, хоть ты скажешь?

Васнецов выставил на стол несколько жестянок и принялся смешивать заварку с какими-то остро пахнущими травами.

- Понимаешь... - прогудел он. - Это сугубо личное дело. Я не вправе тебе советовать, браток. В жизни каждого сенса... - Да, да! - перебил его Тим раздраженно. - В жизни каждого сенса наступает однажды момент... Ты мне этим все мозги зафачил. Я тоже философ, когда полбанки употреблю. Ты можешь толком мне объяснить, что происходит? А?! Или тоже будешь темнить, бубнить и посылать на...?!

- А кто тебя посылает? - поинтересовался Васнецов, оборачиваясь.

- Да все! Лапшин, Людка, Кремер... Все! Миша, что случилось?! Я ни хрена не понимаю, вообще ни хрена!

- Пьешь ты много, Тимофей, - вдруг сменил тему Васнецов.

- А может, это белая горячка, а? - почти с надеждой спросил Тим.

- Нет, - грустно сказал Васнецов. - Это не белая горячка.

- Ох... - Тим схватился за голову и машинально "щелкнул". С одной стороны, ему сразу полегчало. А с другой - он опять увидел, как сильно побит Васнецов, и очень захотелось что-то сделать. Например - поделиться собственной бедой. Но внутренний голос подсказал, что этого-то как раз делать не стоит. Тим уже слышал, как с ним говорили по телефону бывшие коллеги. И видел, как закрылся Кремер, едва услышав слово "пробить".

- Ты сказал, что помнишь, - пробасил сверху Васнецов. - А я все равно повторю.

На всякий случай. В жизни каждого сенса наступает момент, когда приходится решать. Либо ты будешь жить, как все, либо ты станешь развивать свой дар. А потом наступает еще один момент. Самый важный. Когда ты уже в силе и многое умеешь, ты должен решить второй раз. Либо ты остаешься с людьми, либо ты становишься над ними. Кажется, для тебя именно такой момент наступил.

- А для тебя? - спросил Тим.

- Я свой выбор сделал, - вздохнул Васнецов. - Я уеду.

- Миша, - попросил Тим мягко. - Скажи мне простым русским языком. Что, кто и, главное, зачем? Умоляю!

- Нет, - отрезал Васнецов. Он вдруг окончательно помрачнел. - Сам разберешься.

Вот тебе чай, пей и уходи.

- Миша, - очень тихо произнес Тим, стараясь держать себя в руках. - Не надо так.

Я этого не заслужил.

- Это ты так думаешь. А вот они считают иначе. Знаешь, Тима, уходи. Прямо сейчас уходи. А чаю тебе... там нальют.

Тим скрестил руки на столе и медленно опустил на них голову.

- Хорошо, Миша, - прошептал он. - Спасибо и на этом... Ты меня еще вспомнишь. И тебе будет очень стыдно. Н-да... Все вы, дамы и господа, меня еще вспомните... С вашими намеками, с вашим страхом за свою задницу

поганую, с вашими дешевыми фокусами... Экстрасенсы, народные целители, биоэнергетики сраные! Спасибо тебе, Мишаня. Очень ты мне помог... - Уходи, - повторил Васнецов. - А то я тебе сейчас морду разобью.

- Не посмеешь, - усмехнулся Тим, поднимаясь. - Ты же знаешь, что тогда будет.

ОНИ шутить не любят, верно, Мишаня? А за меня ОНИ тебя, дружище, не пощадят. Ох не пощадят... И Тим с ужасом понял, что попал в точку. Потому что громила Васнецов, большой и сильный, в прошлом тяжелоатлет, вдруг затрясся и рухнул на стул, закрипевший под его тяжестью.

- Ладно, - сказал Тим. - Передумаешь, захочешь поговорить - звони. Или просто заходи. - Он повернулся и пошел к двери. Сбросил тапочки, воткнул ноги в ботинки, натянул пальто.

- Тима! - позвал вдруг его Васнецов слабым голосом. - К тебе нельзя дозвониться, Тима! И дойти до тебя нельзя... - Что?! - переспросил Тим, оборачиваясь. - Что ты сказал?! Э! Мужик! Мишка! - Он выставил перед собой руки, потому что Васнецов, топоча, как стадо бегемотов, несся к нему по коридору. Тим не почувствовал агрессии в этом рывке и оказался прав. Бывший метатель молота просто схватил его в охапку и буквально вышвырнул за дверь, которая со страшным грохотом захлопнулась.

- Извини, Тима, - прогудело за дверью. - Прощай.

- Урод... - пробормотал Тим, вставая и отряхиваясь. Фляжка в боковом кармане оказалась цела, и Тим немедленно проглотил все, что в ней оставалось. Закурил.

Потоптался на месте, недоуменно качая головой. Невоспитанно сплюнул на пол и вызвал лифт.

***

Когда Тим вышел из метро на другом конце города, вокруг почему-то было темно, на небе отчетливо проступили звезды. Фонари едва горели, и Тим принял единственно верное решение - "щелкнул". Было непривычно идти сквозь изменившийся, ставший настоящим мир. Но дорогу оказалось искать не в пример легче обычного. Пришлось только слегка перестроить восприятие, чтобы не мешали геобиологические сетки. А то, когда пробиваешь голубые полупрозрачные стены, невольно сбавляешь шаг.

Это получилось тоже. Тим даже себе подивился. "А впрочем, что толку? Ориентация в пространстве отменная, а счастья нет. Обида какая". На ходу Тим опорожнил вторую фляжку и впервые в жизни ощутил непреодолимое желание заехать кому-нибудь в морду. Но потенциальные жертвы все куда-то спрятались.

Под руку подвернулся летевший мимо по своим делам шарик, как обычно - раздраженный и полный агрессии. Этот экземпляр был даже злее обычного - тоже, наверное, искал, с кем подраться. Тим ладонью сшиб шарик на асфальт и отбил на нем чечетку. Шарик понял, что дело плохо, и поспешно забурился на полметра под землю. Тим попробовал было его выковырять, но шарик отполз в сторону и по полосе Хартмана провалился куда-то на другую сторону планеты.

- В Америку удрал, гад! - прорычал Тим. - Будешь там с Мишкой целоваться, трус поганый!

Еще один шарик сунулся посмотреть, кого бьют. Тим сконцентрировался на нем, и шарик забился в воздухе, как рыба на крючке. Тим подтянул его к себе и вобрал в правую руку. Обожгло, как крапивой. "Ну и надрался я!

- подумал Тим с восторгом.

В нормальном состоянии втянуть шарик в свое поле казалось полным безрассудством.

- А неплохо вышло! Ну, жжет, ничего не скажешь... - Шарик улегся где-то в районе локтя, запаленно поводя боками, подчинившись силе. - Интересно, что с ним теперь делать? А если я еще один поймаю? Хоп! - почти не напрягаясь, Тим захватил в другую руку второй шарик. - Как легко! Только куда я их теперь дену?" Тим пошел дальше, размышляя, и увидел, что из-за угла ему навстречу движется какая-то компания. "Человек пять-шесть. Непривычно яркое свечение. Странно".

- Во! - сказала ему грубым мужским голосом что-то крупное, распираемое изнутри непонятными Тиму силами. - Закурить есть?

- Угощайся, - Тим на ощупь вытащил из кармана пачку и раскрыл ее. "А интересно, как я сейчас выгляжу? - подумал он. - Скорее всего как зомби. Глаза открыты, но ничего не видят".

Пачку у него из руки забрали. Компания медленно обступала Тима, заходя с флангов. "Мужчины, совсем молодые. И очень возбужденные. Просто страшно, болезненно возбужденные. Слушай, Тим, старина, да они больны, ей-богу! Что это с ними?"

- Слышь, мужик, дай курточку поносить, - сказали откуда-то слева. И Тим очнулся.

"Привычка целителя, если "щелкнул" и увидел человека - начни диагностику. А они всего лишь пьянее меня. И это свечение - только злость и либидо. Елки-палки!

Бить собираются. Осталось секунды две, максимум три..."

Все это пронеслось в голове Тима за какие-то мгновения. Плохо соображая, что делает, он повел руки одна другой навстречу, скрещивая их на солнечном сплетении. Вдруг к нему вернулась прежняя злоба. И оказалась во много крат сильнее, чем была. И захлестнула с головой, так что не вдохнуть. Тим озверел.

- Сдохни! - выплюнул он светящемуся пятну слева. И выстрелил в него шариком из правой руки. Бац! И пятна не стало. - Аа! - Тим одновременно выстрелил с левой вперед и "отщелкнул" на две ступени вниз, чтобы хоть частично вернуть зрение.

"Как в замедленной съемке. Широкоплечий детина, все еще сжимая в кулаке пачку сигарет, валится на спину. Четверо с искаженными лицами - какие смешные гримасы!

- присев, отползают задом. Шарик мечется в теле хулигана почище любой пули со смещенным центром. Ох, как здорово! Как же мне хорошо!" - Н-н-на! - Тим с правой выстрелил в третьего, сжимающего в руке нож. И вместо шарика во врага ударил луч.

В тот же момент к Тиму вернулось нормальное восприятие пространства и времени.

"Подстреленный" полетел вверх тормашками, выронив нож. А остальные - исчезли.

Только дробь каблуков по асфальту где-то вдали. У Тима закружилась голова, и он прислонился к стене.

Двое пострадавших, хрипя и задыхаясь, слабо шевелились на земле. Третий лежал неподвижно. Тим попробовал "щелкнуть", и голову его расколола боль. Застонав, он сжал ладонями виски. "Мне нужно "щелкнуть". Мне позарез нужно "щелкнуть". Я должен знать, что произошло".

Тим шагнул к предводителю шайки и наступил ему на кисть руки. Кулак

разжался, и Тим, кряхтя, подобрал злополучные сигареты, выпавшие на землю. "Здесь темно, я себя демаскирую... А, плевать, всех поубиваю. Жалко, коньяка больше нет". После нескольких затяжек Тиму слегка полегчало, и он, кривясь от боли, смог "щелкнуть". Неглубоко, но достаточно для того, чтобы разобраться.

"Так, эти двое, которых зашибло шариками, похоже, скоро очнутся. Просто шок, временная энергетическая кома. А третий? Ого! - Тим поспешно "отщелкнул", чтобы не смотреть. - Фу! Проклятье! Ох, что же я натворил!" Тим почувствовал, что ноги сами несут его прочь. "Как меня сюда занесло? Ах да, я же шел к Марианне. Душу из нее хотел вытрясти. А получилось... вот".

Тим быстро шел дворами, стараясь, чтобы не заплетались ноги. "Марианна - это хорошо. Душу я из нее, положим, все равно выну. Но потом. А сейчас мне нужно убежище. И срочно. Главное - дойти. Здесь недалеко. Или все же передохнуть? Я только на секунд очку... - Тим присел на скамейку у детской площадки и закурил.

- Ладно, я не убил этого парня. Он тоже очнется. Но он уже труп. Теперь у него все здоровые органы станут больными. А все больные - почки, например - станут больны смертельно. И даже я, сотворивший это, не смогу его вытянуть. А стоит ли горевать, Тим? Ну, было пьяное молодое дерьмо с ножиком. Мало они тебя в армии мудохали? Ты вспомни, как на тебе "дедушки" отработывали приемы карате. Четверо на одного.

Нет, не то. Ведь тогда ты никого не тронул. Ты ставил блоки, не пропустил ни одного серьезного удара и ждал, когда им надоест. Ты их жалел, Тим, тебе было за них стыдно. Но почему ты не пожалел сейчас? Как ты мог забыть, Тим, что у тебя только два шарика?"

Он с усилием оторвался от скамейки и нетвердыми шагами двинулся вперед. "Довели.

Они меня довели. Сволочи, уроды, выродки! Они хотят, чтобы я стал такой же, как они. А вот х...й вам в белы рученьки!!!"

Дорогу перебежала кошка. Неважно. "Ничего не вспоминай, Тим, - сказал он себе. - Когда ты сделал это в первый раз, тебе было двенадцать лет. До смерти напуганный ребенок не может отвечать за свои поступки. И то, что эта женщина была ни в чем не виновата... А может, и была. Ты не знал, что она психиатр, ты только увидел, что она причинит тебе зло. И когда она, мило улыбаясь, взяла тебя за руку, ты ей так врезал... Интересно, она поняла, что это сделал ты? Вряд ли. Скорее всего, пси-способности не укладывались в ее систему представлений. Она была тупая, Тим. И версия с настольной лампой, которую вдруг закоротило и на которую она в этот момент облокотилась, - эта версия устраивала всех. Кроме тебя. Потому что ты хотел знать, что с тобой происходит, и рассказал о своих необычных способностях родителям. А они привели тебя к этой женщине. Спасибо, мама и папа, за визит к врачу. И за таблетки. Они действительно снизили мне порог нервной возбудимости.

И от любви к вам вылечили тоже. Ведь я очень не хотел их принимать.

В последний раз я видел эту женщину, когда мне было пятнадцать. Я уже был умен, и она сказала предкам, что я, слава богу, совершенно здоров. Для мальчика беда прошла стороной. А вот для нее - нет. Я понял, что она умирает, и разглядел причину. И промолчал. Люди научили меня скрываться и молчать. Так почему мне по-прежнему стыдно за то, что они тупые, зашоренные, бесстыдные? Почему я по-прежнему хочу всех и вся изменить? Ведь у меня есть только один критерий - я сам. А если переделать всех

людей по моему образу и подобию... Намного ли лучше они станут?"

Тим уткнулся носом в дверь подъезда, ухватился рукой за косяк и пару секунд постоял, отдыхая. "Да, они станут лучше. Потому что я точно лучше их. Я ни у кого ничего не хочу отнять. И никого ни к чему не хочу принудить. А они - уроды.

Вот так. И то, что произошло сейчас, - чистой воды самооборона. Но... Чертовски все это обидно. Потому что, даже защищаясь, я становлюсь таким же уродом, как они. Тьфу!"

- Бля!!! - рявкнул Тим на весь подъезд, успев в последнюю секунду перепрыгнуть через кучу дерьма, прикрытую деликатно газеткой. К нему вернулась злость. И он чувствовал себя все крепче. Голова уже почти не болела. Поднимаясь по лестнице, он "щелкнул". Нормально. "До упора не получается, но я очень быстро восстанавливаюсь. Что со мной происходит? - подумал Тим. - Это как-то связано с попытками войти в мое сознание. Может, у меня вырабатывается иммунитет, и от этого я становлюсь только сильнее? Разберемся. А который час? Половина одиннадцатого. Нормально. Марианна, как и я, ночная птица. Поди, только проснулась, ведьма черножопая".

***

У Марианны за дверью ревел хэви металл. Играли любимую вещь Тима - группа "Эксефт" рубила бетховеновскую "К Элизе". Тим уткнулся лбом в кнопку звонка и принялся ждать, слушая и размышляя.

Сначала он подумал, что "Эксефт" все-таки не металлическая группа, а хард-н-хэви. Потом задумался над названием композиции - "Metal Heart" - и решил, что по-русски оно не прозвучит. "Металлическое Сердце - это некрасиво. Красиво было бы - Стальное Сердце. Когда-то я про себя такое сказал.

Точно. Помню. Ее звали Оля. Тоже Оля. Оленька, счастье мое, не дай бог тебе от меня когда-нибудь такое услышать. Что нечего, мол, выжимать слезу - у меня сердце стальное и если я решил, что мы расстаемся, значит, расстаемся и привет горячий. Нет, ты такого не услышишь. А Стальное Сердце - это будет, наверное, Heart of Steel. По аналогии с Heart of Gold, золотым. Потому что золотое и стальное - это иносказания. А металлическое - оно и есть металлическое.

Железяка".

За этими размышлениями Тим не заметил, как музыка смолкла. Он отлип от звонка, только когда открылась дверь.

- Тимочка, солнышко! - проворковала Марианна. - Как хорошо, что ты Пришел!

- Извини, - сказал Тим. - Мне нужна твоя помощь.

- Тимочка! - воскликнула Марианна, патетически всплеснув руками, и Тим на миг испугался, не бросится ли она ему на шею. Но он уже инстинктивно шагнул назад, и Марианна схватила воздух. С трудом восстановив равновесие, она встала относительно прямо и сказала:

- Заходи, солнышко! - повернулась и ушла в глубь квартиры. Тим, прикрыв за собой дверь, пошел следом. В квартире стоял полумрак, воздух был пропитан странным душноватым запахом. Тим уже заметил, какие у Марианны широченные зрачки. "Они у нее всегда были великоваты, но сейчас их разнесло чуть ли не во всю радужку. "Щелкнуть", что ли?" Тим "принюхался".

"Точно, накурилась какой-то дряни".

На круглом столе в гостиной стоял антикварный канделябр на три свечи. Рядом с канделябром Тим заметил пепельницу с единственной дымящейся папиросой в ней.

- Садись, мой хороший, - Марианна махнула в сторону придвинутых к столу кресел.

- Я знаю, тебе нужна капелька хорошего коньячку...

- И немаленькая, - согласился Тим. Он уселся, с наслаждением вытянул ноги и погладил руками гнутые подлокотники. Все вещи в этой комнате были либо действительно старыми, либо умелыми копиями. А за столом периодически баловались спиритизмом. В промежутках между прочим баловством - или, что называется, на затравку.

Когда-то Тим захаживал к Марианне часто. Они оба учились у Лапшина, а потом стажировались у Васнецова. Только Марианна, как человек взрослый и серьезный, с медицинским дипломом, посещала занятия прилежно и получила сертификат. А у Тима в школе Лапшина был статус вольнослушателя. Он гулял сам по себе и приходил, когда считал это нужным. Что интересно, качество не пострадало. Как он до начала занятий мог скрутить Марианну в бараний рог, так и с сертификатом экстрасенса-целителя она ему в подметки не годилась.

Марианна поставила на стол початую бутылку "Камю" и рюмку. Тим налил, опрокинул дозу и, погоняв коньяк во рту, с наслаждением проглотил его. Коньяк был самый что ни на есть настоящий.

Марианна стояла перед Тимом и разглядывала его с выражением безграничного восторга на лице. Тим в который раз подивился тому, насколько же ему эта женщина неинтересна. Пышная грива вьющихся от природы иссиня-черных волос. Тонкая кость, прекрасно вылепленное худощавое тело. Чуть смуглая кожа, породистое красивое лицо. И тяжелый, обволакивающий взгляд. Раба желаний, страстей и привычек, женщина слегка за тридцать, подчеркнута развратная и жутко одинокая.

- Ну-ка, мой хороший, давай тебя посмотрим... - пробормотала Марианна, склоняясь над Тимом. Она сделала несколько стандартных пассов руками и принялась что-то бормотать, вводя себя в рабочий транс. Глаза Марианны окончательно затуманились.

Тим закусил губу, чтобы не рассмеяться. "Все-таки, бесталанные сенсы чертовски зависят от ритуалов, - подумал он. - Вот, не начни Машка шевелить граблями и читать самопальную мантру, черта с два ей удалось бы "щелкнуть". Да и не "щелчок" это - жалкие потуги. Ладно, Тим, имей совесть. Не так уж давно ты стал крут. И похоже, не без чужой помощи".

Марианна склонилась ближе, поводя руками над головой Тима. Из распахнувшегося шелкового халата вынырнула небольшая грудь с маленьким темным соском. Тим утвердительно кивнул своим мыслям. "Правильно. Именно такая она и должна быть у женщины с ее конституцией. Безукоризненная форма. И очень скучная. Полное отсутствие того, что люди называют "изюминкой". Аж обидно".

Марианна продолжала работать, она опустилась на колени, теперь руки ее играли над солнечным сплетением клиента. Тим почувствовал, что становится теплее, но это была скорее заслуга коньяка, нежели Марианны. Да, какая-то энергия от женщины исходила, но Тим уже почти восстановил силы. Теперь его пси автоматически исследовало любое воздействие извне и либо отталкивало дурное, либо впитывало хорошее. Поразить Тима ни тем ни другим Марианна не могла. Тим подумал, что хорошо бы сейчас прикрыть

глаза и окончательно расслабиться. Но тогда сто против одного, что в завершение сеанса обкуренная Машка захочет получить вознаграждение и полезет целоваться. И чтобы оторвать ее от себя, понадобится серьезное оскорбление. А оскорблять Марианну Тим не хотел. Как бы свысока он к этой женщине ни относился, он ее еще и от души жалел.

Руки Марианны остановили свой бег в опасной близости от чресел Тима. Марианна сделала несколько глубоких вдохов, открыла глаза, увидела, что Тим на нее смотрит, улыбнулась, встала с колен и, не озаботившись запахнуть плотнее халат, повернулась и вышла. В ванной зашумела вода. Тим налил себе еще, выпил и достал сигареты.

Марианна вернулась через несколько минут. На лице ее читалась здоровая усталость после тяжкого честного труда. "Е-мое, - подумал Тим, - она действительно верит, что может что-то. Ну и молодчина. Несостоявшийся профессионал, несостоявшаяся личность - среди наших сенсов таких две трети, если не три четверти. Но поскольку они верят в свои пси-способности, то клиент от них получает хотя бы элементарную психотерапию. Клиент очень хочет выздороветь. И, бывает, выздоравливает. Все лучше попасть к Марианне, чем нарваться на шарлатана, который точно знает про себя, что пудрит клиенту мозги".

- Н-ну, мой хороший... - протянула Марианна, добывая из пепельницы свой окурочек-- Все с тобой будет в порядке.

- Спасибо, - сказал Тим, поднося ей зажигалку и стараясь не рассмеяться.

Марианна снисходительно кивнула, прикурила, сделала глубокую затяжку и, не выпуская дым из легких, уставилась в потолок. Тим покачал головой и стал ждать.

Марианна продержалась секунд двадцать, после чего с паровозным свистом выпустила дым, и по комнате пополз все тот же сладковатый удушливый запах.

- Это что? - спросил Тим брезгливо.

- Это... марихуана... - выдохнула женщина. Голос у нее ощутимо подсел, зрачки стали еще шире, а на губах заиграла неопределенная улыбка.

- Конопля! - фыркнул Тим. - Из нее канаты вьют. Называй уж вещи своими именами.

Марианна пожала плечами и закинула ногу на ногу. Показалась точеная лодыжка, покрытая густым черным волосом.

- Ты сказал, тебе нужна помощь, - бархатно проворковала женщина. - Я не нашла у тебя никаких аномалий, Тимочка. Ты весь теплый... сильный мужчина. Настоящий мужчина, не то что эти... остальные. Что я могу сделать для тебя, Тимочка?

Может, хочешь?.. - Она выдержала секундную паузу и для приличия шевельнула рукой, в которой держала папиросу.

- Спасибо, нет. Для начала я "щелкну", если ты не против.

- Милый! "Щелкни", конечно. Ты такой хорошенький, когда "щелкаешь"... Тим несколько раз переключился. "Да, быстро я восстанавливаюсь. Получилось чуть ли не до упора. И голова уже не болит".

Под потолком резвились шарики. На полу было черным-черно от энергетического шлака. "Грязная комната. И что-то в ней меня здорово напрягает. Точно не Машка.

Она в порядке - ни пробоев, ни вообще каких-то следов пси-воздействия. Только светится ярче обычного, и в этом излучении

превалирует сексуальный элемент.

Будем надеяться, она ко мне не полезет, не хочу я об нее мараться. Да, Маша, недаром ты бездарь - никто тебя не пытался зомбировать".

Тим "щелкнул" до предела своих возможностей. "Ага! Есть в этой комнате нечто, имеющее над тобой власть. Это должно выглядеть как сгусток темноты, переливающийся яркими искрами. Маленькая такая штучка, на ладони уместится. Я еще не "унюхал", где она. И мне это очень не нравится. А впрочем, неважно.

Сейчас время не искать по углам всякую фигню, а задавать серьезные вопросы".

Тим плавно опустился на несколько уровней ниже и совместил визуальное изображение с пси. Встал и прошелся по комнате. Марианна с интересом следила за его действиями. Тим обошел комнату по периметру и вернулся в кресло.

- Ладно, - сказал он, наливая себе рюмку допинга. - Может, составишь компанию?

- Не в этом, Тимочка, - заявила Марианна.

- Как хочешь, - Тим выпил и удовлетворенно крикнул. - Вещь!

- Клиент расплатился, - гордо улыбнулась Марианна. - Хоть в выпивке он что-то понимает, баран... - Так! - оборвал ее Тим. - Значит, так, Маша. Ты человек разумный, неглупый... - Пожилой, - ввернула Марианна.

- В хорошем смысле - пожилой, - кивнул Тим. Марианна расхохоталась, откинулась на спинку кресла и сладко потянулась всем телом.

- Тимочка, ты прелесть, - сказала она. - Ты в курсе, что я тебя сейчас отымею?

- Послушай, будь добра, - попросил Тим. - Я давно уже не общаюсь с нашей бандой.

Но ты-то с ними поддерживаешь контакт, верно?

- Положим, - в глазах Марианны загорелись хитрые огоньки.

- Значит, ты в курсе всех слухов, последних сплетен и так далее, верно? Ты же умница, Маша. Ты все слышишь и ничего не забываешь, да?

- Я тебя давно ждала, - страстно, с придыханием заявила Марианна. Она перегнулась через край стола ближе к Тиму, и он утонул в ее тяжелом, обволакивающем, засасывающем взгляде женщины-истерички. "Вот так, - подумал он, чувствуя, что теряет контроль над собой. - Вот так она и делает все в жизни.

Вытаращится, и клиент готов. Недаром у нее вся клиентура из мужчин".

- Ты должен был прийти именно ко мне, - сказала она. - Потому что они все боятся тебя. До судорог боятся, слабаки. Они и раньше боялись. А теперь - особенно. А я всегда тобой восхищалась, ты же знаешь. Твоей силой, твоей мощью, твоей красотой... - Стоп, стоп, стоп, - выставил ладони Тим. Невольно он этим движением отсек Марианну от себя, и ее гипноз потерял силу. На всякий случай Тим "щелкнул" на один уровень. В этом состоянии он все отлично видел, но был полностью закрыт от традиционных методов воздействия на психику, включая гипноз и даже нейролингвистическое программирование. Теперь он мог оценить, насколько слова человека совпадают с его желаниями. Как и следовало ожидать, у Марианны на уме было только одно. И она оказалась так этим озабочена, что врать и сочинять небылицы у нее просто не осталось бы сил.

Марианна обиженно надула губы и отодвинулась.

- Ты сказала, они меня боятся? - спросил Тим.

- До усрачки, - кивнула Марианна.

- Почему?

Марианна расхохоталась вновь, легко и звонко.

- Ты меня проверяешь! Ну что же... Знаю, знаю. Все я знаю.

- Так расскажи, - попросил Тим, невольно подаваясь вперед.

Марианна хитро покосилась на него, медленно взялась обеими руками за лацканы халата, развела их в стороны и чуть прогнулась назад. Грудь у нее действительно была необыкновенной формы. Она была прекрасна. И по-прежнему совершенно не волновала Тима. Оценить женщину-брюнетку в качестве сексуального объекта он просто не мог. Все брюнетки напоминали ему собственную мать. Женщину, отдавшую его на растерзание психиатру, тоже, кстати, черноволосой. Женщину, вынудившую Тима совершить первую в жизни настоящую жестокость.

- Посмотри... - прошептала Марианна. Тихо мурлыча себе под нос, как довольная кошка, она сбросила халат с плеч и начала медленно оглаживать руками свои груди.

Это завораживало. Тим стиснул зубы и яростно выматерился про себя "Нужно было выметаться отсюда, как только я понял, что она под кайфом. Но мне позарез нужна информация. А Машка уже проболталась. Эх, хотел я из тебя душу вынуть - и точно, придется".

Тим "щелкнул" и выбросил в сторону Марианны луч-щупальце. Обвил ее им вокруг головы и мягко погладил. Женщина замерла. Тим провел осторожное сканирование, разобрался, что к чему, и принялся вычищать из ауры поврежденные "травой" кластеры. Тонкая, ювелирная работа. Протрезвевшая Марианна могла впасть в глубокий похмельный сон, а Тим хотел разобраться с ней по возможности быстрее, пока сам не ослаб. Поэтому ауру Марианны приходилось не только чистить, но и подпитывать. А делать это в донельзя грязной комнате, где еще присутствовал и неизвестный Тиму довлеющий над Марианной объект, было очень непросто.

Пара шариков подлетела ближе, заинтригованная происходящим. Тим брезгливо шикнул на них, и они убрались. Марианна ровно и глубоко дышала, на лице ее застыло выражение полного блаженства. Похоже, она была счастлива. Тим скрежетнул зубами.

"Только этого не хватало. Теперь она привяжется, как собачонка. Вечно я что-то не так делаю. Слишком человечный все еще. Пока что. Проклятье, какая мощная сексуальная подоплека у всех ее эмоций! Бедная Машка просто на этом помешана. И совершенно в этом деле не может себя найти".

Тим "отщелкнул" на несколько уровней назад, сохраняя минимальный уровень пси-восприятия. Расслабившись, он проделал несколько дыхательных упражнений.

Марианна с легким стоном приоткрыла глаза.

- Тимочка... - прошептала она. - Ой, Тимочка... - Полегчало? - осведомился Тим, наливая себе выпить.

- Ой, Тимочка... Я тебя люблю!

- Это только так кажется, - пробулькала Тим, глотая коньяк. - Ну, так что ты мне хотела рассказать?

- Кажется, я кончила, - сказала Марианна, прислушиваясь к ощущениям и машинально оглаживая грудь.

- В первый раз, что ли? - ляпнул Тим.

Это было сказано удачно. Потому что Марианна обиделась и вернулась к действительности, уставившись на Тима почти нормальным взглядом.

- Так кто я такой? - тут же спросил Тим, стараясь не потерять инициативу.

- Ну... Ты теперь будешь главный, - сказала Марианна серьезно.

- Где? Над кем?

- Здесь. Над всеми.

- А конкретнее нельзя?

- Ну, Тима... Зачем этот допрос? - Марианна потянулась к своему окурку. - Я знаю не больше других. Если ты хочешь мне что-то рассказать... - Сначала ты мне расскажи.

Марианна, не дождавшись зажигалки, отложила папиросу и укоризненно посмотрела на Тима.

- Говорят, что ты избран. Ты всегда был самый лучший из нас, и сейчас тебя хотят сделать главным. И я очень за тебя рада, Тимочка. Ты не забудешь меня, правда?

- Кем я избран, Маша? Кто хочет сделать меня главным?

- Ну, Тима, не дури! А кто открыл наш "Центр", кто разрешил выдавать нам дипломы, кто нас, э-э... легализовал? Правительство, конечно.

Тим потер руками глаза. "Ни хрена она не понимает. А если начать с простого?!"

- Ребята чувствуют давление? - спросил он. - Жалуются на пробой?

- Да, - кивнула Марианна. Она пошарила в кресле под собой, добыла смятый коробок спичек и опять взяла папиросу. - Некоторых сильно побили. Людмила просто сама не своя. Говорят, и Лапшин... И Мишка Васнецов тоже. Это ведь тест, верно? Проверка на прочность, на силу... А ты справился. Ты выдержал, Тимочка. Ты мой герой. Ты самый-самый, я тобой горжусь!

Она прикурила, затянулась и снова надолго задержала дыхание. Тим подождал и спросил:

- А это хорошо, что я буду главным?

- Ха! - выдохнула Марианна. - Это лучше не бывает. Ты же самый умный, самый честный, самый сильный. Ты всех этих чайников по струнке построишь.

- И чем же они будут заниматься под моим руководством?

- Все тем же, - Марианна пренебрежительно хмыкнула. Похоже, допрос начал ее утомлять. - Баранам мозги вправлять.

- В смысле?..

- Что "в смысле", Тим? Ты что, не знаешь клиентуру Лапшина? У него же все банкиры, все кооператоры, все эти нувориши толстомордые лечатся. Конечно, он их программирует, как ему велят. А попробуй он рыпнуться, тут же - бац! - и обратно в поликлинику, бабулькам геморрой вправлять. А Васнецов мало, что ли с интеллигенцией работал? Да у него половина Союза писателей перебивала. Даже Кремер худосочный - и тот газету "Правда" окупил! Чтобы с партийной линии не съезжала!

Тим слушал и чувствовал, что столбенеет. Это было невозможно, это была какая-то дикость. Накурилась, дура, конопли... - За удовольствие надо платить, Тимочка! - заявила Марианна, дирижируя себе папиросой. - Хочешь работать - работай! Но государству, будь любезен, плати налог. Окажи, так сказать, уважение! Государству тоже нелегко. В узде держать всех этих богатеньких, всех этих диссидентов-графоманов... Они же бараны, Тим, ты знаешь это лучше меня, что я тебе буду тут... Им пастух нужен! Настоящий мужик, вот как ты!

- А ты кого, э-э... окучиваешь? - спросил Тим осторожно.

- А я дура бесталанная, - вздохнула Марианна горько. - Ко мне тут приходил один... С красной такой книжечкой. Все присматривался ко мне, принохивался. И решил, видно, что я... Э-эх! - Она замахнулась папиросой

с явным намерением зашвырнуть ее в пространство, но окурок выскользнул из пальцев и упал на ковер.

Тим нагнулся посмотреть - не загорится ли. А когда распрямылся, Марианна глядела ему прямо в глаза. - Этот астральный секс был прекрасен, - произнесла она низким и слегка дрожащим голосом. - А теперь возьми меня по-настоящему, Тима! Сейчас!

- Маш, не сходи с ума! - попросил Тим. Но Марианна с остекленевшим взглядом поднималась на ноги. Тим вскочил. "Эх, не пришлось бы ей резать".

Марианна, полузакрыв глаза, медленно наступала на него, развязывая пояс халата.

Это было такое странное зрелище, что Тим "щелкнул" глубже - проверить, не "ведут" ли ее извне. Механизм воздействия на мозг у "травы" не такой, как у алкоголя. Вдруг "обкуренного" человека можно зомбировать? Нет, в комнате не было никаких признаков внешнего давления. "Бедная Машка просто окончательно сдурела от проклятой конопли, - подумал Тим растерянно. - Что мне с ней делать, ума не приложу. Удрать, что ли?"

Тим обалдело рассматривал энергетический рисунок Марианны и вдруг почувствовал возбуждение. Марианна подошла уже вплотную, Тим оказался в ее активной зоне, их ауры сплелись. И бешеная сексуальная составляющая в поле Марианны активизировала ответ Тима. Мужчина затрясся от желания. И, конечно, разозлился. "Ну, Машенька, ты напросилась!"

Марианна сбросила халат и осталась совершенно обнаженной. У Тима перед глазами поплыл туман и второе, экстрасенсорное, видение мира тоже стало зыбким и нечетким. Тима разобрал нервный смех. К привычной уже абстрактной злобе на весь свет прибавилась злость конкретная - на себя за то, что так нелепо попался на крючок, и на Машку безмозглую, которая не ведает, что творит. Стараясь не переборщить, Тим мягко оттолкнул Марианну своим полем - и женщина со стоном повалилась на ковер, широко раздвинув согнутые в коленях ноги.

- Иди ко мне... - пробормотала она, извиваясь. - Иди же...

Тим помотал головой и присмотрелся. Стройные красивые ноги Марианны были до самых бедер покрыты короткой и густой черной шерсткой. И это было здорово. Черт возьми, до чего это оказалось привлекательно! Тим и подумать не мог, что ему может понравиться что-либо подобное. Но он уже стоял на коленях между этих сильных мохнатых ног, и они обхватили его за пояс и крепко сжали.

И тут Тиму стало обидно. Происходящее было диким, несуразным, а главное - бессмысленным. И очень характерным для всей его, Тимофея Костенко, дурацкой жизни. Его опять к чему-то принуждали.

Тим расстроился. Он глубоко "щелкнул", пошарил в воздухе левой рукой и выловил шарик, крошечный, почти безобидный. Облизнул два пальца правой руки и аккуратно ввел их в Марианну, которая в ответ вся затряслась. Раздвинув пальцы, он раскрыл ее устье.

- Прелесть ты моя, - промурлыкал он.

И закатил шарик Марианне во влагалище. Встал с колен, перешагнул через бьющееся в конвульсиях тело. Прошел в спальню, открыл шкаф, покопался в белье и вытащил маленький сгусток темноты, переливающийся искрами. Вещь, от которой Марианна остро зависела, оказалась пакетиком с белым порошком. Брезгливо держа пакетик на вытянутой руке, Тим отнес его в туалет и отправил в долгое плавание. Вымыл руки.

И рассмеялся.

- Не на-адо было меня трогать, - сказал он и подмигнул своему отражению в зеркале. - Верно? Верно.

Даже закрыв входную дверь, он все еще отчетливо слышал, как в квартире Марианна, катаясь по полу, орет, плюется и ругается матом.

***

- Васнецов! - рявкнул Тим, отпуская кнопку звонка. - Мишка! Открывай, гад!

За дверью стояла тишина. Тим "щелкнул", просканировал квартиру и застыл в недоумении.

- Уже удрал, скотина?.. - спросил он себя вслух. Сунув руки глубоко в карманы, Тим направился к лифту. С момента, когда он начал свои "хождения по сенсам", прошло больше суток. Тим успел выспаться, протрезветь, более или менее упорядочить мысли и окончательно разозлиться. Намеки Марианны на то, что сенс-целитель должен платить государству "налог", основательно пошатнули сложившуюся у Тима систему ценностей. И теперь ему чертовски хотелось знать, сказала Марианна правду или это были просто наркотические фантазии. На последнее он очень надеялся. Кремер стоял за дверью и не открывал.

- Коля, я тебя умоляю, - нудил Тим. - Мне нужно, понимаешь, нужно с тобой поговорить. Кремер молчал.

- Это очень важно, Коля! Мне плевать, как ты сейчас ко мне относишься, но ведь когда-то мы были друзьями, вспомни! Хотя бы ради этого, ради всей той водки, которую мы выпили, ради наших разговоров... Неужели ты все забыл, Коля?! Пусти меня, пожалуйста!

- Что ты хочешь знать? - прохрипел за дверью Кремер.

- Правду, Коля! Открой. Я прошу.

- Правду?! - Кремер зашелся неприятным, лающим смехом. - Уходи, Тим. Нечего тебе здесь делать. И забудь ко мне дорогу, понял?

Тима вдруг осенило. Сам того не желая, он произнес ключевое для Кремера слово, назвал опорный сигнал - "Правда".

Газета "Правда".

- Так, значит, это было на самом деле, Коля? - спросил он вкрадчиво.

- А я ведь не поверил, когда мне сказали... Что ты с ними сделал, Коля? Что тебе приказали с ними сделать?

- Пошел на х...й! - заорал Кремер. - Отстань, сука, понял?!!

Тим почувствовал, что его начинает бить нервная дрожь.

- Сам ты сука, - прошипел он. "Щелкнул", прижал к двери ладонь и, прошив стальной лист, как бумажный, двинул Кремера синим лучом под ребра.

За дверью у Кремера глаза вылезли из орбит. Он прижал руки к животу, зашелся в мучительном кашле и, сложившись пополам, рухнул на пол.

Тим прижался лбом к холодному металлу и потряс в воздухе ладонью, только что выбросившей смертоносный луч. "Как-то у меня это получилось... Естественно. Не раздумывая. Ничего, оклемается. Но я-то хорош! Что со мной творится?!" - Прощай, Коля, - прошептал Тим. Он вытащил из кармана пластиковую бутылочку с коричневой жидкостью, чокнулся с дверью и отхлебнул. Уфф. Водка с кока-колой - забористая вещь. Или, как говорят знатоки, "нажористая". Тим медленно закрутил крышечку, "щелкнул" на два уровня вниз и на закуску схватил из воздуха

бублик.

Втянул его в ладонь и почувствовал, что нарушенный атакой на Кремера энергетический баланс восстановился. Удовлетворенно кивнув, Тим оттолкнулся от двери и двинулся по коридору, полный решимости пройти намеченный путь до конца.

Людмилу он перехватил у ее подъезда. Она как раз выходила из далеко не нового, но опрятного серебристого "Опеля". За рулем сидел громадный мужик с бритым затылком.

- Привет! - крикнул Тим издали. Против ожиданий, Людмила расплылась в улыбке и помахала ему.

- Тимка! - крикнула она. - Какими судьбами?

- А в гости! - заявил Тим, приближаясь. Людмила покачала головой.

- Извини, родной, не получится. Я сейчас как выжатый лимон. Только что с работы.

Вот Санька мне массажик сделает, и баньки. А ты Саньку не знаешь, да? Мужа моего?

Звероподобный Санька возился со съемной магнитолой, застрявшей в гнезде, и поглядывал через плечо на Тима.

- С мужем мы в следующий раз познакомимся, - сказал Тим. - А у меня к тебе, по большому счету, разговора на десять секунд.

- Ну говори, чудо в перьях. - Людмила плотнее запахнула пальто.

Тим рванул с места в карьер. И ва-банк.

- Мне тут предложили местечко на государственной службе, - заявил он.

Людмила вся подобралась и бросила на Тима настороженный взгляд.

- Я им пока не ответил, - продолжил Тим. - Но мне важно знать. Если я соглашусь, ты со мной или как?

- Конечно, с тобой, - мгновенно отозвалась Людмила. - Только с тобой. Даже не сомневайся.

- Тогда не дергайся, - приказал Тим. Он "щелкнул" и увидел знакомую картину.

Язвы, вмятины, рытвины- Ну ты здоров стал, Тимка... - прошептала Людмила. Ее муж наконец-то выбрался из машины и стоял, остолбенев. Он наверняка привык к тому, как работают сенсы, - отрешенный взгляд, загадочные пассы руками... А Тим представлял сейчас весьма колоритное зрелище. Расслабленная поза, откинута вбок голова, широко раскрытые глаза и ни малейших движений. Так мог вести себя, допустим, инопланетный пришелец - но никак не простой русский экстрасенс.

- Голоса были? - спросил Тим деловитым тоном опытного врача.

Людмила коротко глянула на пребывающего в обалдении мужа и, судорожно глотнув, кивнула.

- Подчинялась? - не унимался Тим.

Людмилу затрясло. Тим увидел, что она пытается "щелкнуть" и не может, так он ее задел за живое - того и гляди заплачет.

- Понравилось?! - с легкой угрозой в голосе спросил вошедший в роль Тим.

- Тимка... - прошептала Людмила. Она шагнула к нему ближе, вплотную, чтобы не

Слышал муж. - Вытащи меня. Освободи. Ты не представляешь, что они заставили меня

Сделать...

- Догадываюсь-Секс?

Глаза женщины заблестели от слез.

- Мне себя не жалко... - выдохнула она. - Мне Саньку... Он-то при чем? Он же подписку не давал, он вообще ничего не знает... Тим аккуратно выстроил перед собой барьер. Ему пришло в голову, что, если он еще чуть-чуть нажмет, Людмила с рыданиями бросится ему на грудь. И тогда придется что-то объяснять этому Саньке.

- За что они меня так, Тима? - спросила Людмила, прижимая руки к груди - Я же все для них делала... - Вот именно за это самое, - развел руками Тим. - Нечего было прогибаться. Кто один раз прогнулся, того вообще согнут.

- Тебе легко это говорить... - Людмила шагнула назад. - Ты молодой, сильный. Ой, Тимка, до чего же ты сильный теперь... - Ладно, - сказал Тим. - Договорились. Что могу, сделаю. Хорошо?

- Пожалуйста, Тимочка, родной!

- Ты не пробовала от голосов элементарную блокировку?

Петь про себя, например?

- Пробивают, Тим. Ой, что-то холодно мне. Я пойду, ладно?..

- Плохо делаешь, вот и пробивают. Ты старайся.

- Тима, милый, я стараюсь. Ты просто не понимаешь, какой ты сильный. Я ничего подобного в жизни не видела.

- Ладно. Счастливо, Люда. И... спасибо тебе.

- За что? - удивилась Людмила.

- Да так... Пока! - Тим вдруг неожиданно для себя потянулся к Людмиле, коротко чмокнул ее в щеку, махнул рукой Саньке, по-прежнему стоявшему в отдалении столбом, повернулся и ушел в ночь.

***

Он проснулся около четырех дня, когда на город уже спускалась зимняя ночь. Ольга в своем рекламном агентстве пятый день подряд выполняла какой-то срочный заказ, и запах ее волос уже выветрился из подушки. Но Тим все равно потерся небритой щекой о наволочку и потянул носом воздух.

Плейер валялся на полу - наверное, Тим спихнул его во сне на пол. Вчера он почти не пил и на ночь просто воткнул себе в ухо тихую, баюкающую мелодию. Этого оказалось достаточно. Небольшая доза алкоголя не дала музыке чересчур возбудить его, и Тим довольно легко заснул. Но мозг был активизирован и не позволил голосам даже пикнуть в ответственный момент, когда человек начал проваливаться в забытие.

За поздним завтраком или, скорее, ранним ужином Тим привычно налил себе полстакана, выпил и подумал, что музыка - это не выход. Просто еще один способ расшатать нервную систему и оказаться в итоге беззащитным. Он прошел в кабинет, рассортировал бумаги и принялся укладывать их в конверт.

Здесь было все. Стенограмма признаний Лебедева и рассказ Эфы, записанный по памяти. Первоначальный вариант статьи Зайцева о польнинской лаборатории.

Ксерокопии заключений экспертов "Комитета защиты жилищ". Меморандум Бандурова. И еще десяток аккуратно распечатанных интервью, заверенных подписями респондентов.

Зомби. Биороботы. Как они только себя не называли...

Тим положил конверт в ящик стола. "Завтра же передам все это Зайцеву. Пусть разбирается". Оделся и пошел по магазинам.

На улице было хорошо. Как все ярко выраженные "совы", Тим очень любил

темное время суток. Сумерки окончательно пробуждали его, сознание прояснялось, тело начинало требовать движения, действия, радости... Родители Тима понять этого не могли. Они всю жизнь заставляли себя рано ложиться и рано вставать, и ночные бдения сына за книгами доводили их до белого каления. И как только Тиму удалось на паях с Кремером арендовать микроскопическую квартиру на окраине города, он туда сбежал. А потом, набрав клиентуру и начав прилично зарабатывать, снял двухкомнатную, тоже на окраине, но близко к метро и зажил такой жизнью, которую считал нормальной.

Все перечеркнули голоса.

Тим глубоко вдохнул морозный сырой воздух и вспомнил почти забытое ощущение. Вот так он частенько выбирался погулять еще год назад, чувствуя себя чем-то вроде зверя, выходящего на промысел. Ходил по городу и размышлял. Наблюдал за людьми, прислушивался к разговорам, смотрел и анализировал. Да, ему не хватало опыта, чтобы понять все. Но он увидел главное - то, что "нормальные" люди называли жизнью, ему не подходило. Как можно так жить - натянув на себя тяжеленную сбрую обязательств, сузив угол зрения шорами общепринятых норм... Ты должен получить хороший аттестат, сынок. Ты должен поступить в институт, сынок. Ты должен, всегда должен. Жить правильно. Быть как все.

Какое-то время Тим подчинялся. Все у него получалось легко и красиво. Да, иногда он уставал, особенно когда сдавал вступительные. Но его сердце не участвовало в этой работе совершенно.

Сердце было занято другим. Тим знал совершенно точно, что не будет всю жизнь журналистом. Ему очень нравилась эта работа, но больше всего на свете он хотел лечить больных. Лечить руками, не как врач, а как сенс. Это нужно было делать тайком, подпольно, ни в коем случае не давая понять родителям, что ты ступил на такую скользкую дорожку. Но и другого выбора для себя Тим не видел. Он не хотел быть, как все. У него была своя система ценностей - свобода, честь, любовь.

Свободу он обрел, честным старался быть, а любовь - придумал. Потом оказалось, что придумывать любовь нельзя и полюбить женщину только за то, что она красивая, невозможно. А если вдобавок у тебя в голове компьютер, который постоянно что-то анализирует и сопоставляет, такая женщина не нужна даже для секса, потому что уж очень он получается... односторонний. Тим поставил на себе крест и с головой ушел в работу, в совершенствование пси-восприятия. И как раз к моменту, когда любовь стала для него чем-то абстрактным, выдумкой талантливых писателей, подкатила улица Кузнецкий Мост, зверский похмельный синдром и Ольга навстречу.

Тим шел по городу и вспоминал, а невидимые щупальца сканировали пространство вокруг в поисках возможной слежки и опасности вообще. Уже второй час он находился между небом и землей, глядя на мир и глазами, и активизированным пси.

И не испытывал ни малейшего неудобства. Это было приятно, но и немножко страшно.

Тим вздыхал и кривил лицо. "Привыкай. Так нужно".

Уже поднимаясь в лифте, Тим почувствовал рядом чужой, недобрый след. Он "щелкнул" глубже, и, когда двери лифта распахнулись на этаже, сердце его учащенно забилося. "Ко мне приходил враг. Мелкий, нестрашный, но гаденький враг.

Он открыл дверь и вошел в мой дом".

Тима затрясло от злости. Он ворвался в квартиру и пробежался по ней, "принюхиваясь". "Ничего особенного. Только медленно остывающие следы. Он вошел и вышел. Но, похоже, он что-то уволок с собой".

Тим рывком открыл ящик стола. "Надо же так обнаглеть! Нет, ребята, вы действительно меня достали" В гневе Тим выхватил из-под потолка горсть мелких шариков и запулил в стену. В соседней квартире взвыла дурным голосом кошка. Тим поймал шарик побольше и швырнул в потолок. Вогнал еще несколько в пол и стены, вышвырнул какое-то беззлобное аморфное образование за окно. Бросился топтать следы врага и наконец, ослепнув от злости, принялся колотить все, что подвернется под руку, - бублики, груши, молнии.

Он остановился, когда понял, что согнул незыблемую голубую стену сети Хартмана.

Такое было невозможно в принципе, но... произошло. Несколько секунд он стоял, покачиваясь с носка на пятку, сжимая кулаки и что-то рыча под нос. А стена, пульсируя и содрогаясь, пыталась вернуться на прежнее место. Тогда Тим уселся на пол и обхватил голову руками.

Конверта в столе не было. Вместо него в ящике лежал маленький чертик, искусно сплетенный из куска телефонного кабеля.

***

- Ко мне тоже кто-то ходит, - небрежно сказал Рябцев. Они сидели у Рябцева на кухне и пили чай. Обстановка в квартире у резидента инопланетной цивилизации была маниакально-депрессивная. Два десятка раскрытых пачек "Явы" на батарее отопления, образцы каких-то минералов на подоконнике, раскладушка с Постелью, заправленной по-армейски педантично. Полное отсутствие даже малейших признаков еды. И громадная карта СССР во всю стену с аккуратно прочерченными линиями геобиологических жил "по Рябцеву". Тим подумал, что для полноты картины не хватает только мелкого болезненного штриха - чего-нибудь вроде носков на газовой плите.

- Заходят, когда меня нет, потопчутся, вещи с места на место подвигают... Ерунда, Тим, не обращай внимания.

- Хорошенькое дело - не обращай... Вы не "нюхали", что это за люди?

- Не-а. Мне это не интересно... - И Тим увидел: действительно не интересно.

Рябцев больше не сенс. Может быть, он уже и способность "принюхиваться" утратил.

- Владимир Владимирович, вы только не обижайтесь. Может быть, вам этот вопрос покажется оскорбительным, но... Люди из моей группы в один голос твердят, что все более или менее способные биоэнергетики выполняют какие-то задания "органов". И что вообще наш "Центр" создавался с благословения КГБ. Вы можете это прокомментировать? Рябцев улыбнулся Тиму, мягко, по-отечески.

- Тимочка, сынок, - сказал он. - А ты вообще представляешь, что в нашей стране что-то новое можно было сделать без визы КГБ? Если бы я с ними не договорился, если бы у меня в "органах" не работали старые друзья - не было бы никакого "Центра".

- И как же вы договорились? - проронил Тим сквозь зубы.

- Ты пойми, сынок, главное. С того момента, как Джуна начала лечить Брежнева, "органы" сообразили, что это дело очень удобное для них. Они

начали создавать моду на экстрасенсов. А кого лечили и развлекали тогдашние сенсы? Якобы подпольно? В каких домах бывали?

Тим задумался. "Что ж, правдоподобно, - решил он. - Но почему именно сенсы? С тем же успехом можно было создать моду на психотерапию... А вот и нет. Конечно же! В Советской России практически не было психологов. И никто толком не представлял, на что они способны. А вот экстрасенс, кудесник, маг... Тем более что на него клиенты сами летят, как мухи на дерьмо, - и заманивать не надо".

- Они работали с самым трудным контингентом, - продолжал Рябцев, вторя мыслям Тима. - Ведь люди искусства и науки - очень сложный народ для "органов", Тима.

Даже такие запуганные, как в Советском Союзе, все равно это люди выдающиеся, требующие особого к себе отношения. Ведь депортировали и сажали только самых непреклонных. Тех, кто не поддавался внушению, программированию. Которое именно сенсы и проводили втихаря... Ты мне веришь, Тима?

- Стараюсь.

- Вот ты и поверь, что ничего дурного нами сделано не было. Например, Лапшин не отдал тебя. А тебя очень просили. Но он сказал - нет никакого смысла, бесперспективен. Хотя ты был лучший. А Лапшин сказал - плохой, интереса не представляет. Пережил в детстве психическую травму, активным биоэнергетиком стать никогда не сможет.

Тим резко сжал челюсти и прокусил насквозь сигаретный фильтр.

- Хорошо, - сказал он. - Допустим. Спасибо. И все-таки чем занимались те сенсы, которых Лапшин э-э... отдал?

- Да все тем же, сынок. Приняли в свои руки старые зоны влияния. Те, где работали сенсы прежней формации. Которые уже состарились, или просто устали, или расшатали себе нервишки. Подобрали их клиентуру. Твои однокашники не сделали больше зла, чем было уже сделано к тому моменту, Тима. А самое главное - то, что мы знали: скоро все это станет никому не нужно и их отпустят. И они смогут заниматься исключительно добрыми и нужными делами.

- Кого отпустят, Владимир Владимирович?! Что может измениться в этой стране?!

- Но ведь уже меняется, Тима!

- Да ничего не меняется!!! - заорал Тим. - Вы что, не понимаете, на хрена взялась вся эта "перестройка энд новое мышление"?! Да это же обман! Горбачев просто хочет на нашем горбу в рай въехать! Он отпустил вожжи, чтобы волна народного гнева распугала старых пердунов в ЦК! Это же принцип всех переворотов!

Обосрать тех, кто был до тебя! - от злости Тим захлебнулся.

Рябцев ждал продолжения, довольно потирая руки. Тим залпом проглотил чашку остывшего чая и сказал уже спокойнее:

- Сталинские репрессии, хрущевская кукуруза, теперь брежневская стагнация. Мы ничего не знали бы об этом, если бы каждому новому царьку не приходилось оправдывать смещение прежней верхушки. Я одного не понимаю: почему никто не хочет этого признавать вслух!

- Люди не хотят ощущать себя баранами... Послушай, Тима...

- Но они же и есть бараны!!! - рявкнул Тим. - А, да что я тут перед вами... - он чуть не сказал "бисер мечу", но удержался. С Рябцевым было сложно говорить. С одной стороны, он нес в себе все те черты поколения "родителей", которые Тим ненавидел. И в то же время, наверное, в силу

своих шизоидных откровений свыше Рябцев очень многое видел в истинном свете. Стыдно было его обижать.

- Ты меня послушай, - сказал Рябцев. - Хорошо, насчет баранов давай оставим. Но вот насчет Горбачева ты прав. Только одного не учиываешь. Вот ты сказал про волну народного гнева. Все правильно. Горбачев не рассчитал, понимаешь? Эта волна сметет и его самого, и все, что есть в нашей стране дурного. Так что я обещаю тебе, Тима, что очень скоро здесь все изменится. Через год-два, не больше.

- Допустим, вы правы. Хотелось бы. Но мне столько не продержаться, Владимир Владимирович.

- Ты должен, Тим.

- Да никому я ничего не должен!

- А Мать-Земля? Она на тебя надеется, я знаю.

- Тьфу! - Тим отвернулся. Некоторое время он глубоко дышал, пробуя восстановить душевное равновесие. - Как все получилось с Эфой? - спросил он наконец.

- С Фаиной? Мы вызвали Черта на встречу. И договорились.

Тим откинулся назад и заложил руки за голову. У Рябцева ему всегда хотелось принять открытую к контакту позу. Рядом с этим человеком он ощущал себя в тепле и безопасности. Тим не питал иллюзий - невооруженным взглядом было видно, что вот с этой мягкой располагающей улыбкой Рябцев и убьет, если надо. Человек с кошачьей грацией мощного, тяжелого, будто каменного тела. Дружественный и ласковый. Убьет запросто кого угодно. Кроме Тима Костенко. И, пожалуй, Понынина.

Конечно, не нарочно убьет - защищаясь. Но факт остается фактом.

- И кто же такой Черт?

- Он, Тимочка, представился нам сотрудником "шестерки" КГБ. Это их оперативно-техническое управление. Как его... Хананов. Александр Михайлович Хананов. Хочешь, я дам тебе его адрес?

- Ну уж нет! - выдохнул Тим, не задумываясь.

- Напрасно. В общем, он освободил ее. И стер ей память. И дал слово, что больше такого не повторится. Ни с кем, никогда.

Тим недоверчиво прищурился.

- Как это вы его так?..

- Оказалось несложно. Микроволновой генератор, который держал Эфу, работал на строго определенной частоте. Если ты вычислил эту частоту, то сможешь определить и направление и по этому же лучу послать ответный удар. Мы пригрозили, что разнесем вдребезги его аппаратуру.

- И он поверил... - пробормотал Тим.

- Конечно!

Тим закусил губу. "Чего-то ты, Владимир Владимирович, не понимаешь. Не хочешь понимать. Или просто не знаешь всей правды".

- А ты не прекращай свое расследование, - сказал Рябцев. - Я знаю, что за вашими публикациями о "Программе "Зомби" следит множество хороших людей. Пусть вы ошибаетесь, пусть вам мешают, но главное то, что вы с Зайцевым - пишете. Чем больше вам удастся напечатать, тем меньше у этих фашистов останется пространства для маневра.

- Зайчик сейчас в Киеве, - вздохнул Тим. - Там главный конструктор одного НПО проговорился, что они производство генераторов ставят на поток. Не знаю, что удастся выяснить, но Зайчик копает, как шагающий экскаватор. Он и официальные материалы кое-какие добыл.

- А мою статью напечатать не захотел, - ревниво заявил Рябцев,

вспомнив, наверное, что он инопланетный резидент.

- Меня только одно беспокоит, - сказал Тим, уводя Рябцева от темы. - Вот сами прикиньте. Нет пока что техники, которая по сложности может конкурировать с нервной системой. А уж тем более - удерживать и воспроизводить поведенческие программы, близкие к психическим. Это все не поддается моделированию. Так что микроволновой генератор - всего лишь усилитель, понимаете?

- Ну... разумеется! За генератором должен сидеть человек. Да так и есть, чему ты удивляешься, Тим?

- Сенса должен сидеть за генератором, Владимир Владимирович.

- А кто же еще? Конечно, сенс. К чему ты это?

- Да к тому, что если судить по масштабам давления на московских сенсов, то скоро "Программе" потребуется очень много новых операторов.

Рябцев поднял глаза к потолку.

- Так что я не знаю, Владимир Владимирович, что там творится у Черта... Но вот это оперативно-техническое управление сдавать позиции не намерено. А намерено оно наращивать мощности. "Программа" свернута не будет. Если, конечно, она вообще существует.

- А ты сомневаешься? - прищурился Рябцев. Тим встал, сунул руки в карманы и прошелся по кухне туда-сюда.

- Очень хочется, - сказал он. - Хочется надеяться. Что завтра я проснусь и окажется, что ничего этого не было. Что все это был просто бред. Что я выпил очень много водки и у меня была галлюцинация. Или что я переутомился. Но только чтобы все это оказалось сном... - Он остановился у окна. - Больше двадцати позиций в списке у Зайцева... Солидные фирмы, крупные ученые, вплоть до академиков.

- А откуда он берет эти данные?

- Слухами питается. У него, Владимир Владимирович, богатый опыт по этой части.

Он два года занимался сбором и оценкой достоверности слухов. В том числе и по части науки. Ай, да не важно это все. Он хороший журналист, профессионал. И ни на грош во все мои доказательства не верил. Пока сам не выкопал главное. Тоже не факт, даже переписать на бумажку не разрешили. Но он читал своими глазами и запомнил... - Тим замолчал и спрятал лицо в ладони.

Рябцев раздавил в пепельнице невесть какой по счету окурочек.

- "Перечень сведений, запрещенных к публикации", - почти шепотом произнес Тим. - Пункт тринадцать восемь. Приказано изымать из материалов, готовящихся к публикации, все сведения, цитирую: "...о технических средствах (генераторах, излучателях) для воздействия на поведенческие функции человека (создание биороботов)". Вот так, Владимир Владимирович. И представьте себе, я все равно хочу проснуться... Тим оторвал руки от лица.

- И выпить хочу, - добавил он. - Нет у вас? Рябцев помотал головой. Похоже, он начал терять интерес к беседе. Это Тиму было знакомо - Рябцев утратил способность надолго концентрировать внимание. Скоро он окончательно съедет, бедняга.

- Ладно, - сказал Тим. - Пойду я. Спасибо за информацию.

Рябцев вяло кивнул. Вид у него был, как будто он прислушивается. "Надо драпать, - подумал Тим. - А то он сейчас примет очередное послание с Сириуса, и такая пурга начнется - с головой заметет".

На улице Тим закурил, поднял глаза к небу и, стоя у подъезда, смотрел

на звезды, пока не задымился сигаретный фильтр. "Полцарства за летающую тарелку. И бежать.

А эти дураки пусть здесь друг с другом воюют. И медали вешают себе на грудь. Им, наверное, и не надо в жизни больше ничего. Лишь бы убивать и получать медали.

Они ведь дураки".

***

Тим, немилосердно жуя сигарету, медленно брел по бульвару - руки в карманы, глаза вниз. Впрочем, в глазах он почти не нуждался. Передвижение по улицам в состоянии "полущелчка" уже стало для него привычным и почти естественным. Иногда он ловил пролетающие мимо бублики и поглощал их. Еще одна новая привычка.

Три-четыре бублика, "съеденных" за один присест, давали на несколько минут пьянящее ощущение полета. Еще один допинг. Наркотик.

Тим выплюнул окурочек в сугроб и потянулся в карман за фляжкой. Это была армейская реликвия - емкость из нержавеющей стали на триста с надписью: "спирт этиловый".

Сейчас в ней был действительно спирт, разбавленный под сорок пять градусов минеральной водой и апельсиновым соком. Тим почти уже вытащил фляжку, когда вдруг увидел такое, что ноги его остановились, а челюсть невольно поехала вниз.

Шагах в двадцати впереди стоял и что-то записывал в книжечку ничем не примечательный мужчина средних лет в потасканном дешевом пальтишке и натянутой на уши кроличьей шапке. И прямо в его голову упирался идущий под тупым углом откуда-то сверху бледно-голубой луч.

Тим уронил фляжку обратно в карман, сунул в рот новую сигарету, "щелкнул" до упора и с бешеной скоростью принялся "нюхать" и запоминать. Руки его в это время машинально раскручивали дешевый шпионский фокус с застывшей на морозе зажигалкой.

Мужчина продолжал быстро записывать. Тим осторожно просканировал его с ног до головы и... "Есть! Как мы это назовем? "Черная метка"? Маленький комок темноты, примостившийся в ауре головы". Метка слегка подрагивала и как будто плыла по небольшой окружности.

Вибрирующий луч тянулся к голове мужчины и растекался по его ауре. Мысленно Тим крепко почесал в затылке. "Почему именно луч? Если взять за основу известные биоэнергетические теории, не должно быть никакого луча. Должны быть кластеры, все те же бублики, шарики и груши, только по-иному организованные. Ты создаешь информационный образ, настроенный на волну определенного человека, и забрасываешь его в пространство. А он уж сам находит цель и присасывается к ней.

Или сейчас идет перекачка очень большого объема информации? Или этот зомби "подзаряжается" от хозяев? Неважно. Главное - откуда луч идет".

Тим проследил направление. Луч оказался не идеально прямым, он слегка извивался, как некое живое образование, чем, собственно, и был. И второй его конец исчезал в стене жилого многоквартирного дома. Последний этаж, угловая квартира.

Мужчина сунул книжку за пазуху, запрокинул голову, будто любуясь безоблачно синим январским небом, и сделал несколько шагов. Луч переместился вместе с ним, и Тим отметил, что наводится он явно не из квартиры. Он скорее заякорен на этого зомби, привязан к нему, и объект

может совершать любые эволюции, не сбивая настройки. Пока Тим об этом размышлял, сеанс подзарядки, связи или черт его знает чего закончился. Луч начал бледнеть, истаяв в воздухе, отлип от стены дома и стал потихоньку убираться, ввинчиваться в голову зомби. Тот заложил руки за спину и бодро зашагал от Тима вдаль по бульвару.

Тим проглотил застрявший в горле комок. Луч растворился в голове зомби. Черная метка продолжала блуждать по ауре. Тим щелкнул зажигалкой, которая теперь действительно замерзла и работать не хотела. Тогда он выплюнул во все тот же сугроб измочаленную зубами сигарету, развернулся и тяжелым шагом двинулся к цели. По дороге его так разобрало желание выпить, что пришлось-таки отогреть зажигалку и закурить.

Выйдя из лифта, он "щелкнул" до упора и медленными шагами пошел в глубь квартирного блока, сканируя пространство вокруг. "Шариков наловить не догадался, а здесь их нет. Распугали?!"

Угловая квартира вся светилась холодным огнем, да так ярко, что Тим целую вечность проторчал под дверью, меняя настройку. Наконец ему удалось нащупать источник "света" - несколько кубических объектов разного объема. Рядом с ними шевелились двое. Тим напрягся почти до боли и разглядел то, что теперь его особенно интересовало. Черные метки были у обоих. Тим сделал несколько глубоких вдохов и постарался взять себя в руки. Но не смог.

Его била крупная нервная дрожь, по спине текли струйки пота. Тим с удивлением отметил, что это не страх и даже не злоба. Он просто был чертовски взволнован.

Бесшумно ступая, он прокрался на лестничную клетку и уткнулся лбом в стену.

"Может, выпить все-таки? Нельзя".

Сидя на лестнице, он выкурил две сигареты одну за другой, не чувствуя вкуса табака. "А что ты так дергаешься, Тим? - попытался он себя успокоить. - Это всего-навсего маломощная подстанция какая-нибудь. Пара зомбированных идиотов, несколько ящиков аппаратуры. Давай возьми их в оборот! Дверка у них на вид дряхлая, замок слабенький. Сами не откроют - вышибешь. И хоть самую малость, но ты сегодня узнаешь".

Тим огляделся. Энергетическая активность этажа была близка к нулевой. Тогда он спустился на несколько пролетов вниз, выловил парудохлых бубликов, подкрепился и, уже не скрываясь, громко топая, приблизился к заветной двери. И позвонил.

Двое у аппаратуры, до этого вяло двигавшиеся, замерли. Тим позвонил снова.

Никакой реакции.

- Двадцать восьмое почтовое отделение! - прогундосил Тим самым унылым и одновременно злобным голосом, какой только мог представить. - Вам "молния"! С уведомлением о доставке!

Кажется, сработало. Один из двоих не спеша пошел к двери. Тим "принюхался" и обмер. В руке этот тип сжимал что-то совершенно черное, странной формы, какую-то продолговатую коробочку. "Что это может быть? Пистолет? - подумал Тим в замешательстве. - Мне не приходилось "нюхать" оружие, я не знаю, как оно выглядит в истинном свете... Твою мать! Ладно. Хорошо, что дверь без "глазка". - Тим прикинул угол обстрела и подвинулся в сторону, чтобы пуля сквозь дверь не достала. - Сейчас, мой хороший. Я-то тебя и через стенку так приложу, что мало не покажется. Копыта отбросишь. А второй останется мне на растерзание".

- Что там? - спросили из-за двери глухо.
- Телеграмма "молния". Срочно, с уведомлением, под роспись.
- Какая еще телеграмма? - Человек за дверью медленно разворачивался, прислушиваясь. Черную коробочку он держал у живота в согнутой руке.
- Это что, не сто пятая?
- Ну, сто пятая... - Человек явно сообразил, что Тим встал за угол.
Он чуть приподнял свою коробочку и удивительно точно направил ее на Тима. Через стену.
- Так зачитать?
- Ну давай... - Коробочка смотрела Тиму прямо в живот. Тим облизал пересохшие губы, слил немного энергии в правую руку, образовав вокруг кулака плотный, тяжелый, пульсирующий шар. "Я - бомба. Я - оружие. Я - смерть". Он отошел к противоположной стене. "Ну, Тимка, поехали!"
- Ответьте все его вопросы, - процедил Тим уже собственным голосом. - Точка.

Черт. Точка.

- Чего-о? - протянули за дверью изумленно. Человек что-то сделал с коробочкой, и Тим не услышал, а почувствовал мягкий упругий щелчок. И в тот же момент рванулся с места.

Он прыгнул в сторону, уходя от голубой молнии, пропоровшей насквозь стену. С правой вплепил стрелявшему в голову. И нанес сильнейший удар плечом в область замка.

Дверь оказалась укрепленной, замок тоже выдержал. Но зато лопнул косяк. "Слава московским строителям! Еще один удар, и я внутри". Стрелявший, выронив оружие, медленно падал. Второй метался по комнате. Тим сшиб его на пол легоньким импульсом и примерился к двери вновь, чтобы уж наверняка. И почувствовал движение за спиной. В тихо раскрывшейся двери напротив.

Он совершенно не был готов к энергетическому плевку назад. Ему просто никогда раньше не случалось такого делать. На то, чтобы понять это, ушла доля секунды. И еще чуть-чуть - на то, чтобы начать с разворотом смещаться вбок, уходя от возможного удара в затылок. Вот это самое "чуть-чуть" и оказалось лишним. В голове Тима словно вспыхнул бенгальский огонь. Он увидел яркие-яркие искры, а потом рухнул черный занавес, и ничего больше не стало.

***

Он лежал на спине, глядя в небо, и оно переливалось всеми цветами радуги. Тим моргнул, и небо стало просто черным, а вдалеке замаячил свет. Голову словно набили ватой. "Где это я? И что случилось?"

Тим начал ворочаться, и вокруг картонно захрустело. Навалилась полнейшая, абсолютная темнота. Вдалеке послышались голоса. Тим инстинктивно рванулся, перебросив тело на четвереньки, и голова раскололась от боли. Он взвыл и опять провалился в никуда.

Второй раз он очнулся носом вниз, по-прежнему ничего не понимая. Медленно, очень медленно попытался сесть. Опять раздался картонный хруст, что-то с треском порвалось, и в глаза ударил яркий свет. Тим зажмурился и осторожно поднял руки к голове. Она болела. Болела до такой степени, что было даже и не больно, а как-то тошно и муторно. Тим приоткрыл один глаз. Потом другой. Тупо огляделся. И опять ничего не понял.

Он сидел в куче драных картонных ящиков между двух переполненных мусорных баков.

Загаженный двор. Фонарь над головой. И состояние полного обалдения, когда просто отмечаешь события, но не можешь их анализировать. Тим ухватился за край бака, кряхтя, поднялся на ноги и, спотыкаясь, пошел к зияющей впереди обшарпанной арке.

Как он сориентировался, как вернулся домой, Тим не помнил. Он просто очнулся на рассвете от тупой боли в голове. Это была его спальня, рядом тихо посапывала носом его любимая, а за окном было очень холодно и горели редкие огни.

Тим потихоньку выбрался из постели и, придерживая голову руками, дополз до кухни. Растворил в стакане воды две таблетки аспирина, жадно выпил и повалился в кресло. Попробовал "щелкнуть" и понял, что сил нет. Тело было словно выпотрошено, оно отказывалось повиноваться.

Тим мягко, кончиками пальцев, ощупал голову. А! А-а-а!!! Он добрался до ванной, достал из шкафчика маленькое зеркальце и внимательно осмотрел в двух зеркалах свой затылок. Никаких следов. Но под кожей - ой, ё! - здоровенная гематома. "Чем это меня? Резиновой дубинкой? Или мешочком с песком... А где? И кто? Ни черта не помню. Я стоял на бульваре и смотрел на этого чудака... На зомби. Так, дальше.

Луч, ну конечно же, луч упирался ему в голову. Ау луча, как известно, два конца. Может быть такое, чтобы я полез выяснять, что творится на другом конце?

Вполне".

Куртка аккуратно висела на плечиках в стенном шкафу. "Подозрительно чистая, не может у меня в разгар зимы быть такая чистая пуховка. Явно ее мокрой щеточкой обработали. Эх, Оляка, радость ты моя. В карманах все на месте. Деньги, сигареты, фляга... Хлебнуть, что ли? Нет, пусть лучше аспирин подействует. Так что же я натворил, а?"

Тим вернулся на кухню и попробовал закурить. Получилось. "Не тошнит, сотрясение если и есть, то легкое. Ничего, не впервой. Но провал в памяти классический для черепно-мозговой травмы. Обидно. А может, я просто нажрался и побили меня? Ох, сомневаюсь. Не побьешь меня теперь. Особенно пьяного. Пьяный я нынче просто опасен со своими новыми способностями. Человек десять запросто вырублю. Правда, голова потом разболится... Стоп! А не от этого ли? Да нет, ну что за глупости. И фляга у меня полная. А денег в обрез бы хватило на бутылку. Да ее и найти еще нужно, бутылку эту. Голод в Москве, форменный голод. То хлеба нет, то курева, талоны какие-то дурацкие..." Аспирин помаленьку брал свое, голову отпускало. "Нет, Тим, не надейся, случилось с тобой нечто особенное. А не попробовать ли нам снова "щелкнуть"?" На этот раз он действительно смог "щелкнуть", неглубоко, но достаточно, чтобы обследовать себя. Ничего страшного. Следов энергетической атаки нет. "Просто долбанули тебя, старик, по глупой башке, и организм бросил все силы на то, чтобы голову залечить. Вот и все. Бубликов бы сейчас наглотаться, да не поймаю, слабенький. Я их и вижу-то едва-едва. Ох, и нарвался же я... непонятно на что.

Ну, кретин! Дубина!"

Тим задумчиво обернулся к холодильнику. "Что-то там должно было остаться. Жалко, накрылся клиент, который мне из "Березки" ящик мартини приволок. Вылечился. А хорошо бы сейчас тяпнуть коктейля с ледочком... Или холодного-прехолодного шампанского".

В коридоре зашлепали шаги, и в кухню, кутаясь в халат, влетела заспанная Ольга.

- Тимка! - она села перед ним на корточки и заглянула в глаза с такой нежностью, что Тима передернуло от потока эмоций. - Милый! Ты как?

- Иди сюда, - сказал Тим, подтягивая ее к себе на колени.

- Тяжело будет...

- Ничего не тяжело. Давай рассказывай.

- А ты?..

- Ничего не помню. Ты уже здесь была, когда я пришел?

- Да нет, я только подошла, а ты сидишь под дверью и спишь... Бедный мой... Тимка, любимый... Что с тобой стряслось? Я думала сначала - ну все, привет горячий, допился. А потом как принялась... - Куртку чистила, да? - Тим зарылся лицом в ее волосы и с наслаждением потянул носом воздух. - Прости, солнышко. Спасибо тебе.

- Да, куртка у тебя была... что надо. И джинсы там, в ванной, на батарее сушатся.

- А я и не заметил. Спасибо, любимая! Какое же ты у меня чудо.

- Ты у меня... тоже чудо. Что это было, Тим?

- Напугал? Извини.

- Тим, ты совсем ничего не помнишь?

- Ну... Похоже, я узнал много интересного. Но кое-что забыл. А это "кое-что" может оказаться самым главным. Я что-нибудь говорил, когда ты меня?..

Ольга наморщила нос и хихикнула.

- Ты жутко матерился, - сказала она. - Я просто себе представить не могла, что ты так можешь. Я еще говорила, мол, Тим, перестань, тебе потом будет стыдно. А ты отвечал, что... Ну, в том смысле, что я ошибаюсь... - Ох... - от изумления Тим даже руки опустил. - Извини. Ей-богу... - Да ладно. Это было даже интересно. Полезно знать такие вещи о близких людях.

- Но я хоть ругался-то конструктивно? В этом был какой-нибудь смысл?

- Да какое там, - Ольга махнула рукой и снова хихикнула. - Ты посылал жуткие проклятья небесам. Непосредственно в космос. Грозился, что, когда туда выберешься, всех там поимеешь. И планету нашу тоже... обижал. Тим, тебе правда тут совсем невмоготу?

Тим потупился.

- Знаешь... - пробормотал он. - Это глупо, наверное, но иногда я только об одном мечтаю. Чтобы прилетела летающая тарелка и забрала меня отсюда к чертовой матери. Куда угодно. Только отсюда. Мне почему-то кажется, что в любом другом месте мне будет лучше, чем здесь.

- Тим, - сказала Ольга очень серьезно, глядя ему в глаза. - Пожалуйста... Возьми меня с собой!

***

Тим лежал в постели, глядя в потолок, и изо всех сил старался ни о чем не думать.

С момента загадочного происшествия, в результате которого он получил по затылку, прошло уже двое суток. Голова почти не болела, и память отчасти вернулась.

"Черную метку", расположение квартиры "кукловодов" и странное оружие в руке одного из них Тим более или менее смог припомнить.

И впервые за последние десять месяцев Тиму было страшно по-настоящему. Он притерпелся к психотронным атакам и нашел защиту от них. Его разум каким-то образом впитал и переварил информацию о коррупции среди московских экстрасенсов.

И даже "наведенный бред", который вполне можно было подцепить от десятков проинтервьюированных зомби, Тима не коснулся.

Но после удара по голове Тим понял, что зашел слишком далеко. Он решил взять "кукловодов" за жабры, потому что был чертовски зол и до предела взвинчен. Много дней подряд обстановка накалялась, и когда накал достиг максимума, Тим совершил необдуманный поступок. Переоценил себя, причем весьма и весьма. И чуть не поплатился за это.

Сейчас, лежа под теплым одеялом, он был даже немного благодарен хозяевам "Программы" за то, что с ним обошлись так милостиво. Просто трахнули по башке, вынесли во двор и слегка прикопали в мусор, чтобы не отсвечивал. А ведь он убил одного "кукловода" и покалечил другого. Защищаясь, но все равно - убил и вывел из строя. Тем не менее он очнулся не с трупом под ногами и ножиком в руке, тупо шурясь на фары патрульной машины. Не в камере следственного изолятора с заткнутой пастью и толстым членом в заднице. И не в канаве с пулей в основании черепа. Нет, он просто встал и пошел.

И сегодня утром достал из почтового ящика толстый конверт с материалами расследования. Тот самый, что забрали из его письменного стола. Все бумаги оказались на месте. Простенькая знаковая система. Мол, играешься, сынок?

Поиграйся. Ты умный мальчишка и понимаешь, чем все это может для тебя кончиться.

Так что сам выбирай.

Тим лежал и старался не думать. Привычно "щелкнув" на половинной мощности, он с трудом отодрал от сознания намертво прилипший блок, заставляющий мозг тихонько наигрывать песенки. Приказал рассудку заткнуться и теперь расслабленно медитировал на висящей под потолком в неподвижности толстой жирной груше.

Он хотел говорить с "хозяевами". Он хотел понять их. Кляня себя за слабость, он надеялся по-хорошему договориться.

И они пришли. Теперь это было по-настоящему, так как Тим и предполагал. Никаких ретрансляторов на чердаке, никаких лучей и волн. Стараясь ни в коем случае не удивиться, чтобы случайно не активировать свой защитный механизм, Тим смотрел, как с неба снисходит большой серо-голубой крест.

Тело начало подрагивать в знакомой вибрации. Инстинктивно Тим прикрыл глаза, но для пси-видения это не имело значения. Крест упал на Тима и обволок его сознание.

- Вызываю оператора, - Тим снова поймал себя на том, что у него движется гортань, беззвучно произнося слова. Рефлекс. Стойкий безусловный рефлекс.

- Я оператор, - ответил знакомый басок.

- У меня есть вопросы. И я хочу...

- Не болтай. Смотри. И Тим увидел. ...огромная система, которую называют "Проект". ...тысячи ученых, сотни лабораторий, десятки институтов, в которых люди творят, сами не ведая, что создают новые кирпичики для Проекта. Сейчас они отдыхают, и даже во сне грезят своей любимой работой. ...несколько десятков ученых, которые знают правду. И у

каждого черная метка в голове. Эти тоже спят, и сны их прекрасны и светлы. ...тысячи агентов Проекта на улицах городов. Незаметные лица и черные метки. Они повсюду, они следят за всем. А те из них, которые сейчас уснули, счастливы. Все самые заветные желания исполняются в их снах, навеваемых Проектом. ...тысячи людей спят в своих квартирах, не подозревая, что они не те, кем могли бы быть. Чужие мужья и жены, родители чужих детей, сбитые с пути, загнанные в стойла, покорные. Их мучает раздвоенность, они вечно недовольны судьбой и не понимают, отчего это. Они видят во сне кошмары, которые выталкивает подсознание, недовольное тем, что человек почему-то не хочет выполнять предназначение, данное ему свыше. ...тысячи несчастных, отказавшихся работать в Проекте и раздавленных им, сломленные, поставленные на колени, опустившиеся, бросаются на стены, пытаясь спастись от обжигающих синих лучей. ...тысячи безумцев спят в больничных койках, и им снятся голоса в голове и адская боль - все то, что привело их сюда. ...теплые руки сотен операторов лежат на контактах, посылая людям счастье и радость, горе и боль, каждому по заслугам, каждому то, чего он достоин. ...вот она, твоя страна, Тим. Твоя Родина. А однажды таким будет весь мир.

Выбирай свое место, умный мальчик.

Это было как наваждение - за долю секунды увидеть и понять столько, пропустить через себя море человеческих эмоций и гигантский объем информации. Откровение.

Тим застал. Он был открыт, и Проект тоже раскрылся перед ним. Оператор Проекта читал Тима, как книгу. А Тим, сколько ни силился, не мог разглядеть в Проекте главного.

Да, он понял, что оператор может обрушить на него потрясающее, нечеловеческое счастье. А может обрушить потолок. Точнее, создать иллюзию, но эта иллюзия раздавит Тима насмерть. Но зачем кому-то такая власть над людьми, Тим не мог понять. Мощь Проекта в сотни раз превосходила необходимую для обеспечения, допустим, государственной безопасности или, например, оборонных нужд.

И Тим захотел понять больше. Он нырнул в сердце открывшейся ему бездны, в ее пульсирующее солнечное сплетение. Видимо, он очень сильно "щелкнул". И кажется, промахнулся. Потому что увидел такое, что тело его конвульсивно свернулось в комок, а дыхание остановилось. ...их так и называли - Детьми. ...сначала их было около пяти тысяч. ...а сейчас осталось только пять. ...остальные умерли... умерли... умерли. ...а ты оказался сильным, ты оказался сенсом. ...урод... чудовище... нелюдь... мутант...

Тим закричал.

Он кричал, срывая глотку, он бился головой о стену, но в спальне не раздалось ни звука, и тело лежало неподвижно. Тим пытался стряхнуть с себя оцепенение и не мог. Хотел вырваться, но его не пускали. Более того, его решили наказать.

- На, - сказал оператор. - Учись, щенок.

Боль была такая, что Тим чуть не потерял сознание, бешено хватая воздух перекошенным ртом. Тело вдруг обрело свободу, оно подпрыгивало на кровати, и скрюченные пальцы в ключья рвали простыни. Тим даже не думал, как освободиться от власти оператора или дотянуться до него. Все его силы уходили на то, чтобы сойти с навязанной ему частоты излучения, оторваться, увернуться. Но он, как на кол, был насажен на проклятый

синий луч, и шел этот луч прямо из неба. Ниоткуда.

Возник и пришпилит. Насквозь проткнул.

А луч сверлил, сверлил, сверлил... Гудел и вибрировал. Боль стала запредельной, и Тим почувствовал вдруг, как отделяется от извивающегося тела и взлетает к потолку. Там было холодно и неуютно, но уже не больно. Только безумно тоскливо.

Окончательно, совершенно одиноко.

Но к этому-то ощущению Тиму было не привыкать. Он огляделся. "Кто-то внизу хрипит. А, это я. Бедный я. Похоже, дошел до точки. Сейчас меня начнет просто раздирать на части. Руки-ноги в разные стороны полетят. Н-да. Печально, А, вот как они это делают! Дом, обычный московский дом, начиненный проводами и кабелями, превратился в огромный электромагнит, и даже самая тоненькая проволочка работает частью обмотки. Занятно. Но где же оператор? Откуда наводится луч? Похоже, известные мне теории верны. Он пригнал сюда какой-то биоинформационный материал, и тот здесь всем заправляет. А когда закончит, просто распадется на грушки-шарики-бублики - и поминай как звали. Занятно.

Интересно, а я так смогу?"

Тим задумался было, но тут из ниоткуда возник оператор.

- Не-ет, сынок! - протянул он. - Сдохнуть я тебе не дам...

- Что такое? - спросил Тим брезгливо. - Пошел вон, скотина, - бесплотный и всеильный, он уже совершенно потерял интерес к происходящему в скучном трехмерном мире людей-Он даже подзабыл, как его зовут, поскольку стал, ни больше ни меньше, Мировым Разумом. Маленьким, правда. Но это пока что.

- Не дам я тебе сдохнуть, не положено тебе, не приказано... Своим новым, астральным, лицом Тим поморщился.

Оператор мешал его раздумьям.

- Исчезни, чмо!

- Не сдохнешь... - бормотал оператор, по-видимому, не слыша Тима. - Мы с тобой еще поразвлекаемся. Мы еще девочку твою потрахуем!

"Какую девочку? - подумал Тим. - Что такое? Чего он ко мне пристал? Как врежу сейчас, на молекулы распадется..." - Вот подвешу я на тебя парочку дебилов, - мечтательно пыхтел оператор, - и ты ей сначала жопу порвешь, а потом сиськи отрежешь. А может, и до нее самой докопаемся. Будет она у нас говно жрать. Только представь! Хочешь, я тебе покажу сейчас, как это у нее получится? Щас посмотрим кино. Как она говно жрет, Оленька твоя ненаглядная... Он еще что-то нес, какую-то несусветную чушь о странных бессмысленных вещах, но Тим не слушал. Он кое-что вспомнил. "Оленька... Ольга. Я знаю это имя. Да, знаю!

Так ведь это же..."

Светлые волосы, зеленые глаза, прекрасное лицо, сильная и стройная фигура. "Я люблю тебя, Тим". Тим словно очнулся. "Минуточку, а кто такой я? Надо же, ведь я - это я! И это внизу в конвульсиях бьется - тоже я? Черт возьми, он же меня порвет на запчасти, этот гад! А что он про Ольку там бормотал?!" - Ну, видишь?! - кричал оператор скорчившемуся на кровати полутрупю. - Нравится, сука?!

Тим внимательно "обнюхал" смертоносный луч и прикинул, как умнее к нему пристроиться. Вроде бы так. "Ну, Тимуля, если что, не поминай лихом. Не исключено, что это твой последний миг. Когда тело соскочит с этой синей иглы, оно может просто не выдержать. И сознание твое распадется вместе с его смертью.

Забавно".

Тим рассмеялся. Ничего особенно трагичного он на самом деле не чувствовал. Он просто говорил себе какие-то очень правильные, по ситуации положенные слова. А вообще-то суть дела заключалась в том, что оператор зарвался. И пора было его наказать. "Не нужно было тебе, дурак, Ольгу трогать. Улетел бы я к едрене-матери, остался бы бесплотным духом... Тело мое молодое симпатичное в психушку сдали бы.

И порядок. А так может получиться, что память о любимой меня убьет.

Но что я без этой женщины и памяти о ней? Просто Тим Костенко, парень с красивыми глазами и стальным сердцем. Который никого не любит и даже не хочет любить. Нет, Тим, все правильно. Будем отдавать долги. Ох, не надо было этому гаду Ольку трогать".

Тим перенастроился и с хлюпаньем вобрал в себя весь энергетический мусор, до которого мог дотянуться. Отовсюду в дом-электромагнит летели шарики, бублики, груши, молнии, какой-то неопределенной формы студень... "Ну-с, мы готовы? Как тебя зовут, Черт? Александр Михайлович? Ну что, Сан Михалыч, готов ты своего оператора от пола отскребать? Тряпочкой в ведерочко?" - У-у! - визжал оператор. - Вот так мы ее! Во как она у нас!

- Вызываю оператора, - сказал Тим казенным голосом.

- А?.. - опешил тот.

- Бэ. Мужик, ты помнишь, я тебе сказал, что ты мертвец?

- Ты кто?! - заорал оператор обалдело. - Ты кто?!

- Не дергайся, - Тим протянул бесконечно длинную руку и нащупал где-то в пространстве мелкую, трясущуюся от страха душонку оператора. - Ого! И у тебя есть черная метка! Ты тоже чей-то раб!

- Пусти... - прохрипел оператор. - Пусти, больно...

- Заткнись и слушай. Ты что, не понял, кто я? Ты же меня только что, как это у вас называется... локализовал, да. Я Тим Костенко. Твой объект.

- Ох... - только и сумел произнести оператор.

- Я мог бы сейчас с тобой сделать то, что ты делал со мной, - сказал Тим. - Но я иначе воспитан. Поэтому - смотри - я тебя отпускаю.

Оператор встрепенулся, и Тим почувствовал, что тот еще надеется перехватить контроль. Надеется, только не может. "Так, а теперь он пытается оторваться от своего терминала. Тоже не может. Прилип, беденький. Крепко я его взял за яйца".

- Осознал?! - задал Тим вопрос, с которым в сто пятнадцатом арtpолку "дедушки" частенько обращались к молодым бойцам.

- Пусти! Пусти, сука!!! Пусти, пидарас!!! А-а-а!!! Помогите-е!!!

- Да я тебя вообще не трогаю, - сказал Тим почти ласково. - Просто ты умираешь.

Оператор бешено рвал с контактов руки. Хвати ему смелости, он бы их зубами отгрыз, лишь бы убежать. Он настолько одурел, что не понимал - не в руках дело.

- Ладно, мне надоело, - вздохнул Тим. - Ты извини, что я повторяюсь... Ну, короче, прощай, мужик. Ты труп.

Он отключил внеречевую связь, мысленно перекрестился и с размаху вlepил в синий луч всю свою злобу, подлость, бесстыдство, верность, нежность, любовь, честь и совесть. Все, что мог.

И наваждение прошло.

По законам физики, это должно было произойти мгновенно, но сознание Тима услужливо расщепило процесс на фазы. Сначала выключился

электромагнит. Потом синий луч распался на великое множество шариков. Потом шарики слились в некую веретенообразную форму. Несколько мгновений она висела на месте, хищно поводя носом. "Принюхалась" и с пушечной скоростью рванула с места. И исчезла в северо-западном направлении.

Тим облегченно вздохнул, и тут на него со всех сторон навалился вселенский, космический холод. Несуществующий желудок подкатил к горлу, как при прыжке с большой высоты. Тим хотел закричать, но не смог. Он падал. Туда, в себя, к себе.

Глухо ухнуло пространство, и Тим сорвался вниз. Ба-бах!!! Это он врезался в свое многотрадальное тело. Размазался в лепешку.

И отключился.

И не увидел, как где-то далеко, на другом конце Москвы, розовой дымящейся лужей стекает на пол оператор.

***

Тим очнулся, потому что нечем стало дышать. Чья-то мокрая вонючая рука залезла ему в глотку и перекрыла кислород. Тим начал плевать и обнаружил, что стоит на четвереньках, глаза его широко раскрыты, за окном тьма-тьмушая, а в комнате совершенно нестерпимая вонь.

Несколько секунд он как-то держался на трясущихся конечностях, а потом закрыл глаза и упал обратно, прямо во рвоту, мочу и дерьмо. И снова забылся, но на этот раз уже сном.

Проснулся он днем и некоторое время лежал, зажмурившись и вспоминая события минувшей ночи. Совершенно реальные во всей своей невообразимости. "Все-таки я не умер. Это здорово. Но я так ни черта и не понял. Это плохо. Зато теперь я знаю, кто я такой и с чем меня едят. Это пока не знаю, как оценить".

Потом он рискнул открыть глаза. "Ого! Интересно, у меня все на месте? Кажется, все. Руки, ноги, голова, и даже прибор шевелится, поздравляя с добрым утром. И вообще, неприлично сильный я. После всего пережитого надо лежать трупом, а я ничего, шевелюсь. А "щелкнуть"? Пожалуйста, могу и "щелкнуть". Нормально. Вот только обстановочку попортил. Белье постельное накрылось - хрен с ним, белья завались, а вот матрас, подушки, да и сама кровать... - Тут Тим вспомнил про фольгу под матрасом и хихикнул. - Фольга лежит плотно, в несколько слоев, должна была выдержать. Ладно, матрас достанем, подушки купим, комнату вымоем и проветрим. Х...ня война, главное маневры! Тим, хороший мой, кажется, ты прорвался".

Он осторожно выполз из кучи нечистот, оторвал от пододеяльника более или менее чистый угол, слегка обтерся и потопал в ванную.

Через несколько часов спальня блестела, как новая, в раскрытое настежь окно хлестал морозный ветер, а Тим, бодрый и слегка пьяный, сидел на кухне и увлеченно поедал макароны с тушенкой прямо из кастрюли. Эту пищу богов он запивал пивом, и было ему хорошо. Ползая с тряпкой по полу, он успел оценить ситуацию и принять решение.

В том, что выжил он чудом, Тим отдавал себе полный отчет. "Да, я навернул-таки оператора, но их в Проекте достаточно. И если они насядут на меня все скопом, то как я ни блокируюсь, а работы мне не будет, секса тоже не будет, денег не будет, попросту говоря, не будет жизни. Так что остается мне поднять лапки вверх".

Используя их же знаковую систему. Заявить прилюдно, что в

журналистском расследовании я больше не участвую. По телефону сообщить Рябцеву, что он шизофреник и я ему больше не друг.

Отстанут? Ненадолго точно отстанут. А я за это время силенок подкоплю, верну себе прежнюю клиентуру, денежку заработаю. Интимную жизнь попробую восстановить в прежнем блеске. А там поглядим, что будет. Мне нужно просто отдышаться. Для начала".

Тим поставил кастрюлю на стол, удовлетворенно рыгнул и закурил. Принять решение оказалось удивительно легко. Для этого нужно было всего-навсего включить радио.

И обнаружить, что сегодня не двадцать пятое января, а двадцать шестое. С ужасом осознать, что провалялся в энергетической коме больше суток. Испугаться.

Включить телефон. Позвонить любимой. И, услышав ее голос, почувствовать, что дороже нет никого на свете. А значит - сердце не стальное. Поскольку и голова тоже не деревянная, вывод напрашивается сам. Если не выйти из игры, то хотя бы взять тайм-аут.

"Потому что если я буду рыпаться дальше, они могут взяться за Ольгу. Родителей не тронут, они в курсе, что я на маму с папой плевал. Они, сволочи, на Ольку насядут. И тут мне точно каюк. А родители... Эх, мама с папой, будьте вы прокляты..." Тим встал, прошел в кабинет, сел за стол и положил руки на клавиши пишущей машинки. "Вставить бы сейчас лист и записать все, что узнал, да ведь для этого, наверное, ни бумаги не хватит в мире, ни слов у меня. Такое не опишешь. Такое можно только пережить". Тим закрыл глаза и вспомнил.

"...Скорее всего со мной это случилось в тринадцать лет. В больнице, куда я попал из-за внезапно открывшейся аллергии на пенициллин. Попал без сознания, под ревматической атакой. Совершенно не помню, что они со мной там делали. Но возможно, что кто-то из врачей работал на Проект, и помимо ревматической отхватил я еще атаку и психотронную. Я был как овощ, в буквальном смысле рожа кирпичом, и ничего не стоило на час-другой прицепить ко мне маячок. А с ближайшей подстанции на мой пеленг бросили сигнальчик... И очухался я уже другим человеком. Как это было с остальными Детями - не знаю. Я понял только, что всех их обрабатывали в переходном возрасте, когда организм наиболее чуток к микроволновым воздействиям извне.

Я попал под выбраковку. Но я мутировал и поэтому выжил. Я уже тогда был сенсом - особый случай, необычная энергетика. Наверное, на меня успела стукнуть эта чертова психиатрия. Прежде, чем сдохла. Ну, туда ей и дорога.

Выборка была довольно узкой. Составили психологический портрет будущего лидера оппозиции. Причем оппозиции сильной, которая либо сметет Коммунистическую партию с лица Земли, либо изнутри ее взорвет. То, что из пяти тысяч Детей от силы десятков сможет реализовать этот потенциал, никого, как я понимаю, не смущало.

Страна большая, еще нарожают.

Какая, однако, фашистская идея. Прямо не верится. Но я узнал о ней от непосредственного исполнителя - Проекта. Хотя, если задуматься, эти маразматики в ЦК КПСС и окружающее их отребье - разве они были люди? Гипертрофированный комплекс власти. Моральный кодекс, унаследованный от бабки Сталина. Болезни, сильно отдающиеся в голову. Сексуальные расстройства. Глупые и некрасивые жены.

Психопаты-дети. Тут есть с чего стать мизантропом. И пройтись от души

с бороной по родной стране, чтобы вырвать с корнем подрастающие сорняки.

Они хотели видеть свою власть незыблемой, вечной.

И как раз вовремя подросла уникальная методика - психотроника. И спросила какая-то сволочь - а вот такую проблемку решить не слабо? А другая сволочь ответила - запросто! Вы нам только обозначьте, какие люди вас интересуют. А мы их даже пальцем не тронем. Вот увидите, они сами станут тихие и послушные.

Главная задача была - снизить определенной группе населения уровень энергетики и поднять уровень внушаемости. Отучить от критического осмысления действительности. Из лидеров сделать овечек, из деятелей - созерцателей, а из аналитиков - тугодумов.

Самое дикое, что под пси-расстрел попало великое множество детей партийных работников, сотрудников КГБ и лояльной к властям интеллигенции. Эти-то детишки были для партии наиболее опасны. В своем роде "пятая колонна". Так что по своим молотили без стеснения.

И должны они были стать милыми, тихими и послушными.

Только вот они взяли и перемерли все.

Ни один не дотянул до восемнадцати.

Конечно, "Программу Детей" прикрыли. Хотя и сочли в целом удачной - ведь задача была в принципе выполнена. Только очень уж грубо. Проект вернулся к основному своему производству - политическому сыску, подавлению диссидентов, разведке и контрразведке. Но Детей просто так в покое не оставили. Шли проверки, фиксировалась смертность, а над некоторыми был установлен даже особый надзор.

Главным образом следили за мутантами, теми, кто ничем не болел и вел себя в прежнем, характерном для Детей ключе.

А как мы себя вели, это было видно. Психологический портрет оказался составлен блестяще. И в Дети зачислили лучших. Будущее страны.

Мы все были умные. Не вундеркинды, которых общество отторгает, а именно умные.

Не по годам начитанные, да еще и способные анализировать и делать выводы. А еще мы с ранних лет умели манипулировать сознанием окружающих, подчинять себе без давления, вести за собой.

Не знаю, были ли мы красивые ребята, с первого взгляда располагающие к себе. Я догадываюсь только, что у всех нас была мощная, нестандартная энергетика. Это тоже чертовски важно для лидера.

Но по-настоящему сильными оказались лишь пятеро. Выжили. Выросли. Интересно было бы взглянуть на вас, братья и сестры во Проекте. Хотя, может, еще и встретимся.

Не исключено, что по разные стороны баррикад.

Потому что Проект нашел, как нас использовать. Он долго следил за нами, оценивая, не проявится ли в нас нечто особое. То, что делает человека для Проекта "персона грата". Способности активного биоэнергетика.

Потому что из нас хотят сделать премьер-операторов.

Мы получим в руки мощнейшие гиперпространственные психотронные пушки. Нашу работу поддержат суперкомпьютеры, по сравнению с которыми бытовые "пи-си" - металлолом. Мы будем держать в руках сердца многих сотен, а то и тысяч операторов нижнего уровня. И однажды мы возьмем под свой контроль весь мир.

Я точно знаю, что Проект замахивается именно на всю планету. Да, пока еще Проект относительно слаб, он реализуется только в крупных городах, и

еще несколько маломощных подстанций стоят рядом с "зонами". Там на заключенных ставят эксперименты, обкатывая новые технологии. Но это все ерунда. Финансирование у Проекта достаточное, техника есть. Главная трудность - люди. Без операторов вся техника Проекта - ничто, ноль без палочки. Вот почему они сейчас пускают под нож свой резерв - практикующих биоэнергетиков, экстрасенсов-целителей.

И все это означает, что Проект готовится к масштабной акции. Что им нужно?

Подавить массовые волнения на периферии советской империи? Или, наоборот, спровоцировать новые, чтобы взять страну под военный контроль? Не знаю. Страшно даже строить версии. Но думать нужно. Чем больше я думаю о Проекте, тем больше шансов, что я найду лазейку, через которую смогу ускользнуть. Именно ускользнуть. Потому что остановить эту махину вряд ли возможно.

Нынешняя власть доживает последние дни. В состоянии ли она контролировать Проект? Знает ли вообще о его существовании? Не зомбирована ли она вся с ног до головы?

Проект явно живет под эгидой КГБ. Но чего стоит пыточных дел мастер с Лубянки рядом с сумасшедшим ученым? А у хорошего ученого, как правило, крыша немного съезжает. Как раз к моменту, когда ему начинают доверять ответственные посты.

Военные тоже ведут какие-то изыскания. Они могли бы оказаться для Проекта не только конкурирующей, но и сдерживающей силой. Но Проект так продвинулся, что военным его не догнать. И танки против его психотронных пушек - ничто. К тому же Проект всегда нападает первым.

Так кто же в стране может удержать эту проклятую махину?

А может... Я ведь уловил - Проекту нужны позарез ведущие операторы. И интерес Проекта ко мне значительно острее, нежели к остальным четверым выжившим Детям.

Очень даже может быть, что Проект уперся в меня, как в стенку.

Ну, помучили меня. Ну, обидели. Ну, чуть не убили. Но задрали мою энергетику на такую безумную высоту, что я сам не знаю, материть мне "хозяев" или в ножки им кланяться. И в принципе, я Проекту нужен здоровый и дееспособный.

Так что, если я дам им знать, что беру выходной, они наверняка дадут мне отдышаться. Отпустят, гады, поразмыслить.

Но я-то размышлять не буду. Я совершенно точно знаю, что ни за какие блага не стану оператором.

А значит, рано или поздно мы все равно подеремся".

Тим глухо застонал и врезал кулаком по кожуху машинки. От удара в механизме жалобно тренькнул звонок.

"Неужели это все не сон? - подумал он, внутренне содрогаясь от ужаса. - Навязчивые идеи Эфы, блестяще детализированный бред Лебедева, изошрённые формы мании преследования у остальных зомби. Шизофренические экзерсисы Рябцева..." Тим рванул футболку, задирая ее до груди. И уставился на розовые пятнышки вокруг солнечного сплетения. Поджившие следы ожогов синего луча.

- Пометили меня, гады... - пробормотал он. - Все, господа-товарищи, брэйк.

Тайм-аут. Отпуск за свой счет. Вот прямо сейчас заявление и напишем... Он встал и пошел на кухню, к телефону, посылать к японке-матери хорошего дядю Рябцева, лучшего друга всех землян.

ЧАСТЬ III

ЧЕЛОВЕК

25 февраля - 27 апреля 1991 года

- Не хочешь съездить на один интересный семинар? - спросил Зайцев. - Там уфологи будут в основном, но может быть и... Тим проглотил остатки кофе и слегка поморщился. В пресс-баре этого напитка варили очень много и очень плохо.

- Не-а, - сказал он лениво. - Все равно НЛО не бывает. Зайцев больно пихнул Тима локтем в бок. Тот слегка отодвинулся.

- Ты очень доверчивый, Олежка, - пробормотал он. - Да, верно. Ты очень доверчивый. Помнишь, кто впервые произнес эту фразу? Примерно так годик назад?

- Возьму-ка я еще кофе, - сказал Зайцев, поднялся и ушел к барной стойке.

Тим закурил и отвернулся. В укромном темном уголке Смолянинов, озираясь, разливал из-под стола по чашечкам коньяк.

Подошел Зайцев, поставил на стол два "двойных" и принялся размешивать сахар, напряженно глядя в чашку.

Тим раздавил в пепельнице окурок и принялся разглядывать свои ногти. Длинные, красивые, отполированные. Никогда раньше ему не удавалось держать руки в таком безупречном порядке. Вечно он ногти грыз. А теперь перестал.

Зайцев смотрел на Тима с насмешливым сожалением. За последний месяц Тим ощутимо прибавил в весе. Сейчас он буквально излучал здоровье и спокойствие. Почти незнакомое лицо - гладкое, ухоженное, без знаменитых костенковских похмельных синяков под глазами. Никакой щетины на подбородке. Тщательно расчесанные волосы уложены в красивую, почти женскую прическу. Сытая барская физиономия. И никаких больше разговоров о зомби. Даже как-то противно. Очень сильно он переменялся за считанные недели. Непонятно. И неприятно.

- А все-таки насчет этого семинара, - начал было Зайцев. - Вдруг там... - Не надо, Олежка. Я уже все сказал по этому поводу. Ни психотроника, ни даже летающие тарелки меня больше не интересуют. Все. Завязал. Навсегда. Журнал "Наука и жизнь" открыл мне глаза. Знать не хочу шарлатана Польнина и вообще всех этих негодяев-лжеученых, которые задурили головы военным и ГБ и украли пятьсот миллионов рублей народных денег.

- И...

- И маньяк Рябцев тоже не интересуется.

- Вот это мне приятно слышать.

- Да ну? - криво усмехнулся Тим. - А ведь с Рябцева все и началось, забыл?

- Как он меня задолбал своей японской разведкой! - возвел Зайцев глаза к потолку.

- Это ты и половины не слышал из того, чем он может задолбать.

- А где он сейчас?

- Он что, тебе нужен?.. Зайцев замялся.

- Сука он, Олег, - сказал Тим горько. - Он сунул нас с тобой носом в

дерьмо, а сам сбежал. Бороться за светлое будущее человечества. Если бы мы его действительно интересовали, он бы сейчас нам телефоны оборвал. После "Науки и жизни" и член-корреспондента Александрова с его компроматом. А Рябцев взял руки в ноги и удрал. Плюнь ты на него.

Зайцев вздохнул.

- Напрасно ты ушел, - сказал он. - Володька переживает.

- А ты?

Зайцев вздохнул снова.

- Есть один парень с моего курса, хочет копать эту тему. Отдам я ее, наверное.

Очень уж все запуталось. Для начала натравлю его на Александрова, а там посмотрим.

- Что за парень? Я его знаю?

- Должен по идее. Витя Ларин. Нет? Ну, Ларин, красавчик такой... На тебя похож.

В "МК" печатался. Еще отец у него в "Правде"...

- Понятия не имею. На меня похож? Фу, Олежка, так не бывает.

- Действительно похож...

- Не видел. Что ж, пусть копает дальше. Мне-то что. Все, Олег, я забыл эту тему.

Насовсем.

- Врешь ты все, - сказал Зайцев и сделал движение губами, будто собираясь плюнуть.

- Это на ваше усмотрение, - хмыкнул Тим.

- Тьфу! - Зайцев поднялся и, не прощаясь, двинулся к выходу из пресс-бара. Тим снова принялся рассматривать свои ногти. И почувствовал, что краснеет.

За столик к Тиму подсел Смолянинов.

- Не переживай, Тимка, - сказал он участливо. - Все фигня, кроме пчел. Хотя, если задуматься... Тим посмотрел в угол, откуда пришел Смолянинов. Компания, преимущественно из девушек, бросала на них короткие заинтересованные взгляды.

- Пошли к нам, - предложил Смолянинов.

- Спасибо, но... Мне домой пора.

- Что-то я тебя совсем не узнаю.

- Это точно.

- Не дури. Подумаешь, тема сорвалась. Да их миллион, этих тем, и одна интереснее другой.

Тим вздохнул. Конечно, Смолянинов знает про разгромную статью в январском номере журнала "Наука и жизнь". Все про нее знают. И для большинства она расставила точки над "i". Биоэнергоинформатика - лженаука. Психотронные генераторы - афера.

Ворюги, спрятавшиеся под личиной ученых, растаскивают народные деньги. Только зомби этой статье не поверили. Да бедняга Зайцев, который, похоже, окончательно запутался. "А ведь дело совсем не в том, где правда, а где ложь. Даже для Зайцева главный вопрос - его собственные мотивы. Он хочет разобраться в себе, понять, должен ли журналист всегда копать до конца. Должен ли он лезть туда, куда не просят, игнорируя мнение старших, руководствуясь только личным чувством справедливости? Вообще, что должен делать журналист, когда его тычут носом в лужу, как щенка?!"

- Слушай, Кир, вот объясни мне одну вещь...

- Хоть две, - Смолянинов сделал рукой широкий жест и потянулся за сигаретами Тима.

- Вот придет яхта "Соло". Ты на нее сядешь и пойдешь с "Гринписом" к Новой Земле, на ядерный полигон. Ты ведь знаешь точно, что вас пограничники возьмут за задницу и отбуксируют в нейтральные воды. И ничегошеньки вы своей авантюрой не докажете.

Смолянинов пускал колечки дыма и мягко улыбался.

- Мне понятны мотивы "Гринписа", - продолжал Тим. - Они с жиру бесятся. Этим обалдуев нерусских хлебом не корми, только дай покататься на моторках вокруг какого-нибудь авианосца, да чтобы их сверху из водометов поливали. И в ледяной воде побултыхаться тоже весело. Стрелять в тебя никто не рискнет, и даже насморк ты не схватишь, потому что пьяный.

Смолянинов рассмеялся. Видимо, со словом "пьяный" Тим попал в точку.

- И ты заметь, Кир, они ведь никогда не выдвигают разумных, компромиссных требований. Они намеренно говорят о полном запрещении, полном закрытии, полном отказе от всего, что пачкает мир. А значит - никогда им не удастся ничего ни закрыть, ни запретить. Ну ладно, они балуются. А тебе-то что делать на яхте "Соло", серьезному русскому журналисту?

- Единственному русскому журналисту, - добавил Смолянинов.

- В смысле?.. - не понял Тим.

- Яхту выпрут в нейтральные воды, это точно, - объяснил Смолянинов. - А вот меня вряд ли. Я буду на яхте единственный человек с советским паспортом. Серпастым и молоткастым.

- Кир! - позвали из угла. - Где ты там?!

- Сейчас, солнышко! - отмахнулся Смолянинов. - Момент!

- Значит, нарочно в петлю лезешь... - протянул Тим без малейшего выражения.

- Меня вытащат, - сказал Смолянинов уверенно. - Но шуму вокруг полигона будет гораздо больше, чем его смогла бы поднять нерусская яхта с нерусскими же, как ты выразился, обалдуями. А полигон действительно очень грязный. Перманентный Чернобыль, все, кто рядом живет, - больные. Местность отравлена на сотни километров. Гадкое место.

Тим вздохнул и потупился.

- Очень много интересных тем, - повторил Смолянинов.

- Наверное, - пробормотал Тим. - Ладно, спасибо за совет.

- Да не за что, Тим. Заходи в редакцию почаще.

- Постараюсь. До свидания, Кир. И - удачи!

- Хотелось бы, - улыбнулся Смолянинов, протягивая Тиму руку. - Не падайте ухом, поручик Костенко.

- Я младший сержант без классной квалификации. Счастливо, Кир.

- Счастливо. - Смолянинов поднялся и ушел. Тим заглянул в опустевшую чашку кофе, посмотрел на часы и вздохнул. "Пора идти, через два часа у меня клиент. И до чего же мне не хочется с ним работать! Вообще ничего не хочется. Что со мной?"

Почему на душе так противно?!"

- Я что-то сделал не так, - прошептал Тим. Встал, сунул руки в карманы и, сутулясь, вышел из бара.

***

На доске объявлений висел длинный список остепенившихся негодяев. Некогда эти двоечники и прогульщики всюду позорили факультет журналистики, а теперь образумились и подали нижайшие прошения о сдаче разницы в экзаменах и восстановлении. Тим рассматривал список с удовольствием. Что за люди! Сливки общества, цвет его курса. Кто-то хочет восстановиться просто по инерции, кого-то родители заставляют, а некоторые, возможно, поступили на работу в хорошие места, где диплом рано или поздно будет нужен, чтобы пробиться в редакторы. "Интересно, а чего хочу я? Наверное, чтобы родители от меня отстали. Потихоньку все досдам, до весенней сессии времени - вагон. Потом на "заочку" переведусь... Ага, уже не переведусь".

Тим хищно прищурился и с шумом вобрал в себя побольше воздуха для матерного вопля. Подумал и выдохнул. Только сжал кулаки.

В списке было человек двадцать отчисленных. Против одних фамилий стояла резолюция "восстановить", против других - "разрешить сдавать разницу". И только про бывшего студента Костенко написали коротко и ясно - "отказ". Липовое ходатайство из рекламного агентства, где работала Ольга, прошло все инстанции нормально. Почему же тогда отказ? Тим круто повернулся на каблуках и рванул на себя дверь учебной части.

- Простите, Тимофей, но я вам ничего определенного сказать не могу, - сообщила инспектор курса. - Учебная часть тут ни при чем, эти вопросы решает деканат.

Сходите к замдекана, может быть, она...

К заместителю декана Тим попал быстро, уже через полчаса. Это оказалось несложно - сначала тонизировать замученную менструацией секретаршу, а потом мощным "щелчком" сквозь дверь настроить грозную замдеканшу на миролюбивый лад.

- А понятия не имею, - сказала замдеканша. - Это вы сами, молодой человек, разбирайтесь в учебной части. Сказать по правде, я так думаю, кому-то вы там крупно насолили... Круг замкнулся. Стоя в коридоре с глупой ухмылкой на губах, Тим привычно шарил по карманам в поисках фляги. "А откуда ей взяться - я же теперь почти не пью".

Тим свернул за угол, спустился по широкой мраморной лестнице и вышел на улицу, под мокрый снег. "Похоже, наклеиваются серьезные неприятности. Отец меня тупым ножом зарежет. Больше ему ничего не остается. Выгнать меня из дома он не в состоянии, поскольку дома я и так не живу. Наследства лишиться тоже не получится - разве ж это наследство? А вот в морду он мне даст. Бедный папа, здорово я его обломаю. Человек без диплома по его понятиям - не человек".

Дома Тим принялся бесцельно шататься по квартире, потом затеял было стирку, но бросил на полпути. Наконец, перелопатив книжный шкаф, раскопал давно спрятанный от себя литр водки и уединился с бутылками на кухне. Прошел уже месяц с тех пор, как Тим побывал бесплотным духом, узнал о Проекте, убил оператора и принял решение поднять лапки кверху. Для начала он разругался с Рябцевым, а на следующий день сказал Гульнову и Зайцеву, что выходит из расследования. Мотив он придумал отменный: "Мне страшно, я боюсь на этом деле сойти с ума. Я устал общаться с зомби, они пугают меня. Про наведенный бред слышали? Вот так-то."

Скоро я начну вам рассказывать про японскую разведку, а мне бы этого очень не хотелось".

Ребята посмотрели на него сначала с интересом, потом с жалостью и отвернулись. А Проект - исчез. Пропал, растворился в воздухе, перестал

беспокоить. Как будто и не было его. Никаких симптомов. И вот тут Тиму действительно стало нехорошо.

Во-первых, он действительно обрубил ниточку, соединявшую его с людьми, которых уважал и которые хорошо к нему относились. Во-вторых, чем больше времени проходило, тем иллюзорнее казались все его былые страхи. Факты, которые раньше выглядели неоспоримыми, расплывались и таяли. Обжигавшие душу эмоции подзабылись. И иногда, вспоминая, Тим ловил себя на том, что действительно подозревает - а не существовал ли Проект исключительно в больном воображении нескольких десятков сумасшедших?

Тем более что, интенсивно "раскручивая" свою энергетику, Тим вполне мог переутомиться. Психика сенса - чересчур навороченная система для того, чтобы быть совершенной. И она запросто могла дать временный сбой. "Но чем же я тогда занимался добрых полгода? С какими ветряными мельницами воевал? И почему тогда, уверенный в том, что меня травят, как лисицу, и жизни моей угрожает опасность, я был так собран, отважен, неутомим... счастлив?"

И почему теперь мне так тоскливо и одиноко?

Неужели ты был болен, Тим?!"

Ему вдруг стало тяжело дышать. Тим перевернулся на спину и понял, что плачет.

***

- Тимофей, вы не могли бы зайти ко мне на минуточку? - раздалось за спиной.

Тим обернулся. Перед ним, мягко улыбаясь, стоял Гаршин.

- Понимаете, Тимофей, я давно хотел с вами поговорить, но вы теперь так редко бываете в редакции... Тим, не отвечая, сверлил Гаршина взглядом. "До чего же он мне неприятен! А почему, собственно? Если отбросить некоторые личные претензии, о которых знаем только мы с ним, то почему? Да скользкий он, вот и все. Болезненно костлявый, с острыми маленькими глазками. Взгляд бегающий. И весь этот Гаршин какой-то жеванный, помятый... Год назад, когда мы встречались по его личным делам, он просто страшно выглядел, а сейчас, кажется, поздоровел, но ненамного".

- Ну... - начал Тим глубокомысленно.

- Прошу, - Гаршин распахнул дверь кабинета.

Тим помялся, но вошел. При других обстоятельствах он с Гаршиным разговаривать не стал бы. Но теперь, зная, что между Гаршиным и отцом имелся какой-то контакт, решил хотя бы послушать.

В кабинете редактора отдела было непривычно пусто. Прежний редактор, Петя Половец, уволившись, забрал с собой все те маленькие вещицы, которыми обрастают с годами стены каждой редакционной комнаты. Плакаты, вымпелы, флажки какие-то, дружеские послания, макеты удачно сделанных полос. Вроде бы ерунда на булавках и кнопках болтается, а сразу видно, кто в комнате хозяин, что он за человек.

Половец был нормальный мужик и не мешал отделу работать. Над расследованием Тима и Зайцева деликатно хихикал, но не более того. Копайте, ребята, а я тут ни при чем.

Гаршин за отдел еще толком и не брался, а напряжение уже создал очень серьезное.

Самим фактом своего присутствия. Очень уж у него были характерные

замашки человека, делающего карьеру. И при этом - богатое прошлое "аномального" журналиста, еще в застойные годы успешно публиковавшего смелые материалы. Гаршин был свой человек на Байконуре и в Звездном городке, приятель многих космонавтов, автор нескольких книг. И многих статей по паранормальной тематике.

Вроде бы в доску свой. А морда противная. Тим сел, посмотрел на устраивающегося за столом Гаршина и поежился. "Надо бы сейчас "щелкнуть" для большей уверенности, да не успею, он уже рот открыл. Придется в этот рот смотреть".

- Признаюсь, вы очень меня интересуете, - начал Гаршин без обиняков. Тим снисходительно кивнул. "Это ты молодец. Давай продолжай в том же духе".

- Мне удалось разузнать о вас немного, - продолжал Гаршин, - но даже это немного впечатляет. Вот, давайте вместе посмотрим. Вы не против, Тимофей?

- Ну отчего же. Кстати, я откликаюсь на имя Тим.

- Да? Чудесно. Так вот. Вы интересный молодой человек, Тим. Публикуетесь с пятнадцати лет, причем сразу в солидных изданиях... - У моих родителей много друзей, - ввернул Тим.

- Это замечательно. В факультетской многотиражке у вас был ряд весьма нестандартных статей... - До сих пор стыдно.

- Это тоже замечательно. А в нашей газете вы сотрудничаете еще с семнадцати. И делаете очень разноплановые материалы. Одно начало чего стоит - репортаж на первую полосу... - А тут все пьяные лежали, - честно объяснил Тим. - Некого оказалось послать. Я, правда, тоже был малость того... - Судя по вашему репортажу, министр образования этого не заметил.

- Вы меня пугаете, Иван Иванович, - пробормотал Тим. Его охватило глухое раздражение. - По-моему, ваша осведомленность выходит за границы приличий. Вы за сколько лет архивы подняли?

- Вы мне интересны, Тимофей, - повторил Гаршин.

- А вы мне уже нет, - отрезал Тим.

- Тимофей, зачем вы грубите?

- У нас вооруженный нейтралитет.

- С какого момента, хотел бы я знать?

- С того самого, Иван Иванович, как я с вами последний раз поработал. Кстати, что ваша язва? - спросил Тим брезгливо.

- Великолепно. Как будто и не было ее никогда. Тим вздохнул.

- Надо бы проверить. Выглядите вы получше, это правда, но... - Спасибо, у меня все в порядке, - быстро сказал Гаршин.

Тим встал, сунул руки в карманы и прошелся по кабинету. Остановился перед столом и, покачиваясь с носков на пятки, навис над Гаршиным, который весь съежился и затих.

- Год назад вы совершили очень большую ошибку, господин Гершович, - тоном прокурора сообщил Тим. - Вы не пришли ко мне на два последних сеанса. А эти сеансы были очень важные, может быть, даже решающие. Я вам это говорил. Тем не менее вы не пришли. Догадываетесь, какие выводы сделал я?

Гаршин-Гершович потупился.

- Я понял, что вы только делали вид, будто верите мне, - обвинил Тим.

- Вас рекомендовали надежные люди, у меня не было оснований отказать им, я с вами интенсивно работал, тратил на вас свое здоровье. А вы удрали

без объяснения причин. Мне на деньги наплевать, у меня их завалились. Но я понять не могу, отчего мой клиент растворяется в воздухе. Объяснение только одно - он не верит, что я его вылечу.

Гаршин отвернулся к окну, сложив руки на груди.

- А вы ведь неплохо писали об экстрасенсах, господин Гершович. Объективно, честно. Почему вы попросились именно ко мне со своей язвой? А? Я ведь не знал, что в частной жизни вы язвенник Гершович, а на работе - журналист Гаршин.

- Тимофей, я тоже не знал, что ваша фамилия Костенко, - сквозь зубы процедил Гаршин, поворачиваясь к Тиму лицом. - Я бы обязательно вас спросил, не тот ли вы Тим Костенко, который работает здесь у Малининой. Я же хорошо знаю ваши обзоры писем, я их все читал... Тим ссутулился и отвел глаза.

- Так что ж вы меня сразу не признали, увидев в редакции? - спросил он устало, опускаясь в кресло. - Совесть заела?

- Допустим, - ответил Гаршин, слегка расслабляясь. - Допустим, мне действительно было стыдно. Я совершенно не знал, что сказать вам. И признай я вас, ребята начали бы задавать ненужные вопросы... Поймите, Тимофей, я не афиширую то, что я болен. Некоторые свои болячки выставляют напоказ, а я вот не могу, не хочу... Тим внимательно посмотрел на Гаршина. "Врет, не врет? Сейчас "щелкну", проверю.

Нет, чуть погодя. Отвык я за последнее время от двойного восприятия. Могу случайно измениться в лице, он увидит, что я его "нюхаю", обидится еще. И так уж я достаточно ему нахамил".

- Это надо так понимать, что язва все-таки беспокоит? - спросил Тим.

- Слегка...

- Тьфу, блин! Почему вы не пришли тогда?

- Так вышло, Тимофей...

- Знаете, Иван Иванович, я гораздо моложе вас, но меня это не смущает. Сейчас я вам скажу, кто вы. Вы кретин!

- Тимофей, перестаньте! - рявкнул Гаршин, ударя кулаком по столу.

- А что вы мне рот затыкаете?! Из-за вашего упрямства я допустил брак в работе!

И вдобавок вы уволокли с собой мой информационный фантом, который до сих пор от меня подпитывается! Поэтому и язва вас беспокоит всего лишь слегка! Вы пришли ко мне в таком состоянии, что сейчас бы уже лежали в гробу, если бы я не вмешался!.. - тут Тим осекся.

- Действительно, хватит, Тимофей, - сказал Гаршин сухо.

- У-у-у... - проронал Тим. До него окончательно дошло, что Гаршин не верит в экстрасенсов. Как минимум, сенс Тим Костенко не произвел на Гаршина должного впечатления. Те самые два сеанса, которые Гаршин не "добрал", действительно были очень важны. А у Гаршина сложилось впечатление, что с ним просто ничего не сделали. То, что ему действительно полегчало, он объяснил какими-то другими причинами.

Тим закусил губу и нахмурился. "Надо бы встать и уйти, хлопнув дверью. Но я этот спектакль выдержу до конца. Нужно все-таки узнать, чего эта сволочь от меня хотела. И нужно действительно "щелкнуть" и посмотреть, что там у него творится".

- Хорошо, - сказал Тим, доставая сигареты. - Оставим эту тему. Вы хотели со мной говорить - давайте разговаривайте. Если все еще хочется.

Гаршин сунул палец за ворот старомодной водолазки и оттянул его, словно желая продышаться.

- Да, - пробормотал он, - хочется. Я готов этот инцидент считать исчерпанным.

Тим бросил на Гаршина косой взгляд, но ничего не сказал.

- Так вот я что хотел узнать, - теперь интонации Гаршина были сухими и строгими.

- Вы, Тимофей, застолбили отличное место в отделе Малининой. Зачем этот внезапный переход к Гульнову?

- Я напал на "Программу "Зомби".

- Очень странно, Тимофей. Человека, который вывел вас на эту тему, другие сотрудники отдела характеризуют вполне определенно... - Он просто вывел меня на нее, и все.

- Но и другие субъекты, с которыми вам приходилось встречаться, были, мягко говоря, э-э... - Они не все больны. Далеко не все.

- Но тем не менее это довольно странные личности, не правда ли, Тимофей?

- А вы что, мало работали со странными личностями?

- Я всегда работал со специалистами, Тимофей, - сказал Гаршин наставительно. - Да, в сфере моих интересов лежат и аномальные явления тоже. Но о них я беседовал, как правило, с учеными, которые их исследовали. А странные личности - это не тот контингент, с которым подобает общаться серьезному журналисту. Тем более что наш отдел называется, кажется, отделом науки.

- Вы сейчас говорите как функционер, - заметил Тим.

- А я и есть функционер, - кивнул Гаршин. - Я теперь в какой-то степени номенклатурный работник. И в мои обязанности входит разъяснение подчиненным их обязанностей.

- Постановка задач и определение границ...

- Совершенно верно.

- Когда я служил в сто пятнадцатом артиллерийском полку, - сообщил Тим едко, - у нас в штабе дивизиона висел плакат с таким изречением. "Там, где нет контроля исполнения, исполнительность равна нулю". Давайте ближе к делу, Иван Иванович.

Что вы хотите узнать? Что я тоже странный человек? Да, я странный. Но пока еще не больной. В отличие от вас, например.

- Перестаньте, Тимофей. У нас серьезный разговор.

- Фигня! - отрезал Тим. Он почувствовал, что теряет над собой контроль. Его так и распирало желание плюнуть Гаршину-Гершовичу в морду.

- У нас намечалась милая беседа, о которой вас просили некие уважаемые вами люди. Только вот они не знали, что мы знакомы. А вы думали, что я стесняюсь того, что я сенс, и сделаю вид, будто тоже ничего не помню. А я не стесняюсь! Я действительно сенс! И я не собираюсь быть паинькой и язык в жопу прятать! Ясно?!

- Выйдите, Тимофей, - попросил его Гаршин ровным голосом. - И больше не приходите. Кстати, кто вам заказывает пропуска в редакцию? Гульнов или Зайцев?

Тим достал из кармана паспорт, вытащил из него временное удостоверение, служившее одновременно пропуском в редакцию, и демонстративно шлепнул его на стол. Удостоверение было отпечатано на фирменном бланке, которых у Тима на квартире валялось штук двадцать, а подпись Гульнова не подделал бы разве что сильно пьяный человек.

- Ах, вот у вас что... - пробормотал Гаршин, разглядывая удостоверение. - Хорошо. Прощайте, Тимофей. Надеюсь, больше мы не

увидимся.

- Так о чем же вас просили со мной поговорить? - поинтересовался Тим, не делая ни малейших попыток встать из глубокого кресла.

- Я, кажется, сказал вам выйти, - процедил Гаршин.

- Да ладно, рассказывайте. А то там обидятся, что вы не выполнили их приказ.

Кончайте эту самодеятельность, давайте карты на стол.

- Я сейчас позвоню на вахту, и вас выдворят из редакции силой, - предупредил Гаршин.

- Это будет очень живописно, - кивнул Тим.

- Посмотрим, - Гаршин снял трубку внутреннего телефона.

- Положи, - лениво приказал Тим.

- Что? - спросил Гаршин. И застыл с открытым ртом, потому что Тим, "щелкнув", заблокировал его двигательные реакции. И тоже приоткрыл рот - от удивления. Потому что над головой Гаршина пульсировала в воздухе черная метка.

Тим вскочил и приблизился к Гаршину вплотную. Он впервые увидел "меченого" так близко. Метка выглядела инородным телом в его ауре, она свободно плавала в ней, и при этом была как-то связана с центром контроля, присущим мозгу каждого человека. Тим взгляделся в энергетический рисунок Гаршина.

Механизм взаимодействия метки и центра контроля был очень сложен. Тим сразу понял, что просто взять и оторвать метку от Гаршина, не повредив ему рассудок, не получится. Или попробовать? Тим вбросил в ауру Гаршина мягкое щупальце и попытался зацепить метку. "Нет, не выходит, плотно сидит. Еще кусается, зараза!" Тим пихнул Гаршина от себя, и тот отвалился на спинку стула. "Что же мне с тобой делать, ты, меченый? Допросить я тебя, к сожалению, не смогу. Не умею пока. А интересно было бы... Например, хорошо было бы знать, имел ли ты эту метку год назад. Я тогда был сенс простенький, слабый, вполне мог ее пропустить, эта метка штука тонкая, сразу не разглядишь".

Тим почесал в затылке. "Что дальше? Устроить тебе возвращение из обморока?"

Спектакль закатить - ах, Иван Иванович, вам стало плохо... Все равно беседы уже не получится, стукнул я тебя крепко, ты лыка вязать не будешь, когда очнешься.

Ну и пошел ты в задницу". Тим взял со стола удостоверение и убрал его обратно в паспорт. Выдернул из гаршинского кулака трубку телефона и положил ее на место.

Отошел к двери и "отпустил" свою жертву.

Гаршин подпрыгнул на стуле и, закатив глаза, принялся судорожно засасывать в себя воздух, хрипя и захлебываясь.

Тим вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

***

Медленным скользящим шагом Тим приближался к двери, на ходу доставая ключи.

Положил руку на дверь. "Правильно, отец здесь. К телевизору припал. А мама задерживается, у нее там какой-то вернисаж. Обычно они на такие мероприятия ходят вместе, а сегодня отец - уникальный случай - дома. Нервишки сдают? Или учуял, что я приду?"

Тим зацепил своим полем еще пару бубликов. От энергетического пресыщения его слегка пошатывало. "Сейчас мне понадобятся все резервы. Я впервые в жизни попробую нейтрализовать эту аномалию под названием "мой отец". Чтобы разобраться раз и навсегда". Тим "отщелкнул" на половинную мощност, резко вставил ключ в замочную скважину, повернул его и толкнул дверь.

В гостиной раздалось характерное шипение - отрубили видео, но не переключили канал. Так, а вот и телевизор забубнил.

- Порнуху смотрел? - вместо приветствия спросил Тим, входя в комнату.

- Садись, - отец похлопал рукой по дивану. Вид у него был удрученный, но Тим понял - дело не в том, что отцу помешали. Он действительно плохо себя чувствовал. Нервы на пределе.

- Посмотрим? - предложил отец, неприязненно глядя на сына.

- Что-то меня в последнее время порнография не возбуждает, - сказал Тим. - Наверное, я в жизни нашел то, что искал.

- Н-да? - Отец поднял бровь и задал характерный для себя вопрос:

- А почему не женишься?

Тим против своей воли захохотал. "Па, ты ведь чуть меня не угробил. По энергетике ты мне достойный соперник. Но до чего же ты примитивное существо!" - Чего ржешь? - обиделся отец.

- Не знаю, - честно ответил Тим. - Все-таки у нас с тобой совершенно разные представления о жизни.

- Знаю я, какие у тебя представления, - сказал отец. - По-твоему, нормальная жизнь - это никакой ответственности. Лишь бы ничего не делать и ни за что не отвечать. Как бабочка порхать. А по-моему, совсем не так.

- А по-твоему - это делать непонятно что и непонятно за что отвечать, - парировал Тим, закипая. На грани сознания он понимал, что ведет себя не правильно. Сейчас ему следовало бы по-гипнотизерски "подстроиться" к отцу и начать загонять его в транс. Чтобы снизить потери на "пробивание". Но Тим разозлился. Отец был в корне не прав. Ничего не понимая в жизни сына, он читал ему нотации с позиций своего опыта. Опыта, который, на взгляд Тима, был куцым, неглубоким и сплошь отрицательным.

- Вот как? - спросил отец, и Тим увидел, что он тоже разозлился. "Крепко я его задел с этой дурацкой порнографией. Сидел мужик, опыта набирался, фантазировал... Готовился, наверное, к броску на сторону. Детально планировал уход налево во всех подробностях. А тут приперся сын-обалдуй, который, видите ли, все, что надо, в жизни нашел... Дурак ты, па. Тебе бы за меня обрадоваться хоть раз в жизни - я бы тапочки твои языком вылизал. А ты на каждый мой успех реагируешь, как бык на мулету".

- Ладно, - произнес отец, вдруг успокоившись. - Это мы потом обсудим. Ты мне вот что скажи... Ты что делаешь завтра вечером?

Тим насторожился.

- Да вроде ничего...

- Подъезжай ко мне завтра на работу. Часикам к шести. Сможешь?

- Запросто. А в чем дело, па? - внутренне Тим ликовал. Его даже не волновало, что отец умудрился сдержаться и обойтись без скандала. Какую бы игру тот ни вел, Тим благодаря этому имел передышку в несколько минут. Он успокоился, сознание освободилось от злобы и снова воспринимало Сергея Костенко просто как объект исследования. Как клиента.

- Да вот, хочу тебя познакомить... - отец замялся. В это время Тим начал "подстройку". Он идеально скопировал позу отца и синхронизировал дыхание с ритмом дыхания клиента.

- Сейчас не стоит вдаваться в подробности, - вышел из замешательства отец. - Есть один человек, знакомство с которым может быть для тебя очень полезным. И я буду рад, если ты придешь.

- Ну хорошо... А ты точно не хочешь мне сказать, что это за человек?

- Тим медленно притормаживал дыхательный ритм и почувствовал, что отец тоже начинает медленнее дышать вместе с ним. В эриксоновском гипнозе Тим не разбирался, но ему и не нужно было. Он только хотел обойти сопротивление отца на начальном этапе. Он даже разговора почти не слышал, обволакивая своей аурой черное пятно, под которым скрывался настоящий Костенко-старший, которого сын вообще не знал.

- Думаю, не стоит, - отец улыбнулся так мягко, что у Тима защемило сердце. Он очень давно не видел такой улыбки. - Пусть будет сюрприз. Только учти, что организовать эту встречу было довольно сложно. И я прошу тебя отнестись к моему предложению со всей серьезностью. Я же знаю, ты любишь сначала пообещать, а потом не прийти... - Да нет, я приду, - Тим потянул на себя всю свободную позитивную биоэнергетику, какую нашел в комнате. Бублики, груши, все, что есть, только не шарики. "Сейчас я тебя долбану. Не убить бы..." - И я очень тебя прошу спокойно выслушать этого человека, - продолжал отец. - Не лезть, сразу в бутылку, а отнестись к его словам как взрослый человек. Пора становиться взрослым, Тим. Слишком долго ты... Отец застыл. Тим сидел рядом, глядя перед собой, целиком размазавшись по черному защитному слою на ауре Сергея Костенко. "Что будет, когда я эту штуку пробую?"

Взрыв?" Недавнее известие об отчислении с факультета вызвало в доме такой ураган, при одном воспоминании о котором Тим до сих пор инстинктивно вбирал голову в плечи. Из отца тогда полетели экзотические черные шарики, мелкие, но весьма болезненные. До сих пор, как Тим ни "щелкал", разобраться в энергетике отца он не мог. Одна большая черная хреновина. Врожденная энергетическая аномалия, скорее всего. И то, что сын такого человека вырос экстрасенсом и стал активным биоэнергетиком, Тим считал закономерным. Но благодарить отца вслух не спешил. Одного полного курса лечения от повышенной нервной возбудимости сынуле хватило за глаза и за уши еще в подростковом возрасте.

"Так что будем поосторожнее... Не бить, не давить, а аккуратно проколоть эту черную пленку там, где она потоньше. Есть!!!"

Бац! Черная мембрана лопнула сразу в нескольких местах. Отец всхлипнул, закатил глаза и повалился Тиму на колени. Чернота растворялась, убираясь внутрь отцовского поля. Тим почувствовал, что у него трясутся руки. Он ухватил отца под мышки и, кряхтя от напряжения, откинул грузное тело на спинку дивана. Тяжело дыша, Тим заглянул отцу прямо в душу.

Это было как Солнце. Горячий сгусток цвета яичного желтка. Такой горячий и такой яркий, что Тим сморщился от фантомной боли в глазах, которые ничего сейчас видеть не могли. Он встал с дивана и отошел на пару шагов, чтобы выбраться из активной зоны чужого поля. Но поле легко расширилось и потекло за ним.

Тим выбросил легкий барьер, остановив эту желтую экспансию. Поле стало растекаться во всех направлениях. Энергии у отца было немерено, и сейчас она так и перла, будто каша из кастрюли, во все стороны. Тим

забеспокоился. Он вдруг представил себе, что будет, если папуля возьмет да и растворится в пространстве к чертовой матери, оставив сыну хладный труп. Тим быстренько свил вокруг отца тонкий синий кокон Желтое остановилось. Теперь оно варилося и бурлило внутри кокона, пытаясь найти лазейку.

Глаза начало жечь. Тим потрогал лоб тыльной стороной ладони и обнаружил, что на бровях набухли громадные капли пота. Он вытер лицо рукавом. И ощутил легкое головокружение. Вдруг мелко задрожал подбородок. "Проклятье! Я еще даже не начал работу, а уже собираюсь терять сознание. Вот чего нельзя, так нельзя. Если мама найдет здесь два бесчувственных тела, она немедленно позвонит в "Скорую". А если я все еще под колпаком у Проекта, то представляю себе, что за лихая бригада сюда приедет".

Все, что можно было утилизировать в квартире, Тим уже сожрал. У соседей поживиться было почти нечем. Поэтому Тим зацепился за квартиру этажом ниже, где сразу две пары упоенно, выплевывая море энергии, занимались любовью. Подобрал их лучистые выделения, Тим ощутил приток сил. И ткнул отца зондирующим лучом.

"Да... Разумеется, никакой черной метки нет. Папуля вообще невнушаем и неуправляем. Это просто чудо, что мне удалось его расслабить. Кровь у нас одна, вот и получилось. Но до чего же ты силен, па... Удивительно, как ты еще до сих пор никого не убил каким-нибудь своим дурацким энергетическим выхлопом. А может, и было такое!.."

Осторожно копаясь в поле отца, Тим искал следы кризиса, пережитого родителем на днях. Костенко-старший явно бегал куда-то замолвить словечко за непутевого сына.

Туда, откуда командовали меченым Гаршиным. Тим зондировал и размышлял. "А это у нас что? Стоп! Назад!"

В самом центре кризисного отпечатка лежал очень четкий и хорошо знакомый след.

Тим мысленно выругался. Еще один замкнутый круг. В разрешении кризиса участвовал известный журналист Иван Иванович Гаршин собственной персоной. Проклятый язвенник Гершович.

Отец дышал медленно и размеренно. Тим быстро просмотрел еще несколько уровней его поля, но ничего вразумительного не обнаружил. "Проклятье, вся работа впустую. Отец просто напрямую связался с Гаршиным и попросил за Тимом присмотреть. Ни малейшей ниточки к Проекту. Никакой информации. Тьфу! Ладно, попробуем зайти сбоку. Посмотрим, не завалилось ли у папы в кармане чего-нибудь путного".

Тим протянул руку и вытащил из висящего на стуле пиджака отцовский бумажник.

Вытряхнув из кармашка визитные карточки, "принюхался" и остолбенел. Гаршин и тут отметился. На одной из карточек он оставил след, ясно различимый, свеженький. Но карточка была совсем не его. Чтобы прочесть написанное, Тиму пришлось до боли сузить зрачки. Он все еще находился на самом глубоком уровне пси, и обычное восприятие давалось ему с трудом.

На карточке было написано: "Академия медицинских наук СССР. ЦНИИ нейрохирургии.

Самохин Андрей Николаевич. Ведущий специалист". И ничего не говорящий Тиму номер телефона. АТС-459, это где-то далеко на северо-западе Москвы.

Тим раздраженно сунул карточку обратно в бумажник. "Нейрохирургия? Кем может быть этот э-э.. ведущий специалист Самохин? Не понимаю. Устал,

котелок уже совершенно не варит. Но тем не менее Гаршин дал отцу именно эту карточку. Уж не с ведущим ли специалистом Самохиным отец решил организовать мне встречу? Крепкие парни в белых халатах, смирительная рубашка, лоботомия, электрод в башку... Нет, не похоже. Психиатрам меня отец на растерзание отдаст, не впервой. А вот нейрохирургия - это слишком круто. Ладно, будем исходить из ленинского принципа "упремся - разберемся". Что-то мне эта АТС-459 не нравится. Что у меня с северо-западным направлением связано? Потом, потом..." Тим убрал бумажник на место и повернулся к отцу. "Как же мне тебя заштопать?"

Нужно восстановить каким-то образом твою защиту, а то ведь ты развалишься, просочишься через синий кокон, вытечешь наружу весь и копыта отбросишь. Ты меня, конечно, чуть не замочил, но это еще не предлог к тому, чтобы стать отцеубийцей".

Любовники внизу отдыхали, подпитаться было нечем. "Могли бы и по второму разу начать". Тим хихикнул. До него вдруг дошло, что не начнут. Он так основательно "почистил" нижнюю квартиру, что в ней теперь не то что любовью заниматься, даже просто находиться было противно. "Ладно, и так справимся. Осталось недолго". Тим попробовал разобраться, как у отца формировалась защита - и ничего не смог разглядеть.

Он раздраженно заерзал. "Проклятье, ведь чернота заползла внутрь! Неужели я не смогу ее как-нибудь вытащить?" Тим собрался и "щелкнул" за пределами, так глубоко, что заломило виски. "Ничего не вижу. Как будто и не было защиты.

Съелась, мать ее так, проглотилась! А что же мне теперь... А?!" Тим зарычал. "Только без истерики". Он нарастил защитный кокон и осторожно сжал его до размеров, которые имела черная мембрана. Отец задышал чаще, с его лица сошла восковая бледность. "Нормально. Но ведь кокон долго не продержится сам по себе. Он намертво заякорен на мою энергетику. И если все оставить так, как есть, то отец будет постоянно через всю Москву тянуть из меня силы, чтобы не развалиться самому. Мы окажемся связаны толстенным канатом, и если отцу-то это будет до лампочки, то мне... Он же меня слижет, как леденец!" Тим схватился за голову. "А если вот так?" Из последних сил он воткнул в отца несколько щупалец и принялся строить защитный кокон из собственных ресурсов клиента. С кем угодно этот фокус прошел бы нормально, но с бешеной энергетикой папули строительство шло чертовски медленно и страшно тяжело. Но получалось.

Через двадцать минут Тим вобрал в себя ошметки прежнего кокона и, вытаращив глаза от усталости, держась за стену, выполз на кухню.

Дико хотелось есть. Тим вытащил из холодильника тяжелую кастрюлю и, ухватив ее обеими руками, принялся через край жадно хлебать ледяной борщ. Выгреб из хлебницы черствую горбушку и между глотками борща сгрыз ее, осыпая крошками стол. Выпил из горлышка несколько глотков водки. И, утираясь рукавом, поспешил обратно в гостиную.

Сергей Костенко спал, по лицу его блуждала мечтательная улыбка. Тим "щелкнул", внимательно "обнюхал" новую защиту отца, подпитывавшуюся от его собственных ресурсов, и нашел, что защита уже неплохо держит, а со временем нарастет прочная. Не развалится папуля.

Отец что-то пробормотал во сне. Тим поджал губы. Пережив энергетическую метаморфозу, отец действительно выглядел хоть куда. Теплый, мягкий, открытый к контакту, сильный. И совершенно здоровый человек. Но все-таки Тиму было страшновато. Он сотворил такое, чего не положено делать с людьми насильственным путем. Тим прислушался к своим

ощущениям. "Решим, пожалуй, что отец это заслужил. Нечего было обижать ребенка десять лет подряд. А то, что на самом деле папуля этого не хотел, а всего лишь плевалось ядом его бессознательное... На это мы положим. С бо-ольшим прибором. И все тут".

Тим круто повернулся, и его так качнуло в сторону, что он чуть не упал. "Пора рвать когти. Чтобы успеть домой к тому моменту, когда папа очнется и позвонит мне насчет завтрашней встречи. Он ведь не помнит ничего. Слава богу, после энергетической атаки такого уровня начисто отшибает память. Что интересно..." Тим замер, держась за дверной косяк. "Но ведь у Гаршина тоже должна быть местная амнезия! Или... Или нет. Гаршина я всего лишь ударил. Слегка тюкнул. Ну, поковырялся чуток у него в голове, за черную метку подергал... Он вполне мог запомнить наш разговор. А мою агрессию - нет. Просто у него должно было остаться впечатление, что я нахамил ему, поднялся и ушел. И тогда добренький язвенник вручил папе визитку некоего Самохина... Ох, не к добру все это".

Тим выпил еще водки на кухне, закурил и пошел одеваться. "АТС-459.

Северо-западное направление. Почему меня это так беспокоит?!" Он еще раз посмотрел на спящего отца, открыл дверь и неожиданно вспомнил. "Конечно же!

Когда я бил по оператору Проекта, "веретено" улетело именно на северо-запад..." Тима снова зашатало. "Скорее отсюда. Все обдумаем потом. Но только что мне сказать отцу, когда он позовет меня на встречу?"

***

По коридорам Министерства культуры Тим двигался с трудом, преодолевая встречный поток чиновников, спешащих покинуть здание с окончанием рабочего дня. Он лениво "обнюхивал" людей, ища в их аурах черные метки. Это уже превратилось в привычку.

Тим не вполне представлял себе, что сделает с меченым, попадись тот на его пути, но все нюхал, нюхал, нюхал... Меченых не было. По домам разбегалась бездарная мелкая сошка, не представляющая интереса для Проекта. Обычные клерки, озабоченные растущей инфляцией, отсутствием уверенности в завтрашнем дне, проблемами в семье, но никак не вопросами отечественной культуры. Люди как люди.

Приближаясь к кабинету отца, Тим плавно наращивал мощность пси-восприятия. "Если там будет опасно, тут же бью на поражение. Всех, кто подвернется". Перед самым кабинетом Тим активировал защитный контур, остановился и пробил стену зондирующим лучом. В кабинете сидели двое. Один - отец. А второй... "Ого! Нет, это не опасно. Но это, черт побери, интересно!" Тим без стука открыл дверь.

- А, Тимуля! - обрадовался отец, вставая ему навстречу. - Ну, чудесно. Слушай, я побежал, а вы тут с Андреем Николаевичем поговорите... Ты мне позвони вечером, ладно? - он хлопнул сына по плечу и, просочившись мимо, исчез в коридоре.

Тим медленно прикрыл дверь, не отрывая взгляда от отцовского гостя. Перед ним сидел в мягкой расслабленной позе, уютно сложив руки на коленях, самый мощный сенс, какого только Тиму доводилось видеть в жизни. И его лицо показалось Тиму удивительно знакомым.

- Самохин Андрей Николаевич, - представился сенс, не вставая и не протягивая руки. - Присаживайтесь, Тимофей.

- Тимофей Костенко. Обычно меня называют Тим.

- Присаживайтесь, Тим, присаживайтесь. Тим медленно подошел к столу и сверху вниз уставился на сенса. "Лет тридцать пять-сорок. Достойный противник. Сидит очень спокойно, правда, замкнув контур, но это у него инстинктивное. Не "щелкает", не суетится, вообще делает вид, что он обычный человек. Черной метки не наблюдается. Симпатичное лицо".

Сенс в свою очередь рассматривал Тима.

- Я слышал, ваше журналистское расследование зашло в тупик... - произнес он глубоким, бархатных тонов голосом.

- Вы не обычный сенс, - пробормотал Тим, осторожно садясь напротив.

- Что? - поднял бровь Самохин.

- Вы не обычный сенс, - повторил Тим.

Самохин небрежно пожал плечами. Но на лице его появилось озабоченное выражение.

Похоже, он изначально настроился на беседу с позиции обычных людей, несенсов. И теперь не мог сменить заранее отработанную модель поведения. "Совсем ты, мужик, не гибкий, - подумал Тим. - А это скорее всего значит, что если ты и провокатор, то поневоле. Оч-чень интересно!"

- Вы как себя чувствуете, Тимофей? - спросил Самохин. Тим "щелкнул" глубже и машинально кивнул. "Активный биоэнергетик с колоссальным потенциалом пси. Может быть, недостаточно умелый, но чрезвычайно мощный. Экстремально. Со мной, положим, не справится, но рядового терапевта-целителя в порошок сотрет. Ну ты, не валяй ваныку", - Тим слегка ткнул собеседника лучом-сенсором в лоб.

Самохин пошатнулся на стуле и чуть не потерял равновесие. Но "щелкать" все равно не стал. Он явно хотел выглядеть нормальным и соответственно вести себя. "Черт, - подумал Тим с раздражением, - а мне тогда как себя вести?" - С вами все в порядке, Тимофей? - поинтересовался Самохин, утирая слезу, набежавшую на глаза от энергетического удара.

- Терпимо, - бросил Тим.

- Хорошо, - кивнул Самохин. - Так получилось, что я осведомлен о вашей проблеме... - Это о какой? - прищурился Тим. - Если насчет секса, так я с мужиками завязал, все, с концами. СПИДа боюсь, и вообще, противные они... Самохин изумленно вытаращился. Тим, склонив голову набок, ждал реакции.

- А... - выдавил Самохин наконец. - Шутить изволите.

- Угу, - кивнул Тим и довольно крепко стукнул Самохина в живот. Тот хрипло закашлялся и на некоторое время потерял дар речи. Тим смотрел, как Самохин копается по карманам в поисках носового платка, и размышлял: "Почему он не хочет "щелкнуть" в ответ? Загадка какая-то".

- Извините, - пробормотал Самохин сдавленным голосом и громко высморкался. - Тимофей, давайте серьезно, а?

- Давайте, - сморщился Тим. - Зачем я вам нужен?

- Знаете, у меня другое впечатление. По-моему, это я вам нужен.

- На фига? - искренне удивился Тим.

- Вы попали в затруднительное положение, так ведь? Вы столкнулись с проблемой, которую окружающие вас люди предпочитают в упор не видеть и полагают надуманной.

- Давайте называть вещи своими именами. Бредовой они ее считают. Бредовой. А меня - маниакально-депрессивным типом.

- Совершенно верно. Я просто как-то постеснялся... Ну и как вам,

Тимофей, жизнь маньяка-одиночки? - Самохин хитро подмигнул.

Тим рассмеялся. "А ты молодец. То ли психолог, то ли просто умный... Или ты в курсе, что "Программа "Зомби" - не бред..." - Да не так уж плохо, - ответил Тим. - Оказывается, пугать людей - очень веселое занятие. И потом, с сумасшедшего взятки гладки. Можно гнать все, что в голову взбредет. Совершать эксцентричные поступки. Обижать всех направо и налево... - тут он не удержался и треснул Самохина под коленку. Тот дернулся и заглянул под стол. Совсем как обычный человек. - Маскируетесь обалденно, - заметил Тим. - Реакции совершенно человеческие.

- Что? - снова поднял одну бровь Самохин.

- Да так, ничего...

- Так вот, Тимофей. А как вы отреагируете, если я вам сообщу, что вы не одиноки в своем, э-э... затруднении?

- Что, мой бред не уникален? - улыбнулся Тим.

- Ну, в какой-то степени и уникален тоже. Дело в том, Тимофей, что вы вели расследование в некой пограничной области знания. А я представляю фирму, которая в этой же области ведет исследования. Понимаете, Тимофей? Исследования. Мы занимаемся биоэнерготехнологиями. Вам должна быть знакома эта тематика, вы ведь бывали у Польшина, да?

Тим кивнул.

- Мы можем полностью реабилитировать вас, - сказал Самохин.

- Это в каком смысле?! - мгновенно окрысился Тим.

- Да нет же! - рассмеялся Самохин. - Лечить вас никто не собирается.

Ух, какой вы, однако, горячий молодой человек... - Захочу прижечь, мало не покажется, - пообещал Тим.

- Ой-ой-ой! - рассмеялся Самохин и выставил перед собой раскрытые ладони. - Мне уже страшно! - В этот момент он получил чувствительный удар по затылку и машинально обернулся. Тим сейчас же треснул его снова. Самохин затряс головой и укоризненно на него посмотрел. - Кончайте дурачиться, - попросил он. - Это недостойно вашего дара, Тимофей, честное слово.

- Очко жим-жим? - ехидно поинтересовался Тим.

- Перестаньте, - сказал Самохин жестко.

- А я ведь могу вас убить, - произнес Тим задумчиво. - Легко.

- Вы просто напуганы, Тимофей, - в глазах Самохина, где Тим ожидал увидеть хотя бы отголосок страха, ничего подобного не оказалось. - Вы просто не понимаете, кто друг, а кто враг. И стараетесь всех поставить в известность о том, какое у вас стальное сердце. Напрасно.

У Тима что-то щелкнуло в голове. "Стальное сердце? Этот тип использовал термин, который сто лет назад выдумал я. Наверное, совпадение, но больно уж не к месту оно пришлось".

- Я вам зла не желаю, - терпеливо продолжал Самохин. - И я действительно могу сделать так, что вы вернетесь к нормальной жизни и никто не будет показывать на вас пальцем.

- А я эти пальцы откусываю, - изрек Тим. Ему становилось все сложнее дурачиться и играть. Он ощущал легкое смятение.

- Уфф... - Самохин опять полез за платком, нерешительно повертел его в руках и сунул обратно в карман. - Тимофей, мы будем серьезно разговаривать? Вы же взрослый человек, в конце концов... - Чего вы от меня хотите? - произнес Тим, ставя ударение на каждом слове.

- Приезжайте к нам в Институт, - сказал Самохин, и Тим почувствовал, что "Институт" именно так и произносится, с заглавной буквы. - Мы

попросим вас принять участие в нескольких экспериментах, неопасных и безболезненных.

Небольшое обследование, некоторые замеры. Вам же будет интересно лучше знать природу того, что с вами происходит... А в благодарность мы выпишем вам диплом-сертификат. Гораздо солиднее того, что вы могли бы получить у Лапшина.

- И?..

- И с таким дипломом вы сможете все, Тимофей. Во-первых, ни одна сволочь не посмеет усомниться в том, что вы биоэнерготерапевт. Во-вторых, для вас будут открыты двери самых престижных лечебных учреждений. Сейчас, например, открываются две элитные клиники... Вы же хотите лечить больных, верно? А тут у вас будет совершенно официальный статус и, между нами говоря, великолепный оклад.

- А что я должен буду делать, кроме лечения? - спросил Тим вкрадчиво.

- То есть? - широко раскрыл глаза Самохин.

- Вы хотите сказать, что не знаете, чем занимаются выпускники "Центра Новой Медицины"? Вы ничего не слышали о кодировании, которое они проводят некоторым своим пациентам?

- Не понимаю, - пробормотал Самохин. И Тим вдруг увидел: он действительно не понимает. Сейчас, на глубоком уровне пси-восприятия, Тим хорошо различал самые тонкие человеческие мотивации. Фактически он видел, где правда, а где ложь. И Самохин ошеломил Тима искренностью своих побуждений. Возможно, он был марионеткой Проекта. Скорее всего его послали к Тиму как подсадную утку. Но все равно приятно было видеть честного и открытого человека. Хотя ситуация от этого только запутывалась.

- Вам фамилия Гаршин что-нибудь говорит? - спросил Тим с надеждой.

- Да нет...

- Гаршин Иван Иванович, тощий такой еврей, язвенник, примерно ровесник ваш.

Довольно известный журналист.

Самохин отрицательно помотал головой. Вид у него был обалделый.

- Хананов? - продолжал допрашивать Тим. Тот же ответ.

- Как вы вышли на моего отца? - спросил Тим устало. Самохин замялся.

- Убью, - сказал Тим с чувством.

- Это вряд ли, - заметил Самохин почти с вызовом.

- Да ладно, - отмахнулся Тим нетерпеливо. - Как? Самохин задрал глаза к потолку.

- Мне очень не хочется обсуждать с вами эту тему... - начал он.

Тим вздохнул и перебил его.

- Здесь нет "жучков". Поверьте, я вижу. И нас никто не сканирует психотронной техникой. Можете расслабиться.

- Я верю, что вы можете видеть это, - сказал Самохин печально. - Но я связан подпиской. Наш Институт - режимное учреждение. И я не имею права обсуждать с вами такие вопросы, Тимофей.

- Вы понимаете, что я могу вытащить из вас эту информацию силой?

- Догадываюсь, - кивнул Самохин все с той же печальной миной на лице.

- Но мне кажется, что вы не будете так поступать.

- Правильно кажется. Самохин протяжно вздохнул.

- Скажем так. Ваш отец сам искал помощи. Понимаете, Тим? Информация об этом дошла до моего руководства, оно заинтересовалось и поручило мне согласиться на контакт с ним. Я был надлежащим образом

проинструктирован. Инструкцию я почти дословно изложил вам. Отец ваш звонил мне на днях, мы договорились о встрече.

Вот, собственно, и все.

- Режимное учреждение... Ваша тема тоже закрытая?

- У нас все темы закрытые. Но я думаю, что это делается по инерции и... для самозащиты. Вы же читали эту жуткую статью в "Науке и жизни"? Академия наук совсем не такая дружная семья, какой хотела бы казаться. Опять же, проблемы финансирования... И поверьте мне, Тим, ничего особенного в моей теме нет. Моя группа отрабатывает методики активизации природных способностей человека.

Паранормальных способностей, разумеется.

Тим поднялся, заложил руки за спину и подошел к окну.

- Почему ваше руководство так заинтересовалось мной? - спросил он, не оборачиваясь.

- У нас работает много биоэнергетиков. Я думаю, кто-то узнал, что вы тоже... из наших. И когда выяснилось, что вы подвергаетесь гонениям... - Это что еще значит?

- Ну, вас отказываются публиковать, вы ушли из газеты. Большинство сенсов-терапевтов от вас шарахается.

- А-а...

- Это ведь общая проблема для всех биоэнергетиков, Тим. Даже для тех, кто занимается наукой. И я в свое время попал в весьма щекотливое положение... В молодые годы, совсем как вы. Тоже э-э... подвергался гонениям. Так что я вашу ситуацию отлично понимаю. И мое руководство, как мне кажется, тоже. Разумеется, Институт к вам обращается не из голого сострадания, нет. Вы можете для нас очень многое сделать. И для развития биоинформатики в глобальном масштабе - тоже.

Подумайте, Тим.

- Ну-ну...

- А за это вам гарантируют конкретную помощь и поддержку. И вы не отказывайтесь, - в голосе Самохина зазвучали мягкие, почти отеческие нотки. - Хороших биоэнергетиков сейчас очень мало, почти все они расплозились по каким-то шарлатанским конторам. Чураются тех, кто связан с официальной наукой. Между собой грызутся. А иногда, я полагаю, оказываются втянуты в неблагоприятные предприятия... И вы ведь главного не знаете, Тим. Скорее всего не знаете... - Ну, - Тим повернулся к Самохину лицом.

- Ходят слухи... - произнес тот, потупившись. - Говорят, компетентные органы со дня на день начнут охоту на биоэнергетиков. С подачи президиума Академии наук.

После этой дурацкой статьи в "Науке и жизни". А ведь журнальная публикация может служить основанием для открытия уголовного дела... - Биоэнергоинформатика - лженаука, - вспомнил Тим. - Экстрасенсы - шарлатаны.

Психотроника - афера.

- Психотроника не афера, - вздохнул Самохин. - То, что делает моя группа, - чистой воды психотроника. И у нас получается. Вы же меня видите? Ну, должны видеть. Или я ошибся, вы сейчас не используете пси?

- Допустим, использую. И что?

- Неужели не видно? Неделю назад меня э-э... Мы это называем "форсировали".

Правда, это только первый уровень, мне еще предстоит несколько

серьезных метаморфоз, но начало положено.

- Вы бы еще холеру выпили, - скривился Тим. - Пастер хренов.

Самохин посмотрел на Тима укоризненно.

- Не ругайтесь, - попросил он. - Я же не мог положить под излучатель своего лаборанта. Я должен был сам... - Да понятно! - Тим рубанул ладонью воздух. - Все понятно! Значит, так. Вы мне тонко намекаете, что выбора нет. Либо я прибегу к вам под теплое крылышко, либо меня возьмет за задницу КГБ.

- Ну, приблизительно так. Поверьте, Тим, вам у нас будет хорошо. Вы будете на своем месте, будете заниматься любимым делом. Отличные люди рядом, у нас прекрасная команда подобралась... А когда страсти немного улягутся, спокойно вернетесь к своей терапии. С дипломом, с деньгами, с устойчивым положением в обществе. И я не исключаю, что вы будете гораздо сильнее, чем сейчас.

- Но сначала я должен поработать лабораторной крысой... - задумчиво протянул Тим.

- Это вы утрируете, Тимофей.

Тим подошел к Самохину вплотную и, до предела "щелкнув", внимательно "принюхался". "Не врет мужик. Свято верит в то, что говорит. Аж противно, до чего искренний".

- Право же, не знаю, какие мне еще привести аргументы, - пробормотал Самохин. - Ну, например, Рябцев Владимир Владимирович очень о вас хорошо отзывался.

Исключительно в превосходной тональности. Он вас просто боготворит.

- О боже! - простонал Тим. - И здесь Рябцев! Он меня преследует. Рябцев моя идефикс. Моя любимая бредовая идея!

- Да, он большой оригинал, - кивнул Самохин. - Но это не значит, что к его мнению не прислушиваются. Конечно, сейчас Владимир Владимирович несколько, э-э... не в форме. Но в свое время он очень много хорошего сделал. Я, собственно, с его подачи заинтересовался биоэнергоинформатикой много лет назад.

Тим устало присел на край стола.

- Вы где-то на северо-западе... - пробормотал он.

- Да, Речной вокзал. У нас там большая территория. Целый научный городок. Между прочим, и жилье есть, если вас это интересует. Приезжайте, Тим. Вот прямо в следующий понедельник и приезжайте. Только позвоните мне хотя бы за день. Я как раз буду на работе в это воскресенье. - Самохин достал визитную карточку. Тим вяло ухватил ее двумя пальцами и не глядя сунул в задний карман джинсов.

- Ладно, - сказал он. - Я подумаю.

И не прощаясь вышел.

Шагах в двадцати справа его сознание нащупало отца. Тим обернулся. Отец в напряженной позе сидел в кресле в углу лифтового холла и со страдальческим выражением лица глядел на сына. Тим повернулся к нему спиной и быстрым шагом пошел к лестнице.

***

Отец нагнал его на улице. Тим стоял посреди Арбата и, задумчиво озираясь, прикидывал, где тут нальют и при этом не отравят. Ему позарез нужно было расслабиться, обдумать услышанное от Самохина и прикинуть, как себя вести дальше. Тим был здорово раздражен, и толпа

праздношатающихся обтекала его со всех сторон с запасом метра в два.

- Ну? - спросил отец, подходя к Тиму вплотную и заглядывая ему в лицо тоскливыми собачьими глазами.

- Ну, - кивнул Тим. Смотреть на отца было противно. "Надо же, "сам искал помощи"! И нашел, мать твою так, хорошего помощника! С черной меткой. Выписал мне путевочку благодарный пациент дядя Ваня Гершович! А если они меня в этом своем Институте того... Препарируют? Приду я к дураку Самохину, а меня прямо у него из-под носа - трах шокером в поясницу, хватъ под белы ручки, шлеп иглой в вену - и на операционный стол!

Хотя нет, теперь со мной такой номер не пройдет. Здорово я поумнел с тех пор, как огреб по балде тяжелым предметом. И особенно - после того, как оператор Проекта... Как же это по-английски? Ах да, "to squiss all the shit out of somebody". Только обычно это выражение в переносном смысле используется, а со мной в натуре такое произошло. Все дерьмо он из меня вышиб, сволочь. И весь ужин заодно. Но зато и всю дурь. Теперь чтобы контролировать мои действия, меня придется убить. А этого пока не хочет никто - ни я, ни Проект".

- Так ты согласился? - спросил отец тихо. - Согласился лечь на обследование?

"Ах, вот как это называется... - Тим невольно улыбнулся. - Да, наверное.

Пожалуй, я согласился. Как минимум, ничто мне не мешает заглянуть к Самохину просто так и рассказать ему кое-что из того, что удалось нарыть по "Программе "Зомби". Он-то эксперт, он все поймет. И сможет, наверное, меня просветить в некоторых вопросах. Кстати, это идея. Если кто и в состоянии отделить в показаниях зомби шизу от фактов, так Самохин. Ну, похоже, я согласился. В любом случае, до понедельника еще пять дней, времени навалом..." - Да, - кивнул Тим. "...А если сенсов действительно начнут травить, то мне просто деваться некуда, кроме как в Институт. И возможно, решить все свои проблемы безболезненно я смогу именно там. Это пока я болтался на свободе, Проекту нужны были провокации. А если я приду в Институт - это значит, что я окончательно спустил флаг. И одно из влиятельных в Проекте лиц может явиться в мою, э-э... палату? камеру? - тьфу, блин! - чтобы спокойно поболтать со мной по душам, не опасаясь, что я подпорчу ему энергетику. В любом случае теперь я стою гораздо ближе к ответам на свои вопросы, чем когда-либо. Да, кажется, я согласен. А если злые дяди бросятся меня вязать - я им не завидую".

- Молодец! - сказал Сергей Костенко, оживая на глазах. - Это правильно. А то мы с матерью просто испереживались за тебя... - Да ну? - прищурился Тим. Он все еще находился в глубоком пси, и ему не составило труда, мгновенно выбросив ложноножки, "ухватить" отца за бока. Он проделал это совершенно автоматически, и, только когда отец умолк и застыл, Тим отметил, насколько все получилось легко.

Тим отошел к ближайшей стене, и отец послушно двинулся за ним. У стены Тим повернулся к нему лицом, окутал их обоих своим полем, "подогрел" его до максимально комфортной обстановки и спросил:

- Что тебе сказал Гаршин?

- Он дал мне визитку и сказал, что это очень хороший специалист, - ответил ему отец, лучезарно улыбаясь. Сейчас он был счастлив. Наконец-то сын полюбил его. А он в сыне души не чаял, как всегда, и хотел ему только добра.

- А что он говорил конкретно про меня?

- Ну, у тебя же подвижная психика, Тимуля. В подростковом возрасте это удалось выправить, но сейчас ты пережил стресс... А Гаршина я давно знаю, у него с сыном были такие же проблемы. Но парень обследовался в этом Институте, ему назначили транквилизатор, очень легонький, такой же, что ты пил в свое время, и теперь все хорошо. Поэтому будет очень здорово, если ты пройдешь обследование.

Тим "взял" отца плотнее и, задыхаясь от волнения, задал следующий вопрос.

- Вы с Гаршиным из одной конторы?

- Что ты! - рассмеялся отец. - Нет, конечно. Он обычный паук. А я сотрудничаю с другой фирмой. Меня когда в пауки звали, я был моложе тебя. И я вербовщику сказал - хорошо, но звание не ниже майора, и чтоб ты был моим подчиненным. Он вскочил и убежал. А когда вернулся, я уже был хорошо пристроен. Ты думаешь, почему я стал "выездным", почему меня взяли в министерство? Иначе никак. Да, Тимуля... Я ведь о тебе думал, о маме. Нужно было выбирать: либо работаешь на одних, либо на других. Или всю жизнь получаешь сто рублей, и тебя же еще постоянно давят. Я выбрал работу, за которую не стыдно. Не стыдно тебе в глаза смотреть, понимаешь?

Тим молчал, глядя отцу под ноги. Он слегка ослабил контроль, чтобы тот выговорился. Задавать вопросы Тим больше был не в состоянии. Просто не мог.

- Гаршин неплохой мужик, - сказал отец. - Напрасно ты с ним поцапался. Но теперь я понимаю, что ты не мог иначе. Ты очень тонкий и впечатлительный, Тимуля... Не знаю уж, в кого. И ты всю эту дурь с психотронным оружием принял слишком близко к сердцу. Хотя если бы ты согласился меня послушать в свое время... Понимаешь, Тимуля, у тебя еще жизненного опыта не хватает... - Тим инстинктивно оскалил зубы, и отец положил руку ему на плечо. - Не горячись, сын... Может, посидим где-нибудь?

- Тебе за мамой ехать, - напомнил Тим. - Нарвешься на ментов, зачем лишние неприятности?

- Ну какие могут быть у меня неприятности? - улыбнулся отец.

- Ладно, неважно. Извини, но мне пора.

- Как знаешь. Ты только пойми, Тимуля, что для нашей страны есть вещи совершенно невозможные. Придумать любую технологию нам раз плюнуть. Но воплотить ее в жизнь... Это не по нашей части. Это, наверное, для японцев, но только не для нас. А вот аферу закрутить вокруг чудо-оружия, это мы можем. Тем более что генералы наши люди малообразованные, сам знаешь. Так что забудь ты эту историю, Тим. Между прочим, Гаршин на тебя совершенно не в обиде. Наоборот, он хочет, чтобы ты остался в газете и работал у него. Подумай, ладно?

- Хорошо, - кивнул Тим. - Хорошо, папа. Ну, спасибо тебе.

- Тебе спасибо, - отец потянулся было обнять Тима, но тот уже повернулся к нему спиной, унося с собой радость и свет, мягкое тепло внутрисемейных отношений и вообще все, что составляет смысл жизни человека. Внезапно за шиворот Сергею Костенко плеснула струйка талой воды с крыши. Он отшатнулся, помотал головой и яростно заморгал глазами. Что-то странное произошло... Что это было?

Он вдруг понял, что совершенно не помнит, о чем сейчас говорил с сыном. "Да, Тим поедет на обследование. Это он мне сказал. Но все

остальное время говорил я, а беседовали мы долго. Только что же я говорил?"

Костенко-старший поежился и, нащупывая ключи в кармане, двинулся к стоянке машин. "Странное дело. Что-то я сегодня устал. Ну, ладно. Лишь бы с Тимом все было в порядке. Бедный мальчик. Он ведь не болен, нет. Но он жутко чувствительный. Он видит и понимает такие вещи, о которых нормальные люди даже и не задумываются. Иногда мне просто страшно с ним говорить. Но он мой сын. И я горжусь тем, что он не такой, как другие.

Вот только не вышло бы это ему боком..."

***

Суббота началась для Тима приблизительно в три часа дня - со стакана виски со льдом натошак. К заходу солнца Тим уже был основательно нетрезв, но зато голова не болела, и руки не тряслись. А мир заполняло полное, абсолютное, звенящее одиночество.

"Надо же было так нажраться... Это я, наверное, от тоски". Ольга уехала к родственникам в Питер - кто-то там справлял какой-то юбилей. Тим попробовал вспомнить, что именно и кто, но не смог. Зато он помнил главное - она с ним, она его любит. А километры в любви не значат ничего. Особенно для человека, который может сегодня под вечер послать в небо сгусток оранжевого тепла, и тот сам найдет кого нужно в далеком незнакомом городе. И тому, кому нужно, приснятся чудесные сны.

Тим горько улыбнулся. Ольга больше не бросала на него настороженных взглядов и не подсматривала, как он движется и куда смотрит. Но Тим и повода ей не давал. В нем больше не звенела туго натянутая струна постоянной настороженности, вибрацию которой Ольга чувствовала очень тонко. Он был спокоен и расслаблен - внешне и внутренне.

Вероятно, он все для себя осознал и вычислил еще во время разговора с Самохиным.

Поняв, что непременно поедет в Институт, Тим успокоился. Ему стало легко. Даже Проект его больше не пугал. Ведь одно дело, когда сумасшедший ученый Хананов со своими операторами травит и мучает трусливо прячущегося сенса-нелегала, который даже пожаловаться никому не может. И совсем другое - когда Проект рискнет наехать на полного сил и злобы сенса, который не стесняется на каждом углу заявлять о себе, что он - сенс.

Перемена в настроении Тима оказалась разительной - Ольга почувствовала ее мгновенно и, главное, приняла без сомнений. А Тим всего лишь старался быть честным с дорогим ему человеком. И все вернулось. И на словах, и в выражении глаз, и в мимолетных прикосновениях, и в постели. Теоретически Тим мог бы подстраховаться, направив свое пси на создание Ольге еще более комфортной атмосферы. Но он действительно хотел быть с ней совершенно честным.

Всего-то и нужно оказалось для счастья - окончательно сдаться на милость обстоятельств. И плыть по течению, задрав лапы кверху. А там, глядишь, как и обещали, вынесет река в тихую заводь, на песчаный бережок... Кухня была густо засыпана энергетическим шлаком, чистить ее сил не было. "Небось опять спьяну буйствовал, шарики топтал..." Поэтому Тим временно перенес штаб-квартиру с кухни в кабинет, уединился там с чудом сохранившейся бутылкой, наполненной бурой жидкостью, имитирующей коньяк, и книгой Стругацких "Обитаемый остров" - и загрустил.

Фантастический мир Стругацких, в котором целая страна была покрыта одеялом психотронного поля, не давал Тиму покоя с детства. Особенно его потрясло гражданское мужество авторов, рискнувших пусть и в фантастической повести, но намекнуть, подсказать... Построить модель тоталитарного государства в конечной точке его развития. Ведь сама идея массового зомбирования была, с одной стороны, чудовищна, а с другой - лежала на поверхности. Потому что управлять массовым сознанием пытались в той или иной степени все правительства Земли. Но только Советский Союз додумался-таки до психотронного генератора. И оказался на пороге окончательного превращения в Страну Дураков.

Под такие мысли полбутылки уговорилось мгновенно.

Зазвонил телефон. Тим пересел в кресло у стола и поднял трубку. В душе его теплилась надежда, что звонит кто-нибудь хороший, Зайцев, например. Было бы совсем неплохо узнать, как у него идут дела.

- Отделение функциональной неврологии, - сообщил Тим неразборчиво. Язык заплетался сам - Тим уже основательно перебрал.

- Ой... - удивились на том конце. - Извините. - И дали отбой.

- Это не Зайцев, - сказал Тим трубке, кладя ее на место. Телефон зазвонил вновь.

Тим вздохнул. Голос в трубке был совершенно незнакомый, а говорить с чужими Тим сейчас не хотел. Особенно ему не улыбалось выслушивать излияния какого-нибудь зомби. Хотя такие ему уже давно не звонили. В неформальных организациях, пригrevших жертвы психотеррора, уже разошелся слух о том, что "хороший был мальчик этот журналист Тим Костенко, но его тоже запугал КГБ".

- Помощник триста десятого, младший сержант Костенко, - представился Тим.

- Добрый вечер, Тимофей, - раздалось в трубке. - Это вас некто Ларин беспокоит, мне ваш телефон дал Олег Зайцев... - Молодец! - одобрительно сообщил Тим и глубоко задумался. Форма обращения "некто Ларин" указывала на то, что парень работал в известной Тиму газете. Это была фирменная манера, ее в газете использовали все. Но кто такой этот Ларин, он не вспомнил.

- Алло? - осторожно спросил абонент.

- Да, да... - раздраженно ответил Тим. - Слушайте, господин Ларин, пока не забыл... Так ты Зайца знаешь?

- Кого? - абонент явно был обескуражен.

- Ну Зайца! Олежку Зайцева!

- Ч-черт! - сказали на том конце с выражением. - Слушайте, Тимофей, вы меня совершенно с толку сбили. Вы просто Рябцев номер два! Я же сказал - это Зайцев дал мне ваш телефон... - Значит, с Рябцевым ты уже познакомился, - заметил Тим. Наконец-то до него дошло, кто такой этот Ларин - сокурсник Зайцева, решившийся продолжать расследование. - Ну, как там японская разведка?

- Строит козни, - в голосе Ларина зазвучала легкая настороженность.

- Отлично. Слушай, тут такое дело... В общем, я тут малость того...

Но мне кажется, я его просил. А если не просил, то ты ему скажи, что я тебе сказал... Тьфу! Значит, у Олежки есть пакет с документами... ну, по интересующей тебя проблеме. Ты ему скажи, что я тебе сказал... Блин! В общем, теперь они твои.

Осознал?

- Спасибо, осознал. Большое спасибо. Скажите, Тимофей, а вы в

редакцию не собираетесь зайти в ближайшие дни?

- И ты не ходи, - ответил Тим несколько туманно, но, как ему показалось, всеобъемлюще.

- Почему? - мгновенно спросил Ларин. Тим снова задумался. Мысли путались, и почему-то хотелось рассмеяться.

- Да не ходи, и все тут.

- Ну хорошо. А не в редакции мы можем встретиться?

- Не-а, - ответил Тим безмятежно.

- Тимофей, мне нужна ваша консультация.

- А я больше не практикую. Все, завязал. Ушел из журналистики совсем и навсегда.

- В неофициальном порядке. Мне очень нужна ваша помощь, Тимофей.

Тим закусил губу. С одной стороны, не помочь парню было некрасиво. С другой - с материалами Тима он будет подкован по "Программе "Зомби" целиком и полностью. А при поддержке Зайцева он в совокупности будет знать даже гораздо больше, чем Тим. Следовательно - какой смысл встречаться? Чтобы послушать, как тебе плачутся в жилетку?

Разумеется, парень не в курсе насчет Проекта. Но зачем ему такое знание? Он ведь не сенс и в поле зрения Проекта может попасть только в ранге настырного журналиста, еще одной назойливой мухи. "Нет, - подумал Тиму-не нужны мне его излияния. Он просто оказался в той же ситуации, что и я недавно. Его никто не хочет слушать, над ним смеются, и ему позарез нужна хоть одна живая душа, которая будет согласно кивать головой на рассказы о "Программе". Попользуется мной мальчик, отведет душу и побежит дальше - жить. Ему-то жить разрешено, ему Проект жизнь не сломал. Ну и живи себе. Существовай".

Ларин дышал в трубку. А Тим медленно закипал. И его прорвало.

- Нет, все правильно, - сказал он с притворной мягкостью. - Все должно оставаться так, как есть. Я уже узнал, что такое полное, запредельное одиночество. Что такое цензура, обструкция коллег, все узнал. Тебя еще начальник психом выставит. Все правильно. Я это уже знаю. Теперь попробуй ты. Настало твое время... Он положил трубку. Отключил телефон. И вдруг его охватило глубочайшее отчаяние.

Он только что оттолкнул от себя человека, который фактически повторял его путь со всеми мелями, порогами и остальными неприятностями. Как отталкивал в последние месяцы всех, кто в нем нуждался. И вдруг обнаружил, что расставаться больше не с кем. Потому что Ольга рано или поздно уйдет тоже, уйдет сама. И на этом все кончится.

В голове звенела пустота и тишина. На душе было невообразимо мерзко. Тим вздохнул, допил бурю пакость из горлышка, сильно "щелкнул", распахнул окно и перевесился через подоконник наружу. Присмотрелся к движению на узкой кривой улочке, подумал и решил, что оно ему не нравится.

Почти не соображая, что делает, он обрушил на улицу энергетический удар такой мощности, генерировать которую ему раньше не случалось. Обозначил границы зоны своего влияния. Легко нашел подходящую частоту и на ней прошелся всей силой своего разума по неповоротливым мозгам водителей. Почувствовал адекватный ответ, зафиксировал частоту, слегка отстранился и принялся злорадно наблюдать.

Ничего страшного внизу не происходило. Разве что, проезжая у Тима под окнами, все машины совершали два незамысловатых маневра. Водители реагировали четко, никто не задумался, не "тормознул", ни с кем не

столкнулся. Движение не нарушилось совершенно.

Только вот на участке московской улицы протяженностью в сотню метров оно вдруг стало левосторонним.

ЧАСТЬ IV

НЕЧЕЛОВЕК

28 апреля - 3 мая 1991 года

Воскресенье началось отвратно - снова похмельная тупость, вялость и апатия. Тим лежал в постели, обняв подушку, и размышлял, звонить или не звонить все-таки Самохину в его Институт. Теперь, когда момент принятия окончательного решения подступил вплотную, протянуть руку и снять трубку было особенно тяжело.

Некоторое время Тим, ворочаясь с боку на бок, склонялся к "звонить". Потом к "не звонить, авось пронесет". Наконец возникла подленькая мыслишка - а не подождать ли день-другой. Еще раз все обдумать, взвесить, разложить по полочкам. И тогда уж... На этой мысли Тим надолго завис. Все-таки он так и не убедил себя в том, что доверяет Самохину.

"В конце концов, что я знаю об искусственно форсированных сенсах? Вдруг у Самохина энергетический рисунок поддается корректировке? Думает человек одно, а аура его показывает другое? И вообще, я не детектор лжи. Я только еще учусь "видеть правду". Кстати, Самохин это знал. Между прочим, очень уж он подозрительно старался в разговоре со мной не "щелкать" и вообще быть паинькой.

Кругом одни загадки. А услужливое мое сознание всю этим пользуется, тело похмельное бережет, чтобы оно меньше двигалось. Нельзя так". Наконец раздраемый противоречиями Тим принял компромиссное решение. Он поднялся и, спотыкаясь, отправился на кухню залить чем-нибудь пересохшую глотку.

Утолять жажду пришлось водой из чайника, даром что кипяченой. Тим принял душ, с трудом позавтракал и, закутив, обратился к наиболее простой на сегодня дилемме - идти за пивом или нет. Посмотрел за окно, счел, что погода хорошая, день весенний и прогуляться можно. А там, глядишь, озарение найдет, и все проблемы разрешатся одним мощным всплеском интуиции. Всплеск был в принципе необходим.

Вечером Тиму должны были звонить двое перспективных клиентов, и нужно было разбираться: давать им от ворот поворот в свете поездки в Институт или пока оставить все, как есть.

Тим лениво оделся, похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли деньги, документы и ключи. И уже перенес ногу через порог, когда телефон грянул.

Выругавшись, Тим вернулся и снял трубку.

- Тимофея позовите, будьте любезны, - попросил совершенно незнакомый мужской голос.

- Слушаю вас, - процедил Тим неприязненно, соображая, кого еще нелегкая принесла на его голову. "Слава богу, хоть не этот... вчерашний. Кажется, я ему гадостей наговорил. А каких? Не помню. Опять нажрался, трус несчастный. Сколько можно в водке от жизни прятаться? Утону ведь однажды..." И тут следящий контур сухо затрещал. Тим еще не понял, что он, собственно, делает, а его пси, восприняв тревожный сигнал, чисто

механически, используя телефонную сеть как опорную систему, уже "принюхалось" к звонившему.

И унюхало такое, что у Тима задрожали поджилки.

- Вам просили сообщить, что сегодняшняя встреча в Институте отменяется. Позже вам позвонят, - быстро проговорил незнакомец и дал отбой.

Некоторое время Тим стоял, до боли в кулаке сжимая трубку. Потом опустил ее на место и сел, безвольно уронив руки на колени.

Он сидел неподвижно, прикрыв глаза и почти не дыша, до упора разогнав следящий контур во все стороны. Плавно "щелкая" глубже и глубже, Тим сканировал пространство в поисках интереса к его, Тимофея Костенко, персоне. И поймал легкий отголосок... На самой грани восприятия. Почти неразличимый, слабый, затухающий. Даже не биоинформационный материал, а его тень. Тень очень неприятного, дурного, злого внимания. И источник этого внимания гнезвился в старом добром направлении - где-то на северо-западе.

А у звонившего была черная метка.

Тим еще сам не сообразил, что же ему удалось понять и какое он принял решение.

Но руки уже вытащили из кармана пачку купюр и перелистали ее. Двигаясь как сомнамбула, он встал, прошел в кабинет, вытащил из "нычки" еще немного денег и пристроил их в другой карман. Достал из шкафа кожаный рюкзачок, из-за которого Тиму когда-то завидовала добрая половина факультета журналистики. Аккуратно упаковал и уложил в рюкзачок две смены белья, джинсы, легкие кроссовки и свитер.

Выгреб из ящика стола несколько пачек сигарет. Зимние кроссовки, которые были на ногах, сменил на удобные демисезонные башмаки. Закинул рюкзак за спину, потоптался на месте и решительно двинулся на выход.

У метро он придирчиво учинил смотр бабушкам-торговкам и через несколько минут стал богаче на две бутылки водки, одну пива, буханку хлеба и пару банок тушенки.

Все, кроме пива, упибал в рюкзак, а с пивной бутылки зубами сорвал пробку и проглотил напиток в один присест. Нырнул под землю, сел в поезд и через полчаса выскочил наружу в искомой точке. Уже спокойный и готовый к тяжелой работе.

Тим шел по улице, аккуратно обходя лужи и подставляя лицо весеннему солнышку, а в голове заново рассматривал уже решенную задачу. И, как всегда, найдя выход из ситуации интуитивно, за доли секунды, ни в чем не мог себя упрекнуть, проверив интуицию логикой.

Эмоция, которую ему удалось засечь, имела к звонку непосредственное отношение.

Звонок, якобы по просьбе Самохина (в том, что это "засада", у Тима не было ни малейших сомнений), имел какую-то четкую цель. Скорее всего - удержать объект дома. А поскольку объект лентяй и сосед, то для этого достаточно освободить его от необходимости куда-либо ехать. Максимум, на что объект способен, это выскочить на полчаса за водкой.

Тим отдавал себе отчет в том, что, возможно, утрирует ситуацию. Но привычка не соглашаться на то, к чему принуждают, взяла верх. Он давно понял, что, если тебя загоняют в угол, а потом говорят: "Ну, сам решай", нужно лезть вверх. За двадцать с небольшим лет, прожитых во враждебном мире, Тим поступал так неоднократно и ни разу потом не пожалел. Он "косил" от армии, пока не понял, что сможет это выдержать, и ушел

служить в девятнадцать лет, прожив на воле очень важный для себя год. Сломав, подмяв под себя женщину, с которой можно было после этого комфортно существовать как минимум полжизни, - отвернулся от нее, наплевав на общее мнение, что это будет отличный брак. В мире сенсов всегда был котом, ходившим где вздумается, гулявшим сам по себе. Ушел с факультета, бросил газету... Да мало ли он ломал стереотипов, чужих и собственных. И теперь, оказавшись в двадцати километрах от дома, поворачивать оглобли не собирался.

Тима не волновало даже то, что его будет искать Ольга. Переживет как-нибудь. Ему было наплевать на клиентов, больных людей, остро нуждающихся в помощи. Пусть погибают, их проблемы. А мысль о том, что Самохин, похоже, "спалился" и его сейчас, вероятно, расстреливают из психотронной пушки, Тим приветствовал злорадным рыком. С момента, когда он час назад почувал опасность, Тим инстинктивно запустил привычную с детства модель поведения.

И вот уже час он чувствовал себя удивительно комфортно. Глухая круговая оборона - это было то, что надо! Одиночество вдруг стало благом, злоба на весь свет - залогом безопасности, а здоровый жизнерадостный цинизм - единственно возможной формой отношения к жизни. Умом Тим понимал, что это нехорошо. Но душа его пела так, как не случалось ей петь уже очень давно. Это был верный признак стресса, но Тим приказал себе о таких вещах не думать. Его пытались загнать в угол - и он в ответ перестал быть человеком. Зато приобрел возможность из угла взлететь прямо вверх.

Солнце шпарило вовсю. Люди на улице были теплые и доброжелательные по случаю выходного дня. Следящий контур ничего особенного не фиксировал. Навстречу пробежала стайка очаровательных в своей юной невинности старшеклассниц с блудливыми весенними глазами. Тим хищно скалился, улыбаясь, и думал о том, как жалко, что высокие моральные устои не позволяют ему поймать такую вот нимфетку и поиметь ее со всех сторон. С нынешними его способностями это было бы чертовски легко, но, к сожалению, поперек совести.

На ходу он перетянул рюкзак под мышку, слегка приоткрыл его, свернул крышку на одной из бутылок и сделал из горлышка пару хороших глотков. Закурил и ощутил почти физически, как в груди закипает веселая молодая злоба. Поймал несколько летевших мимо бубликов и, проглотив их, зафиксировал отчетливый прилив энергии.

Внимательно просканировал все контуры своей ауры и улыбнулся еще шире прежнего.

"Товарищ председатель Государственной Комиссии! Трижды Герой всего на свете младший сержант Костенко к полету готов!"

Все отлично. День прекрасный. Впереди большая драка. И Кремер, как ему и положено, сидит дома.

***

Цепляя по пути всю свободную позитивную энергетику, Тим осторожно подошел к двери Кремера и, глубоко "щелкнув", забросил внутрь квартиры луч-пробник. Он еще не представлял себе, получится ли задуманное, но чувствовал такую уверенность, что заранее рассчитывал на идеальный результат.

Захваченный лучом, Кремер инстинктивно вздрогнул, но решил, наверное,

что ему почудилось, и "щелкать" не стал. Тим аккуратно перенастроился и "взял" Кремера плотнее, еще плотнее и наращивал давление вплоть до блокировки двигательных функций. Раньше ему не приходилось так агрессивно обращаться с сенсами, но все получалось отлично, и Тим едва успевал ставить плюсы в воображаемой таблице эксперимента.

Кремер застыл, как изваяние, сидя за кухонным столом. Тим с расстояния метров в пять безмятежно, стараясь не удивляться своей силе, начал глубокое сканирование.

Следящий контур подал сигнал - какая-то старая развалина неопределенного пола из соседней квартиры решила выйти. Машинально Тим легким толчком, не отвлекаясь, загнал развалину под кровать.

Зажатый в кулак чужого поля, Кремер едва дышал. Тим отметил, что с Николаем за последние месяцы произошла разительная перемена. Это уже не был прежний запуганный и побитый человечико. За столом сидел крепкий и уверенный в себе сенс в расцвете сил. Яркая здоровая аура без малейшего следа былых "пробоев".

Никакой черной метки. Тим еще раз похвалил себя за выбор места. "Вот у тебя, Коля, друг старинный, мы и спрячемся. Либо ты уже один из операторов Проекта, либо как-то откупился. А поэтому у тебя мне безопаснее всего".

Четкой информации о том, куда Кремер собрался, Тим нащупать не смог, да на такое он и не рассчитывал. Но главное - буквально через полчаса Кремер должен был уйти и вернуться только завтра к полудню. Это Тима устраивало полностью. Несколько минут он потратил на то, чтобы со всей возможной мягкостью "отпустить" сенса, и затаился в своем углу.

Кремер легко вернулся к жизни и принялся активно поедать яичницу. Тим вкатил себе еще один жирный плюс и приступил ко второму акту трагедии. Теперь, имея четкое представление о волновой структуре Кремера, он получил шанс эффективно от этого человека "закрыться".

Тим аккуратно заэкранировался и, стоя в ожидании, отметил, что на потрясающую, невозможную даже на взгляд сенсов работу затратил совсем немного сил. Он еще был в состоянии без подпитки извне убить (или даже серьезно вылечить) с десяток человек. Конечно, за этим последовала бы энергетическая кома, но Тиму пока не нужно было ни убивать, ни врачевать. Он просто стоял и ждал, намереваясь повернуть старый фокус, которым иногда баловались на показательных выступлениях мэтры вроде Лапшина или Васнецова.

С обычным человеком такой фокус проходил, как правило, на ура, и для этого даже не нужно было быть сенсом. Но все сенсы старой формации были немножко фокусники и слегка шарлатаны поневоле. Общество слишком плотно внушило им, что экстрасенсов не бывает. Поэтому "старички" зачастую подстраховывались бессознательно психотерапевтическими методами. На самом деле бессознательно.

Просто от недостаточной веры в свои пси-способности.

В частности, большинство из преподавателей "Центра Новой Медицины" вовсю применяло эриксоновский гипноз и другие подобные штучки, одной из которых был "уход". Внимание объекта на мгновение переключалось, а когда он возвращал глаза назад, стоявший до этого перед ним человек вдруг оказывался у объекта за спиной.

Сейчас Тим собирался отколоть этот номер в самом невообразимом варианте. Ему нужно было из узкого коридора проскочить в тесный дверной проем, из которого выйдет не просто человек, а мощный сенс. Никакие

фокусы в такой ситуации помочь уже не могли.

Тим проверил свой экран, и тут мощный сенс, бросив посуду в мойку, встал и направился к двери. Тим "шелкнул" до упора и снова мягко ухватил Кремера за бока. Тот, ничего не почувствовав, оделся и, позвякивая ключами, открыл дверь.

Тим сжался в комок, направляя внимание человека мимо себя. Дверь распахнулась полностью. Кремер, уставившись перед собой невидящим взором, шагнул из квартиры наружу. Тим бесшумно скользнул внутрь и нырнул за угол. Дверь захлопнулась, в замке повернулся ключ. Кремер пошел по коридору, и Тим отпустил его. Лязгнули двери лифта. Тим глубоко выдохнул, открыл рюкзак, прошел на кухню и поставил на стол початую бутылку водки. "Дело сделано, господа. На какое-то время я от вас ушел".

Квартиру Кремер снимал крошечную, однокомнатную малогабаритку. На взгляд Тима, который тратил на аренду значительную часть бюджета, - от жадности. На взгляд Кремера - из практичности. Он хронически копил деньги, якобы на машину.

Собственно из-за этого друзья и разошлись. Не то чтобы совсем поссорились, но вместе работать перестали. В какой-то момент Кремер начал неоправданно задира́ть цены на пустяковые сеансы. Тим его пристыдил, Кремер уперся. Тогда Тим, успевший тоже подкопить денег, в обрез на жилье, забрал своих клиентов и ушел.

В итоге проиграл Кремер. Тим несколько месяцев ходил в старье и внаглую объедал родителей. Но зато он основательно повысил квалификацию и приобрел клиентуру, готовую хорошо платить за качественное лечение. Поэтому, работая с ограниченным кругом больных и не перенапрягаясь, он зарабатывал даже немного больше Кремера, который в поте лица "гнал вал" и каждый вечер падал без сил. Разумеется, все свободные деньги Тим расходовал на водку, такси и цветы для девушек. А Кремер все копил, откладывая в матрас валюту и страдая энергетическим голоданием. Через год он совсем отощал, покрылся на нервной почве сыпью и начал потихоньку терять клиентуру. Если бы не Васнецов, который с подачи Тима провел с Кремером воспитательную беседу, Николаю пришлось бы вернуться на "Скорую помощь", откуда он в свое время сбежал в экстрасенсы.

"А ведь Коле уже тридцать", - с непонятной себе горечью подумал Тим, разглядывая убогую обстановку кухни. Пробившись в квартиру, Тим вдруг расслабился и невольно стал мягче реагировать на жизнь. Впрочем, он тут же заключил, что Кремер сам выбрал свой путь и его, Тима, это не касается. Волоча за ляжки рюкзак, он прошел в комнату и осмотрелся.

Комната была энергетически нейтральна. Никаких следов чужого негативного присутствия. Никаких остаточных явлений психотронной атаки. Тим бросил рюкзак в кресло и "шелкнул" поглубже. Вроде бы все в порядке. Что-то светится под кроватью, это мы сейчас проверим. И кстати, спать мы устроимся, уж так и быть, на кушетке для приема клиентов. Из соображений безопасности... Тим рассеянно посмотрел на потолок и вдруг ощутил укол легкого беспокойства.

Прямо над кроватью на побелке отпечатались россыпь темных квадратиков.

Правильные такие квадратики, сложный, но вполне гармоничный рисунок. Особенно гармоничный на взгляд сенса, который в данный момент включил на полную мощность свое пси.

Тим несколько раз крепко сморгнул и потер глаза ладонью. Привычка использовать глаза в работе с клиентами привела к тому, что он всегда

напрягал зрение, "щелкая". Даже целиком погружаясь в реальный, не человеческий, мир тонких излучений, тело сенса делало вид, что смотрит на него глазами. И зрачки уставали от фантомной перегрузки.

Тим просканировал квадратики на потолке. Почти ничего, но какое-то остаточное излучение есть. И оно что-то общее имеет со свечением под кроватью. Тим встал на четвереньки, сунул руку и нашупал под кроватью объемистый картонный ящик.

Вытащил его, раскрыл и обомлел.

В ящике лежал солидный моток проволоки - медной, с лаковой изоляцией. Несколько больших комьев смятой алюминиевой фольги. Какие-то магнетики и кусочки металла сложной конфигурации. И десятка полтора деревянных пирамидок из детского игрушечного набора. На одной из граней у каждой пирамидки виднелись засохшие остатки клея и штукатурки. Тим подбросил одну пирамидку на ладони и брезгливо уронил обратно в ящик. Пирамидка, в свое время тщательно "заряженная" Кремером, много дней и ночей работала на искривление тонких излучений. Почти до полного истощения. Она побывала на психотронной войне.

- Бедный Коля, - сказал Тим вслух. - Талантливый Коля.

Кремер действительно был талант. Из сенсов нового поколения Тим его уважал больше всех. И всей этой дребеденью, валяющейся сейчас без дела в ящике, Кремер пытался экранироваться от психотронной атаки. Все методы, смутно памятные Тиму из учебника по биолокации, Кремер взял на вооружение и активно применял, защищаясь.

- Глупый Коля, - пробормотал Тим. - Боролся до конца. И молчал... Молчал, дурак.

И они тебя сломали...

Он снова заглянул в ящик и фыркнул. Разгреб мятую фольгу и вытащил "краснушку" - дешевую икону для бедноты, прозванную так за специфический цвет. Тим "принюхался" и презрительно фыркнул опять. Совсем недавно икона, написанная в начале века, была бездарно, через пень-колоду, заново освящена. И тоже здорово покорежена безжалостным микроволновым "сверлом" Проекта. Тим положил икону на место, пихнул ящик под кровать и горестно склонил голову набок. Кремер никогда не был религиозен, скорее даже наоборот. И то, что он пытался защитить себя иконой, показывало степень его отчаяния. Теперь у Тима сомнений не было никаких.

Экстрасенс-целитель Николай Кремер сдался Проекту.

***

Двадцать часов до возвращения хозяина прошли совершенно без происшествий. Тим уполовинил свой запас съестного, "проглотил" под водочку несколько детективов из кремеровской библиотеки и неплохо выпался. Николай явился около десяти утра, сильно помятый, усталый, с безвольно погасшей аурой. Проскакивая мимо него в дверь, Тим заметил характерные следы энергетической разрядки - за время своего отсутствия Кремер успел изрядно поработать по специальности. За дверью Тим было притормозил, собираясь "обнюхать" Кремера всерьез, но, услышав, как тот прямо в пальто и грязных сапогах грузно валится на кровать, передумал. Все равно он собирался вернуться и учинить приятелю допрос с пристрастием. Сейчас же ноги сами бежали к дому.

День был такой же солнечный и яркий, настроение по-прежнему боевое, но уже без вчерашнего надрыва. Отлежавшись в безопасности, Тим слегка

успокоился. Эмоции больше не хлестали через край. Ситуация не требовала мгновенных решений, и можно было не подогревать в себе злость, а смотреть на мир почти добрыми глазами. Во всяком случае - до своих дверей, за которыми, возможно, притаился враг.

Однако врага не оказалось. Тиму не подложили бомбу, не оставили письма, даже следов чужого присутствия в квартире не обнаружилось. Придя к такому выводу, Тим вошел домой и приступил к более тонкому осмотру. Первым делом он прошел в спальню, "принюхался" и тут же с размаху сел на кровать, обхватив голову руками.

Некоторое время он, раскачиваясь из стороны в сторону, утробно рычал. Потом нашел силы подняться, ушел на кухню и, повалившись в кресло, принялся сопоставлять и анализировать.

Спальню "трогали". Конечно, до "сверла" не дошло. Просто энергетический зонд большой мощности искал в кровати Тима, не нашел и исчез. Такой отчетливый фон постороннего вмешательства не смог бы оставить живой человек - например, злонамеренный сенс. А вот сенс, возможности которого были на несколько порядков усилены микроволновым генератором, наследил в спальне выше крыши. Скорее всего он не подозревал, что его визит можно обнаружить по остаточному излучению. Или не знал истинных возможностей Тима. Но Тим и сам их не очень-то представлял. Он просто "обнюхал" спальню и моментально увидел следы. К сожалению, он ничего не мог сказать о личности оператора. Но это можно было выяснить потом. То, что с операторами Проекта ему предстоит еще немало встреч, Тим больше не сомневался.

Он сидел и трясся от бессильной злобы. Все пошло насмарку. Месяцы аутотренинга, тщательного уговаривания себя на невмешательство, сидение тише воды и ниже травы были угроблены зря. Как он старался убедить себя в том, что все кончилось! Как он себе доказывал, что сам полез в пекло головой вперед и фактически натравил на себя Проект! Сколько дней подряд он закрывал глаза на очевидное и отрицал познанное на опыте... А правда жизни въехала в дом на холодном голубом луче, не дожидаясь приглашения.

У Тима снова был смертельно опасный враг, и позиционную войну этот враг вести не собирался. Он был намерен атаковать. А Тим совершенно не представлял, что делать. Кроме одного - сдаться он не мог. Он уже видел Кремера, который приполз домой поникший и обмякший - явно ведь с работы пришел. И превратиться в такую же аморфную массу Тим не хотел ни в коем случае. Подпрыгивая от злости в кресле и скрежеща зубами, он поймал себя на мысли, что судьбы человечества в данном контексте его совершенно не волнуют. Пусть Проект хоть всю планету изнасилует.

Сейчас имело значение только личное выживание Тимофея Костенко. Только его одного. Любой ценой. Он слишком долго ждал нового удара Проекта, а того все не было, не было... И в итоге когда Проект наехал на него опять, Тим к этому оказался не до конца готов. Его раздирали звериные эмоции, а в голову не шло ничего, кроме матерных ругательств.

- Достали... - прошипел Тим, глядя в потолок. - Совсем. Достали.

Следящий контур не фиксировал ничего интересного. Никто за Тимом не наблюдал, пространство вокруг было совершенно чистым. Тим помылся, наспех перекусил и с тяжелым вздохом покинул дом.

Из автомата он позвонил Ольге и в путаных выражениях наврал ей про больного отца, к которому якобы на несколько дней переберется. Ольга была полна впечатлений от поездки и относительно легко ему поверила, хотя и явно огорчилась. Клиентов Тим уговорил подождать до конца недели.

Прикупил на всякий случай еще провианта и отправился по прежнему адресу. Да ему больше и деваться было некуда.

По пути Тим напряженно размышлял, отчего, добравшись до места, здорово упал духом. К искомой двери он подошел мрачный и ожесточившийся, разводить сантиментов не стал и выдернул Кремера из кровати, словно котенка за загревок.

Кремер отворил ему, сомнамбулически глядя в никуда. Тим с отвращением послал его обратно спать, а сам прошел на кухню, налил себе граненый стакан водки и принялся хлебать ее маленькими глотками, чтобы поскорее окосеть.

За окном темнело. Кремер, видимо, сумел-таки подняться и что-то сделать по дому, потому что посуда оказалась чисто вымытой, а сам хозяин лежал в кровати уже без пальто и даже совсем голый. Спать он собирался до утра, а днем опять уходил на свою вахту.

Когда водки осталось совсем мало, а Тим почувствовал серьезное облегчение, он пришел в комнату, завалился на кушетку и принялся разглядывать и "обнюхивать" спящего Кремера. Тот улыбался во сне. Аура его уже основательно подпиталась и выглядела почти нормально, но только для обычного человека, не для сенса. Тим посмотрел на часы - около полуночи. "Если я правильно все понимаю, - подумал он, - скоро мы кое-что увидим. Генераторы уже включены на прогрев".

На всякий случай Тим заэкранировал себя. И вовремя. Комнату вдруг начал заполнять жидкий голубой блестящий туман. Кремер во сне что-то пробормотал и заворочался. Тим, "принюхавшись" к туману, подправил свою защиту. Это была филигранная работа - с одной стороны, он хотел остаться невидимкой, с другой - сохранить возможность эффективно "нюхать", не выдавая своего присутствия.

Туман стал гуще. Тим отметил, что здесь используется не направленный луч и не четко оформленный энергетический кластер. Судя по всему, "туман" приплыл к Николаю по его индивидуальной настройке, полученной с согласия объекта, по доброй воле. От досады Тим закусил губу. Ему чертовски хотелось оттяпать кусочек тумана и посмотреть, что там такое Кремеру досталось. Но Тим боялся обнаружить себя.

Туман скручивался вокруг кровати, становясь все плотнее. Кремер снова что-то буркнул и перевернулся на спину. Выражение лица у него было сосредоточенно-просветленное, как во время медитации. Тим осторожно "щелкнул" на половинную мощность, сквозь туман всмотрелся в ауру Кремера и восхищенно цыкнул зубом. Поле Николая буквально на глазах наливалось теплым и мягким на ощупь светом. Это была уже полноценная энергетика сенса, и с каждой минутой она становилась все мощнее.

Туман накрыл Кремера полностью, образовав вокруг его тела призрачно мерцающий саркофаг. Тим, скрестив ноги, уселся на кушетке, продолжая наблюдать. Аура сенса зарядилась, видимо, полностью - немного лучше, чем то, что видел Тим вчера. Судя по всему, Проект аккуратно наращивал подпитку день ото дня, стараясь не вызвать характерного для некоторых сенсов отторжения при передозировке. И Кремера, и Тима от перекачки чужой энергии сверх нормы всегда начинало мучительно тошнить, и потом случалось по несколько часов, а то и по полдня отлеживаться.

Тим подпер кулаком подбородок. С подпиткой все было ясно. Но, памятуя о том, что сотрудникам Проекта снятся какие-то чудесные сны, он хотел увидеть главное. Ему интересно было узнать, что получил Кремер в награду. "Это наверняка должно как-то проявиться внешне, пусть Коля и

спит, - рассудил Тим. - Не будет же Проект напрямую раздражать ему центр удовольствия! Там же чистая эйфория, она не дает большого эффекта, если человек не в курсе, откуда она берется. Его нужно сначала разбудить и сказать: вот, чувак, сейчас мы тебе устроим кайф... А сейчас-то он спит! И как ни крути, неотъемлемая часть сна - генерирование мощных визуальных образов. По идее, должны они ему зарядить какую-нибудь сказочную картинку. А нервишки у Кремера расшатаны. Так что либо он проболтается, либо начнет руками махать".

И Кремер проболтался, едва Тим успел об этом подумать.

- Ох... - прошептал он, и тело его в голубом саркофаге выгнулось дугой и принялось конвульсивно извиваться. Тим присмотрелся и увидел, что легкое одеяло над бедрами сенса явственно оттопырилось.

Кремер застонал от восторга, судорожно вцепившись руками в простыни. Тим машинально сполз с кушетки и осторожными шажками пошел в сторону кухни. Всякий интерес к происходящему у него мгновенно пропал.

Это была для Тима вполне естественная реакция. Он давно уже отметил, что в порнографических лентах его привлекают исключительно лесбийские сцены. В глубине души он вообще мужчин недолблювал. Когда Тиму случалось подолгу с кем-то из них поддерживать тесные дружеские отношения, это была, как правило, инициатива другой стороны.

Тим уселся на кухне и налил себе еще немного водки. В спальне Кремер то затихал, то снова принимался исходить криком. Тим отхлебнул из стакана, закурил и принялся нервно барабанить пальцами по столу.

Сканирование ауры Кремера опять не дало ему ни малейшего намека на то, что конкретно Николай делает в Проекте. А допрос, на который Тим надеялся, пока состояться не мог. Он и сам забыл об одной существенной детали. Для того чтобы разговорить Кремера, ему пришлось бы сначала явиться перед ним во плоти. А провести затем полную "чистку памяти", от которой Коля и думать забыл бы, что видел старого приятеля, Тим был не в состоянии. Точнее, мог бы, но Кремер после такого энергетического шока выпал бы в осадок минимум на неделю. Он был опытный сенс во всеоружии методов пси-защиты, которые наверняка применил бы даже бессознательно. И чтобы сломать защиту, пришлось бы очень сильно на него нажать.

А оставить Проекту еле дышащее тело оператора - все равно что на нем расписаться.

По часам Тима Кремер трясся в перманентном оргазме уже полчаса и, похоже, отдыхать не собирался. Тим долго смотрел на циферблат, уважительно хмыкнул, покопался в рюкзаке и добыл из него тушенку. Меланхолично жуя, он старался не прислушиваться и размышлял о том, сам ли Кремер заказал себе такое удовольствие, или это вычислил кто-нибудь из психологов Проекта, которых там наверняка более чем достаточно. Для себя Тим выбрал бы что-нибудь другое. Он слишком ценил так недавно обретенную им истинную радость секса, чтобы подменять ее пусть и сверхъестественным, но иллюзорным экстазом. А вот Кремер, судя по доносившимся из комнаты звукам, был вполне доволен.

На сорок пятой минуте Тим всерьез пригорюнился - то ли водка взяла свое, то ли бредовая ситуация. И тут он понял, что бояться и прятаться ему надоела. Это ведь тоже тупик, еще один вариант угла, в который его пытается загнать Проект.

"Нужно действовать, - подумал Тим. - Да, я все понимаю. Проект не возьмет в операторы человека, который не сломлен. Поэтому они и решили по новой меня прижечь. Что ж, придется ответить. Нужно так им врезать,

чтобы отстали навсегда.

Или пусть бросают свои игры и выходят на прямой контакт немедленно. Все, я так решил".

Тим собрал вещи, оделся и зашел к хозяину попрощаться. Он больше не чувствовал неприязни к Кремеру, скорее только жалость. "Еще одна марионетка Проекта. Что ж, все мы люди, все мы имеем свой предел. Это не моя заслуга, что я оказался такой сильный. Да и то - всего лишь по энергетике. Как человек я слаб. И до сих пор держусь только потому, что у меня хватает мощности пси". Тим вздохнул. Ему вдруг захотелось сделать для Кремера на память что-то такое... Хорошее.

В комнате одуряюще пахло свежим потом и спермой. Некоторое время Тим стоял над кроватью с "саркофагом", невольно притопывая ногой в такт кремеровским содроганиям, К горлу вдруг подступил комок. Все-таки с этим человеком они когда-то много хорошего сделали вместе. А теперь их разделил голубой туман, и произошло это по глупости и слабости того, кто сейчас ловил психотронный кайф, а в предыдущую ночь, возможно, жег кого-то микроволновым лучом. Тим нагнулся, сунул руку под кровать и нащупал в картонном ящике край иконы.

Отвернувшись от сенса, который в очередной раз бурно кончил (Тим аж присвистнул) и малость притих, Тим взял икону в две руки и несколько секунд подстраивался к ее энергетическому рисунку. Потом он сосредоточился, отрешился от мира и на какое-то бесконечное мгновение нырнул в покой и тишину. И глубоко "щелкнув", одним мощным импульсом зарядил икону. Тепло, доброта, всепрощение, самое лучшее, что смог только найти в своей душе. А чего не нашел - выдумал.

Икона засветилась оранжевым, мягким и теплым. Совсем еще молодая, она теперь излучала так, как могут только хорошо "намоленные" доски, к которым несколько столетий кряду множество людей обращалось за помощью и поддержкой. Тим улыбнулся. Это было красиво.

За спиной шевельнулся и пошел на очередной виток экстаза Кремер. Тим оглянулся через плечо. Лицо бывшего друга, такое знакомое и совершенно чужое сейчас, было уродливо перекошено. В нем проглянула вдруг нездоровая злоба, а руками Кремер совершал движения, будто кого-то душил. Одеяло давно валялось на полу, и обнаженное тело сенса в недрах "саркофага" отливало мертвенной синевой. Тим словно вдруг очнулся. Он внезапно почувствовал, что от Николая во все стороны течет безумная и бездумная пещерная злоба. А резкие и острые запахи, наполнявшие комнату, неожиданно слились в воображении Тима в один - запах крови... Он сам не понял, зачем сделал это. Но он крепче сжал икону и с силой ударил ее о колено.

"Краснушка" была написана на цельной доске и с треском лопнула по кривой на две почти равные части. Тим выронил обломки, подобрал свой рюкзак и, прихрамывая, вышел.

***

До дома еще оставалось метров сто, когда следящий контур Тима засек во дворе "топтуна". На секунду Тим замешкался, думая, не попросить ли таксиста остановиться. Но тут же сообразил, что подкрадываться к врагу со спины будет не правильно. Раз уж решил играть в открытую, устроить демонстрацию силы - прятаться нечего. Наоборот, теперь умнее заходить в лоб. Пусть это всего лишь филер. Начать можно и с малого. Зато не

надорвешься.

Такси нырнуло во двор, и метров за тридцать-сорок до своего подъезда Тим скомандовал водителю "стоп". Потрепанные "Жигули" "топтуна" затаились в тени, на краю зоны, освещенной дворовыми фонарями. Протягивая таксисту деньги и распахивая дверь, Тим успел подумать, что вернулся домой вовремя. Если за ним рискнули установить наблюдение, значит, Проект серьезно обеспокоен его отсутствием. И решающее столкновение буквально на носу.

Такси "задом вырулило со двора. Тим закурил, развернулся лицом к противнику и небрежно "обнюхал" его. Тот залег на передних сиденьях, подглядывая за Тимом в зеркальце, которое осторожно высунул над приборной доской. Оружия у противника не наблюдалось. А вот черная метка была. Еще противник явно находился в глубоком замешательстве. Он совсем не ожидал, что на него обратят внимание.

Тим неспешными шагами двинулся к машине. На ходу он начал потряхивать ауру меченого "топтуна", все усиливая и без того охватившую беднягу панику.левой рукой Тим на всякий случай зацепил два подвернувшихся шарика, а в правую сбросил излишки собственной негативной энергии. Голова почти сразу же прояснилась, и на душе стало легко-легко. И весело.

Остановившись перед капотом машины, Тим криво ухмыльнулся и, жуя сигарету, принялся раздумывать, что бы такое выкинуть поэкстравагантнее. При этом он продолжал трясти горе-шпиона, и тот уже буквально весь ходил ходуном.

Тим выставил перед собой ладонь, выдавил на ее поверхность шарики и без труда заставил их светиться в видимой части спектра. Теперь в его руке танцевали белые пушистые огоньки.

"Топтун" не выдержал и сел. За лобовым стеклом появилась неясная растрепанная тень. Тим продемонстрировал ей шарики и поманил - выходи.

Противник, разглядев шарики, начал тихо всхлипывать, но наружу высунуться не захотел. Тим соорудил удивленную гримасу и нажал на "топтуна" посильнее. Тот взвыл, мгновенно вывалился из машины и встал, прислонясь к ее борту. Несчастного била крупная дрожь.

- Страшно? - поинтересовался Тим, поднося шарики "топтуну" под нос.

- Ы-ы... - выдавил тот.

Тим плотно "взял" свою жертву и вывел на свет. При визуальном осмотре соглядатай оказался мелким и неприметным мужичком лет сорока. Несмотря на ночной холод, он обливался потом и так хрипел, будто только что сошел с марафонской дистанции.

Здорово его напугали белые огоньки в ладони объекта слезки.

Тим решил дать секретному агенту отдышаться, снова прислонил его к машине, втянул шарики обратно в руку и для начала внимательно обследовал карманы меченого. Кроме сигарет и прочей ерунды, там обнаружили водительские права на имя уроженца города Саратова товарища Балагурова и техпаспорт на машину, принадлежащую ему же. Тим почесал в затылке и выплюнул сигарету под ноги.

- Так кого пасем, Балагуров? - спросил он. Агент не реагировал, тупо моргая и упершись пустым взглядом Тиму в грудь. Черная метка в его ауре неподвижно зависла над теменем, парализованная энергетической атакой Тима.

- Зачем ты здесь? - упростил вопрос Тим.

- Меня прислал доктор Самохин, - пробубнил меченый. И замолк. Тим

широко раскрыл глаза. Невольно он сделал шаг назад.

- Ты что-то должен мне передать? - спросил он осторожно.

Меченого снова заклинило. Он только моргал и таращился.

- Доктор Самохин передал для меня сообщение, - отдельно произнес Тим, наращивая давление, чтобы до меченого лучше дошло. И тот среагировал.

- Доктор Самохин просит о встрече, - отбарабанил он. - В четверг в пятнадцать тридцать.

- Место встречи! Адрес!

Меченый, почти не разжимая губ, доложил казенным голосом адрес и снова умолк.

Тим разочарованно цыкнул зубом. Он знал эту улицу, на ней не было никаких учреждений, только жилые дома. И хотя это было то самое проклятое северозападное направление, задача ничуть не упростилась. Даже если предположить, что Самохин не "спалился" и страхи Тима были продиктованы его собственной развивающейся паранойей.

Заложив руки за спину и устало ссутулившись, Тим задумался. Он допускал, что внезапное психотронное вторжение в его квартиру могло оказаться простым совпадением. Но сам факт того, что сообщение от Самохина привез меченый, доказывал обратное. Кроме того, Самохин не знал ни телефона, ни адреса Тима.

Хотя это можно было выяснить и через отца... Тим покачал головой, ему не хватало данных для анализа. Он шагнул к меченому вплотную.

- Откуда ты знаешь, как я выгляжу?

- Мне описали внешность.

- Почему ты сразу не вышел ко мне? Молчание.

- А, ч-черт! Ты, робот хренов! - Тим нажал на меченого с такой силой, что аура бедняги покрылась мелкой рябью и даже черная метка уменьшилась в размерах. "Не убить бы дурака", - подумал Тим.

- Твоя задача на сегодня выполнена?!

- Нет, - ответил меченый, не раздумывая.

- Здрасьте, пожалуйста, - пробормотал Тим. - Докладывай задачу.

- Прибыть на место, установить наблюдение, при появлении объекта пропустить его, следовать за ним в здание, войти в контакт в подъезде или лифте, передать сообщение, о выполнении немедленно доложить, перейти на запасную позицию, оставаться на месте до смены, - отрапортовал меченый.

- А-а-а!!! - радостно взревел Тим, машинально хватая "топтуна" за грудки и встряхивая. На некоторое время он потерял дар речи. У "топтуна" начали закатываться глаза, и Тим поспешно его отпустил. "Удалось-таки! Не мытьем, так катаньем", - подумал он. Еще по опыту общения с жертвами психотронных атак он вычислил, что в разговоре с зомби четкая постановка вопросов играет ключевую роль. Даже если в зомби проснется шизофреник, в ответе все равно будет содержаться нужная тебе информация. В потоке слов, который на тебя обрушится, ты увидишь либо "да", либо "нет". А этот зомби еще не псих. Он пока что исправно функционирует. Только четко формулируй вопросы.

Тим постарался успокоиться и поискал тот самый вопрос, безукоризненно правильный.

- Кому ты подчиняешься? - спросил он, грозно наставив на меченого указательный палец.

Меченый вдруг закрыл глаза и начал сползать по машине вниз. Тим

подхватил его и внимательно "обнюхал". Черная метка ожила. Тим "держал" агента все так же крепко, но метка вновь двигалась. Вздыхнув, Тим подпитал ауру своей добычи, ослабил энергетическое давление, слегка отстранился и закурил, давая меченому время частично прийти в себя.

Через минуту тот открыл глаза и снова уставился в пространство. Тим поморщился.

Находиться рядом с этой говорящей куклой было неприятно.

- Кому ты подчиняешься? - повторил он свой вопрос. Будто по команде, меченый снова начал терять сознание. Чертыхнувшись, Тим опять притер его к машине и снова вкатил бедолаге солидную порцию живительного тепла. Ситуация оказалась сложнее, чем он думал. Похоже было, что Тим наткнулся на глубоко внедренную в сознание зомби установку на "выключение". Скорее всего - блок от допроса под гипнозом. А как его обойти, Тим даже представить себе не мог. На этот раз Проект его перехитрил.

Теперь зомби очнулся минуты через две. Тим решил больше не рисковать и зайти с другого бока.

- Кто такой я? - поинтересовался он.

- Объект "Стальное Сердце", - заявил агент не моргнув глазом.

- Чего? - машинально спросил Тим. - Ты сдурел, мужик? Агент Проекта стоял молча, безвольно уронив руки по швам, и по-прежнему не моргал.

- Мужик, ты обезумел, - пробормотал Тим обескуражено. - Не бывает таких рабочих имен. Я же знаю. Клички даются в одно слово. Что за бред? Кто я такой?

- Объект "Стальное Сердце", - отчеканил агент. Тим присел на капот машины и так уставился на зомби, будто тот продекламировал ему Шекспира в подлиннике.

- А ты кто такой? - спросил он брезгливо.

- Агент Воробей, - доложил зомби.

- Оно и видно, - пробормотал Тим, критически оглядывая агента с ног до головы. - Что ты знаешь обо мне?

Наверное, вопрос оказался некорректным, потому что зомби промолчал.

- Стальное Сердце, - пробормотал Тим. - Стальное Сердце... Да, мужик, я тебе от души соболезнаю. Начальники-то твои - сумасшедшие... Через двор пробежала крыса, Тим машинально повернул голову на звук и отметил, что слишком нервничает. Настолько, что уже не доверяет своему пси. Ведь следящий контур не фиксировал опасности... Допрос нужно было завершать, чем скорее, тем лучше. А потом идти и спать. Но заснуть сегодня без поллитры вряд ли удастся... - Сумасшедшие твои начальники, - повторил Тим. - Ну ладно.

Он встал и задал меченому еще с десяток вопросов, но, видимо, слишком волновался, потому что зомби не реагировал никак. Разве что на вопрос: "По какому телефону ты должен докладывать?" - снова попытался отдать концы. В очередной раз "починив" агента, Тим оставил его в покое, снял контроль и, плюнув напоследок мужику под ноги, утопал к подъезду. Но на полпути Тима разобрала злость, и он вернулся.

Меченый тер лицо руками и озирался по сторонам. Тим подошел к нему уже почти вплотную, поигрывая в раскрытой ладони белыми огоньками, когда агент поднял на него глаза.

Реакция меченого Тима развеселила. "Правильно я сделал, что вернулся. Вот сейчас поставлю гада на уши - и спать буду гораздо спокойнее". Агент Проекта, сжавшись в комок, отползал задом, судорожно цепляясь за борт машины. Глаза его были прикованы к огонькам, свободно порхающим над

ладонью Тима.

- Что, агент Воробей, очко на ноль? - ласково спросил Тим.

У агента Воробья отвалилась челюсть. Он вытаращился на Тима и встал относительно прямо.

- Помнишь, что сейчас было? - продолжал Тим. Агент вяло помотал головой.

- Врешь, - безошибочно определил Тим. - Помнишь. И не забудь начальнику рассказать, как ты его во всех подробностях мне заложил. И скажи, я к нему в гости наведу. Попозже, не сейчас. Когда настроение будет. Понял?

- Вы меня за кого-то не того принимаете, - слабым голосом выдавил зомби.

Выглядел он уже почти нормально, и черная метка вовсю резвилась в его поле.

- Давай заводи, пока я добрый, - посоветовал Тим.

- А в чем, собственно, дело? - удивился зомби. Он оживал прямо на глазах.

- Да ни в чем, - ответил Тим безмятежно и слил из правой руки, где по-прежнему гнездилась негативная энергия, несколько кластеров агенту в ноги. Колени у зомби мгновенно подкосились, он мешком рухнул на грязный асфальт и притих, затравленно глядя на Тима снизу вверх.

- Видишь? - спросил Тим, присаживаясь на корточки и показывая агенту раскрытую ладонь.

- Ага... - испуганно хрюкнул тот.

- Держи, - Тим провел энергетический удар в область переносицы, и агент, взвывая, схватился руками за лицо и принялся кататься по асфальту.

- Следующий удар будет по яйцам, - пообещал Тим.

- Не на-а-до... - простионала жертва. Тим представил себе, как сейчас у агента Воробья горит физиономия, и перспектива удара в пах понравилась ему еще больше.

- Нет, бу-удет, - промурлыкал он. - Сейчас бу-удет. Ты погоди, тебе понравится.

Но агент Воробей, судя по всему, рассудил иначе. Он перекатился на брюхо, подобрал под себя конечности, и прямо на четвереньках галопом рванул вперед.

Метров через десять ему удалось встать на ноги, и он, согнувшись в три погибели, дал такого деру, что осталось только широко открыть рот и провожать беглеца изумленным взглядом.

Тим с кряхтением распрямился, сунул руку за сигаретами и обнаружил в кармане документы злосчастного Воробья. Тот уже скрылся за углом и, судя по топоту, сбрасывать темп не собирался. Тим подошел к машине агента и задумался. "Может, устроить на прощание мелкую пакость?" Тим уселся за руль. Ключи оказались в замке. Швырнув права и техпаспорт в "бардачок", Тим завел двигатель. С машинами он не имел дела много лет - когда-то отец всему его научил, а потом, с тех пор как сыну стукнуло четырнадцать, упорно не пускал за руль. Однажды он честно признался, что из Тима никогда водитель не получится. Правда, у сына имелось другое мнение на этот счет. Но денег на свою машину все равно не было и не предвиделось даже в самой отдаленной перспективе. Поэтому Тим утешал себя мыслью о том, что зато он может постоянно разгуливать пьяный - и никто ему не машет полосатым жезлом и не заставляет дышать в трубочку.

С преувеличенной осторожностью неопытного водителя он тронулся с

места и, прокатившись шагов тридцать, аккуратно "запер" машиной агента ворота неохраняемой стоянки на два десятка боксов. То, что поутру стоянка выезжала со двора в полном составе, обещало агенту Воробью интереснейшее приключение на весь остаток ночи Следящий контур засек Воробья на значительном удалении. Агент топтался на месте и, судя по всему, был полностью деморализован Злорадно хихикая, Тим дернул ручку открывания капота и вышел из машины. Отстегнул крышку трамблера и сорвал ее заодно с высоковольтными проводами. Запер машину и обошел ее вокруг, вывинчивая из колес золотники. Двор огласился душераздирающим свистом выпускающих дух покрышек. Но дом спал. Тим подбросил на ладони ключи от машины и, решив не становиться окончательным садистом, зашвырнул их на стоянку. Туда же забросил электрооборудование - подальше, в тень, чтобы Воробей не разглядел. "Если агент сам не справится, пусть хоть местные все это хозяйство найдут, они же ни в чем не виноваты". Золотники Тим небрежно уронил в лужу.

- Ты уж извини, - сказал он машине.

Дома опять не оказалось ни бомбы, ни письма, только свежие отметины психотронного щупа по всей квартире. Черные пятна - растерянность, беспокойство, злорадия. Тим походя затер их, сам удивляясь тому, насколько возросли его силы.

Спохватившись, он выпустил за окно так и не пригодившиеся шарики и долго смотрел, как они возносятся в небо. А потом соорудил громадную яичницу, откупорил бутылку водки, купленную у таксиста, и принялся отдыхать.

Он снова пил водку маленькими глотками и радостно наблюдал за тем, как сознание обволакивает мягкая пелена алкогольного опьянения. Сейчас он был готов на что угодно, лишь бы не думать о серьезных вещах. В частности, о безумной, невозможной, сумасшедшей кличке, которую услышал от агента Воробья.

К рассвету Тим под хорошую музыку и интересную книжку бутылку прикончил и, когда буквы стали двоиться в глазах, рискнул добраться до спальни.

Он двигался к кровати, натыкаясь на стены, роняя мебель, разбрасывая одежду по полу и что-то сердито бормоча. За окном поднималось солнце, а во дворе раздавался жуткий мат.

***

Тим проснулся в полчетвертого дня и вопреки обыкновению не стал залеживаться, а поднявшись, не бросился на кухню опохмеляться.

В куче мусора под ванной нашелся пакет с окаменевшей морской солью. Тим открыл горячую воду и, треснув несколько раз пакетом о косяк, отколол порядочный кусок.

Пока ванна наполнялась и в ней растворялась соль, Тим стоял рядом и критически рассматривал себя в зеркале. "Довольно приятное лицо. Не красавец, но вполне... Чувствуется порода. Нельзя с таким лицом работать в Проекте. С кремеровской прыщавой рожей оператором быть можно. Эх, Коля... А с моей - исключено. Во всем должно быть единство стиля. Так-то, господа".

Остатки алкоголя соленая горячая водичка оттягивала из организма прямо на глазах. Покореженная водкой энергетика плавно восстанавливалась, и предметы вокруг постепенно обретали привычную

расцветку и интенсивность полей. С сухим треском развернулся до максимума следящий контур, еще минуту назад работавший вяло и нечетко. Во дворе болталось несколько бубликов, Тим подтянул их и проглотил. Тело, как по мановению руки, наливалось силой и жаждало движения. У него, шаловливого, даже наступила эрекция. Тим с интересом наблюдал за этим процессом, стараясь отнестись к нему нейтрально. У него получилось, и организм разочарованно дал отбой.

Прохладный душ разогнал остатки сна. Тим оделся и занялся подготовкой к ночной бойне. В том, что она состоится, Тим даже и не сомневался. Скорее наоборот, он бы расстроился, возьми Проект сегодня выходной. Потому что ситуация представлялась Тиму патовой, и помериться силой с Проектом означало внести в нее хоть какую-то ясность.

К восьми часам позиция уже была укреплена по всем правилам. Биополе функционировало, как швейцарские часы. Настроение Тим взвинтил до злобного. На всякий случай опять собрал рюкзак. В углу спальни нашел подходящую рабочую площадку и обозначил ее диванной подушкой.

Теперь следовало позаботиться о боеприпасах. В течение часа Тим, усевшись по-турецки на подушку и глубоко "щелкнув", тянул из прилегающих квартир всю свободную энергетику и забивал ею кухню. Это было непросто - шарики и бублики, даже зашибленные энергетическими ударами Тима, висеть спокойно не хотели, а молнии так и порывались учинить драку. Кроме того, шевелящийся клубок ярко во все стороны излучал. Тим забеспокоился. Ему вдруг пришло в голову, что такая мощная аномалия может привлечь внимание оператора Проекта. А если тот долбанет по ней "сверлом"? Как вороны, разлетятся все эти шарики, бублики и груши. И окажутся потерянны. Тим нахмурился. Потом его осенило. Он "отщелкнул" на несколько уровней вниз и застыл с раскрытым ртом.

- Ни фиги себе! - произнес он в глубоком изумлении.

Он хотел выскочить на один из простейших уровней пси-восприятия, когда становятся видны полупрозрачные голубые стенки глобальной сети Хартмана. Тим давно уже на этом уровне не работал, потому что наткаться через каждые три шага на стену, пусть и неосязаемую, удовольствие маленькое. Но теперь на этом уровне стенок не оказалось.

Закусив губу, Тим плавно "отщелкнул" ниже, потом еще ниже, но сети так и не увидел. Внезапно его охватил страх. Длинно выматерившись, Тим рывком перевел себя в "человеческий" режим восприятия реальности. И обалдел совершенно. Потому что сеть Хартмана появилась.

Тим присмотрелся, именно присмотрелся, а не "принюхался" к окружающему миру. Все то же. Блекло, смазано, неразборчиво, но все те же тонкие излучения. Правда, способность управлять ими на этом уровне Тим почти утратил. И граница поля зрения оказалась совсем рядом. Но даже не прикладывая ни малейших усилий, Тим все равно видел мир в истинном свете. Слабо, без привычной остроты ощущений, но он все равно "нюхал".

Страшно захотелось немедленно выпить. Несколько минут Тим сидел, опустив голову и переваривая новообретенное знание. Выходило, что за последние дни он снова очень серьезно нарастил мощност, причем незаметно для себя. Теперь он понимал, что ему давно уже не приходилось по-настоящему "щелкать". Он и так все время находился в состоянии "на полщелчка". А неумеренное потребление бубликов и прочей свободной позитивной энергетики довершило дело. Тим окончательно и бесповоротно ушел в глубокое пси.

Скорее всего он больше не был способен видеть мир одними только

глазами.

Глаза на эту мысль отреагировали мгновенно - они затуманились. Тим затрясся и разревелся в голос, как обиженный ребенок.

***

К десяти вечера он уже взял себя в руки. Правда, в душе словно появилась дырка - где-то посередине груди зияла холодная пустота.

По-прежнему сидя в спальне, Тим перетаскивал с кухни свой "боекомплект", сортировал его и аккуратно распределял вдоль силовых линий сети Хартмана.

Расположенное вдоль них беспокойное хозяйство почти не отсвечивало. Кроме того, это оказалось еще и удобно - выяснилось, что к голубым стенкам шарик, бублики и груши можно легко прицепить и заставить висеть в относительной неподвижности.

В одиннадцать Тим съел бутерброд, выпил немного крепкого чая и, закурив, устроился на кухне. Тим сидел, немилосердно жуя сигарету, и размышлял, не стоит ли пока есть время, наладить контакт с геопатогенной зоной, притаившейся в кабинете. Обычно Тим само наличие этой зоны глухо игнорировал, чтобы не тянуть на себя ее миазмы. Но в критической ситуации зона могла оказаться серьезным подспорьем. Тим прикинул, что если с ней заранее "договориться", то он даже при последнем издыхании сможет превратиться в ретранслятор и закачать в поле врага столько энергетической отравы, что тому мало не покажется.

"Господи, ну и мысли! А с виду обычный человек".

Он зажег новую сигарету от окурка и стал размышлять дальше, о другом, о разном, обо всякой ерунде, о каких-то глупостях. Он даже пытался думать о сексе, но у него уже не получалось, так он был расстроен. Только не хотел себе в этом признаваться. А в голову так и лезли слова, оформившиеся в ней той страшной ночью, когда Тим забрался в самую душу информационного поля Проекта и узнал о "Программе Детей".

Нелюдь. Мутант. Урод.

И еще два слова.

Стальное Сердце.

- С-с-суки... - прошипел он.

И тут следящий контур подал сигнал. Что-то зашевелилось там, все там же, на северо-западной окраине города. Тим резко выпрямился, раздавил окурки в пепельнице и пошел воевать.

По пути он заскочил в кабинет и наспех "обнюхал" геопатогенную зону.

Теоретически подключиться к ней было нетрудно. Но на установление "ствола" для перекачки энергии ушло бы не меньше часа. "Слишком поздно догадался". Тим мысленно сплюнул и ушел в спальню. Сел на подушку, спиной привалился к стене и постарался расслабиться, но не успел. Следящий контур зафиксировал чужую активность. Тим вздрогнул и даже сам не заметил, как заэкранировался. Все больше действий, связанных с управлением пси, он производил инстинктивно, не задумываясь. С одной стороны, это его пугало. А с другой - нравилось. Тим мощно "щелкнул" и увидел, как в дальнем углу спальни завис под потолком большой темно-синий шар.

Шар висел, слегка перекачиваясь в воздухе из стороны в сторону, будто примериваясь. Потом медленно выдвинул иглы сканирующих лучей. Тим смотрел, как иглы превращаются в плавники, затем в широкие треугольные

плоскости, вершиной упирающиеся в шар... И тут ему наскучило смотреть. Не дожидаясь, пока чужой его заметит, он двинул вперед собственный луч. Упаковал сознание до размеров крошечной точки, поместил на конец луча и вонзил его в самый центр шара.

И оказался буквально в голове у хорошо знакомого человека.

Тим даже не удивился. На это не было времени. Он был занят Тем, чтобы установить "соглашения", которые помогли бы ему преобразовать в чужой голове свои мыслеобразы в отчетливую речь. И трансформировать чужую речь в мыслеобразы.

Контакт налачился удивительно легко.

- Здравсьте, Сергей Борисыч, - сказал-подумал Тим. Директор "Центра Новой Медицины" Лапшин мысленно взвизгнул, а физически подпрыгнул в своем кресле, чуть не повалив его.

- Ага-а! - заорал Тим. - Я лучшее в мире привидение с мотором! Дикое, но симпатичное! Сейчас я вас настигну, и вот тут-то нам будет весело!!!

Лапшин выпал-таки из кресла и на четвереньках полез под стол. Синий шар в спальне Тима закувыркался, теряя сканирующие плоскости, которые тут же распались в мельчайшую энергетическую крупу. В сознании Лапшина гомерически хохотал Тим. Ему было действительно весело. Он высчитал индивидуальный энергетический рисунок Лапшина, прочно закорил за него свой луч, и Лапшин с этого момента невольно фокусировал его на себе. Этот прием Тим подсмотрел, когда "принюхивался" к зомби на бульваре в памятный день, завершившийся ударом по голове и лежанием на помойке.

Синий шар разбух, потерял форму и с гулким хлопком лопнул. Осколки со скрежетом распороли воздух, и из соседней квартиры донесся жуткий вопль злосчастной кошки.

Несколько осколков ударили было в Тима, но проскочили насквозь, будто его и не было. С острия луча-иглы Тим оглянулся и увидел, что база, которой сейчас Тиму служило его тело, излучает, как солнце в зимний полдень, - яростно и холодно. Он таки подготовился к встрече с добрым хорошим дядей Лапшиным, учителем и защитником.

Учитель и защитник под столом трясся от ужаса. Он был в центре небольшой комнаты, плотно заставленной аппаратурой не вполне ясного Тиму назначения. Тим "щелкнул" глубже и пришел к выводу, что аппаратура контрольно-измерительная. Он заметил несколько компьютеров разной мощности, почуял какие-то датчики и сканеры, нацеленные на Лапшина, но главного - самого генератора - не нашел.

Генератор был, и где-то недалеко. Но заполнявшие комнату излучения так перепутались, что уловить, какие из них соединяют Лапшина с его усилителем мощности, Тим не мог.

Через комнату к Лапшину шел еще один человек, в котором Тим опознал Кремера. Тим горестно вздохнул, подтянул к себе с базы десяток шариков, подстроился к рисунку поля Кремера и выпустил шарики ему навстречу. Кремер успел добраться до Лапшина, когда шарики обступили его и разом шандарахнули со всех сторон. Секунду-другую Кремер, покачиваясь, держался на ногах, а потом ноги у него подломились и он, как мешок с костями, грохнулся об пол. Аура сенса поблекла, и Тим потерял ее из виду.

Он еще раз прошелся лучами-пробниками по комнате, но только окончательно запутался в хитросплетении ее энергетики. Тогда он вернулся к Лапшину. Тот уже пришел в себя и опасно выглядывал из-под стола, "щелкнув" до предела своих возможностей и сканируя пространство на таких

низких частотах, что Тиму стало немного смешно. А потом даже противно. С легкой руки Проекта он настолько превзошел учителя, что тот в его глазах выглядел почти обычным человеком. И даже выводные контакты микроволнового генератора, к которым Лапшин подкрадывался, не дали бы ему над Тимом решающего преимущества.

- Будем разговаривать? - учтиво осведомился Тим. Лапшин опять подпрыгнул, затравленно озираясь.

- Да сядьте вы! - сказал Тим брезгливо. - Сядьте, поболтаем.

Лапшин осторожно сел. Некоторое время он корчил странные гримасы - видимо, пытаясь совладать с перекошенным от страха лицом. Наконец это ему удалось, он напустил на себя величественно-отстраненный вид, откашлялся и суровым тоном сообщил:

- Вы меня очень напугали, Тимофей. Нехорошо.

- А на Проект вкалывать хорошо? - мгновенно окрысился Тим.

- На что?..

- Вы еще мне скажите, что я знаю больше вашего!

- Тимофей, это очень даже возможно. Я вас вообще что-то не понимаю...

- тут Лапшин оглянулся на лежащего без движения Кремера. Вскочил, бросился к пострадавшему и упал перед ним на колени.

- Оставьте вы его... - посоветовал Тим. - Оклемается.

- Да он не дышит... - прошептал Лапшин. - Ох... Совсем не дышит...

Нужно "Скорую", реанимацию... Ох, твою мать... - Да бросьте вы мне лапшу на уши вешать! - рявкнул Тим Он изо всех сил пытался рассмотреть, что там происходит с Кремером, но нужные частоты оказались слишком плотно забиты проклятой аппаратурой.

- Твою мать! - заорал Лапшин и бросился из комнаты вон. Тим настолько растерялся, что даже и не подумал его остановить. От нечего делать он попытался что-нибудь в комнате испортить, но обнаружил, что все имеющиеся в ней энергетические связи ему абсолютно не по зубам. Они стояли как влитые, и сколько Тим о них ни бился, даже не шелохнулись. Тим опять вздохнул и запомнил на будущее, что бороться с машинами смысла не имеет, а бить надо только в сердце - по оператору. Это заключение вернуло его мыслями к Кремеру.

- Коля! - позвал Тим. - Эй!

Кремер не отзывался. Чертыхнувшись, Тим начал было "отщелкивать", чтобы хоть разглядеть, где лежит тело. Даже полумертвое, оно должно было излучать. Но уже на пятом уровне вниз Тим почувствовал фантомное жжение в переносице и лому в висках. Это сказывалась железная мощь работающего вхолостую генератора, против которой не попрешь. Тим поспешно "щелкнул" обратно.

"Обидно будет, если я переборщил с шариками и ударил Кольку насмерть. Странно, что он так скопытился. Я вроде бы точно все рассчитал..." Тим отметил, что в этом вопросе им движет простое любопытство. Он совершенно не хотел убивать Кремера. Напротив, он скорее намерен был, если удастся, освободить его от власти Проекта. Но раз так уж вышло... Ничего, кроме легкой обиды на судьбу, Тим не ощущал. К этому новому Кремеру, отдавшемуся Проекту, он уже относился как к врагу. И шариками расстрелял именно врага. Пусть и друга в прошлом. Но в очень далеком прошлом, которое теперь ничего не значило.

В комнате появилось несколько фигур. Одна четко различимая - Лапшин и несколько почти незаметных - люди. Незаметные быстро исчезли, странно изменив форму, и Тим догадался, что они волокут тело Кремера. Стараясь

об этом не думать, Тим снова "зацепился" за Лапшина.

- Ну что? - спросил он.

- Ты его убил! - выкрикнул Лапшин. Тиму даже показалось, что он видит направленный на себя грозный указующий перст. Энергетический рисунок Лапшина покрылся мелкой рябью, изменился и выдал отчетливую картину страха.

Тим мысленно перекрестился, отдавая последнюю дань Кремеру, и тут же приказал себе о нем навсегда забыть.

- Могу и вас, - сообщил Тим. - Запросто.

- Господи! - Лапшин упал в кресло и обхватил голову руками. - Во что же ты превратился, Тима! Вот как ты платишь людям за дружбу, за доверие, за помощь... Тим усмехнулся. На самом деле Лапшин не знал, куда деваться, как объяснить свое и Кремера присутствие в комнате, и вообще, как ноги унести подобру-поздорову.

Это выдавали его мыслеобразы. Сейчас, в своей бесплотной ипостаси, Тим буквально видел учителя насквозь. Он только подозревал, что не сумеет эффективно допросить его в этой перенасыщенной излучениями среде. Кроме того, у Лапшина могли стоять те же блоки, что и у агента Воробья.

- И чем же вы тут с ним занимались, друзья мои, конфидененты и помощники? - язвительно осведомился Тим.

- Мы проводили эксперимент! - гордо задрал подбородок Лапшин. - Важнейший! И между прочим, ты бы мог работать с нами! Но ты выбрал другой путь! Ты продал наши идеалы за деньги желтых газет! Я лично столько сил положил на то, чтобы воспитывать сенсов в духе... - Заткнись, - попросил Тим. Лапшин послушно закрыл рот.

Несколько мгновений Тим раздумывал. Видно было, что допроса не получится, максимум, на что Тим был способен, это физически удерживать Лапшина на месте.

Поэтому он отцепил от сети Хартмана еще десяток шариков, "подсветил" их в видимой части спектра и аккуратно развесил в воздухе у Лапшина перед носом. Тот мелко задрожал и попытался вскочить, но Тим прижал его к креслу.

- Видишь, да? - спросил Тим. Да, Лапшин увидел шарики. Сначала "унюхал", а потом и увидел.

- Коля получил десять сразу. А в тебя я их буду по одному запихивать. Что скажешь?

- Садист... - прошипел Лапшин. - Ты безумный садист...

- А то! - ответил Тим, вlepил один шарик учителю под ребро и оборвал контакт.

Ему понадобилось довольно много времени на то, чтобы вернуться на "базу", переключиться, освоить двигательные функции тела и встать на ноги. На кухне он жадно выпил неразведенной чайной заварки. Закурил и, привычно жуя сигаретный фильтр, отправился в кабинет, общаться с геопатогенной зоной.

Навести устойчивый мост удалось за полчаса. Довольно ухмыляясь, Тим вернулся на место и снова вышел на связь. Теперь, когда Лапшин не был подключен к генератору, на это потребовалось время. Сначала нужно было сформировать энергетический фантом, настроенный на волну Лапшина, затем отправить его на поиски объекта и уж потом, используя фантом как якорь, перебросить в искомую точку прямой луч.

Лапшин как раз приходил в себя, кашляя и держась за живот.

- Значит, решай, - предложил ему Тим. - Либо будешь колотиться, либо

повторим экзекуцию. Поведешь себя разумно - уйдешь домой на своих ногах. Станешь юлить - тебя унесут. А если будешь чересчур упираться рогом, я тебя вместе с твоей шарашкой взорву. Осознал?

Лапшин осознал. Но не поверил и решил юлить и упираться рогом. Тим выругался.

- Я серьезно, - попытался он внушить Лапшину. - Я ведь сделаю.

Лапшин все равно не поверил. Наверное, в его сознание с трудом укладывалась даже мысль о том, что Тим в состоянии так плотно "держать" его. Подсознательно он воспринимал происходящее как ночной кошмар. Тим выругался снова, на этот раз матом.

- Тупица! - рявкнул он. - Да пойми ты, я теперь все могу! Все!!!

Но Лапшин не понял.

- Ладно, - вздохнул Тим. - Не хочешь по-хорошему, будем по-плохому.

Вокруг Лапшина вдруг засуетились неясные тени. Люди. Вроде бы три человека.

Увидев повисшие в воздухе шарики, они встали как вкопанные. Настроиться на них с такого огромного расстояния было чертовски трудно, но Тиму это удалось, и на глазах Лапшина он дал шариками пять нецельных выстрелов. Две тени мгновенно растворились, еще одна бросилась наутек. А Лапшин заорал дурным голосом и принялся биться в истерику.

Тим прислушался к своим ощущениям. По-прежнему пусто. Словно дырка в душе. Будто сердце действительно стальное. "Что же вы со мной сделали, подонки..." Он вдруг почувствовал, что комедия ему надоела. Устало ссутулил несуществующие плечи и нащупал в пространстве отверстое жерло геопатогенной зоны.

Минут десять он настраивался, тщательно экранируясь, чтобы самого не прижгло. За это время к окончательно потерявшему рассудок Лапшину пару раз навевались тени людей, но шарики по-прежнему несли вахту, и тени спасались бегством. Наконец Тим построил устойчивый "ствол" и был готов к ретрансляции.

- Прощайте, Сергей Борисович, - подумал он. Лапшин не отозвался. Он лежал в кресле, обессиленный припадком, и с подбородка у него капала слюна.

Тим забрал сознание на "базу", наладил "ствол" к операторской, печально завел невидящие глаза к потолку и откупорил геопатогенную зону. Будто пробку выдернул.

Он не предполагал, что отдача будет так сильна. Его буквально размазало по стене, и на мгновение от удара даже помутилось сознание. А когда Тим пришел в себя, белый сверкающий поток, рвущийся из дыры "геопатогенки", бился в его экран и, отраженный, уносился вдаль, прямо в сердечник микроволнового генератора.

Тим отполз в сторону, оставив на месте экран, и поток не сместился. Ощупав спину, Тим решил, что синяк на хребте заработал изрядный. Но и тарарам в операторской тоже будет ничего себе. "Компьютеры точно размагнитятся к чертовой матери. А если еще и генератор пойдет вразнос..." От этой мысли Тим инстинктивно вскочил, перепрыгнул через белый поток и кинулся было к окну. Но на полпути затормозил и от души расхохотался. Визуальный инстинкт сбил его с толку. Тим и так отлично видел, как далеко на северо-западе встает громадное, в полнеба, белое зарево.

К окну Тим все-таки подошел, но горизонт был черен и угрюм. "А хорошо

бы взорвать их осиное гнездо! - подумал Тим. - Ох, как это было бы здорово". Он оглянулся, и его опять разобрал смех. "Ну чего ты оглядываешься, балбес! Ты же у нас лучший из Детей, ты форсированный экстрасенс, объект "Стальное Сердце"! Так что привыкай глядеть спиной". Но глядеть спиной все-таки было еще не очень удобно. Куда сложнее, чем даже расшифровывать сигналы от следящего контура. Тим решил позже натренироваться, а пока дать волю инстинктам. Поэтому он повернулся всем телом, подошел к "стволу" и глубоко над ним задумался. Геопатогенная зона казалась неистоощимой, но Тим понимал, что под землей все совсем не просто.

Крестовина сети Хартмана, вокруг которой образовалась "геопатогенка", неудачно попала на центральную часть водоносной жилы. И энергетика зоны тоже влияла на силы, породившие ее. Если вычерпать зону до дна... "А что будет? - подумал Тим.

- Фонтан в подвале забьет? Вряд ли. Но все равно, не я делал, не мне и ломать.

Только я так спешил, что, как откупорить зону, догадался, а вот как заткнуть..." Он повернулся к жерлу зоны и принялся осторожно скручивать его края. За несколько минут интенсивной работы ему удалось-таки свести поток энергии до минимума, а потом и вовсе остановить его. Тим почувствовал усталость и добыл из "боекомплекта" несколько бубликов. Вышел на кухню, сел и закурил.

Невидимый пожар так полыхал, будто намеревался спалить всю Москву. Тим представил, что творится сейчас в генераторной и операторской, и непроизвольно вскочил. "Шарики! Мои шарики! - пронеслось у него в голове. - Там же осталось еще несколько... Я совсем забыл о них! Черт! Получается, я их бросил! Они доверились мне, пошли ради меня на опасное дело, так мне помогли! А я их бросил..." Лицо Тима искривилось в страдальческой гримасе. Он на полном серьезе чувствовал себя последним негодяем. Пушистые белые шарики, смертельно опасные для живого, были сейчас ему милее всех людей на свете. И даже по отношению к ним он поступил как подлец и бессердечная скотина.

Тим в сотый раз за день тяжело вздохнул и пошел одеваться. Ему срочно нужно было залить наркозом чувство стыда. Водка в доме кончилась, но неподалеку был ночной магазин.

***

Вервольф, хрипло взрыкивая, шел на него по коридору. Тим, распластавшись по стене, медленно отступал, выставив перед собой топор. Длинная ярко-красная рукоятка была скользкой от пота, и топор предательски выскользывал из ладоней.

Колени у Тима дрожали, глаза застилал туман.

Вервольф скалил клыки, будто ухмыляясь, и мелкими шажками наступал. Он был чуть пониже Тима, но гораздо шире и массивнее. Страшные когтистые лапы тянулись вперед, сжимаясь и разжимаясь. На плечах зверя расплзался по швам белый лабораторный халат, под которым трещала и рвалась еще какая-то одежда. От чудовища омерзительно несло зверем и гнилью.

Внезапно оборотень резко прыгнул вперед и тут же ушел в сторону, пытаясь обойти человека. Тим, пусть и напуганный дальше некуда, понял маневр правильно и не опоздал с ударом. Тупое лезвие с хрустом распороло чудовищу правую лапу, и на пол хлынула черная кровь.

Вервольф заорал так, что у Тима заложило уши, и мгновенно нырнул под занесенный для нового удара топор. На этот раз Тим промазал. Рукоятка топора, опускаясь, раздробила противнику ключицу. Зверь, как заправский регбист, поддел Тима раненым плечом, сбил с ног и буквально размазал по бетонному полу, припечатав своим весом.

Сидя на поверженном человеке, вервольф задрал морду к потолку, ухватился здоровой лапой за раненое плечо, и коридор огласился ужасным воплем. Внизу Тим яростно ворочался, пытаясь стряхнуть зверя с себя, и никак не мог это сделать, потому что противник оказался чертовски тяжел и силен. Это было ужасно обидно, ведь Тим уже сообразил, что зубастая скотина вовсе не умна, до крайности самонадеянна и, судя по всему, очень даже смертна. Тиму уже не было страшно. Скорее наоборот. Он плотно сжал, напряг и согнул пальцы на правой руке, и в нем вдруг проснулась какая-то снисходительная жалость к недоделанному зверю.

Вервольф склонился над ним, и его желтые глаза, казалось, заполнили собой весь мир. Тим яростно закричал, рванулся снова, со всей силы засветил вервольфу костяшками в кадык и скорее почувствовал, чем услышал глухой щелчок ломающегося хряща. Чудовище всхлипнуло и начало медленно опрокидываться на спину. А в горле у него все щелкало, щелкало, щелкало... Резко извернувшись, Тим стряхнул обмякшее тело с себя и чудом удержался на краю постели. Открыл глаза, увидел перед самым носом свои тапочки и зажмурился снова.

Следящий контур продолжал звонко щелкать, сообщая о наличии чужих за дверью.

"Проклятье, это же он пытался меня разбудить! - понял Тим. - Я уже, наверное, с четверть часа стараюсь проснуться, "унюхав" опасность, и не могу! И чертово мое подсознание - радо стараться, мать его так! - опять зарядило мне этот кошмар с вервольфом". На этот раз Тим испугался меньше, чем обычно, но все равно был весь в поту.

В дверь яростно звонили и стучали. Тим со стоном разлепил глаза. Попытался найти часы и обнаружил их на руке. Когда удалось сфокусировать взгляд, оказалось, что стрелки показывают всего-навсего десять. Тим спал меньше пяти часов и чувствовал себя вдребезги пьяным. Ну, может быть, чуть трезвее, чем когда в состоянии битой тушки упал в кровать.

- Откройте, милиция! - рявкнули за дверью. Тим попробовал оценить происходящее с трезвых позиций, но ничего у него не вышло. Он только сообразил, что с вервольфом в ночных кошмарах надо что-то делать. Его навязчивое появление явно неспроста. "Вдруг это не подсознание барахлит, а? - подумал он. - Вдруг это мое пси выловило какую-то биоинформацию и изо всех сил пытается со мной поделиться?"

Предупредить о надвигающейся беде?"

Дверь начали пинать ногами. "Убью! - подумал Тим, сползая с кровати. - Разберусь, в чем дело, и... убью".

- Костенко! Откройте! Милиция! - заорали с лестничной клетки, заслышав его шевеление.

- Сейчас! - прохрипел Тим, натягивая халат. Он действительно все еще был пьян, и его здорово шатало. Поэтому он даже предполагать не собирался, какого это хрена нужно от него ментам с утра пораньше. Действительно готов был... Ну, если не убивать, то очень и очень пугать. Будить Тима, пока он не выспался, всегда было занятием малоприятным, а иногда даже рискованным.

Держась за стену, Тим дополз до двери и попробовал заглянуть в

"глазок". Он уже знал, что на лестнице стоят трое, и один из них, похоже главный, с червой меткой. Но хотелось все-таки посмотреть, как эта компания смотрится на глаз.

Так, для порядка. Потому что даже присутствие меченого Тима не волновало. И он знал, почему. "Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, ты один мне надежда и опора - великий и могучий Алкоголь! Не будь тебя, как не впасть в отчаяние..." Перед квартирой Тима нервно переминались с ноги на ногу меченый в штатском с кожаной папкой в руках и двое обычных людей в милицейской форме. Все с оружием, менты держат руки на расстегнутых кобурах, а у штатского, помимо одного ствола под мышкой и другого за поясом, в кармане притаилась еще и памятная Тиму плоская черная коробочка ручного СВЧ-излучателя.

Это наблюдение Тима мгновенно отрезвило. Шататься он не перестал, но голова тут же заработала отменно. Вращая ручку замка, он машинально проверил "боекомплект", вчера забытый в спальне за ненадобностью. Там добра было полно, и Тим в один присест заглотал все оставшиеся бублики, а в каждую руку зарядил по дюжине шариков.

С похмелюги это оказалось нелегко, и, когда Тим открыл дверь, визитеры поспешно отступили. Несколько мгновений Тим, давясь, стоял в дверном проеме с выпученными глазами, надеясь все-таки не сплевать гостям под ноги. Потом что-то нечленораздельно промычал и, оставив дверь открытой, рванулся в туалет. Что интересно, никто его почему-то не преследовал.

Когда он, утираясь полотенцем и жуя зубную пасту, вышел из ванной, дело было сделано. Меченый успел неслышно просочиться в спальню и оставить лишний пистолет в шкафу. "Под белье, наверное, сунул, - мысленно усмехнулся Тим. - Ох, господа из Проекта, какие же вы тормоза! Или у вас горизонтальные связи на фирме нарушены, и правая рука не ведает, что левая творит. Ну знаете ведь, что со мной шутки плохи - нет же, гоните людей на верную погибель".

Компания ждала его на кухне.

- Костенко Тимофей Сергеевич? - осведомился меченый.

- Угу.

- Уголовный розыск, старший уполномоченный Ханцевич, - меченый сунул Тиму под нос красную пухлую книжечку.

- Угу, - Тим, подвинув одного из ментов, выплюнул зубную пасту в раковину и, открыв кран, прополоскал рот.

- Вот постановление на обыск, - меченый продемонстрировал Тиму какую-то бумагу.

- Вы пораньше не могли прийти? - поинтересовался Тим сварливо. Он с максимальной скоростью прокручивал в голове варианты решения свалившейся на него проблемы.

Ситуация была крайне неудобной. "Блокировать милиционеров и допросить меченого?"

- гадал Тим. - Вряд ли получится, меченого допрашивать - семь потов сойдет, а я еще даже не протрезвел. Да и что с ними делать после? Они ведь обязаны выполнить свое задание. Прогоню этих - других пришлют. Других прогоню - явятся вдесятером, со всех сторон обложат и расстреляют из "коробочек". Нет, пусть уж все идет как идет. И узнаю хоть что-нибудь... Но сначала подстрахуюсь". Он подтянул из спальни еще несколько шариков.

- Возражений нет? - спросил меченый с издевательской усмешкой. Тим

усмехнулся в ответ. Он меченому сочувствовал, как давеча вервольфу во сне. Потому что вокруг головы меченого роились шарики, настроенные на его индивидуальную волну. Никуда он теперь от них не денется. А стоит Тиму всего лишь захотеть, подумать - и старшему уполномоченному Ханцевичу инфаркт миокарда обеспечен.

- Да мне по фигу, - честно признался Тим. - Я только одеться хочу.

Кто со мной пойдет?

- Федорчук, проследи. Конченко, давай понятых.

- Ты в постановление хотя бы загляни, - посоветовал Тиму хмурый, тоже явно с похмелья, сержант Конченко, выходя в прихожую. За ним, хищно приплясывая, улетел персональный шарик. Еще один повис перед носом у лейтенанта Федорчука.

- По фигу, - повторил Тим.

Обыск длился на удивление долго - Тим успел одеться, слопать бутерброд и даже украдкой отхлебнуть коньяка (разумеется, после того, как проверили холодильник).

Увидев пять разнокалиберных бутылок, Конченко позеленел и чуть в обморок не упал). Наконец Федорчук обнаружил в шкафу подкинутый меченым пистолет, чем окончательно вогнал в ступор понятых - трясущихся от эмоциональной перегрузки стариков, которых Тим в первый раз видел.

- Так, - заключил Меченый скучным голосом. - Пистолет системы Макарова.

Федорчук, упакуй. Гражданин Костенко, откуда у вас это оружие?

- Его подложили мне вы, - ответил Тим, радостно улыбаясь и глядя меченому в глаза. Тиму было весело. Он снова окосел, его разобрало, что называется, по старым дрожжам, и на душе было совсем легко. Только, как и вчера, удивительно холодно. Сквозное отверстие в груди не пропало, наоборот, чувствовалось все отчетливее. Тим понимал, что это не энергетическая рана. Просто знак смертной тоски. Но если дырку в ауре он мог залатать мгновенно, то вот залечить тоску не сумел прошедшей ночью даже с помощью шестисот граммов коньяка.

После слов Тима в комнате повисло молчание.

- Вы хотите сделать заявление? - вкрадчиво спросил меченый. - Вы только что обвинили должностное лицо в совершении тяжкого проступка при исполнении служебных обязанностей. Это не шутки, молодой человек!

Тим по-прежнему улыбался, только уже не так радостно. Необходимость стоять рядом с незнакомыми чужими людьми начала его раздражать. За спиной меченого Федорчук, здоровенный краснолицый мужик, наливался кровью и всячески демонстрировал праведный гнев. Индифферентный Конченко прислонился к косяку и прикрыл глаза. Он выглядел лет на сорок пять, и ему тоже, как и Тиму, все было по фигу. Старики таращились на пистолет и, казалось, даже не дышали.

- Что дальше-то? - деловито спросил Тим. Про то, что пистолет подброшен, он ляпнул машинально. И трагикомедия от этого интереснее не стала.

- То есть вы снимаете обвинение в мой адрес? - поднял указательный палец меченый.

- Да, да... - раздраженно ответил Тим.

- Вы не хотите принести мне извинения?

- Нет.

- Вы очень дурно воспитаны, молодой человек. Тим смерил меченого презрительным взглядом. Внешне меченый, так же как и агент Воробей, был

совершенно лишен индивидуальности. Мужчина средних лет, среднего телосложения, невзрачный, серый и тусклый.

- Хорошо, - вздохнул меченый. - Чье это оружие и откуда оно у вас?

- Понятия не имею, чье, а откуда - знаю, но не скажу.

- Ясно. Костенко Тимофей Сергеевич, вы задержаны. Собирайтесь. Понятые, пройдемте со мной. Конченко, очнитесь. Что такое, в конце концов... - Устал, - объяснил Конченко, открывая тусклые и красные с похмелья глаза и с трудом отрывая тело от косяка.

- Все устали. Пойдемте. Федорчук, объясни задержанному, что брать с собой, у него первая ходка. Пойдемте, товарищи понятые, нужно подписать протокол.

- Эх, ё...нуть бы тебе сейчас разок-другой, - мечтательно произнес Федорчук, когда они с Тимом остались вдвоем.

- Ё...ни, если так хочется, - согласился Тим. - А потом я тебя нае...ну. Совсем, с концами.

Федорчук задумался. Тим, приходя в себя и набираясь сил, начинал сильно излучать во все стороны, невольно транслируя эмоции окружающим. И Федорчук, хоть и был почти вдвое крупнее задержанного, уже сообразил, что напрасно открыл рот.

- Ну давай, - поспешно сказал он. - Давай собирай белье, щетку зубную, пасту там... Курево тоже, жратву. Ботинки обуь без шнурков, если найдутся.

- Да мне все это не нужно, - отмахнулся Тим. - Я скоро вернусь.

- Ха! Х...й ты вернешься.

- На что спорим?

- Ты из этого ствола человека застрелил.

"Кремера, - догадался Тим. - Кремера мне подсунут с пулей в голове. От Лапшина, наверное, только лужица осталась". А вслух сказал:

- Ты же сам в это не веришь, лейтенант. Вооруженного преступника так не берут - втроем, без бронезилетов и с пистолетиками.

- Мудак, - лениво сказал Федорчук. - Таких, как ты, вот так и берут.

Тепленькими. Ладно, пошли.

- А меня сейчас куда?

- Пока что в отделение. А дальше - в следственный изолятор.

- Н-да... Ни хрена себе - Первое мая... С праздничком вас, господин лейтенант.

- И тебе, сынок, тем же концом по тому же месту... Тим подписал какие-то бумаги и подсмотрел, что они убрались в папку меченого, рядом с постановлением и упакованным в целлофан пистолетом. Потом задержанный надел куртку, удостоился от меченого наручников и отметил, в какой именно карман положили ключ. Квартиру опечатали. Это Тима устраивало меньше, тем более что за процессом вывода задержанного наблюдала в "глазки" вся лестничная клетка.

Во дворе стояла милицейская патрульная машина, но Тима к ней не повели. Меченый сделал Федорчуку знак обождать и открыл перед Тимом заднюю дверь запаркованной рядом черной "Волги" с тонированными стеклами. Тим послушно залез внутрь, дверь за ним захлопнулась, и с ее внутренней стороны не оказалось рукояток стеклоподъемника и открывания замка. Снаружи между должностными лицами завязалась оживленная беседа с богатой жестикуляцией. Тим даже не пытался сообразить, о чем они толкуют. Разговор за стеклом выглядел еще одной частью спектакля. Задержание было проведено крайне небрежно, сопротивления от Тима никто

не ждал, и вообще творилась какая-то муть, вникать в которую задержанному было лень. А вот исход ее он видел ясно - меченый забирает его с собой. На растерзание Проекту. На унижения, пытки, издевательства, и как итог - лишение человеческого достоинства.

А после этого будет долгая счастливая жизнь в роли ведущего оператора.

Или долгая мучительная смерть.

Тут вернулся меченый, снова открыл заднюю дверь, отстегнул наручник с левой руки Тима и защелкнул его на дверной ручке. "Умно, - подумал Тим. - Я бы тоже так сделал". Дверь закрылась, меченый сел за руль, швырнул папку на сиденье рядом с собой и завел мотор. Менты уселись в свою машину и поехали со двора. Меченый вполборота повернулся к Тиму, сунул руку в карман, где лежала "коробочка", и застыл как изваяние.

- Отдай, - приказал Тим.

Меченый деревянным жестом протянул ему излучатель. Это действительно оказалась тяжелая, будто из свинца, плоская коробочка, примерно десять на пятнадцать сантиметров. В одной из граней виднелось забранное мелкой сеточкой отверстие, а из другой торчала одна-единственная кнопка. Правда, с блокиратором от случайного нажатия. И еще, что несказанно обрадовало Тима, излучатель имел сдвижную крышечку. Явно для батарейного отсека. Пломбы на крышечке не было. И не было винтов, она просто сдвигалась пальцем. Тим в который раз подивился наивности Проекта. Сами того не желая, враги ему помогали. С заблокированным сознанием меченый не смог бы вести машину. А теперь необходимость в блокировке отпадала.

- Дай ключ от наручников.

Меченый отдал ключ, и Тим убрал его в карман. Вскрыл излучатель и обнаружил батарейку, внешне обычную, но зверски тяжелую. Как только Тим вынул ее, "коробочка" перестала светиться и превратилась в бесполезную железяку. Следящий контур, все это время посылавший относительно "коробочки" тревожные сигналы, с облегчением дал отбой.

Тем не менее вынимать батарейку было нельзя, она составляла больше половины веса излучателя. Пришлось достать сигареты и вырвать из пачки фольгу. Сложив в два слоя, Тим пропихнул ее между батарейкой и контактами. Излучатель остался безжизнен. Тем не менее Тим отвел блокиратор и, внутренне содрогаясь, направил "ствол" в потолок. Нажал кнопку. Оружие звонко щелкнуло, но не выстрелило. Тим и так знал, что ничего не будет. Но он еще с прошлого раза "унюхал" смертоносную мощь излучателя и боялся его как огня.

Он закрыл "коробочку", сунул ее меченому и заставил положить на прежнее место.

Расслабился и "отпустил" врага.

Меченый встряхнул головой, будто отгоняя дурные мысли. Быстрым движением вынул излучатель, направил отверстием на Тима, изобразившего на лице испуг, и нажал кнопку. Излучатель щелкнул. Тим закатил глаза и безвольно откинулся на подушку.

Меченый удовлетворенно хмыкнул и отвернулся. Машина тронулась.

День был будний, и меченый решил, видимо, не штурмовать пробки в центре города, а взял курс на Кольцевую дорогу. Тим из-под опущенных век спокойно любовался пейзажем. Все мысли конвоира были на северо-западе. А значит, ехать им по объездному пути хоть и без остановок, но долго. И подходящих мест по дороге найдется завались.

Погода выдалась отменная - солнечная и теплая, в машине было жарко. У

Тима даже начали слипаться глаза, но он вовремя спохватился и решил поторопить события.

Первоначально он собирался шлепнуть меченого где-нибудь на Кольцевой. Но теперь ему надоело ждать. В любом случае, как ни заманчиво было бы подкатить к дверям штаб-квартиры Проекта, делать это Тим не собирался. Ему было элементарно боязно.

И еще - противно.

Конечно, в идеале Тим хотел бы знать, как штаб-квартира выглядит. И ее зрительный образ, отпечатавшийся в сознании меченого, наверное, можно было как-то оттуда вытащить. Но Тим сознавал, что для него это слишком тонкая работа.

К сегодняшнему дню он научился всего лишь эффективно убивать и врачевать. Но не более того.

"А вот здесь будет подходящее место. В самый раз". Тим мягко "взял" меченого, не блокируя пока что его волю, только сузив поле зрения. Незаметно достал ключ, тихонько расстегнул наручники. Резко "нажал" и приказал:

- Тормози! Пошел направо между грузовиками. И стоп.

Меченый не сплеховал и мгновенно выполнил команду. Правда, в последний момент у него не хватило сил дожать тормоз до упора, но это сделал за него Тим, сунувшись вперед и продавив вниз обеими руками его правое колено.

Место было во всех отношениях удобным. Машина замерла, уткнувшись носом в бетонную стену. С обеих сторон ее зажимали ржавые грузовики на спущенных шинах.

А впереди, за стеной, возносился в небо этажей на двадцать серый остов непонятно чего. Строили это непонятно что уже лет десять, а теперь и совсем бросили. На стройке даже дети не играли, а взрослым здесь и вовсе делать было нечего, потому что все, что можно было отсюда украсть, растащили еще в незапамятные времена Тиму стройка была памятна тем, что неподалеку жил Васнецов, и Тим, стоя у него на балконе, однажды поинтересовался - что за небоскреб? Васнецов ответил, что этого толком не знает в округе никто. Тогда же Тим заметил и грузовики. А теперь машина стояла между ними, и единственное ее прозрачное стекло глядело в стену.

Тим отобрал у меченого "коробочку" и удалил из нее фольгу. Следящий контур немедленно на коробочку окрысился, недовольно треща. Через минуту излучатель, наручники и ключ от них были у меченого на положенных местах. Тим взял с переднего сиденья папку, достал из нее бумаги и пистолет (больше в папке не было ничего) и спрятал вещественные доказательства за пазуху. Вынул носовой платок и тщательно вытер папку. Секунду поразмыслил, затем перебрался вперед и, перегнувшись через спинку сиденья, уничтожил все возможные отпечатки сзади.

Подумал, не забыл ли чего, опять достал "коробочку", обтер и аккуратно, с помощью изрядно погрязневшего платка, уронил обратно меченому в карман. Обругал себя за расхлябанность.

Меченый сидел как истукан.

- Ты кто? - спросил Тим.

- Агент Сокол, - глухо ответил старший уполномоченный Ханцевич.

- Ух, бля, свалилась птичья стая мне на голову! Я кто?

- Объект "Стальное Сердце".

- Тьфу! - в сердцах Тим действительно чуть не плюнул и раздраженно

отвернулся.

- И как мне теперь с этим жить? - спросил он наконец. Меченый, конечно, не ответил. Тим напряженно думал. Агент Сокол был явно не чета "топтуну" Воробью, у него была хорошая легенда, а скорее всего он и был на самом деле оперуполномоченным. Впрочем, от этого его шансы на жизнь в глазах Тима не повышались-Тим должен был обезопасить себя доступными ему методами. Значит, агенту Соколу придется умереть. И убьет его сам Проект. Точнее - блокировка от гипнодопроса, внедренная в сознание агента. Тим подозревал, что Проект и не догадывался о возможности "раскалывать" агентов методами пси. Но прострация, в которую Тим загонял свои жертвы, оказалась, видимо, сродни гипнотическому трансу.

- Доложи задание, - скомандовал он.

И тут агент Сокол доказал, что он действительно птица высокого полета, воробьям не чета. Он дернулся, пустил изо рта слюну, обмочился и умер.

- Эх... - только и произнес Тим. Перегнувшись через мертвеца, он закрыл на кнопку его дверь, свинтил кнопку со своей, выбрался из машины и затер все отпечатки пальцев впереди. Пинком захлопнул дверь, открыл заднюю, с помощью кнопки утопил блокировочный штырь, вернул ее на место и тоже протер. Пнул заднюю дверь, обтер ручку и с трудом перевел дух.

- А не просто быть убийцей, - пробурчал он себе под нос. Закурил и неспешно покинул место преступления. Следящий контур подтвердил - никто Тима не заметил.

Только отойдя шагов на сто, Тим вспомнил, что опять забыл про шарики. Обложив себя последними словами, он бросил назад луч и подхватил белые огоньки, растерянно болтавшиеся вокруг мертвого тела. Шарики радостно бросились домой, в руку, они были так счастливы найти хозяина, что Тиму от них даже стало тепло. Он удивился - раньше агрессивная энергетика шариков была ему неприятна. Но то ли он с шариками сдружился, то ли просто стал такой же злюка, как и они. "Скорее всего последнее", - подумал он с тяжелым вздохом. Вспомнил о шариках, оставшихся прикованными к милиционерам Федорчуку и Конченко до конца их, милиционеров, дней, и махнул рукой - всем не поможешь.

Бумаги он сжег на кострище в лесопарке неподалеку. Пистолет зашвырнул в пруд.

Незаметно вышел в город, сел в автобус и всерьез задумался - а теперь куда?

В принципе, он уже несколько дней предполагал, куда ему следует идти. Но это было очень далеко от Москвы, на востоке.

А сейчас он хотел где-нибудь залечь и разработать стратегию и тактику на ближайшие дни. Потому что действительно совершенно не понимал, что теперь делать.

***

Москва по инерции отмечала День международной солидарности трудящихся, то есть жрала водку и непонятно чему радовалась. Тим много часов бесцельно шлялся по городу, пытаясь упорядочить мысли и тщательно сканируя окружающее пространство на предмет возможной слежки. Несколько раз он заворачивал выпить пива и чего-нибудь пожевать в недавно открывшиеся летние кафе, и каждый раз подолгу сидел, разглядывая пьяный народ на улице, просыпая на штаны сигаретный пепел и борясь с желанием

вдребезги надраться.

Слежки Тим не обнаружил, но и ни к каким разумным выводам не пришел. Проект взял его в клещи. К нынешней ситуации Тим оказался не подготовлен. Не умея и не желая прятаться и скрываться, он был со всех сторон уязвим. Его контакты было легко установить, места возможных "лежбищ" поддавались вычислению. Как ни крути, рано или поздно Тим должен был попасться. А разницы между дракой с Проектом сегодня или завтра он не видел. Конечно, для начала он хотел бы проспать часов десять в спокойной обстановке. Но в конечном счете Проект фактически вынуждал Тима вступить с собой в вооруженный конфликт.

Поэтому, выходя под вечер к намеченной на эту ночь квартире, Тим был до предела взвинчен и на редкость плохо владел собой. К тому же перспектива ночевать бок о бок с Марианной, чью сексуальную эманацию он почуял аж за квартал, ни капельки его не воодушевляла. Дырка в груди по-прежнему жгла огнем, и почему-то страшно раздражало упорное желание агентов Проекта убедить Тима в том, что он проходит под безумной кличкой Стальное Сердце.

На очередного меченого Тим наткнулся случайно. Еще один мужчина средних лет и тусклой наружности притулился к телефонной будке и что-то писал себе в книжечку.

Просто идиллическая картинка - стоит мужик и стихи в блокнотик пишет... Тиму сразу вспомнился новосибирский агент Лебедев. Только что там было с Лебедевым, Тим не видел. А здесь все оказалось как на ладони - синий луч, упирившийся в голову зомби, шел из угловой квартиры на верхнем этаже ближайшего здания. "Все как в прошлый раз, - подумал Тим. - Только вот в квартиру я больше не полезу, голову жалко". Он беззаботной походкой миновал сосредоточенно уткнувшегося в блокнот зомби, прошел еще немного и развернулся.

Тим сам не понял, зачем это сделал. То ли сказался недавно пережитый стресс, то ли просто надоело быть умным и сдержанным. А скорее всего, вот уже час приближаясь по широкой спирали к месту назначения, Тим все еще не решил, действительно ли ему стоит туда идти. И оказался рад случайно подвернувшейся возможности стравить пар.

Так или иначе, но он подошел к зомби со спины и тихо сказал ему на ухо:

- А вот и я.

Зомби мгновенно захлопнул книжку и резко обернулся к Тиму. Луч от него не оторвался, наоборот, стал плотнее и задрожал отчетливее.

Тим не использовал угрожающих интонаций, не делал страшное лицо, он просто смотрел на меченого сверху вниз с тоской во взоре.

- Почему вы все такие мелкие, а? - спросил он.

- В чем дело, молодой человек? - осведомился меченый, старательно изображая недоумение.

- Понимаешь, - объяснил Тим задушевно, слегка "щелкнув" и сразу увидев, что меченый серьезно испуган, - вы все маленького роста.

- Молодой человек... - начал было возмущаться меченый, но Тим не терпящим возражений жестом заставил его умолкнуть. Он видел совершенно ясно: меченый боялся, и боялся именно его, Тима Костенко.

- Что, - спросил Тим, - фотку мою показывали, да?

- Я вас не понимаю... - пробормотал зомби упавшим голосом.

- Фотку мою показывали, - кивнул Тим. - А сказали, что меня нужно бояться, а?

Сказали?

- Оставьте меня в покое, я сейчас милицию позову, - пробубнил меченый. Луч по-прежнему буравил его голову, слегка расплываясь вокруг нее и смешиваясь с аурой зомби. Тим крепко взял меченого под руку. Он не понимал до конца, зачем ему нужно это представление. Более того, догадывался, что ведет себя глупо.

Потратив немало сил на то, чтобы разобраться с агентом Соколом и исчезнуть, теперь он нахально обнаруживал себя. Но Тим просто ничего не мог с собой поделать. Больно уж ему надоело убегать и выступать в роли жертвы. Захотелось немножко побыть охотником, загонщиком. Надолго вывести из равновесия и самого зомби, и тех, кто на другом конце луча. Пугалом и страхолюдиной почувствовать себя хоть на несколько минут.

- Не возникай, - посоветовал Тим, "щелкая" еще чуть-чуть, но не настолько, чтобы появился соблазн заблокировать и допросить меченого. - В рамочках держись, понял?

А то ведь я могу и разозлиться...

- Чего вы хотите? - брезгливо осведомился меченый. - Кто вы такой?

- А ты не знаешь...

- Представьте себе, понятия не имею!

- А это мы сейчас выясним, - ласково сказал Тим. - Мы с тобой сейчас гулять пойдем. Потопаем ножками напрямиком к тебе на явку. Туда, где ты с начальством встречаешься... И там я тебя отпущу. Если будешь себя хорошо вести.

- Послушайте! - взмолился меченый, деликатно и безуспешно пытаясь вырваться. Тим действительно был гораздо крупнее его. - Я вас не понимаю! Чего вы от меня хотите? Вы меня с кем-то спутали... Тим соорудил хищную гримасу. Он-то видел, что зомби его отлично понимает. Более того, ему действительно что-то было известно о Тимофее Костенко. Как минимум, он видел его фотографию. И совсем недавно, поэтому соответствующий информационный материал был в поле меченого свеж и отчетлив. "А ведь они меня наверняка в милицейский розыск объявили! - подумал Тим. - С них, гадов, станется. На что угодно пойдут, лишь бы мне жизнь испортить".

Луч по-прежнему охватывал голову зомби. Черная метка в ней трепетала и подпрыгивала. Тим подумал, каково сейчас операторам. Он был плотно экранирован от чужих следящих лучей, и операторы вряд ли могли "унюхать" его. Скорее всего их мысленному взору представлялось какое-то размытое пятно, непонятное и пугающее.

- Ты на связи, - сказал Тим. - Можешь передать им, чтоб отключились?

Меченый рванулся сильнее, и скользкая кожанка под пальцами Тима собралась в складки.

- Дай им отбой, если можешь, - посоветовал Тим. - И пойдем.

- Все, я зову милицию, - пообещал меченый и принялся озираться. Но милиции, как на грех, рядом не оказалось. Да и вообще народу на улице почти не было.

Тим сильно "щелкнул", установил с полем меченого "соглашение" и в долю секунды проглотил без малого четверть его позитивной энергии. Меченый открыл рот и принялся судорожно хватать им воздух.

- Осознал? - поинтересовался Тим. Меченый слабо кивнул.

- Они тебя точно убьют, - заметил Тим. - А я - не обязательно.

Выбирай, с кем сотрудничать. Будешь умницей, я тебя прикрою.

Зомби по-прежнему разевал рот, глаза его бегали. Агент не знал, как

себя вести, насчет подобных случаев его явно никто не инструктировал. И оборвать контакт он скорее всего не мог. В груди Тима закипала безрассудная ярость. Он все еще не понимал, зачем пристал к меченому. Более того, Тим был уверен что оператор на другом конце луча уже рапортует по команде, что засек объект "Стальное Сердце".

Но он не боялся этого. Ему просто надоело, что по улицам родного города шляются среди бела дня зомбированные личности. Он больше не мог этого терпеть.

Машинально Тим подготовил несколько шариков к выстрелу.

- Отпусти меня, - попросил зомби. - Отпусти, я никому не скажу.

Клянусь.

- Я тебя еще и не брал в руки, - снисходительно улыбнулся Тим. Он "дощелкнул" до необходимого уровня и резким ударом отрубил синий луч от головы зомби. Он и сам не ожидал, что это у него получится.

Меченый дернулся, на глазах у него выступили слезы. Луч плясал теперь, извиваясь, в полуметре от границы его поля. Тим, стараясь не удивляться, крепко "взял" меченого. Еще он ухватил его второй рукой, чтобы тот не упал.

- Ты кто? - задал он ставший уже привычным вопрос.

- Агент Кулик, - прошептал зомби, обмякая в руках Тима.

- Господи, сколько же птицы в Москве развелось! Я кто? Кто я такой, ты знаешь? - потребовал ответа Тим, все еще на что-то надеясь.

- Да...

- Отвечай, кто я?

- Объект "Стальное Сердце"...

- Ой-ё! - Тим в сердцах оттолкнул от себя меченого, и тот чуть не упал, но в последний момент уцепился за телефонную будку и заскреб ногами по асфальту, стараясь встать прямо. Луч по-прежнему мельтешил вокруг его головы, безуспешно пробуя на зуб выставленный Тимом экран.

Тим яростно тер ладонями глаза.

- Беги скорее, ты, мудака! прошипел агент Кулик, обеими руками пытаясь распустить тугой узел галстука, чтобы хоть немного отдышаться. Тим сильно "укусил" его биополе, и обрыв психотронного контакта тоже не прошел для агента безболезненно. - Тебя же засекли! Сейчас подъедут!

- Ты что, пожалел меня, что ли? - спросил Тим, не отнимая Ладоней от лица. - Я же Стальное Сердце, разве нет? Я же чудовище. Мутант.

- Ты мудака!!! - заорал агент и бросился наутек.

Временно утративший душевное равновесие Тим устало проводил его пси-взглядом. И оторопел. Луч, который тянулся за улепетывающим агентом как приклеенный, вдруг превратился в острую иглу. Коротким ударом он легко прошел небрежно поставленную Тимом легонькую защиту, рассчитанную от силы минут на пять блокировки. И ужалил агента Кулика прямо в черную метку.

Ноги бегущего зомби подогнулись, заплелись, и агент Кулик полетел физиономией в растущие вдоль тротуара кусты. Те спружинили, отбросили его назад, и Кулик с глухим стуком повалился навзничь. Аура упавшего свернулась вокруг солнечного сплетения, превратилась в рыжий мохнатый теплый комок, и ярким огненным столбом ушла в небо.

Тим стоял как вкопанный, наблюдая за смертью Кулика. Руки и ноги агента конвульсивно дергались, на брюках расплывалось темное пятно. Синий луч, хищно пританцовывая, втягивался сам в себя, на глазах укорачиваясь, вбираясь в стену дома. Тим шагнул вперед, занимая позицию,

слегка приподнял левую руку и зацепил мягким щупальцем конец вражеского луча.

К медленно затихавшему телу Кулика бежали через дорогу какие-то бабушки. Тим отошел за телефонную будку. Луч медленно рассасывался в воздухе, теряя цвет. И когда на месте луча повисла бледно-голубая дымка, Тим нащупал прочный контакт и дал очередь в пять шариков с левой.

Такого эффекта он не ожидал. Видимо, резонанс оказался хорош. На двенадцатом этаже блочного дома что-то глухо бухнуло, и окна угловой квартиры рассыпались стеклянной крупой. С душераздирающим звериным воплем перевалилось через подоконник скрюченное тело, рухнуло вниз и со звонким смачным шлепком разбилось о козырек подъезда.

На улице закричали. Вдалеке послышалась сирена. Следящий контур, уже несколько минут умолявший Тима делать ноги, теперь буквально впадал в истерику. Тим не спеша достал сигареты, закурил, сунул руки глубоко в карманы джинсов, повернулся и скрылся в проходных дворах.

Часом позже он вышел из метро на другом конце города. Купил две бутылки водки, одну запихнул в рукав куртки, вторую откупорил, сделал несколько глотков, утерся рукавом и сунул в зубы сигарету.

От водки его сразу "повело". Он здорово устал сегодня, перенервничал и остро нуждался в отдыхе. Утренние гости не дали ему ни выспаться, ни протрезветь.

Остатками сознания Тим понимал, что теряет адекватность и уже начал делать глупости. У Марианны, к которой собирался первоначально, он глупостей мог бы наделать еще больше. Например, размазать ни в чем не повинную женщину по стене.

Просто так, за дурость и неприкрытое блядство. Здесь, далеко от Проекта, со свежей водкой в желудке, Тиму стало немного легче. Но он все равно чувствовал себя опасным для окружающих. Неподалеку жил Кремер ("Когда он еще жил!" - поправился Тим), и это воспоминание тоже не добавляло радости. Единственным выходом было забраться на ночь в пригородный лес и там затихнуть. Предварительно нажравшись, чтобы не простудиться.

Нужно было только найти таксофон и сделать один важный звонок. Может быть, самый важный.

Ольга взяла трубку моментально.

- Оленька, солнышко! - позвал Тим.

- Господи! - выдохнула она.

- Милая, я люблю тебя, все потом, скажи мне только, где ты завтра, - протараторил Тим на одном дыхании.

- Тимка, что с тобой?

- Где ты завтра?

- Ох, я уж не знаю... Дурак! Я тут на стенку лезу, а ты!..

- Ты дома или где? Олька, я хочу тебя видеть безумно!

- Какая же ты сволочь! - произнесла Ольга с явно различимым облегчением.

Тим резко и сильно "щелкнул". Вспомнил предыдущий опыт и, прокатившись лучом-щупальцем по телефонной сети, без особого труда нащупал в пространстве мягкое и дружественное поле девушки. На мгновение он задохнулся от прилившей чуть ли не к горлу нежности. И холод в груди вдруг отступил.

Линию никто не прослушивал. Тим слегка расслабился, и они с Ольгой проболтали минут десять. Хорошего разговора все равно не получилось -

Ольга поняла, что с Тимом беда, и не то чтобы по привычке разозлилась, но как-то отчасти замкнулась в себе.

Тем не менее Ольга сама предложила выбраться завтра, в пятницу, на выходные за город, к ней на дачу. Они назначили место встречи, и Тим, рассыпавшись в извинениях, попрощался.

- Я правда люблю тебя, - сказал он гудкам в телефонной трубке.

Глотнул еще водки и пошел вперед, туда, где учуял лес. Зачем-то разогнал следящий контур до упора, накрыв им чуть ли не полгорода. Задумался почему-то о сенсах из "Новой Медицины" - сколько их еще встретится на его пути в обличье операторов Проекта... "А со сколькими из них мне придется воевать? Понятно, отчего я так не хотел идти к Марианне. Ведь двоих наших я уже прикончил. Наедине с ней я бы просто с ума сошел от таких воспоминаний. Эх, Коля..." И чуть не споткнулся от изумления.

Когда Кремер подошел к телефону и отозвался, Тим подпрыгнул от радости - А, это ты... - протянул Кремер. - Давненько не виделись. Я уж думал, Тимка меня совсем забыл. Ты где?

- Десять минут ходу.

- Керосину взял?

- А то!

- Ну... заходи.

- Ничего? - осторожно спросил Тим. Его уже "разобрало" от свежеевыпитого, и в душе проснулось нечто вполне человеческое. Он даже подозревал, что у него когда-то были среди людей друзья.

- Давай подваливай. Тебе будет интересно.

- Ну-ну... - протянул Тим, вешая трубку. У Кремера дома сидел еще кто-то, и этот "кто-то" был для него человеком совершенно особого рода. Хотя опасности гость не представлял, а для Тима сейчас другие критерии значения не имели.

Открыв дверь, Кремер рассеянно пожал Тиму руку, смерил его загадочным взглядом и чуть не выронил принятую у гостя бутылку, плотно "взятый" со всех сторон. Тим не мог поступить иначе. Ему нужно было разобраться. Он был невероятно счастлив, что не убил старого приятеля и коллегу. Сильный и талантливый сенс, да еще и заряженный Проектом, Кремер не должен был умереть от удара десятка шариков, и он не умер. Просто впал на несколько часов в энергетическую кому. Но... Тим застыл на пороге. Он еще из-за двери "унюхал" в квартире слабенького экстрасенса, то ли латентного, то ли недавно инициированного. То ли сильно побитого. Тим думал, что это Кремер.

А сейчас он сенса увидел глазами и слегка обалдел.

Сенс, уютно свернувшись в углу дивана, подобрал под себя одну ногу и невоспитанно болтая другой, тоже рассматривал Тима, и с не меньшим интересом.

Это была девчонка лет пятнадцати, тоненькая, с острыми и четко очерченными чертами лица. Стриженные под длинное "каре" темные волосы спадали ей на плечи, а карие глаза из-под челки так и сверлили Тима насквозь. Чуть вздернутый носик хищно "принюхивался".

Отстранив Кремера, Тим вошел в комнату и, уперев руки в бока, продолжил осмотр.

Девице эта игра явно понравилась, но сдержаться ей было тяжело - уголки тонкого рта поползли вверх в ехидной улыбке. Недавно инициированный сенс с мощным потенциалом, она пока еще не умела толком управляться со своим пси, тратила энергию необдуманно, с жутким

перерасходом, и от этого в комнате было душновато.

- Что, влюбился? - спросила девчонка тоном издевательским, но не оскорбительным.

Сзади неуверенно хихикнул Кремер. Тим повернулся к девице спиной и, ткнув в ее сторону пальцем, сказал:

- Где-то я ее видел. Не знаешь где?

- Нет, не видел, - покачал головой Кремер. Видно было, что он Тиму уже рад.

Скорее всего пришел к выводу, что визит Тима разрешит какую-то непривычно трудную для него проблему. "Господи, Коля, ты же больше не сенс! - с легким ужасом подумал Тим. - И ты ничегошеньки не помнишь... Наверное, они стерли тебе память, обнаружив, что ты потерял свое пси. А может... Может, это и к лучшему?!"

Ладно, хватит эмоций. Нужно сначала разобраться, что мы тут имеем..." Тим снова уставился на девчонку.

- Да определенно я ее где-то видел, - пробормотал он.

- Ну иди сюда, поцелуемся, - предложила мелюзга.

- Запросто, - ответил Тим и присел рядом с ней на диван. Девчонка, не ожидавшая, видимо, от него такой прыти, слегка отодвинулась.

- А что мне за это будет? - кокетливо осведомилась она. Тим мягко улыбнулся.

Рядом с ним сидела не девочка-подросток, а уже вполне оформившаяся маленькая женщина, совсем еще глупенькая, излишне самонадеянная, но чертовски привлекательная, хотя и совсем не в его вкусе. И еще - из нее со временем получился бы очень сильный и добрый сенс.

Кремер в дверях переминался с ноги на ногу, соображая, куда идти - то ли на кухню, где виднелся накрытый для чая стол, то ли к гостям, чтобы те паче чаяния друг другу чего-нибудь не сделали.

- Знаешь, что мне по жизни нравится, - заметил Тим, обращаясь к хозяину, - это когда всякие комплексы прячут за маской напускной легкости нрава. Терпеть не могу кисейных барышень и героических мужиков.

- Сам ты с комплексами... - обиделась девчонка. - Тоже мне... Микки Рурк недоделанный.

- Я что, похож на Микки Рурка? - всерьез обеспокоился Тим.

- Это Нина, - указал подбородком на девчонку Кремер. - Нина Самохина.

Тим вертел головой в поисках зеркала. Наконец он встал коленями на диван и, перегнувшись через спинку, заглянул в стекло книжного шкафа.

- Уф... - пробормотал он с облегчением. - Да ни капельки я на него не похож!

- А чем тебе Микки Рурк не нравится? - удивилась девчонка.

- Опять нажрался, дурак... - устало пробормотал Кремер и вышел-таки на кухню.

- Тебя бы на мое место! - агрессивно рявкнул Тим, не отрываясь от своего отражения. - Да нет, фигня какая... Не похож я на Рурка.

- У тебя глаза хитрые и внимательные. Как у него, - безапелляционно заявила девчонка. - И похож. Отец так прямо и сказал.

- А еще чего он тебе сказал? - пробормотал Тим неприязненно. Сравнение с Рурком его укололо. У этого актера была жесткая и чересчур агрессивная энергетика.

Потом до Тима дошло, что мелочь пузатая в подобных тонкостях еще не разбирается.

- Он много чего сказал, - сообщила мелочь пузатая. - Я тебя второй

день уже дожидаясь.

Тим автоматически глянул в сторону кухни. Потом впился глазами в лицо девчонки.

"Бедный Коля... Все-таки из Проекта не уходят. Теперь, значит, ты работаешь подсадной уткой". Кто такой "отец", Тим сначала не сообразил. А теперь понял - это распроклятый форсированный экстрасенс и нейрохирург Самохин.

- Папа весточку прислал... - задумчиво произнес Тим. - С девочкой. Наш добренький папочка... - Значит, так, - Нина повелительно хлопнула ладонью по диванной подушке. Ей еще не надоело играть, но Тим уже достаточно навывпендривался для того, чтобы вызвать к себе негативное отношение. - Я не знаю, что ты там себе навоображал. Но я тебе не девочка, и либо ты меня будешь слушать, либо я тебя заставлю.

От такой наглости Тим вытаращил глаза и застыл. На кухне Кремер, открыв от восторга рот, подслушивал. Сегодня он проснулся утром совершенно разбитый, больной и решил никуда не ходить, а полежать себе дома. Тем более что представления о том, нужно ли ему куда-нибудь, не было ни малейшего. А было как-то все непонятно и совершенно до лампочки. И тут ему на голову свалилась эта... это... существо. С заявлением, что она здесь устраивает засаду на некоего Тимофея Костенко и он, Николай Кремер, будет ей в этом всячески помогать. Потому что дело плохо, и только Костенко может выручить. А он придет, не сегодня, так завтра, не завтра, так на днях.

Кремер не понял, отчего согласился со всем этим бредом. Он просто вдруг ощутил, что так будет правильно и Нине действительно требуется его помощь. Более того, ему вдруг стало так хорошо, как будто он всю жизнь мечтал приютить и обогреть совершенно незнакомую девицу, к тому же не достигшую совершеннолетия. Он накормил ее, усадил перед маленьким телевизором на кухне, а сам вдруг снова почувствовал усталость и прилег. Тут же вырубился, и ему приснилось, что он эту юную прелестницу зверски насилует во всех доступных воображению формах.

Проснулся Кремер от поллюции, мокрый, злой и угрызаемый совестью.

Спросонья он был с девчонкой не особенно ласков, недоумевая, какого черта впустил ее в дом. А потом ему вдруг стало с ней комфортно и легко. И он упоенно болтал с Ниной обо всякой ерунде, пока не позвонил Тим.

***

- Отец сказал, чтобы ты ни в коем случае не звонил ему, - говорила Нина, не глядя на Тима и притопывая ногой в такт словам. - Он сам позвонит, в субботу или воскресенье. На выходные его должны отпустить. Он сюда позвонит, нам нужно быть здесь. Он сказал, что это безопасное место.

- Так, - кивнул Тим, ощущая растущее беспокойство. Он "щелкнул", просканировал ауру Нины, но опять не разглядел никаких аномалий. Следящий контур тоже молчал.

Тем не менее Тиму было неуютно. Он чувствовал, что девчонка неумело, скорее бессознательно, чем по злему умыслу, старается подавить его волю методами пси. В этом не было бы ничего удивительного - многие латентные сенсы ведут себя так - если бы не преувеличенная серьезность тона девушки и жесткость построения фраз.

Еще несколько минут назад она вела себя естественно. А теперь - нет.

- Я не знаю, как ты к этому отнесешься, - сказала Нина, по-прежнему не глядя Тиму в глаза. - Это не я тебя прошу, это отец просит. А я ему верю, понимаешь?

Он хочет, чтобы ты за мной присмотрел. Он именно так и выразился: "присмотрел".

Он сказал, что ты все знаешь, все понимаешь и не откажешься. А к выходным он все уладит и свяжется с нами. И все будет нормально. Вот так он сказал. Ты что-нибудь понимаешь? Я - нет. Может, ты мне объяснишь?

- Да-да, погоди... - рассеянно пробормотал Тим. У него уже накопилось слишком много вопросов для того, чтобы еще и слушать, что там лепечет этот ребенок, используя взрослые конструкции и слова. На его взгляд, Нина не была зомбирована.

"Но мало ли способов заставить человека делать то, чего он не хочет... Девчонка очень естественно себя повела, когда меня увидела. Ни малейшего испуга, только острый интерес. А вот сейчас с ней что-то происходит. Я уверен, что ее прислал не Самохин. Ее сюда загнал Проект. Но каким образом? И почему именно ее?" Тут размышления Тима прервал неожиданный звук. В комнате громко пискнуло.

Это отбили час большие электронные часы на левом запястье девушки. Тим машинально посмотрел на свои, задумался, почему у него на часах всего лишь полдесятого, и чуть было не прозевал выстрел.

Тим блокировал двигательные реакции Нины буквально в последний миг - и фиолетовая молния распоролла воздух прямо у него перед носом. Некоторое время Тим сидел, тяжело дыша, и даже "принюхаться" не пытался, что там происходит справа, откуда пытались выстрелить из "коробочки" ему в висок. Он был в легком шоке. В комнате пахло озоном.

- Вы чего там притихли? - позвал с кухни Кремер. - Целуетесь уже?

- Я сейчас! - с трудом выдавил Тим, собрался с духом и посмотрел направо - и глазами, и в измерении пси.

Девушка застыла, подняв руку с часами на уровень головы Тима. В торце корпуса часов, между регулировочными кнопками, виднелось отверстие, явно для этого механизма инородное. Тим покачал головой, старательно исследовал часы и по остаточному излучению понял, что стреляли именно они. Это был миниатюрный однозарядный СВЧ-излучатель, настолько компактный, что Тим его просто не "унюхал".

В ауре девушки по-прежнему не было никаких аномалий. Пытаясь установить, что же с Ниной сделали, Тим настолько разволновался, что даже пустил в ход руки, пытаясь мягкими пассажами нащупать инородные кластеры в ее волновой структуре.

Ничего. Перед ним сидела абсолютно здоровая девушка-сенс, по-прежнему теплая, спокойная и привлекательная, с полем сочных оранжевых тонов.

Тим поднялся и зашагал по комнате взад-вперед, не прерывая контакта с исследуемым объектом и пробуя унять дрожь в коленях. Ему было страшно. Он впервые увидел воочию существо с бинарной психикой и не смог вычислить его опасность для себя методами пси. Скорее всего для программирования этого зомби использовался гипноз. Так или иначе, а на этот раз Тим не "унюхал" беды. Он просто догадался, что дело нечисто. И едва-едва успел спастись.

Тим вышел на кухню и устался на Кремера. Тот прихлебывал из кружки чай и рассеянно улыбался. Смотреть на этого нового Кремера было жутковато. Тим старательно подавил эмоции. "Истеричен я стал до безумия. Не ровен час, расплачусь. И в общем, есть от чего. Как же я тебя, Коля,

изуродовал! Похлеще, чем бог черепаху. Хотя если вспомнить, как ты от Проекта свое "вознаграждение" получал... Эх, ладно! Не хватало мне еще с Проектом сволочизмом мериться.

Главное - ты живой".

Тим налил себе чайной заварки, выпил, погонял ее во рту и с гулким бульканьем проглотил. Страх не улегся и после водки, но Тим надеялся, что она просто еще не подействовала. Тим внимательно "обнюхал" Кремера, и ему слегка полегчало.

Какое-то легонькое пси из Николая все-таки пробивалось. Конечно, он пережил сильнейший шок, а потом еще весь день проторчал под мощным, но неприцельным экстрасенсорным воздействием. Это его обработала Нина. Тим представил себе, что девчонка творит с одноклассниками и учителями, и невольно поморщился. Латентный сенс не отдает себе отчета в том, каким образом добывается своего. Он просто знает, как себя вести, чтобы все получилось. Вот и на Кремера девочка наехала методами пси, сама того не подозревая. А в том, что сюда прислали именно ее, ничего удивительного не было. Проект начал расставлять на Тима капканы и брать заложников.

"Ох, проклятье! - Тим, приоткрыв рот, уставился на Кремера. - А как там остальные? Как Заяц, как Володька Гульнов? Да нет, их-то скорее всего не тронули. Проект знает, что я к ним прятаться не пойду. У них семьи, а Проект в курсе, что я не стану подвергать опасности ни в чем не повинных людей. Хотя тут-то Проект, наверное, отстал от жизни. Я теперь кого хочешь на уши поставлю..." - Ты чего на меня так вылупился? - удивился Кремер.

- Да так... Задумался.

- Что с ней-то делать? Похоже, у нее беда какая-то.

- Трахнуть ее надо, и все тут. Не хочешь? Ладно, шучу. Сиди тут, я разберусь.

Понял?

- Угу... - Кремер уткнулся носом в кружку.

- Водку пей, - посоветовал Тим. - Полегчает. Накати полбанки и спать ложись.

Завтра встанешь как новенький.

- Да? - Кремер неуверенно глянул на Тима снизу вверх, и тот отвел глаза.

Обнаружив, что у Николая остались шансы заново обрести себя, Тим слегка воспрял духом. Но все равно находиться рядом с этим обмылком ему было нелегко. "Да и бежать пора. А то ведь сейчас Проект сюда явится во всей своей красе".

- Ладно, я сейчас. Не забудь насчет водки. Тим заглянул в комнату и растормозил Нину. Освободившись от блока, девушка подпрыгнула и принялась затравленно озираться. Увидев Тима, она подскочила вновь и испуганно вжалась в спинку дивана.

- Так, - сказал Тим. - Батарейки сели. Программа кончилась.

Нина широко раскрыла глаза, и Тим отметил, что она действительно очень мила, хотя и совсем еще девчонка. Окажись Тим рядом с такой очаровашкой год-другой назад, пришлось бы крепко взять себя в руки, чтобы не пытаться ее соблазнить.

Все-таки несовершеннолетняя...

- Узнаешь меня? - спросил Тим.

Девушка осторожно помотала головой. Похоже было, что у нее действительно кончилась программа. Тим, "щелкнув", зафиксировал ее

растерянность, испуг и готовность драться. Он заложил руки за спину, покачался с носков на пятки и пришел к выводу, что все правильно. Оказавшись невыполненной, программа самоуничтожилась. Фиг теперь докажешь, что она вообще была.

- Ты хоть в курсе, как тебя сюда занесло?

- А ты что, следователь? - мгновенно среагировала девчонка. Тим рассмеялся. Вот такую он ее уважал.

- Я сказочный принц Слыхала о таких?

- Что-то не похож, - презрительно сверкнула глазами девушка. Она по-прежнему озиралась, но сидела уже свободнее и, как заметил Тим, драться больше не хотела.

Зато она бессознательно наращивала пси, собираясь взять ситуацию под контроль.

Тим уже чувствовал легкое давление. "Интересно, а ей случалось с перепугу отправлять людей на тот свет?" - подумал он, и его тут же скрутило от отвращения. В этом бестолковом и самонадеянном маленьком сенсе он увидел себя десять лет назад, того себя, которого ненавидел и презирал.

- Это я-то на принца не похож? - притворно возмутился Тим, упирая руки в бока.

- Ты не наезжай! - заявил с кухни Кремер, звякая стеклянным. Кажется, он выполнял совет Тима и сейчас наливал себе в стакан.

- Коля! - позвала девчонка. - Иди сюда! Ты чего там спрятался?

Тим усмехнулся. Программа оказалась многослойной. А вот следов ее он по-прежнему не видел. Наверное, это действительно был какой-то сложный гипноз. "Тоже интересное открытие. Я бы над ним поразмыслил, только нужно спешить. Проект с минуты на минуту должен выйти на контакт со своим роботом. Чтобы организовать транспортировку безвольно обмякшего тела некоего Костенко. Или удостовериться в том, что объект "Стальное Сердце" еще не появлялся".

- Ты откуда Колю знаешь? - поинтересовался Тим.

- Да так... А вот откуда вы здесь взяли, принц?

- На серебряном коне прискакал. Ну-ка, красавица, вали отсюда.

- Чего? С какой это стати ты здесь распоряжаешься? Я к Коле пришла, не к тебе, кажется.

- Дуй отсюда, пока цела, - Тим начал всерьез закипать, распаяя себя нарочно.

Ему очень хотелось вытолкать девицу за дверь и посмотреть, куда программа ее дальше погонит. На всякий случай Тим мягко заблокировал Кремера, чтобы тот не вмешивался.

- Коля! - позвала Нина. - Ну где ты там застрял?! Убери от меня этого психа! Или я уйду!

- Отличная идея, - кивнул Тим, угрожающе надвигаясь. - Давай мотай.

- Да пош-шел ты! - Девушка вскочила.

- Сама пошла, - посоветовал Тим ласково~ И быстро. Он таки вывел Нину из равновесия. Она уже не пыталась контролировать энергетику ситуации, ей действительно хотелось уйти.

- Умница, - кивнул Тим. - Не останавливайся. Давай быстренько, ножками, пошла на х...й.

Четкое указание направления движения Нину добило. Она проскочила мимо Тима, воткнула ноги в кроссовки, сорвала с вешалки потертую кожанку, сунулась было на кухню, но наткнулась на стеклянный взгляд окаменевшего

Кремера и тоже застыла.

- Пошла на х...й, - тихо повторил Тим.

Девчонка повернулась к нему с явным намерением бить, но Тим сделал неприличный жест. Глаза у Нины заблестели от слез, она пулей выскочила из квартиры, захлопнула дверь и с грохотом поскакала вниз по лестнице.

- Тяжело со взрослыми общаться, - вздохнул Тим соболезнующе. Он подпитал следящий контур, быстро просканировал остальные уровни своего поля, нашел, что опасности пока нет, а пси работает нормально, и "отпустил" Кремера, который моментально схватился за стакан.

- Значит, так, отец, - сказал ему Тим, выходя в прихожую. - Ты меня не видел, ничего не знаешь, не был, не участвовал, не привлекался.

- погоди, Тим! Останься! - промычал Кремер через сигарету, закуривая.

- Я вернусь, - пообещал Тим, внутренне содрогаясь от мысли, что этого не будет.

И вышел.

На лестничной клетке он еще плотнее обычного заэкранировался от пси-сканирования. Нырнул в соседний квартирный блок и встал за угол. Потому что по лестнице поднималась Нина. Не заметив Тима, она свернула к двери Кремера и нажала кнопку звонка. Все было ясно. Тим осторожно выскользнул на площадку и пошел вниз.

***

- Я так и знала, что ты в бегах, - вздохнула Ольга, разглядывая небритую физиономию Тима. - Что же ты делаешь, сумасшедший... - А у тебя есть другие идеи? - грустно спросил Тим. - Посоветуй.

- Все равно я тебя люблю. Какая же я дура! Но я тебя люблю... - Ольга крепко обняла Тима и спрятала лицо у него на груди. Тим осторожно ткнулся носом в ее пышные светлые волосы, и по телу его пробежала дрожь. Наконец-то рядом был друг.

В электричке Тим мгновенно заснул. Ему так и не удалось выспаться - ночью он попытался забраться к себе в квартиру, но перед домом обнаружил сразу три поста наблюдения, и во всех люди были вооружены "коробочками". Идти напролом Тим не рискнул, он был слишком утомлен для этого, и некоторое время осторожно маневрировал, обходя посты. Пока не наткнулся во дворе на давешний грузовик с надписью "Техпомощь" на борту. Грузовик был накрыт плотным экраном и "на нюх" воспринимался с трудом, что Тима неприятно поразило. Видимо, Проект начинал соображать, с кем имеет дело. Тем не менее Тим погулял вокруг грузовика с четверть часа, установил "соглашения", аккуратно пробил экран и расстроился окончательно. В кузове-фургоне имелся оператор со сканером, куча аппаратуры загадочного назначения и одна вещь, функцию которой Тим осознал мгновенно, хотя видел такую штуковину впервые и вообще не подозревал, что она может быть на свете.

Это оказалось устройство, о котором даже вконец сбрендившие беглые зомби говорили только шепотом. Настоящая, без оговорок, психотронная пушка. Не генератор, нуждающийся в руках экстрасенса, а полностью автоматизированное микроволновое оружие. За его пультом управления вроде бы никто не сидел, но оператор сканирующей установки несколько раз обращался к этому пустому месту и разговаривал с ним, как будто там был человек.

Изумленный Тим буквально прилип к фургону и потратил остатки сил на

то, чтобы разобраться, в чем там дело. И пришел к выводу, что за пушкой тоже кто-то есть, но "унюхать" его невозможно. А значит, и поразить - тоже. Цель, которую не брал "на нюх" Тим, не заметил бы и проигнорировал даже шарик. Наконец-то Проект усадил возомнившего о себе экстрасенса Костенко в лужу по всем статьям.

Геопатогенная зона под домом помнила Тима и была к его услугам. Но врезать ее излучением по фургону, чтобы все там внутри к чертовой матери расплавилось, означало тут же впасть в энергетическую кому, столько для этого потребовалось бы усилий. Вконец расстроенный, Тим отступил. Он совершенно вымотался, у него не хватило пороха даже на то, чтобы вломиться переночевать в чью-нибудь квартиру.

Ему отказывались повиноваться даже бублики, жизненно необходимые для подпитки следящего контура. Тим был подавлен, у него опускались руки. И он отлично знал причину депрессии. Ему было страшно идти на встречу с Ольгой.

Девчонка-зомби с многослойной психикой ужаснула его так, как не пугали даже ночные голоса, когда он впервые услышал их год назад. Вербольф из повторяющегося кошмара, жуткий зверь, с которым, быть может, Тиму еще предстояло встретиться, не заставлял его так дрожать и бояться. До Тима вдруг дошло, что он больше никому на свете не может доверять. Раз его дар не безупречен, раз некоторые категории зомби не определяются методами пси, то самым разумным для Тима было бы немедленно оборвать все свои прежние контакты и бежать. Желательно - из страны, а еще лучше - на какую-нибудь другую планету.

Потому что теперь в любой момент самый близкий человек мог измениться в лице и ударить Тима сзади по голове. Может, один раз, другой, третий удастся вовремя отскочить. Но однажды "щелчок" следящего контура запоздает. И тогда - психотронная пушка, которую не взорвешь даже сотней шариков, и экранированный человек за ее пультом, которого не "укусишь". И конец всему.

Тим ежился от ночного холода на грязной лестнице в сыром подъезде, грыз ногти и мучительно искал выход. К рассвету он впал в отчаяние. Утром решил - будь что будет. Пришел на вокзал, дождался Ольгу и сказал: - Здравствуй, солнышко.

А теперь он спал, и его изголодавшееся поле, живущее во время отдыха само по себе, жадно тянуло на себя энергию, откуда только могло. К счастью, ехать нужно было всего полчаса, и энергетический "пылесос" не успел выйти на режим. Ведь ближе всех к нему была та, у кого Тим совсем не хотел воровать энергию. Теплая, сильная и дружественная женщина, которая любила Тима и которой он доверял.

Точнее, рискнул довериться.

ЧАСТЬ V

СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

5 мая - 14 мая, 20 августа 1991 года

- А что ты скажешь, если я попрошу разрешения здесь, э-э... задержаться? - спросил Тим в воскресенье ближе к вечеру.

Ольга приподнялась на локте и заглянула ему в глаза. Закатное солнце через окно светило ей в спину, и Тим невольно улыбнулся, таким

прекрасным было лицо девушки в ореоле горящих золотом волос.

- Да запросто... - произнесла она задумчиво. - Мои сейчас заняты, раньше чем через месяц они сюда носа не высунут. Поешь я тебе приготовлю чего-нибудь впрок, магазин в поселке, ты знаешь где. Сейчас барахло отцовское разберу, подберем тебе одежонку, не будешь же ты в одном и том же ходить... А у нас в агентстве затишье, я смогу приезжать часто, ехать удобно... Деньги есть у тебя?

- Есть немного, на какое-то время хватит.

- Ладно, придумаем что-нибудь. Слушай, а твои? Они вообще в курсе, что происходит?

- Ну как тебе сказать... С матерью я на днях по телефону говорил. Она думает, что я ложусь в этот самый Институт на обследование. Рада безумно. Так что, допустим, неделю они беспокоиться не будут. Вот ведь дал бог родителей, а?

- Это ты их довел, милый. Извини, но ты кого хочешь сломаешь... - И тебя?

- И меня. Ладно, не будем.

- Извини.

- Ничего, - она прильнула к нему всем телом и мягко поцеловала в небритую щеку.

- Колочка моя любимая... Знаешь, я отпрошусь, пожалуй, и в среду вернусь сюда до конца недели. Может, порисую немного, тряхну стариной. Здесь так тихо... - Здесь действительно тихо.

- Ну а что ты хочешь, это же старые дачи, еще довоенные. Большие участки, люди спокойные. Ты соскучился по тишине, да?

- Понимаешь... - Тим сел на кровати и, обхватив себя руками за плечи, уставился на закат. - Здесь во всех отношениях тихо. И очень чистое место по энергетике.

Никаких отвлекающих факторов, никакого мусора. Отношение сигнала к шуму почти нулевое. А мне очень нужен один интересный сигнальчик как следует "обнюхать"... - Ты что-то чувствуешь?

- Помнишь, как-то однажды... Ну, когда меня по голове трахнули. Я тогда сказал тебе, что мечтаю - прилетела бы тарелка и забрала меня отсюда к едрене-матери... - Да, - прошептала Ольга, взглядываясь в его лицо.

- Ты не передумала? Насчет того, чтобы я взял тебя с собой?

- В чем дело, Тим?

- Понимаешь... А, ч-черт! - Тим откинулся назад и твердо посмотрел ей в глаза. - В общем, мне нужно здесь отсидеться вовсе не потому, что я боюсь Проекта. Я за эти дни, спасибо тебе, набрался сил. Я в отличной форме. Вот, смотри. - Он протянул вперед ладонь, слегка напрягся, и через несколько секунд в его руке проступили очертания белого с голубым бублика.

Ольга чуть отстранилась. Она все еще не могла привыкнуть к тому, что ее возлюбленный немножко не в себе.

- Что это? - спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Как сказал бы один мой знакомый биоэнергетик, это тороидальный микролептонный кластер. Но поскольку я не доктор физматнаук, то называю эту штуку бубликом.

Вполне безобидная форма материи. Даже полезная. Заряжает батарейки. Я их за эти два дня штук сто, наверное, слопал. Потрогай.

- Спасибо, я потом как-нибудь, ладно?

- Глупышка. Привыкай.

- Там, куда ты собрался, мне придется все время с ними иметь дело? - осторожно спросила Ольга.

- Главное, мы будем вместе и в полной безопасности.

- Где это?

- Далеко. Но у меня нет выбора. Проект от меня не отступится. Он уже прибрал к рукам всех активных московских сенсов. Более того, начинается инициация совсем молодых, почти детей. Затеваются что-то невообразимое, и мне в одиночку эту лавину не остановить. Лет через пять-шесть, а может, и раньше, в Советском Союзе наступит Золотой Век. Будет построено абсолютно счастливое, идеально управляемое общество. Полное единomyслие, безусловное одобрение и даже обожание властей. А к середине двадцать первого века КГБ будет править миром.

Девушка откинула одеяло, спустила ноги с кровати и потянулась за одеждой. Тим улегся на живот и заморожено глядел, как исчезают под тканью обожаемые им ноги, золотистый островок между ними, гладкий молодой живот, упругие чуть тяжеловатые груди...

- Ты прекрасна... - прошептал он.

- Пойдем вниз чай пить, - сказала она.

- ...хотя не исключено, что сбудется пророчество Нострадамуса, - размышлял Тим вслух, спускаясь по лестнице на первый этаж. - Если старик Мишель не ошибся и если ученые правильно расшифровывают его записи, то Генриху Счастливому уже десять лет.

- Это кто? - спросила Ольга безразлично, накрывая на стол.

- Будущий гениальный воитель и президент Объединенной Европы. Понимаешь, по Нострадамусу, в двадцатые годы следующего века начнется страшное мочилово по всей планете. Белые против черных, желтые против всех, мусульмане тоже... против всех. Самое интересное, что, если верить Нострадамусу, все эти армии будут транзитом идти через нашу территорию. Мало не покажется. Но Генрих победит, и те, кто останутся живы, об этом не пожалеют. Во всяком случае, если воспринимать Нострадамуса всерьез.

- А если нет? - по-прежнему безразличным тоном произнесла Ольга.

- А если нет, - вдруг разозлился Тим, - тогда командовать будут наши. И разведут "совок" на всю планету. Ты Оруэлла читала? Это что, лучше, по-твоему? Когда весь земной шар трясется над тем, как бы половчее талоны отоварить?!

- Да уж! - впервые улыбнулась Ольга с момента, когда Тим продемонстрировал ей бублик. - Это будет весело... Давай садись... декабрист!

- В Сибирь за мной поедешь? - мгновенно спросил Тим, подходя к ней ближе.

- Ты это серьезно? - выпрямилась Ольга с чайником в руке.

- Отдай посуду, уронишь. - Тим отобрал у нее чайник, сунул его, не глядя, на стол и попытался обнять девушку. Она увернулась, переставила чайник на подставку и, закусив губу, принялась рассматривать Тима, будто увидела его впервые.

- Надвигается беда, - сказал Тим серьезно.

- Перестань меня запугивать, - попросила Ольга.

- Надвигается беда, - повторил Тим. - Так или иначе, а ее не избежать. Не психотронная война будет, так ядерная. Но я подозреваю, что нам есть где спрятаться. И может быть, из этого убежища получится не только наблюдать, но и влиять на происходящее. Затормозить этот процесс,

а то и обратиться во благо.

- Все-таки у тебя мания величия, - произнесла Ольга задумчиво.

- Я просто в курсе, что творится, - покачал головой Тим. - Я сенс. Я это нюхом чую.

- Да что ты там унюхал?! - взорвалась Ольга. - Ну что?! Тим присел за стол и аккуратно разгладил скатерть перед собой.

- Вот уже вторую неделю меня кто-то зовет, - произнес он тихонько. - Источник сигнала далеко на востоке. Где-то в предгорьях Урала, как я понимаю. И сигнал подает друг. Оттуда исходит такое... Понимаешь, солнышко, на этом языке нельзя врать. У биоэнергетики природа другая, она для обмана не приспособлена. А я чувствую, что там, откуда идет сигнал, нас ждет убежище. Надежное, комфортабельное и на всю жизнь. Раз я это чувствую, значит, так оно и есть.

Конечно, это не летающая тарелка какая-нибудь, не чужой корабль. Их, наверное, вообще на свете нет.

- И на том спасибо, - пробормотала Ольга.

- Но там друг, - твердо произнося слова, уверенно сказал Тим. - Друг, который обеспечит нас всем необходимым. Он такой... Гуманный в лучшем смысле этого слова. Теплый, сильный, очень умный. И... - Тим запнулся и весело блеснул глазами. - И мохнатый, - заключил он.

- Сам ты мохнатый, - вздохнула Ольга, садясь напротив и принимаясь разливать чай.

Тим забарабанил пальцами по столу. Ольга придвинула ему чашку. Он благодарно кивнул, но к чаю не притронулся.

- В общем, или я уеду, или я останусь здесь, - сказал он после минутного раздумья.

- Уезжай, - посоветовала Ольга не без вызова в голосе.

- С тобой.

- Тимка, ты не понимаешь, о чем меня просишь.

- Да, наверное, не понимаю, - сказал Тим с неприкрытой горечью.

Ольга отставила чашку, протянула через стол руку и накрыла ладонью нервно подрагивающие пальцы Тима.

- Ты необыкновенный человек, Тимка, - сказала она. - Я не хочу тебя потерять. Но ты своей просьбой... Понимаешь, есть ведь еще и мои интересы. Верно?

- Если ты останешься здесь, у тебя уже не будет собственных интересов.

- погоди, не перебивай. Мне двадцать три. И сейчас, пока есть возможность, я хочу позаботиться о своем будущем. Раньше все было просто, все было рассчитано на сто лет вперед. Я бы делала свой промдизайн в какой-нибудь конторе, рисовала для души картинки... Замуж вышла бы... Теперь все не так, все сложнее, но зато и возможности совсем другие. Понимаешь, Тим, если дальше все пойдет, как идет, то реклама в Союзе будет развиваться с огромной скоростью. И если я не буду дурой...

- Вот уж кем ты не будешь.

- Точно. Я скорее буду стервой. В общем, Тим, все идет к тому, что через год у нас с одной девчонкой будет на пару свой бизнес. Дизайн-студия. И полиграфия.

Календари, плакаты, макетная реклама. Понимаешь, Тимка, мне слишком дорого обошлось то место, которое я сейчас занимаю. Мне слишком здорово пришлось себя переломить. Я-то мечтала совсем о другом, ты же знаешь... Но зато если я не поведу себя глупо, то рожать буду в хорошей клинике и

у моего ребенка будет все.

- Это что-то позитивное, - улыбнулся Тим. - Я-то думал, что ты вообще рожать не хочешь.

- А сегодня, милый, рожать никто и не собирается. Кого хочешь спроси. Ты пойми меня... - Я понял.

- Тимка, я правда тебя люблю. - Ольга встала, подошла к Тиму сзади и снова запустила руки в его волосы. - Пожалуйста, Тим... - прошептала она. - Давай больше не будем об этом, ладно?

- Ладно, - вздохнул Тим. - Только ты все-таки подумай, хорошо?

- Хорошо. А может, все уладится как-нибудь, а?

- Уладится, - кивнул Тим покорно. - Как-нибудь, да уладится.

Непременно. В ту или иную сторону. Тем или иным образом.

- Заткнись, - сказала она, наклонилась и поцеловала его так нежно, что Тим чуть не зарычал от предчувствия расставания, которое ждет впереди.

***

Кончался вторник, и Тим сидел у открытого окна, любуясь закатом и стараясь не обращать внимания на зов, настойчиво стучащийся в затылок. Этот новый фактор ощутимо сбивал его с толку. Он принес в его жизнь смутную надежду на спасение, на компромиссный вариант, когда и Проект будет сыт, и Тим останется цел. Но все равно хотелось сбежать в город, где выше уровень энергетического шума и зов не так явственно слышен.

Характер сигнала по-прежнему не вызывал у Тима сомнений. Передачу вел друг, возможный покровитель, располагающий запасом времени и колоссальным терпением.

Он будет ждать, пока Тим не придет или не ответит решительным отказом. И он еще не знает, что его "унюхали", поэтому наращивает потихоньку мощность сигнала.

Несколько раз Тим пытался ответить, посылая на той же волне устойчивые конкретные мыслеобразы. Но его ответ то ли не слышали, то ли не смогли дешифровать. Это вызывало у Тима множество вопросов, на которые он пока что даже не пытался искать ответы. Так или иначе, зов имел место. А значит, кому-то в этом мире Тим Костенко нужен. И кто бы там ни засел в тайге - именно в тайге, кругом деревья, - он хороший. И с ним не пропадешь.

Единственное, чего Тим не понимал, это зачем он кому-то понадобился. Сигнал посылала некая родственная душа. Теплая и... мохнатая на ощупь. Такой энергетический рисунок Тиму доводилось видеть очень редко, им обладали, как правило, редкие по силе и добродушию люди. Как, например, сенс и тяжелоатлет Васнецов. Правда, только пока его не "покусал" оператор Проекта. Тут-то Васнецов быстренько стал гладкий и холодный, да еще и весь в мелкую дырочку... Тим с хрустом потянулся, задумался, не пора ли ужинать, и вдруг почувствовал, что от станции к дому идет Ольга.

Сначала Тим обрадовался. Он не ждал Ольгу раньше завтрашнего дня и успел по ней соскучиться. Потом он насторожился. Ольга была сильно не в духе, ее кто-то серьезно расстроил. И этот "кто-то" был он сам. Тим вышел из дома, пересек участок, присел на скамейку у калитки и почти сразу увидел свою любимую. Ольга, глядя под ноги, медленно шла по тропинке. Устало и расстроено шла.

"Это я все угробил, - подумал Тим, глядя, как понуро опущены плечи

девушки. - Растрепался о конце света, урод... А что делать? Пусть я лучше останусь в ее памяти очаровательным шизофреником. Умным, добрым, нежным. С которым пришлось расстаться из-за того, что обострилась его болезнь. Ведь если я уйду из ее жизни в ореоле мученика... Не скоро она тогда полюбит другого. А я все-таки обязан заботиться о ней, думать о ее будущем. Мне ведь, собственно, не о ком больше думать... Никого у меня нет". Тим почувствовал, что сейчас от этой вселенской жалости разревется, и приказал внутреннему голосу замолчать. С тех пор как на Тима навалился Проект, он стал не в меру слезлив, и это его беспокоило. Плакать он терпеть не мог и ненавидел, когда плачут другие.

- Здравствуй, - сказал он, вставая навстречу Ольге.

- Тимка... - Она подняла глаза и остановилась. Тим взял ее руки в свои, поднес к лицу и поцеловал сначала одну, потом другую. Ольга устало потрепала его по голове, и тогда он ее крепко-крепко обнял, ткнулся носом ей куда-то в шею и затих.

- Тимка... - повторила Ольга.

В доме она сначала натыкалась на мебель, бесцельно переходя в молчании из комнаты в комнату, пока Тим не усадил ее и не спросил:

- Ну?

Ольга посмотрела на него, и Тим увидел, что ее глаза блестят от слез. Не зная, что делать, он просто рухнул перед ней на колени и замер.

- Скажи, - начала она негромко, - ты ведь не давал моего телефона никому, правда?

- Разумеется. Моя личная жизнь никого не касается. Ни при каких обстоятельствах.

Если бы я собирался дать кому-то твой телефон... - У вас с отцом похожие голоса? - перебила она его.

- Так! - Тим поднялся с колен и заходил по комнате. - Куда он тебе звонил?

Домой?

- На работу. Похожие, да?

- Да не похожие они, солнышко. Одинаковые. По телефону вообще не отличишь.

- Понимаешь... Я сначала решила, что это ты звонишь, чтобы меня разыграть. А он сказал, что он твой отец... Тим, заложив руки за спину, глядел в окно. Солнце ушло за горизонт, но Тим и сквозь толщу земли прекрасно видел его белый плоский диск.

- Значит, папочка... - вздохнул Тим. - И что он сказал? Чтобы я шел сдаваться?

Да?

- Тима... - прошептала Ольга. - Иди ко мне, пожалуйста. Обними меня. Мне страшно, Тим.

Тим сел рядом и прижал девушку к себе, чувствуя, как сильно бьется у нее сердце.

- А я ведь тебе не верила... - услышал он. - Да... Тебя ждут завтра. Он не сказал так прямо "сдаваться". Он только сказал, что если ты не хочешь за решетку, то должен прийти... Знаешь, Тим, он был ужасно злой. Я думала, он меня просто съест. Из трубки выскочит и загрызет. Но он только прорычал - Битцевский лесопарк, верхняя аллея, тринадцать часов. Ты должен войти в лес и идти по аллее прямо, а тебя встретят. И будет серьезный разговор. Вот так он сказал. Тим... Я не понимаю, извини, а при чем тут "за решетку"? За что?

- Ой, придумают, за что, - скривился Тим. - Вспомни, пожалуйста, он ничего больше не говорил?

- Да ничего, какие-то общие слова. Что это твой последний шанс. Еще какая-то ерунда... - Ну-ка, милая, вспоминай все до буковки. Это может быть важно.

- Но я уже все сказала. Понимаешь, мне так страшно было... Ну, он сказал - передай Тиму, что если не хочет за решетку, должен прийти тогда-то и туда-то. С ним будет серьезный разговор. Это его последний шанс. Я хотела переспросить насчет места, ну, чтобы не перепутать, а он сказал - не бойся, Тимка место знает лучше всех, не застрянет...

- Есть! - воскликнул Тим.

- Что? - обескуражено пробормотала Ольга.

- Путь отхода! Не-ет, папуля мой, конечно, сука кагэбэшная, но что-то человеческое в нем еще осталось. Хотя бы за доброе намерение спасибо тебе, папочка! - Тим возбужденно потер ладони.

- Он тебе как-то может помочь?

- Думаю, попытается. Ты понимаешь, какая штука... У меня в этом лесу все детство прошло. Я там до сих пор каждое дерево помню. А из одной траншеи меня отец когда-то за уши вытаскивал, я там за какую-то хреновину зацепился и вылезти не мог. Теперь-то не застряну, конечно.

- Траншей? - Ольга по-прежнему ничего не понимала.

- Извини, ты просто выросла в центре... Там ведь проходила юго-западная линия обороны в войну. И многое сохранилось до наших дней. Траншеи, ходы сообщения, огневые точки. Они просто оплыли, потеряли форму, но ямы и канавы такие, что хоть сейчас воевать. Ладно, ничего больше не скажу. Меньше знаешь - крепче спишь.

- Я не засну сегодня вообще, наверное. Тимка...

- Заснешь как миленькая. Что?

- Ты что, пойдешь?

- Обязательно!

- Тим!!! - крикнула Ольга, судорожно прижимая руки к груди.

- Цыц! - рявкнул Тим, хватая ее за плечи и встряхивая.

- Тимка... - рот у Ольги страдальчески искривился.

- Ничего они мне не сделают, - твердо сказал Тим. - Ну перестань, милая.

Оленька, счастье мое, перестань... Не надо. Я тебе говорю, ничего не будет.

Клянусь. Им со мной так просто не справиться.

- Да... они... тебя... там... застрелят... - выдавила Ольга. - Они нарочно... чтобы лес... без свидетелей... - Ничего подобного. Как раз в городе я более уязвим. Много посторонних сигналов, тяжело "унюхать" нужного человека на большом расстоянии. А в лесу они все у меня будут как на ладони. И время идеальное - пенсионеры и мамы с детенышами обедать уйдут. Все правильно. Они блокируют аллею, по кустам залягут, а на границе леса, рядом с электроподстанцией, где фон большой, спрячут пушку... Ну перестань, Оленька! Хватит! - Он протянул ей носовой платок.

- Какая же я была идиотка... - прошептала Ольга.

- Я вернусь оттуда живой и невредимый, - сказал Тим. - К тебе. И буду тебя очень-очень любить. Хорошо? Ольга кивнула, высморкалась и отвернулась.

- Не смотри на меня, - попросила она.

- Нет, буду, - Тим придвинулся к ней и, как она ни загораживала лицо

руками, ухитрился дважды поцеловать мокрые от слез глаза. - Ты мне веришь или нет?

- Верю, - прошептала она.

- Ну и отлично. - Тим принялся искать сигареты. Вспомнил, что они на веранде, и вышел. Когда он вернулся и встал в дверях, опираясь плечом о косяк и выпуская колечками дым, Ольга уже ушла наверх, приводить себя в порядок.

- Но каков отец! - восхищенно сказал Тим.

- Почему? - глухо раздалось сверху.

- Да понимаешь... - Тим глубоко затянулся. - В принципе, как отца, я его люто ненавижу. Все мои беды от него. То, что я сенс, - наследственное. То, что в "Программу Детей" меня включили, - тоже папина заслуга, на все сто. Если бы папуля остался рядовым чиновником, на меня бы никто внимания не обратил. А так его жизнь была вся на просвет исследована. И выяснилось, что сын у него с паранормальными способностями. Ну, меня и окучили вместе с остальными. Хотя, с другой стороны, если бы не наследственность, я бы вообще сдох... - Перестань, Тим, - попросила Ольга.

- А что поделаешь? Вот, и помимо всего прочего, он мне еще и жизни не давал в последние годы. Наезжал постоянно - учись, в партию вступай, и все такое... Я же из дома фактически сбежал. От него сбежал. Но понимаешь, если бы я не был его сын... Я бы, наверное, его обожал. Он хороший человек, вот в чем загвоздка.

Просто когда он обо мне думает, он теряет рассудок и делает мне больно. Хотя желает мне только добра.

- Прямо как мой... - заметила Ольга.

- Поколение такое, - вздохнул Тим. - Сплошь инфантильные личности. Поэтому у них и система ценностей детская. Лишь бы побольше власти захватить да об подчиненных ноги вытирать. Ну что, моя госпожа, к вам уже можно зайти?

- Сейчас... Успеешь.

- Своего не упущу, - пообещал Тим. Он был доволен развитием событий и чувствовал себя вполне уверенно. Ему снова не нужно было ничего решать, все уже решили за него. И оставалось только прийти в нужное время в нужное место и поотшибать рога всем желающим. - Эй! - крикнул он. - Готовься, я иду! Сейчас мы тебя будем любить. И много.

- Напугал! - рассмеялась Ольга. Стоя перед зеркалом, она глядела себе прямо в глаза и пыталась унять дрожь в руках. Она не верила, что Тим вернется. И не знала, что теперь делать. Она до сих пор не составила для себя четкого мнения, кто такой Тим Костенко. Но как много он значит для нее, она уже хорошо поняла.

Это случилось буквально на днях, когда она рассказывала Тиму, каким видит свое будущее. Будущее, в котором для Тима, человека, с которым происходит что-то запредельное, совершенно не было места.

Будущее, которого она больше не хотела.

Вечер прошел спокойно и мило, влюбленные старались вести себя раскованно и естественно, и это у них получалось. Ничто не выдавало ни душевного смятения Ольги, ни напряженных размышлений Тима. Сидя в обнимку на веранде, они курили, болтали о какой-то ерунде, смеялись и с наслаждением разглядывали друг друга, как будто совсем недавно познакомились. Каждый чувствовал, что с любимым человеком что-то происходит, и оба гнали от себя мысль о том, что это тоска прощания.

И только ночью, в постели, боль отступила. На седьмом небе от счастья, задыхаясь и почти теряя рассудок от звенящей пустоты в голове, Тим все-таки уловил момент" когда ему пора было выходить из тела любимой. Пронизывающая все тело судорога захватила его, и со стоном предвкушения он потянул себя назад, но вдруг на грани сознания поймал, услышал страстный шепот:

- Нет... Не уходи...

Если бы Тим был в этот момент в состоянии что-то думать, он бы мгновенно все понял. Но тогда он тем более не остановился бы. И Ольга решила все за него.

Руками и ногами, обвивавшими тело мужчины, она прижала его к себе, и Тим кончил в нее с такой силой, что у него потемнело в глазах и окончательно, помутился разум. Кажется, они оба закричали от восторга. А лотом наступила долгая, ватная тишина.

Они смотрели в упор друг на друга, и Тиму казалось, что глаза девушки светятся в темноте. Молочный лунный свет, льющийся из окна, окутывал ее обнаженное тело мягким и холодным белым сиянием. Она была прекрасна. Тим хотел что-то сказать ей, нечто очень важное, но, чтобы выразить это, слов не хватало, и он произнес только:

- Я люблю тебя...

- Ты мой единственный... - Ольга еще крепче прижала его к себе, Тим уткнулся носом ей в шею и блаженно прикрыл глаза. Но теперь, вместе с рассудком, к нему вернулись все те же тоска и горечь. Он снова плыл по течению, подчиняясь обстоятельствам. Им снова пользовались, не спрашивая разрешения, пусть и из самых лучших побуждений. Что именно произошло сейчас - прощание или скрепление уз, в любом случае, это свершилось помимо воли Тима.

- Рано ты меня хоронишь... - прошептал он. Тогда Ольга слегка отстранилась, повернула к нему голову и сказала:

- Вот теперь ты мой. Что бы там ни было. На какое-то время Тим потерял дар речи.

А потом ему стало удивительно легко. Он притянул девушку к себе и обнял с такой теплотой, как не обнимал еще ни разу.

- Ты сумасшедшая... - прошептал он. - Ты это понимаешь?

- Ага.

- Я думал, ты скажешь, что теперь я никуда не пойду.

- Тимка, милый, я, конечно, не хочу, чтобы ты ходил к ним. Если ты сейчас мне скажешь, что мы встаем и уезжаем... ну, туда, куда ты собрался, я поеду с тобой.

Но... Ты же этого не скажешь.

- Уверена?

- Я тебя знаю, милый.

- Спасибо, - сказал Тим очень серьезно.

- Дело ведь не в том, что у тебя на дороге становиться бессмысленно, когда ты что-то решил. Я просто не хочу этого. Мне не нужна власть над тобой, Тим. Мне просто нужен ты. Я тебя люблю.

- Милая... Ты вообще понимаешь, какую ответственность сейчас на меня повесила?

- Догадываюсь, - Ольга тоже говорила очень серьезно и все это время, не отрываясь, смотрела Тиму в глаза.

- Ладно, - вздохнул Тим, притягивая девушку себе на плечо. - Когда выберемся из этой заварухи, сделаю тебе предложение.

Ольга тихо рассмеялась и поцеловала его.

- Лишь бы ты меня любил, - сказала она.

Проснувшись утром, Ольга сонно пошарила по кровати в поисках Тима и тут же подпрыгнула, широко раскрыв глаза. Тим отсутствовал. Часы показывали девять. У Ольги все внутри сжалось, но тут на крыльце послышались знакомые шаги. Ольга упала на кровать и долго не могла отдышаться.

Тим внизу звякал посудой. Это было так не похоже на него, соню, что Ольга встала и, закутавшись в одеяло, спустилась по лестнице на первый этаж.

Тим пил кофе. Увидев девушку, он поднялся ей навстречу, обнял и посмотрел в глаза взглядом, полным нежности и сожаления.

- Милая, - пробормотал он. - Извини. Не хотел я тебя будить...

- Ничего... - Ольга погладила его по волосам и привычно задохнулась от восторга, такой густой и пышной оказалась его грива под ее пальцами. Сегодня девушке страшно было даже подумать, что еще пару дней назад она готова была отказаться от этого человека, необыкновенного, совершенно не такого, как все, и в то же время удивительно родного.

- Ты что так рано? - спросила она.

- Садись, - сказал Тим. - Сейчас я тебе опишу диспозицию в общих чертах. - Он достал из шкафчика еще одну чашку, налил Ольге кофе и уселся за стол напротив нее.

- Значит, так, - начал он. - Я рассчитываю вернуться где-то от трех до пяти. В крайнем случае - не позже ноля. В любом случае, со щитом или на щите, но вернуться. И именно сюда. Тебе лучше сегодня в город вообще не ехать, там я не смогу обеспечить твою безопасность. Сиди здесь и жди меня. Хорошо?

Ольга отпила глоток кофе и задумчиво посмотрела на Тима.

- Ты думаешь... - начала было она, но Тим ее перебил.

- Они знают, где мы, - сказал он. - Я в этом уверен. Но близко к дому не суются.

Наверное, здесь есть один-два их поста, на станции и, например, у дороги. Там они могут тебя сцапать. И сделают они это после того, как я уеду. Но если ты нигде не появишься, они могут прийти за тобой сюда. Конечно, если получат такой приказ. Не раньше.

- Ты преувеличиваешь. У тебя какой-то боевик получается, - отмахнулась Ольга, но в глазах ее Тим прочел - она ему верит.

- Я тебя прошу, сиди здесь, - сказал он. - Более того, не выходи из дома.

Зашторь окна и сиди отдыхай. Читай книжки.

- Тим, ну ты совсем уж... - вяло сказала Ольга.

- Умоляю, - попросил Тим.

- Хорошо, хорошо...

- Ладно, если очень хочется, до одиннадцати можешь гулять. Но не позже. И ни в коем случае не выходи за границу участка. Смотри, - Тим протянул руку, и Ольга увидела, что над его ладонью, как в прошлый раз, что-то возникло из воздуха и мягко засветилось. Теперь это был небольшой круглый белый огонек.

- Это шарик, - объяснил Тим. - Очень агрессивная штука. В нормальном состоянии к человеку не пристает, но если его направить... За секунду может сожрать почти всю твою энергию. Обморок на несколько часов обеспечен. А при грамотной настройке - смерть. В какой-то мере я этими

шариками научился управлять. И пока ты спала, прошелся вдоль забора и развесил их там несколько десятков. Меня они пропустят, тебя тоже. Но больше никого. Любой чужак получит в лоб Понятно?

Ольга неуверенно пожала плечами.

- Понятно, - заключил Тим. - На всякий случай ты собери вещи. Если нас заставят удариться в бега, то делать это придется быстро. Я приеду за тобой, и тут же рванем.

- Тим, - осторожно сказала Ольга. - А если все-таки с тобой что-то случится... Что мне делать тогда?

- Исключено, - помотал головой Тим. - Но если, допустим... - Он задумался и напряженно молчал несколько секунд. - Хорошо. Ты права, все может быть.

Допустим, мне на голову упадет кирпич, верно? Давай назначим последний срок на завтрашний полдень.

- А если... Что тогда?

- А тогда, милая, - ответил Тим, непонятно чему улыбаясь, - ты можешь считать, что меня нет и никогда не было.

- Тимка, - не выдержала Ольга. - Давай уедем сейчас.

- Нет, - сказал Тим жестко.

- Почему, Тим? Почему ты не можешь все это бросить?

- Тогда они не отстанут. И я должен понять, черт возьми, от кого бегу. Нет, не получится. Извини.

Ольга вздохнула и не стала возражать. Сейчас она полностью доверялась Тиму, пусть даже была и не согласна с ним. Только очень хотелось плакать.

- Я уеду, - Тим бросил взгляд на часы, - через час с небольшим. Хочу обследовать место происшествия, - он криво усмехнулся.

- Я сейчас тебе позавтракать сделаю, - Ольга встала.

- Спасибо, милая, - рассеянно сказал Тим, думая о чем-то своем.

Она пошла на кухню, но, проходя мимо Тима, остановилась. Присела рядом на корточки, обняла его за плечи и мягко погладила по щеке.

- Не выспался? - спросила она.

- Злее буду, - улыбнулся Тим. - Слушай... Тут возникла бредовая идея.

В этом доме найдется что-нибудь маленькое, железное и острое? Перочинный ножичек или что-нибудь в этом роде?

- Зачем? - удивилась Ольга.

- А это ты, солнышко, меня так напрягла своими вопросами о том, что будет, если я не вернусь. Вот, стараюсь просчитать все варианты.

- Кого ты зарежешь перочинным ножиком? - усмехнулась Ольга, выходя из комнаты.

- Да никого! - рассмеялся Тим ей вслед. - Просто может так случиться, что мне нужно будет разрядить портативный излучатель. А он вмонтирован в часы. И чем я крышку поддену? Ногти-то я опять сгрыз... - Он с сожалением уставился на свои руки.

- А это пойдет? - спросила Ольга, возвращаясь. В руке у нее были два продолговатых серебристых пакетика.

- Мы же оба не любим презервативы, - прищурился Тим.

- Тьфу! Он еще шутит, видите ли...

Тим взял пакетики. Это оказались упакованные в фольгу сменные лезвия от медицинского скальпеля. Тим уже видел такие штуки - скальпелями часто пользовались реставраторы, а детство Тима как-никак прошло среди картин, разговоров о них и работы с ними.

- Отлично, - сказал он, опуская пакетики в карман. Секунду подумав, он их вытащил, надкусил и оборвал концы. Лезвия остались надежно упакованными, но достать их можно было мгновенно. - Откуда?

- У меня же отец хирург, - улыбнулась Ольга.

- А... Я и забыл. Извини.

- Тебя это никогда не интересовало, - заметила Ольга совершенно без выражения.

- Извини, - повторил Тим. - Меня вообще мало интересует это поколение. От него одни неприятности.

- Возможно, ты прав. - Ольга повернулась и снова ушла. Тим забарабанил пальцами по столу. Ему вдруг стало неуютно. Ольга действительно обеспокоила его своими вопросами о том, уверен ли он, что вернется. Голова Тима лихорадочно просчитывала варианты развития событий. Наконец он решил сделать что-нибудь для успокоения души.

В комодке обнаружился набор иголок и ниток. Сам не понимая, зачем, Тим снял джинсовую рубашку и прощупал воротник у основания. Достал одно из лезвий - кусок прочнейшего металла, заточенный острее бритвы. Прикинул, как зажать его в пальцах, чтобы не поранить себя. Удовлетворенно кивнул - достаточно резкий удар распорет мягкие ткани человека на столько, насколько хватит длины лезвия. Нервно хихикнул, удивляясь своему идиотизму. И аккуратно подпорол лезвием воротник.

Через несколько минут работа была закончена. Из основания воротника чуть-чуть торчала неприметная петелька, но если потянуть за нее, лезвие выскальзывало наружу и было готово к применению. Легче Тиму от этого не стало, но он хотя бы убил время.

- Иди сюда, - послышался голос Ольги. Тим вышел на кухню, и, едва увидев его, Ольга бросилась к нему на шею.

- Прости меня, - прошептала она. - Я что-то сама не своя. Прости.

- Я люблю тебя, - ответил Тим. И понял, что ничего подобного сейчас не чувствует. Он был уже весь там, далеко, где ждали враги. И от этого ощущения снова заныло в груди.

***

С двенадцатого этажа лес был как на ладони. Тим сидел на балконе, лениво "обнюхивая" пространство вокруг боковой аллеи, начинавшейся метрах в ста впереди, по другую сторону проспекта. На коленях Тим держал початую бутылку пива. Напиваться сейчас, конечно, не следовало, но немножко принять для успокоения нервов Тим себе позволил. Из-за его спины доносился через открытую балконную дверь молодецкий храп нейтрализованного хозяина квартиры.

Поставив бутылку на пол, Тим закурил. Пора было вводить себя в боевое состояние, культивируя в душе злобу и глотая бублики. Здесь, на большой высоте, их резвилось в воздухе множество. А вот злобы явно не хватало. Тим был уверен, что попытки захвата не будет. Скорее, Проект выставит парламентаря и будет сначала уговаривать, затем покупать, а под конец - шантажировать. В этом контексте Тим гораздо больше волновался за Ольгу, нежели за себя. Но с каждой минутой ему все отчетливее казалось, что оснований для беспокойства нет.

Проследить его до точки встречи никто не пытался. На железнодорожной станции ошивалась пара соглядатаев, но Тим "унюхал" их издали и обошел стороной. Эти люди не были мечеными и не носили оружия.

И в лесу за полтора часа до назначенного времени никакого опасного шевеления не наблюдалось. Враждебную для пси зону, образованную линией электропередачи и высоковольтной подстанцией, Тим обследовал визуально и тоже ничего особенного не нашел. Тогда он заглянул в один из домов на окраине леса, выбрал себе подходящую квартиру, достал из холодильника пиво и стал ждать.

Шевеление началось только в полпервого, когда местные потянулись из леса домой обедать. С троллейбуса сошла группа молодых людей в спортивных костюмах и направилась по аллее в сторону волейбольной площадки. Тим подался вперед и уловил знакомую волну. Волейболом от молодых людей, мягко говоря, и не пахло. А пахло от них рукопашным боем и острым интересом к личности Тимофея Костенко. В группе не было меченых, но зато в сумках навалом лежало смертоносное железо.

Даже на таком большом расстоянии Тим почувствовал холодное свечение боевых патронов и инстинктивно вобрал голову в плечи.

Вниз по проспекту, в сторону центральной аллеи лесопарка, укатился милицейский "луноход". Тим присвистнул. Судя по зависшим над головами шарикам, в машине сидели его старые знакомые. В прошлую встречу они откликались на фамилии Конченко и Федорчук. "Допрыгались мужики", - подумал Тим и сплюнул через перила балкона. Тогда-то он сдуру принял их за обычных ментов и пожалел. Теперь, независимо от обстоятельств, из леса парочка уедет в лучшем случае на реанимобиле. "Луноход" встал напротив центральной аллеи. Тим печально кивнул своим мыслям.

Не доезжая до "лунохода" метров пятидесяти, к окраине леса причалила еще одна машина. За ней, на той же дистанции, еще одна. По три человека в салоне. "Будут отсекают меня от дороги", - подумал Тим. Меченых он в машинах не обнаружил, "коробочек" тоже, а вот пистолет висел под мышкой у каждого оперативника.

Без четверти час в лес вошла еще одна группа "спортсменов". Тим закурил губу и помотал головой, словно надеясь, что от этого враги испарятся. А когда на проспекте возник знакомый грузовик с надписью "Техпомощь", Тим просто озверел и начал шептать под нос матерные ругательства. События развивались по самому худшему варианту. Не найдя в "техничке" страшной психотронной пушки, Тим облегченно вздохнул. "Только микроволновый сканер и его оператор, - вычислил он.

- Значит, не убьют. Но все равно, Проект решил сыграть по-крупному. Что ж, будем воевать". Тим заэкранировался, посмотрел на часы и выскочил из квартиры.

Заряженный энергией под самую пробку, он был полон решимости потягаться с Проектом.

В первую очередь следовало обезопасить себя от людей в машинах, подвесив каждому по шарик над головой. Но для этого пришлось бы высунуться на проспект, им на глаза, чего Тим не хотел. Поэтому он ушел в глубь квартала, дальше от леса, выбрался на параллельную улицу и по ней быстрым шагом спустился вниз. Через пять минут обходной маршрут был пройден, и Тим оказался на том же проспекте, но в полукилометре ниже. Вышел к автобусной остановке и принялся ловить шарики. По привычке он заряжал ими руки до локтей, по десятку в каждую. Почему именно руки, Тим не знал, но это оказалось для него естественным с самого первого опыта.

Подождал длинный сочлененный автобус. Тим встал на центральной площадке, где его закрывала от глаз оперативников резиновая "гармошка", сильно "щелкнул" и приготовился работать.

Автобус на подъеме едва тащился, и у Тима оказалось достаточно времени, чтобы наградить каждого из врагов персональным шариком. Кроме того, он успел заново "принюхаться" к шарикам Федорчука и Конченко и завязать их с вновь прибывшими в одну сеть. Теперь восемь маленьких огоньков готовы были шандарахнуть по восьми головам, повинуюсь одной команде.

На остановку к боковой аллее Тим прибывал точь-в-точь к часу дня. Но проскочил ее. Вышел на следующей, пересел на автобус в Ясенево, и с него обследовал другой край леса. Там машин с оперативниками не было. Зато имелась черная "Волга" с поднятым капотом, и из двигательного отсека торчала задница, чем-то очень похожая на его, Тима, собственную.

На следующей остановке Тим пересек дорогу, сел на троллейбус, идущий в обратном направлении, и "принюхался". Его предположения оправдались. Далеко от дороги, глубоко в лесу, блокируя аллею, по кустам рассредоточились "спортсмены". А в моторе "Волги", запакрованной у памятной Тиму траншеи, действительно копался его отец. Точнее, делал вид, что копался.

С опозданием на четверть часа Тим вышел к аллее, закурил и дозарядил левую руку шариками. Он медленно пошел в глубь леса, аккуратно награждая шариками "спортсменов". Шестерых он нашел действительно на волейбольной площадке, где они притворялись, что играют. Еще человек семь-восемь должно было болтаться по кустам в отдалении, но из них Тим "унюхал" почему-то лишь троих. Возможно, остальные в этот момент отвлеклись, и информационная волна Тима в их ауре затерлась. Тим не расстроился. Но и радости особой не испытал. Казалось бы, все шло как по писаному. С небывалой легкостью он почти идеально обезопасил себя от захвата. Но не было главного. К Тиму не шел парламентар.

Усевшись на скамейку, Тим "отщелкнул" вниз и растерянно огляделся глазами. Засек в кустах еще одного "спортсмена", подсадил на него шарик и пополнил свой боекомплект. Парламентера все не было.

- Здравствуйте, Тимофей, - раздалось сзади. Очень давно никому не удавалось испугать Тима до такой степени. Он рывком вскочил со скамейки, отпрыгнув от нее метра на два. От бешеного выброса адреналина его буквально затрясло.

- Господи, да что же вы такой нервный... - спокойно произнес незнакомец. - Извините, пожалуйста. Я не хотел вас пугать. Вы просто опоздали, и я решил поискать вас. Садитесь, Тимофей. Поговорим.

Стоя на полусогнутых ногах и сжимая кулаки, Тим до предела "щелкнул". Сзади обнаружили еще два "спортсмена", и он машинально бросил им по шарик. Но человека, стоящего перед ним, он по-прежнему не видел.

Глаза подсказывали ему, что это небольшого роста сухощавый мужчина средних лет в тяжелых мощных очках и с намечающейся лысиной. Но пси не фиксировало ничего.

Только пустоту. Жесткие и хрустящие на ощупь гофрированные лучи сканера Проекта, бьющие с окраины леса, проходили сквозь нее навывлет. Собственный экран Тима обманывал сканер, подавая в голову оператора искаженную картинку. Это была непростая работа, и на то, чтобы она происходила автоматически, тратилось много энергии. Так что за себя Тим был спокоен - он-то на этом свете присутствовал. А вот незнакомца - просто не было.

Идеально экранированный человек.

Парламентар, мягко улыбаясь, присел на скамейку. Тим несколько раз

глубоко вздохнул, осторожно подошел и уселся справа.

Как и все предыдущие сотрудники Проекта, этот тип был, на взгляд Тима, совершенно не запоминающейся личностью. Самой яркой чертой его внешности казались очки. Маленький такой невзрачный очкарик. Весьма уверенный в себе.

- Я давно хотел на вас посмотреть, Тимофей, - сообщил Очкарик, по-прежнему улыбаясь.

- Польщен вниманием, - скривился Тим. - Только очень уж оно у вас, э-э... навязчивое.

- Разве? - удивился Очкарик. - Не знаю. Одно время мне казалось, что вы, Тимофей, сами форсируете события. Стремитесь к плотному контакту, так сказать.

Иногда даже излишне агрессивно стремитесь, я бы так выразился. А потом вы вроде бы передумали... - Так получилось, - объяснил Тим вполне искренне. - Со мной никто не хотел поговорить напрямую, без ненужных демонстраций силы. А я привык к открытому разговору. Мне... - А знать свое место вы не привыкли? - перебил его Очкарик. В голосе его прорезался металл, и Тим понял - уже много лет этот человек отдает приказы и "застраивает" подчиненных. Тим пренебрежительно хмыкнул. Подобные интонации могли бы произвести впечатление на запуганного Проектом экстрасенса. Но младший сержант запаса Костенко привык "забывать на службу" и начальственного тона не боялся.

- Свое место я определяю сам, - ответил он надменно. - Вот, кажется, я этого и добился. Ко мне на встречу пришел человек, у которого одной только охраны больше двадцати единиц.

Очкарик поежился, и Тим понял, что попал в точку.

- Если вы не правильно себя поведете, они все умрут, - сказал он. - Так что вы, милостивый государь, ведите себя правильно.

- Не надо меня пугать, Тимофей, - попросил, именно попросил Очкарик. Он уже взял себя в руки. Видимо, ему придавало уверенности то, что Тим его не "унюхал".

- А вы меня зачем пугаете?

- Допустим, я вас недооценил.

Тим вычислил еще одного "спортсмена", нагло ткнул пальцем в его сторону и небрежно спросил:

- Хотите небольшой забавный фокус?

- Не стоит, Тимофей. Право, не стоит.

- Как хотите, - Тим послал оперативнику шарик. - Правильно, не стоит. В отличие от вас я не упиваюсь своей властью над людьми. Я никогда не был и не буду слабаком, не то что ваши операторы. И садистом не буду. Просто я еще молод и иногда веду себя как мальчишка. Но это пройдет.

- Приятно это сознавать, - усмехнулся Очкарик-- Ну что, Тимофей, ближе к делу?

Итак, молодой человек... Мне поручено сообщить вам, что вы достойно прошли вступительный тест и приняты в нашу организацию на правах кандидата. Руководство выражает надежду, что ваши способности позволят вам в короткий срок продвинуться по службе и занять пост, соответствующий вашим талантам.

Тим пренебрежительно хмыкнул. Очкарик вздохнул.

- Я также должен принести вам извинения за форму вступительного тестирования, - заявил он. - Надеюсь, вы понимаете, что это было необходимо. К нам нелегко поступить на службу. Для этого мало быть

просто талантливым. Нужно еще быть очень сильным и, между прочим, независимым. Обладать высочайшими моральными качествами. Которые вы нам и продемонстрировали. Можете гордиться этим, Тимофей.

И я лично очень рад за вас. Поздравляю, - Очкарик сунул Тиму руку, и тот машинально ее принял.

- В чем же будут заключаться мои служебные обязанности? - холодно поинтересовался Тим, выдергивая ладонь из цепкого холодного пожатия.

- Контроль, - коротко и емко ответил Очкарик.

- Над кем?

- Ну, сначала у вас будет три-четыре несложных объекта. Чтобы привыкнуть к аппаратуре. А там поглядим. Наши аналитики считают, что у вас блестящие перспективы. Но начинать все равно придется с самого низа лестницы. Надеюсь, это вы тоже понимаете.

- Над кем контроль? - повторил Тим.

- Над уродами и мерзавцами, друг мой. Над теми, кто представляет угрозу обществу, но не может быть локализован обычными методами. Иностранцы разведчики, предатели Родины, лидеры преступных группировок, просто сумасшедшие с опасными идеями. Вы же понимаете, что есть множество страшных людей, которые творят ужасные вещи, но их нереально поймать за руку и отправить за решетку. А мы можем это сделать. Кого-то мы просто держим, не позволяя его безумию или преступным наклонностям принять угрожающие формы. А другим, наоборот, даем импульсы к незначительным преступлениям, чтобы только было, за что арестовать. И на следствии уже заставляем сознаться во всем. Это тонкая, избирательная работа, Тимофей. Конечно, вашими подопечными будут зачастую очень неприятные люди. Как правило, все они в той или иной степени сумасшедшие. Ведь в основе любого преступления - недостаточная адаптивность к обществу, не так ли? - Очкарик глянул на Тима хитрым взглядом, увеличенным мощными линзами. Тим вяло кивнул. - Тимофей, неужели вы не хотите сделать наш мир чище?

- Что, "уничтожим всех уродов", да?

- В том-то и дело, Тимофей, что не "уничтожим". Признаться, в нашей организации были некогда по этому поводу разногласия. Руководители старой формации слишком привыкли сажать и расстреливать. Ну, вы понимаете... Но в последние годы, слава богу, возобладал разумный подход. А с приходом таких мастеров, как вы, Тимофей, он получит надежную опору. Я клянусь, - Очкарик прижал руку к сердцу, - что вам никого не придется уничтожать. Вы будете лечить, чинить поврежденные души, править их, если хотите. Это же ваше истинное предназначение, Тимофей. Вы именно целитель. И мы предоставим вам уникальные возможности для того, чтобы ваш талант засверкал всеми гранями. Со временем вы даже станете знамениты, я думаю. Вас узнает мир.

- Значит, не расстреливать... - протянул Тим.

- Не расстреливать, Тимофей. Ни в коем случае. Если бы расстреливать, я бы здесь с вами не сидел. Я просто не работал бы в этой структуре. Я презираю насилие не меньше вас. А видел я его и даже испытал на себе, поверьте, гораздо больше вашего.

- Что ты знаешь о насилии, ты, маленькое чмо, - пробормотал Тим печально. Он не хотел так говорить, но у него вырвалось.

- Ну знаете... - надулся Очкарик. Лицо его покраснело.

- Кто отвечал за Детей? - спросил Тим, поворачиваясь к Очкарику.

- Что? - удивился тот.

- Около десяти лет назад была проведена масштабная операция по глубокой коррекции личности, - до Тима вдруг дошло, что об этом Очкарик может и не знать.

- Объектами было выбрано несколько тысяч подростков. Кто это сделал?

- Ой... - выдохнул Очкарик и скривился так, будто хлебнул бензина.

Тим потер ладонью грудь. Дырка в ней все отчетливее давала о себе знать.

Тим почувствовал, что злится и не может с этим совладать.

- Так что ты знаешь о насилии, маленькое чмо? - спросил он.

Очкарик сунул палец за воротник рубашки и помотал головой.

- Я не думал, что вы в курсе, - пробормотал он сдавленным голосом. -

И... Понимаете, Тимофей, я даже не знаю, как вам объяснить. Наша организация не может нести за это ответственности.

- А кто же тогда?..

- КГБ, - сказал Очкарик просто. - Тимофей, вас ввели в заблуждение. Я понимаю теперь, насколько ужасным выглядел наш Проект в ваших глазах. Но поверьте, что мы здесь ни при чем. Мы сами были в шоке, в полнейшем шоке... "Проект, - подумал Тим. - Он так и сказал - "проект". Все сходится. Это они". А вслух спросил:

- А разве вы - не "шестерка" КГБ?

- Ой, ну что вы... - Очкарик брезгливо отмахнулся. - С КГБ у нас ничего общего.

"Шестерка" как раз курировала все старые разработки, и "Программу Детей" в том числе. Теперь они, слава богу, ничего подобного не могут. Мы отобрали у них все технологии. И я вам гарантирую, что никаких фашистских экспериментов в этой стране больше не будет никогда.

- Мы просто эту страну немножко почистим, - предположил Тим.

- Да, - кивнул Очкарик. - Именно так.

- Всех бандитов посадим, всех шпионов выдворим, всем диссидентам заткнем рты... - продолжал Тим.

- Вы утрируете, - насторожился Очкарик. - Диссиденты нас не интересуют. А вот что касается экстремистов... Вы еще не владеете информацией, Тимофей. Во-первых, есть группировки, которые готовятся спровоцировать массовые волнения. Во-вторых, есть террористы, да-да, самые настоящие террористы. И в-третьих, есть просто сумасшедшие. Вы никогда не задумывались, какой процент так называемых "неформалов", всех этих политически активных, приписан к психиатрическим клиникам? Семьдесят процентов, Тимофей! Семь-де-сят!

- А откуда вы берете оперативную информацию? - спросил Тим.

- Нам ее предоставляет МВД. И еще у нас есть доступ к гэбэшным данным. Правда, они сами об этом не подозревают... Поймите, Тим, Проект - уникальная спецслужба с очень большими полномочиями.

- Понятно, - кивнул Тим. - А чем в вашей структуре занят Институт?

- С нами сотрудничают десятки институтов, - гордо сказал Очкарик.

- Я имею в виду Институт нейрохирургии.

- А-а... - Очкарик пренебрежительно улыбнулся. - Вы про группу Самохина? Это наша медицинская база.

- То есть приглашение от Самохина - это было приглашение от вас?

- Разумеется, - кивнул Очкарик. - И вы напрасно ему не поверили.

- Да? - Тим решил сыграть в открытую. - А по-моему, у вас в Проекте нарушены горизонтальные связи. Или вредители завелись.

- Не понимаю, - сказал Очкарик очень тихо.

- Кто-то очень не хотел, чтобы я приехал в Институт, - объяснил Тим.

- Кому-то понравилось стрелять по мне каждую ночь из психотронной пушки.

- Объясните, - попросил Очкарик.

- Мне от имени Самохина передали, что идти в Институт я не должен.

Потом была попытка организовать психотронную атаку. Потом какая-то дурацкая комедия с обыском в моей квартире и подставными лицами в милицейской форме. А позже я обнаружил, что у меня во дворе стоит боевая психотронная установка, которая в состоянии расстрелять целый город. Разумеется, я ударился в бега.

- Ничего не понимаю, - сказал Очкарик слабым голосом. Тиму очень хотелось ему поверить, но он не смог. Кроме того, ему в принципе было все равно, врет собеседник или нет. Даже представляй Очкарик какую-то отдельную структуру Проекта, все равно она служила цели, которую Тим считал преступной.

- Кто-то решил, что я не до конца согнут, - прошипел Тим. - Кому-то очень хотелось поставить меня на четвереньки. И уже не уговаривать - как вы, - а приказывать.

- Это не мы. Совершенно точно не мы.

- Конкурирующая фирма? - сладенько промурлыкал Тим. Очкарик задумчиво пожевал нижнюю губу.

- У всех проблемы, - сообщил Тим, доставая сигареты. - Даже у всемогущего Проекта.

- Угу, - кивнул Очкарик. - Тимофей, честное слово, я разберусь. И знаете, вам лучше будет прямо сейчас поехать со мной. Раз дело принимает такой оборот, для вас самое безопасное место - у нас в штабе. Поживете несколько дней, а мы пока все выясним.

- А я думаю, что для меня самое безопасное место - как можно дальше от вас, - ответил Тим и начал потихоньку "разогревать" шарики, готовя их к бою. Очкарика он по-прежнему мог видеть только глазами, но зато в кустах проявился очередной "спортсмен".

- Вы даже не представляете себе, насколько ошибаетесь, - сообщил Очкарик. - И еще вы не знаете, как высоко вас ценит наша организация.

- Проект, - поправил его Тим.

- Да, обычно мы так себя называем, - согласился Очкарик. - И это вы знаете, Тимофей. Потрясен вашей осведомленностью. Я и раньше думал, что вы очень способный человек, но, повторяю, я вас недооценивал.

- Я очень способный, - кивнул Тим.

- И вы очень дороги Проекту, - заметил Очкарик. - Проклятье, Тимофей! Вам грозит опасность, и я просто должен вам помочь! У меня на этот счет есть совершенно однозначная инструкция!

- Привезти меня силой? - участливо спросил Тим.

- Ох... - Очкарик немного распустил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. - Я не могу вами рисковать, Тимофей. Не имею права. Я-то решил, что вы сами передумали идти на контакт. Но если вас кто-то старается похитить... Это очень плохо, Тимофей. Вы даже представить себе не можете, как плохо.

- Плохо дело, - философски произнес Тим. - Для меня это норма жизни. Я урод, мутант, и вообще..

- Не прибедняйтесь, Тимофей. Вы выдающийся сенс и очень сильный и умный человек.

А еще вы очень жесткий. Поверьте, я знаю. Проект унаследовал от КГБ файлы, личные дела. Вы столько всего пережили, Тимофей... В какой-то степени я тоже чувствую вину за то, что с вами стало. Многие в Проекте

страдают комплексом вины перед Детьми. За то, что не смогли предотвратить этот ужас.

- Между прочим, что стало с остальными? - спросил Тим. - С теми, кто выжил, разумеется.

- Да ничего, - вздохнул Очкарик. - Надломленные, опустившиеся люди. Вам не чета.

Вы такой один, Тимофей. Единственный. Неповторимый. Тонкая душа и стальное сердце.

"О боже! - ужаснулся Тим. - Опять это прозвище... Зачем?"

- Поедемте со мной, - вернулся к делу Очкарик.

- Расслабьтесь, - посоветовал Тим, снова закуривая.

- Теперь вам нельзя оставаться без поддержки, Тимофей. Мы будем защищать вас, даже если вы не видите такой необходимости.

- Я. С вами. Никуда. Не поеду, - произнес Тим.

- Почему, Тимофей? - спросил Очкарик вкрадчиво. - Может, я что-то упустил? Вы поймите, локальный контроль - это только первый этап. Уже через год вы будете руководить группой операторов, а еще через какое-то время, может быть, станете в Проекте одним из первых лиц. Вы только представьте себе, какое огромное количество людей вы сможете вылечить! Сколько добра пролить на нашу многострадальную родину! Вы установите здесь царство света, Тимофей. Не таково ли ваше предназначение в этом мире?

- А сколько мне сребреников за это положено? - спросил Тим презрительно.

- У вас будет все, - мгновенно среагировал Очкарик, делая вид, что ирония Тима его не касается. - Вы сможете познать, увидеть, пережить все, что только в состоянии вообразить себе. Вы ведь больше всего на свете цените ощущения и переживания, сенсорный опыт в широком смысле этого слова. Чувственную сторону жизни. Мы это понимаем. И у вас, Тимофей, будет нечто большее, чем просто деньги. Вы сможете вложить эти деньги в свое развитие.

- Красиво, - хмыкнул Тим. Он понял, что беседу пора заканчивать, пока его не разозлили до предела. Слишком уж Очкарик много знал о том, что Тиму в жизни надо. А еще Тима беспокоило, что в него опять пытаются заложить формулу Стальное Сердце. Он не без основания предполагал, что Проект надеется как-то запрограммировать его поведение, и это словосочетание играет в программировании важную роль.

- Конечно, в первое время, пока вы еще кандидат, - не унимался Очкарик, - вознаграждение будет скромнее. Для начала - хорошая квартира, машина, загородный дом, некоторая сумма подъемных. Между прочим, все имущество останется у вас, независимо от того, решите ли вы связать свою жизнь с Проектом или нет.

- Из Проекта не уходят, - произнес Тим, с сожалением во взоре разглядывая волейболистов. Шарик возбужденно приплясывали вокруг своих будущих жертв.

Жалости к оперативникам Тим не испытывал ни малейшей. Эти люди сами выбрали судьбу пушечного мяса. Разумеется, каждый из них надеялся дожить до пенсии, но принципиальную возможность своей гибели со счетов не сбрасывал. Поэтому то, что большинство из них действительно сегодня умрет, а остальные станут калеками, Тима не волновало. Его заботил он сам, Тимофей Костенко, которого Проект снова заставлял почувствовать себя убийцей.

"Стальное Сердце, - пробормотал Тим про себя. - Что это значит? Почему именно эти слова, какая психотехника за ними прячется? И почему мне действительно так нравится это словосочетание? Потому что когда-то я его выдумал сам? Или оно так и тянулось за мной по жизни, впечатанное Проектом в детский податливый разум?" Тим вздохнул и бросил сигарету под ноги. Там уже было полно окурков. И нужно было как-то выкручиваться из ситуации. В том, что Очкарик по-хорошему от него не отлипнет, Тим не сомневался -...и это исключение будет оформлено в договоре, - бубнил Очкарик где-то под левым ухом. - Вы можете ни о чем не беспокоиться, Тимофей.

- А я и не беспокоюсь, - заверил его Тим. - Меня интересует, какие у вас еще найдутся методы убеждения. Потому что я все сказал. Никуда я с вами не поеду.

Так что давайте тащите из рукава туза.

- О господи... - простонал Очкарик. - Ольга предупреждала, что вы крепкий орешек, но такого я не ожидал... Тим умудрился не дрогнуть. Только чуть растянул губы в улыбке. Еще раз проверил контакт с шариками и стал ждать развития событий. Очкарик сделал внешне тривиальный ход, но Тим не считал врага идиотом, и ему было даже интересно, как именно он эту карту разыграет.

- К сожалению, она действительно привязалась к вам, Тимофей, - вздохнул Очкарик.

- Признайтесь, вы что-то с ней сделали?

Тим молчал и ждал. Только улыбка стала немного шире.

- Она была чудесный работник, - печально сообщил Очкарик. - Но вы что-то ей внушили, и вчера она отказалась выполнять приказы. Нам пришлось очень сильно на нее нажать, чтобы она выполнила то, что от нее просят. И вообще, как нам с ней теперь быть, Тимофей? У нее же смещена кодировка. Как вы этого добились, ума не приложу... Стараясь ни о чем не думать, Тим улыбался Очкарику. Только сейчас он понял, что враг разбирается в его душевных движениях гораздо лучше, чем он сам. Шантаж с похищением Ольги в лучшем случае дал бы Проекту иллюзию власти над Тимом. А Проект иллюзий не хотел и не строил. Нет, Проект действительно понимал Тима и намерен был сделать из него добровольного союзника. Очень скользкий, но совершенно верный ход - привязать Тима через боль.

- А какая женщина... - тоскливо промямлил Очкарик. - Знаете, Тимофей, я ее для вас просто от сердца оторвал... "Спокойно! - приказал себе Тим. - Только спокойно!" По телу бегали мурашки - предвестники истерики. Очкарик попал в точку. В самое больное место. Идея противника действительно была недурна и именно сейчас могла сработать. Потому что против своей воли Тим уже достиг понимания того, что за всю свою жизнь не совершил ни одного по-настоящему самостоятельного поступка. Всегда его направлял Проект.

С момента, когда Проект вычислил, что Тимофей Костенко растет экстрасенсом и неформальным лидером, все в его жизни происходило от имени Проекта и по воле Проекта. Вся жизнь Тима была - один сплошной бесконечный Проект, который крутил им, как хотел, переставляя по доске, словно пешку. Всегда Проект был внутри его самого.

И когда зачислил его в Программу Детей.

И когда вызвал в нем мутацию, подстегнувшую его дар сенса.

И когда травил его сверстниками.

И когда злобными репликами отца и матери развивал в нем комплекс

неполноценности.

Все это время Проект заставлял Тима осознать свое кардинальное отличие от обычных, "нормальных" людей. Приучал отделять себя от человечества и презирать его. А потом и просто ненавидеть.

Он готовил из Тима существо с потенциалом "черного" биоэнергетика. Сенса, который поначалу будет лечить, но однажды почувствует тягу к убийству.

Проект создал ему тепличные условия в "Центре Новой Медицины". Не поставил в один ряд с другими сенсами, по-прежнему культивируя в Тиме сознание исключительности.

Чутьочку больное сознание. Больное. Всегда через ненависть, унижение, боль. Боль.

"Проклятье! Как просто!"

Но именно так все и было. Проект упорно делал из Тима садомазохиста.

И когда пришло время, свел с проклятым безумцем Рябцевым.

Не мешал набрать информацию.

И в точно рассчитанный момент принялся бить и ломать, готовя себе в рабы.

Научил убивать. Показал, что такое быть убийцей.

Показал, как интересно властвовать над людьми.

И снова бил, бил, бил. Все время боль и гнусность.

Через боль Проект учил Тима, что значит быть жестоким. Бесчеловечным. Вершителем судеб. Именно так. Бил и учил.

А теперь вдруг стал добр и ласков.

Потому что увидел: раб осознал, что он раб.

"Все правильно, - подумал Тим сквозь застилающую сознание пелену. - И сейчас будет последний удар. Мне объяснят, что самое лучшее в моей жизни - любовь - тоже пришло от Проекта. И тогда я сломаюсь и нырну в приготовленный мне коридор.

Через боль я стану верным. Объект "Стальное Сердце" осознает, что его сердце действительно стальное. Я поверю в то, что я жесток, что я - бездушная железяка.

И соглашусь под эгидой Проекта исцелять людей. А через какое-то время - и истязать".

- ...и эту родинку чудесную, - ныл Очкарик. - Как она дивно просвечивала у нее через эту шерстку золотистую... Вы же последнюю радость отняли у меня, Тимофей.

А теперь она больше ничего не сможет! И даже уговаривать ее толку никакого!

"Как хорошо, что я все-таки начал анализ, - думал Тим. - Вдруг я действительно сломался бы? Принял ложь Очкарика на веру, заревел бы и забился в истерике... Они же меня довели. Обложили со всех сторон. И вот теперь - ставят точку.

Неплохие у них психологи. Только вот ни черта они во мне не поняли. Потому что Стальное Сердце - это совсем не то, что они себе навоображали. Да, может, я и бесчеловечный тип. Может, я и правда всегда таким был. Но только мой комплекс неполноценности еще не приобрел желанной для Проекта окраски. Я не вижу спасения от Проекта в том, чтобы с восторгом отдаться ему. Мне совершенно не хочется избавиться от боли через боль".

- А теперь она уже, - Очкарик посмотрел на часы, - в Шереметьеве.

Вот тут Тим насторожился. Задумчивость сняло как рукой. Он сел прямо

и глянул поверх головы Очкарика, который все еще жаловался на то, что Тим испортил его игрушку.

Если Ольгу действительно вытащили с дачи, планы Тима ломались кардинально. Это следовало проверить. Тим вычислил направление, "щелкнул" до упора и начал медленно перебирать частоты в поисках нужной волны. Сейчас, плотно заряженный энергией, он вполне мог "унюхать", что происходит с его женщиной. Расстояние здесь роли не играло. Важна была мощность сигнала, исходящего от абонента. А сигнал от Ольги всегда был не ахти... Тим напрягся, "принюхиваясь".

И боковым зрением увидел, как Очкарик взялся правой рукой за левое запястье. И левая рука пошла с колен вверх. Тим среагировал мгновенно.

- Х-ха! - выдохнул он.

Пять шариков врезались в защиту Очкарика и отскочили, как резиновые.

Хлоп! Два десятка шариков в разных концах леса ударили свои жертвы в энергетические узлы.

Жжжах! Из рукава Очкарика вырвалась фиолетовая молния и шарахнула Тима в переносицу.

На мгновение он ослеп и оглох во всех смыслах.

А когда очнулся, то ничего не понял.

От удара он не полетел навзничь, наоборот, подался вперед, к Очкарику.

Но он больше ничего не видел!!!

В лесу стоял жуткий крик. Волейболисты на площадке умирали в страшных корчах.

Народ, еще секунду назад празднично шатавшийся вокруг, теперь ломился врассыпную через кусты, натываясь на все новые и новые тела, отчего тише вокруг не становилось.

Очкарик с перекошенным лицом что-то тянул из-за пазухи.

Тим по-прежнему ничего не видел. То есть глаза работали прекрасно. Но он совершенно потерял свое пси. Он ничего не мог "унюхать" вокруг. На секунду ему показалось, что он умирает, так это было непривычно - остаться без пси-видения.

Он не смотрел на мир одними глазами уже много месяцев.

Слава богу, у Очкарика что-то там застряло.

Орово вокруг поутихло - разбежались перепуганные местные. "Спортсмены" на площадке и в кустах лежали и не шевелились. Тим догадался, что он жив, только слегка покалечен, и воспрял духом.

Он нанес Очкарику сильнейший удар в лицо раскрытой ладонью. Целился в нос, но попал в челюсть. Потеряв пси, Тим лишился и четкости в координации движений. Но тем не менее Очкарик улетел со скамейки и потерял очки.

Пошатываясь, Тим встал. Ему пришлось ухватиться за скамейку, но стоящего на коленях Очкарика он все-таки достал. Направленный в живот носок ботинка врезался Очкарику в грудь. Раздался громкий хруст, и Очкарик завалился на спину. Тим не стал досадовать, что опять промазал. Он догадался, что под его башмаком развалилась "коробочка".

Возможно, когда-то Очкарик и был серьезным бойцом - во всяком случае, удар он держал героически. Но деморализован он оказался целиком и полностью. Так как вместо того чтобы взять полуживого Тима голыми руками, перевернулся на четвереньки и с низкого старта рванул в сторону центральной аллеи, которая вывела бы его прямо к машинам на проспекте.

- Стоять! - крикнул Тим убегающей зигзагом спине. Безрезультатно.

Упускать Очкарика не хотелось, но и гнаться за ним едва стоящий на ногах Тим не мог.

Пребывая в легкой растерянности, он мстительно наступил на лежащие в пыли очки и раздавил их. И тут же сообразил, что делать. Спотыкаясь и матерясь, он бросился к волейбольной площадке. Точнее, к баулам и сумкам, вокруг которых навалом грудились трупы.

Выскочив через несколько секунд на асфальтированную центральную аллею, Тим запнулся и чуть было не полетел носом, но оружие не выпустил. В руках у него был позаимствованный у "спортсменов" короткий пистолет-пулемет с глушителем.

Далеко впереди Очкарик сослепу нарезал виражи, как заправский горнолыжник. Тим тоже плохо видел, да еще и нетвердо стоял на ногах. Совместный тремор стрелка и мишени привел к тому, что хотя Тим и залепил в Очкарика с двух рук всю обойму, но только слегка постриг зеленые насаждения.

Несколько секунд ушло на возню с незнакомой системой выброса магазина.

Передернув затвор, Тим обнаружил мишень уже на пределе видимости. Очкарик был почти на границе леса.

- Блядь! - сказал Тим с выражением.

Он неприязненно глянул на свое оружие. Пистолет-пулемет оказался штукой непривычной и от этого неудобной, с ним нужно было уметь обращаться. Попадись Тиму в руки "Калашников", в Очкарике было бы уже три десятка красных дырок.

Недовольно ворча, Тим встал к цели боком, ухватил оружие по-пистолетному и поднял на уровень глаз. Плечи, рука и ствол образовали единую прямую линию. Тим задержал дыхание, взмолился, чтобы его не качнуло порывом ветра, и плавно утопил спуск.

Очкарик кувыркнулся, будто ему дали хорошего пинка в зад. Но тут же вскочил и, схватившись за раненую левую руку, понесся дальше. Тим прицелился вновь и почувствовал, что от напряжения теряет сознание. Шатаясь и рыча, он опустошил в спину Очкарику вторую обойму. Но то ли ослабленная глушителем короткоствольная пукалка на большом расстоянии давала очень сильный разброс, то ли Тим уже никуда не годился. Он только расковырял асфальт под ногами Очкарика.

- Су-у-ки!!! - заорал он, швыряя пукалку в божий свет.

Повернулся было, но тут же сообразил, что нужно подстраховаться. Подобрал оружие и кинулся к волейбольной площадке, на ходу обтирая "ствол" рукавом. Сунул его на прежнее место, в сумку. "Мало ли кто стрелял... Детишки пошалили".

И неверными шагами, закрывая руками лицо от веток, побежал напролом через кусты к заветной траншее у дороги.

***

Задняя дверца "Волги" была приглашающе распахнута, и Тим даже не успел ее за собой захлопнуть, а машина уже, как ужаленная, прыгнула вперед.

- Пристегнись! - скомандовал отец.

Тим нащупал справа ремень безопасности, набросил его на себя и воткнул скобу в замок. Ремень оказался с инерционной катушкой и тут же плотно охватил тело, выбирая слабинку.

"Волга", бешено набирая скорость, летела в сторону кольцевой развязки, где на углу леса сходились два проспекта. Отец ткнул какую-то кнопку, и из-под капота, перекрывая рык двигателя, взревела сирена. Машины на "кольце" бросились врассыпную, и "Волга", почти не снижая темпа, прошла сквозь них, как нож сквозь масло. Позади визжали тормоза и раздавались протестующие гудки.

- Спасибо, па. Выручил.

- Не за что, - Сергей Костенко с маху одолел перекресток, вывел машину на осевую линию и так надал, что у Тима зарябило в глазах.

- Не зацепило тебя? - спросил отец.

- Что?! - в машине было шумно, а Тим и без этого слышал плохо. Все его силы уходило на то, чтобы отдышаться. Пси не возвращалось. Организм вел себя так, будто паранормальными способностями отродясь не владел. Координация движений по-прежнему никуда не годилась, перед глазами стоял туман. И было очень страшно.

- Не попали?! - прокричал отец.

- Я не попал! - крикнул Тим в ответ.

- Мудак! Зачем?! Ох, мудак! Идиот! Ладно! Отлежишься в психушке, ничего они тебе не сделают! Я договорюсь!

- Пап, я справлюсь!

- Заткнись! Будет так, как я сказал! Ты что, в тюрьму захотел?! Если тебе на меня насрать, ты хоть о матери подумай! Ты знаешь, что с ней будет, если она узнает?!
Тим молча делал глубокие вдохи.

- Давай ствол, - отец протянул назад руку.

- Я его на место положил!

- Что значит "на место"?

- Это их ствол! Я его вытер и сунул туда, откуда взял. Хрен докажут, что это я стрелял!

Отец на секунду обернулся, и Тим увидел, что глаза у него совершенно безумные.

- Ты учти, - сказал Тим, - я сейчас у них на сканере. Чем скорее ты меня высадишь, тем лучше. Спасибо тебе большое, но дальше я сам выберусь. Не вяжись в это дело.

- Куда ты выберешься? - процедил отец, штурмуя затор на перекрестке.

- Ты без

Меня никуда не выберешься...

- А куда ты собрался меня везти?

- Куда, куда... В Институт, конечно.

- Па, ты с ума сошел! Меня же там...

- Тебя признают невменяемым! - рявкнул отец. - И с тебя взятки гладки! Я договорился! А иначе тюрьма! Ты понимаешь, урод, что ты так и так свою жизнь загубил?! На свободе останешься, но получишь такую справку, что тебя в дворники не возьмут!

- С кем ты договорился?! - заорал Тим, срывая голос.

- С Самохиным!

От беспомощности Тима начало слегка подташнивать. Видение операционного стола замаячило совсем рядом. Тим полез за сигаретами, но куртку на груди прижимал ремень. Тим медленно потянул его, чтобы не заблокировать инерционную катушку, но ремень почему-то не поддавался. Некоторое время Тим его дергал, а потом решил просто отстегнуть. Но кнопка утопилась в гнезде без малейшего результата. Почуввав недоброе, Тим

посмотрел на дверь. И без сил откинулся на сиденье.

На двери, как и в прошлый раз, в "Волге" липового оперуполномоченного, не хватало двух ручек. Стеклоподъемника и замка.

А за рулем, совершенно очевидно, сидел зомби.

"Господи, какой же я идиот! - подумал Тим. - Попался, как маленький".

Ему вдруг пришло в голову, что эту ловушку он себе организовал сам. Перестроив энергетику отца, Тим сделал его поле открытой системой. Открытой как для зомбирования, так и для гипнотической кодировки. "Как же теперь сломать его программу? Все-таки он мне отец... Бить на жалость? Бессмысленно. Рассказать правду о Проекте? Бред. И в любом случае, как я ни вертись, у отца должны стоять блокировки сознания, которые не позволят ему меня отпустить".

Тим посмотрел за окно. Размытый нереальный пейзаж совершенно не поддавался опознанию. Привыкший видеть мир в истинном свете, без своего пси Тим действительно оказался почти слеп. Но он запомнил все повороты, и внутренний компас подсказывал, что машина идет по длинной хорде, оставляя перегруженный транспортом центр города по правому борту.

- Пап, давай на секунду остановимся, - попросил Тим. - Что-то мне нехорошо, - он закатил глаза и начал правдоподобно задыхаться.

- Тем лучше, - не своим голосом ответил Костенко-старший. - Дергаться не будешь.

"Вот блокировка и сработала", - подумал Тим. Он подался вперед, насколько позволил ремень. И увидел на левой руке отца не привычный золотой "Ролекс", а тяжелые электронные часы. Такие же, как у Нины Самохиной. И, судя по всему, у Очкарика.

- Так что сиди тихо, - будто угадав его мысли, с угрозой проговорил отец. - А то я тебя быстро успокою. Все будет так, как я решил. Ясно? Мне лучше знать, что делать. Через месяц будешь как новенький. И никто тебя не тронет. Обещаю.

В зеркале заднего вида отражались его глаза. Глаза совершенно незнакомого Тиму человека.

Тим вздохнул. У однозарядных излучателей был серьезный изъян. Если не снимать "часы" с руки, то для выстрела понадобится и вторая. Более того, отцу придется еще и повернуться к Тиму лицом. Но Сергей Костенко водил машину блестяще, а спец-"Волга", как заметил Тим, отличалась феноменальной курсовой устойчивостью.

Так что бросить ее руль на секунду-другую - пустяк.

Тим сунул руку в боковой карман, выдал из чехла лезвие и воткнул его в ремень.

Он понимал, что задумал авантюру. Опасный трюк, при исполнении которого остаться не пристегнутым - значит, подвергать себя риску смертельному. Но, удерживаемый ремнем, Тим был совершенно беспомощен. А так у него появлялся хоть небольшой, но шанс на спасение.

Зрение понемногу выправлялось, точнее, Тим привыкал смотреть глазами. Местность снаружи оказалась знакомой, и где-то впереди был поворот, глубокий и опасный правый. В том, что отец пройдет его на максимально возможной скорости, Тим не сомневался. Придерживая ремень левой рукой, правой он яростно резал черную ткань. Отец, целиком занятый управлением, на Тима внимания не обращал.

Ремень сдался. Крепко сжимая лезвие, Тим бросил хищный взгляд на напряженную шею отца и вдруг понял, что примеривается для удара в артерию... По спине пробежала судорога. А отверстие в груди уже не

знобило, а болело. Ноющей тягучей болью.

Тим от греха подальше сунул лезвие в карман на двери. Мысленно извинился перед теми, кто, быть может, попадет на встречной полосе. Обругал себя последними словами. И приготовился к броску вперед.

Навстречу очень некстати катил грузовой автопоезд.

Отец уверенно "заправил" машину в поворот, так что на грани заноса взвизгнули шины. Отпустив ремень, Тим нырнул между передними сиденьями, в душе надеясь, что у него ничего не получится, отец сможет "поймать" взбесившуюся машину и оба они останутся живы.

И рванул на себя ручной тормоз.

Отец закричал и ударил сына локтем в переносицу, но опоздал.

Следующие несколько секунд отпечатались в сознании Тима фрагментарно и только на слух, потому что в глазах у него сверкали звезды на черном бархатном фоне.

Яростный визг покрышек, когда машина встала боком и заскользила через осевую линию под грузовик.

Глухой страшный удар, адский скрежет, безумный рев тормозящего многотонного грузовика с двадцатиметровым трейлером.

А потом какое-то непонятное железное блям-блям-блям... И тишина.

Блаженная обморочная тишина.

***

Тим лежал в канаве и размышлял, хватит у него духу пошевелиться или нет.

Окружающий мир зыбко подрагивал. Впереди, буквально в нескольких метрах вниз по откосу, маячила густая рощица.

Даже потеряв сознание, Тим не развернулся из тугого клубка, в который превратился, вылетая из машины. Все тело было словно ватное, в голове стоял гул, и двигаться было страшно. Поэтому Тим не стал шевелить руками и ногами, а просто сгруппировался еще плотнее и сместил центр тяжести. Перевалился через край неглубокой канавы, покатился дальше по откосу вниз, и уже на втором кувырке сознание вновь оставило его.

Он упал лицом в холодную лужу, тут же пришел в себя, не понимая, что происходит, рывком вскочил на ноги и рухнул спиной в кусты. Упал на четвереньки и пополз в глубь рощи, как можно дальше от дороги. Метров через сто его стошнило. Тогда он завалился на бок и, обессиленный, впал в забытие.

Проснувшись, он долго не мог понять, где находится и почему. На часах была половина четвертого. Единственным местом, которое не болело, оказалась голова.

Тим, глупо ухмыляясь, таращился на часы и неожиданно вспомнил: часы - излучатель - отец - катастрофа. Он сел, привалившись спиной к березе, и попробовал оценить потери.

Левые плечо и бедро превратились в один сплошной кровоподтек. Джинсы были в нескольких местах порваны, и в дырках виднелись легкие ссадины. Куртка буквально трещала по швам. Одного рукава у нее практически не было, другой болтался на честном слове. Ощупывая себя и морщась от боли, Тим качал головой и нервно хихикал. Держась за березу, встал. Сунул в зубы сигарету и, хромя, пошел куда глаза глядят.

Вскоре он наткнулся на ручеек, умылся и почистил одежду. Рукава куртки оторвал и выбросил. Прорехи на джинсах оказались небольшими и

выглядели даже эффектно.

Голова работала почти безупречно. И главное - пошевелив ладонями, Тим уловил нечто вроде легкого ветерка. Его биополе по-прежнему существовало. А это значило, как минимум, что удар фиолетовой молнии не вычерпал ресурсы Тима до конца и он точно не умрет. Появилась даже слабая надежда на возвращение пси.

Разумеется, Тим не обольщался на этот счет. Ему нужна была помощь сильного биоэнергетика, который смог бы квалифицированно подзарядить и настроить пережившее энергетический шок поле.

Стараясь не хромать, Тим вышел из парковой зоны. Редкие прохожие глядели на него косо. Тим осмотрелся и двинулся туда, где, по его мнению, мог иметься подходящий транспорт. Неподалеку должна была проходить железная дорога. На электричках, транзитом через два вокзала, он мог выбраться на дачу, под защиту шариков, которые будут нести службу, пока не распадутся или их не снимут с поста. Тим догадывался, что легкость, с которой он сейчас передвигался, - кажущаяся и завтра он будет лежать пластом. Может - день, может - два. Вряд ли за это время пси вернется к нему. А когда шарики сдадутся, на беспомощного Тима навалится Проект. И скорее всего - убьет. Потому что Проекту нужен был экстрасенс Тим Костенко. А кому и зачем нужен просто Тим, без его гениального пси, он и сам не представлял. На его взгляд, он такой даже Ольге не был нужен.

При мысли об Ольге Тима резанула боль. Но он постарался не думать, сконцентрировавшись на главном - движении. Потому что вслед за размышлениями о любви могли прийти воспоминания о злобе и ненависти. А Тим пока что хотел одного - любой ценой выжить.

В какой-то степени он уже этого добился, выкинув убийственный фокус и уцелев.

Сам того не зная, его спас отец. Тиму было восемь лет, когда Костенко-старший поставил его на горные лыжи. И с тех пор летать кубарем на скорости в сорок-пятьдесят километров в час Тиму приходилось неоднократно. Он научился владеть своим телом, профессионально группироваться, и развил хороший глазомер.

Ему случалось ушибаться даже похлеще, чем на этот раз. А ссадин и синяков он просто не считал. Однажды, когда Тим скользил на боку по жесткому насту, у него задрался рукав куртки и снег будто наждаком снял ему кожу с запястья. А как он падал со скейта - это отдельный разговор. Скорости там были поменьше, чем на лыжах, но и сыпаться приходилось об асфальт.

Сомнения в том, что имеет смысл оставаться в машине, у Тима возникли, когда он пилил лезвием ремень. А увидев идущий навстречу грузовик, Тим испугался, принял инстинктивное решение и не прогадал. Скорость машины казалась непомерной только субъективно, на самом деле она была вполне допустимой. И, получив от отца по лбу, Тим ногами вышиб дверцу и, превратившись в тугую комок мышц, выпал наружу.

Его швырнуло, как из катапульты, и с асфальтом он почти не повстречался. В основном он катился по заросшему травой и чахлым кустарником склону. И быстро скрылся из виду. Если вообще кто-то на дороге заметил, что он успел выпрыгнуть.

Так или иначе, Тим остался жив, и за ним не было погони. Еще не было. Тим быстро ковылял вперед и сожалел о том, что не прихватил у "спортсменов" пистолет. Он чувствовал себя беззащитным просто до слез.

Конечно, оружие могло сослужить дурную службу. Вздумай он отстреливаться, превосходящие силы противника шлепнут его на месте. А то и возьмут раненого, осудят и либо расстреляют, либо отправят лет на пятнадцать "топтать зону", что опять-таки смертный приговор. Но именно сейчас Тиму позарез нужно было почувствовать, что у него есть хоть какой-то шанс постоять за себя.

А по зрелом размышлении шанса такого не было.

Впереди показалась железнодорожная насыпь. И почти сразу Тим увидел платформу.

И, только сев в электричку, задумался - интересно, а выжил ли зомби, который вез его на смерть? Зомби, который был когда-то его отцом. И без малейшего удивления Тим осознал, что его это совершенно не волнует. Действительно, зомби он уже насмотрелся достаточно. Много и разных. А этот был ничуть не лучше других.

***

Был уже почти вечер, когда Тим, осторожно раздвинув кусты, выглянул на тропинку, ведущую в дачный поселок. Сегодня его весь день окружал лес, и Тим уже свыкся с тем, что он постоянно крадется, озираясь, через зеленый полумрак. Прищурившись, он осмотрелся и тут же увидел Ольгу.

Глядя под ноги, девушка шла быстрыми шагами ему навстречу. В руке у нее была старая хозяйственная сумка.

Тим неприязненно сморщился. Он понимал, что Ольга просто не в состоянии представить себе, насколько серьезно их нынешнее положение. Да, с утра она старалась верить Тиму безоглядно. Но к вечеру, судя по всему, просто устала бояться и прятаться. Тим протянул руку и рывком втащил Ольгу в кусты.

От неожиданности девушка задохнулась, глаза ее расширились и она уперлась рукой Тиму в грудь. Но тут же узнала его и со слезами бросилась на шею. Тим крепко обнял ее и прикрыл глаза.

- Тимка... - прошептала Ольга. - Любимый... Вернулся. А... - она чуть-чуть отстранилась и принялась разглядывать Тима, будто не веря до конца, что это он.

- А у нас хлеб кончился... Я в магазин... вот. Ой, Тима, что с тобой? Тебе больно, милый?

- Это я упал, - пробормотал Тим, не открывая глаз. Он прижимался к Ольге всем телом, и это было самое прекрасное, что случилось в его жизни за последние дни.

Изголодавшийся по теплу, он таял и плавился в поле девушки, обжигавшем и расслабляющем, как горячий пар.

- Пойдем? - осторожно спросила девушка.

- Тебя никто не беспокоил?

- Нет. Я не выходила, как ты сказал, а тут вот...

- Ладно, ничего. Хорошо, родная. Пойдем. Только давай через лес, срежем угол, ладно? - Тим снова выглянул, осмотрел тропу и, увлекая Ольгу за собой, в три прыжка оказался на другой стороне. - Привык, - объяснил он. - Весь день сегодня по кустам бегаю. Давай, веди.

Через несколько минут они вышли на небольшую полянку. До дома оставалось совсем немного, но Ольга вдруг остановилась.

- Что с тобой, Тим? - спросила она, глядя на него в упор.

- То есть? - растерялся Тим.

- Ты вернулся какой-то не такой. Я тебя не узнаю. У тебя даже походка изменилась. Тим, это ты или... - Господи! - рассмеялся Тим.

Он привлек Ольгу к себе и поцеловал в губы так нежно, как только мог. Всю душу он вложил в эту ласку, всю искренность, всю радость встречи. Что бы там ни говорил про Ольгу подлец Очкарик, Тим ни на секунду не сомневался, что это всего лишь грязная психотерапия. И вот - она была здесь, рядом с ним, такая же, как всегда, естественная, теплая, верная. Совсем не похожая на зомби. Да Проект и не рискнул бы покуситься на единственного человека, с которым Тим поддерживал тесный контакт. Потому что стоило бы Тиму "раскрыть" такого зомби, как последняя ниточка, за которую Проект мог бы притянуть к себе экстрасенса Тимофея Костенко, оборвалась бы.

- Я люблю тебя, - сказал Тим, отступая на шаг, чтобы Ольга могла хорошенько рассмотреть его. Он знал, что даже сейчас, ободранный, шатающийся, с шишкой на лбу и трясущимися руками, он для нее дороже всех на свете. И действительно - она улыбнулась, глядя ему в глаза. - Я люблю тебя всем сердцем, - сказал Тим. И застыл, не закрывая рта.

Его расстрелянное Очкариком пси все еще не проснулось. Но волна холода, вдруг плеснувшая в спину, была Тиму хорошо знакома. Еще ребенком, не понимая своего дара и не умея управлять им, он научился бессознательно распознавать свои ощущения. И сейчас ему под лопатку уперся враждебный холодный взгляд.

Все, что случилось дальше, уложилось в одну-единственную невероятно долгую секунду. Тим начал разворот, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Он просто не мог поступить иначе, им управлял наработанный с детства условный рефлекс.

Что-то горячее пронеслось мимо, очень близко, обжигая ему грудь. И с треском ударило в живую плоть совсем рядом.

Наверное, Тим закричал. А может быть, и нет. Но безумная неконтролируемая ярость заполнила все его существо. И тут же с резким щелчком развернулся следящий контур пси, и радужными отсветами залил пространство вокруг полный спектр принадлежащих Тиму энергетических полей.

Мир стал нормальным. И Тим нанес по нему такой страшный удар, что картинка на внутреннем экране его сознания зарябила и перекосилась.

Почти минуту Тим стоял, пошатываясь, контуженный отдачей. Вокруг царил тишина, вот только в буреломе впереди что-то булькало и шипело. Тим наклонил голову, спрятал лицо в ладони и "принюхался".

На этот раз он убил четверых. Они преследовали его долго, но смогли догнать только здесь, когда Ольга остановилась на поляне. И тот, что шел впереди, решил выстрелить почти с ходу. Только в последний миг, увидев, что есть время тщательно прицелиться, он притормозил, задержал дыхание и пробуравил спину мишени ледяным взглядом убийцы.

Он, наверное, даже не успел понять, в кого попал и попал ли вообще. Потому что Тим буквально взорвал его изнутри. И остальных - тоже.

Медленно, очень медленно, все еще не отнимая рук от лица, Тим повернулся. Встал на колени над телом любимой и принялся раскачиваться из стороны в сторону, чувствуя, как из горла рвется не то стон, не то хрип.

Ольга лежала навзничь, чуть согнув ноги, и ее широко раскрытые глаза смотрели в небо. Она все еще улыбалась. И крови на кофточке под ее левой грудью почти не было.

Сам не понимая, что делает, Тим встал на четвереньки, подполз к мертвой девушке и упал на нее, обхватив руками и ногами тело, которое минуту назад было живым.

Еще стоя посреди поляны, Тим спиной почувствовал, как ушел из этого тела вверх, в небеса, оранжевый луч, унося с собой что-то очень важное, самое важное в ауре человека, без чего ты уже не жилец.

Глухо рыча, Тим прижался щекой к щеке Ольги. Он не знал, зачем ему это нужно, но его поле, развернувшись, казалось, во всю планету, яростно посылало сигналы. Он искал Ольгу, он звал ее, он умолял ее вернуться. Он не хотел ее отпускать. Он не мог без нее жить.

Теплая энергетика леса сконцентрировалась вокруг Тима, накрыв его разноцветным куполом. Посланные Тимом невидимые иглы и нити погрузились в тело девушки, устанавливая связи на клеточном уровне.

Коленом Тим нащупал голубой крест глобальной сети Хартмана. Раньше ему никогда не пришло бы в голову сделать это. Он просто не смог бы установить контакт с порождением неживой природы. Но сейчас он действительно не соображал, что делает и зачем. Он просто хотел вернуть необратимое, и готов был молить о поддержке все силы мира, и принять любую помощь.

И "соглашение" пришло удивительно легко. Без малейшего колебания Тим "раскрылся" и включил себя в энергетическую систему Матери-Земли. Он почувствовал мощный ответ и едва не утонул в нахлынувшем на него океане простых, но невероятно сильных эмоций. Теперь прямо в его груди дышала целая планета, теплая, добрая, живая. Тим застонал и, кажется, перестал дышать.

Это ощущение было огромно и всеобъемлюще. В нем были одновременно все начала и все концы. Тысячу раз за доли секунды Тим родился и умер, и родился вновь.

Чудовищный организм, нервным центром которого стал Тимофей Костенко, был связан с каждой энергетической системой на его поверхности, от камня до человека.

Ежесекундно он порождал свободную энергетику живых и неживых вещей. И ежесекундно умирал вместе с каждым своим детенышем.

Наверное, поэтому организм не был разумен. Он просто был всем, и все было им. И Тим, разумный, включившись в теплое дыхание Земли, потерял себя. Он больше не был Тимофеем Костенко. И одновременно чувствовал пульсацию своей личной ауры где-то далеко-далеко, на окраине сознания. Вокруг этой ауры сгустилась боль, она была не к месту, она раздражала, ныла, как больной зуб. Что-то с ней нужно было делать, и Тим-Земля, естественно, устранил причину боли. Он даже успел почувствовать облегчение прежде, чем его сознание вдруг схлопнулось, превратившись в маленькую аспидно-черную точку в бескрайней тьме Вселенной.

И время остановило течение свое.

В лесу Тим оторвался от тела Ольги, поднял к небу мертвенно-бледное лицо со слепыми бельмами невидящих глаз и, разрывая голосовые связки, страшно, громко, безумно закричал.

Когда Ольга пришла в себя, она сразу поняла, что случилось. Ей приснился кошмарный сон, и она, как это часто бывает с людьми, проснулась, не пробуждаясь до конца. Всего лишь перенеслась из одного сна в другой, не страшный, а просто чуть странный, как многие сны.

В этом сне она лежала на лесной поляне и смотрела в багровое закатное небо. Было немножко трудно дышать, потому что на нее всем весом

навалился Тим, который тоже спал. А еще была то ли ранняя зима, то ли поздняя осень, потому что над головой шелестели сухие желтые листья, и мертвая трава на поляне была покрыта тонким слоем блестящего инея.

Ольге стало холодно, и она крепче прижалась к Тиму, но он, обычно такой уютный и теплый во сне, сейчас не грел ее. Ольга поняла, что так они замерзнут, и начала звать любимого, чтобы тот очнулся, и они пошли домой, в постель, под толстое одеяло, где можно будет обняться и заснуть новым сном, в котором не будет холода, а будет только радость и любовь.

Тим просыпался долго и трудно, но ей все-таки удалось растормошить его и заставить подняться. Во сне Тим был какой-то странно бесцветный, и еще он не произносил ни слова, не издавал ни звука, и все старался прикрыть глаза. Ольга почти взвалила его на себя и потащила к дому, благо до него было недалеко.

Голова Тима безвольно моталась, он едва переставлял ноги, но Ольга вела его, и все получалось нормально.

На ходу она размышляла, что с Тимом, наверное, что-то случилось. Он стал очень странный, не похожий на себя. Яркий и неординарный в реальной жизни, в снах Ольги Тим обычно появлялся блестящим и сверкающим, загадочным и сказочным существом. А в этом сне даже его роскошные густые волосы, на которые Ольга часто смотрела с завистью, почему-то совсем потеряли цвет. Тим был какой-то пегий, и лицо у него было серое, и казался он на удивление слаб. Ольга подумала даже, не к беде ли этот сон, но потом вспомнила, что сны - это всего лишь необычные комбинации уже известных нам впечатлений, и успокоилась.

Идти оказалось нелегко, Ольга с трудом управляла своим телом, постоянно спотыкалась, а о Тиме и говорить было нечего. Но ей удалось-таки добраться до раскрытой настезь калитки. Сразу за ней, прямо на дорожке, ведущей к дому, лежали один на другом два незнакомых человека. По скрюченным телам и оскаленным лицам Ольга сразу поняла, что они мертвы. Она совсем не испугалась, только легкая тревога за Тима охватила ее. Она догадалась, что эти двое приходили за ее любимым, но та невидимая стража, о которой говорил Тим, остановила чужих. Ольга аккуратно обошла мертвые тела и повела Тима дальше, в глубь поросшего соснами участка, к дому.

Тим двигался как автомат, не открывая глаз, но Ольга все-таки сумела не только ввести его в дом, но и затащить на второй этаж, где они спали. Раздеть его и раздеться самой у нее уже сил не хватило, да это ведь было и не важно во сне.

Все равно они проснутся под одеялом, может быть, даже обнявшись, лицом к лицу, губы в губы - такое часто с ними случалось. И она расскажет Тиму, какой ей приснился сон. Без сил Ольга упала на кровать рядом с Тимом, обняла его и почти сразу же перепрыгнула из этого сна в другой, привычный, где все было хорошо.

***

Первое, что Ольга увидела, проснувшись, - огромные серо-стальные глаза с длинными пушистыми ресницами, пристально разглядывавшие ее. Глаза Тима часто меняли цвет, в зависимости от освещения и настроения их хозяина они бывали окрашены в разные тона, от зеленого до светло-серого. Но такими холодными Ольга не видела их никогда. Она потянулась было, чтобы поцеловать эти глаза, и тут же отшатнулась. Ей показалось, что

кошмар не кончился и она все еще спит.

- Да, родная, - сказал Тим. - Все правильно. Это я.

- Тима... - прошептала Ольга. - Ты седой...

- Не совсем, - произнес Тим безразлично. - Скажем так, на две трети.

Ольга протянула руку, но так и не нашла в себе сил коснуться его пышной шевелюры. Еще вчера мощная и темно-коричневая, теперь эта длинная грива стала пегой и безжизненной. Она не совсем потеряла цвет, но Тим был прав - каждые два волоса из трех серебрились пепельной сединой.

- Я думала, это сон... - прошептала Ольга, чувствуя, как дрожит подбородок и на глаза наворачиваются слезы.

- Нет, солнышко, - пробормотал Тим. - Это был не сон.

В отличие от Ольги, Тим оказался раздет и до самого подбородка укутан в несколько одеял. Ольга поняла, что сон действительно кончился. Тогда она уткнулась носом в подушку и заплакала.

- Ерунда, - услышала она. - Главное, что все получилось. Все получилось так, как я хотел, - Тим придвинулся к ней и обнял.

- Ш...ш-што? - выдохнула она сквозь слезы. И тогда Тим опустил руку и расстегнул пуговицу на ее джинсах. Что-то, застрявшее там, упало на кровать, Тим подобрал это и поднес к ее лицу.

- Держи, - сказал он. - На вечную память. Только не потеряй. Больше такой ни у кого нет.

На его ладони был небольшой кусочек металла. Ольга резко перевернулась на спину.

Глаза у нее высохли. Несколько секунд она смотрела на пятно крови у себя на кофточке. Потрогала осторожно маленькую дырочку с обугленными краями.

Расстегнула кофточку и увидела это - розовое пятнышко под левой грудью.

- Не болит? - спросил Тим.

И тогда Ольга, забыв о том, как страшно ей показалось еще минуту назад прикасаться к этому новому, совершенно незнакомому ей человеку, бросилась ему на грудь и разрыдалась снова, уже надолго и всерьез.

- Там у калитки стоит машина, - сказал ей Тим часом позже. - Ты не сделаешь мне одолжение? Пойди спроси, чего хотят.

- Конечно, - сказала Ольга. - Ты лежи отдыхай. Я сейчас.

- Там всего лишь один человек. Тихий, спокойный, не меченый, безоружный. Можешь говорить с ним абсолютно спокойно. Только не высывайся за калитку. Он в курсе, что с ним будет, если попробует войти. Так что ты с ним не церемонься. Будь понаглее, ладно?

- Ладно, - Ольга натянула футболку и выглянула за окно. - Да, кажется, он в машине сидит.

Тим фыркнул, и Ольга мысленно себя обругала. "Разумеется, ему лучше знать, кто там и где". Обернувшись к Тиму, она увидела, что он улыбается. Мягко и чуть-чуть с хитринкой. Совсем как прежде.

- Слушай, - сказала она. - А там действительно лежали двое... ну, когда мы шли?

- Когда ты меня волоком тащила, геройская женщина. Да, там лежали двое. Но их уже давно забрали. Пожарным багром вытаскивали. - Тим коротко рассмеялся. - Я ночью очнулся, а там за забором целая делегация на пяти машинах. Перепуганные все дальше некуда. Идиоты. Если бы у них ума хватило пушку свою привезти, от нас бы одни косточки остались.

- Ф-фу, Тим, не пугай меня.

- А все уже кончилось, родная. Ничего страшного больше не будет. Мы победили, - сказал Тим спокойно и, как показалось Ольге, с тоской в голосе. Она подошла к нему вплотную и погладила по голове. Тим поцеловал ее запястье и закрыл глаза.

Ольга вышла.

До калитки было полсотни шагов, и всю дорогу Ольга пыталась разобраться, верит ли она в происходящее. И пришла к выводу, что верит. Кроме одного - что там, сзади, на подоконнике, лежит пуля, убившая ее. Такого быть не могло. Точнее, нет, такое могло быть, но смириться с этим было нельзя. Потому что вера в то, что Тим воскресил ее, стала бы последним шагом к полному и окончательному безумию.

Из стоявшей за забором машины вышел и сделал несколько шагов к калитке высокий широкоплечий мужчина средних лет с роскошной военной осанкой и гордо поднятой головой. Ольга заметила, что лицо у мужчины нездорово красного оттенка. Ей уже случалось видеть такие лица в сочетании с выправкой - у нее был двоюродный дядя, отставной полковник. Про себя Ольга так и назвала мужчину - Полковник.

- Здравствуйте, Оля, - сказал Полковник зычным голосом. - Рад с вами познакомиться.

- Здравствуйте, - кивнула Ольга.

- А Тимофей не выйдет? - поинтересовался гость.

- Не дождетесь, - хмыкнула Ольга, вспомнив, что ее просили быть понаглее.

- Хорошо, - вздохнул Полковник. - Тогда передайте ему, пожалуйста, вот это... И пусть он, когда сочтет нужным, позвонит. - Полковник достал из кармана и повертел в пальцах белую карточку. Ольга не двигалась с места, Полковник тоже.

- Кладите на землю и уезжайте, - сказала Ольга.

- Да?.. - пробормотал обрадовано Полковник. Ему явно не хотелось приближаться к смертоносному забору. - Хорошо. - Он присел на корточки, положил карточку на траву и прижал ее валявшейся рядом сосновой шишкой.

- Я сейчас уеду, - сказал он, распрямляясь. - Прямо сейчас. И вам совершенно не о чем беспокоиться. Все теперь будет хорошо. Вы только скажите Тимофею, что мы на его стороне. И пусть он обязательно позвонит.

- Ладно, - кивнула Ольга.

- До свидания. - Полковник улыбнулся и проворно нырнул в машину. Ольга подождала, когда он отъедет подальше, вышла на улицу и подняла карточку. На ней был только номер телефона.

- Говорят, что на твоей стороне, что все будет хорошо, и просят, чтобы ты позвонил, - сказала Ольга, бросая карточку Тиму на грудь и начиная раздеваться.

Тим зачем-то посмотрел карточку на просвет и небрежно сунул на подоконник. Рядом с пулей.

- Это был хороший? - спросила Ольга, ныряя к нему под одеяло.

- В смысле? - не понял Тим.

- Ну ты говорил, что в Проекте скорее всего раскол и есть плохие люди, а есть и хорошие.

- Я ошибался. Нет там никакого раскола. И нет хороших. Там есть только плохие, которые не ведают, что творят, и совсем плохие, которые ими управляют. Вот и все.

- А-а... - глубокомысленно протянула Ольга. - Ты как себя чувствуешь, милый?

- Отлично. Хоть сейчас в гроб.

- Что, милый, плохо, да? - Ольга прижалась к нему и погладила по голове. Сейчас у нее это получалось гораздо лучше. Смелее.

- Да нет, хорошо. Я уже почти совсем восстановился. Я просто... - Тим запнулся.

Ольга не стала его торопить. Тим повернулся к ней лицом, и Ольга увидела, что в глазах у него стоят слезы. - Я просто никак не могу поверить, что я седой... - прошептал Тим.

- Господи! - Ольга схватила и прижала к груди бесконечно любимую тяжелую голову.

- Мне это настолько не идет... - сообщил Тим, и плечи его вдруг мелко затряслись.

- Глупый... Какая тебе разница?

- Ничего себе! - Тим то ли заплакал, то ли рассмеялся, а скорее всего - и то и другое одновременно.

- Ты все равно у меня самый красивый, - заверила Ольга. - И я тебя буду всегда-всегда любить.

- Правда? - спросил Тим с надеждой у нее из-под мышки.

- Конечно, дурачок. Эх ты, Стальное Сердце!

- А что, нет? - спросил Тим, выглядывая наружу, и Ольга увидела, что в глазах у него уже ни слезинки. Более того, он улыбался. Пока еще явно через силу.

- Кто тебя знает, - ответила она.

- Есть такое понятие - информационный фантом, - сказал Тим, садясь на кровати и откидывая в сторону одеяла. - Стальное Сердце... Недаром это словосочетание мне так нравилось. Я только не знаю, кто его первый выдумал - я или Проект. Но в любом случае, много лет оно использовалось. Во-первых, каталось у меня в голове, как опорный сигнал. А во-вторых - висело на мне в виде информационного фантома, неким образом влияя на мою энергетику. Ох... - Он встал с кровати и схватился за левый бок.

- Болит? - спросила Ольга.

- Ты на мне хоть один синяк видишь? - поинтересовался Тим.

Ольга присмотрелась и в который раз удивленно подняла брови. Ссадины на Тиме имелись, а вот синяки исчезли без следа. Даже шишки на лбу, которая вчера расцветала всеми оттенками синего, теперь не было и в помине.

- Болит, потому что должно болеть, - объяснил Тим. - Это тоже фантомы.

Впечаталась в энергетику информация о том, что был синяк. Синяка уже нет, а информация все еще есть. Это от того, что аура у нас многослойная и каждый отдельный контур отвечает за отдельный пласт информации. Ф-фух! - Он распрямился и сделал несколько энергичных гимнастических движений. - Слабоват еще. Но завтра буду как огурчик. Вставай, красавица. Пошли мыться. Синяки я лечить могу, а вот грязь со спины отскабливать пока не научился.

По лестнице Тим спускался, крепко держась за перила. Но в то же время Ольга чувствовала в нем уверенность и силу. Такую жесткую уверенность и такую жесткую силу, которых раньше не было.

Газовый нагреватель уютно гудел за тонкой стенкой, а они мягко терли друг друга намыленными мочалками, целуясь и смеясь, беззаботно и расслабленно, как в прежние времена. Куда-то ушло напряжение, взамен ему пришла молодая радость, и Ольга, повинувшись импульсу, пришедшему из самых

глубин души, опустилась перед Тимом на колени и взяла в губы его напрягающую плоть.

- Слушай! А мне ведь, наверное, на работу надо! - вспомнила Ольга за завтраком.

- Сегодня вообще какой день недели?

- Четверг, девятое, - сказал Тим, подумав. - Да, правильно, девятое. День Победы. Так что сегодня тебе никуда ехать не надо. И завтра не надо. До понедельника мы свободны.

- Да? Странно, - Ольга выглянула в окно.

- Тихо? - догадался Тим.

Ольга кивнула.

- Я думаю, на этой улице еще долго никто не появится, - процедил Тим сквозь зубы. Глаза его затуманились. Ольга знала, что это означает - Тим "принюхивался". - Н-да-а, - протянул Тим. - И на этой улице, и на соседней тоже.

И тропинка на станцию травой зарастет, потому что новую протопчут. В обход Здесь теперь, солнышко, очень неприятное место.

- Это как-то связано... - Ольга помахала рукой в воздухе, подбирая слова.

- Да, - вздохнул Тим, - Я вчера учинил здесь небольшое энергетическое землетрясение. И похоже, волна дошла до Москвы. Так что всем, у кого дачи близко к эпицентру, в ближайшее время не захочется сюда ехать. Интересный эффект. Но предсказуемый. Очень уж большой мощности был удар.

- Сходим потом на ту поляну? - робко спросила Ольга.

- Нет! - резко ответил Тим.

- Извини... - пробормотала Ольга.

- Ты меня извини. Но я... Не могу, понимаешь? Мне тогда придется уверовать в то, что это было на самом деле. А я не хочу.

Ольга уставилась в свою чашку, не зная, что сказать. Ей раньше не приходило в голову, что Тим, который всегда так гордился своими успехами экстрасенса, тоже чего-то не хочет знать. Или во что-то боится поверить.

- У меня и так уже слишком много доказательств того, что я мутант, - горько сказал Тим, глядя куда-то мимо Ольги.

- Ты же не виноват...

- Какая разница, кто виноват! - Тим раздраженно фыркнул. - Кто виноват, с тех не спросишь. Даже если я их найду, если они еще живы, - нет такой кары, нет такой казни... Тьфу! Понимаешь, Оленька, они ведь, гады, не понимали, что делают. Если посмотреть на "Программу Детей" с позиций марксистско-ленинской этики, то ее разработчики совершенно правы. И "Программа "Зомби" с этой точки зрения тоже оправдана. А кому какое дело, что у меня другие воззрения? Имеет значение только этика тех, кто делал.

- Ну, не знаю... - Ольга пожала плечами.

- Это истина, ангел мой, - жестко сказал Тим. - В истории человечества множество преступлений, совершенных людьми, уверенными в своей правоте. Религиозные войны, красный террор, гитлеровские и сталинские лагеря. По отношению к тем, кто совершил эти преступления, никакая казнь не будет адекватной. Это будет такое же убийство. Тоже совершенное по убеждению. Всего лишь месть. Ты казнишь человека, но не казнишь идею. Потому что идеи, к сожалению, не умирают.

Ольга пожала плечами вновь. Ей не хотелось спорить.

- Вот поэтому, - сказал Тим, - кто виноват, меня не волнует. Меня

волнует, как не утратить связи с миром. Допустим, ты никогда меня не будешь воспринимать как чужого. И я к тебе не потеряю интерес. Мы друг друга любим. Но вот мир наш, общество, которое существует на планете Земля, меня совершенно не устраивает. И с каждым новым своим открытием о природе этого мира я все сильнее отталкиваю его от себя. Вот в чем дело. Вот в чем беда.

- Я пойду с тобой туда, куда ты меня поведешь, - твердо сказала Ольга, поняв его немой вопрос.

- Надеюсь, - не менее твердо сказал Тим. - Зов все сильнее, понимаешь? Все настойчивее с каждым днем. И мне кажется, что сейчас я понял кое-что... Во всяком случае, нам обязательно надо съездить туда, чтобы хотя бы посмотреть.

- Так кто там? - спросила Ольга.

- Не спрашивай, - Тим покачал головой. - Это тоже такая вещь, в которую я поверить не могу. Не потому что не хочу, нет, я этого знания совсем не боюсь. Но когда ты ждешь чего-то всю жизнь, и вот оно... - Тим поднял глаза к потолку. На лице его появилось мечтательное выражение.

- Там сидит твоя обожаемая летающая тарелка! - рассмеялась Ольга.

Тим опустил голову, прищурился, хитро глянул на девушку одним глазом, но ничего не сказал.

***

Утром тринадцатого мая, в понедельник, Тим сорвал печать с двери, вошел в свою квартиру и остановился в раздумье над разрывающимся от звонков телефоном.

Говорить сейчас Тиму ни с кем не хотелось, но звонила мама, а против нее Тим ничего не имел.

- Господи, куда же ты пропал? - было первое, что он услышал, сняв трубку.

- Я был за городом, - честно ответил Тим.

- Тима... С папой беда. Он попал в аварию.

- Знаю, - вырвалось у Тима.

- Что?

- Неважно. Где он?

- В Склифосовского. Тима, ты не приедешь? Он сутки был в реанимации, но сейчас уже все хорошо. И я... Честно говоря, я устала, Тим. Мне нужно, чтобы ты просто меня подменил хотя бы на несколько часов. Я съезжу домой, вымоюсь, переоденусь и вернусь.

- Ты все эти дни была в больнице?

- Конечно, где же еще? - удивилась мама.

- Н-да... - протянул Тим. - Как он?

- Большею частью без сознания. И ему очень долго придется лежать, Тим. У него переломов несколько и травма головы.

Тим молчал.

- Ты не приедешь? - спросила мама. В голосе ее начали прорезаться истерические нотки.

- Не знаю, - сказал Тим.

- Тим, между вами что-то произошло, я знаю, - вздохнула мама. Голос ее начал дрожать. - Но сейчас. Это не для него. Помогите мне, пожалуйста. Хотя бы несколько часов Я устала, понимаешь?

- А ты ведь ему больше не нужна, мам, - неожиданно для себя ляпнул

Тим. - И я ему тоже не нужен. У него из-за меня одни неприятности.

- Это тоже сейчас не важно, - ответила мама жестко, с нажимом. - С этим мы будем разбираться потом. Тим, мне от тебя нужно совсем немного.

- Да уезжай ты домой спокойно, ничего с ним не случится, - сказал Тим безглаголиво.

- Пусть за ним КГБ присматривает.

- Тим!!! Прекрати немедленно!!

- Скажешь, не знала?

- Замолчи! Я приказываю!

- Молчу...

- Какой бы он ни был, он твой отец... - сказала мама после короткого раздумья. - И когда он в сознании... Он тебя зовет. Вот так. А дальше - думай. Поступай как хочешь. Но я тебе этого не забуду. В кого только ты вырос таким жестоким?!

- В тебя, мамуля.

- Да, правильно отец говорил... Я ругала его за это, а теперь понимаю, что он был прав. Сколько раз он говорил, что у тебя стальное сердце, что ты не человек!

- сорвалась мама на крик.

- Ну, он действительно прав, - сказал Тим спокойно, почти ласково. - Только ты не переживай, он это не сам придумал. Ему приказали так говорить. Поезжай домой, отдохни. С ним все будет в порядке.

- Как ты можешь его так ненавидеть?! - вскричала мама. - За что?! Что ты себе выдумал, сумасшедший?! Чем он перед тобой провинился?!

- Я позвоню тебе в конце недели. - Тим повесил трубку. Открыл холодильник, достал бутылку водки, свернул крышку и начал большими глотками пить из горлышка, пока не задохнулся.

- Что вы так со мной носитесь? - спросил Тим неприязненно. Он по-прежнему был пьян, и от этого вел себя гораздо злее и прямолинейнее, чем обычно. - Зачем эта гонка? Сами же сказали, чтобы я позвонил, когда сочту нужным. А теперь в дверь ломитесь.

- Вы нам очень нужны, - ответил Полковник. Он постучался к Тиму четверть часа назад и поднял его с постели, на которой поддатый хозяин безжизненно валялся носом вниз. Извинился за беспокойство, показал документы на имя полковника госбезопасности Леонова и выставил на стол бутылку дорогого коньяка.

Тим к бутылке мгновенно присосался. От такого обращения с подарком физиономия Полковника, и без того полнокровная, стала почти малиновой, но гость не издал ни звука. Ему от Тима что-то было нужно, и он готов был терпеть, кажется, любые его выходки.

- Вы нам очень нужны, - повторил гость. - Вы уникальный специалист, и только вам под силу отвести беду от нашей страны.

- Круто! - восхитился Тим. - Что за беда такая?

- Надвигается психотронный террор, - сказал Полковник.

- И кто же бяка? - поинтересовался Тим.

- Это долгая история. В начале семидесятых в оперативно-техническое управление КГБ передали секретную военную разработку - то, что журналисты обычно называют психотронным оружием. С вашей подачи называют, между прочим. Это была, Тимофей, по тем временам совершенно гениальная разработка. Оружие массового поражения, для которого нет преград. Этаким аналогом нейтронной бомбы.

- Ну? - поторопил его Тим.

- Военное применение системы оказалось невозможным, - объяснил Полковник. - На необходимых для массового поражения мощностях пушка в первую очередь била по оператору. Он впадал в кому раньше, чем смог бы направить излучение на врага. Но идея заслуживала применения, и ее отдали в наше ведомство.

- Диссидентов травить? - не удержался Тим.

- И это тоже, - кивнул Полковник. - Тимофей, вы поймите, КГБ своего прошлого не стесняется. Что приказывал ЦК КПСС, то и делали. Ничего уже не изменишь. Так что самое разумное - вознести хвалу Господу за то, что этот кошмар закончился и Комитет теперь занят своими прямыми обязанностями - безопасностью государства.

Собственно, поэтому я и пришел к вам. Я обязан вас уговорить. А вы обязаны согласиться.

- Неужели, кроме меня, никто не может помочь? - не поверил Тим.

- Нет, - снова вздохнул Полковник. - Чтобы подготовить такого мастера, как вы, у нас нет ни сил, ни средств, ни технологий. А главное - времени нет. Мы слишком долго были отключены от управления процессом. Теперь помогут только самые решительные меры.

- Так давайте, - хмыкнул Тим, - мочите гадов. Что, стрелять разучились?

- Все не так просто, Тимофей. Я ведь не говорю, что у нас нет в Проекте своих людей. Но наши информаторы - это вспомогательный персонал. В основном наружная охрана. Бывшие сотрудники "девятки", пенсионеры. Сидят на проходной, ворота открывают. А просочиться глубже - никаких шансов.

- Отдельная территория недалеко от Кольцевой дороги, по Ленинградскому шоссе, да?

- Вы хорошо поработали, Тимофей. Все правильно. Раньше это была закрытая оборонная фирма. Формально она и сейчас такая, но это только вывеска. Из Министерства общего машиностроения ее забрали давным-давно. Здание накрыто энергетическим полем странной природы... Если бы не категорические заявления экстрасенсов, мы бы и не поверили... Короче говоря, лезть туда нормальному человеку бессмысленно. Вам знаком термин "вождение"? Это когда тебе нужно дойти до определенного места, но ты не можешь.

- Я "вождение" испытал на себе, - ответил Тим, неприязненно ежась от нахлынувших вдруг воспоминаний.

- Я тоже, - кивнул Полковник. - Жуткая вещь. В общем, патовая ситуация. Нам оставалось только пассивно наблюдать. Но две недели назад положение изменилось.

Тридцатого апреля у них в главном корпусе случилась какая-то серьезная авария (Тим хмыкнул - он-то знал, что тогда произошло, - это они постарались с геопатогенной зоной на пару). И первого мая три смены ведущих операторов и научный руководитель Проекта вдруг перешли на запасной командный пункт. Здесь, в городе. Он в подвале обычного жилого дома, никакой вооруженной охраны. Но защитное поле на месте, так что заглянуть внутрь мы по-прежнему не в силах. Тем не менее появился шанс подвести штурмовую группу вплотную к зданию. Нужно только придумать, как миновать защитное поле и войти в подвал. И здесь нам можете помочь только вы, Тимофей. Выручайте нас. Они просидят в этом подвале месяц, не больше. А потом будет поздно.

- А если я откажусь?

- Вы не можете отказаться! - воскликнул Полковник. Тим придвинул к себе сигареты. Как он ни "обнюхивал" Полковника, придраться было не к чему. Полковник верил в каждое произнесенное слово. "Впрочем, - подумал Тим, - некто Самохин тоже был очень убедителен".

- Я скажу вам честно, Тимофей. Не только мы следим за Проектом. Он тоже нами интересуется. И если мы выступим против него в открытую, для начала придется, э-э... нейтрализовать часть наших людей, - сказал Полковник с глубочайшей тоской. - Слишком много. Ваш друг Владимир Владимирович Рябцев, он, конечно, своеобразная личность, но с диагностикой здорово нам помог. Настолько здорово, что сначала мы ему не поверили... - Каждой бочке затычка этот Рябцев, - процедил Тим.

- Он был одним из наших ведущих специалистов, - заметил Полковник. - Пока не проявилась неадекватность его психики.

- Как вы только решились отпустить его на вольные хлеба... - протянул Тим задумчиво.

- Вздумай он болтать, кто бы ему поверил? - усмехнулся Полковник.

- Но он все-таки начал болтать.

- Только когда мы почувствовали опасность. Вот тогда с Рябцевым поработал наш психотерапевт, и он начал болтать. И тут же вывел нас на некоего Тимофея Костенко. Как видите, Рябцев хорошо сработал. Мы ведь потеряли вас, Тимофей. Все файлы по "Программе Детей" у нас забрали, когда создавался Проект.

- А Детей, значит, делали вы? - спросил Тим.

- Не совсем. Тех, кто непосредственно отвечал за эту программу, вы сейчас в живых не найдете. Они все очень рано умерли. Проблема та же - отдача при работе генератора на повышенных мощностях. Организм разрушается в первую очередь у самого оператора. Психотроника - штука тонкая, деликатная. Раньше этого не понимали. Боюсь, в Проекте этого не поняли до сих пор. Между прочим, катастрофа с "Программой Детей" и послужила толчком к созданию Проекта. Закрытая служба, которая, как и мы, подчинялась напрямую ЦК. Только вот теперь она, похоже, уже никому не подчиняется... И сладу с ней нет.

- Всемогущий КГБ вовсе не всемогущ, - хмыкнул Тим.

- Увы, - коротко ответил Полковник.

Тим задумался, "обнюхивая" Полковника. Резюме было совершенно четким - к Тиму пришел союзник. Впервые. И совершенно не с той стороны, откуда можно было союзника ждать.

- Мы не хотим, чтобы страдали невинные, - сказал Полковник. - Мы надеемся раскодировать наших сотрудников, которых зомбировал Проект. Для этого нужны операторы Проекта - живые. А без вашей помощи нам в лучшем случае достанутся трупы.

- Ваши собственные трупы вам достанутся! - процедил Тим сквозь зубы.

- Вот ведь послал бог союзничков! У вас же было по стукачу на каждые десять человек! В каждой рабочей бригаде, студенческой группе, в каждом подъезде... Как же вы проморгали, а? Как не углядели, что Проект выходит из-под контроля?

- А Комитету приказали не глядеть в эту сторону. Отобрали всю аппаратуру, всю документацию, всех специалистов. Как в свое время - у военных, когда отдавали разработку нам. Таким же образом и с нами обошлись. И все.

Тим поднялся, достал из шкафчика рюмки, разлил коньяк и придвинул к Полковнику вазочку с засохшим в камень печеньем.

- Спасибо, - грустно кивнул полковник и вылил в себя коньяк, как воду. - Плохо дело, Тимофей. Мы даже не знаем толком, кто сейчас отвечает за Проект наверху.

Руководство Проекта довольно часто общается с некоторыми членами ЦК, но кто там главный... И производство, если можно так выразиться, у них разбросано по всей территории СССР. А сейчас к нему подключают коммерческие фирмы, проконтролировать которые очень сложно. Плохо дело. Беда будет.

Тим выпил, покосился на печенье, но закусить не рискнул, жалея зубы.

- Поверьте, мы сложа руки не сидели, - все так же грустно сказал Полковник. - Насколько это возможно, мы оберегали вас, Тимофей. Рябцев вас прикрывал, да и многие другие... Мы предполагали, что однажды... - Это вы вмешались, когда я собирался ехать в Институт? - спросил Тим.

- Да, - кивнул Полковник. - Самое обидное, Тимофей, вы уж нас простите... Именно мы поначалу направили вас туда.

- Ё-моё, - только и сказал Тим.

- Такие вот дела, - Полковник слабо улыбнулся. - Мы еще не знали, что наш человек, который организовал вам встречу с Самохиным, - двойной агент. Это открылось слишком поздно. И мы успели всего лишь позвонить. Конечно, я тут же послал за вами, но вы уже исчезли. А потом выяснилось, что и звонивший - "двойняшка". Тьфу! Мы начали всерьез разбираться со своими, оказалось, что зомбировано несколько сотрудников, занимающих ключевые посты, и началась такая катавасия... На всякий случай у вашего дома оставили пост, но он... - Полковник весь съежился, и Тим поверил в его страх. - Но он исчез. Просто исчез.

Признаюсь, Рябцев уверял, что вы справитесь в одиночку. Но ему никто не верил.

Мы уже записали вас в пассив. И только по небрежности самого Проекта нам удалось выйти снова на ваш след... - Полковник окончательно сник, пряча глаза.

- Экий вы совестливый, Полковник, - саркастически заметил Тим.

- Не знаю... - честно сказал Полковник.

- Вы кто вообще? Ну, у себя там...

- Служба внутренней безопасности.

- Ну-ну. Между прочим, а что такое этот Институт нейрохирургии?

- Да просто исследовательский центр. Но один из его отделов, тот, который возглавляет Самохин, давно уже занимается психотроникой. И иногда выполняет наши заказы. В последние месяцы, например, проверяет моих сотрудников на предмет зомбирования. И вот ведь... - Полковник крепко стукнул кулаком по столу. - Теперь мы группу Самохина фактически потеряли. Сами отдали Проекту. Что там сейчас творится - уму непостижимо... Тим закурил и крепко сжал зубами фильтр. Наконец-то он знал все, что ему хотелось. На схеме Проекта не осталось белых пятен. И даже проявилось уязвимое место. Казалось бы - иди и бей. Но кто мог поручиться перед Тимом, что Полковник не ошибается?

- Так я резюмирую, - сказал Тим. - Лет десять назад, после того как КГБ облажался с Детьми, была создана некая служба. Чем занимается, непонятно. Кому подчиняется, неизвестно. Чего ей надо - загадка. И вот ко мне является полковник Леонов и просит его от этой службы защитить. Рассудите сами, Полковник, куда именно я вас должен послать.

- Все не так грустно, Тимофей, - сказал Полковник. - Вы правы только в одном.

Действительно, в СССР есть некая спецслужба, которая занимается перспективными научно-техническими разработками. Более того, как ни страшно о таком говорить, иногда она прикрывается именем КГБ. Причем Комитету в самой настоятельной форме отсоветовали этой службой интересоваться. Мы терпели, мы молчали. Но сейчас мы полагаем, что эта служба может нарушить баланс сил в государстве. Может быть даже - взять на себя управляющие функции. Мы считаем, что такая опасность реальна. Вы уже знакомы с методами Проекта и должны представлять себе, что будет, если Проект окажется у руля.

- В отличие от вас, дорогой Полковник, - ухмыльнулся Тим, - я себе действительно это представляю. Но вы напрасно пудрите мне мозги. Вам просто боязно, что Проект вышибет рычаги из рук КГБ.

- Комитет ничем не управляет, - сказал Полковник сухо и жестко.

Тим "принюхался" и отметил, что Полковник, по крайней мере, верит в то, о чем говорит.

- Комитет никогда ничем не управлял, - продолжал Полковник. - Комитет только выполнял распоряжения. Он служил, и не более того. А Проект - это совсем другой уровень. Вы не читали книгу Суворова "Контроль"? Хотя нет, откуда вам... Так вот, я вас уверяю, что Проект - реставрация одной из самых изуверских сталинских идей - тотального контроля над умами властей предрежущих. Не народом хочет командовать Проект, а руководящим звеном. Народом они заинтересовались только сейчас, когда на носу время бунтов и мятежей, а может быть, даже и революций.

Вот сейчас им нужен и другой контроль, глобальный. Поэтому они такими бешеными темпами ведут подготовку операторов. Поэтому им нужны вы, Тимофей. И я вам могу дать еще один факт для анализа. Вам будет, наверное, интересно узнать официальное название Проекта. Он называется "Государственная Контрольная Служба СССР".

- Контрольная так контрольная, - отмахнулся Тим.

- Мы полагаем, что они толкуют слово "контроль" по-особому, - сказал Полковник.

- В руководстве Проекта люди с имперскими амбициями. Меньше, чем мировое господство, в перспективе их не устроит. Но для начала они, конечно, задушат все центробежные силы внутри страны. Вы представляете себе, Тимофей, сколько отличных людей умрет от внезапной остановки сердца во сне? Как Сахаров, например.

Тим молчал.

- Сначала они будут выпалывать сорную траву, - горько сказал Полковник. Так горько, что Тим его даже пожалел. - Потом уничтожат преступность. Установят насильственно коммунизм. А потом начнут прибираться к рукам сопредельные государства. И так - пока хватит операторов.

- А потом не выдержит и развалится экономика, - заключил Тим. - Или развалится психика у людей. И будет гражданская война, только уже глобальная и ядерная.

- Точно, - кивнул Полковник. - Видите, Тимофей, вы же все отлично понимаете.

Тим снова разлил коньяк и посмотрел бутылку на просвет.

- Нужно было литр брать, - заметил он сварливо.

- Я не знал... - развел руками Полковник.

- А надо было знать! - неожиданно резко заявил Тим. - Тоже мне, кагэбэшник... Пришел в гости к властелину мира и не удосужился бутылку

побольше найти.

Полковник рассмеялся было, но умолк. До него, видимо, дошло, что Тим не шутит. А Тим встал на ноги и подошел к балконной двери.

- За мной, - скомандовал он, толкая дверь и выходя на балкон.

Полковник без звука нырнул следом.

- Смотри, ты... таракан, - сказал Тим, показывая пальцем вниз.

Полковник осторожно глянул, и у него отвалилась челюсть. Неподалеку была автобусная остановка, на которой в ожидании транспорта собралось человек десять.

И прямо на глазах Полковника все они, включая пару дряхлых бабушек, выполнили знаменитую армейскую команду "упор лежа принять".

- Смотри! - приказал Тим. - Вот что такое Проект, вот что это, понял?!

Люди внизу синхронно отжимались.

- Делай р-раз! - скомандовал Тим, и люди застыли, держа тела на вытянутых руках.

- Делай два! - И руки согнулись. - Делай раз! Два-а! Делай раз!

Два-а... - Не надо, Тим... - прошептал в ужасе Полковник.

- Надо, Полковник! Делай раз! Два-а...

- Прекратите!!! - заорал Полковник и осекся. Он вдруг обнаружил, что против своей воли перебирается через ограждение балкона и повисает на вытянутых руках.

Внизу было шесть этажей.

- Делай раз! - И руки Полковника согнулись. - Два! - И он снова повис.

Народ внизу в таком же темпе продолжал отжиматься. Случайные прохожие и люди в машинах, проезжавших мимо, похоже, никак на это представление не реагировали.

- Отставить! - скомандовал Тим.

С неожиданной для себя легкостью Полковник сделал "выход силы", запрыгнул на балкон и встал навтыжку рядом с Тимом - носки на ширину ступни, большой палец сжатого кулака по шву на брюках. Люди на остановке моментально построились в две шеренги.

- Всем спасибо, - произнес Тим безмятежно, повернулся и ушел на кухню.

Народ на улице повалился наземь.

На балконе Полковник упал на четвереньки и заплакал.

- Вот такое я чудовище, - ласково сообщили ему с кухни.

***

- Я и представить себе не мог, что это такой риск! - возбужденно говорил Полковник часом позже. Между ним и Тимом стояла очередная бутылка, и водки в ней оставалось на доньшке.

- Иначе никак, - сказал Тим. - Любой "черный" психокинез необратимо уродует сенса. Как энергетику, так и психику. Я себя фактически погубил еще в детстве, когда с перепугу оттолкнул врачиху-психиатра. Тетка через несколько лет копыта откинула. Этот первый опыт я как-то в себе задавил, не дал ему закрепиться.

Но... Вы можете представить себе, Полковник, я ведь за всю свою жизнь ни разу человека не ударил! Только запугивал, на нервы давил... В первый раз это со мной случилось на прошлой неделе!

- Боялся стать зверем? - осторожно спросил Полковник.

- Вроде того. Но стоило мне, опять-таки защищаясь, вогнать нескольких хулиганов в энергетическую кому - и все, как начал убивать, так по сию пору не могу остановиться... Полковник душераздирающе вздохнул и разлил остатки водки.

- Есть легенда, - сказал Тим, закуривая и опуская глаза, чтобы не видеть саркастической реакции Полковника на то, что он собирался рассказать. - Вы не поверите, да и не надо. Но легенда существует, и с ней многие считаются.

Говорят, что некоторые сенсы могут образом трансформировать свой организм.

Показывать фокус, известный человечеству со средних веков. Короче говоря, превращаться в вервольфа. Такое чудовище, что-то среднее между волком и медведем... - Я в кино видел.

- Ну вот... Но когда меняется тело, необратимые изменения претерпевает и энергетика. И с каждым разом сенсу бывает все сложнее вернуться назад, в нормальное состояние... Нечто подобное творится со мной, когда я вынужден убивать. Я потом очень долго не могу стать прежним. Минимум сутки после этого я все еще сущий волк... - Тебе не придется больше убивать, - пообещал Полковник твердо.

- Вервольф... - пробормотал Тим задумчиво. - Весь последний год он снится мне в кошмарах. Он ждет меня там... - Давай выпьем, мой мальчик, - сказал Полковник ласково. - Давай выпьем за то, чтобы ты больше никогда не убивал.

- Длинный коридор... - Тим поднял рюмку. - Длинный и узкий темный коридор. И там, за углом, он меня будет ждать.

- Будь здоров, - сказал Полковник, и рюмки сдвинулись.

- Не буду... - покачал головой Тим. - Уже не буду. Полковник взял со стола консервную банку, зацепил вилкой немного морской капусты и с наслаждением ее прожевал.

- Отменная штука! - сказал он.

- Во Вьетнаме ею закусывали? - хитро прищурился Тим. Полковник неопределенно хмыкнул.

- Ты знаешь, - сказал он, - я ведь собирался в отставку. Разлюбил свою работу.

Потерял, видимо, какие-то нравственные ориентиры... А вот сегодня я рад, что не ушел на пенсию. Потому что я сижу с тобой, выпиваем мы... - И вы гордитесь своей миссией, - закончил за него Тим.

- Точно! - кивнул Полковник.

- А я нет, - вздохнул Тим.

- Ты всего лишь расчистишь нам дорогу, - сказал Полковник. - И как только мы подъедем, тут же уйдешь. Ты пойми, Тима, мальчик мой, никто, кроме тебя, не может этого сделать! Как только подходит к этому чертову подвалу заинтересованный человек, он тут же будто в стену упирается! А двоих мы вообще потеряли. Одного три дня назад, а другого вчера. Ты-то можешь себе представить, как им мозги выпотрошили! Хорошо, конечно, что они не знают, кто их посылал и зачем. Но сколько же можно людей вместо миноискателя использовать?!

Тим почесал затылок.

- Не знаю, - сказал он. - Конечно, я там не был больше года. Но ничего особенного в этом подвале не было. Лаборатория в пять комнат, а остальные помещения закрыты.

- Мы уверены, что там запасной командный пункт. Научный руководитель Проекта ездит туда каждый день. Ты просто открой нам коридор. Дальше уж мы сами.

- Ни хрена вы, Полковник, не понимаете, - произнес Тим устало. - Допустим, подберусь я вплотную. Унюхаю этого ублюдка. Открою и удержу коридор, по которому вы сможете пройти. Но как только начнутся возмущения в их защитном поле, они мгновенно разберутся, в чем дело. И более того, поймут, кто к ним пожаловал! Вот тогда-то мне и будет весело... - А что ты предлагаешь? Бомбу на них сбросить, что ли? Из пушки стрелять? Жилой дом в сто квартир!

- Они знали, где устраивать командный пункт... - усмехнулся Тим. - Лаборатория в подвале существует много лет, сколько дом стоит. Никаких подозрений. Адом большой, подвал там огромный. И отличное прикрытие над головой - пять этажей с живыми людьми. Вы представляете, что будет, если они эту армию на вас двинут?

- То есть?!. - спросил Полковник встревожено.

- Да очень просто, - опять усмехнулся Тим, совсем невесело - Допустим, как вы говорите, шевеление в подвале началось первого мая. Уже второго появилось защитное поле, избирательно зомбирующее тех, кто пытается следить за домом.

Неужели вы думаете, что они не позаботились обезопасить себя от вооруженного штурма? Да стоит вам только дернуться, как на вас из окон попрыгает весь дом!

- Чуть какая-то... - пробормотал ошеломленный Полковник.

- Я знаю Проект лучше вас, - напомнил ему Тим.

- Да-да! - поспешно выставил ладонь вперед Полковник. - Я тебе верю. Нет вопросов. А... А что же делать?

- Вы уверены, что если выбить московских ведущих операторов, то Проект застопорится? - спросил Тим. - А что в других городах?

- Главное сейчас - Москва, - сказал Полковник твердо. - И у нас в запасе не больше месяца. Через месяц войдет в строй штука, которую они называют Объект.

Командный пункт немедленно переедет туда. А там, судя по нашим данным, большая закрытая территория. Крепость, понимаешь? И вокруг нее они наведут такое мощное поле, что, наверное, даже тебе будет опасно туда соваться. Мы должны накрыть командный пункт, пока он в черте города, пока он еще не защищен по всей форме.

- Ну-ну... - пробормотал Тим.

- На Объекте они строят какую-то гигантскую установку. Мальчик мой, выручай!

- Большая гиперпространственная психотронная пушка, - промурлыкал Тим мечтательно. - Отличный инструмент переустройства мира.

- Похоже на то, - кивнул Полковник. - Они все туда заберутся, ворота запрут и начнут вертеть нами как марионетками. А нам это надо?

- Что заслужили, то и получите, - отмахнулся Тим. - Пердуны старые. Сначала детей своих искалечили, а теперь пора и самим головой в петлю... Полковник, который никак не мог привыкнуть к тому, что настроение у Тима меняется ежеминутно, завертел головой в поисках водки.

- В холодильнике, - сказал ему Тим, и Полковник тут же вскочил. Открыв дверцу, он с видимым облегчением вытащил бутылку и принялся ее откупоривать. - Смелый вы мужик, полковник Леонов, - заметил Тим. - Я бы на вашем месте сюда не пришел.

Побоялся бы.

- За тебя Рябцев поручился, - хмуро сказал Полковник, разливая.

- Так он же сумасшедший.

Полковник выпил, и глаза его на миг затуманились.

- Я хочу, чтобы Проекта не было! - заявил он. - Все нормальные люди хотят, чтобы Проекта не было. Неужели ты не хочешь этого, Тим? Ты воюешь с Проектом уже год.

Посмотри на себя, ты поседел на этой войне. Неужели ты сейчас остановишься, когда осталось сделать последний шаг? Тима, поверь, я готов быть твоим заложником, твоей игрушкой, чем угодно - лишь бы ты пошел на дело.

- Во дворе не замечали машину технической помощи? - вдруг спросил Тим. - "ГАЗ-66" с надписью "Техпомощь" на борту кунга?

- Туда даже легковая только одна заезжает. Которая привозит Хананова. Нет, Тима, не было там такой машины.

- Хорошо... - задумчиво сказал Тим. - Значит, операторы...

- Три смены по десять человек каждая. Ты подойдешь в пересменку, в половине четвертого, когда их там будет двадцать. И Хананов тоже будет там. Ты установишь, так ли это. Если да - откроешь коридор, подашь сигнал, и через две-три минуты подъедет штурмовая группа. Всего и делов-то. Ни о чем больше не думай. Черт с ними, с людьми в доме. Не обращай внимания. Лучше сотня трупов, чем двести миллионов зомби.

- Какая тактика штурма?

- Шоковые гранаты, нервно-паралитический газ. Стрельба боевыми только в крайнем случае. Поломаем аппаратуру, возьмем операторов. Комитет проведет расследование, а прокуратура устроит процесс. Более того, мы погоним такую же волну по всему миру. И все! Психотроники больше не будет как таковой.

- А если часть операторов погибнет? - спросил Тим.

- Неважно. Скажу тебе больше, нам совершенно не нужен живой Хананов. Он главный разработчик, и если мы его возьмем, его у нас скорее всего отберут. А зачем он на свободе? Чтобы начать "Программу "Зомби" по новой? Нет уж, дудки! Может, лучше будет, чтобы и он умер. Достаточно пары-тройки рядовых соучастников. Чтобы они, во-первых, дали показания, а во-вторых, раскодировали наших зомбированных ребят.

- А если там все взорвется к такой-то матери? - не унимался Тим.

Полковник цыкнул зубом.

- Все-таки лучше без этого, - сказал он. Тим помотал головой.

- Дурацкая затея. Ничего у вас, Полковник, не выйдет.

- А что ты предлагаешь? - в сотый раз спросил Полковник.

- Я найду через лабораторию Польшина, - сказал Тим. - Возможно, они по-прежнему работают сами по себе, и у них нет доступа в командный пункт. Если не найду у Польшина человека с ключом, то вытаску из командного пункта кого-нибудь, кто откроет мне внутреннюю дверь. Оружие мне понадобится. Пугать им буду и генераторы крушить. А может, и застрелю кого-нибудь. Пистолет с большой обоймой мне дадите и два-три магазина, чтобы запас патронов был выстрелов на сорок-пятьдесят.

- Сделаем, - коротко сказал Полковник.

- Войду. Дальше по обстановке. Все, и никаких гарантий.

- Ну а как мы будем за тобой следить? Там ведь радиосвязь блокирована.

- Вот именно, дорогой Полковник, - сказал Тим. - А вы еще

сомневаются насчет того, что творится в доме на жилых этажах. Сотни людей не смотрят телевизор, не слушают радио, и никто ни гугу. Ни одного возмущенного голоса.

- Н-да, об этом я как-то не подумал, - согласился Полковник.

- Вас там на запчасти порвут, - улыбнулся Тим. - Хорошо еще, что в полчетвертого многих зомби не будет дома.

- Так как же ты... - начал Полковник, но Тим его перебил.

- Если я выйду, - сказал он, - тогда войдете вы. Если я не выйду через полчаса, можете делать что угодно. Лучше всего - бегите. Кто подойдет к дому, тот покойник.

- Ты так говоришь, как будто знаешь, что там, - усомнился Полковник.

- Там смерть. И ничего больше.

Полковник опустил глаза и впал в глубокое раздумье.

- Сам понимаешь, Героя Советского Союза я тебе не обещаю, - сказал он наконец. - Но ты не пожалейся.

- Главное, чтобы вы не пожалели, - произнес Тим сухо.

- Мы свое дело сделаем, чего бы нам это ни стоило, - сказал Полковник.

- Да нет, - небрежно отмахнулся Тим. - Я не об этом. Я о себе.

- В смысле? - насторожился Полковник.

- Я не знаю, какая там напряженность поля. Если меня скрутит и я вынужден буду себя обнаружить, начнется психотронный бой. Хреново мне придется, господин Полковник. И даже в случае, если я выйду оттуда живым... Я неуверен, что это будет тот же самый человек. Может, именно меня нужно будет убивать в первую очередь. Только это у вас тоже не получится... - Тима, мальчик мой... - пробормотал Полковник.

- Чертов подвал, - вздохнул Тим. - Кто бы мог подумать, что это там... Кстати, полковник, а ведь рабочее имя Хананова - Черт. Вот так-то. А знаете, какое прозвище он дал мне?

Полковник вопрошающе двинул подбородком.

- Стальное Сердце, - сказал Тим, и глаза его заблестели холодным огнем.

Телефон зазвонил в девять утра. Недовольно ворча, Тим сполз с кровати, снял трубку, и спать ему тут же расхотелось. Следящий контур сухо звякнул. На другом конце провода был меченый.

- Инструмент для вас готов, - сказал незнакомый голос. - Кинотеатр "Баку", сеанс в пятнадцать ноль-ноль. После начала сеанса зайдите в туалет, крайняя слева кабина. Встаньте напротив нее у умывальника и мойте руки. Вас узнают.

Тим положил трубку. В груди снова зачесалась проклятая дырка. Еще не успев начать операцию, Полковник уже ее блистательно провалил. Вместо обещанного пистолета, Тима в кинотеатре ожидала скорее всего засада с "коробочками".

"Вот и все, - подумал Тим. - Снова я один. Что же теперь делать? Запас времени у меня до трех. Потом начнется облава. И уж на этот раз гоняться за мной вместе с Проектом будет и КГБ. Да и милицию подключат. Значит, нужно их опередить. Иначе мне просто не дадут уйти из города. Бежать. Немедленно!" Через полчаса, закинув на плечо рюкзак, Тим вышел из дома. Проехал несколько остановок на метро, поднялся наверх и огляделся в поисках места, где можно было бы разжиться деньгами. Оглушил энергетическим ударом посетителей и персонал сберкассы. Кассирша, двигаясь, как автомат, оборвала бандероли с нескольких пачек мелких

купюр, и Тим уложил деньги в рюкзак.

Отъехав от места преступления на автобусе, он оказался у другой ветки метро.

Некоторое время "принюхивался" к милицейскому патрулю, думая, не стоит ли позаимствовать у ментов пистолет. На командном пункте Проекта ситуация могла сложиться непросто, и огнестрельный камень за пазухой мог Тима здорово выручить.

И тут он сам удивился собственным мыслям.

Оказывается, он вовсе не собирался бежать сломя голову. Первый импульс страха прошел, и появилось странное чувство - нечто вроде ощущения долга, который обязательно нужно отдать.

Тим "отпустил" застывших в ожидании милиционеров и двинулся под землю. И еще через полчаса, подходя к дому, где жила его любимая, понял, что решение принято и обжалованию не подлежит.

Страх он больше не чувствовал ни малейшего.

Ольга как раз собиралась на работу, когда Тим позвонил в дверь.

- Упаковывай вещи, - пробормотал он, переведя дыхание после долгого поцелуя. - Только самое необходимое, одну сумку, не больше. Ехать будем долго, на перекладных, лишнего багажа нам не нужно.

- Все? - спросила Ольга, и в этот вопрос уложилось действительно все, что она хотела знать.

- Все, - кивнул Тим, бросая рюкзак в угол. - Осталось только одно дело, но я его проверну за два часа.

- Снова мне ждать... - прошептала Ольга, опуская глаза.

- В прошлый раз я вернулся?! - спросил Тим агрессивно.

- Да, - сказала она тихонько.

- В этот раз я тоже вернусь. Если я тебе нужен - жди.

- Ты можешь не ходить туда, Тима. Я же догадываюсь, куда ты собрался.

- Тогда ты знаешь, что я не могу не идти.

- Ты даже одет, как в прошлый раз, - вздохнула Ольга и без сил опустилась на тумбочку в прихожей.

Тим посмотрел на себя. Новенький, с иголки, джинсовый костюм, джинсовая рубашка... Он бросил взгляд в зеркало и не узнал своего лица. Все те же густые волосы до плеч, но теперь мертвые, серые. Непокорная седая прядь на лбу, и жесткие-жесткие холодные глаза под ней. Машинально Тим вытащил из кармана темные очки.

- В прошлый раз я был в ботинках, - сказал он. - А теперь в кроссовках. И давай закончим этот бредовый разговор.

- Давай, - покорно согласилась Ольга.

- Все, я пошел. Пожелай мне удачи.

- Давай, - повторила Ольга, не двигаясь с места. Тим мягко поцеловал ее в лоб, осторожно погладил по волосам и вышел.

***

На краю вражеской территории Тим остановился в замешательстве. Такого он не ожидал. Помимо защитного поля, мягкое шевеление которого он ощущал чуть ли не физически, командный пункт оказался прикрыт экраном неизвестной Тиму природы. И если крошечная лаборатория Понынина "на нюх" еще как-то просматривалась, то остальная часть длинного полуподвала была просто не видна.

Тим "щелкнул" на полную мощность, но картинка не прояснилась. Значит,

подвал защищала физическая преграда, реально существующая в материальном мире. Тим вспомнил, что когда-то Польшин как бы невзначай сообщил ему о неких "ячеистых" и "слоистых" экранах, отталкивающих тонкие излучения. Судя по всему, нечто подобное укрывало от взгляда экстрасенса и командный пункт. "Может быть, - подумал Тим, - это не только защита. Такой экран не позволит оператору-сенсу отвлекаться на внешние раздражители. Но мне от этого что-то не легче".

Никаких следов наблюдения Тим не "унюхал". По замыслу Полковника, за Тимом должны были следить визуально с одной из отдаленных крыш. Но пока что заинтересованных взглядов Тим на себе не поймал. Видимо, операция, теперь уже - совместная акция Проекта и КГБ по отлову нужного всем позарез экстрасенса, должна была начаться в плановое время. Предположить, что Тим засечет меченого по телефону, ни одна "фирма", ни другая не могла. А бегать за Тимом по пятам, контролируя его перемещения, они не рисковали, памятуя, как жестоко объект "Стальное Сердце" обижает "гоптунов".

Волны защитного поля обдавали Тима мягкой прохладцей, беспрепятственно проходя сквозь него. Наматывая на себя экранирующие слои, Тим вспоминал, как страшно было ему, совсем еще зеленому сенсу, когда год назад он впервые нарвался на "вождение" и против своей воли так и не смог дойти до нужного места. Тогда он готов был предположить, что переутомился или что у него слегка "едет крыша". Во все, что угодно, он готов был поверить, но только не в горькую правду о том, что его отталкивает чужая рука. А теперь он сам мог сломать эту руку одним легким движением. Прошел всего лишь год... Блудное дитя Проекта вернулось отдавать долги.

Памятуя, что в подвале может вообще не оказаться свободного биоэнергоматериала, Тим загрузил в руки сорок шариков. От дикой передозировки его тут же начало тошнить, но желудок был пуст, а кислый привкус во рту можно было и перетерпеть.

Тяжело дыша и плюясь, Тим вошел в запретную зону и двинулся к подъезду, откуда дверь вела в подвал, к Польшину.

В доме лежали по квартирам, не шевелясь, несколько десятков людей. Тим очень надеялся, что у противника не хватит времени привести их в чувство.

Дверь в подвал была закрыта на кодовый замок. Тим забросил в подвал луч-щупальце и нашарил какого-то человека. Пси-видимость была отвратительная, и Тим перевел часть энергии на глаза.

Ему открыл сам Польшин. Грузное тело закрыло собой дверной проем, а тяжелый взгляд пожилого сенса буквально обжег Тиму душу.

- Уходите, Тимофей, - с трудом выдавил из себя Польшин.

- Нет, я уж лучше войду.

- Звонил Владимир Владимирович Рябцев, - пробубнил сенс, глядя Тиму в живот. Тим "унюхал", что старик изо всех сил экранируется, стараясь быть неслышимым для пси. - Звонил несколько минут назад. Сказал, если вы появитесь, чтобы я вас не пускал. Он говорит, вам нужно бежать. Они что-то заподозрили. Сюда едут. У вас времени от силы полчаса. Бегите, Тимофей. Как можно дальше от Москвы. Лучше всего - за границу. До Америки не доберетесь, но вас наверняка примут во Франции.

- Что они с вами сделали? - спросил Тим. Польшин тяжело качнулся из стороны в сторону.

- Здесь ведь работал ваш сын... - вспомнил Тим.

- Он теперь с другой стороны, - Польшин совсем наклонил голову, так что на Тима смотрела только розовая макушка в обрамлении седых волос--
Понятно, - сказал Тим. - Дверь есть на ту сторону? Я почему-то не вижу двери.

- А ее нет. Они заложили проход кирпичом. И там экраны, я тоже ничего не вижу... Очень сильный фон.

- Понятно, - повторил Тим - Через какой подъезд они заходят внутрь?

- Первый. Уходите, Тимофей. - И дверь захлопнулась. До самого конца разговора Польшин так и не рискнул посмотреть Тиму в глаза.

- Вы лучше уводите своих людей, - сказал Тим запертой двери. С той стороны ему послышался горестный вздох.

Тим шагнул к выходу на улицу и тут же остановился, поймав чужую волну.

Неподалеку, у того самого подъезда, через который спускались вниз операторы, стоял, активно "принюхиваясь", сенс. Тим отжал его внимание в сторону и выглянул наружу.

Он сразу узнал этого человека. Во дворе нес вахту Борис Польшин, коренастый мужик лет тридцати, лицом и повадками удивительно похожий на отца. Скорее всего именно его погнали на улицу, потому что он мог засечь Тима еще и визуально. Тим легко "поймал" его, блокировал, развернул спиной к себе и быстрым шагом пошел брать в плен.

- Это ты, - прошептал младший Польшин, когда Тим подошел вплотную. - Я знаю, это ты.

- Что там внизу, Боря? - спросил Тим.

- Они убьют отца...

- Не успеют, - сказал Тим, наращивая давление. Польшин часто задышал, но высвободиться не смог.

- Ступеньки... - прошептал он. - Внизу стальная дверь. За ней два охранника с пистолетами.

- Заткнись, - скомандовал Тим, запуская лучи в ауру сенса. - Дай мне картинку.

Сенс послушно сосредоточился, вспоминая расположение комнат внизу. Сквозь легкую дымку Тим увидел... и чуть не потерял контакт.

Это был тот самый длинный полутемный коридор. Примерно до середины в него с обеих сторон выходили часто расположенные двери. А дальше стены были глухими, и в конце - поворот. Что там, за поворотом, Борис не зная. Он никогда не ходил туда. Его воспоминания кончались на "курилке" у пожарного щита и бочки с песком, служившей операторам пепельницей. До поворота от "курилки" было еще шагов десять-пятнадцать.

Тим активировал шарики в руках.

- Вперед, - приказал он.

У двери внизу не было ни "глазка", ни ручки, ни замочной скважины. На стене висела коробочка переговорного устройства.

Будучи чуть выше Бориса, Тим встал у него за спиной и, словно обнимая пленника, выставил руки вперед. Дверь уже находилась в экранированной зоне, и Тиму было очень неудобно смотреть на нее глазами, но не видеть в спектре пси. Возможно, оказавшись внутри, Тим обрел бы реальное видение мира. Но надеяться на это не стоило. На всякий случай Тим приготовился к худшему.

- Давай! - хрипло выдохнул он.

Польшин ткнул кнопку переговорного устройства.

- Семнадцатый, - пробормотал он глухо. То ли охрана в принципе не

ждала от Тима подобной наглости, то ли ее просто не успели проинформировать о том, кого ждут.

Дверь лязгнула и начала открываться.

Нет, они все-таки ждали. С левой руки Тим "выстрелил". Молодой парень, стоявший в глубине тесной прихожей, как раз поднимал ствол, когда шарик ужалил его в глаза и свалил на пол. Охранник постарше, слившийся с дверью, нажал на спуск, и Польшин охнул, получив в бок пулю. Тим наугад пустил веером через дверь несколько шариков с правой и услышал, как голова стрелявшего с треском врезалась в стену. Оттолкнув согнувшегося в три погибели Бориса, Тим бросился внутрь. Он так и кипел от злобы. Его опять пытались убить. То, что другого ждать не стоило, Тиму в голову не приходило. Он уже не мог анализировать такие вещи и просто был до крайности взбешен. Как и обещал он Полковнику еще вчера, Тим начал выходить из себя и терять самообладание.

- С-суки... - прошипел он, активно "принюхиваясь". В рамках прихожей его пси работало безупречно. Но что творилось за стенами, он не видел совершенно.

- Убей меня... - простонал сзади Польшин.

- Щас! - пообещал Тим. - Разбежался! - пройдя мимо скрючившегося на полу Бориса, он захлопнул дверь и задвинул тяжелый засов. События опять развивались по наихудшему варианту. При стрельбе через стены вслепую оставшихся шариков могло и не хватить. А использовать собственные ресурсы Тим собирался только в крайнем случае. Он нагнулся над ближним охранником и подобрал его "Макаров". Нащупал кобуру у мертвеца под мышкой и с сожалением обнаружил, что запасная обойма только одна. Вытащил ее. Разоружил второго.

- Да убей же меня... - требовал Польшин. Он стоял на четвереньках, неудобно уткнувшись головой в пол и зажимая руками простреленный бок. - Иначе отца... Они сказали - только один из нас, понимаешь, ты, урод?!

- Ты сумасшедший, - сказал Тим, кусая губу. Экстрасенсорная слепота буквально сводила его с ума. Из-за этого у него оставалось только одно преимущество в бою с операторами. Но и оно могло стать решающим. Пистолеты охранников. Зажатые среди экранов враги, скорее всего, не смогут отбиваться от Тима психотронным оружием. Огнестрельного им не положено, это выяснил Полковник. Здесь, в подвале, операторы могут рассчитывать только на свое пси и подручные средства. А у Тима был тридцать один патрон.

- Ты, м-мутант, - проговорил Борис с выражением. Тим обернулся и увидел в его глазах бешеную ненависть. - Чудовище... Ты же не человек...

- Сенс опять уткнулся в пол лбом. Кровь из его бока текла почти черная.

- Ты же не человек... - Угадал, - усмехнулся Тим и пустил шарик ему в макушку. Польшин-младший дернулся и тяжело рухнул плашмя. Тим повернулся к двери, ведущей в коридор.

- Н-ну! - сказал он, пинком растворил дверь, выскочил в коридор и обмлел.

Наверное, он недостаточно плотно "взял" Бориса, считывая его визуальные образы.

Потому что Польшин обманул его. Дверей в коридор выходило не десять, а минимум двадцать. Стены были сплошь защиты сложными металлическими конструкциями, к которым подавался слабый ток высокой частоты. Наверное, это и были экраны, потому что пси-картинка в сознании Тима даже не доходила до стен. Он устойчиво "нюхал" прямо вперед, но ничего не мог

нащупать по сторонам, в закрытых комнатах.

- П...ц! - непонятно кому сообщил Тим.

Из памяти оператора Польшина он вытащил только одно реальное изображение.

Пожарный щит и бочка. Это хозяйство было на месте, далеко впереди. И где-то во тьме угадывался тот самый поворот.

Тим помотал головой, отгоняя благоразумные мысли. Отступить было уже некуда. И противник разозлил его дальше некуда.

- А вот и я! - заявил он и толкнул первую дверь слева.

Дверь оказалась заперта изнутри, Тим пнул ее ногой, она не поддалась, и от этого противодействия сознание Тима захлестнула волна безумия. Он выстрелил в замок, и дверь распахнулась.

Компьютер. Мониторы. Жгуты проводов, какие-то странные металлические сетки.

Экраны на стенах. Посередине комнаты откинулся на спинку глубокого кресла оператор. Шарик в голову. Готов!

Дверь направо. Заперто. Выстрел. Крепкий замок. Еще выстрел. Открываем. Два оператора. Один, похоже, резервный, на подхвате. Поворачивает голову, на лице отвратительная гримаса. Господи, как же они меня все ненавидят! Два шарика.

Есть!

Дверь налево. Бац! Бац! Летят искры. Оператор. Шарик. Готов!

Что они все, оглохли, что ли? Хоть бы высунулся кто-нибудь.

Дверь направо. Бац! А, не все оглохли. Этот пробует ударить меня своим жалким дохлым пси. На, умойся!

Дверь налево. Бац! Бац! Что-то ударило в лоб, наверное, щепка отлетела. Не дергайся, приятель! Шарик. Труп.

Затвор на упоре. Сменить обойму. Дослать патрон. А сколько шариков? Достаточно.

Сознание Тима будто раздвоилось. Одна его часть управляла методичными действиями убийцы. Вторая - наблюдала с легким ужасом, время от времени переходящим в восторг. И не забывала "принюхиваться", контролируя, что творится за спиной.

Именно этой частью сознания Тим засек движение в глубине коридора.

Шарик! Еще! Движение прекратилось. Два трупа. Отлично. Следующая дверь.

Стреляем, открываем. И крепкий удар трех сопряженных пси в переносицу. Опытный сильный оператор и два ученика. Лежать! Ух ты, какой мощный попался! А пулю в голову не хочешь? Бац! Ого, как это бывает, оказывается! Красиво. А что у меня-то с головой?

Тыльной стороной руки Тим вытер лоб, и на запястье осталась кровь. У основания волос была глубокая царапина. Машинально Тим слизнул кровь с руки и пошел дальше. Раздвоение сознания уже не волновало его. Тиму было хорошо, как никогда в жизни.

Выстрел. Выстрел. Шарик. Выстрел. Шарик. Два выстрела. Два шарика. Выстрел.

Шарик. Сменить обойму. Дослать патрон. Выстрел. Открыли. Что такое? Какая-то свалка ломаной мебели, пачки бумаг, железные бочки. Только зря патрон истратил.

Идем дальше. Выстрел! Толкаем дверь. Оператор - женщина. Ого! Беременная.

Примерно семь месяцев. Интересно. Может, не трогать? А если она

меня... - Тимка... - прошептала забившаяся в угол Людмила. Тим почувствовал, как его глаза лезут на лоб. Бинарное пси Людмилы, яростный вопль женщины и крик еще не родившегося мальчика слились в его сознании в один ужасающий рев. Страшнее всего кричал эмбрион. Просто невыносимо. Экстрасенсорные реакции Тима, контуженные энергетическим ударом, застыли. Но тело могло работать.

- Пусти! - рявкнул Тим, внутренне ослепший, оглохший и потерявший контакт с шариками. - Пусти, дура!

- Не-е-ет!!!

- У-у-у!!! - Тим запрокинул голову и попытался стряхнуть цепкие щупальца Людмилы, но не смог. Впервые в жизни Тим столкнулся с экстрасенсом более мощным, чем он сам. Отвлеченная, наблюдающая часть сознания Тима понимала, что этот кошмарный энергетический выхлоп - всего лишь истерическая реакция беременной женщины. Людмила не "продержала" бы Тима долго. Но сейчас, когда очнулись и приготовились к бою оставшиеся в живых операторы, счет шел на секунды.

- А-а-а!!! А-а-а!!! - орала Людмила, глядя, как точка прицеливания обшаривает ее живот. В коридоре за спиной Тима раздался мощный топот. Палец надавил на спуск.

Первую пулю трусливый зверь, поглотивший Тима, вцепился прямо в голову надсадно вопившего эмбриона. Второй выстрел произвел уже сам Тимофей Костенко, великий гуманист. Он попал Людмиле в глаз. Развернулся и все, что осталось в обойме, выпустил в живот и грудь своего давнего знакомого и учителя Михаила Васнецова.

Ошарашенное пси медленно восстанавливалось. Слишком медленно. За дверью стоял многоголосый крик. Наверное, операторы гурьбой выскочили в коридор. Тим бросил на пол бесполезный пистолет, сунул руку за спину и вытащил из-за пояса второй, тот, в котором оставалось семь патронов. Бешеным усилием воли отключил следящий контур и перевел остатки энергии в атакующую часть спектра. Перепрыгнул хрипящего Васнецова и оказался в коридоре. Посреди толпы перепуганных людей.

Тим ударил сразу во все стороны, на пределе возможной мощности. Отдача снова заложила ему пси-уши и залепила пси-глаза.

Несколько человек полетели на пол, как сбитые шаром кегли. Но большинство операторов удержалось на ногах. Только что отключившиеся от психотронной накачки, они еще не потеряли остаточное излучение и были экстремально сильны.

Страшный удар нескольких пси размазал Тима по стене.

Инстинктивно он выпустил по врагам оставшиеся шарики. И это его спасло.

Операторы начали тяжело оседать на пол. Трясаясь и завывая, Тим добивал их из пистолета. И даже когда последняя гильза со звоном улетела в стену, а всякое движение в коридоре затихло, он все еще продолжал жать на спусковой крючок.

Ему пришлось заставить себя бросить оружие. Достать носовой платок и утереть кровь со лба. Медленно, держась за стену, встать на ноги.

Тела вокруг лежали навалом. Некоторые - в коме, большинство - мертвые. Впереди был поворот. И из-за поворота донеслось, отражаясь от стен, чье-то тяжелое хриплое дыхание.

Тим широко расставил ноги и сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. И эта боль, причиненная самому себе, отрезвила его. Половинки раздвоенного сознания наконец сошлись. Тим упал на колени и громко

застонал.

Ответом ему был громовой рык.

И едва шевелящееся, еле живое, работающее на нижнем пороге чувствительности пси услужливо нащупало за углом что-то настолько чудовищное, чему не нашлось определения. Жалобно пискнув, шокированное пси свернулось, и Тим потерял его.

Один на один с кошмарной нечистью, и помощи ждать неоткуда... Можно только бежать... Но как раз этого Тим не мог. Там, за поворотом, за спиной надвигающегося ужаса, пульсировал нервный центр силы, управляющей миром. И эта сила властно тянула крепкой рукой Тима к себе. Он не мог отступить. Он мог только повиноваться. Но между ним и силой был кто-то еще.

Тим с трудом встал на ноги и сделал несколько шагов вперед. Глаза его видели отчетливо, тело не было повреждено. И оно шагало вперед, в глубь коридора, навстречу средоточию власти и олицетворению смерти.

Голова работала холодно и четко. "Нельзя бежать, - понял Тим. - Когда тебя "ведут", нельзя бежать. Потеряешь остатки контроля. Сейчас можно только вперед.

Если я поверну, то рухну на пол, и эта нечисть меня съест. А если я ее, э-э... зашибу? А? Вот только чем?"

За спиной, тихо постанывая, шевелились поверженные тела. За углом, хрипло ворча, таилась смерть. В глубине подвала ждал истинный Властелин Мира, во сто крат сильнее и могущественнее глупого сенса Тима Костенко. Двигаясь вперед мелкими шажками, Тим миновал пожарный щит. И осторожно, не поворачиваясь к опасности спиной, отошел назад. Рука его сама протянулась и взяла со щита тяжелый пожарный топор на длинной ручке, выкрашенной красным.

"Бум-бум-бум-бум-бум!" - забил в голове басовый ритм. - Чух-чух-чух!" - наложил на него другой, высокий и быстрый. "Отлично, Тим! Просто отлично! Блокировка!

Тупая, примитивная блокировка сознания! Как тогда, в постели, помнишь, когда нужно было заслониться от операторов... Играй, музыка!" И музыка пришла.

Сознание очистилось. Появилась воля.

Всем телом Тим ощутил, как звонко и радостно бьется в предвкушении скорого пролития черной вражьей крови его стальное сердце.

Перехватив топор в две руки, Тим припал спиной к стене и двинулся к повороту.

***

Как Тим ни ждал этого момента, но, когда из-за угла выпрыгнул оборотень, у Тима все равно перехватило дыхание. Крепко сбитый широкоплечий зверь стоял, чуть сутулясь, согнув в локтях когтистые передние лапы. Закрыв собой проход, вервольф оскалил длинные клыки, хрипло рыкнул, и Тима обдало запахом гнилого мяса.

Глаза зверя горели в полумраке желтым огнем. Омерзительная щетинистая морда будто ухмылялась. Вставшая дыбом шерсть торчала рваными клочьями. Более тошнотворного зрелища Тим не видел в жизни. Вервольф только выглядел животным, но не был им. Он был - смерть. И то, что на плечах смерти, треща, расползался в куски белый лабораторный халат, не приносило в зрелище ни малейшего бредового оттенка.

Это не было галлюцинацией. Просто в коридоре стоял настоящий вервольф, что-то среднее между волком и медведем. Рост примерно метр семьдесят пять. Длинные желтые клыки. Серо-коричневые острые когти. Запах тухлятины. Непокосимое сознание того, что все живое должно его бояться. Болезненный комплекс превосходства. Смертельно опасная сумасшедшая дрянь.

И к вервольфу осторожно подкрадывался, выставив перед собой топор, некий Тим Костенко, рост метр восемьдесят два, вес примерно восемьдесят. Никакого опыта серьезной мужской драки. Никакого желания такой опыт иметь.

И ни малейшего страха.

Удивительно, но весь страх остался в ночных кошмарах, которые настойчиво подбрасывало Тиму его встревоженное бессознательное. И волей-неволей оно подготовило Тима к встрече с монстром.

- Здорово, урод! - сказал Тим.

Здесь, в подвале, наяву, а не во сне, Тим не видел в чудовище зверя. И поэтому не боялся его. Перед ним стоял всего лишь опасно больной экстрасенс. Еще один сумасшедший биоэнергетик, каких в Москве хоть задом ешь. Конечно, сильный биоэнергетик. Но сейчас, после трансформации, он потерял атакующее пси. Ему нужно было хлестать Тима своей злобой, как бичом. Тогда он, может, и добился бы какого-нибудь заметного результата. Но вервольф только лишь пытался возбудить в Тиме атавистические страхи. А страхов у Тима не было. В голове его ревел хэви металл. Группа "Экспорт" рубила любимую Тимом "Metal Heart". Рубила и пилила так, как в реальной жизни и мечтать не могла.

- Иди сюда, - позвал Тим хрипло. - Ну, иди к папочке. Вервольф рыкнул и сделал угрожающее движение. Похоже, он чувствовал себя не в своей тарелке.

- Ну что, зассал? - ухмыльнулся Тим. - Ты смотри, урод. Я ведь писатель не местный. Попишу и уеду... Вервольф ссутулился еще больше и, повторяя движение Тима, припал к стене.

Музыка в голове Тима пьянила крепче водки. Генератор за углом, сверливший Тима лучом огромной мощности, стонал, надрываясь. Подключенный к генератору человек безуспешно пытался сбить выставленную Тимом блокировку.

- Меня зовут Стальное Сердце, - обрадовал вервольфа Тим.

И тут вервольф прыгнул.

Он вдруг оказался совсем рядом и тут же ушел в сторону, пытаясь обойти человека.

Тим понял маневр правильно и не опоздал с контрвыпадом. Тупое лезвие с хрустом распороло чудовищу правую лапу, и на пол хлынула черная кровь.

Вервольф заорал так, что у Тима заложило уши, и мгновенно нырнул под занесенный для нового удара топор. На этот раз Тим промазал. Рукоятка топора, опускаясь, раздробила противнику ключицу, но не остановила зверя. Как игрок в американский футбол, он поддел Тима плечом под солнечное сплетение и буквально размазал по бетонному полу, припечатав своим весом.

Сидя на поверженном человеке, вервольф задрал морду к потолку, ухватился здоровой лапой за раненое плечо, и коридор огласился ужасным воплем. Внизу Тим яростно ворочался, пытаясь стряхнуть зверя, сидящего у него на животе, и никак не мог это сделать, потому что урод был чертовски тяжел и силен. Вервольф склонился над ним, и его желтые глаза,

казалось, заполнили собой весь мир.

В Тиме вдруг проснулась какая-то снисходительная жалость к больному человеку и недоделанному зверю. Он широко улыбнулся, и глаза вервольфа совсем по-человечьи удивленно расширились. И прямо в эти глаза Тим, изо всех сил ударив обеими руками, загнал свои пальцы.

Правые и левые указательные и средние пальцы, плотно сжатые, ударили вервольфа под глазные яблоки и с хрустом вошли куда-то глубоко, на всю длину. Вервольф застыл, как громом пораженный. Вывалившись из орбит, его глаза повисли на сухожилиях, таращась на человека в немом изумлении. И из-под них на Тима потоком хлынуло что-то черное с розовым.

Как огнем, кровь вервольфа опалила Тима и неожиданно вызвала к жизни его пси. Огненный энергетический столб, вырвавшийся из груди чудовища, уперся своим основанием прямо в сердце человека.

Заорав от отвращения дурным голосом, Тим стряхнул с себя окоченевшего зверя, вырвал руки из его морды, вскочил на ноги, схватил топор и принялся, не глядя, рубить, рубить, рубить на части неподатливое твердое мохнатое тело. Тим что-то безумным голосом кричал и молотил тупым лезвием вверх-вниз, вверх-вниз, пока силы не оставили его.

Правая рука судорожно цеплялась за топор и не желала его отпускать. Рукавом левой Тим вытирал кровь с лица. А ноги его будто сами пошли и вынесли Тима за поворот.

Больше всего это было похоже на информационный компьютерный центр. Белые стены, белые столы, белые же системные блоки и клавиатуры. Десяток мониторов переливался огнями, что-то пищало, гудели вентиляторы. Здесь сосредоточилось управление. А где-то за стеной пела высокими голосами машинерия. Генераторы.

Тим бездумно шагал вперед, пока не уперся взглядом в чьи-то ноги в блестящих лаком дорогих башмаках. Одна нога слегка притопывала. Точно в такт пульсирующей в голове Тима музыке.

- Ну вот ты и пришел, - сказал ласковый незнакомый голос.

Тим оттер-таки лицо, поднял взгляд и уставился в ярко-карие глаза Черта.

Научный руководитель Проекта Александр Михайлович Хананов оказался красивым мужиком восточного типа с густой вьющейся черной шевелюрой, аккуратно подстриженными усами и хитрющей улыбкой.

В том, что перед ним очень мощный сенс, у Тима не было сомнений. Но оценить, чего Хананов стоит в деле, Тим адекватно не мог. Остатки его пси растворились в диком припадке ярости, когда он рубил на части вервольфа. Оставалось тупо смотреть неповоротливыми глазами и ворочать непослушным языком.

- Я все хотел спросить, - пробормотал Тим. - Вы же научный руководитель. Вам нужно координировать разработку системы, ученых держать на коротком поводке. На хрена вы тут сидите, в генераторной?

- Больше не буду, - сказал Черт еще более ласково. - Теперь это твое место, - он хлопнул ладонью по подлокотнику дорогого кожаного черного кресла. - Теперь главный будешь ты.

- И что? - тупо спросил Тим.

- А это тебе решать, - улыбнулся Черт. - Ты же всегда отвергал земное общество.

На твой взгляд, оно слишком несправедливо устроено. Так вот и поправь его, вылечи. Сделай таким, какое придется тебе по вкусу. Начни пока с Советского Союза-Через несколько лет к твоим услугам будет весь мир.

- А вы? - пробормотал Тим. Что-то с ним происходило. Он катастрофически терял волю и способность критически мыслить. Хананов каким-то образом давил на него, подчиняя себе.

- В переустройстве мира я не могу тебе помочь, - сказал Черт. - Потому что лучше тебя не справится никто. Только ты один на всей планете достаточно мудр и милосерден для того, чтобы сделать всех счастливыми и никого при этом не унижить, не сломать, не погубить.

- Почему? - прошептал Тим.

- Потому что никого так не унижали, не ломали, не губили, как тебя. Потому что ты сумел перешагнуть через это и остаться человеком. Потому что твое имя - Стальное Сердце.

- За что... - проговорил Тим еле слышно.

- Это я назвал тебя так, - улыбнулся Черт. - Сто раз дураки всякие хотели дать тебе имя попроще, но я не позволил. Это имя много лет преследовало тебя. Чтобы ты всегда помнил, кто ты на самом деле. Это имя и нравилось тебе, и раздражало тебя. И в итоге как раз оно удержало тебя от того, чтобы рухнуть в пучину злобы.

Ведь на самом деле твое сердце не ожесточилось. Ты был бесконечно добрым, таким ты и остался. Ты - лучший. Поверь мне, я знаю это... Слегка пошатываясь, Тим стоял перед Ханановым и пытался его не слушать. Но хорошо поставленный бархатный голос заползал в уши.

- ...и ты это заслужил, - говорил Черт. - Ты единственный из Детей, кто остался человеком. Ты единственный из людей, кто реально может изменить мир. Я ничто без тебя. Проект без тебя - бессмыслица, просто научный эксперимент. Займи это место, возьми в свои руки верховную справедливость. Вылечи этот мир. Спаси этих людей от безумия, от ненависти, от тяги к саморазрушению... Потупившись, Тим делал вид, что внимает соблазнительной проповеди Хананова, а глаза его шарили по полу. И вдруг увидели то, чего не заметили с самого начала Пол в зале был покрыт тончайшей металлической сетью, к которой ноги Тима словно прилипли. И почти незаметная проволочка, не толще волоса, поднималась по ножке кресла, куда-то Хананову за спину.

"Он сосет из меня энергию, - догадался Тим. - Подавляет мою волю, чтобы я с ним во всем соглашался. И впечатывает в мое сознание факт того, что я согласен.

Через несколько минут я упаду без сил. А когда очнусь, то буду действительно верить во все, что услышал. И стану таким же... Психопатом. Что это за контур на полу? Как он работает? Как мне ноги-то от него отодрать? А ведь Хананов боится меня! Значит, я еще могу вырваться. Но как?"

- Дай им то, что сочтешь нужным, и спаси их, - вещал Черт. - Построй здесь коммунизм, просвещенный абсолютизм, да хоть диктатуру - что бы ты ни решил, твой выбор будет правильным. Потому что никто так, как ты, не чувствует несправедливость. Никто так, как ты, не гуманен, не этичен, не понимает, что такое совесть и честь... Яростно роясь внутри себя, Тим собирал остатки воли. Он прощупал сознание так, как сканировал бы ауру. И в правую руку, все еще держащую топор, Тим слил без разбору всю свою неприязнь к Проекту, высшей школе, некачественной водке, КПСС, наркотикам, КГБ, отцу, Ленину, Сталину, Гитлеру, "черным экстрасенсам", большевикам, сатанистам, фашистам и конкретно к господину Хананову, неосмотрительно выбравшему себе прозвище Черт.

И ему сразу же стало легче дышать. А рука перехватила топор плотнее.

- Ты наберешь и обучишь столько операторов, сколько тебе понадобится, - говорил Черт. - Те, которых ты сегодня забраковал, это шлак, отработанный материал. Они быстро износились, потому что в них не было истинной веры и глубокого чувства.

Их приходилось заставлять. А ты позовешь тех, которые будут работать не за страх, а за совесть. И... - Так меня зовут Стальное Сердце? - вдруг спросил Тим, поднимая голову и заглядывая Хананову прямо в глаза.

- Нет, - помотал головой Черт. - Это имя исчерпало себя, оно тебе больше не нужно. Ты уже осознал, кто ты есть на самом деле. И если ты не против, я позволю себе последнюю вольность в отношении тебя. Все-таки я в каком-то смысле твой крестный отец.

- Ну-ну, - усмехнулся Тим.

- Я нареку тебя... Бог, - с чувством произнес Черт.

- Спасибо! - не менее прочувствованно ответил Тим.

Черт расплылся в довольной улыбке.

И точь-в-точь в эту улыбку, круша белоснежные зубы, которые с хрустом провалились внутрь рта, Тим ударил снизу обухом топора.

Хрррясь!!!

От удара Хананов распластался по спинке кресла и захлебнулся криком, схватившись руками за разбитое лицо.

- Все-таки прежнее имя мне больше подходит! - заметил Тим, с удовлетворением разглядывая Хананова и занося топор над головой.

Прежде, чем его череп развалился надвое, Черт успел что-то промычать. Но Бог его уже не слушал. Сладострастно ухнув, он врезал Черту лезвием между глаз и едва успел отскочить в сторону.

На этот раз Тима от омерзения согнуло пополам, и волна желчи смешалась на полу с кровью и ошметками гениального ханановского мозга.

А в ноги Тиму ударила теплая оранжевая волна. Замкнутое на покрывавшую пол сетку, поле Хананова лишь частично ушло вверх. Умирая, Черт вернул-таки Тиму украденную энергию, да еще и прибавил от себя.

Отдышавшись, Тим утерся рукавом, выпрямился, огляделся и вдруг обнаружил, что может слегка "принюхаться". Он тут же подпитал следящий контур, и тот несколько раз вяло "щелкнул". Это была реакция на раненых в коридоре. Главные силы противника все еще были в пути. "Допустим, две-три минуты у меня есть, - подумал Тим. - И похоже, я здесь найду все, что нужно, чтобы дать копоту до самых небес.

Так и сделаем".

На душе было светло и легко. На полу конвульсивно дрыгало ногами то, что осталось от Черта. Расслабленной походкой Тим вышел в коридор.

Сначала он увидел зверски расчлененное обнаженное тело. Вокруг в луже крови плавали клочья черного меха. "Это вервольф опять стал человеком", - равнодушно подумал Тим, соображая, куда бы поставить ногу.

Дальше люди валялись кучей. Двое слабо шевелились, и их Тим деловито шмякнул обухом по головам. Пробрался через завал к телу Васнецова, который сумел-таки перед смертью выползти в коридор. Нашел у него на поясе кожаный чехольчик с американской бензиновой зажигалкой. Откинул крышечку и повернул колесико.

Зажигалка исправно вспыхнула. Тим удовлетворенно хмыкнул и закрыл ее.

В соседней комнате он пнул ногой железные бочки. Две из них, из-под краски, оказались совсем пустыми. А в третьей почти доверху было что-то налито. Топором Тим поддел крышку, сунул в бочку нос и рассмеялся. Это было именно то, на что он надеялся. Растворитель.

Тим бросил топор, навалился на бочку, опрокинул ее и выскочил из комнаты, прикрыв за собой дверь. Быстро обежав кабинеты, нашел в одном из них мертвого оператора подходящей комплекции. Содрал с него джинсовый костюм, почти такой же, как у себя, только не дорогой и не новый. Быстро переоделся, оставил только любимую рубашку. Выскочил в коридор и швырнул поверх трупов свою изгвазданную до неузнаваемости одежду. Чуть-чуть приоткрыл дверь на "свалку", высек огонь, бросил зажигалку внутрь комнаты и пулей метнулся к выходу.

Как взрывается растворитель, Тим знал по армейскому опыту. Пока растворителя мало, он не хочет гореть, но как только концентрация паров станет достаточно насыщенной в малом объеме... Когда-то один из подчиненных Тима пытался растопить уайтспиритом печку-"буржуйку". Первые две кружки, вылитые в печку, гореть и не думали. А с третьей попытки солдат катапультировался на улицу с оконной рамой на шее.

На этот раз адское зелье тоже не подвело. От взрыва содрогнулся весь дом. Тим пропахал несколько метров носом, вскочил и едва успел нырнуть в прихожую, как огненный факел ударил в торец коридора. Тиму слегка обожгло спину, но одежда не загорелась. Поджигатель захлопнул за собой дверь подвала и, отряхиваясь, побежал по лестнице вверх.

Следящий контур зазвенел, как струна. На подходе к дому была штурмовая группа КГБ во главе с полковником Леоновым.

У Тима хватило выдержки степенным шагом пересечь двор, сделать крюк через соседнюю улицу, вернуться с другой стороны и затеряться в толпе зевак. На него никто не обратил внимания. Все таращились на дом.

А дом пылал. Подвал был охвачен пламенем по всей длине здания, и прямо на глазах Тима вспыхнул первый этаж. Тим поморщился. Он не предполагал, что в доме могут быть деревянные перекрытия. Несколько десятков бывших зомби, отрезанные от земли, носились по квартирам и страшно кричали. Толпа на улице вторила им.

Но только один человек, Тим Костенко, слышал другой крик. Тим даже зажал уши, но это не помогло. Прямо в его голове молили о помощи несчастные, вырвавшиеся из-под власти Проекта и вдруг обнаружившие, что они не знают, что с ними происходит, а вокруг все горит. Эти существа только что словно родились заново.

И лишь для того, чтобы сгореть заживо, как рабы на погребальном костре. Бывшие рабы Черта обречены были уйти из жизни вместе с ним.

Штурмовая группа, рассредоточившись вокруг дома, вместе со всеми ошарашено глазела на пожар. Полковник Леонов что-то кричал в портативную рацию. А над его затылком совершала в воздухе сложные эволюции свеженькая черная метка... Бодрая и жизнерадостная. Тим почувствовал усталость. Он измучился физически, и у него не осталось сил поддерживать активным свое пси. Отступив назад, Тим скрылся в арке и дворами пошел к метро. По пути он безучастно наблюдал, как бледнеет и сжимается следящий контур. Потом - угасает на внутреннем экране радужная картинка мира. И наконец, пси-видение совсем оставило его. Оставило слепым, одиноким, беззащитным.

Но это Тима уже не касалось. Ему было все равно.

***

"Я устал".

Глядя под ноги и едва отрывая их от земли, Тим шел дворами к Ольге,

надеясь, что по пути все-таки не упадет. Может быть, наступила постстрессовая реакция. А может, он наконец-то освободился от того единственного, что еще привязывало его к жизни.

"Господи, как же я устал!"

Тим вяло провел рукой по лицу. Одиночка, индивидуалист, он не только избегал просить других о помощи. Он еще и с глубочайшим презрением относился к тем, кто просил об этом его самого.

И, оказавшись один на один с Проектом, он прислушивался к мольбам зомби, сенсов и кагэбэшников лишь постольку, поскольку это не расходилось с его планами. А он решал чисто личную проблему. Ему всего лишь нужны были ответы на вопросы.

И первый вопрос был - правда ли, что он не такой, как все.

А второй - сможет ли он дальше жить в мире с собой и людьми, если ответ на первый вопрос будет "да".

И если на первый вопрос ему ответил Черт, то оказалось, что на второй сможет ответить только он сам.

Найти этот ответ сейчас Тим был не в силах. Особенно мешал размышлениям проклятый зов, тупо стучавший в затылок, несмотря на отключившееся пси. Видимо, какую-то минимальную, пороговую эмпатию выбить из Тима не смог бы теперь даже выстрел излучателя в голову. Тим Костенко стал экстрасенсом до мозга костей. Он уже не был человеком в обычном смысле этого слова. Он стал чем-то не большим и не меньшим, а просто совсем другим. И это "совсем другое" настырно тормозила за тысячи километров родственная душа.

Настолько родственная, что даже Ольге Тим не сказал, откуда на самом деле шел сигнал. Обозначить направление у него хватило сил. Но конкретную точку он хотя и вычислил... а не назвал.

По сути, это было предательство чистой воды. Единственному человеку, которого Тим действительно любил, он не рискнул до конца раскрыть тайну зова. Объективно это был разумный ход. Но свербящее отверстие в груди подсказывало, что, замалчивая информацию, Тим возвел между собой и любимой женщиной непробиваемую стену.

Это было странное ощущение. За спиной оставались все новые и новые дворы, приближался дом, где жила Ольга, а Тим никак не мог разобраться, отчего он даже в последнюю встречу не сказал ей всего. То ли это его подсознание не могло простить девушке ранней седины, покрывшей голову Тима... То ли в злосчастном стальном сердце уже не было места для настоящей любви, когда близкого человека воспринимаешь, как свою половинку, от которой не может быть тайн, какими бы они ни были. То ли просто работал инстинкт самосохранения. Так или иначе, Тим чувствовал себя бесконечно усталым и до омерзения дурным человеком. Больше всего ему хотелось сейчас уткнуться в плечо любимой и заснуть.

И спать, спать, спать, пока не очистится перепачканное биополе. А тогда - Тим это знал - ответы на все вопросы придут сами. И будут эти ответы правильными.

Он свернул в арку, вышел почти на середину последнего на его пути двора и вдруг ощутил смутное беспокойство.

На мгновение его ослепило солнце. Естественно, Тим "щелкнул", чтобы компенсировать потерю зрения. О том, что его пси отказалось работать, он просто в этот момент забыл. И следящий контур тут же развернулся на половину обычной мощности. Тим даже не удивился. Он стоял на месте, щурясь, "нюхал" и пытался определить, что же здесь не так.

Ольгин дом был дореволюционной постройки, во двор выходили двери черных ходов и закрытые решетками задние окна магазинов, расположенных на первом этаже. Ничего особенного за этими окнами и дверьми не происходило. Во всяком случае, так полагал следящий контур. Но Тим всей кожей чувствовал опасность. Как в детстве.

И по лестнице черного хода спускалась Ольга.

Стоя неподвижно, Тим до боли закусил губу. В этой ситуации было что-то безумно знакомое, как будто сработало дежа-вю. Разгадка лежала рядом, но Тим не мог ее нащупать. Был какой-то ключ, словесный, короткая фраза, которую Тим слышал недавно, и если бы ее удалось вспомнить... - Тима! - радостно крикнула Ольга издали. "Что же такое я слышал?" - думал Тим, морща лоб. Следящий контур обшаривал помещения вокруг, но молчал. Никого там не было. Никого вообще.

- Тима, ты как? - спросила Ольга, подбегая к нему и останавливаясь в нерешительности.

Тим посмотрел на часы. До обеденного перерыва время еще оставалось. И магазины работали. В торговых залах были продавцы и покупатели.

Но против обыкновения, не было ни души в выходящих окнами во двор складах и подсобках. Никто там не ворочал ящики, не курил, не трахался, не жрал водку.

Никто.

"Почему это меня волнует?"

- Что-то случилось? - спросила Ольга, боясь к нему прикоснуться. Она видела, что Тим "принюхивается", и не хотела ему мешать. Не отвечая ей, Тим медленно огляделся глазами. Сердце подсказывало ему - бежать!

- но разум не мог дать объяснения этому импульсу. Возможно, еще сутки назад Тим рванул бы отсюда со всех ног, не размышляя. Но сейчас во дворе стоял другой Тим.

Он был вымотан до предела, чувствовал смутно, а соображал еще хуже.

Внимательно оглядываясь, Тим чуть опустил глаза и зачем-то, сам не понимая, для чего, посмотрел на себя. И поймал опорный сигнал к разгадке. Ключ.

"Ты даже одет так же..." - сказала Ольга.

Тим был в своей любимой джинсовой рубашке. Бурые крапинки на животе - следы крови Черта - довершили картину. От ужаса Тим задохнулся. История повторялась.

Как и тогда, они с Ольгой стояли лицом к лицу. Но сейчас Ольга была в туфлях на высоком каблуке. И Тим уже ничего не мог поделать, только растянуть время, превратив секунду в час.

Боек уже двигался к капсулю патрона. Тим начал заваливаться всем корпусом вправо, уводя затылок с директрисы.

В нескольких шагах перед ним стояла его девушка, и Тим опять не успевал дотянуться до нее.

Пуля уже шла, раскручиваясь, по стволу.

Тысячи людей, а может, и целые народы он уберег от зомбирования. Тысячи, а может, и миллионы совершенно безразличных ему жизней продолжались своим чередом.

А вот эту жизнь, любимую, он спасти так и не смог.

Пуля оторвалась от среза глушителя. Тим по-прежнему не чувствовал снайпера.

Убийца носил на себе экран, идеально поглощающий весь спектр пси.

Неподвижное, застывшее, прекрасное лицо Ольги смутно маячило перед

Тимом. Лицо женщины, которую он любил, женщины, которая пошла за ним, готовая быть рядом до конца, рожать от него детей и прощать ему то, что он мутант.

Левую щеку прихватил обжигающий холод. Минусовая энергетика смертоносного кусочка металла вступила в близкий контакт с полем Тима.

Тим завершил движение, и Ольга теперь смотрела мимо него. Прямо в глаза своему убийце. Тиму он целился в основание черепа. Ольге попадал в верхнюю часть лба, под самые волосы.

И Тим уже ничего не мог сделать для нее. У него оставался лишь один выбор.

Смотреть, как пуля врежется его женщине в голову, или ударить во все стороны, куполом, убивая невинных и виноватых, но упредить следующий выстрел снайпера.

Он не стал ждать. Отключился от мира, чтобы не видеть того, что произойдет, - ни глазами, ни в спектре пси. Ощутил себя бомбой, которая сейчас взорвется.

И взорвался.

Чудовищный грохот расколол Вселенную на части, и сознание Тима покрыла тьма. Два тела - его и Ольги - коснулись земли почти одновременно. Тим ничком повалился вперед и уткнулся головой в ноги мертвой девушки.

Сверху на них сыпалась мельчайшая стеклянная крошка. В небе фейерверком из перьев взрывались голуби. Дом стонал и вздрагивал. Из окон хлестала фонтанами бело-розовая биомасса.

С первого этажа летели сквозь решетки обрывки серебристой ткани. Части одежды, еще мгновение назад покрывавшей несколько тел. Сверкающая перчатка упала на асфальт и поползла, скребя пыль указательным пальцем. Из перчатки толчками выбивалась горячая бурая грязь. Через отворившуюся дверь магазина вывалился на улицу блестящий экранирующий скафандр, плотно набитый жидким и кипящим. Его постепенно раздувало, и наконец он с гулким хлопком лопнул, обдав стену фонтаном розовых пузырящихся брызг.

Дом последний раз со скрежетом качнулся и застыл. Наступила тишина. Только где-то далеко надрывно выли собаки. И им вторил на высокой ноте приближающийся крик сирен.

***

Тим проснулся и не поверил, что это смерть. Еще в Детстве, задумавшись о смерти, он понял, в чем ее суть. Люди обычно представляли себе конец жизни как тьму вокруг себя. Только правда о смерти куда страшнее. Смерть действительно тьма, но весь ужас этой тьмы в том, что тебя в ней - нет.

Сейчас происходило что-то другое. Вокруг царила бархатная темнота, но Тим в ней - был. Он ничего не видел, ни глазами, ни пси. Но зато мог думать, а значит, то ли он насчет смерти весьма и весьма ошибался, то ли все еще был жив.

Потом он догадался открыть глаза.

Белый потолок, белые стены. Значит, мучения не кончились. Тима что-то ждало впереди. И в том, что это будет нечто омерзительное, он не сомневался. На планете Земля ничего хорошего с Тимом не происходило и больше произойти не могло.

По привычке он в раздумье закусил губу. И с перепугу резко дернулся

всем телом.

Оказывается, он мог двигаться! Это тоже было очень плохо, так как двигаться Тим не хотел. Ему на полном серьезе хотелось провалиться сквозь землю и ничего больше никогда не делать.

Тем не менее он находился в неприятном ему помещении и в окружении враждебно настроенных людей. Возможно, в самом помещении их и не было, но зато породивший Тима мир насчитывал миллиарды этих уродов. С минуты на минуту они придут, и пытка начнется по новой.

Поэтому Тим поднял голову и осмотрелся.

Он лежал на столе, наподобие операционного, пристегнутый к нему широкими ремнями. Один ремень шел поперек груди, заодно прижимая к столу и плечи, другие фиксировали кисти рук и ноги. Защелки на ремнях запирались на ключ.

В комнате действительно не было людей. Еще в ней не было окон, только дверь в торцевой стене. Гадкое холодное освещение шло от люминесцентных светильников на потолке. Прямо над столом нависал громоздкий отвратительного вида рабочий элемент психотронного сканера. И вокруг громоздились буквально кучи тошнотворной аппаратуры. От этого зрелища Тиму стало так плохо, что он принялся биться в пугах, шипеть и плевать.

Через минуту, осознав бесплодность истерики и ощутив, что на губах у него пена, Тим затих. Постарался успокоиться. И осмотрелся вновь.

Легче ему не стало, но он пришел к определенным выводам. Он находился, скорее всего, в Институте. И то, что вивисекторы еще не приступили к работе, можно было считать до некоторой степени удачей. Потому что у Тима оставалось время поразмыслить и прикинуть, как отвести от себя беду.

В том, что он уберется с этого стола либо трупом, либо оператором Проекта, Тим не сомневался. Еще пару дней назад он бы в подобных обстоятельствах согласился на второе. А сейчас... Тим задумался и обнаружил, что его не устраивает и первый исход. Потому что в обоих случаях он проигрывал.

Он уставился на свою грудь, увидел бурые пятна на рубашке (куртка исчезла, видимо, сняли) и с невероятной горечью ощутил, что помнит все. "Ты даже одет так же..." Хотелось плакать, но слезы не текли. Наверное, Тим уже перешагнул порог, за которым нормальные проявления эмоций недоступны. Он просто с тоской рассматривал свое тело, одежду на нем... И вдруг резко повернул голову вправо.

Из края воротника торчала короткая петелька.

Тим совершенно забыл о лезвии в воротнике. Он не вспомнил о нем, даже когда стирал рубашку на даче. Впрочем, Тим всего лишь наспех застирывал пятна крови.

Если бы он занялся рубашкой всерьез, кончик лезвия наверняка уколол бы ему руку.

Неловко вывернув шею, Тим захватил петельку зубами и осторожно потянул. Тупой конец лезвия с крепежным отверстием, в которое была пропущена нитка, показался наружу. Тим взял лезвие в зубы и вытащил до конца. Перебросил на язык и сосредоточился.

Кисть руки можно было развернуть так, что появлялась возможность пилить охватывающий ее ремень. Тим дернул руку на себя, и она сместилась в ременной петле ровно настолько, чтобы авантюра увенчалась успехом. Тим оглядел комнату снова - неужели в ней действительно никого нет?! Но

комната была пуста.

Фантастическая удача.

Тим развернул ладонь и выплюнул в нее лезвие. Промазал и некоторое время с перекошенным от напряжения лицом извивался, стараясь дотянуться до блестящего кусочка металла, лежащего между рукой и бедром. Достал! И начал резать толстую прорезиненную ткань.

Пси бездействовало. Впрочем, после того, что Тим совершил в последний раз, он не удивился бы, откажись работать и тело. Очнувшись на этом столе, он сначала действительно решил, что умер. И был почти доволен. Но теперь он горел желанием освободиться и торопился изо всех сил. Он еще мог убить и покалечить многих прежде, чем уничтожат его. Люди были сами виноваты. Нельзя оставлять пленника без присмотра.

Тим резко дернул рукой, и ремень на кисти лопнул. Справиться с ремнем на груди оказалось не в пример легче. Через несколько секунд Тим уже сидел и тянулся к ногам. В этот момент открылась дверь.

Вошедший в комнату молодой человек в белом халате явно недооценил противника.

Вместо того чтобы поднимать крик, он бросился к Тиму и, что-то недовольно шипя, схватил его за плечи, намереваясь повалить на стол. Тим зажал лезвие плотнее и аккуратно воткнул его молодому человеку на ладонь ниже левого уха.

Рабочая часть лезвия была в длину сантиметра три. Тим рванул лезвие на себя, и одновременно изо всех сил толкнул молодого человека назад, распарывая ему шею.

Кровь из нее ударила таким фонтаном, каких Тим не видел даже в кино. Парень взвыл, повалился на спину и принялся биться об пол, подпрыгивая и орошая все вокруг красным. При этом он противно булькал и хрипел. Тим, не обращая на него внимания, сосредоточенно резал путы на ногах.

Когда парень затих, Тим уже стоял у двери, прислушиваясь к быстрым шагам по коридору. Дверь отворилась, на пороге возник еще один молодой человек, тоже в халате. Как и первый, он не произвел на Тима впечатления. Он просто встал как вкопанный и вытаращился на труп своего предшественника. Оставалось делом техники крепко взять его за руку, втащить в комнату и захлопнуть дверь.

- Ты кто? - спросил Тим, разворачивая парня лицом к себе и чувствительно втыкая кончик лезвия ему в шею.

- Н-никто, - пролепетал тот. - Н-никто, клянусь. Я п-п-просто научный сотрудник... - Плохо, - сообщил Тим, с отвращением рассматривая научного сотрудника. Тот был как минимум килограммов на десять тяжелее Тима и, похоже, раза в полтора сильнее. Но сейчас это не имело никакого значения, потому что научный сотрудник с перепугу разве что не обкакался. Из-под руки Тима по шее парня стекала кровь.

Тим его понимал, но не жалел.

- Кто старший? - спросил Тим. Научный сотрудник тяжело сглотнул.

- Доктор Самохин, - с трудом выговорил он.

- Где?

- Сейчас придет. Он за мной должен... Не надо, не убивай меня. Только не убивай... Зачем тебе это? Тебе все равно отсюда не выйти.

- Это почему же мне не выйти? - усмехнулся Тим.

- А перекрыты этажи! - чуть ли не радостно воскликнул научный сотрудник. - С тех пор, как тебя привезли! В каждом проходе по мужику с автоматом! С тобой человек двадцать приехало! Слушай, мой тебе совет,

договорись ты с ними по-хорошему, а?

Ну зачем тебе...

- Не выйдет, - вздохнул Тим и дернул лезвие на себя. Научный сотрудник рванулся в сторону и сам завершил дело. Хватаясь за шею, он завертелся волчком, поскользнулся в луже крови и укатился под стол.

Тим брезгливо стер со щеки красные брызги. С сомнением посмотрел на зажатое в пальцах лезвие и осмотрелся в поисках оружия посolidнее, но ничего подходящего не заметил.

По коридору снова кто-то шел. Мысленно Тим перекрестился. Он не знал, насколько доктору Самохину удалось продвинуться в "форсировании" за последнее время.

Оставалось только надеяться, что привычки "щелкать" на ходу доктор еще не приобрел.

Так же как и его научный сотрудник, доктор Самохин на пороге в ужасе застыл.

Челюсть у него отпала, а когда захлопнулась дверь и крепкая рука бесцеремонно ухватила доктора за гениталии, чуть не отвалилась совсем.

- Привет! - Тим воткнул лезвие доктору в подбородок и слегка повернул, чтобы метка осталась посерьезнее. - Это я, твой п...ц!

Доктор, вылупив глаза, смотрел на Тима в немом изумлении.

- Или тебе яйца отрезать? - спросил Тим. - Отрезать и в карман положить... На долгую память. Пожалуй, так и сделаем. Дочку ты уже родил. И хватит с тебя.

Он вырвал острие у Самохина из подбородка и воткнул ему в шею. Доктор наконец смог закрыть рот.

- Давай рассказывай, как ты меня отсюда вытащишь! - потребовал Тим. - Только быстро рассказывай.

- Тима... - прохрипел Самохин.

- Я и без твоей помощи выберусь, - пообещал Тим. - Только крови будет по колено.

Давай, спасай людей, Гиппократ х...ев.

Самохин очень медленно поднял руку и ощупал свой разрезанный подбородок. В глазах у него при этом стояла такая •безумная тоска, что Тиму стало противно. Он отнял лезвие от шеи доктора, вытер его полкой самохинского халата, отошел в сторону и уселся на какой-то громоздкий прибор.

Самохин, не отпуская подбородка, привалился к стене.

- И как это мы с тобой, папаша, не породнились? - издевательски заметил Тим. - Дочурку-то твою я имел возможность изнаsilовать во все дырки. Так нет, пожалел... Ты хоть в курсе, мудака, что Нина твоя - зомби?

Самохин, кряхтя, отошел в угол комнаты, где стоял письменный стол, и принялся копать в ящиках. Тим ему не мешал. Доктор и так был совершенно раздавлен Проектом, а тут на него еще свалился глумливый молодец с острым режущим предметом.

Самохин добыл из стола клочок ваты, пластырь и склянку с прозрачной жидкостью.

Шипя, он промыл рану на подбородке, зубами оторвал кусок пластыря и криво залепил распоротую челюсть.

- Н-ну? - поинтересовался Тим. - Есть идеи? Доктор уселся за стол, положил на него руки и уронил голову поверх них.

- Что делать-то будем? - спросил Тим.

- У нас в запасе два часа, - глухо ответил Самохин. - Придумаем что-нибудь.

- Так ты в курсе насчет Нины?

- Когда вы ее видели, Тим? - спросил доктор, по-прежнему не поднимая головы.

- Не помню. Дней десять назад. В принципе, вы не беспокойтесь. С ней порядок, она просто под гипнозом. Психотронного зомбирования не было.

- А я ее не видел три недели, - проговорил Самохин. Он поднял на Тима глаза, и тот отвернулся. - Они забрали ее, Тим. Жену забрали, Нину забрали... Я в ногах у них валялся.

На коленях стоял...

- И теперь эта шарашка, - Тим обвел рукой вокруг, - часть Проекта.

Доктор утвердительно вздохнул.

- А что они сказали делать со мной? - спросил Тим.

- Пока ничего. Только привести в чувство и... и нейтрализовать, если вы включите пси на поражение.

- У меня больше нет пси.

- Что? - встрепнулся Самохин.

- Не знаю, почему я это вам говорю, - помотал головой Тим. - Но факт остается фактом. Батарейки у меня сели.

Такие вот дела, милый доктор.

- Так все-таки, что было с Ниной? - спросил доктор.

- Да так... В засаду ее поставили. Нацепили на руку излучатель и отправили меня караулить... Кстати, доктор, это вы ее инициировали?

- Нет, - вздохнул Самохин. - Она начала развиваться спонтанно, год назад.

- Так я и думал, - кивнул Тим. - Вам рассказать вообще, дорогой ученый, что в мире творится? Или вам на это насрать с высоких стен фундаментальной науки?

- Не надо, - вздохнул доктор. - Мне все объяснили. В подробностях, - голос его был слаб и бесцветен, как у тяжело больного человека.

- Да ладно, расслабьтесь, - хмыкнул Тим. - Не все так плохо. Хананова больше нет. И ведущих операторов, во всяком случае здесь, в Москве, тоже... почти нет.

Вы теперь, доктор, первая скрипка в оркестре. Так что не стесняйтесь выставлять Проекту условия.

- Я? - удивился Самохин. - Почему я?

- А потому, - сказал Тим, спрыгивая с насеста и подходя к Самохину вплотную. - Нет больше премьер-оператора, понимаете? И как минимум трети ведущих операторов тоже нет. Да и те, что остались, без Хананова далеко не уедут. Мелюзга на городских подстанциях вообще не в счет. Слабенькие бездарные сенсы. И вы, доктор, с вашей системой форсирования нужны теперь Проекту до зарезу. Им понадобится в кратчайшие сроки подтянуть кучу народа до очень высокого уровня.

Иначе Проекту как. Зомби разбегутся, контроль ослабнет, Москва пойдет вразнос и встанет на уши. Без вас Проект с треском проваливается.

- О господи... - пробормотал Самохин, хватаясь за голову.

- Радоваться надо! Будете вертеть Проектом, как захочется. Только смелее надо, и все. Есть, правда, одна загвоздка... Самохин из-под руки опасно глянул на Тима.

- Правильно, - кивнул Тим. - Для того чтобы вы могли диктовать условия, нужно, чтобы исчез я. Как только я испарюсь, вы сможете выйти к

Проекту с широкой улыбкой и спросить, а где, собственно, ваша семья.

Самохин вздохнул так душераздирающе, что Тиму даже стало немного смешно. Он понял, что пора брать инициативу в свои руки. Терзаемый страхами доктор мог переживать сколько угодно, а у Тима оставалось все меньше времени для маневра.

- В каком состоянии ваша разработка? - жестко спросил он.

- Конца края не видать... - пробурчал Самохин.

- Отлично! Вот и делайте ее потихоньку. А параллельно тренируйте свое пси.

Учитесь подчинять себе людей. И к тому моменту, когда Проект начнет давить, вы сами его возьмете к ногтю. Да он и так долго не протянет. Вопрос только в одном - сдохнет он до того, как вам придется кого-то убить, или нет.

Самохин тихо застонал.

- Еще один великий гуманист, - фыркнул Тим. - Ничего, привыкнете. Детей годовалых бросать вы умеете. Так что и человека придавить вам труда не составит.

- Тима... - простонал Самохин. - Я же с восемнадцати лет у КГБ вот где, - он протянул вперед сжатый кулак.

- А я с рождения! - заорал Тим, но осекся, боясь, что услышат. Лужа крови на полу уже приближалась к его ногам, и он уселся на стол рядом с доктором. - Во! - показал он на тела молодых людей. - Сидите в комнате, где два трупа и кровью воняет так, что не продохнуть, - и хоть бы что!

При этих его словах доктор издал такой звук, как будто его сейчас вырвет, и зажал рот руками. Некоторое время он, давясь, боролся с тошнотой.

- Я привык, - заметил Тим философски. - И вы привыкнете. Борьба за существование, доктор. Итак, вы все поняли, что я вам сказал?

Самохин, не отнимая рук ото рта, кивнул.

- Это ваш единственный шанс, - сказал Тим. - Либо вы перехватите инициативу, либо они вас съедят. Будем сотрудничать? Еще кивок.

- Успеете за час меня подзарядить?

Пожатие плечами.

Тим обошел кровавую лужу по краю и уселся на стол под сканером.

- Вперед! - приказал он.

Доктор выбрался из своего угла и осторожно, по стенке, прошел за пульт перед столом.

- Окно нельзя открыть? - просил Тим. - Задохнуться можно. Ах да, нет же окон... - Тима, - подал голос доктор. - Простите... Мне это так запало в душу... Так что, неужели моя Нина должна была вас убить?

- Ну почему сразу убить... - Тим лег и расслабился. Лезвие он воткнул в мягкое покрытие стола. - Мертвый я Проекту не нужен. Потерял бы сознание, и все. А они бы меня скрутили и привезли сюда. К вам-с.

- Ох... - только и сказал доктор, чем-то щелкая на пульте. Кронштейн сканера чуть подвинулся, и рядом с ним развернулась телескопическая штанга с цилиндрическим телом из тонкой металлической сетки. Тим ощутил легкое жжение в переносице.

- Между прочим, - заметил Тим, - мы уже полчаса болтаем, а дверь запереть так и не догадались.

- Там нет замка, - сказал доктор. - Не беспокойтесь, Тим, чужие сюда не ходят.

Опасаются. А этим... Во-первых, я запретил, а во-вторых, если кто

психотроники и боится, так это они.

- Меченых среди моего эскорта не видели?

- Это с черным пятнышком? Нет.

- А вы делаете успехи, доктор...

- Как она выглядела? - спросил доктор внезапно.

- Потрясающе. Она совсем еще девчонка и категорически не в моем вкусе, но... - начал было Тим и вдруг замолчал. Жжение в переносице усилилось.

- Простите, - сказал Тим очень тихо. - Я вспомнил... Извините, доктор, мне сейчас тяжело говорить... - Ничего, - пробормотал Самохин. - Главное - расслабьтесь.

- Я постараюсь, - выдавил Тим сквозь рыдания, сотрясающие его.

Самохин вышел из-за пульта и, не обращая внимания на то, что ступает по крови, подошел к столу. Он склонился над Тимом и положил ему на виски мягкие горячие руки.

- Бедный мой, - прошептал он. - Что же они с вами сделали...

- А-а, н-ничего... - выдохнул Тим, содрогаясь всем телом. - А-а, они меня у-уб-били...

***

Молодой человек вышел из лесной чащи и остановился на высоком откосе, глядя вниз. Перед ним была небольшая котловина, на дне которой блестело густо заросшее по краям озеро.

Легкий ветерок перебирал седые пряди, спадавшие на высокий лоб. Молодой человек сбросил с плеч рюкзак, уселся на сухую траву и прикрыл глаза. Он вышел к цели, и ему больше некуда было торопиться.

Пару недель тому назад, почувствовав за собой погоню, он был вынужден прибавить темп. До этого он шел через страну неспешно, раздумчиво, стараясь впитать в себя как можно больше ощущений. Жадно подставлял лицо ветрам, ловил носом запахи, прикасался руками к зданиям и машинам, перебирал в пальцах дорожную пыль.

Вставал на колени перед цветами и нагибал к себе ветви деревьев. Пил из множества озер и рек.

Только к людям он был равнодушен, используя их, когда требовала необходимость, и не замечая, когда они были ему не нужны. Он долго шел пешком через села, городки и города, но не увидел в них ни одного человека. Даже когда заходил в людские дома, чтобы переночевать или привести себя в порядок, самих людей он не видел.

И еще он закрывал глаза, склоняясь над водной гладью. И брился на ощупь, почти не глядя в зеркало. Бриться он никогда не любил, но щетина не шла ему, а он почему-то хотел быть красивым, хотя и не позволял людям замечать себя и запоминать свой облик.

Только однажды он случайно увидел свое отражение в зеркальном окне. На него смотрело жесткое волевое лицо, на котором ярко выделялись серо-стальные глаза. А корни волос в густой пепельной гриве были почему-то окрашены в темно-коричневый цвет. Он долго рассматривал себя, не понимая, что это означает, пока не сообразил - к его волосам скоро вернется их прежний цвет. На душе стало горько, потому что - он это точно знал - никогда не станут прежними его глаза. И вряд ли когда-нибудь отогреется сердце.

Иногда вечерами на привалах он разжигал костер и вызывал из небытия

образ женщины, которую потерял. Сотканная из призрачной голубоватой дымки, она садилась рядом, клала полупрозрачную руку ему на плечо и разговаривала с ним, пока он не засыпал.

А иногда он не засыпал и беседовал с ней всю ночь, как это часто случалось, когда они были вместе во плоти.

Потом какое-то время он не мог говорить с ней. Погоня настигала его, и он спешил увести преследователей как можно глубже в тайгу, чтобы не пострадали невинные.

Сначала он отвел от следа собак, которых ему было особенно жаль. Он всегда хорошо относился к собакам и обрадовался, когда они ушли. Затем попытался образумить людей. Но люди его не послушались, и тогда он избавил их от своего общества. А вчера он попрощался со своей любимой. Молодой человек открыл глаза и посмотрел вниз. В котловине, на берегу озера, уютно расположился, подмяв под себя камыши, диковинный летательный аппарат. Больше всего он был похож на земной "шаттл". Но внимательный глаз обнаружил бы в его архитектуре нечто чужое, не свойственное человеческим представлениям об аэродинамике. Этот маленький тупоносый самолетик конструировал иной разум и строила нездешняя рука.

На крыле самолетика, болтая короткими задними лапами, сидело нечто, отдаленно напоминающее исхудавшего медведя. С ног до остро торчащих ушей оно было покрыто ярко-рыжей шерстью. Кончик его носа, ладони и внутренняя поверхность пальцев, заканчивающихся короткими тупыми коготками, отливали черным. Карие бусинки глаз задорно поблескивали. Существо было одето в пухлый черный жилет со множеством карманов. Рядом с ним на крыле стояло некое подобие корзинки, наполненное оранжевыми шарами, в которых без труда можно было узнать апельсины. Еще один апельсин был у существа в руках, и оно, удовлетворенно ворча, ловко снимало с него кожуру.

Молодой человек рассмеялся. Существо подняло на него глаза, склонило голову набок, приоткрыло наполненную белоснежными зубками пасть и по-собачьи вывалило на сторону розовый язык. Высоко подбросило наполовину очищенный апельсин и ловко поймало его. И похлопало лапой по крылу рядом с собой.

Молодой человек встал, подобрал рюкзак и начал спускаться вниз.

***

Из Института нейрохирургии Проект вывез пятнадцать трупов и столько же еще живых, но в глубокой энергетической коме. Ни один из "раненых" так и не пришел в себя, и все они впоследствии скончались. Научный персонал Института покинул здание самостоятельно и возвращаться в него отказался. Лаборатория Самохина была переведена в отдельный корпус на территории научного центра, остальным посоветовали заткнуться и выкручиваться, как знают.

След Тимофея Костенко (наблюдаемая группа "Дети", файл 028, объект "Стальное Сердце") был обнаружен далеко за Уралом, и в ходе оперативно-розыскной работы удалось вычислить направление его движения. Однако группа захвата, отправленная за Костенко, назад не вернулась. Розыски пропавших в тайге оперативников тоже оказались безуспешны.

Полковнику Леонову присвоили внеочередное звание генерал-майора и оформили переводом на должность начальника сектора "А" Проекта. Подразделение доктора Самохина было серьезно укрупнено и получило статус

отдельного сектора "Ц". Но было упущено главное - время. В течение почти трех месяцев Проект не выполнял своей главной задачи. Он потерял контроль над ситуацией в стране.

Восполнить потери или хотя бы свести их к минимуму не удалось. События развивались стремительно, а Проект все еще оставался "без рук". Провал августовского путча в Москве поставил Государственную Контрольную Службу СССР на грань полного краха. Ввиду угрозы раскрытия Проект отдал приказ на самоуничтожение ряду ответственных партийных работников, сжег архивы и встал на консервацию. Положение усугубляли перебои с финансированием. К концу 1991 года численность активных сотрудников Проекта упала до ста человек. Основным их занятием было заметание следов.

Владимир Владимирович Рябцев был помещен в психиатрическую клинику с диагнозом "шизофрения" и грифом "нецелесообразность переписки".

Федор Алексеевич Полюнин скончался от обширного инфаркта.

Иван Иванович Гаршин успешно продолжал работу на должности заведующего отделом науки одной из авторитетнейших газет.

Нина Андреевна Самохина получила годовую оценку по поведению "неудовлетворительно", но тем не менее была переведена в десятый класс.

Трагически погибшая в возрасте двадцати двух лет Ольга Викторовна Астахова, случайная жертва бандитской "разборки", была похоронена на Хованском кладбище города Москвы.

Сергей Тимофеевич Костенко покончил жизнь самоубийством выстрелом в голову из охотничьего ружья.

Личные дела наблюдаемой группы "Дети" не были уничтожены чисто по инерции, из-за своей особой ценности. Что делать с оставшимися Детями, никто в управлении Проекта не понимал. Эти четверо мутантов паранормальных способностей никогда не проявляли. Но за ними было положено следить. А теперь их бросили на произвол судьбы - пусть себе живут. И они жили, не зная, что невидимая петля, с детства лежавшая на их шеях, впервые слегка распустилась.

Файл 105, объект "Мастер", был отчислен со второго курса факультета журналистики МГУ за академические задолженности и систематическое непосещение занятий.

Файл 116, объект "Волк", поступил на факультет международного права МГИМО.

Файл 117, объект "Лариса", поступил в Литературный институт.

Файл 200, объект "Мальш", перешел на второй курс физико-математического факультета МГУ.

ЭПИЛОГ

23 апреля 1992 года.

Москва, ул. Моховая, 20

Зайцев и Смолянинов вышли с факультета журналистики и остановились чуть левее от дверей под темным пятном на стене. Они достали сигареты и Смолянинов дал Зайцеву прикурить. Тот благодарно кивнул, задрал голову, осмотрел пятно и цыкнул зубом.

- Как время летит, а? - заметил он.

Смолянинов тоже посмотрел вверх и понимающе хмыкнул. Еще совсем

недавно на месте пятна красовалась белая с золотом мемориальная доска в честь товарища Суслова. В первый раз ее облили чернилами еще задолго до августовского путча, развала страны, КПСС и КГБ. Тогда доску отмыли. Но акты вандализма приняли хроническую форму, и доску заколотили фанерой. А теперь и вовсе сняли.

- Н-да... - Зайцев обвел тоскливым взглядом факультетский двор и вздохнул. - Что-то здесь не так, а?

- Гниет факультет, - кивнул Смолянинов. - Эх, помню старые добрые времена... Когда с пятого курса уходили в "академку" люди с тридцатью шестью "хвостами".

Абсолютный рекорд университета. А обмывать дипломы шли в зоопарк. Представляешь, каково - напоить моржа портвейном, кидаться пустыми бутылками в слона, загоня несчастное животное в дальний угол вольера... Прибегают менты, начинают всем руки крутить, а девочка в белом платье, совершенно невинной внешности, этакая старшеклассница, падает задницей в лужу и оттуда ментам прокуренным голосом заявляет:

"А я вас всех на х...ю вертела".

Зайцев от души расхохотался.

- Да уж... - с трудом выдавил он. - Знай наших...

- Фирма, - гордо сказал Смолянинов, разглядывая обшарпанные стены факультета. - А сейчас просто бардак. Кругом "бычки" валяются, девицы ходят какие-то тусклые, хоть вообще не смотри... - А правда, что в Ленинской аудитории прямо на лекции на заднем ряду трахались?

- спросил Зайцев.

- Говорят... Хотя я слышал, что не в Ленинской, а в Коммунистической, на балконе. Не знаю, не участвовал. Хотя... Нет, у нас, конечно, факультет был лихой. Но здесь же все безобразия афишировались, их никто не стеснялся, А что творилось на других "факах", мы просто не в курсе. Черт его знает, какие там нравы. У меня приятель один, ты его не знаешь, подцепил как-то девчонку с "психа". Красивую - жуть. И зашел с ней ближе к вечеру сюда, на лестницу боковую, - Смолянинов отвернулся и посмотрел в направлении лестницы. Лицо его приняло вдруг тоскливое и мечтательное выражение. - Покурить в тепле зашел. Так она его прямо на лестнице отымела, повернулась и ушла. А он, как в анекдоте, скакал за ней, держа штаны, и орал "Тебя зовут-то как?!" - Так это же психфак... - произнес Зайцев глубокомысленно.

- А человек до сих пор переживает, - заметил Смолянинов.

Зайцев очень внимательно на него посмотрел, но задавать вопросов не стал.

- Пошли? - спросил Смолянинов.

- Пошли. А... О! Кирилл! Гляди!

От проспекта Маркса к факультету поднималась колоритнейшая пара. Впереди, засунув руки в карманы, шагал высокий молодой человек с очень приятным, только, может быть, чересчур высокомерным и отстраненным лицом. Во рту у него дымилась сигарета. Сбоку из-под дорогой модной кожанки свисал, болтаясь, сложенный четверо поводомок.

В двух метрах позади молодого человека тяжеловатой походкой следовала громадная собака. Не высокая или длинноногая, а именно очень большая, с по-человечески широкой грудью и почти медвежьей головой. Шерсть у собаки была серо-стальная с мелкими черными подпалинами. На голове вместо ушей торчали меховые кисточки.

Хвост загибался кверху, глядя прямо в небо, и рассыпался длинными

"перьями".

Куривший во дворе народ будто по команде застыл и уставился на собаку. Несколько стаяк первокурсников, кучковавшихся на подъеме, загораживая диковинной паре дорогу, дружно заткнулись и организованно сползли с асфальта на газон.

- Коронный номер, - сказал Зайцев так гордо, будто это он сейчас ледоколом раздвигал толпу, не обращая внимания на то, как ведет себя сзади опасный, судя по всему, зверь.

- Поганый номер, - заметил Смолянинов. - Вот как она сейчас кого-нибудь

Цапнет...

- Не-а. И не думай.

- Ну да! Что я, "кавказов" не знаю?

- Эту не знаешь. А потом, Витька по собакам мастер.

- Пижон он, - процедил Смолянинов неприязненно. Между тем молодой человек вплотную приблизился к скоплению народа у ступеней факультета. Он остановился, выплюнул сигарету, звонко щелкнул языком и хлопнул себя левой рукой по бедру.

Собака немедленно догнала хозяина, подобралась к ноге, и молодой человек небрежно зацепил двумя пальцами кольцо на ее ошейнике. Разглядев в стороне от толпы Зайцева, он помахал ему и, пожимая руки и раскланиваясь, легко рассек толпу надвое. Студенты улыбались и кивали, но протянуть руку к собаке никто не рискнул.

- Привет, - сказал молодой человек, подходя к Зайцеву. Они обменялись рукопожатием. Смолянинов тоже небрежно сунул парню руку и отметил, что лицо его расслабилось и стало вполне человеческим. "Пижон страшный", - повторил Смолянинов про себя.

- Это называется Виктор Ларин, - представился ему молодой человек. - А это называется Чуча.

- Кирилл, - кивнул Смолянинов.

- Я знаю, - сказал Ларин просто. - Я только думал, что ты уже завязал со всем этим... - он махнул рукой в сторону факультета.

- Да нет, не получается. Родители достают.

- А кого они не достают? - осведомился Зайцев. Он осторожно гладил Чучу по мощному загривку и весь просто светился от счастья.

- А ты на каком сейчас курсе? - спросил Ларин Смолянинова.

- Да вот... Оказался почему-то на пятом, - Смолянинов коротко хохотнул. - Хотя был уверен, что еще на четвертом.

- Н-да... А я вот был уверен, что я на третьем. А оказалось - ни на каком.

- Выперли? - удивился Смолянинов.

- Вроде того. Я им создал такие условия, при которых меня пришлось выпереть. Не могу я здесь больше. Чтобы в зимнюю сессию опять историю КПСС сдавать? На фиг, слуга покорный. А ты в курсе, кто теперь заведует кафедрой рекламы и экономической журналистики? Мужик, который до этого заведовал кафедрой партийно-советской печати. Все, не буду я здесь учиться. Противно. Окончательно факультет сгнил.

Смолянинов пожал плечами, достал сигареты и протянул Ларину. Парень начинал ему нравиться.

- Спасибо, у меня свои. Ты где сейчас? С Олежкой вместе? Завидую. Дай вам бог удачи, господи.

- А ты как? Что там вообще творится в старой доброй газетенке?

- А... - Ларин неприязненно скривился. - Делят шкуру неубитого медведя.

Соревнуются, кто больше акций хапнет.

- Как у тебя с Гаршиным? - спросил Зайцев. Он по-прежнему не мог оторваться от Чучи, теперь он чесал ей за ухом. Собака приоткрыла рот и вывалила язык. Хвост ее по-прежнему смотрел вверх, свидетельствуя, что его обладательница находится в прекрасном расположении духа.

- Погано, - выплюнул слово Ларин, отпустил Чучу и полез за сигаретами. - Забодал он меня, - признался он, выпуская дым. - Тему психотроники фактически закрыл.

Сказал, что если я о ней еще хоть раз заикнусь, то поставит вопрос о моей профпригодности. Кстати, это очень хорошо, что я тебя встретил. Вот, посмотри, - Ларин сунул руку за пазуху и достал несколько сложенных вчетверо листков.

Зайцев с трудом отлип от собаки, развернул листки и сказал: "Ого!" Смолянинов глянул ему через плечо. "А-а..." - протянул он разочарованно, отвернулся, высмотрел кого-то в толпе и отошел. Ларин молча курил. Зайцев листал документ.

У него в руках было постановление Комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям от 4 июля 1991 года. Название документа было "О порочной практике финансирования псевдонаучных исследований из государственных источников".

В постановлении утверждалось, что несколько общесоюзных министерств затратили пятьсот миллионов рублей на лженаучные и антинаучные разработки по "спинорным (торсионным) полям". Министерства были введены в заблуждение аферистами от науки, утверждавшими, что с помощью генераторов этих полей ("психотронных генераторов") можно создать оружие нового поколения, позволяющее на расстоянии управлять поведением человека. В качестве заказчиков работ в постановлении назывались Министерство обороны, Минатомэнергопром, КГБ СССР и Военно-промышленная Комиссия Кабинета Министров СССР. А первым в списке из более чем двадцати исполнителей стоял отлично знакомый Зайцеву киевский Институт проблем материаловедения АН Украины. В свое время один из работников этого института проболтался, что в институтских лабораториях начато мелкочетное производство боевых психотронных генераторов. Зайцев бросился в Киев, но руководство института ловко выставило болтливого сотрудника психом, а Зайцева - дураком.

- Вот блядство! - рывкнул Зайцев.

- Ты читай, читай.

- Откуда это?

- Член-корреспондент Александров добыл.

- Вот уж кто счастлив...

- Это точно. Так и сияет. Ну, его можно понять. Не каждому ученому выпадает счастье разоблачить лженауку. Да, он говорит, что это постановление было с подачи отделения общей физики и астрономии Академии наук. Это так, для справки.

Ты читай, читай.

Зайцев, не отрываясь от постановления, сунул в рот сигарету, прикурил от протянутой Лариным зажигалки, промычал "спасибо" и продолжил чтение. Дальше ничего особенного в постановлении не было. Главным виновником безобразия объявлялся Межотраслевой научно-технический центр "Вент", он же бывший Центр нетрадиционных технологий ГКНТ СССР. И по одной только

линии Министерства обороны Центр хапнул двадцать три миллиона.

- Ты до центра "Вент" доехал? - спросил Ларин. - Так вот, мне Александров их программу работ показывал. И я своими глазами видел раздел, где прямо говорится о... - Ларин задрал глаза к небу, вспоминая, -... "дистанционном медико-биологическом и психофизическом воздействии на войска и население торсионными излучениями и защите войск и населения от таких излучений". Вот так-то. Что скажешь?

Зайцев посмотрел в конец постановления. Комитет по науке и технологиям требовал от финансирующих "лженаучные разработки" организаций представить в Верховный Совет СССР подробные отчеты. Зайцев сложил бумаги и вернул их Ларину.

- А что я должен сказать, Витька? - спросил он. - Ты сам все знаешь. Страны такой - СССР - больше нет, Верховного Совета ее нет, и Комитета такого, значит, тоже нет. Вместо КГБ - ФСБ. Все архивы наверняка сожгли. Особенно кагэбэшные.

Ничего ты больше не найдешь.

- Слушай ты, профессионал, - сказал Ларин. - Что мне делать-то?

- Забыть, - посоветовал из-за спины Ларина подошедший Смолянинов. Ларин неодобрительно глянул на него через плечо.

- Ты помнишь Тима Костенко? - спросил Ларина Зайцев. - Хотя нет, ты же его не видел.

- Я ему звонил один раз. Но он был пьяный в говнище и меня послал. Сказал, что ему это расследование поперек горла.

- Вот именно, - кивнул Зайцев. - Это он нам с тобой говорил. Легенда у него была такая. А на самом деле он продолжал копать. И знаешь, где он сейчас?

- Догадываюсь, - процедил Ларин. - Лечится от алкоголизма.

- Нет, - грустно сказал Смолянинов. - Лечится от мании преследования.

- Ты серьезно? - тихо спросил Ларин, оборачиваясь к нему. Смолянинов со вздохом кивнул.

- На все сто, - подтвердил за Смолянинова Зайцев. - Он в больнице, и выйдет из нее вряд ли.

- Это расследование - чистой воды гроб, - объяснил Смолянинов. - Никакой возможности узнать правду. Даже не для публикации, а так, для себя. Конечно, никто за эту тему не брался. А Тимка полез. Очень жалко его. Это гроб, - повторил Смолянинов, поднимая руку, чтобы утешительно хлопнуть Ларина по плечу.

Снизу раздался короткий рык, и Смолянинов руку поспешно отдернул.

- Фу, - сказал Ларин собаке. - Как не стыдно.

- А Тимку действительно жалко, - вздохнул Зайцев. - Талантливый был парень. Но сломался на этом деле.

- Откуда ты знаешь, что он в психушке? - вдруг спросил Ларин.

- Его отец сказал. Я Тимофея искал, хотел к нам позвать на работу, и отец мне обстоятельно все изложил. Про бред преследования и прочие дела.

- Как это он так... - пробормотал Ларин и глубоко задумался.

- Может, он с самого начала был немножко того, - предположил Смолянинов. - Хотя нет, нет... ничего похожего.

- Если сначала ничего и не было, так потом стало, - кивнул Зайцев. - Тимка довел себя до такого нервного истощения, когда и нормальный "съехать" может, а тема у него как раз подходящая была. У Тимки развился бред преследования, такой же, как и у зомби, с которыми он работал-Вполне закономерно.

- Заразился... - Смолянинов невольно поежился.

- Не знаю, господа, - покачал головой Ларин. - Страшное дело, конечно. Жалко мужика. Но и тема страшная. Должен же кто-то ее разрабатывать... - Ты пойми, балбес, - Зайцев умоляюще прижал руки к груди. - Даже если что-то там и было, ты уже ничего не докажешь. А главное - в любом случае нету больше по этой теме ни заказчиков, ни исполнителей. Деньги в стране кончились. И страна другая. Не нужно ей психотронное оружие. И не будет его больше никто делать.

Потому что спроса нет.

- А насчет "тему разрабатывать", - заметил Смолянинов, - это ты не беспокойся.

Среди нашего брата психов достаточно. Так что о теме кто-нибудь да позаботится.

Ларин снова покачал головой.

- Положим, сейчас мне все равно Гаршин кислород перекрыл, - сказал он. - Но где-нибудь через полгода... - Да ради бога, - перебил его Зайцев. - Только не забывай Тима Костенко.

- Между прочим, они похожи, - заметил Смолянинов. - И очень.

- Да, что-то общее просматривается, - кивнул Зайцев.

- Только этот недоверчивый, - усмехнулся Смолянинов.

Ларин улыбнулся и хотел, видимо, съязвить, но тут собака, которую он по-прежнему одной рукой придерживал за шиворот, громко взвыла и, приседая на задние лапы, рванулась к ступеням факультета. Ларин едва успел обернуться и поймать в объятия высокую темноволосую девушку.

- Танюшка... - Он поцеловал ее, поставил на ноги и повернул было лицом к коллегам, но девушка упала на корточки и обняла за шею собаку, которая тут же попыталась, радостно подвывая, облизать с ее лица косметику.

- Это любовь! - объяснил присутствующим Смолянинов. Девушка бросила на него снизу вверх задорный взгляд и распрямилась. Собака уткнулась ей носом в колени, продолжая исступленно вилять задом. Студенты вокруг смотрели кто на девушку, кто на собаку. Вдали кто-то восхищенно аплодировал.

- Господин Зайцев, господин Смолянинов, Таня, - представил их друг другу Ларин.

- И Чуча! - заявила девушка. - Привет! Журналисты дружно раскланялись.

- Ну что? - обернулась девушка к Ларину.

- Пошли? - заговорщически подмигнул он ей. - Вы извините, мы пошли. И спасибо, господа. Я ваши советы учту. Думаю, я даже им последую. Счастливо. Увидимся, да, Олег?

- Я тебе позвоню на той неделе, - кивнул Зайцев.

- Берегите себя, - улыбнулся Смолянинов, хищно глядя на девушку.

- До свидания, - улыбнулась Таня в ответ. - Эй, ты! - она пихнула коленом Чучу.

Собака подняла голову и оскалилась. Это было очень похоже на улыбку. Таня пошарила рукой под курткой у Ларина, выдернула поводок у него из-под пояса и застегнула карабин на кольцо ошейника собаки. Ларин еще раз кивнул друзьям, обнял Таню за плечи, и троица двинулась за угол. По меньшей мере половина толпящегося во дворе народа смотрела им вслед.

- Что ты думаешь об этом? - спросил Смолянинов.

- Ларина здесь терпеть не могут, - ответил Зайцев. - Она самая

красивая девушка на его курсе. А может, и на всем факультете.

- Да нет! - отмахнулся Смолянинов. - Что ты думаешь о психотронике?
Зайцев удивленно посмотрел на него.

- Что с тобой, Кир? Ты же всегда говорил, что это бред...

- А я и сейчас так считаю,

- Ну и...

- Почему такие вот ребята, молодые, чистые, как Тимка, как этот... -

А мы с тобой, значит, старые и грязные?

- ...почему они так настырно лезут туда, куда не надо? - закончил мысль Смолянинов. - Хоть им кол на голове теши.

- Во-первых, они еще не профессионалы. Во-вторых, они работать не хотят.

В-третьих, им очень хочется нахрапом пролезть в знаменитости. Мне продолжать? - спросил Зайцев неожиданно жестко.

- А ты злой, оказывается, Заяц, - искренне удивился Смолянинов.

- Ты видел хоть раз, чтобы Костенко дежурил по отделу? Или в типографию бегал, или "свежей головой" был? Ни разу. И Витька - это Костенко номер два. Он скорее в психушку готов, чем за станок.

- Заяц, ты очень злой! - сообщил ему Смолянинов. - И ты циник!

- Такие из принципа ставят перед собой задачи, на которые нет ответа!

- гнул свое Зайцев, потихоньку разъярясь.

- Фу! А еще Зайцев! Волчара ты позорный!

Зайцев сник.

- Я хочу понять, отчего мы с тобой не беремся за такие дела, - объяснил Смолянинов. - А если беремся, то не доводим до конца. У тебя сколько публикаций было по "Программе "Зомби"?"

- Ну, восемь... или девять.

- Кстати, у Костенко ни одной.

- Нет, была одна. Первая. Там стояло две подписи, моя и его.

- Вот именно. У него, который все придумал, одна. А у тебя двадцать.

И он в больнице, а ты здесь. Почему? Сказать?

- Ну скажи. Тоже мне...

- Потому что его интересовал результат. А тебя - публикации. Ты как только уперся в стенку и понял, что писать больше не о чем, сплавил тему на сторону.

Ларину вот этому. А Тимке нужен был результат, он боролся за идею, понял?

- Ну и что? - резонно спросил Зайцев.

- Да ничего! Просто ты профессионал, а он нет. Вот и все.

- Так я это сам говорил.

- А я с тобой и не спорю.

- А о чем мы тогда?..

- Я разобраться хочу, - жестко произнес Смолянинов.

- Ладно, - Зайцев невоспитанно сплюнул под ноги и прикурил новую сигарету от окурка. - Понял я тебя, Кир. Понял. Значит, так. Рассказываю один раз. Я сплавил эту тему Ларину потому, что почувствовал, что мне страшно. Все, я это сказал.

Вслух. Ну что, съел?

Смолянинов молчал.

- И потом, там действительно был тупик, - объяснил Зайцев. - Я на самом деле уперся в стену. Дальше информация кончалась. Меня футболили из инстанции в инстанцию, никто не хотел со мной говорить. Ну, я и... -

Нашел того, кому было не страшно, - кивнул своим мыслям Смолянинов.

- Пожалуйста, - развел руками Зайцев. - Пожалуйста.

- Олержка, тебя ведь никто ни в чем не обвиняет, - улыбнулся Смолянинов. - Извини, я просто что-то задумался обо всем этом... Мне казалось, что у тебя есть ответ. А ты и сам ничего понять не можешь.

- Страшно было. И Костенко тоже боялся. Он сам мне говорил. Да все боялись, Кир!

Все! Даже Гульнов боялся, который вообще был в стороне. Знаешь, как он озверел, когда нас цензура прикрыла?! А ведь он неспроста тогда рогом уперся. Он тоже понял, какая это страшная тема и как больно за нее можно получить. А Тимофей, между нами говоря, повел себя, как сука высокомерная! Глядел на нас свысока и хихикал - мол, побойтесь с мое, мужики... Он-то думал, я этого не вижу... Смолянинов встрепенулся и хитро глянул на хмурого Зайцева.

- А пошли-ка мы с тобой кофейку долбанем! - процитировал он шутку с факультетского капустника.

- По чашечке! - подхватил Зайцев.

- Кружечек по восемь! - завершил диалог Смолянинов.

- Пошли, - кивнул Зайцев и снова погрузился. - Тимку помянем.

- Помянем, - согласился Смолянинов. - Хреново без него. И не так уж чтобы очень близко я его знал, а вот... хреново.

Они вышли на проспект Маркса (или теперь Моховую?) и молча двинулись к метро, наклонившись вперед, навстречу внезапно подувшему ветру.

- "Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот, особенно ночью, когда силы зла безраздельно властвуют над миром", - вдруг процитировал Смолянинов. - Я сказал это Костенко почти два года назад. Как раз после самой первой вашей публикации. Сейчас вот вспомнилось... - Я тебе соврал насчет психушки, - пробормотал Зайцев. - И тебе, и Витьке, всем соврал.

Смолянинов остановился так резко, что Зайцев по инерции проскочил вперед. И останавливаться не стал. Смолянинов догнал его и крепко взял за воротник.

- Пошли, пошли, - сказал Зайцев, неприязненно морщась. - Пива очень хочется.

- Так что же с ним на самом деле?! - грозно спросил Смолянинов, мелко тряся Зайцева за воротник.

- Удрал он! - рывкнул Зайцев, вырываясь. - Сбежал! Сбежал!!! Бросил все и рванул! И в психушке не он, а его мать! А отец застрелился, понял?! С собой покончил! Ясно тебе?!

- Откуда ты... - пробормотал Смолянинов, выпуская зайцевский воротник и снова останавливаясь. Зайцев тоже встал. Прохожие на него оглядывались.

- К Гульнову кагэбэшник приходил, - сказал Зайцев устало. - И ко мне тоже. Все напугать пытался - государственная тайна, измена Родине... - А Костенко где? - пробормотал обалдело Смолянинов.

Зайцев скорчил в ответ гримасу.

- Первый раз Тим меня предал, когда разыграл спектакль, будто уходит из расследования, - сказал он горько. - И не только меня, всех нас. Второй раз предал, когда симулировал манию преследования. Он ведь на самом деле ложился на обследование в какой-то институт. И мне это действительно его отец по телефону сказал, я просто зажал информацию. А в третий раз он нас предал, когда пропал без вести.

- Да почему же предал? - удивился Смолянинов. - Наоборот, он все взял на себя, он хотел один... - А это что, не предательство?! - воскликнул Зайцев. - Он что-то узнал, понимаешь? Узнал что-то такое, что испугался и сбежал! Почему он к нам не пришел, а? Думаешь, мы бы не раскрутили это дело?! Да мы бы всю страну на уши поставили! Но он хотел все один, только один! Я от страха ночами не спал, квасить начал, мне среди бела дня чертовщина мерещилась, а получается, целый год потратил на какую-то х...ню! И теперь мы здесь, и все в говне, а он неизвестно где, и его ГБ ищет! Это что, не предательство?! - орал Зайцев, надсаживаясь.

Смолянинов стоял перед ним и глядел себе под ноги. - Что ж мы, не люди? - спросил его Зайцев уже тихо. - Не друзья ему? Получается так. Получается, он нам не верил. Чем мы это заслужили? Тем, что помогли ему всем, чем могли? Что, мы меньше него рисковали? Мы ведь тоже с Гульновым запросто идем по статье об измене Родине... Мне этот кагэбэшник очень здорово все объяснил. Ну, плевал я на статью, ни х...я они мне не сделают. Но я по-прежнему ни х...я не знаю и ни х...я не понимаю! А Костенко, сука, что-то знает! А мы - нет! Это что, по-человечески?

- Государственная тайна, измена Родине... Значит, это все правда? - пробормотал Смолянинов.

- Значит, это все правда, - эхом ответил Зайцев.

- И что ты теперь намерен делать?

- А что ты мне посоветуешь? - спросил Зайцев. - Вот поставь себя на мое место.

Ну, поставь.

- Я не могу, - признался Смолянинов. - Олечка, я же не знаю, что это такое - семья, ребенок... Тебе беречься нужно.

- И все-таки, - не унимался Зайцев, - попробуй. Ты старше меня, ты опытный, много работал в опасных местах. Что ты мне посоветуешь?

Смолянинов зябко повел широкими плечами.

- Забыть, - твердо сказал он, снова поежился и поднял воротник.

Опустил глаза, сунул руки в карманы и шагнул вперед. Прячась от порывов ветра, Зайцев пристроился ему в спину.

Олег ДИВОВ
СЛЕД ЗОМБИ II
МАСТЕР СОБАК

ONLINE БИБЛИОТЕКА

<http://www.bestlibrary.ru>

Сегодня нет фактических оснований полагать, что упоминающиеся в тексте организации действительно существуют или когда-либо существовали. Все действующие лица вымышлены и не имеют реальных прототипов. Все

совпадения имен, названий и наименований случайны.

Неоценимую помощь в сборе фактического материала мне оказала Карма-Дот.

ЧАСТЬ I

ДЕКАБРЬ

Тварь притаилась на крыше, напряженно изучая обстановку внизу. Прямо под ней был узкий коридор между стенами магазина и склада. Коридор выходил во дворик - сплошь высоченные сугробы и кучи гнилых упаковочных ящиков. Там, в этой неразберихе, цель - дыра погрузочного люка, ведущего в подвал.

Вырожденный мозг твари лихорадочно просчитывал варианты. До рассвета времени более чем достаточно. Если бы там, внизу, были просто люди, обычные люди...

Мягкие, податливые тела, слабая энергетика. Прыгнуть, схватить за плечи, крепко прижать к себе. Или хотя бы взять за руку и удержать. Несколько секунд крика и бессмысленных конвульсий. Потом тело обмякнет, и его можно спокойно нести.

Волочь нежелательно - рвутся кожные покровы. Ничего сложного. Но сейчас все не так. Задача не выполнена, а на пути отхода - засада.

Тварь опустила голову и повела носом, будто принюхиваясь. Копна спутавшихся грязных волос упала ей на глаза, но это ничего не значило. В глазницах твари намерзла корка льда.

Окружающий мир был отчетливо виден, ясен, понятен. И здания, и прячущиеся внизу существа были для твари просто системами энергетических полей, пронизывающих и оформляющих все живое и неживое. Стены, перекрытия, коммуникации... и четверо врагов на первом этаже. При желании тварь могла бы рассказать историю любого кирпича в этом доме. А враги - всего лишь энергетические цепи немногим сложнее кирпичей. Если знаешь, где что разомкнуть, - несколько мгновений сокращения мышц и колебаний воздуха. Если не знаешь, что оборвать в цепи, - просто хватай и держи. Результат тот же. Главное - подобраться вплотную, потому что враги подвижнее, чем ты. Они устраивают засады на тебя, а ты - на них. Кто кого.

Разумеется, ни о чем подобном тварь не размышляла. Она просто не способна была думать в человеческом понимании этого слова. И конечно, она не пользовалась человеческими терминами, чтобы обозначить находящееся и происходящее вокруг.

Были просто тонкие излучения, легко различимые и хорошо понятные. В некоторой степени тварь умела ими управлять. Сейчас, например, она тщательно экранировала свой мозг от внешнего мира. А лучи-щупальца, которыми тварь, словно радаром, изучала пространство, были перенастроены так, чтобы вызывать у живых разумных и неразумных минимум беспокойства. Тварь была молодым и ценным экземпляром, намного превосходящим своих неповоротливых собратьев предыдущей генерации. И не могла себе позволить случайную гибель. Люди мыслят странно, в их головах хаос, но иногда из него прорывается очень эффективная тактика. Люди - гении разрушения. Даже если ты посылаешь и принимаешь отраженный сигнал триста миллиардов раз в секунду, все равно найдется умник, который придумает, как стереть тебя в порошок доступными ему методами. Например, перебьет кувалдой

позвоночник, наедет на спину машиной и будет спокойно ждать рассвета. А что случится после рассвета - ты не знаешь. Мало информации. Известно только, что тебе его точно не пережить.

Тварь переместилась еще. Кончики пальцев - ороговевшие, превращенные в острый коготь, - вонзились в сковавший крышу лед. Если бы тварь умела беспокоиться, она могла бы совершить какую-нибудь глупость. Но нынешний ее мозг не умел генерировать эмоции. Он только анализировал объективную информацию. Сейчас он высчитал: с каждой секундой растет вероятность того, что тебя засекут. Либо ты неосторожно заденешь одного из неразумных своим лучом-щупальцем, либо тебя обнаружат те, другие, похожие на людей, но уже не совсем люди. Их четверо, они снаружи, за забором и домами, по углам квадрата, и сканируют местность почти на тех же частотах, что и ты. Каждый раз, чувствуя рядом их луч, ты сжимаешься в комок, но так не может продолжаться вечно. Они просто не ждут тебя сверху, они еще не встречались с такими, как ты, быстрыми умом и телом, способными передвигаться не только по земле. Тварь приняла решение.

Конечно, можно было пройти по крыше и спрыгнуть во двор возле самого люка. Но там груды ящиков. Если застрянешь, тебя прикончат эти трое, поделившие двор на сектора обстрела. Тихо сидят в засаде вместе со своими неразумными. Очень напряжены. Можно спрыгнуть с другой стены и пробежать до люка, нырнуть в него головой вперед - вдруг не попадут. Примут за человека и растеряются. Но тебя мигом распознают неразумные - бросятся, догонят, собьют с ног. Тогда конец.

Тварь умела двигаться почти так же быстро, как человек, но пропитанные консервантом мышцы потеряли резкость. Ей нужно место для разбега. Если бы влететь во двор на полной скорости - тогда пересечь его можно за полторы-две секунды. Вот такой прыти от тебя не ждут точно. С непривычки и не попадут и перехватить не успеют. Но где разогнаться? Только в этом узком коридоре, выходящем во двор под прямым углом. А в коридоре - еще двое. Тоже напряжены, но нападения сверху не ждут. Один - такой же, как и ты, разумный двуногий прямоходящий. Стоя жметя к стене, готов стрелять, просматривает весь коридор.

Думает, ты выскочишь из подвальных окон. Рядом неразумный, стоит на четвереньках и при этом по пояс своему напарнику. Очень большой и смертельно опасный. И почти тебя учуял. Враг, стоящий в двух шагах, за воротами, мучительно вгрызающийся в пространство лучом огромной интенсивности, тебя не чувствует. А это животное, эта четвероногая тупая дрянь, заросшая шерстью, сейчас поднимет морду и разинет клыкастую пасть...

Тварь выпрямилась на краю во весь рост. Ветер распахнул изодранную куртку, дунул в прорехи джинсов, смахнул волосы со лба, отполировал лед в пустых глазницах.

Носы сапог повисли над десятиметровой пропастью. Нужно прицелиться очень тщательно и приземлиться неразумному на спину - точно посередине, обеими ногами.

И левой рукой ударить разумного в голову. Упасть, перекатиться, и прямо с четверенок - вперед, проскочить двор, а там сквозь люк по транспортеру съехать на брюхе вниз. Длинный извилистый коридор, и в углу - призывно трепещущий сгусток темноты. Дверь. Начали. Ноги чуть согнуть в коленях. Порыв ветра переждать.

Неразумный внизу шевельнулся, задрал нос и обнажил гигантские лезвия клыков.

Тварь, не раздумывая, шагнула в пустоту.

***

Кучум лежал на снегу, тяжело поводя боками. У него была очень длинная для кобеля морда, и сейчас, с подобранными под туловище лапами и безвольно распластанным хвостом, больше всего он был похож на крокодила, обросшего по русской зиме густым серым мехом.

- Эй, Склиф! - позвал Хунта. - Какого черта он дышит?!

- А что он еще может? - парировал Склифосовский, ощупывая голову Фила. Раненый всхлипывал. - Тихо, тихо! Не дергайся! Сейчас мы тебя, брат, заштопаем, и все будет в порядке.

- Где... - простонал Фил. - Где он...

- Спокойно. - Склиф выпрямился и поднял руку, показывая выскочившему из-за угла фельдшеру-ассистенту: мы здесь.

- Склиф! - снова позвал Хунта. Он стоял над Кучумом, уперев руки в бока и, морщась, рассматривал собаку. - Да брось ты его! Иди сюда!

Кучум приоткрыл глаза и издал тяжелый вздох. Хунта присел на корточки и осторожно провел ладонью по горячей морде пса. Голова у Кучума была раза в полтора больше человеческой. В нормальной обстановке он попытался бы откусить Хунте руку. Но сейчас Кучум только вяло лизнул ее.

- Хороший, - прошептал Хунта, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. - Кучумчик хороший. Держись, лапушка, сейчас все будет в порядке. Склиф! Твою мать! Да иди же сюда, кому говорю!

Склифосовский, щелкнув пальцами, указал ассистенту на Фила и отвернулся. Подойдя к Хунте, он присел рядом и горячо прошептал ему на ухо:

- Что такое, старший? Ну чего ты гонишь? Он же захочет попрощаться!

- Он уже попрощался! - сказал Хунта громко и так посмотрел на врача, что тот невольно отшатнулся и щелкнул замком поясной аптечки.

- Как прикажешь, старший. Кучум опять судорожно вздохнул.

- Сейчас будем спать, милый, - прошептал Хунта. - Спокойной ночи.

Склиф четким движением вонзил иглу в бедро пса, сжал пальцами шприц-тюбик и уставился на часы. На пятнадцатой секунде глаза собаки затуманились, веки начали медленно опускаться. Кучум что-то прошептал, совсем по-человечески, и застыл! Хунта поднялся на ноги, сунул руку сзади под шлемофон и поскреб затылок.

1 Описанная здесь процедура не имеет ничего общего с "усыплением", практикуемым в современных ветлечебницах. "Усыпляемый" агонизирует, его гибель сопровождается конвульсиями и опорожнением мочевого пузыря. Это тяжелейшее зрелище, способное нанести серьезную психическую травму хозяину животного. Поэтому в арсенал полевого медика Проекта стандартный "усыпитель" не входил. Смертельно раненному псу делалась инъекция мощного транквилизатора-"депрессанта", от которого животное впадало в глубокую кому. Фактическая смерть наступала по пути к месту захоронения (здесь и далее примеч. авт.).

- Так, - сказал он. - Сейчас я пришлю тебе людей, они заберут этого... - Он брезгливо ткнул пальцем в сторону Фила, над головой которого работал ассистент.

- А ты, пожалуйста, останься здесь. Приедет Доктор, поможешь ему. Хорошо?

Склиф уселся на снег рядом с Кучумом и осторожно похлопал усыпленного

пса по мохнатому плечу.

- Понял, - пробормотал он, не поднимая глаз.

- Сможешь законсервировать эту штуку? - Хунта покосился на темное пятно в сугробе.

- Сейчас, - кивнул Склиф и поежился. - Сейчас принесут тест-кейс, и я все сделаю.

- Не переживай, старик. Дальше будет только хуже, - пообещал Хунта и тяжело утопал к воротам.

Склиф опять зябко шевельнул плечами и обернулся к сугробу, на который показал старший. Медик нажал кнопку на поясе, и с его плеча сорвался луч, осветив снег, усеянный ярко-синими крапинками. Белее снега, вся в голубых прожилках, в сугробе лежала вещь, когда-то принадлежавшая человеку. Рука с острыми когтями вместо пальцев.

Бух-бух-бух! Кто-то, торопясь и не скрываясь, кубарем скатился в подвал по скользкой обледеневшей лестнице. На голове собаки поднялись и тут же опали пушистые кисточки. Собака лениво встала на ноги, задрала хвост, рассыпавшийся пышным султаном, и потянулась. Рядом с ней распрямылся человек.

Собака была очень крупная. Высокая, но не длинноногая, а именно крупная - с широкой грудью, мощными лапами и почти медвежьей головой. Там, где у нормальных собак бывают уши, у этой торчали вверх зазорные меховые клочья. Спина казалась провисшей - такая грива выросла у собаки на плечах.

Человек тоже выглядел более чем внушительно. Он, вероятно, и сам по себе был довольно массивен. А сейчас его увеличивала одежда - пухлые теплые брюки, толстая куртка до бедер, тяжелые высокие ботинки с мощной Подошвой. Широкий кожаный пояс держал несколько сумочек-карманов, туго наполненных. Португепя фиксировала компактное устройство на плече. Лицо человека было почти совсем закрыто: с боков - поднятым вверх твердым воротником куртки, спереди - надвинутым на глаза длинным козырьком теплой кепки. Человек шевельнул плечами, разминаясь, и куртка у него на спине обозначила небольшой горб. Что-то висело у него там, под курткой, между лопатками.

Собака прошла вперед, в полосу льющегося через подвальное окошко лунного света.

Человек шагнул следом и, не нагибаясь, легко толкнул ее кулаком в плечо. Собака подняла морду и приоткрыла зубастую пасть, выдохнув облачко пара. Это было очень похоже на улыбку.

Перед ними уходил вдаль, к выходу из подвала, черный коридор, перевитый по стенам трубами в цементной оболочке, местами осыпавшейся до металла. Иногда в коридоре ярко вспыхивал, приближаясь, огонек, и принимались бухать тяжелые башмаки, попадая из нанесенного через окна снега просто в вековую пыль. Собака улыбнулась снова. Клыки у нее были в полпальца длиной.

Человек явно не собирался идти в коридор, навстречу другому. Но и стоял он спокойно, держа оружие толстым прямоугольным стволом вниз. С выдвинутым прикладом эта штука достигала почти метровой длины - пистолетная рукоятка, короткий магазин, цилиндрический довесок под стволом, на самом его конце. Ремня не было - зато от рукоятки, которую человек небрежно перебирал расслабленными пальцами, шел к его поясу свободно провисший тонкий шнур. Там, где у оружия бывает затвор, тускло светился зеленый огонек. Там, где на оружие монтируют лазерный прицел,

действительно стоял лазерный прицел.

Свет в коридоре вспыхнул совсем ярко, но тут же погас, и в лунную полосу шагнул мужчина, отличный от первого только тем, что был без собаки, а вместо кепки на голове его красовался сдвинутый на затылок зимний танковый шлемофон Собака появление гостя проигнорировала. Она даже поленилась его толком обнюхать - так, потянула носом воздух, и все.

Новоприбывший произвел серию поспешных движений - сунул оружие под мышку прикладом вперед, снял перчатку, извлек из кармана зажигалку и одну сигарету, прикурил, затянулся и убрал зажигалку обратно в карман. Смотрел он только на собаку. Та отвернулась к стене.

В процессе всей этой пантомимы другой человек хранил, казалось, ледяное спокойствие. Он лишь склонил голову набок и перестал шевелить пальцами на рукоятке - наоборот, оружие он держал теперь по-боевому: мягко, но плотно.

Визитер натянул перчатку, еще раз судорожно затянулся, выплюнул сигарету в угол и без предисловий выдохнул:

- Короче, Мастер, у Кучума сломан позвоночник. У Фила разбита голова, есть сотрясение. Вот!

- Shit! - выплюнул ругательство тот, кого называли Мастером. Собака встрепенулась и озабоченно посмотрела на него. Мастер, встав к пришедшему вполоборота, разглядывал в окошко луну.

- Она сверху прыгнула... - тихо сказал второй. - Представляешь, сверху. Кажется, прямо с крыши. Прямо на голову им обоим. Кто же мог знать? Никто не мог знать...

- Сенсы? - спросил Мастер сквозь зубы, не оборачиваясь.

- Ничего. Вообще ничего, понимаешь? Говорят, никаких не было возмущений на крыше - пустое место, и все. Они только сейчас нашли дырку, и то направление им сама тварь подсказала... Все не так, понимаешь? - тихо проговорил второй.

Наверху, на улице, взревело сразу несколько моторов.

- Дурак ты, Хунта, - сказал Мастер беззлобно. - Ты думаешь, я на тебя сержусь? Я себе простить не могу, что сразу не догадался. А с другой стороны... - Мастер сдвинул кепку на затылок и вытер тыльной стороной перчатки лоб. - Если каждый раз дергаться, едва что-то на ум придет... Это уже будет не охота, а дурдом.

- Согласен, - кивнул Хунта. - Но лучше дурдом, чем э-э.. кладбище домашних животных. И я все-таки дурак. И ты на меня еще рассердишься. Прямо сейчас.

- Ну?

- Ну, короче, она ушла. Проскочила через двор и прыгнула в люк транспортера. И ушла. Собака тоскливо зевнула.

- Некоторые, когда не знают с чего начать, говорят "значит", - мягко сказал Мастер. - Некоторые фразу начинают со слов "ты знаешь". А вот ты, отец, меня просто замучил этим своим "короче"... - Мастер подошел к Хунте вплотную и заглянул ему в лицо. Он был чуть ниже Хунты ростом, но тот просто съежился весь от этого взгляда. - Как же так вышло? - недоуменно спросил Мастер, нависая при этом над Хунтой, как бомбовоз над полевой кухней, - видно, что не тронет, а все равно неуютно.

- А вот так, - сказал Хунта, поднимая глаза, но все равно глядя мимо.

- Промазал я.

Мастер приоткрыл рот и сделал полшага назад.

- Так это ты стрелял?! - спросил он уже не с притворной мягкостью, а

в искреннем изумлении. - Стоп! Я думал, это молодые со второго этажа Я отчетливо слышал очередь в верные три секунды длиной...

- Да, да! - раздраженно выпалил Хунта и снова полез за сигаретами. - Я стрелял.

Мы. Я и Зигмунд. И промазали оба! А молодые вообще не успели ее разглядеть.

Только Боцман сверху по ней колошматил - как на ладони была - и тоже не попал...

Понимаешь, - сказал он, щелкая зажигалкой, - она действительно совсем не такая... Непохожая. Никто толком ничего не понял. А кто понял - не успел. В смысле - собаки... - Он яростно потряс зажигалкой, высекавшей только искры.

- А собаки, говоришь, поняли?

- Поняли, а что толку? Быстрая она, сука. Шустрая, - бормотал Хунта, ударяя доньшком зажигалки по раскрытой ладони. - Такая быстрая, что все только варезку разинули... Султан ее издали не почувял, Джареф тоже не почувял. А когда выскочила она прямо им под нос - уже не успели. А мы... Эх! - Он швырнул зажигалку в глубь подвала.

- Спокойно, - сказал Мастер, поднося ему огня. - Вы что, приняли ее за человека?

Хунта прикурил, благодарно кивнул, выпустил клуб дыма и сказал с невероятной горечью:

- Да нет! Понимаешь... Двигается она очень быстро, но уже не по-человечески, боком как-то. Просто тварь проклятая весь двор перепрыгнула ровно за секунду. И палили мы в основном ей в спину, когда она в тоннель нырнула. Мы просто оказались не готовы, понимаешь? Ну... К тому, что она так может. И собаки тоже - не готовы. Только Кучум ее учуял, по-моему. Но она, наверное, долго над ними на крыше сидела. Вот он ее и заметил, а шухер поднять уже не успел.

- Почему ты думаешь, что заметил? - спросил Мастер, снова надвигая кепку на глаза и тоже закуривая.

- По ситуации. Так могло получиться, только если бы он повернул голову и задрал морду к небу. Просто вывернул шею, не двигаясь с места. Я это за ним замечал. У меня Султан так же делает, когда ему нужно заглянуть за спину и вверх.

- Ну и что?

- Ну, и попало ему прямо в пасть...

- Что?! - рявкнул Мастер так, что Хунта отшатнулся. Собака рванулась вперед, готовая отгрызть Хунте все, до чего дотянется. Ошейника на ней не было, и Мастер придержал ее за холку.

- Как это - что? - удивился Хунта. - Рука...

- Какая рука, ты, чучело?!

- Ну, я х...ею, дорогая редакция! Я думал, я с этого начал...

Короче... Тьфу! - Хунта крикнул и сморщился. - В общем, - поправился он,

- Кучум у твари руку отгрыз. Кисть руки - откушена напрочь.

Представляешь? Вот силища!

- Когда тебе позвоночник сломают, - не то объяснил, не то пообещал Мастер, - ты и кирпич разгрызешь. Карма, успокойся. Дядя хороший. Глупенький, но хороший.

Дядя испугался, растерялся и забыл нам самое главное сказать, - Мастер присел на корточки, обнял собаку за шею и уткнулся носом в ее мохнатую рыжую гриву. Карма открыла пасть и высунула язык. Глаза ее

затуманились.

- Ты думаешь, я испугался? - спросил Хунта. Именно спросил.

Несколько секунд Мастер задумчиво молчал. Потом он отпустил Карму, выпрямился и посмотрел Хунте в глаза.

Стоя в лунном луче, они отчетливо видели лица друг друга. Хунта, старший "мобильной группы Два", отличный тактик скрытой облавы, настоящий снайпер, фанатичный собачник - русая челка из-под шлемофона, близко посаженные хитрющие глаза, хищный острый нос, тонкие нервные губы... Мастер сунул кепку в карман и взъерошил волосы затянутой в перчатку рукой. "Давай, старик! - молил Хунта взглядом. - Я ведь знаю, как подвел нас. Эта тварь настолько отличалась от всех предыдущих - она была почти живая. И вот ее-то я взял и упустил. Тебе виднее со стороны - скажи мне, что теперь делать".

- Я не думаю, что ты испугался твари, - сказал Мастер. - С какой стати? Ты другого побаивался - вот этого нашего разговора. Вон, даже Султана наверху оставил... И очень зря. Нечего Из меня большого начальника делать, а из себя маленького подчиненного корчить. Не в армии, слава богу. А что насчет твари...

Ну, жалко. Ну, обидно. А может, оно и к лучшему, что упустили. Насмотримся еще на таких. Между прочим, я бы ее точно испугался. Я ведь давно уже жду такую тварь. И заранее боюсь. Потому что очень хорошо представляю, какие проблемы начнутся, когда их станет много.

- Рассказал бы... - протянул Хунта почти осуждающе.

- Думаешь, вместе бояться веселее? - усмехнулся Мастер. - Я лично привык в одиночку. Опыт у меня богатый по этой части.

- Не хочешь - не надо, - надулся Хунта.

- Рано еще, - мягко сказал Мастер. - Что я тебе скажу? Одни туманные предположения. Ни я, ни даже Доктор - ничего конкретного пока нет. Вот, теперь есть рука... кстати?..

- Да, да, да, - закивал Хунта. - Полная консервация по всей форме. И я еще забыл, дубина такая, - я же Доктора вызвал. Ты прости, старший, я все делал на автомате - как в тумане...

- Ты молодец, - сказал Мастер. - Ты правильно решил. Пусть Доктор тут на месте принохается как следует. А знаешь, отчего тебя этак перекосило?

- Ну? - Хунта недоверчиво глянул исподлобья.

- Ты у нас лучший стрелок. Я, если промажу, всегда могу оправдаться - мол, зрение не то, реакция так себе, практики не хватает... А ты сегодня репутацию подмочил. Вот и ходишь как оплеванный, волосы на заднице рвешь...

Хунта тяжело вздохнул.

- Все! - приказал Мастер. - Рука есть - и хватит. Целую тварь в следующий раз подстрелишь. А сегодня виноватых - примерно наказать. Боцмана отдельно. Все-таки есть предел, дальше которого разевать варежку нельзя. Ветеран хренов... Будет стоять "на фишке" и учиться следить за крышами. Ясно?

- Ох, худо мне... - объявил Хунта, запрокидывая голову и потягиваясь. Он нервно зевнул, передернулся, всем телом, перевел глаза с потолка на Мастера, потом на Карму и расплылся в улыбке.

Мастер тоже посмотрел на собаку, которая давно успела усесться и на протяжении всей беседы тупо глядела Хунте на ботинки.

- Очаровашка, - промурлыкал Хунта. - Всегда любил рыженьких и плотненьких.

- И с вот такими зубами...

- И с вот такими хвостами...

- Хватит скалиться, кокетка! - прикрикнул Мастер на расплывшуюся в улыбке Карму.

- Это она с виду такая хорошенькая, - объяснил он. - А на самом деле - наглая бабища. Вы просто ее толком не понимаете. У вас во "Второй" одни кобели, и у всех мозги набекрень. Конечно, ты смотришь на мою девочку и думаешь, как с ней, наверное, легко и приятно. А ничего приятного нет, доложу я тебе. Кошек угробила столько, что весь фюзеляж в звездочках... И немца одного чуть не задавила.

- А, это тот кобель, что на тебя кинулся? - вспомнил Хунта.

- Угу. Совершенно больной. Любимое занятие - других собак за задние лапы прикусывать. Я помню, одна тетка его хозяину на площадке сказала: "Не знаю, молодой человек, какая обстановка у вас в семье, но собака у вас двуличная..." Хунта разразился нервным лающим смехом. Карма подняла морду и посмотрела на него с явным неодобрением.

- В Лагерь тебе пора, - сказал Мастер/ Он отстегнул от пояса шнур, идущий к рукоятке оружия, приладил освободившийся конец к стволу и забросил громоздкую железку за плечо. - Давно пора.

- Да ну.. - сморщился Хунта. - Что я, увечный, что ли? И пес мой в порядке... - Он вдруг запнулся, невольно сделал движение в сторону подвального окна, поймал изучающий взгляд Мастера и, окончательно смутившись, топнул ногой и отвернулся.

- Вот именно, - кивнул Мастер - Ты совершенно прав - Так я побежал? - с надеждой в голосе спросил Хунта.

- Вместе пойдем. Ты здесь уже верных пять минут, и хоть бы хны. Так постой уж, милый друг, еще минутку. А там и без тебя обойдутся.

- И то, - согласился Хунта, вконец запутавшийся в раздиравших его противоречиях.

- Там Крюгер согласно регламенту...

- Да какой еще регламент?! - простонал Мастер, весь сморщившись. Он снова присел на корточки и положил руку Карме на плечи. Карма тоскливо зевнула. - Все наперекосяк... Сенсы ослепли, собаки психуют, охотники тормозят, во двор пролезет только одна машина, а начальник всего этого бедлама со мной тут чешет языком! И главное, все никак сказать не может, зачем пришел... Знаешь, Хунта...

- Мастер задумался. Хунта почтительно молчал. - Ты и представить себе не можешь, до чего же я не хочу отсюда вылезать. Сидел я в этом вонючем подвале и наслаждался покоем. И об одном мечтал - хоть бы тварь пришла сегодня попозже.

Тишина, уют, собака рядом, в руках пульсатор, за спиной - угол Ничего больше не надо - только знать, что со мной друг и я могу себя защитить. Когда вы там, наверху, палить начали, я чуть не прослезился - так вы меня обломали...

- Нелегко тебе, - посочувствовал Хунта.

- Нет, - покачал головой Мастер, глядя на Хунту снизу вверх и слегка поглаживая Карму по плечу. - Это смотря от чего отталкиваться. Если взять за точку отсчета, например, Карму, то мне действительно туго приходится. А если посмотреть на тебя, я еще легко отделался... - Говори, зачем пришел! - Мастер пружинисто распрямился и шагнул к Хунте вплотную. - Ну?!

- Щас, - пообещал Хунта. - Противогаз только надену...

- Я же тебя насквозь вижу!

- Это еще запишите насчет рентгена, пожалуйста. Дискуссия понеслась с пулеметной скоростью. Карма встала и озадаченно уставилась на людей. Хвост ее расслабленно повис, доставая, четко по стандарту, до скакательного сустава.

- В Лагерь, лечиться! - рычал Мастер.

- Только трупом!

- А битой тушкой не хочешь?!

- Сам ты шизофреник - припомнил Хунта какой-то давний спор.

- Я - маньяк! И еще я старший Школы! И мне виднее, кто в порядке, а кто нет! Ты почему без собаки пришел, а? Куда Султана дел? Привязал, что ли? 0-хот-ник!!! До ручки себя довел, от собственного пса уже прячется, а туда же - права качать!

- Он наказан!!! - заорал Хунта в полный голос, замахиваясь на Мастера сигаретой.

Дальше все произошло за доли секунды. Хунта совершил глубокое волнообразное движение бедрами, словно танцуя ламбаду; Мастер рухнул на колени;

Карма, взревев, принялась яростно вертеть задом, пытаясь вырваться из захвата, в который попала ее шея.

- Фу! Фу! Фу! - каждое восклицание Мастера сопровождалось нажимом на загривок, от которого Карма въезжала носом в удачно подвернувшийся сугроб. Хунта наконец-то смог закурить. Спецкань его брюк была очень прочна сама по себе, да еще и прошита сеткой электрообогрева, - но то место, куда Карма нацелилась, было Хунте по целому ряду причин особенно дорого. Кроме того, кусать живого человека Карме не полагалось. Собака, как всегда, прыгнула молча. Хунта ее вообще не заметил - он просто шестым чувством ощутил, что в районе его гениталий что-то происходит, и инстинктивно отклонился. "Нет, что ни говори, кавказская овчарка - это полный вперед. Детям не игрушка".

Подумав так, Хунта тихонько вздохнул. Однажды такой вот крокодил спасет тебе больше чем жизнь. Избавит тебя от самой жуткой участи, которая может выпасть человеку. Возможно, ценой собственной шкуры. Хунта уже и счет потерял, сколько раз мгновенная реакция Султана, внешне полного флегматика, выручала охотника - и бледно-голубая молния из пульсатора размазывала скребущую когтями тварь по подвальной стене... А вот сколько раз псу случалось заслонять хозяина телом - это Хунта знал хорошо. Все непосредственные контакты собаки с тварью заносятся в специальную карту, где проставляется балл. Примерно на метр вокруг твари - "активная зона", поле, оказавшись в котором все живые - еще живые - стремительно теряют энергию. Чем ближе ты к твари, тем быстрее ослабнешь и рухнешь. Позволишь схватить тебя за руки - полминуты, и уже не откачают, даже если удастся отбить тело. А если она сунет тебе когти под ребра... Впрочем, тело все равно постараются отбить - будут драться, как за живого.

Мастер в углу методично отвечивал Карме щелбаны. Карма мотала головой и, подпрыгивая сразу на всех четырех лапах, передними норовила захватить папочке в нос. "Все-таки, на некоторые вещи ум у собак очень короткий", - подумал Хунта, глубоко, с наслаждением затягиваясь. Умница Мастер, перевел мордочкой в игру.

Снимает Карме напряжение, переориентирует реакцию. Правильно. Накажи такую своевольную зверюгу, как кавказка, и отпусти - она тут же захочет

проверить, не передумал ли ты, и кинется снова. Из-за этого кавказских овчарок некоторые интеллектуалы обзывают тупыми. Отнюдь. Считая животное ограниченным, ты просто не хочешь потрудиться и оценить происходящее с его позиции. А уж наших собак понять... Это уже второе поколение сумасшедших псов, которых безумные хозяева заставляют делать то, на что не способны сами.

"Без собак нас всех давно бы съели, - думал Хунта, затаптывая сигарету и вешая оружие за спину. - Что ты еще придумашь, когда против тебя - самое ужасное чудовище, которое только может представить человек? Извечный наш людской кошмар, от одного вида которого отнимаются руки и ноги... Как без собаки догнать его и обездвигнуть? Как засечь в кромешной тьме неподвижное существо, имеющее температуру окружающей среды? Как сделать еще множество необходимых вещей, требующих входа в активную зону? Ведь ни одна секунда, проведенная рядом с тварью, не проходит бесследно. Секунды эти копятя, организм борется с "энергетической усталостью" до определенного предела, а потом ты начинаешь то и дело падать в обмороки, и наваливается апатия, и, когда ты совсем загибаешься, тебя прогоняют в Лагерь отдыхать. А то и просто увозят...

И вот, чтобы ты загнулся как можно позже, у тебя есть любимая собака. Ее задача - обнаружить тварь, сбить с ног и удержать на месте, пока ты не придешь и не выстрелишь... Да, мы бережем собак. Но собаки тоже берегут нас. И я отлично понимаю, что Султану плачу по счетам Чака, который погиб, защищая меня. Скупое плачу, наверное. Маловато. Хотя так "очеловечивать" пса, как это сделал Мастер с Кармой, - номер рискованный. Но ведь у Мастера тоже есть наверняка свои долги..."

Султана Хунта не привязывал. И про наказание он действительно наврал. Султан даже успел дернуться, когда тварь на полном ходу вылетела из-за угла, - но только дернуться. Зато потом его пришлось за задние лапы вытаскивать из дыры, куда нырнула тварь головой вперед. А после, немного придя в себя и всех расставив по местам, Хунта не стал посылать никого за Мастером, державшим отдаленную точку, а пошел лично - виниться и падать в ноги. И надел на Султана ошейник, и дал поводок своему напарнику Зигмунду, которого Султан уважал настолько, насколько вообще кавказка в силах терпеть кого-то, кто ей не хозяин.

Дал поводок символически, чисто подержать, а не держать, потому что Зиг дохлый и такого слона, как Султан, все равно не остановит. Но рядом сидел понурый Джареф, которому Зигмунд надрал уже черную задницу за нерасторопность, и Султан все понял, лег в сугроб и принялся валяться, потешно дрыгая лапами. И уходя за ворота, Хунта всей спиной, превратившейся вдруг в одно большое ухо, слушал "хлоп-хлоп-хлоп" отлетающего с серой шкуры снега. Пес отряхивался долго и с удовольствием, и Хунта в каком-то болезненном, спазматическом, до стоны, откровении, вдруг осознал, что измотан до предела. И больше всего на свете хочет сейчас оказаться дома, уткнуться жене носом в грудь и залиться горячими слезами.

"Ленка будет целовать меня в мокрые глаза и гладить по голове, и шептать: "Саша, Сашенька, ну что ты...", и еще про то, что она рядом, она мне верит, она ради меня на все готова... А я буду думать только о том, что она чахнет на глазах, потому что охота изнашивает ее вдвое, втрое сильнее, чем меня самого. Господи, если ты есть, - подскажи: как жить дальше? И суждено ли нам всем, людям, жить вообще?..."

Хунта шел вдоль стены магазина, бухая по льду громадными башмаками с

обогревом и принудительной вентиляцией, а руки его автоматически отдавали команды: эту машину сдвинуть; Петрович, стой, где стоишь; сенсы все - к бригадиру; ты, дубина, почему еще здесь? давай-давай, быстро-быстро... "Как же я устал!

Чудовищно, невообразимо устал. Вот сейчас Мастеру и скажу - все, дружище, п...ц.

Хватит с меня. Сколько нам осталось - лет десять? Двадцать? Пусть. Только дайте мне этот остаток прожить по-человечески. Все, я ухожу. Навсегда. Домой. К жене".

Он действительно хотел сказать это. Но получилось все наоборот. Войдя в подвал, Хунта сдвинул шлемофон на затылок, отбросил волосы со лба и вгляделся в радующую глаз картину: старинный друг Мастер и рыжая красотка Карма. Мастер внешне спокоен, а в действительности очень взволнован - он ведь слышал выстрелы.

Пульсаторы трещат негромко, но в такой полосе частот, что мертвый вскочит. Или, скорее, рухнет. Вспомнив, что сегодня-то никто не рухнул, Хунта отчасти спустился с небес на землю. А заглянув Мастеру в глаза, чуть не помер со стыда.

Мысли о семейной жизни ушли на второй план, на их место встала проблема дурацкого промаха по этой - такой нужной Доктору для опытов - твари, и пошло-поехало. Старший "группы Два" подсобрался, вспомнил, кто он есть такой, и думать забыл о личных проблемах.

Дождаясь, когда Мастер решит, что Карма утихомирилась, Хунта пытался вспомнить, почему не взял с собой Султана, - и никак не мог. Возможно, оценить ситуацию ему помогли бы воспоминания о дилемме "семья-работа". Но такой дилеммы больше не существовало. В личной жизни Хунта был безупречно счастлив, а работу ценил и бросать не собирался. И он уже скучал по Султану.

- Ладно, - сказал Мастер, вставая во весь рост и поправляя сбившуюся набок портупею. - Поползли?

- Поползли, - кивнул Хунта.

- Неохота?

- Почему?!

- Да так, показалось...

Хунта только фыркнул в ответ и бодро зашагал по коридору к выходу из подвала - навстречу поземке и служебным обязанностям.

***

Из-за угла вышел Бенни, бригадир сенсов. Из-под мышки у него торчал обрез курковой охотничьей двустволки. Переломить ружье Бенни, конечно же, забыл.

Сенс уткнулся стволами в живот Китайцу и сказал:

- В подвале чисто. Зови технарей.

- Абрам, проверь, - сказал Китаец. - Вот, отсюда заходи.

Нескладный голенастый Абрам ухватил за холку своего Шерифа, такого же высокого и костлявого, и оба они вихляющей походкой двинулись к дыре погрузочного люка.

Китаец направил в темноту ствол пульсатора.

- Я же сказал, там чисто, - вяло повторил Бенни Китайцу в спину.

Шериф сунул голову в люк, громко засопел, чихнул и попятился. Хвост его весело торчал в небо. Абрам с Китайцем переглянулись. Китаец,

чертыхнувшись, включил подствольный фонарь. Абрам согнулся в три погибели и, кряхтя, полез в тоннель.

Наконец он уселся на уходящую вниз ленту транспортера, развернул свой пульсатор вниз и сказал Китайцу, который свободной рукой придерживал его за воротник:

- Ну, я пошел в кино.

- Фонарь, фонарь, - напомнил Китаец.

- Склероз, - вздохнул Абрам. Он нажал кнопку, и из-под ствола вырвался яркий желтый луч. Бенни сплюнул и презрительно отвернулся. Шериф, шурясь, смотрел хозяину в затылок.

- Гоу, - сказал Китаец и отпустил руку. Абрам провалился в люк и с хрустом заскользил по транспортеру. Через несколько секунд послышался характерный звук приземления - гулкий хлопок подошв и короткий матерный возглас.

- Есть касание, - сказал Китаец удовлетворенно.

- Ну, бобслей! - глухо донеслось из тоннеля. - Шестой, я Пятый!

В левом ухе Китайца что-то зашуршало. Шериф отвернулся от люка и недоуменно посмотрел на охотника. Китаец тихо ругнулся, выдернул из уха динамик, повисший на тонком шнуре, и заорал в тоннель:

- Не берет, зараза! Фон сильный! Погоди, я спущусь!

- Не надо! - крикнули снизу. - Тут тесно очень! Со стволом хрен развернешься! Я один как-нибудь...

- Может, тебе пса сгрузить?

- Нет! Тут крысы... Щас, я быстро пройду до дырки, и обратно...

Коридор узкий...

- Голос Абрама постепенно глож, видимо, он сейчас медленно продвигался в глубь подвала - опасно прижимаясь к стене, освещая дорогу наплечным и подствольным фонарями и обильно потея. Шериф отошел от люка и направился к Джону, который лежал рядом в сугробе, облизывая громадную сосульку. Проходя мимо Бенни, Шериф так наподдал ему плечом, что сенс пошатнулся и ухватился за стену.

- Не надо так, - сказал Бенни Китайцу, потирая ушибленное Шерифом бедро. - Я же сказал: в подвале чисто. Дырка не дышит. Я ее чувствую, она не сместилась и вообще больше не откроется. Тварь прошла в нее и заперла за собой. Они же понимают, что мы ее найдем и заглушим...

- Переломи обрез, - сказал Китаец. - И не хнычь, борода. В нашем деле сенс - как сапер, два раза не ошибается. Тебе повезло, что все остались целы. А то бы ты сидел теперь в поликлинике и лечил бабушек от гипертонии. И морда у тебя была бы... очень побитая.

Бенни сдвинул рычаг, и стволы обреза раскрылись, заблестев латунюю гильз.

- Мне можно верить, - с нажимом сказал он. - Я ведь даже не ошибся... Я просто недоглядел. И это было далеко. Я дырки чую метров за пятьдесят, не больше. А потом, так раньше никогда не было - чтобы в одном углу дырка и в другом - тоже дырка...

- Такого, как сегодня, тоже раньше не было, - отрезал Китаец. На Бенни он вообще не смотрел, а наблюдал, как Шериф стоит над Джоном и жадно глядит на сосульку, которая с каждым взмахом длиннющего языка становится все тоньше. Рация Китайца время от времени задушенно хрюкала - вероятно, Абрам матерится там, в подвале, во весь голос. Подвал длинный и тесный. И конечно же, никого там нет. Но Бенни нужно проучить. Китаец вспомнил, что случилось три дня назад в ТОМ подвале, и поежился.

"Если бы не псы... Если бы не их чутье - или что-то большее, пришедшее с опытом, что ставит наших собак почти в один ряд с сенсами, - это был бы конец.

Может, именно нас с Абрамом ловили бы сейчас по подвалам, синюшно-бледных, безглазых, несущих смерть... Бенни недоглядел. А если бы мы недоглядели? Псы лежали бы в могилах в Лагере. Мастер поставил бы два креста:

"Джон III" и "Шериф". А у нас с Абрамом не было бы даже могил..." Китаец повернулся лицом во двор. Грузовик с надписью "ТЕХПОМОЩЬ" на борту кунга стоит с погашенными огнями. Кучума уже упаковали в пластиковый мешок. Мастер и Доктор присели на корточки над аптечкой и что-то внимательно разглядывают. Руку, наверное, которую Кучум отгрыз утвари. В глубине двора с пульсатором наперевес застыл Боцман, напряженный и злой, готовый стрелять, - несет службу. А вот его Сильвер явно забавляется - толкает хозяина лапой, давай, мол, папа, играть.

Он-то точно знает, что ни одной твари поблизости нет и стоять на шухере совершенно ни к чему. Мастер это тоже знает. Но Боцман наказан и теперь честно отработывает, что положено. В Школе взыскания налагаются редко, а уж в "группе Два" - и подавно. Даже сегодня Боцмана наказали по совокупности - и за прошлый раз, и за позапрошлый. Устали все зверски и обленились поэтому. Еще месяц назад здесь, во дворе, был бы чистый муравейник. А теперь хоть не смотри. Во всей зоне расчистки четыре охотника, убитый горем сенс, два трусливых фельдшера и пять собак, из которых одна - труп. Техников не считаем, они в бою никакие. Доктора беречь надо. Бардак. У Мастера челка - как у бобтейла, аж глаз не видно.

Красавец мужик, но за собой не следит вообще. Третий месяц подстричься не успевает. Плохо он, видите ли, не хочет, а хорошо - времени нет, потому что гораздо важнее отоспаться и водки попить. Саймон стал на себя не похож. Зигмунд считает, что Саймон заболел. "Нужно что-то делать, - подумал Китаец, - иначе скоро нам каюк. Я чувствую, что надвигается беда, но пока не знаю, как ее предотвратить. Вечером Мастера вызывают в Штаб. Хорошо бы потом с ним поговорить. Но что я конкретно ему скажу? Что мне страшно?.." В арке заурчало - во двор протискивалась необъятная корма "Рэйндж Ровера".

Фельдшеры с натугой поволокли к ней мешок с телом Кучума. Бенни сидел у люка с обрезом на коленях, курил и наблюдал, как фельдшеры пытаются затолкать мешок в багажное отделение, из машины на них злобно скалится Хасан, а Саймон, протолкавшись между стеной и машиной, шипит сквозь зубы: "Легче, легче, мать вашу, людей небось так не кантуете..." Фельдшеры сдавленными голосами бормочут, что человека-то они давно пополам сложили бы, а Кучум - не собака, а лошадь какая-то, и Саймон уже примеривается дать ближнему из них в лоб, но тут появляется Карма, которая, как всегда, пришла разбираться и наводить порядок, и мешок вдруг оказывается в машине, а фельдшеры - посреди двора. Саймон, отдуваясь, захлопывает дверь и сигналил Мастеру рукой. Мастер кивает, и Саймон исчезает в арке. Через три часа он будет в Лагере, и Кучума похоронят со всеми соответствующими почестями. Бенни поднял глаза на Китайца. Китаец пристально сверху вниз рассматривал сенса, и Бенни весь съежился - такая волна ненависти обрушилась на него.

- За что ты меня так не любишь? - с трудом выдавил из себя Бенни. И тут же понял, что знает ответ.

- Ты ведь нас чуть не угробил, - сказал Китаец ласково. - Ты ведь,

сука такая, чуть было нас не похоронил...

- О, господи... - пробормотал Бенни и отвернулся. - Ты хочешь, чтобы я подал рапорт?

- Не знаю. - сказал Китаец. - Но мы вряд ли теперь сможем работать с тобой в одной смене. В принципе я знаю, что ты не виноват. Но кто же тогда виноват, бляха-муха? Ты меня понимаешь?

Бенни прикурил новую сигарету от окурка.

- Твари, - сказал он. - Твари виноваты. Они всегда на шаг впереди. Не дают нам ни дня передышки. Я тебя понимаю. Я тебя еще и чувствую, не забывай. Я, конечно, сенс дерьмовый, но все-таки я сенс. Я попрошу Мастера перевести мою бригаду в другую смену. Но он этого, кажется, не хочет.

- Мастер умный, - сказал Китаец. - У-у-умный. Но тут он здорово рискует.

- Зато он точно рассчитал, что теперь, работая с тобой, я ни за что не ошибусь.

Никогда.

- Поглядим. - Китаец помолчал. - Я Мастеру не скажу, конечно, что ты сегодня пьяный. И Абрам не скажет. Мы тебя, ясное дело, ни хрена не чувствуем, но зато мы тебя понимаем.

- Спасибо... - прошептал Бенни.

Безучастно стоявший в стороне Шериф неожиданно встрепенулся и, отчаянно молотя хвостом воздух и приседая на задние лапы, прыгнул к люку. Он даже полез было внутрь и при этом врезал Бенни хвостом по физиономии. Бенни не удержался на корточках и боком опрокинулся в сугроб. Шериф тихо завывал. Китаец осторожно пнул его в бедро, но пес не унимался.

- Пятый, я Шестой! - заорали снизу. - Хмырей зови! Ну, там и едрена катакомба!

Кабеля метров сто нужно!

- Понял, понял! - крикнул в люк Китаец. - Тут у псины твоей припадок! Дорогу загораживает и песни воет!

- Фигня! - крикнул Абрам. - Шериф, сынок! Папа тебя любит!

Шериф радостно гавкнул, заполнив тоннель звуками артиллерийской канонады. Китаец повернулся было к техничке, но Мастер уже сделал Боцману знак, и тот въехал прикладом по борту фургона. Отворилась дверь, на улицу из нее повалили облака пара.

- Чего? - спросили из технички опасно.

- Балалайку свою вынимай! - рявкнул Боцман, оттаскивая за шиворот Сильвера. Не только собаки, но и люди почувствовали, как вместе с паром из технички вырвался упоительный запах дома. Там было тепло, даже жарко, там был горячий сладкий кофе, свежий хлеб и нарезанная щедрыми ломтями дешевая колбаса. А водки не было.

Техники явно не хотели быть биты. Еще неизвестно, кого они боялись сильнее - тварей или охотников.

Из двери технички поспешно выпрыгнули двое в зимних танковых комбинезонах, откинули в борту лючок и потянули из него кабель со здоровенной насадкой на конце, похожей на наконечник пожарного шланга, только с рукоятками по бокам и маленькой приборной доской, светившейся в темноте зеленым. В недрах машины зажужжал моторчик, кабель толчками полез наружу. Техники подошли к люку транспортера, и Китаец молча показал им через плечо Шерифа пальцем вниз. Техники замаялись - Шериф

загораживал дорогу, - но Китаец снова осторожно толкнул пса башмаком, тот оглянулся и неохотно отошел в сторону. Техники с похоронными лицами протолкнули в люк свою пушку и неуклюже полезли за ней следом.

Китаец хихикнул. "Каждый раз они идут к дырке, как на заклятие. Мы их, ясное дело, презираем и смеемся про себя. А ведь однажды, не дай бог... Фу, даже подумать страшно. Мастер как-то намекнул, что одна из задач Техцентра - расстрелять Школу, если на ее территории случится массовый прорыв тварей".

Китаец поежился, вспомнив тот монолог. Нехорошие слова говорил Мастер. И, не дай бог, пророческие..

"Дурацкая ситуация, - говорил Мастер. - Не знаю, как выкручиваться. С одной стороны, Штаб - это наша "крыша", это деньги, спецпропуска, машины, оружие, само наше право на охоту. А Техцентр - это лучевые ружья и технички с их аппаратурой для расстрела "дырок" - тоннелей, по которым твари пробираются в наш мир. Нам нельзя грызться, мы обязаны сотрудничать. Но в то же время именно мы, охотники, стоим на острие главного удара. И в такой ситуации терпеть второстепенный статус Школы нет сил. Наши ветераны уже шестой год на охоте. Это наше дело, - тут Мастер заговорил вразбивку, с нажимом, - и дело это плохо. С каждым днем все хреновей и хреновей. Люди и собаки изношены. А начальство только улыбается и говорит - воюйте, ребята, дальше. Такое впечатление, что Штаб готов сдать игру. Не подключить новые силы, не поделиться технологиями, а именно сложить оружие. Я не нахожу иного объяснения действиям Генерала. Он видит, что охотникам все труднее с каждым днем, но ничего не делает. Из этого я заключаю, - сказал Мастер, - что нас ждут впереди довольно забавные открытия. Эпохальные, мать их так!" - "И какие?" - спросил Саймон сквозь музыку и рокот мотора. - "Не скажу", - ответил Мастер.

Саймон записал эту кассету обманом, спрятав диктофон под сиденье. Не будь он помощником и вероятным преемником Мастера, черта с два тот бы перед ним разоткровенничался. Нервы рядовых охотников Мастер всячески оберегал и сомнениями ни с кем не делился. А Саймону - рассказал. Три часа они тогда ехали до Лагеря, Мастер был за рулем и все три часа болтал. О живописи, кино, литературе - и о том, что ему удалось разузнать о гигантской организации, которую охотники называли Проектом и в которую входили четыре известных им филиала - Школа, База, Штаб и Техцентр... Саймон из записи настриг час интереснейшего текста и отдал кассету Зигмунду. Зигмунд с записью ознакомился и попросил разрешения дать послушать Хунте. А Хунта отозвал Саймона в уголок и устроил ему такую выволочку, что тот, несмотря на весь свой гонор и какой-то там пояс карате, чуть не описался, как оттрепанный за шкирку щенок.

Формально Хунта напомнил Саймону, что тот пока что числится в списках "группы Два" и передавать все разведанные, независимо от источника, обязан только старшему. Потому что только старший может определить истинную ценность этих данных и соответственно форму секретности. Это справедливо. Школа - фирма специфическая, от одного случайно брошенного слова могут приключиться большие неприятности, самая ерундовая из которых - паника, а самая поганая - самовольные действия рядовых. Охотники, как и их собаки, привыкли мгновенно принимать решения и действовать самостоятельно, короче говоря, - чинить самосуд. Оружия у них вагон. Поэтому за передачу нефилтрованных данных третьему лицу негласный Устав Школы позволял из Саймона душу вытрясти. Так что Хунта повел себя грубо,

и Саймон потом неделю ходил тише воды, ниже травы. Но был в этой беседе еще какой-то подтекст. Китаец, который сидел тогда за пультом дежурного по Школе, отлично видел, как Хунта "лечит" Саймона в углу вестибюля, только слов не расслышал. Он даже удивился, отчего это Хунта так резок с Саймоном, которого в свое время разве что с ложечки не кормил. И лишь много позже, когда все детали мозаики сложились в единый рисунок, он почувствовал, что в Школе, этом безупречно отлаженном механизме, происходит что-то действительно очень нехорошее.

А в те дни Хунта, оценив запись, дал ее послушать еще двоим, сначала - групповому аналитику Крюгеру, а потом - надежному парню Китайцу. Крюгер, как обычно, с ходу заявил, что давно до всего дошел своим умом. Его взяли за задницу и потребовали объяснить, какого черта он тогда молчал. Тут Крюгер всерьез задумался, принялся мямлить, и Хунта его отпустил. А Китайца попросил держать ухо востро. В какую сторону это ухо поворачивать, Хунта объяснить не мог или не хотел. Китаец принялся добросовестно следить и вычислять - и действительно засек некий странный процесс, в который было вовлечено несколько ветеранов из разных групп. Акция эта, скрываемая от прочих охотников довольно умело, явно планировалась и управлялась Мастером. И, что особенно удивило Китайца, - Саймон в ней задействован не был.

Это было полгода назад. А спустя три месяца Зигмунд сказал Китайцу, что Саймон нездоров. Квартальная профилактика на Базе показывала, что парень свеж, как огурчик, - но Зигмунд только головой качал. И вчера, по пути в Школу, Саймон выстрелил в человека, который пытался сфотографировать на улице машину охотников. Если бы он просто захотел напугать или пристрелить фотографа - так на это у Саймона был за пояс "Макаров". Но нет, он не поленился, три секунды потерял, зато открыл футляр и шарахнул прямо в объектив из пульсатора. Пока Фил и Петрович бежали до угла, из-за которого возник фотограф, их обогнал Кучум и галопом унесся за угол, идя на задержание. Но человек исчез, осталась только колея в снегу да куча стеклянной крупы, явно от бокового окна машины. Это уже точно была работа Кучума, но от него же слова не добьешься - собака все-таки.

Выбор точки съемки указывал на профессионала с дорогой аппаратурой, поступок Саймона - на то, что охотник потихоньку сходит с ума. А сегодня уже и Кучума нет в живых, а у Фила сотрясение мозга и пробита голова, а Мастера вызывают в Штаб и он, наверное, как раз сегодня попробует взять начальство за глотку. "Знать бы, какой рукой, - подумал Китаец. - Мастер умница, но он совершенно один. Он позволяет людям и собакам любить себя, но сам, кажется, любит по-настоящему только Карму. И год от года становится все злее и жестче".

- Ты заснул, Бенсон? - спросил Китаец.

- Нет, - встрепенулся Бенни. - Я слежу. Они уже совсем рядом с дыркой. И боятся, как всегда. Я мог бы их поддержать, но на таком расстоянии это невозможно. И дырка сильно фонит. А вот Абрам не боится... ему только противно. И он беспокоится, как тут Шериф.

- Ты это правда чувствуешь или просто сейчас выдумал? - спросил Китаец. - Чес-слово, если бы ты не находил дырки, я бы тебе ни за что не поверил.

- Но я же их действительно нахожу... - сказал Бенни. И с горечью добавил:

- Иногда.

- А вот Абрам тебе все равно не верит, - мстительно заявил Китаец. - Ни на грош.

Он технократ. И не может представить себе прибор, работающий на коньяке.

- Ну и нюх у тебя, - сказал Бенни. - Это от общения с Джоном?

- От тебя нахватался. Сенсорю помаленьку.

- У меня наследственность тяжелая, - пожаловался Бенни, запуская руку в бороду, чтобы вытряхнуть сосульки. - Мне достоверно известно, что мой папочка меня зачал в период ломового запоя. У него тогда диплом отняли за деятельность, несовместимую с высоким званием советского врача.

- За фарцовку, что ли?

- За лесбиянство! - обиделся Бенни. - Папашка был мне не чета. У него поле было - во! - Бенни до упора развел в стороны руки. - А эти вшивые дырки он бы чуял за километр. Меня вот на Базе форсировали, и то толку - чуть, а он и так кого угодно насквозь видел! Ну и лечил людей помаленьку наложением рук, когда советская медицина не помогала. А потом какая-то гнида стукнула - лженаучные методики, все такое... Жалко, не дожил до наших дней. Хотя бы меня тренировал...

Так, они там начали. Вроде порядок.

- Ну и ладно, - сказал Китаец. - Джоник, маленький, иди сюда. Нечего там валяться, простудишься!

Джон выбрался из сугроба и лениво побрел к Китайцу. Из-за тучи опять высунулась луна, яркая-яркая - Китаец со своего поста отчетливо видел, какой Мастер небритый и какие у Доктора круги под глазами. Доктору на вид лет сорок пять, не меньше. Старик. Говорят - самый мощный практикующий сенс в мире. Да еще и Доктор, в смысле - доктор каких-то своих хитрых наук. Если верить слухам, ему стоит пальцем шевельнуть - все мы тут замертво попадаем. Но вот выдернули его из постели среди ночи - прискакал как миленький. Уважает. Знай наших.

Действительно, чересчур светло от этой луны. Обстановка во дворе раздражала Китайца. Боцман тоже явно нервничал. Охотники не любят удаляться от своих машин, они привыкли держать под боком медицинский фургон, и хотя бы один "Рэйндж" должен быть совсем рядом. Чтобы в случае чего использовать Против твари старое народное средство: бампером под задницу и колесом на спину. А здесь еле-еле удалось втиснуть во двор техничку. Еще охотники не любят рассредоточиваться. Но сразу после несчастья с Кучумом, когда стало ясно, что тварь ушла, Хунта и Крюгер увели почти всю "группу Два" по срочному вызову на другой объект. Теперь Петрович один караулит снаружи, у машин, а Боцман психует здесь, внутри. Когда человек и собака остаются без поддержки, то в бою это терпимо - в бою все сойдет, кроме севших аккумуляторов. А вот стоять в напряженном ожидании Боцман в одиночку не хочет, а Сильвер просто не будет. Поэтому Боцман нервничает, а Сильвер, кажется, сидя заснул. Дрянная ночь, дрянная организация. Плохо Дело - любимый термин Мастера - во всей своей красе.

Мастер и Доктор по-прежнему вполголоса беседовали, усевшись, как в сугроб, в кучу сгнивших ящиков. Фельдшеры хотели пристроиться рядом, но Мастер их прогнал на улицу, в фургон к Склифосовскому, "к клизмам и капельницам", как он выразился. Шериф лениво бродил по двору. Карма гордо восседала рядом с Мастером и делала вид, что принимает участие в беседе - прядала обрубками ушей и переводила глубокомысленный взгляд с хозяина на Доктора и обратно. Мастер обхватил собаку за плечи и притянул

к себе. Карма вылупила глаза, вывалила язык и возбужденно задышала. Любопытный Шериф тоже решил послушать, о чем говорят, и сунулся было к Мастеру, но Карма приподняла губу, и Шериф тут же отвалил, пошел общаться с Сильвером. Сильвер при его приближении зашевелился было, почти открыл левый глаз, но передумал. Шериф зевнул и поплелся к люку.

- Мастер! - тихо позвал Боцман.

- Да! - отозвался Мастер.

- На хрена я тут бдю? - поинтересовался Боцман. - Ведь тихо все, сам посмотри. У меня аж Сильвер заснул, - тут Боцман поперхнулся и сконфуженно умолк. Ясно было, что с ответом Мастер не промахнется.

- Вот он спит, а ты бди!

- А если я его разбужу? - робко спросил Боцман.

- А зачем?

- Ну, допустим, чтобы он бдел, а я спал.

- Бдеть - это по твоей части, - веско сказал Мастер. - Тут ты во Второй рекордсмен. А вот бдить ты, я вижу, разучился. Раньше вроде бы умел, а теперь прямо и не знаю...

- Я же не нарочно...

- Тут лужа была на полдвора, - объяснил Мастер Доктору. - Через двор тварь бежала, а он по ней стрелял. Она знай себе бежит, а он, значит, стреляет.

Говорят, светло было, как днем. Лед плавится, тварь скачет, а он в окне торчит, орет дурным голосом и из пульсатора молотит так, что дым столбом... - Боцман пытался что-то возразить, но Мастер просто слегка повысил голос:

- Батарею посадил, ты не поверишь, до половины! Воды из снега вытопил цистерну! Чуть вот этот сарай, - Мастер ткнул пальцем в склад, - пополам не распилил. А может, и распилил. Как сейчас навернется стена нам с тобой на голову...

- Ладно, не заливай, - вступился за Боцмана Доктор. - Во всяком случае, растопить снег он не мог даже теоретически.

- Так я же не о том жалею, что ему снег растопить не удалось! Бог с ним, со снегом! Я тебе говорю, что он умудрился ни разу в эту погань не попасть!

- А где же остальные были?

- Представь себе, вот туг стояли, в углу, и тоже промазали!

- И долго это продолжалось? - спросил Доктор. - Двор узкий, особо не разбежишься. Как она двигалась?

Боцман хотел было объяснить, но Мастер его опередил.

- Отсюда - сюда, - показал он и тяжело вздохнул.

- Так это же секунды две...

- Меньше, меньше! - раздраженно сказал Мастер. - Но это наши лучшие стрелки. С полусотни шагов попадут в глаз летящей мухи. Все промазали. А грохот стоял - уши заложило. Пушки на максимальный разряд поставили. У каждого лазерный целеуказатель и отличный подствольный фонарь. Обстреляйся! Не попали. Что бы ты дал за вскрытие этой твари?

Доктор закусил губу. Видно было, что сейчас он соврет.

- Ну, у нас все-таки есть кисть руки... - протянул он. - Это совсем не плохо.

- Хочу целиком, - сказал Мастер. - Это была не обычная ходячая деревяшка. Эта гадость была почти живая в нашем понимании этого слова. Вопрос - зачем? Если у врага понятия о жизни и смерти никак не

соотносятся с нашими - зачем ему такая живая штука? Во-первых, очень подвижная. Во-вторых, я так думаю, котелок у нее варит - будь здоров.

- Допустим, насчет "никак не соотносятся" - это ты хватил, - не согласился Доктор. - А потом, слушай... а если они в нее все-таки попали?

Мастер вопросительно посмотрел на Ботмана, который потихоньку, мелкими шажками, приближался, развесив уши и делая вид, что по-прежнему несет караульную службу.

Сильвер с места не сдвинулся. Он дрых.

- Нет, - сказал Ботман. - Тут не ошибешься. Попал - упал.

- Принимая во внимание строение ткани... - начал Доктор.

- Ты хочешь сказать, - перебил его Мастер, - что такую квазиживую зверюгу пульсатор может и не взять?

- Как с тобой все-таки тяжело! - сказал Доктор. - Вечно ты все заранее обдумал!

- С каждым днем все хреновей и хреновей, - пробормотал Мастер очередное свое заклинание, опуская глаза. - Прости, но у меня есть совершенно четкие данные о воздействии пульсатора на живой организм.

- Что значит "живой"?! - Доктор ощутимо повысил голос.

- Человек. Не охотник, конечно. Посторонний человек.

- Ну?

Мастер обвел глазами присутствующих, криво улыбнулся и, повернувшись к Доктору, произнес четко, как на докладе:

- Точечный импульс стандартной мощности. Дистанция около пятидесяти метров, зона поражения - голова и плечи. Несколько минут - шок, около часа - нечто вроде сна.

Затем пришел в себя, координация движений ощутимо нарушена, но в трезвом уме и, что самое обидное, в здравой памяти.

- Как же так вышло? - пробормотал Доктор.

- Пытался ночью на улице сфотографировать экипаж одной нашей машины. Ребята домой ехали, с оружием. Сразу после охоты. Сам понимаешь - условный рефлекс...

- Боже мой! - почти простонал Доктор. - И где он сейчас?

- Я думаю, в Штабе. И уверен, что скоро его тебе подсунут для промывания мозгов.

Его и еще одного деятеля. Но, чую я, утечка будет.

- Ну, вы даете, мужики! - покачал головой Доктор. - Что ж ты молчал?!

- Тебя Штаб вызывал?

- Нет, пока нет...

- Ничего, скоро вызовут. Убивать этих двоих резона нет. Значит, блокада памяти.

- Мастер говорил легко и спокойно, будто лекцию читал. Доктор нехорошо глядел на него исподлобья. Лицо пожилого мужчины кривилось, как от зубной боли.

- Боже мой... - снова простонал он.

- Придется, - сказал Мастер. - Заставят. В конце концов, ты же не настоящий врач. Ты не связан клятвой Гиппократата...

- Я связан клятвой идиота! - рявкнул Доктор. - Я связался с бандой шизофреников и вот только сейчас начинаю понимать, как же я с вами со всеми попал! Ты думаешь, это очень весело - блокада памяти? Да это хуже, чем резать по живому без наркоза... Я себе, если надо, руку зубами отгрызу. А в другого нож воткнуть - нет уж, увольте. А такая агрессивная

терапия - это хуже любого ножа! Сердце кровью обливается... Как же вы так, ребята, а? - Доктор посмотрел на Боймана, потом на Китайца, потом отчего-то на обрез у Бенни на коленях.

- Он сам нарвался, - сказал Мастер. - И поверь, он знал, на что шел. Только он рассчитывал, наверное, на пулю. А огреб кое-чего похуже.

- А ты-то с чего взял, что похуже? - спросил Доктор.

- Додумался.

Доктор снова обвел взглядом присутствующих. Он уже вроде бы успокоился, и в его глазах загорелся огонек пристального и не очень приятного интереса.

- Только ты додумался или кто-то еще?

Мастер скрежетнул зубами и сунул Доктору под нос кулак. Правой рукой он на всякий случай продолжал обнимать Карму, зная ее манеру приходить на помощь даже когда не просят.

Высказаться Мастеру помешали. В недрах технички снова зажужжал моторчик, и кабель начал сматываться. Это было так неожиданно, что люди вздрогнули. Собаки даже ухом не повели.

- А?! - гневно спросил Мастер, тыча пальцем в сторону фургона. - Каково?! Вот отсюда мы поняли, что внутри кабеля есть и канал связи. Причем остаточный фон дырки его не колышет. Наши раций до сих пор хрипят и пукают, а этим - хоть бы хны! Черт знает что такое. О собственном оружии ничего не можем выяснить... Хоть на собаках эксперименты ставь.

- На собаках нельзя, - сказал издали Китаец.

- Да это я так... - смутился Мастер. Он уже остывал-- Сгоряча. Действительно, зачем на собаках, когда людей навалом. Бегают, понимаешь, всякие с фотоаппаратами...

- Послу-ушай, - протянул Доктор. - Так ты это нарочно устроил!

Экс-пе-ри-мен-татор! Да?

- Боже упаси! - Мастер конвульсивно перекрестился, чего за ним в Школе никогда раньше не замечали. - Но не нужно было этому репортеришке лезть куда не след, понимаешь?

- Это ты мне говоришь или себя уговариваешь?

- Вот уже... - Мастер посмотрел на часы, - двадцать один час я занят только тем, что себя в этом убеждаю. Я обязан защищать своих людей, даже если они совершают ошибки. Иначе конец охоте... Китаец! Ты что, обезумел?!

Китаец, который в этот момент крепил за край транспортера альпинистский шнур с узлами, затрясся всем телом, как пудель в ожидании взбучки.

- А-а что? - пробормотал он, поворачиваясь к Мастеру. В глубине тоннеля зашуршало - ползла вверх по ленте транспортера лучевая пушка. Шериф бросился клюку и, тихо завывая, вновь принялся исполнять свой приветственный танец, немилосердно колотя хвостом Бенни, который плевался и заслонял лицо руками.

- Когда Абрам туда спустился? - спросил Мастер тоном, от которого пожелел даже Доктор.

- Д-двадцать минут...

- Когда ты ему шнур бросил?!

- Ой... - только и выдохнул Китаец. Он допустил одно из страшнейших нарушений техники безопасности. Независимо от наличия радиосвязи или присутствия экстрасенса, способного засечь местоположение и эмоциональное состояние находящихся внизу людей, первое и главное, что

должен был сделать Китаец, отправив Абрама в подвал, - бросить ему веревку. Китайцу стало так нехорошо, так больно, так стыдно, что он даже и не понял, как очутился задом в сугробе, с расстегнутым воротом, а Доктор делал над его головой какие-то замысловатые пассы руками, и Бенни, тоже в нарушение инструкции бросивший пост, сыпал ему пригоршнями за шиворот снег. Подбежавший Мастер оттолкнул Бенни к люку, склонился над Китайцем и сунул ему в зубы горлышко фляги. Лицо у Мастера было такое, будто он вот-вот заплачет. Китаец испугался и послушно глотнул. Во фляге был коньяк, да еще какой!

Китаец глотнул еще, потом еще, потом флягу у него отняли, он часто-часто задышал, и вдруг из его глаз-щелочек бурным потоком хлынули слезы. Доктор что-то шипел Мастеру насчет "нервного истощения", перекошенный Мастер рычал ему, что "скоро всех поубивает". Китаец рыдал и утирался рукавом. Абрам стоял рядом на коленях и бормотал: "Что такое, что такое?" Джон тыкался в лицо холодным носом и глядел на всех бешеными глазами, ища обидчика. И посреди всего этого безобразия Шериф припер к стенке техников и не давал им шагу ступить. Карма, как всегда в трудных ситуациях, держала спину хозяина и высунувшуюся из двери технички испуганную физиономию встретила таким ревом, что бедолага просто рухнул внутрь фургона. А Карма встала передними лапами на порог и разразилась в адрес техника оглушительными проклятьями.

Не сплеховали только Боцман и Сильвер. Боцман вернулся на позицию, с пульсатором наперевес, готовый устранить любую неожиданную опасность. Сильвер вообще остался сидеть, где сидел. Это была единственная собака в Школе (а может быть, и в мире), способная заснуть сидя. Вот он и дремал себе.

Спас положение, как всегда, Мастер. Правда, выбрав не самый деликатный прием.

Однажды он таким образом затормозил грандиозную собачью драку - ровно на секунду, но за это время десять хозяев успели схватить за ошейники десятерых разъяренных псов. Мастер просто сжал кулаки и во всю глотку заорал:

- Стоя-я-я-ать!!!

Кажется, он хотел еще прибавить "Вашу мать!", но закашлялся.

Тем не менее обстановка разрядилась. Карма отскочила к хозяину. Абрам схватил Шерифа за охвостье. Доктор помог Китайцу подняться на ноги. Только Бенни остался стоять, опираясь плечом о стену, в позе человека, которого мучительно тошнит. В наступившей тишине оказалось, что он смеется, и слезы у него текут еще обильнее, чем у Китайца.

В техничке заворочались, и мрачный голос произнес:

- Мужики, вы все больны.

И тут словно открылся клапан - все, в том числе и прижавшиеся к стене техники, разразились гомерическим хохотом. Люди смеялись, как ненормальные, держась за животы, отдуваясь, показывая друг на друга пальцами. Бенни упал. Китаец опять сел. Псы с радостным лаем прыгали вокруг - им явно понравилась такая перемена обстановки. Вакханалия продолжалась несколько минут, пока наконец Мастеру не перехватило горло и он не замолк, задыхаясь. Постепенно стихли и остальные.

Доктор грозно высморкался в громадный клетчатый носовой платок и сказал Мастеру:

- Напишешь заявку на внеочередную профилактику. Прямо в этом месяце. Потом всю Вторую - в Лагерь. Или я ни за что не отвечаю. Ты людей

загнал.

- Да пош-шел ты! - весело ответил ему Мастер. - Пятый? Абрам шагнул вперед и изобразил подобие строевой стойки.

- Свидетельствую полное гашение инородной активности согласно показаниям дисплея.

- Бенни? Бенсон, чтоб ты сдох! Хватит ржать!

- Порядок, Мастер, - пробормотал Бенни, все еще подхихикивая. - Готов подписаться. Вывели начисто.

- А рация все фонит, - ввернул Китаец. - Ничегошеньки не слышно.

- Дальше будет только хуже, - пообещал Мастер. Он сунул руку за пазуху и вытащил маленький - в размер обычной кредитки - кусочек пластика. Старший из техников, крепкий еще пожилой мужик лет за пятьдесят, вскарабкался в свой фургон и через минуту вернулся с компьютером. Официальные лица уселись на ящики, точнее - провалились в них, и ввели свои коды в заранее подготовленный типовой акт. Копию старший техник сбросил Мастеру на его карточку. Мастер участвовал в этой процедуре в черт знает какой раз. Сначала - как член комиссии со стороны Школы, потом - как старший на объекте, и каждый раз его безумно раздражал компьютер Техцентра. Мастер никак не мог избавиться от ощущения, что этот суперноутбук, способный работать при любой температуре, любом давлении и любой влажности (в том числе и под водой), сконструирован с одной только целью - чтобы никому и никогда не давать повода заглянуть внутрь принадлежащего Техцентру фургона.

Мастер уложил карточку обратно в карман.

- Ладно, отцы, - сказал он техникам устало. - Желаю вам счастливого полета.

Техники молча кивнули и убрались. Ветхий на вид грузовик взвыл стартером и мгновенно завелся. Слышно было, что двигатель у него совсем не простой. Всего за несколько минут пропихавшись кое-как задом через узкую арку (охотники даже подпрыгивать стали от нетерпения), техничка бодро развернулась и, резво взяв с места, исчезла в ночи.

- Уходим, - тихо сказал Мастер. - Мы уходим. Я очень, очень хочу домой.

***

- Следующий вопрос, - сказал Генерал. - Тебе, мальчик, не кажется, что у нас слишком много вопросов к тебе накопилось?

- Это даже приятно, - ответил Мастер, сладко улыбаясь. - Обычно ведь у нас взаимоотношения сухие, черствые, товарно-денежные. А тут просто любовь какая-то...

- Ну-ну, - протянул Генерал. - Посмотрим, добьемся ли взаимности. Значит, вопрос номер два. - Он принял у Очкарика очередной листок и, прищурившись, начал его рассматривать. - Значит, так. Вчера в ноль пять пятнадцать техничка, возвращаясь с расчистки, обнаружила за собой "хвост", о чем немедленно доложила. Водителю приказали уйти на запасной маршрут, и тут "хвост" отвалился. Замены "хвоста" не последовало. Вот такой вот инцидент. Интересно? - Генерал коротко глянул на Мастера и снова опустил глаза в свое донесение.

Мастер подвинул к себе пепельницу.

- Интересно, - сказал он. - А как это - "понял, что обнаружен"? Я в школе КГБ когда учился, до слежки не дошел. Меня раньше оттуда поперли

за аморалку. Как машина слежения может понять, что ее засекли?

- Ты меня достал с этой школой КГБ, - сказал Генерал. - Все зависит от поведения объекта. Захочет он, чтоб "хвост" был в курсе, - сделает. Тут было наоборот.

Технички водят мастера, у них рука не дрогнет, - а "хвост" взял и отвалился.

- Надо же! - Мастер аж губу выпятил в притворном изумлении. Нагло притворном. - А может, это и не "хвост" был вовсе?

- Человек крутит те "хвосты", на которые натаскан, - поучительно сказал Генерал.

- Ты, например, под собачьи заглядываешь, а мы - в меру способностей, так сказать... В общем, поверь специалисту.

- Мне это так понимать, что меня в задницу послали? - осведомился Мастер. - Да еще и в пёсью? - Он прищурился и театральным жестом раздавил в пепельнице окурок.

- Ты перестанешь издеваться? - спросил Генерал кротко.

- Нет! - рассмеялся Мастер. Некоторое время он противно хихикал, не открывая рта и переводя смеющийся взгляд с Генерала на Очкарика и обратно. Те с интересом изучали Мастера: глаза Генерала смотрели, как обычно, почти отечески, линзы Очкарика, напротив, блестели зловеще. Видно было, что он зол, но пока сдерживается.

- Простите... - пробормотал Мастер и прыснул в кулак. - Простите, но это правда как-то несерьезно. Был "хвост", отвалился "хвост"... Детский сад. Кому нужна ваша дохлая техничка с вашими мастерами, которые только в будке прятаться мастера, когда нас по подвалам заживо едят... Ну что за ерунда такая? И вообще, при чем здесь Школа?

- А при том, милейший, - ликующе провозгласил Очкарик, - что мы установили принадлежность "машины-хвоста"! - Очкарик так и сиял - он вбивал в Мастера слова, как гвозди, и даже чуть приподнялся над стулом. Щеки Очкарика залил румянец, а Генерал поедал взглядом Мастера. Тот мрачно уставился Очкарику в "третий глаз", - видимо, почуял вампира. Ничего в лице Мастера особенного не было, кроме брезгливого напряжения.

- Н-ну?! - победоносно спросил Очкарик. - Мне сообщить вам, сударь, чья это была машина?

Мастер отвернулся от Очкарика, плавным уверенным движением вытянул из пачки очередную сигарету и элегантно прикурил. Глубоко затянувшись, он выпустил несколько колец дыма и посмотрел в глаза Генералу. Генерал побагровел. Мастер был абсолютно спокоен. "Этот гаденыш битый час издевается над нами, - подумал Генерал, - разыгрывая какую-то собственную игру. Или? Никогда ведь не знаешь, что кроется за его выражением лица. Никогда не догадаешься, говорит он серьезно или шутит. Это за ним заметили еще в детстве и сразу внесли информацию в личный файл. Зар-раза!" Генерал был готов растерзать Мастера. Если бы Генерал был собакой, он бы его молча укусил - - Я их накажу, - сказал Мастер сурово. - Я их очень больно накажу.

Генерал мгновенно расслабился, по инерции проткнул Мастера леденящим душу взглядом, склонил голову набок и послушно заглотил наживку.

- Нет, мой мальчик, - сказал он проникновенно. - Ты их ни в коем случае не накажешь. Ты просто скажешь мне их имена, а потом мы подождем следующей профилактики. И тогда на Базе этих типов распотрошат. Тебе это, конечно, неприятно, я понимаю, но ничего не попишешь. Ты должен понять - дело превыше всего. Сейчас, когда на карту поставлено будущее

человечества, все, что нам нужно, - это резидентура противника. Вот тут-то мы и узнаем, с какого боку к ним подступиться и как нанести решающий удар. Один-единственный! И это будет расплата за все бессонные ночи, за всех погибших товарищей, за всех, кто пропал без вести на нашей земле! - голос Генерала зазвенел, в нем уже слышался рев моторов и мерная поступь колонн, уходящих по межпространственным тоннелям наносить решающий удар, а может, даже завоевывать!

- Ты ведь уже все понял, мой мальчик, правда? - спросил Генерал, опять глядя на Мастера глазами доброго папочки. - Ты понял, и я завидую твоей интуиции. Ты, главное, не расстраивайся. Конечно, это плохо отразится на твоей карьере, тут я ничего не смогу поделать. - Генерал развел руками с выражением крайнего сожаления на лице. - Ты не знаешь наших чинуш. Они до сих пор оперируют теми же понятиями, что и при большевиках. Напишет Такая гнида "утеря бдительности" - и все, никуда не денешься... Но мы тебя отвоюем - тут я тебе даю слово офицера...

- Генерал только собрался было расписать Мастеру в красках, до чего тому станет хорошо, когда у него отнимут Школу, да так и замер. Потом он сообразил, что вообще-то стоило бы закрыть рот. Потом он до боли сжал челюсти. Теперь он готов был укусить Мастера, даже не будучи собакой.

Генерал достаточно хорошо разбирался в людях для того, чтобы не продолжать свою прочувствованную тираду. Но он не был и настолько прожженным интриганом, чтобы не озвереть.

- Все равно я их накажу, - улыбнулся Мастер. Очкарик шумно сглотнул и поправил очки. Генерал судорожно рванул узел галстука.

- Давайте так, - предложил Мастер. - Я прекращаю всякие попытки добраться до Техцентра. Бог с ним, обойдемся как-нибудь. А вы мне за это сдадите вашего стукача.

Генерал и Очкарик явно очень хотели конвульсивно переглянуться - но выучка не позволила. В комнате повисла напряженная тишина.

- Ну что вам, жалко, что ли? - спросил Мастер. - Заведете себе нового, хорошего.

Который не засветится. А этому, плохому, я кишки выпущу. Давно хочу человека убить.

Генерал и Очкарик все-таки посмотрели друг на друга.

- Цезарь вне подозрений, - хмыкнул Генерал.

- Очень жаль, - сказал Очкарик, опуская линзы. - Вы не поверите, каким кошмаром стал для меня этот молодой человек. У меня уже от него все чешется.

- А вот я его все равно люблю, - сказал Генерал. - Была бы у меня дочка - не глядя за него бы отдал. И ты на него не злись. Он просто не знает нашей специфики. Чего ему нас жалеть? Он, сука, благородный. Пачкаться не хочет. С собаками дружит, чтоб об людей не замараться.

- Ладно, - сказал Очкарик. - Переживем и это.

- Так мы договорились? - с надеждой спросил Мастер.

- Нет, - печально ответил Очкарик, по-прежнему глядя в стол. - У нас нет информаторов в Школе.

- А даже если бы и были, - поддержал его Генерал, - так мы своих людей не сдаем.

Здесь тебе не ЦРУ.

- Невинную душу угробите, - предупредил Мастер. - Я ведь и ошибиться могу. А крови хочется.

- Не дури, - сказал Генерал. - Нету, сказано тебе. Нет и не было.

- Странно, - пробормотал Мастер, морща лоб и невоспитанно кусая ноготь большого пальца. - Слушайте, а может, все-таки не было "хвоста" за этой техничкой?

- Был, был, - вяло сказал Генерал, глядя на Очкарика. Тот, казалось, спал - очки книзу, лысина вперед. Мастер подумал, что в другой обстановке Генерал положил бы Очкарику на плечо могучую утешительную руку.

- А может, не мой это "хвост"? - не унимался Мастер.

- Фигушки, очень даже твой... - протянул Генерал, думая о своем. Он явно просчитывал какие-то варианты, чтобы поражение быстренько обратить в победу.

"Черт возьми, они были так уверены, что задавят меня, - и не придумали ничего про запас! Вот, я же просто слышу, как у Генерала мозги скрипят! - Мастер понял, что все решают секунды. Еще чуть-чуть, и Генерал сообразит, как ему действовать.

- Так, сейчас я спрошу, что за машина повисла на хвосте. Очкарик, миленький, ответь мне! Я тебя больше никогда не обижу. Я даже начну смотреть тебе в глаза.

Скажи мне - "Приметная машина. Белая "шестерка", а дверь водителя черная.

Номера, конечно, все грязью заляпаны". И тогда стукач у меня в кармане. Потому что он видел, как за техничкой ушла именно эта машина. А что через минуту она во двор свернула, этого никто не видел. Тут в курсе только мы с Лебедем. Я и так знаю, кто стучит. Но мне нужно последнее доказательство, потому что придется доказывать другим. Ведь сам я, какой бы плохой я ни был, до сих пор не могу первым ударить человека. Сначала он должен очень больно ударить меня".

- А какая она из себя была, машина на "хвосте"? - невинно поинтересовался Мастер. Голос, кажется, не дрогнул, но было поздно.

Очкарик механически открыл рот для ответа, но вдруг поперхнулся, словно от резкой боли в боку. На увеличенных очками глазах навернулись крупные слезы.

Мастер грузно оперся о стол и отвернулся.

- Да не было ее, - сказал Генерал ласково, потирая под столом локоть.

- То есть теперь мы знаем, что она была, и именно твоя. Мы на понт тебя взяли, а ты и попался, как щенок... - Особого торжества в голосе Генерала не чувствовалось.

Видно было, что противоборством он здорово утомлен. В комнате стало просто душно от злобы. Мастер снова закурил. Он изо всех сил боролся с желанием рвануть на себя папку Очкарика, в которую вернулся листок донесения. Но тогда отношения с Генералом испортятся окончательно. А главное - листы были из плотной бумаги, и ни один из них Мастер не видел с лицевой стороны. Вполне возможно, что все они - пустые. Мастер отчетливо представил, как он выхватывает у Очкарика папку, а из нее на стол летят девственно чистые белые листы... и гаденький смех Генерала.

Правильно ты сказал, Генерал. Благородный я. Пачкаться не хочу о тебя и твою контору. По самые уши в дерьме, но стою в нем гордо и непреклонно. И чинно так говорю: "Господа! Уши, уши хотя бы не замажьте!" - Мастер поморщился и коротко глянул на Очкарика. - Неужели Очкарику стыдно? Раньше он меня презирал, а теперь вроде бы стесняется".

- Продолжим? - спросил Мастер.

- Охотно, - согласился Генерал. - Что у нас там дальше? - обратился

он к Очкарику.

- Вопрос о стукаче, - подсказал Мастер.

- Заткнись! - рявкнул Генерал. - И запомни, сынок, технички тебе не по зубам. У них есть запасные маршруты с ловушками, где твоих хреновых сыщиков разделяют под орех. Получишь их под расписку, упакованных в очень маленькую тару. И лично - лично! - сдашь родителям. Щ-щенки! А сам по миру пойдешь. Или посадим.

Придумаем, за что. У меня рука не дрогнет. Ты же никто!!! - заорал вдруг, надсаживаясь, Генерал. - Тебе даже запрет на профессию не нужен - у тебя ее не-е-ет!!! Ты сдохнешь под забором! Ты что, до сих пор не понял, что ты никому, кроме нас, не нужен? Ты ботинки лизать должен мне и вот ему...

- Да пусть он ищет этот Техцентр, - вступил Очкарик. - Вот там-то его точно убьют. А не убьют - нам отдадут. А тогда он у нас вот где будет. - Очкарик сжал хилый кулачок. - Тогда-то мы на него уголовное дело и откроем.

Мастер покачал головой и цыкнул зубом.

- Я испуган, - сказал он.

- Ничего, - утешил его Генерал. - Сейчас не боишься - потом испугаешься. Когда поймешь, что шутки кончились.

- Надо бы вам заглянуть ко мне в Школу, - сухо сказал Мастер. - И прокатиться разок с парнями на расчистку. Это отбило бы у вас охоту угрожать мне.

- Я был на трех войнах, - отмахнулся Генерал. - Я видел такое... И вообще, это бесплодный разговор. Я не могу приехать в Школу. И я тебе не угрожаю. Я просто хочу поставить тебя на место.

- А я и так на месте, - сказал Мастер. - И заменять меня более удобным человеком не имеет смысла. Школе нужен Мастер, а не старший. Либо будет такой же, как я, либо никакой.

- Это мы еще посмотрим. В смысле - посмотрим на твое поведение.

- Нечего смотреть, - отрезал Мастер. - Я лучше знаю. И либо ваш информатор - тупица, либо вас просто не интересует атмосфера Школы. Конечно, с Базы вам могут передавать результаты тестов, психogramмы, всякую прочую муть. Но так вы никогда не поймете главного...

- Ну-ну, расскажи нам, отсталым, - скривился Генерал.

- Мы все больны, - сказал Мастер. Он глядел куда-то в стену между Генералом и Очкариком, и Генерал поймал себя на мысли, что вот сейчас впервые за всю эту мучительную беседу Мастер искренен и поворачивается к нему, Генералу, именно той стороной, которую Генерал видеть никак не хотел бы. Он отталкивал от себя это лицо, проступившее сквозь привычную маску Мастера, - слишком много на этом лице отпечаталось боли, и слишком легко его было полюбить...

- Хотим мы того или нет, мы ненормальны, - говорил Мастер. - Что делать, если раз в три дня, а то и через день, а то и неделю кряду ты сражаешься с тем, чего представить себе нельзя? Что противоречит твоим понятиям о мироздании? А в свободное время только об этом и думаешь? И никому, кроме таких же бедолаг, не можешь об этом рассказать... Потому что тебя для начала высмеют, а потом сочтут ненормальным. Интересное положение, да?

Мастер прикурил очередную сигарету. Пепельница была уже полна окурков с изжеванными фильтрами.

- А рассказать-то очень хочется, - продолжил Мастер, вздыхая. -

Каждый раз, когда ты задумываешься о тварях, о дырках, о судьбе десятков тысяч людей, пропавших без вести, обо всей этой ненависти, тебя скручивает от боли и отвращения. Ты просто должен кому-то пожаловаться. А ведь это - сокровенное, выплескивать его на случайных людей нельзя. И однажды ты сдаешься...

- Мы знаем, что вы нарушаете подписку, - кивнул Генерал.

- Спасибо, что не наказываете. Вот за это - спасибо.

- Да ладно, - отмахнулся Генерал. - Ты ведь прав.

- Да, я прав. Но вы видите только самый край этой правды. Обеспечить секретность... А человеку больно, понимаете? Поэтому он берет и плачется в жилетку своей женщине. И видит, что ему не верят. На словах верят, а на самом деле - нет. Поэтому с того дня, как он ей открылся, он начинает ее потихоньку терять. И она его отталкивает, да и он ей не может простить, что не поверила.

Неважно, расстанутся они или нет, - охотник привыкает к тому, что все его интересы замыкаются в стенах Школы. Но Школа - это клан, и чем больше злобы он впитывает, тем выше напряжение внутри. Даже самые нелюдимые из охотников нуждаются в общении... в общении с внешним миром. Но он для нас закрыт. Можете себе представить, до какой степени мы любим Школу и одновременно ее ненавидим?

- Откровенно говоря, - признался Генерал, - в таком свете я эту проблему никогда не рассматривал. А с Базой у вас как? Не чужие вроде люди...

- Не чужие, - согласился Мастер. - Но сенсы в массе своей избегают тесных контактов. Им с нами противновато. Они чувствуют, какой злобой мы залиты под самую пробку. И вот что получается: охотник минимум треть своего времени проводит с людьми, психика которых перегружена до упора. Остальные две трети он тоже напряжен, потому что старается ни на кого не выплеснуть то, что у него накопилось. И постоянно рядом с ним такая же собака. Пыльным мешком трахнутая...

Вы бы видели мою Карму! Она тварей ненавидит, у нее на тварей уходит много сил, и после этого у псины неадекватная реакция на людей. Безропотно пускает в дом гостей. Чужаков на свою территорию! Обнюхает, поймет, что гость живой, - и идет себе дальше спать. Тьфу! И это зверь, специально обученный нападению на двуногих прямоходящих! Боевая псина... Я вас утомил?

- Нет-нет-нет! - замахал руками Генерал.

- Короче говоря, кто такой охотник? Я, например. Это человек, работающий на благо человечества и при этом не получающий от него совершенно никакой поддержки. Он все время имеет дело с сумасшедшими людьми и ненормальными собаками. Так чего же вы от него хотите? Чтобы он, загнанный в угол, просил вежливо, чтоб хотя бы уши не заливали?

- Уши? - переспросил Генерал. - Почему уши?

- Да потому, что он по уши в дерьме!!! - впервые за весь разговор сорвался на крик Мастер. - У него не осталось ничего, кроме веры в себя и свою собаку! И пока он знает, что он - самый умный, самый сильный и самый красивый, хрен вы его поставите на место. А если он хоть на грош в себе разуверится - все, он больше не охотник. Он просто еще одна потенциальная тварь! И не нужно убеждать себя, что поиски Техцентра - это мальчишество. Я ищу Техцентр, потому что хочу понять, отчего меня в него не пускают! Мне не нужна своя техничка, черт с ней! Но почему мне не дают собственные мощности для подзарядки батарей? Почему у меня нет

хотя бы принципиальной схемы пульсатора? Своего оружейника? Почему мои рапорты об активизации тварей, о том, что они стали умнее, остаются без детального разбора?

Почему еще ни слова не было об инциденте прошлой ночью? Что, что, что еще сказать?!

Мастер резко встал, повернулся и отошел к окну. Отдернув занавеску, он уткнулся лбом в холодное стекло. За спиной молчали, только Генерал ерзал и шмыгал носом.

Но вот затих и он.

- Мне тридцать один год, - сказал с горечью Мастер. - Твари и вы - кого я ненавижу больше? Не знаю. Они испортили мне всего лишь характер. А такие, как вы, изуродовали мне жизнь. Ваше счастье, что я самый сильный, самый умный, самый красивый. И еще у меня есть кавказская овчарка. Знаете, я не оправдываю поступок Саймона. Но, кажется, я начинаю его слишком глубоко понимать. Для него в этом мире не осталось живых людей. Одни твари кругом.

- Вот об этом нам и предстоит сейчас разговор, мой мальчик, - сказал за спиной Мастера Генерал. - И я не знаю, как его начать. Но я надеюсь, что тварей ты все-таки ненавидишь больше, чем нас.

***

- стакан водки мне нужен, - сказал Доктор. - Вот что сейчас меня поправит.

- Всего-то? - улыбнулся Мастер, запуская руку в холодильник. - Помню, было время, когда ты меньше поллитры не заказывал.

- Старость - не радость, - вздохнул Доктор, принимая бутылку.

Мастер подвинул Доктору тарелку с бутербродами и смотрел, как тот наливает себе рюмку, пытается оторвать ее от стола. Руки у Доктора ощутимо тряслись.

- Знакомо, - сказал Мастер.

- Нет, - отрезал Доктор, с усилием поднося выпивку к губам. - Этого ты знать не можешь. - Он залпом проглотил напиток и, зажмурившись, откинулся на спинку стула. - Нормально, - Доктор помотал головой, открыл глаза и потянулся за закуской. Мастер сам налил ему снова, и рука Доктора ухватила рюмку уже более уверенно. Доктор торопливо прожевал откушенное и опрокинул "дозу" вторично - четким, отточенным движением. Несколько мгновений он опять следил с закрытыми глазами за тем, как организм принимает выпитое, потом удовлетворенно крякнул и в две секунды прикончил бутерброд. Мастер рассмеялся.

- Красиво, - сказал он. - Аж завидно.

- И ты выпей, - предложил Доктор. - В нашем деле главное что? Главное вовремя залить глаза. Так легче себя убедить, что все происходящее - горячечный бред. Ты еще не родился, а я уже жил в непрерывном бреде. Делириум тременс. Вот так-то, мальчик...

- Вы сговорились, что ли?

- С кем?

- С Генералом. Он меня называет именно так: "Мой мальчик".

- Возрастное, наверное, - предположил Доктор, закуривая. - Нужно сказать, я этого господина с трудом перевариваю. Иногда мне просто стыдно, что мы с ним принадлежим к одному поколению. Хотя работать с ним можно. Противно, но... - Доктор пожал плечами.

- Да, - Мастер криво улыбнулся. - Он замечательно справляется со своей главной задачей - наводит тень на плетень. Слушай, ну хоть ты, опытный мужик, скажи мне, для чего такой уровень секретности? В Проекте занято двадцать разных служб, и про половину из них я даже не знаю толком, где они находятся! Ты это можешь объяснить?

- Могу. Вот ты мне еще налей, и я тебе все объясню. Не думаю только, что ты обрадуешься. И настоятельно советую тоже выпить. Поэтому.

- Мне на охоту, - сказал Мастер, наливая Доктору половинку. - Если я сейчас пить не стану, я буду просто злой. А если я еще выпью... Ничего, одну ночь продержусь, утром рухну с чистой совестью и продрыхну часов двадцать. Меня эти фокусы Штаба выбили из колеи. И из графика.

- А фокусы тварей? - спросил Доктор неразборчиво - он снова жевал. - И этого твоего припадочного... как его?

- Саймона. Это все мелочи. Тварей я не боюсь, а Саймона мы вылечим. В последнее время мой главный и единственный противник - Штаб. И я этого не скрываю.

- Ты уверен, что именно Штаб тебе жить мешает?

- А кто обещал мне все объяснить?

- Равноценный обмен информацией? - улыбнулся Доктор.

- Хотя бы.

- Не выйдет, - покачал головой Доктор. - То есть обмен-то выйдет, но равноценным он не будет. Ты меня в лучшем случае удивишь. А вот я тебя, если захочу, э-э...

Ошарашу.

- Давай посмотрим. Ну что, кто первый? Будем кидать монетку или решим по справедливости?

- И как ты понимаешь справедливость в данном контексте? - спросил Доктор, протягивая руку к бутылке.

- Чуть позже, - сказал Мастер, опережая Доктора. Тот тоскливым взглядом проводил исчезающую под столом "литру". - Ты мне нужен в трезвом уме. Потом надирайся хоть до беспамятства. Вот как я понимаю справедливость.

- А то, что мне нельзя с тобой общаться, ты понимаешь? - спросил Доктор. - Человек моего ранга не может разговаривать с охотником. Исключение было сделано только один раз. И только ради тебя.

- Ты за мной присматриваешь? - прищурился Мастер. - Зачем? У меня же справка.

- Справка справкой, - сказал Доктор, - а контроль им нужен.

- Ну! - попросил Мастер, подаваясь к Доктору через стол. Карма внизу шевельнулась во сне.

- Я регулярно подаю Генералу доклад о твоей энергетике и психическом состоянии, - сказал Доктор, честно глядя Мастеру в глаза.

- И что же ты докладываешь? - спросил Мастер с неподдельным интересом.

- Что ты в порядке, разумеется.

- И насколько это соответствует?..

- На все сто! - усмехнулся Доктор. - Как видишь, пока мне не приходилось обманывать ни тебя, ни Штаб.

- А если придется? - спросил Мастер, по-прежнему сверля Доктора взглядом.

- Мальчик! - сказал Доктор. - Сначала я в любом случае поговорил бы с тобой.

"Скорее всего, - подумал Мастер. - Я не Штаб, меня обманывать дороже встанет".

Глаза его ощупывали лицо Доктора, казалось, пытаюсь запечатлеть его навечно.

Доктор улыбался - открыто и мягко.

- Я знаю, что ты меня любишь, как родного, - сквозь зубы процедил Мастер. - Ты знаешь, что я никому не верю. Как я могу тебе показать, что ты для меня все-таки что-то значишь?

- Неужели? - еще шире улыбнулся Доктор. - В мальчике проснулись эмоции?

- Мальчику нужен союзник, - сказал Мастер жестко. - Ты понимаешь, Док, какая неприятность... Засветился в Школе штабной стукач. Страшно подумать, что за человек оказался. Очень мне хочется от него избавиться, но сперва неплохо бы задать ему пару вопросов.

- Ну и задай, - сказал Доктор рассеянно. - Под пытками он точно заговорит.

Только обещай ему жизнь. Для вас инстинкт самосохранения превыше всего. Я когда охотников подбирал, я знал, чего хочу. Вы, подлецы, гнетесь, а не ломаетесь. И энергетика убойная. Любого вампира сожрете...

- Не то слово! - подхватил Мастер. - Какой смысл такого человека пытаться? Он все равно наврет с три короба, тебе мозги запудрит и сам запутается. А вот если бы... - И он посмотрел Доктору в глаза.

Доктор замялся. До него вдруг дошло, что он уже наболтал более чем достаточно для зачисления в активные соучастники.

- Можно, конечно... - сказал он неуверенно. - Это, конечно, против всяких правил. И потом - ты соображаешь, что значит для меня такой шаг?

- Это значит, что ты наконец-то понял, на чьей стороне правда. И с этого момента за твоей спиной будет девяносто пять стволов и девяносто две собаки.

- И они в состоянии защитить себя и меня от спецназа?

- Я не уверен, - сказал Мастер, - что нам имеет смысл защищаться. Понимаешь, если на Школу бросят антитеррористическое подразделение, мы вряд ли отобьемся.

Нас вообще отстреливаться и держать оборону никто особенно не учил. Но вот если мы будем атаковать... Понимаешь, даже самый крутой спецназ - это всего-навсего люди. И жизненный опыт у них обычный, человеческий. Да, море крови, горы трупов, все понятно. Но в то же время обкуренный чеченский смертник - потолок для их понимания. Они не подозревают, что на свете есть вещи куда страшнее. И мы им закатим такую галлюцинацию, что они побегут от нас с полными штанами. Я тебя уверяю. А потом, я не думаю, что Техцентр охраняет спецназ. Там обычная вохра.

Мы ее просто съедим в одночасье. А когда спецназ до Техцентра доедет... Хотя это все бред. Я тебе главного не сказал. Я составил несколько моделей, Док. Ни одна из них не развивается в нашу пользу, если с нами не будут работать сенсы. Мне понадобятся минимум две бригады. Мне нужен Бенни, и мне нужна Леся. Вот так.

Тогда я готов биться с кем угодно. Хоть с танковой дивизией. Я даже самолет запросто собью.

- Ты что, совсем е. - нулся? - спросил Доктор шепотом.

- Отнюдь. И не дергайся, здесь "жучков" нет. Проверено. Доктор несколько раз нервно моргнул.

- Ох, правда, я не думал, что дело зашло так далеко, - сказал он

по-прежнему шепотом. - Я думал, это шуточки всё... Ты действительно еще мальчик. О, господи... Они же вас поубивают...

- Не "вас", а "нас", - поправил Мастер.

- Меня не тронут. Я им еще нужен. Но если тебя сейчас услышали, то у Бенни и Олеси будут очень большие неприятности. Ты ненормальный... Что же ты делаешь?

- Да что с тобой, Док?! Пять минут назад ты сам болтал своим болтом, как настоящий перебежчик. Я тебя сейчас Карме отдам! - возмутился Мастер. - Сочту провокатором и загрызу! Может, тебе объяснить, зачем Проекту очень нужен я, а?

До тебя еще не дошло, что мы связаны одной веревочкой?

- Это ты о чем? - Доктор продолжал машинально оглаживать собаке шею. Он был уже трезвее трезвого и буквально на глазах Мастера постарел лет на десять.

- Я же единственный человек, который может тебя убить, - сказал Мастер неожиданно мягко.

- Ты не сможешь меня убить.

- Ой, не надо! - скривился Мастер. - Сейчас ты расскажешь, что я живу с установкой, которая не позволит мне всадить в тебя пулю? Да шел бы ты лесом! Сам понимаешь, мне плевать, какой ты сенс, а вот психотерапевт ты дерьмо-вый.

- Это как все понимать? - спросил Доктор хрипло.

- Да еще не родился такой человек, которого я не мог бы продырявить из огнестрельного оружия. Я просто внушу себе, что это - шутка и в стволе холостой патрон. И накрылась твоя установка. Между прочим, тебя не защитит даже то, что ты сенс. Ты просто не почувствуешь опасности. Ведь я-то буду уверен, что не опасен... Думаешь, не пройдет номер? Давай проверим.

- Не надо, - проговорил Доктор очень медленно. - Ничего не надо. Как ты догадался про установку?

- Логика. Все говорят, что я умный, Док.

- Сенсы за тобой не пойдут. База - их дом. А База - часть Проекта. - Пойдут, если ты им скажешь.

- Ты не знаешь, насколько они пугливы, мальчик. Они дико боятся смерти.

Понимаешь, все наши сенсы мечтают дорасти до уровня сверхчеловека. И сейчас они только в начале пути. Представляешь?.. Все равно что сказать тебе сегодня: в сорок лет ты будешь властелином мира. А потом заставить пойти на верную смерть во имя сомнительных идеалов. Что ты выберешь?

- Я не хочу быть властелином этого мира. Мне плохо на этой планете. С самого детства. Так что либо я планету исправлю, либо мне на ней долго не протянуть. И мои идеалы не сомнительны. У меня вообще их нет. Я просто не терплю несправедливости. В отличие от тебя, - сказал Мастер и с удовольствием добавил, впервые в жизни обругав человека старше себя. - Пидора трусливого.

- Даже Бенни не рискнет, - сказал Доктор, пропустивший ругательство мимо ушей за явной его несправедливостью во всех отношениях. - А Олеся и давно.

- Скажешь ей, что, если живы останемся, я на ней женюсь. Я знаю, она давно ко мне неровно дышит. Лишь бы поверила.

И тут Доктор, видимо, принял решение. Он расслабился, мягко улыбнулся Мастеру и протянул ему через стол руку. Мастер вцепился в нее, словно

утопающий в спасательный круг. Рука была очень теплая и дружественная, из нее толчками выбивалась энергия, и Мастер вдруг почувствовал острое желание прижаться к этой руке щекой.

- И чего я тебя так люблю? - спросил Доктор.

- Слушай, а ведь я никогда не спрашивал: у тебя дети-то есть?

- Дочке целых двадцать пять.

- Ничего себе! А как у нее с э-э... - Мастеру очень не хотелось отпускать руку Доктора, и он просто сделал большие глаза.

- Будет лучше, чем у меня. Она уже четыре года как на Базе трудится. Ты чего так смотришь?

- Ну, ты силен... - уважительно протянул Мастер. - Ё-моё... А я ее видел?

Доктор хмыкнул. Похоже, ситуация начала его забавлять.

- Она тебе не пара. Тебе нужна женщина, которая могла бы эффектно оттенить твою наглую морду и барские замашки. И не теряться на твоём фоне. Либо очень яркой внешности, либо очень умная. А моя Леська, в общем-то, ни тем ни другим не блещет.

У Мастера отвисла челюсть. Машинально он потянулся к бутылке.

***

Охоту постоянно обслуживало не меньше восьми бригад сенсов. По две бригады на каждую ночь. Одна уходила с охотниками в зону расчистки. Другая оставалась в Школе, в специально оборудованной "глухой" комнате. Идеальная звукоизоляция не давала сенсам отвлекаться на внешние шумы. По идее, ничего им не оставалось, кроме как сидеть и "нюхать" окружающее пространство. В действительности же сенсы гоняли чай, резались в "Монополию", травили байки, обрабатывали данные проводившихся на Базе экспериментов. Иногда они просто внаглую спали. Во-первых, "нюхать" им это не мешало. Во-вторых, "дырки" открывались только ниже поверхности земли, а Школа была предусмотрительно отрезана от своих подвалов толстой бетонной подушкой. Тварям пришлось бы выбраться наверх где-то в окрестностях и атаковать через периметр, о чем мгновенно предупредила бы охранная система. Так что сенсы в Школе с удовольствием валяли дурака, зарабатывая при этом солидный кусок масла на свой кусок хлеба.

Единственной женщиной среди этих разнокалиберных мужиков была Олеся - худенькая, легкая, невероятно подвижная темноволосая девчонка с хулиганскими искорками в карих глазах. Вся она была как на пружинах и, если даже по долгу службы стояла неподвижно, все равно украдкой отбивала такт носком сапога. Над всеми она издевалась, все и вся высмеивала и не боялась, кажется, ничего на свете. Вид у нее был совершенно несерьезный, вечно волосы лезли ей в глаза, вечно она совала нос куда не просят, тем не менее она была бригадиром и управляла пятью мужчинами в возрасте от тридцати до сорока. Одно удовольствие было наблюдать, как эти здоровенные дядьки буквально по мановению руки хрупкого лохматого существа носились по зоне расчистки, как угорелые, занимая намеченные точки. И эта бригада никогда не ошибалась.

Охотники ее боготворили. Делали комплименты разной степени неуклюжести. Совали шоколадки в карман. Даже разрешали погладить собак. Она тоже не оставалась в долгу. Обозвала Хунту "Хитрая Рыжая Морда". В ответ на обещание Зигмунда надрать уши, если не перестанет соваться в опасные места, запросто могла ответить: "А я больше по заднице люблю!"

Красавчик Саймон, уверенный в своей неотразимости, попробовал ухватить ее нежно за эту самую задницу, и так огреб сапогом по одному месту, что пришлось его снять с поста.

А однажды, в предыдущую зиму, она замерзла. В расчистку попала территория законсервированного строительства, недоделанного завода, настолько захлавленная, что "Вторая" буквально с ног сбилась, пытаясь определить, где-же может быть "дырка". Наметили пять точек, сенсы их старательно обнюхали и ничего не нашли.

На улице было минус пятнадцать, мела поземка, и тут Олеся, привыкшая, что все у нее получается с ходу и запросто, неожиданно сломалась. Сенсы под прикрытием охотников начали прочесывать территорию, и девушка вдруг прямо на глазах начала слабеть. Прочесывание требовало большой сосредоточенности, и уже минут через пятнадцать движения у Олеси замедлились, она зябко обхватила себя руками, и куда-то пропала ее гордая осанка, а в глазах заблестели слезы. Олеся шла в "коробке", с четырех сторон ее прикрывали Хунта, Зигмунд, Абрам и Китаец, собаки веером развернулись впереди. Охотники чувствовали, что с девушкой неладно, но боялись ее потревожить - сенса лучше не трогать, когда он в работе. Он скорее все себе отморозит, чем выйдет из этого странного, почти гипнотического состояния, в котором он сканирует пространство на добрые две сотни шагов вокруг.

Тем более что сейчас к Олесе сходились ниточки и от пяти ее подчиненных (партнеров? инструментов? черт их знает), с которыми она составляла загадочный для охотников, но очень эффективный в деле конгломерат. Поземка вскоре перешла в метель, потом в форменную пургу. Хунта начал озираться и нервничать. И тут шеренга собак почтительно расступилась. Сквозь белую пелену навстречу охотникам продирался Мастер. За ним, занимая свою излюбленную позицию в двух метрах позади хозяина, деловито топала Карма.

Мастер поднял руку, и "коробка" остановилась. Олеся слепо ткнулась в спину Абрама и машинально отступила на шаг назад. Секунду Мастер смотрел на нее, непривычно сникшую, трогательно беспомощную. Затем он шагнул к ней вплотную.

Расстегнул свою куртку, развел ее борта в стороны и ими обнял девушку, прижав ее к себе, утянув в свое тепло, заслонив от холода и вообще от окружающего мира.

- Машину, - приказал он. - Бегом, сухари безмозглые! Место было довольно открытое, и сенсы подогнали туда свой минивэн через несколько минут. Мастер и Олеся все так же стояли, обнявшись, а Карма бродила вокруг, охраняя их покой.

"Берите, - сказал Мастер. - Только потихоньку". Он распахнул куртку, и изумленные сенсы подхватили совершенно бесчувственное, но уже теплое, упоенно сопящее носом тело. Девушка спала.

- Удачно вышло, - сказал Мастер. - А то у меня уже весь коньяк выпили. Двигайте на Базу, отцы, без вас справимся. А наряд я вам закрою. Отработали.

Охотники, матеря дурную погоду, оцепили зону расчистки и стали ждать возвращения твари, чтобы уже она вывела их к "дырке". Но тварь так и не пришла. Только на

Рассвете собаки почуяли ее и нашли - сорвавшуюся в котлован, распятую на торчащей из бетонного пола арматуре. Восходящее солнце, пусть и спрятанное за плотными тучами, неумолимо сосало из твари энергию, и та

уже даже не шевелилась.

- Я ее вытаскивать не буду, - надулся Хунта, стоя на краю гигантской ямы и глядя вниз. - Эти штыри метра по три длиной. Как я ее вытащу? Их срубить надо у основания. На полдня работы...

- Крюгер! - позвал Мастер. - Что с этой стройкой, когда ее возобновят?

- Заморожена на пять лет, два года уже прошло, - доложил Крюгер.

- Сгниет эта гадость за три года, а? - с надеждой спросил Хунта.

Крюгер пожал плечами и указал подбородком на Мастера.

- Пошли отсюда, мужики, - сказал Мастер. - У нас есть дело поважнее.

Несколько часов Лысый, Горец, Хунта и Мастер колдовали в мастерской, доводя до кондиции новенький комплект зимней боевой формы. Его пришлось очень сильно ушить, что совсем не просто, когда имеешь дело со сверхпрочными материалами, да еще и стараешься не нарушить целостность систем обогрева и вентиляции. Работа велась, конечно, на глазок, но зорких глаз в Школе оказалось предостаточно.

Большим подспорьем были и впечатления Мастера, который теперь кое-что себе представлял на ощупь. Удалось даже подобрать фирменные спецботинки всего на полразмера больше, чем нужно.

- Сто лет такого кайфа не получал, - сказал Лысый, утирая пот со лба.

- И чего я шитье бросил?

Через сутки бригада Крота, возвращаясь с дежурства в Школе, привезла на Базу объемистый бумажный мешок, на котором была намалевана фломастером неофициальная эмблема Школы - голова кавказской овчарки.

- Это Леське, - процедил ревнивый Крот, заходя к Доктору и швыряя мешок на стол.

- Не иначе как приданое. Когда салатик-то будем кушать?

Так что больше она не мерзла, даже когда уставала и сбивалась с ног. Еще она стала очень любезна с Мастером - по-своему, конечно, без лишних, по ее собственному определению, "телячьих нежностей". И охотно, хотя и туманно, рассказывала о специфике работы сенсов. Охотники вообще, на взгляд сенсов, были неумеренно болтливы, постоянно лезли с дурацкими вопросами, на что некоторые бригадиры жаловались Мастеру. Тот каждый раз обещал всех наказать, а тем временем аналитики Школы просто с ума сходили, пытаясь свести в хоть какое-то подобие системы поступающий от охотников ворох информации. Выводы звучали не правдоподобно, но ничего по-настоящему сверхъестественного в них тоже не было.

Охотника вообще удивить сложно. Например Батя, старший "группы Раз", на полном серьезе уверял, что Бенни умеет выгонять алкоголь из сахара, находящегося в собственной крови.

А потомстряслось такое, после чего вокруг Олеси на время образовался вакуум.

"Группа Раз" чистила длинный, но неглубокий подвал в идущей под снос пятиэтажке.

Все шло сначала как по писаному, "дырку" мгновенно локализовали, очень быстро появилась тварь, ее легко подстрелили. И тут Батя не учел сложности момента.

Сенсы на тварей смотреть не любят, остро чувствуя и переживая их чужеродность.

Но сейчас у подвальной двери лежало два тела. Раскинув когтистые лапы, мучительно изогнувшись, конвульсивно подскребая по асфальту каблуком, распространяя жесткий и резкий, какой-то совсем не животный, а

технический запах, окруженное тихо рычащими псами, в ярком свете фонарей умирало чудовище. А рядом бесформенной грудой драного тряпья лежала его сегодняшняя добыча - маленький оборвыш, донельзя грязная нищенка, девчонка лет двенадцати, с вытекшими глазами и широко раскрытым в беззвучном вопле ртом. Зимой твари чаще всего отлавливали именно таких.

Тварь почти по-людски всхлипнула, последний раз дернулась и затихла. Батя дал отмашку, кольцо охотников расступилось, пропуская Вавилова с его тест-кейсом и двумя ассистентами при носилках и пластиковых мешках. И вдруг, к полнейшему своему ужасу, Батя увидел, что за спиной медика стоит Олеся, пристально смотрит на мертвую девочку, и глаза у нее совершенно белые. Батя махнул было, чтобы Олесю увели, но та уже повернулась и ушла прочь. Тем не менее один боец тихонько последовал за ней и, вернувшись, доложил, что ничего особенного не случилось:

Олеся стоит на предписанном инструкцией удалении от потенциальных точек боя, вне секторов обстрела, и к ней подтягивается ее бригада. Нормально так стоит, не кричит, не плачет, только и не шевелится совсем. Батя сплюнул и занялся делом.

Через пять минут, отправив в подвал техников в сопровождении Ветра и Лебеда, Батя подошел к сенсам. Мужчины стояли в кружок, пыхтя сигаретами и опасливо поглядывая на Олесю, которая глядела в стену и даже ногой не притопывала. И только-только Батя вознамерился шепнуть ей на ухо что-нибудь хорошее, как Олеся схватилась за голову и сказала:

- Ой, мама!

В подвале в этот момент творился форменный кошмар. Уверенно выйдя к "дырке", Ветер и Лебедь осветили ее фонарями и встали по обе стороны от техников, примерявшихся к чуть колышущемуся иссиня-черному зеркалу со своей пушкой.

Техники с натугой подняли ствол лучемета, и в этот момент "дырка" звонко чавкнула и раскрылась. Взорам собравшихся предстали клубы темно-синего тумана, из которого появились четыре оскаленных черепа.

Техники, как и следовало ожидать, повели себя адекватно: уронили оружие и бросились наутек. Два здоровенных кобеля, рыча, подскочили к "дырке", отсекая врага от хозяев. Ветер мгновенно пристрелил двух тварей, они даже толком высунуться не успели и рухнули обратно в туман. Но остальные две выпрыгнули в подвал, одна Ветру навстречу, а вот другая, что гораздо хуже, - в боковой проход, в котором и скрылась с удивительной прытью. Действие развивалось уже целые секунды две, а Лебедь все не стрелял. У него вдруг заело пульсатор, видимо, запал контакт. Поэтому он бросил оружие на пол и, запустив руку за воротник, тянул из-за спины обрез помпового ружья - непременно аварийную деталь охотничьей амуниции.

Еще одну тварь собаки повалили и вскочили на нее сверху. В "дырке" клубилось синее и тошнотворное. Ветер, не раздумывая, метнулся в боковой проход. Он знал, что перед ним окажется длинный коридор, который тварь проскочить еще не успела.

Он выстрелит ей в спину, потом развернется и прикончит эту - как раз собаки ее отпустят и уйдут в сторону. А вот и спина твари маячит впереди. Все нормально.

Тут Ветер запнулся о невысокий порожек и полетел вперед носом. Однако даже в такой ситуации он поступил как настоящий охотник. Заорав: "Бля-я!" таким дурным голосом, что Батя наверху схватился за сердце, Ветер нажал в полете на спуск, попал убегающей твари четко промеж

лопаток, и вонзился лбом в кучу битого кирпича.

В этот же момент Лебедь трижды выстрелил "своей" твари в пах, развалив ей пополам таз и фактически лишив возможности пользоваться ногами. Тварь на спине отъехала к "дырке" и отчаянно заскребла когтями, пытаясь встать на четвереньки.

Как только она перевернулась, Лебедь в два приема отстрелил ей голову и, не отводя взгляда от бьющегося в конвульсиях тела, начал перезаряжать ружье.

Запихивая очередной патрон в магазин, он услышал, как державшиеся поодаль собаки разразились лаем, поднял глаза на "дырку" и остолбенел. Из потусторонней синевы на него тарачился пустыми глазницами целый десяток черепов.

- Ну! - сказала Олеся своей бригаде. Они стояли, взявшись за руки, образовав кольцо, внешне спокойные, с закрытыми глазами и расслабленными лицами. Сбоку донесся стон - из подвала за ноги волокли техника, зажимающего руками лицо Из-под перчаток обильно текла кровь. Этот человек только что оказался на пути штурмовой команды, бежавшей к "дырке". Судя по рваному комбинезону, его успели даже покусать. Вавилов осторожно разжал впившиеся в разбитое лицо пальцы, и стон перешел в отчаянный крик Но крик этот вдруг прервался.

Сначала возникло тихое гудение, от которого хором взвыли собаки. Очевидцы говорили, что гудение это не было, собственно, звуком - ты просто чувствовал,

Что гудит. Как невидим луч пульсатора, но ты все-таки замечаешь голубуюмолнию... Потом гудение перешло в скрежет, потом в свист, по ушам очень резко и

Больно ударило ультразвуком, пятиэтажное здание натужно заскрипело, и все

Уцелевшие окна рассыпались в прах, усыпав охотников мельчайшей стеклянной крупой. Еще через мгновение шерсть у собак встала дыбом, и они замолчали так

Резко, будто им довернули выключатель, а люди ощутили, как их тела пронзаетстранная, ни на что не похожая вибрация. Как уверяли потом охотники, источник трясучки был не снаружи, казалось, он сидит где-то внутри тебя Из подвала донесся оглушительный - не рев, не крик - хрип, такой, что совсем заложило уши.

И все кончилось.

Сенсы разомкнули круг и безвольно опустили руки. Олеся медленно подняла голову, открыла глаза, и Батя потихоньку отступил за угол, потому что смотреть в эти глаза было в тот момент, по его словам, "ну просто невозможно". Несколько минут никто не в силах был пошевелиться, и тут заскрипела подвальная дверь. Из нее поползли собаки, вывалив языки, опустив хвосты и ошалело мотая головами.

Штурмовая команда Пушкина, отдуваясь и пряча глаза, вынесла на руках наверх бесчувственного Ветра, уже с забинтованной наспех головой. Физиономии у охотников были здорово перекошенные.

- Это ты устроил? - заплетающимся языком спросил Батю Пушкин, и по его выражению лица Батя сразу понял, о чем речь.

- Пошел ты.. - уклончиво ответил он.

- Да уж не откажусь... - Пушкин безумным взглядом обвел пейзаж и объяснил:

- Очень эффективная тактика, старший. Поздравляю. Только вот с

непривычки можно выпадение прямой кишки заработать. Иди, тебя там Лебедь ждет...

Лебедь уютно полулежал на куче мусора в углу, откинувшись на стену и пожевывая сигаретку. Серый с черными подпалинами Хант сидел рядом, и только по тому, как плотно хозяин обнял пса за плечи, можно было догадаться, насколько Лебедю не до шуток. У его ног стоял, ярко освещая помещение, мощный универсальный фонарь, оставленный командой Пушкина. От стены неподалеку шел синий дымок - верный признак свежезаглушенной "дырки".

Батя пнул башмаком расстрелянную Лебедем тварь. Плечи у нее были в порядке, то есть она вполне могла ползти на руках, а не ползла.

- Круто? - спросил Лебедь.

Батя кивнул. Более или менее он уже догадался, что тут происходило и какую роль в разгроме играли сенсы. Пушкин вышел к "дырке" явно с опозданием, и эту тварь не добивали из пульсатора. Ее просто что-то убило.

- Сама подохла? - спросил он.

- Сама, - кивнул Лебедь. - Только я ей башку снес, а она взяла и скопытилась.

Дернулась, и все. Там, в коридоре, еще одна валяется, но ее, похоже, Ветер пришиб.

- "Дырку" ты глушил? - кивнул Батя на оставленный техниками лучемер.

- Не-а, - улыбнулся Лебедь.

Батя посмотрел на стену - дымок становился все жиже. "Дырка" у человека вызывает совершенно четкие реакции - легкий озноб и сухость во рту. От заглушенной "дырки" идет неприятный холодок, постепенно ослабевая, вот как сейчас. Здесь была "дырка", безо всякого сомнения. Именно тут ее сенсы и засекли, именно сюда шли Лебедь и Ветер.

- Она сама затянулась, - объяснил Лебедь. - Из нее торчало с десяток тварей, я уж думал, нам хана. Слышу - Пушкин мчится, так ведь далеко, не успеть... И тут по ушам ка-ак шарахнет! И твари все разом ка-ак захрипят, да ка-ак затрясутся! А потом "дырка" - хренак-с! - и нету ее... Я знаю, это Леська устроила. Я ее голос слышал.

- Голос? - Батя присел на корточки и посмотрел Лебедю в глаза. Лебедь был Батин ровесник, чуть старше тридцати, и в Школу пришел в самом начале. Галлюцинациями не страдал. Картина происшедшего вырисовывалась у Бати в голове все яснее.

- "Дырка" открылась внезапно, да? - спросил он. - Из нее полезли твари... У технарей с непривычки очко сыграло... Когда ты слышал ее голос и что она сказала?

- Она маму позвала. Вот через секунду после того, как "дырка" открылась. А у меня пульсатор заело - ничего себе, да? Ветер просто молодец. Чудо парень. И собачки молодцы. Вообще все мы классные ребята... Только вот что, начальник... - Лебедь замолк и сморщился.

- Ты долго был в активной зоне? - с тревогой спросил Батя. - Что ж ты молчишь, дурила!

- Я не был в активной зоне, - с трудом выдавил Лебедь. - Вообще. Но ощущение такое, что был... Прости, старший. Что-то мне хреново... - с этими словами Лебедь закатил глаза и мягко рухнул набок. Батя рванул из кармана рацию, совершенно забыв, что она еще не должна работать. И только вызвав Вавилова, осознал, что эфир чист, как стеклышко. Остаточный фон "дырки", обычно по полчаса, а то и по часу намертво

блокировавший радиосвязь на верных полкилометра вокруг, в этот раз исчез напрочь.

Лебедь оклемался за неделю и вернулся в группу. Ветер отлеживался две, отпустил челку подлиннее, чтобы не видно было шрама, и в промежутках между облавами бегал на процедуры в Институт красоты. Мастер в Штабе закатил сцену, требуя в сотый раз схему пульсатора и собственную "техничку". Вместо этого Школе увеличили финансирование. А Олеся со своей бригадой просто исчезла. "Куда ты ее подевал? - спросил Доктора Мастер. - Тут ей ребята хотят щенка подарить". - "У нее не будет времени на собаку", - холодно ответил Доктор, и Мастер понял: действительно не будет. И еще он почувствовал: выручив охотников, Олеся что-то сделала не так, и это ей даром не прошло.

Она появилась только через два месяца, и это был уже совсем другой человек.

Спокойная, выдержанная, уравновешенная, она больше не прыгала на одной ножке и никуда не спешила. Охотники начали ее избегать. Некоторые не могли забыть, что в этой хрупкой девушке оказалась заключена неведомая сила, огромная и пугающая, которую им однажды довелось ощутить на себе. Даже употребленная во благо, сила эта ужасала. Но таких было совсем немного - и воспоминания о пережитом заслоняли от них главное, то, что с трепетом отмечало большинство и о чем между собой говорили шепотом: люди так не меняются за такой короткий срок.

- Что с ней, Бенни? - спросил Мастер.

- Я не знаю... - ответил Бенни. Мастер вглядывался в его лицо в поисках ответа, но Бенни недавно отпустил густую бороду и стал на себя не похож. Мастер так и не понял - то ли Бенни боится, то ли это страх сквозь злобу. А коли есть злоба...

- Как беременная, ей-богу, - сказал подошедший Хунта. - А может?.. И чего мы тогда психуем?

- Нет! - отрезали Мастер и Бенни в один голос. И на этот раз Мастер расслышал:

Бенни действительно весь кипел.

- Слушай, Бенсон, - сказал Мастер, беря сенса за рукав. - Я тебя не прошу говорить ни "да", ни "нет". Но ты хоть намекнуть можешь, что произошло?

- Девочка потеряла невинность, - процедил сквозь зубы Бенни, вырвал руку и, довольно сильно толкнув Мастера, шагнул в метель. Пурга свирепствовала пятые сутки, приходилось надевать вязаные подшлемники, шел разговор о пополах для собак. Твари злобствовали, их было много, и они лезли отовсюду. Школа работала на пределе, группы выходили на расчистку через ночь, и сенсы этот безумный ритм выдерживали с трудом.

Хунта и Мастер переглянулись.

- У тебя на ресницах сосульки, - сказал Хунта. - Что он имел в виду, как ты думаешь?

- Одно из двух, - сказал Мастер. - Может быть то, что случилось тогда, два месяца назад, имело для нее характер откровения. Что-то в ней раскрылось, ранее ей неведомое. Или...

- Вот именно: "или", - перебил его Хунта. - Батя говорил - она вела себя очень уверенно, как будто всю жизнь только "дырки" и глушила. Она вычистила все частоты, на которых "дырка" излучала. Начиная аж с инфразвука - ты мог себе представить, что человек в состоянии генерировать инфразвук?..

- Ну, когда-то я не мог себе представить, что человек может видеть сквозь бетонную стену. И вообще...

- Не уходи от темы, - снова перебил его Хунта. - Все она про дырки знала. И про свои возможности - тоже. Люди-то не пострадали. Люди с тварями взаимодействуют?

Дохнут в активной зоне? Чувствуют приближение к "дырке"? Значит, частота одна.

Но Леська каким-то образом людей не тронула. Ювелирная работа. А Лебеда зацепило, потому что он был в эпицентре...

- Доктор считает, что Лебедь был в активной зоне, - вяло возразил Мастер.

- Прости, но из твоего Доктора всю совесть на Лубянке выбили, когда мы еще под стол пешком ходили. Двuruшник твой Доктор. И вашим, и нашим. Всех боится и всем врет.

- Недоговаривает.

- А это не одно и то же? Ладно, ладно... Замнем для ясности. Давай, приняли мою версию, начали думать, что второе. Девочка продемонстрировала в действии технологию, которую показывать нельзя даже нам, со всеми нашими подписками и допусками. Вопрос - кто ее за это вздрючил? Да еще до такой степени...

Мастер закурил. Они стояли в щели между двух машин, ветер обходил их стороной, и им даже в голову не приходило забраться в тепло салона. Отчасти - потому что еще двадцать человек в этот момент работали на ветру, подкрадываясь к домику лесника. Лесопарк разделял два больших жилых массива, и лесник, наверное, гордился тем, что неподалеку стоят громадные муравейники в шестнадцать этажей, а он вот живет в отдельном доме, настоящем доме...

- Бенни сказал лишь то, что хотел сказать, - произнес задумчиво Мастер. - Интонации, интонации... Он здорово разозлился. И совсем не на Леську. Он на жизнь злой, на судьбу, на что-то, что мешает жить, висит, как дамоклов лом...

- Третья сила?

- Вот именно, - Мастер хлопнул ладонью по борту "Рэйнджа". - Потерять невинность довольно сложно без помощи извне. Я ставлю полбанки на Техцентр. Отвечаешь?

Хунта поскреб под шлемофоном.

- Может, все-таки кто-то на Базе, а? - спросил он неуверенно. - Тот же самый Доктор.

- База - во! - Мастер отмерил руками примерно метр. - А Доктор всего-навсего руководитель сектора. Он поэтому и зашуганный такой. Он там совсем не главный. И к тому же База - это просто закрытый институт. Скажем так, медико-технологический.

Эксперименты на стыке наук. Конечно, там есть свой "особый отдел", который блюдет секретность, но... Понимаешь, у сенсов круговая порука не хуже, чем у нас. И их не возьмешь голыми руками. Даже Штаб, который все координирует, старается на Базу не давить. Штабные стратеги отнюдь не главные в Проекте.

Кстати, они плохо разбираются в биоэнерготехнологиях и поэтому их опасаются.

Получается-и ставить Базе задачи и давать по морде должен тот, кто во всем хорошо понимает и не боится ничего. Есть кто-то над сенсами, кто им одновременно и прямой начальник, и заказчик. Техцентр. Это Техцентр,

старина.

- Интересно, что с ней было...

- Ты заметил, как она теперь на нас смотрит?

- Как влюбленная корова. - Хунта сплунул. Он так любил Олесю прежнюю, что нынешняя его совершенно не устраивала. - Особенно на тебя.

- Ей просто нужна защита, - сказал Мастер мягко, не упрекая. - Я уверен: ей хочется быть рядом с теми, кто способен защитить. Возможно, она сама еще этого толком не понимает.

- Суки! - выпалил Хунта в пространство. - Чем мы-то ее можем защитить? Она одна целой армии стоит.

- Значит, можем. И наше дело угадать, чем мы так хороши.

- Это все построено на песке, - внезапно сдал назад Хунта. - Ты посмотрел на потолок, - он поднял глаза к небу, - и увидел там красивую и страшную версию. Я, козлице такой, поддакиваю... а от Крюгера ни звука! Стой тут! - приказал Хунта и исчез в снежной пелене. Султан рванулся за ним следом и тоже пропал.

- Что, Кармашка? - спросил Мастер. - Как жить-то дальше будем? Ты со мной тоже не согласна?

Карма улыбнулась. Она с Мастером была согласна всегда. Даже когда вкусная кошечка вываливалась у нее прямо изо рта - от крепкого удара по затылку. Или когда на нее замахивались табуреткой. Или перетягивали по хребту поводком. Как и Мастер, Карма была своевольна и трудновоспитуема. Только вот в отличие от Мастера ее можно и нужно было иногда колотить. Тем не менее бита она бывала редко. Несмотря на все свои кавказские замашки, она была все-таки девочка, по самые обрубки ушей влюбленная в Мастера и готовая ради него ползать на брюхе и скакать через барьеры. Ее любила и побаивалась вся Школа - и Карма знала почему.

Ведь она - с Мастером.

А Мастер знал, как всем в Школе нравится Карма, и часто размышлял о том, насколько бы хуже относились к нему люди, не будь всегда рядом эта рыжая красotka с очень низко купированными ушами и склочным характером. Он вышел из-за машин на ветер и с горечью подумал, что когда-то его любимым временем суток была ночь.

- Вот и прошла наша молодость, - сообщил он Карме.

Ветер свистел, цепляясь за машины. Вдалеке едва виднелась темная полоса леса. За спиной мутно светились огни большого города. Мастер тоскливо вздохнул. Карма посмотрела на хозяина и нервно зевнула. Мастер облокотился на борт "Рэйнджа".

- Крайне желательно, - процитировал он какое-то старое руководство, - чтобы владелец собаки жил не один...

Вдалеке затрещали пульсаторы, и вдруг шарахнул дуплетом знакомый обрез. Мастер скрипнул зубами. Все опять не так, как надо. Он повернулся спиной к выстрелам и уткнулся лбом в холодное стекло, ощущая себя совершенно запутавшимся, вдребезги несчастным и одиноким, как никогда.

В лесу Бенни выстрелил снова.

***

- Ох, надоело мне это все, - сказал Доктор, аккуратно расправляя кисточку на ухе у Кармы. - Сил нет, как надоело. Ты знаешь, мальчик, я ведь устал страшно... Ты в Проекте шестой год и попал в него, в общем-то, случайно. Тебя, откровенно говоря, не хотели даже. Пока не

выяснили, что ты заблокирован и этим ценен. А знаешь, откуда узнали, что ты заблокирован? - неожиданно спросил он.

- Когда ты меня смотрел...

- Как бы не так! - рывкнул Доктор, выпуская Карму и хватаясь за бутылку. Карма озадаченно уселась и вытаращила глаза. Мастер, закусив губу, наблюдал - поставил локоть на стол, уперся щекой в кулак и смотрел, как Доктор заталкивает в себя водку, поспешно запивает ее "колой" и лезет в пачку за сигаретой. Когда он прикуривал, Мастер заметил, что руки у Доктора снова подрагивают. Несколько часов назад Доктор завершил работу с попавшим в беду репортером. Вопреки ожиданиям; парень с фотоаппаратом так и не понял, что в него стреляли из неизвестного современной науке оружия. А его напарника потряс до глубины души покойник Кучум. Что ж, больше эти двое никому не расскажут, какие странные вещи случаются ночью на московских улицах.

- Когда я тебя смотрел, - сказал Доктор, - я уже знал, что твой мозг закрыт.

Причем данные об этом получил в самой безапелляционной форме. Ты почему меня не поймал на слове? Почему не схватил за руку, когда я проболтался, что лично подбирал охотников, а? Думаешь, ты самый хитрый? И тебе все на блюдечке принесут?

- Я действительно хитрый, Док. И еще у меня есть кавказская овчарка.

- Мастер спокойно улыбнулся. - Так что ты давай, рассказывай.

- Не могу, - вздохнул Доктор. - Вот хочу, а не могу. Минуту назад готов был - а теперь заклинило. Ты даже не представляешь, насколько это все дико. И страшно. Я через этот страх прошел, я его пережил, ясно? И я просто не в силах обрушить эту глыбу на того, кто мне дорог. Особенно на тебя. Ты с ума сойдешь, когда все узнаешь. Пойми, я не могу... Не могу, и все тут!

- Леську тогда в Техцентр забирали? - неожиданно сменил тему Мастер.

- Не знаю... - Доктор опустил глаза и сжал кулаки. - Я с самого начала был против того, чтобы она брала отдельную тему, чтобы получала эту гребаную бригаду. Но она решила по-своему. Все хотела себя проявить. Ага. Проявила...

Выступила... И что? Приехали какие-то... Бухгалтерия ей командировку оформила...

Пропала на целый месяц. А вернулась-не узнать... И молчит.

Доктор поднял глаза на Мастера, и тот невольно отвел взгляд - столько в этих глазах было боли. "А чего ты, собственно, хотел, любящий папаша? Если так за дочку переживаешь, держал бы ее взаперти. А то получается - никто ни в чем не виноват, и ты - пострадавшая сторона. Хотя ты-то скорее всего самое главное дерьмо в этой ситуации и есть". Высказывать свое мнение вслух Мастер не стал.

Хотя бы потому, что ответная реакция Доктора его совершенно не интересовала. Да и что его стыдить - не поймет. Не то поколение. Мастер вздохнул и спросил:

- Кто-то из моих стукнул? Доктор помотал головой.

- Был у нее в бригаде один деятель... Может, даже и не один, но этот слишком ревнивый оказался. Они же все по ней сохнут...

- И где он теперь? - поинтересовался Мастер невинным тоном.

- Сдох, - невесело усмехнулся Доктор. Так невесело, что Мастер не стал вдаваться в подробности. - Слушай... - В глазах Доктора вдруг проявился искренний и глубокий интерес. - Я все хотел спросить... А как

это для вас? Ну, для твоих?

- Быть рядом с сенсами? - догадался Мастер. - Нормально. А как еще? Даже тот инцидент не очень ребят напугал. Конечно, некоторым показалось, что глушить "дырки" усилием воли - немного чересчур. Но тут дело скорее в конкретной личности. Уж очень Леська милая, не вяжется с ней такая мощь. Окажись на Леськином месте Бенни или Крот, парни бы и это скушали. Охота, милый Доктор, формирует у человека хорошую привычку - воспринимать мир таким, какой он есть, и не удивляться, когда он поворачивается к тебе невиданной стороной. Это же для нас вопрос, напрямую связанный с выживанием... Представь - как бы мы охотились, не доверяя сенсам? В способности которых, между прочим, не верит процентов восемьдесят мирного населения. А то и девяносто...

Доктор внимательно слушал. Он немного расслабился и теперь наслаждался общением.

Внутренне Мастер вздохнул. "А может, действительно его стукнуть чем-нибудь тяжелым?" Все стало чертовски сложным теперь, когда Мастер узнал, что Олеся - дочь Доктора. Мастер и раньше догадывался, что судьба Доктора сложилась непросто. Но только сейчас он более или менее ощутил, насколько же тесно сплетены в душе старшего друга ненависть и страсть к его загадочной работе. Это живо напомнило Мастеру его собственные рассуждения об аналогичных проблемах охотников. Так что теперь Мастер совершенно не представлял, как себя дальше вести с Доктором, но прекратить разговор не решался, и беседа, на его взгляд, приобретала бредовые интонации.

Тем не менее он продолжал размышлять вслух, чуть ли не слово в слово воспроизводя свои жалобы на нелегкую судьбу охотника, которыми угощал Генерала с Очкариком. И всерьез обрадовался, когда его поток красноречия наконец-то приостановили.

- Ты идеализируешь своих подчиненных, - сказал Доктор. - Конечно, есть среди вас такие же, как ты, - не спорю. Но так относиться к жизни может далеко не каждый.

Без ущерба для себя. За этим обычно следует роскошная психопатология...

- Ну, если она не идет в ущерб работе... Мне, например, наш Будда был глубоко симпатичен. Хотя второго такого психа еще поискать...

- Басов действительно был редкий тип, - усмехнулся Доктор в адрес первого старшего Школы, - мир праху его. Но при этом он был хороший человек. Он просто так люто тварей ненавидел, что иногда часть этой ненависти обрушивалась и на людей. Очень увлекающийся был мужик. В своем роде.

- Лучше бы он увлекался спортом, - хмуро сказал Мастер. - Или марки собирал.

Нельзя так о покойниках, но я рад, что его съели. Уберегли ребят от греха. Будда под занавес стал таким злобным... А в Штабе считали, что он идеальный старший.

Боялись, что мы распустимся. Впрочем, это было неглупое решение. Пока командовал Будда, не было шанса, что мы начнем выяснять, что же за штука Проект. Знаешь...

Не исключено, что именно я бы мог в один прекрасный день... Ну... На расчистке это просто - толкнул невовремя, и охотник уже у твари в лапах. Я ведь тоже устал. И начал сомневаться в Проекте. Мне захотелось узнать его истинную задачу.

А Будда стоял между этим знанием и мной. Он был ортодокс и не задавал вопросов.

- А ты стал задавать вопросы и нажил кучу неприятностей.

- Я уверен, что спасаю жизни двух сотен хороших ребят - людей и зверей. Хочешь - присоединяйся. Приглашаю всех желающих выжить.

- Я не чувствую серьезной опасности, - твердо сказал Доктор. - Я уважаю твое мнение, но сейчас ты ошибаешься. Ты разборки внутри Штаба принял за что-то большее. А это всего-навсего мышьяная возня. Пожрут они друг друга, и все наладится. Так бывало уже, поверь мне.

- Ты опять сошел с нарезки, - скривился Мастер. - Только что играл на моей стороне, даже собирался откровенничать. А теперь на попятный. Никак не можешь взвесить, кто прав, а кто не прав? Ты сообразил уже, что я больше не могу на тебя давить. Я понял наконец-то, как глубоко ты увяз всеми лапами... И поверь, я давить не стану. Мне тоже Леську жалко. Как ее зовут-то хоть?

Доктор на секунду задумался.

- Нина.

- Тяжело жить в страхе, - сказал Мастер задумчиво. Он не стал объяснять Доктору, что страхи бывают разные и самый главный ужас - это тот, о котором мало знаешь,

И поэтому воображаешь черт-те что. Доктор явно был склонен монополизировать право на страх. Он хотел быть главным страдальцем.

- В страхе жить очень тяжело, - согласился Доктор. - Я, например, здорово испугался, когда увидел твой файл. Не тебя испугался, нет. Я просто совсем не хотел вспоминать один свой очень большой страх.

"Есть!" - подумал мастер. Если бы момент позволял, он бы сейчас громко хлопнул в ладоши. Или дал подзатыльник Карме, чтобы не сверлила глазом Доктора и не пугала лишний раз этого сильного, но забитого человека. Кажется, все получилось, все пошло, как надо. Если бы еще не этот проклятый озноб, холодок по позвоночнику...

Холодок страха.

- Это скорее похоже на медицинскую карту, - говорил Доктор, рассматривая в пепельнице окурки. - Пухлая книжечка такая, как в поликлинике. Файл приходит вместе с соискателем и заполняется по мере обследования. Почти чистый приходит.

Только общие психофизиологические характеристики, порядковый номер, и все. А вот твой был уже частично заполнен, и на нем стояла отметка. И, открыв нужную страницу, я увидел запись: "Ментальный блок". И два жирных плюса в графе "Пригодность". И еще одну вещь, которой ты можешь, наверное, гордиться. Я бы гордился, наверное, если бы со мной так носились...

- Сейчас буду гордиться, - заверил Мастер. Лицо у него окаменело. Правой рукой он ухватил Карму за холку и потянул к себе. Карма по-прежнему ела Доктора недобрым взглядом.

- Соискатель проходит тесты под номером, - говорил Доктор. - За всю свою практику я помню только два случая, когда в файле было указано рабочее имя. То, что вы называете кличкой. Клички заносятся в файл после зачисления охотника в Школу. Ведь именно в Школе кличка и вырабатывается, правда? Или утверждается, если охотник принес ее с собой. Но до этого момента ей в файле делать нечего. Ты откуда взял свое имя?

- Будда, - сказал Мастер. Голос его звучал хрипло. - На площадке

сразу четыре пса сцепились, народ что-то замешкался, и я этих крокодилов раскидал. Терпеть не могу собачьи драки, жалко мне их, глупых... Вот, а Будда увидел, как я псов кидаю, подошел и сказал: "Зацените, мужики, какого мастера нам прислали!" И все - так и пошло... - Мастер задумался и вопросительно поднял на Доктора глаза.

- Итак, я еще до Школы был Мастер. А как звали второго? - спросил он жестко.

Доктор посмотрел на него, как дворняга на волкодава.

- Вообще-то приятно думать, что я хотя бы не один, - Мастер грустно усмехнулся.

- А то уж больно тоскливо.

- Мы получаем файлы в первом отделе Штаба, - тихо сказал Доктор. - И после каждой профилактики отвозим туда на пару дней. Не знаю для чего... Сам понимаешь, там лишних вопросов не любят. Но ты был мне настолько интересен, что я рискнул-таки, спросил мимоходом... Почти риторический вопрос - и откуда, мол, берутся такие экзотические личности. И один молокосос, очень гордый своей ответственной работой, возьми и ляпни, что таких в Техцентре выращивают...

Мастер тяжело вздохнул и отпустил Карму.

- Ты только буквально это все не воспринимай, - попросил Доктор. - Может, я тебе налью чуток, а?

- Мне работать! - рявкнул Мастер. - Так кто второй?

- Да второй к Школе вообще не имеет отношения. Просто это была личность такого масштаба... То, что тебя поставили с ним на одну доску - вот это меня к тебе и привлекло.

- А все-таки? - спросил Мастер. - Давай, не темни.

- Я его видел-то всего один раз, - виновато, словно оправдываясь, сказал Доктор.

- Правда, недавно, где-то год назад. Но это ничего не значит. Скорее всего его просто сейчас нет на земле. В смысле - на Земле. С заглавной буквы.

Мастеру пора было бы удивиться, но он только показал глазами: рассказывай.

- Форма нашего файла, - начал Доктор, - утверждена, как я понимаю, очень давно.

Но кандидатам в охотники положен именно этот стандартный файл. И на большинство из ваших соискателей он уже был. Ты это учти. Девяносто процентов из тех, что работают с тобой, - совсем непростые ребята. Ими всеми давно интересовались, причем интерес этот был весьма специфического плана. Соображаешь?

- Мы - отходы какой-то старой программы, - кивнул Мастер. - Во всяком случае, ветераны. У нас ведь есть люди с улицы, ты знаешь... Мэдмэкс...

Услышав это имя, Доктор скривился, как от зубной боли. Как и многие, он высоко ценил старшего "группы Три", но общения с ним избегал. Особенно после того, как Мэкс отказался наотрез остаться на Базе. В Школе он быстро сделал карьеру и отдельно прославился тем, что привел несколько отличных ребят, и все они были Штабом и Базой допущены к охоте. Все до единого. В то время как много приличного народу, соблазненного другими охотниками, заворачивали либо Штаб, либо База.

Хотя сами "отсеянные" об этом и не подозревали - им находилось место во втором эшелоне Школы, в Школе-2, ведущей ее легальную деятельность.

Мастер привел соискателя только однажды - и тот тоже подошел. Свое

рабочее имя он вынес со двора - Саймон.

- Я это давно вычислил, только, знаешь, боюсь себе признаться, - говорил Мастер.

- Очень уж неприятно сознавать, что какие-то дяди всю твою жизнь к чему-то тебя готовили. Кто его знает - может, мы все уроды... И я главный. Никогда не хотел быть главным. Нигде, ни за что. Ответственности не терплю. За Карму вот готов отвечать, а за человека - нет. А со Школой странно так вышло - понимаешь, Док, я их всех полюбил. Ненормальных...

- Вы не ненормальны, - мягко поправил Доктор. - Просто у вас нестандартная энергетика. И от этого, в частности, такой удачный склад характера - почти у всех. Одно с другим увязано... Нет, вы в порядке. У меня же богатый материал для сравнения. Я почему начал разговор про эти проклятые файлы? Ведь раньше к нам на Базу поступали самые разные люди. Попадались очень интересные экземпляры. Как я сейчас понимаю, мы их тестировали для работы в спецслужбах. Но иногда клиентов привозили - именно привозили, - в состоянии легкого ступора, очень странного такого... как бы тебе объяснить - ты же не знаешь нашей работы, нашей терминологии... в общем, непонятного ступора. Я бы назвал это "зомбирование".

Это было тогда модное слово. Им здорово баловались газеты.

- Это когда было?

- Во второй половине восьмидесятых. И самом начале девяностых. Давно, в общем. И вот, с этих зомби нужно было снять данные по энергетической активности. Мы, разумеется, уперлись - что еще за живые трупы, откуда взялись? А нам вежливенько указали на место - работайте, товарищи. Мы и работали... Ты же понимаешь!... - встрепенулся Доктор.

- Я понимаю, - сделал успокаивающий жест Мастер. - Не чувствую, но понимаю.

- Я же разрабатывал систему форсирования, - продолжал оправдываться Доктор. - Мы мечтали превратить всех людей в сенсов...

- Расслабься, - попросил Мастер. - Ты сделал большое дело. Если бы не ты, нас всех давно бы съели. На тебя вся Школа молится. Давай!

- В общем, пришел однажды файл, который меня ошеломил. Это был первый случай, когда в графе "рабочее имя" это самое имя стояло. И номер файла был очень короткий, без всяких дробей. Как сейчас помню - ноль двадцать восемь, - Доктор прищурился на Мастера и предугадал его вопрос. - У тебя не менее интересный номер. Сто пять.

Мастер глядел в стол, на его сигарете вырос длинный столбик пепла. Карма, не поворачивая головы, вращала карими глазами - с Доктора на Мастера и наоборот.

Сегодня Доктор ей явно не нравился.

- Но главное, - продолжил Доктор, выдержав небольшую паузу в ожидании реакции Мастера и ничего особенного не разглядев, - это было совершенно невообразимое рабочее имя. Настолько странное, что я еще подумал - что они там, у себя, в индейцев, что ли, играют? Очень романтическое имя - Стальное Сердце. И смех, и грех. Вот. А человек взял, да и не приехал. Как я потом узнал, его просто не сумели привезти...

Карма встала, потянулась, отодвинула Доктора вместе со стулом, вышла из кухни и тяжело рухнула в коридоре. Мастер курил, ссутулившись и опустив голову так, что волосы закрыли глаза - от этого Доктору казалось, что он говорит в пустоту.

- Странное имя, - сказал Мастер, не поднимая головы.

- Слишком длинное, да?

- Бессмысленно длинное. Неудобное. Действительно романтическое - до дури, выпренное какое-то. Нескромное даже. Нужна чертовски веская причина для того, чтобы кто-то получил такое имя.

На слове "нескромное" Мастер слегка запнулся, и Доктор подумал - уж ты-то, пижон, от такого имени не отказался бы. Ты сейчас мучительно соображаешь, чем же этот "ноль двадцать восьмой" круче тебя, если вы оба вроде как одной крови...

- Ты ведь знаешь, - сказал Мастер, отбрасывая волосы со лба, - как называются в Школе мобильные группы. "Группа Раз", "группа Два", "группа Три" и "группа Фо".

В смысле - four, четыре. Коротко и четко. Почему радиотелефонисты говорят не "пятьдесят", а "полсотни"?

- Когда помехи в эфире, не спутаешь с "шестьдесят", - блеснул эрудицией Доктор.

- Точно. Все должно быть утилитарно. Действительно странное имя, вот почему я так задумался. Прости, я внимательно слушаю.

- Я тоже в свое время обалдел от этой клички, - признался Доктор. - Просмотрел файл очень внимательно. И вдруг увидел, что одна страница изъята. Представляешь?

И это страница, где фиксируются общие данные по взаимодействию со сложными системами. То есть насколько человек поддается контролю и сам способен влиять на других. А это хитрая страничка, друг мой. Там отмечаются голые факты. Она может быть заполнена только по оперативным донесениям... Страницы в файле довольно тонкие. А страницу общих данных заполняли, видимо, с нажимом. И кое-что отпечаталось на следующей. Так я узнал несколько интереснейших вещей. Во-первых, что страница была плотно исписана вся! Представляешь?

- Нет, - честно признался Мастер. - Стараюсь...

- Во-вторых, мне удалось разобрать запись, которая должна заинтересовать тебя.

Там в графе "уровень обмена" было написано то же, что и у тебя, - "Ментальный блок".

Мастер выпрямился и потянулся за новой сигаретой.

- Точно, точно... - пробормотал он. - Обещал меня ошарашить? Вот ты меня и ошарашил.

- Только не походи по ложному следу, - предупредил Доктор. - И не расстраивайся, но тебе до этого человека оч-чень далеко. Так вот, кроме того, в графе "Особые отметки" я увидел странный знак. Там стояла большая и четкая буква "П". И вопросительный знак. И не будь я сенс, если всю книжку не прошивало насквозь едва-едва заметное, но так и не стершееся пятно. Тот, кто ставил этот знак, сделал это в страхе, да еще в каком! С полными штанами. И вообще, как я сейчас понимаю по некоторым признакам, этот файл часто брали в руки испуганные люди.

Этого файла боялись, и очень. Разумеется, я начал потихоньку копать, что же это за "пэ-вопрос". Представь себе, чтобы найти ответ, понадобились годы!

- Подумаешь! - усмехнулся Мастер. - Тут полжизни сообразить не можешь, что с тобой происходит...

- Пока большевиков не поперли и система не рассыпалась, прояснять эту историю со Стальным Сердцем было попросту опасно, - продолжал Доктор. -

Но я о ней помнил.

А потом оказалось, что ее знают многие, - это я, сидя на Базе, ничего не видел и не слышал. Да со мной и знаться не хотели! Продался гадам. Так ведь я им не за похлебку продан! И не за шкуру свою...

- Ну, потом-то тебе поверили, - сказал Мастер.

- Да, - грустно сказал Доктор. - Но только потом. А, ладно! Это я так, жалуясь.

И вообще, я об этом не думаю. Я совершил открытие, верно? Меня все зауважали.

Да? Ну, вот и хорошо. Главное - я совершил локальное открытие. Никаких революций. Никакого всеобщего счастья! Я просто усовершенствовал то, что уже было. Нам разум дал стальные руки - крылья! - Доктор заглянул в рюмку. - Вот та сука, которая выдумала психотронную пушку, - вот она действительно совершила революцию. Я убил бы ее, если бы знал, где найти.

- Так психотронные пушки все-таки существуют? - спросил Мастер. Глаза его сузились. Доктор тяжело вздохнул.

- Ты из нее стреляешь иногда, - выдохнул он, отворачиваясь и сжимая кулаки.

Некоторое время Мастер сидел молча, разглядывая Доктора в упор. Потом взял рюмку, налил себе на самое донышко, выпил, закурил и сказал:

- А вот теперь, дорогой мой Доктор, кончаем врать и начинаем говорить только правду. Файлы... Как я понимаю, это были личные дела подопытных из знаменитой "Программы Детей". Так? А Стальное Сердце... Его настоящее имя случаем не Тимофей?

- Откуда ты... - пробормотал Доктор обескуражено.

- Оттуда, - невесело улыбнулся Мастер. - Судя по всему, именно оттуда. Но если я выжил, значит... Хм-м, как все интересно... Слушай, Док. Налей-ка ты себе полную. Заслужил.

***

- Когда полосу сдаешь? - осведомился Гаршин, копаясь в ящиках стола.

- Завтра, - лениво сказала Таня, откидываясь в кресле и выпуская дым в потолок.

- По графику.

Гаршин захлопнул средний ящик, потянул нижний, потом дернул, тихо выругался и рванул изо всех сил. Стол затрясся, и Тане на колени спланировало несколько машинописных листов, обезображенных до полной неразборчивости гаршинской синей ручкой.

- Где-то здесь было... - бормотал Гаршин, что-то со скрипом раздирая. Появилось и уперлось в столешницу обтянутое застиранной джинсой колено. Стол нервно приплясывал, но не уступал.

- Э! - воскликнула Таня, выпрямляясь в кресле. - Начальник! Это что за материал?

- Какой? - спросил из-под стола Гаршин, продолжая рвать на себя.

- Вот этот!

- Не вижу, - сообщил Гаршин голосом честным, но излишне напряженным. Стол издал придушенный звук и наконец замер.

- Это невозможно, - горько сказала Таня, бросая листки обратно в кучу бумаги на столе. - Ты просто не понимаешь... не понимаешь, с каким трудом Кузя это добывал. Он втирался к ним в доверие почти год.

- Ерунда, - отрезал Гаршин, появляясь вновь в кресле редактора отдела. В кулаке он сжимал вырванную из зубов стола добычу-громадный толстый конверт. - Если входить в тему год, ничего путного уже не напишешь. Что Кузьмин и доказал этим материалом. Он стал принимать тему слишком близко к сердцу. А это уже не журналистика. Это литература.

- Если бы ты там был... - начала Таня, но Гаршин показал ей рукой - замолкни.

Когда Гаршин переходил на жесты, это означало, что разговаривать на данную тему он просто не будет. Таня вздохнула.

- Не сутулься, - приказал Гаршин. - Это я могу сутулиться, в мои годы и с моими заботами. И то, как видишь, хожу прямо и крест свой несую безропотно...

- Хочешь еще и мой - до кучи? - поинтересовалась Таня, отворачиваясь, но плечи все-таки расправив. - В том смысле, что Кузю я к тебе пришло, когда он спросит.

Я в литературе мало понимаю. В отличие от вас, мэтр.

- Присылай, - согласился Гаршин, укладывая конверт поверх бумаг и припечатывая его сверху ладонью. - Я ему все объясню. Ты что, действительно не понимаешь, что материал слабый?

- Это для тебя он слабый. Ты такие материалы бракуешь каждый день. Но сначала-то ты их читаешь! И эта тема для тебя, конечно, уже пройденный этап. А подписчики ахнут! Они-то еще не в курсе...

- Сомневаюсь, что они ахнут, - желчно сказал Гаршин. - Скорее охнут. А в конце месяца подписка ухнет. А главный, между прочим, вчера именно этот вопрос поднял.

И тоже ухнул - этим вопросом по моей голове. Было очень больно.

- За что? - удивилась Таня. - Хвалил ведь две последние полосы.

- Вот то-то, что хвалил. А теперь посмотрел наш план и говорит, что перехвалил.

Везде, говорит, одно и то же - страшилки для пугливых дамочек. Хочу, говорит, чтобы меня удивили. А если удивлять не можете, тогда непонятно, зачем вообще газете "аномальная" полоса, задача которой - удивлять и наводить на размышления...

Таня сникла. Она пыталась найти тему, которая могла бы всерьез удивить главного редактора.

- Его-то, чайника, удивить можно, - сказал пренебрежительно Гаршин, глядя на Таню сверху вниз и наблюдая, как у нее идет мыслительный процесс. - Вот ты подумай, как меня удивить. Это и будет тот уровень, на который следовало бы вывести и твою полосу и вообще все, что выдает наш дохлый отдел.

Таня затравленно посмотрела на Гаршина. Чем можно удивить этого прожженного журналисту, тощего и некрасивого циника пятидесяти лет от роду, она точно не знала.

Гаршин рассматривал Таню, в который раз удивляясь, почему она внушает ему такие странные, почти отцовские чувства. Таня была барышня яркая, но на гаршинский вкус слишком крупная. Шатенка, волосы уложены в пышную гриву, вон хвост какой...

Умные зеленые глазищи, вообще очень привлекательное лицо. И фигура что надо, но рост, как у манекенщицы. Таких Гаршин опасался, себе в этом не отдавая отчета. И жена у него была крохотная. А сын пошел в отца - длинный, тощий и нескладный, уже в шестнадцать обгоняющий папу в росте. Гаршин прижимал конверт и думал сразу обо всех - о жене, сыне, Тане...

Сейчас он откроет конверт и выпустит из него свору разъяренных псов.

Кем-то нужно пожертвовать. Конечно, Гаршин Татьяну любит, он фактически научил ее писать, он привык к ней и именно ей передал бы свое кресло в случае возможного повышения. Конверт жег руку, и Гаршин ее убрал. Кого-то нужно отдать Пусть это будет она, а не он. У него семья. Еще у него язва. От этой проклятой работы, от этой бестолковой жизни. А у нее? Да ничего серьезного. Какой-нибудь богатенький мальчик, который гордится тем, какая у него красивая игрушка. Ну, родители... При мысли о родителях Гаршин поежился. "Стоп! С какой стати я решил, что это так опасно? Она бывала уже в опасных местах, и все обходилось. А здесь материал фактически заказной. Все! Они хотели женщину - они ее получат. А что они с ней будут делать, это от нее зависит. Не маленькая". Он вдохнул побольше воздуха и представил себе, как разбегается и запросто прошибает лбом воображаемую стену.

Таня, оправившись от причиненного ей Гаршиным расстройства, ждала указаний.

Отразившееся в глазах начальства смятение чувств она правильно увязала с содержимым конверта и теперь старалась прожечь взглядом плотный картон. В конверте явно бомба. Судя по размеру - фотографии. Давай, начальник, показывай.

Ты-то знаешь, как удивлять. Ты еще при большевиках снежного человека ловил - и тебе ведь разрешали... А раз не поймал - значит, и не было его. Такая вот сложная социальная функция у "аномального" репортера - зацепиться за бредовую идею и доказать народу одно из двух: да или нет. А то, что в обоих случаях тебе не верят... Издержка профессии.

- Так! - выдохнул Гаршин. - Нам поставлена задача удивлять и наводить на размышления. Я предлагаю эту установку выполнить, а лучше всего - перевыполнить.

На сто процентов. Даже приказываю! - Тут Гаршин внезапно сбавил набранные было обороты и кисло заключил:

- Будем пугать. И наводить ужас...

- Не впервой, - утешила Таня. - Погоди, начальник, а почему это тет-а-тет?

- Потому что касается только нас с тобой. Считаю это признанием твоего профессионализма. Здесь нужно будет сработать четко, оперативно и с холодной головой. Беллетристы вроде господина Кузьмина не справятся. И более того - пока не сдашь материал и не получишь мое "добро", никому ни слова. Ясно?

- Нет, - сказала Таня. Порядком обескуражено сказала.

- Поясняю. Срок - неделя, объем - сколько можешь. Возможно - полоса.

А тема - вот...

Гаршин открыл конверт и передал Тане несколько фотографий. Таня машинально пересчитала их - пять. Картинка была неясная, вся в мелкой "крупке", снимали ночью, на плохо освещенной улице, возможно - с большого удаления, "телевиком". И была эта картинка на всех листах одна и та же, только в развитии, в движении, ее "отстреляли" профессиональной камерой с автоматической протяжкой ленты. Между кадрами было, наверное, по полсекунды - значит, всего на фотографиях поместилось не больше трех секунд действия. И действие это поглотило Таню с головой.

С одной стороны, на первой фотографии не было ничего сверхъестественного. Корма большой машины, явно джипа. Трое мужчин в зимней одежде, похожей на армейскую, - пухлые куртки с широкими

воротниками из искусственного меха. И глядящая прямо в объектив здоровенная лохматая псина.

В то же время снимок кишел загадками. Там, где у нормального джипа имеется заднее колесо, у этого было два!

Куртки мужчин, похожие на зимние танковые комбинезоны, обтягивала сложной конструкции португепя, вся увешанная плохо различимыми приспособлениями. В то же время головные уборы у всех были разные: у одного что-то вроде шлемофона, у другого - просто ушанка, у третьего - вязаная шапочка с легкомысленным помпоном.

Тот, что в шлемофоне, держал в руке длинный плоский футляр - почти как от электрогитары. И собака... На первый взгляд ничего особенного. Таня легко поняла, что это за зверь. Но ростом этот зверь был побольше метра!

Следующая картинка. Собаки нет - только в нижнем обресе торчит пышный, загнутый кверху хвост. Видимо, собака движется к оператору. Что ж, соболезную. Мужчины стоят на месте. Тот, что в шапке, указывает рукой в объектив. Все-таки отчаянные ребята фотограферы. Я бы са-амым краешком глаза посмотрела на такую компанию - и ножками, ножками...

Еще снимок. Почти без изменений. Хвоста уже не видно, мужчина в шлемофоне, кажется, раскрывает свой футляр.

Еще два снимка. Две фазы одного движения. Двое быстро смещаются вперед, а третий разворачивается к объективу, сжимая в руках диковинную штуку. Даже по тому, как он ее держит, ясно, что это оружие. Длинный прямоугольный ствол, какие-то рукоятки, вот выступ наподобие магазина, кажется, есть приклад. Таня сменила фотографию, и ей открылся первый снимок - оказывается, она уже пролистала всю пачку.

- Ну, как? - спросил Гаршин, пристально наблюдавший за Таниной реакцией.

Таня постаралась вести себя профессионально.

- Жалко, нет следующего кадра, - сказала она.

- Там белое пятно. Затвор открылся как раз в тот момент, когда эта штука, - Гаршин ткнул пальцем в оружие на снимке, - выпалила прямо в объектив.

- Кому это так повезло?

- Одному свободному художнику. Ты его не знаешь, он у нас почти не публиковался.

Специалист по аномальным съемкам. Давно охотился за этой милой компанией. И вот - отснял...

- Да-а, - протянула Таня глубокомысленно. - Это тебе не летающие тарелки.

- Точно, - подтвердил Гаршин. - Это симпатичные добрые ребята. И прелестная собачка.

- Собачка - кавказская овчарка. Только очень уж большая. Даже слишком. Весит, наверное, килограмм под сто.

- Откуда ты знаешь? - удивился Гаршин. - Кавказская?

- Всегда мечтала о собаке, - объяснила Таня, - да вот как-то не получилось.

Лучше всего разбираются в собаках те, у кого их нет. А кавказы - вообще моя слабость.

- И этот пес, ты считаешь, чересчур велик?

- Трудно сказать. Большой. Но они бывают даже выше метра в холке. А так - сантиметров восемьдесят... девяносто. Меньше дога, например. Но

рост здесь не главное. Это очень серьезные песики, начальник. Пай-мальчики таких не заводят.

- Ну, что ж, - сказал Гаршин. - С этой стороны ты подготовлена. Это хорошо. Я, например, собак побаиваюсь. А серьезных - особенно. Что еще заметила?

- Ничего. - Таня снова перелистала снимки. Ей стало вдруг не по себе. "Да, будит воображение, ничего не скажешь. Собаки, которые сразу бросаются, и люди, которые без раздумий стреляют. И из чего, хотелось бы знать? И главное - зачем?" - В последнее время, - начал Гаршин издали, - в нашем милом городке появилась одна интересная достопримечательность. Тебе машина эта не знакома?

- Какой-то джип... но я никогда таких не видела. У него ведь шесть колес, да? - спросила Таня, и Гаршин понял: она уверена, что я сейчас разгадаю ей все загадки. Он до боли сжал челюсти. "Хотел бы я сам понимать, в чем тут дело".

- Я не знаю, куда ты смотришь на улице в ночное время...

- Я не хожу по улицам ночью, - сказала Таня. - Не имею такой опасной привычки.

- Прости, - смутился Гаршин. - В мое время молодежь была несколько беднее... и романтичнее. Оттого, наверное, что беднее. Да и ночью в городе было, конечно, не так, как сейчас. А ты заметила, что по всем сводкам, даже неофициальным, в последние три года уличная преступность снизилась? И в городе стало гораздо меньше нищих...

- Я заметила, что там страшно. - При этих словах Таню слегка передернуло. - Я просто физически ощущаю, что с наступлением темноты улицы затоплены страхом. А уж о подворотнях и говорить нечего. И раньше так страшно не было. Это, наверное, в нас самих. Мы так напугались за прошлые годы, что стали трусливы.

- Ладно, - сказал Гаршин. - Отвлекись. Так вот, милая моя опасливая сотрудница, доведу до вашего сведения. Машина эта действительно о шести колесах, и действительно это джип, и называется он "Рэйндж Ровер". Точнее, это редкая модификация старого "Рэйндж Ровера", у которого в оригинале колес нормальное число. Особенность этого автомобиля применительно к Москве - в том, что днем ты его на улице не увидишь.

Таня пожала плечами. Мало ли чего днем на улице нет.

- На это обратили внимание ночные извозчики, - продолжал Гаршин, - и от них информация прошла в нашу группу происшествий. А оттуда уже ко мне. Итак, факт номер раз: по ночам на улицах города появляются черные - все черные! - шестиколесные джипы, которые ездят быстро, даже нагло, и их никогда не останавливает милиция. Для себя еще отметим, что "Рэйндж" - машина дорогая, а уж такой и давно. Их на заказ для арабских шейхов делали. Факт номер два: люди-то в машинах ездят, судя по снимкам... но вот только снимки отщелканы в момент, когда этих людей увидели впервые. Потому что стекла у машин то ли очень тонированные, то ли односторонней прозрачности, что тоже, согласись, любопытно.

И факт номер три: у меня записаны номера этих самых машин. И задался я целью выяснить, а чьи же они такие. Номеров у меня четыре разных - значит, и машин этих минимум четыре. Хотя их больше, наверное. Ты знаешь, какой у меня отличный источник в ментовке. На этот раз он меня долго муржил, а потом сказал, что номеров таких в природе не существует.

- Что же это за номера такие? - тихо спросила Таня.

- А нормальные московские номера. На машинах они вроде бы есть. А мой источник откопать их не смог. Пропущены они в милицейском компьютере, понимаешь?

- Круто, - сказала Таня. - Как я понимаю, это ты меня пугаешь. Допустим, я испугалась. А ужас наводит?

- Сооружу-ка я вам кофейку. - Гаршин потянулся к стенному шкафу. - А ужас будет, будет... Я тебе сказал, что это задание - признание твоего мастерства в нашем деле?

- Да, да, - кивнула Таня. - Давай, я чашки сполосну.

- Чистые вроде, - сказал Гаршин, выставляя на стол банку растворимого кофе, коробку с сахаром и чашки. Потом он нагнулся, и под столом зашипел не успевший остыть электрический чайник. После одного знаменательного пожара электронагревательные приборы были в редакции под строжайшим запретом. На случай внезапного обыска для чайника оборудовали специальную нишу в деревянном фальшборте, заслоняющем батарею отопления. Как в шпионских романах - с потайной дверцей, открывавшейся нажатием в строго определенном месте.

- Так вот, - продолжил Гаршин, добывая из стаканчика с карандашами и ручками чайную ложечку. - Тебе пора расти. Бегать за привидениями и восхищаться экстрасенсами - это для тебя уже детский уровень. Нужно брать покруче. В конце концов, слабакам и шизофреникам в аномальной журналистике не место. Место в ней умным, эрудированным, уравновешенным и самую малость стебанутым. Как раз таким, как мы с тобой. Но здесь, чуёт мое сердце, понадобится женская рука. Объяснить почему?

- А то! - сказала Таня. - Туман же сплошной.

- Понимаешь, - Гаршин честно глядел Тане в глаза, - дело крайне непростое.

Загадочные силы в нем замешаны. И силы эти странные попали в такую ситуацию, когда дальше отмалчиваться и прятаться им вредно. Того и гляди, мы напишем о них черт знает что. Куда удобнее взять нашего человека и рассказать ему ровно столько, сколько им выгодно. Плюс навернуть полкило лапши на каждое ухо. А грамотно организованные пи-ар1 - это в первую очередь грамотно подобранные уши для развешивания лапши. Смекаешь?

- Не маленькая! - почти всерьез надулась Таня.

- Очень хорошо, - кивнул Гаршин, бросая в чашки сахар. - Тогда должна понять, что, если пойду я, они будут напряжены. Потом, меня кое-кто еще помнит по старым временам... А если явится девочка симпатичная, ресницами похлопает - вот, как у тебя это замечательно получается, - они и расслабятся. И лапши тебе, конечно, повесят на уши не по полкило, а по целому пуду. Но ты наверняка уловишь женской своей интуицией то, чего не замечу я. И уясни позицию: у газеты на них вроде как компромат, но они сами первые на нас вышли и сами заявили, что хотят все объяснить.... Понимаешь этику ситуации?

- Кто "они"? - спросила Таня. - Ты забыл сказать, кто они.

- Да? - удивился Гаршин. - Ну, а как ты себе это представляешь? Что я тебе скажу? Я что - знаю, что ли, кто они такие? Да я понятия не имею. Но судя по тому, что за человек мне позвонил... В общем, ты только напиши. А мировую известность я твоему материалу гарантирую. До тебя доходит или нет, что нам на крючок попала настоящая спецслужба?

- Вскипело, начальник, - сказала Таня. И Гаршину ее тон показался не особенно дружелюбным.

***

Тактический класс так и остался классом, только доску поменяли на дорогой многофункциональный экран. И сидели охотники за обыкновенными партами. В таких вещах Школу заставляли экономить. Она и так поела слишком много денег.

Но проще один раз потратиться на Школу, чем позволить тварям беспрепятственно выходить в город.

Мастер сидел на столе, уперев ноги в батарею, и смотрел в окно. "Вторая" сыпалась по лестнице вниз, но даже сквозь ее страшный топот слышно было, что Бецман с Крюгером опять спорят. Пять минут назад они чуть не подрались, - только грозный окрик Хунты удержал охотников от мордобоя.

- Ну? - спросил Мастер Зигмунда.

- А чего ты от меня, собственно, хочешь?! - разозлился вдруг Зигмунд.

- Что я тебе скажу такого, чего ты сам не знаешь?

- погоди, - Мастер зажмурился. - На полтона ниже, пожалуйста. И спокойненько мне ответь - что с людьми?

- А сам ты не знаешь? Охренели люди. Просто охренели, вот и все.

- Интересные термины использует психиатрия.

- Я не психиатр, - надулся Зигмунд. - Я психолог.

- А мне плевать, - с неожиданной злобой сказал Мастер. - Ты все равно больше не профессионал. У вас уже через три года простоя - дисквалификация. Но ты мог бы помочь. А ты не хочешь.

- Дубина... - вздохнул Зигмунд. - Чем я помогу, если ты не в состоянии грамотно поставить мне задачу? Ты меня даже обидеть грамотно - и то не можешь...

Недоучка. Двоечник несчастный.

Мастер звонко клацнул зубами и отвернулся.

- Я не двоечник, - гордо объявил он, глядя в пол. - Я прогульщик. И у меня нет способностей к иностранным языкам и физкультуре.

- Угу, - кивнул Зигмунд. - Слышал я про такое редкое нервное заболевание. Ладно, не переживай. У тебя зато отличные способности задавать непонятные вопросы.

- Люди стали истеричны, - сказал Мастер. - Как колли. Легко срываются, любая эмоция доходит до предела. Если смеются - обязательно до икоты. А уж если кто разозлится... И все такие, понимаешь, все! Это уже смахивает на массовый психоз.

Зигмунд сидел, опустив глаза, и рассеянно дергал вверх-вниз клапан кармана, скрежеща "липучкой". Видно было, что он с Мастером в целом согласен, но не готов делать выводы на основании голой интуиции. Зигмунду очень хотелось запустить серию экспериментов и разложить по полочкам результаты. Он любил все раскладывать по полочкам, вешать ярлыки и бирки. Именно поэтому аналитиком во "Второй" числился не педант Зигмунд, а раздолбай Крюгер. С ним случались время от времени припадки вдохновения. С Зигмундом - никогда.

- Мы все устали, Мастер. И ты в том числе.

- Спасибо большое, что объяснил... Я хочу знать, на сколько нас еще хватит. И если в Школе произойдет взрыв - в какую сторону он будет направлен и какие примет формы. Осознал?

- А почему бы тебе не спросить Доктора? Он же главный по этой части.

- А почему бы мне не спросить тебя? Зигмунд вздохнул.

- Ты же знаешь, что я дисквалифицирован. И я не сенс, я почти ничего не смыслю в биоэнергетике. Вообще, тебе не приходило в голову, что общение с тварями могло нас всех сильно изменить? Психику-то это затронет в последнюю очередь. Сначала должна начаться патология в самом организме...

- Я думал об этом, - кивнул Мастер. - Но как раз Доктор считает, что нам тут ничего не грозит. Он никак свое мнение не обосновал, но был весьма категоричен.

Так прямо и сказал: "Мертвых не бойтесь, бойтесь живых".

- А если он врет? Если мы все - подопытные крысы?

- Нет, - улыбнулся Мастер, - мы не крысы. Мы охотники. Нас глупо использовать как расходный материал. Мы для этого слишком дорого стоим-Тем более что нас готовить по полтора года приходится.

- Положим, это не нас, а собак...

- Мне одно только нравится, - перебил его Мастер. - Пусть даже мы от тварей чего-нибудь подцепим, у нас на этот случай есть отличный градусник. Он же клизма.

Зигмунд кивнул. "Разумеется, как же я не подумал. Допустим, пребывание в "активной зоне" действительно нас изменяет. Но главное - что мы не становимся на тварей похожи. Если в энергетике охотника появятся характерные для твари черты, первыми отреагируют собаки. А у них на тварей реакция однозначная..."

1 Пи-ар (англ.) - паблик рилейшнс (public relations): комплекс мер по организации общественного мнения.

- Давай пока эту тему оставим, - попросил Мастер. - Так что же люди?

- Месяца два протянем как-нибудь. А дальше - прямо не знаю. И учти, я могу отвечать только за "Вторую". Мы сейчас с другими группами почти не общаемся, времени нет.

- В других не лучше. Разве что "Трешка" - но она всегда была такая разболтанная... Все равно что вы теперь.

- Я давно у тебя хотел спросить, - начал Зигмунд нерешительно. - А почему ты, собственно, с нами сейчас ходишь? У тебя ведь куча дел помимо охоты.

Надорвешься, старик. Дай нам трех-четыре стажеров...

- Главное, что от меня и толку немного, - подхватил Мастер, через слово посмеиваясь. - Мне Хунта не дает особо высовываться. Понимаешь, Зиг, ты же видишь, как я запутался... Если я не буду все время рядом с вами, я просто копыта отброшу. Я, наверное, из вас энергию подсасываю. И Карме, не так одиноко.

Она общительная...

- Ты тоже общительный. И я не понимаю, почему ты сейчас ни с кем не хочешь поделиться. Объяснить хотя бы на пальцах, что задумал. Ты же не только себе плохо делаешь. Из-за тебя уже пол-Школы на ушах стоит.

- А что, заметно? - встрепнулся Мастер.

- Наши - заметили, - усмехнулся Зигмунд. Уйдя в начальники, Мастер самый плотный контакт сохранил именно с "группой Два", в которой был рядовым охотником, а позже - старшим. Здесь его лучше всего понимали, сюда он приходил за помощью, советом, поддержкой, да и просто отвести душу. "Вторая" не блистала таким созвездием талантов, как "Трешка". Не было в ней и таких яростных бойцов, как у Бати, в "группе Раз", с ее неповторимым атакующим стилем расчистки. Даже "Четверка", она же "Фо",

фактически учебная, на три четверти из стажеров, внешне была поярче, чем группа Хунты. Но именно со "Второй" в Школе начиналось все - новая тактика, боевые приемы, экипировка. Группа Хунты ходила на самые трудные объекты. Как по волшебству, с новыми мерзостями тварей "Вторая" тоже сталкивалась раньше всех. И разумеется, именно из "Двойки" распространялись по Школе охотничьи рассказы, заковыристый жаргон, странноватый этикет и своеобразная манера держаться "за забором".

- Не могу я ни с кем поделиться, - сказал Мастер так грустно, что Зигмунд аж вздрогнул. - Все начнут обсуждать, строить версии... Меня же самого с толку собьют окончательно. И вообще, мне сейчас лишние мозги не нужны. Нужны только исполнители. А они есть, хотя сами не ведают, что творят. Так что терпите, мужики. Скоро все откроется.

- Смотри, не надорвись, - повторил Зигмунд.

- Ничего. Свое дело до конца доведу, а дальше - неважно. Школу примет Хунта, а я... отдохну.

Зигмунд посмотрел на Мастера очень внимательно. В последние дни тот выглядел совсем никуда. Огромные глаза уже не блестели, под ними красовались объемистые синяки. А главное - исчезла всегда отличавшая Мастера легкость - легкость общения и преодоления трудностей. Для Мастера никогда не было чересчур сложных проблем. Он никогда и ни за что не падал духом. Случались минуты задумчивости, когда он упирался в мироздание невидящим взором, и лучше было его в это время не трогать. Но все равно, возвращаясь к действительности, в первую очередь он улыбался тем, кто был рядом. Улыбался немного смущенно - будто побывал там, куда никому больше дороги нет. И это скорее всего так и было.

Но главное - он улыбался. И всегда был готов подумать за тебя, за тебя решить, то есть взять на себя ответственность. Не властно перехватить руль, а просто найти для всех лучший путь и разумный выход, справедливый и достойный. Поэтому авторитет Мастера в Школе был поистине безграничен. А любовь охотников к нему - просто бездонна. Более того, его слушались чужие собаки! Вероятно, на их взгляд, он был в стае доминирующий самец. У такого положения вещей был только один минус. Если Мастер в момент ставил на место кого угодно, то Карму образумить не мог в Школе никто. Она тоже была доминантом - среди псов. К сожалению, взрослая кавказка искренне считает членов семьи, в которой выросла, просто собаками той же породы, и не более того. Так что Карма порывалась время от времени навести порядок и среди охотников. О медиках да сенсах и говорить нечего, эту мелюзгу Карма, как правило, вообще не замечала.

Зигмунд смотрел на Мастера и мучительно соображал, как поставить следующий вопрос. Фраза "Школу примет Хунта" была явно неспроста. Саймон, конечно, еще молод, но всем известно, что его кандидатура одобрена Базой и всячески поддерживается Штабом. Вплоть до того, что инцидент со стрельбой по фотографу на мнение Штаба никак не повлиял. И тем не менее Саймон больше не ходил на расчистку. Мастер якобы натаскивает его на принятие оперативных решений. Ну-ну.

Врите дальше. Но сейчас объясните мне, что я должен передать Хунте.

- Ты когда Саймона в группу вернешь? - спросил Зигмунд небрежно.

- Никогда, - и Мастер улыбнулся чудесной своей широкой улыбкой. Только глаза у него при этом стали такие злые, что Зигмунд вскочил, пробормотал: "Ну, я побежал, ладно? Нехорошо, там ребята ждут..." - и пулей вылетел из класса.

***

Когда Гаршин окончил свой рассказ, за окном стемнело, а в комнате было душно от табачного дыма. Таня сидела в кресле с ногами и грызла ногти. На Гаршина она не смотрела.

Гаршин открыл форточку и отпер дверь. Потом вставил в розетку телефонный шнур и в десятый раз включил чайник. Таня молчала.

В общем и целом, гаршинский рассказ был логичен. Необычен - да, но не более того. "Аномальному" журналисту приходится иметь дело с необычным каждый день.

Главное - уметь понять, где кончается шизофрения и начинается действительно Чужое, Неведомое. Шизофрении в поведенной Гаршиным истории не было ни на грош.

Да, она изобиловала провалами и неясностями. Сначала, пока Гаршина отвлекали звонки и визитеры, Таня пыталась что-то домыслить сама в эти паузы, но у нее мало что получалось. Потом Гаршин отключил телефон и запер дверь. Вот что он рассказал, путаясь, сбиваясь и откровенно нервничая.

Фотографер, которого Гаршин рассекречивать отказался и предложил "для ясности" называть Ивановым, позвонил в три часа ночи. Гаршин, конечно, звонку несказанно обрадовался, о чем тут же и заявил. Но Иванов в категорической форме попросил его заткнуться и слушать. Уже через минуту Гаршин, у которого сна не осталось ни в одном глазу, прилепил к трубке микрофон-присоску и нажал кнопку диктофона. На телефоне стоял многоцелевой ответчик, но он звонко щелкал при включении, а Гаршин боялся, что Иванов ударится в панику.

О черных "Рэйджах" с двумя лишними колесами Иванов прослышал уже давно.

Поначалу интерес его был чисто обывательский - он видел фотографию такой машины в допотопном номере журнала "Англия" и воспыпал желанием оценить диковинный аппарат наяву. Он даже навел справки, но единственный удлиненный "Рэйдж", который удалось найти в столице, оказался то ли десятой, то ли пятнадцатой тачкой в "конюшне" Гарика А. Акопяна, владельца заводов, газет, пароходов. Ее знали все московские джиперы, и была она вся такая белая. Иванов машину осмотрел, восхитился и задумался: а что с нее толку? Три ведущих моста и огромный багажник. Легендарный старый хлам. Пресловутые арабские шейхи перестали заказывать трехмостовые "Рэйджи", когда появился джип "Ламборгини"... В общем, не так уж интересно, как могло показаться. И вообще, на тот момент Иванова куда больше занимали таинственные исчезновения диггеров. Большую часть рабочего времени он проводил в канализационных трубах в поисках легендарной Большой Московской Черной Крысы. И когда однажды Иванов и его напарник, возвращаясь ночью на пропахшей дерьмом машине с очередного подземного вояжа, вдруг увидели перед собой огромную черную корму, они сначала просто опешили. А потом рискнули начать преследование. Тем более что Крысу снять не удалось, а фотографии грязных диггеров, ползущих по теплотрассе, спроса не находили.

"Рэйдж" шел по улицам мощно, уверенно, все его сторонились, и чуть погоня затянься, оторвался бы. Но вдруг черный монстр сбавил ход и сдал вправо с явным намерением причалить к обочине. Слева как раз открылся соблазнительный переулочек, и напарник Иванова мгновенно туда свернул. Дело было на окраине, за полночь, улицы пустыньны и едва освещены.

Репортерская "Лада" встала между сугробов, не глуша, по доброй привычке, мотора, и Иванов, схватив камеру, побежал на угол - снимать.

Там его ждало горькое разочарование. "Рэйндж" за это время укатил вперед метров на семьдесят. Иванов готов был выть от обиды - двигаться по улице перебежками на глазах таинственного экипажа странного автомобиля ему не улыбалось. Тут двери "Рэйнджа" раскрылись, на улицу ступили люди, и вид их был настолько удивителен, что Иванов пулей метнулся назад, к своей машине. Рванул из кофра здоровенный "Никон" с телеобъективом и в три прыжка оказался вновь на углу.

Дальше он ничего толком объяснить не мог и фактически пересказывал со слов напарника. Гаршин этого человека не знал, но с Ивановым обычно работали тертые калачи, выполнявшие функции водителя-телохранителя. Отличный фотохудожник, Иванов был далеко не беден и мог себе такое позволить. Две-три недели в месяц он занимался постановочными съемками, после работы "лечил застарелый стресс", и ему просто необходим был кто-кто, чтобы отвезти домой расслабленное тело и центнер аппаратуры. Оставшееся время мэтр утолял детскую страсть к аномальным съемкам, где тоже без водки не обходилось, да и по шее можно было получить. Короче, не соскучишься. В итоге каждый новый ивановский напарник постепенно разлагался, привыкал к его странной тематике и даже начинал сносно фотографировать. Потом у него появлялась манера в кругу семьи разглагольствовать о полтергейстах и Большой Крысе, и через некоторое время он в глубоком смущении просил расчета.

Последний напарник (допустим, Саня его зовут) был уже явно в той кондиции, когда переживания начальника воспринимаются как личные. Окинув взглядом переулочек, Саня решил, что машина стоит отлично, вышел и бесшумно подкрался к Иванову, чуть забирая вправо, чтобы иметь свой угол обзора. Он услышал, как начала хлопнуть шторка ивановской камеры, прибавил шагу... и тут, по его словам, Иванов вспыхнул. Как будто на него с улицы навели мощный прожектор с очень узким лучом странного голубоватого оттенка. При этом волосы у Иванова буквально встали дыбом. Саня испытал нечто - "ну, как кулаком в переносицу". Из глаз у него брызнули слезы, но тут пламя исчезло и оказалось, что Иванов валится навзничь, отлетая в сугроб, до которого от точки съемки было верных метра три. Тут Саня включился в игру. Он прыгнул вперед, схватил бесчувственное тело и зашвырнул его на заднее сиденье. Камеру спасти не пришлось - Иванов, хоть и явно в обмороке, держал ее мертвой хваткой. Саня прыгнул за руль и дал по газам. Вырулив из сугроба, он глянул в зеркало и чуть не бросил управление. Там, в зеркале, отражалось такое, перед чем померк даже ужасающий образ Большой Московской Черной Крысы.

Машину уверенно догоняло чудовище. В тот момент Сане показалось, что это медведь, только почему-то серый. Чудовище несло галопом, разевая страшную клыкастую пасть. Оно было лохматое, с непомерно широкими плечами, но самое мучительное впечатление производили его глаза. Саня готов был поклясться, что глаза эти горели ярко-зеленым огнем, и зрачков в них не было. Просто круглые зеленые фонари. Они гипнотизировали, от их взгляда становились ватными мышцы, и Саня, мужик бывалый, ходивший и под пулю, и под нож, почувствовал вдруг, что у него отваливается челюсть, а нога сползает с педали газа. Тут чудовище сместилось влево, заходя со стороны водителя, и бесконечно длинная секунда, в течение которой Саня был слегка не в себе, кончилась. Человек утопил педаль до пола и двинул рулем вправо.

Раздался удар, левое переднее окно рассыпалось в мелкое крошево, и у Сани над ухом лязгнули немислимых размеров зубищи. Но машина уже набрала скорость - вдогонку ей донесся оглушительный, совершенно медвежий рев. Саня уходил от жуткого угла переулками, выжимая из машины все, что можно, и принципиально не глядя назад. Только выскочив на хорошо освещенный и не очень страшный проспект, он позволил себе бросить взгляд в зеркало. Никого там, конечно, не было. Тогда он стер со щеки теплую липкую слюну чудовища и попытался вытряхнуть из-за воротника осколки стекла. Потом вспомнил про Иванова и остановился.

Иванов уже не был в шоке. Лицо его приобрело нормальный цвет, руки выпустили камеру, дышал он свободно и легко. Саня сунул ему под голову свернутую куртку и принял единственно верное решение - как можно быстрее ехать домой, к Иванову на квартиру. Туда, где лежит большая записная книжка с телефонами журналистов. Если Иванов не очнется, скажем, через час, Саня начнет обзванивать тех, чьи фамилии ему известны, и звать на выручку. То, что везти Иванова в больницу не след, Сане подсказало здоровое чутье отставного спецназовца. Пусть лучше дома полежит - живее будет. У самого Сани переносица уже не болела, но глаза отчаянно резало.

Посреди мостовой красовался настежь открытый канализационный люк. Саня не стал ждать, пока из него покажется Большая Московская Черная Крыса, и рванул с места.

Иванов на квартире проснулся. Двигался он с трудом, провал в памяти, характерный для обморока, у него тоже имелся, но небольшой. Во всяком случае, то, что они преследовали черный "Рэиндж", Иванов помнил. Остальное он узнал из весьма эмоционального рассказа Сани, и тут же укловылял в проявочную. Как ни странно, пленка засвечена не была. Она испытала какое-то воздействие - на всех отпечатках получилась "крупка". Но только шестой кадр превратился в белое пятно. Видимо, поразивший Иванова импульс был очень узко направлен. Впрочем, что это был за импульс и был ли он вообще, Иванов не помнил. Тут ему память отшибло начисто. В разговоре с Гаршиным Иванов свое тогдашнее состояние определил как "утюгом по голове". Гаршин, которого утюгом никогда не били, но однажды лупили кирпичом, посоветовал Иванову не отчаиваться. Гаршина состояние Иванова пока не очень интересовало. Его интересовали в первую очередь снимки. Еще он хотел знать, отчего это Иванов, особым патриотизмом никогда не страдавший, не хочет отдавать фотографии в зарубежное агентство. "Не знаю, - сказал Иванов. - Во-первых, очко играет. А во-вторых... опять-таки страшно. Тут просто торчат наружу уши нашего любимого государства, чтоб ему... Здесь все неспроста". И они пришли к соглашению. Заклучали его на эзоповом языке, но поняли друг друга отлично.

Известно, что в любой мало-мальски серьезной газете успешно трудятся на штатных должностях работники спецслужб. Обычно заведуют непрофильными отделами, иногда замещают главного редактора или ответственного секретаря. И уж кому-кому, а Гаршину досконально известно, что "аномальная" журналистика с самого ее возникновения курируется особенно жестко. Если ивановские фотографии пахнут государственной тайной, то продать их иностранцам - значит просто сунуть голову между наковальней и молотом. Самым разумным представлялось для начала передать снимки признанному авторитету по ловле "летающих тарелок" Гаршину и пусть он, авторитет, попробует опубликовать их. Если при прохождении снимков через газету Гаршин обнаружит противодействие, все ясно. Если снимки у него

бесследно исчезнут из запертого кабинета - еще яснее. Ну, а коли их попрут у Гаршина с квартиры, тогда Иванову просто надо радоваться, что живым ноги унес.

"Если же ничего подобного не случится, - рассудили они, - так Иванов потом себе еще наснимает". "Да я форменную охоту устрою на эти тачки!" - горячился слабым голосом Иванов. Разумеется, никакой более или менее правдоподобной версии о том, кто и почему в Иванова стрелял, выработать не удалось. Только слегка осмелевший Саня рискнул взять в руки фотографию и признал в чудовище московскую сторожевую необычно больших размеров и нестандартной расцветки. Облегчению его не было границ. А вот Иванов чувствовал себя все более и более неважно и насторожен был весьма. "Знаешь, что, - сказал он Гаршину, - сделаем так. Сейчас я наклепаю отпечатков и попрошу Саню смотаться до вашей редакции. Оставит их у охраны, в конверте на твое имя. А то что-то мне неспокойно". И положил трубку. Гаршин остался сидеть у телефона и приходить в себя. История действительно была из ряда вон. В душе Гаршин Иванова проклинал. За фотографию "летающей тарелки" еще ни одного репортера не убили. А вот за фото диковинного оружия шлепнуть могли вполне. Это тебе не Крыса. В Крысу Гаршин, впрочем, не верил, хотя диггеры исчезали в московских подземельях большими группами, хорошо организованными и, судя по всему, даже вооруженными. Исчезали в процессе розыска исчезнувших. Черт их знает, куда они там деваются.

- Их ест Крыса, - глубокомысленно сказала Таня. - По словам очевидцев, она ужас какая большая и очень черная. Только вот очевидцы ее толком не видели. Пугались и убегали раньше, чем она приходила. Ты знаешь, что подземные экскурсии закрыты уже полгода? Скоро в Москве не останется диггеров. Все, кто не испугался, ищут пропавших и тоже пропадают. А остальные по домам сидят и в туалет боятся зайти...

- Я думаю, - заметил Гаршин, - что от крысы отбиться можно. Даже от большой и черной. Даже от Московской. Диггеры - не дети. Здоровые лбы, нервы крепкие. Это в мое время они были сплошь ненормальные и друг с другом воевали. Газовые атаки устраивали, минировали проходы. Боролись за зоны влияния. Некоторые не выходили на поверхность месяцами. Знаешь, какие самые жуткие были у них рассказы? Что якобы существовал отряд по уничтожению крыс-мутантов. Ну, а заодно - и диггеров.

Этакие душегубы в серебристых комбинезонах, с каким-то безумным оружием...

Правда, огнестрельным все-таки.

- А он действительно был, такой отряд?

- Кто ж его знает... - скорчил гримасу Гаршин. - На заре перестройки, когда любую туфту выдавали за сенсацию века, сняли ребята из "ВИДа" сюжет про диггеров-экстремальщиков, сталкеров так называемых. Тех, которые уже совсем...

Того. И в сюжете, я точно помню, было интервью с людьми из этого отряда. Якобы.

Поди докажи, что мистификация. К тому же в начале девяностых кучу спецслужб распустили или сократили. Не знаю я, Танюшка, был он или не был. Зато я теперь уверен, что есть другой отряд. Тот, на который напоролся Иванов...

Придя на следующий день на работу, Гаршин взял на вахте пакет с фотографиями, закрылся в кабинете и принялся их изучать. Впечатления от просмотра у него остались нехорошие. Одно дело когда слышишь, а другое -

когда видишь. Гаршин решил позвонить Иванову, чтобы спросить, не переменял ли он, выпавшись, свое мнение о том, что фотографии публиковать стоит. Тем более качества они были неважного. Иванов не отзывался.

Вечером Гаршин расшифровал запись телефонного разговора. Изложенная на бумаге история выглядела захватывающе, но еще более жутко. Ивановский телефон по-прежнему молчал.

Гаршин предпринял осторожную разведку по друзьям и коллегам. Оказалось, что об Иванове никто толком ничего не знает. Поиск осложнялся тем, что у Иванова не было семьи, с нынешней его пассией никто знаком не был, а координат напарника-охранника не ведал и по давню. Все это начало Гаршина злить. Он резко поговорил с людьми из одного информ-агентства и нехорошо высказался в адрес некоторых коллег. В ответ ему дружно отвечали, что с такой высокомерной заразой, как Иванов, лишнее раз общаться - себя не уважать. Никто его не любит, кроме таких же стебанутых.

Фотографии из гаршинского стола не пропадали. В то же время они начали мешать основной работе. Просто стояли перед глазами. Иванов отсутствовал четвертые сутки. Тогда Гаршин решился тряхнуть стариной. Разумеется, было уже поздно, но чем черт не шутит - Гаршин поднял базу данных, вычислил адрес по номеру телефона и отправился к Иванову домой. Квартира на звонки в дверь не реагировала. А вот опрос бабушек у подъезда дал неожиданный результат. Оказывается, под утро той самой беспокойной ночи к дому подъезжала "Скорая помощь", а с ней еще какая-то машина. Непорядок засекала бабушка со второго этажа, страдающая бессонницей. Кого там грузили в "Скорую", она не разглядела, но людей вокруг суетилось человек пять. А утром, рассаживаясь во дворе на скамеечке, бабушки обнаружили, что все они в наличии - значит, увезли кого-то из молодых. Особенно бабушек удивил приезд второй машины. Судя по описанию, это точно был не джип - больше всего похоже на "Волгу". Черная такая. Большая. Гаршин поблагодарил и ушел домой.

Пожинал, лег на диван и почувствовал, что мысль об исчезновении Иванова гложет его все сильнее - как будто оставил того умирать в пустыне. Пусть не друг. Пусть зараза высокомерная. Но зато - такой же "стебанутый". Так он и мучился совестью.

Пока не заснул. А проснувшись - в сотый раз машинально набрал ивановский номер.

- Слушаю вас, - отозвался слабый голос.

- Ты куда пропал?! - заорал Гаршин. - Это Гаршин говорит! Ты куда пропал, несчастный?! Я уже собирался шухер поднимать!

- Никуда я не пропал... - вяло сказал Иванов. - Дома лежу. Хреново мне.

- Да я тебе звонил каждый час! Каждые полчаса!

- Не знаю... не слышал.

У Гаршина нехорошо засосало под ложечкой.

- Ладно, - сказал он, - пусть не слышал. Я по поводу твоих фотографий...

- Каких? - уныло спросил Иванов. - С привидением?

- Да с каким, мать его, привидением! С черным "Рэйнджем" и собакой!

- Ты, вообще, кому звонишь? - поинтересовался Иванов. - Если мне, то я конкретно сейчас занимаюсь... Не скажу чем. А последнюю фотку я тебе сдал с привидением.

Белое такое... Скажи еще спасибо, что хоть это дал. Мне даже за эту блевотину и то полштуки баксов предлагали в Ю-пи-ай.

- Ну, это ты загнул про полштуки! - возразил Гаршин машинально, чувствуя, как внутри все холодеет. - Цена этой, как ты верно сказал, блевотине, полтинник максимум. И ни цента больше. А чем ты сейчас занимаешься, я в курсе. Сказать?

- И скажи. Стой, давай так с тобой сыграем: если ты ошибешься, я молча кладу трубку, ладно? Очень меня обяжешь.

- Ты диггерами занимался! - заорал Гаршин. - Ты с ними ползал под землей где-то в Восточном округе! А потом случайно на улице налетел на черный "Рэйдж Ровер" с шестью колесами!

- Ну, тачка у меня целая... - протянул задумчиво Иванов. - Правда, сука какая-то выбила стекло боковое, а так... Не понимаю тебя.

- Слушай, - сказал Гаршин осторожно. - У меня к тебе дело. Очень серьезное. Не телефонный разговор. Можно я заеду? На полчаса, не больше. Очень надо. Ты будешь доволен, я буду доволен, все будут счастливы. Очень большое дело.

- Не знаю... - замаялся Иванов. - Честно говоря, я себя так чувствую - хоть в гроб. Отдаю концы.

- Что болит? - спросил Гаршин дрожащим голосом.

- Все, - мрачно ответил Иванов. - Все болит. Приезжай, оценишь. Знаешь, ты действительно приезжай. Водки только купи по дороге...

Выглядел Иванов действительно хуже некуда. По его словам, все эти дни он провел дома, продукты ему носил Саня, который тоже что-то прихворнул, но слегка. Болело у Иванова действительно все. Точнее - не столько болело, сколько не хотело работать. "Желудок не варит, голова не варит, сердце тоже... не варит. Короче, я допрыгался. Это СПИД, старина..." Лечился Иванов, по его словам, "народными средствами". Как большинство людей-одиночек, привыкших рассчитывать только на себя, болеть он не умел совершенно, а врачей боялся. Гаршин, который боялся не всех врачей, а только психиатров, тут же сел к телефону и вызвал знакомого, отличного терапевта, прямо к Иванову на дом, и немедленно. Иванов ругался, но довольно вяло. Видно было, что сил ругаться у него нет.

Тут пришел Саня, и Гаршин приступил к главному, к тому, что сделать было необходимо, и в то же время мучительно. Тем более что Гаршин уже предвидел результат. Он слышал о подобных случаях. Пару раз ему рассказывали о таком люди, внушающие полное к себе доверие. И все равно - поверить в это было невозможно, совершенно невозможно, такой это выглядело дикостью. "Вот сейчас и узнаем, как оно бывает". Прислушиваясь ко все нарастающей головной боли, не отпуская с самого утра, Гаршин рассказал Иванову и Сане историю их захватывающего приключения.

Его выслушали со сдержанным интересом. Правда, Иванов все порывался заснуть, а Саня смотрел на Гаршина, как на сумасшедшего, но главное - они слушали. Гаршин пожалел, что не взял кассету с записью телефонного разговора. В то же время ему уже было стыдно. Он убеждает взрослых дееспособных людей в том, что с ними случилось нечто, чего они не помнят. Это, знаете ли, неприятно для обеих сторон.

А они ведь не помнили ничего!

Что делали в тот вечер? Как что - вернулись сюда, потом Саня уехал к себе. Жене его позвонить? "Ладно, - отмахнулся Гаршин, - незачем". Потом Иванов с утра плохо себя почувствовал, а Саня тоже что-то простудился... Пятые сутки в простое. А там, наверное, уже последнего диггера Крыса

сгрызла... И тут Гаршин сунул Иванову фотографии.

Снимки тоже вызвали определенный интерес. Да, Иванов слышал уже об этих странных джипах. Он даже наводил справки и нашел в городе один такой "Рэйндж", весь белый, знаешь, в чьем гараже?.. Да, вот так-то. Загадочные машины. Совершенно непонятно, для каких работ их можно использовать в черте города. Интересные фотки. Жалко, непригодны для печати - "снега" много. Даже при офсете, как вот у тебя, будет нечетко. Да...

Гаршин смотрел на Иванова. Иванов смотрел на Гаршина.

- Хорошо, - сказал он. - Аргумент номер последний и основной. - Он с трудом поднялся и уковылял в комнату, где помещался его архив, копаться в негативах.

Негатив действительно был последним аргументом - во всяком случае, для Иванова.

- Нету за тот день ни хрена, - раздалось из-за стены. - Диггеры есть. Халтура. А больше за тот вечер ничего. Да и говно твои фотки, между нами говоря. Я бы лучше снял...

Гаршин хотел было сказать про запись телефонного разговора, но промолчал. Иванов приполз обратно и повалился на диван. Ему явно было все равно, кто, где, когда и что снял. Гаршин почувствовал, что Саня сверлит его взглядом, и обернулся. И по глазам прочел, что Саня все понял. Интересно было бы все-таки поговорить с его женой... Гаршин вздохнул. В дверь позвонили. Пришел врач.

И в тот же вечер Гаршину позвонил один генерал в штатском, с которым они были знакомы еще с советских времен. И сказал, что один из гаршинских сотрудников, а еще лучше - сотрудница, может придти туда-то и получить разъяснения по данному вопросу.

- Как же это может быть? - спросила Таня очень тихо. - Гипноз? Или препараты какие-нибудь?

- Не знаю, - покачал головой Гаршин. - Возможно. Все возможно...

- А если... Ну, как это называется? Я забыла...

- Нет, - улыбнулся Гаршин. - Я тебя понял. Нет, не беспокойся.

Психотроника оказалась фальсификацией.

- А столько писали...

- Ерунда. Действительно был такой проект, его в газетах тогда обозвали "Программа "Зомби". На него чуть ли не полмиллиарда угрожали. Но кончилось все ничем. Просто группа талантливых молодых ребят, полных шарлатанов, разумеется, запудрила мозги одновременно КГБ и Министерству обороны и поимела с них кучу денег... Снюхались деловые люди в "органах" и науке. На свою беду, не смогли избежать огласки - в девяностом Академия наук выступила. Мол, некие темные личности пользуются дуростью силовых министерств. Тянут деньги на сомнительные опыты, проталкивая лженауку. Разгромная статья была в журнале "Наука и жизнь".

Из-за нее и весь сыр-бор вокруг психотроники разгорелся. А время было смутное, народ жаждал сенсаций, и каждый вшивый репортеришка их, конечно же, поставлял...

"Органы" были фирмой страшненькой, таинственной. Согласись, логично усмотреть в действиях КГБ не тривиальное воровство, а разработку супероружия...

- Но эта идея до сих пор всплывает...

- Так ведь тут все очень просто, Танечка, - объяснил Гаршин. - В любой стране, демократической или фашистской, стоит только заявить, что

ты умеешь делать из людей роботов - правительство не-мед-лен-но даст тебе денег. Только цели будут разные. Полагают, что американская программа "МК-Ультра" была чисто шпионской.

Они собирались программировать наемных убийц и создавать людей с многослойной психикой. Говоришь ему: раз! - он разведчик Джон Смит. Говоришь ему: два! - он слесарь Ваня Кузнецов. Причем когда он живет в режиме слесаря, то всю себе шпионит, но ты его четвертуешь, а он не сознается, что разведчик. Потому что сам этого не знает. Заманчиво?

Таня кивнула.

- Конечно, заманчиво, - усмехнулся Гаршин. - Ну, а в Советском Союзе эти исследования шли еще со сталинских времен. Только сначала напирали на психотропные средства, на химию. А позже уже перекинулись на высокочастотные системы. И с совершенно другой целью. Более, я бы сказал, э-э... тоталитарной.

- Хотели осчастливить все человечество?

- Ну, военных-то интересовало в первую очередь массовое поражение. Что-нибудь вроде нейтронной бомбы, чтобы стрелнуть - и померли враги, а трофеи остались.

"Органам" нужны были системы прослушивания и избирательного воздействия на психику. Внеречевая связь - что-то вроде телепатии... А вообще я слышал очень страшную легенду. Собрались в один прекрасный день эти маразматики у себя в ЦК и говорят: что-то нас диссиденты замучили. А нельзя ли их как-нибудь всех извести, пока они еще не родились? И тут же маразматикам на стол р-раз! - "Программа Детей"... Представь себе, в каком воспаленном мозгу родилась такая идея - отследить потенциально неблагонадежных детей, возможных лидеров оппозиции, и каждому ребенку создать такие условия в жизни, чтобы он выше помойки никогда не поднялся. А?

- Ой, это невозможно, - отмахнулась Таня. - Это и выдумать-то нельзя, а уж в жизнь провести...

- Почему же... - не согласился Гаршин. - Действительно, выдумать сложно. Нужно быть законченным фашистом. Или, кстати, большевиком. А сделать - запросто.

Сейчас в Безопасности сто тысяч народу только по штатному расписанию. А тогда их было миллион. А детей, которых родители не правильно воспитывают, от силы тысяч десять, если все факторы учесть. Никаких проблем. Тут даже не нужно человеку уколы делать или, скажем, по башке лупить оглоблей. Просто время от времени его аккуратно подталкивают в заданном направлении. Один-два импульса в год, но четко рассчитанных, чтобы он или рано пить начал, или в тюрьму загремел, или, что еще лучше, в психушку. А если ничего не получится - тогда все решается одним махом.

Втерся к тебе в доверие такой же молодой, как и ты, и на иглу тебя посадил. Или девочка несовершеннолетняя на тебя заявит, что ты ее изнасиловал. Нет-нет, это совсем несложно. Но вот легенда гласит, что с ними обошлись еще проще. Их расстреляли всех из какой-то безумной психотронной пушки. И действительно, ни один в люди не выбился. Хотя вроде и не помер.

Таня молчала, затравленно глядя на Гаршина. Гаршин смотрел в потолок и что-то вспоминал.

- Знаешь, - сказал он, не опуская глаз. - Я просто молиться готов, чтобы все это было не правдой. Потому что в нашей дурацкой стране могло приключиться что угодно. Любой, даже самый безумный проект, направленный

на подавление в человеке человека, обязательно имел бы поддержку. Когда мне надежные люди сказали, что психотроника накрылась и соответствующий отдел КГБ распущен, у меня громадный камень с души упал. А это девяносто первый год был.

- Страшно, - кивнула Таня. - А откуда легенда про детей?

- Были ребята у нас молодые, которые психотроникой направленно занимались.

Пытались раскопать "бомбу" и сделать на этом себе имя. Из них такие легенды пачками сыпались. Но ничего толком не вышло. Один через год заявил, что свое расследование закрывает, потому что боится сойти с ума. Он, кстати, и так уже был со сдвигом. Другой накопил массу фактов, но смог доказать только то, что работы действительно велись. А потом оказалось, это все была ерунда. Но такая ерунда, что если раз услышишь - не забудешь никогда. Я вот забыть не могу.

Хочешь - не хочешь, а был ведь в цензурном уложении такой параграф, запрещающий публикацию материалов о системах подавления психики. Там, кажется, даже термин "биоробот" использовался. Зачем?..

- Я читала, - кивнула Таня. - Но мне стало так жутко, что я решила не углубляться. Вообще постаралась забыть. Ох, загрузил ты меня, начальник. Как я теперь к этим типам поеду?

- Ты посмотри, какая собачка красивая, - промурлыкал Гаршин, помахивая фотографией. - Может, они тебе погладить ее разрешат.

- Боже упаси! Ты, начальник, правильно делаешь, что собак боишься. Ничего ты в них не смыслишь. Любой собаке прикосновение чужого человека неприятно.

Гаршин удивленно поднял брови. Он и не думал, что собаки так похожи на людей.

- Съезди, лапочка, - попросил он. - Ты же понимаешь, что ни собак, ни вооруженных людей тебе не докажут. Поболтаешь с каким-нибудь уродом в модном галстуке, и все.

- А жаль, - вздохнула Таня.

ЧАСТЬ II

ЯНВАРЬ

Утром Саймон опять проснулся в чужом доме. Снова его черт знает куда занесло.

Большую часть времени он действовал вполне сознательно, но иногда возникали странные провалы в памяти, и заполнить их оказывалось иногда тяжело, а иногда и совсем невозможно. Это было немного обидно. Так что же произошло вчера? "Помню, как это было хорошо. Просто невероятно хорошо. Кто бы мог подумать, что именно этого мне так хотелось всю жизнь! Самым трудным было решиться. Но теперь, когда я не один, когда меня поддерживают, любят, помогают мне, сделать выбор оказалось легко.

Только жаль, что приходится таиться, все время быть начеку. Ничего. Когда закончится безвременье, когда в городе наступит порядок, оглядываться нужды не будет".

Саймон одним движением выпрыгнул из постели и, не обращая внимания на безвольно лежащее в ней тело, вышел в прихожую. Там оказалось большое зеркало, возле которого он приостановился и целую минуту с наслаждением рассматривал себя.

"Хорош, ничего не скажешь. А буду еще лучше". Он огляделся, нашел телефон, поднял трубку и быстро отстукал номер. Прямым каналом связи он старался пользоваться именно так - из чужих квартир. Саймон отдавал себе отчет в том, насколько подозрителен Мастер, и не хотел рисковать. В кабинете Генерала раздался звонок.

***

Солнце зашло точно по графику, в шестнадцать сорок пять. Саймон с пульта оперативного дежурного отсигналил, что план на текущую ночь Штабом подтвержден - "Вторая" идет на расчистку офисного здания. Это был хорошо охраняемый коммерческий банк, и прошлой ночью там зверски убили двоих из секьюрити. Сначала на центральном посту охраны вырубилась мониторы слежения. Потом съехала крыша У сигнализации на датчиках объема, которые показали движение во всех помещениях сразу. А затем двое, сидевшие в депозитарии, возле сейфов, открыли такую дикую пальбу, как будто в этом наглухо закрытом железном ящике материализовался призрак. Они расстреляли кучу патронов, и были найдены буквально порванными на куски. Твари почти никогда не использовали для прорыва в город обитаемые помещения "Дырки" открывались в заброшенных или строящихся домах, подвалах заводских цехов, складов, магазинов. Но именно в моменты, подобные этому случаю с банком, Мастер почти с содроганием ощущал невероятную мощь Проекта. Его огромную, непонятно откуда возникшую силу. На этом фоне пререкания с Генералом и попытки чего-то добиться от Штаба представлялись Мастеру в ином свете. Истинном - как он полагал и чего откровенно боялся. Он не хотел ощущать себя прижавшей гайкой в такой жуткой машине. Когда он начнет дребезжать посильнее, его отвинчивать не станут. Просто спилят вместе с куском болта.

И сейчас, размышляя, какая это титаническая работа - в считанные часы полностью обездвижить большую коммерческую фирму, - Мастер подавил желание громко заскрипеть зубами. Ни намек на происшествие в милицеских сводках. Охрана банка вывезена на Базу для промывания мозгов. Рядовой персонал вообще не в курсе.

Здание полностью заблокировано спецотрядом - внешне это выглядит как прорыв канализации. И этой же версии придерживается директорат. Им кое-что показали, но совсем не то, от чего потерял сознание начальник охраны. Даже и думать не хотелось, какую именно лапшу вешает им на уши липовая опергруппа. Естественно, липовая - не настоящую же в такое место посылать.

Повреждения, которые наносят людям твари, мягко говоря, очень специфичны по внешним признакам. Есть также ряд характерных примет по месту и времени. И, приняв сигнал с места происшествия, милицеский диспетчер оповещает специализированную группу. Он уверен, что свою. На самом деле она полностью состоит из людей Проекта и проводит на объекте рекогносцировку. А за ней подъедут охотники.

Жалкие крохи - это было все, что Мастер смог узнать об оперативных методах Штаба за пять лет, из которых три года он постоянно общался с Генералом. И до какого-то момента его такое положение вещей устраивало. Даже самые пытливые умы Школы оставались всего лишь человеческими. Школа была гнездом, пригревшим белых ворон. А Штаб - деревом, на котором гнездо свито. Поэтому дятлов в Школе не жаловали и сук, на котором

сидят, не долбили. Все знали, что расчищаемое здание совершенно пусто, рядом стоит грузовик с надписью "Техпомощь" (он, собственно, и есть техпомощь из Техцентра). И ни души вокруг. И ни слова в газетах. И это нормально - а как это сделали, нам до лампочки. В конце концов, у любой спецслужбы есть тайны от своих людей. Мы же не дети, мы все понимаем. Мы - что-то вроде контрразведки, только круче. И лишних вопросов задавать не будем. У нас есть план здания, мы поставим вокруг сенсов и будем прикрывать их, пока они не найдут "дырку". Возможно, тварей в здании не окажется - тем лучше. А окажутся - их найдут либо собаки, либо те же сенсы. Тварей мы прикончим, вызовем техников, и они расстреляют "дырку" из своего громадного лучемета. И на этом месте, в радиусе, наверное, километра, никогда больше "дырка" не откроется.

Почему? А кто ее знает почему. Неважно. Потом мы вернемся в Школу и сдадим оружие. Те немногие, кто не берет собаку домой, отведут зубастиков на псарню. И мы разъедемся по своим делам, очень довольные тем, что сделали, и тем, сколько заработали. И к следующему дежурству мы здорово проголодаемся по нашей смертельно опасной ночной охоте.

Так говорил Будда, и так было, когда Мастер пришел в Школу. Так и оставалось, пока не накопились по мелочам косвенные данные и не возникла мысль о том, что Проект куда больше, чем кажется. И пока не обнаружилось, что половина охотников на грани нервного срыва. А обстановка в Школе, такая игриво-легкая внешне, на самом деле накалена до предела. Только, рассказывая Генералу об этом напряжении, Мастер умолчал о главном. Охотники больше не в силах оставаться гайками и болтами. Будда, не задававший лишних вопросов, был сумасшедший. Такой же обычный не слишком умный психопат, как многие работники спецслужб. Но охотниками Штаб набрал в основном вполне нормальных людей. Будда явно что-то себе воображал насчет истинной сущности Проекта, и ему этого хватало. А остальным - нет. Только поначалу они не подавали виду, а дальше - привыкли. Как привыкают, например, вести самолет по приборам, когда глазами не видно, а лететь можешь.

Но полгода назад атаки тварей стали массированными. Школа заработала в очень жестком режиме, люди устали и почувствовали, что дело худо. И к январю всплыло на поверхность "острое и агрессивное желание раз и навсегда разобраться, в чем же мы, господа, участвуем". Эту фразу вслух произнес Мэдмэкс, старший "Трешки".

Его группа как раз проводила утреннее рабочее совещание, рассевшись на бумагах посреди тренировочной зоны. Мэкс, в общем-то, никаких провокационных целей не преследовал, а так - выступил о наболевшем. К его удивлению, перешедшему в восторг, совещание тут же превратилось в стихийный митинг. Выяснилось, что информации вагон, каждый охотник что-то по мелочи знает, и одно наблюдение непонятнее другого. Образовалась солидная база из труднообъяснимых и зачастую противоречивых сведений. Оставлять их без внимания было попросту глупо. Поэтому к моменту приема дежурства "Третья" составила план дознания с четким разграничением действий персонально, включая парламентаров к остальным трем группам и руководству.

В банковском офисе управились быстро, и Мастер надеялся до смены основательно побеседовать с людьми, собирая просьбы, жалобы и предложения. Но прямо из банка "группе Два" пришлось мчаться по двум внезапно поступившим вызовам, и ночь превратилась в кошмар. Первый вызов оказался ложным. Люди и собаки на нем здорово перенервничали и на второй

расчистке начали совершать ошибки. Зигмунд едва не застрелил пьяного оборванца, действительно очень похожего на ожившего мертвеца. О том, что это живой человек, Зигмунд догадался только по реакции собаки. Подлец Джареф сначала не подал виду, что в расчищаемой котельной кто-то есть. А когда в дверном проеме возникла неясная тень, не атаковал ее по всем правилам. Он просто взял и оторвал бродяге от ноги громадный кусок мяса, чтобы тот в другой раз под ноги смотрел. Пока Зигмунд прикладом вправлял собаке мозги, собравшийся над бездыханным телом консилиум сосредоточенно чесал затылки.

Развернулась бурная дискуссия на тему, не подцепит ли собака инфекцию и не придется ли паче чаяния делать ей уколы. Хунта наехал на Бенни с вопросом, почему тот не засек в котельной живой организм. Бенни невнятно оправдывался, от него за версту разлило водкой. Хунта отнял у сенса обрез, пинками загнал в медицинский фургон и приказал Склифосовскому за пятнадцать минут сделать из Бенни человека. Склиф резонно заметил, что на это не хватит и пятнадцати лет, но он постарается. Бенни ныл и жаловался, как малое дитя.

Вонючему мужику вкололи депрессант, запихнули в багажник "Рэйнджа" и отправили двоих сдавать его в больницу. Самое интересное, что "дырка" в котельной действительно была, но уже закрытая. Хунта предположил, что бродягу тварь не тронула, приняв за своего. Сенсы посмеялись было, а потом резко посерьезнели и спросили, в какую именно клинику этого типа повезли. Хунта обалдел - он-то шутил. Но долго стоять с отвисшей челюстью ему не пришлось. Зона расчистки была на краю уже заселенной новостройки, время пять утра. Вздумай кто из жильцов проснуться - вся группа как на ладони, прощай секретность. И тут Сильвер решил поймать вкусную кошечку и с жутким грохотом опрокинул мусорный бак. Кошка упрыгала в подъезд, а, утративший бдительность Боцман за шиворот оттащил хрипящего кобеля к машине. Страшно подумать, сколько звона было бы в щедро застекленном подъезде, влети туда восьмидесятикилограммовый зверь, одержимый жаждой убийства.

- Широко живем, - только и сказал Мастер. - Всего за десять минут целые две побитые собаки. Что же дальше будет?

Дальше пошло легче. Но все равно, когда "Вторая" вернулась в Школу и села приводить амуницию в порядок, настроение у всех было подавленное. Слишком много сил осталось на ложном вызове, когда подозрительное движение возникло на территории крупного завода. Там одних только подвалов набралось для прочесывания не меньше двух квадратных километров, И даже Хунта не держал зла на Бенни за то, что тот по дороге на второй объект присосался к горлышку. Охотники достаточно проработали с сенсами рука об руку, чтобы понимать, что Бенни на заводе выложился полностью. Но из охотников гвоздей тоже не понаделаешь, а они ведь еще отвечают за собак. Нельзя так, Бенсон! Трезвый и свежий Бенни, принявший у Склифосовского какой-то дряни, от которой действительно стал похож на человека, согласился, что так нельзя, и церемонно перед Хунтой извинился. Превращение его было весьма комично, но как следует посмеяться "группе Два" уже не хватило сил.

Поэтому к одиннадцати, когда пришло время смены групп, Мастер чувствовал себя окончательно разбитым. Но все-таки решил проследить за передачей дежурства и побрел в Зал принятия оперативных решений. Уныло волоча ноги по коридору, он раздумывал, не будет ли опасна для жизни горячая ванна перед сном, о которой мечталось уже которые сутки. Решил,

что действительно опасна - можно расслабиться, задремать и утонуть. "Да я и сейчас уже готов. Расслабиться, упасть на пол и ушибиться". Мастер на всякий случай потряс головой.

В этот-то момент с него и согнал всякий сон Лысый, аналитик "мобильной группы Три", который взял Мастера за пуговицу и сказал, что есть идея, как добратся до Техцентра.

***

Когда Таня вышла из подъезда, рассвет еще и не думал наступать. Таня нервно огляделась - как и большинство москвичей, в последние годы она избегала темных улиц, "Опасны темные двory, подвальные окна и вообще любая дырка в земле. Откуда я это знаю? Скоро встанет солнце, и страх уйдет. Что у них за манера такая приглашать журналиста ни свет ни заря... Или этот очкастый заморыш говорил правду? Странный человечек - никакой внешности, только очки. Как ему, наверное, тяжело жить, такому щупленькому и невзрачному. Жену небось бьет регулярно. Или кошек мучает. А то и людей расстреливает на сон грядущий - с утраца. Вот сейчас со мной поговорил; спустился в уютный подвальныйчик, кокнул парочку вражеских шпионов и с чистой совестью на боковую. Что я несу, господи! Очень даже может быть, что очкарик этот в прошлом какой-нибудь суперагент и глаза испортил на ответственной секретной работе. Запросто".

Таня оглянулась на скупно освещенный подъезд. "А я ведь до сих пор так и не разобралась, кто именно со мной говорил, откуда, о чем и, главное, зачем. Гаршин считает - они хотят опередить события и выдать газете свою версию. А я считаю - тут нужен психоаналитик. И особенно мне, потому что я боюсь. Сюда бы сейчас парочку этих мужиков с собаками... Значит, охотники за привидениями? Как же, как же..."

Таня шла сутулясь, глубоко засунув руки в карманы пальто и свирепо глядя на редких прохожих. Те смотрели не лучше. Даже у проезжающих машин повадка была какая-то пугливая. Никто не "голосовал" - все равно не останутся. Брать клиента - дело "ночных извозчиков", закрытой касты отчаянных ребят - но они уже разъехались отсыпаться. И магазины теперь зимой открываются на час позже. Что-то неладно в этом городе. Гадкие слухи по нему ползают. О том, как пропал без вести мужик, через пару недель пошла жена мусор выносить после заката - а он в мусорном баке сидит, весь синий, и клыки, что у кабана. О том, как потребовал уголовный розыск эксгумировать какой-то свежий труп, а могила изнутри разрыта, и выходят из нее отчетливые следы когтистых лап. И тапочки белые валяются. Да мало ли чего еще говорят... "По слухам, число пропавших без вести подскочило за последние годы на порядок. А официальная статистика показывает, что все нормально. Кому верить, слухам или ей? Мы ведь можем верить и болтовне о Большой Московской Черной Крысе, грозе диггеров и ремонтных бригад Мосводоканала. Да, под землей бродит кто-то нехороший. Но кто? И есть ли тут вообще связь?" Вдалеке забрезжил красный огонек метро, и Таня слегка приободрилась. Нужно идти под землю, но там светло,людно и почему-то не страшно. "А вот в том доме, в кабинете очкастого типчика, жутко, как в склепе. И я не поверила ни одному слову, хотя все было сказано очень логично. И очень, заметим, жизнерадостно.

Была, видите ли, проблема, но мы ведем работу, теперь все локализовано. Да, "локализовано", именно так он и сказал".

Значит, сейсмологи давно заявляли, что пол-Москвы стоит на разломах и скоро нас потряхнет. Не потрянуло, но из-за тектонической активности вдруг произошел какой-то непонятный энергетический выброс. И в городе резко выросло число геопатогенных зон, поганых мест, откуда бежит зверье, а люди слабеют и дохнут.

Причем эти зоны необычно мощные, оказывающие сильнейшее давление на психику.

Отсюда ночные страхи, глюки и, как следствие, народная молва в стиле "Зловещие мертвецы возвращаются". Зоны эти до сих пор выскакивают, как прыщи, в самых неожиданных местах, хотя уже реже. Что-то надо с ними делать, пока народ из города не рванул со всех ног.

Выручило Техническое управление безопасности. Подняло архив сверхсекретной программы, замороженной еще при большевиках. Слышали про тектоническое оружие?

Ну, господин Гаршин-то должен был вам рассказать. Это чтобы в казахской степи закопать атомную бомбу и рвануть, а снесло бы в итоге Вашингтон. Насколько я понимаю, там, под землей, все завязано в один узел, поэтому работа с геопатогенными зонами в эту программу тоже входила. Но придумали только, как их глушить, - и слава богу, правда? В общем, полгода данные перепроверяли, еще полгода шли эксперименты, испытания на натуре, и вот сейчас наш проект действует. Конечно, все "топ-секретно". Даже если бы мы и хотели работать открыто, так ведь на исходных документах такой гриф стоит... Государственная тайна, вопрос национальной безопасности. И не допустить распространения панических слухов - это тот же вопрос. Мы колоссальные усилия прилагаем, чтобы в масс-медиа ничего не просочилось о ситуации в Москве. Репортеры - люди живые, им тоже ночами страшно. А мне что, не страшно, что ли? Да я весь трясусь! Хотя мне тепло, светло, я в уютном кабинете беседую с барышней редкостной красоты. А охотники наши сейчас ходят по этим самым геопатогенным зонам буквально ногами!

Ведь такая зона, говоря простым языком, - средоточие темных сил. Она бьет по психике, и все дурное, что в тебе есть, тут же всплывает. Там глюки! Там люди встречают умерших родственников, причем вовсе не в ангельском обличье. Но это еще удел сильных. А для тех, кто послабее, в зоне оживает каждый детский кошмар, от которого, как известно, одно спасение - накрыться с головой теплым одеялом.

Это очень тяжелая работа, Танечка. Честное слово.

Ну, собаки - это просто. Они ищут "дырки". Да, мы так эти зоны называем. Нам подобрали несколько пород, для которых характерны бесстрашие, феноменальное чутье на опасность и желание ее подавить. Есть и другие нюансы - например, уровень затрат при разведении. И в случае э-э... ротации кадров всегда есть замена. Собачки умные, обучаются быстро, тем более что особой выучки и не нужно.

Как видите, мы старались все учесть.

А с машинами - почти анекдот. Требовались большие внедорожники с очень высокой живучестью. Но многие джипы просто тесны для наших собак. Два кобеля в одном багажном отсеке - это не шутка, доложу я вам, пусть даже они друг к другу приучены. И тут один наш британский источник вспомнил, что сколько-то лет назад "Ровер" выдумал таких вот монстров... видели, да? Считалось, что их делали только на заказ ив единичных экземплярах, но это не совсем так. Была одна небольшая партия, которую заказчик не смог выкупить, - убили его, что ли...

Короче говоря, удалось купить десяток машин просто за смешные деньги. Здорово сэкономили, и имеем теперь единственный в своем роде автомобиль, в багажнике которого свободно чувствуют себя две кавказские овчарки. И куча аппаратуры лежит...

Таня шла по зимней улице и силилась понять, в какой же именно момент она почувствовала фальшь в этом рассказе, который все расставлял по местам. Почти по местам. Микроволновые лазеры, некая секретная разработка. "Что я понимаю в физике? Да ничегошеньки. Геопатогенные зоны. О них я довольно много знаю, я в них просто-таки не раз бывала. Ну, допустим... если они очень сильно излучают - допустим... Автомобили. Хорошо, проехали. Собаки? Я люблю кавказских овчарок.

Если когда-нибудь заведу собаку, то кавказку. Хочу рыжую девочку с белой грудью, черной мордой... Девочку? Сучару наглуую. Хамку зубастую. Вот! Пусть она будет тем, чем я хотела бы быть, да не вышло - не дано. А зачем еще человеку собака?

Это же ее главная задача - человека дополнять.

Помню, как Чуча приходила будить нас по утрам... Лизала в нос теплым шершавым языком, дышала в лицо - а дыхание у нее всегда было влажное и свежее, - радостно смотрела, как мы сонно ворочаемся, и грузно падала рядом с кроватью, довольная тем, что "отметилась", что мы никуда не пропали и теперь всем можно спокойно досыпать... Забыть. Отставить. О работе, о работе... Следующий фактор - люди.

Охотники. "Охотники за привидениями" - это не совсем верный перевод Ghostbusters. Но в России он прижился. Они сами так себя назвали - охотники. И вот о них мне ничего толком не сказали. "Серьезный отбор, проверенные люди, молодые кадры..." А как, скажите на милость, эти самые кадры лазают по геопатогенным зонам, рискуя напороться на призрак любимой бабушки? Почему мне даже на улице страшно, а они у самой "дырки" стоят, пока ее расстреливают из этих своих лазеров-шмазеров? Что за "проверенные"? Откуда?" Тьма потихоньку отступала, до метро оставалось метров двести, пейзаж уже походил на нормальную московскую толчею. Таня чувствовала себя заметно легче и теперь изо всех сил боролась с желанием тщедушному очкарику поверить. Версия с геопатогенными зонами была весьма заманчива хотя бы потому, что весь последний год Таня время от времени порывалась обратиться к психотерапевту. Газеты пестрели объявлениями, предлагавшими купирование "синдрома беспочвенного страха", что только лишний раз подтверждало, насколько в городе нервная обстановка. Теперь, зная, что страх не беспричинен, что его генерирует не большая голова, а долбанутая московская почва, можно было бы и успокоиться. Но оставался маленький нюанс - Таня по-прежнему не верила очкастому ни на грош.

Признавая его аргументы правдоподобными по отдельности, она не считала картину верной в целом. Что-то в ней не складывалось.

Теперь Таня кляла себя последними словами за то, что поддалась на уговоры Гаршина. Согласилась она, замороженная фотографиями. А потом было то, что рок-музыканты называют "драйв". И драйв этот задал все тот же Гаршин, позвонивший рано утром Тане домой. Она уже стояла в дверях, когда запищал телефон. И взволнованный Гаршин сообщил, что он еще раз подумал и решил: если Таня не хочет, может на задание не идти, потому что, сказал он, про инцидент с фотографом Ивановым написать не дадут, а Иванов-то плох. Он просто разваливается, у него все здоровые органы стали больными, а все ранее нездоровые теперь больны смертельно. Тут

Таня разозлилась - и пошла. Шла и вспоминала, что на "картошке" парни из ассенизационной команды поход на чистку женского сортира называли "брать интервью у динозавра". Так оно и вышло. Вроде бы побывал человек в жутко навороченном месте - а рассказать и нечего.

Таня нащупала в кармане таксофонную карточку. "Сейчас бы позвонить... Очень хочется посоветоваться с опытным человеком, но как раз такого под рукой нет".

Она не все сказала Гаршину, когда тот распространялся о психотронной войне. С одной стороны, не соврала. Действительно, в свое время Таня просто заткнула уши и объяснила, что такое ей не интересно, потому что не может быть. Но с упомянутыми Гаршиным ребятами, которые основательно копнули опасную запретную тему, она была знакома. В журналистику ее привел именно тот из двоих, который потом оставил работу, заявив, что не хочет сойти с ума. Так он объяснял решение посторонним, а Таня-то наслушалась вдоволь, и затыкание ушей не помогало. Он умел не только красиво трепать языком, но и убеждать людей. Правда, с Таней ему это не помогло, потому что "детская болезнь журнализма", как он называл свое занятие, была действительно болезнью. Ему так и не удалось отряхнуться от "звездной пыли", сыпавшейся с отца, маститого, именитого и знаменитого борзописца. Папа с сыном воевали так яростно, что осколки долетели до всех - и до Тани, и даже до серой лохматой Чучи. Но с годами Таня поняла, что главная проблема была в другом. На день окончательного разрыва ей исполнилось уже двадцать, а ему все еще было двадцать три. А Чуче целых шесть... Так что теперь, когда человек этот оказался бы очень к месту, позвонить ему мешала куча причин, самой пустяковой из которых было незнание телефона.

- Доброе утро! - мягко, прямо ласково, сказали откуда-то слева.

- Угу, - хмыкнула Таня на ходу, даже не повернув головы.

- А мы вас знаем! - не унимались уже за спиной. - Вы - Таня Меньшова из газеты.

Взгляните, пожалуйста, вам будет интересно.

"Что еще такое..." - Таня притормозила и обернулась. И первое, что увидела - какой-то журнал нараспашку и большую цветную фотографию, вложенную между раскрытых страниц. На фотографии была собака ее мечты. Рыжая кавказка - белая широкая грудь, мощные короткие лапы в белых носочках, чуть приоткрытая зубастая пасть, рыжая морда почти без обычной черной "маски", умные карие глаза, стоящие торчком кисточки на низко обрубленных ушах... Это было до того неожиданно, что Таня чуть не задохнулась. И не сразу заметила, что на снимке есть и человек.

Точнее, кусок человека. Рука в черной перчатке, лежащая у собаки на плечах, согнутое колено в толстой и, видимо, теплой брючине, высокий шнурованный башмак и упертая в землю рукоятка оружия. Таня уже видела это оружие - и теперь пришло время действительно задохнуться. "Очкарик сказал, охотники называют эту штуку "пульсатор". Скорее всего термин они стянули из фильма "Чужие". Дети. Большие дети. Инфантильный тип... О чем это я?"

Журнал закрылся, Таня невольно подняла глаза. Двое улыбающихся мужчин, еще молодых, лет по тридцать, в ничем не примечательных темных куртках-пуховках.

Довольно крупные ребята, почти одинаковой комплекции. Очень приятные лица, открытые и спокойные. Как-то уж слишком уверенно они держатся, обычно мужики на меня тарашатся во все глаза - изучают, хищники

мелкие...

- Доброе утро! - хором заявили мелкие хищники.

- Еще раз... - добавил тот, что справа, чуть тоньше в кости и выше ростом.

Поперек лба у него Таня разглядела почти заживший неровный шрам.

- Доброе, - кивнула Таня. - Это был пароль? - Она показала на журнал, запнулась и начала хохотать. На обложке красовалась голая женская задница умопомрачительных форм.

- Н-да... какая неприятность, - заметил без малейшего смущения парень со шрамом, пристально разглядывая попу. Второй, перекосившись от подавленного смеха, отобрал у него журнал, подмигнул Тане и спросил:

- Поехали?

- Туда? - еле-еле выговорила Таня, показывая на журнал. Парни дружно прыснули.

Таня не без труда сдержала очередную вспышку веселья и посмотрела на второго.

Так, ничего, симпатичный мужик без особых примет.

- Я ж те говорил... - выдавил мужик без примет в адрес напарника.

- Извините, - парировал тот. - Культурка подкачала. Не эстеты мы, барышня! - обратился он к Тане. - Мы так... бойцы невидимого фронта.

- Вы охотники за привидениями, - сказала Таня и осеклась. "Молчи, дура такая!"

Они ведь могут быть... А кем им еще быть? Почему я должна их бояться?"

- Мы охотники... - кивнул второй, посерьезнев.

- Его зовут Лебедь, - вставил парень со шрамом. - А я - Ветер.

- И если у вас найдется хотя бы час, - продолжил Лебедь, - то мы будем очень рады отвезти вас в Школу.

- Это наша конура, - объяснил Ветер. - Она же контора, мастерская, прачечная, сливочная... - Тут Лебедь ткнул его локтем, и Ветер поспешно закруглился. - Короче говоря, Дом Охотника.

- Вы только что посетили фирму, которую мы называем Штаб, - сказал Лебедь. - Мы полагаем, что обитающее там руководство отяг... отягощено узким и однобоким видением проблемы. Впрочем, это беда любого руководства. Оно всегда отяг... - Лебедь сделал обеими руками дирижирующий жест и добил-таки утомительное слово, - ...ощено.

- Демосфен! - страшным шепотом сказал Ветер.

- А мне нравится, - улыбнулась Таня. Потрясающее спокойствие исходило от этой пары. Впервые за сегодняшнее отвратительное утро Таня почувствовала себя в безопасности. "Ты хотела мужиков с собаками? Вот они. А собаки - будут".

- Я впервые в жизни выступаю перед настоящим журналистом, - сказал Лебедь Ветру надменно. - Дай же мне оттянуться в полный рост!

- Еще минута, и на нас начнут смотреть, - сказал Ветер.

- То есть, если ты свое отвыпендривался, уже пора мотать?

- Мы не можем вам доказать, что мы - это мы, - обратился Ветер к Тане. - У нас есть кое-какие навороченные документы, но они от Внутренних дел. Маскировка.

Потом, они действительно очень крутые, вы их даже прочесть толком не сможете. Вы спросили: фотография - это пароль? Да, это пароль. Мы не в силах вас заставить поехать с нами. Мы можем только заинтересовать.

- А что вы выиграете, если я поеду с вами? - спросила Таня. Она уже

приняла решение. - Я просто рядовой журналист. Ничего больше.

- Есть люди, которым виднее, чем нам, - сказал Ветер. - Они считают, что вы - гораздо больше.

- В любом случае, - поднял указательный палец Лебедь, - только обладая всей полнотой информации, вы сможете принять единственно верное решение.

- Цицерон! - развел руками Ветер.

- А почему у вас такие странные имена? - спросила Таня.

- В машину! - вместо ответа скомандовал Лебедь Ветру. Охотники синхронно повернулись к Тане спиной и шагнули к стоящему у обочины автомобилю. Это был совсем не "Ровер", а невообразимо грязная и на вид насквозь ржавая "Лада" восьмой модели. Ветер, походя вытащив у напарника из кармана свой журнал, просочился на заднее сиденье. Лебедь сел за руль. Дверь со стороны тротуара осталась распахнутой - и Таня, не раздумывая, шагнула к ней. "Ну что, хмырь очкастый, посмотрим, чья возьмет?"

В это время Очкарик, вопреки Таниным ожиданиям, не расстреливал иностранных шпионов, не мучил кошку и даже не бил жену. Он запер дверь кабинета, уселся и достал из жилетного кармана маленький, не больше ногтя, кусочек иссиня-черного металла. Положил его на стол и некоторое время любовался им издали. Удивительный материал был словно живой - его поверхность мерцала, по ней пробегали волны, иногда она вспучивалась изнутри, как будто пытаясь лопнуть и выплеснуть из себя нечто, чему нет названия. Сила мерцания и частота волн нарастали, и через несколько минут над поверхностью чудесного предмета начал подниматься легкий синий дымок. Тогда человек снял очки, положил сгусток темноты на ладонь и, близоруко шурясь, принялся вглядываться в видимые только ему одному пляшущие рисунки. Очкарик не знал и знать не хотел, как и когда эта удивительная вещь попала к нему в руки. Но ему страшно было даже представить, что когда-то они с этой капелькой тьмы были разьединены.

Да нет же, этого не было. Не могло быть. Синий дымок пошел гуще. Очкарик отвел от него глаза и задумчиво оглядел кабинет. Он уже не щурился. Он видел все. Все.

И в это же время, запершись в другом кабинете, баюкал на ладони свое черное счастье Генерал.

***

Реакция Мастера заинтересовала Лысого до крайности. Услышав, что "Третья" решила искать Техцентр, Мастер не удивился, не разозлился, вообще ухом не повел. Он просто спросил:

- И как?

- Радиомаяк, - объяснил Лысый, усаживаясь на подоконник. - И два пеленгатора.

- Не пойдет, - отрезал Мастер, но все равно уселся рядом. - На каждой техничке стоит определитель электронных устройств. Не слышал о таких?

Лысый только рот приоткрыл.

- Год назад, - сказал Мастер, закуривая, - я взял маячок и повесил Карме на шею.

И погулял с ней вокруг технички. Тут же высунулась рожа и спросила, что пищит.

Этот определитель, он мощный и сканирует довольно большую зону вокруг

машины. Я им сказал, что Карма пойдет одна в подвал искать тварей, а мы будем ее пеленговать. Мол, отработка новой идеи. Вот, а на следующий день в Штабе мне сообщили, что, на их взгляд, идея эта никуда не годится...

- Да-а... - пробормотал Лысый в замешательстве. - А как ты догадался, что у них может стоять такая штука?

- Добрые люди предупредили, - улыбнулся Мастер. - Я давно ищу Техцентр, и я не одинок в этом начинании. Так что ты не переживай. Если все пойдет нормально, я буду у ворот Техцентра недели через две.

- И? - не удержался от вопроса Лысый.

- И тогда начнется самое интересное. Вы все правильно рассудили у себя на сходке, мужики, - мягко сказал Мастер (Лысый подавился табачным дымом). - Но вы не так ставите вопрос. Вам хочется знать, где Техцентр находится и как он выглядит. Но проблема-то в другом! Когда мы найдем Техцентр - что мы с ним будем делать?

- Как это - что... - возвел глаза к небу Лысый. Был в утренней дискуссии какой-то изъясн, и сейчас он его нашел. Действительно, все говорили лишь о том, как найти Техцентр. Казалось естественным, что достаточно Техцентр увидеть, как станет ясно, с чем его едят.

- Так что же? - допытывался Мастер. - Может, мы его взорвем? Или возьмем штурмом? А? Или постучим в ворота и убежим! А они пусть себе голову ломают...

Лысый понуро глядел в стену. В сходке не хватало еще одного важного компонента.

На нее не позвали Мастера. Возникла такая идея, но Мастера не было в Школе. А стоило бы его подождать, потому что голова у него работает, может быть, не лучше, чем у других, - но факт, что работает она совершенно в другую сторону.

Рядовыми охотниками Лысый с Мастером были друзья, собирались даже работать в паре. Школа все расставила иначе, виделись они теперь редко, но доверие осталось. Лысый всегда поддерживал Мастера, а тот отлично знал, какой авторитет у Лысого в группе Мэкса. Вообще "Трешка" была в Школе самая ненадежная - крепкая, но дерганая. Максаков сбил-таки ее в единый организм, но организм этот постоянно тошнило. И умница Лысый, в частности, тоже был тот еще рвотный порошок.

- Где бы карту достать, - тоскливо вздохнул Мастер, щелчком выстреливая недокуренную сигарету в форточку. - Аэрофотосъемку. А то еще заблудимся на территории. Он ведь здоровый.

- Откуда ты знаешь?.. - Лысый и сам не заметил, как перешел на шепот. Он догадывался, что Техцентр не маленький, но Мастер сказал так, как будто все точно знал.

- Это большое научно-производственное объединение, - сказал Мастер, глядя Лысому прямо в глаза. - Находится где-то на северо-западе, у края городской черты. Все внутри одного забора - как на Базе. Масса разных служб. И, наверное, полный виварий собак.

Лысый молчал. Он лихорадочно сверял услышанное со своими предположениями. Мастер сполз с подоконника и сунул руки в карманы.

- Я поищу карту! - только и мог сказать Лысый.

- Спасибо, - кивнул Мастер. - Только постарайся не очень шуметь. А то развели, понимаешь, базар, как на Птичке...

- Это вы о чем? - спросил Саймон, шаркающей походкой выползая из-за угла. На шее у него болтались наушники, штекер на длинном шнуре

волочился по полу. Он только что сменился с оперативного дежурства и был весь серый и тусклый от усталости и небритости. Даже седые виски из снежно-белых превратились в стальные. - Кстати, я на Птичьем рынке не был уже года два...

- Это мы насчет тасманийского сумчатого дьявола, - невинно сообщил Лысый. - Типа где достать. На экзотику потянуло.

- Чего? - прищурился Саймон.

- Дьявола! - продиктовал ему на ухо Мастер. - Сум-ча-то-го! - Мастер уже успокоился, он взял Саймона под руку и весело отбивал ногой по полу такт. Саймон тупо посмотрел на него.

- Плевал я на вас, - гордо объявил Саймон. - Я устал и ничего не соображаю. Я даже не обиделся.

- А мы сейчас домой поедем, - утешил его Мастер. В голосе у него прорезались вдруг почти отеческие нотки. - Точно? Крокодилов возьмем и поедем.

- Точно, - кивнул Саймон. - Ты прости, я что-то действительно того... Не дежурство, а полный звездац.

- Вам хорошо, - позавидовал Лысый. - Живете, гады, в соседних подъездах. Кто не устал, тот и за баранку. А меня, хоть я ваще посинею, ни одна зараза не подвезет...

- А ты не живи у черта в заднице, - посоветовал Саймон, понемногу оживляясь. - Тебе же давали нормальную хату.

- Давали, - согласился Лысый, оглядывая Саймона с ног до головы. Никогда он его не жаловал, наверное, просто из ревности. Единственный, кто не замечал этой неприязни, был сам Саймон. - Квартирка - песня! Только вот еще не родился такой человек, чтобы в такую квартиру взял такую тещу. Я уж лучше подожду, у меня здоровья хватит. И выдержка развивается - с холостым не сравнить.

- Ну хочешь, я тебе плохую квартиру выбью? - спросил Мастер. - Гадкую такую, дрянную, мерзкую, непотребную, но зато поближе?

- Спасибо, - сказал Лысый. - У меня уже есть одна плохая квартира. Зачем одно говно менять на другое?

- Лучше купи ему хорошую тещу, - предложил Саймон.

- Не выйдет, - усмехнулся Мастер. - Теща поставляется только в комплекте с женой. Помнишь, был при большевиках такой прием - товар в нагрузку? На полкило конфет два ящика дверных петель.

- Не помню, - признался Саймон. - И счастлив, что не помню.

- Зато при большевиках тварей не было, - мечтательно произнес Лысый.

- Вот и ошибаешься, - сказал Мастер. - Еще как были, только местного производства. Из-под земли не лезли.

Лысый прищурился. Саймон, исподлобья глядя на Мастера, наматывал на раскрытую ладонь шнур от наушников.

- Чего притихли, отцы? - удивился Мастер. - В первый раз слышите, что ли? Газет не читали десять лет назад?

- Я точно не читал, - сказал Саймон. - Даже эротических.

Лысый что-то соображал.

- Дошло до тебя, аналитик? - спросил Мастер как-то не очень дружелюбно.

- А ведь дошло, - сказал Лысый, поеживаясь, как от озноба. - Туго, но дошло.

Ё-моё... Это надо же.. - протянул он, морща лоб.

- И что же до вас дошло, академик Лысенко?

- Зачем так злобно, старший? Ты все-таки не кавказская овчарка.

- Да как вам сказать, коллега... - Мастер потянул из кармана сигареты. - Вот объясни мне - на твой взгляд, я умнее тебя? Сообразительнее? Быстрее схватываю, а?

- У тебя очень неординарное мышление, - признался Лысый. - Возможно, у меня коэффициент интеллекта повыше, но ты зато умеешь зрить в корень. Так что не надо злиться. Ты просто не такой, как все. Ты же у нас Мастер, ёлы-палы.

Мастер вздохнул, сморщился и почесал нос. "А ведь смутил я тебя! - подумал Лысый. - Попробуй теперь на меня наехать, если знаешь, что я чувствую и признаю разницу между нами. Не станешь же ты меня презирать за такое признание..." - Ладно, - кивнул Мастер, - закроем этот вопрос. Но учтите, коллега. Когда в следующий раз вам приспичит закатить референдум - вы уж будьте любезны, расскажите народу, что там до вас дошло. И Мэдмэксу - в первую очередь. Можно даже отдельно, без свидетелей. Чтобы понял, как опасна в наши дни самодеятельность.

- Хорошо, - покорно сказал Лысый. - Ты мне только вот чего скажи, если знаешь, конечно...

- Может, и не знаю. От наших секретов нет. Чего могу - того скажу, - каждую фразу Мастера Лысый сопровождал быстрым кивком. Потом он коротко глянул на Саймона, который явно ничего не понимал. И спросил:

- Выходит, "Программа "Зомби" не свернута? Она продолжается?

- А тебе не кажется, что очень похоже? - ответил Мастер вопросом на вопрос. - Что именно представляет собой техника Проекта, ты не задумывался? Все эти сверхвысокочастотные штучки-дрючки? Ты же физик, тебе сам бог велел...

- Допустим, я об этом очень часто думаю, - сказал Лысый несмело.

- Так чего молчал?

- Вот, уже говорю... Прямо жуть берет. Слушай Мастер, ты это серьезно, а?

- Старик, это для Школы вопрос безопасности. Какие тут шутки...

- Мне скажет кто-нибудь, о чем речь? - взмолился Саймон. - Я, конечно, молодой, но надо же совесть иметь...

- Ты что, о "Программе "Зомби" не слышал никогда? - удивился Лысый.

- Да это же туфта! Утка газетная! Мастер, скажи ему...

- погоди, - отмахнулся Мастер. - Я не могу сейчас привести стопроцентные доказательства. Для меня они именно такие, для тебя могут оказаться недостаточными. Но я надеюсь, главное ты уловил. Есть взаимосвязь - понял, Лысый? Проект этим точно занимался. Другой вопрос, что в начале девяностых "Программа" все-таки была свернута. Если ее начали по новой, то не так уж давно.

Узнать бы зачем.

- А может, не начали? - предположил Лысый с надеждой, запуская руку за голову и снимая резинку с хвоста. Роскошная вороная шевелюра рассыпалась по плечам. - Ф-фу... какое облегчение. Остригусь на фиг. Пойдем вместе стричься? Тебе давно пора. Хотя бы виски снимешь - вот так вот. - Лысый показал было как, но Мастер от его руки отшатнулся. - Понимаешь, старик, мне даже представить страшно, как это нам отольется.

- Всем отольется, - сказал Мастер. - Не только нам.

- В любом случае, - поднял указательный палец Лысый, - Техцентр - это вполне может быть та самая контора. Как же я сразу-то не догадался, а? Но, слушай, их же была целая куча... А База? База не может быть и

Техцентром заодно?

- База - медицинский НИИ. С технологиями, конечно, но мощности не те.

А Техцентр я тебе описал, по-моему, достаточно подробно.

- Да, - с печальной улыбкой кивнул Лысый. - Как будто ты уже там был.

- Я уверен, что вычислил достаточно точно. Но нужны доказательства.

Сам понимаешь, нельзя же атаковать какой-нибудь ЦНИИ-нафиг-информ чисто по подозрению.

- А как... Как ты установил район? - У Лысого глаза буквально горели.

Саймон подался вперед. Видно было, что он себя удерживает, пытаясь хранить почтительное молчание.

- Покажи мне твою справку. - Мастер протянул Лысому раскрытую ладонь.

Лысый скривился, будто выпил махом стакан хлористого кальция. "Справка"

- это было принятое в Школе упоминание о том, что Мастер - человек с блокированной энергетикой. Он был невнушаем, его нельзя было "зомбировать", подчинив чужой воле, невозможно было считать известную ему информацию. Мастера не мог "прощупать" ни один сенс, его ауру не сканировала аппаратура Базы - во всяком случае, на мощностях, не представляющих опасности для жизни. Мастер не поддавался даже вульгарному гипнозу. И никто не понимал, откуда он взялся такой.

- Откуда ты взялся такой? - спросил Лысый, продолжая морщиться.

- Хорошо, что это тебя не шокирует, улыбнулся Мастер.

- Погодите, господа! - не выдержал Саймон. - Вы это все серьезно? Как это - "атаковать"? А главное - зачем?

- Ну, натурально... - объяснил Лысый. - А ты что, думал, мы будем ждать, когда нам всем мозги промоют?! - вдруг сорвался он. - Включая, кстати, твоего папочку!

- Лысый ткнул пальцем в сторону Мастера, и Мастер опять слегка отшатнулся. - Нам же с обеих сторон полная жопа! Либо твари съедят, либо гэбэшники. Только я бы уж лучше тварью заделался. Подстерег бы потом кое-кого в темном переулке...

- Ладно, ты не разгонишься, - посоветовал Мастер. - Это все еще гипотезы. Не запугивай мне молодежь.

- А чего это "не запугивай"?! - снова повысил голос Лысый. - Почему "гипотезы"?

Я уже который год всем талдычу: главная опасность для нас - это Техцентр, Техцентр надо брать. Но, извини-подвинься, - Лысый резво соскочил с подоконника, и Мастер действительно подвинулся, - если Техцентр - это ТОТ Техцентр, тогда дело еще хуже. Ты же должен понимать! Мы стоим на пороге такого...

- Довольно, - перебил его Мастер. - Я знаю, на пороге "какого" мы стоим. И для некоторых это будет совсем не открытие.

- И даже не закрытие, - ввернул Лысый. - Полное накрытие будет. Конец всему. Ну почему?! - простонал он, воздев руки к воображаемому небу. Мастер сопровождал его движение взглядом и заинтересованно уставился вверх. - Почему мы были такие идиоты?! Почему мы согласились принимать в этом участие?!

- До чего же у нас все-таки грязные потолки, - сказал Мастер. Лысый закусил губу. - Почему, почему... Молодые были, вот почему. Собак любили, деньги любили, себя любили - очень! Согласитесь, коллега, что наша встреча в Проекте закономерна. Для нас на этой планете было только одно подходящее место - Школа.

Вот мы и столкнулись все именно здесь. А о том, в какую... - Мастер

выдержал паузу, - мы попали, догадывается сейчас каждый. Просто кто-то с самого начала понял, что дело нечисто, а кому-то пришлось и объяснять.

- Мужики, а мужики... - попросил тихонько Саймон. - Очнитесь, а?.. Да хватит же!

- неожиданно выпалил он. Так яростно, что старшие разом обернулись в его сторону. - Мужики, вы что?! Да вы посмотрите на себя! В зеркало хотя бы. Вы несете такую чушь... "Программа "Зомби"! Это же чистая шиза!

- Так-так-так. - Лысый задрал подбородок, упер кулаки в бока и шагнул к Саймону.

- Продолжайте, юноша.

- Поймите, вы просто устали, - сказал Саймон уже тише. - Вам нужно в Лагерь хотя бы на месяц... Вы так до такого договоритесь...

- Это до какого же "такого"?

- Легче, легче, - попросил Мастер Лысого, не спуская с Саймона внимательных глаз. Саймон весь подобрался, был он уже совсем не сонный и вовсе не усталый. И смотрел он не на Лысого. Он смело глядел на Мастера, и тот внезапно понял, до какой же степени изменился этот парень за последние месяцы. Теперь с ним добром не сладишь. Совершенно чужой.

- Вы устали, - повторил Саймон. - Раньше с вами было легко, я вами просто восхищался раньше. Для меня все старики... вы оба, Хунта, Китаец - да все - как родные были. Но теперь с вами просто не-вы-но-си-мо, - для вящей убедительности он на каждый такт потрясал в воздухе напряженными ладонями. Лысый и Мастер настороженно слушали. Мастер тоже упер руки в бока фирменным "школьным" жестом.

И подумал, что, на взгляд Саймона, они с Лысым сейчас особенно похожи - и особенно чужды для него.

- Дальше, - потребовал Мастер. Он словно бросил Саймону мяч, и тот послушно его принял - как это происходило всегда, когда Мастер того хотел. Так получалось везде, даже в Штабе. Но в Штабе Мастеру всегда казалось, что на самом-то деле играют с ним.

- Прости, я сорвался, - потупился Саймон. - Но это ведь дикость. Ты вечно твердишь, что нужно принимать в расчет психологию, а сам об этом забываешь. И не видишь, что уже не справляешься с перегрузкой. Мне, правда, очень за вас больно, я поэтому и заорал. Но честное слово, мужики, у вас проблема с головой!

- Ты полагаешь, что мы паникуем... - протянул Лысый, складывая руки на груди. - Столько лет мы были в порядке, а вот сейчас, едва нас твари поприжали, мы тут же надломились и пошли искать виноватых, да?

- А ты спроси Зигмунда, - предложил Саймон, - что он знает о фобиях. Когда они возникают и отчего.

- Старички с перепугу двинулись, - удовлетворенно промурлыкал Лысый.

- Я не это хотел сказать.

- Но ты сказал именно это, юноша.

- Я не настолько моложе тебя, чтобы ты так со мной обращался. - Саймон явно начинал злиться и не отдавал себе отчета в том, что его провоцируют. - Я в Школе три года и видел не меньше твоего!

- Ты много видел, но мало думал, - бросил Лысый. - Ты не виноват, это проблема твоего поколения.

- А проблема твоего поколения знаешь в чем? Вы все собственной тени боитесь. Вам постоянно страшно. И вы ищете опасность везде, даже там, где ее нет.

- С чего бы это? - невинно поинтересовался Лысый.

- Элементарно, - заявил Саймон. - Вас родители учили, что жить вы будете в страхе. Не хотели, а учили. Личным примером. И вы научились-таки! Только когда вы подросли, оказалось, что бояться-то нечего. Вы ведь ждали, что у вас будет страшный невидимый враг - кагэбе это ваше жуткое с его ужасными программами зомбирования. А его нет! Не-ту! Кончились враги, остались только неприятности - мафия да милиция. Но их бояться - это же вас недостойно, это совсем не ваш уровень!..

- Складно излагает, - обратился Лысый к Мастеру, выпятив губу. - Просто меня цитирует.

- Меня! - ткнул себе пальцем в грудь Мастер. - Дальше.

- А что "дальше"... - Саймон сник, и Мастер понял, что надо было промолчать.

"Все-таки я для него еще авторитет. Пока он сам по себе, он уже кобелек годовалый, зубастый, всех цапнуть норовит. Как только я появляюсь, он снова щенок толстолапый. Рефлекс слабака". - Дальше все ясно, по-моему. Вы стали искать врага. В нормальной жизни он так и не объявился, а вот в Проекте вы его нашли моментально. Только ведь твари для вас... не мелко, наверное, а не по теме. Вы же привыкли, что враг - человек. Коварный такой, неожиданный. Вот и копаете под Проект.

- Точно, - согласился Лысый. - Человек труднопредсказуем. Поэтому он - самое опасное животное на нашей планете. А может, хрен его знает, и во всей обитаемой Вселенной. Ты это тоже знаешь - только забыл почему-то. Хочешь, напомню?

- Ну, вот, - сказал Саймон, не обращая внимания на явную угрозу. - Поэтому вы так собак любите - потому что они прямые и открытые. Вы даже один другому не доверяете по-настоящему, вы просто из одной стаи. И конечно же, вы не можете доверять Проекту, который, между прочим, вытащил вас из глубокого дерьма. Твои слова? - Он указал на Мастера, и тот в ответ кивнул.

- Допустим. Но что ты знаешь о моих мотивах?

- Ничего себе. - Саймон даже шагнул назад. - Спасибо большое за откровенность...

А я-то думал...

- Я никогда тебе не лгал, - сказал Мастер, но Саймон уже на него не глядел. А значит - это нужно его знать, - и не слушал. Мастер почувствовал, что проигрывает вчистую, и про себя с Саймоном попрощался. "Мы оба долго боролись за тебя, парень, - ты и я. Но я отвечаю еще за много человек. И если придется тебя променять на них... Придется".

- Я никогда тебе не лгал, - повторил Мастер с нажимом. - Ты же знаешь, я вообще никогда не лгу. - Саймон кивнул, но это уже ничего не значило. - Я просто хотел сказать тебе, что мои мотивы со временем изменились. Кстати, судя по твоему поведению, фобия как раз у тебя.

Саймон поднял на Мастера взгляд, и тот внутренне содрогнулся. Минуту назад в этих глазах что-то еще оставалось от того парня, который никогда не сказал бы "вы так собак любите", потому что "вы" для него не было, было только "мы".

Теперь это были глаза другого человека, которого щадить не стоило. Но все же к такой ощутимой потере Мастер готов не был и теперь чувствовал себя очень скверно. Отчасти поэтому он продолжал разговор. Он не мог просто так повернуться и уйти от того, в кого было когда-то вложено столько заботы и любви. "Когда же я тебя упустил? Ведь недавно же... Когда?"

- Проект действительно вытащил нас из глубокой задницы, - продолжал Мастер. - Мы все амбициозные типы, и все мы неудачники. Школа для нас идеальное место. Но это не означает, что мы всё простим Проекту. Например, его потенциальную опасность для рода человеческого.

- Проект больше, чем кажется, - сказал Лысый. "Он тоже не понимает, что с Саймоном творится, - подумал Мастер, - и искренне пытается до него достучаться.

Сейчас он ему будет все объяснять, как маленькому. Как он, наверное, объясняет молодым бойцам у себя в группе". - Проект всегда обладал мощностями куда большими, чем нужно для охоты. Пять лет назад тварей было по одной на целую неделю - а Проект был такой же здоровенный. Мы тогда уже сообразили, что отлов тварей для Проекта - побочный бизнес. Мастер тогда же сказал, что пульсаторы не против тварей делались, а против людей. Их только перенастроили. А теперь ты, мелочь пузатая, - зашипел Лысый, придвигаясь к Саймону вплотную, - это доказал, когда подшиб того фотографа. Но с тебя же это как с гуся вода - то, что ты выстрелил в человека...

Саймон, глядя в пол, отчетливо скрипнул зубами. "Он его не понимает, - понял Мастер с тревогой в душе, - он просто злится на то, что ему делают выговор.

Особенно парень зол на меня, потому что раньше я бы не позволил никому его обидеть. Только сам, только лично - как с собакой. Это был знак доверия. И раз я спустил на него Лысого - значит, все кончено. Что для Саймона Школа? Сможет ли он теперь остаться здесь, пока здесь я? Чем это все кончится? Что с тобой, Саймон? Кто ты теперь? Почему ты продал нас? И за какие сребреники? Я убью тебя, Игорь".

- Мы действительно людей не любим, - шипел Саймону в ухо Лысый, трясясь от напряжения. - Только мы все равно стараемся с ними считаться. А для тебя нет разницы между человеком и тварью, ты готов стрелять во всех! Как ты выстрелил тогда! Ты прав, у нас есть страхи, а у тебя и страха нет! Вот почему мы трижды думаем прежде, чем стрелять. А ты не думаешь вообще... И если я тебе говорю, что Техцентр разрабатывает супероружие, - будь любезен верить мне! А мы все - и ты в особенности, потому что не хочешь думать, - пешки в этой игре. Нас используют.

Пока что мы знаем только, что это будет очень страшно. Но если Мастер прав и мы, как полные мудаки, вляпались в "Программу "Зомби" - это все! Все-о-о!!! - зарычал Лысый в полный голос. - Конец света!!! И нас проклянут вместе с теми гадами, которые эту дрянь придумали! - Лысый задохнулся и умолк.

- Самое обидное, - тихо сказал Мастер, - что даже проклясть нас будет уже некому. Людей не останется. Будут одни ходячие деревяшки. По уши счастливые.

- И это, - выдохнул Лысый, поднося к носу Саймона палец с обгрызенным ногтем, - только гипотеза. Упаси тебя боже, сынок, заикнуться кому-нибудь, что такое может быть в природе. Ты должен всегда твердить "гипотеза". Хотя и в этом случае клеймо шизофреника тебе обеспечено. Только сегодня тебя не посадят в психушку на психотропные таблеточки, потому что ты прав - времена не те. Сегодня можно вслух нести любую чушь и любую правду. Всем по фигу. Я иногда не понимаю, зачем Проекту такая дикая секретность - в него же все равно никто не поверит...

- Похоже, секретность на днях кончится, - заметил Мастер.

- Чего?! - отвернулся от Саймона Лысый.

- Позже расскажу, - пообещал Мастер.

- Ну-ну, - задумчиво протянул Лысый. Он уже более или менее опомнился. - А юноша наш стоит и думает: "Когда же меня оставят в покое?" Между прочим, - он снова повернулся к Мастеру, как будто Саймона и вовсе не было рядом, - что-то пацан здорово изменился за последнее время. У нас в группе два таких деятеля, ни хрена не понимающих, но они еще совсем зеленые. А этот-то... С ним же всегда можно было по-человечески поговорить. Что ты с ним сотворил?

- Он больше месяца ходит оперативным дежурным, - сказал Мастер. - Во "Второй" уже забыли, как он выглядит.

- И зачем ты это делаешь? - спросил Лысый, по-прежнему игнорируя присутствие Саймона.

- Угадай с трех раз, - предложил Мастер. У Саймона на щеках проступили желваки.

Казалось, он сейчас вцепится зубами начальнику в шею. - Только постарайся угадать правильно.

- А как я узнаю, что правильно угадал? - Лысый запрокинул голову и принялся собирать волосы в хвост.

- Угадаешь - обалдеешь, - четко проговорил Мастер. - Пошли домой! - Он как ни в чем не бывало повернулся к Саймону. Но Саймон принять игру отказался. Он обеими руками вцепился в поясной ремень и злобно глянул на Мастера исподлобья. Весь как сжатая пружина - человек, готовый бить.

- Хреновый ты воспитатель, - заметил Лысый, возясь с резинкой, которой стягивал хвост на затылке. - Мальчик-то вырос. Не хочет быть на вторых ролях.

- Не-а, - мотнул головой Мастер. - Он не вырос. Он испортился.

- Не надо... - с трудом выдав ил Саймон сквозь зубы, сжатые чуть ли не до судороги. Костяшки у него на кулаках совсем побелели.

- Глупенький мальчик, - безмятежно сказал Лысый, опуская руки. - Тебя же провоцируют. Это же Мастер, не поддавайся ему... - бормоча эти слова, Лысый плавно смещался вправо - так, чтобы между ним и Мастером образовался прямой угол с Саймоном в основании. "Теперь, если Саймон вздумает кинуться на Мастера, пусть распрощается с левой почкой. А если он попробует лягнуть меня каким-нибудь каратешным ударом в бок, Мастер так ему засветит в грудь, что мальчик рухнет прямо затылком на батарею. Главное, что достать нас он сможет только по одному..." Лысый как бы невзначай подобрал согнутые руки почти в боевую позицию.

Он полностью доверял Мастеру и действовал не рассуждая, автоматически. Только где-то на окраине сознания пульсировала фраза: "Вот это да! Вот это да..." - Не надо, говоришь? - спросил Мастер. - Ну, не надо - так не надо. Проходи. - Он шагнул назад, развернулся к Саймону вполоборота и сделал приглашающий жест.

Встал, слегка наклонив голову, фактически подставив шею для рубящего удара.

Лысого пробрал озноб. Он видел, что Саймон доведен до крайней точки кипения и Мастер ведет слишком опасную игру. Это было очень не похоже на Мастера, который никогда попусту не рисковал и всячески мешал рисковать другим. Но с Саймоном у них отношения почти родственные, и, видимо, иначе нельзя. "А вот убьет тебя сейчас этот парнишка - и пожалеть не успеешь о том, что сдуру изобразил средневекового рыцаря". Нужно было бы шагнуть к Саймону поближе, но Лысый стоял как вкопанный, боясь нарушить план Мастера. Кожу словно кололи мелкие иголки - напряжение в

образованном людьми треугольнике было дикое. И нагнетал его Саймон.

Мастер не шевелился - голова наклонена, рука на отлете разрешает пройти. Лысый медленно, очень медленно опустил руки и постарался расслабиться. Но иголки кололи все чаще. Тогда Лысый так же медленно завел правую за спину и взялся за торчащую сзади из-за пояса рукоятку. Пистолет он месяц не чистил, зато в стволе был патрон.

И вдруг напряжение разрядилось. Саймон глубоко вдохнул, сунул руки в карманы и, опустив не только голову, но и плечи, шагнул в предложенном Мастером направлении - прямо между двумя старшими. Сделал еще шаг, еще, попытался обернуться, но только зябко шевельнул плечами. И пошел, наращивая скорость, а затем побежал вдаль по коридору. Свернул за угол. Исчез.

Лысый вынул из-за спины руку с пистолетом и уставился на "ТТ" так, будто впервые увидел такую странную вещь. Потом он посмотрел в глубь коридора. Потом - на Мастера. Тот стоял, неприязненно поджав губы, и часто-часто моргал. Одновременно он крутил носом, дергал щекой и вообще вел себя как человек со связанными руками, с размаху попавший лицом в паутину. Лысый и представить себе не мог раньше, что кого-то может до такой степени разобрать нервный тик. Он деликатно отвернулся, сунул оружие на место, достал сигареты, закурил и пускал дым в стену, пока не услышал, как клацнула зажигалка Мастера.

- Извини, пожалуйста, - сказал Мастер, и в голосе его Лысый прочел глубокое смущение.

- Да ладно... - Лысый обернулся. Мастер стоял по-прежнему, сложив руки на груди, и немилосердно жевал сигаретный фильтр. Впрочем, лицо у него уже не дергалось.

- Нет, действительно, я приношу тебе извинения. Ты не в курсе дела, и это хорошо. Окажись на твоём месте информированный человек, он бы просто Саймона пристрелил. Даже ты был недалеко от этого...

- Я за тебя испугался. Зачем ты ему шею подставил?

- А видишь, как он надломился в итоге?

- Он надломился, а я чуть не сломался. - Лысый снова уселся на подоконник.

Мастер заложил руки за спину и принялся ходить перед ним туда-сюда, по-прежнему жуя сигарету и роняя под ноги пепел. Лысый ждал. Свое право на информацию он заработал. И право вдоволь поскандалить из-за того, что его до сих пор держали в стороне - тоже.

Мастер остановился.

- Как же я устал, - пробормотал он. - Карма... куда я ее дел? - и сорвался с места в том же направлении, что и Саймон - на псарню. Лысый ошарашено глядел ему вслед.

***

Проект своих людей не обижал, ни деньгами, ни всяческими льготами. У Мастера к моменту прихода в Школу отношения с родителями окончательно испортились, и он был рад принять от работодателей симпатичную квартиру в тихом районе.

Постепенно из этой жилплощади получился настоящий дом - особенно после того, как в нем выросла Карма. При всей их обоюдной любви Мастер вовсе с собакой не носился - просто выполнял ежедневный минимум операций по уходу, который обычно знаком только выставочным животным. Всегда

тщательно расчесанная, сытая, здоровая, красивая зверюга придавала квартире Мастера уют, несвойственный холостяцкому жилищу. Впрочем, Карма царила в этом доме не безраздельно. Но подруги Мастера приходили и уходили, а она оставалась. И что уж совершенно не лезло ни в какие ворота, ни разу ни одну из своих временных хозяек не укусила.

В парке неподалеку симпатичный парень лет двадцати выгуливал роскошного южака. К снежно-белым мохнатым псам Мастер относился с опаской. Поговаривали, что у южаков случаются крайне неприятные закидоны, по сравнению с которыми гнусные выходки кавказов - детский сад. Но этот южак оказался на редкость воспитанный.

Что, правда, не помешало ему заставить Мастера понервничать. Завидев пухленькую блондиночку, кавалер бросился к ней с такой прытью, что Карма, опешив, на шаг отступила, а Мастер принял жест поклонения за атаку. Выручил опыт собачника.

Мастер уже прыгнул было вперед, готовый защитить барышню, но буквально за долю секунды до контакта остановился. Южак - неглупый! - тоже притормозил. Карма очнулась, и между животными завязалось интенсивное, обнюхивание. Тут из кустов возник хозяин южака и с ходу расположил к себе Мастера, заявив снизу вверх:

- Спасибо, что не тронули моего дурака.

Мастер от такого комплимента мгновенно растаял. "Ничего, все нормально. Я, правда, не очень понимаю в южнорусских, но элитную собаку видно издали. А выставочные экземпляры, насколько мне известно, очень дисциплинированы. И потом, я заметил в последний момент, что ваш красавец как-то очень весело подпрыгивает на бегу. В атаку так не ходят. Ну вот, видите... А моя-то, моя!

Карма, солнышко, будь поскромнее. Он сейчас так возбуждился, что придется его увести".

Однако южак не слишком возбудился. С Кармой так уже бывало - взрослые и серьезные псы, давно "развязанные" и знающие, что к чему, принимались обхаживать ее с рыцарским трепетом. Разве что подарков не дарили. За исключением периодов, когда Карма "текла". Но она, видимо, берегла себя для любимого хозяина, и пытающимся запрыгнуть на нее кобелям обычно приходилось несладко. Только однажды она всерьез задумалась, не уступить ли домогательствам сенбернара-переростка.

Возможно, он показался Карме еще привлекательнее, чем Мастер. Или она решила Мастера наказать за то, что тот никак не соблазняется ее прелестями. А может, сказался напор - сенбернарище тянул больше чем на сто кило, на Мастера посмотрел как на пустое место, а Карму облапил, толком даже не обнюхав. Мастер понял, что положение безвыходное - в драке он не победит, - и вытащил пистолет. Тут, оглушительно матерясь, прибежал человек с фигурой штангиста. Он запросто снял динозавра с бедной девочки, обозвал Мастера мудаком, а Карму рыжей блядью и пинками угнал чудовище домой. Мастер убрал пистолет и долго отряхивал с Кармы липкие слюны кавалера. Потом они пошли за пивом, и Мастер всю дорогу переживал из-за того, как он перед Кармой виноват. Так вышло, что он купил ее за месяц до приглашения в Школу. Тогда ему и в голову не приходило, что Карме суждено вырасти охотницей на зомби, а значит - умереть девственницей. Собаку, работающую в Школе, оказалось сложно выводить из игры даже на периоды течки. Ну, это-то делать приходилось, а вот о беременности и выкармливании щенков нечего было и думать.

Слава богу, южак с ходу воспылал к Карме чистым и возвышенным

чувством. Поэтому зверье просто начало резвиться, носясь кругами вокруг людей, которые расслабленно закурили и повели светскую беседу. Оказалось, что парень с южаком живет ни больше ни меньше через стенку. Мастер у дома выводил Карму ненадолго - она основательно нагуливалась на школьной тренировочной площадке, да и работала на относительно свежем воздухе. Ничего удивительного, что парочка из соседнего подъезда раньше не попадалась им навстречу.

И еще менее удивительно было то, что Игорь, парень с южаком, с тех пор всегда старался оказаться на улице одновременно с Мастером. Его тянуло, как магнитом, к загадочному человеку с красивой кавказкой. Может быть, привлекла внутренняя сила, которая нет-нет, да и проглядывала в этой импозантной паре. А может, просто нравилось на них смотреть. Они производили впечатление. Вот идет Мастер - крепкий мужчина с очень приятным, только каким-то слишком уж отстраненным лицом.

Так просто с ним не заговоришь. Вдобавок, он непонятным образом выглядит значительно крупнее, чем есть на самом деле, отчего входить с ним в контакт совсем не хочется. Руки у Мастера в карманах, сбоку под пояс заправлен сложенный вчетверо поводок. Он свисает из-под куртки так, что стоит Мастеру опустить руку - и карабин ляжет прямо в ладонь. А для кого поводок-то? Ой! В двух метрах позади топает мощная собака роскошного песочного цвета, изредка отвлекаясь на особенно интересные запахи. Иногда Мастер останавливается - когда согласен, что запах интересный. Иногда нет - и зверюга быстренько его догоняет. Когда нужно перейти дорогу, Мастер щелкает языком, хлопает себя по бедру - и собака мгновенно подбегает к ноге. На вас она обратит внимание, только если вы целенаправленно подойдете к Мастеру вплотную, - и тогда она вдруг окажется между ним и вами. Еще она может зарычать, если вам вздумается ее погладить, и тогда вы быстренько отдернете руку. Хотя известен случай, когда к Карме бросился обниматься ребенок, а Мастер этот момент позорно зевнул. Когда он обернулся, несчастное животное, боясь лишней раз дыхнуть, выпученными глазами умоляло о спасении. Человеческий детеныш висел у него на шее и радостно пищал: "Собачка чау-чау, собачка чау-чау!"

- Это не чау-чау, - холодно сказал Мастер, не двигаясь с места. - Это кавказская овчарка. Отпусти ее, пожалуйста.

- Я же тебе говорила, что это не чау-чау! - сказала, подходя, симпатичная мама лет двадцати пяти, дорого и безвкусно одетая. - Извините, молодой человек, - бросила она небрежно, отдирая ребенка от собаки. Карма, казалось, сейчас упадет в обморок от пережитого стресса. Опустив хвост, она нетвердой походкой отползала к хозяину.

- Очень красивая у вас собака, - заметила мамаша, стоически не обращая внимания на возмущенный писк детеныша, у которого отняли игрушку. - Прямо как игрушка. И добрая. А что, она вообще не кусается?

- Она смертельно опасна, - гордо сообщил Мастер.

- Никогда таких не видела, - сказала мамаша, недоверчиво глядя на Карму.

Смертельно опасное животное жалось к хозяйской ноге, судорожно хватая пастью воздух, и по-прежнему не задирало хвоста.

- На них мода уже прошла, - светским тоном объяснил Мастер, суя Карме под нос кусочек "пищевого подкрепления" - дорогого импортного собачьего лакомства.

Собака чуть оживилась и мягко, одними губами приняла заслуженную

награду. - И потом, это довольно редкий для Москвы тип кавказца - горный. Тут все больше степные, голенастые такие, высокие. Поэтому дети, бывает, ошибаются. Им ведь нравятся чау, плюшевые мишки. Только я бы вам советовал и к настоящим чау-чау близко не подходить.

- Хай! - поздоровались сзади голосом Игоря, и к Карме подлетел здороваться симпатяга Беллью.

- Салют, - сказал Мастер, оборачиваясь.

- Ой, страшила какая... - пробормотала мамочка, вновь оттаскивая ребенка и давая поспешно задний ход. - Ну, извините еще раз, молодой человек...

Мастер церемонно поклонился ей вслед.

- Вот так-то, - заключил он, в двух словах описав Игорю ситуацию. Тот завистливо рассматривал Карму, которая уже очухалась и вместе с Беллью, радостно лая, гнала от куста к кусту низколетящую ворону. Хвост у Кармы снова торчал кверху, победно развеваясь. - Ты вот меня спросишь, почему я ей не сказал, что с такого ребенка глаз нельзя спускать, если вблизи собаки...

- И спрошу.

- А потому что без толку. - Мастер с усилием провел ладонью по глазам. - Эта девица по жизни ни на что не годна - просто еще один потенциальный труп. Она сначала делает, а потом думает. И из ребенка вырастит такое же, как сама, пушечное мясо. Тупое, упертое, самовлюбленное, бескультурное пушечное мясо.

Совершенно бесстрашное, потому что ему ума не хватит понять, что такое боль и какова истинная ценность жизни. И поэтому - запросто способное убить... Всегда уверенное в своей правоте... Считающее, что если чего-то не может быть никогда, то этого никогда быть не может...

- О чем ты? - спросил Игорь почти шепотом. Ему вдруг стало не, по себе.

Нормальная реакция человека, к которому Мастер повернулся своим большим местом.

Только охотники знали, что Мастер так остро переживает отвлеченные, казалось бы, проблемы. А для него это было нормально, потому что, как наложить лубок на сломанную лапу, - это он знал, а как сделать тупой разум острым - нет.

Всегда его волновали только те вопросы, на которые он не знал ответов. Именно поэтому умный Генерал в свое время обещал уйти в отставку, если руководство Проекта утвердит Мастера старшим Школы. "Или я ему эти глаза его проклятые выколю!" - пообещал Генерал. Но Мастеру не нашлось альтернативы, и Генералу приказали справиться с эмоциями. Некоторое время Генералу казалось, что он справляется - и с эмоциями, и с Мастером. Потом выяснилось, что это Мастер справился с Генералом. Сменить Генерала было глупо - пропал бы опытнейший менеджер. А сменить Мастера было страшно - он всего за год командования так гениально развалил Школу, что держалась она только на одном - самом Мастере.

Убери его - и охотники могут повернуть оружие против Тех, кто их породил. Такого развития событий не предполагал ни один из аналитиков Проекта. Выдвигая Мастера, они особенно рассчитывали на то, что его невозможно зомбировать, а значит, Школа всегда будет именно в его руках. И, манипулируя Мастером, именно Проект всегда будет контролировать Школу. Никто третий - ни тварь, ни сенс - не сможет незаметно овладеть Школой, покопавшись в голове старшего охотника. Старательно изучив файл

Мастера, разработчики так и не додумались, что этим третьим может стать он сам. Как и все сотрудники Проекта, они просто не в состоянии были такое себе представить. Выступить против этой махины мог только самоубийца. Проекту не сопротивляются. Проект - это жизнь. Кто бы мог подумать, что Мастеру жить надоест... Но он еще и так все повернул, что просто взять и убить его стало невозможно. Ничего специально не планируя, опираясь только на интуицию - что было доказано, - он стал проблемой, на решение которой нужно было положить несколько лет.

Впервые за историю Проекта возникла глупейшая ситуация. До этого Проект прошел сквозь все политические и экономические кризисы почти без потерь. А теперь элементарный сбой в кадровой работе поставил под вопрос надежность подразделения, допущенного к топ-секретной тематике. Один-единственный человек оказался той самой каплей бензина, сделавшей концентрацию паров взрывоопасной. И именно ему нельзя было в случае чего стереть память. Он мог только умереть.

Но сначала он должен был собственными руками вырастить себе полноценную замену.

Он мог это сделать. Сам того не желая, он перекраивал под себя любого, кто ему действительно нравился и кому нравился он сам. Бессознательно, невольно люди копировали Мастера в самом главном - подходе к решению вопросов. Он заражал спокойствием, близким к пофигизму. Заражал потому, наверное, что в этом он был настоящий мужчина - просто герой экрана. Умение держать себя в руках было самым ярким его мужским качеством. А самым незаметным - умение обходить любое противодействие, делать все по-своему. Да так, что оппоненты разевают рты и матерятся лишь тогда, когда поворачивать оглобли уже поздно.

В остальном Мастер мог быть плох - и частенько бывал. Пижон, трепло, зануда, нытик - таким его в Школе тоже знали. Но только в Школе. Поэтому на Игоря Мастер своим внезапным откровением произвел впечатление просто неизгладимое. Игорь решил, что ему приоткрыли душу. А Мастер всего лишь использовал спонтанный прорыв злобы, чтобы получился хороший тест, - сможет ли мальчик верно понять слова и глубоко прочувствовать эмоцию. Мастер развлекался. А мальчик влюбился в Мастера еще крепче. Зачем это Мастеру было нужно, он сам не знал - брать Игоря в Школу не имело смысла. Школа - заповедник отщепенцев. Из нее уходят либо под землю, либо в отставку, то есть на менее опасную работу в секторе прикрытия. Но ты все равно остаешься в Проекте. Воли тебе не видать. Зачем такая кабала тому, у кого все в жизни гладко? А у мальчика было именно так. Папа, мама, собака, институт, стандартный набор respectable молодого человека.

Было-да сплыло. За окном валил снег. "Старик, умоляю, выведи до кучи и моего крокодила - хоть на пять минут". - "Что такое, заболел?" - "В натуре помираю, отравился чем-то". - "Это ты несвежей водки попил". - "Да если бы!" - "Ладно, сейчас зайдем только вечером я работаю, так что..." - "Да вечером он уже на даче будет, предки едут на выходные, заберут с собой. Я, как оклемаюсь, тоже к ним рвану..." - "Ну, хорошо. Только ты ему внушение сделай". Какое там внушение... С Кармой и Мастером Беллью был готов топтать если и не на край света, то во двор - точно. Крокодилы чудесно побегали и даже чуть не поймали какую-то примороженную ворону, которая потом долго выкрикивала им вслед свои вороньи непристойности с безопасной высоты. Мастер завел машину, включил печку и загнал Карму на заднее сиденье. И, молясь, чтобы под ноги не

попалась немецкая овчарка с шестого этажа, повел Беллью домой. Он уже привык к этому красивому псу и все боролся с желанием его погладить. Негоже гладить чужую собаку. И бить негоже. И любовь, и злобу выказывать собаке может только хозяин. Неважно, что это за собака - южак или болонка. Мастер поднимался с Беллью в лифте и вспоминал историю, прославившую Игоря на всю Москву. Как-то к парню на улице подошла тетка с болонкой и спросила: "Простите, молодой человек, а что это у вас за порода?" Игорь, предусмотрительно взявший Беллью за ошейник, среагировал мгновенно: "Как это?"

Болонка, конечно!" Бабушка обомлела. "Да вы свою, наверное, кормите не правильно!"

- заявил Игорь. - Вот, смотрите, что делает грамотное питание!" Тут Беллью чихнул, и тетка с болонкой испарились. Эту историю Мастер слышал потом не раз от собачников, живших в разных концах города. В качестве автора хохмы всегда фигурировал некий мужик из соседнего подъезда. Мастер стоически держался, чтобы не выдать этот чудесный анекдот в Школе, - и дождался результата. Очередную версию ему, сотрясаясь от хохота, пересказал Крюгер, назвавшись очевидцем и сославшись на "чувака с южаком из соседнего дома". Тут уж Мастер не выдержал и на Крюгера наехал, оперируя терминами "как не стыдно врать", "есть же предел" и "ты же взрослый, в конце концов". Посрамленный Крюгер ответил, что не стыдно, предела нет, и он еще даже не половозрелый. "Никогда я вас, людей, не пойму!" - искренне сказал Мастер, отвернулся и пошел. Тут аналитика проняло. Вспомнив, какая у Крюгера была сконфуженная физиономия, Мастер расхохотался. Именно так, смеясь, он и вручил бледно-зеленому Игорю поводок. "Историю с болонкой вспомнил", - объяснил Мастер. "А-а! - слабым голосом сказал Игорь. - Мы еще и не так можем... Спасибо!" - "Не за что. Заходите еще". На прощанье Мастер щелкнул Беллью по кончику хвоста. И больше его никогда не видел.

Груженный под завязку трейлер спихнул машину с Беллью и родителями Игоря в придорожную канаву всего за полкилометра от поворота на Видное. Они уже тормозили, шли в своем ряду, дело было на подъеме - вообще непонятно, как такое могло получиться. Во всяком случае, водитель трейлера ничего толком объяснить не сумел, только причитал и трясся. А они летели через крышу - не раз и не два, - и им, наверное, было даже не больно.

И было не больно Карме. И совсем не больно Мастеру - просто обидно, что люди уходят. Он успел рассмотреть вскользь родителей Игоря, определил их для себя как "пушечное мясо" и переживал их смерть в чисто прикладном ключе - они унесли с собой единственное существо, которое любило Игоря поистине бескорыстно и этой любовью хранило его от всех бед. Игорь остался настолько один, насколько может быть одинок человек. И этот очаг боли за стеной начал Мастеру действовать на нервы.

Игорь звал Мастера на поминки - собиралось немало родственников и друзей, и оградить Игоря от шквала бессмысленных соболезнований мог только старший брат, которого, естественно, не было. Игорь звонил на "девять дней" - ответчик бесстрастно зафиксировал голос, полный мольбы о помощи. Потом Игорь запил. Его разнокалиберные девицы пытались его, конечно же, утешить, но что они, толком не нужные, могли сделать для совсем молодого человека, потерявшего в одночасье все... Он еще не был готов по-настоящему любить женщину. И мечтал о друге. Ему нужен был кто-то огромный, мохнатый и теплый, смертельно опасный для всех, кроме

щенков, уверенно стоящий на крепких лапах, настороженно поводящий кисточками на обрубленных ушах и поднявший к небу толстый сильный хвост, рассыпающийся длинными перьями: умираю, но не сдаюсь. Мастер. Карма. И Игорь наконец устал их ждать. Пора было понять - они его тоже бросили.

Карма ввалилась к Игорю в дом через незапертую дверь, сшибая расставленные вдоль стен коридора пустые бутылки. За Кармой шел Мастер - пушистый воротник поднят, кепка надвинута на глаза. На руках Мастер держал маленькую светло-серую мохнатую собачку. У кавказов это норма - они не бывают щенками. Кавказский щенок выглядит именно маленькой собачкой. Карма присела у стола, а Мастер рукой в перчатке разгреб пузыри и стаканы, положил собачонку на освободившееся место и сказал:

- Вырастет серо-стальной. Только с ним будет одна проблема. Придется выдумать ему имя на букву "ха".

Игорь протянул дрожащую руку к щенку, а тот сунулся к этой руке и радостно прокомпостировал ее белыми-пребелыми зубищами.

Так заявил о себе Хасан, один из лучших бойцов за всю историю Школы. А через месяц Игорь успешно прошел входные тесты и был зачислен стажером в "группу Два" под именем Саймон. Когда Хасан подрос, Саймона поставили напарником к асу Петровичу. Потом эту пару год "шлифовал" Боцман. Под его руководством они достигли нужной кондиции, после чего Саймона забрал Мастер и начал готовить из него старшего группы.

К Саймону в Школе отнеслись тепло. Охотники высоко ценят в человеке чувство собственного достоинства и терпеть не могут истериков. Они уважают сильных парней, которые знают себе цену, но при этом не корчат из себя покорителей Вселенной и всех ее мисс. Короче, как назвал это Мэкс, "не рвут трансмиссию". У Саймона все задатки были соответствующие. Под присмотром Мастера он быстро отошел от пережитого стресса и чуть ли не с наслаждением нырнул в сумасшедшую охотничью жизнь.

Конечно, утрата не прошла совсем даром. Внешне это выразилось в том, что весь первый год после гибели родителей Саймон интенсивно седел. Поначалу он здорово расстраивался и втихаря оплакивал загубленную свою молодость и красоту. Но Доктор и Склифосовский в два голоса убедили его, что это не смертельно и организм у него вполне здоровый, а брюнетам седина даже к лицу. "И вообще, - заключил Склиф, кивая на проходившего в отдалении Мастера, - вот кто у нас должен быть седой как лунь". Саймон проводил влюбленными глазами пышную каштановую гриву и поинтересовался, кто такой лунь. Начали выяснять, пошли по Школе. Поставили на уши принимавшую дежурство "Четверку" и застыдили лингвиста Севу, осилившего десять лет назад целый курс филфака. Тут очень вовремя по громкой связи начал разоряться Мастер, который, оказывается, уже давно ждал Саймона в машине. К Мастеру вместе с искателями правды выбежало, горя нетерпением, еще человек десять. Тот, слегка обалдев, сказал, что точно не помнит, но кажется, лунь - то ли филин, то ли просто сова. "А к чему это вы?" - спросил он. Зачинщики переглянулись и начали было вспоминать, с чего начался разговор, но тут в толпу врзался старший "Четверки" Винни. С высоты своих двух метров он заорал, что сейчас всем надает звездюлей, продемонстрировал Мастеру сломанный замок на ботинке и ссадину на руке, проклял дурную погоду, обматерил распущенность молодых женщин и возмутился нагноением желез под хвостом у собаки.

Винни вчера перебрал на юбилее свадьбы и поругался с женой. Его вселенская ярость была настолько убедительна, что не только "группа Фо" бросилась по местам, но и Доктор со Склифом поспешили отвалить к

медицинскому фургону.

Доктору вдогонку Винни громогласно пожаловался на паскуду Крота, который зажал кассету с порнографией, а Склифосовскому посулил расправу, если тот опять будет "на расчистке тормозить со своей долбаной труповозкой". Грозно развернувшись в поисках очередной жертвы, Винни обнаружил, что все уже попрятались, кроме Мастера и Саймона, которые его восхищенно разглядывают.

- Как дела, "черный пояс"? - рявкнул Винни в адрес Саймона.

- Я счастлив, - просто ответил Саймон, улыбаясь от уха до уха.

- Зашибись! - обрадовался Винни. - Хоть у одной сволочи все в порядке. Когда спарринг учиним?

- Нет! - скомандовал Мастер.

- Ну чего ты?.. - в один голос обиделись восточные единоборцы.

- Вон твой спарринг-партнер топают, - показал Мастер. - Как раз подходящая весовая категория.

Винни обернулся и понуро опустил плечи. На безопасном расстоянии переминался с ноги на ногу Склифосовский, держа стволом к небу инъекционный пистолет.

- Сейчас все пройдет, - умильным голосом пообещал Склиф издали.

- Кругом одни враги, - посочувствовал Мастер, садясь за руль. Саймон уселся рядом, захлопнул дверцу и вдруг сказал:

- Ты не представляешь, как я тебе благодарен за все это, вот за все.

Если бы не ты...

- Ты бы так настоящей жизни и не увидел, - заключил Мастер серьезно.

- Да... - кивнул Саймон и отвернулся, дабы скрыть нахлынувшие чувства. За окном Винни громко охнул - это Склиф впрыснул ему какую-то антипохмельную дрянь собственного производства. Мастер тронул машину навстречу раскрывающимся воротам. Он вез Саймона на собеседование в Штаб.

***

- Тебе идет быть взрослой, - сказал Мастер ласково, почти нараспев. Он сидел к Тане вполоборота, расслабленно откинувшись в глубоком кресле, и позвякивал льдинками в бокале, небрежно двигая его по мягкому подлокотнику. Таня устроилась на диване, поджав под себя ноги. В этой комнате просто не получалось сидеть выпрямившись. Слишком мягкое все было вокруг: освещение, мебель, подушки, игрушки... Дорогие игрушки - отличные, почти живые, копии реальных собак один к двум. И проклятье собачника - ковер с длинным ворсом.

- Взрослой?.. - рассеянно переспросила Таня, ставя бокал на журнальный столик и протягивая руку к сигаретам. - Может быть...

- Именно взрослой, - глядя в стену, кивнул своим мыслям Мастер. - Мы ведь тогда были дети совсем. Даже представить себе не могли, что в итоге из нас получится.

Нет, я догадывался, конечно, что ты станешь еще красивее, но в тебе сейчас есть что-то гораздо большее, чем просто красота. В тебе появилось м-м... благородство зрелой женщины. Которая уже знает жизнь и понимает, чего от этой жизни хочет.

Это же чудесно - еще совсем молодая и уже совсем взрослая...

- Не знаю я, чего хочу, - пробормотала Таня, закуривая и выпуская дым в потолок.

- И раньше не знала, и теперь не знаю. Ни жизни не знаю, ни людей, ни себя.

Занимаюсь какой-то мутью... А что мы были дети - это тебе сейчас легко говорить.

Вот уж кто себя не считал ребенком...

- Зато теперь не рискну сказать, что я большой. Ну, посмотри на меня! Похож я на взрослого?

- Похож, - кивнула Таня. - Теперь похож. Уже совсем взрослый и еще совсем молодой. И красивый.

- И на том спасибо, - вздохнул Мастер и отхлебнул из бокала изрядный глоток.

- Кончай себя убеждать в том, что все правильно. Мы действительно правильно сделали, что разошлись. Сколько можно казниться?

- Да сколько угодно... Я головой понимаю, что нам вместе больше нельзя было. А сердцем - жалко.

- Значит, не забыл?

- Все помню. Каждое слово, каждый жест. А Чучу помнишь?

- Ой, не надо...

Мастер вздохнул, оставил стакан, пересел к Тане на диван и обнял ее. Таня положила голову ему на плечо. "До чего же с ним спокойно... Раньше так не было.

Жаль. Вот что остается от настоящего чувства, когда его совместными усилиями похоронят, - хотя бы возможность сожалеть. И никуда не деться от желания сесть рядом, прикоснуться к человеку, с которым когда-то была такая безумно яркая близость... Мы ведь через год после разрыва случайно встретились - и чуть ли не со слезами бросились друг к другу. И не расставались... аж целых два дня.

Поплакались в жилетку, предались воспоминаниям, согласились, что все правильно, полюбились-разбежались. Еще через два года пересеклись - на день. С тем же результатом - душу отвели. И ведь ни с кем так не поговоришь, никто тебя так глубоко не поймет... Да, теперь с ним спокойно. Может, потому, что я перестала от него требовать невозможного? Или я просто научилась его правильно видеть. Вот такого, какой он есть. Красивый, сильный, надежный. Злобный, своевольный, высокомерный. Как он говорил всегда... "И еще у меня есть кавказская овчарка".

Интересно - он никогда не заводил кобелей. Очень характерная черта - кобеля ведь даже дома приходится время от времени обламывать. А он не терпит конфликтов в доме. Надо же, ковер... Как он раньше эти ковры ненавидел! Шерсть из них вычесывать, это же застрелиться можно. А я ковры всегда любила. И здоровья хватало заставить любимого человека щеточкой поработать, раз пылесос не берет. И что? Теперь мне подари самый лучший ковер - не возьму. А у него вон с каким ворсом... И квартира ухожена. Не до блеска, но с тем, что было, не сравнить.

Разве что бокалы из прошлой жизни - не бокалы, а стаканы.

Да, стаканы... "Подающий надежды молодой алкаш". Так его папочка мой обозвал, едва увидел. Ну и где ты теперь, папа? Как сидел в заднице, так все глубже в нее и проваливаешься. Слава богу, достало у меня сил вместе с тобой туда не опрокинуться, послать далеко и надолго. А кто научил? Вот он, теплый и родной, как всегда нестриженный, такой знакомый... Четыре года ни звука. Теперь-то я знаю почему. И кажется, еще больше его люблю за это молчание. Он всегда был такой - полная свобода выбора для всех, пусть даже в ущерб себе. Дурацкая манера. Так и останется бобылем

неизвестно до каких лет. Интересно, кто у него сейчас.

Интересно? Вообще-то наплевать. Просто как женщине - интересно. А как женщине, которая провела с ним столько ночей, - не-а! Потому что лучше, чем друг с другом, нам ни с кем не было и не будет. Это, наверное, оттого, что мы всегда с ним были настоящие друзья. И если что-то надломилось, винить я могу только себя.

Но я действительно не могла ему поверить тогда. И не только я, никто не смог бы. Это было за гранью. Он сам так сказал. Ну, и что же мне делать - теперь? Он простил мне мою слабость, мой страх, мое желание остаться жить в привычном и безопасном мире. Он не смог забыть только одного - того, что я просто ему не поверила. И остался совсем один. Совсем-совсем. Собаки не в счет. Собака - это часть его тела, периферийное устройство. Вон какой инструмент валяется, рыжий и мохнатый..."

Таня слегка повернула голову - да, Мастер задумчиво смотрел на Карму. Псина дрыхла на спине в углу, невероятным образом перекрутившись: голова и передние лапы завалены влево, а задние вправо и прислонены к стене. Таня негромко вздохнула. Мастер тут же повернулся к ней - и Тане чуть плохо не стало, таким знакомым был этот взгляд, одновременно пронзительный и ласкающий.

- Какой же ты родной. - Таня прижалась к нему крепче.

- Ты лучше всех... - прошептал Мастер ей на ухо.

- И что же нам теперь делать?

- Карма пойдет к себе. А мы останемся здесь. Хочешь, можем завтра съездить в лес погулять, по нашим местам... У меня вроде как выходной.

- Тебе не кажется, что это было уже решено, едва мы сегодня друг на друга посмотрели?

- Кажется.

- Так зачем спрашивать о том, что решено?

- А-а... - Мастер слегка отстранился, высвободил руку и взял со стола бокалы. - Держи... Не знаю я, что дальше. Главное я сделал - ты в курсе происходящего. А кто предупрежден - тот вооружен. А скажи - ты ведь обалдела, когда меня увидела?

- Ты был такой красивый...

- Тьфу! Я ведь не о том, милая!

- Ну и я не о том, потому что вовсе я не обалдела. То есть я, конечно, не ожидала тебя увидеть. Но ребята, которых ты прислал... Что-то в них было удивительно напоминающее тебя. Мне с ними вдруг стало так спокойно... И лица очень приятные. А когда мне показали фотографию Кармы - вот тогда я действительно обалдела! И готова была за ними пойти куда угодно.

- Да, Карма - это наш секс-символ. В нее вся Школа влюблена. Мы ее даже как рекламный образ используем. Клиенты просто обмирают.

- Клиенты?

- Конечно. Есть ведь две Школы. Одна - наша. А вторая - это совершенно реальная охранная фирма, работающая с собаками. Охрана крупных объектов, сопровождение грузов, караульная служба. Мы там все вторую зарплату получаем. Так вот, есть такая контора, называется Офис. Это действительно офис в центре города, он же легальный пост связи, потому что Школа для непосвященных не существует. А должны же наши мужики женам и прочим девочкам рабочий телефон давать? Вот они и дают...

И в этом самом Офисе, едва тыходишь, тут же упираешься в фотографию

Кармы размером метр на два. Знаешь, даже на меня производит глубочайшее впечатление...

- Ты сказал, телефоны дают... А жены вообще в курсе, где именно их мужья работают? Или эта охранная фирма еще и от жен "крышей" выступает?

- Тут сложно, - нахмурился Мастер. - Понимаешь, с одной стороны, мы все дали подписку. А с другой - ты же знаешь меня, - я дурацких приказов не выполняю. И в Школе таких людей большинство. Поэтому с нами считаются. И если охотник один раз подписку нарушит, расстреливать его никто не станет, потому что второго раза уже не будет никогда. Сам не захочет. Чтобы тебе было понятнее - вспомни нас с тобой восемь лет назад...

- Стоп! - сказала Таня. - Прости.

- Да что ты... Ничего.

- Нет, правда! Я поняла, поняла все...

- И слава богу, - улыбнулся Мастер и осторожно погладил Таню по волосам, а она потянулась к нему и мягко-мягко прикоснулась губами к его рту. Мастер вздохнул, привлек Таню к себе, и она, в истоме закрывая глаза, увидела, как сомкнулись бесконечно любимые длиннющие ресницы, по которым столько девочек сходило с ума, - а вот они здесь, рядом, и потом, когда нам захочется друг на друга посмотреть, он сначала обязательно прижмется к моей щеке и ресницами ее пощекочет...

Так и случилось. И Таня сказала:

- Или я сейчас разревусь, или я это скажу.

- Давай! - улыбнулся Мастер, снижая пафос момента.

- Ты самый-самый-самый-самый.

- Спасибо, - кивнул Мастер. - Я знаю. Ты мне тоже очень дорога. Чем больше времени проходит, тем лучше я это понимаю.

- Так что же нам делать все-таки?

- Ну сколько можно? У нас тихий интимный вечер или сходка подпольщиков? Завтра поговорим.

- Нет, милый. Завтра все это окажется сном - и твоя Школа, и собаки, и охотники эти сумасшедшие. Я проснусь, и мне опять покажется, что всего этого не может быть.

- Но ведь рядом буду я, - произнес Мастер печально, опуская глаза. - Или у тебя условный рефлекс на информацию из моих рук? Запредельное торможение?

- Я еще не собака, - сказала Таня наставительно, - так что запредельного у меня не бывает. Но я всего лишь человек, и тормозить умею. Особенно когда мне страшно.

- Сейчас-то хоть не страшно?

- Когда я говорила с охотниками, страшно не было. А когда пришел ты, я испугалась, потому что охотники твои - иллюзия, а ты - реальность.

Мастер очень внимательно посмотрел Тане в глаза, и она задохнулась, настолько его взгляд проникал в душу. "Раньше мне казалось, что это выражение любви.

Теперь я заметила: он смотрит так на всех. Научился применять свой дар в полную силу. Конечно, он не экстрасенс, но что-то сверхъестественное есть в его глазах.

Как будто он видит такое, чего не видит никто".

- Ты всегда был такой... непохожий. До того непохожий, что мне пришлось выбрать: либо ты, либо все остальное, что есть на этом свете. Что-то одно мне снится. Я решила, что снишься ты... А теперь понимаю,

что снилось все остальное. Я живу непонятно зачем. Делаю не то. Думаю не так. И все, с кем приходится общаться, - такие же идиоты. Но я никак не могу освободиться от их власти, понимаешь?

Стадное чувство. Я все эти годы страшно тебе завидовала. Просто ненавидела тебя!

За то, что ты набрался смелости искать свой путь и на всех плевать... Любила - и ненавидела. Какая же я была дура! Прости меня, пожалуйста. Если можешь...

- Наша Таня громко плачет, - продекламировал Мастер. - Пропила последний мячик.

Вот вернется с зоны Хачик, купит Тане новый мячик.

- Перестань.

- Тань-перестань. Пойми ты наконец, что сделанного не воротишь. Не казниться нужно, а выправлять то, что плохо вышло. Я, например, пытаюсь исправить ошибки идиотов, о которых ты сейчас говорила. Ошибки, которые могут стать фатальными, кроме шуток, для всего человечества. А ты попробуй выправить линию своей жизни.

Для начала, а там посмотрим. Может, ты и мне поможешь...

Карме в ее углу что-то приснилось - она дрыгнула задней лапой и глухо рыкнула.

По-прежнему лежа на спине, шевельнула головой и уставилась на Таню мутным со сна глазом.

- Спи, моя радость, - успокоил ее Мастер. Карма вздохнула и с глухим стуком уронила тяжеленную башку на ковер.

- До чего же удивительные псы... - сказала Таня с глубокой нежностью в голосе.

Один взгляд на Карму заставил ее забыть все серьезные вопросы, которые так хотелось задать. - Всегда любила больших лохматых собак. Мечтала в детстве о ньюфаундленде, а потом однажды увидела, как рядом идут ньюф и кавказка. И все!

- Да, - улыбнулся Мастер. - Разница потрясающая. Ньюф такой подвижный, весь как на пружинах. И голову высоко держит. А кавказка... Я всегда говорил, что если бы крокодилы были волосатые, они выглядели бы именно так. Лапы ставит тяжело, а голова и спина - почти на одном уровне. И шеи даже не видно. Удивительно комфортно себя чувствуешь рядом с такой собакой. Если заведешь кавказца - все, другие породы для тебя не существуют. Хотя знаешь, я иногда, когда устаю, мечтаю о бернце. Тут я даже на кобеля согласен.

- Да что хорошего в этих бернцах? У них уши лопухами висят...

- Ты, солнышко, давно не выводила Кавказа на прогулку. Ты эту породу чересчур идеализируешь. Все-таки они природные убийцы.

- Всегда ты любил жесткие термины. А уж имя-то себе взял! Мастер собак! Это надо же было вспомнить...

- Положим, мне это прозвище сверху назначили. И даже раньше, чем я пришел в Школу. Так что я не Мастер собак, а просто Мастер. Хотя заманчиво.

- Это ведь из Ли Бреккет?

- Да, "Собаки Скэйта". Какие там роскошные Северные Псы... Ростом почти с лошадь, когти втяжные, как у тигра. Телепаты к тому же... И Мастер собак, добрый и страшный великан, который их воспитывал. Даже когда Псы вырастали, они не могли воспринимать его в реальном масштабе, как обычного человека. Относились к нему, как к гиганту. Любили и

боялись одновременно. Красивая сказка...

- Некрасивая. Там все собаки гибнут.

- И Мастер тоже. А пара собак, по-моему, остается... Слушай, как давно мы это читали, а?

- Мы вообще очень давно знакомы, милый.

- И что же нам теперь делать?

- Не знаю. Возьми меня на охоту.

- Исключено. Это дело камерное. Я бы даже сказал - интимное. Чужим туда нельзя.

А потом, ты уже на границе зоны расчистки так напугаешься... "Дырки" ведь излучают.

- Откуда ты такой взялся? Почему тебя это излучение не трогает?

- Тебе очень важно знать?

- О любимом человеке хочется знать правду. Какая бы она ни была.

- Очень уж ты серьезно это говоришь, ангел мой. Просто не красивая молодая женщина, а космонавт-исследователь. Даже отвечать не хочется.

- Если знаешь - ответь, - попросила Таня. - Мне это важно. Поверь.

Мастер секунду подумал, глядя ей прямо в глаза. Он искал нужное слово, которое сведет на нет всю правду в его ответе, превратит ее в шутку, в бред, в дым. И слово пришло.

- Мутация, - сказал он, опуская глаза. - Причем не наследственная, а наведенная извне. Мутагенный фактор я пока не вычислил... - Он вдруг почувствовал, что злится. "Какого черта?! Почему я должен врать? Всю жизнь врать, даже самым близким людям. В детстве ведь не был врунишкой, рано понял, что говорить правду выгоднее. А сейчас? Обманываю Штаб, обманываю Доктора, охотниками верчу как куклами... Я не виноват, я просто вынужден отвечать своим обманом на ложь Штаба, Доктора, Саймона... Но как же мне надоело выкручиваться, увиливать, постоянно недоговаривать! Надоело..." Мастер усмехнулся, пронзил Таню злобным взглядом, и его "понесло":

- Ты хотела правды? Вот она, правда. Я мутант. Это реальность. И охотники - реальность. Школа - реальность. И зомби, которые выходят на московские улицы с наступлением темноты, это тоже реальность. Я не знаю, что вызвало их к жизни.

Есть интересная версия, но пока рано о ней говорить. Будем придерживаться фактов: территория нашего города по ночам вступает в соприкосновение с другим измерением. Самым поганым из возможных - Инферно в чистом виде. Не знаю, как твари называют себя, но для нас они, безусловно, олицетворяют силы зла. Силы, использующие тела реально существовавших людей, чтобы убивать и уносить к себе все новых и новых. Если бы мы эту гадость не сдерживали, превращение людей в тварей шло бы в бешеной прогрессии. Вот она, реальность, ангел мой.

- Ты ведь здорово рискуешь, выдавая это, - сказала Таня задумчиво. - Ты же не девочку с улицы охмуряешь. И если будет утечка, тебе Штаб голову открутит. А мне промоют мозги. Ладно, обо мне-то ты не подумал, я для тебя просто инструмент вроде Кармы. При всей твоей любви к нам обеим...

- Не нужно меня провоцировать, - скривился Мастер. - Ты знаешь, как я к тебе отношусь. И ты знаешь, что для меня значат вопросы безопасности. Я ведь трус...

Самый настоящий. Я когда догадался, до какой степени я труслив, то долго переживал. А потом сообразил, что мой страх не от задницы идет, а

от головы. И успокоился. Так что все прикрыты - и ты, и даже Карма. И я могу говорить все, что хочу. Ты хотела правдивый ответ? Ты его получила. Твой любимый человек - не совсем человек. Не чудовище, не монстр, просто э-э... другой. Как ты и говорила - непохожий. Довольна?

- Ох, - сказала Таня, - Может, хватит на сегодня, а?

Я лучше домой поеду...

- Прости, - снизил тон Мастер. - Я что-то не то сказал? Только не уезжай.

- Я просто устала. Не обращай внимания. Я... я так рада тебя видеть!

А ты... ты меня, как лимон, выжимаешь...

Мастер обнял Таню, крепко прижал к себе и зарылся лицом в ее волосы.

- Прости... - прошептал он. - Прости... Я тоже безумно рад тебе.

Поверь, мне очень трудно было решиться на новую встречу. Я бы и не рискнул, наверное, но ты влезла в эту историю... И я уже не мог остаться в стороне. И все равно боялся - мы не виделись столько лет, вдруг ты отвернулась бы от меня...

- Глупый, - прошептала Таня, глядя его по голове. И усталость, и тревогу будто рукой сняло. Был только несчастный, одинокий, запутавшийся любимый человек. - Ты мог бы позвать меня сто лет назад.

- Нет. Не мог.

- Верю. Тебе виднее. Ну, ничего. Мы ведь теперь вместе, правда?

- Правда...

- И будем вместе какое-то время, а какое - неважно. Сколько ты можешь, сколько тебе будет нужно. Главное - вместе.

Мастер повернулся к Тане лицом, и она увидела, что в глазах у него слезы. И конечно же, она бросилась целовать эти бесконечно любимые глаза и прижала к груди эту самую любимую умную лохматую голову.

- Я люблю тебя, - прошептал Мастер. - И всегда любил. И мы будем вместе. Сколько можем.

- Да, - улыбнулась Таня. - Только ты не уходи в себя. Рассказывай, я буду слушать. Я верю тебе, я только действительно устала.

- Сейчас будем спать. - Мастер выпрямился, часто моргая. - Эй, чудовище!

Чудовище очнулось и слегка приоткрыло один глаз. Вставать оно явно не собиралось.

- Место! - приказал Мастер. И Таня удивилась, как удивлялась до этого множество раз, тому, насколько легко этот невероятный человек переключается с одной модели поведения на другую. Секунду назад он был мягкий и податливый, но вот нужно командовать - и голос будто сталь. Резкий и довольно неприятный тембр, который в любом шуме отчетливо слышен. Настоящий командный голос. "Никогда я не научусь до конца доверять этому мужчине. Всегда мне кажется, что он со мной играет и что на самом деле он именно такой, как этот его голос. Ему бы еще серо-стальные глаза... Но глаза у него мягкие и глубокие, и я в них тону. Глаза - это единственное в нем, чему я верю безоговорочно. Но сколько же за ними всего..." - Место, место! - повторил Мастер. Собака грузно перевалилась на живот, неуклюже поднялась и на деревянных ногах поковыляла в соседнюю комнату, которая для нее была спальней, а для Мастера кабинетом. Проходя мимо Тани, Карма бросила на нее задумчивый взгляд. Таня ожидала увидеть в нем презрение, но прочла только любопытство. "Обалденная собака. Впервые в жизни вижу совершенно ненормальную кавказку. Она на меня даже ни разу не зарычала. Веревки ты

вьешь из всех и вся, Мастер собак. Веревки... А мае нравится".

- Обалденная собака, - повторила Таня вслух.

- Элита, - сказал Мастер не без гордости. - Штучное производство.

Made by hand.

- Он протянул вслед проталкивающейся в дверь собаке кулак. - Просто всю эту самую hand об нее отбил в процессе работы. И зазнался страшно. А действительно, не каждый так смог бы. Вот смотрю на эту рыжую задницу и думаю: какой же надо быть личностью, чтобы эдак кавказку обломать! Нормальному человеку такое не под силу.

- Супермен!

- Мутант, - объяснил Мастер с притворной мрачностью.

- Дурак мой любимый. Надеюсь, сексуальную сферу твоя мутация не затронула?

- Еще как затронула! И передается она исключительно этим путем.

- Тогда зарази меня. Может, я лучше стану тебя понимать.

- Хорошо бы, - сказал Мастер. - В таком случае пошли. Или тяпнем еще по коктейлю?

- Чистой хочу, - попросила Таня. - Накапай женщине рюмочку по старой памяти!

- Отлично! - обрадовался Мастер, придвигаясь к столику с напитками.

Руки его разливали выпивку, а голова интенсивно работала. "Кажется, на сегодня давления на психику ей действительно хватит. Несколько дней она будет думать, а потом мы поговорим всерьез. Какая же я сволочь!"

- Ну, - сказал Мастер, - давай, как в старые добрые времена. Помнишь наши тосты?

- А то! - рассмеялась Таня. - Давай!

- Мир друзьям, смерть врагам! - провозгласил Мастер. Рюмки сдвинулись. За стеной Карма перевернулась на другой бок.

***

- Вообще, - сказал Крюгер, - я им не завидую. Иметь дело с сумасшедшим осведомителем...

- А стукачи никогда не отличались уравновешенностью, - заметил Мастер.

- Вы, господа, можете считать меня совсем тупым, - заявил Горец, - но я ничего такого не заметил. Ну, стал парень какой-то перекошенный, это да. Так его, наверное, совесть заедает... Ты ж, Мастер, ему разве что памперсы не менял.

Может, поговорить с ним по душам? Вдруг он еще и на нашей стороне поиграет?

- А что? - встрепнулся Крюгер. - Двойной агент! А, Мастер?

- Бесплезно, - помотал головой Мастер.

- Давай попробуем!

- Говно вопрос! - поддержал Горец. - Наедем, высадим на измену...

- Не наедешь, - сказал Мастер. - Он испортился-Он просто больше ничего не понимает и никому не верит. И потом, что за дела? Ты охотник или чмо? Куда глаза свои засунул?

- В задницу, - съязвил Горец. - Потому что ты меня не убедил. Мне, например, каждый день на улице попадают такие рожи, по которым только из пульсатора и стрелять. Их пулей не прошибешь. А собаку мордовать до потери сознания - это уже чисто личная проблема. Ты Карму вообще не

бьешь. А я вот своего придурка мудохал почему зря.

- И все без толку, - заключил Мастер. - Потому что бить надо уметь.

- Скажите пожалуйста! - возмутился Горец. - Тоже мне мастер выискался на мою голову!

- Ты меня слушать будешь или нет?

- Больно мне тебя слушать! И обидно.

- Не клокочи, старик, - попросил Горца Крюгер. Перебори себя. Я знаю, что ты этого мальчика любишь. Все его любят. Тут вопрос-то не в любви. А вопрос в том, что нам с ним делать.

- Так я же тебе, пню такому, час уже объясняю!

- А я тебе говорю, что ты ошибаешься.

Горец сник. Он сидел, легкомысленно болтая ногами, на замасленном верстаке в ангаре техобслуживания. Мастер и Крюгер примостились на багажнике знаменитой школьной "шестерки", той самой, у которой одна черная дверь, расточенный движок и фантастическая подвеска. Под их суммарным весом в сто восемьдесят кило машина едва-едва просела. У стены на куче утеплителя дремали собаки. В открытых настежь воротах курил и любовался снегопадом Хунта. Саймона нужно выводить из игры - это ясно всем, даже Горцу. Он просто еще не свыкся с таким положением вещей. Ничего, осознает.

- Я просто в шоке, мужики! - заявил Горец.

- Да ну? - спросил ехидно Мастер. Глаза его заблестели недобрым огнем.

- Ладно, ладно! - выставил перед собой раскрытые ладони Горец.

- Почему же? - Мастер встал и подошел к Горцу вплотную. - Ничего не ладно, - сказал он, глядя охотнику прямо в глаза и до упора засунув руки в карманы брюк.

- Ничего не ладно. Значит, ты у нас теперь будешь ведущий гуманист?

- Не надо! - попросил Горец, переставая болтать ногами и ощутило уменьшаясь в размерах.

- Надо! - почти рявкнул Мастер. - Мне, например, позарез надо пойти вразнос. Но я стараюсь держать себя в руках. А ты играешь в жеманную барышню. Я понимаю, что ты боишься ответственности. Но есть же предел!

- Ответственность - твоя прерогатива, - тихо напомнил Мастеру Хунта издали.

- Но я же не могу один! - не повышая голоса, возмутился Мастер.

- Ухлопать охотника не можешь, - согласился Хунта, не оборачиваясь. - А нести ответственность за такое решение вполне.

- Ухлопать? - слабым голосом спросил Горец.

- Уделать, - пояснил Хунта. - Пристукнуть. Замочить. - Он щелчком выбросил окурочок за ворота и потянул из кармана пачку.

- Ё! - произнес Горец, хватаясь за голову. - Ё-моё... А Хасан? Что же с ним-то будет?

- Вот это уже конструктивный разговор, - похвалил его Крюгер.

- Хасана он сам убьет, - пообещал Хунта. - Если не со дня на день, так через месяц. Проблема собаки перед нами не стоит.

- Ты уверен? - спросил подавленный общественным мнением Горец.

- Пес выходит из-под контроля, - сказал Хунта тоном, не терпящим возражений. - Он мечтает только об одном - загрызть хозяина. И просто ждет удобного момента.

Как только ему представится случай, он своего не упустит.

- Нездоровая атмосфера у вас во "Второй", - попытался съязвить Горец.

- Да, - согласился Хунта очень спокойно. Голос его был ровен и слаб.

Чувствовалось, что охотник устал. - Ты пойми, - обратился он к Горцу, - тут же дело не в мордобитии. Если бы Саймон срывал на Хасане зло, все было бы понятно.

Но в том-то и фокус, что он из последних сил пытается удержать Хасана в руках.

Вот его проблема. Он собаку бьет по одной причине - зверь почуял в хозяине чужака и больше не хочет подчиняться.

- Между прочим, - вставил Крюгер, - моя реакция Хасана здорово настораживает.

Она вам ничего такого не напоминает, господа охотники?

- Напоминает, - мрачно сказал Мастер. В ангаре повисло тягостное молчание.

- Плохо Дело, - вздохнул Мастер. - Плохо Дело.

- Зато у нас есть интересный опыт, - сказал Крюгер. - Прямо на наших глазах человек превращается в тварь...

- Сплюнь и постучи! - приказал Хунта.

- Да я что... - смутился Крюгер. - Я так... Мастер подошел к воротам и прислонился к косяку напротив Хунты. Снег валил все гуще и гуще. На тренировочной площадке взмыленная "Четверка" ворочала груды автомобильных покрышек, восстанавливая разрушения, только что причиненные группой штурмовому городку. Собаки, разумеется, лезли помогать, отчего на площадке царил полная неразбериха. Время от времени до ангара доносились неразборчивые матюки, дружное уханье и радостный лай. Потом все перекрыл оглушительный визг - кому-то отдавили лапу. Собаки в ангаре встрепенулись, Султан даже поднялся и лениво потрусил к воротам посмотреть. Хунта рассмеялся и потрепал его по холке.

- Что-то я Винни не слышу, - сказал он, пытаюсь сквозь белую пелену разглядеть лица охотников на площадке. - Как-то там у них непривычно тихо.

- Там Гоблин работает, - сказал Крюгер. - Классный парень. А Винни уже час как в сортире засел. Допился-таки мужик до поноса. Организм с алкоголем просто не справляется.

- Да, - кивнул Хунта. - Квасить стали вдвое больше. Симптомы хреновые. Ослаб народец.

- Я всегда, когда напьюсь, головой об стенку бьюсь, - продекламировал Горец. - То ли вредно мне спиртное, то ли это возрастное...

Никто даже не улыбнулся.

- Вы знаете, отцы, - сказал вдруг Мастер, - а ведь мне действительно больно.

Игорь был такой славный мальчик... Добрый, открытый, воспитанный, очень какой-то... чистый, что ли. Например, были темы, которые он даже в большом подпитии не обсуждал вслух. Да, возникни у него сложности, он мог бы обратиться ко мне за советом. Но попусту трепать языком - нет, парень был иначе воспитан. И вы представьте себе мою реакцию, когда полгода назад я ему в шутку ляпнул:

"Жениться тебе пора". Раньше мы над такими фразами дружно веселились. А тут он ко мне оборачивается, взгляд совершенно тупой, и начинает рассказывать утробным таким голосом, почему жениться не получится. Глядит сквозь меня, я сижу обалдевший, а он мне объясняет чуть ли не с наслаждением что любит делать женщинам больно и вообще пока раз пять не кончит, остановиться не может. Весьма обстоятельно все мне описал - и

снова молчит. Я встал и ушел. Прихожу через полчаса - совершенно нормальный человек. Тут я и задумался. Ну, а буквально через две недели он спалился, и мне уже было все равно, что у него с психикой.

- Ты просто мог не знать, что у него проблемы, - заметил Горец. - Совершенно нормальное дело. Со мной тоже было нечто подобное в нежном возрасте.

- Да нет же! - улыбнулся Мастер. - Я отлично знаю, что он может и чего не может.

Ко мне подбивала клинья одна его девица. Откровенная такая барышня, особенно после третьего стакана. Чудом я от нее отбилась, но успел расслышать, что этот хрен в постели совершенный тюфяк.

- А ты? - вдруг спросил Горец.

- Что я?

- Ну, в постели...

- Я - вещь! - гордо заявил Мастер. - Только этого почему-то никто не понимает...

Охотники рассмеялись. Крюгер почесал в затылке и сказал:

- Я вспоминаю один случай... Читал где-то интервью женщины-экстрасенса. Она оживила своего мужа, вывела его из клинической смерти. Но он слишком долго был за гранью, то есть клиническая уже перешла в настоящую смерть. И вот с ним начались припадки агрессии, в том числе и сексуальной. А перемежались они периодами совершенной апатии...

- Ты не постучал и не сплюнул, - напомнил Хунта. - Сделай это, я тебя умоляю.

- По фигу, - сказал Мастер.

- Ты что, со мной согласен? - встрепенулся Крюгер.

- Я и такую возможность допускаю, - кивнул Мастер.

- Кто же его мог зомбировать? - удивился Горец. - Штаб перестарался?

- Хорошо бы, - вздохнул Мастер. - А если не Штаб?

- Но была же профилактика в декабре! На Базе могли его пропустить только в одном случае - если им Штаб приказал ничего не видеть!

- А Штаб и приказал...

- Ничего не понимаю! - возмутился Горец.

- Это нормально, - утешил его Мастер.

В окнах Школы зажглось несколько огней. "Группа Фо" устало шла с площадки, волоча амуницию и пиная собак. Проходя мимо ангара, охотники небрежно козыряли Мастеру и Хунте. Те учтиво кивали.

- Гоблин! - позвал Мастер и звонко щелкнул пальцами.

На этот щелчок в "Четвертой" подпрыгнула добрая половина людей, и все собаки повернули головы. Хунта довольно хмыкнул. Знают дети, кто тут хозяин.

Подбежавший Гоблин, прозванный так за оттопыренные уши, почтительно вытянулся.

Его Бой, худощавый и высокий рыжий степняк, встал рядом, опасливо косясь на старательно имитирующего безразличие Султана. "Четвертая" дружно притормозила и начала прислушиваться.

- Хорошо работаешь, - сказал Мастер. - Серьезных огрехов не замечено. Прогресс налицо.

Гоблин залился краской и смущенно опустил глаза.

- Стараюсь, сэр, - выдавил он хрипло.

- Как ты считаешь, когда будешь готов взять стажера?

- Ой, Мастер, я не знаю... Ну, месяца через два.

- Хорошо. Когда решишь, что пора, подходи ко мне. Винни в курсе. Вопросы, жалобы, предложения?

- Ну... Если я стажера возьму, смогу я остаться в "Четвертой"?

- Ты там через полгода закиснешь, милый. Эта группа все равно скоро получит статус учебной. А на базе того, что есть, мы сделаем "группу Пять", боевую.

Может, тебе повезет и ты вместе с приятелями, с которыми тебе так влом расставаться, будешь формировать новую группу с нуля. Осознал?

- Есть! - расплылся в улыбке Гоблин.

- Будешь хорошо себя вести - все может быть. Понял?

- Ну-у... - окончательно смутился Гоблин.

- Между прочим, до того, как бежать ко мне, ты должен был отдать группе команду.

Например, "Стой" или "Продолжать движение". Я не стану провожать тебя пинком в зад, но больше так не делай. Нельзя людей бросать. Они твои люди.

Привыкай к этой мысли.

Гоблин, казалось, готов был сквозь землю провалиться. За долю секунды лицо его отразило широчайшую гамму эмоций. Но он быстро взял себя в руки, огорченно крикнул и спросил:

- Разрешите идти?

- Бегом, - кивнул Мастер, и Гоблин нырнул в снегопад, подавая "Четверке" знак рукой: пошли.

- Хорошо ты его, - улыбнулся Хунта. - Грамотно. Но в целом из парня выйдет приличный старший. Душевный.

- Когда будем делать "Пяту", имей его в виду.

- А я-то к этому каким боком?..

- Помогать будешь, вот каким. Месяца на два придется нам с тобой все бросить и вспомнить годы молодые.

- Ну, дела! А как же... Нет уж, фигушки!

- У тебя есть заместитель.

- Меня не заменишь! - провозгласил Хунта с пафосом.

- Точно, - согласился Мастер. - Заменяемых у нас нет. И именно поэтому командовать в "Пятой" первые два месяца будем мы с тобой. Мы же самые лучшие - верно, отцы? - обратился Мастер к присутствующим. Крюгер согласно кивнул. Горец набычился.

- А я? - спросил он с угрозой.

- Ты тоже хороший, - не правильно понял его реакцию Крюгер.

- Да пош-шел ты! - рявкнул Горец. - А мне что, всю жизнь теперь в резерве кантоваться?! Да я повешусь, вон, - он показал, - на этом вот подъемнике!

Сколько можно?!

- Ты ноги залечил? - поинтересовался Мастер. Горец демонстративно отвернулся и полез копать в ящиках верстака.

- А собака у тебя есть? - не унимался Мастер.

- Пошел в жопу, - попросил Горец, не оборачиваясь.

- Вот и радуйся, что не в Лагере с ума сходишь, а делом занят, - заключил Мастер. - Как только поправишься, выйдешь на охоту. Хрен с тобой, без собаки выйдешь. А теперь хватит ныть, я устал с тобой нянчиться; честное слово. Ты же взрослый человек, ты ветеран, ты посмотри, как на тебя молодые смотрят!

- Боятся на мое место попасть, вот и смотрят, - пробубнил Горец, гремя железом.

- А если тебе опять тварь по ногам засветит? - спросил Крюгер. - И прямо по местам перелома? Ты же в коляску сядешь на всю жизнь! У тебя же там сплошные осколки!

- Мне лучше знать, куда я сяду! - прорычал Горец.

- Леха, не дури, - попросил Мастер.

- Шли бы вы на хер, охотнички, - отозвался Горец, продолжая шуровать в ящиках. - Куда я ее задевал, а?..

- Ищет самую большую монтировку! - сказал Крюгер громким шепотом.

- Нас собираются бить? - спросил Хунта с живым интересом.

- Тебя - нет, - пообещал Горец, задвигая ящики и ныряя под верстак. Сидевший в воротах ангара Султан вдруг напрягся и подался вперед. Охотники, как по команде, повернулись к нему.

- Сенсы едут, - догадался Хунта. - Сейчас услышим.

Действительно, через секунду вдалеке раздался характерный рев мотора - на обледенелом спуске тормозили двигателем.

- Кто там сегодня? - спросил Крюгер. - Может, Леська?

- Соскучился? - осклабился Хунта.

- Допустим, соскучился. А что, нельзя?

- Да почему же... Я тоже соскучился. Только сегодня Бенни приедет. А Леськи в плане на ближайшие две недели вообще нет.

- Кто здесь рылся? - спросил Горец из-под верстака. - Какая блядь сюда залезала?

- В чем дело? - усмехнулся Крюгер. - Сперли-таки Монтировку?

- Нет, - сказал Горец очень серьезно, разгибаясь и утирая рукавом пот с лица. - Я тебя, если нужно, и без монтировки зашибу. А под верстаком у меня нычка. И лежала там полезная в хозяйстве вещь. Теперь ее нет.

- А почему ты сначала по ящикам искал? - спросил Хунта.

- Я думал, что ее вытащил, а потом забыл. Оказывается - не вытащил. Другие вытащили. Бля!

- А не ты?

- Нет, - помотал головой Горец с крайне удрученным видом. - Там еще много чего лежит, и сейчас все в беспорядке разбросано.

- В Школе не воруют, - сказал Крюгер задумчиво. - И без спроса не берут.

В наступившей тишине слышно было, как взвыли на КПП сервомоторы, открывая ворота. Сумерки пропороли лучи фар дальнего света.

- Вот вроде дурак я, - сказал Горец Мастеру, - а бывает полезно. У меня же рефлекс - как что неладное, сразу за это дело хвататься. Успокаивает. Я как про Саймона услышал, тут же руку под верстак сунул. Потом думаю: а что толку-то? И тут чувствую-нету...

- Это твой набор инструментов? - спросил Хунта. - А Саймон знал?

- Вряд ли. Про него вообще только старичье знает. Фредди, ты в курсе?

- Без понятия, - признался Крюгер. - А о чем речь?

- У него есть отличный набор радиэстезических зондов, - сказал Мастер. - Точнее, был...

- Это что-то медицинское? - попытался разрядить обстановку Крюгер.

- Это рамки и маятники для биолокации, - объяснил Хунта.

- Такой наборчик, - упавшим голосом пробормотал Горец. - Высший класс...

- Ты ими когда в последний раз пользовался? - спросил Мастер. - Ты же их сто лет в руки не брал. Их ведь действительно никто в глаза не видел.

- Я себя обследую раз в неделю, - вздохнул Горец, садясь на верстак и закуривая.

- И некоторые из наших тоже... Заходят. Интересуются, нет ли какой аномалии. Сам понимаешь, не на зайцев охотимся. В общем, рамки постоянно в работе.

- Так что их можно унюхать по остаточному излучению?

- Для сенса, я думаю, нет проблем.

- Ну что ж, господа, - процедил Мастер сквозь зубы. - Как ни странно, наша миссия выполнена. Мы хотели Лешку убедить - и мы его убедили. Пусть и с чужой помощью. Кстати, - он ткнул пальцем в Крюгера, - это ведь ты сказал про интересный опыт?

- Неужели он учуял? - спросил Крюгер ошеломлено.

- А кто еще? Сенсов с Базы он не боится. А вот такой простенький инструмент вполне может представлять для него опасность. Интересно?

- Я из Бенни душу выну, - пообещал Горец. - Должен он был его унюхать! Не мог не заметить, что парень - чужой!

- Нет, - сказал Мастер.

- Он признается, - не унимался Горец. - Он, сука, признается. Я ему всю бороденку его куцую повыдергаю по волоску.

Хунта в воротах громко рассмеялся и потянул из кармана очередную сигарету.

Сугроб у выхода из ангара был уже весь покрыт желтыми крапинками фильтров.

- Да нет же! - улыбнулся Мастер. - Вот, следи за мной. Штаб приказал Саймона не трогать, так? Так. А что до этого сенсу, пусть даже и бригадиру? Ясно, что Саймон - кодированный осведомитель. Ну, посмотрит Бенни на Саймона. И увидит то, что ожидал увидеть, - элементарного стукача-зомби. Мало их, что ли, таких было?

Вот и все.

- Так чего же он молчит?! - взвился Горец.

- А он и не молчит. Мы, собственно, с его подачи Саймона и раскрыли. Между прочим, Бенни описал интересное наблюдение. Он видит, что в Саймоне есть наведенная извне энергетическая аномалия. Но рассмотреть ее детально не получается - она накрыта экраном. Неплотным, но достаточно эффективным, чтобы скрыть ее природу. Бенни, конечно, грешил на Штаб. А мы соглашались. Теперь у нас больше информации, и мы уже не соглашаемся. Но Бенсону это знать незачем.

Сами как-нибудь справимся.

- То есть если бы я чисто случайно прошел мимо него с рамками... - начал Горец.

- Даже лежи они у тебя в кармане, их бы основательно дернуло. Ты бы увидел, что Саймон - это одна сплошная черная дыра огромной мощности. А ты ведь не сенс, ты охотник, верно? У тебя рефлексы четкие. И ты не стал бы разбираться, что все это значит...

- И вышиб бы ему мозги, - заключил Крюгер, кивая. - Мастер, слушай, тебе с такими способностями нужно на Петровке работать.

- И тратить по полгода на элементарное дело? - усмехнулся Мастер. - Слуга покорный... Кстати, из-за всей этой истории ты и Лешку свою ненаглядную так давно не видел. База пляшет под штабную дудку, а Олеся по их понятиям неблагонадежна.

- Как же его собаки не чуют? - задумчиво произнес Горец. - Ах, да, экран! Но Хасан уже что-то понял... Ну, ясно мне все. Понятненько. Так. Ладно! - Горец спрыгнул с верстака. - Старший! Когда мы его?.. На следующем дежурстве?

- Ну-у! - восхитился Хунта. - Что ж ты такой дерганый, Леха? Ты полчаса назад за него грудью заступался!

- Да хватит же! - заорал Горец в полный голос. Казалось, он сейчас действительно схватится за монтировку. - Вот тебе по полкило железа в каждую ногу засунут, я посмотрю, какой ты спокойный будешь!

- Рамки к тебе вернутся, - сказал Мастер. - Я надеюсь...

- Новые сделаю, - отмахнулся Горец. - Я после этой погани их в руки не возьму.

- Правильно, - кивнул Мастер. - Вот это по-нашему.

- Слушайте, - произнес Крюгер в полной растерянности. - Слушайте, мужики...

- Что случилось? - спросил Хунта. - Озарение нашло?

- Значит, так, - сказал Крюгер сосредоточенно. - Кто еще из наших в деле?

Впрочем, неважно. Все равно не скажете, гады. Но если Саймон - тварь, то что же тогда в Штабе... Что же в Штабе тогда, а? - Крюгер поднял глаза на Мастера. Во взгляде охотника явственно читался страх. В углу Карма и Топ проснулись и начали ворочаться, устраиваясь поудобнее.

- В Штабе плохо, - сказал Мастер. - Чистой воды паранойя.

- Ты что-то можешь сделать? - спросил Крюгер с надеждой.

- А когда я не делал? - ответил Мастер вопросом на вопрос.

- То есть... Да. - Крюгеру прямо на глазах становилось легче. - А ты уверен?

Может, мы чем-то сможем... Ой, я что-то совсем дурной сегодня. Прости, старик, но ты меня просто как из-за угла ломом...

- Это ты меня прости, - сказал Мастер. - Но мы с Сашкой не могли иначе. Если бы все были с самого начала в курсе - ты же понимаешь, всякой охоте конец. И нам конец.

- Это уж точно, - поддержал Мастера Хунта. - Нужно было все перепроверить. Вот сейчас мы более или менее готовы. И наступает ваш черед.

- За Штаб не беспокойся, - сказал Мастер. Он говорил очень мягко и тихо, словно пытаясь утешить. - Зона поражения очень узкая. В ней те, кто держат с Саймоном непосредственный контакт. Их накрыло совсем недавно, так что по времени мы имеем солидный запас. И у нас есть четкая программа действий.

- Когда наша очередь? - спросил Крюгер уже нормальным тоном. Он собрался и опять стал охотником. И верил Мастеру, как себе.

- Пока готовьтесь морально, - сказал Мастер. - Привыкайте к реальному положению вещей. Чтобы в нужный момент действовать мгновенно.

- Ты только свистни, - пообещал Горец с кривой усмешкой. - И прикажи молодым яму вырыть в зоне выгула. Им как раз не привыкать там говно закапывать.

- Т-с-с! - прижал Мастер палец к губам. - Саймон мой.

- Ты не сможешь, - сказал Хунта, присаживаясь на корточки и поглаживая Султана по плечу.

- А ты сможешь? - спросил Мастер.

- Тоже мне, Тарас Бульба... - пробормотал Хунта, глядя за ворота.

Запищала рация. Мастер сунул руку в карман, нажал там клавишу и сказал в воротник, в место, куда был вшит микрофон:

- Я Первый.

- А я смотрю, чьи это машины стоят! - вскричала рация голосом Мэдмэкса. - И Хунта с тобой, конечно!

- Может быть, - ответил Мастер сухо.

- Ну-ка, валите отсюда на хрен отдыхать живо!

- Какой ты, однако, заботливый! Просто зарыдать хочется от умиления.

- Ну правда, господа, ехали бы вы домой! И вам поспать не лишне, и мне тут без вас спокойнее. Не стойте над душой!

- А может, у нас производственное совещание.

- Поганку заворачивают, - поделился Мэкс с кем-то там у себя.

- Это ты с Бенсоном общаешься? - спросил Мастер. - Поклон ему низкий.

- А нету Бенсона! Опять Крота прислали, чтоб их... Он уж опух, бедняга, от безделья, а теперь ему еще двенадцать часов дурака валять!

- Тебя бы на мое место, - обиделся вдалеке Крот. - Здорово, Мастер! Доброй охоты!

- Спасибо. Ладно, Мэкс, не задыхайся, мы сейчас поедим.

- Скажи Горцу, чтоб зашел потом, - попросил Мэкс. - Опять у ноль второй двигатель обороты не держит. Ну ладно, спокойной ночи.

- Пока. - Мастер отключил рацию. - А что там с ноль второй?

- Бензин грязный в этой стране, - объяснил Горец. - И на масле экономить нечего.

И не убивать машину нужно, а грамотно ездить.

- "Рэйндж Ровер" нельзя убить, - сказал Крюгер. - Он непотопляем.

- Вот такие, - Горец показал на Хунту и Мастера, - убьют даже "Дефендер". Да им волю дай, они и "Хаммер" угробят.

- Мы пошли, - сказал Мастер. - Карма! С'топ, детка, нас здесь не любят!

- Нигде нас не любят, - поправил его Хунта, распрямляясь и потягиваясь. - Нигде.

- А за что вас любить-то? - спросил Горец, хитро прищутив один глаз.

- Не знаю, - ответил Хунта серьезно. - Иногда мне кажется, что совершенно не за что. Мы ведь уроды. Нелюди... - пробормотал он, отвернулся и шагнул в ночь.

***

В трубе недостроенного подземного перехода завывал ветер. Мэкс и Лысый сидели на обледенелых ступеньках, беспечно прислонив оружие к стене. Ниже, в самом тоннеле, столпилось вокруг добычи первое отделение "Трешки". Слышно было, как чей-то пес все еще рыкает, отходя от стресса. По ступеням напротив спускались в раскорячку техники, волоча за рукоятки свой лучемер.

- А сколько весит эта дура, а? - любопытствовал Мэкс.

- И не спрашивай! - выдохнул хрипло один из техников, судорожно хватаясь свободной рукой за поручни. - Век бы ее, падлу, не видеть...

- Двадцать кило, - объяснил, задыхаясь, второй. - Осторожно, Петя!

- В прошлый раз что-то меньше было... - протянул Мэкс задумчиво.

Техники уставились на него озадаченно.

- Тащите, мужики, - снисходительно бросил Мэкс, сопровождая реплику царственным жестом. - Не обращайтесь внимания.

Техники переглянулись.

- Тебе сказали? - окрысился вдруг на напарника Петя. - Вот и тащи!

Мэкс лениво встал и спустился вниз, поджидая техников, сползающих ему навстречу.

Из "трубы" доносились приглушенные голоса. Мэкс заглянул в тоннель. Трое с собаками, четко по инструкции, стояли поодаль, держа на прицеле "дырку".

Остальные никак не могли оторваться от распростертого на полу тела. Напряжённые фигуры, опущенные плечи, сжатые кулаки. Кто-то вполголоса изощренно матерится.

Дрянная сегодня добыча. Но молодым полезно рассмотреть ее со всех сторон. Злее будут. Они и сейчас уже злые, настолько, что никого даже не тошнит. Но лишней удар по нервам охотнику никогда не мешал. Настоящий охотник от рождения умеет подхлестывать себя внешними ощущениями в правильно выбранных дозах. Бывают периоды, когда он даже страшное кино смотреть откажется, хоть ты его силком тащи. Значит, ему не нужно. А бывает - как сейчас. Так что минуты две-три они еще посмотрят. А потом разойдутся и будут думать, как дальше жить. Поганая добыча. Такого в "Третьей" давно не видели.

Техники наконец-то одолели спуск и затормозили у угла тоннеля. Мэкс загораживал им дорогу, стоя на единственном более или менее проходимом участке пола. С другого конца тоннеля послышался грохот. Мэкс обернулся - порядок, это съехал вниз на заднице Гиппократ, теряя по дороге всякие медицинские причиндалы.

Ступеньки действительно очень скользкие.

- В чем дело? - спросил техник Петя. - Пусти!

- Подождите минутку, - сказал Мэкс мягко. - Сейчас там ребята приберут, и тогда вам будет можно.

- Что там еще такое? - осторожно удивился Петя. Ему явно хотелось выглядеть крутым и бывалым. Но в голосе Мэкса звучало столько искренне теплых нот, что изображать супермена и переть танком было бы просто глупо. Кроме того, Петя кое-что знал про этого старшего группы. Кликуха у него была Мэдмэкс, и однажды, лет пять назад, он на глазах экипажа технички голыми руками убил тронувшуюся умом собаку. Ребята тогда вернулись с работы просто сами не свои и долго рассуждали вслух о том, что некоторые охотники будут пострашнее тварей и как умно все решил тот, кто натравил одних на других.

За углом зажужжала "молния", запечатывая в черный мешок нагую девушку поразительной красоты. Совершенно целое, без царапинки, тело. Фигура модели, пышные длинные волосы, и лицо, прекраснее которого нет на свете. И пустые, мертвые глаза... Фонари охотников светят в такой полосе спектра, чтобы выделялся характерный для твари голубоватый оттенок кожи. Это исключает возможность спутать тварь с человеком. Но сегодня у Лысого рука дрогнула. Он стоял как вкопанный, и остальные тоже замерли в благоговейном трепете. А девушка шла размеренной, немного скованной походкой, свободно опустив вдоль тела руки. Тени играли на ее высокой груди, и под грудью не было даже легонькой складочки...

Неизвестно, как близко подпустили бы ее охотники. Скорее всего для кого-то из введомой Лысым четверки эта охота стала бы последней. Скорее всего - потому что стрелять они начали бы в самый последний момент. Уже стоя в активной зоне, безвозвратно теряя энергию, видя, как тянутся к ним прекрасные руки с длинными-длинными пальцами, и не веря своим

глазам, которые твердят, что кончики этих пальцев - острые когти.

Во всяком случае, Лысый, придя в себя, просчитал именно такое развитие событий.

Стрелять в девушку было совершенно невозможно. Нажать на спуск не провоцировали даже ее мертвые глаза без зрачков.

- Мы просто остоленели, - сказал Лысый, и Мэкс, стоя над телом и внимательно его рассматривая, ругаться не стал, а спросил:

- Как ты думаешь, могли ОНИ рассчитывать на такой эффект?

Лысый горестно сплюнул и отвернулся.

- Вот откуда берутся легенды о ведьмах... - вздохнул Крот. Он был настолько заинтригован, что переборол характерное для сенсов отвращение к тварям и решил посмотреть. - Н-да... Я бы такой отдался. Даже приплатил бы. А насчет ИХ психологии ты, старший, ошибаешься. Ни на что они не рассчитывают. У нее в башке тупой-тупой процессор. Не умнее кухонной микроволновки. И управляет ею ОТТУДА тоже процессор. Но помощнее, скажем, как в аудиосистеме хай-энд...

Лысый закашлялся, прочищая горло, и выдал хрипло:

- Вот если бы мы ее не пришили...

- Может быть, - кивнул Крот. - Очень даже может быть.

- Нам зарядили бы толпу голых баб... - закончил мысль Лысый.

- Собакам поощрение было? - спросил Мэкс. Лысый молча помотал головой.

- Правильно. В следующий раз не станут бросаться без команды.

Собаки-то положение и спасли. Приученные кнутом и пряником стояли тихо и импровизировать только в критической ситуации, они позволили охотникам подпустить тварь метров на десять. Но потом у зверей не выдержали нервы - они дружно, как по команде, разразились лаем и рванули вперед. И лишь тогда четыре пальца так же дружно потянули спусковые рычаги, и псы остановились вокруг бьющегося в агонии тела.

Теперь это тело отправлялось на руках Гиппократовых подручных в самый последний свой путь - под сканеры Базы, замкнутые на светлую голову Доктора. Затем процедура идентификации, разработка легенды (нужно же что-то наврать родственникам, буде те объявятся) - и в печь, девочка, в печь. Третья смерть для тебя, на этот раз уже точно навеки... Мэкс глядел через плечо, как уносят мешок, и вдруг у него отчетливо защемило сердце. Гораздо сильнее, чем раньше. "Сколько людей ты успела погубить и унести в свой ад, несчастная марионетка? Как удачно, что слепой инстинкт робота вынуждает таких, как ты, идти напролом к "дырке", прямо под наши стволы. В наши зубы... И как же страшно видеть, что вы умнеете, становитесь проворнее, меньше зависите от контакта с породившей вас землей. Вы победите в этой войне, рано или поздно вы победите. Если только мы не найдем способ прихлопнуть вас всех одним ударом. Где эта кнопка, черт возьми?! Я не готов добираться до нее ценой собственной жизни. Но если понадобится заплатить именно такую цену - я найду, кого послать".

- Проходи, - сказал Мэкс. - К станку, герои...

- Ты помнишь дело Валентины-Борисовой? - спросил Мастер.

- Конечно. - Таня прижалась к нему теснее. - Его лично Гаршин вел. Помогал отделу расследований. Вообще странно, что вы с Гаршиным не знакомы...

- Так получилось, - соврал Мастер. - Гаршин старый журналюга, мне не чета. Так вот... - Мастер о чем-то глубоко задумался. Таня молча ждала

продолжения. "Опять начинаются страшилки".

Впереди стеной поднимался лес, в котором была когда-то исхожена вместе каждая тропка. "Мы жили здесь, неподалеку, на окраине города, и каждый день в лесу выгуливали Чучу, а иногда просто отправлялись бродить, наслаждаясь тишиной и покоем. Мы уже приезжали сюда в воскресенье. Приехали и теперь. Ностальгия, будь она проклята. Все-таки былого не вернешь. Нас тянет друг к другу, но совершенно не так, как раньше. Мы снова копаемся в наших прошлых отношениях, ища и мучительно переживая заново некогда совершенные ошибки. Зачем? Не знаю".

Карма мышковала в подлеске. Чертовски забавная картина: большая ярко-рыжая собака то ползет на брюхе по сугробам, с хрюканьем их обнюхивая, то вдруг начинает высоко подпрыгивать и бросается вскачь, преследуя бегущую под снегом полевку. Пока что Карме не везло, мыши оказывались проворнее.

Дело "мисс Москвы" прошлого года Таня помнила очень хорошо. У этой порядком неуравновешенной девицы случилась какая-то личная трагедия, которую та решила простейшим образом с помощью снотворного. Но главное было в другом - тело девушки бесследно исчезло из морга. Двое молодых работников мрачного заведения до сих пор находились в следственном изоляторе, упорно отрицая свою причастность к загадочной пропаже. Судебно-психиатрическая экспертиза признала санитаров в принципе нормальными. Следователь мучился в поисках мотива преступления. Дело, не сворачивая, ехало в тупик. Гаршин подсунил фотографию девушки сильному биоэнергетику, широко известному способностью отыскивать без вести пропавших или как минимум определять, живы ли те. Сенс напрягся, а потом раздраженно отбросил фото и признался Гаршину, что это уже черт знает какой случай, когда он просто не видит человека, не может сказать про него совершенно ничего.

- Прошлой ночью ребята ее подстрелили, - сказал Мастер, глядя на кувыркающуюся в снегу Карму.

- О, господи... Знаешь, милый, если бы это говорил не ты, а кто-нибудь другой...

- Версия Штаба очень правдоподобна, да?

- С ней легче жить. Хотя она тоже какая-то шизоидная. Я так и не понимаю, зачем им нужен такой спектакль. Может, чтобы завалить газету?

- Нет, только не это. Боюсь, что за попыткой наполовину раскрыть карты стоит очень тонкий расчет. Тогда дела наши хуже некуда. Поговорить бы с Гаршиным... У вас в отделе, кроме тебя, женщин нет?

- Что ты хочешь сказать?

- Сам не знаю. Все в такой клубок запуталось... У меня просто голова раскалывается от обилия информации, которую девать некуда.

- Бедный ты мой... - Таня встала на цыпочки и прижалась губами к щеке Мастера.

Щека была холодная и колючая. - Ох, не хочу я в этот кошмар верить. Ни одному твоему слову не хочу верить. Помнишь, я говорила, что пока ты не появился, все казалось наваждением... Лучше бы так и оставалось. Я и сейчас, как вспомню твоих охотников, собак, Школу, - кажется, во сне видела. А ты мне проснуться не даешь.

У меня пелена все время перед глазами.

- Помнишь Бенни? - вдруг спросил Мастер.

- Бенни? А, еще бы! Это тот... у-у... народный целитель? По кличке Бенни Бастард? С которым вы по пьянке Раевского побили?

- Верно. Только при чем тут пьянка? Бенни тебя просто обожал и очень рад был вступить за правое дело.

- Не помню, чтобы он меня обожал, а помню, что вы ни за что ни про что отдубасили приличного человека.

- Ой, ну только этого не надо, ладно! Приличные люди так руки не распускают, когда у женщины рядом живой любовник сидит.

- Скажем точнее - полумертвый уже от водки.

- Ну... Не важно; Ты скажи: Бенни - это сон?

- Ты серьёзно?

- Бенни работает с нами. Он форсирован и водит на расчистку бригаду сенсов.

Убедительно?

Таня закусила губу и отвернулась. "Я помню Бенни. Однажды в жаркий летний вечер, когда все сидели обалделые от духоты и пили коньяк со льдом, он за полчаса так охладил комнату, будто в ней появился кондиционер. Внушение чистой воды, но такое мощное! Еще он предлагал меня слегка подлечить - только больно уж у него при этом были масляные глазки".

В отдалении Карма раздраженно твякнула.

- И не надоело же тебе меня запугивать... Откуда ты взялся такой? - задала Таня преследующий Мастера всю жизнь вопрос.

Мастер опустил глаза и после мгновенного раздумья сухо ответил:

- Я из "Программы Детей".

- Чего-о? - спросила Таня, будто ослышавшись. Мастер шевельнул ладонями - словно развел руками. Глаза его смотрели по-прежнему тепло, но появилась в них такая знакомая Тане отстраненность... Восемь лет назад в подобной ситуации она решила, что этот человек сходит с ума. Тут-то все и треснуло.

- Не может быть... - прошептала Таня. Ей вдруг стало холодно, чертовски холодно, как в кабинете у Очкарика. Только разговор перешел в нормальное русло, только она успокоилась - и вдруг как ушат холодной воды. "Зачем ты это сказал? Почему ты опять делаешь мне больно? Этого не может быть".

- Может, может... - сказал Мастер. Будто ее мыслям покивал. - Пора уяснить, Танечка, что я не шучу. Я действительно мутант. И я очень нуждаюсь в твоей помощи.

- Перестань говорить мерзости, - слабым голосом попросила Таня. - Что я могу для тебя сделать?

- Пожалуйста, наведи справки об одном человеке, - сказал Мастер, думая о том, что Таня ему не поверила. "Наверное, это к лучшему". - Ты ведь все знаешь обо всех. - Мастер сделал паузу, чтобы Таня успела спросить:

- Кто?

Мастер вздохнул. "Чего я ее мучаю? Я ведь не врал - она мне действительно очень дорога. Слишком у нас богатое общее прошлое, чтобы поступаться ее интересами.

Хотя сейчас ничто не значит ничего. Главное - успеть. С любыми потерями. Кто угодно. Только бы не Карма..."

- Ты наверняка о нем слышала. Это такой сенс. Его зовут Тим Костенко. Он мне нужен позарез. Если мне удастся с ним поговорить, встанет на место последнее звено. Я точно буду знать, что делать.

- Психи любят кучковаться, - поставила Таня диагноз очень усталым

голосом.

Отстранилась от Мастера и обхватила себя руками за плечи. - Иногда для психов строят даже специальные дома с решетками на окнах, чтобы никто их не тревожил.

- Э-э... Не понял, - протянул Мастер озадаченно.

- Знаешь, ты действительно мутант!

- Такой же, как Костенко. Только недоразвитый.

- Милый! - повысила голос Таня. - Очнись! Костенко нет. И никогда не было.

- То есть как это не было?! - искренне удивился Мастер.

- Тим Костенко - миф, - объяснила Таня. - Ни один экстрасенс никогда о нем не слышал. И дело не в том, что они не знают такого имени. Они не знают сенса с такими возможностями. Они в принципе отрицают, что человек может работать на такой мощности. Для человеческого организма это не-воз-мож-н-о. Можно видеть сквозь стену. Но нельзя сквозь нее убить. Можно овладеть чьим-то разумом после очень длительной обработки. Но нельзя за секунду подчинить себе целую толпу.

Есть экстрасенсы, но нет психократов. Я убеждена, что Костенко - это пугало, специально кем-то выдуманное. Не знаю, кем и с какими целями. Но его нет.

- Жаль, - сказал Мастер так безмятежно, как будто не сам начал разговор. - Хорошо, Танюш, извини. Я прошу у тебя прощения. Мне просто важно было это выяснить. Все. Забыли. Ладно?

- Ладно, - отозвалась Таня через плечо. - Там у нас термос был...

Мастер достал из машины объемистую сумку и принялся накрывать на капоте импровизированный стол. "Итак, едва речь заходит о Костенко, сенсы Отказываются говорить. Почему? Кто их так запугал? Кому понадобилось стереть Тимофея Костенко из информационного пространства? И как же мне теперь, черт возьми, его искать?"

На этом пути я непременно должен буду обнаружить себя. И тогда у Проекта точно нервы сдадут, и нас с Кармой застрелят, потому что этот парень действительно пугало, тут Таня права. Блудное дитя Проекта, негласно объявленное вне закона.

Разрушитель, человек-ураган. Самое забавное, что десять лет назад мы чуть было не познакомились. Я даже голос его немного помню - очень пьяный голос по телефону. Тим не захотел встретиться со мной. Как же он сказал?... "Все правильно. Я через это уже прошел, теперь наступает твоя очередь". Жаль, что я его не понял тогда...

Тоже охотник на зомби. Только со мной надежные люди и отважные собаки, у нас есть оружие, и мы ловим по углам неповоротливые ожившие трупы. А он совершенно один и с голыми руками уничтожил целый полк зомбированных людей, отлично дрессированных убийц и диверсантов, отвернул башку научному руководителю "Программы "Зомби" и взорвал пост слежения. Он выступил против всемогущего Проекта, и тогда у него отняли все, кроме жизни. И он не мог остановиться, пока не уравнил счет. Хотя как его уравнивать, если у тебя убили любимую, отняли профессию и убедили родителей в том, что ты безумен? Не хотел бы я на своей шкуре узнать, что это такое. Хотя я что-то похожее своими руками учинил. От меня тоже отвернулся весь мир однажды. Но мне было легче, ведь я точно знал, на что иду. А ты, Тим, просто плыл по течению. Где же ты сейчас, друг? Ты знаешь то, что должен знать я. И, судя по всему, ты можешь без стрельбы пройти в Техцентр.

Ты - ключ. Ты мне нужен. Эх, тоска..."

- Карма! - позвала Таня. - Иди сюда, папа даст тебе вкусной колбаски!

- Да, - согласился Мастер. - И тебе перепадет. Вот, держи кофе.

- Спасибо, - кивнула Таня. "Вот гад! Ни одному слову моему не поверил. И теперь будет искать эту химеру в человеческом облике самостоятельно. Здорово же тебя прижало, родной, если ты гоняешься за призраками..." - Слушай, а это что за развалины? Тут же был домик лесника. Ой, точно... Он сгорел. Какая жалость!

- Это мы его сожгли, - сказал Мастер с глубоким вздохом.

***

- Ну что, крокодил? - спросил Мастер. - Как самочувствие?

Вместо ответа собака лизнула хозяина в глаз. Мастер усмехнулся и резким движением руки подсек ей передние лапы. Карма опрокинулась в сугроб, перевернулась, села и помотала мордой, стряхивая с усов снег. Мастер начал медленно креститься в ее сторону, намереваясь в падении толкнуть собаку плечом, - но в последнюю долю секунды Карма вскочила, и Мастер грузно рухнул на то место, где только что была ее передняя лапа.

- Ах, ты так! - вскричал Мастер, метко швыряя пригоршню снега ей в нос. Карма подпрыгнула на всех четырех лапах и принялась, чихая и отплевываясь, наматывать круги, глубоко вспахивая сугробы, а Мастер безуспешно пытался ухватить ее за толстую задницу, бегая по внутреннему кругу. Тут с дерева неподалеку снялась потревоженная ворона, и Карма, залившись лаем, рванула за ней следом. На краю обрыва собака была вынуждена затормозить, а ворона тяжело спланировала вниз, к набережной Москвы-реки. Над городом вставало яркое и холодное январское солнце.

Мастер уселся на ствол поваленного дерева и смотрел, как к нему возвращается рыжая красотка, а вдалеке за ее спиной пытит трубами и золотится куполами родная столица. По мостам сплошным потоком идут машины, отвозя людей на их ежедневную каторгу зарабатывания денег... "Зачем? Все равно вы умрете. Очень скоро".

Это было несправедливо. Но Мастер слишком давно и прочно осознал, насколько эфемерным становится в его городе само понятие жизни с наступлением темноты. И даже при свете дня люди для него были всего лишь потенциальными тварями, неотвратно приближающимися к гибели - и скорому возвращению домой, только уже из-под земли. Обыватель переставал селиться на первых этажах. Магазины и офисы по ночам охранялись крайне небрежно - мало стало таких отчаянных грабителей, чтобы выходить на дело затемно, и ни одна сволочь не задавалась вопросом: что происходит, господа? Мастера не волновало молчание прессы, он догадывался (а теперь просто знал), что с ней "работает" Проект. Но его ужасало настроение рядовых горожан. Несмотря на страхи и кошмары, игнорируя постоянное напряжение, люди не воспринимали слухи о таинственных исчезновениях и ползающих по городу мертвецах. Они отмахивались от этих детских сказок, они не могли поверить.

Ситуация была слишком дикой для того, чтобы выглядеть правдоподобной. Поэтому Мастер не винил людей. Он просто оплакал их, записал в покойники и забыл.

Но он не мог и бросить их наедине с угрозой. Там, на другой стороне реки, в домах на набережной, Школа оставила пять человек и одиннадцать собак. Это было поистине страшное место, где активность тварей

поддерживалась естественным фоном геопатогенных зон и поверх только что заглушенной "дырки" могла тут же открыться новая. Там погиб бригадир Кен, упав без сил поверх четырех тварей, из которых он непостижимым образом высосал энергию. Там сгнули Джимми и Белый, налетевшие на засаду, нашлись только лучеметы с посаженными батареями, ворох гильз и что-то жуткое, оставшееся от собак. Школе этот ужас пошел впрок: изменилась тактика, появилось новое оснащение - а Мастер незаметно для Будды начал собирать материал по возможностям сенсов. Но вот городу не полегчало. Набережная расчищена, там сейчас безопасно - но никто там не хочет жить, и почему-то никто себя не спросит, ас чего бы это. Просто так повелось, что в этом районе, некогда очень престижном, жить нехорошо. Вредно. И все тут. Каждая вторая квартира продается, и задешево, но спроса нет. Ничего удивительного - Бенни под домами видит огромные черные пятна на местах бывших схваток. Интересно, кто именно наследил.

Во всяком случае, от выходящих из зоны расчистки охотников сенсы в те дни кидались врассыпную. Школа училась воевать, и ей, будто так и надо, попался для начала самый трудный участок. И каждый охотник натерпелся страху на всю оставшуюся жизнь, а также до упора разозлился на тупых убийц и люто возненавидел тех, не менее тупых, кто попадался тварям в когти. Любовь охотника к конкретным людям разбавилась презрением к человечеству в целом. Школа уверенно шла в отрыв, давно спланированный руководством Проекта. Школа становилась чем-то вроде рыцарского ордена - бандой надменных душегубов, таких же уродов, как и те, с кем пришлось воевать.

Мастер жевал давно потухшую сигарету и думал о том, когда же наступил перелом.

Сам он себя в Школе всегда ощущал кем-то вроде "нашего" шпиона в логове врага.

Но постепенно к нему потянулись местные диссиденты. Первыми и основными сомневающимися оказались старшие групп и большинство начальников штабов - тех, кого в Школе, избегая армейской терминологии, называли аналитиками. Незаурядные люди, остро чувствующие свою исключительность, все они были типы сложные в обращении. Но любые разногласия и столкновения амбиций меркли перед главным - тем, что "мы стали ничуть не лучше тварей", "это все не просто так", "скоро нами будут травить людей", и прекрасной фразой Винни "Я им, бля, не вобла, чтоб сидеть на крючке!". Именно тогда Мастер увидел слабое место Проекта. Возможно, единственное. Время от времени Проект ошибался в людях. А при наборе охотников ошибка была заложена в самой посылке. Системная ошибка.

Теперь Мастер знал об этой ошибке почти все. Истина всплыла в разговоре с Доктором. Именно Доктор, некогда слишком гордый и самовлюбленный, а теперь просто раздавленный и усталый, изгой и лжец, злодей и гений, заложил-таки под Проект бомбу. Какие у него были мотивы, Мастер мог только догадываться. Вряд ли Доктор предполагал тогда, что однажды собственную дочь отдаст на растерзание Техцентру. Как раз после случая с Ниной-Олесей презрение к себе достигло у Доктора такого самоубийственного уровня, что он пошел на прямое сотрудничество с Мастером. И рассказал ему столько, что хватило бы на два расстрела и три пожизненных заключения.

Да, начал он издалека, и каждое второе слово его было ложью. Он

здорово боялся получить от Мастера по голове и всячески сглаживал острые углы. Но, когда Мастер прижал его, вилять уже не пробовал, хотя о чем-то и умолчал. И чего Доктор на самом деле не мог толком объяснить - зачем он поступил именно так.

Семь лет назад, когда из-под земли выползла первая тварь и Проект мучительно искал, кого выставить против нечисти, Доктор скорее всего решил отомстить Проекту за "вечный" секретный гриф на своих работах. И выдал отличную, как всем казалось тогда, идею, задав вопрос о некой давней операции, то ли слишком засекреченной, то ли до того нереальной, что о ней просто забыли. Получил необходимые материалы и руководство темой. И лично тестировал людей, фильтруя "второй поток" легендарной "Программы Детей". Именно "второй поток", не подвергшийся серьезному воздействию, потому что из "настоящих Детей" выжили лишь единицы, такие, как файл 028 Стальное Сердце и файл 105 Мастер.

Работа предстояла титаническая. Из почти десяти тысяч кандидатов половина отпадала из-за никудышной энергетики. Обычные люди, рядом с тварью они потеряли бы сознание уже через пять секунд. Они и физически были не очень развиты, да и на голову слабы, пройденная в детстве обработка сломала их. Зато оставшиеся слегка мутировали и по энергетике оказались просто звери, почти сенсы. Но тут возник новый критерий отбора. Выяснилось, что без собак с тварями воевать невозможно, будет необоснованно высокий "расход материала". И оказалось, что выбирать-то не из чего. Налицо была едва тысяча предрасположенных к работе с собаками. Правда, из четырехсот "практикующих" мужчин-собачников почти все имели дело с крупными догообразными. Снова отсеяли половину - всех слишком благоразумных и чересчур благополучных. И осталось двести человек, вполне сумасшедших на первый взгляд. Неуравновешенных, злобных, эгоистичных, ничего в жизни не добившихся и не особо пытавшихся, в возрасте от двадцати двух до двадцати шести. Как на подбор.

Задание было слишком деликатным, чтобы привлекать к нему "стационарную" агентуру - людей, всегда находившихся рядом, отслеживавших жизненный путь Детей с момента их рождения. Психолог составил грамотный текст - и к кандидатам пошли симпатичные вербовщики. Через пару месяцев заброшенный интернат с большой и надежно огороженной территорией принял самую первую "мобильную группу" во главе с куратором Буддой - и стал Школой. В таком же здании на другом конце города разместили "отсев" - тех, кто не прошел тесты на Базе. Так образовалась Школа-2, она же "АО Служба специальных охранных мероприятий", для которой пришлось еще потратиться на Офис.

Начались будни. Как следствие, пошел "расход материала", он же "ротация кадров".

Доктор снова налег на Детей. Штаб вдруг добыл неизвестно откуда файлы "третьего потока" - Доктору чуть плохо не стало, когда он понял, насколько же масштабной была эта фашистская Программа. И все чаще в своих мыслях он возвращался к "первому потоку", детям, принявшим на себя главный удар эксперимента по коррекции личности. Их не хотели убивать, их только пытались "скорректировать".

Иногда Доктор гадал о том, сколько же их было ~ тех, кто умер, еще не достигнув совершеннолетия. И очень хотел увидеть хоть одного из пяти оставшихся в живых.

Как раз один из этих мутантов лучше всего исполнил бы роль взрывателя в авантуре Доктора. И обстоятельства сложились крайне благоприятные.

Проект лихорадило - появились объемные данные по тварям. Твари оказались серьезной и по-своему организованной силой. Их менталитет и биоэнергетические возможности, ранее недооцененные, теперь скорее переоценивались. Штаб стал мерить тварей человеческими мерками. Тут же возник страх инфильтрации или глубокого зомбирования тварями ключевых фигур Проекта. Подумать было жутко, что случится, если твари, например, "перепрограммируют" нескольких охотников и те откроют огонь по своим. Но еще важнее было защитить лидера, старшего Школы. И тогда возникла мысль о назначении на эту должность человека с заблокированной энергетикой - одного из "настоящих" Детей.

Однако архив Проекта рисовал безрадостную картину. Стальное Сердце пропал бесследно. Испарился. Кроме того, несмотря на такое неоспоримое доказательство, как личный файл, многие сомневались в том, что этот персонаж вообще когда-нибудь существовал. "Пугало старого КГБ", "страшилка для экстрасенсов"... Доктора такие заявления не удивляли: файл Стального Сердца встретился ему уже второй раз, от него по-прежнему веяло страхом, и одна страница была изъята. Какая-то удивительно поганая история произошла с этим молодым человеком в начале девяностых годов. И то, что парень был одним из Детей, многое в этой истории проясняло. А отметка "П?" в файле означала "возможно - психократ". Термин страшненький, заимствованный из фантастической литературы, как и многие другие термины Проекта. Доктор, форсированный сенс, мог усилием воли загнать человека в энергетическую кому - состояние между бодрствованием и сном. А для психократа, существа, подчиняющего себе чужую психику, не составило бы труда поставить на колени всю Базу. Доктор повертел файл в руках, в сотый раз его "обнюхал", вздохнул и плюнул. Потом вычитал, что 028 никогда не держал домашних животных и вообще на дух не переносит любой коллективной работы, и плюнул вторично.

Файл 116 Волк, владелец ландсира, редкого подвида ньюфаундленда, стал бы идеальным кандидатом, если бы не его служба в научно-технической контрразведке.

Волку прочили отличную карьеру. Он был совершенно доволен жизнью, терпеть не мог приключений в любой форме и имел стойкие наклонности кабинетного работника.

"Интересно, - подумал Доктор, - зачем такому собака?" Потом вспомнил гипотезу о том, что собакой человек дополняет себя, закрывая какие-то "бреши" в характере или усиливая черты, которые слабо выражены. Волк явно был из первых. Обидно.

Файл 117 Лариса был отброшен сразу. Доктор никогда Детей не жалел - жалеть их было уже поздно. Но он часто ловил себя на мысли, что гордится ими, их потрясающими характерами, способностью выживать в любых условиях. Эти люди гнулись, но никогда не ломались. А Лариса уже к двадцати шести стала законченной алкоголичкой. Читать ее файл было противно. Хотя бы потому, что остальным Детям пришлось в жизни не легче, чем ей.

Файл 200 Малыш только что получил магистерский диплом в Массачусетском технологическом. Тоже в своем роде уникум. Объекты "Программы Детей", потенциальные лидеры оппозиции, изначально не были склонны покидать страну по своей воле. Хотя Малыш мутировал, а это значило, что он фактически другой человек. И вообще непонятно, человек ли. Интересно, почему его выпустили за рубеж.

И наконец, сто пятый. Мастер. Всю жизнь прожил рядом с кавказскими

овчарками.

Неформальный лидер любой компании. Это обусловлено очень мощной энергетикой. Не так хорош, как сенс, но далеко не прост, в силу чего весьма обаятелен. У мужчин вызывает безотчетное доверие. О женщинах умолчим. Неплохой стрелок. Физические данные в норме. Не воевал, но в армии служил. Подходит по всем статьям. И совершенно непригоден, потому что он заочно ненавидит Проект.

Каждому из пятерки выживших Детей волею Проекта выпала своя особая судьба. Раз уж они получились такие загадочные, нужно было посмотреть, на что годятся. И лет с пятнадцати-шестнадцати ими занялись очень плотно. Из простофили Волка сделали отличного аналитика, недалекий Малыш стал толковым ученым. А вот Стальному Сердцу помогли развить его природные способности экстрасенса. Получилось не то - как справедливо предполагал Доктор, парень сумел каким-то образом форсироваться, причем до невероятной степени. И неожиданно вступил в контакт с одной из программ Проекта. Контакт перерос в конфликт. Произошло столкновение настолько серьезное, что Стальное Сердце исчез, а "сверху" приказано было считать его личностью мифической и никогда не существовавшей.

Для Доктора это были не просто догадки. Как человек, косвенно причастный разработке психотронного оружия, он разбирался в поставленных Проекту задачах, одной из которых была "отработка личного фактора". Конкретно - избирательное воздействие на военачальников и политических лидеров "вероятного противника".

Достаточно больной головы, чтобы важное решение было принято чересчур поспешно.

Сердечный приступ сорвет важные переговоры. Легкая нерешительность генерала может стоить жизни тысячам людей. И так далее. Все эти ситуации Проект брался спровоцировать извне, с расстояния в тысячи километров.

Но большинство так называемых "харизматических лидеров" - существа с очень мощной энергетикой, "пробить" которых непросто. Однако и у них есть уязвимое место. Близкие люди, сердечные привязанности, семья. Пара дней основательного бардака в доме - и самый жестокий диктатор начнет совершать ошибки, даже если перестреляет обезумевших родственников, внезапно его невзлюбивших.

Естественно, для обкатки методики нужны были адекватные подопытные крысы.

Идеально чистый эксперимент можно было поставить только на человеке с заблокированной энергетикой. "На изгиб" попробовали Ларису и Мастера. В течение нескольких лет эти двое постоянно находились в окружении людей, не обладающих свободой воли. Активное неприятие со всех сторон - Недоверие, жестокость, ненависть. Лариса в итоге сломалась. А Мастер гнулся во все стороны, но всегда распрямлялся. Ему создали отвратительную обстановку в семье. Он сначала мучился, а потом решил, что так даже удобнее. Дали поступить в университет - и заставили деканат выгнать парня. Оказалось, что он плевать хотел на свой журфак, потому что журналисту диплом не очень-то и нужен. Загнали в армию. Полгода выл, потом освоился. Прошел дикие унижения и стал только крепче. Вернувшись, опять занялся журналистикой. Тут его оставили было в покое - ведь по остальным статьям эксперимент прошел удачно, - но вмешалась судьба: парень нарвался сам.

Он попал в группу, проводившую журналистское расследование по психотронному оружию. Проинтервьюировал множество психов, о которых

нельзя было сказать, больны ли они по жизни или это с ними случилось в результате обработки. И вышло так, что до него одного дошло, насколько же ужасной в действительности может быть "Программа "Зомби". Он располагал всей информацией, которую добыли его коллеги. Но он в этой группе получил главное-эмоцию. И поверил. Группа зашла в тупик и раскололась, потому что косвенных данных было множество, а реальных доказательств мало. Мастер утверждал, что останавливаться нельзя, остальные возражали.

То, что с Мастером произошло дальше, не было акцией, направленной конкретно против него. Он всего лишь угодил "под колпак", которым накрывали каждого журналиста, активно раскапывавшего тему психотроники. Вполне невинная публикация с некоторыми туманными намеками была "завернута" без объяснения причин. Мастер счел это доказательством своей правоты, принялся направо и налево рассказывать о том, что сумел выяснить, и обнаружил, что над ним смеется вся редакция. Друзья кивали - сам виноват. Но как раз в этот момент к Мастеру подослали ловкого провокатора, который дал ворох правдоподобнейшей информации. Через сутки у Мастера из дома таинственным образом исчезла часть материалов расследования. Он стал еще упорнее агитировать коллег - и окончательно потерял лицо. Получил по шапке от редактора отдела. Искал поддержки у своей девушки - это кончилось разрывом. А некий Тимофей Костенко, стоявший когда-то у истоков расследования, послал его в телефонном разговоре подальше.

Мастер оказался в положении изгоя. Перестал заходить в редакцию, начал больше обычного пить и расследование забросил. Не было денег на отдельное жилье - пришлось вернуться в дом, где над Мастером постоянно издевался отец. Никому совершенно не нужный, кроме собаки, он перебивался случайными заработками в мелких газетках и выл от тоски.

Состояние полураспада затянулось почти на год. Потом отец, дабы окончательно размазать сына по стенке, решил лично озаботиться его трудоустройством.

Пригласил его секретарем отдела, потому что терпеть на своей шее пьяницу и тунеядца сил нет. Тогда Мастер взял за ошейник Чучу и отправился падать на дно - соглашаться на давнее предложение одного приятеля по собачьей площадке. Нужно было охранять ночами отдельно стоящий офис с большой территорией. Дно оказалось не таким уж глубоким - платили нормально, Чуча с работой справлялась, можно было собраться с мыслями перед следующим рывком. Куда будет этот рывок, Мастер не представлял, но он снова распрямил спину. Тогда ему застрелили собаку. Ночью, через забор - пуля между глаз. Прощальный аккорд - добить человека окончательно и больше не вспоминать о нем.

Но Мастера уже ничто не трогало. Молодой человек стал холоден, спокоен и расчетлив. Это была его последняя ночь в роли охранника. Он уже подписал новый контракт, сделал фантастическую, невероятную карьеру. Со следующей недели он начинал работать в этом же офисе, только в новой должности - пресс-секретаря фирмы.

Именно в таком положении Мастер находился, когда Штаб обсуждал его кандидатуру.

Было совершенно ясно, что Мастер питает глубокую неприязнь к спецслужбам как таковым, а уж к Проекту и подавно. Стоит ему только догадаться, что Проект был когда-то причастен к разработкам оружия нового поколения, Мастер взорвется, как атомная бомба, и это не пойдет

другим охотникам на пользу. А догадается он обо всем, как только возьмет в руки охотничий лучемер. В процессе своего расследования он встречался с несколькими всамделишными "зомби", которые сошли с ума и поэтому вырвались из-под контроля. Именно тогда у него зародилось подозрение, что он всю жизнь прожил под давлением. Он мгновенно обвинит Проект в том, что ему навязали кошмарную судьбу. И что тогда с Мастером делать - убивать?

Может, хватит трупов-то?

Но Доктор грамотно и аргументировано возразил. "Мы тут ни при чем. Мастера искалечили те, кто вел "Программу Детей". Больше его никто не трогал (Генерал и Очкарик переглянулись). Более того, сейчас мы замаливаем грехи тех, кто Мастеру нагадил. Мы предлагаем ему место, где он будет счастлив и получит занятие, которое ему однозначно придется по душе. Я изучил этого мальчика вдоль и поперек. И я вам ручаюсь, как психолог и как сенс, что он именно сейчас готов к тому, чтобы принять наше предложение с радостью. Да, его постоянно будут терзать сомнения. Чем дальше, тем больше. Но я возьму его под личный контроль. И буду направлять его сомнения так, что они пойдут Школе только на пользу. Мальчик найдет в Школе свое место, и из него получится отличный лидер. Ничего не хочу сказать плохого про господина Басова, но он для охотников староват и чересчур властен. Они устают от постоянного давления, это для Басова плохо кончится. А Мастер такой же, как они, только во многом их превосходит - и они будут за ним тянуться. Он создаст для охотников самые комфортные условия. И будет легко управляем, я вам гарантирую".

- Мы вам, конечно, верим, - сказал Генерал. - Не подумайте, что мы сомневаемся в вашей компетенции. Мы просто очень не хотим неприятностей. Сами понимаете, если парень начнет брыкаться, его придется ликвидировать... А нас за это по головке не погладят, будьте уверены. Сейчас не тридцать седьмой год.

- Но вам же нужен в Школе надежный человек? - спросил Доктор, мягко улыбаясь.

- Позарез! - воскликнул Генерал. - И если он так хорош, как вы говорите, мы его быстро продвинем в старшие.

- Давайте решать сейчас, - пробормотал Очкарик, в сотый раз листая файл Мастера.

- Иначе у него щенок вырастет, поздно будет переучивать.

- Он снова завел собаку?! - вскричал Доктор в изумлении.

- Уже две недели, - кивнул Очкарик, внимательно глядя на Доктора. - Эти данные в файл еще не занесли. А что вы так волнуетесь? Это плохо?

- Это же знак стабилизации! Мастер приходит в себя! Он же самоцельная личность, он может снова законсервироваться-и тогда с ним не о чем будет говорить! - взволнованно затараторил Доктор. - Он открыт для контакта только в периоды, когда ему больно. А в нормальном состоянии мальчик невнушаем и делает выбор только самостоятельно. Ему же ничего не докажешь, когда у него все хорошо! Он сам решает, что ему делать...

- А вы действительно знаете парня вдоль и поперек! - восхитился Генерал с кривой усмешкой. - Что это вы так им заинтересовались?

- Мастер - выдающаяся личность, - твердо ответил Доктор. - Он нам пригодится.

Ловите момент, господа! Этот подонок, который застрелил его предыдущую собаку (Генерал и Очкарик переглянулись вновь), он же оказал нам неоценимую услугу, сам того не желая! Он дал нам шанс достучаться до

сердца Мастера.

- Как же вы будете его такого страшного контролировать, когда он в Школе окажется? - спросил Генерал. - Плеткой хлестать будете, чтоб ему больно стало?

- Плеткой его не возьмешь, - улыбнулся Доктор. - Но, когда он придет в Школу поверьте мне, он раскроется полностью уже через месяц-другой. Он впервые в жизни будет среди друзей.

- Спасибо, Андрей Николаевич, - кивнул Генерал Доктору. - Вы меня убедили.

Надеюсь, об этом решении нам не придется сожалеть. Терпеть не могу вообще причинять людям неприятности, а у этого парня еще и роскошная фотокарточка. У меня же дочь растет, и я ничего с собой не могу поделывать - на любого красивого парня смотрю как на потенциального зятя. Боюсь - а смотрю. Смотрю - и боюсь...

- Да нет у вас никакой дочери, - улыбнулся Доктор, вставая из-за стола. - Своим бы хоть очки не втирали. До свидания, господа.

- С-скотина! - прошипел Генерал, когда дверь за Доктором закрылась.

Сформулировать угрозу в разговоре с Доктором именно через упоминание несуществующей дочери ему посоветовал ведущий психолог Штаба. И перемудрил:

Доктор, который, по слухам, "видит правду", все воспринял буквально.

- Психологов - ненавижу! - заявил Генерал Очкарику.

- А этот парень много общался с психологами, - съехидничал Очкарик, показывая на файл Мастера. - И у самого задатки есть...

- И его ненавижу! - стукнул кулаком по столу Генерал. - И тебя убил бы. И от работы этой долбаной охренел. И себя - не-на-ви-жу!

- Это правильно, - меланхолично протянул Очкарик, укладывая в папку документы на кандидатов в охотники. - Ты у меня тоже в печенках сидишь. Тут я с тобой солидарен.

- Тьфу! - рассмеялся Генерал. - Пошли обедать? Вдруг полегчает...

- Нет, - покачал головой Очкарик. - Здесь тебе не Ангола. Здесь бывает только хуже...

- А ведь Басова-то скоро пристрелят! - вдруг осенило Генерала. - Тут этот ушлый Доктор прав на все сто, он охотников просто задолбал!

- Интересно, как они следы заметут...

- Спишут на расход материала. Погиб на расчистке, тело противник уволок под землю... Или вообще создадут такие условия, когда его вместе с собакой твари съедят! - Генерал поднялся из-за стола. - Короче - придумают как. Вот черт попутал собрать в одном месте столько изобретательного народа... Кулибин на Кулибине. Гребаный Доктор! Как ляпнет что-нибудь - всегда в точку! И ведь он сводки не читает в отличие от нас. У него агентуры нет...

- Доктор - психолог, - вздохнул Очкарик.

- Ненавижу! - заключил Генерал.

В этот момент Доктор, садясь в машину, поежился, как от озноба. Он хорошо понял, что болтовня Генерала о дочерях имеет отношение именно к его, Доктора, дочери.

Доктор на самом деле умел "видеть правду". Только в совершенно ином ключе, нежели это предполагал Генерал, который для Доктора был словно открытая книга.

Единственный человек, чьих истинных мотивов Доктор никак не мог разобрать, был он сам.

***

Мастер остановил машину буквально на минуту - купить сигарет, но, вернувшись в салон и закурился, понял, что трогаться с места не хочет. "Устал. Что будет, если я не выдержу? Или меня действительно убьют... У Хунты хватит злобы поднять Школу. Вот будет картинка... Не могу себе представить. Они же все такие благоразумные, уравновешенные. Были... Теперь наблюдения ясно показывают - будет взрыв.

Начнется он, как водится, с бойни внутри Школы. И ею же скорее всего закончится, потому что для начала затравят собаками Саймона, с пещерной жестокостью. Первая кровь пущена, ребята сбросят пар и начнут думать: а чего же мы, собственно, натворили? Но Хунта им разобраться не даст, потому что бросит клич: на Штаб, едрёныть! Только охотники - не однородная масса. И конечно, "Трешка", как самая задумчивая и озабоченная инстинктом самосохранения, выступит против. Мэкс резонно заметит, что за Саймона им ничего не будет, а вот дальше идти не след.

Хунта влепит ему пулю между глаз, "Третья" спустит псов и оцетинится стволами.

На нее навалится "Вторая" и рядовые из "Первой", которым в спины будет в свою очередь стрелять "Четвертая". Правда, "Четверке" придется сначала задавить свое руководство, а это ветераны, их убить трудно. Ив тихом углу заляжет Батя с верхушкой "Первой". Будет ловить момент, ждать, чья возьмет, чтобы потом шлепнуть победителя и захватить власть в Школе. Но их из этого угла выкурят и тоже заставят стрелять. В этой драке - мама, мне подумать страшно! - "Третью" и "Четвертую" перебьют целиком, но и из прочих охотников уцелеет, дай бог, половина. Наверняка погибнут все собаки, кроме запертых на псарне. Да и тех прикончат. Рабочую кавказку, оставшуюся без проводника, убить дешевле, чем заново приручить".

Мастер выжал сцепление и включил задний ход, собираясь отъехать от тротуара.

Машины шли мимо сплошным потоком, и в каждом стекле Мастер видел оскаленные черепа будущих тварей. Но раньше будет другое. Мастера передернуло - он почти физически ощутил, каково это будет: два десятка израненных полусумасшедших охотников шатаются по заваленному трупами двору, охрипшими голосами призывая своих собак, уже мертвых. Пороховая гарь во рту, озноб по спине, красный снег под ногами, чье-то тело свисает из окна будки КПП, ты совершенно не представляешь, что теперь делать, - и тут ворота таранным ударом раскрываются настежь, на тебя несется тупое рыло бронетранспортера, и стволы двух пулеметов смотрят прямо тебе в лоб...

"Их всех убьют!" Мастер до боли сжал челюсти и рывком бросил машину потоку навстречу, подставляя корму шикарной иномарке. Та пискнула неожиданно тонким голоском и начала яростно вытормаживаться, но Мастер уже улетел далеко вперед.

"Хорошо ты машину сделал, Горец. Но и тебя убьют. Сам кинешься под пулю. В машинах ты понимаешь отлично, а в людях разбираться так и не научился. Вечно ты их пытаешься разнять во время драки. Нельзя тебе, брат, неумело ты это делаешь.

Только мне удастся раскидать дерущихся собак, ни разу не попавшись на зуб. То ли они меня не видят в этот момент, то ли считают высшей силой,

на которой нельзя срывать злобу. Я, наверное, действительно Мастер собак. Наместник собачьего бога на Земле. А люди... Почему бы и им, собственно, меня не слушаться?" Мастер остановился на красный. Слева пристроилась давешняя иномарка, не новый, но ухоженный "БМВ". "Ну, что ж, как говорит Батя, - "общемся с людьми"". Два стекла одновременно пошли вниз на электрической тяге.

- Ты чё, урод, с ума сошел?! - заорала из "БМВ", распаяя себя, раскормленная харя. На заднем сиденье хищно оскалились еще две, третья что-то рычала неразборчиво из-за руля.

Мастер согласно кивнул.

- Ты чё мне киваешь, сучара?! - возмутилась харя, брызжа слюной.

- Я сошел с ума, - объяснил Мастер, опуская голос до хрипа.

Харя присмотрелась к Мастеру повнимательнее и, видимо, решила не связываться.

- Убить бы тебя на хер! Бля, попадись мне еще!

- Убить - нет проблем, - сказал Мастер, доставая из наплечной кобуры пистолет и демонстрируя его харе. Та от неожиданности уронила челюсть. Двое на заднем сиденье дружно упали, водитель благоразумно откинулся назад, скрываясь за пассажиром. Из соседних машин в Мастера тыкали пальцами. Деваться им было некуда, оставалось глазеть. Харя подобрала челюсть и прищурилась на пистолет.

- Тэтэшка, - оценила она. - Китайский. Х...ня. Первый выстрел прицельный, остальные в молоко.

Мастер помотал головой и убрал пистолет на место.

- Обижаешь, - сказал он. - "Ствол" родной. Табельное оружие.

- Ну да, табельное! - рассмеялась харя. - Слушай, псих! Будет время - заходи в "Конец света". Спросишь Толика, побазарим. Ха! Во народ! - Харя высунулась из окна и посмотрела назад. - Нам же зеленый, а хоть бы кто погудел, шакалы! У всех очко на ноль. Поехали! Шакалы вы, бля! - крикнула водителям харя, чуть не выпадая из резво стартовавшей машины. - Бывай, псих!

- Пока, - сказал Мастер, уходя под "стрелку" на бульвар. - Я псих. Я сошел с ума. Я самый опасный в мире псих. Да! Еще у меня есть кавказская овчарка... - Он притормозил у обочины и долго изучал, как подрагивают руки, лежащие на руле.

"Мне нельзя срываться, иначе все пропало. Я должен беречь себя. Но я больше не могу. Не могу. Это был не спектакль. Я действительно хотел достать оружие - и я его достал. Плохо дело. Так нельзя. Скорее в Школу. Увидеть Карму. И все будет хорошо".

- Бум! - скомандовал Китаец Джону, и тот легко вспрыгнул на наклонную доску. По буму школьные псы всегда ходили с охотой. Еще они неплохо ползали на брюхе, не боялись лестниц и резво носились по "лабиринту" из старых покрышек. А вот барьеры они терпеть не могли. Хотя легенда гласила, что Джареф однажды, преследуя вкусного пуделя, вскарабкался на двухметровый забор. Но мало ли в Школе легенд.

На полпути Джону бум надоел, и пес спрыгнул вниз. Китаец вздохнул. В такие моменты он часто ловил себя на желании завести к старости немецкую овчарку.

"Чтобы пахала, как робот, и радовалась, что приказывают".

Оставив позади тренировочную площадку, Китаец углубился в зону выгула. Здесь росли чахлые деревца и облезлые кустики. Вдалеке пара молодых из "Трешки" орудовала лопатами, закапывая в снег отходы собачьей

жизнедеятельности. Джон задрал лапу на перекошенную желтую березу. "Бредовая затея, - подумал Китаец. - Но чем черт не шутит". Он остановился в центре зоны.

- Джонни! - позвал Китаец. И подал команду:

- Ищи! Джон огляделся вокруг и поднял на Китайца глаза, полные насмешливого презрения: ты тронулся, папа? Что здесь искать? Я-то знаю, что здесь никогда не было ничего толкового. Кошки сюда не ходят, ворон мы разогнали. Мышей съели. Пусто здесь. Даже огрызка вонючего не прикопано.

- Где, Джонни? - спросил Китаец, изображая на лице волнение. - Где? Ищи!

Джон склонил голову набок, подумал и снова огляделся. Потом для порядка обнюхал снег у ног Китайца. Потом чуть правее, левее... Поднял голову и посмотрел на хозяина, словно вынося окончательный диагноз: кретин.

- У-у!!! - сказал Китаец, воздевая к небу сжатые кулаки. - Где, Джонни? Где?

Куда пропало? Ищи, Джонни - где? Ищи, где? Где, ищи? А? - бормоча эту шаманскую скороговорку, он постепенно смещался назад, вынуждая Джона двигаться за собой.

Наконец пса разобрало любопытство. Или он решил, что с него все равно не слезут, раз уж настолько серьезно взялись. Так или иначе, Джон ткнулся носом в снег и принялся его обследовать со свинячьим похрюкиванием. Китаец шел за собакой.

Движение пса внешне казалось совершенно броуновским: вот он увлекся одним следом, прошел по нему, бросил, взял другой, потом битую минуту фыркал над чьей-то меткой. Но зоркий узкий глаз Китайца отмечал главное: если все шараханья собаки наложить на карту и вывести некую среднюю линию, получится расширяющаяся спираль. Кавказская овчарка, собака-акула, тупая машина убийства, работала нижним чутьем не хуже иного спаниеля.

Мастер заехал в Офис, пробыл там около часа, нежно распрощался с персоналом и вышел на улицу. Недельный снегопад кончился, подмораживало, на вечернем небе проступали звезды. Мастер добрал до машины, открыл незапертую дверь и растолкал сонного Ветра.

- Я тебя сто раз просил запираться изнутри, - сказал он неприязненно.

- Виноват, запамятовал, - промычал Ветер, протирая глаза. - Сморило меня.

Роскошный тут отопитель.

- От него можно и угореть, между прочим!

- Он немецкий, - отмахнулся Ветер. - От него не угоришь. Это тебе не в самоходке...

- Ты-то откуда знаешь, что в самоходке?

- Ну... Лебедь рассказывал.

- Ох, горе луковое... Ладно. Я так понимаю, доложить нечего?

- Все чисто, - покачал головой Ветер. - Я вел тебя, Лебедь сел на твоего приятеля. Никому вы на хрен не нужны:

- Fuck! - Мастер трахнул кулаком по баранке. - Не может быть такого!

Ветер снова покачал головой.

- Делаем все возможное, - улыбнулся он.

- Да знаю я! - скривился Мастер. - После того фокуса с техничкой в декабре я просто не знаю, где у вас пределы этого возможного. Я другого

понять не могу - как именно за нами следят. Должны ведь!

- Ты это твердишь уже полгода. И ничего пока не откопал. Маяков нет?
Нет.

Пеленговать, значит, нечего. Сенс за тобой следить не может, у тебя справка.

Может, свыкнешься с мыслью, что ты не такая уж важная персона?

- Хотелось бы, - сказал Мастер горько. - Но мы будем продолжать.

- Не возражаю. Давай, поехали.

- Ты здорово торопишься?

- Мне работать завтра! Имею я право сегодня интимной жизнью пожить?

- Нет проблем. - Мастер завел двигатель. - Почему они даже за Таней "хвоста" не пустили, а?

- Чем занимается муравей, с точки зрения слона? Подумай, Мастер.

- Некорректное сравнение. - Мастер аккуратно протиснул машину сквозь узкую арку.

- Как раз корректное. Только не обижайся, ладно? Ты себя чересчур накручиваешь.

Это уже смахивает на манию преследования. Пока еще в легкой форме.

- Тебя бы в мою шкуру...

- Разве такая большая разница? - спросил Ветер. - У тебя, конечно, другая ответственность. Ты голова, я руки. Но ты меня еще и заставляешь быть филиалом головы. И всех, кто в деле, тоже дергаешь. Так нельзя. Должен быть мозговой центр и исполнители. А у тебя получается Змей Горыныч - на десять голов четыре лапы. Мне, например, тяжело работать, когда башка загружена. Я все время ощущаю, какая опасность нам грозит. И всем нам, и мне конкретно. Это, знаешь ли, производительности труда не способствует.....

- Возможно, я не прав, - согласился Мастер, вырuling на Садовое кольцо. - Но иначе не могу. Если я втравил тебя в авантюру, ты должен с самого начала представлять степень опасности.

- Хреновый ты старший, - заключил Ветер. - На пиратском корабле ты бы мигом схлопотал "черную метку".

- На пиратском корабле я бы всех развесил по реям, - мечтательно произнес Мастер. - Ты в курсе, что у них трупы болтались на такелаже, пока веревка не сгниет?

- Или пока шея не оторвется. И это правильно. В казни должен быть элемент пролонгации. Когда мертвое тело маячит перед глазами, народ безмолвствует. Так и надо. А то что за дела - повесили и тут же закопали! Может, тогда и вешать смысла нет... Давай, уходи в правый ряд. У следующего перекрестка меня высадишь.

Ага, вот здесь. Спасибо. Ну что, начальник, увидимся? Э! Ты чего?

Мастер разминал пальцами веки, и лицо его страдальчески кривилось. Потом он открыл глаза и заглянул Ветру прямо в душу.

- Еще два месяца, - попросил Мастер. - Только два месяца. В апреле приступим.

Только два месяца. Продержаться. Очень тебя прошу.

- Да справимся, - пробормотал Ветер смущенно. - Рады стараться, ваше превосходительство. А почему именно в апреле?

- Раньше не успеем, - вздохнул Мастер. - И нет никакого Змея Горыныча, понял?

Никто не обладает даже четвертью от полной информации. Каждый решает узкую задачу. Кому бумажку украсть, кому человечка убить. А мозговой

центр - вот, - он приложил ладонь к виску. - И он чертовски устал. И Школа устала. Даже если к весне не все линии сойдутся в один узел, нам все равно придется действовать.

Иначе Школа станет неуправляемой и придется стрелять без приказа. Так что суши порох. Опыта штурмовых операций у тебя достаточно. Будешь взводным. Ну, счастливо.

- Счастливо, - сказал Ветер, пожимая Мастеру руку. - Значит, Штаб?

- Ну, зачем же Штаб? - улыбнулся Мастер. - Штаб ни в чем не виноват. Это просто группа менеджеров, ничего больше. Нас ждет дичь гораздо крупнее. Пойдем брать интервью у динозавра.

- Так ты с журфака! - рассмеялся Ветер.

- Не думал, что это выражение такое знаменитое! - в свою очередь усмехнулся Мастер. - Ладно, побереги лапшу. То, что я с журфака, ты вычислил, когда увидел нас с Таней рядом. А "интервью у динозавра" - это да... Я в нем участвовал, еще не достигнув окончательной половой зрелости.

- Но я действительно знаю это выражение! - сказал Ветер. - У меня девчонка знакомая была, она рассказывала... Я-то уверен был, что ты психолог.

- Да какой я, на фиг, психолог... Я неудачник, - сказал Мастер жестко. - Считаю, что у меня комплекс на этой почве. Я вылечусь, когда взорву Техцентр. Кто бы мог подумать, что это дело моей жизни...

- Техцентр... - прошептал Ветер.

- Он самый, - кивнул Мастер. - Тебе пора, отец. Я тоже хочу сегодня пожить интимной жизнью.

- Техцентр! - прошипел Ветер хищно.

***

- Ну их к черту!

Гаршин швырнул в угол пакет со злополучными фотографиями.

- Не пиши! - сказал он-И стукнул кулаком по столу, будто ставя печать на свой приказ. - Правду мы опубликовать не сможем, потому что просто не знаем, в чем она. Но лепить какую-то чернуху про охоту за привидениями... А вот хрен им!

Таня молчала. "По городу едет машина с большой красивой собакой. Собака уселась сзади, посередине, внимательно глядя в лобовое стекло. При торможении она каждый раз ныряет вперед, ударяясь грудью о плечо хозяина и тепло дыша ему в ухо. Потом ворочается, отползая на прежнее место. И через минуту снова теряет равновесие.

Ее развлекает эта игра. Хозяин смеется и говорит ей, что она очень хорошая.

Собака улыбается ему. Они едут в Школу. Неужели это все правда? Неужели я вышла из этой машины четверть часа назад? Он поцеловал меня нежно-нежно. А Карма лизнула в нос. Она меня приняла, как будто с детства со мной знакома. И я уже люблю ее..."

- Это какой-то подкоп под газету, - бормотал себе под нос Гаршин, не замечая, что его не слушают. - Главный тоже так считает. Он там будет выяснять по своим каналам, в верхах, а я попробую по своим. Это политика, ты понимаешь? Вот дрянь какая!

"...Машина проезжает ворота, закатывается во двор, сворачивает и останавливается, такая маленькая рядом с огромными черными джипами. Он

выходит, откидывает волосы со лба, открывает заднюю дверцу и выпускает Карму. Та деловито осматривается и тут же начинает исследовать свежую желтую метку на сугробе. А он захлопывает дверь и, привычно сунув руки в карманы, идет не спеша ко входу в здание. И конечно же, кто-то уже торопится ему навстречу, издали громогласно жалуясь или требуя совета. Милый, они такие все смешные ребята у тебя - и все очень на тебя похожи. Такие же напрочь сумасшедшие и очень молодые парни. Ты останавливаешься, тебя догоняет Карма, ты машинально кладешь руку ей на плечо - тебе не нужна опора, ты придержишь собаку, чтобы помнила, кто хозяин, и вела себя хорошо..."

- Ты извини, что мы неделю думали, - говорил Гаршин. - Но, с другой стороны, нужно было принять довольно сложное решение. Ничего, Танечка, забудь это все.

Давай сделаем вид, что ничего и не было, ладно?

"...Вы проходите в вестибюль и шагаете почти в ногу к пульта. Интересно, кто сейчас за ним, - может быть, тот узкоглазый парень с потрясающей улыбкой, вдруг иногда озаряющей совершенно бесстрастное лицо. А вот что происходит дальше я, к сожалению, представить не могу. Но мне так хочется знать... Теперь я понимаю, что хочется. И я верю тебе, милый. Как жаль, что я ничем не могу тебе помочь!

Ведь человека, которого ты ищешь, действительно не существует. Но зато я могу любить тебя и быть с тобой, и хотя бы немного тебя обогреть. Пусть так. Хотя бы так - а дальше посмотрим. Вдруг что-то вернется? У нас появился шанс. И я счастлива".

- Все в порядке, начальник, - сказала Таня. - Все получилось очень хорошо.

Гаршин подался вперед и заглянул ей в глаза.

- Вижу! - согласился он.

Мастер приехал в Школу к полудню. - Помаду сотри со щеки, - посоветовал Абрам, выбираясь из необъятного багажника "Рэйджа" с замасленным ведром и невообразимо грязной тряпкой в руках. - Герой-любовник...

- И еще у меня есть кавказская овчарка, - выдал одну из своих любимых присказок Мастер, проводя ладонью по щеке и открывая заднюю дверь, чтобы выпустить на волю Карму. - Пусть будет помада, пусть ружейное масло, пусть даже синяк. Да, Кармашка? Лишь бы не дырка от пули.

Карма обнюхала брюки Абрама, встала передними лапами на порог багажного отсека "Рэйджа", со свистом втянула в себя воздух и начала медленно подтягиваться, собираясь нырнуть внутрь. Из-за машины возник Шериф и тут же сунулся носом ей под хвост. Карма интерес к своей особе проигнорировала, ввинчиваясь в багажник.

Свист в ее ноздрях уже перешел в характерное деловитое хрюканье кавказки, взявшей след.

- Что там у тебя? - поинтересовался Мастер. - Вкусные кошечки?

- Банку варенья кокнул, - сокрушенно вздохнул Абрам, бросая тряпку на снег.

Шериф тут же отстал от Кармы и потянулся к тряпке. - Такая была малина, блин!

Мама просто убьет меня, если узнает.

- Наза-а-д!!! - рявкнул Мастер-Команда сработала мгновенно. Карма задним ходом вывалилась из багажника. Шериф встал как вкопанный и вытаращил глаза на коварную тряпку, оказавшуюся вдруг опасной. Абрам

сморщился и поковырял в ухе пальцем.

Собаки озадаченно уставились на Мастера.

- Ко мне! - приказ, хлесткий, как пощечина, сорвал Карму с места и бросил к ноге Мастера.

- Почему командный голос всегда такой противный? - задумался Абрам, подбирая тряпку и опуская ее в ведро.

- Чтобы слышно было, - сказал Мастер. - Она же у меня просто больная до сладкого, - объяснил он, кладя руку Карме на плечо и слегка вороша пышную рыжую гриву. - Спокойно могла слизать то, что у тебя там осталось, вместе со всем бензином, маслом и порохом.

- Ну, не такая уж она и дура, - усомнился Абрам. - Зря ты ее дернул.

- Конечно, не дура! На хруст обертки от конфет кидаются с полусотни метров. Мало ли чего ей в голову взбредет. Не хочу случайностей.

Абрам вздохнул. "Тяжко Мастеру. Может, личная жизнь у него на какое-то время и наладилась, ну и что? Все равно он по уши в проблемах Школы. И до того напряжен, что уже срывает злобу на собаке. Гадость какая... От кого угодно я этого ждал, только не от Мастера. Значит, он все еще не нашел выход из тупика, в который мы уперлись".

Мастер сунул в зубы сигарету, наклонил голову, прикуривая, выпустил дым и вдруг хитро глянул на Абрама из-под челки серым глазом.

- Думаешь, срываюсь? - спросил он ехидно.

Абрам поежился.

- Догадался, сволочь! - процитировал он Булгакова. - Всегда был смышлен...

- Когда мне было шестнадцать лет, - сказал Мастер, выпрямляясь и роняя зажигалку в карман, - я баловался литературным творчеством. Возомнил себя писателем и всю портит бумагу. Но вряд ли это что-то значило. Тот, кто выдумал мою кличку, просто знал, что у меня безумный роман с девочкой по имени Рита. Маргарита. Вот так-то, господин Авраменко. Не балуйтесь при мне цитатами, ладно? Тем более неточными.

Абрам взвесил в руке ведро.

- Дать бы тебе по башке этой штукой... - пробормотал он задумчиво, - да только Карму жалко. Она все мечтает, что ты ее когда-нибудь трахнешь...

Карма с интересом посмотрела на Абрама.

- О тебе, о тебе говорим, - кивнул ей Абрам. - Сексуальная ты наша...

- Не надо меня бить, - попросил Мастер. - Убитый помойным ведром - это просто крайняя степень падения. Я до такого еще не опустился. Я еще не безнадежен.

- Надеюсь, - сказал Абрам. - Но иногда ты меня пугаешь. Слушай, перестань в себе копать. Ну, какая разница, что мы - Дети? Тоже мне, Откровение Иоанна Богослова! Я всегда знал, что я не такой, как все. Ты всегда знал, что ты не такой, как все. А Китаец, например, себя как раньше считал обычным человеком, так и сейчас...

- Он просто упорствует в своих заблуждениях. Ему так легче.

- И правильно. Ничего не может измениться в нас от того, что мы узнали. И глупо себя по-новому настраивать. Мы - это мы. Называй нас как угодно: белыми воронами, уродами, да хоть выродками - я на все согласен, потому что я всегда такой был. И буду. Неужели так сложно примириться с этим? Или ты собой недоволен, а теперь виноватого нашел? Хочешь свою дурость списать на козни КГБ?

Глупо, дружище. Ей-богу, глупо.

- Хороший ты мужик, Абрам, - сказал Мастер мрачно. - И именно поэтому никогда тебе меня не понять.

- Это почему же? - обиделся Абрам.

- Потому что ты - хороший, - вздохнул Мастер и, устало сутулясь, двинулся мимо Абрама к зданию Школы. Карма оттерла плечом жмущегося к ней Шерифа и пристроилась хозяину в кильватер;

- Ой-ой-ой! - вскричал Абрам вслед Мастеру. - Вы только посмотрите, кто пошел!

Сволочь, гад и негодяй! Гвардии подлец России! Бука и бяка! Да ты в зеркало посмотришь! Тебя даже собаки не боятся! Ты таракана в жизни не обидел!

Мастер остановился и полуобернулся назад, стрельнув в Абрама одним глазом, отчего тот мгновенно сник.

- Видишь... - мягко улыбнулся Мастер. - А говоришь - таракана...

- Да иди ты! - надулся Абрам. Он резко отвернулся, уронил ведро и с такой силой захлопнул кормовую дверь машины, что двухтонный "Рэйндж Ровер" сотрясся от удара. - Не собираюсь я с тобой возиться... Живи, как хочешь.

- Слушай, чего тебе от меня надо, а?

- Мне надо, чтобы ты был в порядке, когда придет время.

- Я буду в порядке, - сказал Мастер хрипло. - Обещаю. С псарни донесся протестующий лай. Кто-то там очень не хотел в клетку.

Комната управления "группы Два" была заперта на кодовый замок. Мастер набрал шифр и потянул скобу, но замок не реагировал. Тогда Мастер сильно пнул дверь башмаком и рывкнул:

- Сова, открывай! Медведь пришел! За дверью раздались шаги. Створка, щелкнув, приоткрылась, и в грудь Мастеру уперся ствол пульсатора.

- Не так близко, - посоветовал Мастер. - Я могу повернуться быстрее, чем ты нажмешь. Показать?

- На что спорнем? - спросил Китаец, опуская лучемер. - Победитель оплатит похороны?

- Мне - похороны, тебе - вставной глаз. Ну, как вы тут?

- Заходи уж, раз пришел.

- Спасибо. - Мастер, оглянувшись, шагнул внутрь. Замок щелкнул снова.

Обычно в комнатах управления людно, шумно, тесно и дымно. Это одновременно штаб и кают-компания. Здесь составляют планы расчисток, определяют роли двоек и вообще решают самые разные вопросы функционирования группы. В то же время здесь по углам давят водку, жрут из банок консервы, болтают по телефону с Офисом и все это делают, не выпуская из рук дымящейся сигареты.

В принципе рядовому охотнику в комнате управления делать нечего. С ним все, что нужно, обговорят в тактическом классе сразу после заступления группы на дежурство. И еще раз каждую мелочь обсудят перед выходом на расчистку. Все получают необходимую информацию в полном объеме. Это вопрос безопасности (еще одно любимое выражение Мастера).

Но охотник - существо крайне независимое и с очень высокой самооценкой, как любая нормальная кавказская овчарка. Поэтому он претя в комнату управления и начинает там старшему и аналитику всячески мешать, будучи при этом уверен, что помогает. Когда его вежливо просят отвалить, он сначала обижается, но потом обнаруживает в углу еще одного такого же и начинает с ним задушевно общаться.

Постепенно их набирается человек десять, они хохочут, бурно

жестикулируют и непрерывно курят. Старший звереет, встает на уши и испускает душераздирающий вопль. Обычно после этого охотники смущенно убираются к чертовой матери, то есть выпускают с псарни собак и отправляются с ними валять дурака в зону выгула. Но на пути к ней лежит тренировочная площадка, по которой в это время носится, высунув языки и вылупив глаза, штук сорок взмыленных особей, двуногих и четвероногих.

Оставить это зрелище без комментариев дежурная группа, разумеется, не может. Но просто стоять, критикуя охотника, недостойно. Поэтому шатающиеся в ожидании темноты оболтусы (их уже все пятнадцать во главе с заместителем старшего группы) начинают опять-таки помогать. Возражения тренирующихся их не останавливают.

Кончается все обычно собачьей дракой, то есть отдавленными лапами, рваными штанами, отбитыми руками и сносом наименее крепких строений штурмового городка.

Но это еще не конец спектакля. Антракт.

Кое-как растащив собак и обменявшись проклятьями, группы начинают сообща заглаживать учиненные на площадке разрушения. Под яростный стук молотков заново возводятся лестницы, барьеры и тоннели. Наспех латается непонятно кем обрушенный потолок "лабиринта". Несколько самых отпетых энтузиастов ломачами долбят землю, чтобы поглубже вогнать опоры бума. Три года стоял и каши не просил, а теперь отчего-то покосился. Вгрызаясь в промерзший грунт, бойцы подбадривают себя рассуждениями о том, что своротить такую монолитную штуку, как бум, под силу только настоящим охотникам.

На часы никто не смотрит, а тем временем сумерки все гуще. С крыши Школы семафорит прожектор, требуя от дежурной группы занять места согласно штатному расписанию. Кульминационный момент пьесы: дежурная группа хором роняет инструмент и стремглав несется к зданию Школы, крутя хвостами и сверкая пятками.

Так случается почти каждый раз, но всегда момент "срыва" дежурной группы настолько внезапен, что остающиеся к нему просто не готовы. Несколько секунд на тренировочной площадке, где, разумеется, ни одна деревяшка еще как следует не прибита, а все сшито на живую нитку, продолжается немая сцена. Потом кого-то разбирает истерический хохот. Дружный мат в двадцать глоток. Занавес.

Аплодисменты.

Ввалившись в Школу, дежурная группа поднимается в тактический класс. Но тут кто-то высказывает здравую мысль: а вдруг старший еще у себя? Что это мы будем сидеть и его ждать? Пошли, за ним зайдем. Группа дружно сворачивает в злосчастную комнату управления. Остановить ее на этом пути может только внезапное появление старшего или Мастера. Если ни тот ни другой не перейдут группе дорогу, то выковыривать ее из комнаты придется еще добрую четверть часа.

Остается только радоваться, что группы не водят по Школе собак - непременных участников любого затеваемого охотниками безобразия. Но это, к счастью, просто физически невозможно. Как бы ни были притерты друг к другу собаки охотников, затащить их всех в небольшое помещение - значит спровоцировать жуткую грызню. На псарне у каждого зверя свое место, а возьми их с собой, например, в тактический класс - тут же начнут делить территорию. Поэтому по Школе с собаками ходят только двойки, ошейник и поводок обязательны. Исключение сделано лишь для Мастера и Кармы, которые вместе почти всегда. Точнее говоря, они сами постановили, что им

так можно. Еще не погиб Будда, и Мастер был всего лишь старшим "группы Два", а Карма уже лазала по всей Школе и повсюду совала нос. И никто не возражал. Как-никак единственная женщина в большом мужском коллективе... Девушка. Блондинка.

Сейчас девушка отдыхала на псарне и развлекалась, гоняя по клетке любимую игрушку - большую клизму. А в комнате управления "группы Два" стояла гробовая тишина. Мебель была приперта к стенам, а Крюгер и Хунта ползали на животах по расстеленной на полу склейке аэрофотосъемки. Мастер остановился у ее края. Хунта воткнул в карту палец, встал на четвереньки, повернул голову к Мастеру и вместо приветствия сказал:

- Здесь.

- НПО "Приборотехника", - пробормотал устало Крюгер, переваливаясь на бок и двигая к себе пепельницу. - Площадь... до хрена тысяч квадратных метров.

Периметр - тоже... до хрена. До хрена бетонного забора с колючей проволокой, Два КПП, бронированные двери, ворота сдвижные. Лебедь говорит, ворота серьезные.

Навешены на рельс, как все нормальные ворота, но у них еще и внизу есть паз, по которому они ходят. Вот, наверное, вратарям зимой геморрой его чистить...

- Гранатомет, - предложил Китаец.

- Бессмысленно, - отмахнулся Хунта, с трудом вставая на колени и потирая спину.

- У гранатомета кумулятивный заряд. Он прожжет в этих воротах дырку. А нужно их снести. Можно, конечно, долбануть по верхнему рельсу... Но вряд ли в Школе найдется снайпер, который попадет в него из "Мухи" хотя бы со ста шагов. Кстати, скрытно подобраться вплотную будет непросто: Окраина, место открытое, метров двести до ближайшего приличного угла. Вот, где гаражи, видишь?

- Зато есть солидная прямая, - заметил Китаец. - Километр, а?

- Девятьсот двадцать от поворота до ворот, - сказал Крюгер.

- Ну и отличненько. Грузовик угоним. Загрузим балластом...

- А кто таранить будет? - поинтересовался Мастер.

- Интересно, кто у нас больше всех похож на камикадзе? - задумался вслух Крюгер.

- Я не японец, - надулся Китаец. - Я бурят. Идите на хер!

- Таранить будет автопилот, - предложил Хунта. - Баранку заблокируем, на педаль - кирпич... Нет, все равно дурацкая идея. Передачи как переключать? Ну, выведу я его на вторую. Ну, прыгну... Мало. Не разгонится.

- Мы вскроем эту штуку, отцы, - сказал Мастер так спокойно, будто речь шла о консервной банке. Три головы одновременно повернулись в его сторону.

- Мы вскроем ее, - повторил Мастер. - Я вам обещаю.

- Ты уже знаешь как? - спросил Китаец с надеждой в голосе.

- Да, - кивнул Мастер. - Я уже знаю как.

***

- Отпечатков, конечно, никаких, - резюмировал Батя, разглядывая крашенный зеленым фанерный ящичек.

- Если и были, то сплыли, - вздохнул Лебедь. - Эта штука лежала в

глубоком снегу пять дней минимум.

- Как ты думаешь, - обернулся Батя к Китайцу, - Джонни сможет провести выборку?

Китаец облокотился на стойку пульта дежурного и задумался. Лебедь закурил и уткнулся взглядом в мониторы слежения. Шерлок, аналитик "группы Раз", расстелил на коленях какую-то схему и, казалось, ушел в нее с головой. Но Китаец отлично знал, что Шерлок слушает его очень внимательно. Этого парня в Школе не любили. В отличие от большинства охотников он был хитрая задница и мелкий пакостник.

Батя спокойно глядел на Китайца. Надежный, расчетливый, иногда чересчур крутой, он чем-то напоминал Китайцу первого старшего Школы, Будду. Глядя на Батю, Китаец всегда невольно вспоминал, что Будда плохо кончил. "И Батя тоже допрыгается.

Слишком он властный. И в последнее время частенько наезжает на Мастера. Но раз уж Батя от меня чего-то хочет, умнее будет его выслушать. И рассказать Хунте".

- Не знаю, - ответил Китаец наконец. - В любом случае я этого делать не буду.

- Почему?

- Во-первых, Мастер не разрешит. Во-вторых, просто незачем. А в-третьих, опасно.

Если эта сука возьмет и прямо из строя в Джона выстрелит...

- Не выстрелит, - усмехнулся Лебедь. - У него патроны бракованные. Я подменил еще на прошлой неделе, когда он в душе мылся.

- Ну, ударит...

- Ты пойми, родной, - сказал Батя. - Сегодня выборку из строя делать никто не собирается. Но сегодня у нас есть Мастер. А вот представь себе, что завтра его взяли и съели...

- Ну, ты сказал! - возмутился Китаец. - Как это съели?! Кто?

- Да кто угодно. Штаб, твари, Техцентр, девица эта его красивая... И мы останемся в говне по уши. Положим, Дети все за нас. А молодняк? Двадцать пять рыл! Которые ни хрена не понимают! Ты, например, стрелять в них согласен? В забавных сопливых мальчишек с собачками? А?

- Ты представь, как ты Джону в глаза смотреть будешь, - вставил Шерлок. - После того, как пару-тройку собак кокнешь, ни в чем не виноватых.

Китаец отвернулся и нервно забарабанил пальцами по стойке пульта. Дежурным по Школе сидел Лебедь. Батя и Шерлок полулежали на диване рядом. Аналитик по-прежнему рассматривал схему, а Батя легонько водил туда-сюда ладонью над крышкой ящика с зондами. Джонни нашел его час назад, в дальнем углу зоны выгула, под самым забором. Со второго захода - нашел! Полностью оправдав фразу из старой книжки о том, что качество чутья кавказцев не вызывает сомнений, только вот непонятно, как это использовать. Очень может быть, что выборку Джон тоже сможет провести. Нужно всех охотников вывести во двор, потом дать Джону понюхать ящик и тут же провести собаку вдоль строя.

- Поздно, - сказал Китаец, не поднимая глаз. - Запах выветрился.

- Ты же знаешь, что запах - не главное, - улыбнулся Шерлок, отрываясь от схемы и поднимая на Китайца прозрачные бесцветные глаза. - Наши собаки могут больше.

Наши сумасшедшие песики...

Китаец закусил губу. Джон здорово погрыз ящик, вытаскивая его из

сугроба. И вытащив, продолжал грызть, волтузить по снегу, пока не отняли. А потом всю дорогу до порога Школы пытался вырвать находку у хозяина из рук.

Батя отодвинул ящик на край дивана, секунду подумал и опустил его на пол. Из-под пульта раздалось недовольное рычание.

- Понял? - спросил Батя Китайца. - Даже я чувствую, как эта штука жжется.

Минимум неделю еще она будет вся в черных пятнах. Я уверен, что выборку может сделать любая опытная псина. Но твой парень уже пятый год на охоте. Он самый крутой. Я от тебя сейчас ничего конкретно не прошу. Мне нужно только принципиальное согласие. На случай непредвиденных обстоятельств.

- И что ты докажешь выборкой, даже если она удастся?

- Для Школы кража - дело невозможное. Если я докажу, что Саймон - вор, он окажется вне закона. И это поможет народу понять остальное, потому что потом я расскажу людям, зачем он украл. И затем ты сможешь преспокойно стрельнуть гаду между глаз. Никакого конфликта не будет. Все будут готовы, понимаешь?

- Нам так и так придется идти брать Техцентр, - сообщил Шерлок, глядя через плечо Лебеда на мониторы слежения. - О! Ветер приехал! Наконец-то... Вот, но если Мастера, не дай бог, съедят, некоторые горячие русские парни могут начать войну экспромтом. А мы считаем, что хороший экспромт нужно готовить загодя.

Китаец сосредоточенно жевал губу. Под пультом ворочались, недовольно ворча.

- Вы у себя, во "Второй", слишком близко к Мастеру, - сказал Батя мягко. - Видишь, как тебя перекосило от одной мысли, что его может не стать... Мы его тоже ценим. И иметь запасной план в такой ситуации - не предательство, а совсем наоборот. Это значит, что мы уважаем его идею и хотим идти до конца при любом раскладе, потому что Мастер во всем прав. Но Саймон ему, ты это знаешь, как брат. И Мастер будет момент истины оттягивать до последнего. А я просто хочу, чтобы у нас был готовый сценарий на тот случай, если сам он публично раскрыть Саймона не успеет.

Китаец сунул в рот сигарету и уставился в потолок. Лебедь, подавшись вперед, лег на пульт грудью и протянул Китайцу зажигалку. Тот прикурил и благодарно кивнул.

Лебедь сложил на пульте руки и уронил на них голову.

- Спать хочу... - пробормотал он невнятно. - Спать... Под пультом ненадолго перестали ворчать, подумали и вполголоса зарычали. Жалоба на дискомфорт и предупреждение, что нервы не железные.

- Бать, убери ящик... - попросил Лебедь.

Рык под пультом усилился. Батя поднял ящик на диван.

- У Саймона это, видимо, периодами, - предположил Лебедь, поднимая голову. - Я с ним на днях разговаривал - ничего, обычный мужик. Только нелюдимый слегка. А когда он у Горца зонды тырил - был, наверное, сам не свой. И вот, наследил.

- Сам-не-свой, - продекламировал Батя, не сводя глаз с Китайца. - Пусть хоть месяц пройдет, хоть два. Пусть никаких следов не останется. Пусть. А я носки его вонючие в этот ящик засуну. Украду, не постесняюсь. Но я не допущу, чтобы в Школе начались разброд и шатание. Потому что, когда столкнутся мнения, начнется стрельба. Винни согласен. Мэксу я завтра скажу, когда после дежурства отоспится.

- Да, - сказал Китаец.
- Ты расскажешь во "Второй"?
- Да.
- То есть к Хунте мне подходить ненужно.
- Не нужно.
- Смотри веселее, брат. Ничего же страшного не произошло.
- Нет, - слабо улыбнулся Китаец. - Я просто только сейчас понял...

Как бы это...

Я понял, что игры кончились. Я все надеялся, что обойдется как-нибудь. Не знаю как, но обойдется без войны.

- Если бы мы не нашли Техцентр - может, обошлось бы.
- Обошлось бы - тьфу! - каждому по гробу, - проворчал Лебедь.
- Точно, - кивнул Батя. - По пуле в затылок. А так две трети из нас имеют шанс уцелеть. Таков мой прогноз, господа.

- Так вот почему ты беспокоишься о молодых... Они тебе нужны как заслон, пушечное мясо? - спросил Китаец холодно, - Угадал, - ответил Батя просто. И улыбнулся.

- Я дальше не пойду, - заявил Бенни, останавливаясь посреди тротуара и мотая головой, как заупрямившаяся лошадь. - Хватит.

- Километра полтора осталось, - сказал задумчиво Мастер. - Ладно. Давай вон в рюмочную зайдем. По стакану, а?

- Нет. Пошли назад.

- Ну, пошли. А чего ты стоишь тогда? Эй, Бенсон! Не стой так, люди оборачиваются.

Бенни поочередно отодрал от асфальта ноги, будто они у него приклеились.

- Там впереди опасность, - прошептал он, деревянно разворачиваясь на месте. - Туда нельзя...

- Там впереди Лебедь и Ветер, - успокоил сенса Мастер, слепка подталкивая его ладонью в спину.

- Отзови их. Скорее! Ох, пошли отсюда...

- Они вернуться, не беспокойся. И ноги не волочи. Экстрасенс!

- Урод со справкой! Дубина...

- Что, бригадир, очко на ноль? На что это похоже, а, Бенсон?

- На "дырку"... - выдохнул Бенни. - На самую большую "дырку" на свете... Только она... Ох!

- Помнишь, у светофора палатки? Там безопасно?

- Да! - Бенни ожил и прибавил ходу. Потом наддал еще. Мастер тихонько рассмеялся. Возле светофора был один заманчивый павильончик. "Там наверняка отпускают допинг в разлив. А нет - так бутылку возьмем. Ноль семь".

В павильоне оказалось безлюдно и тихо, имелся довольно чистый угол со столом.

Подумав, Мастер все-таки взял не "ноль семь", а пол-литру. Бенни, получив в руки выпивку, долго крутил в пальцах пластиковый стакан и, будто прислушиваясь, оглядывался назад, в направлении, откуда они с Мастером только что бежали.

- Знаешь, - сказал он, ставя непочатый стакан на стол, - это действительно страшно. Представь себе "дырку" в сто раз больше и мощнее обычной. Вот что там было впереди. Но такое еще понять можно. А вот... - он, не договорив, ухватил стакан, выдохнул и движением искусственного пьяницы вылил спиртное в рот. - Х-х-ха!

Ууу! Бр-р-р! Пор-рядок. Еще!

Мастер налил еще.

- Чокнулись, - скомандовал Бенни,

- Мир друзьям, смерть врагам, - сказал Мастер.

- Смерть, - кивнул Бенни, сжимая тонкий стаканчик так, что тот, щелкнув, прогнулся.

Мастеру холодная водка показалась эликсиром жизни. Он ничего особенного впереди не почувствовал. Но до того испереживался за Бенни, что нуждался в поправке нервов не меньше, чем ошарашенный сенс.

- Так вот, - выдал Бенни сквозь конфету. - Это здорово похоже на "дырку", но нормальная "дырка" излучает из-под земли наружу. А эта - наоборот.

- Под землю? - переспросил Мастер, жуя.

- Угу, - Бенни снова потянулся к бутылке. - Именно.

- Та-ак, - протянул Мастер. - Ладно, добьем и побежали. Нехорошо ребят на морозе держать.

- А где они сейчас? - Бенни посмотрел в заиндевевшее окно.

- Со всех сторон.

- Серьезное дело, - поднял Бенни брови, разливая остатки.

- Говорят, у меня мания преследования. Мы с самого начала тратим очень много сил на обнаружение слежки. А ее нет как нет. Ни электронной, ни простой "наружки".

- Ты для них - таракан, - улыбнулся Бенни. - У тебя просто завышенная самооценка. Так это называется у вас на психфаке?

- Почему меня все считают психологом?

- Потому что ты один держишь Школу. Вздогнули?

- Двоечники... - пробормотал Мастер.

Второй стакан принес еще большее облегчение. Мастер кинул бутылку в мусорный бак, закурил и сделал Бенни приглашающий жест. Теперь уже не спеша они двинулись по пустынной улице в сторону метро.

- Даже машины не ездят, - сказал Бенни, вдруг помрачнев. - Это ты сейчас ничего не чувствуешь. А вот поживи здесь год-другой - почувешь. Осознаешь, что такое душа в пятках. Н-да. Интересную штуку ты мне показал, Мастер. Спасибочки.

Расширил мою эрудицию.

- Ты лучше скажи, эрудит, что с этой штукой делать.

- Сбрось на нее бомбу, - посоветовал Бенни на полном серьезе.

- Ну откуда у меня бомба? И потом, город же...

- Городу все равно п...ц, - сказал Бенни меланхолично.

- Думаешь, не справимся? Бенни помотал головой.

- Не успеете. Тварей будет все больше, и будут они умнеть день ото дня. Я вижу кризис через полгода.

- Доктор мне такого не говорил.

- Доктор - идеалист. И продажная шкура. Одновременно.

- Он просто несчастный человек.

- Он дочку собственную отдал этим... этим, - Бенни задохнулся и сжал кулаки. - Он с ней обошелся, как ты с собакой не стал бы!

- Но это было закономерно, - сказал Мастер спокойно. - Доктора они давно взяли за задницу. И тебя возьмут. Рано или поздно.

- Вот, - Бенни показал, - меня возьмешь!

- Ладно, не гони волну. Ты мне все-таки скажи, что делать с Техцентром?

- Повторяю, сбрось на него бомбу.

- А если без бомбы? Перед взрывом я хочу посмотреть, что там внутри.

- Там несколько сот глубоко зомбированных людей. И десяток хозяев, которые ничуть не лучше, потому что давно сошли с ума. И куча аппаратуры, в которой ты все равно ни х...я не поймешь.

- Интере-есно, - протянул Мастер. - А вот Костенко понимал что-нибудь в аппаратуре?

- Конечно! Он был первый в истории форсированный сенс. Ему не надо было даже понимать - он чувствовал. Как я, наверное, только гораздо лучше.

- Почему же он тогда разрушил подстанцию? Ее ведь можно было перепрограммировать... Развернуть против хозяев. Или времени не хватило?

- Я думаю, - сказал Бенни, - что он любое насилие над личностью ненавидел в принципе. А такое подлое, как психотроника, - в особенности. Времени у него точно не было, но время - не главное. Важен именно принцип.

- Но ведь он понимал, наверное, какая от генераторов может быть польза...

- Наверное, - согласился Бенни. - Но ему-то эти генераторы сломали жизнь. И не ему одному.

- Резонно, - процедил Мастер. - Согласен.

- Если встретишь его, не пугайся.

- Почему?

Бенни усмехнулся и отряхнул ладонью снег с бороды.

- Вы с ним очень похожи внешне. Надо же, я только сейчас это понял! Ну-ка, стой!

Мастер остановился и позволил Бенни внимательно себя рассмотреть.

- Почти как брата, - заключил Бенни. - Правда, ты у нас фотомодель, а он такой... аристократ. Как же я раньше не заметил?

- Не смущай меня, - попросил Мастер. - А когда ты его видел в последний раз?

- Давно, года три назад. Он всегда, когда прилетает, заходит на Базу. К Доктору.

Что у них общего, не знаю. - Бенни сморщился. Чувствовалось, что на Доктора у него зуб.

- Прилетает? - Мастер недоуменно поднял брови. - Ну, не знаю... Он же здесь больше не живет, - Бенни обвел руками пейзаж. - Он где-то там, - палец сенса показал в небо.

Мастер насквозь прокусил сигаретный фильтр.

- А мне Костенко нужен здесь, - сказал он печально.

- Зачем? - удивился Бенни. - Полюбоваться? Вряд ли ты ему настолько интересен.

Подумаешь, еще один тип со справкой... Вас таких пятеро, знаешь?

- Знаю. Нет, старина, он мне нужен, чтобы пройти в Техцентр. Ты же туда не сунешься... Вот сука этот Доктор! Уверял, что видел Тима только раз в жизни!

- Я тысячу раз говорил, что Доктору верить нельзя!

- Черт с ним. Трус паршивый. Ох, ну как же мне все-таки в Техцентр просочиться, а?

- Ну, жхни из пушки по воротам. У тебя артиллеристов пол-Школы.

- Да пойми ты, чучело, нет у меня пушки! Гранатомет у меня ржавый - и

все! И вообще, что за бред, мать вашу! Что за детский сад! Все должно быть прикрыто официально! - Мастер чувствовал, что говорит лишнее, но остановиться не мог. - Я не хочу потом под суд! Кто охотиться будет, если нам всем пожизненное влепят? Мы вломимся на территорию, преследуя тварей. Темно, ни хрена не видно. Конечно, на нас нападет охрана. Учиним беспорядочную стрельбу... И случайно подожжем здание.

А в нем, допустим, взорвется газ,

- Не правдоподобно, - усомнился Бенни. - В Проекте, я думаю, каждый знает, что беспорядочная стрельба - ваше любимое занятие. И разрушений вы производите - мало не покажется. Но так, чтобы чисто случайно разнести в капусту Техцентр...

Вам мозги промоют и все до последней буквы узнают. Учти, тебе лично промывать будут вплоть до летального исхода.

- Это всего лишь один из возможных сценариев, - улыбнулся Мастер. - Настоящий план действий знаю только я. А летальный исход меня не пугает. Если Техцентра не станет, я свою задачу на планете Земля считаю выполненной.

- Экий ты... - пробормотал Бенни и глубоко задумался. С минуту он шагал молча, а потом спросил:

- Мы сейчас не можем вернуться?

- Времени нет, - сказал Мастер, с трудом сдерживая улыбку. - Ребятам пора домой, а без прикрытия я туда не пойду.

- Я один сметаюсь, - заявил Бенни решительно. - Можешь за меня не беспокоиться.

- А если засыплешься? Не стоит.

- Там нет микроволновых сканеров, - отмахнулся Бенни. - А даже если бы и были...

Ты знаешь, что такое Эф-сто семнадцать?

- Stealth Fighter. Самолет-невидимка.

- Ну вот, это я. Я так могу ходить не только мимо сканеров. Даже мимо людей. Так может любой сенс с Базы. А я все-таки бригадир. Не бойся.

- Скажи мне еще раз, Бенни, - попросил Мастер. - Только скажи отчетливо. Эта большая страшная "дырка" излучает под землю? Луч уходит вниз?

- Да. Не луч, конечно, но в общем - верно. Она смотрит вниз, понимаешь? Смотрит.

И она что-то очень хитрое излучает в стороны. Во все стороны. Я думаю, это излучение - главное. Очень тонкое, мне трудно его даже просто унюхать, не то что понять. Оно в непривычной для меня полосе спектра... Но я научусь. Я хочу начать прямо сейчас. В этом важно разобраться. Это что-то вроде "Программы "Зомби", только на совершенно новом уровне... - Бенни покрутил губами и запустил пятерню под шапку.

- А что же тогда уходит вниз? - спросил Мастер осторожно.

- Отдача, - уверенно ответил сенс. - Просто отдача.

- Значит, отдача...

- Да. Странно, правда? Должна здесь быть взаимосвязь.

- Бенсон, - сказал Мастер серьезно. - Дай-ка я тебя поцелую.

- Что? - спросил Бенни изумленно.

Мастер схватил его за уши и смачно чмокнул в переносицу.

- Иди, родной. Давай. Увидимся, - с этими словами он повернулся к Бенни спиной и начал удаляться беззаботной легкой походкой, сунув руки в карманы.

- Раньше тебя с двухсот грамм так не развозило! - крикнул Бенни уходящей спине.

Мастер, не оборачиваясь, сделал ему ручкой и потянул из кармана сигареты. Бенни улыбнулся и бодро зашагал назад. Первый шок прошел. Он уже не боялся. На ходу Бенни напевал и потихоньку окутывал себя плотным коконом, поглощающим множество тонких излучений, о которых рядовой лояльный гражданин не имеет ни малейшего представления.

Прежде чем зайти в метро, Мастер купил в ближайшем магазине фляжку коньяка и тут же высосал из горлышка половину. Взял свежую газету, спустился вниз и удобно расположился на сиденье в торце полупустого вагона. Наслаждаясь прекрасным расположением духа, он за какие-то четыре остановки добавил под свежие новости остальные пол фляжки, нисколько не стесняясь чужих взглядов. Впервые за последний год Мастер чувствовал себя расслабленным. А дома его ждала любимая собака, и с часу на час должна была приехать не то чтобы любимая, но чертовски близкая женщина.

В этот вечер Мастера не трогало даже присутствие Саймона за стеной.

ЧАСТЬ III

ФЕВРАЛЬ

На альбоме стоял гриф: "Психотроника. Центр. изд. 1989-96". Всего лишь несколько десятков вырезок наклеено на пожелтевшую бумагу страниц. Больше всего публикаций в начале девяностых. И в эти годы под материалами стоят в основном две чередующиеся подписи - О. Зайцев, В. Ларин. Иногда вместе, иногда врозь. По девяносто второй год включительно. А потом будто кнопку нажали - старшие уходят, и появляются совсем молодые ребята. Но они никогда не воспринимали эту тему всерьез...

Газетная утка. Откуда она взялась? Таня раскрыла блокнот и вернулась к первым страницам альбома. Кто все-таки инспирировал расследование? Кто был первый, кто все это начал?

Забудем ЕГО версию. Он был до глубины души потрясен идеей сверхоружия, он больше всех сделал в расследовании, взяв на себя черную работу. Сколько безумцев он опросил? Десятки? Сотни? Психолог он был никудышный. Даже определив человека как явно "двинутого", он видел в нем в первую очередь человека. Жертву. Вот она, "теория переноса" в реальной жизни. Шиза действительно заразна. А паранойя - вдвойне. Он ее и подцепил в легкой форме.

Кофе отдает какой-то дрянью. Вообще, чем так пахнет в этой комнате? Холодок по позвоночнику. Заболеваю, что ли? Где-то тут был аспирин.

Таня плеснула в чашку противной теплой воды из остывающего чайника и с трудом проглотила две таблетки. И в воде плесень. Кругом плесень... Нужно домой, в тепло, отлежаться пару дней. Ничего мне Гаршин не сделает. Действительно, поработаю дома. Часик еще альбом посмотрю-и пойду...

Так, что тут у нас? "Необходимо твердо уяснить: затормозить разработку психотронных генераторов нельзя. Вспомните историю мировой науки". Ну-ну. "В момент когда плазменная лампа выходила на режим, оператор получал огромный импульс энергии и сам мог интенсивно воздействовать на людей". Так, а это что?

"Кстати, некоторые из ученых, перешедшие под крышу частных фирм,

унесли с собой и созданные в государственных лабораториях устройства. Их еще нельзя было назвать настоящим психотронным оружием, но усилить воздействие экстрасенсов на людей эти приборы уже были способны".

Таня листала альбом и выписывала в блокнот имена. Имена - вот, что важно. Пройти еще раз по всей цепочке, отыскать каждого, с кем встречались ребята тогда, в самом начале.

Включая явных психов. Ох, дела...

"При этом, как я уже говорил, существовали методы создания на расстоянии искусственного инфаркта". И кому это надо? Дешевле по голове стукнуть.

"Им несложно на короткий период, одну-две недели, создать человеку иллюзию психического расстройства. Человек сам обратится к психиатрической помощи, а дальше - дело врачей. Несколько инъекций, и "объект" станет действительно болен". Психиатров боитесь? Правильно делаете. А это что? Ну, конечно же! Помню.

Как такое забыть...

"Итак, в январе 1991 года наша официальная физика объявила во всеуслышание через журнал "Наука и жизнь", что биополей и биоэнергетики в природе не существует.

Приблизительно в то же время, по нашим сведениям, с благословения той же АН СССР из специальных фондов была выделена невероятно огромная сумма в двадцать миллионов рублей на продолжение и расширение исследований "микролептонных (спинорных, торсионных) излучений и их воздействия на организм человека"... Да, милый, это вы точно заметили. Вот она, знаменитая "психотронная афера". Кто-то на эти двадцать миллионов купил себе квартиру в Париже. А ты здесь разоряешься - вот, например...

"Как могут быть в России десятки тысяч сумасшедших, одержимых сходной во всех деталях навязчивой идеей? Почему ареал распространения этих несчастных четко очерчен по городам с повышенной концентрацией "закрытых" учреждений? Почему среди них подавляющее большинство соприкасалось в работе с документами высокой секретности? Или работало в "органах", ушло оттуда и пыталось со своим прошлым навсегда порвать?" Ты же сам отвечаешь на свой вопрос, милый, и не хочешь этого услышать. И в спецслужбах, и в закрытых лабораториях обстановка располагает к "сдвигу". А навязчивая идея легко передается от одного безумца другому. Ты же расспрашивал об этом психологов не раз.

Или тебя просто заела реакция опытных журналистов? Наша братия не прощает ошибок молодым выскочкам. Что да, то да... Таня поежилась и обхватила себя руками за плечи.

Кажется, полегче. Ладно, продолжим.

За окном на город опускалась ночь. Безоблачное небо, яркая-преяркая луна.

Красиво. Скоро Москва уснет, и на улицах воцарится покой. Может, пешком немного пройтись, воздухом подышать? Вечно сижу взаперти, так действительно и заболеть недолго... Озноб проходил. Таня читала старые вырезки. Все возможные имена и даты уже были зафиксированы. Теперь девушка выписывала в блокнот отдельные слова и обрывки фраз, классифицируя героев публикаций. Опытные экстрасенсы старой формации, эксперты с учеными степенями - почти никто из них не был Тане лично знаком. Но среди нынешних ее контактов немало учеников этих людей. Получить координаты будет несложно. И кто-то из стариков должен будет рассказать ей во всех подробностях легенду о Тимофее Костенко,

сверхчеловеке... Я найду его первой. Раньше, чем ты, милый.

Таня достала сигареты. Кладя пачку на место, в сумочку, она незаметно для себя провела ладонью по туго набитой косметичке. Там, у самого дна, уютно пристроился иссиня-черный сгусток света и радости.

***

- Не берется, - пробормотал себе под нос Батя, жуя потухшую сигарету.
- Нашими средствами не берется.

Он оторвался от схемы Техцентра и с усилием провел ладонью по лбу. Волосы у Бати были всклокочены, под глазами набрякли солидных размеров мешки. Старший "группы Раз" не спал уже двое суток.

- Нужно снести это хозяйство под корень". - сказал Мастер. - Все прежние легенды никуда не годятся. Погоня за тварями, случайное проникновение, разборка с охраной - забыть! Нужно так долбануть, чтобы от генераторов только пыль осталась.

- Снести... - Батя уставился в схему невидящим взглядом. - Снести... И понести заслуженное наказание... Пожизненное заключение...

- Нам не будет ничего! - Мастер прижал руки к груди. - То есть мне, как должностному лицу, будет орден. А рядовым участникам - досрочная пенсия, льготы в оплате жилья, бесплатный проезд, все как полагается.

- Не свисти... - вяло попросил Батя. - Он потянулся к столу за зажигалкой, но на полпути его рука свернула и схватила бутылку. Выплюнув окурок в сторону угла, где спали мертвым сном Шерлок и Пушкин, Батя прилип к бутылке и с громким сантехническим звуком втянул в себя остатки пива.

- Ну и что ты предлагаешь? Что, я эту кашу заварил, что ли? Почему все время моя голова в петле торчит? - начал заводиться Мастер.

- Ладно, не рычи. Давай организуем пробный маркетинг. Навернем Саймона. И посмотрим, что будет:

- Пойди, отдохни, а? Нам тут же гайки закрутят! Если мы уберем Саймона, у нас вообще не будет времени! Мы же не можем скрывать, что он убит, я доложить обязан! Если ты его днем шлепнешь, нам в ту же ночь придется атаковать!

- Жалко мальчика, а? - прищурился Батя.

- Ты мне больно не сделаешь, - сказал Мастер холодно. - Даже и не пробуй. Я его давно похоронил. Просто я стараюсь вести себя рационально. А ты трепыхаешься, личные мотивы ищешь.

- А это что, - Батя ткнул пальцем в карту, - не личное? Они же тебе жизнь изуродовали. Разве не так?

- А тебе? - спросил Мастер зловещим шепотом. - Ты, что ли, в стороне остался?

- Я. Жизнью. Доволен, - на каждое слово Батя кивал. - Только вот помирать молодым не хочется.

- Тогда делай, как я говорю.

- Не могу. Нужно прикрытие. Или диверсант, который пролезет в Техцентр в одиночку.

- Ты не положишь в одиночку столько народу! - всерьез разозлился Мастер. - В генераторную шастает целая толпа, человек двадцать! И никто, кроме нас, в Техцентр не пройдет! Там четко по периметру начинается барьер! Прямо по забору!

Пять секунд на территории - и готово, лежишь в коме и дышишь носом!

Ладно, ты можешь Бенсону не верить, но, если у них половина личного состава постоянно ходит в шлемах, это тебе ничего не говорит?

- А другая-то половина без шлемов...

- А другой половине уже все равно! У них движения заторможены, как у тварей!

- Не понимаю, - сказал Батя. - Как они позволили заснять свою территорию?

- Значит, им не нужен режим секретного объекта. Не хотят лишнее внимание к себе привлекать. Аэрофотосъемку заказывала местная администрация, для своих целей.

Попросили кое-кого - нам сделали копию...

- Вот ты и попроси, чтобы в следующий раз Техцентр разбомбили.

Мастер вполголоса выругался.

- Хорошо, - кивнул Батя. - Допустим, нормальный человек больше пяти секунд там не выдержит. Номы ведь за свои полминуты тоже много не наворочаем. Прости, старик, но весь твой штурм - полнейшая бессмыслица. Ладно, пока мы всего этого, - он помахал ладонью над схемой, - не знали, можно было воображать, какие мы крутые. Но сейчас-то...

- Ну нельзя иначе! - взмолился Мастер. - Никак! Отец родной, ну почему же ты мне пять лет верил, а теперь перестал?!

- Да почему же нельзя? - Батя склонился над схемой. - А вот...

- Нельзя, - сказал Мастер, даже не глядя, что там Батя обнаружил. - Эта линия электропередач только для отвода глаз. Раньше она была нужна. А теперь вот тут - видишь? - в этом белом домике стоит реактор. Им, гадам, канализацию перекрыть в сто раз проще, чем вырубить электричество.

Батя раздосадовано крикнул.

- А если реактор... того? - спросил он осторожно. Мастер подавил смехок. "Батя ищет любую зацепку, лишь бы не лезть в пекло. Что ж, я его отлично понимаю".

- Ничего не того. Можешь Нильса спросить. Главное - не стрелять по зданию из пушек. А пушек нет. Хотя неплохо бы...

- Ладно, - отмахнулся Батя. - С обычным оружием там делать вообще нечего. Хоть тут у нас преимущество.

Мастер взял со стола бутылку и сделал большой глоток. Портер был сладкий, вкусный, цвета черного кофе. Действительно, пульсаторы многое упрощали.

Отличная, гениальная разработка - оружие, бьющее сквозь любые стены! Ручная нейтронная бомба. Все живое падает замертво. Для тебя нет больше неприступных крепостей, тебе нестрашен танк, вообще никто не страшен. От тебя не спрячешься.

Правда, если верить Доктору, пульсаторы охотников перенастроены на другие частоты, но все равно, как показал случай с репортером, они эффективны. "Жаль тебя, мужик, но ты пострадал за правое дело. Теперь мы знаем: то, что хорошо для твари, сгодится и для человека. И особенно - для человека, который ходит по Техцентру без защитного шлема".

- Так, - задумался Батя вслух. - Бенни подходит к КПП, стреляет в стену, заходит внутрь, открывает ворота. Мы въезжаем, машины "свиньей", кинжальный огонь с движения, пять экипажей - вот сюда, на генераторную... Двадцать секунд. На пределе. Нет, не успеваем.

- Ты меня только доведи, милый, - попросил Мастер. - Доведи и расстреляй генераторную, чтобы все там внутри рухнуло. Дальше я

справлюсь один.

- То есть как это - один? - спросил Батя шепотом.

По заснеженному полю брела, с трудом переставляя ноги, безвольно уронив руки, сутулая фигура. Не разбирая дороги, шатаясь, иногда чуть не падая, она лезла через сугробы, упорно держа путь в сторону городских огней.

Вокруг фигуры, степенно переваливаясь, как лайнеры в штормовом море, выписывали по полю сложный узор три "Рэйдж Ровера" редкой модификации, с двумя задними осями. У каждой машины из крыши торчал по пояс человек с ружьем.

Время от времени, когда фигура слишком приближалась к городской черте, железные кентавры разом обгоняли ее, разворачивались и втроем заходили ей в лоб. Фигура останавливалась и потихоньку начинала отступать, забирая то в одну, то в другую сторону. Кентавры теснили ее-и наконец она сдавалась, вяло поворачивала и шла обратно, до другого конца пустыря, где ее снова принуждали отступить.

Когда на фигуре сходились лучи сразу шести фар, она теряла очертания, расплывалась, становясь почти такой же серой, как многократно вспаханный ногами и колесами снег. Но когда ее "держала" только одна машина, в фигуре легко можно было узнать охотника. Подсумки с запасными аккумуляторами на поясе, широкая португеза с наплечным фонарем, сейчас отчего-то погашенным, жестко торчащий вверх бронированный воротник, защищающий шею... Правда, у человека не было шапки, но это казалось сущим пустяком по сравнению с отсутствием главных инструментов охотника - собаки и пульсатора.

У Хунты на подбородке запеклась кровь. Кривясь от боли, он сосал прокушенную губу и мягкими движениями руля подправлял машину на курсе.

- С-с-ствол... с-с-с-твол з-з-зади... - прошипел он.

- Я не дам ему поднять руки, - почти так же невнятно ответил сквозь зубы белый от напряжения Крот. - Зигмунд! - позвал он. - Ну скажи ты этим козлам, чтоб не жались так с боков! Пять метров, пять!

- Ноль второй, Ноль третий, я Ноль четвертый, - забубнил наверху высунувшийся в люк Зигмунд. - Отойти дальше от цели! Пять метров от цели до борта! Отойти, и все внимание на руки, на руки все внимание!

Сзади раздалось недовольное рычание - Джареф с Султаном, отпихивая друг друга, старались занять место по центру багажного отсека, чтобы лучше видеть, что творится впереди.

- Ф-фу-у-у! - заорал Хунта так страшно, что у Крота заложило уши, а в багажнике наступила мертвая тишина.

Машины Фила и Крюгера медленно разошлись в стороны. Крот, не сводя с фигуры глаз, пригнулся и ткнул пальцем клавишу рации на центральной консоли.

- Доктор, я Крот! - позвал он.

- Крот, я Доктор! - отозвалась рация неожиданно чисто и звонко. - Десять минут еще, мальчики! Десять минут продержитесь!

- Десять минут, Крот - да! - Сенс отпустил клавишу и, по-прежнему глядя только вперед, запустил руку в пепельницу. Казалось, что гладкое ухоженное лицо Крота с каждой минутой худеет - глаза западали, скулы все сильнее натягивали кожу, у основания челюстей ходили желваки.

Хунта свободной рукой вытянул из кармана сигарету и ткнул ее Кроту под нос. Тот молча ухватил сигарету зубами и щелкнул зажигалкой.

Впереди показалась насыпь кольцевой автодороги. Под насыпью стояли

еще два "Рэйнджа". Чтобы не слепить загонщиков, на машинах оставили только габаритные огни. Охотники высыпали наружу и сейчас шурились навстречу приближающимся фарам.

Глаза собак превратились в круглые ярко-зеленые фонари.

- Ноль второй, Ноль третий, к повороту! - приказал Зигмунд. -
Внимание! До маневра тридцать...

- Танкист х...ев! - прорычал Хунта, выпячивая губу и осторожно пробуя ее языком.

- Роммель долбаны-ый!

- Пять! - заорал Зигмунд. - Три! Два! Раз! Да-а-а! Моторы взревели, машины рванули вперед, две навстречу третьей, с двух сторон охватывая ковыляющее существо широким полукругом. Оставляя добычу по правому борту, Хунта пристроился в хвост Филу и, едва тот начал круто забирать вправо, дал по тормозам и развернул джип. За кормой пронесся Крюгер, завершая левый поворот. Теперь все три "Рэйнджа", сохраняя прежний боевой порядок, оказались к цели носом.

- "Вторая", стой! - рявкнул Зигмунд. Машины "группы Два" послушно замерли.

Словно повинувшись той же команде, остановилась добыча.

Ничего уже в ней не было от прежнего Боцмана, крикуна и балагура, человека редкой личной храбрости и широкой души. Так, обмылок.

- Глаза вытекли... сообщила рация голосом Фила. - Почему у них всегда глаза вытекают?

- Поверить не могу, что он Петровича убил, - отозвался в эфире Крюгер. - Вот, пытаюсь к нему относиться, как к твари, а не могу.

- Привыкнешь, - сказал наверху Зигмунд. - Все, мужики, забыли. Боцмана уже нет.

Это просто еще одна тварь. Это она Боцмана съела. И Петровича тоже она.

- Сука ты, - сказал Крюгер спокойно. Будто диагноз поставил.

Тварь стояла, медленно поводя головой из стороны в сторону. Крот поморщился и сжал ладонями виски.

- С-с-скан-нирует? - поинтересовался Хунта участливо. Губа у него пухла на глазах.

- Слабенько, - пробормотал Крот. - Но противно. Будто, знаешь, по ушам веником.

- Н-ны з-знаю, - хмыкнул Хунта. - С-сыпогом быв-вало, а ву-ввеником - не-а.

- И ты сука, - заключил Крюгер. Тварь начала разворачиваться спиной - поняла, наверное, что обойти машины ей все равно не дадут.

- "В-втырая"! - объявил Хунта. - Я гывырить ным-мыгу. С-сытаршый - Кх-хрюгер.

- Есть! - отозвался Крюгер. - Зигмунд, команду!

- "Вторая", стой! - ожил мгновенно Зигмунд. - Порядок движения прежний. Начинаем на счет "да". Следим за руками! Повторяю, если кто забыл: пистолет у него на поясе справа, подвешен под курткой рукоятью вниз. Ноль третий, это твоя сторона, будь внимателен.

- Эй, Зигги! - позвал с дальнего кордона Абрам. - Смотри, не пукни!

- Заткнись, мудака! - приказал Крюгер. - Он делом занят, не то что ты.

Тварь постепенно удалялась. Руки ее болтались, как плети, но не было никакой гарантии, что они вдруг не оживут. До обреза за спиной она не дотянется, но пистолет вытащить может вполне. А у любого охотника всегда

в стволе патрон.

Снять предохранитель и на курок нажать - дело нехитрое.

- Второй раз за всю историю, - пробормотал Крот. - Второй, да?

Хунта кивнул. После случая с Вальтером из "Трешки" твари, наверное, решили, что зомбировать охотников прямо на расчистке непродуктивно. Видимо, для превращения человека в полноценную тварь нужно время. Пока что прошло максимум полчаса - и вот, пожалуйста, едва ползет, руки поднять не может. Но все равно страшно.

"Неужели это Боцман? Нет! Зигги прав, это просто тварь, злобная тупая деревяшка, убившая Боцмана. И Петровича, который пошел за техниками, оставив Боцмана одного караулить "дырку". Нельзя было так поступать, да обстановка безмятежная спровоцировала. Большой зал под землей, никаких углов, "дырка" - как на ладони.

Накрылись бы там и техники вместе с Петровичем, если бы не Крот. Молодчина.

Только Петрович из-под земли высунулся, а Крот как закричит:

"Хоп! Боцману плохо!" И Петрович обратно нырнул. За ним Китаец бросился с тремя двойками, но опоздал. Влетают они в этот зал проклятый, а там кровящи по щиколотку и навстречу что-то лезет такое, смутно знакомое. Порвали бы его в клочья, но Китаец, умница, первым взял себя в руки и заорал:

"Доктора!" Хорошо, у ребят на это имя рефлекс - с врачом не спутают. Ухватили собак за шкурки и начали отступать, подманивая тварь к выходу. А та про "дырку" будто забыла, идет как привязанная. В точности как тогда Вальтер..." Хунта, совсем еще зеленый, стажировался в "Трешке", когда это случилось. Но, увидев то, во что превратился Боцман, прокусил губу, чтобы не закричать.

- "Вторая", к маневру! - скомандовал Зигмунд. - Три! Два! Раз!

Да-а-а!

Хунта нажал на газ. Машины тронулись.

- Сейчас тебя Доктор на молекулы разложит, - пообещал Крот твари. - Все про тебя узнаем. Только не сдохни раньше времени.

Зигмунд присел и оказался внутри машины.

- Как ты думаешь, - спросил он Крота, - сможет Доктор выяснить, как это получилось?

- Надеюсь, - сказал Крот, не оборачиваясь. - А то я второго такого раза не переживу.

- Тыжжело? - посочувствовал Хунта.

- Кышшмарно, - передразнил его Крот. - Вот сколько знаю вас, братцы-охотнички, столько и удивляюсь, какие же вы уроды бесчувственные. Все понимаю - только принять не могу. Знаю, что вы именно такими и должны быть, иначе охоты не получится и нас всех съедят. Знаю, но страшно мне с вами... Чисто по-человечески страшно, понимаете, мужики? Как вы можете так...

- А ты не сука, Крот! - восхитился по радио Крюгер.

- Ты к нам несправедлив, - покачал головой Зигмунд и снова высунулся в люк.

- Знаю, - согласился Крот. - Но... Но очень хочется.

- Ноль второй, Ноль третий, не сближаться! - крикнул Зигмунд. - Направление держать!

- Флотоводец! - сказал Хунта почти нормальным голосом. Словно выругался. - Адмыр-рал Нельсон!

Впереди, у дальнего кордона, наконец-то возник и начал плясать по сугробам отсвет фар.

***

В тактический класс набилось человек шестьдесят. По двое на одном стуле, на партах, подоконниках, а то и на полу в проходах уселись бойцы из всех групп.

Здесь была в полном составе "Двойка" - всклокоченная, небритая и с воспаленными глазами. Почти вся "Трешка", кроме тех, кто заступил на стационарные посты и не мог отлучиться с места, - свежая, отоспавшаяся, но тоже хмурая. Пятеро ветеранов из "Четверки" во главе с Винни, оставив молодежь под началом Гоблина, пристроились ближе к дверям и синхронно покачивались, давая пройти в класс подтягивающейся "группе Раз", сегодня резервной.

Мастер стоял у окна, глядя через тонированные стекла прямо на холодное февральское солнце. Ногти на правой руке он уже обгрыз и теперь сосредоточенно занимался левой. Всей спиной он чувствовал, как в дверях, будто сердце, пульсирует управление "группы Фо", пропуская все новых людей.

- Андрюша, - тихо позвал Мэкс заслонившего дверной проем Винни. - Да пройди ты, ради бога, вперед! Сил нет смотреть, как вы там дергаетесь...

- И без того уже тошно, - поддержал его Батя. Винни громко засопел и толкнул грудью своих бойцов, стоящих впереди. "Деды" из "Четверки" неловко расползлись по классу, поминутно цепляясь амуницией за сидящих охотников и бормоча извинения. Им быстро нашли места, и класс снова затих.

Вошел Ветер, кивнул Бате и сполз по косяку спиной, усаживаясь в дверях на корточки.

- В "Первой" - все, - сказал Батя. - Лебедь на выезде.

- Во "Второй" все, - доложил Крюгер. Отсутствие Саймона он отмечать не стал.

Саймон ушел спать. Его и не звали. Он давно уже не охотник.

- В "Третьей" все, - сказал Мэкс. - Пять человек - наряд, двое больны.

- В "Четвертой" незаконно отсутствующих нет, - прогудел Винни.

Мастер вынул палец изо рта и озадаченно посмотрел на изгрызенный ноготь.

- Кто у тебя болен? - спросил он Мэкса, поворачиваясь к классу лицом.

- Нильс и Геббельс.

- Со следующей недели старшим групп обеспечить выход на дежурство полными составами, - ровным голосом приказал Мастер. - Если кому не хватает - возьмете у Винни. Сами там согласуете, кого вам нужно.

- Могу выделить две полноценные двойки и пять раз по одному, - неохотно сообщил Винни. - Кроме Левши, Кота и Рэмбо. Этих не просите, не отдам. А остальных хоть всех забирайте. Век бы их не видеть...

- Кому он нужен, твой Рэмбо, - пробормотал себе под нос Мэкс. - Его на ходу ветром сдувает.

- Вот и не бери, - огрызнулся Винни. - Нечего ему делать в твоей инвалидной команде.

Мэкс, выпятив челюсть, обернулся было к Винни с явным намерением затеять склоку на пустом месте, но наткнулся на холодный взгляд Севы,

сидевшего в ногах у старшего с обрезом между колен.

- Погасни, Максаков, - произнес Сева спокойно, но неприязненно. - Задолбал.

- Генофонд! - высказался Мэкс в адрес "Четверки", отворачиваясь и вытаскивая сигареты. - Банк козлиных яйцеклеток!

- Не кури здесь, Мэкс, - попросил Крюгер. Мэкс сжал кулак и демонстративно уронил на пол плоскую, как бумажный лист, пачку.

- Извините! - с вызовом прорычал он. - У меня истерика!

- У всех истерика, - сказал мягко Горец, кладя руку Мэксу на плечо. - Всем нехорошо.

Мэкс дернулся, стряхивая руку, и насупился, опустив глаза,

- Я продолжу, с вашего позволения, - сказал Мастер, на протяжении всей перепалки хранивший, казалось, ледяное спокойствие. - В тренировочные дни присутствие также стопроцентное. Ясно? Чтобы были все до одного. Кроме тяжелобольных, которых, слава богу, у нас не бывает. Дальше. Резерву с сегодняшнего дня запрещаю покидать "зону сорок пять". Вот так, господа охотники.

Класс сдержанно загудел. "Зона сорок пять" на карте города была отмечена жирной красной чертой весьма прихотливых очертаний. От этой черты ты за сорок пять минут доедешь на машине до Школы. Поправка на дорожные условия - десять минут.

Граница зоны огибала все места потенциальных серьезных пробок, а вместе с ними, разумеется, большинство заведений, куда можно пригласить девушку. Жить в зоне охотники были, в общем, согласны, благо жилье халявное, но вот сидеть в зоне сиднем - это вам фигушки.

- Всем бойцам резервных групп, - продолжил Мастер, - запрещается выходить на улицу... - тут он сделал эффектную паузу. Класс замер, приоткрыв рты и вытаращив глаза, - без пейджера и легкого оружия.

Охотники судорожно вдохнули и облегченно заерзали.

- Ну ты, барин, задачи ставишь... - протянул кто-то из задних рядов.

Мастер внимательно оглядел собравшихся и поднял указательный палец, требуя внимания.

- И также с сегодняшнего дня, - сказал он, ставя ударение на каждом слове, - вводится дополнительный пейджинговый код общего вызова. Аварийный код, господа.

Не какие-нибудь шивые "три шестерки", а три ноля.

Народ приуныл. До охотников постепенно доходило, что пахнет жареным. Код "три шестерки" означал атаку тварей на периметр Школы. Представить что-нибудь страшнее невозможно. Все собравшиеся в тактическом классе, знали, в каком сложном положении оказалась Школа. Но даже умнейшие из ветеранов несли в голове тяжкий груз стереотипов - как-никак самый молодой из них был на охоте уже три года. Они привыкли относиться к миру с чисто охотничьих позиций, и такой сложности бытия им хватало под завязку. Они жили в постоянном стрессе, даже притерпелись к нему. Но теперь перед ними вставала новая проблема - выживания в светлое время суток.

На словах они были круты и грозились свернуть шею кому угодно. Но, когда дошло до конфликта с вышестоящей инстанцией - Штабом, люди призадумались. Идти против Штаба означало вести сразу на два фронта настоящую войну.

Мастер сжал зубы. "Минимум треть из них бессознательно считает меня главным виновником этой конфронтации. Им объяснили, что в Штаб пролезли

твари. Им говорили, что нужно просто-напросто спастись. Но все равно самым виноватым получается Мастер, который вскрыл нарыв - и сделал больно.

Сейчас, потрясенные гибелью товарищей, они наиболее податливы. Очень больно говорить с ними в такой момент, но иначе не получится. Отдышавшись, они могут упереться. Атак я их тепленькими возьму. До чего же тяжело быть бездушной сволочью... Я очень уважал Петровича - недаром мы с ним столько грызлись. А Боцмана, обалдуя, просто любил".

- Каждый сейчас получит у Горца батарейку, - продолжил Мастер. - Поставит ее в свой пейджер, в гнездо резервной батареи. Получив сигнал "три ноля", достанет ее, вскрыет - Горец вам покажет как - и вынет бумажку с расписанием команд. Там четыре сценария, в зависимости от того, чем занимается группа в момент получения команды, - дежурство, отдых, тренаж или резерв. По соответствующей модели вы и будете действовать. Бумажку немедленно по прочтении уничтожить. Проще всего съесть...

- Ни х...я себе! - восхитился давешний голос сзади.

- Без команды батарейку не вскрывать. Расписание уничтожить немедленно по команде "сто одиннадцать". Ясно? Повторяю. Получил код "три ноля" - достал план и действуешь по нему. Получил "сто одиннадцать" - план уничтожить, не читая.

- Ну, бля, приплыли! - объявил все тот же голос.

- Значит, так, Белый, - сказал Мэкс словоохотливому бойцу, не оборачиваясь. - Еще одно слово, и с зарплатой за февраль можешь проститься.

- И патроны отнимем, - пообещал Лысый, тоже не отводя взгляда от Мастера.

- Вы все поняли, Дети? - спросил Мастер. Класс впал в глубокое раздумье. Сзади тихо шептались. В углу поднял руку Фил. Мастер кивнул ему.

- Что будут делать молодые по аварийному сигналу? Я в том смысле... - замялся Фил. - Ну, с ними же должен кто-то быть...

- Для молодых отдельный план. Одинаковый для всех. Они тоже получат батарейки.

Но у вас там планы индивидуальные. У них один.

Люди замерли. И в наступившей тишине Сева одними губами, почти шепотом, пробормотал:

- Ты хочешь ими прикрыться... Живой щит... Мастер посмотрел на ошарашенного своим открытием Севу, потом снова обвел взглядом класс и произнес:

- Наверное, это неважно. В случае неудачи вы все погибнете. Останусь только я.

Он сунул руки в карманы и, перешагнув через сидящего на полу Ветра, вышел за дверь.

Класс молчал. Горец грузно поднялся с чемоданчика, на котором сидел, протолкался к кафедре, грохнул "дипломат" на столешницу, звонко щелкнул замками и сказал:

- Подходим по одному, согласно номерам. "Группа Раз", я вас жду.

Батя, кряхтя, встал и подошел к Горцу.

- Суставы болят, - пожаловался он, протягивая руку. - Колени. Ты потом меня посмотришь, ладно?

***

Генерал выдвинул ящик письменного стола и положил руку на холодную рукоять.

Пистолет по инструкции полагалось хранить в сейфе, но последние несколько месяцев Генерал старался держать его поближе. И каждый раз, когда полуденное солнце начинало разъедать мозг и становилось не по себе, - трогал, гладил, сжимал в ладони спокойный дружелюбный металл.

Дюжина патронов в обойме мягко светилась оранжевым. Каждая порошинка так и просила искры. Пули легонько кусали пальцы. Только капсули были спокойны в холодной готовности выполнить свою миссию. Самая мужественная деталь в патроне - капсуль-воспламенитель.

Пистолет медленно просыпался, чувствуя хозяйскую руку. Пока он еще не чувствовал приказа к действию, но на всякий случай тихонько пошевеливал стальными членами, страхивая дремоту.

Генерал облизнул пересохшие губы. Жалюзи на окнах были опущены, но даже сквозь них зимнее солнце обжигало морозом. По виску сбежала холодная капля. Генерал поежился и крепче сжал рукоять. Курок пистолета сам собой дрогнул и медленно начал сдвигаться назад, от бойка. Миллиметр за миллиметром он тянулся к точке боевого взвода. Спусковой крючок скользнул вперед.

За стеной референт Генерала судорожно вцепился белыми пальцами в край стола. На шее его вздулись жилы. Зрение туманилось, в воздухе словно повис голубоватый туман, и где-то сбоку, на самом краю взгляда, сгустился ужас. На него достаточно было только посмотреть - и он растаял бы, но не хватало сил шевельнуть глазами.

В рот обильно хлынула слюна, но не было сил глотнуть. Человек захрипел, до боли напрягая мышцы.

"В кабинете Генерал дрался за смерть. Все, что в нем еще оставалось человеческого, страстно желало приставить ствол к виску и с радостным стоном освобождения выстрелить. Убить, уничтожить эмоции, терзающие душу. Избавиться наконец от боязни солнца и Открытых пространств, от этого постоянного озноба и гнилого привкуса во рту, от моментов полного затемнения рассудка, когда приходишь в себя и не можешь вспомнить, чем ты занимался несколько часов.

Генерал уже четко знал свою миссию. Это раньше он метался, не понимая, что нужно делать и как себя вести, делал глупости, совершал досадные промахи. Теперь он осознал задачу и целенаправленно решал ее. Но, видимо, были нюансы, даже от него сокрытые, и в назначенные часы мозг засыпал, а тело начинало работать самостоятельно. И это было невыносимо. Генерал мучительно хотел стать цельным, подчиниться без остатка чистой и прекрасной силе, поработившей его. Но это оказалось невозможно, и он, тяжело страдая, искал от боли избавления, выбирая по привычке человеческий путь.

Человек в Генерале уже не боролся с тварью. Наоборот, он хотел помочь, искал выход. А раздираемая на части тварь пыталась выжить. Человек хотел выручить - и, используя ресурсы твари, взводил курок. Тварь, оттирая человека, поспешно возводила стену на пути солнечных лучей. По щекам Генерала текли слезы, тело покрыл холодный пот.

Референт за стеной, потеряв сознание, упал лицом на клавиши своего компьютера.

Курок щелкнул, встав на взвод. Рука потянула оружие из ящика. Тварь

включила все резервы, и лицо Генерала страшно перекошилось. Он зарычал - перед его глазами вдруг отчетливо проступило невыносимо яркое пятно на краю стола - след последнего визита Мастера. Убийца! Убийца! Жестокий, холодный, расчетливый, хитрый... Ужас, крадущийся по пятам. Невозможно поверить, что через несколько дней он исчезнет. Скоро прилетит тот, другой, которого бояться даже люди. И раз его проклятые защитники точно знают правду о нас - знает и он. Нельзя допустить встречи. Старший все младшему расскажет. И младший даже может завербовать старшего в помощники. Тогда - конец. В людском исчислении - тысячи, а может, даже миллионы лет пустоты и бестелесности. Небытия. Пока на Земле снова не появятся Те, Кто Откроет Дверь. Их не осталось больше нигде и, наверное, уже не будет. А здесь таких много, им только нужно дать в руки власть. И тогда великое свершится, и Путь будет чист. Но случится ли так? И как горько, что судьбы мира сошлись в руках именно того человека, которого так трудно убрать с дороги.

Сколько потеряно времени! Почему я так поздно очнулся? Ну чуточку раньше бы, пока мальчишка еще ни о чем не догадался... О, как горько, как больно, больно же! Мне больно!

Издаലെка, из глубины здания, спешил на помощь друг. Спасибо, верный товарищ, но ты не успеешь. Я не могу больше так. Мне плохо здесь. И если суждено проиграть, так пусть я лучше не увижу нашего поражения... Генерал приставил ствол к виску, со стоном выдохнул и мягко потянул спуск.

В тишине кабинета раздался звонкий щелчок. С душераздирающим криком сорвавшегося в пропасть, Генерал врезался лицом в зеленое сукно письменного стола.

***

Молодежь "Четверки" на тренировочной площадке с упоением играла в снежки. Гоблин сидел на буме и копался в поясной аптечке, пытаясь разобраться, отчего заедает пружину в крышке. Время от времени он бросал взгляд в сторону Боя, который, согнувшись пополам, с хрустом выгрызал ледышки между пальцев. "Постоянно следи за собакой, контролируй, проверяй. Чуть зазевался - она уже кого-то ест, и виноват в этом ты. Как только завел опасную псину - делай выбор, кем хочешь быть в глазах людей. Хочешь, чтоб считали мужиком, - следи за зверем. Обоих зауважают. Хочешь выглядеть уродом - расслабляйся. Застрелят когда-нибудь.

Кого-нибудь".

Бой оторвался от выставленной "пистолетом" задней лапы и потянул носом воздух. К Гоблину вразвалочку, засунув руки за пояс, шел Рэмбо. В Школе средний рост охотника был сто восемьдесят пять, и кличку свою Рэмбо схлопотал именно по этой причине. Он до среднего роста не дотянул верных пятнадцать сантиметров. Из-за этого же, наверное, пес у него был как шелковый. Не дрессированный, а просто задрюченный. Винни даже сделал Рэмбо по этому поводу выговор. Мол, негоже из кавказской овчарки выбивать тягу к инициативе. Эта сволочная порода тем и хороша, что может работать без оглядки на человека.

Сейчас рэмбовский Шах топал в двух метрах позади хозяина, охраняя его со спины.

Многие в Школе, подметив такую манеру у Кармы, сочли ее полезной и старались воспитать у своих псов. Все обломались - но только не Рэмбо.

Бой смерил гостей презрительным взглядом и снова вернулся к своей лапе. Рэмбо прислонился к буму рядом с Гоблином и махнул Шаху - садись.

- Что-то будет? - спросил он Гоблина, указывая подбородком в сторону Школы.

Гоблин кивнул. За полтора года охоты он успел привыкнуть к тому, что в Школе траурных церемоний не бывает.

Может быть, потому, что зачастую нечего хоронить. Или из-за Мастера, который, по слухам, в принципе не одобряет массовые ритуалы. И сейчас он "дедов" явно не на поминки собрал.

- Угробит он нас всех, - сказал Рэмбо задумчиво. - Чует моя жопа, дело пахнет керосином. Не пора ли нам в отставку, а? Пока не поздно...

- Не дури. Что ты будешь делать там... - Гоблин показал. - За забором? Колбасный цех охранять? Вместе с чайниками из Второй Школы...

- Не знаю, - признался Рэмбо. - Но я буду живой. Очень полезно для здоровья.

- Ну, это-то ненадолго. Придут твари и съедят. Ты же знаешь расчеты - за пятнадцать-двадцать лет они выедают весь континент.

- Расчеты делались по максимуму, - усмехнулся Рэмбо. - Это все пропаганда, друг мой. Чтобы держать в узде молодых и лопоухих. А я, например, имею свой расчет. И убежден, что начальник наш затевает авантюру.

- У тебя мало было случаев убедиться, что он ничего не делает зря? - Гоблин начал понемногу злиться.

- Он не умнее нас с тобой.

- Но он гораздо больше знает, согласись.

- Да, - кивнул Рэмбо. - И сейчас все, кого он собрал, тоже будут гораздо больше знать.

- Обиделся, что и тебя не пригласили? - рассмеялся своей догадке Гоблин.

- Нет, батенька, - сказал Рэмбо жестко. - Мне не обидно, ЧТО не пригласили. Я хотел бы знать ПОЧЕМУ.

- Раз не пригласили, значит, ты в этом не участвуешь, вот и все.

- Ты так думаешь? - Рэмбо криво усмехнулся. - А мне вот кажется иначе. Может, именно мы с тобой и все эти гаврики, - он мотнул головой в сторону площадки, - как раз очень даже и участвуем. Может, никто и не участвует ни в чем, кроме нас.

- Ну-ка, объясни, - попросил Гоблин, настораживаясь.

- Ты заметил, как за последний месяц "деды" от нас отделились, а?

- Ну... что-то с ними происходит, да...

- Этой ночью погибли двое из самых древних. Сам посуди, когда ты проведешь на охоте пять лет безболезненно, тебе не покажется, что ты неуязвим, а? Покажется!

И тебе уже не понравится, что ты, такой крутой, можешь воткнуть, как последний чайник. И вот теперь у них совещание, на которое нас не зовут...

- А может, тебе е...альник разбить, а? - спросил Гоблин с безграничным презрением в голосе.

- Ты тоже в Мастера влюбился, - вздохнул Рэмбо. Гоблин вставил пружину на место, защелкнул крышку аптечки и сдвинул рычажок выброса. Крышка легко отскочила.

Гоблин снова ее закрыл, открыл, закрыл, открыл, удовлетворенно кивнул сам себе и вытащил пачку сигарет из отделения, предназначенного для

индивидуального перевязочного пакета.

- На, - он протянул сигареты Рэмбо. - Покури и успокойся. Паникер.

- У меня когда-то был разряд по шахматам, - пробормотал Рэмбо, глядя в сторону Школы и игнорируя предложение. - Но с Мастером я сыграть не рискну. Хотя готов повторить, что он не умнее нас. Только вот его логика... Он не человек, понимаешь? Все, что для нас с тобой ценно, для него - пустой звук. Может быть, его таким сделали, а может, он всегда такой был...

- Ты ошибаешься. - Гоблин закурил. - Он просто не такой, как все. И я ему здорово сочувствую. Другой бы на его месте давно сломался.

- Или его убили бы, - криво усмехнулся Рэмбо. - Тебе не кажется, что именно за эту вот непохожесть Мастера и поставили старшим? Чтобы такие, как ты, ему сочувствовали и безоговорочно его слушались? Элементарный психологический трюк.

- Возможно. Я думаю, в Штабе хватает толковых психологов. Но мне-то что с этого?

У меня своя голова на плечах.

- Говорят, он тоже был психологом. Знаешь, что с ними случается иногда?

- Он не сумасшедший. Он просто несчастный человек.

- Он не человек, - повторил Рэмбо. Гоблин посмотрел на него с сожалением.

- Думаешь, ты мне глаза открыл? - спросил он. - Да ничего подобного. У нас просто разный подход к вопросу. Для меня главное то, что Мастер - хороший старший на охоте. А для тебя - то, что он на нас смотрит как на расходный материал. Верно?

- Положим. - Рэмбо потупился, нервно теребя застёжку на поясе.

- Ты просто боишься, - обвинил Гоблин. Рэмбо встрепенулся было, но Гоблин выставил раскрытую ладонь. - Я не говорю, что ты трус. Ты хороший охотник, это все знают. Но ты Мастера боишься. Этой самой логики его боишься. Конечно, бояться проще, чем пытаться человека понять...

- Да там понимать нечего! - взмолился Рэмбо с отчаянием в голосе, - Твой любимый Мастер - это существо, которое где-то растеряло все человеческие ценности! Нету их у него, ясно тебе?

- И мне это нравится, - улыбнулся Гоблин. - Будь он другим, нас давно уже съели бы. Всех.

- Тьфу! - Рэмбо оторвался от бума и пошел обратно к площадке. Шах вскочил и пристроился хозяину в кильватер.

- Эй, Рэмбо! - позвал Гоблин. Тот притормозил и через плечо бросил на того настороженный взгляд. Синхронно с ним обернулся пес.

- Может так получится, - сказал Гоблин негромко, - что через полгода я буду старшим "группы Пять". Пойдешь ко мне аналитиком... - Гоблин выдержал паузу, - ...если раньше не сбежишь?

- А кто "замок"? - спросил Рэмбо хмуро.

- Наверное, Кот.

- Еще один влюбчивый юноша, - фыркнул Рэмбо. Мгновение подумав, он цыкнул зубом и прищурился. - Все может быть. Если раньше не сбегу, конечно...

- Вот тогда иди и думай, Бычий Х...й, - процитировал Гоблин анекдот про индейцев.

Новонареченный молча продолжил свой путь, размышляя о том, что поступил сейчас единственно правильным образом. Убедить Гоблина не

удалось, а ссориться с ним глупо. "Надо же, Кота - заместителем старшего группы! Вот уродство! Ну и хрен с ними со всеми. Главное - найти, куда делать ноги, когда начнется заваруха. А дурачье пусть гибнет вместе со своим драгоценным Мастером. Хотя Мастер-то вывернется. Убийца. Надо же, гад, бросил Гоблину вкусную косточку - пообещал командную должность. Через полгода, когда Гоблин уже будет под землей!" Бой поднялся, сел поближе к хозяину, преданно заглянул ему в лицо и положил на колено тяжелую лапу. Гоблин потрепал пса по голове и снова поднял глаза на здание Школы. "Вот ведь сука этот Рэмбо! Ну, будем надеяться, что теперь он быстренько свалит в отставку. Рядовым охотником парень себя уже не видит, а вакансия аналитика откроется именно в "Пятой". Только вот работать в паре с Котом - это для Рэмбо как серпом по яйцам. Ха-ха".

Гоблин смотрел на окна тактического класса и ругал про себя Рэмбо последними словами. Проклятый коротышка растеребил-таки душу. Гоблин мучительно пытался вычислить, что же именно задумал Мастер. И какова вероятность того, что этот безусловно замечательный, но совершенно непонятный человек приведет Школу к гибели.

***

В кабинете Генерала собралось человек десять. За длинным столом уселись руководители всех секторов Штаба и подчиненных ему служб. Такие совещания проводились очень редко, раз в квартал. Мастер так и не смог понять, зачем они нужны вообще. Ему совсем не улыбалось сидеть в компании ползнакомых людей и битый час выслушивать туманные рассуждения о пользе Проекта для человечества. Но отказаться участвовать в дурацком бюрократическом атавизме было невозможно.

Кое-что отличающее нынешнюю сходку от предыдущих Мастер заметил сразу. Сегодня люди явно старались занять за столом место подальше от Генерала. Дальше всех, на самый край, отполз Доктор. Вплотную к Генералу рискнули сесть только двое.

Очкарик и сам Мастер. Друг напротив друга. Мастер привычно глянул Очкарику в его стереотрубу и невольно облизал вмиг пересохшие губы.

Месяц назад линзы у Очкарика были, как обычно, "плюс ноль девять". Теперь же они едва тянули на полторы десятых.

И Генерал тоже выглядел подозрительно цветущим. Раньше это был не по годам изношенный, склонный к гипертонии бывалый мужик - за что Мастер и обозвал его про себя Генералом. Но сейчас ни следа не осталось от привычных мешков под глазами, кожа разгладилась и приобрела здоровый цвет, Генерал глядел орлом, был подтянут и молодежав.

Мастер бросил короткий взгляд на Доктора. Представитель Базы ерзал на стуле, нервно потирал ладони и наконец, не выдержав, скрестил руки на груди. Мастера тоже подмывало это сделать. И Генерал, и Очкарик дышали на Мастера легким морозцем, от которого сводило кожу на спине и ломило в затылке. Мастер убрал руки под стол, сложил указательные и большие пальцы в колечки, и одну ладонь обхватил другой. "Большого сегодня нельзя себе позволить. Я хочу идти в бой с открытым забралом. И если удастся, сбить этих уродов с толку. Раньше я не стеснялся обращаться с ними в открытую как с энергетическими вампирами. А сегодня вот постесняюсь". Мастер надел на лицо привычную маску холодного интереса к происходящему и застыл, уставившись в пространство между Генералом и Очкариком. Сгрудившиеся на дальнем краю стола начальники секторов

поглядывали на Мастера с уважением и опаской.

Генерал царившего в комнате смятения то ли не замечал, то ли не понимал, то ли просто решил неадекватную реакцию сотрудников игнорировать. Он принял у Очкарика лист плотной бумаги, посмотрел в него, глубокомысленно хмыкнул, вернул помощнику и начал речь.

- Господа! - обратился он к собравшимся, глядя, как обычно, в стену поверх голов. - Сегодняшнее наше совещание не совсем обычное. Н-да, не совсем. В первую очередь я уполномочен от лица главного куратора Проекта передать вам благодарность. Вот.

Штабные слегка расслабились, некоторые даже осмелились улыбнуться. Доктор насупился. Мастер никак не переменялся в лице и ждал развития событий.

- Да, - продолжил Генерал, - буквально час назад мне звонили сверху, и я должен сообщить вам, что наша работа в зимнем сезоне получила "отлично". Руководство высказало уверенность в том, что мы и впредь проявим глубокое понимание стоящих перед нами задач. Более того, было отмечено, что службы, деятельность которых мы обеспечиваем и координируем, являются на сегодняшний день ключевыми в решении стратегических задач Проекта.

Доктор насупился еще сильнее. Ему явно не хотелось, чтобы его сектор был для чего-то ключевым. Штабные, наоборот, приободрились. Мастер мысленно отмотал с каждого уха по метру лапши. Для начала Генерал всех скопом погладил по шерстке.

А теперь каждому по отдельности надает тумачков. Знаем, знаем. Сами такие.

- Руководство Проекта, - сообщил Генерал, - не дает нам на весенний период никаких принципиально новых заданий. Тем не менее это не повод расслабляться. Мы по-прежнему должны отвечать требованиям времени. А требования эти постоянно ужесточаются. Нагрузки растут. Некоторым может показаться, что львиная доля этих нагрузок ложится на плечи секторов "Ц" и "Д". - Генерал одарил ласковым взглядом Доктора и Мастера поочередно. - Так вот, этим некоторым я хочу сказать:

Ошибаетесь, господа! Ошибаетесь! Наши сотрудники, ведущие работу в поле и на научном фронте, имеют право спросить: почему до сих пор не решено то и это?

Почему хромает материальное обеспечение? Почему так скверно... нет, я не побоюсь этого слова - архискверно! - обстоят дела в секторе по связям с общественностью?

А? И что себе думает, обложившись умными бумажками, сектор психоподдержки?

Мастер решил подыграть Генералу и повернулся лицом к штабным.

- Да! - воскликнул Генерал патетически, кладя Мастеру на плечо холодную, как лед, тяжеленную руку, от чего Мастера чуть не стошнило. - Вот он имеет право спросить у вас - как мы дошли до жизни такой?! Но он не спросит, потому что выполняет свой долг и не ищет для себя поблажек! В отличие от некоторых! Они знают, о ком я сейчас говорю. И я требую - довольно!

Штабные кисло смотрели на Мастера. Генерал убрал руку с его плеча, за что Мастер готов был рассыпаться в благодарностях, испепелил взглядом тех, которые знали, что говорят о них, и немного сбавил тон.

- Значит, так, - сказал он почти нормальным голосом. - Сектор "Д" - единственный, к которому нет замечаний. Вопрос о премиях, - обратился он

к Мастеру, - решен положительно. По утечке личного состава компенсации в полном объеме уже выплачены, проверь. Ни в чем не будешь знать отказа, только работай.

Понял?

Мастер кивнул. "Поскорее бы этот балаган кончился. Домой хочу. Устал. Напрасно я сел рядом с этими... существами. Елки-палки, кто бы мог подумать, что я позволю твари прикоснуться к себе и не убью ее. И сам останусь жив. Правда, это тварь высшего разряда. Вон как к своему телу хорошо относится, холит его и лелеет...

Ничего. Посмотрим, что от этого тела останется, когда я в него батарею разряжу... да из обреза весь магазин в яйца захреначу... так, чтоб ноги поотлетали... да собакам крикну "Фас!"... Ух, как это будет! Черт возьми, а ведь это будет не скучнее, чем секс! Слушай, Генерал, до чего же я тебя ненавижу, а?" - Сектор "Ц", - продолжал в это время Генерал, не подозревая, что именно сейчас его в мыслях четвертуют и грызут зубами. - Тоже почти все нормально. Главная задача - быстро сформируйте еще две выездные бригады. Иначе захлебнетесь. И так уже работаете почти на пределе. Ясно? Две недели вам сроку на подготовку дополнительных бригад.

Доктор хмуро закивал. Мастер знал, что у Доктора есть в резерве две опытные бригады. Но одну из них водит Олеся, которая нынче в опале. А другая спешно переучивается на нового бригадира, потому что Шаман устал бороться с тягой к левитации и, тренируясь в полетах с крыши гаража, капитально поломал ногу.

- А в остальном дела идут отвратительно! Сектору "паблик рилейшнс" строгий выговор с занесением и два дня на представление детального плана работ, - командовал Генерал. - Аналитикам строгий выговор и неделю на подачу детального отчета. Финансовому сектору выговор. Прикрытию... ладно, с вами будет отдельный разговор. Первый отдел-считайте, что пронесло. Психологам - строгий выговор и завтра ко мне в десять-ноль на разбор полетов. Координации - принять к сведению сами знаете что. Научный сектор - будем решать. Стоит вопрос о расформировании.

Непонятно, зачем вас придумали вообще. Если и дальше не пойдем - разгоним к едрене-матери... Материальному обеспечению - ладно, не виноваты. Финансы виноваты, не учли. Финансы, я сказал, что тебе выговор? Правильно. Кто остался?

Управление? Вот управление - молодцы. Приказал - сделали. Не приказал - не сделали. Вот как надо работать! На всех уровнях - учет и контроль! А то есть у нас тут любители проявить инициативу... - повернулся было Генерал к Мастеру, но осекся, вспомнив, что минуту назад хвалил его и ставил в пример. - Ладно, у тебя специфика, с тебя и спрос другой.

- Естественно, - не удержался от реплики Мастер. Заплеванные и растоптанные штабные затаили дыхание в надежде, что начальника сейчас малость sprays холодной водичкой, как это не раз случалось прежде.

Но сегодня Генерал даже не стал обнюхивать наживку.

- Все ясно? - грозно спросил он. Подчиненные дружно кивнули. - Тогда по местам и работать! Работать! Все свободны. Кроме сектора "Ц".

Штабные поспешно Вскочили и рванулись к выходу. Доктор положил локти на край стола и тяжело вздохнул. Мастер поднялся, кивнул Генералу и последним вышел из кабинета. Притворив за собой тяжелую дверь, он почувствовал сожаление о том, что нельзя было, проходя мимо Доктора, ободряюще похлопать того по плечу.

- А вас, сударь, ждет машина, - сказал Доктору Очкарик. - Вас хочет видеть главный куратор Проекта. Немедленно.

- С повышением вас, Андрей Николаевич, - промурлыкал Генерал. - Надеюсь, к следующей встрече мы с вами будем уже, так сказать, в равных должностях.

- Мы очень рады за вас, - добавил Очкарик.

- Да не кисните вы, Андрей Николаевич! Все будет отлично!

- Надеюсь... - с трудом выдавил Доктор.

***

Едва передвигая ноги, Мастер плелся к себе в кабинет. День выдался на редкость отвратный, и самым тяжким моментом стал визит к родителям Петровича. Выражать соболезнования вслух Мастер никогда не умел, считая этот обычай, вкупе с поминками, дурацким и варварским. Психологическую обоснованность таких ритуалов он понимал отлично, но ничего с собой поделывать не мог. Человека не вернешь ни словами, ни слезами. Пришел отдать честь ушедшему - стой и молчи, пока не спросят. И так все ясно. Мастер не раз видел, как бурные соболезнования друзей покойного доводили до истерики вдов и родителей. Скорее всего истерика эта была нужна, чтобы очистить мозг и успокоить душу, и спровоцировать ее могло только воздействие извне. Но быть одним из провокаторов Мастер решительно не хотел. Поэтому сейчас он чувствовал себя окончательно разбитым и с превеликим трудом двигал разлаженный организм к заветной двери, за которой притаилась в сейфе бутылка лекарства. Все внутри стояло колом, хотелось одновременно ругаться, плакать и стрелять, а еще лучше - эмигрировать куда-нибудь за пределы Солнечной системы. Даже Карма, поддавшись настроению хозяина, не цокала бодро копытами, а как-то особенно противно скребла по полу когтями.

До кабинета оставалось метров десять, когда походка собаки вдруг изменилась.

Сработал рефлекс - Мастер тут же затормозил и оторвал глаза от пола. Карма медленно обходила его сбоку, выдвигаясь к двери, которая была почему-то на пару сантиметров приоткрыта. Следов взлома не наблюдалось - просто какой-то умник взял и разгадал пятизначный код.

Мастер сунул было руку под куртку, но передумал - опасности не было. Хвост у Кармы торчал кверху, она не рычала и вообще не проявляла никаких эмоций, кроме живого Интереса к происходящему. Подойдя к двери вплотную, собака протянула лапу, подцепила дверь когтем, отодвинула ее и сунула голову образовавшуюся щель.

- - Заходи, красавица! - раздалось из-за двери.

- Карма плечом раскрыла дверь настежь и оглянулась на Мастера.

- Заходи, заходи, - кивнул он ей, на ходу застегивая кобуру под мышкой. Но Карма только немного посторонилась, решив пропустить хозяина навстречу гостю. Мастер шагнул через порог и остолбенел. Потом ему мучительно захотелось посмотреть в зеркало.

Бенни не соврал. Они действительно оказались чертовски похожи - почти как братья, из которых один пошел в отца, а другой - в мать. Они были одной породы.

Мифическая личность оказалась с ног до головы закутана во что-то черное с отливом. Сейчас она расселась на рабочем столе Мастера с таким видом, будто только что купила Школу и собирается для начала перепороть

на конюшне весь личный состав. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это у нее просто такая манера улыбаться. Мастер сделал еще шаг вперед, непроизвольно упер руки в бока и продолжил осмотр.

- Добрый день, - сказала мифическая личность. - Тимофей Костенко. Обычно меня зовут Тим.

Теперь понятно было, почему Бенни обозвал Мастера фотомodelью, а про Костенко сказал "аристократ". У Мастера черты лица были очень четкие, агрессивные, а у Тима - мягкие, спокойные. И эта мягкость линий вкупе с небольшой горбинкой на носу, чуть слабоватым подбородком и чувственными пухлыми губами пропастью отделяла Тима от Мастера. Мастер на улице бросался в глаза своей внешностью. А Тим - просто бросался в глаза.

Еще не совпадала масть. Похожего разреза большущие глаза с длинными пушистыми ресницами были у Мастера светло-серые, а у Тима - зеленые. Тим оказался темным шатеном, и его длинные, до плеч, волосы были уложены в невероятно красивую, почти женскую прическу. Мощную каштановую гриву Мастера просто очень давно не стригли, но зато она и сама по себе лежала ничуть не хуже.

Придя к выводу, что никогда не променял бы свое красивое лицо на это интересное, Мастер обрел дар речи. Только сейчас до него дошло, насколько же он боялся встречи с кем-то, кто на него так похож.

- Виктор Ларин, - сказал он, протягивая руку. - Здесь меня обычно зовут Мастер.

- Ну что ж. - Гость слез с чужого стола и крепко, но без демонстрации силы пожал руку Мастера. - Я удовлетворен. А то меня до смерти напугали, что есть некто похожий на меня как две капли воды. Но ты тоже ничего, не переживай.

Мастер рассмеялся. Вокруг Тима было тепло и уютно, он излучал непоколебимое спокойствие и благожелательность. "Это сейчас", - подумал себе Мастер. А вслух произнес:

- Впервые в жизни вижу такое породистое лицо.

- Наследие предков, - небрежно бросил Тим, поворачиваясь к Карме, которая рассматривала его, благосклонно оскалившись. Мастер хотел было предостеречь гостя, но решил не высовываться. Энергии, которую этот человек излучал сейчас вхолостую, просто так, вполне хватило бы, чтобы обездвижить десяток тварей.

Мастер с наслаждением впитывал струящееся вокруг тепло и чувствовал, как отступает усталость и голова потихоньку начинает соображать.

- Роскошная собака, - сказал Тим с чувством. Карма уселась, не отрывая взгляда от гостя, и Мастер почувствовал легкий укол ревности. - Если бы у меня в свое время хватило смелости завести такую собаку... - продолжал Тим, поворачиваясь к Мастеру и заглядывая ему в глаза. - Впрочем, мне ее не хватило. Мне частенько не хватало смелости...

Мастер залпом проглотил громадный заряд чего-то, что мурашками пробежало по всему телу и дало ощущение полета. На бесконечно длинную секунду он полностью расслабился, а когда пришел в себя, Тим уже стоял в нескольких шагах поодаль и опять улыбался, только уже не высокомерно, а мягко и участливо.

- Полегчало? - спросил он. - А то я гляжу, ты весь перекошенный. Спасибо, что раскрылся. Польщен доверием.

- Полегчало, - благодарно кивнул Мастер. Теперь он мог рассмотреть гостя в подробностях. Черное одеяние выглядело чем-то вроде длинного плаща, сейчас распахнутого, и под ним тоже что-то бархатно переливалось,

укутывая Тима до шеи.

Незащищенными оставались лишь тонкие кисти рук и крупная голова, за которой, наверное, гонялись все осведомленные о ее ценности разведки Земли. На ногах у Тима были вполне человеческие короткие остроносые сапожки.

- Ты словно из романа в жанре фэнтези, - усмехнулся Мастер.

- А-а, хожу, в чем привык. Тем более что здесь это производит впечатление.

- А там? - Мастер поднял глаза к потолку.

- Там кастовый указатель - цвет.

- Ты нашел себе гуманоидную планету? - спросил Мастер, сам не веря, что в состоянии легко поддерживать такой безумный разговор.

- Мне нашли, - отозвался Тим, не моргнув глазом. Он, видимо, рад был найти в Мастере понятливого собеседника. - Сначала попросили там поработать, а я... В общем, мне там хорошо. И уж куда удобнее, чем у ребят, которые поначалу меня приютили.

- Значит, есть места, где лучше, чем здесь?

- Нет, - отрезал Тим, и в глазах его зажегся холодный огонек. - Мир, в котором я живу, - жестокий мир. Очень умный, очень развитой и очень жестокий.

- Более жестокий, чем наш?

- Ты ошибаешься. Здесь нет настоящей жестокости. Здесь только непроходимая глупость. Непролазная.

- Ну, знаешь... - Мастер поймал себя на том, что ему хочется как-то парировать наезд на родную Землю. Но ничего толкового не придумал.

- Отсутствие интеллекта порождает бездумное насилие, - продолжал Тим. - А холодный разум возводит жестокость в закон. Сам посуди, что лучше. Потом, я неудачно выразился. Есть места, где лучше, чем у нас. Где одновременно и умнее, и добрее. Вот, например, зверюги, которые меня отсюда вытащили десять лет назад.

Потрясающая раса. Мудрая и гуманная. Но они не люди, понимаешь? Я их люблю всем сердцем, но... Представь, что ты один-одинешенек в целой планетной системе, населенной... допустим, собаками. Красивыми, умными, добрыми, мохнатыми такими... Это ж с ума сойти! И они расстраиваются, глядя, как я мучаюсь... Тоже неприятно. Так что, брат, поверь мне на слово. Где есть люди - там плохо. А где хорошо - там нет людей.

- М-да... - протянул Мастер, не зная, что и сказать. - Shit! Ох, елки-палки, а до чего ведь приятно узнать, что есть-таки иные миры, другие цивилизации... Надо же!

- Завидую, - хмыкнул Тим. - Для меня это знание имело характер клизмы. Оно меня догнало и еще раз добавило. Думаешь, я по доброй воле отсюда драпанул? У меня просто батарейки сели. Совсем. На ноль...

- Ну, ты им тоже дал просрать! Ты уж не прибедняйся, Стальное Сердце!

- Если бы! - скривился Тим. - Не стальное оно, а живое. Это я щенок был, вот и гордился тем, что такой жесткий и по жизни одиночка. Ляпнул сдуру одной девице, когда она пыталась из меня слезу выжать, - не надейся, мол, не пожалею, у меня сердце стальное. А этот козел Хананов взял и шутки ради вкатил мне в файл такое имечко. Потом сам признался, что сто раз его просили написать что-нибудь попроще. Оно же неудобное, длинное. А он упирался - видите ли, верил в меня, фашист. - Тим закусил губу. Заметно было, что он ничего не забыл и никого не простил.

- Хананов - это "Программа "Зомби"? Тим кивнул.

- Я так и не узнал, кто именно делал Детей, - вздохнул он. - Нас с тобой, в частности, первый поток. Тогда не успел, а сейчас уже и спросить некого. Ч-черт!

Представь, что рядом с нами стоит кто-то третий, а? Не наш.

- Крепкие парни в белых халатах. Решетки на окнах, двери без ручек...

- Да уж! - Тим прошелся по комнате, уселся на диванчик рядом с сейфом и похлопал ладонью по массивной дверце. - Уважающий себя начальник в сейфе хранит бухло. А у тебя там что? Пистолет с одним патроном и секретный пакет на случай ядерной войны?

- У меня там не только бухло, но и закусь. - Мастер, потирая руки, шагнул к сейфу. Карма не стала его провожать. Она лениво растянулась в углу, положила голову на лапы и блаженно прикрыла глаза. - То-то я чувствую, чего-то мне не хватает! Я же сюда только за этим и шел! Кстати! - встрепнулся он, накручивая шифр. - А, ладно... Понятно.

- Ты хотел узнать, как я сюда просочился? - спросил Тим, с уважением глядя на бутылку "Смирновской".

- Не нужно, я вспомнил. Мне один деятель с Базы намекнул, что для форсированного сенса это пустяк. Тем более что микроволновых сканеров у нас нет... - тут Мастер на секунду замер. Он вспомнил о датчиках и видеокамерах, охраняющих периметр.

"Ладно. В Техцентре защита, наверное, не хуже - но ведь Бенни как-то вплотную к нему подошел".

Мастер снова нагнулся к сейфу и вслед за водкой достал упаковку чипсов, стопку пластиковых стаканов и несколько шоколадных батончиков. Все это хозяйство он безмятежно складывал на колени Тиму, как будто всю жизнь только и делал, что с ним выпивал. Карма, услышав шелест целлофана, приоткрыла один глаз.

- Сенс к вам не прошел бы, - сказал Тим, рассматривая этикетку на бутылке.

Мастер снова ошарашено замер.

- А действительно... - пробормотал он. - Сенс не пройдет! Положим, он со всех сторон заэкранируется - но ведь собаки! Они возьмут его по запаху!

- Именно! Верхним чутьем.

- А как же ты?..

- А я не пахну, - сообщил Тим скромно.

- Э... А... Угу... - Мастер отобрал у него бутылку, подкатил к дивану журнальный столик и уселся рядом. С нескромными вопросами решил повременить, отвинтил крышку и разлил водку по стаканам. - Ну что, со свиданьем?

- Рад встрече.

- Аналогично.

Водка была теплая, но Мастер ее очень давно и остро желал. Бросив в рот несколько чипсов, он повернулся к Тиму. Тот сидел, зажмурившись, прислушиваясь к ощущениям.

- Три года ни в одном глазу, - объяснил он.

- А в прошлые разы, что, не пил? - поинтересовался Мастер, отчаянно хрустя закуской. Карма очнулась, вскочила и сунула морду Мастеру на колени.

- В какие прошлые разы? - удивился Тим, надрывая обертку шоколадного батончика.

Карма оставила Мастера и потянулась к нему.

- Отломи мне кусочек, пожалуйста, - попросил Мастер. - Надо девочку угостить.

Ага, спасибо. Кушай, солнышко, кушай, лапушка. В прошлые разы, - объяснил он Тиму, - это в прошлые разы. Мне же Доктор сказал, что год назад с тобой познакомился. Значит, ты был здесь год назад?

- Доктор со мной познакомился десять лет назад, - сказал Тим намеренно отчетливо. - Что-то я не распробовал. Давай по второй.

- Десять лет? - переспросил Мастер, машинально разливая выпивку.

- Да, - кивнул Тим, принимая стакан. - Знаешь, у него шрам на подбородке? Это я ему метку оставил. Чтобы не водился с плохими дядями. Да ты не переживай.

Бывает.

- Как же так? - изумлению Мастера не было предела. - Он работал еще тогда? В "Программе "Зомби"?"

- Не совсем. Он их обслуживал. Делал экспертные заключения. У них операторов вечно не хватало, вот они и таскали на Базу своих подопечных. Кстати, База - это новый термин. В мое время ее называли Институт. Ох, и устроил я им поножовщину!

- Тим криво ухмыльнулся. - Мне Доктор по гроб жизни обязан, что я ему тогда глотку не перерезал...

Мастер поставил стакан доньшком на ладонь и задумался. Карма лежала подбородком на колене Тима и гипнотизировала его в надежде получить еще ломтик шоколада. Тим медленно вылил в себя водку и снова закрыл глаза. Когда-то этот парень был не дурак выпить. А вот на человека, способного устроить поножовщину, он решительно не был похож. Слишком мягкое и спокойное лицо. А льдинку в глазах нужно еще увидеть. Да и не такая уж она ледяная.

- Я их классно порезал, - сказал Тим в пространство, и глаза его остекленели. Не от водки, от воспоминаний. - Никогда бы не подумал, что я это умею.

Мастер решил воздержаться от комментариев и протянул гостю сигареты.

- Нет, спасибо. Не хочу даже пробовать. Отвык.

- Может, у вас там и секса нет?

- Вот этого как раз навалом. И совсем по-человечески. Физиология схожая, нового не придумаешь. И в основе жизни тривиальный белок. Знаешь, как писали на пакетах со стиральным порошком - "отстирывает кровь и другие белковые загрязнения".

- Это правда, что ты шефу "Программы "Зомби" голову оторвал?

- Хананову? - Тим поставил стакан на стол и протянул к Мастеру изящную руку. - У меня слишком тонкие кисти. Никогда не мог как следует накачать руки, начинались проблемы с суставами. Так что оторвать человеку голову я не могу чисто физически.

- Что за фамилия такая - Хананов?

- А-а... черный какой-то. Но похлеще, чем самый истинный ариец.

Вивисектор.

Никогда я ученых не любил... Всегда у них атомные бомбы получаются вместо полезных вещей. Дай мне волю, я исследования в некоторых областях просто запретил бы. Кое-где именно так и сделали. Но ведь это тупик, правда?

- К сожалению. Слушай, ты только не обижайся, мне просто хочется знать. Ты зачем сюда пришел? На меня поглядеть?

Тим рассматривал Карму. И явно боролся с желанием ее погладить.

- Я стоял в двух шагах от него, - сказал он глухо, - и не мог двинуться с места.

Стоял и умирал потихоньку. Терял энергию. Там на полу была тоненькая металлическая сетка. Я ее не разглядел, когда вошел, мне кровь натекла в глаза... И вот, я стою как приклеенный, одной рукой утираюсь, а он сидит передо мной и говорит, говорит, говорит... Вещает грамотно поставленным голосом, знаешь, как психотерапевт... И я чувствую, что отдаю концы. И либо соглашусь со всем, что он мне грузит, и все забуду, и тоже стану пауком... Либо умру.

Усталость жуткая навалилась, я же говорю, они мне батарейки посадили до упора. И тут сзади, в коридоре, кто-то захрипел. И я словно очнулся. Вспомнил, как попал в эту комнату. Смотрю на правую руку, а она висит, как плеть, но топор все еще держит. Я его с пожарного щита схватил, такой, на длинной ручке, тупой, как...

Не знаю что. Страшно неудобная вещь.

Мастер слушал, обмирая. Тим не мог транслировать ему эмоции, потому что разум Мастера был закрыт. Но в этом вдруг охрипшем голосе чувствовалась потрясающая сила - сила человека, который пережил невозможное.

- И тогда я правую, насколько это было возможно, подпитал, - продолжал Тим, слегка оживляясь, - и как звездану ему снизу обухом в челюсть... Чувствую - отлип от пола. Ка-ак шаракну между глаз-И все - отпустило. Он же, гад, замкнул на себя защитный контур, это он из меня энергию сосал через сетку на полу. А я просто как проснулся. Ну, думаю, пять минут у меня еще есть. А даже если и нет - все равно просто так не сбегу. Дам копати - вся Москва почует. Поджег это хозяйство, раненых добил... (у Мастера отвалилась челюсть, но он поспешно ее подобрал) и ушел. Ты знаешь... - Тим впервые за весь свой монолог посмотрел Мастеру в глаза. - Над этим подвалом было пять жилых этажей. Пять этажей с людьми. Я о них просто забыл. Дом был старый, там оказались деревянные перекрытия. Через несколько минут он долбанул, как из огнемета. А эти суки, которые за мной как раз подъехали, все оружием обвешанные, стоят вокруг и боятся сунуться. Пожарных вызвали и стоят. А из дома стон раздается в добрую сотню голосов - не крик даже, а именно стон... Хотя они его, наверное, не слышали. Но я слышал. Главное - я слышал, понимаешь?

Мастер пожал плечами и отвернулся.

- Все правильно, - кивнул Тим. - Я тоже был такой, когда все началось. А вот когда все кончилось... Тогда я стал такой, какой... да какой я стал. Вот тебе и ответ, зачем я пришел. Ведь на все остальные вопросы ты уже сам нашел ответы, верно?

- Я не боюсь, - сказал Мастер. - Спасибо тебе большое, но я не боюсь стать таким, как ты. Да, я очень себя люблю, особенно люблю себя нынешнего, и мне неприятна сама мысль о том, что я могу перемениться. Поверь, я отлично понимаю, чем мне все это грозит.

- Ты ничего не потеряешь. Нам, Детям, нечего терять. Но ты можешь приобрести нечто такое...

- Что сделает мою жизнь здесь окончательно невыносимой, да?

- Очень даже может быть, - сказал Тим, ставя ударение на каждом слове.

- Но ведь назад пути нет, - заметил Мастер мягко. - Правда?

- Назад пути нет, - все так же акцентируя, кивнул Тим. - Обидно. Тебе никогда не приходило в голову, что ты за всю жизнь не совершил ни одного по-настоящему самостоятельного поступка?

- Сначала тебя заставляют мама с папой. Потом к ним присоединяются учителя.

Потом твои женщины. А у меня еще и собаки...

- Хуже, братишка, - вздохнул Тим. - Когда я жид здесь, самым невыносимым для меня было то, что каждый день, каждый час я вынужден преодолевать сопротивление уродов, которыми эта планета населена. Тупиц, которые постоянно чего-то от меня хотят. Я от них ничего не хочу! А они постоянно от меня чего-то требуют. Делай, делай, делай! Постоянно что-то делай! Будь как все! Суетись, копошись, крутись, дергайся! Меня как-то в армии забросили на пару дней с одним деятелем на отдаленную точку. Неплохой, в общем, парень. Но он за эти два дня чуть не сдох от структурного голода... Ох, мне часто казалось, что, если бы я родился мелким грызуном, я бы жил в дупле. На самом высоком дереве в округе. Чтобы ни одна дрянь не залезла.

- А вот теперь мне, пожалуй, становится жутковато, - признался Мастер искренне.

Тим цыкнул зубом, взял бутылку и налил по новой.

- Я как-то свыкся уже с тем, что мы похожи внешне, - объяснил Мастер. - Но с какой стати мы так похожи внутренне? Ты просто сейчас высказал то, о чем я никогда раньше не задумывался. А вот теперь задумался - и готов под каждым твоим словом нарисовать подпись, дату и печать. Знаешь, это просто... просто некрасиво.

- На, выпей и утешься. Сам признал, что обратной дороги нет. Так что оплачь себя нынешнего и забудь. Тебе уже приходилось убивать людей?

Мастер помотал головой и осушил стакан. Карма совсем по-человечески вздохнула, отлепилась от Тима и улеглась. Она привыкла к тому, что хозяин часто бывает пьян, но все равно, как и большинство собак, этого не одобряла. Хунта говорил, что дело не в запахе спиртного, а в том, что меняется водный баланс в организме и сам человек начинает иначе пахнуть. Иногда до такой степени, что сбивает животное с толку - визуально ты все еще хозяин, а по запаху совершенно чужой человек. Школьные псы, тренированные работой на обостренное восприятие энергетики, пьяных терпели, но тоже до определенного предела.

- Скоро придется убивать, - сказал Мастер. - Причем в худшем варианте - с особым цинизмом. Ритуальное убийство намечается. При бо-ольшом стечении народа. И с публичным сожжением тела. Ч-черт, только бы собаку не пришлось...

- Убить - это нечто совершенно особенное. Тому, кто еще этого не делал, просто не с чем сравнить. Скорее всего тебе не понравится. Но и не будет слишком уж тяжело. Главное начать, переступить черту. Плохо, что ты все заранее спланировал. Трудно решиться...

- Знаешь, я себе облегчил этот шаг. Я так все подстроил, что у меня просто не будет выхода.

- А-а, вот это умно. Мне-то и думать не пришлось, было чистой воды аффективное состояние. Хрясь - и нету.

- На Базе, ножиком?

- Не-ет, что ты! База - это заключительный этап моего славного боевого пути. И не ножику меня был, а сменное лезвие от скальпеля. В воротник запрягал. Тоже не от хорошей жизни, сам понимаешь. Но они меня

к этому времени настолько измордовали, что я уже ничего не мог. Все силы уходили на то, чтобы в обморок не падать. Я когда на Базе очнулся, я себе памятник готов был поставить за это лезвие.

Мастер закусил губу. "Это нужно так понимать, что раньше он убивал каким-то другим образом. Да, не врут народные сказания. А почему я сомневался? Если я с полуоборота уверовал в иные миры..."

- Значит, так, - сказал Тим. - Давай от лирики перейдем к физике.

Первый опыт показал, что мы друг другу не противны. Верно? Отлично. Значит, потрепаться возможность еще будет. Давай конкретно выработаем план совместных действий.

- Давай. Сколько ты здесь пробудешь?

- Скажем, месяц. Больше не хотелось бы. Как я понимаю, у тебя все запланировано на апрель-март?

- Не позже. По большому счету, мне от тебя нужна только информация. А именно, я хочу тебе рассказать все, что узнал, и получить твое подтверждение. Или опровержение. Чего, конечно, не хотелось бы. Очень уж все удачно складывается.

- Договорились. И еще тебе нужно, чтобы я за тебя замолвил словечко наверху.

- И мечтать не смею. Понимаешь, про тебя разное говорят... А что, можно?

Тим задумался. Мастер, пытаясь унять нервную дрожь, ждал ответа. Как бы он ни агитировал охотников за противоправные действия, совать голову под топор родимой власти ему совсем не хотелось. Все нарушенные им к сегодняшнему дню законы были пропечатаны в основном в "Правилах дорожного движения". Мастер элементарно боялся попасть за решетку.

- Не вибрируй, - сказал Тим. - Что-нибудь придумаем. Кто сейчас в правительстве отвечает за Проект?

- Не в правительстве. Все замыкается на Президента лично. А я никак не могу на него выйти. Легальные каналы держат твари, а сбоку не зайдешь - у меня просто нет контактов.

- Ладно. Придумаем. Все равно мне нужно побольше узнать о нынешней структуре этого хозяйства. Может, я найду ход получше. Самохин тоже пока не видит ничего другого.

- Почему он мне не сказал?! - вспомнив о Докторе и его вранье, возмутился Мастер. - Как же так?! Я к нему, гаду, со всей душой...

- Он боится тебя до судорог. Все эти годы. Он ни за что не стал бы с тобой общаться, если бы не желание отомстить. Конечно, он не мог тебе рассказать о том, какую роль сыграл в моей судьбе...

- Да за что?! Что я ему сделал такого?! Тим расплылся в улыбке и положил Мастеру на плечо теплую руку.

- Просто ты чертовски похож на меня, - объяснил он.

***

Таня очнулась резко, будто ее толкнули. "Был какой-то сон... что за сон? Не помню. Что-то случилось". Просыпаясь, она инстинктивно сжалась в комок, с головой уйдя под одеяло, которое надежно спрятало Таню от враждебного мира вокруг. Высунуться из-за этой стены казалось просто невозможным - но там ведь что-то происходило! "Нельзя прятаться, голубушка. Все равно выходить. Давай, шевелись".

Таня с трудом распрямила тело, решившее, казалось, застыть в позе

эмбриона навечно, выглянула наружу и окончательно пала духом. "В чем дело? И как я могла ничего не услышать?"

Шторы раздвинуты, комнату заливают режущий глаза утренний свет. По полу в беспорядке разбросана мужская и женская одежда, тут же валяется смятая подушка с непонятно откуда взявшейся чернильной кляксой в центре. Рядом - Танина сумочка, выпотрошенная самым варварским образом, примерно так, как это делают женщины, обнаружив, что куда-то завалились ключи. Кучей на полу свалено ее содержимое - блокноты, косметичка, газовый баллончик, сигареты, разная вздорная мелочь.

Совсем близко к кровати, стоит только руку протянуть, тонет в ворсистом ковре большой черный пистолет. Таня ошарашена изучала этот дикий натюрморт, медленно приходя в себя и пытаясь уяснить, что за странные звуки так мешают сосредоточиться. Да, в ванной течет вода. Но что это за "пых-пых-пых" такое совсем рядом? Таня повернула голову и обомлела. В дверях, сверля Таню медвежьим взглядом, вывалив язык, часто-часто дышала Карма.

- Доброе утро, - сказала Таня глухо. - Ты что-нибудь понимаешь?

Карма переступила с ноги на ногу, но не двинулась с места. В ванной сквозь плеск воды мучительно закашлялись. Не думая о том, как ее движение истолкует враждебно настроенный зверь, Таня резко вскочила на ноги. Ее слегка шатнуло - "Господи, мы что, так вчера напились?!" Солнце за окном было чертовски холодное. Таня стянула с кровати одеяло, завернулась в него, шагнула к двери и, привычно включаясь в игру с животным, из которой хозяин может выйти только победителем, скомандовала:

- Назад! Сработало. Великая штука опыт. Животное сдало задом, отходя по коридору в сторону ванной. Оно не рычало, не делало попыток остановить человека, но Тани поведение Кармы сказалось очень многое. Собака была в полном замешательстве.

"Будем надеяться, что она не примет никакого решения, пока я не доберусь до ванной. Что с ним такое? Ему плохо? Да никогда ему не бывало так уж плохо. И что он натворил в комнате? А мы ведь почти не пили вчера. Что случилось? Неужели он всерьез заболел? Ох, только не это..."

У раскрытой настежь двери ванной Карма встала как вкопанная и зарычала, косясь одним глазом внутрь. Плеск воды стих.

- Карма... - прохрипели из ванной. - Фу. Отойди...

- Милый! - позвала Таня. - Что с тобой?

- Заходи. Карма! Вон отсюда, я сказал! Место! Карма замолчала и сделала еще несколько шагов назад. Таня заглянула в ванную. Мастер, зябко кутаясь в халат, сидел на крышке стиральной машины - всклокоченные мокрые волосы, перед халата тоже мокрый, на полу вода. Удушливый запах рвоты. Таня уронила одеяло и бросилась перед Мастером на колени, но он дрожащей рукой отстранил ее. Мастера бил сильный озноб, лицо покрывала мертвенная бледность. Таня заглянула ему в глаза и в ужасе отшатнулась. На нее смотрел абсолютно незнакомый человек. Она видела его раньше всяким - но таким... С такой яростной злобой на нее вообще никто еще не смотрел.

- Милый... - только и смогла прошептать она. Мастер на секунду зажмурился, и Таня потянулась было к нему снова, но глаза широко раскрылись, и взгляд их показался Тани во сто крат страшнее прежнего. Теперь он вообще ничего не выражал.

- Я... Что мне сделать? - опять шепотом спросила она. - Таблетки

какие-нибудь?

Ты отравился? Что болит?

Мастер опять зажмурился, молча помотал головой, сунул руку в карман халата, достал что-то и протянул Тане на раскрытой ладони. Лицо его болезненно сморщилось.

- Знакомо? - спросил он, не открывая глаз. Таня посмотрела - и тут же узнала предмет в руке Мастера. Это была чернильная клякса, в точности такая же, что лежала в комнате на подушке. Иссиня-черное пятнышко размером с монету. Таня приблизила лицо вплотную к ладони и разглядела, что поверхность кляксы шевелится, по ней бегут почти незаметные волны. И еще Тане показалось, что от кляксы идет синеватый тонкий дымок. Нет, только показалось. У Тани неприятно кольнуло в затылке и вдруг пересохло во рту.

- Там что-то похожее есть на подушке... - сказала Таня неуверенно. - Милый! Не сиди здесь, давай, я тебя на кровать отведу. Ляг, полежи... - Она снова попыталась обнять Мастера, но тот отстранил ее.

- У меня все в порядке, - пробормотал он, с усилием выговаривая слова. - Будь любезна, дойди до кухни. Бутылку пива... - Он сжал кляксу в руке и уронил кулак себе на колено так, будто тот существовал отдельно.

Таня поднялась с колен, подобрала успешнее намокнуть одеяло и мимо Кармы, которая неохотно посторонилась, босыми ногами прошлепала на кухню. "Главное, он не болен. А с этой гадостью разберемся. Как его трясет! Похоже на энергетическое голодание. Пива я тебе, милый, конечно, принесу, но единственное лекарство для тебя сейчас - лечь в постель, а я тебя обниму и прижмусь к тебе всем телом, и буду согревать тебя своим теплом долго-долго";

Карма успела забраться в ванную и теперь, стоя в луже, уткнулась носом Мастеру в живот. На Таню она больше вообще не реагировала. Мастер молча принял откупоренную бутылку и припал к горлышку, при каждом глотке содрогаясь всем телом.

- Милый! - позвала Таня. - Пойдем, ляжем. Ты же сам знаешь...

Мастер осушил бутылку и положил ее в раковину.

- Карма! - сказал он неожиданно сильным и низким голосом. - Место!

Карма оторвалась от Мастера и с недоверием посмотрела сначала на него, потом на Таню, потом снова на хозяина.

- Где место, а? - спросил Мастер. - Место! Место! Карма с откровенной неохотой вышла и направилась было к себе, но передумала и улеглась в коридоре.

- Я кому сказал?! - рявкнул Мастер. В коридоре заскребли по полу когти и раздались шаркающие удаляющиеся шаги. Хлопнула закрытая пружиной дверь.

- Пойдем, милый, - попросила Таня.

Мастер разжал кулак и внимательно посмотрел на кляксу. Поднес ее к глазам вплотную. Криво усмехнулся и показал Тане раскрытую ладонь:

- Почувствуйте разницу, дамы и господа.

С кляксой действительно что-то произошло. Она больше не шевелилась. Теперь это был просто черный кусочек непонятно чего. Совершенно безжизненный.

Мастер подбросил кляксу на ладони и грузно поднялся на ноги. Таня видела, что он очень слаб физически, но духом уже вполне здоров. Только вот таким далеким и отстраненным она не хотела бы его видеть. "Но это

скоро пройдет. Дай мне только обнять тебя, согреть и успокоить, поделиться с тобой энергией, любимый. И все пройдет".

Мастер снова подбросил кляксу, уже повыше. Еще раз. Еще. Опять сжал в кулаке.

- Сдохла, - заключил он, поворачиваясь к Тане и рассматривая ее с таким безразличием, что у девушки защемило в груди. - Впервые такое видишь, да? - Он стеклянно заглянул Тане в глаза и, закусив губу, задумался. Таня плотнее завернулась в одеяло, стараясь не отвести взгляда.

- Н-да... - протянул Мастер. - Ты прости, что я тебя напугал.

Таня пожала плечами. "Так можно извиняться перед холодильником. А мне твои извинения не нужны. Мне нужно, чтобы ты лег и позволил мне тебя обнять. Все".

- Я нес той начал, - сказал Мастер, Теперь он небрежно перебрасывал кляксу из руки в руку. - Я сначала твою убил, а потом, когда за эту взялся, оказалось, что она гораздо сильнее. Ну, и я слегка надорвался.

- Что это? - спросила Таня тихо.

- Не знаю. - Мастер продолжал смотреть ей прямо в глаза. Он вдруг шагнул к Тане вплотную и, чуть нагнувшись, осторожно прижался щекой к ее виску. Таня не шевельнулась. Ей было страшно. С каждой секундой все страшнее. В движении Мастера не было и намека на ласку. Он исследовал.

- Зачем?.. - прошептала Таня.

Мастер отвернулся, бросил глухо звякнувшую кляксу на крышку стиральной машины, выдавил за щеку немного зубной пасты, открыл кран, отхлебнул воды и начал полоскать рот. Смотрел он в зеркало, прямо себе в глаза. Таня, опустив плечи, неверными шагами поплелась в спальню, волоча одеяло по полу. Карма высунулась из кабинета, проводила Таню взглядом и, когда дверь спальни захлопнулась, подошла и улеглась под ней.

Таня сидела на кровати, зябко обнимая себя руками за плечи и смотрела на "свою" кляксу. "Я сначала твою убил..." Что это значит? Почему она - моя? Откуда она взялась? Таня почувствовала, что у нее дрожит подбородок и слезы наворачиваются на глаза. "Он обращался со мной так, как будто я сделала что-то ужасное. Но что?! Не понимаю. Последние две недели мы не виделись, я была очень занята..."

Чем?! Какое-то расследование, я помню, но что я искала? Или кого? Нет, мне все это снится. Этого не может быть, И почему, действительно, мы не виделись?" Дикий, первобытный ужас захлестнул Таню с головой. Она была в состоянии, близком к обмороку. Цепкая тренированная память журналиста впервые дала сбой. Таня действительно не помнила, чем занималась с начала февраля. Какие-то ничего не значащие бытовые эпизоды, пустые разговоры, сон, еда - и больше ничего. Никакой конкретной работы. Никаких встреч с любимым человеком. Пустота. "Господи, что же я сделала? И что сделали со мной? Кто меня заставил, кто это был? Вот, сейчас он придет... Но ведь он не расскажет мне! Или расскажет? Нет! Не надо!!!" Пистолет лежал на ковре - тяжелая, надежная, добрая вещь. Таня соскользнула с кровати и до боли в пальцах сжала прохладную шероховатую рукоять. С оружием в руке стало чуть легче. "Я же ни в чем не виновата! Как он мог так со мной обойтись? Я же ни в чем не виновата..." Таня подняла глаза и отшатнулась, выставив ствол перед собой. С зеркальной дверцы платяного шкафа на нее смотрела растрепанная нагая женщина с безумными глазами и пистолетом в руке. "Ну и вид у тебя, голубушка... А это что?" Таня, шатаясь, поднялась с колен, бросила

пистолет на кровать и подошла к зеркалу вплотную. Пальцами осторожно помяла грудь. Не больно. "Нет, это не синяк, это от сильного укуса. Я бы и не заметила, он давно уже зажил, просто так свет упал. А вот еще один. Хм, когда же это было?"

И с кем... И здесь, под грудью, был кровоподтек, его почти уже не видно. А на плече? Мама!"

Таня вертелась перед зеркалом, разглаживая пальцами кожу, и пальцы все сильнее начинали дрожать. На плечах, бедрах, животе - всюду она находила почти незаметные пятнышки и черточки, бывшие когда-то синяками и царапинами. Их оставили чьи-то сильные жестокие руки. Именно жестокие, а не страстные. "Кто-то взял меня, как зверь. Я не помню. Я не могу не помнить этого! Он просто рвал меня на части..." Сквозь пелену слез Таня мучительно пыталась вспомнить, разглядеть, как это было. Она не помнила ничего. Но она представила, как это могло быть... И испустила яростный звериный вопль.

С пушечным хлопком настезь распахнулась дверь. Готовая спасать и защищать попавшего в беду, в комнату влетела Карма.

Опустив подбородок на грудь, сложив руки на животе и далеко вытянув ноги, Мастер сидел в глубоком кресле для посетителей в кабинете Доктора. Глаза его были закрыты, он, казалось, спал.

Мягко открылась дверь, и, отпихнув ее локтем, в кабинет вошел заспанный Бенни, держа в руках небольшой подносик со стаканом воды и двумя бумажными кулечками.

Подойдя к Мастеру, он тихонько свистнул. Мастер не реагировал.

- "Вторая", подъем! - позвал Бенни.

- Мне уже два укола вкатили, - сказал Мастер глухо, не открывая глаз.

- Рука болит - не согнуть.

- Это пероральное, - утешил Бенни, садясь на корточки рядом с Мастером и протягивая ему поднос.

- Спасибо, что не ректальное, - фыркнул Мастер, садясь прямее и кулаками потирая глаза. - Привет, борода.

- Здравствуй, - кивнул Бенни грустно. Мастер с недоверием посмотрел на кульки.

- Вот и для меня нашелся цианистый калий...

- Это стимулятор и легкий транк. Давай, лопай. Я их постоянно ем.

- Не хочу транк. Зачем? Я и так спокоен, какдохлый лось.

- Это хороший транк, - вздохнул Бенни. - Спецзаказ. Без побочных эффектов. Не дури, отец. Тебе пригодится.

- Не хотелось бы, - сказал Мастер серьезно, отправляя порошки в рот. Он залпом проглотил воду, благодарно кивнул и достал сигареты. Бенни сунул поднос на стол Доктора и уселся рядом.

- Ну как ты? - спросил Мастер, с наслаждением выпуская дым.

- Так себе, - скривился Бенни, протягивая ему стакан в качестве пепельницы. - Помирать неохота. А жить не получится.

- Точно идешь с нами?

- Сто процентов.

- "Крыши" пока нет. Все под мою ответственность.

- Как мне кажется, после этого... - Бенни мотнул головой куда-то в глубь Базы, - тебе уже все равно.

Мастер задумался, глядя на тлеющий кончик сигареты.

- Я один, - сказал он наконец. - А у вас у всех жены, дети...

Понимаешь, Бенсон, одно дело - втравить людей в подготовку опасной

авантюры. И совсем другое - подать сигнал к атаке. Когда я был старшим группы и составлял планы расчистки - ничего не боялся. Но каждый раз, выводя людей на исходную, я весь был в холодном поту. Этого никто не знает, это я сейчас впервые рассказываю. Пока ты планируешь операцию, ты еще никого не угробил. Но с того момента, когда ты отдал людям приказ действовать, ты за них отвечаешь. И каждый оцарапанный палец, каждый разбитый нос, каждое драное ухо - моя вина. Всегда. Значит, я недоглядел, недодумал, недоделал. Это я виноват, понимаешь? Ох, старина, я ведь до сих пор не привык...

- Нельзя так, - покачал головой Бенни. - Невозможно все предусмотреть. Помнишь, как я лишнюю "дырку" не заметил?

- Это я был виноват, - кивнул Мастер.

- Ты-то при чем? В крайнем случае это Хунта с Крюгером...

- Я, - сказал Мастер жестко.

Бенни поскреб бороду. Выдернутый из кровати панической командой Доктора, он ожидал найти Мастера каким угодно - раздавленным, озверевшим, да сумасшедшим, наконец. Но Мастер оказался просто усталым. Бенни не был в обиде на Доктора, вызвавшего подмогу. Наоборот, он чувствовал, что должен быть сейчас рядом с Мастером. То, что происходило в кабинете, в сущности, было поминками. И Бенни участвовал в них по праву, потому что очень хорошо помнил славную темноволосую девочку. Интересно, какая она сейчас. По губам Бенни пробежала улыбка. "Ух, как я ее хотел тогда! И как мы классно уделали на пару этого хрена, который взялся к Танюшке в наглую приставать... А я вот к ней не лез никогда.

Я знал, что Витька ее все равно однажды бросит, и тогда уж она точно будет моя.

Только вышло наоборот. Она от него сама ушла. И я не стал ее искать. Потому, наверное, что она бросила человека, который вполне этого стоил, - но при таких обстоятельствах, когда расстаться - значит предать. Она помогла Проекту сделать из человека Мастера".

Мастер, неприятно оскалившись, смотрел в потолок. Бенни снова улыбнулся. Доктор, который Мастера изучил вдоль и поперек, узнав о несчастье с Таней, так перетрусил, что не рискнул встречать его сам. Затребовал к подъезду лицо, в которое Мастер не захочет выстрелить. "Вот порода шакаля! Ведь знает абсолютно точно, как Мастер должен себя вести во всех мыслимых и немыслимых ситуациях. Но боится. Тоже правильно. Однажды Мастер сорвется и так его вздрючит, что только клочья полетят. И я поучаствую. Если целы останемся".

- Кстати, о "крыше", - встрепенулся Бенни. - Ходят слухи, что в столицу приехал один деятель...

- Я говорил с ним позавчера, - перебил его Мастер.

- Ну! - От возбуждения Бенни даже подпрыгнул. - И как? Мастер пожал плечами.

- Сейчас он болтается вокруг Техцентра. Хочет сам посмотреть.

- Ты ему веришь? Что он за тип?

- Верю на все сто. Хотя и сам не знаю почему. Он удивительный. Он настолько ни на что не похож...

- Ну, на тебя-то он похож весьма!

- Да что ты, старина... Просто близкий типаж. Знаешь, он мне здорово помог. Дал понять, что меня ждет, если я не сверну с нынешнего пути. И я даже заколебался на какое-то мгновение. Понимаешь, я боюсь стать таким же, как он. Тим уже не наш. Из него человека вытравили.

- Выбили, суки, - кивнул Бенни. - Слушай... Он нашу версию поддержал хотя бы на уровне идеи?

- Сказал, что все очень правдоподобно, но ему нужно самому посмотреть. А потом он сунется наверх. Как я понял, у него были хорошие контакты, но в прошлый свой приезд он их не стал возобновлять, а значит, уже пять лет они там сидят непуганые.

- Н-да, такому человеку нужно о себе напоминать. А то, пока его не увидишь, так ведь и не поверишь...

- Это точно. Уж я на что подготовленный, и то... Ты можешь себе представить - все, о чем мы читали в детстве в плохих фантастических романах, оказывается, есть на самом деле, а?

- Да я счастлив! - сказал Бенни с чувством. - Это же песня! Кайф! Иные миры!

Межзвездные сообщения!

- Планета земного типа с гуманоидной цивилизацией! - поддержал его Мастер. - Похожи на нас, как шнурки. Только гормональный баланс чуть отличается, и еще какие-то мелочи.

- Не верю, - внезапно сник Бенни. - Очень уж все хорошо выходит. Гладенько.

- Поверишь, - пообещал Мастер. - Если нам не удастся сколупнуть Техцентр и мы каким-то образом останемся живы, придется драпать именно туда.

- Я пас, - отрезал Бенни. - Если выживу, я на Техцентр положу ровно столько жизни, сколько мне останется. Ты там не был. А если даже и был бы, ты не сенс. А вот я теперь к Техцентру привязан накрепко. Это страшно, отец. Это просто нет такого слова, как страшно;

Мастер поджал губы и потупился.

- Это настолько страшно, - сказал Бенни, - что я согласен взорвать целиком этот город, лишь бы и Техцентр накрылся вместе с ним. Поверь мне, я же врач - пусть и бывший, но клятву давал. А теперь я готов сжечь двенадцать миллионов ни в чем не повинных людей во имя высшего блага. Потому что это действительно так.

Мастер тяжело вздохнул и с усилием провел ладонью по глазам.

- Ты как? - спросил Бенни. - Ничего?

- Знаешь, вполне прилично. Не думал я, что грудью встречу психотронную атаку и останусь настолько жив-здоров.

- Она слабенькая была, - сказал Бенни пренебрежительно. - Эти кляксы, они же не нашего кондового производства. Они же из-под земли. Штука тонкая. А ты на нее всей мощью своего заблокированного разума наехал... Вот ты попробуй, как Костенко, против советской психотронной пушки! Которая, во-первых, плохо сделана, а во-вторых, плохо отлажена. И, главное, хреново придумана. Отчего ею впору не людей зомбировать, а ракеты сшибать...

- Ну, один-то раз я выдержал, - напомнил Мастер.

- Ты не выдержал, - сказал Бенни веско. - Ты мутировал.

- Но остальные-то просто умерли. Подумать только, пять тысяч! Как вспомню, так вздрогну.

- Еще бы... - вздохнул Бенни. - Ладно, хватит. Не о том думаем. Нам сейчас молиться надо, чтобы твой близнец пришел и сказал: молодцы, парни. Выпускайте засадный полк, а я пока кое-кому мозги откомпостирую.

- Хорошо бы, чтоб откомпостировал. А то страсть как под суд не хочется.

- Да уж. Нападение на стратегический объект... Все-таки какая у тебя легенда, а?

- Есть лазейка небольшая. Понимаешь, в некоторых форс-мажорных случаях я могу действовать, никого не спросясь. Но такой случай тоже придется спровоцировать.

Все, хватит с тебя! Меньше знаешь - лучше спишь.

- Мне все равно снятся кошмары, - пожаловался Бенни.

- Таню жалко, - сказал вдруг Мастер очень спокойным голосом. - Пострадала ни за что. Я, скотина такая, ее использовать хотел. А получилось - твари ее использовали. Двенадцать дней она под ними была... - при этих словах Мастера всего передернуло.

- Ты почему мне сразу не сказал? - спросил Бенни с обидой в голосе. - Мы могли бы отодрать от нее эту наведенную матрицу, я уверен.

- Я должен был знать, что они задумали, - сказал Мастер горько. - Когда она прятаться от меня начала, я сразу погнал ребят за ней последить и снять на видео. А у зомбированных личностей, сам знаешь, есть очень характерные признаки, особенно поначалу, когда человек с новой поведенческой матрицей сживается...

Вот. Очень печально все это было.

- Она ведь могла тебя просто убить, - сказал Бенни.

- Нет. Во всяком случае, не с первого захода. Сначала они должны были попытаться сделать меня своим. Я ничем не рисковал.

- Ты как раз страшно рисковал, дурак, - вздохнул Бенни.

- Я не мог иначе, - сказал Мастер с мягкой улыбкой.

- Но ведь это была не она! Женщина, которая сунула тебе кляксу под подушку, это ведь была не Таня! Это была тварь! - возразил было Бенни, но вдруг осекся и застыл с открытым ртом.

- Это была ведьма, - поправил Мастер. - И это была не любовь, а... конное двоеборье. Но я слишком хорошо знал это тело, чтобы не одержать над ним верх. Я сыграл на ней, как на музыкальном инструменте, и было даже интересно. И когда она заснула, я сказал себе, что мне это было нужно, потому что до этой ночи я не испытывал таких чувств к тварям, как сейчас. Теперь я действительно знаю их холод, Бенни. Их бесчувствие. Их неприятие нас. Их пустоту.

Мастер поднялся на ноги, шагнул к Бенни и остановился перед ним, уперев руки в бока.

- И в то же время, - сказал он с глубокой печалью в голосе, - я ошибся. Я-то думал, что после этой ночи смогу наконец убить Саймона. А теперь мне это сделать еще тяжелее. Я теперь жалею их, понимаешь? Они убоги. Они просто роботы. Мне стыдно их трогать... стыдно.

Мастер прошелся по кабинету и встал у окна. Бенни молчал, потрясенный до глубины души.

- Как ты думаешь, - спросил Мастер, - она после всего этого останется нормальным человеком?

- Ну... - Бенни обрадовался перемене темы. Иначе он все еще размышлял бы о том, что такое Мастер и как теперь к нему относиться. - Она пережила сильнейший шок, но это можно загладить хотя бы под гипнозом. А насчет изменений в организме, это мы, я думаю, тоже поправим. Вот с Саймоном и штабными - тут, наверное, метаморфоза зашла слишком далеко. Если найти и заглушить их кляксы, они просто умрут.

- Саймон застрял в Школе, как кость в горле! - прорычал Мастер. - Он больше не делает ошибок и только с восходом спешит поскорее убраться

домой. Зато в тёмное время суток весьма активен и сует нос туда, куда не надо. Ч-черт!

- А почему ты вбил себе в голову, что это именно твое дело - с ним разобраться?

- осторожно спросил Бенни.

- Я думаю, это личное, - хмыкнул Мастер.

- А я думаю, - заявил Бенни, - что ты просто мазохист. И когда ты причинишь себе достаточно боли, ты станешь таким же запредельным, как твой близнец. А тогда уж тебе ничто не помешает рвануть отсюда на далекую звезду. Вот и все. Ты просто готовишь почву для побега.

- Не исключено, - протянул Мастер задумчиво.

- Я пошутил, - объяснил Бенни. Мастер озадаченно уставился на него, ритмично хлопая ресницами.

- Ты ее вылечи, ладно?

Бенни потряс головой, переключаясь.

- Да, конечно. Поверь, я сделаю все, что могу.

- Понимаешь, - сказал Мастер, прижимая руку к сердцу, - она ведь мне совершенно не нужна была. Просто ребята вели наблюдение за Штабом и сообщили - пришел журналист. Я дал команду ввести человека в курс дела. Глаза раскрыть, так сказать. А это оказалась она... Мне тогда и в голову прийти не могло, что ее Генерал и Саймон втянули в это дело именно из-за меня. И в итоге она из-за меня пережила такое... Ты уж постарайся, отец.

- Ну, ты еще женись на ней из чувства раскаяния, - буркнул Бенни, который терпеть не мог, когда его упрашивали. - То-то Карма обрадуется.

- Карма тоже натерпелась. Вот за кого я боялся прошлым вечером, так это за нее.

Бедняжка совсем растерялась. Могла весь спектакль испортить. Сделала бы стойку, как на тварь... Слава богу, она просто Татьяну приняла за нового человека. А поутру-то, несчастная, совсем обалдела... Кстати, мне пора ее проведать, она же там одна сидит во дворе, в машине. Пошли вместе? Она тебя любит. Все время спрашивает, как у тебя дела.

- Пошли! - улыбнулся Бенни.

***

- Когда же ты повзрослеешь наконец! - стонал Доктор. Он ходил по кабинету, нервно потирая руки и поминутно хватаясь за графин с водой, чтобы сделать из горлышка жадный судорожный глоток. - Это черт знает что! Мне наплевать, как ты к себе относишься! Но нельзя же из-за своих эстетских замашек устраивать такое...

Такое... - Доктор навис над Мастером с несвойственной себе агрессией. Сидевший на краешке стола Бенни невольно им залюбовался. "Вот сейчас Доктор ведет себя вполне по-мужски. Не хитрит, не пудрит мозги, не прячет эмоции. Почаще бы так".

Развалившийся в кресле Мастер только улыбнулся. Он был на Базе уже третий час, успел несколько раз выскочить во двор к Карме, трижды связаться со Школой, выясняя, как там дела, позавтракать и обыграть Бенни в шахматы-С его лица исчезла нездоровая бледность, скованность движений прошла, это был прежний Мастер, спокойный, ироничный и уверенный в том, что всегда прав. Только опытный человек смог бы сейчас разглядеть, что этот парень буквально час назад вышел из тяжелейшего стресса.

- Это было очень личное, - в сотый раз повторил он.

- А-а! - Доктор махнул рукой и снова побежал к графину. Мастер озабоченно посмотрел ему вслед. Халат на Докторе был насквозь мокрый, и не только спереди, куда он щедро проливал воду. Бенни поежился и сложил руки на груди. Вместе с каплями пота с Доктора градом сыпался энергетический шлак, собиравшийся на полу в заметные только Бенни черные пятна, которые он люто ненавидел с раннего детства.

- Значит так, - сказал Доктор, утирая рукавом Мокрый подбородок. - С ней все будет в порядке. Более или менее. Но сейчас я ее отсюда не выпущу. Позвоню в сектор прикрытия, там выдумают что-нибудь. У нее родители есть?

- Ну... - Мастер задумался. - Во всяком случае, были.

- Ладно, - вздохнул Доктор. - Прикрытие разберется.

- Ее придется долго чинить? - спросил Мастер, болезненно скривившись.

- Да нет же! Энергетика на нуле, и больше ничего. Тут другое...

- Что еще? - Мастер весь подобрался и крепко сжал руками подлокотники кресла.

- Ты при оружии сейчас? - спросил Доктор невинным тоном.

Мастер смотрел на Доктора не больше секунды. Потом он закрыл глаза, и в наступившей тишине раздался отвратительный скрежет. Бенни сунулся было к Мастеру, но Доктор, отползая задом в угол, схватил его за рукав и удержал. Руки Мастера на подлокотниках белели, голова запрокинулась, лицо исказилось гримасой нечеловеческой боли. Он скрипнул зубами вновь, и скрип этот перешел в глухой стон.

Сенсы переглянулись. Правая щека Доктора мелко тряслась в судороге нервного тика. Бенни облизнул сухие губы и привычно взъерошил пятерней бороду. Тело Мастера расслаблялось, на лбу выступили капли пота, рот приоткрылся, и слышно было, как тяжело Мастер дышит. Бенни протянул руку, ухватил графин, увидел, что воды осталось на самом доньшке, и двинулся было к двери, но Доктор снова вцепился в его рукав и не пустил. Бенни брезгливо поморщился.

Мастер открыл глаза и обвел комнату совершенно пустым взглядом. Потом он захрипел, мучительно закашлялся, врезал кулаком по подлокотнику и глухо выдал длинную фразу на английском, в которой Бенни ухватил только смысл, который его обрадовал, потому что, судя по смыслу, Мастер был вполне здоров. Просто трусливый Доктор своей попыткой забрать у Мастера оружие натолкнул его на какую-то жуткую мысль, и парню стало по-настоящему больно. А он сегодня и так натерпелся дальше некуда. И не выдержал наконец. Бенни вырвал локоть из рук Доктора и протянул Мастеру графин. Тот мгновенно проглотил остатки воды и поставил графин на пол рядом с креслом. Сунул руку за пояс, вытащил "ГГ" и, щелкнув предохранителем, швырнул его на стол. Потом Мастер поднял глаза на Бенни. Сенс вопросительно двинул подбородком. Мастер в ответ прищурил глаза, сморщил нос и растянул уголки рта в глумливую ухмылку. И объяснил:

- Она беременна.

Бенни с размаху уселся на стол. Доктор тяжело протопал мимо, упал в свое рабочее кресло и принялся массировать пальцами виски. У Мастера неприятно дергалось лицо. Он вытащил сигареты и добавил:

- Но это не главное.

Доктор, не отнимая рук от головы, повернулся к Мастеру. Тот весь извивался, дергая головой, как будто ему что-то попало за воротник, и

шевеля запястьями в манжетах.

- Ну давай, не тяни! - пролаял он Доктору. - У нас мало времени! Мне нужно знать, кто, когда и как! Ч-черт, я уже знаю, только верить не хочется!

- У плода какая-то аномалия, - тихо сказал Доктор. - Он не поврежден, но странно развивается...

- Да плевать! - взорвался Мастер. - Ты узнал, как это было?

Бенни смотрел на Мастера, непроизвольно открыв рот. Мастер фыркнул и ткнул сенсу в зубы зажженную сигарету. Бенни машинально закусил фильтр и глубоко затянулся.

- Тот, кто принес ей кляксу, - объяснил ему Мастер, для вящей убедительности дирижируя себе руками, - был не настоящей тварью, а просто зомбированным человеком. А ты знаешь, и я знаю, что эти несчастные не могут справляться с животными инстинктами. И ведут себя как звери, в чем я лишней раз убедился прошлой ночью, - при этих словах Мастера сенса всего передернуло.

Мастер сделал жест, будто умывает руки.

- Я даже не уверен, что это можно назвать изнасилованием, - сказал он. - Это что-то страшное, она вся в синяках. Но она уже была в коме, она была, если можно так выразиться, под кляксой. И потом совершенно осознанно не хотела идти ко мне, пока не пройдут синяки, царапины, укусы... Что мне теперь, застрелиться? При чем здесь я? Мы уже ничего не можем изменить. Значит, нечего хныкать. И я хочу знать все, что тебе удалось выяснить, - обернулся он к Доктору.

- Она его не разглядела, - вздохнул Доктор. - И, кстати, он был не один. С ним было две твари. Ждали ее на лестнице, у квартиры...

- Редкие экземпляры. - Мастер пожевал губу. - Шестой этаж.

- Очень высоко для них, - согласился Бенни. Он уже пришел в себя, но все еще избегал смотреть на Мастера. Бешеные скачки эмоций, которые тот совершенно безболезненно пережил на глазах Бенни за последние несколько часов, начали сенса пугать. Ему вдруг захотелось домой, подальше от кабинета, куда мог в любую секунду заглянуть еще один нечеловек по прозвищу Стальное Сердце.

- Одна тварь выскочила перед ней, а вторая схватила сзади за локти, - продолжал Доктор. - Стандартный ход, когда они работают в паре, да? Через пять-шесть секунд она потеряла сознание, и твари тут же ушли. А человек взял у нее ключи, затащил ее в квартиру, уложил на кровать и сунул кляксу под затылок. Какая жалость, что ты заглушил эту кляксу! Прости меня, пожалуйста! - Доктор посмотрел на Мастера умоляюще. - Я старый дурак, я не должен был просить тебя отдать оружие. Ты очень умный мальчик. Ты всегда на десять ходов впереди. Но, когда тебя что-то задевает лично, ты перестаешь думать и начинаешь все крушить на своем пути. Эти кляксы - удивительно тонкие штуки, произведения искусства.

Нельзя их глушить! Мы могли бы столько всего узнать...

- У Генерала отнимем, - отмахнулся Мастер. - А дальше?

- А дальше - все, как ты сказал. Она лежала в шоке, а он ее... Сам понимаешь, в этом секторе ощущения смазаны. Не отпечаталось ни его лицо... да ничего! Только боль. Все, что я разглядел в ее памяти об этом чудовище, - это то, что он мучил ее почти до рассвета. Была обильная эякуляция минимум пять раз. Сомневаюсь, что это поможет его опознать... - Доктор, видимо, хотел пошутить, но вместо этого окончательно скис и прикрыл глаза ладонью. - Ох... Я как в дерьме по уши искупался,

ребята...

Бенни сочувственно кивнул. Чтобы воссоздать картину, Доктор был вынужден пропустить через себя все ощущения, которые запечатлело Танино подсознание в ту ночь. Фактически он тоже пережил это изнасилование, и куда острее, чем Таня, потому что копался в подробностях.

- Ты дату можешь уточнить? - спросил Мастер. - Это было в ночь либо со второго на третье, либо с третьего на четвертое.

- С третьего на четвертое... Погоди, еще не все.

- Сейчас, - Мастер достал из кармана записную книжку, откинул крышку-экран и поиграл клавишами. Лицо его было абсолютно спокойно. - Порядок. Что там дальше?

- Ты что-то можешь вычислить? - спросил Бенни недоверчиво.

- Да я просто знаю, кто это, - усмехнулся невесело Мастер, убирая книжку на место. - Я же сказал, что и раньше знал. Почему мне никто не хочет верить?

Никогда...

- Уж больно у тебя манеры... специфические, - нашел слово Бенни.

- Что, борода, противно? - оскалился Мастер.

- Непривычно, - вывернулся сенс.

- Я скоро перестану, - пообещал Мастер. - Вот дело сделаем, и я перестану. Все, совсем и навсегда. Поводов больше не будет, понимаешь?

- Ты меня еще слушаешь? - спросил Доктор устало.

- Да, извини. Давай.

- Тебе кличка Чейни что-нибудь говорит?

- Впервые слышу. А что?

- Плохо, вот что. Я думал, это собака какая-нибудь. Понимаешь, я твердо знаю, что это имя. Или фамилия. Или кличка. Во всяком случае, произносится с заглавной буквы. Проклятье! Тут такая история... В общем, матрицу, которую бедная девочка получила, ты разрушил до основания. Но я обнаружил у нее глубоко-глубоко в подсознании это имя. Или не имя. Короче, неважно. Важно другое. Во-первых, стереть это проклятое "Чейни" я пока не в силах. Может быть, потом. Вот почему так важно было сохранить кляксу. Я бы попытался узнать хотя бы, как это было сделано. А во-вторых... Во-вторых, еще хуже. Услышав это слово от тебя, девочка мгновенно резомбируется. С полной мобилизацией всех физических сил и энергетики, на уровне твари. И убивает тебя. Сил у нее в этом состоянии хватит, чтобы вырвать тебе сердце. Вот так.

Бенни выплюнул окуроч в оставшийся с утра пепельницей стакан. Тот был набит уже доверху. Мастер молчал, потирая рукой подбородок, - Никак не стереть? - спросил он.

- Это все равно что твой блок. Если запустить аппаратуру на предел мощности и взять сильного оператора, как меня, например, - возможно, удастся под блок проникнуть. Но это почти наверняка тебя убьет. С ней, конечно, не так, но по сложности это одинаковые задачи. Поэтому девочка останется здесь. До тех пор, пока мы не придумаем, как ее освободить от этой программы.

Мастер звонко клацнул зубами.

- Вечно ты не с того конца начинаешь, - обвинил он Доктора. - Вот это интересная информация. Это ключ. Хотелось бы знать к чему. Знаешь Чейни, Бенсон? Водку с ним пил?

Бенни на шутку не отреагировал. Он отвернулся к стене, и лицо его постепенно наливалось кровью.

- Чего он там застрял? - прорычал он вдруг. - Сколько можно с ней трепаться?!

- Не ревнуй, - сказал Доктор. - Ты теперь не первый у нас на деревне. И потом, может он просто сделать девушке комплимент?

Мастер с тревогой посмотрел на сенсов. Оба они к чему-то напряженно прислушивались. Доктор просто с интересом, а вот Бенни с каждой секундой все больше мрачнел. Мастер протянул руку, взял со стола пистолет и отправил за пояс.

Просто так, на всякий случай.

Наконец Бенни слегка расслабился. Мастер хотел было съязвить, но тут самая засекреченная дверь на закрытом объекте распахнулась, и в нее шагнул, не постучавшись, человек без допуска и пропуска. Весь в черном и переливающимся.

Как клякса. Как дырка.

- Привет инвалидам психотронной войны! - провозгласил он с порога.

- Здравствуй, Тимочка, - расплылся в улыбке Доктор, протягивая руку. Костенко пожал ее, кивнул Бенни и уставился на Мастера взглядом, ехидным и настороженным одновременно.

- Здравствуй, инопланетный друг, - сказал Мастер, против своей воли расслабляясь. Как и в первую встречу, Тим словно обволакивал его теплом.

- Ладно, - ответил Костенко вместо приветствия. - Главное, ты еще жив. Остальное - мелочи. - Чуть потеснив Бенни, он уселся рядом с ним на стол. Бенни, красный, как рак, попытался отодвинуться.

- Ты что, купил ее? - вдруг спросил его Тим неожиданно резко, - С кем хочу, с тем и говорю, понял? Хочешь, с тобой сейчас поболтаю?

Бенни начал сползать вниз со стола, намереваясь то ли драться, то ли бежать со всех ног. Глаза у него остекленели. Мастер похвалил себя за то, что спрятал оружие.

- Я Нину знал вот такой. - Тим отмерил от пола метр. - У меня есть право с ней общаться когда угодно и на любые темы. А ты - что ты сделал для нее, фокусник, а? Если так ее любишь, какого же черта ты ее не защитил?

Мастеру вдруг стало душно. Между сенсами что-то происходило. Доктор закрыл лицо руками. Бенни, стиснув зубы, уронил голову на грудь.

- Отдали девчонку гадам на растерзание, - сказал Тим в пространство. - А туда же - суперменами мечтают стать.

- Не надо, - попросил Доктор сдавленным голосом. - Тебя же здесь не было. Ты не знаешь...

- Да чего тут знать-то? Тебе сказали отдать, ты и отдал. Даже не торговался, наверное.

- Тебе легко нас упрекать, - процедил Бенни сквозь зубы.

- Я не хочу вас упрекать, - сказал Тим, прижав руку к сердцу. - Я просто требую, чтобы сохранялось единство стиля. Вы ее продали тогда? Значит, теперь не имеете права ревновать.

- Еще один эстет, - вздохнул Бенни-Он уже сдался, и даже лицо его медленно приобретало нормальный цвет.

- Какой есть, - усмехнулся Тим. - Ну, что нового, господа офицеры психотронных войск?

- Знаешь Чейни? - с места в карьер спросил Мастер.

- Смелое выступление, - насторожился Тим. - Давай, рассказывай.

Мастер вкратце описал последние события. По ходу рассказа Тим не задал ни одного вопроса, вообще не произнес ни слова, но волна, которую

он направлял в сторону Мастера, становилась все теплее и глубже, а глаза смотрели участливо и мягко.

- Однако, - сказал он без малейшего выражения в голосе, дослушав Мастера до конца. - То-то, я смотрю, ты сам на себя не похож. Да, а мы сейчас с Кармой так славно поболтали! Не беспокойся, она в порядке. Только я стекло опустил пониже, а то ей душновато было.

- Спасибо, - кивнул Мастер. - Я о ней совсем забыл. Спасибо.

- Да не за что. Ну-с, господа, дела наши обстоят странным образом. Придется мне еще поработать.

- А что такое? - встрепенулся Мастер. - Мы ошиблись, да?

- Вы правы на все сто, - успокоил его Тим. - Я готов лично подписаться под каждым твоим словом. И на плане операции накарять "утверждаю" тоже готов. Все четко, господа. Вы большие молодцы. Вы умные... - тут Тим повернулся к Бенни и громко сообщил ему прямо в ухо:

-...И смелые мужики!

Бенни поковырял в оглошем ухе, посмотрел на испачканный палец и спросил:

- Точно?

- Даже насчет того, что вы смелые, - рассмеялся Тим. - Точно.

Остановите генераторы, и ваши проблемы кончатся. Все, целиком.

Мастер откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

- Слава богу, - прошептал он. - Наконец-то... Слава богу...

- Есть одно "но", - сказал Тим, поднимая указательный палец. Мастер с обиженным лицом выпрямился. - Я попросил бы вас не форсировать события.

- Ты не сможешь нам помочь наверху? Но теперь мы выкрутимся. Главное, что операция даст результат. Нам, конечно, намылят шею за самодеятельность, но, главное, не посадят...

- Я уже знаю, к кому мне пойти, - остановил Мастера Тим. - Дело не в этом. Дело во мне.

Безучастно молчавший в углу Доктор оторвал от лица руки. Бенни воинственно оттопырил бороду. Мастер зажег новую сигарету от окурка и сквозь дым прищурился на Тима.

- Я отлично знаю Чейни, - объяснил Тим. - Конечно, это человеческая транскрипция, к тому же еще и русская. На самом деле его имя звучит несколько иначе. Но вы не сможете правильно его произнести. Значит, речь именно о нем. И это меня беспокоит.

Тим поднялся и, уперев руки в бока, - в точности, как это обычно делал Мастер, - прошелся по кабинету.

- Понимаете, господа заговорщики, - сказал он, насупившись, - Чейни для меня очень много значит. И то, что нашему противнику известно это имя, мне совершенно не нравится. Возможно, мы чего-то недопонимаем. Мне придется основательно поработать с библиотекой. Я не очень умело с ней обращаюсь, это может занять несколько дней. И поэтому я прошу вас пока что не гнать волну. Понятно, что не все от вас зависит, но вы хотя бы постарайтесь. Ладно?

- Это так серьезно? - спросил Мастер.

- Да не знаю я! Видишь ли, до этого момента твари - это была чисто ваша, земная проблема, - при этих словах земляне дружно поежились и начали переглядываться. - А теперь получается, что и я в нее каким-то боком влип. И Чейни, и все остальные тоже. Или они когда-то сталкивались с аналогичной ситуацией. Придется обработать гору информации. Я ведь очень мало знаю о современной науке, - сказал Тим извиняющимся тоном. -

В нее сейчас вкладываются десятки миров, те, которым разрешено, а раньше-то их вообще были сотни, если не тысячи. И они наплодили множество тупиковых исследований, поставили кучу опасных экспериментов. В общем, есть много направлений в науке, которые сейчас находятся под запретом. Причем запрет настолько строгий, что о самих этих направлениях знают только специалисты. А я-то простой чайник. Черт его знает, сколько я прокопаюсь.

- Там нигде нет тварей? - спросил Бенни.

- Никогда не слышал, - покачал головой Тим. - У меня есть подозрение, что там вообще никогда не задумывались о параллельных мирах. Хотя... Может, о них задумываться специально запрещено - откуда я знаю? Будем смотреть.

- А что это за библиотека?

- Ну... База данных такая есть у меня на э-э... у-у... скажем, на корабле.

- На корабле? Ясно. А кто такой этот Чейни? - не унимался Бенни.

- Он меня отсюда вытащил. Научил всему, нянчился со мной, как с детенышем. Он мне и отец, и брат, и кто угодно. Семья. Друг. Какие-то долги я ему вернул, конечно, но дело не в этом. Я его просто люблю, и все тут. Он бы тебе очень понравился, - сказал Тим Мастеру. - Большой, мохнатый, такой же расцветки, как Карма. Он урсунويد.

- Медведь?! - переспросил Мастер. Он даже рта закрыть не смог от изумления.

- Ну, п...ц! - восхитился Бенни.

- Он, конечно, постройнее земного медведя, потому что прямоходящий, но так, в целом - чистый Винни-Пух. Его тогда специально за мной прислали. Догадались, что я его, во-первых, не трону, а во-вторых, поверю ему. Там ведь разные есть...

Всякие. Да я половину из этой их смешанной экспедиции готов был голыми руками удавить, такие они оказались противные. Землянин по своей природе яростный ксенофоб. Поэтому с вами и не работает никто. Вы глупые и тормоза.

- Ладно, - попросил Мастер. - Хватит тут проповедовать, гуманоид хренов.

- Да я ничего... - смутился Тим. - Это у меня так, от расстройства за своих. Не обижайтесь, мужики, ладно? Потом, я, наверное, и в самом деле уже не человек, а гуманоид. У меня даже метаболизм теперь не совсем человеческий. Десять лет то под капельницей, то на таблетках - это, доложу я вам, не хрен собачий. Ладно, неважно. В общем, коллеги, поняли мою просьбу? Потерпите чуть-чуть, хорошо?

Вдруг я ценное что-то раскопаю.

- С моей стороны - нет проблем, - сообщил Бенни, вставая. - Я пошел? - спросил он Доктора.

- Спасибо, - кивнул тот. - Прости, что я тебе не дал выспаться...

- Фигня! - отмахнулся Бенни. - Я сейчас заступаю, - сказал он Мастеру.

- По Школе?

- На расчистку. Кто там сегодня, "Трешка"?

- Нет, как раз "Двойка" твоя любимая. Отлично. Вместе ходим.

- Ты еще собираешься на расчистку? - вытаращился Бенни.

- С ума сошел, - пробурчал Доктор.

- Так, - сказал Мастер, поднимаясь. - Спасибо за все, меня Карма

ждет.

- Я скажу Склифу, какой тебе дать стимулятор, - пообещал Бенни.

- И без этого не смей! - пригрозил Доктор. - Сдохнешь ведь!

- Не нужен ему стимулятор, - сказал Тим, на протяжении всей перепалки усиленно подмигивавший Мастеру. - Ты сейчас прямо в Школу? Подожди меня на стоянке, ладно?

Мастер кивнул, пожал вялую руку Доктора, пихнул Бенни в плечо и вместе с ним вышел в коридор.

- Все равно я ему не доверяю, - пробурчал Бенни себе поднос.

- Ты просто ему простить не можешь, что он сильнее тебя. - Бенни яростно замотал головой и попытался возразить, но Мастер жестом показал ему: не надо, не верю. - Он гораздо сильнее тебя. И гораздо умнее всех нас. Но ты послушай, как он говорит! Постоянно срывается на высокомерный тон. И тут же начинает извиняться.

А ведь Тим не от хорошей жизни такой стал. Он здесь пережил такое... Я ему все простить готов хотя бы за то, что он уцелел. Ну, и потом все эти межзвездные приключения такую модель поведения закрепили. Фактически с ним жизнь обошлась так, как мы в Школе со щенками работаем.

Бенни пожал неопределенно плечами.

- Давай-ка, мы с тобой кофейку долбанем, - предложил он, останавливаясь у вмонтированного в стену автомата.

- Поганый здесь кофе, - сказал Мастер, но тоже остановился, устало прислонившись к стене. Оказалось вдруг, что ему тяжело стоять на ногах. Он все-таки надорвался сегодня. - А знаешь, чем он там занимается? - Мастер никак не мог перестать защищать Тима, чувствуя, что правильно его понимает. - Он нечто среднее между переводчиком и детектором лжи. Ты должен это знать.

- Догадываюсь, - кивнул Бенни, с сомнением рассматривая бурую смесь, льющуюся в стакан жидкой струйкой. - Меня тоже приглашали недавно на одни переговоры. Штуку баксов давали только за то, что в сторонке посижу.

- Не пошел?

- Хуже, чем не пошел. Устроил этому гандону расстройство желудка на верных два дня. Он, видите ли, элитной мебелью торгует. А я чем торгую, собой? Знаешь, этот кофе действительно какой-то не такой. Или рискнуть?

- Давай попробуем. Да, ты угадал. Только он, конечно, не имеет права никому капать на мозги. Он просто обслуживает переговоры между расами, следя, чтобы не было непонимания и чтобы никто не обманывал. Вот, а дома у него что-то вроде княжества с населением в двести тысяч человек. Прогрессивная монархия.

- Он что, король? - переспросил Бенни, передавая Мастеру стакан. - А, ну тогда я пас. Тогда я все понял. Конечно, ему с нами должно быть сложно. Он же, наверное, привык: чуть кто варежку разинул - хрясь, и башки нету. Опять-таки. право первой ночи... - Бенни мечтательно закатил глаза.

- А я ему не завидую, - сказал Мастер.

- А я и ему не завидую, и тебе не завидую, - отрезал Бенни. - Ты тоже король.

Маленький только.

- Точно, - кивнул Мастер. - И мне чертовски хочется на покой.

В кабинете стояла удушливая тишина. Доктор по-прежнему сидел в кресле и понуро смотрел под ноги.

- Какая же ты сука, Доктор, - тихо сказал Тим. Голос его был спокоен, он не возмущался и не расстраивался, просто констатировал факты. - Я ведь сказал тогда про Нину, что я твой поступок не одобряю, но и не осуждаю. Мне только противно, что ты даже не торговался. И сейчас я это могу повторить.

Доктор не пошевелился.

- Неужели это было так сложно? - спросил Тим. - Сказать всего три слова? "Мне нужен пропуск". И все!

Доктор тяжело вздохнул и в который раз за сегодняшнее бесконечно длинное утро закрыл лицо руками.

- Я в восхищении! - сказал Тим. Тон его повышался. - Между прочим, ты мне за сегодняшний день основательно задолжал. Меня так и подмывало сказать Мастеру, что ты согласился принять Объект. А потом я вместе с ним сплясал бы на твоей могиле.

Доктор захрипел. Это, наверное, должно было означать, что ему стыдно.

- И я тут должен, как последнее чмо, учить жизни пожилого человека! - вскричал Тим. - Ты понимаешь, урод, что ты в очередной раз этих ребят предал?! Думаешь, ты для них раньше хоть что-то хорошее сделал? Да ты им не нужен вообще! Мастер и без тебя во всем отлично разобрался бы! Ох, ну какая же ты скотина!

- Ты был у Куратора? - с трудом выдавил Доктор.

- Я чуть не убил Куратора! - заорал Тим в полный голос. - Ваш вонючий Куратор - бывший начальник моего отца! Такое же дерьмо кагэбешное, как и мой драгоценный папочка! Он же ни хрена не понимает!

- Но ты его подготовил?

- Да не твое собачье дело! О чем ты думал, хрен моржовый, когда принимал это предложение? А?

- Мне страшно, - прошептал окончательно сломленный Доктор. - Мне было страшно...

Я ничего не мог, ни думать, ни возражать, я только кивал, и все... Я их боюсь, понимаешь?

Тим сделал несколько глубоких вдохов.

- Из-за тебя погибнут люди, - сказал он. - У тебя был шанс убереечь охотников от атаки на Объект. Ты мог бы повернуть всю операцию сам. Но ты, конечно, о них не подумал. Ты их спровоцировал, запихнул Мастера в эту мясорубку, ты очень правильно все спланировал. Но почему ты, падла, струсил, когда появилась возможность сделать все своими руками? Вот этого я не понимаю. Тебе же Проект всю жизнь искалечил!

- Я старый человек, - пробормотал Доктор. - Они меня сломали. Неужели ты не можешь понять...

- Не могу, - вздохнул Тим. - Так получилось, что я не знаю страха. Его из меня выжгли каленым железом. И из Мастера тоже. А тебя, гадюку, они просто мало трогали. Недостаточно. Им нужно было Нину убить, и не сейчас, когда ты уже ниже земли опустился, а пораньше. Пока у тебя еще оставались хоть чуть-чуть достоинства!

- Ну, не надо! - взмолился Доктор.

- Нет, ты представь себе, - предложил Тим. - Я говорю Мастеру - "А знаешь ли ты, милый друг, кто теперь научный директор на Объекте?" Пардон, в Техцентре.

Мастер, конечно, бросается тебя целовать, и тут выясняется, что ты еще минимум полгода не сможешь даже близко подойти к территории!

Конечно, он тебя спросит, как так вышло, что тебе не дали пропуска. Интересно, что ты ему соврешь.

Доктор совсем ушел лицом в мелко трясущиеся ладони;

- У них очень хороший план атаки, - сказал Тим. - Лучший из возможных. Но когда они пробьются к генераторной, расстреляют персонал и Мастер откроет дверь, остается только пять секунд. Если он опоздает к пультам на секунду, ребята час-другой полежат в коме, но потом оклемаются. А если он опоздает на две? А на десять? А вдруг там кто-то внутри уцелеет и ему придется вести бой? В лучшем случае выживут двое-трое самых крепких. И то калеками останутся. Вот какой у них хороший план. И лучше не получится.

Доктор тихо застонал.

- Мастер умница, - сказал Тим печально. - И он хороший человек, насколько это возможно в его состоянии и положении. Ему совсем не хочется погубить людей, с которыми он столько времени жил одной семьей. Он же их всех искренне любит. Но он понимает, что другого выхода нет. И он это сделает - Так что ты, Док, можешь гордиться. Ты подобрал отличного кандидата на роль мстителя. Но минимум полсотни жизней будет конкретно на твоей совести. А Мастер тут ни при чем.

Тим подошел к двери, взялся было за ручку, но обернулся к Доктору вновь:

- Самое интересное, что я на тебя даже не злюсь, потому что ты уже труп. Ты ничуть не лучше тех, кого штамповали в "Программе "Зомби". Ты просто бревно ходячее, и ничего больше. Конечно, ты можешь возразить, что делаешь нужное для человечества дело, ведешь перспективные исследования. Но в том-то и фокус, что твое замечательное орудие мести ударит скоро и по тебе самому. Когда Мастер выключит генераторы, начнется большой скандал. Потом следствие. И грандиозная чистка - это я тебе гарантирую.

Доктор оторвал наконец ладони от лица и посмотрел на Тима полными слез глазами.

- Психотроника рухнет, как срубленное дерево, - продолжал Тим. - Но она потянет за собой и все смежные области. Их тоже закроют; Так что на биоэнерготехнологиях можно смело поставить большой жирный крест. Не будет никаких форсированных сенсов, не будет Базы, ничего не будет. Останется только пенсионер-неудачник доктор Самохин. И знаешь... Это хорошо. Нельзя человека срачивать с машиной.

Если кто-то умеет руками лечить болезни, не стоит вешать ему на задницу усилитель. Пусть уж он лучше руками...

Дверь захлопнулась. Доктор снова упал лицом в трясущиеся ладони и громко, в полный голос, зарыдал.

***

База занимала обширную территорию, и уже на полпути к вынесенной за забор "гостевой" автостоянке Мастер основательно запыхался. Безумная ночь и сумасшедшее утро совершенно его измотали, а принятый из рук Бенни транквилизатор - оглушил. Мастер сонно петлял между серыми корпусами научного городка и вяло ругал себя за то, что не распорядился поставить на разъездные машины Школы блоки подавления электронных помех, без которых ни один автомобиль в ворота Базы не впустят. Еще он злился из-за того, что надолго оставил собаку без надзора и поддержки. Больше Мастера

ничто не волновало. Он шел к Карме - обнять, потрепать за уши, прижаться щекой и снова почувствовать себя бесстрашным, сильным и безразличным к обычным людским неприятностям, таким, как потеря близкого человека и стыд за то, что не смог отвести от него беду. Мастер шел за помощью к единственному другу, который всегда понимал его и никогда не подводил.

Ни разу за это утро дорога до стоянки не давалась ему так тяжело. Но сейчас напряжение спало, и организм отказывался работать. Мастер вдруг почувствовал, что у него начинает дрожать подбородок. Он попытался унять эту дрожь, но лицо не слушалось. Верная примета - две минуты до обморока. Как это Тим называет - "батарейки сели". Мастер тихонько взвыл от беспомощности и злобы. "Сейчас я рухну. И очень удачно. Как раз вот этот корпус, длинный такой - местный стационар. На втором этаже Шаман на растяжке валяется. А на первом - Синяк и Махно в коме лежат. Не хочу в кому. Не хочу..." Чтобы вытащить руки из карманов, понадобилось бешеное усилие воли. Сгрести ими снег с высокого, по пояс, сугроба удалось вообще чудом. А вот остановиться Мастер уже не смог - он просто вошел в этот сугроб и застрял в нем, уткнувшись носом в ладони, полные белой колючей снежной крупы.

Снег обжигал и резал, и это было прекрасно. Мастер принялся растирать его по лицу, снег превратился в воду, и тогда он зачерпнул еще, а потом еще.

Когда из дверей корпуса выскочил парень в белом халате и с фонендоскопом на шее, Мастер сидел по уши в сугробе и утирался носовым платком. В помощи он уже не нуждался - над ним стоял Тим Костенко, и Мастер всем телом впитывал энергию.

- Что-то я совсем раскис, - пожаловался он.

- У тебя просто дрянная нервная организация, - утешил его Тим. - Нельзя быть одновременно таким сильным и таким впечатлительным. Ты генерируешь очень много эмоций, и сам же все их подавляешь, не даешь им выхода. Так и загнуться недолго.

- Позвольте... - сказал врач, хватая Мастера за запястье.

- Не стоит, - бросил ему Тим небрежно. - Я сам займусь.

- Извините. - Врач машинально отступил и нервно затеребил шланг фонендоскопа, недоверчиво рассматривая оживающего на глазах Мастера.

- Дежурный? - спросил его Мастер, убирая платок в карман и доставая сигареты.

Тот молча кивнул. Теперь он таранился на Тима, аж рот разинул. Врач явно не был сенсом и вообще казался слишком молод для работы на Базе. Во всяком случае, в закрытом секторе "Ц", у Доктора, Мастер таких не видел. Аспирант какой-нибудь.

Многое ему здесь, наверное, в диковинку.

- Как там мои бойцы? - поинтересовался Мастер, закуривая. - Синев и Михайлов.

- Хреново, - ответил за дежурного Тим. - Угадал?

- Н-ну... Без перемен, - врач снова попятился. Ему явно не хотелось сводить близкое знакомство с человеком, чьи подчиненные без малого год лежат трупами в энергетической коме. Но долг медика не позволял развернуться и уйти.

- Свободен, - махнул ему Тим. - Нечего тут... Не кино.

- Извините, - еще раз пробормотал врач и поспешно испарился.

- Ладно, хватит. - Мастер принялся ворочаться в сугробе, пытаясь встать. - Меня Карма ждет.

Тим подхватил его и легко поднял на ноги.

- Я, собственно, хотел тебя проводить, - признался он. - Давай я тебя под руку возьму, а ты раскроешься, ладно? Не стесняйся. Нормальное дело. Устал человек.

- Чего тут стесняться... - вздохнул Мастер. - Чуть сознание не потерял...

Укатали. Забодали. Задолбали. Затрахаили...

- Не падайте ухом, поручик! - попросил Тим. - Нельзя вам.

- Я капитан, - сказал Мастер. - Во всяком случае, по документам. И даже старший уполномоченный. Упал намоченный. Точнее - замоченный.

- Нельзя, - повторил Тим. Они шли не спеша, в ногу, и день уже не казался Мастеру таким серым. Он только хотел бы, чтобы Тим перестал изрекать банальности.

- Сам знаю, что нельзя, - огрызнулся Мастер. - А что можно, а?

- Да ничего! - рассмеялся Тим. - По большому счету, останавливать генераторы тоже нельзя. У людей же "ломка" начнется.

- Они не так уж долго сидят на допинге. И вообще, по мне пусть лучше сдохнут, чем живут под давлением. Нельзя у целого народа отнимать свободу воли...

Внезапно Тим замедлил шаг. Мастер, смотревший под ноги, поднял глаза. Они уже подошли вплотную к воротам Базы. И возле будки КПП здоровенный, под два метра ростом, увешанный амуницией охранник проверял документы у невзрачного тощего чернявого мужичка, показавшегося Мастеру знакомым. Мастер оглянулся на Тима. Тот буквально ел мужичка взглядом. Тощий поехал и через плечо бросил на Детей косой настороженный взгляд.

Мастер высвободил руку и шагнул вперед. Тим поработал на славу, Мастер чувствовал себя отдохнувшим, свежим и привычно злым на весь мир. А уж этого мужичка он просто ненавидел. Было за что.

- Вы какого хрена здесь делаете, сударь? - спросил он с угрозой в голосе.

- Здравствуй, Витя! - сказал тощий.

Мастер по-собачьи приподнял губу и сложил руки на груди. Тощий обернулся было к охраннику, будто ища поддержки, но тот вдруг напрягся, выпятил челюсть и грозно зыркнул на него из-под козырька. Тощий опять повернулся к Мастеру и растерянно всплеснул руками.

- Не понимаю, - пробормотал он. - Ты что, не узнаешь меня?

- Не слышу ответа, - процедил Мастер сквозь зубы.

- Черт знает, что такое... - сказал тощий. - Прости, а ты-то что здесь делаешь?

- К кому он пришел? - спросил Мастер охранника.

- Сейчас, - кивнул охранник послушно, заглядывая в бланк пропуска. - Вот, пропуск заказан...

- Я не понимаю! - перебил его тощий, повышая голос. - Что все это значит?! Я здесь по приглашению господина Ферапонтова, и мне непонятен смысл этого допроса!

Виктор, почему вы делаете вид, что мы с вами не знакомы?

- Точно, - кивнул охранник. - Ферапонтов. А вы не кричите, посетитель. Здесь вам научное учреждение, а не редакция какая-нибудь...

- Кто такой этот Ферапонтов? - поинтересовался Мастер у Тима. Тот недоуменно хмыкнул. Его явно забавляла ситуация, и совершенно нельзя было по его виду догадаться, что Тим сейчас мертвой хваткой "держит" охранника. А вот к тощему Тим даже и не прикасался. Видимо, как и

Мастер, он хотел чистых реакций. То есть правды, и ничего, кроме правды.

- Здесь написано - третий корпус, отделение шесть, - доложил охранник.

Мастер вздохнул свободнее. Сектор "Ц" занимал корпуса с пятого по восьмой.

Значит, эта гадюка здесь по своим делам, и нечего так на него кидаться. Но слишком уж сегодня много совпадений...

- Здорово, Гершович! - вдруг нарушил молчание Тим. - Как самочувствие?

Тощий принялся затравленно озираться, словно ища лазейку, чтобы удрать. Но охранник крепко прижал к животу его удостоверение, а свободную руку положил на дубинку.

- Как-как ты его назвал? - переспросил Мастер.

- Гершович, - сказал Тим. - А ты думал, что это знаменитый журналист Гаршин? Это просто язвенник Гершович, мой бывший пациент. Весьма неблагодарный пациент, хотелось бы заметить.

Тощий закатил глаза и сжал челюсти. Охранник убрал руку с дубинки и с интересом заглянул в удостоверение. На лице его отразилась мучительная работа мысли.

- Гаршин Иван Иванович, - прочел он.

- Это не поддельный документ, - разочаровал его Тим. - Просто в порядке исключения господину Гершовичу в редакционное удостоверение вписали псевдоним без указания настоящей фамилии. Уникальный случай. За особые заслуги перед Родиной.

- Хватит паясничать! - попросил Гаршин.

- Мне тоже сделать вид, что я вас не помню? - учтиво поинтересовался Тим. - Или, может, мне представиться, чтобы облегчить процесс идентификации? Между прочим, если бы вы были честнее в свое время, я бы успел вам долечить язву. А теперь, я вижу, она вас беспокоит.

Гаршин заскрипел зубами.

- Чего вы хотите? - спросил он.

- Сержант, будьте любезны, верните посетителю его документы, - сказал Тим. - И пропуск тоже. Спасибо. Пошли, Иван Иваныч, поболтаем.

Тим повернулся и двинулся к чистой от снега лавочке метрах в тридцати от КПП.

Мастер последовал за ним, постепенно успокаиваясь. Он уже все для себя выяснил, а сводить с Гаршиным старые полузабытые счета казалось глупым. Но Тим, видимо, так не считал. Гаршин понуро шаркал ногами сзади.

Тим с размаху уселся на скамейку, и Мастер, садясь рядом, отметил, что тонкое и легкое на вид черное одеяние отлично защищает его от десятиградусного мороза.

Или Тим греется каким-то внутренним теплом?

Гаршин остался стоять. Вот ему-то явно было холодно.

- Ну что, Гершович, как теперь платят на Лубянке за врагов народа? Поштучно? - спросил Тим.

Гаршин разглядывал снег под ногами.

- Я тебя не понимаю, - пробормотал он сдавленным голосом. - При чем здесь я?

- Ты - паук, - сказал Тим.

- Нет!

- Ты - паук, - повторил Тим. - Причем ты не просто стукач дешевый, а

самый настоящий штатный сотрудник. Тебя мой отец спалил. Я у него все про тебя выяснил.

Мастер слушал Тима, внутренне содрогаясь. Десять лет назад пауками сенсы называли сотрудников КГБ.

- Да нет же! - воскликнул Гаршин. - То есть да, но... Я в отставке.

По здоровью...

- Мелкий паучишка, - сказал Тим почти жалостливо. - Сколько ты судеб загубил! И, главное, свою тоже. Ты помогал гадам плести большие сети, но никогда не знал, для чего они. Ты тоже попался. Тебя прожевали и выплюнули. И ты даже не понял толком, в чем участвовал!

Гаршин, казалось, готов был на месте провалиться. Но и уйти он тоже не решался.

- Когда тебе приказали резать расследование по "Программе "Зомби", ты ни о чем не задумался? - спросил Тим.

- Но ее же не было! - почти вскричал Гаршин.

- Угу, - кивнул Тим. - Щас!

- Ты ведь ничего особенного не нашел тогда... - сбавил тон Гаршин. -

И ребята...

Вот, тебе Витя может подтвердить...

- Это больше не Витя, друг мой. Позвольте вам представить: его зовут Мастер, он охотник на зомби. Только не на тех несчастных, которых штамповал ГБ, а на самых настоящих. По ночам Москва ими буквально кишит. У Мастера в подчинении куча народу, и их работа - часть большой государственной программы. Соображаешь, ты, хрен с бугра?

Лицо Гаршина постепенно серело. Он сделал пару неуверенных шагов и осторожно присел на краешек скамьи, подальше от Тима.

- Расскажи ему, - попросил Тим Мастера.

- Зачем? - удивился Мастер.

- Он не нарочно записался в пауки. У него была плохая анкета, и его заставили. И он действительно в отставке. Его уже давно не трогали. Пусть хоть узнает, каких мерзавцев прикрывал.

Гаршин покосился на Тима, и Мастер по этому взгляду понял: он нас засыпет. Не настучит, а просто кинется выяснять и разбираться, и из него тут же вытянут источник. "Тим не может этого не понимать. Зачем ему это нужно?" Костенко словно прочел мысли Мастера. И легонько погладил его по голове невидимым мягким щупальцем.

- Давай-давай, - улыбнулся он. - Trust me. Мастер вздохнул. Когда-то мэтр Гаршин организовал против него форменную травлю. Интересно, с молодым журналистом Костенко он так же поступил? Сначала выставил на посмешище, а потом, чтобы выглядеть чистеньким, объявил шизофреником? Бедный мальчик ни в чем не виноват, он просто болен. Не нужно издеваться, пожалейте его. Ну и что? Теперь я - Мастер, а он - просто еще один кандидат в твари. И я слабых не трогаю.

- Ладно, слушай, - сказал Мастер Гаршину. - Слушай и запоминай. Все мои выкладки по "Программе "Зомби" ты должен помнить. Помнишь?

Гаршин кивнул. Мастер закурил. "Все-таки хорошо, что между нами сидит Тим. Руки так и чешутся".

- "Программа" потерпела неудачу, - начал Мастер. - Как система подавления она работала, а как система управления - нет. Оказалось, что свести человека в могилу психотроника может и свести с ума тоже может, а вот надолго подчинить его чужой воле не получается. Психика зомбированного человека слишком быстро изнашивалась, он просто через

год-другой трогался рассудком, и уже никакому воздействию, кроме как таблетками и уколами, не поддавался. Оказалось, что военное применение у психотроники есть, а полицейского и шпионского - почти нет.

- А меня зовут Стальное Сердце, - мечтательно произнес Тим, разглядывая облака.

Гаршин от этого заявления поежился.

- До момента смены власти в стране "Программа" еще финансировалась, - продолжал Мастер. - По инерции. Но, когда пришли новые люди, она распалась. Все научное руководство свалило за рубеж. Часть аппаратуры была уничтожена, и почти вся документация тоже пропала. Но кое-какие мощности сохранились, и остался вспомогательный персонал, который отвечал непосредственно за технику. Жрать этим людям было нечего, никому они были не нужны. И какому-то умнику из их числа пришла в голову блестящая идея. Есть аппаратный комплекс, способный воздействовать на массовое сознание. Почему бы его не обратить на службу новой власти? В самых гуманных целях. Догадываешься, о чем речь?

Гаршин снова поежился. Мастер не мог понять по его виду, верит Гаршин рассказу или нет. "Скорее всего он сейчас в бешеном темпе сравнивает известные ему данные с тем, что слышит. Гаршин всегда быстро схватывал, нужно отдать ему должное. Он просто обязан мне поверить".

- Больше всего Кремль боялся массовых беспорядков в столице. И вообще, Москва - это миллионы избирателей. Ну, и подсуетилась какая-то сволочь, подбросила администрации Президента блестящую идею... Мол, поможем населению пережить тяжелые времена. Снизим народу "критику", чтобы ему перемены не так глаза резали... Как нарочно, в Москве стояла наиболее мощная аппаратура. Они отладили эту установку, насколько могли, перенастроили ее, опять-таки насколько это у них получилось, - и запустили на всю катушку, после чего в городе сохранили активность только очень сильные личности и, разумеется, люди с подвижной психикой. А остальным стало на все наплевать. Правительственные кризисы, скачки инфляции, громкие разоблачения - все по фигу. Просто идеальный народ.

Люди-куклы. Конечно, напряжение у них копится потихоньку, и рано или поздно они сорвутся. Но это ерунда. Люди продержатся еще лет двадцать. Только вот к этому времени их всех съедят.

- У оружия всегда есть отдача, - сказал Тим. - А генераторы, которые работают сейчас в Москве, проектировались именно как оружие.

- Не знаю, каким образом, - вздохнул Мастер, - но эта хреновина нарушила в городе энергетический баланс. И по ночам территория Москвы вступает в контакт с другим измерением. Открываются тоннели, по которым в наш мир выходят твари. Это какая-то неизвестная нам форма материи, энергетические сгустки, которые захватывают человеческие тела и охотятся на живых людей. Начиналось все с покойников, настоящих зомби, в классическом понимании этого слова. Помнишь вспышку вандализма на кладбищах шесть-семь лет назад? Разрытые могилы, пустые гробы?

Гаршин нервно сглотнул. Тим фыркнул и прикрыл глаза.

- Понимаешь теперь, что значит нынешняя статистика по пропавшим без вести? - спросил Мастер Гаршина. - Понял, зачем ее секретят? И прогрессия бешеная. Чем больше народа тварям удается поймать, тем больше их по ночам выходит на улицы. Я понятия не имею, что происходит за городской чертой, но там, я думаю, в самое ближайшее время начнется полный кошмар. Нам все чаще приходится выбираться за кольцевую дорогу. Территория, которую твари контролируют, расширяется день ото дня.

- И пока генераторы работают, - прошептал Тим, - дверь останется настежь открытой. А однажды наступит момент, когда ее уже нельзя будет закрыть никакими силами.

- Ствол автомат можно делать лунки в грядках, - сказал Мастер, - и сыпать туда семена. Но я не уверен, что всходы окажутся богатыми. Оружие всегда оружие.

Оно любит стрелять. И больше ни на что не годится. И Тим правильно говорит - у него должна быть отдача. Или нужно конструировать откат. Но на это у наших умников не было ни времени, ни таланта.

- А теперь идите, Гершович, - посоветовал Тим, по-прежнему не открывая глаз и подставляя лицо солнцу. - Быстро.

Гаршин замешкался. Он хотел что-то сказать, но не решался.

- Бегом!!! - заорал вдруг Мастер, подаваясь к нему. Гаршин прыжком оторвался от скамейки и отлетел боком на несколько шагов. Мастер резко сунул руку за пазуху, делая вид, что достает оружие.

- Нет! - воскликнул Гаршин, выставляя перед собой раскрытые ладони.

- Гоу! - рявкнул Мастер. И тогда Гаршин повернулся к нему сутулой узкой спиной и действительно побежал. Неловкой мелкой трусцой припустил к ближайшему корпусу в надежде скрыться за угол до того, как мучители передумают и влепят-таки ему пулю в позвоночник.

Мастер, отдуваясь, вытащил из кармана сигаретную пачку, обнаружил, что она пуста, раздраженно смял ее в кулаке и зашвырнул далеко в снег.

- Вот и пошел раскручиваться главный этап нашей операции прикрытия... - тихо сказал Тим. - Есть утечка. Сегодня вечером тупица Куратор похватает за жабры штук двадцать экспертов и помчится с ними "обнюхивать" Техцентр. Может быть, даже нашего приятеля Самохина припашет. Хотя нет, вряд ли. Но все равно кто-нибудь скажет ему правду, и дурак очень сильно испугается. И побежит к начальнику Охраны, тоже редкому тормозу, виниться и падать в ноги. А дальше начнется разборка и поиск главного козла. Сменят руководство Техцентра. Поставят на уши ваш этот... как его... Штаб, да. Может быть, немного снизят мощность излучения. И все будут дрожать при мысли, что рано или поздно нужно идти к Президенту и докладывать, как нагадили! Обещали-то ему массовое повинование без побочных эффектов... Вот тоже придурок! Собственные подчиненные второй срок от него скрывают, что по столице нашей Родины шастает непонятно что и занимается поеданием электората... Тьфу!

- А дальше? - осторожно спросил Мастер.

- А как угодно, - мягко улыбнулся Тим. - Главное, мы уже разворошили муравейник.

Через пару дней вся здешняя верхушка будет мечтать только об одном - чтобы кто-нибудь принял решение за них. Так что, если ты все еще хочешь спасти человечество, - милости просим... Да, как раз двое суток мне должно хватить на уточнение деталей. И можешь атаковать Техцентр. А я в то же самое время зайду к Куратору и запугаю его окончательно. Думаю, все обойдется. Получишь сначала хорошую нахлобучку, может быть, арестуют даже-Потом выпустят и Героя России дадут. Если жив Останешься...

- Спасибо-- пробормотал Мастер. - Не знаю, что бы я без тебя делал...

- Ерунда, - отмахнулся Тим. - Это я должок возвращаю. Помнится, мне звонил какой-то Ларин десять лет назад. Консультации требовал...

- Было, - пробормотал Мастер смущенно.

- Ты уж меня прости. С тобой говорил тогда очень злой и страшно одинокий мальчишка.

- Примерно такой же, как я сейчас, - невесело усмехнулся Мастер.

- Возможно. Значит, вот оно и пришло - твоё время. - Тим по-прежнему смотрел в небо и не открывал глаз.

- Спасибо, - непонятно за что поблагодарил Мастер.

- Не за что. Я ещё не совсем от Земли оторвался. Тоже... Несу часть ответственности. Так. Так. Близко, близко... Совсем рядом...

- Что такое? - встрепнулся Мастер, снова запуская руку под куртку, только уже не за пазуху, а за пояс, туда, где пистолет действительно был.

- Я на связи с библиотекой, - объяснил Тим.

- Все это время?

- Да, это несложно. Кое-что я теперь понимаю. Ладно, потом расскажу. Ты почему рацию с собой не носишь?

- Тяжелая. А мобильники нам запрещено иметь, слишком легко сигнал перехватывается. Если в Школе что-то случится, у меня на этот случай есть пейджер. Совсем крошечный, цифровой.

- Ладно. Я с тобой свяжусь в течение дня. - Тим приоткрыл один глаз и посмотрел в направлении угла, за которым скрылся Гаршин. - Вот ведь пакостник этот Гершович!

- Здорово он тебе нагадил?

- Нет слов. Я, когда вляпался в "Программу "Зомби", сдуру кое-что рассказал отцу. А папочка у меня проходил по другому ведомству. И о "Программе" он, конечно, ничего не знал. Но зато был знаком с неким Гаршиным, большим специалистом по всему запредельному. И ты представляешь, эта гнида посоветовала моему папуле найти сыну хорошего доктора. И даже подсказала где. - Тим невесело усмехнулся.

- И отец поверил? - спросил Мастер с замиранием сердца.

- А он всегда считал, что я малость не в себе. Я же практикующий сенс, где-то с семнадцати лет. В то, что я сенс, отец верил. Но в то, что сенс может быть психически нормальным - никогда.

- Н-да... - протянул Мастер. - Мало не покажется.

- Я не могу с тобой пойти на Техцентр, - сказал Тим извиняющимся тоном. - Я обязан беречь себя. Если мне там влепят пулю в башку... - Мастер замахал руками, мол, оставь, что за глупости, обойдется, но Тим не успокоился.

- Если я не вернусь домой, - продолжил он горько, - на мою территорию полезут соседи с юга. Наши станут изо всех сил обороняться, и погибнет очень много народу. Я несу ответственность за двести тысяч жизней. А потом, у меня же детей трое. Трое отличных парней... Не свои, конечно, приемные. Но я их полюбил, как родных. Их-то точно убьют, чтобы вопрос наследования не вставал. Нельзя мне рисковать, понимаешь?

Мастер протянул Тиму руку и с наслаждением принял крепкое и теплое пожатие.

- Мне и в голову не пришло бы звать тебя с собой, - улыбнулся он. - Это наше дело, земное. Нормальное русское Плохо Дело. Дерьмо лопатой грести. Ты и так сделал для нас очень много. Спасибо тебе!

- Не за что. Ладно, беги. А то Карма совсем приуныла.

- Да. - Мастер поднялся на ноги. - Слушай! - сказал он вдруг. - Я все хотел спросить, да как-то не получалось. Ты зачем вообще сюда прилетаешь? Чего ты у нас забыл?

- Есть такое слово "Родина", сынок, - процитировал Тим анекдот про червяков в навозной куче. - Я иногда заряжаю батарейки от Матери-Земли.

Тут для меня - курорт. Санаторий.

- А-а... - Мастер сдвинул кепку на глаза и почесал лохматый затылок.

- Ну, ладно. Я пошел. До связи!

- Счастливого, - сказал, Тим, снова запрокидывая голову и закрывая глаза.

Поворачиваясь, Мастер заметил в воздухе между корпусами, на высоте метров в десять, странный невесомый сгусток мягкой серой мглы. Легкая полупрозрачная тучка. Мастер потер рукой глаза, и тучка исчезла. Показалось? Но именно в эту сторону повернул лицо Тим.

***

- Молодой человек! - раздалось сзади. Рэмбо, привычно разворачивая плечи, чтобы выглядеть массивнее, оглянулся. Черная машина у обочины, и некто в дорогом пальто машет ему, улыбаясь, из окна. Что ж, мы не гордые, можем и подойти.

- Добрый день! - не переставая улыбаться от уха до уха, сказал человек в машине.

- Вы ведь Алексей Неверов, точно? Садитесь, пожалуйста! Садитесь, а то холодно очень.

Рэмбо все понял. Распахнул дверцу и сел на заднее сиденье. Вот он, шанс. Я-то думал, как мне вывернуться, а тут сами приглашают. И мы еще поторгуемся. Не хочу тридцать сребреников. Хочу целый мешок. Тогда и не стыдно будет. Это же сам Мастер сказал: "Продаваться нужно за максимально возможную цену". Про себя ведь сказал. А мне, что, нельзя?

Мужчина впереди закрыл окно и обернулся к Рэмбо.

- Я референт начальника сектора "А", - представился он. У Рэмбо отчаянно зачесался нос. Ничего себе! Это не прикрытие вшивое, это управление. - У нас к вам, Алексей Сергеевич, есть деловое предложение. На очень серьезном уровне.

Даже я не уполномочен с вами его обсуждать. Вы не откажетесь сейчас на полчаса заехать в э-э... - штабной явно не привык к охотничьему жаргону и покрутил в воздухе ладонью, помогая голове, - в Штаб? Как у вас со временем, Алексей Сергеевич?

- Почему бы нет? - сказал Рэмбо со всей возможной небрежностью.

- Чудесно! - снова расплылся в улыбке референт. - Вас потом отвезут, куда скажете. Разумеется, - референт заговорщически подмигнул, - в пределах "зоны сорок пять"...

Ого! Кое-что они знают. Или это проверка? Рэмбо вдруг стало немножко стыдно.

Такого он от себя не ожидал и мысленно увеличил долю сребреников до полутора мешков. Секунду подумал, округлил до двух и нагло спросил:

- А если вызов? Я ведь в резерве. И собака у меня дома живет, это тоже лишний крюк.

- Вызова не будет, Алексей Сергеевич, - сказал референт, трогая машину. И Рэмбо понял: действительно не будет. Стыд прошел, появился страх. Ну куда Школе против них... Сумасшедший этот Мастер. Всех угробит. Нет, мне, кажется, здорово повезло. Выбирать нужно ту сторону, которая сильнее. Конечно, если ты не задолжал слабой. Но что мне Школа? Подумаешь, охотники...

- А шофер вам по штату не положен? - поинтересовался он.

- Вы участвуете в секретной миссии, Алексей Сергеевич, - мягко сказал

референт.

- Впрочем, в Штабе вам объяснят.

- А почему именно я? - ляпнул Рэмбо машинально. Его так и распирало от любопытства.

- Понятия не имею, Алексей Сергеевич, - вздохнул референт.

- Меня зовут Рэмбо, - выпалил Алексей Сергеевич, и сам удивился тому, что сказал.

- Рэмбо?! - референт весело сверкнул глазами в зеркале. - Однако!

"А ты будто не знаешь, гнида штабная!" - хмыкнул про себя Рэмбо, а вслух объяснил:

- Это потому что я очень большой и сильный.

- Понял! - рассмеялся референт.

"Сунуть бы тебе пульсатор в ухо... - подумал Рэмбо и опять себе удивился. - А чего он ржет все время? Нарывается. Твари небось в глаза не видел. А увидит - обосрется".

Остаток пути оба молчали. Референт сосредоточенно продирался сквозь пробки, а Рэмбо прикидывал и тут же отбрасывал возможные сценарии беседы в Штабе. "Только не стукачом. Исключено. Либо я возвращаюсь в Школу, но тогда они от меня ни хрена не получают. Либо я вывалю им все, что знаю. И о чем догадываюсь, но они мне обеспечивают место в управлении. Во Вторую Школу не хочу. Там скучно".

Машина причалила к неприметному подъезду в большом здании старой постройки.

- Прошу? - улыбнулся референт.

Изнутри здание выглядело не шикарно, но серьезно. И спланировано так, чтобы любая атака захлебнулась на первом этаже. "Два охранника в просторном холле - расходный материал, черт с ними, а вот в это бутылочное горлышко, ведущее к лифтам, я бы с простым оружием не сунулся. Только пульсатор, только он, волшебная, драгоценная вещь. Да, умно тут все сделано. Интересно, не сюда ли Мастер нацелился? Он-то здесь не раз бывал, планировку назубок выучил. Все равно, даже с пульсаторами страшно. Ох, вовремя мне кость бросают!" На втором этаже у Рэмбо еще раз проверили документы. Референт, церемонно раскланявшись, передал охотника какому-то нездорово-бледному вялому типчику, который повел его в глубь здания длинными причудливо сплетенными темными коридорами. Наконец они добрались до скудно освещенной приемной. "Почему темень?"

Вон, и окно закрыто тяжелыми шторами". Бледный попросил Рэмбо обождать и скрылся за массивной дверью кабинета. Рэмбо принял. "Ничем особенным не пахнет. Но что-то мне не по себе". На секунду он пожалел о том, что согласился отдать пистолет охране. "Почему мне здесь так не нравится? Ощущения просто как у "дырки" - знобит и во рту сухо. Чего я так психую, а?" Рэмбо огляделся и пришел к выводу, что обстановочка в приемной не ахти. Пыльно.

Душно. Он подошел к окну, сдвинул штору и обомлел. На залитом солнцем подоконнике раньше кто-то растил в пластиковых кюветах всякую комнатную зелень.

Сейчас из сухой земли торчали жалкие засохшие прутики с безвольно повисшими желтыми тряпочками листьев. Рэмбо ткнул пальцем в землю, подняв облачко пыли.

Бледный все не появлялся. "Может, рвануть отсюда? Нет, это нервы. Я просто очень давно ждал этого разговора, я хотел его, я пытался найти

выход на Штаб - и вот, Штаб сам позвал меня".

И тут Рэмбо в который раз за последние двадцать минут удивил себя. Четким движением, отточенным многократной тренировкой, он поднял ногу, согнув ее в колене. Рукоятка спрятанной под голенищем сапога финки сама легла в опущенную ладонь. Правая рука убрала нож под рукав на левой. На все-секунда, не больше.

"Как хорошо, что у них нет металлодетектора на вахте. Вот теперь я абсолютно спокоен".

Дверь кабинета открылась, и на пороге возник бледный. Он посмотрел на Рэмбо совершенно отсутствующим взглядом и вяло пробормотал:

- Прошу вас.

Рэмбо шагнул через порог. Дверь за его спиной закрылась. По инерции охотник сделал еще несколько шагов. Перед ним оказался торец бесконечно длинного стола, уходящего далеко вперед и пропадающего где-то в полной темноте. Здесь царил такой же противный холодный полумрак, как и в приемной. Рэмбо окинул взглядом задернутые без малейшей щелочки шторы и обнаружил, что из глубины кабинета, из самого темного в комнате места, от другого конца стола, к нему кто-то идет.

- Здравствуй, мой мальчик, - сказал глубокий сильный голос.

Рэмбо попятился. Потом обернулся к двери и обнаружил, что с этой стороны нет ручки. Он кинулся вперед и толкнул дверь плечом. Та даже не шелохнулась. Тогда Рэмбо вытащил нож и принял боевую стойку.

- Напрасно, - сообщил голос, и из темноты в сумрак шагнул высокий мужчина с приятным моложавым лицом. Ничто в нем не указывало на чужого, но Рэмбо недаром был из Детей, о чем, правда, сам не догадывался. Безошибочным чутьем охотника он определил - это тварь!

- Не подходи! - приказал он. - Стой, где стоишь, тварюга!

- Ты ничего не можешь мне сделать, - сказал хозяин кабинета мягко и, как показалось охотнику, с сожалением. Рэмбо прикинул: он сейчас в шаге от границы активной зоны. "Все, конец. Съедят тебя, охотник". Мысли текли ровно, страха больше не было, осталось только желание не отдать жизнь задарма. И обязательно навязать бой, чтобы тварюге мерзкой пришлось здорово изувечить тело. "Будет очень больно - ну и пусть. Зато я не стану тварью! В окно бы сигануть, тут невысоко, метров пять, ноги сломаю - на руках уползу. Но я видел, в приемной стекло бронированное. Или попробовать? Нет, он зашел именно с этой стороны, отсекает меня от окон. Ну, охотник, ты попал! Теперь я понимаю! Теперь я все понимаю!"

- Стоять! - крикнул Рэмбо твари, потихоньку двигавшейся к нему. "Да, Мастер, я был к тебе несправедлив. Ты не хотел нашей гибели. Ты ничего не рассказал молодым охотникам, потому что вычеркнул их из своих планов вообще. Надо же-в Штабе твари! Конечно, в такой ситуации ты можешь довериться только ветеранам. И именно их ты поведешь в бой. А "Четверку"пустишь на какой-нибудь отвлекающий маневр. Прости меня, Мастер! Какой же я был урод! И сам себя угробил... Ох, мама... Спокойно, Леха! Только спокойно!"

- Давай поговорим, - предложила тварь и сместилась еще на шаг. Рэмбо почувствовал, как мелкие иголочки закололи кожу. Пора!

Он прыгнул вперед так резко, что тварь не успела даже шевельнуться. Рэмбо наподдал ей плечом под ребра, и тварь, раскинув лапы, полетела вверх тормашками.

Рэмбо тоже не удержался на ногах. Перекатившись, он вскочил, метнулся к окну и раздернул шторы. "Так и есть, броня! Глухая рама, не

открывается. Но подоконник низкий, площадь остекления большая. Попробуем!" Тварь ворочалась в углу, пытаясь встать. "Твердая, зараза! Все плечо об нее отшиб. Значит, у нее мягкие ткани как деревяшка. А мышцы - как сталь. Что я ей сделаю с этой зубочисткой?" Рэмбо взял разбег, насколько позволяла обстановка, и, изо всех сил оттолкнувшись от стены, бросился в окно. На таран.

Удар был страшен. Рэмбо взвыл от боли, но ему показалось, что стекло чуть подвинулось в раме. Он отскочил для разбега снова.

- Не надо! - закричала тварь, с трудом разгибаясь. - Подожди, сынок! Не надо!

Рэмбо снова врезался в стекло так яростно, что едва не потерял сознание. Тряся головой, он нетвердыми шагами отошел к стене, сделал несколько глубоких вдохов и изготовился к новой попытке. "Кажется, чуть-чуть стекло в раме ходит. Ну, еще!" Бац! Рассчитанное на попадание автоматных пуль и осколков гранаты, стекло болезненно реагировало на мощные удары по большой площади и опять немного сместилось в раме. Рэмбо весил шестьдесят восемь кило, но это были сплошные мускулы, а сейчас еще и злость.

- Ты убьешь себя, мальчик! - взмолилась тварь, не двигаясь с места. - Подожди, я тебя не трону! Мы обо всем договоримся! Не надо!

Рэмбо у стены рычал и тряс головой. Перед глазами все плыло. Справа что-то щелкнуло. Дверь! Рэмбо повернулся было, но дверь уже закрылась. И на пороге стояла еще одна тварь, гораздо мельче первой, но от этого не менее опасная, потому что Рэмбо снова оказался в активной зоне. У него задрожали руки.

- Мы ничего тебе не сделаем, - сказала мелкая тварь. - Нам просто нужно поговорить. Мы зададим тебе несколько вопросов, и ты выйдешь отсюда так же, как и пришел, - тварь ползла к Рэмбо осторожными шажками, сокращая расстояние и наращивая давление.

Рэмбо собрал волю в кулак. И на какое-то мгновение ему удалось оттолкнуть активную зону. Перестало колоть невидимыми иголками кожу, пропало ощущение холода в позвоночнике. Он распрямился и повернулся к твари лицом.

- Меня зовут Рэмбо, - сказал он твари. - Я охотник. Тяжелая, хорошо сбалансированная финка, брошенная сильной и умелой рукой с расстояния в два метра, вошла твари в глаз по самую рукоять и опрокинула ее на спину. Нелюдь шмякнулась об пол с таким грохотом, будто уронили сейф в полтонны весом.

- Не скучай, папаша! - весело крикнул Рэмбо оцепеневшему хозяину кабинета. - Я скоро вернусь! - и бросился в окно.

Стекло лопнуло вдоль, и Рэмбо с радостным воплем "Х-ха-а!" вылетел на свободу.

Но стекло было таким массивным, что от удара Рэмбо развернуло спиной вниз. Он попытался выправить положение, чтобы приземлиться на ноги, и в последнюю долю секунды понял, что не успевает. Прямо под окном медленно заезжал на парковку джип, съедая ту малую толику высоты, которая могла бы Рэмбо спасти. Пролетев несколько метров, охотник буквально сел на край металлической крыши машины, в жестком ее месте, над центральной стойкой. Это был смертельный удар, и, опрокидываясь на спину, Рэмбо уже не увидел, как сверху, попадая ему точно поперек горла, медленно-медленно падает большой осколок толстого бронированного стекла.

На стоянке Мастера встретило радостное завывание Кармы. Собака так

обрадовалась, что попыталась вылезти хозяину навстречу через открытое на треть окно. Когда Мастер уселся и захлопнул дверь, псина тут же полезла целоваться и не успокоилась, пока не вылизала ему лицо до стерильной чистоты. Мастер, смеясь, обнимал зверюгу за мощную шею, расчесывая ей за ушами, а сам невольно прислушивался. Сегодня почти неуловимая истерическая нотка сопровождала каждое его слово, каждое движение, а теперь прорывалась и в смехе.

- Кажется, сегодня я все-таки сорвусь, - объяснил Мастер Карме. - А ты как думаешь? Может, обойдется, а?

Псина, налилавшись властью, уселась на заднем сиденье, тяжело дыша после бурных приветственных ласк. Она была счастлива.

- Погулять не хочешь? - спросил Мастер, кивая на сугробы за окном. Собака не отреагировала. Она прекрасно отличала утвердительную интонацию от вопросительной и, услышав вопрос, сама решала, чего ей хочется. Такое вполне человеческое поведение Кармы частенько приводило непосвященных в благоговейный трепет.

Мастера удивление людей забавляло. Он-то знал, что собака запросто различает высоту звучания в 1/8 тона. Если такие способности помножить на характерную для кавказки самостоятельность, появится возможность полноценного общения с собакой.

Действительно, как с человеком. Вот только нужно еще добиться того, чтобы псина, услышав приказ, не делала вид, что принимает его за вопрос. Пресловутая инициативность и независимость кавказов чересчур легко вырождается у них в привычку всех и вся посылать на хрен.

- Как хочешь, - сказал Мастер, доставая из бардачка пачку сигарет, распечатывая ее и невоспитанно выбрасывая обертку в окно. Ехать в Школу не хотелось. Все и так шло нормально, "Вторая" приняла дежурство и ждала сводку из Штаба. Можно было вернуться домой, но там совсем недавно была Таня. Девушка с безумным взглядом и резкими движениями, мучительно пытающаяся оставаться нормальной, обычной, привычной... Ставшая такой утром, но уже не нужная, потому что мазохистский эксперимент завершился. В руках у Мастера были две мертвые кляксы, на руках - насмерть перепуганная женщина с амнезией, а в голове - полный сумбур.

Да, он мог не вмешиваться и просто отдать Таню Доктору, пока она еще была зомби.

Но Мастер нес за нее ответственность, истоки которой сам не мог понять. Во всяком случае, он не позволил бы, чтобы в Таню стреляли. А такой исход захвата был вполне реален. И Мастер сделал все лично, потеряв при этом безвозвратно какую-то частицу себя. Сейчас он особенно глубоко понимал слова Тима о том, что, когда история завершится, он уже не будет прежним человеком. Давно просчитанная умом метаморфоза началась внезапно, и, чем глубже Мастер погружался в нее, тем острее чувствовал, что сил ему не хватает.

"Все-таки нужно ехать в Школу. Запереться в кабинете, выпить двести граммов снотворного, рухнуть на диван и спать до вечера. Потом выйти на расчистку и там расстрелять всю накопившуюся ненависть по тварям. Рядом будут свои - Хунта, Бенни, Зигмунд, - и все утрясется".

Мастер положил сигареты в карман, обхватил рулевую колонку руками и прижался лбом к баранке. Под капотом уютно гудел отопитель, сзади ровно и глубоко дышала Карма. И этот долгожданный покой оборвали разом два сигнала бедствия - трепыханье пейджера и зуммер радиотелефона.

Мастер достал пейджер и обмер. Именно сейчас он такого сигнала не

ждал. Не хотел. Он вытащил из гнезда трубку:

- Я Первый.

- Дуй сюда! - заорала трубка голосом Хунты. - Псы на Саймона наехали!

Четкая реакция на тварь, по полной форме!

- Ё-моё, - сказал Мастер тихонько. - Есть расход?

- Только Хасан. Его затея, он начал. А остальных мы оттащили.

- Где он сейчас? - у Мастера постепенно садился голос.

- В зоне выгула. Отжимаем во двор потихоньку. Давай скорее! Того и гляди, ребята не выдержат, тебя не дождутся!

- Делай все, как договорились. Загони его во двор, прижми к стене.

Постарайся, чтобы сценарий был соблюден до мелочей. Я подъеду через пятнадцать минут.

- Fuck you! Почему так долго?!

- Мне нужно подготовиться... - прохрипел Мастер. Его что-то душило, сжимая горло. Свободной рукой он оттянул воротник свитера, но легче не стало.

- Fuck you twice! - рявкнул Хунта.

- Жди меня, - выдавил Мастер и уронил трубку в гнездо. Потом он до боли в челюстях впился зубами в мягкий пластик руля. И заплакал - неумело, давясь и задыхаясь, содрогаясь всем телом. Сзади хрипела Карма, пропихиваясь в щель между передними сиденьями. Наконец ей это удалось. Собака Тяжело рухнула плечом на центральную консоль, своротив пепельницу и телефон, подтянула задние ноги, уселась справа от Мастера и попыталась носом поддеть судорожно вцепившуюся в висок руку, чтобы заглянуть хозяину в Глаза.

Слезы текли ручьём. Мастер не плакал уже больше пятнадцати лет. В последний раз его, нервного и впечатлительного юношу, довел до слез отец. Он тогда спяну потерял свой любимый газовый пистолет и не придумал лучшего, чем обвинить сына в краже. Потом оказалось, что пистолет спрятала от греха подальше мама. И родителям даже в голову не пришло извиниться перед сыном. Он был потрясен. Ему и раньше приходилось сталкиваться с несправедливыми обвинениями, и никто не просил у него прощения. Но к несчастливому дню, когда случился казус с пистолетом, мальчик уже ощущал себя взрослым человеком. И больше всего в жизни ненавидел всякую несправедливость. Почему-то она преследовала его на каждом шагу - оттого, наверное, что он слишком остро ее чувствовал и легко различал.

Родители так и не поняли, с чего вдруг ребенок начал отдаляться от них. А он больше никогда не плакал. Его били, роняли носом в грязь морально и физически, его бросила любимая, а он и не думал плакать. Даже когда застрелили Чучу, только вздохнул - мертвого не оживишь. Гибли на охоте друзья, совершенно такие же, как и он, не нашедшие себе места в жизни мужчины, совсем еще молодые, - Мастер только крепче сжимал зубы. А сейчас он плакал - и Карме удалось-таки отвести его руку от лица и холодным носом прижаться к щеке хозяина.

И тогда Мастер повернулся к ней. Снова, как пять минут назад, обнял собаку и уткнулся лицом ей в шею, спрятавшись в пышной рыжей гриве. Карма не двигалась, только взволнованно дышала ему в плечо, и Мастер, тесно прижавшись к собаке, вдруг ощутил такое, что глаза его высохли. Болезненно обостренная эмпатия обычно позволяла Мастеру легко находить общий язык с самыми разными людьми. Он просто физически чувствовал их эмоциональный настрой. Но сейчас он впервые в жизни установил контакт с

собакой. Ему даже стало немножко страшно.

Он оторвался от Кармы. И посмотрел ей в глаза, как смотрят человеку, - так мягко, что та не отвела взгляда. Они глядели друг на друга несколько секунд, а потом Карма медленно потянулась к хозяину и лизнула его мокрый нос. Мастер улыбнулся ей, улыбнулся легко, без малейшего усилия. Повернулся к рулю, вытер рукавом лицо, сунул в рот сигарету, осторожно потрогал глубокие следы зубов на баранке и включил зажигание.

- Половинка ты моя... - сказал он Карме, оглядываясь, чтобы дать задний ход.

Карма в ответ судорожно зевнула. Всплеск эмоций утомил ее, но она, как всегда, исполнила свой долг - прожила вместе с хозяином сложный момент его жизни и помогла, чем смогла.

Мастер вывел машину на дорогу, утопил педаль газа до пола и снова улыбнулся, на этот раз беззаботно и широко. Он больше не был одинок. Потеряв контроль, он позволил собаке поддержать себя. И во внезапном озарении впервые увидел, ощутил всей душой, насколько сильна и глубока ее любовь и преданность. Он почувствовал такое, что не укладывалось в голове, но было понятно сердцу.

В тот миг, когда Мастер рыдал у Кармы на плече, собака больше всего на свете хотела заплакать вместе с ним.

***

У запертых ворот Школы сгрудилось полтора десятка машин. Судя по всему, как только на школьной территории была выявлена тварь, дежурный машинально запустил схему "три шестерки" и блокировал периметр. Подъехавшая на тренировку "группа Раз" не стала вдаваться в подробности, а побросала свои тачки и прошла внутрь через аварийный тамбур. Эта бетонная будка как раз для таких случаев и была поставлена рядом с домиком КПП. Хитрый идентификатор, разработанный на Базе подчиненными Доктора, за доли секунды мог установить личность охотника и подтвердить, что он не тварь. Ну, а если ты зомбирован, тебе уже беспокоиться не о чем, - на такой случай в будке имелась стационарная лучевая пушка, собственность Техцентра, вся в пломбах и грозных табличках.

Из-за ворот доносился многоголосый собачий крик. Некоторые голоса Мастеру не понравились - псы явно были на грани срыва. Выскакивая из машины и открывая дверь Карме, Мастер отметил, как четко сработала "группа Раз". На первый взгляд, охотники побросали свои разномастные автомобили в полном беспорядке. В действительности машины весьма эффективно защищали ворота от таранного удара тяжелой бронетехники.

Карма, оглядываясь на хозяина, возбужденно прыгала у двери КПП. Мастер расстегнул куртку, упер руки в бока и пожевал губу. "Последний акт трагедии.

Будем надеяться, что Хунта смог выдержать намеченный сценарий и все обставил с максимальной театральностью". Мастер вытянул поводок из-под пояса и звонко щелкнул языком. Карма, приплясывая на месте, недоуменно уставилась на него: сдурел, папа? Нам же работать сейчас! Ты лучше с меня ошейник сними.

- Ко мне! - приказал Мастер. Карма отвернулась к двери. Она была намерена работать по твари и не хотела, чтобы ее лишили такого удовольствия.

- Нашла когда выдрючиваться! - прошипел Мастер, подходя и насильно

пристегивая собаку. Поводок он намотал на руку, оставив минимальную слабинку. По части поводка Карма была большая мастерица. Тянула его полегоньку на себя, тянула, а когда набиралось хотя бы полметра - отходила назад, чтобы ремень провис, и тут же прыгала вперед. Рывок получался такой силы, что весивший больше восьмидесяти килограммов Мастер падал на колени. Не носом же пахать, охотник все-таки.

Дверь КПП вдруг отворилась.

- Вы на пресс-конференцию? - учтиво спросил Лебедь.

- На нее, родимую. Как вы тут?

- Охренительно. Какой же ты молодец, что поменял расписание!

Мастер грустно улыбнулся и двинулся в проход, удерживая скребущую когтями по полу собаку. На прошлой неделе он изменил расписание дежурств так, чтобы в Шкоду одновременно с "Двойкой" не попадала "группа Фо". Судя по словам Лебеда - правильно сделал. Мастер шагнул во двор и кивнул. "Точно. Большинство молодых из "Четверки", увидев, что творится сейчас во дворе, забились бы в истерике".

Мобильная "группа Два" стояла широким полукругом, блокировав Саймона у глухой стены псарни. Собственно, добычи Мастер не видел - только напряженные спины и опущенные хвосты. Вокруг цепи осторожно перемещалась "группа Раз". На глазах у Мастера из дверей Школы выскочили Батя и его аналитик Шерлок, оба с пульсаторами. Им навстречу тут же нырнули двое с огнестрельным. "В оружейную комнату по очереди бегают. Молодцы".

Карма хрипела, пытаясь вылезти из ошейника. Неожиданно она дала задний ход в надежде, что тот соскользнет, но сейчас ошейник был затянут до упора.

Собаки ревели так, что закладывало уши. От полукруга отделился и побежал к Мастеру Хунта. Его место в цепи тут же занял Ветер, без собаки, но зато со своим любимым нарезным охотничьим карабином. Чтобы сделать это оружие эффективным против тварей, Ветер кончики пуль стачивал напильником.

- Успел, старый! - прокричал Хунта, возбужденный и улыбающийся, хлопая Мастера по плечу. - Отлично! Я все сделал, как договорились!

Мастер огляделся. В углу двора, на крыше одного из "Рэйнджей", сидел, пожевывая сигаретку, Крот. Расселся, будто на футбол пришел.

- А где Бенни?

- В цепи! Вон там!

- Ладно! Подожди еще минуту, хорошо? И Бате скажи, чтобы перестали в Школу бегать! Оружия и так вагон! А мне все нужны здесь!

- Понял! - Хунта еще раз хлопнул Мастера по плечу и вприпрыжку убежал руководить. Мастер, волоча за собой Карму, подошел к Кроту и поманил его пальцем. Крот нагнулся.

- Здорово, отец! - крикнул сенс. - Как ты себя чувствуешь? Мне Бенсон все рассказал! Ты молодчина!

- Я-то в порядке! Ты мне про этого, - Мастер ткнул большим пальцем за спину, - расскажи! Какой диагноз?

- Думаю, случился непроизвольный выплеск! Он просто устал маскироваться!

Надорвался! Ребята говорят, внешне Саймон был ничего! Но энергетический рисунок выдал, как у твари! Я вышел подышать воздухом и уже метров со ста увидел, что с ним что-то творится! И тут на него собаки бросились! Он за пистолет, а тот не стреляет! Он давай их ногами мочить, Хасану шею сломал! Его загрызли бы через минуту, но тут Хунта

прибежал! Взяли в кольцо и сюда привели!

- Кто он сейчас, ты мне скажи? Вот сейчас, в эту минуту! Он человек или тварь?

- Ну... Сейчас он точно человек, только с памятью твари! И хочет снова включить ее ресурсы, но не может! Он сейчас в таком страшном поле внутри этой толпы, ты не представляешь! Вас, ребята, когда разозлишь, вам оружие ни к чему! Бенни хотел его подержать на всякий случай, так сам испугался, какое там напряжение!

Они же его хлещут своей злобой, как шомполами! Я просто торчу! Во, кстати!

К машинам подбежал взопревший Бенни. Он сорвал с головы шапку, и в воздух поднялся столб пара.

- Здорово, брат! Ну, там Просто форменный п...ц! Давай, тебе пора, а то им надоест! Они уже подустали! Ты чего так задержался?

- Плакал!

- Чего?! - воскликнули Бенни и Крот в один голос.

- Того!

- Умница! - крикнул Бенни, в подтверждение слов тыча Мастера пальцем в грудь. - Ладно, давай, пошел!

- Как мне с ним говорить?

- Как с человеком! Но больным! - Бенни pokrutil у виска пальцем. Крот кивнул и протянул Бенни руку. Тот ловко вскарабкался на крышу, уселся рядом с Кротом и потянул из кармана сигареты. Мастер размотал поводок, накрепко привязал Карму к мощному "кенгурятнику" на заднем бампере "Рэйнджа" и подал ей команду, не значащуюся ни в одном учебнике по собаководству.

- Пока здесь!

От изумления Карма затрясла головой и вдруг громко чихнула. Выполнять эту команду именно сейчас казалось ей, наверное, пределом безрассудства. Мастер легонько провел ладонью по черной кисточке на рыжем обрубке собачьего уха и повернулся к беснующемуся полукругу.

- погоди! - крикнул Бенни сверху. Мастер оглянулся. Бенни протягивал ему ладонь, посреди которой пульсировала маленькая чернильная клякса.

- Он ее выронил. Возьми, пригодится в разговоре. Только не глуши ее, она нам нужна живая.

- Спасибо! - кивнул Мастер, кляксу опустил в карман и снова повернулся к цепи охотников.

- "Вторая", стой! - пролаял он своим знаменитым командным голосом.

В цепи Хунта поднял руку. Раздалось громовое "фу" в двадцать глоток, и собаки немного притихли.

Мастер, оперев руки в бока, неторопливо двигался к цепи. Сзади фыркала и ругалась Карма, которой не оставили ни миллиметра свободного хода на поводке.

Теперь она выделявала невероятные танцевальные па, надеясь подцепить ошейник передней лапой. Мастер надеялся, что она не догадается проделать это задними - снимет ведь.

- Хунта! Команду!

В цепи все еще было очень шумно. Хунта не стал драть глотку и отсемафорил приказ руками. Полукруг медленно разошелся, образовав сужающийся в направлении Мастера коридор. Стволы и зубы. И в дальнем конце, у стены - Саймон.

Он стоял, пригнувшись, как для прыжка. Его сильно погрызли - брюки

оказались изорваны в клочья, под ногами валялись ошметки куртки и свитера. По обнаженным до плеч рукам стекла кровь. Под туго натянутой майкой играли крепкие мышцы. "Он сильно побит, но не затравлен. И он смотрит прямо на меня".

Мастер ступил в коридор и остановился. "Теперь я - стена. И я должен сдерживать удар".

Саймон приоткрыл рот и, выпустив облачко пара, по-собачьи показал Мастеру зубы.

Распрявился и встал относительно спокойно. И улыбнулся.

Собаки постепенно стихали, успокаиваясь. Охотники бегали глазами от Саймона к Мастеру и обратно. Мастер обвел взглядом ряды. "Они готовы. Сейчас ритуал свершится, и после этого нас уже никто не сможет остановить". Он посмотрел на Саймона и улыбнулся в ответ.

- Привет! - рыкнул Саймон хрипло. - Ну, как я тебе? - Он медленно повернул голову, демонстрируя чистое, без единой царапины, лицо. Все еще красивое, настоящее мужское лицо. Только очень уж неподвижное, совсем застывшее. Как у хорошо сохранившейся твари.

- Плохо, - сказал Мастер, прикидывая расстояние. "Метров семь-восемь. Вполне".

- Ты меня больше не любишь... - теперь Саймон не рычал, а шипел.

- Я тебя больше не люблю, - кивнул Мастер.

- Как же так? Я во всем тебя слушался. Все делал, как ты говорил.

- А потом ты меня предал. И всех нас.

- Нет!!! - взвизгнул Саймон. Он даже подпрыгнул от возмущения.

Охотники начали перешептываться. Только что перед ними была тварь. А теперь просто сумасшедший человек. Смертельно опасный, но при этом такой жалкий... И тут Саймон сам утопил себя. Он стеклянным взглядом посмотрел себе под ноги, громко зашипел и, неловко вывернув шею, начал вертеться на месте, словно ища что-то. Потом обшарил разорванные карманы брюк.

- Она здесь! - сказал Мастер, доставая кляксу и демонстрируя ее Саймону.

- Отдай! - Саймон шагнул было вперед, но коридор угрожающе колыхнулся, и он отступил. - Отдай!

- Нет, - Мастер спрятал кляксу и снова упер руки в бока.

- Х-ха! - выдохнул Саймон. - Значит, ты меня действительно совсем не любишь.

- Не люблю, - улыбнулся Мастер.

- Да почему?

- Ты - это не ты. Саймон задумался.

- Я - это я, - решил он наконец. - Это ты - не ты. Потому что настоящий ты меня любит. А ты ненастоящий.

- Я настоящий. И я тебя не люблю, понял? Саймон задумался вновь. Он словно прислушивался к тому, что происходит у него внутри. Лицо его при этом оставалось совершенно мертвым.

- Не понимаю, - сказал он. - Сука ты! Ну и пусть. Зато вот она меня любила! И еще как! Больше, чем тебя! Понял?!

- Может быть, - снова улыбнулся Мастер.

- Я сидел и смотрел на нее. А она лежала молча и ждала, когда я ее раздену. Она меня хотела, понимаешь? Ох, как она меня хотела!

Коридор угрожающе загудел. Но Саймон не обратил на это ни малейшего внимания.

- Она лежала сми-и-ирненько... - чуть ли не пропел он. - Такие

длинные стройные ножки... Такая чудесная шерстка между ними... Такие упругие круглые грудки... Ты же знаешь... Ты ведь знаешь, правда? А?!

- Знаю. - Мастер по-прежнему улыбался. Сладко-сладко.

- Я дал ей то, чего не мог дать ты, - сказал Саймон. - Ух, как я ее отодрал! А она сми-и-ирненько так лежала... Ты меня по-прежнему не любишь?

- Не-а.

- Так почему же ты не убьешь меня? - поинтересовался Саймон. - Что бы тебе еще такого рассказать... Как я кончал ей прямо в самую матку! Как я кончал ей в жопу! Ты никогда не драл ее в жопу? А ей это очень нравится! Ну, что ты стоишь?

Иди сюда, давай! Один на один!

- Тебе так хочется? - спросил Мастер. Он все еще улыбался, но теперь одними губами. Несчастная тварь разозлила-таки его.

- Да! Очень! Раз ты меня больше не любишь, так убей меня! А я-то тебя так любил!

Я о тебе заботился! Я ведь оставил ее тебе, правда? Других-то я всегда потом брал за шею... Знаешь, перед самым концом выходишь из нее, садишься ей на грудь - о-о! - и шею так двумя руками - хресь! И кончаешь ей в рот...

Охотники в коридоре стояли, остолбнев. Лица у них были такие, будто их сейчас всех хором стошнит. Собаки озадаченно крутили головами.

- Значит, один на один... - протянул Мастер задумчиво.

- Конечное! - пропел Саймон. - Ты просто должен это сделать! Обязан! Ты же считаешь, что я плохой! А ты-то у нас сказочный герой! Ты Мастер собак! Ты лучше всех, умнее всех, сильнее всех! И еще...

- И еще у меня есть кавказская овчарка, - закончил за него Мастер.

- Да-а! - снова подпрыгнул от радости Саймон. - Ты же самый хороший! Ты же такой хороший!

- Ну, что ж... - и Мастер сотворил такое, что коридор заходил ходуном. Он сделал шаг навстречу Саймону и сбросил на снег куртку. Под ней почему-то не оказалось привычной для охотников наплечной кобуры. Мастер был без оружия.

- Давай! - крикнул Саймон, принимая стойку. По рукам у него по-прежнему текло, снег под ногами был весь в пятнах, но засевшая в Саймоне тварь плевать на это хотела.

Мастер одной рукой стянул через голову свитер, оставшись только в черной футболке. Саймон рванул на груди майку и швырнул клочья на снег.

- Давай! - повторил он.

Так же, как и свитер, Мастер одной рукой стянул футболку. Коридор просто штормило. Псы снова принялись рычать. Хунта и Батя сигналили людям: стой! Справа от Мастера Китаец задышал так, будто сейчас упадет в обморок. Абрам ухватил его под локоть.

Саймон проделал несколько красивых переходов, легко подпрыгнул и в развороте лягнул ногой воздух на высоте метра в два. Ветер демонстративно поднял карабин и прицелился Саймону в грудь. Батя показал Ветру мощный кулак.

Мастер шевельнул плечами, разминаясь. Он выглядел довольно внушительно, но видно было, что против Саймона ему не выстоять и двух минут. А против Саймона-твари - и минуты. Охотники не знали, что и подумать. Напряжение достигло предела. Собаки опять рвались с поводков.

Мастер сделал еще один шаг вперед. Вдалеке звонко и надрывно залаяла

Карма.

Собаки в коридоре подхватили ее крик.

- Ну же! - крикнул Саймон, вставая к стене вплотную и приглашающе разводя в стороны руки. - Ты! Самый лучший человек! Иди сюда, докажи, что ты мужчина!

И тут Китаец, Который первым в коридоре увидел спину Мастера, захохотал. Трясаясь и всхлипывая. Тонкий, неприятный, истеричный смех резанул по ушам людей и псов.

Все глаза в коридоре невольно обратились к Китайцу. А он никак не мог успокоиться, потому что разглядел: сзади из-за пояса у Мастера торчит рукоятка пистолета.

Собаки и охотники на миг замолкли. И в наступившей тишине Мастер мягко сказал Саймону:

- Ты ошибаешься. Я и мужчина никудышный, и человек... плохой.

- Не-е-ет!!! - успел крикнуть Саймон.

Выстрел ударил хлестко, как бич. Отлетевшая гильза звякнула о пряжку на португее Абрама. Голова Саймона с глухим шлепком ударилась о стену, и по грязно-желтой штукатурке во все стороны разлетелись красные брызги. Секунду Саймон еще стоял у стены, будто в причудливом остроконечном красном нимбе. Потом он судорожно шевельнул руками и боком опрокинулся на утоптаный снег.

Коридор безмолвствовал, глядя на Саймона и слушая, как хохочет Китаец, которого Абрам и Зигмунд под руки тащат в Школу. Тело Саймона под стеной извивалось в характерных для твари предсмертных корчах. Мастер спустил большим пальцем курок, сунул пистолет за пояс, нагнулся и поднял с земли футболку.

- Мне нужен лом, - сказал он в пространство. - И лопата. Еще дрова, и бензина литров сорок. А лучше шестьдесят.

И коридор взорвался. Охотники разом спустили с поводков собак, тут же двинувшихся к умирающей твари, а сами бросились к Мастеру, едва успевшему поднять свитер и куртку, чтобы не затоптали. Его обступили со всех сторон. Ему что-то говорили в сорок голосов. Его обнимали, целовали и трепали по голове.

Множество рук натянуло на него одежду. И зачем-то подняло в воздух.

И понесло в Школу.

***

Вавилов принохался и сморщил нос.

- Кого жжете, нехристи? - спросил он.

- Собака издохла, - ответил Абрам, не моргнув глазом.

- Я думал, вы их всех в Лагере хороните.

- Этой не положено, Молодая, на охоте не была. Вавилов посмотрел на Абрама с сомнением.

- Звездишь, косой, - сказал он. - Чего натворили?

- Мало не покажется, - пробурчал с топчана Китаец.

- Больной, лежите спокойно. В чем дело, Абрам? Я серьезно.

Абрам шмыгнул носом и оглядел Вавилова оценивающе. Школа уже второй час находилась на осадном положении, сначала по схеме "три шестерки", теперь по объявленному Мастером плану "три ноля". "Даже если сейчас рассказать Вавилову всю правду о Саймоне, никуда он, родимый, до рассвета не денется. А мы атакуем в полпятого утра. Но до этого будет

обычная расчистка, и врачу на ней работать".

- Понимаешь, старик, - сказал Абрам проникновенно, - я всего-навсего рядовой охотник. Если тебе так интересно, подойди к Хунте, ладно?

- Натворили-таки делов... - кивнул Вавилов, укладывая в кейс инъекционный пистолет. - Допрыгались, охотнички...

- Так получилось, - вздохнул Абрам. - Никак по-другому не выходило, понимаешь?

- У меня в комнате два ассистента сидят, - сказал медик подчеркнуто спокойным голосом. - А вонища на всю Школу. И что я им скажу?

- А что собака издохла.

- Они ходят со мной на дежурства уже больше года. Ваши порядки изучили от и до, Их не обманешь, Абрам. Положим, я не настучу. При условии, конечно, что мне все детально объяснят. С вескими доказательствами. А вот за этих ребят я не отвечаю.

Они хорошие ребята. И то, что вы скрываете гибель человека, им не понравится.

- У нас тварь на территорию пролезла, - снова подал голос Китаец.

- Закрой глаза и спи. Иначе не пущу на расчистку, понял?

- Все так и было, как он сказал, - кивнул Абрам.

- Почему тогда эта тварь не лежит у меня в фургоне? Абрам задумался. Вавилов ждал.

- Потому что ее никто из посторонних не должен видеть, - сказал чистую правду Абрам. Теперь задумался Вавилов.

- Снова зомбированный охотник? - спросил он осторожно. - Как Боцман? Ну и что?

Почему я не в курсе?

- Ты только что подъехал, - вывернулся Абрам, опять не солгав. - А у нас все начальство там... с ним. Почему я тебе должен что-то говорить? У нас субординация жесткая, сам знаешь.

- Ох, звездишь, косой! - не поверил Вавилов. Он работал с охотниками пятый год и знал, как относятся в Школе к положенным по уставу жесткой субординации и полной секретности. В аварийных режимах это все соблюдалось безупречно, но в остальное время... Ситуацию с охотником-зомби на территории Школы Вавилов аварийной не считал. Все эти годы он наблюдал, как смерть подбирается к охотникам ближе и ближе, видел их реакцию на потерю друзей и убедился, что вывести Школу из равновесия может только событие весьма нестандартное.

- Я же тебе сказал - подойди к Хунте! - взмолился Абрам. - Конечно, если тебя Зигмунд наружу выпустит. Но это ты с ним разбирайся. А я тут ни при чем. Если дежурный по Школе разрешит...

Вавилов открыл кейс, снова достал пистолет, зарядил в него свежую ампулу и сказал Абраму, кладя инструмент на тумбочку рядом с топчаном:

- Засеки время. Если через пятнадцать минут он не заснет, впрысни еще дозу. А я через полчаса вернусь.

- Одурею я от второй дозы, - пробормотал Китаец. - И точно работать не смогу.

- Все с тобой будет в порядке, - сказал Вавилов и вышел. Как только дверь за ним захлопнулась, Абрам наклонился к своей куртке, брошенной на соседний топчан, и прошептал в воротник, прямо в микрофон:

- Ну, как? Все слышал?

- Да! - раздался в наушнике голос Хунты. Вавилов вышел из Школы совершенно беспрепятственно и первым делом подошел к стене псарни.

Теперь он видел, что именно показалось ему странным часа назад, когда он только приехал на дежурство.

На стене медленно вымерзло большое мокрое пятно, а снег под ним был выскоблен до асфальта. Не обнаружив следов крови, медик обогнул здание. Вдалеке, в зоне выгула, из-за чахлах кустов поднимались редкие клубы дыма. Там догорало. Через тренировочную площадку навстречу Вавилову шли Бенни и Крот. Медик отметил, что оба приятеля основательно выпачканы в земле. Еще ему показалось, что сквозь омерзительный запах горелого мяса от сенсов пробивается свежий аромат холодного бензина.

- Не ходи туда, - сказал Бенни вместо приветствия. - Им сейчас только тебя не хватало для полного счастья.

- В чем дело, мужики? - спросил Вавилов. - Мне никто ни хрена не хочет рассказать.

- Это нормально, - утешил его Крот. - У них аварийная схема "три шестерки".

Школа, считай, на военном положении. И ты, между прочим, тоже под него попадаешь.

- Ой, ну хватит же! Вы что, сговорились, что ли? За мальчика меня держите?! "Три шестерки" - это атака тварей на периметр! Что-то я не вижу, чтобы здесь держали круговую оборону!

- А атака тварей изнутри - это лучше, что ли? - спросил Крот.

- Их что, много было? - опешил Вавилов.

Крот не ответил и принялся отряхивать грязные колени.

- Ты прикинь, какая ситуация, - сказал Бенни Вавилову. - И сам рассуди. Вот в Школе поймали тварь. Шлепнули ее. И тебе отдали. Ты немедленно докладываешь на Базу. А значит, через минуту обо всем знает Штаб. А это сегодня лишнее. Во всяком случае, до утра.

Вавилов смерил Бенни тяжелым взглядом и посмотрел через его плечо вдаль, туда, где медленно рассеивался дым.

- А что будет утром? - спросил он.

- Если все пойдет нормально, с утра мы начнем искать работу, - сказал Крот, выпрямляясь и разглядывая измазанные перчатки. - Но зато будем свободны, как ветер.

- И даже Ветер будет свободен, - скаламбурил Бенни.

- Если останется жив, - заключил Крот. Вавилов оторопело таращился на сенсов, переваривая услышанное. Те молча ждали.

- У меня в машине имеется спирт, - сказал Вавилов наконец. - И жена бутерброды дала. Пошли, обсудим все в нормальной обстановке, а? Нажраться я вам, алкашам, конечно, не позволю. Но в разумных пределах...

- Эй! - крикнул Крот, глядя куда-то Вавилову за спину. Больше он ничего сказать не успел. Раздался хруст, будто в кулаке смяли новенькую купюру, и тело медика вспыхнуло голубым огнем. Хруст повторился - на этот раз не только Крот, но и Бенни увидел, как из-за угла Школы вылетела бледно-голубая молния. Прогнувшись назад и раскинув в стороны руки, Вавилов повалился на Бенни, который машинально подхватил его. На долю секунды их головы сблизились, и Бенни содрогнулся. Аура Вавилова блекла и растворялась, будто ее стирали тряпкой. Глаза медика остекленели, на губах выступила пена, он обмяк у Бенни на руках, как тряпичная кукла. И тут аура вспыхнула снова, и прямо вверх, в затянутое тучами небо, выплеснулся столб радужного света.

Крот уже стоял у Бенни за спиной, положив ему на плечо руку с пистолетом, направленным в сторону Школы. Бенни чуть присел и, крикнув

от натуги, приподнял мертвое тело, чтобы оно, как щитом, закрыло сенсов от стрелявшего. Бенни била крупная дрожь. Крот тяжело дышал ему в висок, стволом пистолета выискивая цель.

Сзади раздались крики и топот. "Ложись!" - рявкнул голос Хунты. Бенни оттолкнул от себя тело Вавилова и рухнул в снег. Вытащив из-за пазухи обрез, он быстро огляделся. Рядом лежали щедро вымазанные в саже и земле Мастер и Хунта, один с пистолетом, другой с пульсатором. Пушкин, тоже с лучевым ружьем, откатывался влево. Крот короткими перебежками смещался вправо, держа на мушке опасный угол.

- Пост два! - скомандовал Хунта себе в воротник. - Закрыть Школу! Немедленно!

Никого не пускать, никого не выпускать!

В ухе у Хунты зашуршало - Зигмунд докладывал об исполнении. Мастер, кряхтя, поднялся на ноги и спрятал пистолет.

- Отбой, рэйджеры, - сказал он лениво. Люди с опаской распрямились. Мастер был без куртки, только в свитере. Поэтому он шагнул к Хунте, взял его за угол воротника и сказал в микрофон:

- Пост два, я старший. Немедленно блокировать все перемещения внутри Школы.

Полностью! Никаких исключений! Приказ всем оставаться на местах. Подтвердить исполнение.

Хунта прислушался и кивнул.

- Старшим доложить о наличии людей, - продолжал Мастер диктовать задание дежурному. - Зафиксировать нахождение каждого бойца конкретно. Сообщить им, что карантин вводится максимум на полчаса. Пусть сидят и ждут.

Хунта снова кивнул. Мастер отпустил его воротник, сплюнул на снег и, ни на кого не глядя, подошел к телу Вавилова.

- Пульсатор? - спросил он.

- Два импульса, - сказал Крот издали. - На полной мощности. Первым его просто сильно ударило, а от второго он умер. Почти сразу. Какая же сука это сделала, а?

В спину ведь...

Бенни стоял как вкопанный, безвольно опустив руки. Хунта стянул с головы шлемофон и перекрестился. Пушкин, с пульсатором наперевес, не сводил глаз с угла, из-за которого стреляли, и что-то соображал.

- Сходим, посмотрим? - спросил он, не оборачиваясь. В ухе у Хунты снова зашуршало. Старший "группы Два" склонил голову набок, застонал и длинно выматерился. Мастер и Крот обернулись к нему.

- Зигмунд ничего не видел, - сказал Хунта. - Но три минуты назад заело камеру, которая следит за этим участком. - Хунта ткнул пальцем в сторону угла. - Камера отвернута в сторону, наверное, сломан привод. На улице сейчас только мы, Вавилов, Батя и Шерлок. Вавилов шел ко мне, Батя и Шерлок сказали, что идут к машинам. Оба были с оружием. Шерлок действительно топтался у машин, а Батя куда-то пропал. Так. Понял. Они вернулись, стоят у дверей, просят впустить.

Пушкин опустил пульсатор стволом вниз и посмотрел через плечо на Мастера. Взгляд у заместителя старшего "группы Раз" был совершенно обалделый.

- Шерлок редкая сука, - пробормотал он. - Но Батя...

- Оба они себе на уме, - скривился Хунта. - Что старший, что аналитик.

Тихушники. Но чтоб такое отмочить...

- Я не думаю, что они хотели сорвать операцию, - сказал ему Мастер. - Но им выгодно повесить на меня смерть ни в чем не повинного человека. Батя любит командовать и давно уже хочет меня утопить. А начальство предателей ценит - ими легко управлять.

- Не понимаю, - покачал головой Пушкин. - Тут же было двое свидетелей! И потом, для проведения операции нужен хотя бы один сенс...

- Меня они просто не видели, - тихо сказал Бенни, не отводя глаз от распростертого на снегу тела. - Вавилов вон какой здоровый... Он меня заслони.

- А Крота они бы тоже шлепнули для вящей убедительности, - объяснил Мастер. Крот кивнул и невесело усмехнулся. - Все получается очень правдоподобно: люди не захотели принять участие в заговоре, и я их убил.

- А я? - спросил Хунта. - А Пушкин?

- Ты никогда не бросаешь свою группу. Они были уверены, что ты с "Двойкой" в тактическом классе. Проверять, так ли это, - значит, навлекать на себя лишние подозрения. Решили пойти на риск. Что касается Пушкина...

- Мне сказать нечего, - потупился Пушкин. - Хочешь, сажай меня под арест. Или вообще делай, что хочешь - Я твой. Командуй.

- Батя терпеть не может экспромты, - снова усомнился Хунта. - А тут убийца явно действовал, повинуюсь импульсу, не подготовившись. И вообще, в Школе есть охотники, но нет убийц.

- Теперь есть, - сказал Бенни все так же тихо. - Мастер сегодня развязал им руки. Он научил их. Показал им, что это можно. Теперь они начнут убивать. Уже начали...

- Я думал повязать их всех этой кровью, - вздохнул Мастер. - Думал, что если не обойтись без смерти одного из нас, так пусть уж она послужит делу. Мне и в голову не приходило...

- Ну, теперь крови будет море, - пообещал Крот.

- Слушай, Пушкин, - сказал Мастер. - Ты все-таки Батин заместитель. Не мог он этого не учесть. Где у тебя кнопка? Каким образом можно тебя взять за задницу так, чтобы ты дал ложные показания? Давай, колись!

- Батя знает про меня кое-что, - произнес Пушкин задумчиво. - Но я поверить не могу...

- Это очень серьезно?

- Подсудное дело, - признался Пушкин. - Ты не подумай, Школа здесь ни при чем, это было задолго до.. Но я однажды по пьяни рассказал кое-что Бате и, кажется, выдал слишком много подробностей... Ты что, всерьез думаешь, что он хотел меня прижать?

- Я всегда говорил, что иметь близких друзей вредно, - вздохнул Мастер. - Вот проклятье! Насчет Бати меня давно предупреждали. А я мимо ушей пропустил. Ладно, отцы, пошли разбираться. Бенсон, тебе совсем хреново? Может, ты пока тут посидишь?

- Я пойду с вами, - сказал Бенни и снял обрез с предохранителя.

Батя и Шерлок курили на ступеньках Школы.

- Что случилось? - издали крикнул Батя Мастеру. Мастер, не отвечая, подошел к Бате и впился в его лицо изучающим взглядом.

- Что с тобой? - спросил Батя участливо. - Тебе нехорошо? Ты чего молчишь?

Мастер покосился на Шерлока. Тот буквально ел глазами Хунту и Бенни. И еще Пушкина. Точнее, его пульсатор, который в нарушение всех правил

был направлен Шерлоку в живот.

Хунта, Крот и Бенни окружили подозреваемых, разойдясь так, чтобы быть по возможности трудной мишенью. Оружие они пока что держали стволами вниз.

- Можно мне твою пушку? - спросил Мастер Батю.

- Зачем? - изумился тот.

- Нужно.

- Да пожалуйста... - Батя отдал Мастеру пульсатор. То ли он блефовал, то ли был полностью в себе уверен.

Мастер посмотрел на индикатор заряда батареи. Нажал кнопку, и батарея выпала из гнезда прямо ему под ноги, ударившись о ступени. Охотники рефлекторно вздрогнули - так обращаться с оружием в Школе было не принято.

- Запасную, пожалуйста, дай, - попросил Мастер.

- Что за херня, старший? - взвился Батя. Слишком резко, пожалуй.

Мастер молча протянул руку. Батя, покраснев, открыл подсумок и почти швырнул ему запасной аккумулятор. И сунул руки в карманы. Хунта начал медленно поднимать ствол пульсатора.

Мастер вставил батарею в гнездо и удовлетворенно кивнул. Эта батарея оказалась слегка подсажена. Как раз на два импульса полной мощности.

- А еще, - сказал Мастер, - у нас есть отличный след на углу в сугробе. Может, пройдемся?

- Зачем? - спросил Батя с явной угрозой в голосе.

- Как это зачем? Башмак твой примерить... Левый. Батя с Шерлоком быстро переглянулись. Лицо старшего "группы Раз" ничего не выражало. Но его аналитик просто трясся. Он даже слегка отодвинулся от Бати. Тот укоризненно прищурил глаз и повернулся к Мастеру.

- Давай поговорим, - предложил он.

- О чем? - удивился Мастер. - Ты сейчас пойдешь под арест. Группу примет Пушкин.

А утром мы тебя сдадим Штабу. Правда, ты уж извини, с обезображенным лицом.

Ребята Вавилова любили.

- Не выйдет, - сказал Батя спокойно. - Ты теперь без меня и шагу ступить не можешь.

- Это почему же?

- Во-первых, я только что поменял код в сигнализации машин, - улыбнулся Батя.

- Вот паскуда! - прошипел сзади Хунта. Боевые школьные "Рэйджи" были оснащены сложной противоугонной системой, отключавшейся цифровым кодом. Положим, на расчистку "Двойка" как-нибудь выбралась бы и наличных автомобилях. Но "Рэйджи" были жизненно необходимы для атаки на Техцентр. Батя участвовал в планировании штурма и отлично знал это.

- Это так, мелкая пакость, - продолжал Батя. - А есть вещи посерьезнее.

Например, я вчера купил мобильный телефон. Можешь убедиться, он у меня с собой.

И пятнадцать минут назад я звонил в город. Сказал Мэксу, что у тебя нервный срыв и ты передал мне командование. И вызвал "Трешку" сюда. Они приедут через полчаса.

- Умно, - признал Мастер.

- А я не глупый, - кивнул Батя. - Поэтому у меня заваялся еще один

аргумент. - Он медленно вынул руку из кармана и продемонстрировал маленькую коробочку, наподобие брелока автомобильной сигнализации. Палец Бати лежал на кнопке.

- Я сегодня без собаки, - сказал он. - Вы этого и не заметили. Но на псарню я заходил. И случайно забыл там полкило взрывчатки. Детонатор ждет сигнала. Так что не дергайтесь, мужики, а то ваши песики взлетят на воздух... - Батя убрал руку в карман и заговорщически подмигнул Мастеру. Тот мило улыбнулся ему в ответ. Совсем как Саймону полтора часа назад. Сенсы, Хунта и Пушкин стояли как вкопанные, почти не дыша. Шерлок, наоборот, на глазах оживал и снова придвинулся к старшему.

- И чего же ты хочешь, охотник? - спросил Мастер.

- Того же, что я сказал Мэксу. Отдай мне Школу. Подтверди мои полномочия. И все.

Эту ночь посидишь взаперти, а утром посмотрим. Возможно, я тебя просто отпущу.

Иди, куда хочешь. Утром ты мне уже будешь не опасен. Я знаю, что тебя сейчас беспокоит. Не волнуйся, все будет сделано по плану. Но операцию проведу я.

- Да у тебя мания величия! - рассмеялся Мастер. - Тебе что, не придется стать героем? Спасителем человечества?

- Ты, дурак, не понимаешь, какие возможности это открывает перед умным человеком, - сказал Батя снисходительно. - Ты-то у нас герой по жизни. Тебе ничего не надо. А я мужик простой. И я свое получу.

- Не получишь, - пообещал Хунта сквозь зубы.

- Ты вообще молчи, - посоветовал ему Батя. - Положим, сейчас тебя держит только кнопка у меня в кармане. Но, когда Мастер со мной согласится, ты запоешь по-другому. А когда придет Мэкс, тебе придется засунуть язык глубоко в жопу.

Навсегда. Тебе не выстоять против нас.

- Думаешь, что у тебя полное единодушие в группе? - спросил Хунта с недоброй ухмылкой. - Или что люди Мэкса чего-то стоят в бою?

- У меня в группе не единодушие, а дисциплина. Понял? А Мэкс - это двадцать стволов. А если ты такой же дурак, как и твой обожаемый Мастер, можешь уйти вместе с ним.

- Так! - сказал Крот, пряча в карман свой пистолет. - Я в этой бодяге не участвую. Срал я на вас на всех с очень высокой колокольни. Пошли отсюда, Бенни!

Нам они ни хрена не сделают, а мы им и расчистку саботируем, и в Техцентр пусть сами лезут.

- Запросто, - кивнул Батя. - И на расчистке без вас обойдемся, и в Техцентре.

Просто будет немного больше шума. И гораздо больше людей накроется. "Четверка", например, в Техцентре ляжет вся. Я ее тоже чуть погодя вызову.

- А мне это все... - отмахнулся Крот. Он явно был разочарован тем, что его угроза не возымела действия, но отступить не хотел. - Пошли, Бенсон! Пусть сами разбираются.

- Правильно. Только учтите, что Школа закрыта, и далеко вы сейчас не уйдете.

Придется вам вместе с Мастером посидеть немного. Давайте, топайте, гуляйте пока.

И перестань на меня пялиться, Бенни! Мне твоя сенсорика что мертвому

припарки.

- С сумасшедшими трудно работать, - сказал Бенни, злобно глядя на Батю исподлобья. - Но я тебя все равно в могилу сведу.

Батя хотел было ответить, но тут в разговор вступил Мастер.

- Мне нужны гарантии, - сказал он. Голос его был очень низок - почти хрип. - Ты должен отпустить не только меня, но и всех, кто решит уйти.

- Их будет немного, - хищно оскалился Батя. - Со мной здесь наступит порядок.

Настоящий порядок. Но если кто-то захочет... Что ж, я готов дать тебе слово. Как только ты завизируешь приказ о моем назначении и объявишь его по громкой связи, мы тебя запрем. Потом я выступлю перед людьми. Тех, кто окажется так глуп, что захочет в отставку, мы тоже изолируем. А утром вы уйдете. Ты, все сенсы, ассистенты Вавилова и все дураки. Особенно я буду рад избавиться от последних.

Ненавижу сентиментальных дураков.

- Тебя будут судить, - сказал Мастер чуть слышно.

- Победителей не судят. Мне это обещал Генерал. Лично.

Мастер покачал головой. И опять улыбнулся. На этот раз очень грустно.

- На! - выдохнул он с невероятным презрением, бросая Бате его пульсатор. Батя машинально вынул руки из карманов, поймал лучемет, и тут лицо его исказила страшная гримаса. Он попытался было развернуть оружие к Мастеру, но опоздал.

Выстрел и удар пули слились в один звук. Голова Бати раскрылась, как коробка из-под обуви. И в тот момент, когда первые брызги коснулись ступеней, дымящийся ствол пистолета уже смотрел в переносицу Шерлока.

- У тебя на раздумье десять секунд, - сказал Мастер. Шерлок затрясся, как осиновый лист. Пульсатор висел у него на плече стволом вверх. Глаза аналитика съехались к переносице, заглядывая в дуло пистолета.

- Да! - пискнул он.

- Силен! - усмехнулся Мастер. - Я тебе даже не сказал, о чем думать, а ты уже согласен. Хорошо тебя Батя выдрессировал.

Крот и Бенни захохотали. Пушкин присел на ступени, оторопело глядя на труп Бати.

Хунта бормотал в микрофон приказания. Двери Школы звонко щелкнули - Зигмунд разблокировал замок.

- Он меня заставил, - прошептал Шерлок.

- Что ты знаешь сверх того, что Батя мне сказал?

- Он давно готовился, - затараторил Шерлок, не в силах оторвать взгляд от ствола. - Я его отговаривал, но он меня не слушал. Я ничего не знал про бомбу на псарне, честное слово! И про разговор с Генералом он мне тоже ничего не говорил!

- Батя не тварь определенно, - заявил Крот. - Он просто съехал. Мгновенное умопомешательство.

- А ведь это ты, старик, его доконал, - сказал Бенни Мастеру в спину.

- Сегодняшним твоим спектаклем.

- Очень даже может быть, - ответил Мастер, продолжая держать палец на спусковом крючке. - Пушкин! Давай, просыпайся. Бери этого горе-заговорщика и тащи в изолятор. Потом иди принимай группу. Сам знаешь, что им сказать. Приказ будет готов через полчаса.

- Я без тебя к людям не пойду, - замотал головой Пушкин, поднимаясь со ступенек.

Он снял с плеча у Шерлока пульсатор и вытащил пистолет из-за пазухи.

Хлопнул по спине, проверяя, нет ли там чехла с ружьем. Мастер опустил руку с оружием и судорожно зевнул.

- Ну зачем я тебе? - спросил он Пушкина и зевнул снова. - Видишь, я еле жив. У меня же все трясется.

- Ты меня под суд отдашь? - вдруг обратился к Мастеру Шерлок.

- Пнул бы я тебя сейчас по яйцам, - ответил Мастер, - да сил нет. Эй, Пушкин!

Забудь пока про Шерлока. Давай-ка лучше гони сюда вавилонских ребят, пусть оба тела уберут и оприходуют. А ты, мудила, бери ведро и тряпку, и через пять минут чтоб тут все блестело! Потом отправишься в изолятор и сам запрешься. Если надумаешь покончить с собой, я тебе буду признателен. Не знаю я, что с тобой делать, понял?

- Он меня шантажировал! - пожаловался Шерлок.

- Слушай, ты, жертва неплановой вязки! Уйди с глаз моих!

- Есть! - Шерлок вслед за Пушкиным нырнул в дверь. К Мастеру подошел Хунта и крепко обнял его за плечи.

- Я распорядился осмотреть и разминировать псарню, - сказал он. - Ох, какой же ты, у меня просто слов нет! Я тебя люблю!

- Ты тоже нормально выступил сегодня. Это я, дубина, во всем виноват. Меня ведь Лебедь предупреждал, что Батя какую-то гадость задумал... И Китаец тоже что-то такое рассказывал. Только мне было не до того... Ладно, проехали. Справились, кажется. Крот! А с тобой мы, пожалуй, всерьез подружимся!

- Я сделал все, что мог, - вздохнул Крот. - Батя был совершенно невнушаем. Я давил, а от него просто отскакивало. Пришлось убеждать словами. Но и тут ни хрена у меня не вышло.

- Ты выиграл для нас время. Дал мне все просчитать. Спасибо.

- Не за что, отец.

- И тебе спасибо, Бенни. Вообще, господа, вы сегодня классно поработали. Теперь нужно всем отдохнуть, пока время есть. До рассвета нас ждет еще масса приключений.

- Сегодня будет хорошая ночь, - сказал Бенни. - И прекрасное утро. Может быть, лучшее в нашей жизни.

- Я надеюсь, - кивнул Мастер. - Теперь нам просто нельзя проиграть. Мы слишком много здоровья на это положили.

В дверях появились ассистенты Вавилова. Лица их выражали полную растерянность.

Но они несли тест-кейс погибшего медика и пластиковые мешки для тел. А значит, они будут работать. И это главное.

***

Когда Мастер проснулся, за окном стояла непроглядная тьма. Фосфоресцирующие стрелки на циферблате показывали четверть восьмого, и на мгновение Мастера охватил ужас. Ему вдруг показалось, что он проспал всю ночь, что сейчас уже утро, а значит... Мастер подпрыгнул на диване, сел и помотал головой. "Не может быть! Да нет же, все правильно, Меня должны разбудить в восемь. А если... А если, пока я тут дрых без задних ног, в Школе еще что-нибудь случилось?! Мама!" Испугаться вторично Мастер не успел. По полу скрежетнули когти, и холодный мокрый нос ткнулся ему в щеку, а теплый шершавый язык принялся ее вылизывать. И откуда-то из глубины комнаты очень знакомый голос сказал:

- Пожалуйста, глаза прикрой. Сейчас будет свет. Мастер послушно заслонила глаза ладонью. Ярко вспыхнули лампы, раздался тихий шепот, кто-то сдавленно хихикнул.

- Кто там ржет? - спросил Мастер сварливо, пытаясь выглянуть из-под ладони. - Ты, что ли, Бенсон?

- Братушка, фитилек-то притуши, - попросили вдалеке. - Коптит.

Свет ослаб, видимо, прикрутили реостат на выключателе. Мастер отвел ладонь, несколько раз моргнул и удивленно вытаращился. Он сидел на диване в своем кабинете. Но сам кабинет было не узнать. Угол, где стоял диван, отделяла глухая черная портьера, сейчас отодвинутая, - штора затемнения, которой полагалось висеть в тактическом классе. Рабочий стол Мастера превратился в обеденный, он был весь заставлен банками, тарелками и бутылками. За столом улыбалась до ушей и перемигивалась целая компания - Хунта, Крюгер, Мэдмэкс, Лысый, Горец, оба сенса.

И посреди комнаты сидел на корточках и глядел на Мастера с выражением живейшего интереса на лице некто в черном.

- Здравствуй, Тим, - сказал Мастер, обнимая Карму. - Здорово, отцы. Давно здесь сидим?

- Да уж четвертый час, - усмехнулся Хунта. - Вот, помочь решили нашим сверхчувствительным...

- Не понял. - Мастер вопросительно посмотрел на Тима.

- Пока ты спал, мы тебя слегка подзаряжали, - объяснил Тим. - Так, самую малость. А мужики, вот, составили компанию.

- Пива ему дайте, - посоветовал Мэкс. - Он от пива быстро просыпается. Где у нас светлое, господа? Он спросонья любит светлое. Вот, Тимофей, будьте добры...

Тим передал Мастеру запотевшую бутылку, уселся рядом с ним на диван и, улыбаясь, наблюдал, как тот, закатив от наслаждения глаза, заливает в себя золотистый напиток.

- С... спасибо, - прошептал Мастер, отдуваясь. Он поставил бутылку на пол, неуверенно поднялся на ноги и, пробормотав "Момент, господа", нетвердыми шагами потопал в уборную.

Вытирая руки, Мастер внимательно разглядывал себя в зеркале. Спокойное, даже умиротворенное лицо хорошо отдохнувшего человека. Глаза ясные и чистые. "Значит, "слегка подзаряжали", да? Хорошенькое у вас "слегка", господа форсированные экстрасенсы. Мне бы побриться - и хоть в президенты баллотироваться. Или в мужском стриптизе выступать. А ведь я сегодня дважды стрелял в живого человека. Холодно, расчетливо - что называется, пристрелил. И нужно признаться, ничего особенного не чувствую. Кто же я теперь? И как этот новый я, другой, чужой, обойдется с теми, кто заставил его стать таким?"

Когда Мастер вернулся в кабинет, за столом мгновенно стих дружный хохот, и лица приобрели выражение напряженного внимания. Мастеру подвинули стул, вручили тарелку с кашей и еще одну бутылку пива. Он молча прожевал несколько ложек, отхлебнул из бутылки, закурил, поставил локти на стол и осведомился:

- Н-ну?

- Все идет по плану, - доложил Хунта. - Тютелька в тютельку. Под расчистку только один небольшой объект, правда, опять за Кольцевой. Строящаяся школа.

Какая-то погань там вчера ползала, напугала сторожей аж до приступа белой горячки... - за столом опять дружно грохнули. - Мы выходим в

двадцать два ноль.

"Группа Раз" остается здесь, в резерве. Стрелка у Техцентра в четыре двадцать.

И... - Хунта протянул над столом раскрытую ладонь и прихлопнул ее сверху другой.

- Понял вас. Кстати, о "группе Раз". Как там дела?

- Ты знаешь, хорошо все получилось. Даже лучше, чем мы думали. Пушкин-то, хитрый, отказался принять группу, понял? Остался "замком".

- А как же...

- А вот так. Он их собрал и говорит - мужики, поскольку я в этой истории косвенно замешан, то принять командование считаю для себя бесчестным. Давайте тайным голосованием решать, кто займет вакантные должности. Ну, они его и прокатили за излишнюю щепетильность! - за столом опять засмеялись.

- Мы все были в счетной комиссии, - сказал Мэкс, - и ржали просто до икоты.

Единогласно "замком" выбрали Пушкина, представляешь? Он, бедняга, разревелся и лез ко всем целоваться... Ты бы видел! Что это была за сцена!

Теперь вместе со всеми рассмеялся и Мастер. Да так, что задремавшая было Карма вскочила и принялась вертеть головой, пытаясь сообразить, что происходит.

- Хорошая у Бати группа... - выдавил Мастер и осекся.

- Хорошая, - кивнул Мэкс. - И я теперь понимаю, в чем там было дело. Мы с Сашкой, - он кивнул в сторону Хунты, - когда считали бюллетени, сразу просекли, какая там обстановка сложилась. Они Батю и Шерлока давно уже игнорировали. Как Школа в свое время отторгла Будду, помнишь? Батя еще и от этого бесился, наверное.

- Во всех записках только две кандидатуры на старшего и аналитика, - объяснил Хунта. - Ветер и Лебедь. Последний месяц, оказывается, они там всем заправляли.

- Что ж мне никто не сказал? - протянул задумчиво Мастер. - Помню, были туманные намеки...

- Они сами не понимали, чего хотят, - вздохнул Мэкс. - Ты же знаешь, старина, Батя был хороший старший. Простой, как две копейки, жесткий, злобный, но хороший.

- Он просто не выдержал напряжения, - сказал Хунта. - И начал трогаться потихоньку. В точности как Будда. А командовать-то он любил. И, кстати, умел.

Поэтому когда группа перестала ему подчиняться, для Бати самым естественным выходом было захватить власть во всей Школе. Интересно было бы, конечно, пригласить к Бате психоаналитика, но сейчас это уже поздно...

- И назвали бы это заболевание "синдром Басова", - заявил Горец. - В честь страшного Будды, мир праху его.

- Помянем, - предложил Хунта, поднимая бутылку. Все выпили. Мастер вглядывался в дорогие ему лица и наслаждался тем, какие они живые, честные и доброжелательные.

В этой компании он всегда чувствовал себя абсолютно спокойно. С этими людьми можно было при желании свернуть горы, совершить военный переворот, построить дом или улететь в космос. Интереснее всего, наверное, с ними было бы партизанить в лесах. Но особенно Мастер любил

такие застолья в промежутках между работой.

- Когда все кончится, - предложил он, - поставим в холле громадные столы, сядем всей бандой и нажремся. Классно, спокойно нажремся. Да?

Народ закивал. Мастер подпер одной рукой щеку, положил другую на плечо Карме, прижавшейся к его бедру и расслабленно вздохнул. На диване в углу сидел, запрокинув голову и закрыв глаза, Тим Костенко. И звал его подойти и сесть рядом. "Сейчас это придется сделать".

- Так я не понял, - спросил Мастер. - Кто же теперь в "Первой" старший?

- Победил с небольшим преимуществом Лебедь, - сказал Мэкс. - И тут же...

Ха-ха-ха! Ой, не могу! И тут же назначил Шерлока дневальным по псарне. На год!

Вкатил ему триста шестьдесят пять нарядов вне очереди!

- У нас же нет такой должности, - усомнился Мастер. - Там и не нужен дневальный.

Подумаешь, шваброй пару раз шевельнуть...

- Теперь будет, - пообещал Хунта. - И я уверен, что специально для Шерлока собаки начнут гадить в клетках...

Охотники и сенсы опять расхохотались. "Готовятся, - подумал Мастер. - В полпятого утра им точно будет не до смеха. Отводят душу".

- Шерлок не замешан в убийстве, - добавил Хунта. - Даже и не знал о нем. Он только испортил противоугонки на машинах. Мелкий саботаж, ничего больше. Наша внутренняя проблема. И Лебедь еще сделает из него человека. А за бомбу Бате отдельное спасибо. Там, конечно, было не полкило, а триста граммов, но нам пригодится.

- Кстати, машины я уже сделал, - вставил Горец. Мастер кивнул. Ни в чем не доверяя Штабу, он давным-давно натравил Горца на противоугонные системы "Рэйнджей". Системы были чертовски хороши, Горец возился с ними почти год, но теперь на каждой машине стоял надежно спрятанный тумблер, работающий в обход кодового иммобилайзера. Об этом знали только Мастер и Горец. Так что с машинами Батя промахнулся. А с бомбой... Мастер крепче прижал к себе Карму.

- Хорошо, - сказал он-- Значит, работаем по плану. Мэкс, ехал бы ты домой. Ты же не спал вообще, наверное. А твари могут сразу и не исчезнуть, так что нам еще найдется дело.

- Разреши остаться, - попросил Мэкс. - Я своих отпустил, а вот мы с Лысым хотели бы принять участие. Если ты позволишь, конечно.

- Ну, смотри. Подойди тогда к Лебедю, у него как раз теперь некомплект.

Договорись, и тут же спать. Утром ни у кого руки дрожать не должны.

- Спасибо, - кивнул Мэкс. - И вот что, старший. Я при свидетелях заявляю: выбрось из головы все, что Батя про меня наболтал. Да, моя группа - не подарок.

И лично я тоже не самый отважный парень в Школе. Должен признать, когда я понял, что придется идти против всего Проекта, у меня очко заиграло. Но я всегда был с тобой. А про Лысого и говорить нечего.

Мастер положил руку Мэксу на плечо.

- Я знаю тебе цену, Олег, - сказал он. - Я просто боялся, что у тебя сдадут нервы. Ты же самый тонкий из нас, дружище. Я видел, как сложно тебе принять решение. Вы уж простите меня, охотники.

- Ладно, - ухмыльнулся Мэкс, расслабляясь. Лысый молча кивнул. - Мы

тебя поняли.

Да, Лысый? Извинения приняты. Дуэль отменяется, вместо нее назначим выпивку с мордобоем и пьяными слезами в обнимку.

- Вот и ладушки, - улыбнулся Мастер. - А теперь по местам, господа.

Охотники и сенсы поднялись и гурьбой начали проталкиваться в дверь, озираясь на Тима, который по-прежнему безучастно полулежал на диване. Последним шел Хунта.

- Да! - сказал он, останавливаясь в дверях. - Совсем забыл. С Базы пришла замена Вавилову. Гиппократ. Нормально?

- А что такого? Ему же с нами в Техцентр не ехать. Отработает расчистку, и все дела.

- Доктор с ним передал на словах: "До утра дело терпит".

- Отлично! Я так боялся, что из-за Вавилова у нас все сорвется... Как начал бы Штаб следствие прямо сейчас... Видишь, а ты Доктора ругал всегда!

- Сволочь он, - набычился Хунта. - Сволочь, двурушник и трус, - и вышел.

- Ты просто скучаешь по Олесе! - сказал Мастер ему в спину, закрывая дверь.

Хунта не ответил. Мастер повернулся к Тиму

- Что-то я задумался, - вздохнул тот, открывая глаза и садясь прямо.

- Давай, присаживайся.

- Не вовремя я сломался, - сказал Мастер извиняющимся тоном. - Все думал, что здоровья хватит дотянуть до конца... Но слишком уж много всего навалилось.

- Ты справился. Да, тебе помогали, но ты ведь и не рассчитывал все сделать в одиночку. Так что не тушуйся. Ты для них герой. И с этим твоим... ритуальным убийством ты в самую точку попал.

- Прямо между глаз, - вздохнул Мастер, усаживаясь рядом с Тимом. - Прямо между глаз... - Он прокрутил мысленно перед глазами картинку: что за глаза были у Саймона, когда ему в переносицу въехала девятимиллиметровая пуля. "А неплохо было сработано. И с Батей - тоже".

- Так, - сказал Тим. - У меня информация короткая, но всеобъемлющая. Готов слушать? Ну, слушай. Я действительно мало понимаю в современной науке. Но библиотека мне помогла. Она уже привыкла к тому, что я задаю тупые вопросы, и довольно быстро все объяснила...

Карма подошла к Мастеру и улеглась у его ног.

- То, что мы называем психотроникой, находится под запретом уже несколько тысячелетий. Нельзя конструировать технику, имитирующую экстрасенсорные способности живого существа, потому что как только излучения, которые она генерирует, достигают определенной мощности, открывается э-э... Дверь. И в твоём доме появляются твари. Вот так-то, братишка. Видимо, это действительно некое иное измерение, которое смыкается с любым миром во Вселенной. Самостоятельно твари пробиваются к живым очень редко. Но сказки, легенды о живых мертвецах есть везде. Я именно с таких легенд и начал разговор с библиотекой.

- Значит, они везде...

- Да, они везде. И везде они ждут своего часа, потому что во всех мирах существует наука. И всегда она озабочена проникновением в тайны материи. А значит, рано или поздно добирается до тонких излучений и пытается создавать биоэнерготехнологии. И вот тут-то открывается то, что библиотека назвала Дверью.

- А при чем здесь твой друг Чейни?

- При том, что их мир столкнулся с проблемой тварей в полном объеме. Давно, настолько давно, что теперь об этом знают только органы, контролирующие науку.

Но, как я понял, им твари задали перцу. Таких Техцентров, как в Москве, там было штук сто. И твари поперли сразу по всей планете.

- Значит, там были и охотники, - сказал Мастер.

- Только без собак. Эти чейни все мощнейшие сенсы.

- Не понял, это имя или название народа?

- Понимаешь, брат, Чейни - тот чейни, который мой друг и спаситель, он из очень древнего рода. Его генеалогия уходит куда-то к самым их корням. А поскольку строй у них родоплеменной, то он там большая шишка. И ему по праву рождения положено носить именно такое имя.

- И на что твари рассчитывали?.. - поинтересовался Мастер. И тут же понял на что.

- Ты просто их опередил, - вздохнул Тим. - Ты мгновенно раскрыл то, что твоя девочка зомбирована. А если бы нет? Тогда мы успели бы поболтать по душам, и я рассказал бы тебе о чудесном народе чейни, которому обязан всем, что у меня есть, начиная с самой жизни, - народе, который лучше всех знает, откуда берутся твари и как с этим бороться. А ты-то уж...

- А я бы проболтался Тане, - кивнул Мастер. - Это точно! И мне отвернул бы башку именно тот человек, от которого я не ждал нападения. Умны, сволочи, ничего не скажешь.

- Я дал библиотеке примерную информацию о мощности Техцентра. Она считает, что после отключения генераторов активность тварей сразу же сократится на три четверти. А потом, на протяжении где-то полугода, будет медленно спадать до отметки ноль два - ноль пятнадцать. И еще год-полтора нужно, чтобы она полностью сошла на нет. Остаточное излучение, понимаешь? Это очень важно, брат. Это значит, что можно не беспокоиться за москвичей. Серьезной "ломки" у них не будет. Конечно, по весне психиатрам работы хватит, но это спишут на сезонные колебания.

- Отлично! Просто отлично! - Мастер возбужденно потер ладони. - Мне только этого и надо. Предъявить властям немедленный результат. А если никто из мирного населения не помрет... Блеск! Тогда нам точно все простят и вместо тумачков нададут медалей.

- А если нет? - спросил Тим. - Они не любят давать медали. Они любят наказывать за самоуправство.

- Но у нас же форс-мажорные обстоятельства! Что делать, если твое начальство оказалось резидентурой противника?

- А все-таки? Ты ведь не на макаронную фабрику замахнулся.

- Тогда мне придется исчезнуть, - вздохнул Мастер. - Для остальных разработана прекрасная легенда, не подкопайся. По ней выходит, что единственный виновник - я. Школу примет Хунта, и ребята будут еще на пару лет всем обеспечены. А когда добьют тварей, уйдут во Вторую Школу. Конечно, это совсем не то, к чему они привыкли...

- Они молодцы, - улыбнулся Тим. - Они чудесные парни. Тут ведь дураков нет. Все отлично понимают, что рубят сук, на котором сидят. Им больше нет места в этом мире, кроме Школы. И профессии другой подходящей они себе не найдут.

- Тем не менее они со мной согласны. И я их за это еще больше люблю.

- Ладно, - сказал Тим. - Когда все это кончится, мы с тобой серьезно

поговорим.

Есть идея.

Мастер заглянул ему в глаза и рассмеялся.

- Не нужно, - заявил он. - Ребятам, конечно, на этой планете жить противно, но это их дом. У многих семьи. А кому на семью наплевать, так ведь здесь дом его собаки. А без собак они уже жить не могут. Если ты однажды решился завести кавказскую овчарку, то это все, труба. Ты можешь потом устать, состариться, тебе просто надоеет ее тяжелый характер. Ладно, ты сменишь кавказку на немку, на бернца, на чау - не суть важно. Но всегда рядом с тобой будет какая-нибудь собака. Ты будешь согбенным дедушкой, а рядом с тобой будет стареть твой последний верный пес. Тим на мгновение отвел глаза и задумался.

- Под старость Зигмунд Фрейд завел чау-чау, - сказал он. - Больше всего в этой собаке его восхищала немотивированность поступков и неуправляемость. Н-да. А с чего ты взял, что я тебе предложу эмигрировать?

Теперь задумался Мастер.

- А что ты мне еще можешь предложить, - произнес он медленно, - чего у меня нет?

Тим проследил направление взгляда Мастера. Тот смотрел на Карму. И в глазах его светилась глубокая нежность.

- "Дырка" здесь, - Хунта ткнул пальцем в схему здания. - Мы засядем вот так. Ты встанешь вот тут. - Хунта показал на схеме угол подвала. - Тихое спокойное место. Большой зал. В него ведет с улицы дверь, а изнутри - только узкий лаз, тоннель, шахта теплотрассы. Если мы со своего конца слегка замешкаемся, у твари может хватить ума поползти по этому тоннелю. И тогда ты ее сделаешь.

- Опять ты меня в тыл запихнул, - пожаловался Мастер. - Почему мне нельзя...

- Заткнись, - сказал Хунта сухо. - На расчистке старший я. Скажи большое спасибо, что вообще не прогнал.

- Так его, заразу! - радостно крикнул Зигмунд, пробегая мимо. Мастер вслед ему замахнулся было кулаком, но того уже и след простыл.

- Возьми с собой кого-нибудь, а? - попросил Хунта. - У нас один из стажеров не вписывается. Пусть с тобой постоит, опыта наберется.

- Не надо, - мотнул головой Мастер. - Стажер со мной сегодня не опыта наберется, а полные штаны навалит.

- Да, это точно, - согласился Хунта. - Молодые только о том и говорят, как красиво мозги по стене размазываются. А классно ты Саймона уделал!

- Думаешь? - спросил Мастер недоверчиво.

- А ты сомневаешься? Это было просто кино! И ты выглядел, я тебе доложу, охренительно. Только спина немножко вялая. Не то что морда. Советую подкачать.

Мастер посмотрел на Хунту укоризненно.

- Я тебе что, Мистер Вселенная?

- Ты Мастер собак, - шлепнул его по плечу Хунта. - Давай, пошел на точку. И нечего дуться.

- Разрешите бегом? - съязвил Мастер.

- Прыжками! - разрешил Хунта, укладывая схему в планшет.

Включив наплечный фонарь, Мастер осторожно спустился по заметенным снегом узким ступенькам. Распахнул железную дверь подвала, отметив про

себя, какая она непривычно мощная. "Ого! Сейфовый замок... Хорошо теперь строят, надежно.

Отчасти из-за тварей - все бессознательно опасаются подземелий и запирают их намертво". Он осветил свой участок подвала. "Глубоко, метра три. Наверху ряд узеньких окошек. Если что, не допрыгнуть. Да на них еще и решетки в придачу.

Однако яма. Здоровая бетонная коробка. Так, вот этот тоннель. Вполне можно проползти на четвереньках либо под трубами, либо по ним".

Карма деловито обследовала стены и уселась у ног хозяина. Мастер проверил лазерный целеуказатель и подствольный фонарь. Он уже делал это наверху, но лишний раз не помешает. Да и успокаивает. "Что-то мне эта дверь не нравится. А чем бы ее подпереть? Подвал чистый, никакого строительного мусора. Ага!

Есть-таки. Только это не забыли, а спрятали. Кто-то под трубой в углу заныкал лом. Хорошая железяка, чуть длиннее метра. Порядок. Теперь мы дверь до упора распахнем, ломом ее заклиним, а сами в углу затаимся. И будем ждать. А пока будем ждать - будем думать".

Наверху к Хунте подошел Крюгер.

- Рации уже накрылись, - сказал он. - Ни хрена не слышно. Бенни говорит, что все на местах. Сенсов он тоже расставил. Техничка вон там, за углом. Гиппократ рядом с нашими машинами.

- Скажи Бенни, чтобы каждые десять минут переставал вынюхивать тварь и проверял, на местах ли охотники. Я не хочу сегодня терять людей по нелепой случайности.

- Это как схлопотать пулю на ступенях рейхстага, да?

- Точно. Все, иди к машинам и следи, чтобы Фил там не спал. - Хунта дружески пихнул Крюгера, задавая направление, а сам остался стоять, запрокинув голову и подставив лицо легкому теплову ветерку. Температура поднималась, скоро могла начаться даже оттепель. "Пушкай в марте приморозит, но главное - кончается последний месяц зимы. В этом году она выдалась особенно поганая. - Хунта стянул с головы шлемофон и зацепил его пряжкой за ремень, - Мастер сказал, нам охотиться еще два года. Потихоньку, но все-таки охотиться. А что потом? Неважно.

Только бы Ленка продержалась еще два года. Потерпи, любимая, хорошо? Ничего, выдержит. Она сильная девочка. Два года. А потом ей самое время будет родить. И у нас будет сын. Обалдеть! Или дочь. Тоже здорово. Жалко, что Султан состарится, к этому времени станет ленивым и раздражительным".

- Султан! - позвал Хунта. - Ты станешь ленивым и раздражительным?

Султан на миг оторвался от сугроба, который сосредоточенно обнюхивал, что-то хрюкнул и снова уткнулся носом в снег.

"Да, придется нам сменить профессию, - подумал Хунта. - Интересно, чем займутся сенсы? Сектор "Ц" наверняка прикроют. А может, и всю Базу разгонят. Да, сенсы...

Кстати! Что-то Бенни какой-то дерганый. Натерпелся за эти сутки, бедняга.

Пойдем-ка мы с ним парой слов перекинемся. А потом можно и в засаду".

Бенни развалился на покато капоте своего минивэна и курил, выпуская дым в безоблачное звездное небо.

- Как дела? - поинтересовался Хунта.

Бенни, закусив губу, смерил взглядом Султана, нюхающего его ботинки, и огоньком сигареты нарисовал в воздухе крестик.

- Это понимать как "икс" или как букву "ха"?

- Сам не знаю, - ответил сенс невнятно.

- Губу не грызи, растрескается. Хочешь, у меня помада специальная есть?

- Погоди, - попросил сенс.

Хунта фирменным "школьным" жестом упер руки в бока и отвернулся к зданию. "Это будет школа. Не Школа с заглавной буквы, а обычная школа. Здесь будут учиться не мутанты-Дети, а обычные дети. Мы оставим им хороший мир. Честный. В этом новом мире уже никто не сможет подсмотреть через стену или выстрелить сквозь нее.

Никто не заберется тебе прямо в мозг через элементарную телефонную трубку. Никто не сделает тебя уродом. Радуйтесь, детишки".

- Непонятно, - сказал Бенни.

- Что? - встрепенулся Хунта.

- Ты не подходил сегодня к техникам?

- Нет, с ними Крюгер договаривался.

- Да Крюгер ничего такого не заметил. А вот мне показалось... Черт! Только показалось, ты понимаешь? Какие-то они отмороженные. Нехорошо отмороженные.

- Кто там сегодня? - спросил Хунта, машинально кладя руку на пульсатор. - Мы их знаем, или они новые какие-нибудь?

- Да нет, старики. Петя приехал. Знаешь Петю?

- Х-ха! - расслабился Хунта. - Да этот Петя тормоз по жизни. Такой, что аж страшно. Ему бы в зоопарке черепах сторожить не доверили.

Бенни снова грыз губу.

- Они нормальные, - пробормотал он. - Никаких энергетических аномалий. Никаких экранов, как было с Саймоном, например. Но очень уж они странные. И понимаешь, я бы так не дергался, но они ведь буквально в двух шагах от Мастера!

- Мне уже некого туда послать. Ты можешь время от времени поглядывать в ту сторону?

- А я что делаю?! - обиделся сенс. - Да я только за ним и слежу! Да он нам сейчас... Ах! Ах, ты, сучара! - Сенс с размаху ударил себя кулаками по коленям и съехал с капота машины.

- Где?! - рывкнул Хунта. Рывкнул, насколько это было возможно; потому что перешел на шепот. Все охотники начинали шептать, едва поблизости возникала тварь.

- Градусов тридцать к югу, сто метров. Ах, погань такая! Ребенка тащит!

- Работай! - приказал Хунта и, пригибаясь, метнулся к зданию. Султан обогнал его и первым исчез в подвале.

Когда это случилось, Мастер сидел на бетонном полу, в дальнем от двери углу, расслабленно вытянув ноги и меланхолично поглаживая Карму по плечу. Его вдруг охватило неясное беспокойство, словно некто коснулся его мозга невидимым лучом.

Мастер подтянул ближе пульсатор и сделал то, что сенсы назвали бы "принюхался".

И где-то на грани своих возможностей почувствовал холод. Этот холод был вокруг, он буквально затопил подвал. Удивительно, но он тек откуда-то сверху. Карма возбужденно задышала и вскочила на ноги.

Снега на ступенях было действительно много, и Мастер не услышал шагов. И когда Карма бросилась к двери, он проклял себя за то, что

забрался так глубоко.

Опытная и умная охотница, Карма все свое внимание направила туда, откуда могла появиться тварь. Когда опасность возникла с противоположной стороны, она мгновенно оценила ситуацию, но теперь против собаки играло расстояние:

Ошарашенный Мастер мотал головой, пытаясь стряхнуть холод, сковавший рассудок; А Карма почти успела. Почти.

Чей-то невидимый башмак сильным пинком выбил отжимавший дверь лом. Железная палка влетела в подвал и страшно ударила Карму в Челюсть, отвернув собаку вбок.

Дверь с глухим стуком захлопнулась. Карма громко вскрикнула от боли и врезалась плечом в металл с такой силой, что загудела дверная коробка. Мастер от живота выстрелил в дверь поверх собаки - и услышал сдавленный вопль, который ужаснул его. Это был одновременно человеческий стон и хрип раненой твари. Раздался звонкий щелчок. Мастер понял, что это означает, и закричал. Не переставая орать что-то, чего сам не понимал, он всадил в дверь без малого половину батареи. И с трудом заставил себя убрать палец со спуска, даже услышав, что всякое движение снаружи прекратилось.

Под стеной плакала Карма. Мастер взял разбег и врезался в дверь. От удара у него потемнело в глазах, но дверь не шелохнулась, только снова легкий гул прошел по коробке. Мастер бросил короткий взгляд на Карму. Живая. Он осмотрел замок.

"У меня в ружье картечь. Попробовать?"

Непонятно на что надеясь, он шевельнул дверную ручку. Заперто.

- Карма! Карма! Карма! - Собака, тихо скуля, подползла к хозяину.

Мастер повесил лучемер на плечо, вытащил из-за воротника обрез и, примерившись, разрядил в замок шесть патронов. Разбежался и пнул дверь. Без толку. Машинально он перезарядил ружье и сунул его на место.

"Достали-таки меня, сволочи".

Холод по-прежнему заливал подвал. Мастер догадывался, что это значит. "Они накрыли этот край подвала энергетическим колпаком, меня теперь не увидит Бенни".

И тогда Мастер сделал единственное, что еще можно было предпринять. Он тщательно прицелился. И через толстую стену, через слой промерзшей земли, ударил из пульсатора туда, где стояла техничка. Он стрелял, пока не села батарея.

Отстегнул ее и швырнул в окно. Посыпались осколки.

- Карма! - Мастер присел на корточки и быстро ощупал плечо собаки. Все в порядке, А как морда? Тоже ничего, зубы все на месте. Собака еще слегка поскуливала, тычась носом хозяину в колени. "Бедная моя, тебя так сильно ушибли!"

Какое счастье, что у кавказок мало нервных окончаний в коже. Поэтому они малочувствительны к боли".

- Родная моя... - прошептал Мастер, обнимая собаку. И в этот момент сзади раздался до боли знакомый чавкающий звук...

Наверху в это время был полнейший бедлам. Тварь повела себя как сумасшедшая - почуяв охотников, бросила добычу и резво пустилась наутек, благодаря чему выиграла полминуты. Ни охотники, ни даже сенсы просто не смогли поверить, что эта гадость проигнорирует инстинкт, который должен вести ее, как по ниточке, прямо к "дырке". Пока засада выбиралась из здания, Фил и Крюгер успели тронуть с места две машины и рванулись было

в погоню, но тварь убежала в небольшой лесок и притаилась там. Хунта развернул людей в цепь и приказал стрелять по лесу; Потом спустили собак. Оказалось, что тварь залегла, и молнии пульсаторов не коснулись ее. В лесу началась драка. Собаки удержали тварь на месте, но к тому моменту, когда подоспели охотники, она уже тяжело ранила Джарефа, убила молодого неопытного пса и основательно зацепила еще двоих. Хунта послал людей за Гиппократом, и тут Бенни, который решил проверить, на месте ли бойцы, оставшиеся в здании, обнаружил, что исчез Мастер. С начала охоты прошло уже девять минут.

Бенни сел в снег, схватился за голову и взвыл дурным голосом...

Мастер еще только разворачивался к "дырке", а рука уже вдавила спусковой рычаг, и оружие плевалось голубым огнем. Твари, загребая воздух когтистыми лапами, опрокидывались в синий дым. Но на их месте появлялись новые. "Дырка" была значительно шире обычного, и тварей в ней оказалось навалом. Оскаленные зубы, протянутые вперед руки, пустые глазницы. Некоторые были совсем как люди, другие искалечены, кто-то одет, кто-то не особенно, но все они несли смерть. И все они, спотыкаясь о тела упавших, пытались выбраться из стены в подвал.

Карма, забыв о боли, встала между "дыркой" и хозяином. Мастер спокойно, как на тренировке, точечными импульсами сшибал лезущую из преисподней нечисть.

Поставленный на минимум, пульсатор не убивал их, а только обездвигивал, но и это было хорошо - корчась под ногами у других, подстреленные твари мешали им. Сначала Мастер считал выстрелы, но на третьем десятке сбился. Глаза начал заливать пот, и охотник тряхнул головой, сбрасывая на пол кепку.

Через две минуты "дырка" захлебнулась. Слабо шевелящийся бруствер из тел забил ее доверху. Мастер отступил на шаг и закашлялся. В подвале было просто не продохнуть от пышущей из "дырки" злобы. Мастер сплюнул на пол, вытер лоб тыльной стороной ладони, и тут чавкнуло справа.

- Что, бляди, все на одного, да?! - заорал Мастер, срывая голос. Эта "дырка" была еще больше. И твари из нее не лезли, а шли клином. Мастер начал стрелять и валил их, пока не села батарея. Десяток тварей уже находился в подвале. Даже не пытаюсь зайти с флангов, они мерной поступью шли прямо на охотника. Мастер страшно захрипел и рванул из-за спины обрез.

Первым выстрелом он снес голову полуразложившейся голой старухе с отвисшей почти до пупка грудью. Вторым свалил громилу с толстенной золотой цепью на шее.

Страшным ударом ботинка отбросил в угол ползущую на четвереньках девочку в изодранном платьице. Твари были уже совсем близко. Сбоку налетела Карма, сбита с ног сразу двоих и затерялась в куче пытающихся встать тел. Монстры шли и шли, сохраняя прежний боевой порядок и медленно отжимая Мастера к запертой двери.

Расстреляв все патроны, он принялся лупить их, как дубиной, разряженным пульсатором и пинать ногами в грудь. Когти рвали его куртку, но ткань боевого костюма держалась. Человек рычал и матерился, где-то под ногами металась, вся в пене, его собака, и вдвоем они держали-таки поток нелюдей. Мастер бил, толкал, пинал, отшвыривая врагов подальше, и совершенно не думал о том, что находится в суммарной активной зоне множества тварей уже почти три минуты.

Нога наступила на что-то скользкое, и Мастер чуть не упал. Лом!

Схватив тяжелую железяку поперек груди, он бросился вперед, толкнул, и твари начали валиться на спину, как костяшки домино. Мастер на секунду остановился перевести дух и с сожалением отметил, что слабеет. И сам удивился тому, что совершенно не чувствует страха. Только обиду, невероятно горькую обиду. Дрожали руки, глаза застилал туман. Карма на ватных лапах отползла назад, хозяину за спину, и тяжело рухнула на пол. Она не сдалась, ей просто было совсем нехорошо.

- Держись, любимая... - прошептал Мастер. Впереди твари перегруппировывались для новой атаки. Первым, на острие клина, стоял юноша лет шестнадцати в чистеньком новом костюме с увядшей гвоздикой в петлице.

- Ну что, господа? - произнес Мастер заплетающимся языком, сдавая назад для разбега. - Разрешите представиться! Я Виктор Ларин, Мастер собак. Когда-то я был человеком! Но все равно, я самый умный, самый сильный и самый красивый. И еще у меня есть кавказская овчарка. Ее зовут Карма! Сейчас, господа, я вас буду мочить, а она - отгаскивать. - Мастер был словно пьяный и никак не мог остановиться. Его разбирал истерический смех.

Сзади Карма заворчала, безуспешно пробуя встать. Твари дружно шагнули вперед.

Мастер крепче сжал лом и попытался как следует упереться ногами. Они не слушались. Они подкосились.

- Мир друзьям, смерть врагам! - крикнул он, падая на колени, перехватывая лом, как копьё, и откидываясь назад, чтобы ловчее было его метнуть. И тут с потолка градом посыпались стекла.

- Ло-жи-и-ись!!! - заорал сверху Хунта.

Мастер не сумел даже обрадоваться. Он с натугой запустил ломом в живот парню с выпускного бала и упал на бок. Из последних сил откатился в угол и, лежа на спине, впился слепящими глазами в самую прекрасную картину на свете. К решетке подвального окна припало искаженное злобой лицо Хунты, а между прутьями вклинилось толстенное дуло тяжелого лучемета с технички.

Пятнадцать голубых молний с трех сторон ввинтились в подвал, и стены отразили многоголосый вопль гибнущих тварей. Треск пульсаторов и глухой рев лучевой пушки слились в ушах Мастера в волшебную музыку. Хунта, выплевывая перекошенным ртом грязные слова, ворочал тяжелые рукоятки, заливая огнем расползающихся уродов.

Обессиленный Бенни сидел на подножке технички, поставив ногу на выпавшее из кабины бездыханное тело. Внизу Крюгер и Фил прилаживали к двери Батину бомбу. В фургоне медслужбы Зигмунд, глотая слезы, целовал в оскаленную морду умирающего Джарефа.

В подвале Мастер с трудом повернул голову и посмотрел на лежащую поодаль Карму.

Он уже почти ничего не видел и никак не мог разобраться, дышит она или нет. А это было так важно... Ничто в этом мире не занимало Мастера больше, и то, что он сейчас не мог узнать самого главного, очень расстраивало его.

А Карме снился интересный сон. В этом сне, как и во множестве предыдущих, она загнала на дерево большую злобную кошку. Карма, рыча, насканивала на дерево, пытаясь на него вскарабкаться, а кошка лезла выше и выше. Наконец она забралась на самую верхушку и неожиданно, высоко подпрыгнув, перескочила с нее на белое пушистое облачко. А с него

перепрыгнула на другое, третье, четвертое, уходя все дальше.

Тогда Карма разбежалась хорошенько, расправила широкие мохнатые крылья, взмахнула ими...

И полетела.

Олег ДИВОВ
СЛЕД ЗОМБИ III
БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

ONLINE БИБЛИОТЕКА

<http://www.bestlibrary.ru>

Сегодня нет фактических оснований полагать, что упоминающиеся в книге организации существуют, когда-либо существовали или будут существовать.

Все совпадения имен, названий и наименований случайны.

А он сказал только: "Не наделай ошибок". Ясно, чего не надо делать, но совершенно не ясно, как же все-таки жить.

Джойс Кэрл Оут. "Сад радостей земных"

ПРОЛОГ

Черного, как антрацит, дядьку с типично африканским именем Доктор Мбебе подловили в туалете его собственного офиса. Дали президенту благотворительного фонда закончить свои дела и вымыть руки, а потом оглушили шокером и затащили в подсобку. Прилепили контакты на виски и запустили сканер. Но как только машина вышла на режим и начала копаться у бедняги в голове, Доктор Мбебе затрясся всем телом, широко открыл глаза, громко пукнул и умер. Так его и бросили носом вниз в мужской уборной второго этажа.

Над Шварцкопфом, страшно богатым и поэтому хорошо охраняемым человеком, потрудились изрядно. Чтобы достать его из расплющенного лимузина, понадобился целый арсенал спасательной техники. Но дело того стоило - Шварцкопфа слегка помяло, а вот у телохранителей его наступил, мягко говоря, распад функций. Так что вовсе не их крепкие руки волокли упирающегося босса в "Скорую помощь". В салоне "Скорой" Шварцкопфа тут же вырубил и подключили к сканеру. Но едва оператор ввел первый вопрос, как газетный магнат приказал долго жить без объяснения причин.

Джимми Богарт упал с лошади посреди своего необъятного ранчо. Его уволокли в кусты и оприходовали по всей форме, но сканер опять ничего не успел считать, потому что у самого популярного в мире телевизионного ведущего остановилось сердце.

За атташе по культуре Ли Ван Ху долго носились под дождем, проклиная бег трусцой и прочую физкультуру, но нью-йоркскому Центральному парку.

Наконец чертов агент влияния свернул-таки в безлюдный уголок, где его и подстрелили из игольника.

Развернули тент, подтащили аппаратуру, и тут действие парализатора вдруг кончилось. То ли погода сказалась, то ли неучтенные резервы азиатского организма. В общем, Ли очнулся, вытаращился на переносной комплекс для "промывки мозгов" и мгновенно догадался, что это такое. Во всяком случае, так поняли его реакцию, потому что Ли часто задыхался, дернулся и отдал концы. По сравнению с предыдущими жертвами это был явный прогресс. Все-таки хоть какая-то информация.

К сожалению, ее с опозданием передали тем, кто занимался Котлером. Все делалось в безумной спешке, главными козырями операции считались дерзость и молниеносность - в течение суток она должна была завершиться по всей планете. И старший израильской группы как раз слушал по телефону приказ, когда Котлер открыл дверь. А старший, думая, как же из ситуации выкрутиться, стоял с поднятой рукой: ждать новой команды, не двигаться. И человек с игольником так и не понял, стрелять ему или нет. А Котлер, ничего не подозревая, шагнул в свой кабинет, обнаружил там группу людей с напряженными лицами, заметил направленный ему в живот ствол игольника и всех перехитрил. Он заорал по-русски: "Я все скажу, только не бейте!" Старший так обалдел от этого заявления, что у него челюсть отвисла, а тот, что с игольником, так и не выстрелил. А Котлер сполз по косяку и больше уже ничего не говорил, ни по-русски, ни как-нибудь еще.

Поэтому с некоей госпожой М., женой влиятельнейшего европейского политика, разговор велся по старинке. То есть накрыли ее там же, где и собирались, - в тайном любовном гнездышке. Но форсированных методов применять не стали, а просто решили поугубить. Госпожа М. с интересом просмотрела свежую видеозапись, демонстрирующую все, что с ней, госпожой М., только что вытворял дипломатический советник Вестгейт. Заметила, что господин Вестгейт - это, конечно, ее ошибка, потому что, несмотря на всю изобретательность одного молодого человека, удовольствия от него никакого, а одно расстройство. Предложила задавать вопросы.

И через десять минут, едва только гости начали докапываться до сути дела, ни с того ни с сего кувыркнулась с дивана головой в ковер и затихла.

На этом досадном инциденте руководство операции разбил паралич воли. И вся история чуть было не закончилась, не успев толком начаться. Все еще могло обернуться по-хорошему. И дипломатический советник Вестгейт не узнал бы, как в Москве умеют бить по морде, не застрелил бы четверых русских, одного финна и любимую собаку Игоря Волкова и не познакомился бы с такими экзотическими вещами и личностями, в существование которых воспитанные молодые люди просто не верят.

Но то ли Вестгейта дурацкая национальная судьба настигла - а он по происхождению был коренной москвич, - то ли дипломатический советник просто, что называется, дождался. Потому что ближе к вечеру того злополучного дня заглохшая было операция получила новый импульс.

Неожиданно оказался доступен человек, на которого спецслужбы давно точили зуб, но ухватить руками никак не могли. Был госпитализирован в частную клинику старый Оке Липар, председатель закрытого международного клуба промышленников. Наутро фотография "железного шведа" в траурной рамке обошла все выпуски новостей, а сын и наследник безутешно рыдал над телом старика, лицо которого неприятно изменила смерть. В дверях клиники начальник охраны покойного оттирал журналистов, и то, что он чуть не до

крови прокусил себе губу, все приняли за знак глубочайшей скорби. Начальнику охраны действительно было нехорошо от утраты. Нарушив обязательства перед клиентом, которому служил верой и правдой много лет, он будто лишился частички себя. Но эта боль должна была пройти, а пропавшую бесследно дочь начальнику обещали вернуть. Правда не раньше, чем в фамильном склепе Липаров появится настоящее тело.

Когда с Липаром осторожно поработал специалист, выяснилось что никакой он не железный, да еще и не швед к тому же. Операция удалась, и в компьютеры ее организаторов потекла информация. Она была чудовищна, она была невообразима, но с ней приходилось смириться. И оставалось только сделать выводы и принять решение. И то и другое далось нелегко, такими крутыми мерами пришлось бы вырезать из мозга человечества кошмарную опухоль. Но иного выхода не было. И с того момента, как решение было принято, спокойной жизни дипломатическому советнику Вестгейту осталось ровным счетом на два дня.

ГЛАВА 1

ПЕРВОЕ ИЮНЯ, ВЕЧЕР

Так получилось, что трижды машина заезжала во двор совершенно безнаказанно. А потом стряслась беда - у местного дворника по прозвищу Дядя Сэм окончательно свихнулась бабушка. Пока все благоразумные жильцы, трясясь от ужаса, разбегались кто куда, бабка пристально смотрела на дьявольский экипаж, хмуро бормоча что-то себе под нос. И, видимо, досмотрелась, потому что на четвертый вечер, едва машина закатилась во двор и заняла свое место у подъезда, старуха взгромоздилась бесформенной тушей на подоконник и разразилась проповедью. Вот он, мол, провозвестник Апокалипсиса. Приехал.

Тут, как назло, во двор нетвердой походкой вступил ее внук с неизменной поллитрой, бережно закутанной в бумажный пакет.

Дядя Сэм был человек просвещенный, с двумя образованиями, тщедушный и страшненький. Козлиная бородка, за которую он и получил свое прозвище, треснувшие очки - этакий интеллигентный алкаш. Когда машина посетила двор в первый раз, он тут же все про нее соседям доходчиво объяснил. Дескать, аппарат удивительный занесло в Москву, не иначе как из другого измерения, некоего параллельного мира. А потому есть машина не что иное, как необыкновенно реалистичная голограмма, короче говоря, привидение, и вреда от нее никакого быть не может. Нечего трястись, примите для храбрости и ложитесь спать. Постоит и уедет.

Машина действительно постояла и через полчаса уехала. Но на следующий вечер появилась опять. Встревоженные жильцы воззвали к ментам. Городовой Барабаш, он же Барабашка, предусмотрительно держа руку на кобуре, внимательно осмотрел машину с расстояния шагов в двадцать, цыкнул зубом, пообещал доложить куда следует и степенно удалился. Но, свернув за угол, он вдруг задал стрекача и бежал, пока не уперся в рюмочную, где и занял оборону.

Барабашку даже коллеги по участку без стеснения обзывали мусором, он был труслив, суеверен, малограмотен и хитрожоп. Кроме того, ему оставалась от силы неделя до пенсии. Поэтому ничего он никуда не доложил. И факс о происшествии оказался не там, где следует, а в канцелярии Академии наук. Шизоидную писульку о "таинственном предмете,

имеющем форму автомобиля", вызывающем у честных граждан припадки немотивированного страха, сунули в утилизатор. Поэтому наступил день четвертый, бабушка Дяди Сэма двинулась рассудком, а чертовой машине довелось проявить свою материальную сущность.

Входя во двор, Дядя Сэм как раз предавался размышлениям о том, как должен выглядеть мир, в котором имеют место черные автомобили на бесшумном ходу, не требующие водителя. Еще он горько сожалел, что машину нельзя потрогать руками.

Он бы с удовольствием в нее забрался и уехал из опостылевшей Москвы к такой-то матери. В проспиртованном разуме Дяди Сэма напрочь атрофировался инстинкт самосохранения, и машины он совершенно не боялся. Истерику, которая при виде посланца иного измерения охватывала сверху донизу два пятиэтажных дома, Сэм относил на счет дремучих суеверий. И крепко надеялся, что в Академии наук его сообщение оценят по достоинству. Может, и денег подкинут.

Сэм обогнул вонючую помойку и увидел автомобиль, уже занявший облюбованное им место под фонарем у третьего подъезда. На радостях Сэм, довольно ослабившись, сунул руку в свой пакет, нащупал бутылку, отвинтил крышку и хлебнул из горлышка.

Некоторое время он с блаженной улыбкой рассматривал гостя из Неведомого.

Автомобиль был все тот же - большой седан представительского класса, черный, с двумя ярко-желтыми полосами от бампера до бампера, идущими через капот, крышу и багажник. Гладкие шины-слики, слегка затемненные стекла и никого внутри.

Симпатичное и дружелюбное привидение. Какое-то время Сэм прикидывал, как было бы здорово рвануть на нем подальше от сонного города, в котором ничего не происходит, и вообще из этого чересчур рационального мира с его пластмассовыми вениками, дорогой водкой и счетчиками расхода воды. Только Сэм вознамерился отхлебнуть еще раз, как до него дошло, что из окна первого этажа кто-то матерно вопиет о том, что день Страшного Суда близится.

В голове у Сэма что-то звонко щелкнуло. Бабушку Валентину Борисовну, жирную истеричную сволочь восьмидесяти трех лет, наводившую ужас на все окрестности, Сэм искренне любил и признавать сумасшедшей отказывался. Он фактически из-за нее развелся с женой, которая на коленях умоляла его отправить старуху в психиатрическую клинику. И теперь Сэм безошибочно вычислил, что гость из параллельных миров бабушку обидел. Поэтому отношение его к автомобилю-привидению круто повернулось на сто восемьдесят градусов. Сэм аккуратно сунул пакет с бутылкой за мусорный ящик, добыл из-за пазухи оружие самообороны в виде куска высоковольтного кабеля и бросился мстить.

Он заподозрил неладное, только когда покрытое трещинами лобовое стекло машины провалилось внутрь салона. По инерции Сэм разнес в крупу окно водительской двери, и тут дубинка вывалилась у него из рук.

- К-как же это... - прошептал Сэм, чувствуя, как у него подгибаются колени, а перед глазами все плывет.

- Беги, мудака! - посоветовала ему из окна бабушка. - Покайся, пока не поздно, сучий выблядок!

- Она же... вот... - пробормотал Сэм, тыча в машину пальцем.

- Гореть тебе адским пламенем! - сообщила бабушка.

- Она же настоящая!!! - заорал Сэм. - Она же вот!!! А-а-а!!! Люди!!!

Спаси-и-те!!! Ма-а-ма!!!

Автомобиль не был привидением. Он присутствовал в московском дворе на самом деле. Вот уже четвертый вечер сама по себе, без участия человека, эта штуковина приезжала и уезжала по каким-то своим делам. И сейчас ей, видимо, опять пришло время уехать. Потому что под капотом раздался приглушенный свист.

Перепуганный Сэм взвыл и попытался отпрыгнуть в сторону, но запутался в собственных ногах, споткнулся, упал, с размаху треснулся затылком о бордюрный камень и затих. Машина, шелестя, тронулась с места и покатила со двора прочь.

А на следующий день к дверям местного участка подъехало вполне земное, но тоже черное авто с наглухо тонированными стеклами. Из него вышел и проследовал внутрь участка молодой человек в джинсовом костюме, сапогах-казаках и с прической "конский хвост". Не говоря ни слова, он зашел в дежурку и сунул в щель терминала пластиковую карточку. Лейтенант посмотрел на монитор, и лицо его приобрело характерное выражение брезгливого интереса - словно у заглядывающего в выгребную яму в процессе застегивания штанов. Молодой человек по-прежнему молча прошел в кабинет майора, начальника участка, и провел там минут десять. Вышел, сел в машину и уехал. А еще через минуту из своего кабинета показался майор. Он разинул рот, и на какое-то время несение службы приостановилось, так как в участке все оглохли.

***

- И все-таки это здорово, - сказал мент. - Я прошлым летом ездил в Майами отдыхать, и представляешь, чуть ли не на каждом заборе у них написано: "Русская культурная экспансия". И ладно бы - плакаты висели, а то ведь спреем из баллончика... Ох, я и загулял там...

- Это мода, - процедил Игорь, не отрываясь от своего бинокля на высоком штативе.

- Это пройдет.

- Не скажи, - покачал головой мент. - Мода на одежду бывает, на музыку... А вот чтобы мода на образ мыслей - такого я себе что-то представить не могу.

Понимаешь, они ведь действительно любят, по-настоящему любят все русское. Они понимают, что Россия - духовный лидер планеты. И хотят быть на нас похожи.

Учатся быть такими, как мы... такими...

- Раздолбаями? - подсказал Игорь.

- И это тоже, - согласился мент. - Что есть, то есть - неотъемлемая черта национального характера. Ты знаешь...

- Слушай, лейтенант, ты всегда на работе такой болтливый? - поинтересовался Игорь.

- Виноват, - мент шмыгнул носом и плотнее вжался спиной в угол. Игорь переключил бинокль на ночной режим.

Двор был совершенно безлюден, а стоявшие вокруг дома безжизненны, даже окна в них не светились, хотя внутри еще кто-то остался, тот, кому некуда, как оказалось, бежать. Но больше половины жильцов после вчерашнего инцидента в припадке необъяснимого страха рассосалось по родственникам и знакомым.

Геопатогенная зона, широкой полосой рассекавшая двор, много лет

создавала здесь атмосферу тревожности. Местные жаловались на кошмарные видения, среди них был аномально высокий процент больных нервными расстройствами и откровенных сумасшедших. Так что к визиту дьявольской машины они оказались хорошо подготовлены. В четыре захода проклятый автомобиль вывел из равновесия всех, кого только было можно.

- Это у меня нервное, - сообщил мент. - А ты что, совсем ничего не чувствуешь?

- Чего я не чувствую? - Игорь повернулся к менту и смерил его серьезным взглядом. - Того, что ты весь извертелся?

- Ну... - мент замаялся. - Атмосфера. Дурное здесь место. Гиблое.

- Хочешь, я тебя отпущу? - спросил Игорь без тени насмешки.

- Не-ет, - мент подобрался и сел прямее. - Не положено. Я должен быть с тобой.

- Тогда не трясись, - Игорь снова уткнулся носом в нарамник бинокля, - ...духовный лидер планеты и ее окрестностей.

- Вот ты погуляй по этому двору, а я на тебя посмотрю, - огрызнулся "духовный лидер". - Понастроили жилья черт знает где. А здесь, между прочим, даже крысы не водятся. Отселять надо эти дома.

- Экий ты продвинутый... адвокат геопатогенных зон, - Пробормотал Игорь, усмехаясь. - А еще мент называется. У тебя должна быть психология спасателя, ты людей обязан защищать от аномальных явлений, а не наоборот.

- Если б я ничего не боялся, меня бы в менты не взяли, - объяснил мент. - У нас психам делать нечего. А с аномальными явлениями бороться - это по вашей части, по ээсовской. Каждому свое. Ты же небось с детства хотел на работу в джинсе ходить и лохмы отрастить до задницы? Ну вот и давай теперь отгоняй от меня барабашек.

- Положим, одного барабашку я уже ликвидировал, - заметил Игорь.

- Старый пердун ушел бы на пенсию через неделю, - агрессивно заявил мент. - А ты полез не в свое дело, и...

- Ты никогда не задумывался, почему менты обзывают работников секретных служб ээсовцами? - перебил его Игорь.

- Выражение такое - Secret Service, - пожал плечами мент. Ему стало немного стыдно. Он еще никогда не работал с ээсовцем и не думал, что обзовет его так в глаза. Тем более что этот Игорь оказался нормальным парнем и вызывал у мента необъяснимую симпатию.

- А я думаю, аналогия глубже, - вздохнул Игорь. - Ладно, оставим этот разговор, о'кей? Эй, подвал, - позвал он, и в ухе у него тоненько пискнуло - рация отозвалась на кодовое слово. - Подвал, я Боец, как вы там? Не заснули?

- Как же, заснешь тут, - отозвался из подвала старший оператор. - Тишина, как на кладбище. Сидим, потом обливаемся.

- Что, страшно?

- Ну... Понимаешь, нам тут городской легенды всякие рассказывает про эти места.

А ты как?

- Аналогично. Слушай, осталось десять минут. Давай врубай свою шарманку.

- Система уже на прогреве. Выход на режим через пятьдесят секунд.

- Отлично. И без паники.

- Ну.

- И не соваться.

- Да, да...

- Извини. Я хочу быть уверен, что, когда она подъедет, никто не кинется и не спугнет ее. Городового там придержи. А то, похоже, местные ребята совсем упали духом. Ладно, работаем.

- Работаем, да.

- Эх, выпить бы сейчас... - подал голос мент.

- А у тебя есть? - Игорь на ощупь достал из кармана сигареты, зубами вытянул одну из пачки и прижал ее кончик к спирали зажигалки. Смотрел он все это время только в бинокль и никуда больше.

- Допустим, есть, - осторожно сказал мент.

- Ну и выпей.

- Ты серьезно?

- Абсолютно. Только не болтай. Выпей и молчи. Уверен, что сможешь не болтать?

- Ей-богу.

- Тогда давай. Лейтенант Рошин, Федеральная Контрольная Служба в моем лице разрешает вам принять допинг. Выполняйте.

В углу завозились, и раздалось характерное бульканье. Продолжалось оно долго, и Игорь даже задумался, как это у мента хватает воздуха и какого объема у него фляга. Наконец в темноте довольно крикнули и шумно утерлись рукавом.

- А вот... - начал было мент, но тут Игорь резко выпрямился, запрокинул голову и тихонько охнул.

- Ты что?! - встрепенулся мент.

- Эй, подвал, - с трудом выдавил Игорь. - Смотреть внимательно! Она здесь. И держитесь, ясно?

- Зона пятьсот! - твякнуло у него в ухе. - Видим ее, идет с севера. Ждите.

- Боец, понял тебя, - отозвались снизу.

- Кто побежит, голову сниму. Не спугните ее.

- А нам уже все равно, мы таблеток нанюхались.

- Ха! - Игорь приник к биноклю. - Молодцы... Так, значит, она возникает где-то в радиусе от километра до пятисот. Интересно.

- Слушай, - осторожно позвал из угла мент. - А откуда ты узнал, что она едет?

- Почувствовал, - честно ответил Игорь и невольно поежился. С детства он обостренно воспринимал энергетику окружающего пространства. Сначала не понимал, что это значит, потом научился своей эмпатией управлять и различать самые тонкие ее сигналы. И если ему отчего-то не хотелось сворачивать в темный переулок, он ни за что туда не шел. Потому что там либо могли дать по морде, либо готовилось упасть с крыши что-то увесистое.

Повзрослев, Игорь свыкся с такой своей аномалией и даже обернул ее себе на пользу. Тренированное сознание легко вычисляло степень опасности. Игорь уже не боялся всего на свете, а, наоборот, сам научился в нужные моменты становиться опасным и гнать перед собой невидимую волну, не только отпугивающую врага, но даже и отводящую беду. Правда, он ни перед кем и никогда не рисковал похвастаться своим даром. До того дня, когда его пригласили на Службу и его странный нюх на Неведомое не оказался востребованным в полной мере.

И сейчас, почувствовав издали приближение инородной энергетики, Игорь не испытывал страха. Он был готов к встрече с чужаком и ощутил только

легкий укол в области сердца. Впереди была работа, чужой не представлял опасности, а все, что должен был сделать Игорь, - внимательно рассмотреть его, описать и о результатах доложить.

А то, что это должен был сделать именно он, Игорь, и никто другой, тоже представлялось вполне естественным. Он был одним из немногих, кто мог без страха и ущерба для себя приближаться к энергетическим аномалиям. Скорее чужое боялось Игоря, нежели он - чужого. И сейчас он намеревался сделать то, на что без алкоголя в крови не решился бы ни один психически нормальный человек. Операторы сканеров внизу, в подвале, находились под воздействием антистрессовых препаратов. А Игорь здесь, на чердаке, должен был оставаться трезвым и беспристрастным наблюдателем.

- Вижу! - шепотом закричали в наушнике. - Боец, вот она!

- Есть, тоже вижу, - машинально кивнул Игорь. Во двор бесшумно закатилась, развернулась в два приема и встала под фонарем невесть как попавшая на Землю-матушку черная машина с желтыми полосами.

- Пишем, пишем... - бормотали в ухе. - Все нормально. Так, Боец, давай, начинай.

Десять минут у тебя.

- Сейчас иду, - сказал Игорь, отстегивая от пояса маркер-кит. Прибор, внешне похожий на маленький фотоаппарат, ставил на любой объект, живой или неживой, невидимый маркер и мог его пеленговать с достаточно большого расстояния. Сейчас Игорь должен был только поставить метку - в разных концах города ее появления ждали мощные пеленгаторы.

Игорь поймал машину в видеоискатель и нажал кнопку. Раздалось тихое жужжание, в окуляре замигали разноцветные огоньки.

- Есть пеленг, - отозвался далекий голос в наушнике.

- Отлично, - Игорь приладил маркер-кит на место, повернулся к менту и ткнул пальцем в бинокль. - Давай наблюдай.

- А ты э-э... - мент ткнул пальцем вниз.

- А что, ты туда пойдешь? - поинтересовался Игорь.

- Силен! - восхитился мент. - Ладно, ни пуха, - он встал и осторожно приблизился к биноклю.

- К черту. И помни, ты - независимый свидетель. Твоя задача смотреть, что происходит со мной. Не смотри на машину, смотри на меня. Если она меня обидит, ты должен рассмотреть, как именно.

- Тьфу! - Мент пристроился к биноклю и отрегулировал фокус. - Камикадзе.

- Неандерталец, - парировал Игорь и нырнул в чердачный люк.

***

Автомобиль ждал. Дом боялся. Игорь заметил, как шевелятся в окнах занавески, и сочувственно покачал головой. И смотреть на чудо-юдо было страшно, и не смотреть - просто невозможно. Приближаясь к машине, он чувствовал, как в душе растет беспокойство, и невольно сравнивал его с ощущениями, которое вызывали у него прежние встречи с Неведомым. А встреч этих накопилось уже немало, и все они были очень разные. Но задача, как правило, была одна - избавить ни в чем не повинных граждан от назойливых визитов чужака. Войти в контакт с аномалией, рассмотреть ее, исследовать и найти метод устранения. Как сейчас. Только раньше Игорю приходилось иметь дело с вещами попроще - гремлинами, полтергейстами, домовыми... Иногда они существовали в большом

воображении людей, и тогда за дело брался психотерапевт. Иногда были всамделишными, и тогда Специальному отделу случалось попотеть. Но в любом случае первым шел Игорь. Человек, который должен разобраться, что же именно случилось-Не бог, не царь и совсем не герой. Всего лишь внимательный и спокойный человек.

До машины осталось несколько шагов. Напряжение росло.

- Так, - сказал Игорь, зная, что сейчас его голос не только "пишется", но и раскладывается умными приборами на составляющие, чтобы зафиксировать малейший его оттенок. Сканеры прошивали невидимыми лучами не только машину, но и самого Игоря. И у него было лишь десять минут на все про все, потому что потом сканеры перейдут на опасные для жизни частоты. Может статься, что жесткое излучение машину отпугнет раньше, чем удастся хоть что-то о ней понять. А может, и нет.

- Подтверждаю все известные данные, - начал диктовать Игорь. - Шины без протектора, диски внешне аналогичны нашим литым, тонировка стекол примерно двадцать процентов... Окраска зеркально идентична случаю, зафиксированному в Сарове в 1990 году... - он присел на корточки, потом занял положение "упор лежа" и заглянул под машину. Там было темно. Игорь встал на колени, достал фонарик, включил и, неловко изогнувшись, заглянул под машину снова. - Днище гладкое, цвет черный. Деталей подвески не вижу, извините. Нет, не вижу, все сделано заподлицо.

Так...

Игорь распрямылся и шагнул к машине вплотную.

- Материал... - он бесцеремонно постучал кулаком по борту машины, - идентичен нашему сталепрокату. Ну, про стекла вы знаете. Так, - он подцепил двумя пальцами ручку левой передней двери и потянул ее на себя. Дверь неожиданно легко открылась с неприятным чавкающим звуком.

- Сиденья диванного типа, гладкие, - диктовал Игорь. - Не вижу швов. Никаких заметных органов управления. Господа, это какой-то автомат. Честное слово. Или им должны управлять телепатически.

- Чтоб ты знал, он на электрической тяге. Схема "мотор - колесо", - сообщил оператор. - Ясно видим обмотки моторов.

- Вы только меня не продырявьте ненароком, - попросил Игорь.

- Да все нормально, Боец, что ж мы, звери...

- Звери - не звери, а полегче там. И внутрь я не полезу. Мне и так все прекрасно видно.

- Как скажешь.

Игорь медленно обошел "предмет, имеющий внешность автомобиля", припоминая отчеты о подобных машинах. Последнее такое явление было зафиксировано около сорока лет назад в Сарове, более известном как Арзамас-16, вредном для здоровья городе с обилием аномальных зон. Что могла делать нехорошая машина в относительно благополучной Москве, Игорь не понимал. Но расцветка и внешний вид автомобиля удивительно напоминали тот случай в Сарове.

- Это точно автомат, - пробормотал Игорь себе под нос. - Фар нет, габаритов нет, катается, наверное, по заданному маршруту с заданной скоростью... Интересно, а багажник у него сзади?

- Пустота и сзади, и спереди, - сообщил оператор. - И никакого намека на аккумуляторы, между прочим.

- Ну-ка, посмотрим, - Игорь подошел к машине сзади, присмотрелся и увидел тонкую горизонтальную щель с почти незаметной выемкой.

- Да там пусто. Давай, Боец, закругляйся.

- Понял, понял, - Игорь сунул в выемку палец и осторожно потянул вверх. С таким же, как у двери, чмоканьем крышка багажника легко поднялась в вертикальное положение.

- Да, похоже на багажный отсек, - кивнул Игорь. - Пустой. Стоп! А это что?

В углу багажника лежала книга. Или что-то, имеющее внешность книги. Маленькая пухлая книжица, довольно потрепанная, в лоснящейся черной обложке, на которой виднелся неясный символ. Игорь задумчиво склонил голову набок. Он устал находиться рядом с машиной, беспокойство усилилось, оно так и жгло, и браться за книгу руками совсем не хотелось. А хотелось оставить машину и уйти домой. Это желание было настолько острым, что Игорь на секунду потерял самообладание и почувствовал опасность, только когда она подошла совсем близко.

- Сза-а-ди!!! - раздался крик с чердака. Кричал мент. Впрочем, он опоздал. Игорь уже стоял к противнику лицом, инстинктивно приняв угрожающую позу и по-собачьи рыча.

- Не бойся, - сказал чужак. - Просто уйди. Я тебя не трону.

- Лучше уйди ты, - посоветовал Игорь. Руки его были уперты в бока, тело чуть наклонено вперед - позиция внешне безрассудная, но Игорь знал, какое неприятное впечатление она производит. Сама злоба, и злоба, очень уверенная в себе. Хриплый голос, острый взгляд.

- Оставь, - сказал чужак небрежно. - Это не для тебя.

- Да ну? - Игорь приосанился и шагнул к чужаку ближе. Стоять вплотную к этому существу было противно до тошноты. Прилично одетый мужчина лет тридцати - черные лаковые туфли, темные брюки из-под длинного черного с отливом плаща, белый воротничок, черный галстук, аккуратная черная шляпа с узкими полями. Хищное остренькое лицо, чеховская борода, ухоженные тонкие усики. И круглые темные глаза.

- Уйди, - произнесло существо с угрозой в голосе.

- А хвост у тебя есть? - неожиданно спросил Игорь.

- Что?! - изумилось существо.

- Ну хвост, хвост! Девчонок пугать.

- А-а... - существо явно было обескуражено. - А тебе-то что?

- Интересно.

- Я повторяю, уйди. Ты дождешься, что я тебя помечу. Даю пять секунд на размышление.

- Ты меня пометишь, и что дальше?

- А дальш-ше ты будеш-шь мой!!! - прошипело существо. Это было сказано действительно страшно. Но Игорь не мог сдать позиции. Он был обязан выкачать из чужака максимум информации. Держаться до посинения. Или до обморока. "Черт, почему другие так не могут? Страсть как надоело подставляться. В отпуск хочу".

- Голограмма ты несчастная, - сказал он пренебрежительно. - Я сейчас пальцем шевельну, и по тебе шарahnут лазером. И испаришься ты в мгновение ока. Так что не пугай меня, ладно? Давай поговорим.

- Я здесь, и я настоящий, - возразило существо. - А ты один. Тот, что наверху прячется, не в счет. И сейчас я тебе покажу, какой я на самом деле. На, - существо протянуло Игорю узкую ладонь. - Сам напросился, теперь держи.

Игорь посмотрел на изящную руку чужака и понял, что взяться за нее не сможет.

Просто не хватит воли. Он и так еле стоял на ногах. Чужак что-то

делал с ним.

- Отползай, Боец, - прошелестело в ухе. - Отползай! "Они его убьют, - подумал Игорь. - Сдуру прижгут лазером и убьют. У них же больше ничего похожего на оружие нет". Незаметным движением пальцев он подцепил спрятанный за пояс шокер.

Пистолет-игольник был бы сейчас надежнее, но он висел под мышкой. А Игорю чертовски не хотелось обнаруживать свои намерения.

- Отползай, дурак! - уже в голос требовал оператор. - Он настоящий! Он атакует, на тебя идет волна!

В фигуре чужака почувствовалось напряжение. Кожа на острых скулах натянулась, рот превратился в тонкую щель.

- Тебе со мной не справиться, - сказал Игорь недрогнувшим голосом.

- Ты будешь моим слугой... - сквозь зубы прошипел чужак. - Ты будешь слепо мне повиноваться, будешь делать все, что я прикажу... А за то, что ты не поверил мне, я заставлю тебя пить огонь и есть пепел...

- Как сюда занесло эту штуку? - перебил его Игорь, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Рука на шокере дрожала и отказывалась повиноваться. Игорь понял, что воспользоваться оружием не сможет.

- Ха! Ну что же... Тебе уже некуда деться. Так и быть, я дам тебе узнать, из-за какой мелочи ты стал моим рабом... Она сломалась, понимаешь? Сломалась и уехала не туда. И какое-то время мы не замечали, что ее нет. А потом стали искать и вот нашли... А я нашел тебя - какая удача. Ты мне годишься. У нас любят красивых мальчиков. Тебе не будет скучно у нас...

"Нельзя его убивать, - подумал Игорь сквозь застилающий разум туман. - Поймать, задержать... А я уже и шевельнуться не могу... Как бы его стукнуть, но чтоб не насмерть..." И тут он сообразил как. Попытался сказать, но из горла вырвался только хрип. Тогда Игорь собрал остатки воли, закашлялся и неожиданно громко рявкнул на весь двор:

- Лейтенант! Огонь!!!

И сверху грохнуло.

Игорь верно рассчитал, что все это время мент таранился сверху вовсе не в бинокль, а в прицел своего "Клина-ММ" с выдвинутым прикладом. И теперь с превеликой радостью засадил в чужака без малого полмагазина. Пули зацокали по асфальту. Игорь сложился вниз, как марионетка, у которой отпустили веревочки, и забился под багажник машины. В ухе надрывно кричал оператор.

Несколько пуль впились чужаку в левое плечо. Он заорал благим матом, присел и с места прыжками кинулся в машину. Игорь услышал, как захлопнулась дверь, и по автомобилю прошла волна неприятной вибрации.

Силы взялись неизвестно откуда - Игорь выкатился кубарем из-под багажника, срывая с пояса шокер. Вдавил скобу, и желтая молния ударила в черный борт. Но машина уже тронулась с места. Наверху лейтенант сменил магазин и теперь упоенно дырявил ей крышу.

Лежа на боку, Игорь смотрел, как уплывает от него открытая пасть багажника. Он чувствовал, что уже не сможет догнать машину и схватить книгу. И тогда он поступил инстинктивно, глупо, наверное, поступил. Но смотреть, как машина с чужаком степенно выползает со двора, не было сил.

Игорь выхватил из кармана маленький серебристый цилиндрок, повернул кольцо предохранителя и несколько раз нажал кнопку таймера. Вскочил, пробежал, спотыкаясь, несколько шагов, аккуратно, "навесом", забросил цилиндрок в багажник машины и с чувством полного удовлетворения

повалился на асфальт.

- Боец! Сука! - визжали в ухе. - Зачем?!!

Игорь, лежа на спине, глядел в небо и улыбался. Машина скрылась за углом. Кто-то галопом несся к Игорю от дальнего подъезда. И это оказался мент.

- Ну?! - выдохнул он Игорю в лицо, упав рядом с ним на колени. - Ты как?!

Живой?! Что делать-то?! А?!

- Ты чудо, лейтенант, - сказал Игорь. - А ничего не делать. Выпить осталось?

- Ага, - мент сунул руку за пазуху и вытащил объемистую флягу из нержавеющей стали с надписью по трафарету "СПИРТ ЭТИЛОВЫЙ". - Сейчас, - он отвинтил крышку, осторожно приподнял голову Игоря и прижал горлышко фляги к его губам. Во фляге была водка, причем недешевая. Игорь несколько раз глотнул, удовлетворенно выдохнул и сразу почувствовал себя гораздо уверенней. Мент уселся на асфальт, положил голову Игоря себе на колени, раскурил две сигареты и одну воткнул Игорю в зубы.

- Спасибо, - пробормотал тот.

- Надо "Скорую" вызвать, - неуверенно сказал мент, вытаскивая рацию. - Да?

- Не надо, - поморщился Игорь, выпуская клубы дыма. - Сейчас наши подъедут, там есть врач. А потом, со мной ничего серьезного. Просто энергетическое истощение.

Завтра буду как огурчик.

- Что это было вообще? - поинтересовался мент.

- Так я ж тебе рассказывал... Лейтенант, ты правда молодец. Выручил. Быть тебе старшим лейтенантом в скорейшем времени.

- А я чего... Да я ничего. Мне еще за патроны как-то отчитываться... Мне еще целый роман писать о том, что было, прямо даже и не знаю...

- Ничего ты писать не будешь. За тебя напишут. Слушай, а ведь ты попал в него, и здорово попал! И больно сделал ему, гаду. За это тебе отдельное спасибо...

Из подвала выбрались трое и, топоча на всю округу, подбежали к Игорю.

- Все, ушла! Ты как, живой? Наши едут, едут, ты потерпи...

- То-то я думаю, отчего тишина вокруг, - Игорь пошарил глазами по своей груди, подобрал непослушными пальцами висящий на шнуре динамик и сунул его в ухо. - Где она провалилась? ~ Метров семьсот будет, в середине квартала. Никаких возмущений, ничего такого, просто ехала, а потом исчезла, растворилась в воздухе, и все. Ну, Боец, ты напортачил! Что там было, в багажнике?

- Книга.

- Эх! - Старший из троицы в искреннем негодовании схватился за голову. - Обида какая! Вот не повезло, да?! Черт, Боец, как я тебе соболезную! Ты хоть на сколько взрыватель поставил?

- На пять минут.

- Будет тебе на орехи...

- Да ничего мне не будет, - сварливо возразил Игорь, выплевывая сигарету.

- Как это не будет?! Бомбу на работу приволок... Ты откуда ее спер, горе луковое?

- Во-первых, она у меня всегда в кармане. Во-вторых, не спер, а купил. А в-третьих, господи, ничего мне не будет, потому что никто про

бомбу не узнает.

Разве не так?

Операторы переглянулись и вдруг синхронно посмотрели на мента.

- А я ничего не видел, - сказал мент, демонстративно поднимая флягу и отхлебывая из горлышка. - И городской не видел, я вам ручаюсь.

- Городовой... Ха! - Один из операторов вдруг захихикал.

- Н-да, - пробормотал старший и крепко почесал затылок. - Даже неудобно как-то.

Понимаешь, тут дело такое... Твой городской, по-русски говоря, в штаны наклал.

- Нехорошо так о ментах отзываться, господа, - пристыдил его лейтенант. - Мы тоже люди, ничто человеческое нам... Что?! Вы это серьезно?!

Двор осветили яркие огни. Игорь с трудом повернул голову, узнал машины Службы и устало прикрыл глаза.

ГЛАВА 2

ВТОРОЕ ИЮНЯ. УТРО

Как только в салоне погасли надписи "fasten seat belts" и "no smoking", Вестгейт перевел кресло в режим укачивания, настроил будильник и позволил себе на несколько часов отключиться. Проснулся он свежим и отдохнувшим, заказал легкий энеджиайзер и пошел умываться. Вернувшись, принял у стюардессы бокал охлажденного напитка и залпом выпил. Стюардесса не спешила уходить и, бросая на Вестгейта плотоядные взгляды, дольше положенного интересовалась, всем ли пассажир доволен и не нужно ли еще чего. Наверное, Вестгейт еще перед взлетом бессознательно, чисто по привычке, умудрился пройти по девушке своим отточенным "фирменным" обаянием - то ли взгляд, то ли жест, то ли все вместе.

Теперь же Вестгейт на нее рыкнул, и оскорбленная красotka удалась. Вестгейт горестно покачал головой ей вслед, прикрыл глаза, дождался, пока сознание полностью не активируется, и приступил к работе.

В подлокотнике кресла стоял довольно мощный процессор, но Вестгейт достал из кейса свой. Покопавшись одним пальцем в обойме для дисков, нашел коробочку с модным романом и зарядил ее в машину. Надел виртуальные очки и для разгона прохватил за пару минут несколько глав концептуальной русской белиберды, которой почему-то восхищалась вся планета. Не удержался и хихикнул. Запустил программу-дешифратор, ввел ключ и стал ждать. Текст романа перед его глазами потускнел, распался и сложился вновь. Но теперь это был уже совсем другой роман.

"Категория: ЭКСТРА. Тип: документ. Тема: форсированные экстрасенсы. Характер: справочный материал", - прочел Вестгейт. На секунду он почувствовал раздражение.

Вестгейт терпеть не мог фантастику, подозрительно относился к информации о всяких необъясненных явлениях, а от слова "экстрасенс" его просто тошнило.

Глобального масштаба гонения на всяческих шарлатанов, развернувшиеся в начале века, были, по мнению Вестгейта, естественной реакцией выздоравливающего общества. Люди слишком долго позволяли шаманам и знахарям себя дурачить. Когда человечество, пережив эпоху кризисов и войн, поднялось на ноги, его начало тошнить. И первой отравой, улетевшей

в канализацию, были лжеученые, проталкивавшие так называемую "биоэнергетику". Этим выкорчевали, как сорную траву, физики и врачи. Тут же упал до нуля интерес к "аномальным явлениям", всяким НЛО и полтергейстам - и как по мановению руки их перестали регистрировать. Они просто исчезли. Человечество посмеялось над своей глупостью - и испарились экстрасенсы. Сами разбежались, как только на их "услуги" пропал спрос.

И вот теперь компетентная фирма, которой Вестгейт доверял, как себе, вызвала его в штаб-квартиру для участия в разгребании какого-то замысловатого кризиса. И в качестве справочного материала ему подсунули документ об экстрасенсах, да еще не простых, а "форсированных". Мысленно Вестгейт покачал головой и, с трудом преодолевая естественную брезгливость, принялся читать.

Буквально через минуту он сдвинул на лоб виртуальные очки, воровато огляделся и тут же обругал себя за трусость. Документ был идеально защищен от несанкционированного доступа. Стоило бы Вестгейту убрать палец с кнопки, как дешифратор мгновенно разрушил бы секретный текст, а сам растворился бы в структуре других программ. Получить от Вестгейта ключи доступа тоже было невозможно - он их элементарно не знал, вызывая специальной командой из заблокированных слоев памяти. А закопаться под вживленные в голову Вестгейта блоки не смогла бы даже аппаратура для "промывания мозгов". Человек просто умер бы, так и не дав оператору "промывки" хоть что-то разглядеть. Но Вестгейт был ошеломлен и поддался инстинктивному желанию отвлечься.

Какое-то время он смотрел в потолок, приводя в порядок мысли и гася нежелательные ощущения, мешающие работе. А потом вернул очки на место и принялся уже с холодным сердцем на бешеной скорости поглощать и сортировать информацию.

Историки и аналитики из компетентной фирмы, которая, на взгляд Вестгейта, ошибаться просто не могла, сами были явно не в восторге от добытых ими невест как откровений. Но факты от этого менее сумасшедшими не становились. Как понял из прочитанного Вестгейт, экстрасенсы на Земле действительно были. Настоящие.

Более того, они существовали и сейчас, правда, загнанные в глубокое подполье.

Впрочем, теперь это никого не волновало. Люди с аномальными способностями были разобщены и шаманили себе потихоньку, как правило, не причиняя никому особого вреда.

Беда заключалась совсем в другом. И накликали ее не кто-нибудь, а русские.

Вестгейт даже стыд почувствовал за свою историческую родину. "Mother Russia", Мать Россия, совесть человечества и духовный лидер планеты... Всеобщую повальную русофилию, охватившую несколько лет назад самые разные народы, Вестгейт считал просто очередным массовым психозом. И не без основания полагал, что психоз этот возбуждается именно той фирмой, документы которой с грифом "ЭКСТРА" крутились сейчас у него в процессоре. А значит, человечество оставалось только простить.

Потому что Служба ничего не делает зря. И ничего не делает во вред. Мир и спокойствие во всем мире - вот стратегическая задача Службы. И если нужно перекрыть дорогу какому-нибудь вредному поветрию модой на все русское - что ж, русским-то от этого точно хуже не станет. Во всяком случае, спрос на русский секс уже прыгнул до потолка - это Вестгейт не

без удовольствия испытывал на себе. Даже он, не совсем настоящий русский, буквально шел нарасхват.

Но когда Вестгейту по делам Службы приходилось сталкиваться с такими документами, как сейчас, ему всегда становилось мучительно стыдно за то, что он принадлежит к этой очень странной, хотя и безусловно великой нации. Ему в такие моменты вспоминались слова одного русского же писателя о том, что Европа никогда не будет чувствовать себя в безопасности рядом с Россией. Потому что если русские путь от Распутина до Гагарина прошли за полвека, то что им стоит в один прекрасный день просверлить, допустим, тоннель от Москвы до Вестминстерского аббатства?

Но русские тоннелей не сверлили. Более того, они повели себя как дураки. В середине двадцатого века русские спецслужбы попались на дезинформацию американцев о том, что ЦРУ якобы ведет обширные исследования боевых аспектов парапсихологии. И собирается использовать экстрасенсов в разведывательных и военных целях.

Умные американцы запустили эту "дезу", чтобы отвлечь силы русских от действительно серьезных программ. Дураки русские навалились на феномен экстрасенсорной перцепции. Но на то они и были русские, чтобы за какие-нибудь двадцать лет создать чудовищную технологию, позже названную "психотронным оружием".

Настоящий экстрасенс, человек с аномальной биоэнергетикой, как правило, не мог в должной мере управлять своим даром, его способности проявлялись далеко не всегда, когда это было нужно. И в русских секретных лабораториях были созданы аппаратные комплексы, воспроизводящие экстрасенсорные феномены по нажатию кнопки. Психотронная пушка могла на огромном расстоянии "подслушивать" любой электронный прибор. Запросто разрушала или подчиняла человеческую психику, убивая или обращая людей в рабство. Могла накрыть своим полем целый город и всем его жителям задать необходимые поведенческие установки. Например, снизить "критику", мешая адекватно воспринимать действительность.

Конечно, русские не были бы русскими, если бы все сделали как надо. Оказалось, во-первых, что управлять пушкой должен специально подготовленный оператор, попросту говоря - довольно сильный экстрасенс. Во-вторых, у пушки была "отдача", и как только машина развивала большую мощность, оператор буквально на глазах сходил с ума. В-третьих, подвергнутые зомбированию люди, которых собирались использовать как разведчиков и соглядатаев, недолго оставались рабами машины.

Через год-два у них тоже ехала крыша, после чего такого агента оставалось только сдать в клинику, потому что сумасшедшие психотронному воздействию не поддавались в принципе.

Тем не менее работы по психотронике велись в течение десятилетий, и занимался ими целый ряд ведомств. Как и положено, они грызлись между собой, воровали друг у друга технологии и специалистов и умело втирали очки заказчику - верхушке правящей коммунистической партии. Более того, некоторые результаты от дряхлеющего руководства страны попросту утаили - не без злого умысла, надо полагать.

И, несмотря на все сложности, кое-что было сделано. Заработало несколько "Объектов", контролировавших "взрывоопасные" города. На улицы вышли зомбированные агенты политического сыска. Невидимые лучи искалечили психику сотен инакомыслящих, после чего их принудительно госпитализировали в психиатрические клиники. И более того (тут Вестгейт невольно пожегся, задумался на миг и решил-таки в это не верить), был

поставлен эксперимент по глубокой коррекции личности. Подопытными кроликами стало несколько тысяч детей.

Эксперимент не удался - дети погибли. Такой результат в значительной степени подорвал веру заказчиков во всемогущество новых технологий, и интерес к психотронике стал падать. Но как и многие бюрократические учреждения, Проект (так основной разработчик психотронного оружия назывался в документах Службы) оказался живуч и протянул еще до начала девяностых годов двадцатого века. На каком-то этапе даже КГБ, люто ненавидевший за бесконтрольность и фашистские методы, пользовался им как пугалом для диссидентов, распуская о нем кошмарные слухи.

Вестгейт прочел о Проекте много разнообразной ерунды, большую часть которой его тренированный ум тут же стер из памяти. Но кое-что дипломатический советник запомнил накрепко. Это было необходимо для понимания сути проблемы, которую ему предстояло решать в Москве. В центре проблемы стоял один-единственный человек, и был он так называемым "форсированным экстрасенсом".

Отбирая себе операторов психотронных установок, Проект составил обширную картотеку на русских "паранормалов", отделяя зерна от плевел, самородков от шарлатанов. Более того, чтобы облегчить выявление нужных себе людей, Проект в семидесятые-восьмидесятые годы подогрел общественный интерес к аномальным явлениям и экстрасенсорике в частности. А в конце восьмидесятых были созданы даже легальные учебные центры, где завербованные Проектом "кудесники" готовили себе молодую смену.

Параллельно шла работа по искусственному пробуждению аномальных возможностей человека. И тогда впервые было произнесено это слово - "форсировка". Машина, создававшаяся как оружие, в опытных руках могла не только разрушать, но и созидать. Подведомственный Проекту институт подошел к решению этой проблемы вплотную, когда оказалось, что природа уже все доделала за людей.

Несколько подростков, испытавших когда-то психотронное воздействие в рамках неудавшегося эксперимента, выжили. И их мутировавший организм с возрастом начал генерировать энергетику такой мощности, которой пугались даже выдавшие виды операторы Проекта. Совсем рядом с цитаделью Проекта, в Москве, жил и развивал свои аномальные способности полусумасшедший, но чертовски одаренный молодой человек. Он видел сквозь стены (тут Вестгейт про себя расхохотался), мог транслировать эмоции и мыслеобразы другим людям и даже умел (Вестгейт опять засмеялся, уже почти вслух) на расстоянии подчинять себе чужую волю.

Талантливого юношу начали склонять к сотрудничеству, но что-то у Проекта с ним не заладилось, потому что молодой человек сначала пустился в бег, а когда его поприжали, стал направо и налево убивать. Дальнейший след его терялся, а потом канул в Лету и сам Проект, но осталась разрозненная информация, почти неопровержимо доказывающая, что все это было на самом деле.

И теперь эта информация должна была помочь Вестгейту "войти в тему". Потому что именно по этой теме дипломатический советник Вестгейт будет работать в Москве, куда его сорвал экстренный вызов из центрального аппарата Службы.

Вестгейт уничтожил справочные документы, "растворил" программу-дешифратор в структуре остального софта, убрал процессор в кейс и принялся думать и гадать. В Москве он поступал в распоряжение так

называемого Отдела специальных проектов, загадочного подразделения Службы, о существовании которого раньше и не подозревал. Как следовало из краткой справки, отдел этот на полном серьезе занимался исследованием аномальных явлений и защитой населения от негативного воздействия оных.

Дипломатический советник Вестгейт терзался раздумьями и сомнениями минут десять и под конец так расстроился, что потребовал сухой мартини. Нарушить график работы глубоко законспирированного агента, выдернув его неожиданно в Москву, Служба могла только по причине серьезного кризиса. С нынешними делами самого Вестгейта кризис никак не мог быть связан, дела эти уверенно шли в гору. Значит, испортилось что-то другое. И починить, что у них там сломалось, мог только он, Вестгейт. Сознавать это было приятно. Но почему для решения проблемы он должен работать вместе с явными психами из этого Отдела специальных проектов...

Вестгейт тяжело вздохнул. Самым обидным было то, что разгадка тайны откладывалась. Из аэропорта Хитроу дипломатический советник Вестгейт летел сейчас вовсе не в Шереметьево-3, а за океан, с посадкой в Джей-Эф-Кей. И еще целый день ему предстояло работать по основной специальности на Американском континенте, стараясь не задумываться, какого же черта его вызвали в Москву.

Наконец Вестгейт окончательно запутался в догадках, спросил еще мартини, выпил и с горя задремал.

Стюардесса, тяжело дыша, подсматривала за ним из-за занавески.

ГЛАВА 3

ВТОРОЕ ИЮНЯ, ВЕЧЕР

Усевшись за руль, Игорь первым делом включил навигационную систему и глубоко задумался. Центральный офис Службы со всех сторон окружили дорожные пробки, и нужно было понять, в какую из них умнее влипнуть. Сначала Игорь выбрал затор побольше исходя из того, что именно там сейчас усерднее всего трудятся регулировщики. Но тут оказалось, что в пробке кого-то насмерть задавили и стоять она будет непоколебимо, пока менты не разберутся, кто там прав, а кто виноват.

Игорь вздохнул, повернул в замке ключ и рывком бросил машину к выезду из гаража.

Через десять минут он заглушил двигатель, вывел на монитор телевидение, нашел в эфире музыкальную программу, заложил руки за голову и, зевая, принялся ждать. В стоящих вокруг плотной стеной машинах курили, жадно глотали охлажденные напитки и грязно ругались. Впереди две девчонки в открытом джипе без-кондиционера и холодильника тоже нашли выход - стянули пропотевшие майки и откинулись позагорать. На бесплатный стриптиз глазели из-за плотно закрытых тонированных окон невольные зрители. Это была по московским понятиям хорошая пробка. Никто в ней не сходил с ума, не дергался, не толкался бампером - людей просто разморило, и все.

В окно справа деликатно постучали. Игорь пригляделся и, удивленно подняв брови, разблокировал дверь.

- Уфффф! - выдохнул Лавров, референт и компьютерщик Спецотдела, ныряя в кондиционированную прохладу. Некоторое время он шумно и жадно с наслаждением дышал, глядя на Игоря выпученными глазами.

- Ну как там, за бортом? - улыбнулся Игорь.

- Смерть... - прохрипел Лавров, мотая головой и облизывая губы. Игорь обернулся, разгреб скопившийся на заднем сиденье мусор, откинул крышку холодильника, извлек запотевшую жестянку пива и сунул ее коллеге. Тот благодарно хрюкнул и надолго к банке присосался. Игорь завистливо вздохнул.

- Хххааа... - Лавров смял в кулаке опустевшую банку и не глядя кинул ее через плечо. У Игоря в машине так было принято. - Спасибо, Боец, уважил. А как я тебя вычислил, а?

- Для пешехода неплохо. Ну сиди, остывай...

- Да нет, я по делу, я пойду сейчас. На, держи, - Лавров покопался за пазухой и достал несколько тонких слипшихся листков.

Игорь сначала широко открыл рот, потом внимательно посмотрел на Лаврова, потом уважительно присвистнул. Листки были покрыты бессмысленной внешне неразберихой шрифтов - обычный тест принтера. Но если Лавров их принес, значит, на бумаге было что-то важное. А откуда Лавров это важное украл, Игорь догадывался.

- Как ты это вынес со Службы, Мишка? - спросил он.

- Лучше не спрашивай. Это, Боец, такое ноу-хау, которое не продается. Значит, смотри. Вот строка, вторая снизу, это ключ. Только я тебя умоляю, как расшифруешь, не распечатывай и не копируй. Почитаешь, и все. И стирай тщательно, помнишь, как я тебя учил?

- Помню, помню...

- Дай слово, что сотрешь.

- Миш, даты...

- Я что сказал?

- Мишель, клянусь.

- Вот так-то.

- Слушай, дружище, раз все так серьезно, может, мне и читать это не стоит?

- Стоит, - улыбнулся Лавров. - Не уверен, что это новая для тебя информация, но... Я бы гадам был последним, если бы ее не спер. Тут много-ого чего интересного про твоего папулю.

- Ага... - Игорь отвернулся и закусил губу. Руки его аккуратно складывали листки. Он задрал штанину и сунул документ за голенище сапога.

- Понимаешь... - сказал Лавров. - Это новое железо, которое нам поставили, у него возможности фантастические. Это уже не компьютер, это просто черт знает что. И я его малость расшевелил... И случайно пробился на помойку...

- Куда? - переспросил Игорь, по-прежнему глядя в сторону и думая о чем-то своем.

- На помойку. Ты не в курсе, извини. Это такая база данных неопределенного характера. Чисто справочные материалы, и знакомиться с ними не обязательно.

Потому что они ничего не проясняют, а неподготовленного человека могут скорее запутать. С ними и не работает никто, наш патрон, например, на помойку не заглядывал ни разу, это точно, я же для него все документы готовлю... Он, наверное, и код доступа забыл. А я этот код того... Нащупал. Ну и давай крутиться, пока не засекли... Видишь ли, Боец, это хоть и помойка, но закрыта она по форме ЭКСТРА. Так что про нее такие легенды ходят...

- И что? Интересно оказалось?

- Не-а, - Лавров отрицательно мотнул головой. - Я тоже на многое рассчитывал, а там... Какие-то обломки каких-то архивов. Действительно неопределенного характера. Я просто ничего не понял. Но вот это, - он протянул руку и щелкнул пальцем Игоря по штанине, - произвело на меня впечатление. Надеюсь, и тебе... понравится.

- Значит, про отца... - пробормотал Игорь задумчиво.

- Да там про всех, - непонятно ответил Лавров. - Ладно, Боец, пойду я. Ты звони если что.

- Спасибо, Миша, - сказал Игорь. - Сам знаешь, за мной не пропадет. Как минимум с меня литр.

- Да, ты уж не стесняйся, - усмехнулся Лавров, хлопнул Игоря по плечу и ловко вынырнул из машины.

Игорь проводил его взглядом, достал сигареты, сделал музыку погромче и, закурив, принялся рассматривать загорающих девиц. Пробка стояла с упорством, достойным лучшего применения. В сапоге зудела краденая информация.

***

Дома Игорь первым делом залез в холодильник и, с сожалением отпихнув в сторону пиво, вытащил банку апельсинового сока. Алкоголь Игорю был сейчас противопоказан, он все еще восстанавливался после энергетической атаки.

Клякса, маленький черный мячик, вертелась под ногами, демонстрируя восторг и норовя запрыгнуть в руку. Игорь поймал ее и пустил гулять под рубашку. Но клякса тут же прилипла к солнечному сплетению и затаилась на животе хозяина, толчками вбрасывая в поврежденную ауру тепло и покой.

В кабинете Игорь зарядил документ в сканер, и как только информация была считана, бросил листки в утилизатор. Запустил дешифровальную программу, ввел ключ и, прихлебывая из банки, принялся ждать. Документ оказался небольшим, и когда на мониторе возникли первые слова, Игорь жадно впился в них глазами. И понял, что Лавров не ошибся. Непосвященному человеку, даже эксперту Службы, документ с "помойки" не был нужен. А вот Игорь в нем нуждался, и весьма. Потому что документ касался его, Игоря, лично.

Категория: ЭКСТРА Тип: документ Характер: стенограмма Тема: форсированные экстрасенсы Принадлежность: выборка из стенограммы выступления первого заместителя директора Федеральной Контрольной Службы П.С.Богданова на диспуте-семинаре для работников центрального аппарата.

ДОКЛАДЧИК: ...общество не любит тех, кто выделяется. Это закон. Любые заметные отклонения от среднего уровня должны быть ликвидированы. Выродки и мутанты обществу ни к чему.

Правило "выбраковки" лежит в подсознании человека с доисторических времен. И если взрослая особь уверяет, что это не правда, - она врет. Потому что, будучи ребенком, она яростно клевала сверстников - "слишком умных", "слишком глупых", а также с дефектами речи, заячьей губой и так далее. Ребенок не разбирает, кто ты - вундеркинд или дебил, генетический урод или жертва родовой травмы. В вопросах "выбраковки" ребенок безукоризненно честен. Исполняя правило волчьей стаи, он старается пресечь отклонение от нормы.

Но если "отклонившийся" все-таки выживет, у него будет в сто раз больше шансов реализоваться, чем у самых здоровых и самых нормальных.

К сожалению, иногда власть в обществе захватывают личности, по своим реакциям на "чужого" не отличающиеся от детей. И сейчас мы можем почти со стопроцентной уверенностью заключить... (оживление в зале). Ну не сто, ну девяносто пять процентов. Господа, давайте смотреть правде в глаза. У нас есть свидетельские показания, у нас есть вполне убедительные факты. Хотите вы того или нет, в нашей стране была осуществлена попытка массовой "выбраковки". Причем велась она с опережением. Были выработаны определенные критерии, и по ним выделено около пяти с половиной тысяч потенциальных лидеров оппозиции.

Я не могу назвать точной даты, но это произошло где-то между 1980 и 1985 годами.

Все объекты находились в возрасте от десяти до тринадцати лет... (шум в зале).

Да это же элементарно, господа! Мне достаточно один взгляд на любого из вас бросить, чтобы сказать, кем вырастут ваши дети. Не вижу, где заведующий отделом психологических исследований? Петя, скажи ты им...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Господа, он прав... (шум стихает).

ДОКЛАДЧИК: ...вы меня удивляете. Мы это делали не раз, только с обратным знаком.

Глубокая коррекция личности - элементарная вещь. Она успешно проводится даже оперативными методами.

Но в случае, который мы рассматриваем сейчас, задачи были поставлены масштабные.

Как все задачи, которые ставила партия. И в ход была пушена гиперпространственная психотронная пушка. Ее поздняя модификация стояла потом на московском Объекте. Разумеется, этот прибор был экспериментальным, не отлаженным в должной степени, и программа фактически сорвалась. Потому что из всех прошедших обработку детей до шестнадцати лет дожило только пятеро. Остальные скончались, как правило, - от внезапного обострения хронических заболеваний.

Но те, кто выжил, отлично подтверждают мой тезис о самореализации "отклонившихся от нормы". Почему я так настаиваю на этом? Дело в том, что они сами по себе были необычные люди. Они раскрылись бы все равно, так или иначе. Но когда в их жизни вмешалась "Программа Детей", самореализация пошла по совершенно иному пути. Но с не меньшей силой. Вот, давайте посмотрим. Кто они вообще были и кем они стали?

Тимофей Костенко слегка картавил и с детства был "слишком умный". И за то, и за другое он получал по шее. Но когда он вырос, ему на эту самую шею начали буквально вешаться невероятно красивые и редкостно умные девушки, с которыми он, кстати, обращался безобразно. А вот друзей-мужчин у него не было вообще. К двадцати трем годам он стал самым жутким пугалом за всю историю человечества.

Еще мы в курсе, что он человечество спас. А одна девушка из-за него погибла.

Виктор Ларин не имел внешних дефектов, скорее наоборот, но тоже был "умный".

Вдобавок он был наглый, заносчивый, склонный к эксцентричным поступкам и иногда неоправданно жестокий. Побить его удавалось только превосходящими силами, но желающих всегда было хоть отбавляй. У него девушки были еще красивее, чем у Костенко. Одну из них он очень жестоко подставил. Фактически он ее убил. Во имя высшей цели. Когда ему было тридцать один, он опять-таки спас наш мир.

Александр Малышев, худой и невзрачный, носил очки и был интеллектуалом до мозга костей. Школьные учителя его просто ненавидели, не говоря уж про одноклассников.

Девушек у него не было вообще. Зато он был гениальный ученый и шел на Нобелевку.

Возможно, он тоже спас бы человечество от чего-нибудь, если бы не раковая опухоль, оборвавшая его жизнь в сорок два.

Лариса Захарова была ярко выраженная еврейка, что уже само по себе трагедия для многих, родившихся в СССР. Надеюсь, наше с вами поколение станет последним, которому не нужно объяснять, что я сейчас имел в виду. Но и у Ларисы после шестнадцати отбоя не было от поклонников и намечалась интересная карьера. Что не помешало ей к двадцати семи годам дважды пройти курс лечения от алкоголизма и одной морозной ночью умереть от переохлаждения на улице. Прежде чем пристраститься к бутылке, Лариса успела проявить блистательный литературный талант. Но не судьба.

Игорь Волков в детстве носил очки и слегка заикался. И то и другое ему вылечили, но "закон выбраковки" он успел выучить назубок. Все у него потом стало как положено - яркие женщины, хорошие заработки, необычная работа. У названных выше четверых, людей интересных, по-своему блестящих, что-то в жизни обязательно не сложилось, несмотря на все предпосылки. А Волков оказался просто образцом гармонии. Отличная семья, дом - полная чаша, профессиональный успех. Только вот когда ему стукнуло тридцать шесть, он скрылся в неизвестном направлении.

Легенда гласит, что в файле 028 - личном деле Тима Костенко - он записан как объект "Стальное Сердце". К сожалению, файл был уничтожен, и мы вряд ли теперь узнаем, так ли было на самом деле. Конечно, это странное и не очень удобное для работы с человеком имя. Но, во-первых, имена Детям придумывали не оперативники, а ученые. А во-вторых, говорят, что Хананов, руководитель "Программы Детей", был по-своему влюблен в Тима и прочил ему великолепное будущее. А Костенко был - или благодаря Программе стал? - действительно очень мягкий, ласковый и совершенно бессердечный человек. И как-то одной девушке заявил: "Не пытайся меня разжалобить, у меня сердце стальное". В это время шла очередная плановая регистрация Детей, и растроганный Хананов записал в файле такое вот заковыристое рабочее имя-Местонахождение Костенко сейчас неизвестно. Неизвестно также, жив ли он.

Виктор Ларин, файл 105, нам известен как Мастер. Его дело сохранилось, и мы можем проследить, откуда взялось такое имя. В шестнадцать лет он пытался написать книгу и параллельно имел роман с некой Маргаритой. Как видите, особой фантазией руководство "Программы Детей" не отличалось. Писателем Ларин не стал.

Но десять лет спустя подчиненные отождествили его с персонажем фантастического романа. Когда Ларин стал командиром Охотников, его прозвали "Мастер собак".

Местонахождение Ларина сейчас неизвестно. Неизвестно также, жив ли он.

Александр Малышев в файле 200 был записан как Малыш. Да он и был невелик собой.

Это наименее мифологизированный персонаж в пантеоне Детей. Развитие его во всех отношениях было прямолинейным и начисто лишены романтики. Разумеется, если не считать трагедией историю его борьбы за жизнь. Малышев похоронен на кладбище городка Массачусетского технологического

института, США.

Лариса Захарова, файл 117, так и осталась Лариса. Мы полагаем, что ее Хананов "проморгал". Показания Самохина, научного директора сектора "Ц", согласно которым Ларису целенаправленно пробовали "на излом", представляются надуманными. У всех пятерых выживших Детей была отмечена повышенная тяга к алкоголю - а Лариса никогда не отличалась способностью контролировать себя. Похоронена в Москве.

Я рискну сейчас употребить этот термин - "герои". Эти четверо были ярко выраженными героическими личностями. Они постоянно боролись. Костенко воевал с психотронным террором и победил. Ларин охотился на зомби-мутантов и закрыл им дверь в наше измерение. Хочется надеяться, что навсегда. Малышев сражался с болезнью. Он выдержал столько курсов лечения, сколько не перенес никто. А Лариса боролась в основном с собой. Точнее, со своей паранойей. Но тоже делала это яростно.

И согласитесь, при всем разнообразии вариантов, включая летальный исход, судьба четверых названных выше сложилась относительно счастливо. Искалечившая их жизни Программа не бросила Детей на произвол судьбы.

Костенко, самый талантливый из всех, уже в тринадцать лет проявил дар сенса. С тех пор его "вели" постоянно, готовя к роли оператора крупнейшей в России психотронной установки. В двадцать он был против своей воли форсирован. К сожалению, Хананов, назвав его Стальное Сердце, не почувствовал, насколько это имя верно.

Ларин тоже обладал некоторыми пси-способностями. Однако его независимость, почти болезненная, ставила под большой вопрос саму возможность сотрудничества на добровольной основе. К тому же на момент развала "Программы Детей" Ларину едва исполнилось двадцать. Он так и не был форсирован, а его личное дело передали в параллельную структуру. Тем не менее он не был совсем забыт и постоянно наблюдался экспертами Института.

Малышу и Ларисе, признанным бесперспективными, были поставлены блокировки, и они прожили в принципе нормальную жизнь, так и не осознав себя мутантами.

Особый случай - Игорь Волков, файл 116, записанный как Волк. Он тоже попал в аутсайдеры Программы. Несмотря на то что ему удалось выжить, энергетический потенциал Волка оказался невысок и почти не давал себя знать до достижения объектом двадцати пяти-двадцати шести лет. Волка забыли и "упустили". А позднейший разгром двух ведомых Ханановым программ, учиненный Тимом Костенко, только усложнил ситуацию.

В итоге в центральном аппарате Федеральной Контрольной Службы оказался один из Детей, находящийся в кризисной стадии развития. Никто не знал, кто он такой на самом деле. Никто не мог оказать ему помощи.

Он был лишен элементарной психологической и медицинской поддержки. Остро переживающий свое одиночество и не понимающий его природы, мучимый неосознаваемыми комплексами, Волк стремительно мутировал. Прорыв наступил, когда ему было тридцать пять. Примерно в течение года Волк втайне исследовал и развивал внезапно открывшиеся способности форсированного экстрасенса. И еще - он собирал информацию.

И еще - героем он точно не был. Это я вам говорю как человек, который много лет работал с ним бок о бок. Тем не менее сейчас мы сидим здесь, а он - неизвестно где.

Нет архивных записей, которые помогли бы сегодня реконструировать беседу между Волком и тогдашним директором ФКС, состоявшуюся двадцать

два года назад. Но через сутки Волк исчез.

Отдел психологических исследований разработал по крайней мере десять возможных моделей - при желании вы можете ознакомиться с ними. Но скорее всего истинных мотивов поступка Игоря Волкова мы не узнаем, даже если нам удастся войти с ним в контакт. Он почти наверняка жив, и оперативный отдел пытается его локализовать.

Но главная проблема контакта с Волком отнюдь не в том, что он скрывается. Рано или поздно мы его локализуем. Вопрос в другом. Я сейчас рискну высказать предположение. Все мы, присутствующие здесь, фактически люди одного поколения.

Его ровесники. Что мы знали о Федеральной Контрольной Службе двадцать лет назад?

Мы все занимали рядовые должности и не были допущены к документам особой секретности. Только получив допуск ЭКСТРА, мы начали поднимать архивы и обнаружили, что их фактически нет! Чем в действительности занималась ФКС тогда, на заре нового века и нового тысячелетия? Мы просто не знаем. И в связи с этим у меня есть предположение.

Все вы, наверное, читали доклады научного отдела о способностях форсированных сенсов. Сейчас таких людей нет, их, мягко говоря, не делают. Но когда-то они были. И одним из них был Волков. И я полагаю, господа, что он узнал, или почувствовал, или назовите, как хотите... Короче говоря, у него был веский повод податься в бега. Мы всегда считали, что ужас, от которого он бежал, был внутри его. Сегодня я заявляю - нет! Скорее всего этим ужасом была Служба.

Поэтому сегодня я предлагаю активизировать усилия по поиску Волкова. Как минимум, чтобы загладить несправедливость. Здесь, в этом зале, есть несколько человек, которые до сих пор считают себя его друзьями. У нас действительно за этого человека болит душа. Я предлагаю вступить с ним в контакт хотя бы для того, чтобы извиниться. И объяснить, что Служба больше не представляет опасности ни для кого на этой планете. Мы построили самый эффективный механизм контроля за общественным благом. А то, что он имеет форму секретного агентства - что ж...

Служба гуманна, и Волкову нужно это объяснить. А когда он поймет - уверяю вас, два против одного, что он вернется. И у нас на Службе будет единственный в мире форсированный сенс. Согласитесь, это совсем неплохо. Откроются перспективы, о которых сейчас просто нет смысла говорить. Но это будет серьезный прорыв. Как видите, я не взываю к чувствам. Насчет чувств я с ним сам договарюсь, это наше личное дело. А в целом я за прагматический подход. В интересах Службы и человечества. Спасибо, у меня все. Слушаю вас.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: Принимаются ли сейчас меры по локализации Костенко и Ларина?

ОТВЕТ: За этими двумя до сих пор гоняются, похоже, все разведки планеты. Дело в другом - нет четкой уверенности, что они живы.

ВОПРОС: Правда ли, что рабочая версия по Костенко построена на том, что он живет за пределами Земли?

ОТВЕТ: Мы подозреваем, что инопланетный разум существует... (шум в зале, смех, аплодисменты) ...но у нас слишком много сомнений для того, чтобы строить подобные рабочие гипотезы. Мы исходим из того, что Костенко на Земле. Хотя околопланетное пространство сканируется. Но с другими целями, скорее оборонного характера.

ВОПРОС: Не рассматривается ли возможность продолжения исследований по

психотронике?

ОТВЕТ: Категорически нет. Эти исследования потенциально опасны для человечества.

Вспомните кризис, разрешенный Лариным. Нельзя. Просто нельзя. ВОПРОС: Что у зарубежных конкурентов? ОТВЕТ: Ничего. Во-первых, Россия в прошлом - мировой лидер по разработке систем воздействия на массовое сознание. В ближайшие двадцать-тридцать лет никто даже в теории не приблизится к тому, что мы наворочали в период с 1980 по 1991 год. А во-вторых, они и не пытаются. Мы им не даем.

ВОПРОС: Аппаратура для "промывания мозгов" как-то связана с пси-технологиями?

ОТВЕТ: Никоим образом. Повторяю: пси-технологии под строжайшим запретом. Даже простейшие биоэнерготехнологии развиваются только под нашим контролем и для наших внутренних нужд. А "промывка" - это дистанционная нейро-хирургия.

ВОПРОС: Почему вы так уверены, что Волков пойдет на контакт?

ОТВЕТ: Я не уверен, что это будет просто. Но у нас есть для него очень хорошая приманка.

Крепко сжав зубы, Игорь набрал на киборде длинную команду. Несколько секунд его палец висел над клавишей ввода. Потом Игорь закрыл глаза, опустил палец и безвозвратно уничтожил документ. Вытащил кляксу из-под рубашки, мягко сжал в кулаке и приложил к горячему лбу. Клякса тепло и уютно пульсировала. Компьютер, перезагружаясь, тихо похрустывал. Кто-то совсем рядом неприятно сопел и шмыгал носом, и Игорь вдруг понял, что это он сам"

Двадцать лет из своих двадцати семи Игорь прожил без отца. И как минимум десять лет целенаправленно собирал информацию о том, кто же он был, этот Игорь Волков, почему разошелся с его матерью, куда пропал и при каких обстоятельствах впоследствии умер.

Около года назад Игорь пришел к неожиданным выводам. У него зародилось подозрение, что его отец скорее всего порвал с семьей и работой не по своей воле. И, вероятно, до сих пор жив.

Для офицера Службы и сына офицера Службы это было не самое приятное открытие.

И целый ворох еще менее приятных открытий обрушил на Игоря ворованный документ.

ГЛАВА 4

ТРЕТЬЕ ИЮНЯ, УТРО

- Как жаль, что ты уезжаешь так рано, - пробормотал Томми, сосредоточенно изучая меню. - Могли бы завтра выбраться на пикничок. Выходной все-таки. Слушай, Алекс, у тебя бывают выходные? Знаешь, Сэмми, наш Алекс настоящий трудоголик. Носится по планете как безумный, оставляя за собой тысячи разбитых сердец.

- Да? - Сэмми, его жена, обворожительно улыбнулась. - В это нетрудно поверить. Я имею в виду сердца.

Вестгейт улыбнулся ей в ответ, мягко и чуточку смущенно.

- Не обращайтесь внимания, милая Саманта, - сказал он. - Старина Том делает мне рекламу. И никакой я не трудоголик. Просто Форин-Оффис считает почему-то, что, если послать меня готовить переговоры, они

пройдут успешно для нашей стороны. У нас на Островах все еще верят в приметы.

- И правильно, - кивнул Томми. - В прошлый раз, Сэмми, он этих ребят в здешнем министерстве просто околдовал. Наш Алекс всех околдовывает. Даже секретаршу посла.

- Не может быть! - рассмеялась Сэмми.

- Может, может, - Томми небрежным жестом подозвал официанта и заговорил с ним по-французски.

- Сам он трудоголик, - сказала пренебрежительно Сэмми. - Торчит в своем постпредстве все вечера напролет, приезжает чуть ли не к полуночи. А я гуляю одна по Манхэттену. Смотрю и не могу насмотреться. Волшебный остров. Эта архитектура, ее вид меня завораживает. Алекс, вам нравится смотреть на Манхэттен?

Вестгейта при упоминании Манхэттена чуть не передернуло. Он был однажды у Томми дома и мог представить себе излюбленный маршрут Сэмми. Впрочем, Сэмми была неудавшимся архитектором. По словам Томми - закономерно неудавшимся. Эклектика Манхэттена наверняка ее восхищала.

- Смотреть? Конечно, нравится, - сказал он. - Особенно издали.

Вестгейт сделал глоток аперитива, расслабленно откинулся на спинку кресла и на секунду прикрыл глаза. Он устал. Час назад он закончил работу здесь, в Нью-Йорке, и теперь без малейшего сожаления попрощался с этим безумным городом.

Вестгейт не любил Америку, дешевую, аляповатую и плебейски самодовольную в своем бескультурье. Ему в Америке не нравилось решительно все, и население в том числе. Он презрительно называл местных "ковбоями" - за глаза, конечно. И от души жалел Тома, вынужденного жить среди них уже который год. По мнению Вестгейта, Америка в больших дозах на любого человека действовала отупляюще. Том деградировал здесь настолько, что даже женился на американке. Хотя Сэмми, нужно отдать ей должное, была чертовски хороша.

- А куда вы теперь, Алекс? - спросила она вдруг. Вестгейт открыл глаза. Да, Сэмми производила впечатление.

- В Россию, Саманта. В Москву.

- Ой! - воскликнула Сэмми. - Не может быть! Какая прелесть!

Томми царственным жестом отпустил официанта и повернулся к Вестгейту.

- Да, - сказал он. - Завидую. Мы давно уже собираемся, да вот дела все...

Слушай, Алекс, ты же все-таки русский. Куда там...

- Русский?! - перебила Сэмми, глядя на Вестгейта расширенными от восторга глазами. - Не может быть!

- Смени пластинку, радость моя, - посоветовал Томми. - Что ты заладила - "не может быть, не может быть". Русский он по матери, разве не так?

- Не только по матери, - улыбнулся Вестгейт. - Я и по отцу русский. Но я был совсем еще ребенком, когда мама переехала в Лондон...

- Вот она, русская культурная экспансия! - ввернул Томми.

- ...так что воспитывали меня, как стопроцентного англичанина.

Конечно, ничего из этого не вышло. Но вот парадокс, Саманта, - на Островах меня считают нормальным англичанином. А в России принимают как иностранца. Хотя в этом году я провел дома только два месяца, а в Москве целых три.

- Так вы, должно быть, отлично говорите по-русски! - воскликнула

Сэмми. - Ой, Алекс, а скажите что-нибудь!

- Какая же ты прелестная дурочка, - сказал Вестгейт по-русски, глядя Сэмми прямо в глаза. - Пожалуй, я тобой займусь.

- А что он сказал? - спросила у мужа Сэмми громким шепотом. Томми довольно заржал:

- Готов поспорить, он сказал, какая ты прелесть! Вестгейт заметно смутился и заговорщически подмигнул Сэмми. Почти не желая того, машинально, он уже вводил себя в привычное "рабочее" состояние. Эта молодая женщина на самом деле понравилась ему. А Томми... Он ничего не поймет.

Обед удался на славу. Они вкусно поели и основательно выпили. Разговор тек легко и непринужденно. Томми вынудил-таки гостя рассказать, на что в России нужно посмотреть в первую очередь. Потом беседа автоматически перетекла на "русскую культурную экспансию". Затем Томми начал пространно излагать свое видение "русской идеи". Вестгейт поддакивал. Сэмми откровенно забавлялась. Всем было хорошо. Вестгейт с удовольствием выпил еще, потом еще, и ему стало просто замечательно. Он критически оглядел Сэмми с ног до головы и тут же потерял над собой контроль.

Близкое присутствие хорошенькой женщины, как всегда, возбудило какой-то неведомый центр у него в мозгу, который задействовал профессиональные качества.

И сейчас они были направлены на производство маленького чуда для себя. Старина Томми и сам не подозревал, насколько был близок к истине, говоря, что Вестгейт кого-то "околдовал". Каждый раз, стоило Вестгейту разбудить в себе профессионала и привлечь немного воображения... Здесь нужна была только уверенность в себе - колдовство начиналось, и чудо случалось. И он заполучал любую женщину, чему после не переставал удивляться сам.

Вот так и сейчас, слушая рассуждения ее мужа, сидящего за тем же самым столиком, он кивал в такт головой, вставлял короткие фразы, и одновременно рука с сигаретой уже покачивалась в соответствии с дыханием Сэмми. Так начиналась подстройка к ее миру, легкая и изящная, направленная на зарождение в женщине чувства неосознанного доверия к нему, Игорю Александру Вестгейту, красивому, стильно одетому, умеющему очаровательно смущаться и прячущему за этим смущением какую-то загадку. Необычному человеку. Возбуждающе таинственному. Русскому, наконец.

"Теперь надо привлечь ее внимание к разговору, вовлечь в него и послушать, как она говорит и чем интересуется, - напомнил себе Вестгейт.

- А она отвлеклась, о своем задумалась. Женщина! Впрочем, Томми кого хочешь замучает своими разглагольствованиями. Старый добрый верный Томми. Прекрасный аналитик, толковый советчик, надежный партнер. А жена его просто чудо".

- Я Не согласен, Томми, - сказал Вестгейт. Сэмми перевела на него рассеянный взгляд-- Русская идея в своей основе не претерпела никакой ревизии. Ты пойми, это ведь идея не о чем-нибудь, а об особенностях русской души. Так что какие бы социально-экономические изменения ни происходили, идея остается прежней. И работает, Томми, работает! Я тебе сейчас это докажу. На примере выборки из социума...

- Н-да? Это уже интереснее! И на какой же?

- Да на какой угодно! Например, можно на женщинах! - слово "женщины" Вестгейт выделил интонацией, более мягкой, ласкающей, и реакция Сэмми не

замедлила явиться: взгляд ее стал осмыслен, лицо слегка напряглось. Она улыбнулась. "Знает свою поло-ролевою принадлежность", - слегка позлорадствовал Вестгейт.

- А вы как думаете, Саманта?

Сэмми возвела глаза вверх и вправо. Вестгейт среагировал на это движение мгновенно:

- Вы уже смогли нарисовать русскую женщину в своем воображении?

- Да, - лицо ее изобразило легкое недоумение. - Я представила себе русскую женщину, ясно и отчетливо. Такую круглолицую, несколько полноватую, очень такую домашнюю, пахнущую кухней... И американку, подтянутую, спортивную, немного жесткую и очень уверенную.

- Ну это поверхностный взгляд, - ласково улыбнулся Вестгейт. - Давайте, друзья мои, заглянем внутрь и посмотрим, что нам скажет внутренний голос. Что он говорит, Том?

- Он молчит, - сказал Томми и потянулся к бокалу. - И нечего смеяться. Как сказал ваш русский классик: "Чего хочет женщина - того хочет Бог". И правильно.

Пусть хочет, чего хочет, и нечего ей мешать. Женщина, Алекс, - это загадка. Во всяком случае, для меня. Я свою-то жену собственную не могу сказать, что знаю.

Вот увлекается Сэмми розами. Сама их разводит, сажает, подстригает и черт знает еще что с ними делает, времени на это уходит уйма. Но ничего, мне нравится - красиво...

- Ну вот и пожалуйста, - сказал Вестгейт. - Ты хорошо знаешь, как заботится Саманта о том, что ей нравится, что ее радует. А скажите мне, дорогая Саманта, что было бы, если б вы увидели, как кто-то страшный, огромный, свирепый бросается и начинает топтать, срывать и всеми доступными способами уничтожать ваши розы?

- О! - Глаза Сэмми изумленно расширились. - Ну... Я бы была в шоке. Но я думаю, что я смогу убежать и спрятаться. Чтобы не видеть этого безобразия и остаться незамеченной.

- Вот оно, разительное отличие! Русская женщина отстаивала бы в подобной ситуации свое достоинство, свое сокровище, отраду своих очей, чего бы ей это ни стоило. Она бы кричала, производила бы столько шума и внешне настолько напоминала бы фурию в своем гневе, что повергла бы нападающего в бегство. Как сказал другой наш классик: "Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет". Так же и в любви, для нее нет предела, если женщине понравился мужчина... - с этого момента Вестгейт заговорил медленнее, плавнее, в его речи стали возникать почти незаметные паузы, а интонация зафиксировалась, оставаясь все время неизменной.

Вестгейт работал. Колдовство уже творилось вовсю.

- ...то когда она сидит напротив него... и видит... его... прямо... перед собой... то слыша его голос... взгляд ее туманится... и она расцветает, как роза... когда ею любуются... Как роза тянется к солнцу... так и она всеми силами стремится преодолеть расстояние... чтобы прекрасное открылось ей в своей первозданной наготе... и мир взорвался яркими красками... в соприкосновении и слиянии с неизведанным, что долго и неосознанно желалось... и непременно завтра же, - тут Вестгейт под столом легонько коснулся бедром платья Сэмми. Зрачки женщины были по-прежнему расширены, а дыхание слегка замедленно. Вестгейт удовлетворенно отметил, что все идет как надо, и продолжил речь

все так же плавно, - ...как роза, свежая и прекрасная, и только вместе... и вы забываете все.

Резкий, как бы режущий жест руки Вестгейта сопровождал последние слова. Он перешел на другой темп речи, и голос его стал обычным, чуть более резким по тембру и разнообразным по интонациям.

- И так же, как и женщины, любой тип человека в России доведен до логического совершенства, - сказал он. - И любая поведенческая реакция. Если ругаться, то с упоением, если любить, то тоже с упоением. Пресловутая русская душа никогда не дает русским делать что-либо наполовину из того, что хочется, а если чего не хочется, то пиши пропало. На Западе же все продумают, взвесят и уже потом делают, а русский человек поступает обычно в порыве чувств. Делает или вовсе не делает, главное, что думает он уже потом, и себя оправдывает почти всегда.

- Черт возьми! - сказал Томми, глядя в опустевший бокал-- Что-то я... Друзья мои, а час-то поздний! Не пора ли нам? Да? Нет, Алекс, сегодня плачу я. Банкет за счет принимающей стороны... Эй, гарсон!

Вестгейт твердо рассчитывал на то, что Томми задержится в ресторане, и тут же вызвался проводить Сэмми до машины.

На ступенях ресторана Вестгейт отдал служащему номерок от автомобиля. Встал рядом с Сэмми. Точно так же, как и тогда, под столом, коснулся бедром ее бедра и, увидев характерную реакцию замедлившегося дыхания и расширившихся зрачков, твердо, в прежнем наработанном темпе, сказал:

- Когда завтра в восемь вечера вы пойдете гулять... будете просто идти, делая шаг за шагом... предчувствуя радость... выйдете к бару "Джойс", войдете, закажете себе выпить и пробудете там до десяти, - он снова резанул воздух ладонью, пронаблюдал ожидаемую реакцию и продолжил:

- Жаль, что сегодняшней вечер закончен, вы такая увлекающаяся и страстная женщина, Саманта, так вдохновенно рассказывали о розах, что увлекли даже и меня.

Сэмми удивленно моргнула, но затем улыбнулась и произнесла:

- Не знаю, много ли я успела наговорить сегодня, но в следующий раз про розы я вам расскажу непременно, - она снова улыбнулась странной заигрывающей и слегка ошеломленной улыбкой.

Служитель подогнал машину. Вестгейт дал ему на чай, открыл дверцу, усадил Сэмми и вздохнул.

Он неожиданно протрезвел. И ему стало... не стыдно, нет. Просто в душу заползла щемящая тоска одиночества. Привычное ощущение пустоты и бессмысленности всего на свете. Пустота была внутри и снаружи, и никакой Сэмми не было дано ее заполнить.

Завтра в предвкушении чуда, помня лишь, что она для Вестгейта увлекающаяся и страстная женщина, Сэмми придет в бар "Джойс" чуть позже восьми. К сожалению, Вестгейт этим воспользоваться не сможет, а она лишь поймет, что решила немного посидеть со стаканом мартини.

И что-нибудь да произведет на нее неизгладимое впечатление.

- Ты что, старина, перебрал? - спросил Томми, подходя к машине. - Какой-то у тебя видок... Потусторонний. Точно говорю, последний бокал ты выпил напрасно.

Зря.

- Да, - кивнул Вестгейт, но только не Томми, а своим мыслям о том, что произошло сейчас. - Понятия не имею, зачем я это сделал.

- Эй! - сказал Томми обеспокоено. - Ты в порядке? Садись в машину,

дружище.

Поедем.

Вестгейт поднял на Томми глаза, устремленные куда-то внутрь.

- Странный я человек, Том, - сказал он горько. - Вечно мне чего-то не хватает.

Начинаю искать. И каждый раз, как доберусь до этого "чего-то", гляжу - а это совсем не то, что нужно.

- Философ! - усмехнулся Томми. - Жениться тебе надо. Садись, поехали.

- Дай-ка мне еще сигарету, - попросил Вестгейт. - И поезжай. Я, пожалуй, немного пройду. А потом возьму такси.

- Уверен? А то...

- Уверен, - сказал Вестгейт. Он действительно не чувствовал ни малейших угрызений совести. Но сестра в машину рядом с Сэмми почему-то оказалось выше его сил.

***

На работу Игорь прибыл в чрезвычайно дурном расположении духа. Он так и не смог переварить до конца полученную вчера информацию и совершенно не представлял, как ему теперь себя вести. То есть держать себя с окружающими нужно было по-прежнему. А вот что делать, чтобы новое знание не прорвалось наружу, он пока не придумал. Очень уж это знание оказалось неуместным. Игорь и сам не предполагал, что будет чувствовать, если подтвердятся давно возникшие у него подозрения.

А почувствовал он только страх. Элементарный страх за свою жизнь.

Глядя под ноги, Игорь сунул в турникет пластиковую карточку и шаркающей походкой затащил неподатливое тело на Службу.

- Игорь! - раздался из дежурки полный облегчения возглас. - Доброе утро!

- Сомневаюсь, - ответил Игорь, с трудом поднимая глаза на знакомого сержанта. - И чего в нем доброго?

- Ты пришел, - объяснил сержант. - Давай сюда!

- Что такое?! - Игорь машинально набычился и привычно упер руки в бока.

- А то, что тебя второй час ищут, вот что! У меня уже лычки с погон сами отстреливаются... - проворчал сержант, нажимая кнопки на своем терминале. Про лычки он шутил. Игорь отлично знал, что сержант на самом деле как минимум капитан, а его помощник с погонами рядового, меланхолично кивающий в такт словам командира, - лейтенант. Центральный офис Службы упорно маскировался под статистическое управление.

- О господи... - пробормотал Игорь, заходя в дежурку и стараясь унять предательскую дрожь в ногах. Он все еще не был готов разговаривать с людьми, которые знали, что он - сын Волкова. Когда выходил из дома, думал, что готов. А оказалось - нет.

- Леночка, он пришел, - сообщил терминалу сержант-капитан. - Что мне ему сказать?

- Ну-ка, пусть мне покажется, гад такой! - раздался в динамике звонкий девчоночий голосок.

При звуке этого голоса Игоря затрясло буквально с ног до головы, но он послушно вполз в поле зрения камеры.

"Только не бежать! - приказал он себе. - Побегу - могут подстрелить, и тогда все, конец, тут же заработаю промывание мозгов. Проклятье!

Неужели Лавров все-таки засветился с этой кражей?"

- Боец! - позвала "Леночка", она же первый референт директора Службы.

- Ты в порядке?!

- Ну... Не очень, - промямлил Игорь, припоминая колоссальный список былых своих прегрешений и терзаясь надеждой - а вдруг это не Лаврова поймали, а всплыло что-то другое, не такое опасное для жизни.

- А в чем дело? - озабоченно спросила Лена. - Тебе все еще дурно? Что же ты...

- Да не! - отмахнулся Игорь сварливо. - Погода замучила.

- Ах, погода! - саркастически обрадовалась Лена. - Боец, ты вообще знаешь, который час на дворе, а?

- Ну полдвенадцатого.

- А во сколько надо на работу приходиться?

- Ну...

- Нет, ты мне скажи, во сколько?!

- Лен, я сегодня пришел на полчаса раньше обычного.

- Игорь, милый, ты понимаешь, что Папа тебя заказал на девять тридцать? И я тебя, негодяя, уже третий час покрываю! Что у тебя с телефоном?!

Игорь отстегнул от пояса телефон и собрался было разыграть пантомиму, но сержант моментально выхватил трубку у него из руки и принялся ее придирчиво обнюхивать.

- Постыдился бы, - сказал ему Игорь строго.

- Леночка, а он ведь сломан у него! - радостно воскликнул сержант - И как он это сделал? - поинтересовалась Лена. - Давай, Боец, рассказывай! Я тоже так хочу...

- Лен, - сказал Игорь тоном, не терпящим пререканий. - Кончай этот спектакль. Я виноват. Я приношу тебе извинения. Но сломать наш телефон невозможно. Он может сломаться только сам. Я сейчас пойду в оружейку и его поменяю.

- Тьфу! - раздалось из динамика. - Через пятнадцать минут чтоб был в приемной!

Никуда по дороге больше не заходи, у себя в отделе не отмечайся, иди прямо ко мне. Понял? Это приказ! И запомни, даром тебе это не пройдет!!!

- Он будет, Леночка! - проблеял сержант. - Мы проследим!

- А ты, Карпухин, за него не заступайся!

- Да я...

- Боец, ты понял меня?!

- Так точно. Никуда не захожу, у себя не отмечаюсь, к тебе прибыть в одиннадцать сорок пять.

- В гроб ты меня загонишь, - сообщила Лена и отключилась.

Игорь с сержантом крепко пожали друг другу руки. Помощник дежурного зажимал рот ладонью и усиленно моргал.

- Ты чего натворил? - спросил Игоря сержант. Игорь прищурился. Он все никак не мог понять, что происходит. Ему уже приходилось бывать у директора Службы, но никогда его не вызывали вот так - внезапно и с явным нарушением режима.

- Не знаю, - честно признался он. - За мной уже столько всего числится, что я понятия не имею, какая такая история наверх просочилась.

- Между прочим, твой Спецотдел еще не в курсе, что тебя ищут, - заметил сержант.

- Ленка именно мне приказала тебя отловить. И не по связи, а лично

приказала, когда на работу пришла. Так что ты действительно топай прямо к ней. Дело серьезное.

- Ничего себе... - пробормотал Игорь. Все это время голова его работала с бешеной скоростью, просчитывая варианты развития событий, и ее-таки заклинило.

Теперь он уже окончательно ничего не понимал. - Если такая секретность, так на фига эта истерика по интеркому?

- Значит, довел ты барышню, - предположил сержант, возвращая Игорю трубку. - И дурак ты после этого. Такая женщина ... Ладно, беги в оружейку. Нельзя на Службе без телефона...

Игорь усмехнулся. Его слегка отпустило. Во всяком случае, он уже не был испуган, а просто чертовски неуютно себя чувствовал. Но бежать было некуда, и это он тоже сознавал.

- Гляди, - сказал он, доставая из кармана нож. - Заслужил...

"Боевой" телефон Службы, внешне ничем не отличаясь от нормального, обеспечивал кодированную связь. Поэтому корпус его вскрывался только специальным инструментом, и любое несанкционированное проникновение уничтожило бы контур, отвечающий за шифровку сигнала. Ломались такие аппараты очень редко, и не от физического воздействия, а если раньше положенного садилась батарея. Отключить их было невозможно в принципе. Испортить преднамеренно - тем более. Пьяный Лавров на спор зачихнул свой телефон в курицу и зажарил их на пару в микроволновой печи. Курицей они с Игорем закусили, а телефон работал как новенький.

Лезвие со щелчком встало на стопор, и Игорь аккуратно ткнул им в тонкую щель, рассекавшую пополам корпус телефона. Сделал лезвием замысловатое движение, легонько нажал, и трубка вдруг распалась в его ладони на две части, обнажив электронные потроха.

У сержанта отвалилась челюсть. Помощник его привстал и вылупил глаза.

Игорь подцепил ножом кусочек пластика, вставленный между контактами, и телефон пискнул, сообщая о готовности. Игорь убрал нож, сложил две половинки трубки, зажал телефон в ладонях и мягко, но с усилием сдавил. Зашипела герметизирующая прокладка, что-то щелкнуло, и телефон оказался собран.

Сержант помотал головой. Помощник сел и разочарованно почесал в затылке.

- И что, так просто? - спросил он недоверчиво.

- А ты повтори, - предложил Игорь. - Если ножики не жалко. Я штук двадцать лезвий угробил, пока не научился.

- Это какой-то дефект конструкции, - догадался сержант. - Только у тебя или у всех?

- Только у меня. Я проверял. А с этим случайно вышло - сидел, ковырял его по пьяни...

- Слушай, Игорь, - сказал сержант медленно и задумчиво. - Ты что, вообще ничего на свете не боишься? В смысле - того, что я на тебя донесу, например?

- Никогда ты на меня не донесешь, - усмехнулся Игорь.

- С чего это ты взял? - прищурился сержант.

- Я порядочного человека за километр чую, - сказал Игорь, пристраивая трубку на пояс. - А не порядочного - за два. И потом, ты хоть понимаешь, в чем сейчас участвуешь?

- В тайной операции внутри Службы, - пробормотал сержант хмуро. - По личному распоряжению Папы.

- Видишь, какое к тебе доверие, - сказал Игорь ласково. - Ну ладно, пойду я.

Спасибо, господа. Я вам потом соображу чего-нибудь в компенсацию морального ущерба.

- Да ерунда, - отмахнулся сержант. - Просто мы за тебя немножко поволновались. Я так и не понял - зачем ты телефон отключил-то? Ну, наврал бы чего-нибудь...

- Я очень не хотел идти сегодня на Службу, - сказал Игорь. - А врать мне надоело. И служить надоело. Вот так-то. Ну, пока... - он повернулся, вышел из дежурки и пошел к лифтам.

- Хороший парень, - сообщил помощник сержанту.

- Очень, - кивнул сержант. - Жалко, что сумасшедший, правда? ~ Спецотдел, - вздохнул помощник. - Это тебе, старик, не просто эсэсовцы, это самая что ни на есть рейхсканцелярия...

- Ты хоть знаешь, чем Спецотдел занят, ты, юморист? - внезапно окрысился сержант.

- Знаю конечно! - удивился помощник. - А ты думаешь, с чего все эти выкрутасы с вызовом к Папе лично и конфиденциально? Не по правилам, а через нас с тобой, секретно, в обход устава и вообще?..

- И чем же, по-твоему, занимается Спецотдел?

- Порядок наводит! - гордо заявил помощник. Сержант достал носовой платок, вытер им потный лоб и посмотрел в ту сторону, где скрылся Игорь.

- Что-то не похоже... - сказал он задумчиво.

***

Игорь спустился в подвал и быстро миновал еще два контрольных поста. Здесь уровень секретности повышался с каждым шагом, повсюду были камеры, и ни о каком панибратстве с охраной даже речи быть не могло. Впрочем, и охрана здесь была не та, с которой можно подружиться. В дальнем вестибюле, где Игорь только что показывал фокус со своей трубкой, не было не только камер, но даже и микрофонов.

Там можно было вытворять все, что угодно. На этот пост, куда мог случайно (или намеренно) забрести с улицы чужой, ставили ребят гибких и артистичных, специально тренированных на нестандартные ситуации. А вот у парней, державших узкие коридоры, которыми шел сейчас Игорь в глубь Службы, задачи были совсем другие. Здесь превыше всего ценилась мгновенная реакция и способность подолгу находиться в напряженном ожидании.

Голосовой идентификатор, сканер отпечатков, контроль сетчатки глаза. Привычные операции Игорь проделывал автоматически, а думал об одном: отберут у него оружие или нет. На прием к Папе ходили только с голыми руками. Но сегодня Игоря пригласили неофициально, в обход протокола. В противном случае, едва узнав, что сотрудник бесследно пропал, Лена подняла бы тревогу, и сейчас уже вся Служба стояла бы на ушах.

На очередном лифте Игорь спустился на "свой" этаж, основную часть которого занимали аналитики и где небольшой сектор в десяток комнат отвели Спецотделу.

Считалось, что ниже только два уровня - отдел внутренних расследований, он же "внутряк" (на местном жаргоне - "подвал Мюллера") и "рейхсканцелярия" - директорат. Еще считалось, что за употребление вслух подобных терминов можно загреметь со Службы.

Игорь автоматически притормозил у дверей Спецотдела, но потом вспомнил, что Лена приказала идти сразу же к ней. Поэтому он сделал глубокий вдох и двинулся к тамбуру, ведущему на уровень ниже.

Он вставил в замок свою карточку и набрал личный номер. Дверь откатилась в сторону, но за ней, против обыкновения, никого не оказалось. Игорь настороженно оглядел тамбур. Здесь должны были сидеть два здоровенных "внутряка", однако сейчас их не было.

Больше того, даже терминал системы идентификации был отключен. А дверь в зону директората - распахнута.

И тут Игорю впервые за сегодняшнее утро полегчало. Полегчало настолько, что снова задрожали ноги. Держась одной рукой за стену, а другой за сердце, он спустился по лестнице, миновал пустой холл, из которого тоже кто-то прогнал охрану, и вошел в приемную Папы.

- Боец, а с тобой ведь действительно плохо, - заметила Лена, глядя на него поверх своего громадного терминала. - На тебе просто лица нет...

Игорь повалился в кресло, откинулся на спину, устало сложил руки на груди и прикрыл глаза.

- Погода... - прохрипел он. - Не могу я в такую жару. Я, Леночка, страшно метеозависимый.

- Сока хочешь? Жалко, тебе стимуляторов нельзя сейчас, но ты хоть выпей холодненького... Ничего, подождет шеф еще пять минут, не застрелится. Сока апельсинового, да? Твоего любимого...

- Ну, чуточку...

- Беденький... Держи. Ты прости, что я на тебя накричала, ладно? Но меня этот твой сумасшедший тезка просто чуть не съел. Подавай ему Бойко, и все тут.

Игорь выразительно поднял глаза к потолку. Лена этот распространенный на Службе знак поняла и рассмеялась:

- Не бойся, все отключено. И пока ты не уйдешь, не включат. Вот так-то. Я все утро только и делаю, что камерам язык показываю.

Игорь рассмеялся:

- До чего же рядом с тобой хорошо, - сказал он. - Давай я тебя приглашу куда-нибудь. Где можно долго и с удовольствием рассказывать, какую искреннюю симпатию я к тебе испытываю.

- Это к тебе домой, что ли?

- Лен, ну зачем так буквально...

- Напился? - спросила Лена не слишком приветливо. Игорь поставил банку с соком на журнальный столик.

- Извини, - сказал он, ощутило погрузнев. - Я понимаю - нельзя. Только мне очень тяжело удерживаться от комплиментов, когда я на тебя смотрю.

- Все-таки сволочь ты, - сказала Лена и, не дав Игорю ответить, ткнула пальцем в терминал. - Игорь Иванович! Он здесь.

- Заходи, сынок! - пробасил динамик.

Лена мотнула головой в сторону двери. Игорь с похоронным лицом прошел в кабинет.

Когда дверь за ним захлопнулась, молодая красивая женщина подняла руку на уровень глаз, медленно сжала кулак и, затаив дыхание, изо всех сил вогнала ногти себе в ладонь.

***

- Кончай ее охмурять, - сказал Папа вместо приветствия. - Выгоню. Безобразие.

Устава не знаешь?

- Я больше не буду, Игорь Иванович, - пообещал Игорь.

- Как же... Садись вон туда, в кресло.

Кабинет у Папы был небольшой. Игорь прошел в угол, где по обе стороны от журнального столика стояли глубокие кресла, и осторожно присел в одно из них. Он был здесь уже в третий раз, но до этого его сажали за стол заседаний. А в это полное загадок утро беседа намечалась явно неофициальная.

Директор перебирал на столе какие-то бумаги. Игорь, борясь с желанием закинуть ногу на ногу, принялся осматриваться. Обстановка в кабинете не изменилась, только на столике перед Игорем появилась странная вещь. Замысловатая конструкция из гнутой проволоки - несколько подвижных колец и шарики-противовесы. Все это хитро сплетенное хозяйство крепилось на массивном плоском основании. Судя по всему, штукавина находилась в состоянии неустойчивого равновесия и от малейшего толчка должна была начать двигаться - крутиться и покачиваться. Таких игрушек Игорь раньше не видел.

- Ты когда обзывать перестанешь? - неожиданно спросил Папа.

- Виноват? - переспросил Игорь.

- Кто "внутряков" гестаповцами назвал? Что за аналогии такие?

- Игорь Иванович, а кто всех нас эсэсовцами зовет?

- И кто же?

- Народ, Игорь Иванович. И ничего страшного в этом нет. Никаких "таких" аналогий. Между прочим, это значит, что фашистская идеология окончательно признана ошибочной. Над ней можно только смеяться. Лубок, понимаете? Веселые картинки. Кто-то когда-то ляпнул, что Secret Service - это СС. И все, пошло-поехало. Ничего не изменишь уже. А аналогий нет. Просто так получилось.

- Нехорошо получилось! - заявил Папа агрессивно. - Это тебе кажется, что нет аналогий. И, между прочим, за дверями этого кабинета ты говоришь совершенно другое. Что аналогия куда глубже, чем кажется.

"Это не мент, - подумал Игорь. - Это операторы доложили. Ну, я их... Ну, я им..."

Придумаю что".

- Несешь черт знает что, - брюзжал Папа. - Восстановил против себя пол-Службы.

Нельзя людям говорить все, что ты о них думаешь, прямо в глаза. А ты это делаешь постоянно. Ты что, нарочно решил создать вокруг себя полосу отчуждения, а?

Откуда это презрение ко всем и вся, Игорь? Откуда это больное сознание превосходства? Кто тебе сказал, что ты лучше всех? Кто тебе сказал, что ты имеешь право судить, вешать ярлыки, провоцировать? А?

Игорь душераздирающе вздохнул и потупился.

- Актеришка! - выпалил Папа со странным выражением. - Передо мной хоть не играй, я тебя насквозь вижу!

- Игорь Иванович, вы зачем меня вызвали?

- Чего-о?!

- Игорь Иванович, я знаю, что вы отчего-то к моей судьбе равнодушны. Спасибо вам большое, я очень это ценю, хотя и не совсем понимаю ваши мотивы. Но вы же меня вызвали не для того, чтобы мораль

читать. Для этого есть непосредственное мое начальство, - Игорь произносил слова твердо, но Папе в глаза не смотрел. Ему действительно было стыдно от того, что этот взрослый и облеченный громадной властью человек рычит на него сквозь зубы, как на нашкодившего мальчишку.

- Все сказал? - поинтересовался Папа.

- Почти.

- Вот наглец! - произнес директор чуть ли не с восхищением. - Ты хоть на минуточку отдаешь себе отчет в том, кому замечания делаешь?

- Разумеется, - ответил Игорь кротко.

- И что?

- Зачем я вам нужен, Игорь Иванович?

- А не твое дело!!! - рявкнул Папа. - Мудак с гранатой!!! Бомбу он, видите ли, в кармане носит! Тоже мне выискался романтический герой! Охотник на зомби! Книжек начитался?! Мастером собак вообразил себя? Ты хоть понимаешь, какие могут быть последствия?!

- Игорь Иванович, вас там не было! - сказал Игорь твердо.

- Конечно, не было! А вот ты там был!

- Да, я там был, и теперь они к нам больше не сунутся. И ничего у них само по себе к нам не уедет. Игорь Иванович, я ведь не оперативник, я следователь.

Считайте, у меня был припадок интуиции.

- Скорее припадок больного самомнения... - огрызнулся Папа уже нормальным голосом. - Почему ты не хотел отпускать этого уroda? Ты же мог погибнуть запросто! А если бы он тебя с собой уволок?!

- Ну что вы... Зачем я ему? А потом, у операторов был лазер, меня сверху прикрывал мент... Не дали бы они меня утащить.

- Мент тебе попался что надо, - согласился Папа. - Нормальный мент. Но с этого дня на любые следственные действия вместе с вами будут ходить наши оперативники.

- Игорь Иванович, ну это же нереально...

- Будет реально. Все, я сказал-Ты что думаешь, я не помню твою докладную? Я все помню.

- Однако... - Игорь улыбнулся. Еще год назад он подал "наверх" записку с предложением наладить огневое прикрытие работы в зонах аномальных явлений. Игорь хотел иметь под боком людей, обученных профессионально драться и убивать.

Разумеется, он боялся не самих аномальных явлений, а неадекватной реакции попавших под влияние Неведомого людей. За Игорем уже гонялся однажды по двору с лопатой местный резидент инопланетной цивилизации, и самым дурацким в этой ситуации было то, что мужик действительно оказался "контактером". Несколько раз на Игоря и его бригаду операторов напали полубезумные экстрасенсы. К сожалению, просьба Игоря была "наверху" превратно истолкована. Начальство попросту решило, что молодой человек обнаглел и слишком много на себя берет.

Спецотдел получал огневое подкрепление, когда это считалось действительно необходимым. Но чтобы дорогостоящие оперативники постоянно таскались за Игорем и его коллегами - против этого выступили хором начальники трех "силовых" отделов Службы.

- Да, - кивнул Папа, вставая из-за стола и направляясь к Игорю. - Разумеется, твоя идиотская выходка с гранатой меня возмущает. Но на какие-то вещи эта граната заставила меня посмотреть под новым углом. Я по-прежнему считаю, что ты поступил не правильно. Но... Ты как себя

чувствуешь? - вдруг спросил Папа, усаживаясь напротив Игоря.

- Ничего, - улыбнулся Игорь. - Я быстро восстанавливаюсь.

- Это хорошо, - Папа толкнул пальцем стоящую на столе игрушку, и блестящие шарики принялись описывать в воздухе плавные дуги. А смотрел он Игорю в глаза, и выражение лица у него было странное.

Игорь невольно опустил взгляд и принялся рассматривать снующие из стороны в сторону огоньки. Откровенное, ничем не прикрытое внимание, которое к нему проявлял директор Службы, всегда ставило его в тупик. В Спецотделе давно поговаривали, что Боец ходит у Папы в любимчиках. Постепенно об этом начала перешептываться вся Служба. В принципе ничего особенного - Папа как раз начал кампанию за выдвижение молодых, а Игорь был, по общему мнению, весьма перспективный работник.

Только вот сам Игорь так не считал. С каждым днем Служба все больше тяготила его. Гигантский инструмент глобальной стабильности опутал всю планету своими щупальцами, направляя мир по самому мирному пути, оберегая от конфликтов и кризисов. Но методы, которыми частенько пользовалась Служба, казались Игорю сомнительными. Разумеется, он мало знал о том, как именно все делается. Но он и не хотел узнавать об этом больше. А ему постоянно намекали, что он должен быть хорошим, должен вести себя умно, потому что от него многого ждут, и однажды он будет знать все. И никому не приходило в голову, что Игоря пугала такая перспектива. Потому что оберегать людей от ужаса Неведомого он был готов. А вот спасти человечество от самого человечества - нет.

И особенно неприятным для Игоря в этой ситуации было то, что если Службу он по большому счету недолго любил, то вот к ее директору испытывал глубочайшую симпатию. С самой первой встречи, когда Папа ни с того ни с сего заглянул в Спецотдел и разговорился с молодым сотрудником, Игорь в него буквально влюбился.

Он почувствовал, что его связывает с этим человеком нечто почти неуловимое, на уровне энергетики. И с каждым новым контактом эта общность только крепла.

Поэтому Игорь с трудом выдерживал Папин внимательный и пытливый взгляд, которым тот сейчас буквально впивался в его лицо. Игорь глядел вниз, туда, где крутились шарики на проволочках. В этой игрушке было что-то завораживающее.

- Ты смотри, смотри, - мягко сказал Папа. - Это удивительная вещь, нынче таких не делают. А я еще помню времена, когда они были в моде. Посмотри внимательнее.

Отличная штука для медитации, я сам на ней оттягиваюсь, между прочим... Не нужно прикладывать никаких усилий. Если задать правильный ритм, она все сделает за тебя.

Игорь смотрел. Действительно, игрушка задавала очень удобный темп для расслабления. Судя по всему, ее колебания накладывались каким-то образом на волновую структуру работы мозга, и, глядя на качающиеся шарики достаточное время, можно было достичь того же эффекта полной "отключки", что давали запрещенные теперь биорезонаторы.

- Идеальная балансировка, - почти мурлыкал Папа. - Ритм, ритм, ритм, и ты уже расслаблен, ты полностью расслаблен, ты чувствуешь себя превосходно, тебе уютно и тепло, по всему телу разливается покой...

- Что? - встрепенулся Игорь.

- Я говорю, тебе ведь апельсиновый? - спросил Папа. Он стоял в дальнем углу и копался в баре-холодильнике.

- Апельсиновый, если можно, - кивнул Игорь, доставая сигареты. В пепельнице дымился оставленный Папой окурочок. Пепельница была огромная, антикварная, и на куце журнальном столике выглядела инородным телом. Игорь потряс головой. Ему вдруг показалось, что еще минуту назад этой пепельницы здесь не было... Да нет же! "Все-таки я не восстановился до конца. Этот энергетический шок был чересчур глубокий. По большому счету, Папа прав. Дурак я и ковбой. Нельзя было так рисковать".

- Держи, - Папа протянул Игорю стакан, и тот увидел, что холеная породистая рука директора с длинными красивыми пальцами еле заметно подрагивает. "Не один я на пределе, - подумал Игорь. - Безумное лето. Чудовищная жара и магнитные бури.

Папа, наверное, тоже гипотоник, как и я. Только я могу с утра выпить кофе с коньяком, а ему-то нельзя, он на всей планете главный. И надо же, носится со мной... Приемника готовит. Ох, и трудно же мне будет его обидеть..."

- Я в этой истории с гранатой только одного понять не могу, - сказал Папа, усаживаясь и подбирая из пепельницы свой окурочок. - Ты вроде бы сказал, что она у тебя всегда в кармане. Это как понимать?

- Да соврал я, - соврал Игорь. - Конечно, я ее специально на задание взял.

Машина-то железная. Мало ли что... Игольник мой штатный ее не возьмет, разве что колеса продырявить или там стекла побить. Шокер тоже, он, кстати, и не помог...

А граната - это все-таки хоть какая-то гарантия.

- Нехорошо старших обманывать, - заметил Папа.

- То есть? - удивился Игорь.

- Ты никогда не ходишь без оружия. Никогда и никуда.

- Игорь Иванович, вас неверно информировали...

- Слушай, тезка, не вешай мне лапшу на уши. Я же тебя не спрашиваю, зачем тебе это. Мне нужно знать, почему.

- Ну и спросите об этом доктора Сабурова.

- Он не правильно интерпретирует то, что ты ему говоришь.

- Наконец-то! - Игорь даже руками всплеснул от удовольствия. - Хоть кто-то здесь лучший психолог, чем наш доктор наук!

- Сынок, не трогай Сабурова. Он хороший специалист. Просто ты ему не по зубам, ты его совершенно запутал. И вообще, меня сейчас интересует твоя собственная оценка.

- Ну, допустим... - Игорь на мгновение задумался. - Допустим, я ношу оружие, чтобы из него не стрелять. Чтобы быть полностью уверенным, что я никого не обижу.

- С ним ты ощущаешь себя достаточно сильным для того, чтобы быть добрым и милосердным, да? - прищурился Папа.

- Точно, - кивнул Игорь.

Папа глубоко затыкнулся и раздавил окурочок в пепельнице.

- Правдоподобно, - сказал он. - Ну что ж. При условии, что эта граната у тебя была единственная... Или, скажем так, последняя...

- У меня дома в сейфе целая упаковка, - сообщил Игорь.

- Не ври мне, - сказал Папа очень мягко. - Хотя бы мне не ври. И не задирай сослуживцев. А этот эпизод, он забыт. Целиком и полностью. Только поменьше валяй дурака и побольше думай головой. И учти, я за тобой слежу очень внимательно.

Ладно, - он встал, прошел к рабочему столу и поиграл клавишами на

терминале - Лена, он уходит. Открой ему коридор.

- Сейчас, Игорь Иванович. Минуту.

- Мы ждем.

Игорь встал.

- Игорь Иванович, - позвал он тихонько.

- Да? - Директор был уже где-то далеко-далеко и опять перебирал бумаги на столе.

- Так все-таки зачем вы меня вызывали? Папа бросил на Игоря короткий взгляд и снова погрузился в свои бумажки.

- Я услышал то, что хотел услышать. И сказал то, что должен был сказать, - пробормотал он глухо. - Придет время, ты все узнаешь. И все поймешь.

- А если я не хочу?! - вырвалось у Игоря неожиданно для него самого.

- Готово, - сообщила из приемной Лена.

- Иди, мой хороший, - сказал директор, будто не расслышав возглас подчиненного.

- И... удачи тебе, сынок.

Вместо благодарности Игорь презрительно хмыкнул, круто повернулся и вышел.

ГЛАВА 5

ТРЕТЬЕ ИЮНЯ, ДЕНЬ

Спортивный зал был насквозь пропитан запахом пота. Плюс тридцать по Цельсию за окном превратили Москву в огромную адскую сковороду. Перегретые кондиционеры то и дело отключались, и тренировка с каждой минутой все больше походила на драку в турецких банях. Когда-то, в пору бурной молодости, сенсэю довелось испытать такое на себе, и он хорошо помнил, насколько это было потное, душное и скользкое дело.

И теперь он, не стесняясь показаться нервным, то и дело озирался на проклятые ящики в надежде, что они вот-вот оживут. Ему так и не терпелось запустить руки в умную электронику и замкнуть ее накоротко, чтобы жалела людей, а не себя. Но на кондиционерах стояли пломбы, а сенсэй был дисциплинированным человеком и учил дисциплине других.

Занятие потеряло темп. Вялые потные тела расслабленно шлепались о татами, и с каждой минутой росла вероятность, что кто-нибудь отшибет себе все печенки.

Сенсэй просигналил своим помощникам, чтобы отработку следующего приема сократили вдвое, и устало зажмурился. Кто-то подошел и толкнул его в плечо.

- Наконец-то, - пробормотал сенсэй, не скрывая раздражения.

- Не рычи, старый мастер. Где он?

- Да вон, - сенсэй, не открывая глаз, ткнул пальцем в сторону. -

Тащится, сукин сын.

- Почему ты просто не выгнал его из зала? Для чего тебе этот спектакль?

Сенсэй с усилием потер ладонями веки и посмотрел на пришедшего. Это был высоченный, под два метра, усатый господин со слегка обрюзгшим породистым лицом.

На вид лет сорока с небольшим, спортивного телосложения. Но сенсэй отлично знал, что начальнику Отдела спецпроектов Королеву столько же

лет, сколько и ему самому - шестьдесят один. Королев возвышался над сенсэем, как взрослый над ребенком.

Одет он был в строгий костюм с галстуком, но дышал легко и выглядел очень бодро.

Сенсэй потянул носом воздух.

- Что у тебя за дезодорант? - поинтересовался он.

- Просто я не потею, - объяснил Королев. - Ладно, давай колись. Чего задумал?

Зачем тебе я понадобился?

- Если бы он сам ко мне пришел, я бы его давно выгнал, - объяснил сенсэй. - Но он здесь не по своей воле, его заставили. И он хороший мальчишка. Просто не может быть как все. Я раньше думал, что не хочет, и пытался его сломать. А сейчас вижу, что он именно не может. Получается, нет у меня права его выгнать.

Но он мне тут напрягает обстановку. Если одному можно выпендриваться, так и остальные начнут, верно?

- Вот уж не думал, что ты такой чувствительный! Надавал бы ему по ушам, и все тут. Со мной ты, я помню, не церемонился!

- Старина, ну сам подумай! Ведь эта группа - не оперативники! Это персонал центрального аппарата. Я не имею права наносить им психические травмы. Башку проломить - это пожалуйста, а унижать их достоинство - нет. Мне на прошлой неделе в "рейхсканцелярии" все мозги засрали как раз по этому поводу.

- Ох, и вздрючил бы я их лет двадцать назад! - рявкнул Королев, топорща усы и обводя недобрым взглядом "персонал центрального аппарата", вяло наносящий и отражающий удары.

- Да я их и сейчас всех застрою в пять минут, - сенсэй прижал руку к сердцу. - Только вот что-то на пенсию не хочется. А потом, честно говоря, мне тоже кажется, что не стоит от них требовать больше, чем они могут. Они ведь не группа захвата какая-нибудь. Ну, обороняться должны уметь...

- Стареешь, - упрекнул его Королев. Сенсэй помотал головой.

- Это не мы стареем, - сказал он мягко. - Это состарился мир.

Королев посмотрел на него озадаченно.

- Вспомни, какие мы были в их годы. И какая жизнь была вокруг нас. А теперь... - сенсэй вздохнул. - Этим обалдуям по тридцать лет, а они озабочены только тем, чтобы поменьше двигаться, потому что при этом слишком много энергии расходуется.

И мир такой же - во всем экономия, расчет... Я понимаю, что это правильно, но уж очень все как-то... не по-русски, а?

Королев что-то утвердительно промычал.

- И все-таки, ты мог бы его отправить ко мне в кабинет.

Сенсэй усмехнулся.

- Так ты и не понял, что такое "сенсэй". Сенсэй жесткий, но он несет за ученика колоссальную ответственность. А эти люди мне не принадлежат. Если кто-нибудь из них поранится, я зову врача. Этот парень нездоров. Я зову тебя. Если я его просто выгоню, значит, я боюсь принять решение. А вот если вы с ним поговорите и ты его не убедишь, тогда уже ты возьмешь его за руку и уведешь из зала.

Навсегда. И это будет означать, что я принял решение. Что, не понял?

- Ни хрена не понял. Но раз ты просишь...

- У-мо-ля-ю, - сенсэй провел ребром ладони по горлу.

- Значит, тащится, сукин сын... - повторил Королев фразу сенсэя, глядя в угол зала. Там на матах сидел в позе лотоса молодой человек с безмятежно расслабленным лицом. В зале стояла удушливая жара, резкий запах пота перебивал все остальные, истошно кричали и шумно падали бойцы, а он, разведя в стороны руки со сложенными чашечками ладонями, медитировал.

Королев, который терпеть не мог демонстраций, шумно задышал и упер руки в бока.

- Только без крика, - попросил сенсэй. - Кричать будешь у себя в кабинете.

- А вот это уже был твой риск, - заявил Королев, срываясь с места. Он не стал обходить дерущихся по краю зала, а проложил себе путь через центр. Ему вслед оборачивались и хихикали. К Отделу спецпроектов на Службе относились со смешанным чувством зависти и недоверия. Вроде бы занимаются люди чем-то невероятным, только вот непонятно, в чем оно состоит. И отбирают в этот отдел народ со странностями. У них даже проблемы личного плана, и те не как у людей.

Королев навис над подчиненным и грозно рыкнул:

- Н-ну?!

Молодой человек медленно открыл глаза, оказавшиеся удивительно большими, слегка навывкате, несколько раз моргнув, хлопая длинными пушистыми ресницами, и поднялся на ноги. Он был не так высок, как Королев, но все же выше среднего роста. Фигура крепкая, даже массивная. Длинные темно-коричневые волосы схвачены резинкой на затылке и собраны в хвост. Черты лица правильные, только, может быть, излишне мягкие для мужчины. Красивый сладенький мальчик. Котяра, блин...

Несколько мгновений Королев, пыхтя, вглядывался в большие зеленые глаза, выражающие полнейшую невинность. Потом он выставил перед собой раскрытые ладони и, потрясая ими, спросил почти умоляюще:

- Ну какого черта, Игорь? Игорь слегка потупился.

- Я двадцать раз вас просил... - начал он спокойно.

- И чего ты этим хочешь добиться?!

- Покоя, Андрей Иванович. Только покоя - для нас обоих. Вы меня заставляете делать то, чего я не могу в принципе. Даже сенсэй это понял.

- Пассивное ведение боя - позор!

- Это, может быть, для вас позор. А для меня нормально. Не могу я бить человека, который мне ничего плохого не сделал, разве непонятно?

- А вот когда ты на задании столкнешься с каким-нибудь... Ты же будешь не готов!

Что ты будешь делать, если у тебя приемы нападения не наработаны, не отточены до автоматизма, а?!

- Я убью его, - сказал Игорь. И улыбнулся. Королев внезапно сбавил тон, сунул руки в карманы и спросил очень тихо:

- Чем ты его убьешь, парень? Х...ем?

- Я ему воткну палец в мозг. Сквозь глазницу, - ответил Игорь так же тихо.

Королев застыл в замешательстве.

- Ты псих? - выдавил он наконец. - Ты в курсе, что нормальному человеку такое не под силу?

- Кто сказал, что я нормальный человек? - поинтересовался Игорь.

- Доктор Сабуров говорит, что ты чемпион мира по вранью.

- Сабуров даже со своими проблемами разобраться не может. Вы его

спросите, почему от него жена ушла.

- Откуда ты знаешь?.. - опешил Королев.

- Да я и не знаю. Но вот симптомчики...

- Тьфу! Значит, так. Твое последнее слово?

- Нет! - отчеканил Игорь.

- Тогда я пишу рапорт, - вздохнул Королев. - Тебя, конечно, освободят от занятий, но ты попадешь в черный список. Затаскают по собеседованиям, вывернут мозги наизнанку и влепят пожизненно запрет на руководящие должности. Такое тебе на ум не приходило, а?

- Вы не сердитесь на меня, Андрей Иванович, - попросил Игорь так мягко, как просят очень близких людей. Королев поморщился - этой мягкостью парень брал его в соучастники. - Я, правда, иначе не могу. Это пытка для меня. Я без этих дурацких тренировок в сто раз лучше работать буду.

- Запрет на руководящие должности, - напомнил Королев.

Игорь небрежно шевельнул бровью.

- Я на Службу не рвался, - сказал он. - Сами позвали. И в начальники тоже... позовут. Только я откажусь, наверное.

Этого Королев вынести уже не смог. Он развернулся на каблуках и бросился вон из зала. Если бы бойцы не начали рассаживаться у стены, он бы их посшибал, как кегли. Игорь расправил плечи, сделал глубокий вдох и двинулся к сенсэю. Вот перед кем ему было действительно стыдно.

Сенсэй ждал его. И ждали сидящие в ряд "аналитики", "научники" и "управленцы".

Многие из них неплохо знали Игоря по работе, и сейчас им было чертовски интересно, как с ним попрощается сенсэй, опытный и уважаемый человек.

Игорь с сенсэем поклонились друг другу.

- Значит, уходишь? - спросил сенсэй.

- Простите, мастер. Наверное, так будет лучше. Я не забуду ваших уроков, вы очень много дали мне. Спасибо и... до свидания.

Сенсэй отвернулся от группы. Игорь последовал его примеру.

- До свидания, - проговорил сенсэй очень тихо, глядя в стену. - И не думай о себе плохо. Ты просто выбрал свой путь, и у тебя хватило мужества настоять на том, что для тебя он единственно верный. Надеюсь, Служба поймет это.

- До свидания, - прошептал Игорь, чувствуя, как защемило сердце. Он повернулся к группе и поклонился ей. Сенсэй группе кивнул, люди дружно встали и поклонились в ответ. Некоторые взгляды показались Игорю презрительными. А некоторые - нет.

***

Кондиционеры, похоже, расплавились во всем здании. Игорь всего лишь прошел от душевой до выхода со Службы, но футболку уже можно было выжимать, а из джинсов хотелось выпрыгнуть. Тем не менее настроение у Игоря было приподнятое. Он только что решил очень серьезную проблему, а дома его ждал полный холодильник пива.

В вестибюле до неприличия взопревший доктор психологии Сабуров боролся с системой идентификации. Охрана, тяжело отдуваясь и обмахиваясь беретками, меланхолично наблюдала, как тот в десятый раз пытается мокрыми пальцами загнать в щель свою карточку, и опять она у него выскользывает.

- Да ладно, доктор! - сказал наконец сержант. Он сунул руку под пульт

и что-то там с усилием повернул. - Проходите так. Только быстро.

Доктор, рассыпавшись в благодарностях, прошел сквозь турникет и нос к носу столкнулся с Игорем.

- Значит, я чемпион мира по вранью? - спросил Игорь, прищурившись.

- Здравствуйте, Игорь! - как-то слишком уж обрадовался доктор, запихивая в карман потную карточку и извлекая на свет божий скомканный носовой платок. - Вот жарница какая, просто ужас! Просто невыносимая жарница! Я как представляю, что сейчас творится в пятнадцатой больнице или, например, в Центре Психического Здоровья...

- Завтра будет чуть-чуть прохладнее, - сказал Игорь. - Но проблемы останутся те же. Вы мне не можете объяснить, доктор, такой вот парадокс... Почему так получается - когда я вру, мне все верят. А когда я говорю чистую правду, мне не верит никто. Даже дипломированный психолог - и тот не верит. Мало того, что дипломированный, так еще и с учеными степенями...

Сабуров вытер потную шею, затолкал платок в карман и уставился на Игоря, как на надоедливое, но безвредное насекомое.

- А вы часто говорите правду? - поинтересовался он.

- Всегда.

- То есть вам никто и никогда не верит.

- Никто и никогда.

- Ну вот, Игорь, опять вы врете.

- Опять, доктор. И все-таки в чем дело, а? Я так надеялся, что вы за меня заступитесь...

Охрана так старательно развесила уши, что даже перестала обмахиваться беретами.

Как и предыдущая смена, с которой Игорь общался утром, эти ребята числились в "отделе прикрытия", то есть имели богатый оперативный опыт и видали разнообразные виды. Поэтому Игорю они верили. А вот Сабурову - нет. Потому что Игорь, человек с топ-секретным допуском, никогда ими не брезговал. Даже когда проносился мимо, не кивая. А сверхлюбезный внешне Сабуров, всего-навсего какой-то задрипанный психотерапевт, всегда на них смотрел, как на дерьмо.

- Послушайте, молодой человек, - начал раздражаться Сабуров. - Вы что, требуете всесторонней экспертизы? А это ведь можно организовать...

- Не угрожайте мне, доктор. Я всего лишь попросил вас о помощи. А вы подняли меня на смех. И выставили лжецом. По-вашему получается, что я преследую какие-то свои цели, идущие вразрез с интересами Службы. Подумайте! Ведь вы фактически меня обвиняете в серьезном проступке.

Доктор насупился и сбавил тон.

- Я могу только повторить то, что вы уже от меня слышали, - сказал он хмуро. - Вы, Игорь, тонкий и, простите, излишне впечатлительный человек. Вы вбили себе в голову, что вы жестоки. Это у вас защитная реакция. Несколько сеансов у психотерапевта, и ее как рукой снимет. Вам просто нужно решиться. Но вам это неудобно, потому что опять придется ходить на занятия. А вы их отчего-то посещать не хотите. Вот и получается замкнутый круг.

- Но если я чувствую, просто физически чувствую, что мне нельзя ударить человека! - почти взмолился Игорь. - Если я не отвечаю за последствия! Что же мне делать?!

- Милый мой! - отмахнулся Сабуров. - Если бы дело обстояло так, как вы пытаетесь себя убедить, вы бы уже давно перестреляли всю Службу. Тяга

к агрессии должна находить выход. А вы, наоборот, всякого насилия избегаете. Честное слово, нет у вас никаких симптомов, которые указывали бы на то, что вы убийца!

- То есть, - сказал Игорь, складывая руки на груди, - я себе это придумал, чтобы оправдать страх перед насилием. Так?

Сабуров кивнул и расплылся в улыбке.

- Вам просто нужно решиться, Игорь. Давайте я вам оставлю визитную карточку одного прекрасного специалиста. А вы ее положите дома на стол, и пусть она себе лежит. Когда соберетесь - скажите, что от меня, - он с вами бесплатно поработает.

- И все снимет как рукой? - спросил Игорь ехидно.

- А вы попробуйте! - рассмеялся Сабуров, копясь в бумажнике. - Вот, пожалуйста.

Игорь, не глядя, убрал карточку в задний карман.

- Спасибо, доктор! - произнес он с чувством. Охранники не удержались и противно захихикали. Сабуров укоризненно покачал головой и, не попрощавшись, скрылся в коридоре.

- Дай ты ему в лоб! - посоветовал Игорю сержант. - Самый веский аргумент.

Игорь прокатил свою карточку через терминал и шагнул в арку металлодетектора. В мягких кобурах, заправленных внутрь джинсов, у него было спрятано достаточно железа, но машина, предупрежденная карточкой о том, что идет свой, промолчала.

- Да жалко мне его, - вздохнул Игорь. - Я так остро чувствую свое превосходство над ним...

- Ну еще бы! - кивнул сержант. - Согласен на все сто.

- Солдат ребенка не обидит, - поддержал его помощник. Игорь усмехнулся, встал лицом к выходу, поднял руку в призывном жесте и провозгласил:

- Пиво!

- У-у-у!!! - в два голоса взвыла охрана.

- Банзай! - воскликнул Игорь и исчез за дверью.

- Хороший парень, - заметил сержант, провожая его взглядом. - Но абсолютный псих.

- Одно слово - Спецотдел, - усмехнулся помощник. - Они хоть чем занимаются-то?

- Инопланетных шпионов ловят.

- Чего-о?!

- А ты что, не в курсе? Вон на прошлой неделе двух зеленых человечков застукали.

В женской бане. Как раз через эту дверь их вели, сам видел.

Помощник разочарованно подобрал челюсть, надулся и с преувеличенным вниманием уставился на монитор.

- А может, так оно и есть, - пробормотал сержант задумчиво.

ГЛАВА 6

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ, УТРО

В общем зале Спецотдела было тихо, сумрачно и прохладно. Мишка Лавров, развалившись в кресле, с ленивой небрежностью пожизненного хакера гонял на компьютере сразу четыре программы. Две из них,

перепахивая статистику, ваяли для Королева какой-то сложный график. Третья переводила с экзотических языков текущие газетные публикации по тематике отдела. А с четвертой Лавров ожесточенно рубился в "Банзай". Статистические программы время от времени теряли общий язык, отвлекая Лаврова от драки, и тогда он, злобно шипя, переключался и вправлял им мозги. Когда Игорь вошел в зал, как раз наступил такой патетический момент, и Мишкины руки, заправленные в перчатки "летучих мышей", с бешеной скоростью порхали над столом.

- Зар-раза! - сказал Лавров, не поворачивая к Игорю головы. - Вот зар-раза!

Привет, Боец. Ох, замучили меня эти графики! Того и гляди машину подвесят...

- Ну, Мишель, ты же сам говорил, для чего пишется новый софт. Чтобы доказать тебе, что твое железо уже никуда не годится.

- Это хорошее железо, - прорычал Лавров, сосредоточенно гоня "мыши" одновременно по трем измерениям. - А софт так себе.

- Ну и довел бы его до ума.

- Скоро он меня доведет... Как я это сделаю? Это же новый софт.

- Ну сломал бы его.

- Да нельзя его сломать! Нечего там ломать. Ты когда последний раз на занятия ходил?

- Да никогда.

- То-то и оно. Прежний софт весь был, как листочки со строчками. Там было что ломать и что править. А эти программы новые, они цельные, они похожи больше всего на... ну, на...

- На поллитру? - осторожно предположил Игорь. Лавров от изумления аж застыл.

- А знаешь... - пробормотал он, впервые за весь разговор повернувшись к Игорю лицом. - Вот именно, на поллитру они больше всего и похожи...

- Мишель, ты б подучил меня слегка, а? - попросил Игорь. - В частном порядке.

Возьмем ноль семь крепкого...

- Нет, только полбанки, не больше. В прошлый раз мы после ноль семи... Сам помнишь.

- А какая разница? Нам полбанки вечно не хватает, и мы потом в баре коктейлями долечиваемся. Конечно, в таком людном заведении всегда найдется на кого обидеться. А с ноль семи мы тихо и мирно отдыхаем на рабочем месте...

- ...и обижаемся здесь же на всех, кто под руку подвернется! - заключил Лавров.

- Спасибо, достаточно Ладно, будет время, устрой тебе лекцию.

- Я вот только понять не могу, - произнес Игорь, задумчиво глядя на монитор. - Если этот софт построен по совершенно новой схеме, как же он работает на старом железе?

- Боец, - сказал Лавров проникновенно - Очнись. Железо уже месяц как новое. И я тебе об этом рассказывал двадцать раз. Кстати, последний случай был позавчера.

Игорь сконфужено поджал губы и заглянул под стол.

- Обычный системный блок, - пробормотал он смущенно. - Я думал, у него просто частота другая...

- У него все другое, старина. И это я тоже двадцать раз тебе объяснял.

Игорь присел на край стола и с усилием потер глаза ладонями.

- Придется взять полбанки, - заключил он.

- Отшибает память? - Лавров повернулся к монитору и продолжил работу.

- Мишель, ты не поверишь, начисто.

- Странно. Ты же вроде нормально себя ведешь... Во всяком случае, не артистичней, чем я.

- Миша, я дома всегда добавляю до упора. Пока не упаду.

- Н-да... Старик, а ведь ты уникал! Ты, наверное, единственный в мире человек, который спяну проспал настоящую компьютерную революцию...

Игорь поднял глаза к потолку и выразительно цыкнул зубом.

- Жениться тебе надо, - вздохнул Лавров. - И начнешь ты дома падать совсем по другой причине. От удара сковородкой по балде. Но помнить будешь все...

- Вот уж чего у меня дома нет, так это сковородок!

- Появятся, - заверил Лавров. Он удовлетворенно хмыкнул и полез в стол за сигаретами, а на мониторе вновь появилась группа самураев, застывших в напряженных позах. - В нормальной семье обязательно должны быть сковородки.

Потому что в наше время порядочная женщина обязательно умеет и любит готовить.

Пусть редко, но зато... Ух, какие вчера были отбивные! Я тебе звонил, а ты шлялся где-то...

Игорь вздохнул. Он понимал, что больше всего на свете Лавров хочет сейчас узнать, помог ли Игорю ворованный документ. Но спросить об этом вслух в нашпигованном камерами и микрофонами офисе Службы было совершенно невозможно.

- Я не шлялся, я дома был, - извиняющимся тоном сказал Игорь. - Я просто немножко пива выпил... Лавров заржал.

- Н-да... - протянул он, отсмеявшись. - Кстати, ты про Сабурова слышал последнюю новость?

- А то... На меня не повесят, у меня алиби - А ведь попил он твоей кровушки...

- Ничего, - улыбнулся Игорь. - Зато я больше не хожу в этот вонючий спортзал. На этот чертов рукопашный бой.

- Запишись в айкидо, - предложил Лавров. - Там драться не надо, все чинно-благородно, а дело, говорят, стоящее.

- Зачем мне айкидо, Мишель, если у меня ствол? Какой мастер со мной справится?

Это ты боевиков насмотрелся. В жизни все иначе, поверь. Конечно, выбить у тебя оружие можно. Но только если ты, как снайпер, всегда держишь его на вытянутой руке. Единственный раз в жизни, когда я стрелял по живым людям, я косил их от бедра, и все было нормально. Не исключено, что мне даже понравилось.

- Ты сейчас говоришь, как сержант еврейской армии. А бывает так, что ствол просто достать не успеешь.

- Ну, Мишель, агрессию по отношению к себе нужно предвидеть. И вообще, я не оперативник. Если мне приходится драться или, того хлеще, стрелять - значит, я чего-то недодумал. Мне думать положено по штатному расписанию, хитрить и сыпаться, как снег на голову. А не прыгать по крышам с автоматом в зубах.

- Но пулю ты тогда схлопотал...

- Я понял, - рассмеялся Игорь. - Ты хочешь сказать, что от занятий

спортом отрастают глаза на заднице.

- Да нет же! Ты пойми элементарную вещь, старый. Я вот с детства хожу на кикбоксинг. С шести лет...

Дверь зала отворилась, и на пороге возник насупленный Королев. Лавров моментально закрыл рот и вскочил. Игорь вытянулся рядом. Начальство пребывало в глубокой мрачности, и перед глазами подчиненных замаячил обширный реестр служебных проступков, за которые с них еще не было взыскано. Впрочем, ничего особо страшного за ними не числилось. Фокус с гранатой Игорю простили, а Мишкин компьютерный взлом явно прошел незамеченным.

- Кто вчера наблевал под дверью доктора Сабурова? - спросил Королев вместо приветствия.

- Даша, - моментально ответил Лавров. - Во всем виновата Даша.

Игорь не удержался и хихикнул. Даша была персонажем мифическим, давно прижившимся на Службе и по традиции ответственным за все грехи. Несколько лет назад внешняя охрана среди ночи крепко заложила за воротник, приволокла с улицы какую-то пьяную бабу и до утра ее имела всеми доступными способами. На свою беду, охранники наутро не только не помнили, как девицу звали - то ли Маша, то ли Даша, - но даже не сумели толком объяснить, была ли она одна. Закрытая пропускная система, о существовании которой охрана и не подозревала, зафиксировала проход на Службу двух посторонних. А вышел только один. Поэтому отдел внутренних расследований буквально выпотрошил офис. А поднятые по тревоге оперативники прочесывали город, пытаясь запеленговать маркер, которым пропускная система пометила вышедшего из здания чужака. И откопали-таки Машу, спящую у себя на квартире сном праведницы. Эффектную брюнетку, парламентского корреспондента уважаемой газеты. Пока из Маши добывали пробы семенной жидкости, которая у нее разве что не текла из ушей, на Службе "внутряк" открыл жесточайшую облаву на Дашу. Служба хохотала и содрогалась одновременно, пока охрану не загнали под гипноз и не выяснилось-таки, что никакой Даши и в помине не было. Но компьютер пропускной системы упорно твердил, что была, а с машиной не поспоришь.

Узнав, кто такая Маша и где она аккредитована, Папа лично ее допросил под гипнозом. Он остался так доволен, что карательные меры к охране свелись к промыванию мозгов, подсадке ложной памяти и переводу в строевые. Появление лишнего чужака объяснилось банальным заеданием радарного датчика. Но местные остряки уже сложили легенду о виртуальной Даше, которая ходит по Службе, учиняя пакости типа засорения унитазов. И теперь, случись что, на бедную Дашу ссылались к месту и не к месту.

- Значит, Даша? - переспросил Королев. - М-да. Во всем виноват Чубайс... - пробормотал он себе под нос загадочную фразу. - Ну ладно. Тем не менее этот урод Сабуров подал рапорт. Папа-то хохочет, ему все шуточки. А вот Дядя просто озверел. "Внутряки" будут ему докладывать с минуты на минуту. Ты что делал после тренировки? - повернулся Королев к Игорю.

- Сразу ушел домой и там лежал, не шевелясь. Был нетрезв. Кстати, Сабуров видел, как я выходил со Службы.

- Нажрался, значит, на радостях? Так, Мишель, а ты?

- Я в полпятого свалил. У нас с Бойцом алиби несокрушимое, командир.

- Будем надеяться... - Королев заглянул Лаврову за спину и хищно прищурился на самураев. Лавров, не поворачиваясь, шевельнул пальцем, и на мониторе возникли медленно растущие столбцы графиков. Королев

удовлетворенно крикнул.

- Через полчаса, командир, - заверил его Лавров. - Максимум через час. Все подвиснуть хочет, зараза.

- А ты эти программки сломай и доведи до ума, - посоветовал Королев. Лавров тяжело вздохнул.

- "Чайников" - давить! - пробормотал он в пространство.

- Фу! - сказал Королев и направился было к себе в кабинет. Но тут дверь открылась вновь, и в зал шагнул, ни больше ни меньше, Дядя.

При виде первого заместителя Папы и начальника отдела внутренних расследований молодежь встала во фрунт. Дядю они едва-едва знали в лицо. Если Папа, главный стратег и философ Службы, позволял себе быть с людьми накоротке и частенько бродил по офису, общаясь с народом, то у Дяди на такое просто не оставалось времени. У него были совершенно конкретные задачи, и он их образцово выполнял.

На Службе его побаивались.

- Уже? - спросил Королев с какой-то странной интонацией, почти неприязненной, и Игорь вдруг поймал на себе его короткий взгляд.

- Я освободился до вечера, - сказал Дядя. - Здравствуйте, Бойко, - он протянул Игорю руку.

- Добрый день, - Игорь машинально ответил на пожатие и снова засек быстрый, острый взгляд Королева. "Однако дело пахнет операцией. Даже, я бы сказал, черт возьми, Операцией! Что это старики задумали? А ведь пора! Третий месяц уже дурью маемся, так и спиться недолго".

Лаврову Дядя просто кивнул.

- Здравсте, - протянул обиженный Лавров.

- Можем начинать прямо сейчас, - сказал Дядя Королеву. - Второй подъедет через три часа.

- Хорошо, - кивнул Королев. И вдруг опустил плечи. И глубоко вздохнул.

- Мне тоже вся эта история не по душе, - сказал Дядя доверительным тоном. - Но чем раньше начнем, тем больше шансов на успех. Где мы сядем?

- Он окинул взглядом большой круглый стол в центре зала. - Здесь? Нет, лучше у тебя. Э-э... молодой человек...

- Референт Лавров, ваше превосходительство.

- Да, господин Лавров, будьте добры, возьмите на себя все входящие.

Кроме адресованных мне лично или на два имени, мне и вашему шефу. Вплоть до особого распоряжения нас не отвлекать. Очень на вас надеюсь.

- Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство.

- Меня зовут Павел Семенович, - смилостивился Дядя. И протянул-таки Лаврову руку. Тот аккуратно, не спеша освободил пальцы из зажимов "мышь" и со спокойной улыбкой приветствовал одного из могущественнейших людей планеты. Лавров поставил Дядю на место и был теперь очень доволен.

- Пошли, - Королев отворил дверь кабинета.

- Прошу вас, Бойко, - сказал Дядя, предлагая Игорю пройти вперед. И тот понял, что не ошибся. Будет дело.

***

В кабинете Королев первым рухнул в кресло, будто у него отказали ноги. Игорь подождал, пока усядется Дядя, откатил свое кресло подальше от стола, сел, закинул ногу на ногу и только тут понял, что ему сегодня показалось в Королеве странным. Начальник отдела Спецпроектов явно не

спал эту ночь.

- Кофе, - сказал Королев, набирая комбинацию на врезанном в край стола киборде.

- Паша, тебе с сахаром, да? А тебе, Боец, еще и со сливками.

- Ты как вообще, старик? - спросил Дядя. - В форме?

- Давненько не брал я в руки шашек... - вздохнул Королев. - Фигня, прорвемся.

- Кризис начался позавчера рано утром, - сказал Дядя, обращаясь к Игорю. - Игорь... Можно я буду вас называть по имени? Отлично. Кстати, Андрей, а что это твой секретарь так на меня наехал?

- Здраваться надо, - проворчал Королев, доставая из открывшейся в стене дверцы поднос с тремя чашками.

- Терпеть не могу здороваться за руку с незнакомыми людьми, - сказал Дядя, принимая с благодарным поклоном свой кофе. - Ничего с собой поделать не могу.

Игорь взял чашку и покосился на Дядю.

- А вас я знаю неплохо, молодой человек, - усмехнулся Дядя, поняв его немой вопрос. - Мы познакомились так давно, что вы и не помните. Вам, Игорь, было тогда от силы года два. И все последующее время я очень внимательно следил за вашей судьбой.

- И за карьерой? - спросил Игорь.

- А что, плохо вышло? - поинтересовался Королев. Игорь отхлебнул кофе, поставил чашку на стол, откинулся в кресле и сунул большие пальцы в карманы джинсов.

Некоторое время он молча глядел в стену, позволяя старшим беззастенчиво рассматривать себя. И не выдержал.

- Почему я? - спросил он. - Я не самый опытный в Спецотделе. И не самый удачливый. Понятно, ребята сейчас все на выезде, но я готов подменить любого из них. Так что давайте рассказывайте... - и тут он осекся. В голову ему пришла совершенно безумная мысль. Настолько безумная, что он застыл с открытым ртом.

"Не бывает таких совпадений, - подумал он. - Не может быть..."

- Ты в Спецотделе самый умный, - сказал Королев. - Вот, я вижу, ты уже до всего и дотумкал...

Игорь помотал головой и сел относительно прямо. Теперь он смотрел на Дядю, и взгляд его был ледяным.

- Ты Игоря Волкова хорошо помнишь? - спросил Дядя.

"Я правильно угадал, - подумал Игорь. - С ума сойти! Как же так все совпало?"

Неужели случайно? Им нужен Волков. Ох, черт возьми! Я еще и привыкнуть-то не успел к мысли о том, что он на самом деле жив... Сейчас придется играть. Много и вдохновенно. Эх, не проколоться бы".

- Он жив... - эти слова Игорь скорее прошептал, чем выговорил, но интонация его была утвердительной.

- Посмотри, - Королев достал из стола растрепанную папку с крупно выведенным на обложке номером 116 и выудил из нее фотографию. Игорь взял снимок и задохнулся от изумления.

Маленькая цветная карточка не была фото в обычном смысле слова. Это оказалась прорисованная на компьютере ментография - отпечаток картинка, запечатленной в человеческой памяти. Страшно дорогая в производстве вещь, используемая только в крайних случаях. А та ментография, которую Игорь держал в руке, была просто дорожке золота. По характерным заплатам

изображения Игорь определил, что отпечаток был взят с трупа. Игорь даже приблизительно не мог себе представить, в какие деньги обошлось разовое применение топ-секретной технологии, из недр которой родилась эта картинка.

- Похоже, я держу в руке бюджет небольшого государства, - пробормотал он.

- Ну почему же небольшого... Ты смотри, смотри. А на снимке Игорь увидел Волкова. Конечно не такого, как на фотографиях из маминого альбома, а постарше лет на тридцать. Очень правильные и очень жесткие черты лица. Почти ничего общего с обликом сына, который вышел лицом и мастью в мать. Только что-то неуловимое в выражении глаз... И еще говаривали знающие люди, что повадками, манерами и привычками Игорь совсем не Бойко, а вылитый Волков.

- А собака у него есть? - спросил Игорь, не отрываясь от снимка.

- А то! - фыркнул Королев.

- Буль какой-нибудь? - Игорь по-прежнему не поднимал глаз.

- Не лови нас, как маленьких, - попросил Дядя. - С чего бы это ему завести бультерьера? У него бернская овчарка. И, похоже, ростом с лошадь.

- У нас был прекрасный ландсир, - вздохнул Игорь и осторожно положил карточку на стол. - Я на нем верхом катался. Конечно, если папуля удосуживался меня посадить.

- Я помню, - кивнул Дядя. - Его звали Джем. Чуть мне яйца не отгрыз. Никогда бы не подумал, что из простого ньюфаундленда можно сделать такого киллера.

- Ладно, - сказал Игорь. - Вы-то, как я понимаю, точно установили, что он - это он?

- Вне всякого сомнения, - сказал Королев. - Это Игорь Волков. Сто процентов. И Шнейдер его опознал.

- Ну, по такой ментографии трудно судить... - Игорь склонился над столом, вглядываясь в карточку.

- Шнейдер видел его живьем, - сказал Дядя жестко. - Он узнал Волка и успел послать сигнал подтверждения. И Волк тоже узнал своего друга Шнейдера.

Старого доброго друга.

Игорь закусил губу и выпрямился.

- Серьезное дело, - сказал он вполне безмятежным тоном.

- А никто и не говорит, что оно лажовое, - усмехнулся Королев.

- А меня он якобы не тронет. Королев и Дядя переглянулись.

- Не пойду, - отрезал Игорь.

Старшие одновременно повернули к нему головы.

- Я для Волкова никто, - сказал Игорь. - Когда он ушел, мне было шесть лет. Я его даже толком не помню. Джем помню очень хорошо и до сих пор оплакиваю. Я, может, никого на свете так не любил, как этого пса. А когда отец исчез, Джем за неделю сгорел, как свечка. Мне сказали "папа в командировке", и я так и не простил ему, что он бросил такую преданную собаку. Еще через сколько-то лет мне объяснили, что папочка умер, но я уже не смог перестроиться. А когда мне стукнуло двадцать, умерла мама. Которая так больше замуж и не вышла. И я со всем этим, извините, живу. Я даже к психоаналитику ходил. Без толку.

- Ты просто не хотел освободиться от этого груза, - сказал Дядя мягко. - Мы поступки Волка ни в коем случае не оправдываем. Ни то, что

он сделал с тобой, ни то, как он с Галей обошелся. Да и нас он всех подставил капитально. Но поверь мне, Игорь, для тебя отец значит гораздо больше, чем ты думаешь. И боль, которую он тебе причинил, во многом сделала тебя таким, какой ты сейчас есть.

- Я уже не маленький, Павел Семенович, - кивнул Игорь. - Так что не надо мне рассказывать, кто и что для меня сделал. А уж вы, господа, затащив меня на Службу, извините, так мне нагадили, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Королев поморщился. Дядя криво усмехнулся.

- Я давно все сопоставил, - упрямо гнул свое Игорь. - Вы меня на Службу разве что силком не тащили. Я здесь уже пять лет. И сейчас я точно знаю, что взяли меня сюда из-за того, что я сын Волка. Которого все ветераны Службы почему-то боятся до судорог. Поэтому меня ни капельки не удивляет, что мой дражайший папочка жив.

- То есть ты запросто готов отправить псу под хвост все, что сделал за эти пять лет, - констатировал Дядя. - И дырку от пули, которая у тебя в спине, и орден, который у тебя в сейфе лежит, и именной ствол от Папы. Ты знаешь хоть одного, кто за пять лет на Службе столько бы успел наворочать?

- Да, Игорек, - вступил Королев. - Что-то ты, друг мой, того... передергиваешь.

Выходит, мы тебя держим только как щит от Волка страшного? За красивые глаза, так сказать?

- А у меня действительно очень красивые глаза, - рассмеялся Игорь. - И еще я очень умный. Но все равно я вам, простите меня, пожалуйста, господа... Ну не верю я вам до конца, и все тут. Подорвано у меня доверие к Службе.

- А у Службы к тебе - нет, - сказал Дядя.

- А Сабуров говорит, что ты просто обнаглел, - вставил Королев.

- И глаза у тебя на самом деле красивые, - сообщил Дядя. - Это правда, - повернулся он к Королеву, - что от него ту девчонку силой отдирать пришлось?

- Какую девчонку? Из Безопасности? Их там две было... Дядя захохотал, громко и беззаботно. Игорь молча ждал.

- Все мы про тебя знаем, - сказал Дядя, отсмеявшись. - Иногда, правда, делим на два, но что поделаешь...

- И то, что тебя в Безопасность приглашали на майорскую должность...

- И то, что Охрана к тебе подкатывала...

- И дома у тебя клякса лежит неучтенная...

- Стоп! - скомандовал Игорь Королеву. - Не было такого. Кляксу я сдал под роспись. Вы еще, господа, Дашу на меня повесьте.

- Ну зачем же Дашу? - сказал Дядя ласково. - Дашу тогда мои драгоценные "гестаповцы" замочили. С перепугу.

У Игоря непроизвольно отвалилась челюсть. У Королева тоже.

- Э! Мужики! Вы что? Я пошутил! - встрепенулся Дядя. - Честно, пошутил. Не было Даши. Ну не было!

- Тогда и кляксы не было, - сказал Игорь.

- Я тебя что, прошу ее сдать? - отмахнулся Королев. - Тебе сказали добыть хотя бы снимок. А ты приволок живую вещь. Целых две. Ну и зажал одну. Бывает.

- Ты только с ней поосторожней, - попросил Дядя. - Это все-таки не игрушка, а штукавина неустановленного происхождения. Ты ею что, от

похмелья лечишься? С перепоя под язык?

- Под подушку кладу, - сказал Игорь хмуро. Кляксу, сгусток теплой и дружелюбной темноты размером с шарик для пинг-понга, он добыл при таких печальных обстоятельствах, что шутить на эту тему не хотелось. Спецотдел охотился за кляксой несколько лет кряду и нашел ее не в том месте и не в то время. В одном из государств "третьего мира" и на час раньше конкурирующей иностранной фирмы, которая повела себя бестактно, кинулась в погоню и открыла пальбу. Это было как в фильмах про войну, потому что оперативники, прикрывавшие Игоря, начали по двое отставать, чтобы задержать преследователей. К точке подхвата вышли только Игорь и старший группы, который отвечал за него до конца и бросать не имел права.

Фамилия старшего была Шнейдер.

- Ладно, - вздохнул Игорь. С кляксой его здорово поддели. - Взяли вы меня за ошейник, ничего не скажешь.

- Ты работай с ней, работай, - сказал Дядя. - Только Москву не взорви. Считаю, я дал санкцию. Научники все равно со своей так и не смогли разобраться.

- Научники вряд ли ее поймут. Скорее у них она взорвется, чем у меня. Я ее люблю, ей со мной комфортно. С кляксой вообще не ученые должны разбираться.

Точнее, не нормальные ученые, а... Не знаю кто. Экстрасенсы, может быть.

- Не ты первый до этого додумался. Мы как раз собираемся ввести биоэнерготехнолога в их группу. Ты полагаешь, она живая? В смысле - разумная?

- Мне все кажется, что да. Примерно на уровне собаки. Но я к ней слишком привязан. Скорее это самообман.

- Поживем - увидим. Так ты, я понимаю, согласен? - прищурился Дядя.

- Я не хочу ждать от вас прямого конкретного приказа. Считаю, что оказанное мне доверие оценил и с любезной просьбой милостиво согласился. А про шантаж забудем.

- Подставляться не надо, - посоветовал Королев. - Осторожнее надо быть. Думать надо головой. Не создавать для шантажа поводов.

- Да ладно! - бросил ему Дядя. - Сколько раз мы с тобой подставлялись, я уж умолчу. За давностью лет. А он бы и так согласился.

- Я бы согласился, - кивнул Игорь. - У меня ведь нет какой-то веской причины для отказа. Кроме страха разве что. Я все-таки не оперативник, я аналитик. И в спортзал не хожу.

Дядя хмыкнул.

- Сабуров на тебя стучалку написал, - сказал он. - Вчера, прямо сразу после того, как ты с ним в вестибюле поцапался.

Игорь посмотрел на Дядю очень внимательно.

- Пишет, что ты стал опасен для Службы, - продолжал тот. - Что у тебя личные мотивы окончательно перевесили долг профессионала.

- Павел Семенович, может, вы мне и вправду дядя? - произнес Игорь задумчиво.

- Не зазнавайся. Особо пристальный интерес с моей стороны ты вызвал только минувшей ночью. Тут-то я и поднял твой файл. Увлекательное было чтение, ничего не скажешь.

- Я на Службу не просился, - заметил Игорь.

- Не прячься за Волкова, - сказал Дядя. - Перестань. Ты сам по себе личность, ты Службе интересен как Бойко, а не как Волков. Я бы на твоём

месте, наоборот, гордился...

- Тем, что мой близкий родственник - пугало и страшилище? Слуга покорный... - Игорь отвернулся и помотал головой.

- А ты в курсе, почему его бояться? - спросил осторожно Королев.

Игорь вздохнул. Сейчас главное не проболтаться. И продолжать игру, отвечая старшим с тех позиций, на которые он успел продвинуться до прошлого вечера.

Игорь действительно расспрашивал об отце всех и вся. Но те на Службе, кто мог бы ему рассказать хоть немного правды о Волке, знали, что Игорь - его сын. И молчали. А те, кто не знал, распространяли дурацкие слухи и ничего интересного сообщить не могли.

- Я уверен, что он был сенс, - пробормотал Игорь. - А я - нет.

- Почему "был"? Он до сих пор сенс.

- Да поймите вы! - вскричал Игорь, наливаясь кровью. - С того дня, как Волков пропал, он не проявил ко мне ни малейшего интереса! Я его не видел двадцать лет!

И видеть не желаю! Вы же мне больно делаете, господа, что, непонятно? Он для меня человек в прошедшем времени! Все равно что умер! Да я и привык к мысли, что он умер! Ух, е-мое!..

- Но ты же вычислил, что он жив, - сказал Королев очень мягко и уважительно.

- Это головой! - прошипел Игорь, утирая пот со лба. - А сердцу приказывать смысла не было.

- Хочешь, мы сейчас искренне извинимся? - предложил Дядя.

- И оставите меня в покое?

- Нет.

- Ну и не извиняйтесь. Простите, господа. Я не думал, что это будет для меня так болезненно. Давайте лучше я перед вами извинюсь за свою истерику дурацкую...

- Кофе, - пробормотал Королев. - Тебе, Паша, с сахаром...

- А Игорю еще и со сливками, - сказал Дядя озабоченным тоном. - Давай-ка, мил друг, отправляйся спать. Ты уже повторяться начал. А я тут без тебя как-нибудь.

- Ни. За. Что, - раздельно произнес Королев, вглядываясь мутными глазами в клавиши на столе и пытаясь набрать код вялым пальцем. - Я тоже Волку был не чужой, значит, и я несу часть ответственности.

- Все мы ему оказались чужими, - вздохнул горько Дядя. - Даже сыновья...

- Чего-о? - пробормотал Игорь.

ГЛАВА 7

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ, ПОЛДЕНЬ

- Удивительно, - сказал задумчиво Королев, перебирая стопку фотографий. Принтер выбросил еще две, и он положил их на стол отдельно.

- Сколько раз я эти фотки видел и все равно никак оторваться не могу. Мистика какая-то.

- Никакой здесь мистики нет, - пробурчал Дядя, сосредоточенно вглядываясь в разложенные перед ним отпечатки. Игорю показалось, что Дядя рассматривал эти снимки еще чаще, чем Королев. И один, запершись в кабинете. Слишком уж он любовно к ним относился.

- Нет мистики, - повторил Дядя. - Есть люди выдающиеся. И больше таких не делают. Вот разве что Игорек - приятное исключение.

- Который, старший?

- И старший, и младший. Младшие то есть. Это кровь, старина. Насквозь гнилая старая добрая голубая кровь. Все было отмечено, зафиксировано, запотоколировано. Совершенно четко. И у Ларина, и у Костенко, и у Волкова за последние два столетия в роду доминировал экстерьер отцов. А то, что они между собой здорово похожи, - это первое впечатление. Если присмотреться, не так уж много сходства. Просто одна порода.

- Да еще какая... - протянул Королев и поднял глаза к потолку навстречу какому-то своему воспоминанию. Видимо, это было интересно, потому что задумался он глубоко.

- А с другой стороны, - сказал Дядя, отрываясь от фотографий, - говорят, те, кто увидел Костенко и Ларина вместе, были просто в восторге.

- Отвыкли холопья на барина глядеть, - сказал Королев небрежно. Дядя закусил губу и с интересом на него посмотрел.

- Ты-то, брат, не из князей Шереметевых, - заметил он веско.

- Уж и помечтать нельзя. Может, у меня бабушка согрешила с водолазом. Старшие дружно рассмеялись.

- Так обидно не знать своей родословной... - вздохнул Дядя, поворачиваясь к Игорю. - Проклятье нашей страны. Слишком много архивов погубила красная смута. И слишком многим заткнула рты. Все мы теперь Ивановы, не ведающие родства.

- Допустим, не все, - сказал Королев, тоже поворачиваясь к Игорю. - Ты до какого века знаешь свои корни?

- До середины восемнадцатого, - ответил Игорь, скромно опуская глаза.

- А вот Тим Костенко, если верить слухам, знал свою родословную вплоть до тысяча триста четвертого года, - сказал Дядя. - Но получил он эту информацию, только достигнув совершеннолетия.

- Потому что большевики уже накрывались медным тазом, - добавил Королев, - и старики решили, что больше не опасно разевать рот. А до этого молчали, как партизаны.

- А Витя Ларин, кстати, так и не выяснил ничего о себе толком. Потому что у него и папа работал на КГБ, и мама работала на КГБ, и всем в жизни они были обязаны тоже КГБ. Хотя кто его знает, как сложилась бы их судьба, если бы их родителей в свое время не репрессировали. Вот завязка интересная, да? И характерная для прошлого века. Сначала "органы" растоптали тех, кто тебя породил. А потом вербуют тебя, упирая на то, что ты сын врагов народа, и если не будешь сотрудничать, из грязи не выберешься.

- Как же они должны были ненавидеть своих предков за это... - протянул Игорь задумчиво.

- Он самый умный в Спецотделе, - в который уже раз гордо сказал Дядя Королев.

Дядя кивнул.

- Да, на этом родителей Ларина и поймали. Как и многих других. На ненависти к своему происхождению, к предкам вообще, а в итоге - и к родине. Что есть твои корни, как не твоя родина - правда, Игорь? А родину любить нужно. Тот, кто ее не любит, не чувствует движений ее души, не понимает, чего она хочет, становится либо диссидентом, либо агентом политического сыска. Они стали и тем и другим сразу. И за это

"органы" позже отыгрались на их сыне.

- Вы его знали? - спросил Игорь. - Ларина?

- Ты читал справку-доклад "Стальное Сердце и Мастер собак"?

- "История отработки легенд Стального Сердца и Мастера собак и прикладные аспекты их использования", - процитировал Игорь по памяти.

- Это я писал, - сказал Дядя. - Так что, считай, я их знал обоих.

Хотя лично не сталкивался. Но мне хватило одного Волка по самое не балуйся.

- Тебе придется отсмотреть кучу исследований за завтрашний день, - пообещал Королев. - Ты теперь у нас будешь крупнейший специалист по форсированным экстрасенсам.

- И их роли в истории человечества, - усмехнулся Игорь.

- Ты полагаешь, ее не было? - спросил Дядя с ехидцей.

- Им же ничего не дали сделать. Или я ошибаюсь? Институт был закрыт, Объект уничтожен, Тим Костенко снова куда-то исчез... А Волков не был форсированным сенсом. Или...

- А хорошо получается, - сказал Дядя Королеву. - Стыдно, конечно, но удачно. К тому моменту, когда приедет второй, Игорек уже так обалдеет, что не сможет его загрызть.

- Он двуязычный, - вздохнул Королев. - Ты не смотри, что он такой сладенький мальчик.

- Да я и не смотрю. У меня сексуальная ориентация неподходящая.

- Как погиб Шнейдер? - прервал Игорь веселье старших.

- Как и трое предыдущих, - невесело усмехнулся Дядя. - Вся разница в том, что он Волка увидел первым. И успел это зафиксировать.

- Просто внезапно умер?

- Да как тебе сказать... Если бы я не знал точно, что все ручные психотронные пушки уничтожены...

- А очень похоже, - вставил Королев.

- Да уж. Понимаешь, Игорь... У всех, кто отправлялся на контакт с Волком, отказывал какой-то один внутренний орган, наиболее слабый по отношению к другим.

Это характерный признак мощной психотронной атаки. У двоих вдруг полетел желудок. У одного вырубилась почка. Но умерли они не сразу, для начала впали в кому и продержались еще какое-то время. Мы их просто не успели откачать. А Шнейдер был уже немолод. У него остановилось сердце.

- Сегодня утром, - вздохнул Королев.

- До этого мы посылали молодых ребят, которые не знали Волка лично, - продолжал Дядя. - Да и не было острой необходимости. Просто старое висячее дело, наш сотрудник в бегах, нужно его локализовать. А здесь начался кризис, и мы отправили человека, которому Волк раньше доверял. Вот, видишь, ошибка вышла.

- А он не мог достать психотронную пушку? - спросил Игорь.

- Исключено. Психотронное оружие в стрелковом варианте на планете Земля отсутствует. Если тебе это важно - клянусь. Я знаю.

- В нем открылся его дар, - вздохнул Королев. - Открылся примерно за год до того, как он сбежал. И черт его знает, насколько он эти способности развил за двадцать лет.

- Он мог бы сейчас занимать мое место, - сказал Дядя горько. - И я, наверное, не был бы в обиде. Он был самый талантливый из нас.

- Так почему же он ушел? - спросил Игорь.

- Мы не знаем, - вздохнул Королев.

- У него состоялась беседа с прежним Папой, - сказал Дядя, опустив глаза. - За день до. И спросить теперь, что там приключилось, можно только Волка. Наш патрон ничего не смог выяснить. Его самого от любопытства распирает. Учти, тебе я этого не говорил.

Игорь кивнул.

- Да, наш патрон мужик любопытный, - хихикнул Королев.

- Цыц! - грозно сказал Дядя.

- Виноват. Исправлюсь.

- Мы все были молоды и были друзья, - сказал Дядя Игорю. И Игорь поверил, что Дядя переживает. Причем очень глубоко и остро. - Представь, когда разразился известный тебе кризис с московским Объектом, мне было тридцать три, Андрею, - он кивнул на Королева, - тридцать пять, а Волку едва стукнул тридцатник...

- И мы его юбилей крепко отметили, - улыбнулся Королев.

- ...и Галка разбила его новую машину! - вспомнил Дядя.

- Они только-только познакомились, - объяснил Игорю Королев. - Он дико хохотал и сказал, что теперь она, как порядочная женщина, обязана выйти за него замуж. А через год родился ты. И они действительно поженились.

- А потом он нас всех бросил, - вздохнул Дядя.

- Мы тебя не агитируем, - произнес Королев так искренне, что Игорь вздрогнул. - Мы не пытаемся задеть тебя за живое, ни на каких твоих струнах играть. Мы за тебя ответственность всегда чувствовали, и очень большую. Но, кроме тебя, нам сейчас никто не сможет помочь.

- Вы поймите, дядя Андрей, - сказал Игорь Королеву очень мягко и вкрадчиво. - Вы меня уже сагитировали. И за все струны передергали, за какие только можно. И больно мне сделали, и приятно, и чего только не сделали. Вы одно поймите - я в глубоком шоке. Так что на реакцию мою не обращайтесь. Давайте работать.

Хорошо?

- Хорошо, - согласился Королев, бросил взгляд на Дядю, потом на фотографии перед собой и поежился. - Мистика... - пробормотал он.

- Не мистика, а доминанта, - строго сказал Дядя. - Дворяне, блин. А ты что, не хотел бы, чтобы твои признаки так четко передавались по наследству?

- У меня дочери! - рыкнул Королев. - Только им усов не хватало, как у кайзера Вильгельма.

- Но они на вас похожи, - заметил Игорь. - И очень. Королев воинственно закрутил ус и гордо хмыкнул.

- Итак, - сказал Дядя. - Господа, внимание. Прогоним основные тезисы. Игорь, если чего-то не поймешь, спрашивай. Чуть позже всю справочную информацию получишь на свой терминал. Скопируешь - пиписку отрежу. Понял? И кляксу отниму.

Кстати, не вздумай ее взять на дело. Игольником обойдешься.

- А вы много знаете про кляксу... - протянул Игорь уважительно.

- Я мало знаю про Волка, - сказал Дядя с нажимом. - Про то, какой он сейчас.

Если он унюхает кляксу и сочтет опасной, он не посмотрит, что ты ему родственник.

- У вас есть психопортрет Волкова?

- Да. Тебе все дадут, чтобы ты смог с ним аргументировано говорить. Только не вздумай его цеплять за психику. Он сразу это почует. Ты должен

быть абсолютно честен, открыт и искренен. Только войти в контакт, передать информацию, и все.

Дальше можешь вести себя как угодно. Целоваться с ним можешь или в морду ему захватить - пожалуйста. Но о деле больше ни слова.

- А если он начнет расспрашивать о Службе?

- Расскажи все, что знаешь. Будь субъективен в оценках, не стесняйся.

Главное, чтобы он верил в твою искренность. А для этого тебе придется быть искренним.

Когда говоришь с форсированным сенсом, по-другому нельзя. Он же "видит правду".

Учти это. Не ври ему.

- Уф! - Игорь закрыл лицо руками.

- Тебе нельзя его ненавидеть, - не сказал, а попросил Королев. - У тебя есть двое суток на то, чтобы его полюбить. Ты люби его, пожалуйста. Хоть ненадолго.

- Как мы его любим, - сказал Дядя. - Со всем дерьмом, такого, как есть.

- А он был редкое дерьмо, - сказал Королев.

- Да уж...

- Ты вспомни, Паша, сколько он над нами издевался...

- Андрей, он был та еще сука, я с тобой согласен полностью.

Игорь вытаращил глаза. Старики опять не шутили. Как и тогда, когда называли Игоря Волкова самым лучшим на свете человеком, добрым, честным, верным и прочая, и прочая.

- Но он ушел со Службы, - заключил Королев.

- А мы не ушли...

- А хотелось? - вступил в разговор Игорь. "Не поддавайся, - подумал он. - Может быть, они и не хотят тебя ловить на крючок. Но они это делают по привычке, как подлавливают, берут за живое каждого вокруг себя. Как это делаешь ты сам. Это Служба, Игорь. Это ее правила игры. Сегодня тебе повезло - старики чуть-чуть перед тобой эмоционально приоткрылись, высунули наружу краешек того человеческого, что в них есть. Но тебе нельзя забывать, что такое Служба. Это самая мощная спецслужба на планете. И как любая тайная организация, она уже по определению слегка больна. И многих сотрудников доводит до точки. Десятки людей, не выдержав напряжения, уходят со Службы не на пенсию, а в психиатрическую клинику. И эта Служба фактически правит твоей страной и твоим миром. А ты работаешь в самом маленьком, самом незаметном и самом безумном отделе Службы, Отделе специальных проектов".

- Да все мы тут прокляты, - сказал Дядя вместо ответа, будто услышав мысли Игоря. - Но Волчара, позорный, решил это проклятье отряхнуть с ног своих.

Заработать место в раю. А кто-то ведь заступил на пост вместо него... Так хорошо ли он поступил, заставив Службу отбить от стада еще одну невинную овцу?

- В общем, - заключил Игорь, - надо так вас понимать, что если он ушел со Службы, то он не... э-э, дерьмо. Но все равно поступил дурно.

- У нас один шизоид в директорате, - сказал Дядя, - пишет уже десятый год философский трактат. Все хочет разобраться, под кем Служба ходит, под Богом или дьяволом. Накатал три громадных тома.

- Ну и?..

- Непонятно. По нему выходит, что Служба вроде бы человечеству нужна

позарез. Но ее методы совершенно небогоугодны. Вот на этом-то парадоксе он и завис. Потому что без обмана, манипулирования сознанием, а подчас и убийства - какая же это будет Служба? Это царствие небесное будет, а не Служба.

- Хватит, - сказал вдруг Королев. - Вношу предложение. Когда все это закончится... Если закончится, - поправился он, - сядем втроем у меня на квартире и хорошенько выпьем. И поговорим.

- Нельзя, - вздохнул Дядя. Очень горько вздохнул.

- Слушай, ты что, мало нарушал?

- Мало не мало, а сейчас нельзя. У тебя язык без костей. А у парня запрет на руководящие должности. Мы ему там наговорим на пожизненное заключение.

- Не понял... - пробормотал Королев. Лицо его вдруг осунулось. - Я же не подавал рапорта...

- Запрет утвердили еще вчера. Я сам видел. По представлению Отдела психологических исследований. Этот приказ, наверное, как раз у твоего референта на терминале.

Королев потянулся было к киборду, но передумал.

- Сабуров, гондон! - сказал он с чувством.

Дядя вяло кивнул.

- Нет! - рявкнул Королев. - Все фигня! Если Боец провернет это дело, запрет снимут! Сто процентов!

- Нынешний Папа не снимет. Он же психолог, ты забыл.

- Папы приходят и уходят...

- У него отменное здоровье. Он протянет еще лет десять. К этому времени мы будем на пенсии, а Игорь... Наверное, последует заманчивому примеру Волка. Угадал? - спросил Дядя у Игоря.

- Только официально, - кивнул Игорь. - Не хочу остаток жизни прятаться.

- Ты что, не в курсе, что со Службы просто так не уходят? - спросил Королев. - Когда ты получил топ-секретный допуск, тебе это объяснили. Я лично объяснил.

- Значит, я буду первым, - сказал Игорь спокойно.

- Он имел в виду, что уйдет в прикрытие, - предположил Дядя.

- Нет, - помотал головой Игорь.

- Ладно, - отмахнулся Королев. - Упрямся - разберемся.

- И вообще, что-то мы затрепались тут, - заметил Дядя. - Я вот думаю... Второй подъедет уже через час. Может, подождем расписывать полную диспозицию?

- А его уговаривать не придется? - спросил Королев.

- С ним предварительную беседу уже провели. И он, - Дядя хитро глянул на Игоря, - выразил живейшую заинтересованность во встрече с господином Волковым. Так что нам нужно всего лишь объяснить ребятам причину нынешнего кризиса. Поставить задачу и дать время на достижение минимальной групповой сработанности. Сутки, - уточнил он. - Не больше.

Игорь звонко клацнул зубами. Потом запрокинул голову и уставился в потолок.

- Пойдем, Андрей, съедим чего-нибудь, - предложил Дядя. - Игорь, ты завтракал?

- Он даже опохмелился, - сказал Королев. - Боец, мы действительно перекусим. А ты сиди тут, готовься. Выйти разрешаю только в сортир, в разговоры ни с кем не вступать. Даже Лаврову - ни-ни.

- О! - вспомнил Дядя. Он сунул руку за пазуху и вытащил узкий конверт. - Старею, - сообщил он Королеву. - Склеротические явления. Держи, Игорек. Прочти и распишись.

Игорь открыл конверт и развернул лист плотной голубой бумаги. "Уведомление.

Настоящим уведомляется Управлением Федеральной Контрольной Службы специальный уполномоченный Отдела специальных проектов ФКС Бойко Игорь Игоревич в получении допуска категории ЭКСТРА на неопределенный срок времени. Права и обязанности сотрудника с допуском категории ЭКСТРА присваиваются г-ну Бойко И. И. с момента подписания настоящего Уведомления вплоть до специального распоряжения Управления ФКС, о чем будет направлено соответствующее Уведомление. Разъяснение г-ну Бойко И.И. прав и обязанностей сотрудника с допуском категории ЭКСТРА возлагается на Первого Заместителя Директора ФКС Богданова П.С. Допуск категории ЭКСТРА г-на Бойко И.И. вступает в силу с момента подписания г-ном Бойко И. И. настоящего Уведомления и визирования подписи г-на Бойко И.И. г-ном Богдановым П.С. с указанием даты и времени с точностью до минуты. Управление ФКС поздравляет г-на Бойко И. И. с получением допуска категории ЭКСТРА и выражает уверенность в том, что г-н Бойко И. И. оправдает оказанное ему доверие своевременным и полным выполнением возложенных на него задач".

- Ну пишут! - не удержался Игорь.

- Въехал? - спросил Дядя. - Вот и подписывай.

- А права разъяснить? - спросил ехидно Игорь. - Иначе буду говорить только в присутствии моего адвоката.

- А ты не знаешь, какие права?

- Ну, знаю... Как у Джеймса Бонда, - внутренне Игорь взвизгнул от восторга.

"Конечно, на ЭКСТРЕ голову сложить можно запросто", - подумал он. Но одна мысль о том, что теперь в случае необходимости не надо делать предупредительный выстрел (хотя кто его делает? а вот контрольный придется делать обязательно), приятно грела душу. И главное, теперь можно брать материалы из закрытых файлов.

"Ох, распотрошу я нашу библиотеку! Ох, застрелят меня, когда в отставку попрошусь! Ох, я крутой! Ох, дите я неразумное..."

- Ты только учти, агент ноль-ноль, - сказал Дядя жестко. - Я тебе, конечно, права читать не собираюсь, ты их знаешь все назубок. Но твоя ЭКСТРА временная, понял? Из-за выкрутасов твоих дурацких с рукопашным боем и вообще за грубость и нетактичное поведение. Поэтому я тебе обязан сообщить, какие твоя ЭКСТРА включает ограничения. Слушай внимательно.

- Да, - кивнул Игорь. Эйфория постепенно спадала. Кроме того, отпустил застрявший в организме со вчерашнего и принятый с утра алкоголь. Ему вдруг стало грустно и чуть-чуть страшно.

- Во-первых, право на применение оружия не действует в отношении Волкова. Даже если он тебя будет тупым ножом резать. Во-вторых, доступ к информации только по теме. На центральном сервере для тебя уже открыт личный коридор. Ни хрена не получишь из того, на что ты сейчас, наверное, рассчитывал. Зато по своей теме можешь читать все, что понадобится. Читать, а не скачивать, понял?

- Понял...

- Ты теперь под колпаком у Мюллера, парень. Кстати, на всю жизнь. Мне-то на пенсию скоро, но я своих "внутряков" хорошо отдрессировал, они

с тебя не слезут.

- Да понял я, понял...

- Не огрызайся, Игорь. Все очень серьезно. Готов подписывать? У тебя остался последний шанс пойти на попятный.

- Так меня же съедят! - сказал Игорь.

- Верно мыслишь. Подписывай.

Игорь перевернул "Уведомление" вверх ногами и расписался. Королев хихикнул, в глазах у него зажглись ехидные огоньки.

- Гадюка, - констатировал Дядя. - Весь в отца.

- Давай, визируй, - сказал Королев. - Волчара наш всегда норовил вверх ногами расписаться, - объяснил он Игорю. - Как зайдет оружие получать, обязательно журнал перевернет и дежурному говорит: "Внимание, отметь, расписываюсь вверх ногами".

- А дежурный неизменно отвечал: "А мне по х...ю", - пробормотал Дядя, глядя на часы, чтобы проставить время.

- Ты взял от него все лучшее, парень, - сказал Королев. - Ты такой же пламенный борец с идиотизмом.

- Хулиган, - поправил Дядя, пряча "Уведомление" в конверт. - Но очаровательный хулиган.

- Эх... - Королев с трудом поднялся из кресла. Его вдруг ощутимо повело в сторону, но он сумел поймать себя и поставить вертикально. За спиной Дяди он подмигнул Игорю, и тот улыбнулся в ответ. Королев долгие годы был для него просто дядя Андрей. Но когда Игорю сравнялось лет десять, Служба, видимо, поняла, что Волк никогда не вернется домой. И дядя Андрей перестал заходить к маме Гале на рюмку чая. А может, мама Галя его отшила. В любом случае, для Игоря в Королеве было хоть что-то родное. Но все равно он не считал себя обязанным ему доверять. "Ты на Службе, парень. А теперь ты даже ЭКСТРА, пусть и временная.

Никому не верь и побольше думай. Банзай!"

- Пошли, - сказал Дядя, вставая. - А ты отдыхай.

- Закажи себе чего-нибудь, - Королев показал на свой терминал, - не стесняйся. И кофе побольше. Ты же до сих пор косою, я же вижу.

- Что такое? - встрепенулся Дядя. - Игорь, ты пил сегодня с утра? Я думал, он шутит насчет опохмелки...

- Это у нас дежурный розыгрыш для чужих, - улыбнулся Игорь. Королев снова подмигнул ему и украдкой показал кулак. - Мы всегда перед чужаками придуриваемся. У них это отбивает охоту к нам соваться.

Дядя внимательно оглядел сотрудников Спецотдела. Ему явно хотелось к ним принюхаться, но он сделал вид, что поверил.

- А я, значит, тоже чужой? - спросил он.

- А то, - ответил Игорь.

- Правильно, - кивнул Дядя. - Так держать. Пойдем, Андрюша, времени в обрез, - он открыл дверь и пропустил Королева вперед.

- Секунду! - попросил Игорь.

- Да? - обернулся к нему Дядя.

- Дурацкий вопрос, я понимаю... Но все-таки, почему мне говорят, что Волков жив, только сейчас, когда Служба приперта к стенке? А?

- А разве ты раньше хотел это знать? - усмехнулся Дядя. - Ты и сейчас этого не хочешь... - и, не дожидаясь ответа, вышел.

***

Когда дверь за старшими закрылась, Игорь закурил, взял стопку фотографий и разложил их на столе. Самую важную он пока отодвинул подальше. От греха. И начал рассматривать просто интересные.

Возглас Королева "Мистика!" пришел ему на ум сразу. Но Игорь был согласен с Дядей - все дело в породе. "Они похожи друг на друга, и я тоже похож на них. В принципе мы очень разные. Но мы действительно одной породы-Очень правильные черты лица у всех - и поэтому много общего. Хотя содержание у каждого свое. Вот Виктор Ларин по прозвищу Мастер. Красивый мужик, почти фотомодель. Тридцать лет назад он стал командиром Охотников, и поэтому его все называли Мастер собак, по имени какого-то героя из фантастического романа. Судьба его неизвестна, по официальным данным - погиб во время кризиса на московском Объекте, но останки так и не были захоронены. Мастер вытащил нас из беды, когда техногенная активность людей привела к атаке монстров из загадочного иного измерения. Мы этот кризис накликали сами.

А вот Тимофей Костенко, он же Стальное Сердце. Первый в истории человечества форсированный экстрасенс. Пожалуй, именно с ним у меня больше всего общих черт.

Мы оба мягкие, спокойные и не очень-то фотогеничные. Что мы знаем о Костенко?

Мало знаем. Кроме голословных заявлений о том, что он видел сквозь бетонные стены и убивал взглядом. Так вышло, что Костенко никогда не состоял на службе у государства, он скорее с ним боролся. Поэтому история его жизни пишется с донесений внешнего наблюдения. Костенко в одиночку фактически прекратил начинавшийся в стране психотронный террор. Шли полевые испытания систем подавления человеческой психики, и ему было предложено стать одним из операторов. Но он не просто отказался, а вступил с "кукловодами" в конфликт. Его решили наказать за несговорчивость и при этом сделали человеку очень больно. В результате - море крови и куча трупов, включая руководителя программы, на которого все замыкалось. Костенко исчез. Позже несколько раз появлялся и снова исчезал. Был знаком с Мастером, судя по всему, помогал ему разобраться в том кризисе. После чего на Земле не замечен ни разу. Но такого человека сложно заметить, если он этого не хочет. Служба безуспешно охотится за ним до сих пор.

Теперь Игорь Волков. Самое волевое, мужественное, жесткое лицо. И удивительно симпатичное при этом. Мне все твердят, что мы очень похожи, но я-то знаю, что нет. Как минимум, я не такой ярко выраженный самец. Так, папочка. За тобой десять лет безупречной работы на благо Родины и прогрессивного человечества. И внезапное бегство - со Службы и из жизни. Несколько раз был локализован, но всегда исчезал раньше, чем тебя успевали взять. Об этом человеке ты, Игорь, знаешь меньше всего. Но теперь у тебя есть доступ к папке с номером 116, которую Королев запер в столе. Ты только потерпи еще немного. Неужели тебе не хочется узнать?"

Игорь раздавил в пепельнице окурок, поджег новую сигарету и потянулся было к последней фотографии, когда его словно током пронзило. Он вдруг понял, что не задал старшим очень важного для себя вопроса. Да и не мог задать - так силен был шок от обрушившейся на него информации. А сейчас возникло белое пятно. Игорь так и не понял, для чего Королев распечатал лишние фотографии. "Дело Волка - это дело Волка. Но зачем еще двое? Костенко и Ларин, личности загадочные и легендарные, вот про них даже Дядя монографии пишет. Какое отношение они имеют к Волкову,

очаровательному хулигану, умнице, подлецу и иже с ним? Мало ли на свете однотипных лиц? Эх, лопух я! Допустим, я теперь знаю, что все трое - мутанты, не совсем люди, а может, и совсем не люди. Но Дядя и Королев, похоже, и не подозревают, что я до этого докопался. Неужели они мне расскажут, что Волков тоже попал под каток "Программы Детей"? А зачем мне это знать?"

Несколько секунд Игорь пребывал в легком смятении. "Что должен испытывать молодой человек, который вдруг узнает, что его отец - мутант? И как должен молодой человек реагировать? И чего добиваются таким образом от молодого человека психологи Службы, без рекомендаций которых подобные операции не обходятся? К чему Служба хочет принудить молодого человека такой шоковой терапией?"

Наконец Игорь понял, что окончательно запутался. Тогда он вздохнул, мысленно послал всех к черту и притянул-таки к себе последнее фото. И неприязненно скривился. На него смотрел, мягко улыбаясь, еще один красивый мужик. И чертовски похожий на Игоря Волкова. "У него даже имя, fuck его мать, такое же! Впрочем, fuck его мать уже имел место. Fuck и еще раз fuck. Года примерно за четыре до моего рождения".

Человек с потрясающим именем Игорь Александр Вестгейт был подданным британской короны. К тридцати двум годам он успел получить блестящее образование (психология, социальная психология) и побывать, кажется, на всех континентах. И везде, и всегда работал на Службу, только на Службу и еще раз на Службу. Похоже, он был завербован еще в утробе матери. И видимо, с самим фактом его зачатия была связана какая-то тайна.

Игорь пересел на место Королева и заказал себе чай и пару гамбургеров. Меланхолично жуя, он так и этак вертел известные ему факты и все больше убеждался в том, что этот Игорь Вестингауз, или как его там, и есть главная приманка в капкане на Волка.

"Допустим, мне позарез нужен один человек, - размышлял Игорь - У меня в руках его сын, и я пробую его на мальчишку подманить. Но ведь он рядом со своим детенышем пять лет провел, а потом слинял на целых двадцать, и за все это время не сделал ни одной попытки войти с ним в контакт! Да плевал он на него, и все тут. И тогда я достаю из кармана второго сыночка, абсолютно внебрачного, но куда более похожего на папу. Гораздо более похожего, чем, скажем так, сын законный. И я почему-то уверен, что, когда сыновья возникнут перед родителем вдвоем, он тут же кинется чмокать их в пухлые розовые щечки.

В чем же тут фокус? Ведь такой колоритной личности, как Игорь Волков, должно быть все равно, что один парень, что два, что десять. Волк бежал так, что только пятки сверкали, от всего, что было его жизнью. Жена у него была просто чудо - ох, мама... Ладно. Собака была, в которой он души не чаял. И еще имелся сын, с которым он был, как минимум, весьма ласков. А еще была Служба. И дар сенса - по слухам, очень мощный, только в латентном состоянии. Волков пользовался им неосознанно, но эффективно - его все обожали.

Итак, зацепку нужно искать в одном из двоих сыновей. И явно не в Игоре Бойко. А в этом самом Вест-Пойнте, или черт его разберет как. Спасибо, он хоть по-русски говорит без акцента и даже на московском диалекте.

А чего ты, собственно, так на него взъелся, Игорь?

Потому что он что-то значит для твоего отца?

А если это все ошибка?"

Игорь закурил опять. Остро и отчетливо захотелось выпить. Стаканчик холодной-холодной водки. А потом, едва переведя дух, - еще один. Закусить, закурить, посидеть, блаженно пуская дым в потолок, а потом - жахнуть по третьей.

И в душе будет тишина и покой.

"Действительно, с чего я взял, что Служба не ошибается? Ну ошиблась она, и все тут. Окончится дело провалом, но Волков, во всяком случае, нас не убьет. А я зато с братом познакомлюсь, с интересным человеком. Он знает кучу языков, а не полтора, как я. Имеет две степени магистра, а не, как я, ни одной. Объездил всю планету. Я им буду гордиться. Давай, Игорь, давай! Вперед, Боец! Перед тобой стоит фантастическая задача - за два дня полюбить отца, которого ты двадцать лет ненавидел. Начни с малого - полюби брата, о существовании которого ты еще два часа назад и не подозревал. Всего-то делов-то".

Игорь поднялся, сбросил куртку, стянул с ног "казаки", уселся, скрестив ноги, на стол начальника отдела, развел в стороны руки и закрыл глаза.

В такой позе его и нашло вернувшееся начальство.

***

- Тащится, сукин сын, - сказал Королев, дожевывая бутерброд.

- А я так не умею, - признался Дядя.

Игорь, даже не подумав извиниться, сполз со стола.

- Выпить-то не даете, - пробормотал он недовольно, обуваясь. Спиртное в офисе Службы было под строжайшим запретом. Его сюда проносили только в пластиковых фляжках.

- Устал? - спросил Дядя.

- Отдохнул.

- Ну и молодец. Сейчас приступим.

Терминал Королева пискнул, и голос Лаврова произнес:

- Здесь.

- Пригласите! - скомандовал Дядя и повернулся к двери. Королев и Игорь последовали его примеру, Игорь при этом непроизвольно отступил в угол комнаты. В дверь постучали - деликатно, но твердо и с достоинством.

- Прошу вас! - сказал Дядя. И гость вошел.

Первое, что отметил Игорь, - это стоимость его костюма. А галстук! А ботинки! И вообще, господин Вестгейт в жизни выглядел в сто раз эффектней, чем на фото. Он словно вышел из салона элитного европейского стилиста. Только вот от гонора, с которым он стучал в дверь, не осталось и следа. Потому что он увидел Игоря. И так обалдел, что даже забыл поздороваться.

Игорь не удержался. Он оторвал взгляд от ботинок гостя. Невольно прищурившись, ощущая на своем лице дурацкую глумливую ухмылку, заглянул в большие внимательные серые глаза, которые так и прожигали его насквозь. И за долю секунды выражение этих глаз несколько раз переменилось. Сначала Игорь прочел в них испуг. Потом замешательство. И наконец - вдруг, - черт побери! - радость. Несколько истеричную, но вполне отчетливую.

Господин Вестгейт так и не счел нужным обратить внимание на начальство. Он шагнул к Игорю, протянул ему руку и сказал:

- Меня зовут Игорь.

- Меня зовут Игорь, - эхом откликнулся Игорь, и их руки сомкнулись. У Вестгейта оказалась такая же, как у брата, довольно крупная рука с длинными пальцами и неожиданно тонкой кистью. Пожатие было в меру крепким и совсем не фамильярным.

Это Игорю понравилось. Он бросил взгляд на Дядю и Королева. Начальники откровенно ловили кайф. Рты у них растянулись до ушей.

Вестгейт поборол оцепенение, вполне по-человечески встряхнул головой, повернулся к Дяде, опустил руки по швам и четко, но без лишней торопливости доложил:

- Старший уполномоченный Вестгейт. Командирован Северо-Западным отделом. Прибыл в ваше распоряжение.

- Здравствуйте, Игорь! - провозгласил Дядя патетически. - Очень рад!

Пока шла процедура взаимных приветствий и выяснения, как гость долетел и не желает ли чего, Игорь продолжал рассматривать вновь обретенного родственника.

Первая характеристика, которая пришла ему на ум - "сбалансированный". Во всех движениях, интонациях и подборе слов у Вестгейта блестяще сочетались железный контроль и вполне правдоподобное дружелюбие. Идеальный сотрудник Службы. Просто лапочка.

- Прошу к столу, господа! - скомандовал Дядя. - Ознакомимся с диспозицией.

Игорь и Игорь одновременно показали друг другу на одно и то же кресло. И, смущенно рассмеявшись, уселись рядом. Но Вестгейт тут же вскочил и пошел вокруг стола, на другую сторону.

- Нет! - остановил его Игорь. - Так мы будем все время друг на друга тарашиться.

Иди сюда. Успеет еще... Давай, давай.

Вестгейт, окончательно смутившись, вернулся на место.

- Нужно, между прочим, согласовать термины, - подал голос Королев, с умилением наблюдавший за всей этой неразберихой. - Хотелось бы ясности - как мы их будем называть? У них же имена одинаковые.

- Да, это проблема, - сказал задумчиво Дядя. - Я думаю, одному нужно повязать голубой бантик, а другому розовый.

"Близнецы" синхронно залились краской.

- У одного из нас уже есть бантик, - сказал Игорь. - Вон, на шее болтается.

- Ты не носишь галстуки? - удивился Вестгейт.

- Надевал раз в жизни, - небрежно бросил Игорь. - Когда орден получал.

- Я знаю, - кивнул Вестгейт. - Я читал. Ты... Ты молодец.

Игорь благосклонно кивнул - мол, что есть то есть.

- У меня рабочее имя Боец, - сказал он. - А ты кто будешь? Вест, или Гейт, как тебе больше нравится? Или, может, Шнапс?

- Тихо... - посоветовал Игорю Королев с угрозой в голосе.

- А что такое? - удивился Игорь.

- Вообще-то я Алекс, - сказал Вестгейт.

- Ты это сможешь выговорить? - спросил Королев. - Он плохо знает языки, - объяснил он Вестгейту. - И вообще малообразован.

- У меня голова, чтобы думать, - гордо заявил Игорь. - Нечего ее засорять...

Алекс так Алекс. Был бы человек хороший.

- Вот такой у вас будет ведущий в предстоящей операции, - сообщил

Дядя Вестгейту. - Впрочем, господин Волков ничуть не лучше Тоже склочник, раздолбай и страдает нарциссизмом - Вы были хорошо знакомы, я знаю, - сказал Вестгейт. - Вы мне расскажете?..

- Если останется время - обязательно. Но я думаю, лучше, чем Игорь, вам не расскажет никто Он все годы, проведенные на Службе, коллекционировал воспоминания о Волке. Он знает все, даже самые дурацкие слухи Разве не так, Игорек?

- Вы нам дайте файл сто шестнадцать, мы все сами прочитаем, - посоветовал Игорь.

- Вы получите три именных файла, - сказал Дядя. - Двадцать восьмой, сто пятый и сто шестнадцатый. И короткую справку по сто семнадцатому и двухсотому.

Вестгейт впервые позволил себе пошутить.

- Судя по маркировке, это Маркс, Энгельс и Ленин, - сказал он.

- Нет, - сказал Игорь грустно. - Это не такие смешные файлы.

- Ты уже сообразил?.. - спросил Дядя.

- Тут и думать нечего. Я как раз хотел спросить, почему они идут вместе.

- Сейчас объясню. Сначала формальности. Игорь - тьфу! - Алекс! Простите. Алекс, у вас ограниченная ЭКСТРА?

- Да. Без права свободного применения оружия.

- Прочтите и распишитесь, - Дядя достал из-за пазухи конверт. - На период выполнения этого задания вы имеете полную ЭКСТРУ. С одним условием - нельзя травмировать Волкова. Даже если он на вас нападет.

- А шокером его можно? - спросил Вестгейт, не отрываясь от "Уведомления".

- Даже руками нельзя.

- Хорошо, - Вестгейт со вздохом расписался и вернул бумагу Дяде, который ее завизировал и спрятал в карман.

- И на фига мне такая ЭКСТРА? - задумался Вестгейт вслух.

- А он наш парень, - сказал Дяде Королев. - Хоть и нерусский.

- Я русский! - обиделся Вестгейт.

- Да какой ты русский?! - усмехнулся Игорь. - Может, мама у тебя чистокровная русская. А по отцу ты русский только на четверть. Еще на четверть француз, на четверть хохол, а в последней четвертушке такого понаmeshано, сам черт ногу сломит. Разве что евреев нет и негров. Да и то, наверное, достать было трудно.

Вестгейт посмотрел на него ошарашено.

- Ты мне расскажешь?..

- А то.

Вестгейт довольно улыбнулся.

- Ну, в общем, я воспитан как русский, - заключил он. - А ваш я парень или не ваш, дело покажет. Хотелось бы оказаться вашим.

- Вы давно здесь не были? - поинтересовался Дядя.

- А вы не знаете! - ляпнул Игорь.

- Бойко! - рявкнул Королев. - Устав что, не для вас написан? Кто тебя учил старших перебивать?!

Игорь карикатурно изобразил на лице испуг. Вестгейт бросил на Королева осуждающий взгляд.

- Полгода, - ответил он Дяде - Меня часто посылают в Москву.

- Игорек, - сказал Дядя. - Я тебя очень прошу, не нервничай. Держи себя в руках.

Я все понимаю, но...

- Sorry, - пробормотал Игорь.

- А вы сказали, у него плохо с языками, - отметил Вестгейт.

- Ха! Извиняется и матерится он блестяще. А так - ни в зуб ногой.

- Я не люблю говорить на иностранных языках, - объяснил Игорь. - Я как собака - все понимаю, но молчу. И еще я не одобряю смешанные браки. И смешанные напитки.

Вестгейт рассмеялся, легко и от души.

- А еще я стараюсь ловить момент, - признался Игорь. - Я на Службе шестой год, и впервые за это время могу с большим начальством вести непринужденную беседу.

Обычно я тут каблуками щелкаю и киваю. А сейчас такой случай деликатный...

Дистанция вдруг сократилась. Ну, я и пользуюсь. Провоцирую начальников как могу, чтобы узнать их поближе. Исключительно на пользу Службе. Для большего доверия.

- А ты не думаешь, что дистанция сократилась раз и навсегда? - спросил Королев.

- Не верю, - помотал головой Игорь.

- Ну и не надо. Сам увидишь со временем. А сейчас, будь любезен, заткни хайло.

- Есть.

- Алекс, вы где остановились? - спросил Дядя.

- Он будет жить у меня, - объявил Игорь, забывший, что ему приказано заткнуть хайло.

За столом воцарилось гробовое молчание. Вестгейт повернулся к Игорю всем корпусом и посмотрел на него так, словно тот вдруг обернулся Санта-Клаусом с полным мешком подарков, и все это ему, любимому, Игорю Александру Вестгейту.

- А это возможно? - осторожно спросил Дядя. - Понимаешь, Игорек, Алекс - официальное лицо. Он на виду. Конечно, для постановки групповой сработанности было бы идеально...

- Никаких проблем, - отмахнулся Вестгейт. Он просто сиял. - Как я понял, местная резидентура отметила мой приезд, но не более того. Может, я и официальное лицо, но по сути - мелкая сошка. Им и в голову не придет вешать на меня "хвост". А потом, вы же подстрахуете, верно?

- Дай мне прикрытие, - скомандовал Дядя Королеву. - На голос.

Королев ткнул кнопку на терминале.

- Песоцкий, - назвал динамик.

- Это Богданов, - сказал Дядя. - Кто у вас работает по Алексу, дай мне его.

- Ну я и работаю, Пал Семеныч.

- Это с какой такой радости?

- Так лето же, Пал Семеныч. В отпусках все...

- Тьфу! Ладно... Как обстановка?

- Чисто. Засекли, отметили, и все. Уже, наверное, доложили. А что им там прикажут...

- То есть он не обязан со Службы ехать в гостиницу, - заключил Дядя.

- Да пусть хоть на блядки едет, мне-то что. Вестгейт издал задуманный звук.

- Кретин, ты на голосе.

- Что пардон то пардон. Но им ведь тоже все равно, правда?

- Стыдно, Песоцкий.
- Я больше не буду, Пал Семеныч.
- Надеюсь. Значит, так. По Алексу работать плотно. Не дай бог возникнет "хвост"
- тут же меня информируй лично. А "хвосту" делай отсечку. И грамотно делай, чтоб комар носа не подточил. Понял? Голову сниму!
- Так точно, Пал Семеныч.
- Все, отбой.
- Есть.
- Что за народ! - воскликнул Дядя в искреннем негодовании. -
Слушайте, Алекс, у вас в Северо-Западном такой же бардак?
- У нас мало русских, - уклончиво ответил Вестгейт.
- Соболезную, - пробормотал Игорь.
- Ну хорошо. Это мы тоже решили. Итак, господа, - сказал Дядя, - слушайте меня внимательно. От того, сколько у вас будет вопросов, зависит, сколько материалов мне придется для вас поднять. Работаем? Работаем. Господа, у нас кризис. У нас самопроизвольно включился Объект. Братья синхронно вытаращили глаза.
- Его же взорвали Охотники... - выдавил наконец Вестгейт.
- Это московский. Да, его заглушили еще тридцать лет назад. Но таких Объектов было восемь. То есть, мы думали, что восемь, и все они демонтированы. А тут в буквальном смысле из-под земли вырос девятый.
- Не может быть... - пробормотал Вестгейт.
- То есть? - насторожился Дядя.
- Я, конечно, прочел все материалы... - сказал Вестгейт, потупившись.
- А-а... - улыбнулся Дядя и понимающе кивнул. - Да, у Спецпроектов нестандартная специфика.
- Очень сложно во все это поверить, - признался Вестгейт извиняющимся тоном.
- Так было, - жестко сказал Королев, - и так есть. Я понимаю ваше замешательство, Алекс, но такой вот профиль у нашего отдела.
- А насколько это все... - Вестгейт сделал неопределенный жест рукой, - ...серьезно? Вы простите меня, конечно...
- Советская Россия была мировым лидером в производстве систем массового подавления на сверхвысоких частотах, - сказал Королев тоном лектора. - И в восьмидесятые годы прошлого века были построены очень мощные установки, которые могли контролировать поведение людей на больших территориях. "Под колпаком" оказалось несколько промышленных центров, в том числе Москва. А потом выяснилось, что аппаратура работает нечетко, и главное - у нее есть страшный побочный эффект. Как только московский Объект вышел на заданную мощность, в городе начали открываться "дырки". Тоннели, связывающие наше измерение с каким-то жутким параллельным миром. Оттуда полезли странные энергетические формы, безусловно разумные, и принялись захватывать человеческие тела. И тогда появились Охотники, в смысле - охотники на зомби, которые эту оккупацию сдерживали. А потом их старший, Виктор Ларин, провел расследование и догадался, что к чему. И буквально в последний момент сумел все исправить. И всех нас спасти. Ценой собственной жизни. Я думаю, если бы на этом деле не стоял топ-секрет, Мастер собак... простите, это кличка такая, я о Ларине. Так вот, он мог бы стать любимым героем человечества. Как Гагарин в свое время. Но человечеству о Ларине знать не стоит. А мы на его примере молодых бойцов воспитываем. Н-да... В общем, Алекс, так

было. И так есть.

- Я не хотел... - начал Вестгейт, но Королев его перебил.

- Примите это хотя бы как рабочую гипотезу, - предложил он.

Вестгейт покорно кивнул.

- И теперь у нас возник из небытия такой вот Объект. И раскочегарился, похоже, всерьез. Черт его знает, отчего он вдруг запустился. Может, крыса между контактов залезла. А может, таймер какой-нибудь...

- И как это проявляется? - спросил Игорь.

- Мы не знаем, - сказал Дядя. Братья дружно повернулись к нему.

- Он оказался в Каледине. Маленький такой городишко под Воронежем. Если вы помните материалы по московскому кризису, в Воронеже была зарегистрирована маломощная подстанция. Она управляла от силы десятком зомбированных агентов, ну, и могла подавить еще две-три сотни "политических". Ничего похожего на Москву, где одна установка держала под контролем весь город. Разумеется, воронежская подстанция была демонтирована. А про этот Каледин... Я вообще о существовании такого города вчера узнал впервые. Век бы не знать. Но пришло сообщение, от которого просто волосы дыбом встают. В этом самом задрипанном Каледине проявилась биоэнергетическая аномалия огромной мощности. Город словно накрыт колпаком, и поле, его образующее, явно создано большим психотронным генератором.

Что-что, а регистрировать такие вещи мы научились. Вот какая штука, господа.

- А с людьми-то что? - спросил Игорь.

- Да непонятно, что с людьми! - воскликнул Королев. - Возможно, завтра мы узнаем. Сохранилось несколько экранирующих шлемов, и через четыре... нет, уже через три часа в город войдут два наших оперативника. Понимаете, мы дали команду воронежской группе подойти вплотную к границе аномалии и посмотреть, что там творится. Но они не только подошли. Они в нарушение приказа сунулись в город. И с концами.

- Город фактически потерян, - сказал Дядя. - Из него никто не выходит, не выезжает ни одна машина, ни один поезд. И все, что в него проникает, обратно уже не появляется. Нет связи. Вообще никакой. То есть туда можно дозвониться, но никто не поднимает трубки. И, видимо, не читает факсы, не принимает сообщения по e-mail, просто, черт побери, откровенно плюет на все попытки установить контакт!

- Да может, они там уже померли все... - предположил Игорь.

- Есть фотографии со спутника. Улицы полны народа. Жизнь идет своим чередом.

Никаких сходок и манифестаций, ничего такого необычного. Правда, на заводах безлюдно. Промышленность стоит. Железнодорожные пути забиты - составы прибывают, но не уходят.

- Так что же люди? - спросил Вестгейт.

- Гуляют, - сказал Дядя мрачно.

- Гуляют?

- Вот именно.

- Базовая версия, - предложил Игорь. - В городе действительно стоял не учтенный нами Объект. Его спонтанно замкнуло на некий контур, проецирующий всеобщее счастье. Я читал, были там такие программы. Конечно, из этого города никто не выйдет! Зачем им?

- Базовая версия именно такая, - кивнул Дядя. - Угадал. Да это и не

важно.

Вопрос в другом. Нам нужен человек, который мог бы войти в город, найти эту адскую машину и заткнуть ее!

- И Игорь Волков может это сделать? - спросил Вестгейт в крайнем изумлении. Лицо его исказила странная гримаса. Он выставил перед собой руки и уставился на них.

- Наш папа экстрасенс, - объяснил Игорь. - А мы нормальные, не ссы.

- Бойко!!! - заорал Королев. - Еще одно нецензурное слово! Я тебя выгоню!

- Извините, - сказал Вестгейт, отдуваясь. - Это я от неожиданности. Игорь мне как раз очень помог.

- Не сердитесь, Андрей Иванович, - попросил Игорь. - Я тоже удивлен, что это я сегодня как извозчик... Это нервное.

- Я могу продолжать? - спросил Дядя учтиво.

- Извините, - повторил Вестгейт. - Да, пожалуйста.

- Возможно, в город спокойно проникнут оперативники в защитных шлемах. Допустим, они локализуют Объект. Но дойдут ли они до генераторной? Надежды на это мало. Мы склонны полагать, что если в Каледине заработал Объект, значит, включились все его системы. На территории московского Объекта было защитное поле, в котором нормальный человек терял сознание уже через пять секунд. Охотники выдержали тридцать, единицы - до пятидесяти. Но это были какие люди!

- Да, шлемы - не решение вопроса, - кивнул Королев. - Излучение психотронных генераторов, как известно, воздействует на весь организм. На московском Объекте шлемы применялись только для коротких перебежек из здания в здание. Минута, две максимум. А в зданиях были стационарные экраны. Если эта штука в Каледине - полноценный Объект...

- В общем, ребята просто не успеют, - сказал Дядя.

- А если послать сенсов? - спросил Вестгейт. - Как я понял из справки, которую мне передали, на Службе есть сенсы. Логично предположить, что они в состоянии экранироваться от таких излучений.

Игорь посмотрел на Вестгейта с определенным уважением. "Быстро ты ориентируешься, братец, - подумал он. - Экий гибкий, однако! Как сказали тебе - "прими за рабочую версию" - так ты по ней и чешешь. А ведь минуту назад сам признавался, что во все это не веришь... Опасный ты противник, братец. Одно слово - русский шпион".

- К сожалению, здесь нужны не просто сенсы, - Дядя вздохнул. - Нужны люди с очень специфической энергетикой, дорогой Алекс. И единственный такой человек, до которого мы в состоянии дотянуться, - форсированный экстрасенс по прозвищу Волк.

- Когда ситуация прояснится? - спросил Игорь. - Когда мы будем знать, что обязательно должны идти к Волку?

- Лететь, - поправил Дядя. - Думаю, часов через десять. Около четырех утра завтрашнего дня мы обязаны будем принять решение. И у вас останется не больше суток на то, чтобы выработать тактику. Потому что если мы не вернем город к нормальной жизни через два-три дня... Мне подумать страшно, что будет.

- Как вы справлялись до сих пор? - поинтересовался Вестгейт.

- Врали, - коротко ответил Дядя.

- Какая-то легенда?

- Минимум двадцать легенд. Город небольшой, но он имеет устоявшиеся торговые связи, там выпускают комплектующие для разных изделий... Хорошо

еще, через него не проходит серьезных транспортных артерий. Иначе уже сейчас в стране поднялась бы паника. Но нам и так приходится туго. Мы за несколько часов создали в информационном пространстве второй Каледин. Который вяло отбредивается от всех, кто звонит и спрашивает, что случилось, где деньги и тому подобное. Проще всего с родственниками жителей. Для них просто обрыв на линии, и все. Типа столбы повалило, а кабель бульдозер переехал. Но уже завтра придется запускать легенду для информационных агентств. Они пока не пронюхали ничего, но это ненадолго.

- Что ж, - сказал Игорь. - Остается только сказать вам спасибо за щедрость, с которой вы отпускаете нам сутки на подготовку.

- Нам очень нужен Волк, - ответил Дядя.

- Неужели никто больше не может... - пробормотал Вестгейт.

- Их было пятеро, - сказал Королев. - Один точно мог. Его фамилия Костенко. По слухам, он сейчас живет где-то там... - Королев ткнул пальцем в потолок. - Второй, тот самый Ларин, скорее всего тоже мог. Во всяком случае, он был уверен, что сможет. Пропал без вести. Мы уверены, что погиб. Третий помер от рака, это Мальшев такой, физик, в Америке жил. Черт его знает, мог или нет. Но потенциально - да. Четвертый, то есть четвертая, спилась до смерти. С ней вообще непонятно. А пятый - Волк.

- И он может?..

- Теоретически - да. Мы полагаем, что он психотронному воздействию не поддается вообще. То есть если он захочет, то сможет пробыть на территории Объекта достаточно большой срок. Сколько именно, мы опять-таки не знаем. Ларин тоже не собирался особо задерживаться на московском Объекте. Но он добыл аэрофотосъемку и знал, куда идти. А у нас даже этого нет. Может, будет, если оперативники локализуют Объект в Каледине прежде, чем станут вовсе счастливы. А может, и не будет. И придется идти в город наобум, и там уже, на месте, "нюхать", как это сенсы называют.

- Только не спрашивайте меня, ребята, что случится, если мы не справимся, - попросил Дядя. - Я сам расскажу. Поднимется такой тарарам, что самым умным решением будет сбросить на город бомбу.

- Сколько там народу? - спросил Игорь.

- Где-то под сто пятьдесят тысяч, - сказал Королев. - И пока мы не закрыли дороги, успело еще понаехать... Точную цифру выяснить невозможно.

- И на хрена им собственный Объект? - задумался Игорь вслух. - Чей это город, а?

- Сейчас он сам по себе. А в прошлом веке это был город Министерства общего машиностроения. Может быть, поэтому он у нас выпал из общей картины. Мы в свое время захватили документацию Проекта и разнесли все генераторы на мелкие кусочки. А этот злосчастный Каледин... Вот мы вроде бы Служба, а всего только и удалось выяснить, что раньше там танки делали. Действительно - на хрена им Объект?

- Почему мы так мало знаем о психотронном оружии? - спросил Игорь. - Или это мне так кажется?

- Нет, - помотал головой Дядя. - Не кажется. Это такая поганая традиция. После нештатной ситуации - уничтожать архивы. А в деле с Объектами архивы были уничтожены дважды. Сначала, когда Костенко остановил психотеррор, потом - когда Охотники Ларина рванули Объект в Москве и психотроника была объявлена вне закона. Всех, кто занимался

изысканиями в этой области, даже чистой наукой, так вздрючили, что мало не показалось.

- А ведь тогда в Москве снова появлялся Костенко... - вспомнил Игорь.

- А он якобы был психократ.

- Да, он играл людьми как куклами, - кивнул Дядя. - Я тоже об этом думал. Он запросто мог внушить кому следует, что архивы нужно сжечь. Особенно техническую документацию. Уж кто-кто, а он психотронику люто ненавидел.

- Откровенно говоря, - признался Вестгейт, - я все еще, господа, не вошел в тему как следует. Далека она от меня. Извините. Я всегда считал психотронику наполовину шарлатанством. Если бы не дело Ларина... Но все равно это какая-то фантастика.

- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, - промычал Королев. - Это излюбленное направление русской технической мысли.

- Да уж, - хмыкнул Дядя. - Машины хорошие делать до сих пор не научились. А водку и оружие - пожалуйста.

- У нас еще женщины красивые, - добавил Игорь.

- Точно, - улыбнулся Вестгейт. - Таких больше нигде нет.

- А ты не женат?

- Нет, Игорь, не женат.

- Ну, найдешь себе здесь...

- Да я же улетаю сразу, как только закончим...

- Успеем! - пообещал Игорь.

- Вы ему не верьте, Алекс, - посоветовал Королев. - У него репутация бабника, но это все враки. Так же, как и его имидж пьяницы.

- Я сообщил вам сейчас то, что вы передадите Волку, - сказал Дядя. - Все материалы, которые вы получите для работы, ему не нужны. Они нужны только вам, и только для того, чтобы вы смогли представить себе проблему во всей ее глубине. А она очень глубока, не сомневайтесь. Кризис, с которым мы столкнулись, был заложен больше пятидесяти лет назад. Это наше наследие, и никуда от него не деться. Вопросы есть?

- Есть, - кивнул Вестгейт. - Где мы найдем Волка?

- В Швейцарии.

- Недурственно, - улыбнулся Игорь. - Может, мы у него задержимся на недельку-другую, если разрешит?

- Тебе, паразит, тут же месяц отпуска и премию в размере пяти окладов. Понял? А с вами, Алекс, Северо-Западный отдел рассчитается. Мы уж им обрисуем в красках.

Все, что от нас зависит, тоже сделаем. Хотите полную ЭКСТРУ? Пожизненно. А?

- Не уверен, - покачал головой Вестгейт. - Я боюсь, меня такой допуск спровоцирует. Знаете, иногда очень хочется выстрелить в чью-нибудь физиономию...

Так что я, с вашего позволения, еще подумаю.

- Вы скажите нам, чем мы можем помочь, и мы все сделаем, Алекс.

- Благодарю вас.

- Еще вопросы?

- Я полагаю, они возникнут по ходу подготовки, - сказал Игорь. - Верно, Алекс?

Вестгейт кивнул.

- Тогда мы пошли? - спросил Игорь Дядю.

- Пожалуй, можно. Отдохните пару часов, переварите все, что сейчас

узнали, и за дело. Алекс, вы можете смело работать у Игоря. Возможно, мы здесь, в Москве, малость обнаглели и растеряли бдительность... В общем, все материалы вы сможете получить по сети прямо на его терминал. Наши сотрудники живут в нашем, - на последнем слове Дядя сделал ударение, - собственном доме, и туда идет кабель от локальной сети Службы. К нему минимум раз в неделю подключаются иностранные коллеги, и мы даже не пытаемся их отпугнуть. Пусть развлекаются. Там такая система шифрации, что мы до сих пор сами не понимаем, как ее взломать. Работаем в этом направлении, но раньше чем лет через десять просвета не предвидится.

- Хорошо живете, - только и вымолвил Вестгейт.

- Я не прощаюсь, - сказал Дядя, вставая. Все поднялись, и, обменявшись с начальством рукопожатиями, братья вышли в операционный зал. Лавров внимательно смотрел на монитор, но, когда Вестгейт прошел мимо, повернулся к Игорю и восхищенно показал сразу два больших пальца.

ГЛАВА 8

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ, ДЕНЬ

В коридоре Вестгейт посмотрел на потолок.

- Правильно, - сказал Игорь. Они молчали до самого выхода.

- Пожалуй, и здесь не стоит, - заметил Игорь в гараже Службы.

Личный транспорт у специального уполномоченного Бойко И. И. был ему под стать - спортивное купе. По привычке Игорь так рванул с места, что беднягу Вестгейта размазало по сиденью. Машина пулей вылетела из ворот и, хрипя и плюясь, завывая резиной в виражах, резво проскочила несколько переулков. Но сразу же за четвертым поворотом Игорь бросил машину в щель между двумя припаркованными грузовиками и выключил двигатель. Через несколько секунд мимо пронесся автомобиль с вытянутым до предела шею Песоцким. Игорь довольно хмыкнул, достал из кармана маленькую коробочку с экраном на жидких кристаллах и нажал кнопку.

Экран остался чистым.

- Рассказывай, - предложил Игорь.

- Хорошо я их? - спросил Вестгейт.

- В смысле?

- В смысле мне поверили, что я безумно счастлив тебя видеть.

- А ты, значит, не счастлив... - протянул Игорь.

- Как тебе сказать. Честно?

- Нет, не честно!

- Слушай, мы с тобой взрослые люди. Совершенно непохожие и внутренне, и внешне, - Вестгейт с неодобрением покосился на ковбойский наряд Игоря.

- Говорят, ты очень умный. Тогда ты давно уже просчитал, какое у нас распределение ролей.

- Да, - к Игорю начала возвращаться прежняя, еще заочная неприязнь к брату. - Главная приманка - ты. Хотелось бы знать, почему.

- Наш отец специфический человек, - произнес Вестгейт, и на лице его появилось мечтательное выражение. "Да он гордится им! - подумал Игорь. - Восхищается! Ну дела!"

- Он очень сложная натура, - продолжал Вестгейт.

- Тоже мне открытие.

- Послушай меня, пожалуйста! Я тебе хочу объяснить.

- Да нет проблем. Вещай, - Игорь отвернулся и закурил.

- Что ты знаешь о взаимоотношениях твоих родителей? - спросил Вестгейт.

- Я знаю, что мама потом так и не вышла замуж, - прорычал Игорь.

- А у меня сейчас третий отчим.

- Миллионер, я надеюсь, как и все предыдущие?

- Не нужно считать меня зажавшимся иностранцем, хорошо?

- Хорошо. Ты не зажавшийся... иностранец. Доволен?

- И для твоей мамы, и для моей расставание с отцом было самой большой трагедией в их жизни...

- Это точно.

- Но моя мама рассталась с Игорем Волковым за три года до моего появления на свет.

Игорь задумался. Вестгейт ждал реакции. Боковым зрением Игорь заметил, что у холеного красавца отчетливо дрожат руки. И не сдержался.

- Даже слоны так долго не носят, - заявил он.

- Я тебя сейчас ударю, - прошипел Вестгейт.

- Напугал! - пробормотал Игорь, не оборачиваясь. Его так и подмывало взять и двинуть заносчивому братцу локтем внос.

- Не провоцируй меня, пожалуйста!

- На себя посмотри...

Вестгейт судорожно втянул в себя воздух.

- Больше тридцати лет, - сказал он неожиданно ровным голосом. - Больше тридцати лет он делал вид, что меня нет на свете. Я всегда хотел знать - почему? И впервые у меня появилась возможность задать ему этот вопрос. И я этот шанс использую, понял? Во что бы то ни стало.

Игорь неопределенно шевельнул плечом.

- И ты мне не мешаешь это сделать, - сказал Вестгейт жестко.

Игорь недоверчиво на него покосился.

- Пора к психиатру, - вздохнул он. - С чего ты взял, что я буду мешать?

Вестгейт замялся.

- Ты же меня презираешь, - выдавил он наконец со страдальческой гримасой на лице. - Ты, может, сам этого не чувствуешь... Но я вижу. Ты совершенно за собой не следишь. И я вижу! Я ведь тебе отвратителен! Тебя корбит от того, что я нездешний, тебя раздражают мои манеры, то, как я говорю, даже то, как я одет...

Игорь стряхнул за окно пепел и звонко клацнул зубами.

- Ты много о себе думаешь, - сказал он зло. - Я на тебя плевать хотел, ясно? И вообще... Сколько лет тогда прошло, ты сказал? Между тем, как они расстались и как ты родился? - Игорь вдруг повернулся и, хищно сжав зубы, сигаретный фильтр, внимательно посмотрел на Вестгейта.

- Три года.

- А кто тебе сказал, собственно, ты, чмо заморское, что мы с тобой родственники?

Ты, мудозвон нерусский!

Вестгейт сидел к Игорю вполборота, и ему было не очень удобно бить правой, но он это сделал. В результате он расшиб костяшки о деревянную накладку на руле и пропустил одновременно два удара - напряженными пальцами по яйцам и головой в переносицу. После чего оказать сопротивления уже не смог, от мощного пинка вылетел наружу и улегся на грязном тротуаре. Сам того не желая, он нашел удачный выход из щекотливого положения. Если бы Вестгейт каким-то чудом задержался в

машине, у Волка появился бы реальный шанс стать в этот день наполовину менее отцом.

Игорь по инерции выскочил на улицу, походя вытащив из салона внушительный кусок арматурного прута. Железяка была в своем роде исторической реликвией. С этой арматуриной молодой Волков стоял у двадцать второго подъезда московского "Белого дома", защищая президента Ельцина во время "августовского путча" 1991 года.

Впрочем, таких подробностей Игорь не знал. Он просто нашел этот прут в оставшейся от отца развалюхе на колесах и, сочтя его предметом в быту полезным, всегда перекладывал из старого авто в новое.

Утробно рыча, Игорь подскочил к скрючившемуся на асфальте Вестгейту и застыл над ним в позе бейсболиста. Вестгейт тихо постанывал и не шевелился. Одну руку он зажал между ног, второй держался за лицо. Несколько секунд Игорь, слегка раскачиваясь на напряженных ногах, стоял над телом поверженного брата, а потом ему полегчало. Он опустил свою железяку, сделал пару неверных шагов назад, ухватился за открытую дверь, рухнул на правое сиденье и уронил прут на асфальт.

Игоря била крупная дрожь, во рту пересохло, глаза застилал туман.

- Нельзя меня бить! - рявкнул он. - Нельзя-я-я!!!

Вестгейт в ответ что-то промычал.

Трясущимися руками Игорь достал сигареты. После долгой неравной борьбы зажигалка уступила, и он смог прикурить. Саднило левую руку, которой он блокировал удар Вестгейта - браслетом часов ободрало кожу.

Редкие прохожие старались побыстрее миновать лежащего на тротуаре молодого человека в дорогом костюме.

Сделав несколько глубоких затяжек, Игорь перебрался на левое сиденье и отвернулся. Потом включил музыку. Его все еще трясло.

- Меня нельзя бить, - повторил он. - Ни-ког-да. Ни-за-что.

Ни-про-что. Нельзя.

Справа зашуршало - Вестгейт пытался встать на четвереньки.

- Ты... ты мне лицо разбил... - простонал он. Игорь коротко глянул на Вестгейта.

- Крови не вижу, - отрезал он.

- Ты... ты... - не унимался Вестгейт.

- Да, я скотина, - сказал Игорь. - Но ты первый начал. Вестгейт с трудом выпрямился и заковылял прочь.

- Куда?! - крикнул Игорь. - Ты, напарник хренов! Стоять!

Реакции не последовало. Игорь взревел и пулей вылетел из машины. В три прыжка он нагнал Вестгейта, ухватил поперек туловища, отволол назад и воткнул на сиденье.

Захлопнул дверь и, не забыв подобрать заветную арматуриную, вернулся на свое место. Ему стало жарко. Вестгейт был немного выше него и гораздо тяжелее. На честный английский бокс с ним Игорь никогда бы не согласился.

- Больно? - спросил он брезгливо. Вестгейт отнял руку от лица, бесцеремонно повернул к себе зеркало и, строя жуткие гримасы, обследовал повреждения.

- Теперь распухнет, - пожаловался он. - Ты, рейнджер, тебе что, не сказали, что я дипломат?

- И чего? - Игорь развернул зеркало обратно и принялся восстанавливать сбитую настройку. Он уже не злился, ему просто было рядом с Вестгейтом как-то противновато.

- Чего, чего! Нельзя мне с разбитой мордой, вот чего!

- А чем ты думал, мать твою, когда на меня замахнулся? Тебе, значит, с разбитой мордой нельзя, а мне можно, да?

- Я не знаю, - буркнул Вестгейт, ощупывая переносицу. - Я не знаю, что на меня нашло...

- Сказать? - предложил Игорь мстительно. Вестгейт посмотрел на него с подозрением. Левую руку он по-прежнему держал между ног. Игорь ткнул его туда не опасно, но весьма чувствительно.

- Тебя заело, что ты ублюдок, - заявил Игорь, воинственно оттопырив челюсть.

- То есть? - не понял Вестгейт.

- Забыл русский? Хорошо. Проясним. Ты fuckin' bloody bastard.

- Я оценил произношение, - осторожно сказал Вестгейт, - но опять не понял.

- Значит, слишком много слов. Хватит одного. Бастард. Вестгейт мелко затрясся всем телом. Казалось, он сейчас зарыдает.

- И это твоя проблема, ясно?! - рявкнул Игорь. - Твой "акцент"! Но меня он не касается! Меня не фачит, чей ты сын, понятно?! У меня своих проблем вагон! И ты не смей, зараза, тащить в мою жизнь свои долбанные комплексы! Подлечился бы для начала! В собственных заморочках разобрался! Тебе, психологу, сам бог велел!

Всех бы вас, мать вашу, по больницам разложить... Дышать уже нечем, одни психологи вокруг! А некоторые еще и в братья набиваются! - Он снова начал заводиться.

- Но ты ведь сам только что сказал, что мое происхождение сомнительно! - Вестгейт тоже повысил тон и даже левую руку высвободил. - Поэтому не надо себя обманывать, тебе есть до этого дело! Тебе тоже нужны факты! А вот это что, плохое доказательство? - Он ткнул пальцем, указывая на свое лицо.

- Я тебе покажу минимум два лица ничем не хуже. Костенко и Ларин. Да таких физиономий полным-полно в любой стране, где есть родовая аристократия! Это у нас они редкость...

- Если это не доказательство для тебя, то доказательство для него! Потому что он обо мне знает!

- А ты его хоть раз в жизни видел?

- Нет! Нет! - пролаял Вестгейт. И Игорю вдруг стало его жалко.

- Ты дурак, - сказал он беззлобно. - Я узнал о твоём существовании за час до нашей встречи. И первая моя реакция была - отторжение. По той же самой причине, до которой додумался ты. Потому что Служба уверена, что ты Волку интереснее, чем я. Но я напрягся и заставил себя тебя полюбить. И у меня это, мать-перемать, получилось! И когда ты там в кабинете дурочку валял, я искренне тобой любовался!

А ты... А ты... Сука ты! Говно ты, вот ты кто после этого! Вестгейт, надувшись, смотрел куда-то вперед.

- А я, может, всю жизнь мечтал о брате! - с вызовом заявил Игорь. - Которым хотелось бы гордиться! Который бы мне верил и верил в меня! И наоборот! Я же...

Я даже собаку завести не могу! От меня женщины уходят через неделю, ну, максимум через месяц! Не могу я ни о ком заботиться, у меня все силы уходят на борьбу с собой... Я тебя, может, двадцать лет жду не дождусь! А ты мне тут спектакли закатываешь...

- И все ты врешь, - сказал Вестгейт очень спокойно. - Знаешь, я

пойду. Ты не беспокойся, я материалы сейчас просмотрю на Службе. Но от тебя мне, извини пожалуйста, блевать хочется.

- Скатертью дорога, - пожелал Игорь.

Когда дверь за Вестгейтом закрылась, Игорь сделал музыку погромче, сложил руки на груди и насупился. Долгожданная операция сорвалась, еще не начавшись. "Сейчас Вестгейт все доложит, и меня отстранят. И когда я теперь увижу Волкова, черт его знает. Скорее всего никогда. Впервые в жизни мне захотелось его увидеть не для того, чтобы плюнуть в лицо. А для того, чтобы поговорить по душам. Потому что этот, блин, Вестминстер - это чертовски интересно. Если я не ошибаюсь, то история его появления на свет - просто трагедия Шекспира. Это же, елки-палки, случай из тех, что показывают в кино, но которых не бывает в жизни. Потому что ни один более или менее умный мужчина не согласится на такое. Или не выполнит потом условий договора".

- Ублюдох ты, Винчестер, - сказал Игорь. - А я тебе, козлу, так обрадовался...

***

Когда раздалась трель домофона, Игорь играл с кляксой. Черный мячик, пульсируя от наслаждения, катался туда-сюда по столу, а Игорь старался прихлопнуть его ладонью. Это у кляксы была любимая забава. Она ее сама выдумала.

Слегка задыхаясь, Игорь подошел к двери и нажал кнопку.

- Игорек, к тебе прошли только что, - сказал вахтер. - У него наша карточка, но я его раньше не видел и вот решил...

- Тебе стало интересно, да? - хмыкнул Игорь. А про себя подумал - однако любопытный поворот! Он был дома уже два часа и все это время ждал звонка от Королева с матерной руганью и выговором в приказе. А вместо этого, судя по всему, приперся братец.

- Он тебе не родной, случаем? - спросила вахта. - Вы здорово похожи...

- И ничего мы не похожи, - возразил Игорь-- А так... Считаю, родной.

- Ну, приятно расслабиться, - пожелала вахта и отключилась. И сразу же загудел дверной звонок.

Машинально, по отработанной годами привычке, Игорь шагнул за небольшой уступ, образующий в прихожей мертвую зону, и нажал еще одну кнопку. Дверь стала прозрачной. Игорь обомлел. За дверью на самом деле стоял Вестгейт. Но боже милостивый, что с ним стало!

Красавчик точно заглянул на Службу и побывал, как минимум, в медпункте и в костюмерной. Лицо у него оказалось чистеньким, как будто и не били по нему, а одет он теперь был в точности, как Игорь, - джинсовый костюм, черная футболка и ковбойские сапожки на низком каблуке. Волосы у Вестгейта были слегка взлохмачены. В руке он держал небольшой саквояж.

Игорь отомкнул замок, и дверь убралась в стену.

- Здравствуй, - сказал Вестгейт. И опять Игорю пришло на ум слово "балансировка". Интонацию приветствия Вестгейт подобрал так гениально, что одним словом было объяснено и сказано все. "Вот так же, наверное, умел говорить с людьми отец, - подумал Игорь. - Только у братца это умение "поставлено", и он таки редкий неврастеник. А Волков обладал природным даром общения и был скорее всего нормален". Тем не менее, если бы Игоря спросили, на кого похож сейчас Вестгейт, он бы ответил - на

сошедшего со старого видео Игоря Волкова.

Игорь помотал головой, отгоняя наваждение, и махнул гостью: проходи. Вестгейт кивнул, вошел и деликатно остановился в дверях гостиной.

- Я вот только одного не могу понять, - сказал Игорь вместо приветствия, направляясь к бару. - Ты садись, садись. Меня вот что интересует. Ты же магистр психологии. Как ты позволил этому дурацкому комплексу так собой завладеть? У тебя же руки тряслись! А туда же - дипломат, разведчик... Боец невидимого фронта.

В зеркальной стене бара Игорь увидел, как Вестгейт напрягся было, но тут же взял себя в руки и горько улыбнулся.

- Люди отчего-то не хотят понять, что психолог, он прежде всего тоже человек, - сказал Вестгейт. - И сегодня у психолога выдался чертовски трудный день.

- Ты давно обо мне знаешь? - спросил Игорь, передвигая бутылки в поисках хотя бы относительно полной.

- С детства, - пожал плечами Вестгейт. - Сделай мне бурбон, пожалуйста.

- Чего?

Вестгейт поднялся с дивана, подошел к Игорю и через его плечо заглянул в бар.

- Н-да, - сказал он. - Извини. Значит, будем пить водку. Игорь с облегчением задвинул дверцу.

- Холодную, - уточнил он и отправился на кухню. Открывая холодильник, он вдруг ощутил легкое беспокойство. И глухой шлепок падающего тела не заставил себя ждать. Громко выматерившись, Игорь ухватил запотевшую бутылку за горлышко и бросился в гостиную.

Вестгейт бился в конвульсиях. На столе нервно приплясывала клякса.

- Зар-раза! - рявкнул Игорь, замахаясь бутылкой. Кляксу со стола как ветром сдуло. Игорь швырнул "литру" на диван и метнулся в кабинет за стимуляторами.

Дипломат и разведчик оказался крепким парнем. Когда Игорь, держа в руке инъекционный пистолет, вбежал в гостиную, Вестгейт, лежа на боку, рывками полз к двери. Глаза у него лезли из орбит, язык вывалился, лицо было синюшно-бледным, он хрипел и задыхался.

Игорь выстрелил ему в шейную артерию, сменил ампулу и выстрелил снова, другим препаратом. Вестгейт мучительно закашлялся и принялся изо всех сил дышать. Судя по выражению лица, за последние шестьдесят секунд он здорово соскучился по кислороду. Игорь перетащил грузное тело на диван, задрал брату футболку и прижал к солнечному сплетению теплый диск Батарейки.

Несколько минут Вестгейт лежал на спине с закрытыми глазами, не издавая ни звука. Потом он начал яростно зевать, так, что едва не вывихнул челюсть. Потом осторожно приоткрыл один глаз.

- Ты можешь войти в медитативный транс? - спросил Игорь. - Хватит силенок? Или совсем плохо?

Вестгейт слабо помотал головой и покосился на Батарейку.

- Ладно, - вздохнул Игорь. - Тогда просто закрой глаза и расслабься, горе луковое. И кто вас только учит руками хватать все, что плохо лежит...

Он пересел к изголовью брата и положил ладони ему на виски.

- Я с тобой пять минут поработаю, - сказал он, - только ты мне помогай. Придется тебе на это время полностью мне довериться. Если

сможешь, постарайся меня полюбить всем сердцем. Осознал?

Вестгейт что-то простонал с утвердительной интонацией. Игорь закрыл глаза и сосредоточился.

К концу сеанса лицо Вестгейта приобрело нормальный цвет, а у Игоря на лбу выступили капли пота. Он устало вздохнул, утерся рукавом, вытащил застрявшую между Вестгейтом и спинкой дивана бутылку и повалился в кресло. Бесконтактный массаж у Игоря всегда получался хорошо, но при этом требовал слишком большого напряжения.

Вестгейт открыл глаза и посмотрел себе на живот, где дружелюбно подмигивала зеленой лампочкой Батарейка.

- Эту штуку тоже лучше не трогать? - поинтересовался он слабым голосом.

- Подцепи ее пальцем, она приклеилась? Вестгейт опасливо ткнул Батарейку и тут же отдернул руку.

- Кажется, да...

- Тогда походи с ней до ночи. Ты и так сильный, а будешь еще крепче.

- Что это? - спросил Вестгейт, садясь и заправляя футболку в джинсы.

- Изделие "два бэ восемь" Батарейка. Восстанавливает энергетику. За шесть часов доводит энергетический потенциал трупа до уровня среднего человека. Правда, трупу от этого не легче. Разве что процесс разложения тормозится...

Игорь свинтил пробку, сделал большой глоток прямо из горлышка, сунул бутылку под мышку, взял из вазы на столе банан, очистил его, подумал и хлебнул вторично.

После чего поставил бутылку на стол и мгновенно сжевал банан.

- А тебе я принесу стакан, - сказал он, поднимаясь. - Тебе сейчас граммов сто, не больше. А то будут побочные эффекты нежелательные...

- Какие эффекты? - спросил Вестгейт хмуро, озираясь. Клякса высунулась было из-за ножки дивана, но Игорь украдкой показал ей кулак.

- Развезет тебя в говно, - объяснил он, ставя на стол водочную стопку и наливая потерпевшему на два пальца. - Из тебя за секунду отсосали почти всю энергию.

Очень странно, что ты дуба не врезал. Это все я, кретин, ты прости меня, пожалуйста.

Вестгейт залпом проглотил водку и потянулся за бананом.

- Ну и денек... - пробормотал он, жуя. - Ну, бля, встретила меня историческая родина...

- Я должен был тебя предупредить... Виноват. Забыл. Но у меня, сам понимаешь, тоже выдался тяжелый день. Вестгейт кивнул.

- Я тебе здорово кровь попортил, - признался он. - Ладно, извинились. А что это за штуковина такая была? Или мне показалось...

- Да нет, не показалось. Вот она, здесь.

- Где?! - взвизгнул Вестгейт, подсакивая на месте. Игорь звонко щелкнул языком, и клякса из-под ног гостя прыгнула через стол в подставленную ладонь.

- Вот, - сказал Игорь, демонстрируя кляксу побледневшему вновь гостю. - Теперь она для тебя не опасна. Я просто не успел ее предупредить, что ты друг.

Понимаешь, она людей боится...

- Да что это?!

- Клякса...

- Ох! - Вестгейт схватился за голову. - Нет, ты только пойми меня

правильно! Я уже двое суток вздохнуть свободно не могу. Летаю туда-сюда через уйму часовых поясов, чтобы с делами разобраться и выскочить в Москву. Почему меня вызвали, понятия не имею. Сам понимаешь, какой это стресс. Причем всю дорогу я читаю справочные материалы, а это почему-то оказываются доклады про ваш Спецотдел. А я фантастику, честно говоря, даже в детстве не любил. Но раз приказано ознакомиться, я знакомлюсь... Потом меня уже здесь, в Москве, загружают информацией, которой я всю жизнь жду... Мол, поедешь к отцу в гости... Потом ты... Потом выясняется, что наш папа экстрасенс. А теперь еще батарейки какие-то, кляксы, этот ваш образ жизни московский ненормальный, брат родной водку пьет, как воду, из горлышка...

Игорь расхохотался и несколько раз подбросил кляксу на ладони. Каждый раз Вестгейт обалделым взглядом следил, как она подолгу зависает в воздухе.

- Соболезную, - сказал Игорь, отсмеявшись. - Честное слово! До меня только сейчас дошло, насколько тебе здесь все диким кажется и безумным. Послушай, старик, ты чем вообще-то на Службе занимаешься?

- Да как тебе... - Вестгейт на мгновение замялся. - Kontakтами. Настраиваю определенных людей на верное понимание вопросов. Никакой вербовки, никаких грубых приемов, боже упаси! Поэтому меня и не "ведут" до сих пор. Наоборот, у меня после каждой проверки наблюдается очередной скачок карьеры. Я же чист со всех сторон. Я с людьми просто говорю. О погоде, например. О цветочках... И ничего больше.

- Нейролингвистическое программирование? - догадался Игорь, - Н-ну... Этого я тебе не говорил, верно? А сама по себе моя работа - долгая, нудная, тяжелая. Но очень чистенькая. А ты? Я знаю - есть Спецотдел, и у него странная, мягко говоря, тематика. Но в чем именно состоят эти ваши спецпроекты. я так и не понял. Что ты делаешь конкретно?

- Ну, в принципе я следователь. Но ты правильно сказал, по очень странным делам.

Меня специально натаскали на пограничные области знания. И, когда случается что-то непонятное, я должен разобраться - было или не было. Прилетала, например, тарелка или нет.

- Ну и как? Прилетала?

Игорь снова подбросил на ладони кляксу. Клякса уже поняла, что ее простили, и теперь довольно пульсировала.

- Хочешь погладить? - предложил он. Вестгейта передернуло. Он налил себе водки, выпил, поморщился и взял апельсин.

- Потом, - пообещал он. - Потом обязательно. Но очень потом.

- Никто не знает, кто она такая, - сказал Игорь, опуская кляксу на кресло.

Клякса потерлась о его бедро и блаженно затихла. - И не узнает, потому что ее никто не любит. Даже племя, которое ей поклонялось, ее не любило. А вот я ее люблю. И однажды она мне расскажет.

- То есть тарелка прилетала? - не унимался Вестгейт.

- Да черт ее знает! Скорее всего известные нам аномальные явления - порождения самой Земли. Просто иногда мы входим в контакт с другими измерениями. И видим то, что нам в принципе видеть не положено. А еще мы постоянно создаем проблемы на свою задницу. Как в деле Ларина. Когда по Москве толпами ходили зомби, а проклятый Объект открывал для них все новые и новые двери в наш мир. И никто не догадался, что эти явления связаны между собой, понимаешь, вот в чем ужас!

Только Ларин, и то ему понадобилось несколько лет! И никто ему не верил, пока Охотники не взяли Объект штурмом и все не кончилось само собой...

Вестгейт смотрел на Игоря по-прежнему недоверчиво.

- Тебе придется все это усвоить, - сказал Игорь. - Иначе Волк может подумать о тебе плохо.

- Сомневаюсь, - криво усмехнулся Вестгейт.

- Но он загружен такой информацией под самую пробку, учти! Он в ней варился сначала на Службе, а потом...

Вестгейт отмахнулся от Игоря как от назойливой мухи.

- Главное - чтобы я был, - заявил он. - А с тем, какой я, во что верю и что знаю, отец сам разберется. Поверь, он многого от меня не ждет. Я, по его понятиям, существо ущербное изначально. Я - инструмент... Домкрат я. И не более того. Но я очень хочу его видеть.

Игорь закусил губу, - "Развозит братца".

- А в чем же заключается твоя работа следователя? - спросил Вестгейт.

- Какие такие следственные действия ты проводишь?

- Да внешне самые рутинные. Свидетелей опрашиваю, еду на место разбираться, ищу следы...

- Свидетели - те еще психи небось... Игорь хмыкнул, - "Сам ты псих".

- Привожу классическую статистику, - сказал он холодно. - Сорок лет назад в России провели опрос ста шести "контактеров". Здоровых личностей выявлено не было. Акцентуированных четыре. Шизофреников сорок пять, психопатов сорок два, органические поражения центральной нервной у восьми, интеллектуальная недостаточность у пяти, циклотимиков двое.

- Ну и...

- Вот в том-то и дело. Проверка, которую вел Спецотдел, показала, что настоящими контактерами из этих ста шести оказались два шизофреника и один дебил. Понял? Не тимики, не акцентуированные, не пограничные какие-нибудь, а самые настоящие ядерные, кондовые шизики! И дебил! Действительно столкнулись с чем-то, чему нет названия! Для них это были инопланетяне. А для нас... Трудно сказать.

- И ты с этой братией общаешься? - спросил Вестгейт с искренним состраданием в голосе.

- Вот поэтому я не психолог, - кивнул Игорь. - Потому что меня не должно отвлекать профессиональное мнение. Моя единственная профессия - искать Неведомое. И находить, - он бросил взгляд в сторону кляксы. Та, казалось, спала.

- А почему она у тебя э-э... живет? - спросил Вестгейт, опасливо косясь на кляксу.

- Не знаю, - бросил Игорь небрежно. - Я же тебе говорю: любовь.

- Ох... - Вестгейт потер руками глаза. - Н-да. Ну что, работать будем?

- Будем-то мы будем, - сказал Игорь медленно, будто взвешивая каждое слово. - Но не мешало бы для начала прояснить ситуацию.

Вестгейт деревянно выпрямился. За долю секунды лицо его обрело уже знакомое Игорю выражение - контроль, спокойствие, доброжелательность, искренность. Но теперь Игорь знал, что настоящий в этой гамме только контроль. А остальное - видимость. Атрибут нейролингвистического программирования.

- Мы теперь напарники, пусть и временно, - объяснил Игорь. - Дело, которое нам подсунули, касается нас лично. И я хотел бы с тобой утрясти

один вопросик...

- Мотивы, - кивнул Вестгейт. Вкрадчиво так, с пониманием.

- Вот именно. У меня их нет вообще. Может, потом еще появятся. А пока что мне это дело просто неприятно. К сожалению, отвертеться я не смог...

Вестгейт снисходительно рассмеялся.

- Да у тебя вагон мотивов, - сказал он ласково, тоном умудренного опытом старшего брата.

Игорь помотал головой. "Попробую быть честным. Кто это сказал, что честность - лучшая политика? Не помню".

- Я всего лишь плачу долги. Службе, разумеется, не Волкову. Конечно, начальство пытается повернуть это дело так, будто оно задевает меня лично. Мягкие голоса, доверительный тон... Знаем, проходили. А я просто не мог отказаться. Потому что меня одной рукой гладят по шерстке, а другой взяли за глотку. Они еще сами не понимают, как плотно меня прижали...

Вестгейт внимательно рассматривал лицо брата. "Похоже, клюнул, - подумал Игорь.

- Будет, будет у него потом тет-а-тет с Дядей. И все он Дяде расскажет. А мне только этого и надо".

- Ну хорошо, - сказал Вестгейт. - А чего ты от меня хочешь? Я тебе в принципе самое главное успел сказать. Мотивы-то мои совсем простые. Образ отца в моем сознании очень сильно мифологизирован. И я хотел бы этот миф либо развеять, либо... - он развел руками.

- А зачем?

Вестгейт вытаращился на Игоря как на полного идиота.

- А тебе не тяжело жить в неизвестности? - спросил он.

- А мне информации хватает. Тебе по "Программе Детей" дали файл?

- Ой, не стоит об этом, ладно? - попросил Вестгейт и сделал такое лицо, будто Игорь завел речь о чем-то совершенно несерьезном.

- Ха! - Игорь радостно всплеснул руками. - Еще один параноик!

- Что-о?! - Вестгейт воинственно упер руки в бока.

- Я - офицер Службы, - сказал Игорь жестко. - И я полностью отдаю себе отчет в том, что Служба из себя представляет. Она больна до мозга костей. Она больше ни во что на свете не верит. Даже в документальные свидетельства и элементарную логику.

Вестгейт изобразил на лице улыбку глубокого соболезнования.

- Да ты пойми, Служба не хочет понять, что Волк - мутант! - рявкнул Игорь. - Не понимает этого и пытается договориться с ним так, как будто он все еще человеческое существо! Но достаточно просто сравнить! Взять манеру поведения Костенко и Ларина и сравнить с тем, как вел себя Волков! Когда мутант осознает себя, он что? Он меняется! У него кардинально ломается система ценностей! Как мы с ним договоримся? О чем? Да плевал он на наши проблемы... И на нас с тобой плевал! И поверь мне, братец, если он всего лишь плюнет - считай, что нам очень повезло...

- Ты еще совсем мальчишка, - сообщил Вестгейт. - Верить в сказки, которыми тебя Служба потчует. А я-то думал...

- Ты... взрослый! - сказал Игорь, наставительно грозя пальцем. - Лицо сделай попроще, ладно? Не хочешь обдумать мои аргументы - не надо. Все равно давай колись. Ерунду всякую я уже знаю - тебе нужен Волк. А теперь мне хотелось бы узнать главное - зачем?

- Ладно, - Вестгейт неприязненно скривился. - Могу повторить. Моя программа-минимум - узнать, почему он не хочет меня видеть. Это даст мне

ответы на большинство вопросов.

- Нестыковка. Ты сам говорил, что он считает тебя ущербным. Сам обозвал себя инструментом и домкратом. Кстати, интересная метафора.

- Пусть нестыковка. Но у меня есть это, - Вестгейт ткнул себя пальцем в щеку. - Он всегда мечтал, чтобы у него был сын, похожий на него.

- Да что ты знаешь о нем! У него, может, таких сыновей штук двадцать!

- Видишь! - воскликнул Вестгейт. Он уже растерял весь свой гонор "старого и опытного". - Ты опять не хочешь, чтобы он со мной встретился! Я же говорил, что ты не отдаешь себе отчета... Это у тебя бессознательное!

- А ты опять на стену лезешь, - сказал Игорь спокойно. - Стоит мне тебя чуть-чуть задеть за живое, ты повышаешь голос. Очень плохо, Вестгейт. Очень плохо.

Вестгейт пристыжено умолк.

- Этот крючок в тебя воткнула Служба, - сказал Игорь. Слово приговор вынес. - И ты на нем исправно висишь. Кто тебе сказал, что ты - сын Волка? Когда и кто?

Вестгейт заскрипел зубами.

- Отвечай, - сказал Игорь с угрозой в голосе. - Отвечайте мне, Вестгейт. Вопрос стоит очень серьезно. Вы даже, сударь, не подозреваете насколько.

- Да какая разница кто?

- Сам знаешь какая.

Вестгейт смешно покрутил носом. Похоже, его начал пробирать давно и успешно подавляемый нервный тик.

Игорь подался вперед в кресле и посмотрел брату в глаза. Это было неприятно.

Будто в зеркало смотришься и обнаруживаешь, что собственные глаза едят тебя взглядом, полным злобы.

- Ух ты! - выдохнул Игорь. - Так это тебе сказала мама! Твоя обожаемая и презираемая мама. Любимая и люто ненавидимая.

Вестгейт резко дернулся всем телом и замер. Застыл. Потому что правая рука Игоря неспешно подобрала кляксу. И зажала ее в кулаке.

- Еще раз попробуешь меня ударить... - предупредил Игорь. - Теперь ты знаешь, что за это бывает.

Вестгейт так сжал кулаки, что костяшки побелели.

- Давай общаться на одном уровне, - сказал Игорь, продолжая сверлить брата взглядом. - Я ведь не пытаюсь тебя бить, верно? Я тебе даже не угрожаю. Я просто требую ответа. И в твоих интересах мне отвечать. И говорить правду. Тогда я буду доверять тебе. И ты увидишь Волка.

- А без тебя я, значит, не смогу его увидеть? - подал голос Вестгейт.

- Сможешь, - милостиво разрешил Игорь. Голос его постепенно становился все глуше, переходя не то в шепот, не то в хрип. - Увидишь. Только это будет последнее, что ты увидишь в своей жизни. Потому что он тебя съест.

Вестгейт непроизвольно мотнул головой, будто отгоняя видение.

- С какой стати? - бросил он презрительно.

- А ты подумай, - предложил Игорь. - Я, кажется, уже пытался тебе объяснить. Ты до сих пор так и не понял, к кому нас отправляют в зубы.

Вестгейт нарочито медленно поднялся с дивана. Вытащил из джинсов футболку, сунул под нее руку, отлепил от живота Батарейку и бросил ее на стол.

- Ты чертовски ошибаешься, - сказал он надменно. Игорь разочарованно откинулся в кресле.

- Сам ты мальчишка, - вздохнул он устало. - Ты погряз в своих комплексах и даже не пытаешься от них освободиться. А Служба, которая тебе эти комплексы и подсадила, имеет тебя как хочет.

- Ты очень ошибаешься.

- Во все дырки она тебя имеет, братец.

- Я знаю Службу. Это я имею от нее все, что мне захочется.

- Да если бы! Черт, меня все время твой контроль сбивает с толку! Ты научился владеть собой. Но как только ситуация выходит за рамки привычного, контролю этому становится грош цена. А значит, - Игорь развел руками, - с тобой опасно работать в паре.

- Я хорошо владею собой, - кивнул Вестгейт.

- Разговор глухого с тупым, - поставил диагноз Игорь.

- И другими я хорошо владею, - заверил Вестгейт.

- Пошел в жопу, - сказал Игорь устало. Вестгейт подобрал саквояж, шагнул к Игорю и уставился на него сверху вниз. Глаза у него были стеклянные.

- Ты увидишь, - пообещал Вестгейт. - Он примет меня таким, какой я есть. И я выполню задание. А ты - нет.

Он повернулся и направился к двери. И тут на поясе у Игоря зазвонил телефон.

- Стоять, - приказал Игорь, доставая трубку.

ГЛАВА 9

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ, ВЕЧЕР

- Бойко! Через двадцать минут у вас будет Песоцкий, - сказал в трубке Королев. - Сидите пока, не отвечивайте... - и сразу короткие гудки.

Вестгейт стоял в дверном проеме, демонстративно не поворачиваясь к Игорю лицом.

- Минуточку, - попросил Игорь. Подвинув брата плечом, он вышел в прихожую и откинул в стене небольшую дверцу. Просунув руку в открывшийся проем, со звонким щелчком перебрал несколько тумблеров. В квартире стало ощутимо темнее - погасли источники рассеянного света в стенных панелях. Шторы на окнах с мягким шелестом сомкнулись. Игорь вернулся в гостиную, отстегнул от пояса детектор сканирующих устройств, включил его и положил на стол. Экран детектора был чист.

- Похоже, кто-то из нас засветился, - сообщил Игорь. - Не будем говорить, кто, но это ты.

- Что-о?! - рывкнул Вестгейт. Он бросил саквояж, подскочил к Игорю и навис над ним, как танк над пехотинцем. Правая щека у старшего уполномоченного яростно дергалась. Сломался-таки братец. - Почему я?! Почему не ты?! А?!

- Не сердись, - сказал Игорь миролюбиво. - Просто больше некому. Я и так засвечен с ног до головы. Я же "легал", меня вся Москва знает. Давай рассуждать логически.

- Давай! - прорычал Вестгейт, падая на диван. Игорь облегченно вздохнул.

Вестгейт был ненамного выше него - сантиметра на два-три. Но Игорь уже на собственной шкуре выяснил, что родственник тяжелее килограммов на

десять и явно сильнее физически. Сенсэй в таких случаях говорил:

"Большие шкафы громко падают". Только чтобы этот шкаф упал, его нужно искалечить. А Игорь после давешней стычки драться больше не хотел ни с кем и никогда.

- Наши считают, что тебя не вели, - сказал Игорь. - Допустим...

- Допустим!!! - заорал Вестгейт. - Уроды!!! Тупицы!!!

- Тихо, тихо... Допустим, не вели, - Игорь на секунду задумался. Меры безопасности, которые принимала Служба в Москве, были чрезвычайно просты и в то же время эффективны. С одной стороны, Служба была вся на виду - взять хотя бы наглый приемчик с собственным жилым комплексом. Но сексот Службы, нелегал - как Вестгейт, например, - в здания, принадлежащие Службе, мог попасть только подземными ходами, идущими от линий метро. Личная карточка такого сотрудника, замаскированная под нормальную "пластмассу" одной из мировых кредитных систем, просто не открывала дверей, за которыми могли бы следить конкуренты. Стекла в машине Игоря были снабжены защитой, кроме того, детектор не нашел признаков электронной слежки. Правда, Вестгейт потом болтался по улицам... Заходил на Службу. И был у себя в гостинице.

- Возможно, меня все-таки вели, - сказал Вестгейт уже нормальным голосом. Он провел рукой по лбу и устало поморщился. - Хотя я ничего не заметил. Но это все ваша Москва паршивая... Кто-то из местных проболтался, из ваших...

- Ладно, - вздохнул Игорь. Он взял со стола детектор и пристегнул его к браслету часов. - Окна здесь не резонируют, электричество я вырубил. Будем ждать и готовиться. На, - он протянул брату Батарейку. - Прилепи на то же место. Сегодня она тебе понадобится.

Вестгейт, что-то недовольно ворча, взял Батарейку и потянул футболку из-под ремня. Игорь прошел в кабинет. Клякса прыгнула с кресла и покатила за ним.

В кабинете Игорь бросил взгляд на монитор. Никаких сообщений не поступало.

Детектор молчал, но Игорь все-таки, чуть поразмыслив, выключил и компьютер, и даже питающий его бэк-ап. Все электрические схемы, находящиеся под током, сейчас могли служить отличной антенной для врага. Потом он набрал комбинацию цифр на дверце сейфа и вытащил небольшой черный рюкзак. Прихватил со стола пояс с оружием и инструментами. Тяжело вздохнул и вернулся в гостиную.

Вестгейт нервно, короткими быстрыми затяжками, курил его сигареты. В данный момент он докуривал вторую и тянул из пачки третью.

- Дурацкая вспышка эмоций, - сообщил он. - Приношу извинения. Я очень устал сегодня. Не хотел проявлять агрессию. Но ты меня провоцируешь все время.

- Это у меня тоже нервное, - сказал Игорь, застегивая пояс и пристраивая детали "штатного комплекта" на свои места. Пистолет-игольник, две обоймы, шокер, аптечка, рация, наручники, аварийный маяк, маркер-кит. Нацепив на себя все это хозяйство, он попрыгал на месте, потом легкой трусцой обежал комнату по периметру. Что-то было лишнее, хотелось надеть португальскую обувь, чтобы на пояс так не давило. Игорь бросил взгляд на детектор. "Нужно теперь все время на него смотреть. Не забыть бы". Он сел, открыл рюкзак и бросил на диван рядом с Вестгейтом такой же, как у себя, комплект.

- Знакомо? - спросил он.

Вестгейт внимательно осмотрел комплект и молча кивнул.

- В теории или пользоваться случалось?

- Ну... Я тренировался. А зачем это мне?

- Затем, чтобы тебя не убили, балда?

- Не глупи. Вот если меня возьмут за задницу с таким наборчиком, мне точно конец. Я, считай, распишусь в том, что русский шпион.

- Лучше быть живым шпионом, чем мертвым идиотом, - веско сказал Игорь. - Какая фигня! Тебя перевербуют, и все. Делов-то...

- Спасибо за науку, - Вестгейт карикатурно поклонился. - А кто я буду после глубокого промывания мозгов, а? Ты когда-нибудь видел зомби?

- Я их видел разных и всяких, - сказал Игорь. - В том числе и настоящих. Живых мертвецов. А все зомбированные агенты, чтоб ты знал, абсолютно счастливые люди.

Им делают не только промывку, но и чистку. Так что ты в случае перевербовки расстанешься со всеми своими комплексами. И девочки будут тебя очень любить...

- Это ты про что? - прищурился Вестгейт.

- Сука я, - объяснил Игорь. - Ладно, соггу. Давай, напяливай это барахло. И игольник к руке примерь.

- Я действительно не хотел бы...

- Игорь, Алекс, или как тебя там! Я ведущий, ты забыл? Тебе что, письменный приказ вручить? Сейчас организую.

Вестгейт с глухим стоном поднялся, сбросил куртку и взял пояс в руки. Мышцы у него под футболкой так и гуляли. Игорь поймал себя на том, что даже слегка завидует.

- Чем ты занимаешься? - спросил он. Вестгейт бросил на Игоря недоуменный взгляд, потом слегка улыбнулся.

- Плаваю немного, - пробормотал он не без гордости. - В университете боксировал.

Сейчас карате занялся. Так, слегка. К сожалению, мне нельзя пройти ваш курс рукопашного боя. Говорят, это что-то. Может, покажешь, если время будет?

- Я со вчерашнего дня отстранен от занятий. Точнее, сам отстранился. Терпеть не могу силовой контакт.

Вестгейт посмотрел на Игоря с сомнением, хотел что-то сказать, но передумал и только хмыкнул. Игорь встал, подошел к нему и осмотрел расположение чехлов на поясе. Бросил взгляд на детектор и часы. Детектор молчал, а времени до приезда Песоцкого осталось десять минут.

Вестгейт легко выхватил игольник, вернул в кобуру, выхватил снова. Получилось у него быстро и четко.

- Тяжелее обычного, - сказал он, рассматривая оружие. - А этот регулятор зачем?

- Переводит на автоматическую стрельбу. Вот так. А тяжелее, потому что здесь обойма на пятьдесят иголок.

- Пятьдесят?! - Вестгейт с уважением взвесил пистолет в руке. На службе огнестрельное использовали только оперативники. Остальные "легалы" носили дистанционные шокеры и пневматические "игольники" - пистолеты, в обойме которых помещался баллон с газом и двадцать игл, начиненных парализующим раствором.

Впрочем, нелегалу Вестгейту и этого не полагалось. В частном порядке он мог хоть с базуккой разгуливать по своему Лондону. Но вот кто и где его учил обращаться со "штатным комплектом", Игорь понятия не имел.

Игорь закурил и прошелся вокруг брата, глядя в пол. Вестгейт ждал развития событий. Он уже снова взял себя в руки и внешне был абсолютно спокоен.

- Ладно, - сказал Игорь. - Слушай. Заряд в обойме усиленный, игла прошибает любую одежду. Но все равно, стрелять лучше в голову, шею, или по конечностям.

Самое верное - бить очередями. Останется пять выстрелов в обойме - зажжется вот этот светодиод. Ты его и не заметил. И вот еще что... - он глубоко задумался. - Впрочем, неважно. Попрыгай.

Вестгейт попрыгал на месте. Ничего у него не звенело и не бряцало.

- Как влитой сидит, - сказал он.

- Отлично. Давай, наушник в ухо, рацию на шестой канал. Пять секунд на настройку.

Вестгейт нажал кнопку, быстро проговорил "двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять" и тут же выключил рацию. Теперь, настроенная на определенный голос, она услышит и выделит его среди любого шума и передаст без искажений.

- Все-таки зря ты это, - сказал Вестгейт.

- Надеюсь, - вздохнул Игорь. - Хорошо, надеваем куртки. И я тебя умоляю. В любой ситуации - держи мне спину, ладно? Никакой самодеятельности. Ты правильно заметил - это Москва паршивая. Это не Лондон.

- Тогда давай бронезилет, - связвил Вестгейт.

- Вот Песоцкий привезет, я тогда на тебя посмотрю, что ты запоешь, подданный британской короны, едрит твою лопатой... - пробормотал Игорь, глядя на детектор.

И тут он запнулся. Потому что экран ожил. Одно из окон кабинета пытались "прозвонить" сканером.

- Не понял, - прошептал Игорь. Он щелкнул пальцами, и клякса, болтавшаяся все это время под ногами, прыгнула ему в руку. Игорь опустил кляксу во внутренний карман. Сигнал с экрана пропал.

- Не понял, - повторил Игорь.

- Что случилось? - Вестгейт подобрался и слегка побледнел.

- Кто-то щупает окно. Странно. Вроде бы все знают, что у нас окна не резонируют.

- Ну проверка-то не помешает...

- Держи мне спину, понял?

- Да понял я, понял! Не психуй, брат. Тебе-то не впервой, я же знаю.

- Меня всегда прикрывали опытные люди. Это было их дело - убивать и умирать.

Убивать-то я еще согласен. А вот умирать...

- Нас будут обязательно брать живьем, - пообещал Вестгейт. - Гарантирую. И как ты сам сказал, в результате перевербовки мы станем абсолютно счастливы.

- Я не хочу быть счастливым, - сказал Игорь. - Я хочу быть собой, - он не сводил глаз с детектора. Тот молчал.

Вестгейт шагнул к Игорю вплотную и положил ему руку на плечо. И Игорю стало легче. Бешеный выброс адреналина, который всегда заставлял его врасплох в первые минуты опасности, начал постепенно сходить на нет. Его снимала эта теплая, сильная рука.

Игоря вдруг охватила волна неведомого ему ранее чувства. Это было нечто странное, на грани понимания, удивительный сплав разных эмоций. И

первым желанием было сказать Вестгейту что-то очень хорошее. Он поднял было глаза на брата, но тут в дверь позвонили.

***

Вместе с Песоцким в дверь ввалился молодой человек со здоровенным кофром в обнимку. Оба новоприбывших были одеты в точности так же, как Игорь и Вестгейт, и оба оказались буквально в мыле.

- Привет, дядя Саша, - сказал Игорь.

- Воды... - прохрипел Песоцкий, пробегая мимо Игоря на кухню. Там тут же зажурчало и раздались хлюпающие звуки. По старой московской привычке Песоцкий пил воду из-под крана, чего, конечно, нельзя было делать уже лет тридцать.

- Витя, - запаленным голосом представился молодой человек с кофром. Он уронил свой ящик посреди гостиной на пол и, озираясь, не глядя сунул руку в сторону братьев.

- Игорь, - сказал Игорь.

- Алекс, - сказал Вестгейт. Рука у парня была скользкой и горячей, и Вестгейт украдкой потянул из кармана носовой платок. Игорь в это время демократично вытирал ладонь о джинсы.

Песоцкий вошел в гостиную и сунул Вите стакан воды, к которому тот жадно припал и грамотно высосал маленькими глотками.

- Ты чего от меня сбежал? - спросил Песоцкий Игоря. - Давай работай, - скомандовал он Вите, и тот, поставив стакан на стол, принялся вскрывать ящик.

- Нам поболтать надо было, - сказал Игорь виновато.

- А я, как чмо последнее, десять минут переулками носился! Чуть бабку какую-то не переехал!

- Дядя Саша, извините. Так получилось. Рефлекс.

- Не на тех у тебя рефлексы! - заявил Песоцкий. - Я бы постоял в сторонке, уши завязав узлом. Тоже мне, конспирация! Да хоть вы там трахайтесь, мне-то что?! А в итоге я затрахался!

- Я больше не буду, дядя Саша. Честное слово.

- Вы тут что, все семьями дружите? - спросил Вестгейт брезгливо.

Песоцкий смерил его оценивающим взглядом.

- Допустим, - сказал он с вызовом. - Здесь тебе не Лондон, сынок.

- Меня зовут Алекс, - Вестгейт протянул руку.

- Ебанько, - представился Песоцкий.

- Александр Дмитриевич, - объяснил Игорь. Час назад он бы выходку Песоцкого от души приветствовал. Теперь ему было немного стыдно.

Вестгейт не скрываясь достал платок и вытер руку. Потом он вопросительно посмотрел на Игоря. Тот пожал плечами.

Песоцкий эскапады с платком не заметил, потому что повернулся к Вите, напряженно глядящему в ящик.

- Ну? - спросил он.

- Непонятно, - пробормотал Витя. - Вроде бы ничего и нет. Но чую я какую-то активность, чую, Сан Дмитрич.

- Так, - объявил Песоцкий. - С одной стороны, братцы-кролики, более удобного места, чем этот домик, для вас и не придумаешь. А с другой стороны, отсиживаться здесь нельзя, потому что вы должны сделать дело. Поэтому будем вас отсюда выводить. Сейчас все устроим и через полчаса выведем. Никаких проблем, ничего опасного, стандартная операция

прикрытия.

- Что случилось-то? - спросил Игорь. - What the fuck is going on?
Война, что ли?

- Палево, - ответил Песоцкий. - Огромного калибра. На моей памяти ничего подобного не было, а мне, ребята, уже, япона мать, пятьдесят шестой.

- Провал сети?! - Вестгейт машинально схватился рукой за нос и покрутил его туда-сюда.

- Прошу, - Песоцкий указал братьям на диван, и те послушно сели. Сам он расположился в кресле, вытянув ноги и сложив руки на животе. Несколько секунд он наблюдал, как Витя что-то крутит в своем ящике, затем повернулся к братьям и раздраженно цыкнул зубом.

- Сейчас я передам то, что мне приказано, - заявил он. - Это для тебя, Алекс.

Текст следующий: "Тридцать первого мая лег в больницу Каспер, к сожалению, прогноз тяжелый". Это первая часть сообщения.

- Ох! - только и вымолвил Вестгейт. Он задрал глаза к потолку и начал перебирать губами, что-то бурча про себя.

- Липар его фамилия, - мгновенно сообразил Игорь. - И он действительно загремел в больницу с сердечным приступом. Однако! Что скажете, дядя Саша? Крутая у нас резидентура в Скандинавии, а?

- Ага, - кивнул Песоцкий. - Только за эту скандинавскую развалину они тянут ниточку с позавчерашнего утра. Я так понимаю, ночью они ему вместе с сердцем малость починили голову.

Вестгейт спустился с небес на землю и теперь, поджав губы, неприязненно смотрел на Песоцкого.

- Это был замечательный человек, - сказал он сухо.

- Ты прости меня, сынок, - сказал Песоцкий. - Но я всегда говорил, что у нас одни задачи, а у вас - другие. И каждый раз, когда ваш человек работает с нами, мы имеем кучу неприятностей.

- Но Служба-то у нас общая, - напомнил ему Игорь.

- Сомневаюсь. Очень я, Игорек, сомневаюсь, что общая.

- Перестаньте, - сказал Вестгейт. - Мы все делаем одно дело. Служба называется Контрольной совсем недаром. Я не могу называть конкретных дел и результатов, но я вам клянусь, Александр Дмитриевич, что это так. Мы - важнейшая на планете организующая сила. Главное связующее звено между всеми правительствами мира.

- Только правительства этого почему-то не понимают, - заметил Песоцкий.

- Да, мы никогда не сможем рассказать им о наших делах, - развел руками Вестгейт. - Но от этого гуманный характер Службы не изменится, верно? Что бы сейчас было на Земле, если бы Служба не взяла контроль в свои руки? Война была соевем рядом. Желтые против белых, белые против черных, исламисты против христиан, коммунисты против всех. И дураки с атомными бомбами - повсюду.

- Да я не спорю... - потупился Песоцкий. - Только методы, методы...

- А откуда другие-то? - вступился за нелегалов Игорь.

- Готовность двадцать минут, - сообщил Витя.

- Хорошо, - кивнул Песоцкий. - Сам знаю, что других нет! - вдруг рывкнул он на Игоря. - Но противно мне, понимаешь? Я оперативник, я солдат! Лицом к лицу! И все честно.

- Но мы тоже работаем честно, - сказал Вестгейт мягко. - Да, мы

манипулируем человеческим сознанием. Но при этом мы никогда не вредим. А конкуренты делают это на каждом шагу. Сейчас, когда началась охота, крови будет очень много. И мы опять не сможем ответить по принципу "око за око". Мы снова будем добренькими, всех простим...

Песоцкий внимательно посмотрел на него исподлобья.

- Ну верь, верь... - пробормотал он. - Блаженны верующие, ибо их...
Забыл.

- Блаженны только нищие духом, - сказал Игорь. - Что-то мне водки хочется.

- И мне, - признался Вестгейт.

- Ты как себя чувствуешь?

- Физически - отлично.

- Все равно водки нельзя, - вздохнул Песоцкий. - Ну как, воспринял информацию?

Вестгейт кивнул.

- Дальше, - разрешил он...

- Поубивали их всех, - сказал Песоцкий просто.

- Что-о?! - воскликнули братья хором.

- Соболезную, - сказал Песоцкий Вестгейту. - Вот тебе, парень, вторая половина текста: "Удивлены тем, что неизвестный доброжелатель рассылает членам клуба ценные подарки. Я пока единственный, кто еще не получил серебряную клюшку.

Возвращайся скорее, думаю, и тебе пришлют. Искренне твой Чарли".

Вестгейт втянул голову в плечи и закрыл лицо руками. В комнате воцарилось молчание, только шумно сопел над приборами Витя.

- Будешь теперь жить в Москве, - ляпнул Игорь. Вестгейт убрал руки и повернулся к Игорю лицом. Ничего это лицо не выражало. Ничегошеньки.

- Когда выберемся в запасной район, - сказал Песоцкий, - я тебе организую связь с Дядей. Он уж расскажет все в подробностях.

- Дядя вряд ли, - заметил Игорь. - Но он выведет Алекса на Северо-Западный. А у них там и Дяди свои, и Папы, и Тети.

- А Спецотдел у них есть? - спросил Песоцкий. Вестгейта, сидящего неподвижно, с каменным лицом, он старался не замечать.

- Нет. Спецотдел один, центрального подчинения. Наука-техника тоже одна и экология одна.

- А "внутряков" много, - заключил Песоцкий.

- Вот уж кто сейчас пашет!

- Необязательно. Причина утечки-то ясна, ловить некого.

- Не понимаю, - вдруг сказал Вестгейт. Игорь и Песоцкий повернулись к нему.

- Я тоже, - кивнул Песоцкий. - Ни одна нормальная СС не будет убивать чужого агента. Только в крайнем случае.

- Кто же это? - спросил Вестгейт. Интонация была почти умоляющая, и Игорь увидел, что Песоцкий окончательно смутился. Старик явно понял, что все его выпады в адрес Вестгейта были просто со зла, а парень, в сущности, ни в чем не виноват.

- Какие-то уроды, - пожал плечами Песоцкий. - Неизвестный ранее фактор.

Экстремисты какие-нибудь.

- Экстремисты в каком-то правительстве, - поправил Игорь. - Аппаратура для промывки мозгов не попадает в частные руки. Взломать ментальную защиту этого Липара - Каспера могла только спецслужба. Верно,

Алекс? Уж ты-то это должен знать.

Вестгейт молчал.

- А если?.. - предположил Песоцкий.

- Исключено, - включился в разговор Витя. - Вы простите, что я вмешиваюсь. Но я всего-навсего оператор пятого уровня. И шел я к этому уровню десять лет. А парень я, скажу без ложной скромности, талантливый.

- Ну и?.. - спросил Песоцкий.

- Готовность десять минут, - сказал Витя. - Ну и для работы на "промывке" нужен оператор первого уровня. Это еще пять лет, а то и все десять. И главное, оператора нужно уметь готовить. Ноу-хау требуются. А их охраняют покруче, чем золото в Форт-Ноксе. И передают из поколения в поколение, как секреты фокусников.

- Украсть все можно, - заметил Песоцкий.

- Целиком не сопрешь, - заявил Витя. - Ну хапнул кусок аппаратной, ну бумажку стырил. А они по отдельности ничего не значат. И потом, главное-то - финансирование. Денежки. Нет, Сан Дмитрич, такие вещи доступны только правительствам.

- Колумбийская наркомафия... - начал было Песоцкий, но махнул рукой и замолк. - Нет так нет. Как скажешь. Мы люди русские, дремучие, мы все больше насчет щей, как бы их лаптем похлебать...

- Сколько лет работы... - прошептал Вестгейт. - Сколько людей... В голове не укладывается, - он пружинисто вскочил и прошелся по комнате. - Ладно. Хорошо.

У-у, проклятье!

- Мы их поймаем, - заверил его Песоцкий. - И сделаем им очень больно.

- Как же! - съязвил Вестгейт. - Скорее они вас поймают! Вы что, не поняли, что погибли все?! Все-е-е!!! - вскричал он. - Нет больше Северо-Западного! Чарли - наш Папа! Все, никого больше нет, только он и я...

- А сколько их было-то? - спросил Игорь осторожно.

- Много, - отрезал Вестгейт и отвернулся к стене. - Это очень страшно, - сказал он тихо. - Ты, брат, даже не представляешь, какая это титаническая работа - хотя бы просто убить столько людей. А ведь их нужно было еще и локализовать... В разных странах... Против нас выступила такая махина... Откуда? Почему? Как мы ее проглядели? • - На всякую хитрую Службу, - снова подал голос Витя, - найдется х...й с винтом.

- Тихо, ты! - рывкнул Песоцкий. - Салабон! А туда же... Между прочим, ребята! - Он даже сел относительно прямо. - А почему бы и не быть двум Службам, а? Кто-то когда-то построил такую же глобальную дуру, как и наша, и творит себе потихоньку разумное, доброе и вечное. В масштабах всей планеты. И вот, пересеклись наши дорожки...

- Все может быть, - сказал Вестгейт. - Все.

- Так, хватит эмоций! - скомандовал Игорь. - Потом разберемся. Как вы нас вытащите отсюда, дядя Саша?

Раздался короткий звонок в дверь. Песоцкий изменился в лице.

- П...ц! - сказал Витя в наступившей тишине. Он сунул руки в свой ящик и вытащил их обратно, уже сжимая в каждой по короткоствольному пистолету-пулемету.

У Песоцкого под мышкой тоже оказался автомат. Выставив ствол перед собой, он мелкими шажками, оставаясь в мертвой зоне, полз по стене к двери. Вестгейт с пистолетом встал за угол. В левой руке он держал

запасную обойму. Игорь отбежал в глубь комнаты и нырнул за косяк двери кабинета. Только Витя героически остался на линии огня. Согнувшись в три погибели, он спрятался за ящиком с аппаратурой, положив руки с оружием поверх него. Песоцкий, на секунду оглянувшись, показал Вите кулак, и тот поспешно отполз в сторону.

Вестгейт из своего угла бросил взгляд на Игоря. И обомлел. Он увидел, что Игорь вдруг переложил игольник в левую руку, а правой достал из-за пазухи кляксу и взвесил ее на ладони. А потом занял такое положение, чтобы было удобней бросать.

Песоцкий уже был у самой двери. Он потянулся к кнопке прозрачности, но нажать ее не успел.

Потому что в этот момент в дверь долбануло.

***

Помещения в жилом комплексе Службы проектировались из расчета на оборону.

Поэтому коридор, ведущий к двери Игоря, был узкий - не спрячешься. А уступ в прихожей, за которым стоял Песоцкий, - широкий. Нападавшие, видимо, были в курсе дела, потому что из возможных методов атаки выбрали единственно верный - стремительный штурм.

Удар в дверь был звонкий и страшно резанул по ушам. Игорь, разинув в беззвучном крике рот, увидел, как дверь, словно в замедленной съемке, вспучивается и лопается на куски. Через образовавшуюся дыру в квартиру ударил сноп пламени, краем слегка опалив Игорю брови. Он инстинктивно отшатнулся за стену, и тут эффект "замедленной съемки" исчез. Действие приняло нормальный темп. Гостиная полыхала, а в дверь стреляли из автоматического оружия.

Стоя за косяком, Игорь по-прежнему ничего не слышал, но он видел, как пули рвут в мелкую щепу его письменный стол, как разлетается тысячько стеклянных брызг монитор, а из компьютера градом сыплются искры. Игорь присел, сжимаясь в комок, чтобы спастись от осколков. Высунуться в дверь было совершенно невозможно, и Игорь мог только представлять, какой ад сейчас в гостиной, откуда вырывались языки пламени.

На самом деле горела только мебель, оказавшаяся на пути взрывной волны, и огонь сквозняком относил в кабинет. Песоцкий, не желая обнаруживать себя, размазался по стенке в мертвой зоне. Витя с двух рук палил в быстро надвигающиеся по коридору складные бронешиты, из-за которых, видимо, не глядя, щедро плевались огнем три автоматных ствола. Оглушенный от взрыва Вестгейт скорчился в углу.

Щиты ворвались в дверь, и тут в игру включился Песоцкий. В упор он выпустил обойму по троим нападавшим, закованным с макушки до бедер в спецназовскую броню, и двоих сбил с ног. Но третий, которого ударом очереди прижало к стене, повернулся и выстрелил в ответ. Песоцкому разворотило живот, он выронил оружие и сполз на пол.

По коридору бежали еще двое. Витя бросил один ствол, сменил опустевший магазин в другом и даже успел нажать на досылатель, но выстрелить уже не смог. Несколько пуль впились ему в голову, и он, нелепо всплеснув руками, повалился на спину.

В кабинете Игорь, сжимая кляксу в кулаке, смотрел, как подпрыгивают и разлетаются в белые пушистые клочья журналы на столе.

Двое раненых, которым Песоцкий изувечил руки, копошились на полу.

Третий, невредимый, но оглушенный, медленно поворачивался внутрь квартиры. Двое из коридора, не переставая стрелять, уже вбежали в дверной проем, когда из-за угла выехал на боку Вестгейт. Держа пистолет двумя руками, он дал, как его и учили, очередь по ногам, и умудрился зацепить всех.

Бегущие, вдруг запнувшись, синхронно полетели носом. Тот, что стоял, повалился навзничь, судорожно нажав на спуск, и очередь распорола потолок. Дернулся и затих один из лежащих, которому игла угодила в предплечье. И наступила полная, совершенная, окончательная тишина.

Игорь резко высунулся из-за своей двери и едва удержал палец на спусковом крючке. Реши он на всякий случай отстреляться вслепую над самым полом, Вестгейт схлопотал бы иглу в затылок. Брат по-прежнему лежал на боку, держа коридор на прицеле.

Игорь осторожно потряс головой. В ушах нарастал отчетливый резкий звон совершенно невыносимой тональности. Он позвал было Вестгейта, но не услышал себя. И Вестгейт тоже его не услышал. Он медленно встал на четвереньки и так пополз к раненому, который, лежа на спине, раскачивался из стороны в сторону и баюкал на груди остатки правой руки. Вестгейт отпихнул его автомат, поднял глухое забрало бронешлема и взгляделся в лицо раненого.

Игорь медленно шел через комнату, на всякий случай держа под прицелом коридор.

Он бросил на раненого короткий взгляд и заметно изменился в лице.

- Не понимаю, - донесся до него откуда-то издали слабый, еле слышимый сквозь заполняющий голову звон, голос. - Как они вошли в дом?

Игорь сглотнул набежавшую слюну и почувствовал, что слышит лучше. Теперь он различал даже стоны раненого. Огонь в гостиной постепенно унимался, даром что все материалы в ней считались негорючими. Игорь шагнул к Песоцкому и потрогал его за шею. Пульса не было. Тогда Игорь подошел к тлеющим останкам дивана, подобрал свой рюкзак, вддел руки в лямки и закинул поклажу за спину. Поднял саквояж Вестгейта и принес его брату.

- Ты меня слышишь? - спросил он. Вестгейт с трудом поднялся на ноги и взял саквояж. Его слегка пошатывало.

- Слышу, - сказал он. - Плохо, но слышу. Звонит все. Как они прошли? - Он наклонился и подобрал автомат одного из нападавших. - А? Не слышу... Или ты молчишь?

- Дай-ка сюда эту железку. У нас проблема, брат. Я этого недобитого знаю. Это наш "внутряк". Вестгейт покорно отдал автомат.

- Пойдем, - сказал Игорь. - Нужно уходить.

- Да, - кивнул Вестгейт. - Плохо дело. Стой! Куда ты? А... а дядя Саша?

- С ним все. Пойдем скорее, - шок проходил, слух постепенно возвращался к Игорю и вместе с ним - способность худо-бедно соображать. Игорь взвесил в руке автомат, шагнул к раненому и поймал его взгляд, полный ужаса и злобы.

- Зачем? - спросил Игорь.

Раненый скрипнул зубами и плюнул Игорю в лицо.

Вестгейт задумчиво глядел внутрь саквояжа. Когда за его спиной коротко тьякнула автоматная очередь и пули с противным треском ударили в живое, он подскочил от неожиданности и обернулся. Игорь стоял, глядя в коридор, и возился с замком выдвижного приклада. А еще он вроде бы

облизывался. Рот его был приоткрыт, и длинным розовым языком он водил туда-сюда по кромке верхних зубов.

Вестгейт тряхнул головой и зажмурился, чтобы отогнать наваждение. Когда через секунду он открыл глаза, Игоря в квартире уже не было. Потом из коридора донеслись еще две короткие очереди, и на пол со звоном посыпалось стекло.

Вестгейт догадался, что Игорь бьет камеры слежения. Бьет и облизуется. Он представил, сколько теперь впереди крови, до которой наконец-то дорвался его родственник, и горестно вздохнул. На этом пути по трупам его, Игоря Александра Вестгейта, определенно должны были убить. При одном условии - если он будет вести себя как дурак и станет мешать этому психопату. А он не станет. Он будет умным. Он выдержит, он сможет. И чертов братец, для которого насилие - образ мыслей и образ жизни, наверняка вытащит их обоих из беды. А потом можно будет уйти. Неважно, куда и как. Главное - живым.

- Эй! - позвал Игорь. Он стоял в дверях и зачем-то копался в своем телефоне. - Бегом!

Вестгейт еще раз заглянул в саквояж. Швырнул дорогое изделие из натуральной кожи в угол и поспешил вслед за братом.

***

Двери всех квартир на этаже оказались заблокированы. Лифт не работал. Двери пожарных лестниц, единственные нормальные, без электроники, двери в доме, были заперты на ключ.

- Зря ты автомат бросил, - вяло сказал Вестгейт, рассматривая замок.

- А здорово нас контузило, да? - с трудом выговаривая слова, спросил Игорь. - Здесь автомат не справится. Давай, отползай, - он сунул руку за спину и потянул боковую "молнию" на рюкзаке.

Вестгейт зашел за угол. Через несколько секунд раздался металлический щелчок, такой отчетливый, что пробился через колокола в голове, и Вестгейта сильно толкнул прыгнувший в укрытие Игорь.

Ба-бах! Братья дружно сморщились и взвыли от акустического удара.

- Граната, - объяснил Игорь.

Дверь болталась на одной петле. Вестгейт сунулся было на лестницу, но Игорь поймал его за рукав.

- Туда! - скомандовал он и толкнул Вестгейта вперед, дальше по коридору. - Скорее, скорее! Еще минута, и сюда зайвится вся эта банда. И тут-то нам будет весело...

Через несколько секунд они затормозили у большого люка в стене. Вестгейт разинул было рот, но Игорь уже миновал люк и остановился под вентиляционной решеткой.

Вестгейт, шокированный перспективой спуска по мусоропроводу, ее сначала вообще не заметил.

- Пускай у меня и мания преследования, - сообщил Игорь, вставая на цыпочки и поддевая край решетки большим охотничьим ножом, - но мне она определенно идет на пользу.

Решетка грохнулась на пол, из нее вывалились шляпки от болтов. Самих болтов в решетке не оказалось.

- Еще полгода назад отпилил, - сказал Игорь хмуро, собирая шляпки с пола в карман. Он встал спиной к стене и сложил руки в замок. - Ты лезешь первым и втаскиваешь меня, я же решетку должен на место

поставить... Там в шахте скобы есть. Только внизу нужно прыгать, метра два, невысоко. Давай! Уф! Давай, давай!

Вдалеке раздался свист - пошел один из лифтов, и Вестгейт проворно нырнул в люк.

Приземлились они в подвале. Вестгейт ловко, как кошка, а Игорь в последний момент завалился на бок и здорово ушибся.

- Сюда, - показал он и первым устремился в узкий тоннель, кряхтя и прихрамывая.

- А сколько действует парализатор? - спросил Вестгейт, осторожно переставляя ноги. - У тебя стандартный, на десять минут?

- Они уже не встанут, - махнул рукой Игорь. - Не волнуйся.

- То есть? - Вестгейт затормозил.

- Не отставай! - шикнул на него Игорь. - О мертвых не думай, думай о живых.

Которые сейчас идут группе захвата на подмогу.

- Там что, был яд на этих иглах?

- Давай, давай, шевелись. Ну, допустим, яд.

- Да ты что?! - рявкнул Вестгейт, забыв о том, что имеет дело с психопатом и еще минуту назад собирался вести себя умно и профессионально. - Ах ты... Как же так можно, Игорь? Что же ты делаешь...

- Я хотел, но передумал. Словно чувствовал, что ты у нас великий гуманист.

Кстати, ты спас только что жизнь двум хорошим людям. Продолжай в том же духе, получишь Нобелевскую премию мира.

- Да я... - начал было Вестгейт, но передумал и только пожал плечами.

Метров через двадцать они уткнулись в развязку теплотрассы.

- Создавай побольше шума, - посоветовал Игорь, ложась животом на трубы. - Пусть крысы знают, что мы идем.

Крыс в узком лазе не оказалось, но пыли было навалом. "Go! Go! - шипел Игорь. - У нас форы три минуты, не больше!". И они ползли, задыхаясь и потая, страдая от головной боли, вперед, вперед, вперед.

- Если на этом люке запаркован какой-нибудь грузовик, нам конец, - сказал Игорь через несколько минут, стоя по колено в мутной жиже на дне канализационного колодца. - Нужно будет ползти еще сто метров, за это время они оцепят район.

- Думаешь, все так серьезно? - спросил Вестгейт, карабкаясь по узкой лесенке.

- Уверен, - пропыхтел Игорь, подталкивая его головой в зад. - Наверняка про нас пущена какая-то дезинформация. Отдел внутренних исследований... уф! ...не может самостоятельно даже пукнуть. Кстати, и ты не пробуй, укушу... Давай толкай крышку. Наше счастье, что "внутряков" очень мало и им нельзя ментов на помощь звать. А то бы мы из дома не вышли... Ну давай толкай, чего застрял?

Люк открылся. Вестгейт осторожно высунулся и увидел тихий московский дворик и обшарпанную стену бойлерной. Он выпрыгнул наверх, протянул руку Игорю и выдернул его из люка, как пробку из бутылки.

- Понял? - закончил мысль Игорь. - Над "внутряком" контроль жесточайший. Даже их шеф не может принимать решений. Он только выполняет приказы. Лично от Папы Интересно?

- Куда дальше? - спросил Вестгейт.

- Сюда, - Игорь ткнул пальцем в сторону неказистого ржавого гаража -

Хорошо, что я богатый, - пробормотал он, вытаскивая из рюкзака связку ключей - И вдвойне хорошо, что я маньяк.

Вестгейт у него за спиной утвердительно хмыкнул. В гараже стояла грязная и дряхлая на вид русская машина - Стой там, ворота закроешь, - сказал Игорь. Он уселся за руль, повернул ключ, и двигатель огласил гараж бархатным ревом. Машина выкатилась во двор, Вестгейт поспешно запер гаражные ворота и прыгнул в приоткрывшуюся дверцу.

- В принципе это "Субару", - объяснил Игорь и нажал на газ. Вестгейт судорожно вцепился в ручку двери и попытался свободной рукой нащупать ремень безопасности.

Когда ему удалось пристегнуться, на спидометре было сто двадцать, и машина со скрежетом и воем нырнула в очередной поворот.

- Что все это значит? - спросил Вестгейт. - Я думал, такое бывает только в дрянных боевиках.

- Ты, брат, молись, чтобы наш боевик оказался дрянным. Тогда мы останемся живы и здоровы.

- Откуда это все?

- Я готовился к побегу, - Игорь вывел машину на проспект и так газанул, что другие автомобили, казалось, просто остановились. - С тех пор как я пришел на Службу, я искал пути отхода.

- Не гони так, пожалуйста. Нас засекут из спид-гана, ты потеряешь время на разборки с дорожной полицией.

- У меня антирадар. Он любые показания спид-гана обнуляет. Это что! Я знал одного деателя, так его антирадар набавлял по триста. Вот его останавливали непременно. И штрафовали за превышение скорости на триста с чем-то километров в час. Не бойсь, радар-детектор у нас тоже есть.

- А куда мы едем? - Вестгейт открыл "бардачок", обнаружил там бутылку водки и пачку сигарет, пачку распечатал, достал сигарету и утопил в гнезде шляпку прикуривателя.

- Хорошая идея, - заметил Игорь, добывая еще одну пачку, уже распечатанную, из-под сиденья. Он зубами вытащил сигарету, щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся. - Сейчас мы едем к единственному выходу из города, который не охраняется. А потом заляжем неподалеку и выйдем на связь с Королевым. И вот тут-то начнется самое интересное...

Между прочим ты как себя чувствуешь?

- Да, знаешь, ничего. Ой! Слушай, отдать тебе Батарейку?

- Спасибо, оставь пока. Меня клякса лечит.

- Полезная вещь. Одних лечит, других калечит... Ты ее что, как бомбу хотел использовать? Я же видел, как ты ее держал...

- Знаешь, - сказал вдруг Игорь, - я тебе хочу еще раз высказать свою признательность. Я как-то по-дурацки оказался под обстрелом и носу высунуть не мог. А ты... Ну, брат, ты просто блестяще выступил! Спасибо тебе.

- Пожалуйста. Я сам не думал, что у меня что-то получится. Меня в первые секунды так оглушило, что я в углу как на карачки встал... Если бы не этот взрыв, если бы меня не приложило по башке, я бы, наверное, испугался и ничего толкового сделать не смог. А так... Как-то естественно все получилось. И все-таки ты мне не сказал, что мои выстрелы будут смертельны... Это ты зря.

- Если бы я это сказал, ты бы как раз испугался.

- Может быть.

- Я бы их потом все равно добил.

- Слушай, ну что ты все время из себя изображаешь чудовище какое-то?
- А я и есть чудовище, - сказал Игорь скромно, не отрывая взгляда от дороги.

- Тьфу! - Вестгейт закусил губу. Давным-давно, во время практикума по общей психологии, у него сложилось вполне определенное мнение о патологических личностях. Они ему были противны. Вестгейт и представить себе не мог, что бывают на свете психопаты такие симпатичные и... родные. "Никудышный я психолог, - подумал Вестгейт. - А может, это я так... с перепугу? Впервые в жизни стрелял в людей. Впервые увидел, что это такое, когда стреляют в тебя самого. И перевожу страх в другую форму, вешаю ярлык на вполне нормального человека, обвиняю его во всех своих бедах..." Он посмотрел на брата. "Патологическая личность" смотрела вперед и хищно улыбалась. И ничего такого уж патологического в ней не было заметно.

- А откуда у тебя эти иглы с ядом? - спросил Вестгейт.

- От одной боевой операции остались. Я их малость того... списал на расход.

Думаешь, откуда гранаты? Да и кляксу я тоже... себе оставил. Хотя это-то был жест от чистого сердца. Я почувствовал, что она живая. И не захотел ее на растерзание ученым отдавать. Так, приехали.

Машина катилась вдоль заброшенных пакгаузов, параллельно железнодорожному полотну. Рельсы были ржавые, между шпалами пробивалась трава. Впереди нависала эстакада кольцевой автомобильной дороги. Игорь нажал на тормоз и плавно заехал на пути.

- Но другую кляксу я отдал, - сказал он вдруг, впервые за безумную гонку по московским улицам поворачиваясь к Вестгейту лицом. И Вестгейт увидел, как запали у Игоря глаза и какие огромные под ними красуются синяки. - Их было две, понимаешь? И я был вынужден принять решение...

- Это ты умеешь, - кивнул Вестгейт без всяких задних мыслей.

- Ну-с, тряхнем костями, - сказал Игорь с мягкой, спокойной улыбкой. Он включил передачу, дал газ, и машину затрясло так, что Вестгейт зажмурился. Но тогда к горлу подступила тошнота, и глаза пришлось открыть и не закрывать до тех пор, пока Игорь, бормоча под нос нехорошие слова, не съехал с насыпи далеко за пределами столицы исторической родины Игоря А. Вестгейта, экс-разведчика и экс-дипломата.

ГЛАВА 10

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ, ВЕЧЕР

- Здорово, Клепа! - сказал Игорь, появляясь в дверях поста дорожной инспекции.

Маленький, ростом едва Игорю по плечо, старший лейтенант подпрыгнул от неожиданности и схватился за лежащий на столе автомат.

- Уф... - пробормотал он. - Ну, твою мать... У меня чуть сердце не выскочило...

Ох... Здорово! - Он протянул было Игорю левую руку, подумал и, выпустив оружие, дал-таки правую.

- Вот это правильно, - сказал Игорь. - Сиди, не дергайся.

Клепа, вытянув шею, посмотрел в окно. Его подчиненные бегали по обочине, тормозя машину за машиной, и в сторону здания поста не смотрели.

- Пришла на меня оперативка? - спросил Игорь, присаживаясь в углу на корточки.

Клепа заерзал на стуле и принялся теребить разложенные на столе бумаги.

- Да не дергайся ты! - усмехнулся Игорь. - Пришла, верно?

- Ты объявлен во всероссийский розыск... - выдавил маленький старлей.

- Ты и еще один крендель с нерусской фамилией.

- Это нас ловят? - Игорь ткнул пальцем за окно. Клепа кивнул и нервно забарабанил пальцами по столу.

- Значит, так, - сказал Игорь. - Земляк, ты все еще хочешь стать капитаном?

Клепа осторожно усмехнулся. Из-за пристрастия к алкоголю ему тормозили очередное звание уже второй год.

- Тогда слушай внимательно и сам решай. Я сижу перед тобой, и ты, конечно, можешь попробовать меня задержать. Шансов мало, но все-таки... Тебе объявят благодарность в приказе. Скорее всего посмертно. Это вариант номер раз, - Игорь замолчал и хитро прищурился.

- А вариант номер два? - Клепа уже взял себя в руки, перестал дергаться и не менее хитро прищурился в ответ.

- Ну, я уже выяснил что хотел. Сейчас повернусь и уйду. Минут через десять ты очнешься, поднимешь тревогу...

- Это не конструктивный разговор, - насупился Клепа разочарованно.

- А вариант номер три, обоюдовыгодный, тебе не интересен?

- Очень интересен! - резко оживился Клепа. Он снова вытянул шею и глянул за окно.

- Вариант такой, - сказал Игорь. - Заваруха со мной кончится через сутки-двое.

Оперативку эту дурацкую отзовут, и я опять буду персона грата. Как будто ничего и не было. Но если ты мне сейчас чуть-чуть поможешь, самую малость... Звание гарантирую. В течение месяца.

Клепа опустил глаза. Он с Игорем вырос в одном дворе. А там знали, что Боец слов на ветер не бросает. Пообещал убить - как минимум попытается.

- Твое слово - золото, - сказал он задумчиво.

- Мое слово дороже золота. А моя машина в ста метрах отсюда. Сделай так, чтобы я тихо прошел на Горку. Век не забуду.

Клепа сунул в рот большой палец левой руки и принялся грызть ноготь. Правую он положил на клавиши своего терминала.

- Думай быстрее, - посоветовал Игорь. - Ты учти, я хотя и в розыске, но у меня сейчас права, как у Джеймса Бонда. Лицензия на убийство. Если сюда полезет кто-нибудь из твоих гавриков, я буду стрелять.

Клепа тяжело вздохнул и развернул к Игорю монитор.

- Сюда гляди, - сказал он. - Тоже мне... Шон Коннери. На мониторе была карта подведомственного Клепе района. И на ней, кроме стационарных постов, Игорь увидел еще с десяток ярких точек.

- Засады? - спросил он.

- Запоминай, - кивнул Клепа. - Перемещать я их не буду, они и так хорошо стоят.

- Это точно. Перекрыл ты мне кислород. А еще друг детства называется... Ладно, запомнил. А я вот здесь.

- Понял. Ну что ж... Тогда вот этой группе, - Клепа ткнул пальцем в монитор, - я сделаю ложную тревогу. И сдвину ее вот сюда - смотри -

ровно на пять минут.

Значит, у тебя будет окно с... - старший лейтенант посмотрел на часы, - ...с семнадцати двадцати одной по семнадцать двадцать три. Успеешь?

- В самый раз.

- Опоздаешь на минуту, ничего не гарантирую. Понял? Что у тебя за машина? Хотя нет, мне этого лучше не знать. Ну, доволен?

- Ты умница, старик.

- Долг платежом красен.

- За мной не заржавеет.

- Ладно, двигай. Только не засветись. Если тебя сейчас заметят...

- Все под контролем, - заверил его Игорь, хлопнул по плечу и исчез.

Маленький старлей поднял глаза к потолку и прошептал под нос молитву. Потом бросил взгляд на бесшумно закрывшуюся за Игорем дверь и хмыкнул.

- Джеймс Бонд, агент ноль-ноль-семь! - сказал он с выражением. - Лицензия на убийство! Что ему вколола эта русская? Яд кураре! Лучшие снайперы КГБ - женщины!

Здравствуйте, Джеймс, я генерал Гоголь! Генерал Пушкин рассказывал мне о вас!

ТЬфу!

***

- Порядок! - сказал Игорь, усаживаясь за руль. - Поздравляю, братишка, мы с тобой во всероссийском розыске. Стартуем через пять минут. Нас пропустят.

Вестгейт посмотрел на него как на сумасшедшего.

- Ты их... - еле выдавил он. - Ты их всех...

- Я договорился, - рассмеялся Игорь. - Я просто договорился.

Вестгейт так вытаращил свои огромные глазащи, что Игорь за него испугался.

- Тихо, тихо, - попросил он. - Не падай в обморок. Тебе уже сто раз говорили, что это не Лондон. Это Москва. Вестгейт шумно выдохнул.

- Я даже спрашивать не буду, как ты это сделал, - пробормотал он.

- Потом расскажу. Когда все кончится.

- Да, это не Лондон, - Вестгейт потянул из кобуры пистолет. - У тебя есть нормальные иглы?

Игорь посмотрел на брата и закусил губу.

- Это твое последнее слово? - спросил он.

- Я очень тебя прошу. Пожалуйста.

Игорь отвернулся и расстегнул свой рюкзак, лежащий на заднем сиденье. Он вытащил оттуда три обоймы с желтой меткой на боковине, отдал их Вестгейту и принял у него три красных.

- Вот из этой я стрелял... Десять-пятнадцать выстрелов примерно.

- Понял. А ты и не заметил, что на них метка красная? - усмехнулся

Игорь - Вот что значит отсутствие практики.

- Век бы мне такой практики не видать, - пробурчал Вестгейт, заряжая оружие.

- Согласен, - Игорь, покопавшись в рюкзаке, достал перевязь с плечевой кобурой и торчащей из нее рукояткой. Откинув сиденье, он сбросил куртку и, неловко изогнувшись, влез в перевязь.

- Это что? - поинтересовался Вестгейт.

- Моя гордость, - скривился Игорь. - Оцени, - он достал из кобуры и

протянул Вестгейту большой девятимиллиметровый пистолет. Зализанные очертания и серо-мышинный пластмассовый цвет делали его похожим на игрушку. В рукоятку была врезана золотистая пластинка. Вестгейт присмотрелся и прочел: "Бойко И.И. с благодарностью от ФКС".

- Это за гремлинов, - непонятно объяснил Игорь, натягивая куртку. - Понимаешь, мне ведь не положено по штату участвовать в боевых операциях. Но, видимо, судьба такая - как выберусь в поле, тут же меня пытаются убить. А поскольку рисковать я не обязан, то со мной и расчет особый. Ладно, давай, - он сунул пистолет в кобуру. - Понеслись.

Машина выехала из кустов, вскарабкалась на насыпь и, плавно набирая скорость, покатила по асфальту. И тогда Вестгейт, о чем-то глубоко задумавшийся, вдруг сказал:

- Ненавижу Службу.

- А кто распинался о том, какая она хорошая? - Игорь пожал плечами. - Бедная Служба. Никто ее не любит, - он посмотрел на часы и прибавил ходу.

***

- Успеваем впритык, - сказал Игорь через полчаса. Машина снова пряталась в кустах, и Игорь, вооружившись добытым из рюкзака сканер-биноклем, осматривал раскинувшийся на живописном пригорке дачный поселок. Вестгейт с интересом покосился на рюкзак. Сколько там еще неожиданных вещей? "Рюкзачок маленький, но увесистый. Неглуп ты, братец. Истеричен, но неглуп. Осторожен, дальновиден. Если бы ты по-прежнему не смотрел на меня свысока, мы могли бы весьма и весьма подружиться..."

- Пошли, - скомандовал Игорь, открывая дверцу. Он вытащил рюкзак, убрал в него бинокль и нырнул в ляжки. - Пошли, быстренько.

Умело выбирая самый безопасный маршрут, Игорь довел их до края поселка. На дачах вовсю кипела жизнь, играла музыка, верещали младенцы, что-то жарилось и парилось, на веревках сушилось белье. В отдалении противно завывал электрический рубанок.

- А теперь по нахалке, - пробормотал Игорь, ныряя в узкий проулок между двумя высокими заборами. Вестгейт шагнул за ним и уже через минуту думал только о том, как бы не потеряться. Это был настоящий лабиринт, и Игорь уверенно несся по нему размашистым шагом. Со всех сторон поднимались заборы, где-то глухие, где-то не очень, а тесно было так, что даже в самом широком месте не разошлась бы без драки пара дохлых собачонок. О собаках Вестгейт вспомнил, когда решил увеличить дистанцию и слегка приотстал. Тут же слева раздался мощный удар по забору и крупная, судя по голосу, псина разразилась лаем.

- Не отставай, - бросил Игорь.

- Они тебя что, все знают? - пробормотал Вестгейт, задыхаясь.

- Нет, - отрезал Игорь. - Так, пришли, - он остановился, присел и, подцепив снизу две доски, легко развел их в стороны. - Давай.

Вестгейт опасливо посмотрел в дыру.

- Хоп! - скомандовал Игорь. Вестгейт нырнул вперед, запутался в колючем малиннике, чертыхнулся, выпрямился и оказался нос к носу с согбенным дедушкой в линиялой панаме. Еще на дедушке были тренировочные брюки с огромными пузырями на коленях, стоптанные кроссовки и футболка с застиранной надписью "Я агент КГБ".

На сгибе локтя у старика висела плетеная корзинка, доверху

наполненная малиной.

Вестгейт буквально остолбенел. В детстве он прожил в Москве несколько лет, да и потом бывал довольно часто, но на подмосковные дачи давно не выезжал.

Разумеется, он забыл, как здесь одеваются, и теперь изумлению его не было предела.

- Вот это да! - неожиданно звучно провозгласил старичок, подслеповато щурясь.

Вестгейт открыл было рот, но тут его отодвинули в сторону.

- "Да" - оно вот это, - сказал Игорь, появляясь рядом и тыча пальцем себе в грудь. - А вот это, - он показал на Вестгейта, - называется Алекс. Ван Саныч, я рад видеть вас в добром здравии.

- Игорек, милый! - вскричал дед. - Ну-ка, иди сюда! - Он звонко чмокнул Игоря в щеку, потряс за руку и, сияя от восторга, повернулся к Вестгейту. - Королев Иван Александрович, - представился он.

- Алекс, - кивнул Вестгейт. Ему вдруг захотелось встать перед стариком навтыжку. Что-то было такое в этом пожилом человеке...

- Очень приятно! Игорек, а Андрея-то нет! В Москве он, уже неделю выбраться не может, все обещает... И в выходные на работе сидел.

- Ван Саныч, - начал Игорь, небрежно срывая с куста ягоду и забрасывая в рот. - Уммм... Прелесть малинка.

- Пошли! - просиял дед, показывая на свое лукошко и выразительно щелкая пальцем по горлу.

- Ван Саныч, - повторил Игорь. - Пусть дядя Андрей сегодня придет.

Глаза у старика погасли. Он тихонько присвистнул.

- Я буду ждать его до полуночи у поворота на Новый Поселок. Пусть там свернет и идет спокойно по тропинке. А я посмотрю, и если хвоста не будет, к нему выйду.

- Плохо дело? - спросил старик.

- Говорят, это была любимая присказка Виктора Ларина, - сказал Игорь.

- Знаете, наверное. Охотники, психотронная война, Объект...

- Ну-ну, - покивал старик. - Помню эти поганочки. А Андрей...

- Он в порядке, Ван Саныч. Мне нужна только консультация. Если я увижу, что его пасут, я просто не стану высовываться, и все.

- Значит, могут пасти? - Старик пожевал губами и покосился на Вестгейта.

- Все может быть. Сами знаете, Служба - большой сумасшедший дом. Вам ли этого не знать, в конце концов...

Старик утвердительно хмыкнул. Он в упор разглядывал Вестгейта.

- Нелегал, - заключил он. - Вечно с вами проблемы. В бегах?

- Собирается, - ответил за брата Игорь. - Ван Саныч, выручайте. Помогите нам.

Если все пойдет как надо, дядя Андрей смело может крутить новую дырку в пиджаке.

- Как же, будет у него дырка... В башке. Как только видишь нелегала, жди дырок в головах, - сварливо заявил Королев-старший.

- Ох, и не любят здесь вашего брата... - усмехнулся Игорь, глядя на Вестгейта. - Кстати, Ван Саныч, вы ничего не замечаете?

- А то! - встрепенулся дед.

- Кто бы он ни был, он сын Игоря Волкова. Мой брат, - веско сказал Игорь. - И я за него, если надо, ядерную войну устрою. А он за меня. Проверено, - Игорь притянул к себе Вестгейта и крепко обнял его за

плечи. А Вестгейт напрягся и выдавил из себя грамотно поставленную обезоруживающую улыбку.

Эффект оказался блестящим - лицо старика просветлело и расслабилось.

- А может, все-таки чайку? - спросил он с надеждой, подмигивая.

- Да нет, спасибо. В следующий раз, - улыбнулся Игорь.

- Все-то вы обещаете... Стараешься для вас, надрываешься, - дед глянул в свое лукошко и вздохнул. - Хоть бы ты ему объяснил, что нельзя детям без отца! - с неожиданным жаром выпалил он. - Что я им могу дать, старая развалина?!

- Я поговорю с ним, Ван Саныч. Но вы же понимаете, Служба... Кстати, а что ваша книга?

Королев-старший сделал удивленное лицо.

- Разболтал, трепло бесхвостое?

- Да что вы, он так гордится...

- К осени закончу. Если доживу.

- Вы-то доживете, - сказал Игорь очень серьезно. Старик неопределенно хмыкнул, но видно было, что ему приятно.

- Хорошо, - сказал он. - Я все запомнил. Могу повторить, хе-хе...

- Обижаете, Ван Саныч.

- Главное в работе, - сообщил вдруг старик, обращаясь при этом к Вестгейту, - взять от нее все, чему она может тебя научить, и при этом не позволить ей себя изнахрачить. Мой сын, к сожалению, этого так и не понял.

- Вы это внушкам расскажите, - посоветовал Игорь.

- Н-да. Старшая-то уже - ого-го! Лет через пять будет тебе невеста.

Что, испугался?

- Подумаем, Ван Саныч. Ну, мы пошли?

- Ты погоди, я вам пару бутербродов сооружу...

- Не нужно, у нас есть.

- Ну хоть малинки...

- Мы на работе малину не едим, - строго заявил Игорь. - До свидания, Ван Саныч.

- Хотелось бы, - сказал дед, пожимая братьям руки. - Приятно было познакомиться, Алекс. Счастливо, Игорек. И... удачи вам, ребята. Поменьше думайте о начальстве, побольше о себе, и все у вас получится, - с этими словами Королев-старший повернулся и с неожиданной легкостью растворился в кустах.

Обратный путь они проделали молча, и, только усевшись на капот машины и закурив, Игорь подал голос.

- Угадай, сколько ему лет?

- Ну, если его сыну где-то сорок пять...

- Королеву за шестьдесят, чтоб ты знал. А Ван Санычу восемьдесят три.

Понял?

Обалдеть! И никаких признаков маразма! Конечно, у него есть проблемы со здоровьем, но я не удивлюсь, если он протянет еще лет десять. Вот это кровь!

Силища! Между прочим, демонстрирует свои возможности он только самым близким людям. За забором он противный дряхлый склеротик и вообще еле ползает...

- Знаешь... - протянул Вестгейт. - Я, кажется, понимаю свою ошибку.

Вы тут действительно все дружите семьями. И теперь я вижу, что это полезно. Как минимум - полезно.

- Да, - кивнул Игорь. - При нынешнем уровне электронной слежки... - он машинально посмотрел на детектор, - это очень полезно. Королев сейчас под таким колпаком... Не знай я его отца... Не сиди он на даче с внуками... Черт его знает, как бы все обернулось.

Вестгейт задумался, как бы он выкручивался из подобной ситуации один, и поджал губы.

- Да, это точно не Лондон, - вздохнул он. В этот момент Королев-старший противным скрежещущим голосом "доставал" сына по телефону. Как и положено дряхлому склеротику, он постоянно оговаривался, сбивался с одной темы на другую и совершенно не слушал абонента. Королев-сын начал уже закипать, когда в трубке проскочила неожиданная информация.

- ...а когда дети беспризорные - это ж совсем плохо дело, - проныл тоскливо дед.

- Пусть они вдвоем, ну и что из этого? Бегают, бегают, а толку никакого. Игрушки одни. А ты бы с ними поговорил, научил уму-разуму...

- Все небось по кустам шарятся, оторвы? - спросил Королев с замиранием сердца.

- Прячутся - не найдешь! - подхватил дед. - А ведь такие лапушки! Ну, Андрюха, ну пожалей ты их! Ведь вырастут и спросят - а ты где был, старая хреновина?

Для порядка Королев отнекивался еще несколько минут. А потом подумал: в конце концов, почему бы и не приехать? Возможно, он отца не правильно понял, и тот ничего особенного ему сообщить не хотел. Но Королев действительно неделю не видел своих дочек и соскучился по ним очень.

***

Ночь была светлая, и с вершины холма Игорь засек Королева издали, почти за километр. Тот шаркающей походкой шел по тропинке, уронив руки вдоль туловища и понуро опустив голову. У Игоря нехорошо засосало под ложечкой - скованные движения его начальника тут же вызвали в памяти глубоко въевшийся в сознание каждого работника Службы кошмар.

Вестгейт осторожно толкнул Игоря плечом, и тот передал ему бинокль.

- Heaven's shit! - прошептал Вестгейт в изумлении.

- Не то слово... - кивнул Игорь, отбирая у него бинокль. Вестгейт отдал прибор не сразу, так у него свело кисти рук.

- Спокойно, - прошипел Игорь. - Мы еще ничего толком не знаем.

- А что тут знать-то? - шепотом удивился Вестгейт. - Либо промывание мозгов, либо глубокое зомбирование. И совсем недавно, от силы часа два... У-у... - он схватился за голову и принялся бормотать под нос английские слова, которых Игорь не знал, но интонация подсказала ему смысл.

- Так, - сказал Игорь. - Кончай материться и пошел на место.

Вестгейт неразборчиво хрюкнул в ответ и полез было в кусты, но тут же вернулся.

- Лучше бы мне остаться здесь, - заявил он. - Все-таки я...

- Слушай, психолог, займи свой пост и не высовывайся, понял?

- Если он зомбирован...

- Я разберусь, что с ним, - сказал Игорь твердо. - А ты держи его на мушке.

- Игорь, ты только пойми меня правильно...

- Погоди, - Игорь подстроил бинокль, пригляделся и облегченно вздохнул. Королев на ходу раскуривал сигарету. Огонек зажигалки осветил его лицо. Лицо смертельно усталого, но вполне нормального человека.

- На, - Игорь сунул Вестгейту бинокль. - Все с ним в порядке.

Вестгейт рассматривал Королева так долго, что Игорь принялся рычать.

- Ну... - сказал Вестгейт наконец. - Ну, вроде бы да. Слушай, а если он в порядке, зачем мне тогда в засаду? Он же один, никого нет...

Игорь, скрипнув зубами, посмотрел на свой датчик. Взял у Вестгейта бинокль, перевел его в сканирующий режим и в сотый раз исследовал окрестности. Никакого подозрительного шевеления вокруг не наблюдалось. Может быть, кто-то и полз тихонько по кустам, но в любом случае оружия и электронных устройств у этого "кого-то" точно не было. Клякса у Игоря за пазухой тепло и уютно пульсировала, согревая бок. Обычно на открытой местности она крайне остро реагировала даже на малейшее дуновение опасности. Но сейчас клякса дремала.

- Не верю я в эту тишину, - сказал Игорь. - Можешь считать, что у меня паранойя обострилась. Но ты поверь мне на слово, здесь не Лондон.

- Как ты меня этим Лондоном... - пробормотал Вестгейт. - Ладно, черт с тобой, - он повернулся и исчез в кустах. Игорь сунул руку во внутренний карман и осторожно вынул кляксу. Черный мячик очнулся и несколько раз приветственно стукнул Игоря в ладонь. "Будто сердце в руке держишь", - подумал Игорь с умилением. Расстаться с кляксой было трудно, но Игорь все-таки бросил ее под ноги, и та мгновенно растворилась в траве. Игорь достал игольник и начал медленно спускаться с холма к тропе. Клякса беззвучно покатила за ним, приплясывая и то и дело выпрыгивая на полметра вверх. Все-таки было в ней что-то от маленькой собачки.

Когда Игорь появился метрах в десяти перед начальником, тот от неожиданности передернулся всем телом. Словно не знал, куда и зачем идет. Игорь стволом игольника поманил Королева за собой в березовую рощу, и тот, щелчком отбросив сигарету, послушно свернул с тропы.

- На прогулочку вышли? - неожиданно резко прошипел Игорь, когда над ними сомкнулась плотная зелень. - Сигаретки покуриваем?

- Здравствуй, - сказал Королев. Игорь посмотрел ему в лицо и поразился - начальник за этот день буквально превратился в старика.

- Не переживай, - криво усмехнулся Королев. - Я только что с "промывки". Через день-другой отойду. Это... - он вдруг качнулся в сторону Игоря.

- Ближе не подходите, - предупредил Игорь, поднимая оружие. - А то вас могут не правильно понять.

- А где он? - Королев обернулся.

- Где-то здесь. И у него очень плохое настроение.

- Ха! - Губы Королева снова искривились в горькой усмешке. - Вы, ребята, можно сказать, ничего и не видели...

- Мы видели, как Служба пыталась нас убить, - произнес Игорь очень спокойно. - Еще мы видели, как она укукошила вашего старого друга Песоцкого. И еще у нас есть подозрение, что мышеловку, в которой мы сидели, как последние идиоты, нам устроил некто Королев.

- Дурак, - сказал Королев устало.

- Это точно, - кивнул Игорь. - Был бы я умный, меньше бы гробов понадобилось.

Так что там на Службе? Как делишки?

- А Службы больше нет, - сказал Королев просто.

- Чего-о? - Игорь так удивился, что даже пистолет опустил.

- Во всяком случае, прежней Службы больше нет, - объяснил Королев. - Той, какой ты ее знал. Той, какой мы ее делали...

- Не понял, - сказал Игорь жестко. - Объясните. Королев вдруг уселся прямо на траву, так резко, будто у него подломились ноги.

- Извини, - пробормотал он, упираясь в землю руками и откидываясь назад. - Долбанная "промывка"... Мозги наизнанку.

Игорь осторожно сел напротив Королева и почувствовал, как совсем рядом прокатилась по земле клякса.

- Что случилось? - спросил Игорь тихо. Он больше ничего не чувствовал - ни привычной злобы на старших, ни возмущения от того, что его пытались застрелить, - ничего. Потому что он действительно сегодня легко выкрутился и был по-прежнему готов что-то делать, куда-то идти. А перед ним сидел по-настоящему сломленный человек, которому все уже было до лампочки.

- Тебе Песочкий не сказал? Ч-черт, бедный Саня... В общем, мне деталей никто не сообщал, но, как я понимаю, за последние двое суток кто-то уничтожил всю нашу европейскую агентуру. Уничтожил просто на хрен. Мелюзга-то какая-то осталась, а вот чем глубже был человек законспирирован... Даже агентов влияния повышибали всех, представляешь? Как это называется, а? Они-то при чем?

- Не знаю, - Игорь пожал плечами. - Может, они-то как раз и при чем. А вот каким боком это Спецотдел трогает?

- Игорек, - мягко сказал Королев. - Ты не понимаешь. Это же глобальная катастрофа. Весь контроль - в жопу. Мы его утратили, ясно? Сразу весь и, похоже, надолго, если не навсегда.

- Да и черт с ним, дядя Андрей. У нас с вами другие функции. Спецотдел - он сам по себе. Он не шпионские сети плетет, а защищает людей. У нас конкретная работа.

При чем здесь мы?

- Когда приходит беда достаточного размера, то хватает на всех. Помнишь, ты как-то распинался, что для любой спецслужбы характерны параноидальные тенденции?

- Ну...

- Вот тебе и ну. Как только пришел тревожный сигнал, Папа связался напрямую со мной и с Песочким и приказал вас спасти. В первую очередь - вытащить Алекса, потому что все нелегалы скорее всего раскрыты и могут быть под боем, неважно, где находятся. Папа испугался, понимаешь? Он решил, что на нас наехала махина страшнее Службы.

- Ну...

- Что ну? Так он, психолог хренов, оставил Дядю на руководстве, а сам в Кремль рванул. А у Дяди с перепугу крыша поехала. Ты б его видел... Глаза красные, сопли до полу... Загнал директорат и всех начальников отделов на оперативное совещание в бункер. Мы заходим, а кругом "внутряки" с автоматами. Он, видите ли, пятую колонну искать начал. Деваться некуда, кругом "гестаповцы", сами от страху того и гляди палить начнут. Ладно, думаю, образуется как-нибудь. А он в это время, козел, выходы из офиса перекрыл и весь "подвал Мюллера" по Службе двинул снизу вверх... И приказал: кто дернется, тот двойной агент и по нему бить на поражение. Как тебе? Нравится?

- Мы не дергались, - хмуро сказал Игорь, глядя в землю. - Мы даже

удивиться не успели.

- Это ты Алекса благодари, - ухмыльнулся Королев. - Он-то по Дядиным понятиям чистая Мата Хари. Как вы оттуда выбрались, ума не приложу.

- Песочкий грудью закрыл. Песочкий и парнишка его, забыл, как звали. Вечная память. И, кстати, Алекс. Очень грамотно себя повел. А в общем, повезло нам.

Будь их побольше и не будь они так уверены в том, что тепленькими нас возьмут...

Они и стреляли-то не прицельно, только напугать хотели. За что и поплатились, собственно.

- Ну-ну... - Королев потянул из кармана сигареты. Игорь машинально посмотрел на датчик. Ничего.

- Такие вот дела, - промычал Королев, закуривая. - Очень все глупо получилось.

Сам понимаешь, если бы я хоть какое-то представление имел о том, что происходит...

- Да ладно, - отмахнулся Игорь. - И что дальше?

- Да в общем, ничего особенного. Я не в курсе, что там Дядя "внутрикам" своим наговорил, но запугал он их основательно. Так что у них теперь в активе убитых полтора десятка и раненых человек тридцать.

- Не может быть! - выпалил Игорь.

- Может, Игорек. Запросто.

- Да не может быть такого! - воскликнул Игорь в полный голос.

- Ты не ори, конспиратор.

- Они же не сумасшедшие... - пробормотал Игорь, сбавляя тон. - Они же профессионалы. Всю жизнь только и делают, что вооруженным людям руки выкручивают. Зачем убивать-то?

- Ты Дядю и не знал вовсе, - сказал Королев с невообразимой тоской в голосе. - А знаешь, откуда этот его интерес к легендам Службы, к тайным операциям конца прошлого века? Психотроника, Охотники Ларина и все такое? И Волков-экстрасенс, между прочим?

- Он чего-то очень боялся... - предположил Игорь.

- Вот именно, - кивнул угрюмо Королев. - Мой корешок Паша Богданов больше всего на свете боялся зомби.

- Чего же их бояться, если их больше не делают? - искренне удивился Игорь.

- А он подозревал, что делают. И мечтал научиться этому сам. Потому что жестко зомбированный агент - это мечта любой спецслужбы. Все наше программирование, вся эта психологическая херня и прочая нейролингвистика - детский сад по сравнению с тем, что могла сотворить с человеком психотроника. Я слышал, что операторы психотронных установок могли в момент опасности трансформировать свое тело.

Чудовищная сила, очень твердые кожные покровы, жуткие зубищи, когти, все такое прочее... И вперед - на прорыв. Положим, мы с тобой в это не очень верим, правда? Но у нас ведь нет той информации, которую Дядя, подлец такой, много лет секретил и на себя тянул. А он в этой информации просто по уши увяз...

- Сумасшедший, - подытожил Игорь.

- Конечно. Ты думаешь, все эти сентиментальные бредни о хорошем парне Волкове, который нас бросил, они у него от чистого сердца шли? Ему Волков нужен был, чтобы его препарировать и наплодить по его образу и подобию десятков-другой форсированных сенсов. И этот чертов Объект в этом

страном Каледине... Это же его мечта была, Игорь, неужели ты не догадался? Готовенькие психотронные генераторы.

Которыми хочешь - геморрой лечи во вселенском масштабе, а хочешь - солдатиков штампуй...

- Я не мог догадаться, - помотал головой Игорь. - Это просто невозможно. Он же всегда был для меня не кто-нибудь, а первый зам директора Службы. У него же гражданская ответственность такая...

- А гражданская ответственность у Пашки всегда была на высоте, - усмехнулся Королев. - Все для блага Родины. Бумажку украсть, человечка убить... Я ему так и сказал однажды - плохо ты кончишь, Павел. Грязными руками порядок на планете не наводят. И все, привет горячий. Как и не было трогательной мужской дружбы. Мы с ним последние лет двадцать только для виду целовались, а на самом деле он меня на дух не переносил.

- Никогда мне ваше поколение не нравилось, - ввернул Игорь.

- На себя посмотри. И, в общем, я оказался прав. Хреново кончил мой дружок.

Потому что когда действительно грянула беда, у Дяди все в башке перемешалось - его страх перед зомби, призрак Волкова, калединские генераторы. И бредовая идея, что на Службе есть "двойняшки". И пошла писать губерния...

- Из наших никто не пострадал? - спросил Игорь.

- Мишке Лаврову зуб выбили. Сенсю, бедняге, руку сломали. А постреляли в основном оперативников, ты их не знаешь. У них у всех реакция слишком хорошая оказалась. Ужас какой-то. Понимаешь, Игорек, я вот сейчас после "промывки" вроде как под мухой, и поэтому мне так легко обо всем рассказывать. А на самом деле - кошмар, что творилось.

- Догадываюсь. И что дальше?

- А дальше Папа вернулся, что дальше...

- И Дядя тут же поскакал его арестовывать? - невесело предположил Игорь.

- Экий ты догадливый. Точно. Но он уже так распоясался, что пошел на это дело в одиночку. Не знаю, какой уж там у них был разговор, но вышел Дядя из "рейхсканцелярии" ногами вперед и весь в мелкую дырочку. Вот такие, брат, дела.

- А Папа?

- А Папа в бункер спустился, на нас поглядел и сказал, что, по идее, Дядя все сделал правильно, только негодными методами. Давайте, говорит, сукины дети, в очередь, и всех - на "промывку". И между прочим, кое-кто с "промывки" не вернулся...

- Бред, - сказал Игорь. - Как во сне.

- Накрылась Служба медным тазом, - вздохнул Королев. - Такая вроде была система непоколебимая, да? - Он вдруг заглянул Игорю в глаза, будто ища подтверждения.

- Колосс на глиняных ногах, - фыркнул Игорь и отвернулся. - Нас толкнули, а мы и посыпались.

- Нас очень сильно толкнули. Нас кто-то капитально сдал.

- Но ведь Спецотдел останется? - спросил Игорь осторожно. - Мне плевать на глобальную политику, но Спецотдел... Он же объективно нужен людям.

- Я не знаю, - честно сказал Королев. - Теперь я уже ничего не знаю. Но Каледин все еще под колпаком, и наши оттуда не вернулись. Может быть, Спецотдел и прикроют, но Каледин мы должны откупорить. Так что вы,

ребята, поедете к Волкову.

Игорь вздохнул, сунул пистолет за пояс, протянул руку, и в его ладонь из травы прыгнула клякса.

- А я думаю, что шуршит, - пробормотал Королев, с интересом вглядываясь в сгусток теплой черноты.

- Хотите поддержать? - спросил Игорь. - Тонизирует. Я ей скажу, что вы свой.

- Меня сейчас тонизируют сутки крепкого сна. Только вот спать мне от силы часов пять. А поддержать очень хочется, но лучше в следующий раз.

- Наше дело предложить, - Игорь опустил кляксу во внутренний карман. - Значит, в Швейцарию... Никогда там не был. И не хочется.

- А тебе никуда не хочется. Тебе хочется головой в холодильник, и чтоб на каждой полке - выпить и закусить. Вот ты сделай дело и выпивай потом сколько влезет.

- Хорошо, - послушно кивнул Игорь. - Куда нам теперь? Обратно в Москву? На самолет?

- Никоим образом. Ты что! А Вестгейт? За ним же охота до сих пор! Хрен тебе, а не самолет. Пойдете ножками через границу, как нормальные шпионы.

- Да кто он вообще такой, этот Вестгейт?! - взвился Игорь. - Одни неприятности от этого родственничка!

- Он дипломатический советник, причем по молодости лет невысокого ранга, - хмыкнул Королев. - Ездит туда-сюда, готовит почву для межправительственных переговоров. И хорошо готовит, как я понимаю По-нашему. Засирает там кому надо мозги на благо России-матери.

- И почему на нем свет клином сошелся?! - удивился Игорь. - Мелкая сошка...

- У Папы, как ни странно, есть версия, - усмехнулся Королев, и Игорь заметил, что начальник слегка оживился. - Все он знает, наш Папуля. Судя по всему, твой смазливый братец не ту бабу трахнул. Отодрал, сам того не зная, нашего человека.

А за ней через пять минут пришли. И когда она на допросе скопытилась, ниточку потянули...

- Бред! - заявил Игорь и вдруг осекся.

- Что такое? - поинтересовался Королев.

- Вы понимаете... А, ч-черт! Когда пришла от вас команда сидеть тихо и не отвечать, я тут же, как положено по инструкции, все в квартире обесточил и включил свой датчик. И буквально через минуту кто-то легонько пощупал окно...

Кто-то, мягко говоря, несведущий в нашей московской жизни. Но наглый, гад, и самоуверенный. Так что вы правы. Не знаю, кого там мой братец поймел, но то, что он под смертью ходит, это факт.

- Факт, - согласился Королев. - тем более что я тебе еще одну вещь забыл сказать. Дядя ведь неспроста так раздухарился. Пана меня удостоил короткой аудиенции после "промывки". В порядке компенсации, так сказать, за причиненное расстройство и Мишкин зуб.

- И?..

- И в Москве помимо Вестгейта было еще трое заграничных нелегалов. Двоих прямо с утра кто-то прихлопнул. Не скрываясь, из огнестрельного.

- Елки-палки, - произнес Игорь с выражением. - А ведь это нарочно. Психическая атака.

- Разумеется. Но такого, что Дядя отмочил... На это они все-таки не

рассчитывали, я полагаю. Уж больно круто. Устроил он врагу подарочек.

- Кто он может быть, этот враг? Хоть какая-то версия есть?

- Похоже на объединенные силы нескольких стран. Не может ведь быть такого, чтобы мы проморгали чужую Службу.

- Допрыгались... - Игорь сокрушенно помотал головой. - Я всегда говорил, что эта fucking "русская культурная экспансия" выйдет нам боком. Напугали дураков, а они по нам из тяжелых орудий...

- Ас чего ты взял, что "русская экспансия" - это наш проект?

- А кто еще, кроме Службы, мог развернуть такую акцию?

- Я думаю, Игорек, что ты ошибаешься. Это просто модное течение. Сейчас ведь такой дефицит позитивных идей... Впрочем, не знаю. Ладно, родной, мне пора.

Давай о деле.

- Давайте.

- Телефон ты выбросил, конечно...

- Ни в коем случае.

- Что?! - встrepенулся Королев. Он даже привстал от удивления. - А как же ты...

Там же маяк внутри! Как же ты из дома-то выбрался?!

- У меня телефон с браком. Его можно подручными средствами разобрать и отключить батарею. Так что не беспокойтесь. А из дома я вышел сначала через вентиляцию, а потом через канализацию. Так что, я телефон могу включить?

- Ну ты даешь! - выдохнул Королев. - Ты меня чуть не убил просто с этим телефоном!

- Так я же живой, что вы испугались, дядя Андрей, ей-богу! Вот он я, ничего со мной такого, разве что контузило слегка, но все уже прошло.

- Контузии даром не проходят, - нахмурился Королев. - И у тебя был энергетический шок всего лишь два дня назад. Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь?

- Алек без меня никуда не поедет, - упредил возможные предложения Игорь. - А чувствую я себя нормально. Меня клякса лечит. Все в порядке, дядя Андрей, давайте не будем, ладно?

Королев шумно почесал затылок.

- Ладно, - сказал он. - Телефон включай. Потом мне покажешь, какой он у тебя.

Это точно брак? Нельзя другой так же сломать?

- Фигушки! - рассмеялся Игорь. - Не дождетесь. Это точно брак.

- А жаль. Да, из розыска вас отозвали, ничего не бойтесь...

- Надо будет потом одного мента отблагодарить, - вставил Игорь. - Из дорожной инспекции. Если бы не он, я бы сюда без боя не добрался.

- ...А ты бате моему бутылку поставишь, - поднял указательный палец Королев. - И не меньше, чем "Чивас Ригал".

- Святое дело.

- Договорились. Значит, так. Садитесь вы, ребята, прямо сейчас в машину и дуйте к финской границе...

- У вас тоже с географией туго? - перебил Игорь. - Почему именно к финской?

Вообще Цюрих отсюда в какую сторону?

Несколько секунд Королев ошарашено моргал.

- По-моему, ты ничего еще не понял, - сказал он наконец. - Нам сейчас выбирать не приходится. Вы пойдете той дорогой, которая осталась. Там,

где наших людей еще не поубивали. Ясно?

- А-а... - протянул Игорь. - Ну да, конечно. Виноват.

- И не вздумай с проводниками болтать лишнего. Они совершенно не в курсе, на кого именно работают. Поэтому и живы до сих пор. Так что веди себя тихо и скромно.

- А вот в Африку меня забрасывали как белого человека, - ввернул Игорь.

- В Африке такой плотной ПВО нет, - отрезал Королев. - А здесь придется договариваться. То есть фактически расписаться в том, что летят русские шпионы.

В нынешнем контексте это будет весело. Очень хочешь пулю в голову за сексуальные подвиги твоего родственника?

- Кастрирую гада, - прорычал Игорь почти всерьез.

- Значит, там есть такой хуторок, дом лесничего, - Королев назвал Игорю координаты, Игорь повторил. - Зовут лесничего Максаков Олег Петрович. Весьма колоритная персона, с очень богатым прошлым. Кстати, по нашему профилю. Тебе понравится. Будь там с собаками повежливей.

- Не понял? - насторожился Игорь. - С собаками?..

- Ты ему скажешь: "Здравствуйте, Мэдмэкс. В Школе аварийная схема три шестерки".

А он тебе ответит: "Все лучше, чем три ноля".

- Не понял... - повторил Игорь, не веря.

- Ты пароль запомнил, Фома неверующий?

- Да, - Игорь слово в слово назвал пароль и отзыв. - Просто что-то многовато впечатлений для одного дня. Слушайте, это какая еще Школа? Вы хотите сказать, что ваш лесник...

- Да, Игорек. Это один из Охотников. Настоящий охотник на зомби, причем даже старший мобильной группы, по-моему. Живая легенда. Психопат, разумеется, тот еще. Но ты ему понравишься. У тебя очень много общих черт с его покойным командиром. Только не возомни себя Мастером собак и не вздумай целоваться с его овчарками. Псы красивые, ничего не скажешь, но общение с ними чревато протезированием.

- Хорошо, Надо же... Ну и прозвище у мужика. Безумный Мэкс... По-моему, кино такое было... Слушайте, а можно мне с ним небольшое интервью сострелять? Так, для общего развития.

- У тебя, может, и получится. Не знаю, смотри по обстановке. Вот, а дальше вы пойдете по цепочке. Мэкс передаст вас финнам, а те уже разберутся, куда потом. С момента, как приедешь к Мэксу, отзванивай мне каждые два часа. И учти, дело принимает такой оборот, что связь у нас будет, а вот реальной поддержки не жди.

Как только выходите за рубеж, мы вас теряем. Рассчитывай только на себя, на свою голову и силы.

- Документы нам финны дадут?

- Не успеют, наверное. Но в Швейцарию вы войдете уже с документами, с хорошим гримом и с нормальной легендой. Все будет о'кей. Главное, не дергайтесь. Этим коридором обычно пользуется наша Безопасность по соглашению с финнами и Интерполом, так что никаких проблем быть не должно.

- Надеюсь... - вздохнул Игорь. Королев с трудом поднялся на ноги. Игорь тоже встал. Королев молча смотрел Игорю в грудь и о чем-то думал.

- Ты понимаешь, как это опасно - в смысле, теперь? - спросил наконец Королев.

- Главная опасность - там, на месте, - глухо ответил Игорь.

- Не думаю, - пробормотал Королев задумчиво.

- Он может оказаться совсем не таким, каким вы его помните. И совсем не таким, каким его воображают аналитики Службы. О чем он говорил с бывшим Папой? Почему он сбежал? Мы ведь можем только догадываться. Что с ним стало за эти годы? И вообще, что из себя представляет человек, который убивает взглядом? Он вообще человек?

- Будем надеяться, что он все еще человек, - сказал Королев, глядя Игорю прямо в глаза. Большие глаза, которые в темноте, казалось, горели холодным огнем. Игорь просто смотрел. И молчал. И ждал чего-то.

- Ты вот что, - выдавил Королев сквозь комок в горле. - Ты, главное, вернись.

- Вы тоже его боитесь, - прошептал Игорь. - Ну... Значит, я не один.

- Ты не один, - улыбнулся Королев. - Ладно, забирай братца, садись в машину, включай мигалку, и чтоб педаль до пола. Прикрытие уже связалось с ментами, они тебя пропустят.

- Нет у меня мигалки, Андрей Николаевич. Это другая машина. Ладно, у приятеля своего одолжу.

- Удачи, - Королев пожал Игорю руку, вышел на тропинку и тяжело потащился в сторону поселка. Ноги он переставлял с таким откровенным усилием, что Игорь только вздохнул и поморщился. Отвернувшись, он посмотрел в ту сторону, где скрывался Вестгейт, и звонко щелкнул языком. В ночной тишине сигнал был отлично слышен, но Вестгейт не отозвался.

- Кретин... - пробормотал Игорь и полез по склону холма вверх.

Вестгейт лежал в кустах навзничь, игольник его валялся рядом. Дипломатический советник внаглую спал на боевом посту. Игорь устало остановился над телом брата, упер руки в бока и задумался, какая тут нужна воспитательная мера. Не придумав ничего путного и ощущая себя после беседы с Королевым совершенно разбитым, Игорь сел и пригорюнился. Он вдруг понял, что винить родственника грех - на долю Вестгейта сегодня выпало слишком много переживаний. Более того, он держался вполне достойно, и Игорь был ему по гроб жизни обязан. Придя к такому выводу, Игорь осторожно, почти ласково тронул брата за плечо.

Вестгейт не реагировал. Игорь тряхнул его сильнее, но брат лежал неподвижно, как загипнотизированный, и сопел в две дырочки.

Сначала Игорь разозлился. Потом забеспокоился. Встряхнул брата уже основательно, потом легонько ударил под дых. Вестгейт что-то буркнул и перевернулся на бок.

И тут Игорь рассмеялся. Сначала тихонько, а потом все громче и громче, в полный голос. Он хохотал и никак не мог остановиться. Из глаз у него потекли слезы, и он, давась от неудержимого смеха, принялся утирать их рукавом.

- Что случилось... - сонно пробормотали слева. - Что случилось, а?

- Да так, ерунда... - с трудом выдавил Игорь. - Ничего.

- Где мы?! - Вестгейт резко сел, вид у него был напуганный. - Что с тобой?!

- Мы, братишка, на исторической родине! - профыркал Игорь. - А со мной... ха-ха-ха! - настоящая истерика!!!

ГЛАВА 11

ЧЕТВЕРТОЕ-ПЯТОЕ ИЮНЯ, НОЧЬ

Завывая двигателем и хрюкая антиблокировочной системой тормозов, машина встала как вкопанная на ярко освещенной площадке у поста дорожной инспекции.

- Вы что, сударь, обезумели? - поинтересовался молодой сержант, которого Игорь едва не задавил.

- Капитан Бойко, линейный контроль МВД! - представился Игорь, выпрыгивая из машины. Он был без куртки, и при виде его увешанного амуницией торса сержант просто остолбенел.

- Где Морозов?! - рявкнул Игорь, упирая руки в бока. - Спит на работе, зараза?!

А ну, ко мне его! Прыжками!

- Вы... это... - пробормотал сержант, боком отползая к посту. - Есть! Сейчас, господин капитан. Будет сделано, - и тут глаза у него полезли на лоб. Не было сомнений, что он Игоря опознал.

- Давай-давай! - махнул рукой Игорь. Сержант, окончательно смутившись, исчез в здании поста.

- Не мог я заснуть, - вяло сообщил из машины Вестгейт. - Не мог, понимаешь?

Что-то здесь не то.

Игорь подошел к машине, присел на корточки у правой двери, положил руки на кромку окна, пристроил на них подбородок и посмотрел на Вестгейта в упор.

Спокойно и даже ласково посмотрел.

- Ты просто устал, братишка, - сказал он. - Стресс, перегрузка. Бывает.

- Так - не бывает, - отрезал Вестгейт.

- Не было вокруг тебя никаких следов. Никто к тебе не мог подойти.

- Да ты их просто затоптал, вот и не было следов!

- Ты пойми, брат, все уже кончилось. Служба нас больше не тронет. А если б к тебе подобрался враг, мы бы сейчас не разговаривали.

Вестгейт с усилием потер ладонью глаза.

- Не знаю... Понимаешь, я сидел и смотрел на вас. А потом я вдруг оказался на спине, а рядом ты сидишь и хохочешь. Сразу, без перехода.

- Слушай, Алекс, я готов поверить, что к тебе кто-то подкрался и тебя усыпил. Но зачем?! А?

Вестгейт состроил печальную гримасу.

- Черт его знает, - признался он. - Это я со стыда, наверное. Оправдаться пытаюсь.

- А ты не оправдывайся, - Игорь протянул руку и легонько потрогал брата за плечо. - Ничего страшного не произошло. А подвигов ты уже совершил более чем достаточно. Хватит, отдыхай. Сейчас мы с ветерком прокатимся, а ты откидывай сиденье и дрыхни. Часов пять я тебе гарантирую.

- Спасибо, - пробормотал Вестгейт. - Я, наверное, действительно устал.

По ступеням поста загрохотали сапоги.

- Спите, Морозов! - крикнул Игорь весело. - Как не стыдно!

- Ну чего ты орешь? - проворчал заспанный Клепа. - Подчиненных моих запугал, чучело. Что еще за линейный контроль МВД?

- Тебе документы показать? - прищурился Игорь.

- Да пошел ты... Ну что, как я понимаю, все по-твоему получилось?

- Крути дырки в погонах, старик. Через недельку, максимум через две. Заслужил.

Клепа недоверчиво хмыкнул, но все-таки расплылся в улыбке.

- А пока что, дружище, одолжи мигалку. Красную, - попросил Игорь.

- Да где ж я ее тебе возьму? - изумился Клепа. - И именно красную? Что у меня тут, магазин? Или тебе с патрульной машины оторвать?

- Клепа, не нервируй меня, - посоветовал Игорь.

- А ты отдашь? - спросил Клепа недоверчиво.

- Отдаст, не беспокойтесь, - пообещал из машины Вестгейт. - Я прослежу. Лично.

- Это Алекс, - объяснил Игорь. - У меня, видишь ли, объявился старший брат. Так что теперь есть кому за мной присматривать, - эти слова Игорь произнес с абсолютно серьезной интонацией.

- Здравствуйте, - сказал Клепа с непонятым благоговением, чуть приседая, чтобы оказаться на одном уровне с откинувшимся на сиденье Вестгейтом. Дипломатический советник благожелательно кивнул маленькому старлею, и тот смущенно улыбнулся.

Судя по всему, Вестгейт каким-то непонятым образом с ходу произвел на него впечатление, потому что Клепа обернулся и поманил к себе державшегося на почтительном отдалении сержанта.

- Маячок принеси! - скомандовал Клепа. - В столе у меня, в правой тумбе.

- Есть! - Сержант затрусил к посту.

- Только красный! - крикнул старлей ему вдогонку. - Красный возьми, не синий!

- А ты говорил, что у тебя не магазин, - упрекнул Клепу Игорь.

- Всем давать - давалка сломается, - ухмыльнулся Клепа. - Слушай, только маяк у меня без штекера, просто два конца...

- Даже штекер пропил, - объяснил Игорь Вестгейту. - Скоро и автомат пропьет.

- Жизнь тяжелая, - пожаловался Клепа.

- Ладно, прощаю, - вздохнул Игорь. Он по пояс нырнул в раскрытое окно, покопался в "бардачке" и вытащил переходник под гнездо прикуривателя с обрывком провода и моток изоляционной ленты.

Сержант принес красный проблесковый маячок с магнитной присоской. Игорь срастил провода, воткнул штекер в гнездо и щелкнул переключателем. Маячок заработал.

Игорь прилепил его на крышу машины.

- Ну, мы понеслись, - Игорь пожал Клепе руку. - Теперь молись, чтобы я вернулся.

- Первый тост за твое здоровье. Алекс, приятно было познакомиться. Счастливо вам, господа.

- До свидания, - царственным тоном произнес Вестгейт. Игорь уселся за руль, помахал Клепе и сержанту, завел двигатель и дал по газам.

Клепа проводил взглядом растворившийся в темноте автомобиль и подошел к сержанту.

- Вот жизнь у людей, - сообщил он, борясь с зевотой. - Вот это жизнь. Не то, что у нас - не жизнь, а просто нежизнь. Н-да...

- Угу, - кивнул сержант глубокомысленно.

- Ну ты давай, неси службу, - Клепа одобрительно хлопнул сержанта по плечу и отправился досыпать.

- Господин старший лейтенант! - позвал сержант. - Простите... А кто

это был-то?

- Это? - переспросил Клепа со ступеней, обернувшись. - А, ну, понимаешь... Как бы тебе объяснить... В общем, это был капитан Бойко. Из линейного контроля МВД.

Заезжал меня поздравить с присвоением очередного звания. Ха-ха.

***

Питерскую трассу Игорь знал хорошо. Разогнав машину до ста восьмидесяти и молясь, чтобы это склепанное в пиратской мастерской чудо не развалилось, он включил потихоньку музыку и пошел наматывать на спидометр километр за километром.

Вестгейту не спалось. Он уютно откинулся в кресле и искоса наблюдал за братом.

Тот сидел в небрежной позе опытного драйвера и выглядел абсолютно довольным жизнью. Неясный свет приборной доски и отблески мигалки причудливо окрасили его спокойное расслабленное лицо. И лишь по тому, как иногда по щеке Игоря пробегала легкая дрожь, можно было понять, что вести машину по российской дороге на такой скорости - не самое большое удовольствие.

Несколько милицейских постов они проскочили, не сбавляя хода. Под Тверью им помахали с обочины полосатым светящимся жезлом, но Игорь только хмыкнул.

- А если погонятся? - спросил Вестгейт.

- Им же хуже, - отозвался Игорь. - Угробятся, да еще и сами виноваты окажутся.

Им дали команду - пропустить до Питера гражданскую машину с красным маяком. Если до кого-то эта информация не дошла, мы тут ни при чем.

Вестгейт достал из "бардачка" сигареты.

- Какая ужасная дорога, - проворчал он.

- Здесь тебе, брат...

- Да хватит! Понял уже, что не Англия. Что ты меня...

- Извини. В России иностранцев не любят. Слишком вы хорошо живете для того, чтобы вас любить.

- Разве? - саркастически удивился Вестгейт. - Странно. А вся Европа убеждена, что в России просто рай земной.

- Конечно, рай, - на полном серьезе кивнул Игорь. - А Москва - лучший город Земли.

- Ты много бывал за рубежом?

- Считаю, вообще не был. По работе - да, выезжал пару раз, но разглядеть толком ничего не успел. А отдыхаю я здесь неподалеку, в самой что ни на есть глуши. Там даже имеется единственная в районе не асфальтированная дорога. Вот уж я по ней катаюсь - любо-дорого смотреть! Даже в канаву улетел однажды от полноты чувств.

Золотые места, цивилизацией не тронутые. Корабельные сосны, большие спокойные озера... Красотища.

- Н-да... - неопределенно протянул Вестгейт.

- Волков там дом купил тридцать лет назад, - сказал Игорь и надолго замолчал. И Вестгейт не стал его спрашивать.

Так, в молчании, они проскочили еще один пост. В кирпичной будке откровенно спали, и Игорь удовлетворенно кивнул. Он опасался, что в ментовской системе передачи информации что-нибудь заест, и рано или

поздно вооруженные люди в форме попробуют его остановить. А теперь восемьдесят километров до следующего поста можно было ни о чем не беспокоиться.

Но именно посередине этого участка на "хвосте" у Игоря соткался из воздуха милицейский перехватчик.

Настигающий свет фар в зеркале мгновенно Игоря насторожил. Потом за пазухой встревожено заворочалась клякса. А когда на крыше идущей на обгон машины вспыхнули мигалки, сомнений не осталось никаких.

- Ну? - спросил Вестгейт преувеличенно спокойным тоном.

Игорь отстегнул от пояса телефон.

- Два-пять-семь, к обочине! - раздался снаружи трубный глас.

Игорь поддал газу и легко ушел вперед.

- Дежурный, я Боец! - сказал он в трубку. - Что? А ты кто такой?

А-а... Здорово.

Ну, как делишки?

- Два-пять-семь, к обочине! - надрывались сзади. - Нет, еще далеко, - говорил Игорь. - Не успею. Да ты что! Я тебе говорю, настоящий! С мигалками, с матюгальником, со всеми делами.

- Два-пять-семь, буду стрелять! - орал преследователь.

- Вот, уже стрелять пообещал, - сообщил Игорь в трубку. Он еще чуть-чуть прибавил газу, и огни снова отстали. - А чего ты от меня хочешь? Конечно. Ладно, разбирайся. Только сначала давай мне санкцию и тут же зафиксируй, что разрешил.

Так. Есть. Понял вас. К черту. Пока.

Игорь убрал трубку. Вестгейт, который уже догадался, что сейчас будет, потянул из-за пазухи игольник - Оторваться бы... - пробормотал Игорь с горечью, - а не выйдет. У них максимальная немного за двести, и у меня тоже. Хотя по такой поганой дороге что двести, что пятьсот... Эх... - он сунул руку в карман и достал кляксу. Вестгейт этого не заметил, он смотрел в бинокль назад.

- Кажется, четверо в салоне. Эй! Стекло опускается! - сказал он встревожено. - Ствол! Вижу ствол! Что делать?!

- А ничего, - процедил Игорь, включая указатель поворота и убирая ногу с педали газа. Не выпуская из руки кляксу, он ткнул пальцем одну из кнопок на консоли между сиденьями, и стекло в его двери поехало вниз.

- Выходить с поднятыми руками! - приказал громкоговоритель.

- Щас, - кивнул Игорь, криво усмехаясь. Правой рукой он крепко прижал кляксу к щеке. Машина, сбавляя понемногу скорость, плавно смещалась к обочине.

- Алекс, - сказал Игорь напряженным голосом. - Только не дергайся, ладно? И оружие спрячь. Вестгейт послушно убрал игольник.

- Умница, - проворковал Игорь. - Умница, - и Вестгейт сообразил, что Игорь говорит это кляксе. У Вестгейта все сжалось внутри. Он понятия не имел, что Игорь задумал, но он уже видел однажды, как тот собирается кляксу использовать в бою. При этом вид у Игоря был такой, будто у него в руке как минимум баллистическая ракета.

Машина уже едва ползла - во всяком случае, по сравнению с недавней гонкой это была не скорость. Преследователь, залитый огнями, как новогодняя елка, заходил слева. Игорь выжал сцепление и, зацепив двумя пальцами рычаг, переключился.

Вестгейт приготовился к рывку. Ему было очень страшно, но он усилием воли заставлял себя верить брату.

- Давай тормози! - рывкнул преследователь.

- Да нет проблем! - неожиданно звонко сказал Игорь. И легким движением небрежно выбросил кляксу за окно. И нажал на газ.

- Сейчас я тебя заторможу! - рывкнул он, бросая машину на встречную полосу.

Вестгейта только пристегнутый ремень спас от удара головой о стекло. Он обернулся, но увидеть самого интересного не успел. Зато услышал. Сквозь рев мотора и оглушительный хохот Игоря до него донесся сзади яростный визг резины.

Короткая автоматная очередь. И жуткий нечеловеческий вопль.

Так же резко, как и разгонялся, Игорь остановил машину, и Вестгейта бросило вперед. А когда ремень толкнул его обратно на сиденье и Вестгейт смог наконец-то сфокусировать взгляд, первым делом он посмотрел на Игоря. И увидел, что по виску брата градом катится пот.

Игорь трясущимися пальцами шарил по магнитоле, которая, оказывается, все это время продолжала играть. Наконец Игорю надоело бороться со своими руками, он что-то недовольно проворчал и, зацепив самую удобную кнопку, отстегнул съемную панель. По ушам врезала плотная и вязкая тишина.

Вестгейт нашел под ногами бинокль, посмотрел назад и обомлел. Перехватчик стоял на осевой линии, но почему-то задом наперед, к Москве носом. Его маячки по-прежнему бодро мигали. Бинокль из-за них почти ослеп в ночном режиме, но можно было разглядеть, как в салоне просвечивают зеленым четыре неподвижных тела.

Игорь пинком распахнул дверь и с видимым трудом полез из машины наружу.

Потрясенный нереальностью случившегося Вестгейт, не зная, как себя вести дальше, сидел и ждал развития событий.

Игорь протянул вперед раскрытую ладонь. И в красных призрачных сполохах Вестгейт увидел, как откуда-то из воздуха в эту ладонь прыгнул маленький черный мячик.

"Клякса вернулась", - догадался Вестгейт и невольно вздрогнул. А Игорь взял своего черного друга в обе руки, крепко прижал к груди и как-то весь съежился, опустив подбородок и плечи, словно хотел свернуться вокруг кляксы, закрыв ее своим телом от окружающего мира. Вестгейт почувствовал, что между Игорем и кляксой сейчас происходит что-то очень личное и интимное, касающееся только их двоих, и в легком смущении отвернулся.

Прошло, наверное, около минуты, прежде чем снаружи почувствовалось движение и голос Игоря произнес:

- Алекс, будь другом, там под сиденьем должны быть перчатки. Где-то под тобой...

Вестгейт сунул руку под сиденье, но там было пусто. А вот правый сапог явно стоял на мягком. Вестгейт поднял ногу и отодрал от подошвы сморщенную кожаную перчатку. Нагнулся и нащупал под ногами средних размеров гаечный ключ, смятую пачку из-под сигарет, отвертку, кусок электрического шнура, замазанную тряпку и, наконец, еще одну перчатку.

- Спасибо, - Игорь принял у Вестгейта перчатки и, безразлично держа их двумя пальцами, двинулся к безжизненной машине преследователей. Вестгейт опять схватился за бинокль. Прежде чем заглянуть в окуляры, он посмотрел вслед брату и увидел, что того на ходу основательно шатает. Вестгейт недовольно поморщился.

Дай ему волю, он бы сейчас без промедления отправил Игоря на заднее сиденье и приказал ему спать. Но Игорь все еще считался в их тандеме ведущим, эту его роль никто не отменял. Кроме того, Вестгейт понятия не имел, что теперь делать, а Игорь действовал, кажется, вполне уверенно. Вот он подошел к чужой машине вплотную, вот осторожно приоткрыл дверцу. Внимательно смотрит внутрь. Отстегнул от пояса телефон, одной рукой набрал вызов, что-то говорит в трубку. Кивает.

Убирает телефон, снова нагибается внутрь салона, что-то там делает, выпрямляется, отходит от машины...

- Oh, shit! - Вестгейт уронил бинокль и сжался в комок.

Бац! Бац! Бац! Короткое тьяканье автомата, треск рассыпающихся стекол, характерный звон гильз по асфальту... Вестгейт, бормоча английские слова, заткнул пальцами уши и согнулся на сиденье в три погибели, готовый узлом завязаться, провалиться внутрь себя, но только не слышать опять, как пули с чмоканьем целуют теплую плоть. Но, даже закрыв глаза, Вестгейт отчетливо видел, как его брат, а скорее - чудовище, которое все почему-то считают его братом, жмет на спуск и хищно облизывается.

Вестгейт громко застонал и вдруг почувствовал, что лицо у него мокрое. И понял, что плачет, задыхаясь и подвывая, скатываясь в такую истерику, какой с ним не бывало еще, похоже, никогда. Все безумное напряжение прошедших дней нашло выход в этой звериной вспышке эмоций, и Вестгейт неожиданно ощутил почти физически, как ему становится легче, еще легче, еще...

Когда по дороге зацокали, приближаясь, знакомые каблуки, Вестгейт был уже в порядке. Он сидел и, глядя в потолок, курил, с наслаждением выпуская огромные клубы дыма.

Игорь открыл заднюю дверь и скорее упал, чем сел в машину. Вестгейт слышал, как он стаскивает перчатки и швыряет их под ноги. Потом Игорь со стоном и хрустом потянулся, захлопнул дверцу и сказал абсолютно спокойным голосом:

- Ты не мог бы сесть за руль? А то я что-то малость не в себе.

Похоже, хватит с меня на сегодня.

Вестгейт, не говоря ни слова, перебрался влево, закрыл дверь водителя и завел мотор.

- Только не разгоняйся, - попросил Игорь. - Держи где-нибудь около сотни. И минут через двадцать нам пойдет колонна навстречу, ты не удивляйся.

Вестгейт кивнул, по-прежнему молча, и осторожно тронул машину с места.

- Четверо в гражданской одежде, - тихо сказал Игорь, так тихо, что Вестгейт едва расслышал. - Никаких документов. Молодые парни, наши ровесники. Ты что-нибудь понимаешь, а, брат?

- Зачем ты это сделал?! - вырвалось у Вестгейта.

- Трое были мертвы, один в коме. Уверяю тебя, он бы никогда не проснулся. А клякса... Понимаешь, я должен был это сделать. Она нас выручила, а я - ее. Если кто-то узнает, что она действительно живая, разумная - ей конец. Я когда думаю о второй, о той, которую убили...

- Как это - убили? - переспросил Вестгейт.

- Понимаешь... - Игорь повозился, устраиваясь поудобнее. - Я же говорил, их было две. Одна слабенькая, она даже не шевелилась. И ее я отдал. А вот эта... Она подкатилась ко мне и потерлась о мою ногу, как

щенок. Несчастный маленький одинокий щенок. И я сразу почувствовал, что отдать ее ученым на вивисекцию будет хуже убийства. Я тогда был в шоке, плохо соображал, действовал скорее инстинктивно... И спрятал ее за пазуху. И, пока мы ехали домой, слушал, как она со мной разговаривает. Не словами, конечно. Но она говорила. Она была счастлива, понимаешь? Впервые здесь, в нашем мире, она встретила человека, который мог относиться к ней как друг. Естественно, я не смог ее отдать. Это случилось два года назад. С тех пор мы вместе... Вот, На Службе знают, что она у меня. Но до них не доходит, что та клякса, которую они сдуру угробили, и моя приятельница - совершенно разные существа. И я им не дам этого узнать. Когда нынешний кризис рассосется... Хотя не знаю. Может быть, вместе с кризисом рассосется и Служба.

- А откуда ты знаешь, что вторая э-э... мертва?

- А мне эта сказала, - Игорь машинально прижал руку к груди, к тому месту, где во внутреннем кармане отдыхал, набираясь сил, теплый черный комочек. - Буквально три дня назад. Я пришел со Службы и увидел, что она страшно расстроена.

Спрашиваю, в чем дело, а она... Черт, извини, я так говорю, как будто она действительно словами изъясняется. В общем, ту, другую, сунули под какое-то жесткое излучение, и она распалась. Я думаю - ну все, конец, завтра ко мне Королев подойдет, и как выкручиваться, совершенно непонятно. Но Королев не подошел. Я теперь понимаю, что кризис тогда уже начался, и им было не до кляксы, им важнее всего было не вывести меня из равновесия. И слава богу. Потому что тогда все могло обернуться как-нибудь нехорошо. А теперь я ее просто не отдам.

Не отдам, и все. Правда? - спросил Игорь, и Вестгейт понял, что он сейчас обращается к кляксе. - Правда. И катитесь вы все, господа хорошие, к чертовой матери...

Вестгейт закурил и в раздумье забарабанил пальцами по мягкому ободу руля.

- Слушай... - он подумал секунду и решился сказать о главном, о том, что еще не было сказано и чего, судя по всему, Игорь опасался не меньше, чем он сам.

- Слушай, - повторил Вестгейт уже увереннее. - Ты понимаешь, что там, в машине, были не те, кто якобы гоняется за мной?

- Разумеется, - ответил Игорь совершенно без выражения.

- Ты можешь предположить, что это значит?

- Могу. Но ты мне не поверишь.

- То есть?

- Ставлю десять против одного, что, когда мы приедем к Мэксу, нам снова пошекочут нервы.

- И что? - Вестгейт мучительно пытался сообразить, что Игорь имеет в виду, но пока не мог.

- Если разбить все время с момента нашей встречи на логические этапы, ты заметишь, что на каждом этапе мы получали крепкий удар по психике. Либо шокирующая информация, либо чрезвычайное происшествие.

- Согласен. Но... Ведь не все, что с нами случилось, было заранее спланировано.

- Но все было на руку тому, кто нас ведет. Согласись. Вот я и говорю, что, пока не доедем, нас обижать больше не будут. А то, неровен час, впадем в истерику.

Окончательно потеряем самообладание, и то, чего от нас хотят

добиться, не произойдет. Мы не сможем этого сделать, потому что будем от переживаний еле живы. Мы же не оперативники, нас не тренировали на такой безумный стресс...

- Если ты что-то хочешь мне сказать, то говори, - сказал Вестгейт жестко. - Не надо меня готовить.

- А я просто еще не знаю. Но у меня совершенно четкое ощущение, что нас хотят заставить сделать что-то такое, о чем мы пока и не подозреваем. И тот, кто давит нам на мозги, - это Служба.

Вестгейт задумался. Ему пришло в голову, что выкладки Игоря логичны только на первый взгляд. На самом деле это была чистой воды научная фантастика самого низкого пошиба. Игорь просто не разобрался в тонкостях программирования человеческой психики. Хотя... Вестгейт недовольно сморщил нос. "Нет. Я просто все время поддаюсь его обаянию. Он какой-то... жутковатый и удивительно родной.

И, между прочим, нормальный. Время от времени он ведет себя как псих, но на самом деле он в порядке. И мне очень тяжело относиться к нему свысока, анализировать его слова и поступки с позиции старшего. Ему хочется верить. И я верю, потому что это естественно. И вообще, может он знать о Службе такое, чего не знаю я? А ведь может..."

- У тебя есть опыт гипноза? - прервал Игорь размышления брата.

- Что? - удивился Вестгейт.

- Понимаешь... - начал Игорь осторожно. И Вестгейт услышал, что он боится того, что хочет сказать. А Игорь надолго замолк.

- Тебе кажется, что с тобой происходит что-то необычное? - спросил Вестгейт "фирменным" вкрадчивым голосом.

- Только не нужно мне разыгрывать психотерапевта! - мгновенно окрысился Игорь. - Да, кажется! Но только вот так не надо, понял?! Не надо так!

- Извини, - сказал Вестгейт безмятежно, хотя душа у него ушла в пятки. Ему вдруг показалось, что, не сиди он сейчас за рулем, братец с наслаждением треснул бы его рукояткой пистолета в ухо. - Дурная привычка.

- Ты таким голосом можешь с отчимом разговаривать! - заявил Игорь сварливо. - Или с бабой, из-за которой тебя раскрыли... Или...

Продолжить Игорь не смог, потому что от неожиданного рывка машины врезался физиономией в подголовник водительского сиденья. Он крепко прикусил язык и повалился вниз, судорожно цепляясь руками за все, что можно.

Щелкнул выключатель, и в салоне зажегся свет. Машина стояла как вкопанная. Игорь лежал на боку и обалдело таращился снизу вверх на склонившегося над ним Вестгейта.

- У меня раньше не было братьев, - сказал Вестгейт, глядя Игорю прямо в глаза. - Так же, как и у тебя. Я тоже, как и ты, всю жизнь чувствую себя безумно одиноким. И я просто не умею разговаривать с такими близкими людьми.

Игорю стало по-настоящему стыдно.

- У тебя хотя бы клякса есть, - заметил Вестгейт, отворачиваясь.

Игорь вскарабкался на сиденье, посидел немного, мотая головой, потирая ушибленный нос и осторожно шевеля прикушенным языком.

- Ты прости меня, - сказал Вестгейт. - Я просто устал. Если мы не научимся слушать и понимать друг друга, то кого вообще нам слушать и понимать, да и стоит ли?

Вдалеке, за холмом, горизонт осветился разноцветными огнями. Игорь просочился между передними сиденьями и устроился справа от Вестгейта.

- Поехали... - вздохнул он. - И прими мои извинения. Я больше не буду. Я вел себя как дурак. Мы оба устали, а меня к тому же замучили сомнения.

Вестгейт подавил в себе желание потрепать брата по плечу и нажал на газ.

- Зачем тебе гипноз? - спросил он деловым тоном.

- Я подозреваю, что со мной неладно, - ответил Игорь не менее спокойно и буднично. Только по едва заметным признакам Вестгейт уловил, насколько у брата нахмурены брови.

- Хорошо, - кивнул Вестгейт. - Нам бы только отдохнуть немного. И сделаем.

- Дождешься от них... - Игорь коротко хохотнул. - В могиле мы отдохнем, помани мое слово. Вестгейт рассмеялся.

- Мы справимся, - сказал он.

Навстречу шла колонна из нескольких милицейских автомобилей. Ведущий коротко мигнул фарами, и Вестгейт ответил ему тем же. Игорь надрывно зевнул и взялся за телефон.

ГЛАВА 12

ПЯТОЕ ИЮНЯ, УТРО

Ворота в хозяйство лесничего были распахнуты настежь. А посреди дороги лежал чудовищных размеров пес. Вестгейт сначала решил, что собака нагло дрыхнет на посту. Затем он вытянул шею посмотреть, живая ли она вообще. Где-то за забором басовито гавкали в несколько голосов, а это серое чудовище не отреагировало на подъехавшую машину в принципе. Вестгейт уже собрался выйти наружу, когда заметил, что глаза собаки открыты и неподвижная псина, в свою очередь, самым внимательным образом его изучает.

Таких колоритных собак Вестгейт раньше не видел. Больше всего это животное походило на медведя - широкие плечи, тяжелая голова, толстые сильные лапы. Уши у собаки как бы отсутствовали, на их месте слегка шевелились пушистые серые кисточки. И вообще, что-то в этом звере было явно не так. "Посижу-ка я пока в машине, - благоразумно решил Вестгейт. - А то мало ли... Не Лондон все-таки".

Особенно Вестгейта насторожил имевшийся на собаке подозрительно ветхий ошейник, от которого внутрь двора тянулся облезлый брезентовый ремень. Видно было, что это все несерьезно и в случае опасности зверюга свою привязь запросто оборвет.

Похоже, так уже случалось, потому что в двух местах ремень был завязан узлами.

"А неглупо, - подумал Вестгейт. - Эффективная тактика. В это хозяйство без оружия не пройти. А если раздается стрельба, то у хозяина наверняка дома целый арсенал на такой случай. Лесник ведь. Да к тому же и этот... Охотник на зомби.

Легендарный человек. Тот еще псих, наверное".

Вестгейт потер усталые глаза тыльной стороной ладони и оглянулся на Игоря. Тот по-прежнему спал, уютно посапывая носом. Будить его Вестгейту не хотелось, но и предпринимать что-то в одиночку - тоже. Собака

загораживала дорогу, а из дома никто не показывался. Вестгейт закурил, прислонился плечом к двери и невольно залюбовался собакой, которая по-прежнему неподвижно лежала посреди дороги.

Постепенно до Вестгейта дошло, что в собаке ему показалось странным. Недаром ему пришло на ум слово "крокодил". В очень уж напряженной позе она лежала - лапы под брюхо, абсолютно неподвижный хвост навывтяжку... И Вестгейт похвалил себя за то, что не стал высовываться.

Гавкать во дворе перестали. Крокодил буравил Вестгейта недобрым взглядом. Игорь спал. Вестгейт курил. Наконец за забором раздались тяжелые шаги, и в воротах показался хозяин.

Тут Вестгейт сделал глупость - он расплылся в обезоруживающей улыбке и открыл дверь машины. Реакция собаки была мгновенной - пес вскочил и угрожающе рванулся вперед.

- Фу!!! - рывкнул хозяин. Воскликание подействовало, кажется, на всех. Пес затормозил и оглянулся. Вестгейт захлопнул дверь и схватился за игольник. Игорь проснулся и резко сел.

- Ничего себе... - тупо пробормотал он, глядя на собаку. Тяжело вздохнул, прикрыл глаза и снова повалился на сиденье.

Хозяин сделал в сторону машины странный жест, который Вестгейт истолковал так: сиди, жди, не суетись. Вестгейт кивнул и показал большой палец.

- Винни! Фу, я сказал! - прикрикнул хозяин на пса, который снова таранился на машину, приоткрыв громадную пасть. Клыки в ней были как хорошего размера гвозди.

- А ну, ко мне!

Пес снова оглянулся и послал хозяину неодобрительный взгляд. Он явно хотел оставаться на месте. Но его ухватили за ошейник и грубо уволокли за ворота. В машине Вестгейт нервно хихикнул. Собака произвела на него впечатление, и в случае конфликта стрелять в нее было бы очень неприятно.

- Игорь, - сказал он, трогая брата за плечо. - Игорь, просыпайся. Мы приехали.

- А?! - отозвался Игорь таким голосом, как будто его позвали по меньшей мере на электрический стул.

- Просыпайся, Игорь! Мы на месте.

- Ничего не знаю, - сообщил Игорь, не открывая глаз.

- Игорь, мы приехали! - сказал Вестгейт уже пожестче.

- Ну и разберись.

- Тьфу! - Вестгейт отвернулся и раздавил в пепельнице сигарету. - А ты?

- А я еще чуть-чуть... Ну хоть пять минут, а? Ну чего тебе стоит...

- Меня тут чуть не съели, а он, видите ли...

- Да никто тебя не ел! - прорычал Игорь с отвращением. - У меня же клякса. Она бы сказала. Все было в порядке.

- Клякса у него... А у меня... - Вестгейт в сердцах произнес несколько слов, которых Игорь не понял. Сказано было по-английски, но на каком-то арго.

- Не материтесь, господин дипломатический советник, - попросил Игорь, с трудом открывая ближний к Вестгейту глаз.

- Давай вставай. Вон лесник идет.

- А ты что, пароль забыл?

- А почему я должен?!

Игорь со вздохом сел, помотал головой и сказал:

- Эх, пивка бы... Светлого и легкого, как позитивное мироощущение! Слушай, что мы с тобой лаемса все время, а? Вестгейт смутился и задумался.

- Это твоя страна, - сказал он. - Ты все время об этом твердишь, говоришь, что я здесь чужой. Вот и давай беседуй с местным населением.

- Ну, приеду я как-нибудь в твой Лондон!..

- И приезжай.

- И приеду!

- Как же, приедешь ты... Национал-патриот.

- А ты безродный космополит!

- Это еще что такое? - удивился Вестгейт.

- Не знаю. Но звучит неплохо. Как раз для тебя. Вестгейт рассмеялся.

- Хорошая мы парочка, - заметил он.

- Это точно. Кстати, лаемса-то мы по-прежнему, но обижаться друг на друга, кажется, перестали. А? Прогресс!

- Привыкаем, - кивнул Вестгейт.

- Ну? - спросили за окном. Это было так неожиданно, что Вестгейт подпрыгнул на сиденье. Лесник, оказывается, давно уже стоял возле машины и с интересом слушал перепалку братьев. Как ему удалось так незаметно подкрасться, Вестгейт и представить не мог.

- Доброе утро, - сказал Игорь. - Мы к господину Максакову Олегу Петровичу. Не подскажите...

- Это я, - кивнул лесник. Было ему на вид лет пятьдесят с небольшим. Поджарый и крепкий, с резкими и очень мужественными чертами лица, он сразу показался Вестгейту похожим на какого-то актера из картин прошлого века. Еще в леснике было что-то неуловимо схожее с самими братьями. А еще больше - с Игорем Волковым. Только кожа у лесника была словно дубленая, и пегие волосы не поседели, а просто выгорели на солнце.

Игорь молча рассматривал лесника.

- Что, документы показать? - усмехнулся тот.

- Извините, - сказал Игорь. - Я просто засмотрелся.

Все-таки настоящий Охотник...

Лесник только бровью шевельнул, но заметно было, что ему сделали комплимент.

- Я ведь из Детей, - заметил он. - Так, мелюзга, второй поток... Ничего особенного.

Вестгейт не понял, о чем речь, но почувствовал, что слово "дети" произносится с заглавной буквы. Потом он вспомнил легенду о "Программе Детей", о подростках, на которых проводились эксперименты по глубокой коррекции личности, снова присмотрелся к леснику и впал в глубокую задумчивость.

- Тем не менее это видно, - кивнул леснику Игорь. - Здравствуйте, Мэдмэкс. В Школе аварийная схема три шестерки.

- Все лучше, чем три ноля, - ответил лесник серьезно, и по лицу его пробежала тень. Вестгейт отметил, что для лесника эти слова имеют какой-то глубокий и не особенно приятный смысл. Он еще раз попытался догадаться, какое же прошлое могло быть у этого странного человека, но на ум ничего не шло. А вот глубокую симпатию лесник у него уже сумел вызвать. Непонятно только как.

- Здравствуй, Боец, - сказал лесник, протягивая внутрь машины крепкую мозолистую ладонь. Игорь с улыбкой ее пожал. - Здравствуйте, Алекс.

- Здравствуйте, - Вестгейт ответил на пожатие, оказавшееся крепким и деликатным одновременно. И еще он успел почувствовать, что из руки Макса толчками выбивается живое и добродушное тепло. Вчера именно так Вестгейта согрела Батарейка. Инструмент для повышения биологической активности живого существа.

Вестгейт посмотрел на улыбающегося Игоря и почувствовал себя полным идиотом. Он снова был неизвестно где, и вокруг творилось непонятно что. Причем он был единственным, кто не понимал ну буквально ничегошеньки.

Точнее - не мог поверить в реальность происходящего.

***

Серый громила Винни оказался крепко принайтован к росшей посреди двора сосне и оттуда молча пожирал гостей недобрым взглядом. За кустиками в дальнем углу некто большой и сильный по-прежнему взрыкивал и шумно кидался грудью на металлическую сетку, но уже как-то лениво, без души, скорее по обязанности.

Вестгейт поставил машину рядом с двумя потрепанными джипами, вышел, захлопнул дверь и огляделся. Хозяйство у лесника было обширное и, судя по всему, крепкое.

Но непривычный к местным реалиям глаз Вестгейта тут и там находил следы типично русской безалаберности. Машины оказались грязны, разнокалиберные сараюшки вдоль забора - скосбочены, и в целом на дворе, хотя и тщательно выметенном, будто навеки легла печать давнего проклятья. Здесь жили давно и не без удовольствия, но как-то лениво, спустя рукава. В любой европейской стране хозяина такого хутора сочли бы ответным неудачником.

Понять эту загадочную меланхолию, насквозь пропитавшую каждое движение и даже быт его соплеменников, Вестгейт пока был не в силах. Но то ли он к этому присутствию загадочной русской души во всем и вся уже притерпелся, то ли сказалось влияние брата - так или иначе, поспешных выводов он делать не стал.

Наоборот, Вестгейт отметил как положительные черты то, что дом лесника оцетинился антеннами, а грязные машины вид имели очень серьезный, если не сказать - боевой.

Лесник и Игорь, о чем-то между собой вполголоса беседуя, как раз приблизились к Вестгейту, когда он пытался разобрать, какой марки автомобиля.

- Это что? - поинтересовался Вестгейт, кивая в сторону джипов.

- Козлы, - ответил Игорь рассеянно, думая о своем.

- А?

- По-русски - "козлы". А в Штатах их называют "Бэби Хаммер". Слушай, похоже, мы тут до вечера задержимся. Может, оно и к лучшему. Хоть немного в себя придем.

- Наши друзья оттуда, - лесник неопределенно махнул рукой, - появятся часам к восьми. Как я понял, они рисуют вам надежные документы, чтобы вы могли потом идти хоть через всю Европу, нигде не останавливаясь.

- Успеем? - Вестгейт посмотрел в ту сторону, где жестом лесника была обозначена Европа.

- А тебе не все равно? - спросил Игорь. - Ты вроде бы говорил, что личную проблему решаешь.

- Ну... - Вестгейт собрался было обидеться, но тут скрипнула калитка,

и из-за плотно обрамлявших двор кустов и деревьев появилась женская фигурка.

- А это Тина, - сказал лесник. - Младшая моя. На каникулы приехала. Знакомьтесь, господа.

Игорь присмотрелся и невольно сделал шаг навстречу девушке, которая приближалась легкой походкой, слегка помахивая ведерком, из которого торчала пара мощных чешуйчатых хвостов. В левой руке у девушки была тяжелая профессиональная удочка с кучей навесной электроники.

"Совсем еще девчонка, - подумал Игорь с непонятым умилением. - Лет шестнадцать-семнадцать. Но до чего же хороша... Тина? Валентина, наверное". Она не производила впечатления какой-нибудь там сногшибательной красавицы. Милое лицо с правильными чертами, разве что кончик носа чуть вздернут, пшеничного цвета волосы до плеч, упругая, чуть тяжеловатая грудь, ничем не сдерживаемая под ковбойкой, небрежно завязанной узлом на гладком животе. Игорь машинально отметил, что ноги у девочки - ничего особенного, и тут его вдруг охватила щемящая тоска. Вцепилась прямо в душу и принялась грызть, да так жестоко, что Игорь невольно подвинул локтем вверх дрыхнущую на животе кляксу, чтобы была поближе к сердцу.

Он неожиданно понял, что уже вырос. Стал окончательно взрослым. И эта мысль, чудовищно дикая для человека двадцати семи лет от роду, буквально вдавила его в землю. Игорь был полон молодых сил и молодой же злобы, у него был игольник за поясом и пистолет под мышкой, локтем он прижимал к себе кляксу, а рядом стоял брат. Еще у Игоря в кармане лежала карточка на имя капитана Бойко, старшего инспектора линейного контроля МВД России. И бензина оставался почти целый бак.

Но что-то очень важное он безвозвратно утратил. К нему подошла и протянула руку, здороваясь, чужая молодость. Крепкое чистое юное тело, прекрасное самой юностью своей, уже не девственной - это Игорь откуда-то знал, - но от этого только более раскованной и смелой. Тело, дышащее молодой бесшабашной свежестью, которую Игорь уже никогда не ощутит в своих объятиях.

Потому что даже самая красивая девушка столь юных лет, гораздо моложе Игоря, уже не была ему интересна как личность, как человек. Это было проверено и понято давным-давно. Сам Игорь еще мог дать что-то хорошее, принести какую-то пользу студентке-младшекурснице. Но для него тесные отношения с такой девчонкой были исключены. В силу изначальной их бесперспективности и бессмысленности. А еще Игорь терпеть не мог обижать женщин. Но так складывалось, что именно он, с его аномально острым нюхом на человеческую энергетику, всегда раньше партнерши замечал, что пора расставаться. А как только замечал, то уходил. И если вслед ему плакали, это еще было хорошо. Это означало, что он не сделал человеку слишком больно.

- ...тина, - расслышал он краем уха.

- А... Да... Игорь, - пробормотал он, легонько пожимая узкую прохладную ладонь.

- Алекс! - возник откуда-то сбоку Вестгейт, расцветая и фонтанируя положительными эмоциями. Игорь неприязненно на него покосился.

- Валентина, можно просто Тина, здравствуйте... Па, оцени!

Лесник заглянул в ведро и одобрительно кивнул.

- Молодцом. Серьезный улов. Конечно, с таким инструментом, как у тебя, даже эти "чайники" много чего наловили бы...

- Ну да, как же! А вот этого? Ты гляди какой!

- Да, этого вряд ли.

Игорь, которого уже слегка отпустило, хмыкнул.

- Дайте мне кило взрывчатки, я вам все озеро выловлю, - заявил он. - Хоть я и "чайник"...

Вестгейт коротко ткнул его локтем в бок.

- Фу! - сказала девушка. - Оно и видно, что "чайник". Как не стыдно! Даже шутить так не смейте!

Лесник довольно заржал и хлопнул Игоря по плечу, будто старого знакомого.

- "Гринпис" в действии! Ты, Боец, наблюдаешь перед собой будущего инспектора-эколога. Знаешь, как стреляет? Белку в глаз, муху в нос! Ладно, Тин, он же не серьезно. Да он и взрывчатки-то сроду в руках не держал, не то что мы.

Слушай, лапуля... Что-то я тебе хотел такое умное сказать...

- Что гостей кормить пора, - усмехнулась Тина. - Сделаем. Подходите, господа, минут через пятнадцать.

- Я тебя люблю, - сказал лесник серьезно.

- Подержи, - Тина сунула Вестгейту в руки удочку и ведро, которые он схватил так радостно, будто ждал этого всю жизнь. А Тина, подпрыгнув, обхватила отца за шею и звонко чмокнула куда-то в ухо.

Она уже ускакала в дом, походя сняв с Вестгейта, будто с вешалки, свои рыбацкие причиндалы, а лесник все стоял с выражением полного блаженства на лице и ковырял пальцем в ухе.

- Удивительно, - сказал Игорь.

- Что? - спросил лесник, по-прежнему улыбаясь.

- Не верится, что тридцать лет назад вас звали Мэдмэкс.

- А-а... Это фамилия у меня подкачала. Я с детства Макс. А потом, когда появилось видео, стал Мэксом. Говорят, в молодости я здорово смахивал на Мела Гибсона, - последнее лесник произнес не без гордости.

- Это кто? Актер какой-нибудь?

- Не видел?

- Не-а.

- Оно и к лучшему. Каждому времени - свои герои, - Вас помнят, - сказал Игорь, - Про Охотников сейчас целые исследования пишут.

- Н-да? - Мэкс глянул на Игоря недоверчиво, и тот вдруг ощутил легкое покалывание в области переносицы. Сомнений у него не осталось - рядом стоял настоящий сенс. - И что же там пишут? А впрочем, ну его... Не так уж много вы знаете. Все ведь с моих слов, ха-ха...

- Больше никого не осталось? - спросил Игорь осторожно.

- Ну почему же... Человек тридцать есть. Но их не было с нами во время штурма Техцентра. Группа Фо, учебная, сидела в Школе. Они все были молодые, ничего толком не понимали, и Мастер приказал их не брать. А мои ребята отдыхали. Из нашей Трешки на штурм пошли только двое - я сам и Серега Лысенко, мой аналитик.

Около пятидесяти человек нас было. И собачки. А выжил только я один.

Вестгейт отвернулся и пошел к машине за сигаретами. Опять начиналась китайская грамота, которой он не понимал и понимать не желал. Или скорее не хотел принимать. Лесник рассказывал о штурме Объекта - самовольной операции команды Охотников, положившей конец психотеррору и самому факту существования психотронного оружия. Во время самоубийственного штурма погибло тридцать с лишним человек, а остальные умерли в течение

следующей недели. Но их подвиг - а иначе этот поступок никто и не называл - инспирировал расследование, начатое спецслужбами буквально на следующий день. И прямо из сердца государственного аппарата был выкорчеван чудовищный Проект, имевший своей целью тотальное порабощение умов - сначала россиян, а потом и всего человечества.

Вестгейт читал об этом в самолете, и сейчас мог почти дословно процитировать соответствующие главы. Все в этой истории сплелось в единый клубок. Фашистская идея "упорядочения поведенческих реакций населения методами психотронного контроля", рожденная еще большевиками. Попытка возродить идею в новом - терапевтическом - качестве уже в постсоветские годы. Побочный эффект работы Объектов - психотронных установок - открывшаяся вдруг дыра в иное измерение, из которой полезли кровожадные монстры. И Охотники - люди с собаками и ружьями, вставшие стеной на пути вторжения тварей.

И где-то в сердце этой неразберихи таилась история форсированного экстрасенса Игоря Волкова, последнего человека на Земле, способного видеть невидимое и совершать невероятное... Вестгейт открыл дверцу машины и устало повалился на сиденье, нащупывая в "бардачке" сигареты. Он вымотался, и ему было нехорошо.

Но даже сквозь усталость он все равно мечтал об этой прелестной светловолосой девчонке. У него уже несколько дней не было женщины, и от этого он чувствовал себя как-то неуютно.

***

- Как вам удалось выбраться? Тогда, с Объекта? - спросил Игорь Мэкса. Тот неопределенно качнул головой.

- Вообще-то, хороший командир не дает себя убить, - сказал он. - Я не говорю, что другие старшие групп были хуже, просто у меня с детства повышенное чутье на опасность. Меня за это Мастер... в смысле Витя Ларин, весьма недолюбливал. Во всяком случае, мне так казалось.

Вдалеке, за кустами, снова разразился лаем большой опасный зверь. Серый крокодил Винни, по-прежнему заякоренный за сосну, шевельнул обрубками ушей и оглянулся.

- Так мне этот концерт надоел, - заявил Мэкс решительно. - Алекс! Будьте добры... Давайте пройдемся до вольера. Пусть они на вас посмотрят.

Вольер оказался разделенным на три части просторным загоном из металлической сетки на двухметровых столбах. Одна собака валялась расслабленной тушей под навесом, а вторая нервно расхаживала по своему отсеку и появление гостей встретила хрипом и рыком. Обе псины были очень красивые - спины и бока черно-серые, а лапы, животы и подпушка хвоста - почти белого цвета. Лобастые и зубастые мощные кобели.

- Батя! - сказал Мэкс рычащему псу. - Ну что такое? Иди сюда!

Пес со странным именем Батя приблизился к сетке, но рычать перестал.

- Фу! - скорее пролаял, чем сказал Мэкс. Игорь уловил, какая богатая у него интонация. В этом "фу" было все сразу - угроза, приказ, укоризна, требование делать что говорят... И собака, похоже, отлично все поняла. Так как заткнулась, вывалила язык и подошла вплотную. Кисточки на ушах у нее забавно топорщились, а пышный загнутый кверху хвост рассыпался на отдельные пряди цвета слоновой кости.

- Вот, смотри, - командовал собаке Мэкс. - Это Игорь. Это Алекс.

Покажитесь, Алекс. Да не бойтесь, вы что, кавказов никогда не видели? Вот. Посмотрел? Ну и молодец. Еще раз гавкнешь, пеняй на себя. Господа, это Батя. А вон того флегматика зовут Хунта. Он у нас интеллектуал, и вы ему не интересны, поэтому мы его подзывать не будем. Ну а с Винни вы уже знакомы, он вас, можно сказать, как родных принял...

"Однако интересное у мужика чувство юмора, - подумал Игорь. - Или это у него комплекс застарелый так проявляется? Ведь знакомы мне эти прозвища. Так его коллег Охотников звали, тех самых командиров групп, которые "дали себя убить".

Правильно Королев о Мэдмэксе отозвался - мол, тот еще психопат. Хотя, в общем, славный дядька. Одно другому не мешает".

- Ну, вроде бы церемония состоялась, - заметил Мэкс. Он повернулся к братьям, стоявшим бок о бок, и вдруг замер, рассматривая их очень внимательно.

- Что такое? - мгновенно среагировал Игорь. И снова ощутил легкое жжение в переносице. Характерный знак того, что на тебя смотрит находящийся в расстроенных чувствах экстрасенс.

Мэкс замялся и опустил глаза.

- Да так, - пробормотал он. - Показалось.

- Расскажите, - не попросил, а скорее потребовал Игорь.

- Экий ты... - усмехнулся Мэкс. - Горячий.

- У меня есть право задавать вам вопросы, Олег Петрович. Я не могу заставить вас отвечать. Но если вам что-то показалось странным, вы лучше скажите. Я понимаю больше, чем вы можете предположить. Я все-таки из Спецотдела.

Лесник потер ладонью щеку, повернулся к братьям спиной и зашагал к дому.

- Не дави на него... - прошептал Вестгейт.

- Отстань, - прошипел Игорь. - Он что-то заметил...

- Да нет! - сказал Мэкс, внезапно останавливаясь шагов через десять.

Сказал, видимо, себе. Вернулся назад. Остановился перед братьями, оглядел их с ног до головы и аж скривился от напряжения. Братья молча ждали.

- Действительно, странно... - пробормотал Мэкс. - Но у меня из головы не идет один случай. Просто чертовски давно это было. Ребята, а не может быть такого, чтобы у одного из вас в Проекте отец работал?

- Где? - переспросил Игорь, не веря своим ушам.

- Ну, в Проекте, где ж еще. Как вы его теперь называете...

Федеральная Контрольная Служба. Одна х...ня. Игорь медленно повернулся к Вестгейту.

- Алекс, - сказал он. - Ты не мог бы Тине с завтраком помочь? А мы подойдем чуть позже.

- С превеликим удовольствием, - кивнул Вестгейт и мгновенно исчез за кустами.

- Я что-то не то сморозил? - поинтересовался Мэкс удивленным шепотом.

- Пока не знаю, - сказал Игорь. - Слушайте, Олег Петрович, давайте повторим. Вы сказали, что Проект и ФКС - это одно и то же. Или я вас неверно понял?

Лесник посмотрел на Игоря озадаченно.

- Разумеется, - ответил он. - Официальное название Проекта всегда было - Контрольная Служба. Только при большевиках он назывался Государственной Контрольной Службой СССР, это я точно знаю, мне Тим

говорил. А потом, когда его в середине девяностых возродили, он стал называться ФКС. А ты что, не знал?

- Это какой еще Тим вам говорил?

- Ну... Тимофей Костенко. Я его видел как раз перед той заварухой...

Перед штурмом.

Игорь заложил руки за спину и прошелся туда-сюда перед лесником. Из-за сетки на него ошарашено тарачился кобель Батя. Видимо, на его памяти с хозяином никто так себя не вел.

- Ничего не понимаю, - пробормотал Игорь. - Проект ведь был уничтожен...

Расформирован. Разве нет? И вообще, откуда вы-то делаете такие умозаключения?

- Милый мой! - воскликнул Мэкс. - Я же был по этому делу у Безопасности главный свидетель! Ха! Никто Проект не расформировывал. Ты что! Огромная спецслужба, тысячи человек народу, офисы, агентурная сеть, производственные мощности... А сколько институтов на него пахало? Это же просто... Просто не по-государственному было бы - ломать такую отлаженную машину. Это Ларин мечтал ее до основания снести. Конечно, я тоже думал, что, как только мы устроим бунт, Проекту кранты. И действительно, уже через сутки после штурма на Проект наехала Безопасность. Которая, оказывается, давно на этих мерзавцев зуб точила. А потом они присмотрелись, осознали, что к чему, и просто фирму обезглавили. Поставили свое руководство. И все заработало по-прежнему, только в другом ключе. Ты пойми, родной, главное ведь в Проекте - идея! Ее реализовывали негодными фашистскими методами. Значит, методы нужно было сменить. Вот и все. Честно говоря, ты меня удивил... Я думал, ты в курсе.

- Так какая же у Проекта идея? - спросил Игорь, глядя себе под ноги.

- Контроль, - ответил Мэкс жестко. - Но согласишься, в понятиях большевиков и в современном контексте это совершенно разные вещи, разве не так?

- Может быть... - пробормотал Игорь неуверенно.

- Не "может быть", а так точно. Ты думай, с кем говоришь. Уж если кто и должен ненавидеть эту структуру, так это я. Да, я не прошел обработку, я не стал таким, как Тим Костенко или Витя Ларин. Я остался человеком. Но я тоже с детства и по сей день под колпаком. Сначала меня держали за холку, потому что какая-то сука еще до моего рождения вычислила, что я неблагонадежен и не готов к борьбе за дело коммунистической партии! Потом меня затащили в Охотники, потому что решили использовать как пушечное мясо! И наконец я торчу здесь, в этой жопе, в этой глуши несусветной, потому что слишком много знаю! Теперь можешь себе представить, где у меня сидит этот ваш Проект?!

- И тем не менее вы с этой фирмой сотрудничаете и сейчас держите для нас коридор...

- Я поверил, - сказал Мэкс, и Игорь понял - он действительно верит. По меньшей мере в то, о чем говорит. - Может быть, это моя беда. Но все-таки я работал в Проекте без малого десять лет. Я знаю эту структуру. Я ведь потом еще наблюдал, как она перестраивалась, когда руководство взяла на себя Безопасность. И я принял главную идею Проекта, основную, которая всегда была нормальной, пока на нее партийной идеологии не повешали. И я готов ради этой идеи делать то, что я делаю.

- Ради контроля?..

- Ради блага моей родины. Неужели это так сложно понять, Игорь?

- А вы уверены, что ФКС обеспечивает именно благо вашей родины, Олег Петрович? - спросил Игорь очень вкрадчиво.

Лесник презрительно фыркнул.

- Вообще-то наше поле деятельности сейчас - общественное благо в масштабах всей планеты, - заметил Игорь.

Лесник не выдержал и расхохотался. Игорь внимательно следил за его реакцией и ждал.

- Х...ня! - заявил Мэкс, отсмеявшись. - Ты просто еще молодой.

- Ладно, - сказал Игорь, выставив перед собой ладонь, будто в попытке защититься от чужого и чуждого мнения. Теперь он понимал, отчего Мэдмэкс стал одним из командиров у Охотников. Господин Максаков умел транслировать эмоции. Он вбивал в тебя свою правду так, что она становилась и твоей правдой тоже. Каждое слово лесника будило в Игоре подозрения - а не прав ли этот старый черт? А не было ли так на самом деле? И почти со всеми выкладками Мэкса Игорь уже был готов согласиться целиком и полностью. Ему самому не хватало крошечного сигнала, буквально нескольких байтов информации, чтобы тоже все понять.

Нужно было всего лишь посмотреть на проблему под тем же углом, что и старый Охотник.

- Ладно, - повторил Игорь. - Я еще молодой, и я не все понимаю.

- Да тут понимать нечего, - заявил Мэкс безапелляционно. - А "русская культурная экспансия" - что, по-твоему? Не есть ли это глобального масштаба акция по установлению контроля? Отчего это якобы спонтанно возникла непреходящая мода на все русское, которая держится уже пять лет, и с каждым годом становится все глубже? Почему сам термин - довольно агрессивный, согласись - произносят по всему миру чуть ли не с наслаждением? Откуда он взялся, этот термин, вообще? Ты уверен, что он именно в Брюсселе впервые прозвучал, а не у Папы в кабинете?

- Перестаньте... - упавшим голосом попросил Игорь. Спорить с Максаковым было невероятно сложно, точнее говоря - не получалось вообще.

- А как звучит смачно: "русская культурная экспансия"! - продекламировал Мэкс. - Знаешь что это такое? Отличная терапевтическая метафора! Инструмент нейролингвистического программирования! Русские идут - и все счастливы!

- Ну какая еще метафора... - отмахнулся Игорь устало. - Вы бы хоть в учебник русского языка заглянули для начала...

- Балбес! - опять рассмеялся Мэкс. - Головой думай! Головой!

- Папа! Ну где вы там?! - позвала Тина с крыльца.

- Сейчас идем, солнышко! - отозвался лесник. Игорь воспользовался моментом и перехватил инициативу.

- Отлично! - сказал он со всей возможной эмоциональной насыщенностью в голосе. - Вы мне дали огромную пищу для размышлений. Теперь я отвечу на ваш вопрос, если вы не забыли, конечно.

- Да? - Мэкс склонил голову набок и прищурился, вспоминая.

- Действительно, вы совершенно правильно заметили, у одного из нас отец работал в ФКС. Только это было очень давно, лет двадцать назад, не меньше.

- У него, - Мэкс ткнул пальцем в сторону дома.

- Допустим, у него.

- Ну, все правильно, - кивнул Мэкс. - Я же помню. Как будто его опять

увидел, такое сходство. Конечно, сын отцу не чета, но теперь ведь таких вообще не делают.

- Каких? - спросил Игорь.

- Парень, - сказал лесник. - Хоть ты из Спецотдела, но, кроме глубокого сожаления, никаких эмоций у меня не вызываешь. Понял?

- Как прикажете, - Игорь карикатурно поклонился.

- Ты чему-то обучен, ты что-то знаешь, но сродниться с этой информацией ты не сумел, - обвинил лесник. - Для тебя она все еще на уровне сказок. Ты слышал о Детях, слышал об Охотниках, имеешь самое общее представление о том, что такое Проект... Но ты все еще ничего не принимаешь близко к сердцу. А я, наоборот, иначе уже не могу. Наверное, дело в том, что я десять лет охотился на зомби.

Сменил за это время трех собак. А сколько людей рядом со мной на куски порвали... Неважно. Тебя ведь что интересует, мальчик? Как это я умудрился через двадцать лет узнать черты того, с кем всего лишь раз поговорил, то ли в пятом, то ли в шестом, короче говоря, в две тыщи лохматом году... Угадал?

- И это тоже, - согласился Игорь, стараясь не вспылить и не наговорить старику гадостей. Клякса во внутреннем кармане мелко вибрировала и просилась на волю, у нее было хорошее настроение. Кобель Батя у себя в вольере явно ее почуял и тянулся носом к сетке, глядя Игорю под мышку.

- Я не мог его не запомнить на всю жизнь, - сказал Мэкс очень жестко.

- Потому что когда один раз увидишь такого человека... Или это уже не человек - не знаю.

В общем, не забудешь. А я до этого видел Тима и говорил с ним. Мне было с чем сравнить. И когда приехал этот... Волков, я сразу понял, что он такое.

- И что же он такое? - спросил Игорь осторожно.

- Я не знаю, каков он теперь. Но тогда это был чрезвычайно мощный форсированный сенс. Чудовищно мощный. И он умел своим даром владеть. Если бы я отказался говорить, он бы мне вывернул мозги наизнанку. Но я хотел говорить с ним.

Ностальгия - понимаешь?

Игорь кивнул. Во рту у него пересохло. Он чувствовал сейчас малейшие оттенки эмоций Мэкса. Аномальная энергетика сенса и болезненная восприимчивость Игоря, что называется, нашли друг друга.

- В Проекте было много форсированных, - продолжал Мэкс. - Целый институт.

Старшим у них был такой доктор... Доктор Самохин. Он разработал эту систему, он делал из простого сенса настоящего сверхчеловека. Я их хорошо знал, они ходили с нами на охоту, помогали находить этих тварей поганых. Хорошие были ребята. Но за всю свою жизнь я только дважды встречался с действительно невероятными людьми.

Первый был Тим Костенко. Второй был Волков. Понимаешь, этого не забыть. Обычный форсированный сенс чуял все, что происходит вокруг него, за километр. Мог болячки всякие лечить наложением рук. А вот атакующей силы у него почти не было.

Их специально так программировали, чтобы они не могли наносить людям вред. А вот Костенко или этот Волков... Понимаешь, он мог сказать мне: "Мужик, ты лягушка".

И если бы он это сделал, мы бы сейчас не разговаривали. То есть ты бы

говорил. А я - квакал...

- О чем он спрашивал вас тогда, Олег Петрович?

- Да знаешь... - Мэкс на секунду задумался. - Интересно. Собственно, о том же, о чем и ты. Почти слово в слово.

- Его интересовало прошлое Службы?

- Да, - кивнул Мэкс. - Он именно это и хотел понять - есть ли связь между Службой и Проектом. А я что... Сам подумай, что я мог ему сказать? Сидит передо мной следователь из Спецотдела, задает вопросы А я вижу, что он не просто следователь. Если бы я даже и захотел соврать, он бы это тут же увидел. А кто его знает, чего он меня допрашивает? Может, его нарочно подослали. Выяснить, не скрываю ли я чего... Они же из меня буквально душу тянули год за годом.

- То есть? - не понял Игорь. Мэкс неприятно скривился и что-то себе под нос прорычал.

- Как у Королева сына зовут? - спросил он неожиданно.

- Анька и Танька, - мгновенно среагировал Игорь. - Интересное имя для мальчика, правда?

- От меня не отставали лет десять, - вздохнул Мэкс. - Выгнали из Москвы, засунули сюда и давили на психику умело и равномерно. А потом Королев меня прикрыл. Нужно сказать, я ему по гроб жизни обязан. Потому что, когда эти мудаки ко мне в последний раз явились, я их собаками потравил.

Игорь закурил. Мэкс шевельнул подбородком, и Игорь сам не понял, что делает, пока не убрал зажигалку в карман. А Мэкс пускал дым колечками и глядел сквозь них, будто силясь увидеть что-то важное.

- Два или три раза в году, - сказал он наконец. - И всегда неожиданно. Приезжала ко мне пара уродов якобы из научного сектора. Но рожи у этих ученых были те еще... И старательно меня расспрашивали, а точнее, допрашивали, что я помню о психотронном оружии. Все до мельчайших подробностей.

- А вы-то тут при чем? - окончательно растерялся Игорь.

- Так у нас же были ручные лучеметы. Мы их называли "пульсаторы", они были настроены на короткие импульсы. Вылетает такая молния голубая... Считалось, что она невидимая, но все ее почему-то видели. Охотники сначала ходили с помповыми ружьями, но у этих тварей, у зомби-мутантов, были невероятно крепкие ткани. Их приходилось буквально на части рвать картечью... А потом, как раз меня в Охотники завербовали, выдали нам такие штуки, похожие внешне на штурмовые винтовки. И только много позже выяснилось, что это были ручные психотронные пушки. Гениальное оружие. Подходишь к стене и начинаешь по ней колошматить, а за стеной все падают... Никакой танк не страшен, да что танк, самолет можно сбить запросто. Человек просто впадает в кому, и все. А потом либо умирает, либо все равно не жилец.

Игорь кивнул. Мэкс затоптал окурок и с тоской посмотрел на молодого и необстрелянного собеседника, который ни разу в жизни не ходил в облаву на зомби-мутанта.

- Конечно, наши пушки были перенастроены для стрельбы по тварям, - продолжил он.

- Но потом один урод сумасшедший выстрелил из пульсатора в настоящего живого человека. И тот моментально коньки отбросил. Ну, и так далее, ты ведь в курсе, верно? Так что психотронное оружие я два-три раза в неделю держал в руках и пускал в ход. Конечно, ничего особенного рассказать я о

нем не мог. Но тем не менее ко мне приезжали и меня допрашивали. Сначала я терпел. Потом начал обижаться вслух и в доступной мне форме. А в последний раз собак выпустил, и уехали от меня эти чудики очень быстро.

- До чего же мне все это не нравится! - сказал Игорь сквозь зубы.

- Королев просил меня ответить на все твои вопросы, - вздохнул Мэкс.

- Я ответил. Теперь делай, что знаешь. Увидишь Волкова - скажи, что я его не забыл.

- Увижу, - кивнул Игорь. И почувствовал вдруг глубочайшее отвращение при самой мысли, что это рано или поздно случится.

ГЛАВА 13

ПЯТОЕ ИЮНЯ, ПОЛДЕНЬ

- Мне тут нужно смотаться по делам, - сказал Мэкс Игорю после завтрака. - К обеду вернусь. А ты проследи, чтобы твой напарник не безобразничал.

- А я? - ехидно спросил Игорь.

- Ты - не будешь, - заверил его Мэкс. - Может, я и старый уже, но пока что не слепой. К обеду вернусь. Королеву привет.

Мэкс сел в один из джипов и уехал. Вестгейт спал в комнате для гостей. Тина на кухне чистила рыбу - по старинке, вручную. Игорь забрался в машину и позвонил начальнику.

- Поговорили? - спросил Королев.

- Угу, - промычал Игорь.

- Интересно?

- Неожиданно.

- Вот то-то и оно. Ну ладно, вернешься - обсудим.

- Как на Службе дела?

- Так себе, - вздохнул Королев. Голос у него был какой-то неживой, то ли не отошел еще шок от "промывки", то ли дела были на самом деле не очень.

Игорь убрал телефон и задумался, как бы половчее убить время. Анализировать полученную от Мэкса информацию ему не хотелось совершенно. Очень уж она оказалась не к месту. То, что Служба интересовалась перспективными вооружениями, ни для кого секретом не было. Но психотроника даже на Службе считалась технологией запредельной и крайне опасной для человечества. Уничтожение психотронного оружия и установление жесточайшего контроля над исследованиями по биоэнергетике всегда преподносились как большая заслуга Службы на пути к безопасному миру.

И за какие-нибудь десять часов узнать дважды из разных источников о том, что это не совсем так, было по меньшей мере неприятно.

Игорь разобрал и почистил оружие, поиграл немного с кляксой и вытряхнул из машины накопившийся мусор. Открыл капот и долго разглядывал его внутренности, соображая, все ли на месте. Проверил уровень масла в двигателе. Потом уровень всего жидкого везде, куда оно было налито. Забрался под машину и передергал все, что там торчало. Вознамерился было подкачать колеса, но давление оказалось в норме. Тогда Игорь всерьез забеспокоился. Наверное, впервые в жизни ему было скучно. Обычно он скуки не знал, потому что всегда находил, о чем поразмыслить.

Но именно сейчас размышлять он не хотел, потому что в голову

назойливо лезла одна и та же мысль - а как именно сумасшедший Дядя собирался использовать оружие массового поражения, окажись оно у него в руках?

И какого черта делал такой психопат в должности первого заместителя директора Службы, организации, знаменитой своими опытными психологами?

И кто же все-таки убивает нелегалов?

А главное - зачем?

И когда все эти вопросы нависли над Игорем грозовой тучей, он совершил героический по собственным меркам поступок. Достал из-под крыльца ржавое ведро и отправился на озеро за водой, чтобы помыть машину.

Озеро было небольшое, примерно километр на два, но такой необыкновенной красоты, что Игорю сразу же стало легче. Он уселся на мостки, закурил, разулся, опустил ноги в прохладную воду и погрузился в транс глубокого соприкосновения с природой.

В таком обалделом состоянии его и нашел Вестгейт.

- Неплохо, - отметил он благосклонно. - Не Лох-Несс, конечно, но вполне пристойно.

- Сноб заморский, - проворчал Игорь. - Несси Фэрис Ромбоптерикс.

- Это что еще такое?

- Так лох-несское чудовище по-латыни называется. У нас, между прочим, свои водятся не хуже. И недалеко отсюда, километров пятьсот, в Тверской области.

Вестгейт недоверчиво глянул на Игоря, но ничего не сказал и уселся рядом.

- Отдохнул? - спросил Игорь.

- Жить можно. - ответил Вестгейт.

- А работать?

- В смысле?

- В смысле гипноза.

- Слушай... А ведь мы с тобой всего лишь сутки как познакомились. Ты уверен, что в достаточной степени мне доверяешь? Мало ли, о чем я тебя начну выспрашивать...

- Это твое личное дело, - сказал Игорь жестко, глядя Вестгейту прямо в глаза. - Мне важен результат. И выбирать не приходится. Кроме того...

- он секунду помедлил, не отводя глаз. Взгляд был пронизывающий, и Вестгейт выдержал его с трудом.

- Кроме того, - повторил Игорь, - у меня такое ощущение, что я на самом деле тебе доверяю. Вестгейт тяжело вздохнул и отвернулся.

- Я родился в девяносто восьмом, - сказал он глухо. - К этому времени мать и отец уже точно знали, что никогда не смогут жить вместе. Они расстались где-то примерно в девяносто пятом. Но как минимум раз в году все равно встречались ненадолго. Предавались, как я понимаю, любви и воспоминаниям. Любили друг друга и оскорбляли. И наоборот. Думаю, каждому было, что вспомнить и в чем другого обвинить. Их роман тянулся не меньше пяти лет чистого времени, с перерывами на мамино первое замужество и еще какие-то периоды, когда отец находил силы послать ее к черту и уйти. Но он каждый раз возвращался. Это была какая-то безумная и трагическая любовь. Когда люди понимают, что они не пара, но оторваться один от другого не могут.

Игорь молча закурил сразу две сигареты и одну сунул Вестгейту. Тот, не оборачиваясь, благодарно кивнул и сделал несколько жадных затяжек.

- И в девяносто пятом они таки расстались навсегда, - продолжал он, глядя на колышущиеся вдалеке камыши. - Мама опять вышла замуж, и снова ненадолго.

Наверное, она так пыталась стереть из памяти образ Игоря Волкова, но все, что подворачивалось ей под руку, ни в какое сравнение с ним не шло. Она потом сказала, что в ее жизни был только один мужчина - он. А остальные не в счет. И, короче говоря, в один прекрасный день она решила, что ей пора заводить ребенка.

Пришла к отцу и сказала - давай. Ребенка хочу только от тебя и ни от кого другого. А отец, как я понял, был тогда в какой-то жуткой депрессии. Вплоть до мыслей о суициде. И сам факт того, что хоть что-то от него на земле останется, видимо, пришелся ему по душе. При том что он маму к тому времени успел окончательно возненавидеть. Знаешь, я его понимаю. Насколько я знаю свою матушку, крови она ему успела попортить более чем достаточно...

- Какая она? - спросил Игорь.

- Она жутко красивая. До сих пор. А еще она удивительно жесткая и расчетливая во всем, что касается ее интересов. И моих. Из нее вышла хорошая мать. Думаю, отец успел все это просчитать, когда принимал решение.

- А о нем она что говорила?

- Мало она говорила, - Вестгейт тяжело вздохнул. - Ей до сих пор нелегко дается вспоминать отца. Само решение сообщить мне о том, чей я сын, ей было тяжело принять. Нужно сказать, она долго и грамотно меня готовила к этому знанию.

Вот... А про Волкова говорила, что он чертовски умный, но совершенно не от мира сего. Она пыталась его немножко, как это... Приземлить, да. Но он упорно сопротивлялся. У него был в молодые годы этаким комплекс Иисуса Христа. Он полагал, что однажды ему придется сделать что-то выдающееся. Вернуть какой-то долг, который он за собой ощущал. Некий долг перед Мирозданием в целом, и никак не меньше.

- Возможно, он уже тогда чувствовал в себе дар сенса, - предположил Игорь.

- Теперь мне кажется, что это именно так, - кивнул Вестгейт. - Я очень много думал об этом ночью, пока вел машину... Согласись, ощутить себя человеком с паранормальными способностями в мире, где эти способности абсолютно не востребованы, более того, где их не хотят, не терпят даже...

- Большая ответственность. Страх раскрыться. Боязнь втянуть в эту проблему близкого человека.

- А может быть, он что-то ей и рассказал... - заметил Вестгейт еле слышно. - Знаешь, ведь очень даже может быть...

- Но тем не менее она пришла к нему.

- Да, брат. И они о чем-то договорились. Тут я не знаю, верить ей или не верить.

Понимаешь, она была чертовски обозлена на Волкова поначалу. По ее словам, когда я родился, она хотела, чтобы отец хоть изредка приходил. Но он категорически не желал видеть своего ребенка.

- Не верю, - тут же сказал Игорь.

- И я не верю, - Вестгейт повернулся к брату и посмотрел на него в упор. - И раньше не верил, а теперь совсем не верю.

- Ставлю ящик бренди, что отец изначально не хотел иметь с тобой

ничего общего и об этом был уговор. А твоя мать все надеялась, что Волков этот уговор нарушит.

Извини, конечно...

- Ничего, все нормально. И я думаю, отец знал, что рано или поздно я его найду, - сказал Вестгейт. - И у него есть для меня какое-то достаточно убедительное объяснение всему, что случилось.

- Вообще, тебе грех жаловаться, - заметил Игорь.

- А кто сказал, что я жалуюсь? - усмехнулся Вестгейт. - Я просто хочу его увидеть. И все наши распри вчерашние, за которые я еще раз прошу у тебя прощения...

- Ерунда, - отмахнулся Игорь. - Это ты меня извини.

- Ладно, забудем. В общем, я вообразил, что ты стоишь между ним и мной.

- Я просто растерялся.

- Ну и слава богу, что мы теперь вместе. А мы вместе, правда?

Игорь протянул Вестгейту руку, и тот ее торжественно пожал.

- Вот, собственно, и все, если вкратце, - сказал Вестгейт. - Мама говорила, что у отца есть семья, есть сын немного моложе меня. Что отец нашел приличную работу, но как был чудачком, так им и остался. И что это самый лучший человек на свете. Ну, я все рассказал. И теперь я могу с тобой работать как психотерапевт.

Имею право, ты понимаешь?

- А как тебя занесло на Службу? - спросил Игорь.

- Читай Устав, - посоветовал Вестгейт ощутимо напрягшимся голосом.

- У меня этот Устав вот где, - Игорь провел ребром ладони по горлу. - Я только и делаю, что его нарушаю.

- А другие? - спросил Вестгейт.

- Что другие?

- Те, от кого ты ждешь, что они в ответ тоже его нарушат.

- Ах, вот ты о чем... - протянул Игорь. - Какой ты, однако... Просто не брат, а целый брат по разуму. Слушай, Алекс, а ты ведь редкостный хитрец! Ты настолько не глупее меня...

- Кто говорил, что я глупее тебя?

- Я, - ответил Игорь очень уверенно. Вестгейт подавил усмешку. До него уже дошло, что Игорь сам для себя - непререкаемый авторитет.

- И как ее зовут? - поинтересовался Вестгейт.

- Читай Устав! - рассмеялся Игорь.

- Хорошо, - кивнул Вестгейт. - Оставим. Так в чем твоя проблема, брат?

- У меня есть подозрение, что мной манипулируют, - сказал Игорь. - То, что я говорил вчера насчет этого нападения по дороге... Ну, что оно нарочно подстроено, чтобы нас к чему-то принудить. Это я глупость сказал. Но мысли у меня в этом направлении крутятся неспроста. Я очень странно чувствую себя в последние дни. Пришибленно, что ли... Видишь ли, Алекс, я чертовски не хочу, чтобы наш с тобой крестовый поход завершился. Не знаю почему. Но я бы дорого дал за то, чтобы мы так и не добрались до Волкова. Меня не оставляет предчувствие беды.

- А как ты ее видишь? - спросил Вестгейт очень мягко, но уже не включая "фирменного" голоса.

- Беду? - Игорь задумался. - Там случится что-то очень нехорошее. Понятия не имею, какую оно примет форму. Но дело вообще не в этом. Понимаешь, Алекс, я ведь на Службе знаменит своеволием, а также

грубостью и нетактичным поведением. Если бы я не был приманкой для Волкова, меня бы давно уже выгнали к чертовой матери.

А веду я себя так, потому что привык верить своей интуиции. Если я чувствую, что надо сделать так, а не иначе, то на приказы мне плевать. Все будет сделано только по-моему. И меня же еще похвалят. Потому что я никогда не ошибался раньше, понимаешь? Главное - следовать первому импульсу, и все будет нормально.

Это у меня с детства. Какая-то аномалия в энергетике, наверное.

- И когда тебе приказали ехать со мной к отцу, первой твоей реакцией было отторжение, - угадал Вестгейт.

- Но я согласился, - развел руками Игорь. - Знаешь, брат, у меня было такое ощущение, будто я во сне. В голове опилки, руки как ватные, и вообще, словно это не я, а кто-то другой сидит и головой кивает. Более того, я начал себя уговаривать, что вот наконец-то появился хороший повод утрясти личные проблемы.

Волкова увидеть, с тобой познакомиться... Но первый импульс был - нет, ни в коем случае, не соглашайся, ничего не подписывай, беги со всех ног. Я только позже на голой логике сумел убедить себя, что бояться нечего.

- И на этом основании ты делаешь вывод...

- ...что мне была дана какая-то установка, - закончил Игорь мысль брата.

- Допустим, - сказал задумчиво Вестгейт. Он встал и с хрустом потянулся. - Допустим...

- Ты мне верь, - посоветовал Игорь с нажимом. Он взял сапоги и принялся обуваться. - Если ты - брат по разуму, тебе положено. Не тормози.

- Да я верю, тебе виднее. Хорошо, допустим, было гипнотическое внушение. Это самое простое, а главное - быстродействующее. Ты ведь недавно почувствовал давление, верно?

- На днях, - пробормотал Игорь, тоже вставая. - И я уверен, что это была какая-то целенаправленная установка, напрямую связанная с нынешним кризисом.

- Вспомни, - попросил Вестгейт. - С тобой ничего странного не происходило в последние дни? Если тебя гипнотизировали, то должен быть небольшой провал в памяти, скорее даже ощущение, что ты чего-то не расслышал в разговоре с кем-то.

Отвлекся вдруг и не расслышал.

- Да ты знаешь, - нахмурился Игорь. - Столько было диких разговоров и идиотских ситуаций... - и тут он осекся.

Вестгейт с трудом подавил в себе желание протянуть руку и взять Игоря за плечо - так вдруг изменилось его лицо.

- Елки-палки, - сказал Игорь без малейшего выражения, глядя под ноги.

- Черт побери. Не может быть такого.

- Объясни, - попросил Вестгейт. - Давай вместе.

- Да очень уж все на поверхности, - пробормотал Игорь, поднимая на брата полные недоумения глаза. - Ведь действительно был такой момент, и не далее, чем третьего дня. А знаешь, где? У Папы в кабинете. На личной встрече. Секретной даже от своих, в обход протокола.

- Пойдем, - сказал Вестгейт. - Попробуем.

- Как это делается технически? - спросил Игорь.

- Ну, сначала мы во всех подробностях вспомним, о чем был разговор и

что там происходило вообще, какая была обстановка... Это можно? Ты не против?

- Да ерунда, мы же там не судьбы мира обсуждали...

- Отлично. А потом я тебя слегка загнипотирую...

- В чем бы ни заключалась установка, скажи, реально ее сломать или нет?

- Любую установку можно сломать. Видишь ли... Отчего возникает это ощущение провала в памяти? От того, что тебе в конце сеанса дают приказ на забывание. А я в конце нашего с тобой сеанса такого приказа давать не буду. И когда ты проснешься, то будешь помнить все. И тогда уж сам разберешься, как тебе относиться к тому, на что тебя пытались запрограммировать. Если тебе эта установка не понравится, ничто тебя не заставит ее выполнить.

- Она мне точно не понравится! - заявил Игорь агрессивно.

- Надеюсь, что ее вообще не было, - процедил Вестгейт.

- Она была, - заверил его Игорь. - Точно была, не надейся. Не могло ее не быть.

Этот негодяй поймал меня как мальчишку. Просто классический прием - заставил смотреть на ритмично качающийся блестящий предмет. И нагло так! Даже не попытался сгладить переход к действительности! Я точно помню - сидел и таранился на эту штуковину. А потом смотрю - пепельница стоит, и ничего больше. А у него, паразита, рука трясется, и потный он весь, будто штангу поднимал. Вот сволочь!

Вестгейт сокрушенно вздохнул и потер ладонью щетину на подбородке. Рассказ Игоря был слишком правдоподобен для того, чтобы не рассеять сомнения. И в то же время Вестгейта не покидало ощущение, что он участвует в каком-то дешевом любительском спектакле. Будто его силком заставляют произносить банальности и делать глупости. Действительно, как заметил Игорь, "очень уж все на поверхности".

Вестгейт считал так же. И ему было весьма не по себе.

- До чего же мне все это не нравится! - сказал он.

ГЛАВА 14

ПЯТОЕ ИЮНЯ, ДЕНЬ

Игорь лежал на диване в гостиной и курил, пуская дым в раскрытое настежь окно.

За стеной глухими прибойными волнами шумел лес.

На животе у Игоря лежал снятый с предохранителя девятимиллиметровый пистолет с двадцатью патронами в магазине и одним в стволе.левой рукой Игорь прижимал к щеке кляксу.

Ничего особенного, просто защитная реакция.

Специальному уполномоченному Федеральной Контрольной Службы Игорю Игоревичу Бойко приказали убить своего отца.

Не подвергая опасности собственную жизнь, не рискуя понапрасну. Но как только подвернется случай, всадить несколько пуль Волкову в голову. Может быть, из этого самого именного пистолета, который сейчас тяжело покачивался в такт дыханию Игоря.

"Ты хоть что-нибудь понимаешь?" - спросил Вестгейт обескуражено.

"Какие же мы молодцы, что догадались это сделать", - прошептал Игорь вместо ответа.

"Это ты молодец", - сказал Вестгейт и ушел. А Игорь схватился за оружие и долго не мог выпустить из руки излучающую спокойствие огнестрельную смерть.

"Теперь мы просто обязаны дойти до конца, - подумал он. - Я увижу его и скажу - здравствуй, отец. Несколько дней назад произошло нечто вроде стихийного бедствия, и под ударом оказалось полтора ста тысяч ни в чем не повинного народа.

Служба уверена, что ты можешь разрешить этот кризис и вытащить людей. Но она же, Служба, приказала мне застрелить тебя. А теперь разбирайся сам, что все это значит. А мне, пожалуйста, дай чего-нибудь выпить... Интересно, какое у него будет выражение лица. Красивого мужественного лица, совсем не похожего на мое.

Интересно, как он посмотрит на Алекса, свою более удачную копию. А еще интересно, сколько я успею выпить прежде, чем упаду..."

Игорь выбросил окурок за окно, убрал пистолет в кобуру и, небрежно подбрасывая на ладони кляксу, поднялся на ноги. Он окончательно утратил желание и способность анализировать происходящее. Видимо, наступила эмоциональная перегрузка, потому что Игорю стало просто все равно. Впереди был тупик. В нем, правда, брезжила надежда на то, что умный Волков придумает, может быть, как же дальше жить на белом свете его непутевому сыну. Но надежда эта была весьма зыбкой. Великая и гуманная Служба, опора прогрессивного человечества, вдребезги подставила своего верного бойца по прозвищу Боец. Единственное, что теперь Игорь ощущал по отношению к Службе, было угрюмое злорадство от того, что для этой милой организации настал, похоже, судный день.

А больше Игорь вообще ничего не чувствовал. Он только хотел найти Вестгейта и как-то его успокоить, потому что брата неожиданное открытие потрясло до глубины души. Бедняга явно не ожидал, что рядом с ним уже сутки находится этакая самоходная бомба, зомбированный убийца. Игорь спрятал кляксу за пазуху и вышел из дома.

Двор оказался пустынен - Винни снова нес караульную службу на дороге, залегши в тени распахнутой воротины. Игорь огляделся и решил уже подать голос, когда со скрипом приоткрылась дверь большого сарая, где лесник хранил какое-то ненужное барахло. Игорь посмотрел в ту сторону и мгновенно отскочил за сосну.

Из сарая вышел, а скорее даже выполз дипломатический советник Вестгейт. Был он согнут пополам, глаза имел неестественно круглые, а обеими руками вцепился себе в гениталии. Прислонился к стене, глубоко вдохнул, несколько раз присел и, не отпуская рук от зашибленного места, заплетающейся походкой уковылял, кряхтя, за забор, к озеру.

Игорь обалдело помотал головой. А потом быстрым, но совершенно бесшумным шагом, отточенным на занятиях по оперативной подготовке, двинулся к сараю. Приблизился вплотную и нашел здоровую щель в разошедшейся стене. И тут же услышал тяжелое, с пристаныванием, дыхание. А потом в ярком свете, бьющем сквозь дырявую крышу, увидел Тину.

Запрокинув голову и широко раздвинув колени, она лежала на куче рыбацких сетей.

Ковбойка ее была теперь расстегнута, джинсы спущены до щиколоток.левой рукой Тина судорожно и грубо мяла свои туго напрягшиеся груди. А правой крепко держала себя между ног, и только по тому, как пульсировала жилка на предплечье, можно было понять, что пальцы ее сейчас шевелятся в бешеном темпе. Зрелище было жесткое, агрессивное и очень красивое.

Обомлевший Игорь смотрел, как девушка, кусая губы, терзает себя в раздражающей тело и душу ласке. Она стонала все громче, ее большие темно-коричневые соски топорщились, и из ложбинки между грудей радужной змейкой прыгнула на живот струйка пота, а на щиколотках то натягивались, то собирались в складки простенькие белые трусики в трогательный зеленый горошек.

Боясь лишний раз пошевелиться, Игорь смотрел, как играют тени на бьющемся в экстазе молодом женском теле. Он не мог оторвать глаз от этой прекрасной картины, ему хотелось смотреть и смотреть, и волна желания прокатилась по нему с ног до головы, заставив Игоря вздрогнуть. Он почувствовал, как учащенно начало биться сердце, и с удивлением обнаружил, что его дыхание ускоряется, будто пытаясь войти в тот же нарастающий ритм, что сотрясет на его глазах ласкающую себя девушку. Она вдруг изогнулась так, что на мгновение сделала немислимый "мостик" на пятках и голове, и с хриплым стоном рухнула навзничь.

Игорь с усилием засунул руки в карманы джинсов, поворочал затекшей шеей и снова прикинул одним глазом к щели. Тина лежала, безвольно разбросав в стороны руки, капельки пота стекали по ее животу и бисером играли среди взлохмаченных золотистых волос на лобке.

Игорь не без труда отлип от щели, кое-как дохромал до крыльца, полулежа сполз на ступеньки и закурил. На него вдруг снизошло нечто вроде просветления. Увиденное вышибло его из области загадок и тайн и напомнило, что есть на свете нормальные человеческие ценности, ради которых стоит жить. И если любого другого человека на месте Игоря упругая и мучительная тяжесть в низу живота заставила бы в подобной ситуации лезть на стену или яростно мастурбировать, то Игорю просто стало хорошо. Усталый мужчина с кучей проблем в жизни и комплексов в душе, он лежал себе на крыльчке, дымил сигаретой, наслаждался покоем и думал о хорошем.

А хорошее в его жизни было и ждало Игоря в Москве.

Нужно было только каким-то образом туда вернуться.

***

Дверь сарая распахнулась, и во двор разболтанной походкой вышла Тина. Вид у нее был несколько обескураженный. Заметив Игоря, она нахмурилась и сложила руки на груди.

- Присаживайся, красавица, - позвал ее Игорь. - Покурим.

- Да я только что, - невнятно отозвалась Тина. Она переступила с ноги на ногу, воровато огляделась и не спеша двинулась к крыльцу. - Я всегда покурить в сарай прячусь, даже когда отца нет. Он с тех пор, как сам бросил, очень это дело осуждает.

- Тогда поболтаем, - предложил Игорь благодушно. Тина уселась с ним рядом и, нахохлившись, коротко стрельнула глазом на его туго натянутые между ног джинсы.

- Слушай, - сказала она деревянным голосом. - Кто он вообще такой, этот Алекс?

- Русский шпион, - сообщил Игорь. И Устав, и другие нормативные документы Службы были ему теперь окончательно до фонаря.

- Удивил! - огрызнулась Тина. - С меня подписку взяли в обмен на паспорт. Что я, не знаю, что ли, чем отец занимается?

- И как ты к этому относишься? - спросил Игорь заинтересованно - А

никак. Мало ли хороших людей этим занимается. Вон, у тебя какой хвост обалденный, а ты тоже разведчик.

- Не-а, - сказал Игорь лениво. - Я эксперт по аномальным явлениям.

- Да ну?! Слушай, а вот у нас тут прошлым летом НЛО пролетал...

- Нет, солнышко, не НЛО. Это метеорологи свой дирижабль упустили.

- А-а... Жалко.

- Не жалея, не стоит. У настоящей "тарелки" есть черта, по которой четко можно определить, что это именно она. Ты ее до судорог испугаешься.

- То есть? - не поняла Тина.

- Испугаешься ты. Это и есть характерная особенность неопознанных летающих объектов.

- Очень страшно? - спросила Тина благоговейным шепотом.

- Я без понятия, - признался Игорь. - А опросы показывают, что когда как. Психи аномальных явлений вообще не боятся, скорее даже наоборот. Группа людей испытывает, как правило, острое беспокойство и желание отойти подальше. А одиночный контактер, нормальный психически, может оч-чень здорово струхнуть, наткнувшись на "тарелку".

- А ты их, значит, не видел... - протянула Тина разочарованно.

- Почему? - удивился Игорь. - Несколько раз. Пять или шесть, по-моему. Это не считая прочей нечисти.

- А что же ты говоришь, что "без понятия"?

- Да я их не боюсь! - рассмеялся Игорь. Тина внимательно оглядела его с ног до головы, снова задержав взгляд на ширинке брюк.

- Но ты-то нормальный, - сказала она наконец.

- У меня даже справка где-то валяется, - кивнул Игорь.

- А этот, - Тина безошибочно двинула подбородком в том направлении, где скрылся Вестгейт, - по-моему, не совсем...

- Что-то случилось? - спросил Игорь участливо.

- Да как тебе сказать. Не знаю. Нет, тебе скажу... Понимаешь, я в сарай покурить забралась, и тут он заходит. И начинает что-то такое говорить, ну буквально ни о чем. Просто тарачится на меня этими своими прожекторами и бормочет, бормочет, а меня в это время словно током бьет... И я вдруг понимаю, что еще минута, и я ему... Не то что на шею брошусь, а... Ты понял куда.

- Ну и дала б ему по яйцам! - сморозил Игорь и тут же испуганно затаих. Но Тина всего лишь рассмеялась, звонко и от души.

- Дай закурить, - попросила она. Низко склонилась к рукам Игоря, прикрывшим от ветра зажигалку, по-мужски выпустила дым через ноздри и благодарно кивнула. - Ты, собственно, угадал. Так я и сделала. Но вопрос этим не закрыт. Я ему, гаденышу, еще и по морде дам чуть погодя. Вот посижу с тобой, наберусь позитивной энергии и ка-ак тресну! Или Винни на него спущу. Винни за меня кого угодно задавит, я его, можно сказать, этими вот руками выкормила.

- Ну, не надо так уж... - вступился за брата Игорь. - Алекса и без того колотят все кому не лень. Я например.

- Гаденыш, - сказала Тина с утвердительной интонацией. - А ты-то его за что?

- Да так, по долгу службы. Ты не суди его строго, ладно? Он хороший парень. Он просто безумно одинокий.

- Я ему посоветую, куда свое одиночество засунуть, - пообещала Тина зловеще.

- Правда, не надо, - попросил Игорь. - Он мне вчера жизнь спас.

- Тебе? - Тина недоверчиво глянула на Игоря. - Слушай... А можно я тебя за хвост подергаю?

- Только не очень сильно.

- Да что ты... - Тина осторожно протянула руку и сначала погладила, а потом крепко сжала в кулаке и легонько дернула пышный коричневый хвост, свисающий Игорю почти до лопаток. - Вещь! Долго растил?

- Не помню. Несколько лет.

- И не секутся волосы?

- Не-а.

- Обалдеть, - вздохнула Тина. - Ну зачем мужику такие роскошные волосы, а? И ресницы... И глаза... - пробормотала она заворожено, рассматривая лицо Игоря в упор.

- Чтобы девочкам нравиться, - объяснил Игорь.

- А у тебя сейчас кто-то есть? - неожиданно спросила Тина. - То есть... Да что я, у тебя их, наверное, штук двадцать. Извини. Ты просто очень красивый. Извини, ладно? А то подумаешь еще, что возомнила о себе...

- Я ничего такого не подумаю. И вообще, будь я помоложе лет на пять, я бы уже к тебе грязно приставал, - сказал Игорь очень мягко и тут же обругал себя за откровенность, потому что в глазах девушки загорелся откровенный интерес, совсем уже не эстетический.

- А сейчас у меня, что бы ты там ни думала, никого нет, - продолжал Игорь. - А сам я давно и безнадежно влюблен в очень яркую и умную женщину...

- А она замужем? - предположила Тина.

- Лучше бы она была замужем, - вздохнул Игорь. - К сожалению, она работает в той же структуре, что и я. И нам по Уставу положено держаться на расстоянии друг от друга.

- Что за дурацкое правило! - возмутилась Тина.

- Не такое уж и дурацкое. Были прецеденты, к сожалению. Между офицерами спецслужб вообще каких-либо тесных отношений быть не должно. Очень вредит работе. Впрочем, мне на это уже наплевать.

- Ты увольняешься, - догадалась Тина. - Но ведь из Проекта не уходят. Мне отец рассказывал. Ты все равно будешь работать на них, разве нет?

- Не говори "Проект", - посоветовал Игорь. - Тебя могут не правильно понять.

Говори "Служба". А я оттуда не уйду. Я так все поверну, что им ничего другого не останется, как отпустить меня на все четыре стороны. И я даже смогу диктовать им условия. Потому что мне нужно, чтобы они отпустили и ее тоже.

- А если они ее не отпустят? - спросила Тина.

- Только если она сама не захочет уйти. Но тогда... Тогда я не знаю, что будет дальше. Понимаешь, она нужна мне. Но только сейчас я понял, буквально час назад, что, если она будет работать на Службе, я не смогу... Не смогу... - Игорь замялся и опустил глаза. Он действительно это понял. И ему стало больно. И он опять привычно анализировал и просчитывал разные варианты. А таким образом мыслить не стоило, потому что к нему тут же вернулся прежний Игорь, жесткий, расчетливый и самовлюбленный. Игорь, который ни на что не собирался надеяться, а все хотел знать наверняка. И этот Игорь знал истинную цену своей привязанности к женщине, о которой говорил, как о своей безнадежной

любви. Цена эта была - ноль без палочки. Он просто должен был хоть чего-то ждать от жизни-Он просто хотел увидеть в Службе, вобравшей эту жизнь в себя без остатка, хоть что-то хорошее.

Но Служба отторгла его. А он ответил ей тем же, и сейчас тщательно выстроенный идеальный образ рассыпался перед его внутренним взором. Игорь окончательно разлюбил Службу. А эта женщина была чем-то вроде ее лица. Прекрасного лица фирмы, которая научила Игоря стрелять в людей и чуть было не сделала отцеубийцей.

- Я буду молиться за вас... - вырвалось у Тины. Настолько искренне, что Игорь сел прямее и заглянул девушке в лицо.

- Что случилось? - спросил он. И увидел ответ. Увидел зеленые глаза и светлые волосы, зазорный носик, пухлые губы, полную грудь, гладкий упругий живот и заурядные ноги. И каждой своей клеточкой все это горело молодой влюбленностью.

Такой, как бывает в шестнадцать лет - с размаху и в полной уверенности, что навсегда.

- Я просто очень хочу, чтобы у тебя все получилось, - честно ответила Тина.

- Слушай, чудо! - рассмеялся Игорь. - Ты откуда?

- Из Питера, - удивилось чудо.

- Странно, - не поверил Игорь-- В Питере женщины не такие. Они там какие-то анемичные и претенциозные. А ты настоящая москвичка, кровь с молоком и хороший драйв.

- Это все папочкино воспитание. И не надо трогать Питер, ты, пижон московский!

Игорь фыркнул.

- Не город, а каменный мешок, - сказал он презрительно. И понял, что эта перепалка нужна ему только для того, чтобы оформить в слова принятое уже решение. - Ушли на север, нашли самое здоровое болото, залезли в него по уши...

- Ты прелесть, - перебила его Тина - А можно, я тебя еще раз за хвост подергаю?

- Да что ж такое... - пробормотал Игорь. - На! - Он повернулся и дал осторожной и ласковой руке вволю оттрепать себя за волосы.

- Да, у меня так не вырастет, - сказала Тина. - А жаль.

- У тебя зато очень красивый цвет, - заметил Игорь. - Ладно, слушай меня внимательно и не говори потом, что этого не было сказано.

- Ого! - В глазах девушки зажглись хулиганские искорки. Игорь ждал несколько иной реакции, но, похоже, недооценил силу обрушившейся на Тину любви с первого взгляда. Она готова была выслушать все, что он ей скажет, и идти за ним хоть на край света. Игорь почувствовал легкую дурноту. Он слишком много брал на себя. Но без этих слов, которые сейчас намеревался произнести, без этого страхового полиса он вряд ли мог пережить то, что ему предстояло в ближайшие дни.

- Сколько ты еще пробудешь здесь? - спросил он жестко.

- Недели три, - ответила девушка безмятежно. - Я потом до конца лета в Канаду уезжаю на практику.

- Хорошо... Если все пойдет нормально, дней через десять я сюда вернусь. За машиной. И тогда у нас с тобой будет очень серьезный разговор. Вот. Я это сказал.

Теперь реакция оказалась той, что нужно - девушка напряглась, и глаза ее похолодели.

- А мне все это время теряться в догадках? - спросила Тина. - Как там у тебя, сложилось или не сложилось? Ну, спасибо, - она медленно поднялась с крыльца и ушла в дом.

Несколько мгновений Игорь сидел неподвижно, и в голове его роились тысячи противоречивых мыслей. А потом он тряхнул головой, встал и пошел за Тиной следом.

Она еще ничего не успела - ни заплакать, ни поджать губы от злости, когда он крепко взял ее за плечо и развернул к себе лицом.

- Ты будешь думать совсем о другом, - очень мягким голосом приказал, а не сказал он. - Ты будешь думать о том, что я обязан вернуться. И если ты будешь думать об этом, то я точно вернусь. Потому что тогда меня не убьют.

- А она? - спросила Тина, ничего толком не услышав, но все поняв.

- Нет, - коротко мотнул головой Игорь.

И тогда девушка нырнула руками ему под куртку и обняла Игоря, прижимаясь к нему так крепко, как это может только человек, которому ты действительно нужен.

ГЛАВА 15

ПЯТОЕ ИЮНЯ, ВЕЧЕР

Финнов звали Юсси, Пааво и Хельга. Пара двухметровых мужиков, на вид чуть старше тридцати, и на удивление миниатюрная, совсем не скандинавского типа молодая женщина. Как и следовало ожидать, именно она была экспертом-визажистом. При виде своих "клиентов" она неприязненно сморщила нос и пробормотала нечто, что Игорь определил по интонации как ругательство.

- Что она говорит? - поинтересовался Игорь у Пааво.

- Я сказал, трудный материал, - объяснила Хельга. - По словесный портрет вы не есть такие яркие. По словам вы был совсем некрасивые. Теперь я вижу, это не так, и это нехорошо.

Пааво заржал и так хлопнул Игоря по плечу, что тот слегка пошатнулся.

- Не обращай внимания, дружище, - сказал Пааво. - Она всегда так говорит. Она уверена, что разведчик должен быть серый и незаметный.

- Я не разведчик, - сказал Игорь. - Вот он разведчик, а я просто так... За компанию.

Кобель Винни за воротами разразился оглушительным лаем.

Молчаливый Юсси достал из кармана ворох пластиковых карточек и небрежно высыпал в руки Вестгейту.

- Fuck! - сказал Вестгейт, разглядывая документы. - Ну за что мне такое наказание?

Пааво снова громогласно выразил свое удовольствие. Юсси смерил его ледяным взглядом и наградил комплектом пластмассы Игоря.

- Fuck!!! - рявкнул Игорь.

Начались ругань и препирательства. Вестгейт по новым документам оказался Фредом Донованом из Чикаго, штат Иллинойс, краснорожим, толстомордым и бородатым.

Реакция Вестгейта на такую новость была пространной и бурной, и из нее следовало, что если о чем дипломатический советник и мечтал, так это побыть хоть немного американцем. Оказалось, что Вестгейт Америку на дух не выносит, старается там дольше суток не задерживаться, а больше всего

на свете ненавидит говорить на американском языке, который он упорно не хотел признавать за английский.

С Игорем судьба обошлась не менее жестоко. На время перемещения через границы он становился украинцем с заковыристой фамилией Гура, тоже сотрудником Интерпола, как и американец Донован. Ничего особенно страшного в этом не было. Вот только с фотографии на Игоря смотрел агрессивной внешности блондин с рейнджерской прической-ежиком. У него даже виски были сбриты.

- Я стричься не буду, - сказал Игорь, инстинктивно отступая в угол и упирая руки в бока.

Винни лаял уже во дворе, задушено и хрипло. Судя по всему, его тащили за ошейник.

Шутник Пааво изобразил двумя пальцами ножницы, бочком придвинулся к Игорю и остолбенел. Прямо ему в живот уткнулся ствол игольника. Если бы Игорь всегда доставал оружие так резко, самое место ему было бы на Диком Западе.

Пааво ощутимо спал с лица. Из громилы-финна будто выпустили лишний воздух. Он даже в росте уменьшился.

- Кажется, мой брат действительно не будет стричься, - заметил Вестгейт одобрительно.

- Да он крэйзи! - заявил Пааво. - Эй, русский, ты с ума сошел. Юсси, сделай что-нибудь. Он в меня сейчас выстрелит.

- До чего же вы, финны, сволочной народ! - сказал Игорь горько, убирая пистолет.

- Как трепаться и хохотать, так я "дружище". А чуть нашла коса на камень, сразу же я "русский".

Пааво налился кровью, раздулся до прежних размеров и сунул Игорю под нос пудовый кулачище.

- Отстань от него, - второй раз с момента появления на хуторе открыл рот Юсси.

Первый раз был, когда Юсси назвал свое имя. Голос у него оказался холодный и слегка надтреснутый, словно простуженный. Русские слова Юсси выговаривал так, будто здесь родился. - Оставь его в покое и выйди.

Пааво шумно выдохнул, разжал кулак и неожиданно легким кошачьим движением выпрыгнул в раскрытое окно, почти не коснувшись подоконника.

- Он сумасшедший, - заявил Пааво уже снаружи. - Ты видел, он целился в меня, - и добавил что-то на языке, которого Игорь не знал.

- Он говорит, что будет жаловаться, - перевел Юсси. - Успокойся, Пааво! Кому ты на него пожалуешься? Маме? И ты сам виноват. Твои манеры оставляют желать лучшего. Пойди, развейся, погуляй. Между прочим, Алекс, вы бы тоже убрали оружие, ладно?

Игорь удивленно посмотрел на Вестгейта и увидел, как тот прячет за пояс свой игольник. Наверное, он достал его, когда Пааво махнул кулаком. Игорю стало приятно. Он неожиданно понял, что больше не будет чувствовать себя одиноким в паре с Вестгейтом.

- Спасибо, Алекс, - сказал он. - И вам спасибо, Юсси. Извините меня, пожалуйста, за этот спектакль. Но право же, я не хотел пугать вашего коллегу. Это он меня напугал. Он э-э... слишком большой.

- Ха! - подал из-за окна голос Пааво, который и не думал гулять, а нагло подслушивал. Он стоял прямо у стены, иначе ему ничего не удалось бы расслышать - собаки надрывались уже в три голоса, и на хуторе стало неожиданно шумно.

- Ты удовлетворен, Пааво? - спросил Юсси.

- Ха! Наверное. Только I can get no satisfaction, пока он не скажет, что финны хорошие люди-Как он нас обозвал, а, Юсси?

- Он сказал, что мы сволочной народ. И между прочим, не только он так думает. А все из-за таких чертовых викингов, как ты.

- Давай я скажу, что русские еще хуже, - предложил Игорь.

- Русские лучше, - не согласился Пааво. - Они, конечно, мудаки, но у них великая культура.

- Буду я сегодня делать мой работа? - поинтересовалась Хельга.

- "Мою работу", - поправил Юсси. - Да. Начинай с Алекса.

- Мой любимый писатель Федор Достоевский, - сообщил Пааво. - Хотя он еще больший сумасшедший, чем ты, дружище Игорь.

Игорь лег животом на подоконник, и наконец-то их с Пааво головы оказались на одном уровне.

- Тебе не стоило делать то, что ты сделал, - сказал он. - И мне не стоило делать то, что сделал я. Это была ошибка. Я не должен был направлять на тебя оружие. Я приношу тебе свои извинения. И финны - не такие сволочи, как это иногда кажется.

Давай лапу.

- Финны тоже мудаки, - сказал Пааво, осторожно пожимая Игорю руку. - У меня дед глушил рыбу динамитом. Его оштрафовали и чуть было не посадили в тюрьму. Ну, не мудак ли он после этого?

В глубине комнаты Хельга и Юсси уговаривали Вестгейта побриться, чтобы удобнее было вклеить ему искусственную бороду. Вестгейт брыкался, напирая на то, что если у украинца Гуры могли отрасти волосы, то американец Донован вполне мог успеть расстаться с бородой. Юсси возражал, что Игорь растил свой хвост незнамо сколько лет, и постричь его - это действительно экзекуция, а борода - ерунда, тем более что насчет Вестгейта у него, Юсси, совершенно четкие инструкции.

- И правительство у нас идиотское, - возмущался Пааво. - Сократили армию втрое.

И вот я здесь.

- Да зачем нам армия?! - рявкнул издали Юсси.

- Понятия не имею, - согласился Пааво. - Но я в ней служил.

- Что-то не так... - задумчиво сказал Игорь, по-прежнему лежавший на подоконнике и глядевший в сторону леса. У него вдруг неприятно засосало под ложечкой. И примерно там же, на дне внутреннего кармана, встревожено зашевелилась клякса.

- Господа!!! - У Юсси, видимо, сдали нервы, и он перешел на повышенный тон. - Кто бы вы ни были, на этом участке старший я! Я отвечаю за безопасное прохождение маршрута! У меня есть приказ! И сейчас я тоже буду приказывать!

Алекс, вот бритва. Все, никаких возражений. Пааво, кончай нести чепуху и иди сюда. Игорь, вы тоже идите сюда. Берите телефон, доложите заказчику, что мы вас приняли. Господин Максаков! Гос-по-дин Мак-са-а-ков!!! Да где же вы, черт побери?! Слушайте, русские, как же вы меня... Каждый раз... Просто дети... Вашу мать!!!

- Здесь я, - сказал Мэкс очень спокойно, выглядывая из-за косяка. - Кончай орать. А то я снайпера не слышу.

- Где?! - от неожиданности Юсси перешел на шепот и даже слегка присел.

- За испуг - саечку! - радостно крикнул за окном Пааво и разразился

гомерическим хохотом.

- Да вон где, - сказал Мэкс и протянул руку в направлении окна. Юсси, Хельга и Вестгейт дружно бросились под стол и с грохотом сшиблись лбами. В руке у Мэкса оказался большой автоматический пистолет со старомодным трубчатым глушителем.

Мэкс нажал на спуск, и пистолет несколько раз хлопнул. В стену со звоном полетели гильзы.

- Готов, - сказал Мэкс все так же спокойно. - Все могут встать.

В мире воцарилось гробовое молчание. Даже собаки уже не лаяли. Только в лесу что-то с хрустом валилось с дерева, ломая ветки.

Игорь осторожно поднялся на четвереньки. Из всей компании он упал первым. И оружие он тоже достал раньше всех.

- Левее! - крикнул Мэкс. - Пааво! Левее бери!

- Он может быть не один, - сказал из-под стола Юсси.

- Нет, - отрезал Мэкс.

- Где Тина? - спросил Игорь, и сам удивился тому, как естественно у него вырвался этот вопрос.

- В подвале, - мрачно ответил Мэкс. - Самое подходящее место для барышни ее лет и темперамента, - говоря это, он неспешными движениями свинчивал с пистолета глушитель. И когда длинная черная трубка отделилась от ствола, отправил пистолет за спину, за пояс, таким уверенным движением, что Игорю даже завидно стало.

Теперь он был уверен, что помимо штатного лучевого ружья и обреза помповой гладкостволки Охотник по прозвищу Мэдмэкс носил еще и пистолет.

- Я же сказал - все могут встать, - пробурчал Мэкс. - Пойдем, Юсси, посмотрим.

Юсси выбрался из-под стола и осторожно выглянул в окно. Мэкс повернулся и вышел из комнаты. Юсси посмотрел на Игоря, горестно покачал головой и тоже вышел.

Вестгейт тоже встал и, потирая ушибленный лоб, подал руку Хельге.

- С вами уже бывало так? - учтиво поинтересовался он.

- Сожалею, больше, чем один раз, - вздохнула она. - Как вы полагаете, Алекс, можно мы продолжать?

- А что нам еще остается? - хмуро сказал Вестгейт и взял со стола электрическую бритву.

- Я, пожалуй, тоже схожу посмотрю, - сказал Игорь неуверенно.

- Может, не стоит? - спросил Вестгейт, неприязненно разглядывая бритву. - Что говорит по этому поводу твоя знаменитая интуиция?

- Может, и не стоит, - согласился Игорь. - А интуиция моя не шевелится. То есть ей все равно. И клякса тоже не шевелится. Уже.

- Она что-то заметила? - удивленно поднял брови Вестгейт.

- Да, но только поздно. Наверное, опасность была чересчур далеко. А потом, здесь оказалось столько народа... Слишком много разных излучений, очень мощный фон.

- Как я понимаю, нас выручили собаки, - заметил Вестгейт, включая бритву и с отвращением прижимая ее к щеке.

- Наверное. И в любом случае, нас выручил Охотник Мэкс. Не пожилой лесник Олег Максаков, а именно Охотник Мэкс, старший "Мобильной группы Три".

- Расскажи мне потом про Охотников, - попросил Вестгейт, строя ужасные гримасы выбриваемым лицом.

- Обязательно, - кивнул Игорь.

***

Через полчаса, когда Мэкс, Юсси и Пааво вернулись в дом, работа с гримом была уже окончена. Пепельный блондин, в котором с трудом угадывался Игорь, сидел на полу в углу комнаты, небрежно поигрывая игольником. Бородатый и растрепанный мордастый дядька, совершенно не похожий на Вестгейта, бродил от стены к стене и давился противными хрюкающими звуками - ставил американское произношение.

- Ну и рожи! - восхитился Мэкс, оглядев преобразившихся братьев. - Как говорится, без слез не налюбуетесь. Ладно, ребята, вам пора. Я вызвал подмогу, нехорошо получится, если они вас увидят.

- Да, они будут сильно испуганы! - хохотнул Пааво, вытряхивая из волос древесную шелуху.

Юсси молча присмотрелся к братьям и сказал:

- Отлично, Хельга. Просто отлично. Собирайся, мы уходим.

- И кто там был? - спросил Вестгейт.

- Диверсант, - коротко ответил Юсси и поежился.

- Мудак в камуфляже с дорогой винтовкой, - сказал Пааво. - Русский мурак.

- Откуда вы знаете, что русский? - удивился Вестгейт.

- Потому что мурак, - объяснил Пааво.

- У него "Винторез" шестой серии, - сказал Мэкс. - Это совсем новая снайперка, они есть только в Безопасности и больше нигде. Я как раз в прошлом месяце проходил инструктаж... И вот на тебе.

- Ничего не понимаю, - сказал Вестгейт. - Если он из русской Безопасности, то, извините, почему один? И потом, с каких это пор Безопасность проявляет к нам интерес? Да еще и такой э-э... специфический?

- Чушь какая-то, - согласился Мэкс. - Но разбираться времени нет. Давайте топайте отсюда.

- Юсси, - позвал Игорь из своего угла. Он по-прежнему сидел на полу.

- У вас нет ощущения, что это сделано нарочно?

- Чтобы мы тут не задержались и поскорее ушли? - понял Юсси.

- Совершенно верно.

- Ну...

- Неважно, - вступил Пааво. - Ты думаешь о засаде, дружище, все правильно. Но мы пойдем такой дорогой, которую не знает никто. Даже господин Максаков. Очень трудно догадаться. Это совершенно особый маршрут.

Игорь закусил губу и опустил глаза.

- Я сам его придумал, - гордо сказал Пааво. - Это очень хороший маршрут. А как только мы придем в Суоми, вам уже нечего будет опасаться. Мы вас гениально спрячем. Вас никто не найдет.

- Нам нельзя прятаться, - сказал Вестгейт. - Мы должны идти дальше. Не знаю, имею ли я право об этом говорить. В общем, дамы и господа, на карту поставлено сто пятьдесят тысяч жизней.

- Я думаю, это уже не принципиально, - заметил Игорь, глядя на вытянувшиеся лица финнов. - Похоже, нашим работодателям сейчас не до того. Но мы все равно должны идти. Мы просто обязаны дойти до конца, если не ради этих людей, то ради нас самих. Наверное, я говорю излишне высокопарно. Но так получилось, что судьба загадала человечеству одну

загадку. И похоже, никто, кроме нас с Алексом, не сможет подобрать к ней ключ. А ключ лежит далеко отсюда. Ладно. Пойдемте.

Игорь встал на ноги, спрятал пистолет, и в этот момент у него на поясе зазвонил телефон.

- Вы куда звонили насчет подкрепления? - быстро спросил Игорь Мэкса.
- В Москву?

- Угу, - кивнул тот. - У меня приказ. Обо всем, что касается вас, докладывать непосредственно дежурному. В центральный офис.

- А, ну тогда это Королев... - расслабился Игорь и отстегнул телефон. Называть конкретные фамилии при финнах не стоило, но Игорь был по-прежнему очень зол на Службу. - Я Боец, - сказал он в трубку.

- Оставаться на месте! - бодро проговорил незнакомый голос.

- Ты кто? - удивился Игорь.

- Оставаться на месте! - повторил абонент. - Новые инструкции получите через час. Как поняли меня?

- Понял вас, оставаться на месте, ждать инструкций через час.

- Ждите, - сказали на том конце луча и дали отбой. Игорь выключил телефон и подбросил на ладони, глядя на него с сожалением.

- Хороший был телефончик, - сказал он. Огляделся и сунул трубку в руки Мэксу. В комнате все стояли неподвижно и молча смотрели на Игоря. Самым нетерпеливым оказался Пааво.

- Что случилось, дружище? - спросил он. - Проблема?

- Проблема, дружище. Мы с тобой не пойдем твоим замечательным маршрутом. Мы по нему побежим. И очень-очень быстро. Скажите, Юсси, господин Максаков и его дочь могут рассчитывать на убежище в Суоми?

- У господина Максакова там недвижимость, - ответил вместо Юсси лесник. - В чем дело?

- Вы знаете, что это за телефон и какой у него номер, - сказал Игорь.

- Сейчас по этому номеру звонил кто-то чужой. Приказал оставаться на месте и ждать инструкций через час. Он думал, что если связь закрытая, то не нужны кодовые слова.

- Та-ак, - протянул Мэкс. Телефон он держал безразлично, как дохлую змею. - Ну, вот и все. Наш Проект п...ой накрылся, царствие ему небесное. Ладно. Дайте мне пять минут, - и он быстро выскочил из комнаты.

- В телефоне маяк! - крикнул Игорь ему вдогонку. - Придумайте с ним что-нибудь!

- Знаю! - отозвался Мэкс из коридора.

- Очень плохо, - сказал Пааво.

- Да уж, ничего хорошего... - согласился Игорь.

- Нет. Ты не знаешь, дружище. По нашему маршруту нельзя идти с собаками. Там можно идти быстро, но только совсем бесшумно.

- Не понимаю, - сказал Игорь. - Там же нет сплошной охраняемой линии. У вас границу держат передвижные отряды.

- Это с нашей стороны, - вступил в разговор Юсси. - По большому счету, нам армия вообще не нужна. Особенно после того, как Пааво из нее выгнали.

- Мудаки, - вздохнул Пааво. - И теперь я здесь. И мне очень горько, что я сейчас вижу и в чем должен участвовать. Понимаешь, дружище, мы можем сделать заказ, и ваши пограничники откроют нам коридор. Но сейчас миссия - top-secret. И мы не делали заказ. Никто не знает, что мы прошли. А мы прошли через заставу. Почти насквозь. И назад пойдем так

же. Мне очень жаль, но у вас хорошие пограничники.

И у них много хороших собак. У Олега Петровича собаки еще лучше. Но все равно они будут лаять. Кавказские овчарки умная и надежная порода. Но они совсем не любят немецкие овчарки, которые есть у пограничники, - Пааво так волновался, что его русский оцутимо испортился. Видно было, что финн действительно переживает.

"Интересно, - подумал Игорь, - отчего он так привязан к Мэксу. Что тут у них вообще творится, хотелось бы знать..."

- У нас в Суоми отличные собаки, - продолжал расстроенный Пааво. - Но Олег Петрович мне подарил щенка, он уже вырос, и на него ходит смотреть половина города, где мой дом. Я не знаю, что решает Олег Петрович... Понимаешь, дружище, он слишком к ним привязан... - тут Пааво осекся. В дверях стояла Тина и внимательно слушала его.

- Здравствуйте, - сказала девушка. Одета она была по-походному, и на плече у нее висел небольшой рюкзак. Выражение лица у Тины оказалось совершенно каменное.

- Здравствуй, Тина, - произнес молчавший до этого Юсси. - Ты готова?

- Да, - Тина осмотрела собравшихся, безошибочно вычислила заgrimированного Игоря и немного просветлела лицом. - Тебе совершенно не идет этот цвет волос. А так... ничего.

- Ты вон на Алекса посмотри, - неудачно попытался снять царящее в комнате напряжение Игорь.

Тина бросила взгляд на американца Донована и презрительно фыркнула.

- Эй! - позвал с улицы Мэкс. - Где вы там?

- За мной, - приказал Юсси, и команда гуськом проследовала во двор. Мэкс стоял у крыльца, заложив руки за спину и раскачиваясь с пятки на носок. По его виду было ясно, что Пааво напрасно терзался. Мэкс никуда идти даже и не думал. Во всяком случае - сейчас. Пока что он собирался устроить партизанскую войну.

- Ну, счастливо, - сказал Мэкс, пожимая руку Юсси. - Пааво, веди себя хорошо.

Хельга, мое почтение. А вам, мальчики, ни пуха.

- К черту, - пробормотал Игорь, невольно стараясь задержать ладонь в теплой руке Мэкса. Он чуть было не спросил: "Вы остаетесь?", но пересилил себя. Тридцать пять лет назад в Охотники набрали людей гордых, трудно подчиняемых и болезненно самостоятельных. Именно у таких было достаточно шансов уцелеть, гоняясь ночами по московским подвалам за самыми жуткими чудовищами, которые в состоянии вообразить человек, - ходячими мертвецами. А впереди охотника всегда шла его собака. И в редких случаях, когда она оставалась жива после гибели хозяина, ей тут же стреляли в затылок. Натасканное на зомби-мутантов животное не было приспособлено к обычной собачьей жизни. Боевой пес Охотников не мог признать нового хозяина даже в порядке эксперимента. И на роль сторожевой, а тем паче - "домашней" собаки он не годился. Он был запрограммирован убить столько зомби, сколько выдержит. А потом умереть. Либо в когтях врага, либо от энергетического голодания, которое неизбежно влекли за собой любые контакты с выбравшимся из другого измерения монстром.

Да и о самих Охотниках нельзя было сказать, что они живут по-человечески. Из них тоже получилась в некотором роде стая, опасная и непредсказуемая. Сотня молодых и зубастых неврастеников во главе со своим обожаемым Мастером собак. И человек по прозвищу Мэдмэкс был в этой

стае одним из самых ярких бойцов.

Поэтому Игорь не стал задавать глупых вопросов. Он просто спросил:

- Как мне найти вас?

- Через И-нет, - Мэкс назвал сетевой адрес, и Игорь кивнул, запоминая. - Оставь там через месячишко какое-нибудь дурацкое послание на имя Зигмунда. Про собак что-нибудь. А Зигмунд сам на тебя выйдет. Скорее всего он будет знать, где я. Он у нас большой специалист по дохлым Охотникам.

- Какой же вы мудака, Олег Петрович! - сказал Пааво чуть ли не с восхищением.

- Научил я тебя на свою голову... - скривился Мэкс. - Юсси! За Тину головой отвечаешь. Все, побежали!

- Побежали, - уныло приказал Юсси. Пааво сорвался с места и тяжелой рысью выскочил за ворота. Хельга, махнув рукой Мэксу, пристроилась Пааво в затылок.

Вестгейт что-то пробормотал и кинулся следом. Игорь подбежал к своей машине, открыл багажник и навьючил на плечи рюкзак. Захлопнул крышку и с сожалением пнул колесо. Машину было жалко.

- Папа, я жду тебя, - сказала Тина чересчур спокойным голосом.

- Да не бойся ты! - рассмеялся Мэкс. - Я приду раньше, чем ты успеешь соскучиться. Ну! Бегом!

Юсси взял Тину за плечо, развернул лицом к воротам и слегка подтолкнул. В воротах уже ждал Игорь.

Мэкс с хрустом потянулся и заложил руки за голову.

- Эх, едрена кочерга, я опять в тылу врага! - продекламировал он.

В ответ ему из леса раздался нервный смешок Игоря, который шел замыкающим и все расслышал. Мэкс зачем-то помахал исчезающей в густых зарослях спине, повернулся и спокойным шагом направился в дом. Из прихожей он спустился в подвал, разгреб в углу кучу хлама и достал из-под нее несколько пластиковых мешков разных форм и размеров. Перетащил их в другой угол, на стоявший под тусклой от пыли лампочкой верстак. Потянул "молнию" на одном из мешков и взял оружие в руки.

Со сложенным прикладом оно было длиной чуть больше полуметра - толстый прямоугольный ствол, пистолетная рукоятка, короткий магазин, лазерный целеуказатель. Мэкс сдвинул рычажок, и там, где у нормального оружия бывает затвор, ярко вспыхнул зеленый огонек. Старый Охотник удовлетворенно крикнул, положил оружие на верстак, открыл другой мешок и ловко влез в перевязь с запасными аккумуляторами. Приладил за спину чехол с обрезом помпового ружья.

Опоясался патронташем и прицепил на бедро кобуру с пистолетом. Встал, попрыгал на месте и снова крикнул от удовольствия.

- Кажется, сейчас будут убивать! - сказал он бодро. Схватил под мышку еще один мешок, тяжелый и бряцающий содержимым, подобрал с верстака лучемер и совсем легко, как молодой, взлетел по лестнице вверх.

***

Небольшая металлическая коробочка была с дороги совершенно не видна. По-армейски деловитая надпись "This side to the enemy", выштампованная на "рабочей" стороне мины, глядела в лес. По расчетам Мэкса, именно здесь противник должен был начать кидаться из машин под елки. Конечно, расчеты эти были весьма приблизительны, но последняя мина все равно

оказалась лишней. Вопреки поговорке Охотников "боеприпасов и времени много не бывает" боеприпасов-то у Мэкса нашлось столько, что рук не хватало. Только времени, чтобы все рассчитать, оставалось в обрез.

Поэтому тактику он выбрал самую примитивную - бить сначала в лоб, а потом с фланга. Окажись на его месте человек с автоматом, это было бы чистой воды самоубийство. А вот человек с лучеметом, да еще знающий в окрестностях каждый пенек, имел реальный шанс поставить непрошеным визитерам хорошую клизму. Лишь бы они не приехали на грузовиках.

"Да, только бы не грузовики", - подумал Мэкс, устраиваясь на невысоком пригорке.

Вооруженный пульсатором, он мог бы запросто распотрошить несколько танков. Но два-три десятка хорошо обученных пехотинцев, рассыпавшись по лесу, свели бы его огневое преимущество на нет. Конечно, такой оравы Мэкс в гости не ждал. Но он привык делать поправку на обстоятельства и готовиться к худшему.

Прямой участок дороги был перед ним как на ладони. Мэкс еще раз просчитал свои действия и решил, что все получится. Конечно, ему раньше не приходилось убивать живых людей. Но за пять лет Охоты он прикончил почти четыреста двуногих прямоходящих зомби. И на штурме Объекта буравил голубыми молниями стену генераторной, за которой надрывно кричали совсем по-человечески. А противник - весьма растяжимое понятие. Живой он или не очень - все равно, если он пришел тебя съесть, ты должен только прицелиться и нажать. Без сантиментов. Поэтому в давешнего снайпера Мэкс стрелял, как в абстрактную угрозу своей жизни. И попал так гениально, что тот даже и не понял, наверное, что случилось. Да Мэкс и сам ничего не понял. Вроде бы убил человека. Ну и что?

Мэкс облизнул пересохшие губы. Вдруг захотелось курить. Еще захотелось, чтобы рядом была собака. Мэкс не привык воевать в одиночку. Это было не по правилам.

Охотники всегда держались стаяй - каждая спина прикрыта, каждое движение заранее отрепетировано. И ты знал совершенно точно - даже если тварь загонит тебе когти под ребра, тело у нее отобьют. Кто угодно может попасть твари в лапы, чтобы выбраться потом из-под земли ходячим трупом с вытекшими глазами. Но только не Охотник.

На секунду Мэкс зажмурился от нахлынувших эмоций. Он неожиданно вспомнил, как в Школу принесли на руках Мастера. Это было, наверное, самое жуткое, что Мэкс видел в своей жизни. Мастер не мог погибнуть по определению, это просто ни у кого не укладывалось в голове. И он действительно был еще жив. Казалось, что он уснул. Только кисть правой руки неприятно дергалась, будто искала что-то.

Охотники стояли вокруг, остолбенев от горя, и все молчали, только в углу вестибюля рыдал, захлебываясь слезами, Зигмунд. А Мастер все силился что-то отыскать, не раскрывая глаз. И тогда Мэкс протянул руку и отстегнул от пояса Мастера поводок. Вложил петлю в судорожно ищущие пальцы, и они вдруг сжались на поводке крепко-крепко и замерли.

И тогда рухнуло откуда-то с неба и придавило разом всех такое неподъемное одиночество, какого не знал еще ни один Охотник. Большинство из них с юных лет были существа отверженные и неприкаянные. Но сейчас, потеряв Мастера, они осиротели бесповоротно. "Сделай что-нибудь, Бенни", - попросил Мэкс. Но бригадир сенсов только вздохнул и отвернулся. Мастер пробыл около десяти минут там, где нормальный человек падал на пятой секунде, а Охотник в лучшем случае выдерживал сорок-пятьдесят. "Активная

зона" тварей, распространявшаяся вокруг каждого чудовища на несколько метров, неумолимо высасывала из человека энергию. А Мастера зажало в клещи сразу несколько десятков зомби. И, когда сели аккумуляторы и кончились патроны, он пошел на них врукопашную. Он и Карма, самая красивая и самая любимая в Школе собака.

"Он умрет, Бенни?" - спросил Мэкс. С надеждой, как будто сенс мог сказать "нет".

И Бенни снова промолчал, и опять стало тихо, только слышно было, как вдалеке Хунта тащит Зигмунда умыться, а тот упирается и что-то бормочет.

Тогда Мэкс посмотрел на часы и вдруг увидел, что жить ему осталось сто двадцать минут. Это знание явилось Мэксу ярким болезненным откровением, и он принялся озираться, словно ища защиты. Но вокруг стояли такие же камикадзе, разве что в отличие от Мэкса ни один из них не был латентным экстрасенсом и внезапными прозрениями не страдал. Даже Бенни, природный дар которого был искусственно форсирован, не мог предвидеть будущее. И другие сенсы этого не умели. Даже их начальник Доктор. Даже его дочь Олеся, которая могла усилием воли убить зомби-мутанта. И даже легендарный Тим Костенко, в существование которого вообще никто не верил, пока он не появился в Школу как к себе домой. А с Олегом Максаковым по прозвищу Мэдмэкс такое случалось, только он никому не рассказывал.

И тогда Мэкс испугался. По всем расчетам выходило, что на рассвете будет раскрыт затеянный Мастером заговор и всю Школу поголовно арестуют. Выйти сухими из воды можно было только одним способом - довести заговор до конечной цели. То есть через сто девятнадцать минут ворваться с боем на Объект и отключить психотронные генераторы. Перекрыть кислород тварям и высвободить Москву из-под невидимого гнета. Тогда слепые прозреют, спящие проснутся, а зомбированные чиновники Штаба просто сдохнут. И дело, которое Мастер считал главным в своей жизни, будет сделано. Но на пути к победе умрут все задействованные в штурме Охотники, и Мэкс в том числе. Умрет даже Бенни, который теперь должен идти в генераторную, под самое опасное излучение, вместо Мастера. Цель будет достигнута, и имена героев посмертно овеет слава. Но Мэкс не хотел быть героем. И ни один возможный исход - либо гроб, если атаковать, либо тюрьма, если не атаковать, - его не устраивал.

Поэтому буквально через секунду он уже знал, как себя вести дальше, - в какую машину сесть и когда дать задний ход. Он даже успел прикинуть, как вытащить с Объекта своего аналитика Лысого. А вот как спасти Бенни, он не знал. Бенни был нацелен на победу, будто стрела с зазубренным наконечником. И именно Бенни подал голос первым.

"Сколько у нас времени?" - громко спросил он. "В график укладываемся", - ответил издали Хунта. "Ну что, господа охотники?! - громыхнул Ветер. - Дадим копати?! А ну, группа Раз, в тактический класс бегом-марш!" И его люди привычно сорвались с места. "Вторая! - рывкнул Хунта. - Выходи строиться!" Мобильная группа Два, все оглядываясь на Мастера, растянулась вдоль стены. А Мэкс и Бенни стояли, глядя, как медленно вздымается и опадает грудь их друга, и самым гадким было то, что Мастер уже не нуждался в помощи. Его поглотила глубокая энергетическая кома. Он засыпал все глубже и глубже и скоро должен был заснуть совсем. Как спала в машине Карма, подергивая лапами и всхрапывая. И где-то посреди этого сна сердца человека и собаки должны

были остановиться. "Хотел бы я знать, что он видит сейчас", - пробормотал Мэкс. "Нет, - вздохнул Бенни. - Он уже там", - и ткнул пальцем куда-то вверх. "Проклятье, - сказал Мэкс. - Не верю". И тут распахнулась дверь, и в Школу вбежал Доктор.

Сначала Мэкс удивился, что это Доктор так легко одет - только в белом халате поверх рубашки. Потом до него дошло, что старик неся в Школу сломя голову.

Доктор, не говоря ни слова, упал рядом с Мастером на колени, схватил его за виски и закрыл глаза. А потом со стоном отнял руки и прижал их к лицу. Бенни длинно выматерился - значит, у него еще оставалась какая-то надежда. А Мэксу стало так невыносимо больно, что он отвернулся и пошел к лестнице, в тактический класс. Он с трудом переставлял ноги, тяжело переживая свое будущее предательство и оплакивая неудавшуюся жизнь, и уже взялся за перила лестницы, когда в вестибюле раздался громовой командный рык и началась какая-то непонятная беготня. Мэкс обернулся и обомлел.

Мастера опять волокли на руках. А следом шел весь в черном и переливающимся Тим Костенко. И вокруг него буквально плясали Хунта, Бенни и Доктор.

"...так и доложишь, - втолковывал Тим хлопающему глазами Хунте. - Погиб на расчистке, тело отбить не удалось. И все. Немедленно это зафиксируй. Чтобы по всем документам он был мертв. Что? Нет, собаку не могу. Поздно уже. Конечно, жалко... Эй, там, не тормози! Ну и что, что вперед ногами? Отставить разговорчики! Уроните Витьку - пеняйте на себя! Чтoб были на крыше через минуту!

Левое плечо вперед!"

Мэкс посторонился-Группа Два, сопя и толкаясь, взвалила Мастера на плечи и рванула по лестнице вверх. Под ногами звякнул карабин - это из руки Мастера выпал поводок. Мэкс нагнулся, поднял его, выпрямился и неожиданно утонул в бездонных глазах Тима. И ужаснулся. Потому что Тим заглянул ему прямо в душу. И ничего не сказал. Только резким движением вырвал у Мэкса поводок, намотал на руку и прошел мимо.

Минуло почти тридцать лет. Но даже сейчас Мэкс отлично помнил, какие у Тима были глаза. Зеленые, как смерть. Острые, как жажда крови. И хищные, как надежда.

Именно такие ассоциации возникли у Мэкса тогда. И только сейчас, лежа в засаде, Мэкс понял тайный смысл этих безумных метафор. В двадцать три года Тимофей Костенко должен был стать властелином мира. Богом. Его исподволь готовили к этому с детства. Из него вытравили почти все человеческое. Потому что настоящий Бог, вершитель судеб не в религиозном понимании, а в истинном - всего лишь бездушный компьютер. В этом его величие, и отсюда его власть распоряжаться людьми. Потому что убивать способны и люди. Но только холодный разум, не знающий человеческих эмоций, может по-настоящему поработать.

Тим отказался стать Богом. Он не положил свои руки на контакты психотронных генераторов. Более того, он уничтожил тех, кто хотел сломать человечеству хребет и железной рукой повести его к скотскому и рабскому счастью. Но сам он заплатил за свободу чересчур дорого. И тогда, в Школе, на Мэкса посмотрел человек, в глазах которого был весь мир. Эти глаза видели слишком много. И заглядывали чересчур глубоко. Это не были глаза Бога, потому что в них светился разум. Но и человеческими они уже не были. В них не осталось ни капли любви. Той безрассудной

любви, которая иногда переполняла глаза Мастера.

Тогда, раздираемый стыдом и болью, Мэкс присел на ступеньку и уткнулся носом в сомкнутые ладони. А теперь, спустя тридцать лет, он лежал под еловыми лапами и... Нет, не собирался отдавать долги. Он просто решил сделать первый по-настоящему самостоятельный шаг в жизни.

Вдалеке раздался шум моторов. Мэкс прислушался. По лесной дороге двигалось несколько легковых машин. Это вполне укладывалось в то, как Мэкс представлял себе развитие событий. Бедняга снайпер пришел через лес из ближайшего городка, где было отделение Безопасности. В его задачу входило только наблюдение. В крайнем случае, уйди группа с хутора раньше времени, он загнал бы беглецов обратно в дом. Ну, может, покалечил бы слегка одного-двух. А "братья" агентов Службы ехали специалисты из Питера. Вот они и приближались. Мэкс посмотрел на часы. Он пребывал в раздумье от силы минуту, а успел вспомнить и прочувствовать столько...

Машины начали выскакивать из-за поворота. Мэкс перевел лучемер на половинную мощность и постарался успокоиться. В снайпера он целился с холодной головой, а сейчас в крови всюду играл адреналин.

Может быть, поэтому Мэкс совершенно забыл о Тине, собаках и забавных мальчишках со Службы. За Тину он был спокоен - Юсси вытащит ее из любой неприятности. На собак Мэксу всегда было по большому счету наплевать, их дело было собачье, он держал их только из удобства и для денег. Ну, по привычке еще. А эти парни...

Мэкс узнал их обоих, точнее, вычислил, кто их отцы. Особенно был похож на своего родителя тот, что помоложе, с задатками сенса, Игорь. Странно, он ни словом не обмолвился, что его отец тоже был Охотником. А может, просто не знал. В любом случае, хорошо, что он тоже рядом с Тиной. У него должно быть наследственное чутье на опасность. И он хорошо вооружен. Так что *сейчас главное - отвлечь погоню. А ребята прорвутся.

На подходе было три машины, и где-то позади, в пыли, затерялась четвертая. Мэкс прицелился. И, когда до головного автомобиля осталось метров пятьдесят, нажал на спуск и слегка повел стволом лучемета слева направо.

Пульсатор сухо затрещал, и голубые молнии вонзились в крашеное железо. Машина встала поперек дороги и с хрустом кувыркнулась набок, загораживая обзор. Такой прыти от нее Мэкс не ожидал - видимо, сыграл злую шутку неприметный бугорок.

Охотник несколько раз выстрелил в пыльную черную крышу и вскочил. За лежащей на боку машиной в воздухе был сплошной песок - и Мэкс дал веером длинную очередь вслепую. И тут же второй автомобиль, мертвый водитель которого, видимо, нажал на газ, протаранил своего ведущего.

Задние машины стояли с открытыми настежь дверцами. Мэкс бросился влево, стреляя от живота по кувыркающимся на обочине фигурам. В него тоже палили, но без толку - ошарашенный противник спешно отступал для перегруппировки сил. На этот случай Мэкс и поставил на обочине "лишнюю" мину. И угадал - в лесу смачно грохнуло и раздались истошные вопли.

Мэкс издал воинственный клич. Давно он не чувствовал себя до такой степени при деле и на своем месте. Для вящего устрашения он еще раз "причесал" длинной очередью подлесок и скрылся в чаще, обходя свои жертвы по широкой дуге.

Душа Мэкса пела. И что-то в ней подсказывало, что сегодня его точно не убьют.

ГЛАВА 16

ШЕСТОЕ ИЮНЯ, УТРО

- Юсси, - сказал Игорь. - Почему ты мне раньше не говорил, что работаешь на Службу?

У Юсси не хватало нескольких зубов, и объясняться ему было трудно.

- Ты не спрашивал, - прошамкал он.

- Идиот! - прорычал Игорь. - Я думал, ты просто финский эсэсовец.

- Ты сам виноват, - вступился за финна Вестгейт. - Нужно было сразу все выяснить.

Игорь повернулся к Вестгейту и долго рассматривал его измазанное в грязи лицо.

- Может быть, у вас в Северо-Западном отделе было принято задавать лишние вопросы, - сказал он наконец. - То-то я смотрю - куда это делся Северо-Западный?!

- Перестань! - Вестгейт угрожающе выпятил челюсть. Они лежали под чахлыми кустиками на небольшом пригорке. Юсси в бинокль изучал поселок, раскинувшийся чуть севернее на берегу озера. Измотавшаяся до предела Тина спала, подложив под голову рюкзак.

- Нишефо не фишу, - сообщил Юсси. - А што фы такие нерфные? Фас-то не упьют. Это мне нушно нерфничать. А фас фозьмут шифыми и сунут под "промыфку".

- Нам нельзя под "промывку", - сказал Вестгейт мрачно. - Она нас угробит. Насчет Игоря не знаю, а меня точно.

- Не понял? - удивился Игорь. - Что-то ты раньше такого не говорил.

- У тебя обычный топ-секретный допуск. ЭКСТРУ тебе дали временно, да и то недоделанную. А у меня настоящая ЭКСТРА, только без права на убийство, уже пятый год. И когда я ее получал, мне в подсознание инсталлировали блокировку. Так что теперь, братишка, от "промывания мозгов" я просто сдохну.

- Что ж ты раньше не сказал... - пробормотал Игорь ошарашено.

- Все тебе не так, - Вестгейт презрительно сплюнул. За последние сутки от его хороших манер не осталось и следа. - Юсси тебе не сказал чего-то, я не сказал...

Мы подчиняемся тому же самому Уставу, верно, Юсси?..

- Ферно.

- ...а если тебе на него плевать, так это твое личное дело.

- Алекс, дорогой! - почти взмолился Игорь. - Да забудь ты про эти дурацкие правила! Какой теперь может быть Устав, если мне из диспетчерской Службы прозвонился по закрытому каналу кто-то чужой? Все, забудь! Нет больше Службы!

- И вот именно теперь, - сказал Вестгейт тоном наставника, - Устав нужно соблюдать досконально. Игорь, прости, но сейчас твои прежние знания и привычки ничего не стоят. Ты "легал", ты привык работать открыто. А у меня несколько другой опыт. И я тебе очень советую к моему слову прислушиваться.

- Ферно, - согласился Юсси.

- Мы найдем, где залечь, - сказал Вестгейт убежденно. - Только бы Юсси нас отсюда вытащил. Я знаю несколько мест вполне надежных. А потом мы выйдем на тех, кто еще остался, и что-нибудь вместе придумаем.

- Ага, - кивнул Игорь. - Придумаем себе на задницу. Ты как знаешь, а

я надеюсь только на... - тут он вспомнил про Устав и осекся. - Ну, ты понял на кого.

- Может быть, - кивнул Вестгейт.

Несколько минут они лежали в молчании. Юсси ворочал биноклем из стороны в сторону. Тина легонько посапывала во сне.

- Слушай! - вспомнил Игорь. - А как же Каспер?

- А что Каспер?

- Ну, у него ведь тоже должна была стоять блокировка.

- Когда эта технология появилась, он был уже старый, - вздохнул сокрушенно Вестгейт. - В преклонном возрасте такое радикальное воздействие на мозг плохо кончается. А потом, за него и не беспокоились. Если уж кто и не был похож на агента влияния, так это Каспер. Он сам мог любую разведку купить, продать и еще раз купить. Человек вне подозрений. У него стояла обычная ментальная защита - решили, что этого хватит. Во всяком случае, такова моя версия.

- Тьфу! - только и нашел что сказать по этому поводу Игорь.

- Есть сигнал! - встrepенулся Юсси. - Фижу! Ну, што телать?

- Пукать и отбивать чечетку, - посоветовал Игорь. Он осторожно потрогал левое плечо и скривился от боли. Их действительно хотели взять живьем. Так же, как и Юсси, Игорь нарвался на пластиковую пулю. Только Юсси попали в челюсть, и некоторое время его пришлось нести. Если бы не клякса, взволнованно зашевелившаяся у Игоря в кармане, еще неизвестно, успел бы он вовремя остановиться или нет. Но он успел и схватил за шиворот Вестгейта и Тину сшиб на землю, а правой рукой выхватил пистолет и запулил всю обойму поверх голов безвольно опрокидывавшихся Пааво и Хельги, которых подстрелили из игольника.

У Юсси тоже оказался настоящий пистолет, и вместе они заставили нападавших броситься врассыпную. Двигаясь перебежками за недоступной для игольника чертой дальности, они стреляли в темноту, отступая, а Вестгейт осторожно полз вперед, и Игорь материл его на чем свет стоит, надеясь, что дурак передумает геройствовать и вернется. По счастью, Вестгейту не дал стать героем очухавшийся противник.

Засада накрыла их плотным автоматическим огнем, и Юсси вдруг охнул и упал, а Игорю словно врезали по плечу дубиной. Он машинально схватился за раненое место, понял, чем стреляют, бросился к Юсси и помог Тине оттащить его на безопасную дистанцию. Тут появился невредимый Вестгейт, Игорь навьючил его бездыханным телом Юсси и пинками и руганью погнал как можно дальше от засады, которая от преследования благоразумно отказалась.

А теперь они сидели в конце запасного маршрута, и им нужно было решать, как себя вести дальше.

- Пукать и отбивать чечетку? - переспросил Вестгейт. - Интересная метафора.

- Это цитата, - огрызнулся Игорь. - Старый роман Воннегута.

- Не читал. А ты что предлагаешь?

- Застрелю любого, кто дернется, - пообещал Игорь. - Один косой взгляд - пуля в лоб. Никому больше нельзя верить - Стесь нас фстречает не эсэс, - сказал Юсси. - Интерпол. Мой сопстфенный контакт. Им ферить мошно.

- Да в общем-то, это не принципиально, - вздохнул Игорь. - Какая разница. Хоть Интерпол, хоть И-нет, хоть Папа Римский. В любом случае, нам больше идти некуда.

- Ферно, - кивнул Юсси, возвращая Игорю бинокль.

- Надо было кляксу бросить, - мечтательно промурлыкал Вестгейт, имея в виду ночное столкновение. - Или хотя бы гранату. И чего ты на меня орал?

- Дурак ты, вот чего. Кляксу нужно специально подстраивать, наводить на цель.

Для гранаты было далеко. А там сидело человек десять как минимум, и все в ночных очках. Мы у них были как на ладони. Наше счастье, что они не стреляли боевыми.

- Эх... Жаль. Я как раз такую удачную позицию занял...

- Да перестань ты! - Игорь подполз к Тине, склонился над ней и тихо позвал ее.

Девушка словно ждала этого. Она широко раскрыла глаза, обхватила Игоря за шею и прижалась губами к его губам. Быстрый ищущий язык проник в его рот. Игорь задохнулся от наслаждения и ответил на ласку от всего сердца, не задумываясь.

- Вау! - сказал Вестгейт. - Ну и ну! Человек, можно сказать, сам на себя не похож, а вот надо же... Не обманешь женское сердце поддельными документами.

Игорь с трудом оторвался от мягких и полных страсти девичьих губ.

- Нам пора, - сказал он.

- Я люблю тебя, - прошептала Тина.

***

Местные интерполовцы оказались ребята симпатичные и если и смотрели косо, то разве что на кляксу в левой руке Игоря. Разноцветный синяк у Юсси на щеке, а также драные колени и измазанные лица всей четверки тоже не произвели на встречавших особого впечатления. Нарушителей границы деловито запахнули в потрепанный микроавтобус, и уже через двадцать минут компания оказалась в гараже, одна из дверей которого вела в уютный маленький домик. Юсси тут же вступил с хозяевами в оживленную беседу по-фински, а "русскими коллегами" занялись невесть откуда появившиеся доктор и визажист. Еще через полчаса русские коллеги, до блеска отмытые, прилично одетые, благоухающие и несколько ошалевшие от такого энергичного приема, сидели рядышком на диване и ждали, что скажет Юсси.

Тот появился уже без синяка, в дорогом стильном костюме.

- Слушай, - спросил Игорь, - что это за место? Может, тебе и зубы уже вставили?

- Нет, - криво усмехнулся Юсси. - Тина, пошалуста, фыйти ф ту комнату на минутку.

Тина обиженно надула губы и удалилась. Юсси присел напротив братьев. Вид у него был еще более мрачный, чем обычно.

- Репята, - сказал он. - Фы уферены, што фам нушно тальше?

- А в чем дело? - поднял брови Вестгейт. - Давай, рассказывай.

- Прошто Шлушпе уше нишефо не нушно, - сообщил Юсси.

- Что? - переспросил Вестгейт, оборачиваясь к Игорю. - Ты понял, что он сказал?

- Он говорит, что Службе уже ничего не нужно, - перевел Игорь. Юсси активно закивал.

- Мы фстаем на консерфацию, - пояснил он. Братья озадаченно переглянулись.

- А ты-то что на меня тарачишься? - неожиданно разозлился Вестгейт. - Ты же этого всю жизнь дожидался.

- Перестань, - отмахнулся Игорь. - Юсси, дорогой, я понимаю, что тебе говорить тяжело. Но ты все-таки постарайся нам объяснить, что к чему.

И Юсси постарался. Он вкратце описал братьям, что именно творилось здесь, в Финляндии, пока он находился на российской стороне. Оказывается, за какие-то несколько часов по тихой и мирной Суоми прокатилась волна необъяснимых однотипных убийств, жертвами которой стали люди из самых разных слоев населения.

И друзья Юсси из Интерпола были почти уверены, что "отстрел" произвела местная секретная служба.

Маленькую группу Юсси, выполнявшую чисто технические задачи, этот кошмар не затронул. Да и сам Юсси, в легальной жизни вовсе даже не ээсовец, а полицейский офицер, занимавшийся вопросами приграничной территории, шансов "засветиться" имел немного. Держать секретные коридоры через границу входило в его прямые обязанности, и кого именно он водил туда-сюда, даже его местное начальство знало не всегда. А Юсси вообще никогда этого не знал, ему такой информации не полагалось в принципе.

Юсси даже не было известно, от имени какой "фирмы" поступает запрос на переход границы для его коллег по Службе. И что идут свои, он тоже никогда не был осведомлен. Золотое правило "меньше знаешь - крепче спишь". Даже под "промывкой"

Юсси мог выдать только одного человека из центральной финской резидентуры ФКС (кстати, уже мертвого). Да еще насчет лесника Максакова у Юсси и раньше были серьезные подозрения.

Но теперь Юсси потерял двоих, и каждый из них по отдельности мог рассказать достаточно, чтобы их шефа тоже осчастливили выстрелом в голову. А уж то, что господин Донован из Чикаго и некто Гура из Харькова могли свои бутафорские лица и документы спустить в унитаз, это было вне всяких сомнений.

Но в каком-то смысле частичный провал операции с братьями сыграл Юсси на руку.

Приказ открыть коридор для Игоря и Вестгейта он получил по аварийному каналу.

Через границу пошел фактически нелегально, что-то там наврав людям из Интерпола, которым иногда оказывал конфиденциальные услуги и которые согласились выгородить его перед начальством в случае неприятностей. А главное - на этот раз Юсси был в курсе, зачем и за кем идет. Поэтому нервничал, много говорил открытым текстом и передал свое волнение клиентам. И именно общая нервозность группы привела к тому, что она попала засаде в лапы не целиком. Поэтому Юсси оказался на родине невредимым. Добрался до компьютера и заглянул в одному ему известную конференцию И-нет. И обнаружил, что именно в тот момент, когда Игорь отстаивал свою прическу с игольником в руках, Служба отдала приказ финской резидентуре встать на консервацию. Короче говоря - лечь на дно.

Юсси был здорово обескуражен, но уже четко увязал между собой чрезвычайные происшествия в Финляндии и то, что творилось на русской территории. А для братьев эта информация означала только одно. Как и предполагал еще позавчера Королев, Федеральная Контрольная Служба прекратила свое существование.

- И что ты теперь будешь делать? - спросил Игорь. Юсси открыл было

рот, но тут в дверь постучали. Юсси что-то пробормотал по-фински, и в комнату вошел интерполовец, которого братья раньше не видели, невысокий плечистый дядька лет сорока с круглым добродушным лицом. Он был без пиджака, и из плечевой кобуры у него торчала потертая рукоятка полицейского револьвера. Несколько секунд интерполовец в упор рассматривал братьев, а потом отвернулся, дернул себя за мочку уха и произнес длинную фразу, от которой у Юсси затвердели скулы и проступил на коже загримированный синяк. Он с трудом выдал несколько слов.

Интерполовец заговорил снова, и с каждой секундой Юсси выглядел все хуже.

Наконец он кивнул и со вздохом опустил голову.

Интерполовец сел в свободное кресло, вытянул ноги, сложил руки на животе и улыбнулся братьям.

- Вы можете убрать оружие, - сказал он по-английски. Произношение у него было нарочито четкое, и Игорь все отлично понимал. - Все не так уж плохо. Мартин и девочка останутся у нас. А вы поедете дальше по своим делам. Только не возвращайтесь назад. Я понятия не имею, что здесь будет твориться через сутки.

- А я думал, ты Юхан или Юрген, - заметил по-русски Игорь. Он обращался к Юсси, но глаза его сверлили интерполовца, а ствол игольника смотрел улыбающемуся дядьке в грудь.

- Нет, он Мартин, - сказал интерполовец. - Извините, не могу говорить с вами по-русски. А я Улоф.

- Проснись, Юсси! - скомандовал Игорь. - Скажи что-нибудь, пока он жив.

- Нет... - через силу выдал Юсси. - Не нато. Фсе нормально.

Игорь медленно достал из-за пазухи кляксу, задержал ее в ладони, опустил на пол и толкнул к ногам Улофа. Клякса покатила вперед. Интерполовец перестал улыбаться. Круглыми глазами он смотрел, как клякса обнюхивает его ботинки.

- Freeze, you, asshole! - приказал Игорь.

Клякса высоко подпрыгнула, опустилась на подлокотник кресла и замерла рядом с судорожно вцепившейся в него ладонью. Видно было, что Улоф больше всего на свете хочет сейчас убрать руку, но боится ослушаться Игоря. Он явно никогда раньше не видел клякс. А то, что Игорь убрал игольник, добило интерполовца окончательно.

Он буквально позеленел. Казалось, его сейчас хватит инфаркт.

Юсси тоже заморожено глядел на кляксу.

- Ни х...я сепе... - пробормотал он.

- А теперь поболтаем, - сказал Игорь. Улоф сдавленно хрюкнул.

- У меня сердце больное, - пожаловался интерполовец.

- А у меня голова, - Игорь постучал себя пальцем по темени.

- Это я понял, - согласился Улоф. - Я не причиню вам никакого вреда.

Я не опасен. Все в порядке, коллеги.

- Тамбовский волк тебе коллега. Юсси! Либо ты просыпаешься, либо я сейчас всех здесь положу.

- А тальше што? - поинтересовался Юсси.

- А дальше мы пойдем туда, куда скажешь ты.

- Бессмысленно, - сказал Улоф. - Без нас вы далеко не уйдете. Мы вас ищем по всей Европе уже третий час. Мы знаем вашу настоящую внешность и ваши настоящие имена.

- И с какой же радости вы нас тогда отпускаете? - спросил Вестгейт.

- Таков приказ.

Вестгейт непонимающе помотал головой.

- Объясни, - приказал Игорь.

- Мы вас ищем для того, чтобы обеспечить безопасное передвижение.

- Так он друг?! - Игорь в изумлении обернулся к Юсси.

- Нет. Ты фсе прафильно понял.

- Это только так кажется. По-моему, я уже ничего не понимаю.

- Сейчас поймешь, - пообещал Улоф. - Для начала уясни: вы теперь вне закона не только здесь, но и у себя на родине. Вчера русская Безопасность провела несколько штурмовых операций в Москве. Ваша организация полностью разгромлена.

- Удивил! - вяло огрызнулся Игорь. Но глаза опустил.

- Ваши руководители захвачены, - продолжал Улоф. - Я думаю, их ждет международный трибунал. И кстати, молодые люди, постарайтесь теперь не подавать вида, что вы русские. Не исключено, что информация о вашей организации может быть предана широкой огласке. И с этого момента к русским во всем мире будет очень плохое отношение.

- И чего же вы хотите от нас? - спросил Вестгейт упавшим голосом.

- Мы знаем, кто вы, - объяснил Улоф. - И мы должны вас пропустить. Тех, кто с вами, - задержать. Но двоим по имени Бойко и Вестгейт не чинить препятствий. Три часа назад пришла такая информация. Между прочим, она касается всех. Никто вас двоих не будет задерживать, ни одна европейская полиция. И как я понимаю, специальные службы вас тоже пропустят. Но любого, кто с вами, они должны отсесть.

Вы можете идти только вдвоем. Эй! Не спеши!

- Почему? - Глаза у Игоря были холодные и прозрачные, и Улоф верно истолковал этот взгляд.

- Ваша девочка сейчас уже далеко отсюда, - сказал Улоф. - Это я сам придумал. Я могу получать разные приказы, и я обязан их выполнять. Но мне никто не может запретить позаботиться о своей безопасности.

- А кто тебе сказал, что это наша девочка? - прошипел Игорь. - И с чего ты взял, что она хоть что-то для меня значит?

Судя по всему, понимал Улоф по-русски блестяще, вплоть до тончайших интонаций. И он серьезно изменился в лице - если так можно сказать о человеке, физиономия которого уже несколько минут сильно перекошена. Сначала от ужаса при виде кляксы. Потом - от кровожадного восторга, когда Улоф решил, что его пленники сломлены.

- Ты блефуешь, - выдохнул он. - А я нет.

- Дурак, - усмехнулся Игорь. - Алекс, ты понял мою идею? Ты со мной?

- Я понял, - кивнул Вестгейт. - Идея хуже некуда. Но долги нужно отдавать.

- Мой рюкзак на полу справа от тебя. Возьми обоймы с красной меткой.

Вестгейт что-то недовольно проворчал, но тем не менее перегнулся через подлокотник и стал копаться в рюкзаке.

- Не нато! - почти взмолился Юсси. - Их тут шелофек тфатцать. И наш шлушают и шмотрят.

- Именно так, - ввернул Улоф.

- Юсси, не нервничай. Лучше уясни свою роль. Когда все кончится, если Тина еще здесь, хватай ее и беги. Если Тину увезли, не ищи ее. Просто спасайся. И спасибо тебе за все.

- Нет! - крикнул Юсси. - Итиот! Не нато! Улоф! - Он заговорил по-фински. Улоф кивал.

- Он не с вами, - перевел Улоф. - И он правильно делает. Он разумный человек.

Так что ваш план бессмыслен.

- Но Тина все еще здесь, - заметил Вестгейт, рассовывая по карманам обоймы с красной меткой на боковине. - Я все-таки у окна сижу. А оно выходит на дорогу. И ни одной машины я пока не заметил.

- Слушают нас или нет? - задумался Игорь.

- Слушают! - поспешно кивнул Улоф. - И видят.

- В любом случае, если этот кретин не хочет бежать...

- Тина наверняка помнит дорогу, - процедил Вестгейт, злобно рассматривая Юсси. - Даже я помню. Спокойненько вернется в Россию. А там ищи ее...

- А ведь это мысль! - обрадовался Игорь. Он встал, с наслаждением потянулся и сделал на каблуке не особенно изящный пируэт. Взял с подлокотника кресла Улофа кляксу. Улоф шевельнулся было, но игольник Вестгейта уже смотрел в его сторону.

Юсси сидел неподвижно, с каменным лицом.

- Думай, Юсси, - прошептал Игорь прижимая кляксу к щеке.

- Да он уже сломался, - хмыкнул Вестгейт. - На него не рассчитывай.

- Какой ты стал агрессивный, - почти неслышно сказал Игорь, прикрыв глаза.

Кляксу он теперь держал у переносицы.

- Это у нас родственное, - ответил Вестгейт.

- Обещайте, что сохраните мне жизнь! - внезапно потребовал Улоф. - Поклянитесь!

- Что еще такое? - спросил Вестгейт брезгливо.

- Поклянитесь! - почти закричал Улоф, в ужасе тараща глаза на священнодействие Игоря с кляксой. Наверное, он прочувствовал серьезность момента до конца. Вряд ли его могли так напугать какие-то молодые русские ээсовцы. А вот клякса...

- Я могу дать информацию, которая вам нужна! - простонал Улоф.

- Почему ты уверен, что она нам нужна? - Игорь говорил чуть нараспев. Он присел на корточки у своего рюкзака и левой рукой прижимал кляксу к груди в области сердца, а правой что-то в рюкзаке искал.

- Потому что она вас интересует! - Улоф даже подпрыгнул в кресле от нетерпения.

- Поздравляю, братишка, - промурлыкал Игорь, доставая из рюкзака армейскую противопехотную гранату и пряча ее в карман. - Нас не видят и не слышат. Какие же они кретины! А еще Интерпол...

Улоф расплылся в кресле, будто подтаявшее мороженое.

- Вот видите, я сказал... - прошептал он.

- Ну, возьми теперь свою пушку и застрелись, - предложил Игорь.

Улоф тупо посмотрел на рукоятку у себя под мышкой.

- Но я не все сказал... - выдал он с надеждой в голосе. - Я не сказал вам, сколько людей и где. И про девочку...

- Да, про девочку! - оживился Игорь, подходя к Юсси и забирая у него оружие.

Юсси сидел как неживой. То ли он сейчас мучительно соображал, то ли от нервной перегрузки способность думать утратил.

- Поклянитесь! - твердо сказал Улоф.

- Motherfucker! - сказал Игорь, будто плюнул. - Хорошо. Клянусь. Честное слово.

- Так не клянусь, - замотал головой Улоф. - Я тебе не верю.
Игорь скрипнул зубами.

- В присутствии свидетелей клянусь, что не причиню тебе вреда. Я, Бойко Игорь Игоревич, специальный уполномоченный Федеральной Контрольной Службы, даю тебе в этом слово офицера.

- Теперь ты, - потребовал Улоф, глядя на Вестгейта.

- Именем отца и матери обещаю не причинять тебе вреда, - с видимым усилием пробормотал Вестгейт. - Могу поклясться на Библии.

- А теперь рассказывай, сука, - потребовал Игорь. - И не забудь про тех, кто сидит у нас под ногами, в подвале. Думаешь, я не догадался?

- Хорошо, - кивнул Улоф. - Я вижу, что вы не остановитесь в любом случае. Но в моих силах помочь обойтись без ненужных жертв. Вам незачем убивать тех, кто в подвале. Люк открывается в кухне. Вы можете повалить на этот люк холодильник. Он тяжелый, они не смогут открыть. А это из подвала единственный выход.

- Что там, в подвале?

- Вас это не касается, - твердо сказал Улоф. - И для вас это не опасно.

- Хорошо. Сколько людей на этаже и где конкретно?

- Здесь только пятеро. Ваша девочка в соседней комнате, одна, - Улоф дернул головой, показывая направление. - Она ничего не знает, я не хотел пугать ее раньше времени. Двое охраняют прямо за этой дверью. Один у телефона, вы видели где. Один в прихожей, и один у двери в гараж. Больше никого. Те, кто осматривал вас и помогал одеться, давно уехали.

- Что за оружие у твоих людей?

- Есть огнестрельное. Но против вас только игольники, это приказ.

- А почему все так несерьезно, Улоф? - спросил Вестгейт. - Идешь один на переговоры, совершенно без поддержки. Мы же в глобальном розыске. И никакого уважения. Ты нас даже разоружить не додумался - Только не ври!

- приказал Игорь. Он разрядил пистолет Юсси и швырнул его за диван.

- Вас не нужно было разоружать. Вы должны были согласиться.

- Это как? - удивился Игорь, доставая из-за пояса игольник.

- В информации было сказано подробно о вас. Вы не оперативники, а специалисты, у вас совершенно нет опыта. И вы намерены выполнить свою задачу. Поэтому, если на вас не давить и не унижать, вы должны были просто согласиться. Осознав всю безвыходность ситуации для вас. Особенно если сломается ваш проводник...

- Я не шломалша, - пробормотал Юсси. - Но мне совершенно некута пешать. Я ф пешфыхотном полошении.

- Там было все написано о вас, - вздохнул Улоф. - И я поверил. Наши информаторы никогда не ошибаются.

- Да они и сейчас не ошиблись, - пожал плечами Игорь. - Сколько еще будут ждать те, кто за дверью?

Улоф затравленно посмотрел на Игоря и бросил короткий взгляд на часы.

- Я приказал тридцать минут, - сказал он. - Значит, еще десять.

- Хорошо. Когда о вас начнут беспокоиться?

- Если ничего не случится, контрольный звонок через три часа. И еще час им ехать сюда.

- Хорошо, - повторил Игорь задумчиво.

- Госпота, я пойду с фами, - подал голос Юсси. - Исфините меня. Я притумал, кута мне прятатьша. И у меня ешть укрытие тля Тины. Фы мошете апшолютно не пешпокоитьша. Поферьте мне.

- Хорошо, - в третий раз сказал Игорь.

- А теперь свяжите меня, - сказал Улоф. - Галстуком и шнурками. Потом я буду лицом бить о стену, пока не потеряю сознание. И тогда можете начинать, но постарайтесь без лишних жертв. Кажется, все.

- Понял. Алекс, ты готов? ~ Командуй, брат.

- Твой человек у двери во двор. Мой у двери в гараж.

- А мне што телать? - спросил Юсси.

- Лежать трупом, - ответил Игорь. И выстрелил ему в живот. Юсси всхлипнул, опустил глаза на торчащий из его рубашки красный хвостовик иглы и повалился ничком на пол.

- Зачем?! - изумился Вестгейт.

- Он сделал правильно, - сказал Улоф. Он изо всех сил старался не потерять самообладания, но голос его все-таки дрожал. - Я даже как-то не подумал.

Действительно, вам не нужно меня связывать. Вы же можете выстрелить...

- Запросто, - кивнул Игорь, нажимая спуск. Игольник хлопнул, и красное пятнышко впечаталось в живот Улофа. Интерполовец сделал глотательное движение, на губах его запузырилась слюна, и он деревянно откинулся в кресле. Вестгейт, опустив свое оружие, смотрел, как на брюках Улофа расплывается темное пятно.

- Какой же ты все-таки подлец! - сказал Вестгейт с чувством.

- А зачем он нам врал?

- Про что?

- Да про подвал!!! - рывкнул Игорь, с размаху швыряя кляксу в дверь. Клякса пропорола толстое дерево насквозь, не оставив ни малейшего следа. А снаружи начали кричать.

- Go! - Игорь пинком распахнул дверь и, перепрыгнув через копошащиеся на полу тела, бросился в гостиную. Там клякса уже терзала человека, сидевшего у телефона. Он все еще оставался на стуле, беспорядочно дрыгая конечностями. В другой ситуации это выглядело бы даже комично. Игорь протянул руку, и клякса тут же выскочила из тела, которое продолжило свой танец смерти в одиночестве. А Игорь шмякнул кляксу об пол и побежал к углу, за которым начинался коридор к гаражу.

Со стороны прихожей стрекотали игольники.

Из-под ног, куда просочилась клякса, доносились отчаянные вопли. Игорь высунул ствол из-за угла и дал веером длинную очередь, стараясь зацепить максимально возможное пространство. И прямо у его ног с деревянным стуком трахнулась об пол чья-то голова. Опоздай Игорь на секунду, он имел бы дело с хорошо тренированным стрелком. Но Игорь успел.

Война в прихожей, кажется, прекратилась. Игорь осторожно высунулся в коридор.

Никого. Тогда он по стене добежал до двери и приоткрыл ее. Гараж был совершенно пуст. Там не оказалось даже машины. Выругавшись, Игорь кинулся обратно.

- Алекс! - крикнул он. Ему не ответили.

Игорь распахнул дверь в комнату Тины. Девушка сидела на кровати и сонно хлопала глазами. Игорь бросил ей на колени игольник, а сам достал пистолет.

- Под кровать! - приказал он. - Увидишь чужие ноги - стреляй по ним! - и убежал.

В гостиной человек у телефона все еще сидел на стуле, опустив голову на грудь.

Из прихожей не доносилось ни малейшего движения. Видимо, одолевший Вестгейта противник затаился. Но Игорь знал, как его выкурить. Он достал из кармана гранату и, не вырывая кольца, пустил ее за угол. Прячущийся там враг должен был инстинктивно дернуться и выдать себя. Но он не пошевелился. Тогда Игорь выпрыгнул в прихожую и от неожиданности чуть было не застрелил собственного брата.

Вестгейт, закрыв глаза, полусидел-полулежал в очень неудобной позе на высокой подставке для ботинок. Игла с желтым хвостовиком торчала у него из плеча.

Противник Вестгейта нелепо свисал верхней частью туловища с антресолей над дверью.

- Хитрец, - пробормотал Игорь, выдергивая иглу из плеча брата. Вестгейт начал съезжать со своего насеста, и Игорь осторожно уложил его на пол. Обошел изобретательного охранника и со стороны двери заглянул ему в лицо. Оно было утыкано иглами, как подушечка для булавок.

Игорь подобрал гранату, на всякий случай запер дверь и двинулся обратно.

- Тина, можешь выходить! - крикнул он, проходя через гостиную.

- Я боюсь, - мрачно ответили ему из-под кровати.

- Поздно уже бояться, - сказал Игорь, останавливаясь в дверях кухни.

Люк в полу действительно был. Но клякса, устало поводя боками, лежала не на люке, а на крышке посудомоечной машины. Игорь мягко погладил черный пульсирующий шарик, и клякса в ответ довольно заурчала. Во всяком случае, так Игорь понял ее реакцию.

Он убрал кляксу в карман и внимательно осмотрел посудомойку. Все кнопки были вроде бы на месте. Игорь сунул руку между машиной и стеной и почти сразу же нашел потайной тумблер. Перебросил его, и машина бесшумно откатилась в сторону, открывая лесенку вниз.

В одном Улоф не соврал - внутри дома на самом деле не было ни камер, ни микрофонов. Наблюдение велось только за прилегающей территорией. Но этого хватало бы, вздумай пленники бежать. Далеко бы их непустили. Еще из подвала имелся отдельный выход через вентиляционную шахту. И ход в гараж. И еще какие-то двери, ведущие явно вверх. А под тем местом, где в кухне находился люк в полу, имелся объемистый короб - скорее всего какая-нибудь бутафория или даже ловушка.

В самом подвале оказался мощный пост связи, на терминалах которого работала смена в восемь человек. Перешагивая через тела, Игорь бегло осмотрел мониторы, но ничего толком не понял. И компьютеры, и программное обеспечение принадлежали, судя по всему, к тому самому новейшему поколению, о котором Игорю рассказывал Мишка Лавров. Единственное, что до Игоря дошло, так это то, что он вывел из строя немаловажный винтик большой системы, и теперь самое верное - убираться отсюда как можно скорее.

Но и оставить всех этих людей наблюдать за тем, как из гаража выезжает машина, было невозможно. В таких серьезных заведениях, как это, без системы взаимного оповещения между "крышей" и "подвалом" не работали. Недаром пульт с мониторами слежения и микрофоном внутренней связи помещался отдельно. Чтобы охранник, говоря с "крышей", не мешал людям за большими терминалами.

- Ну, кашу заварил... - пробормотал Игорь, взбираясь по лесенке

наверх.

***

- По пути стреляй во все, что шевелится, не стесняйся, - сказал Игорь, отдавая Тине позаимствованный у интерполовцев в домике игольник.
- Когда подойдешь вплотную к месту перехода, оружие выкинь. И иди к отцу на хутор. Есть у меня подозрение, что где-то он там неподалеку залег и тебя перехватит. А если нет - на хуторе будут ребята из Безопасности. Расскажешь им все от корки до корки.

Ничего не скрывай. Если тебя пограницы все-таки сцапают, опять-таки требуй офицера Безопасности. И главное, с того момента, как ступишь на российскую землю, не геройствуй. Чуть что - лапки кверху. Потому что у наших игольников нет. У них огнестрельное, и они любят им пользоваться. Горьким опытом научены, поверь мне, я знаю.

- А иначе никак? - спросил Вестгейт из машины, изо всех сил растирая ноги.

Парализатор крепко прихватил ему нижнюю часть туловища.

- Я хочу, чтобы она была жива, - сказал Игорь твердо. - А Безопасность ей точно ничего не сделает и другим не позволит. "Промывка" будет, конечно...

- И "чистка", - заметил Вестгейт.

- Заткнись, - попросил Игорь. - Я другого выхода не вижу. Сейчас отрабатываются все связи ее отца. Разумеется, поднимется вопрос - а где в этот момент была его любимая дочурка? Извини, Тина. Это я думаю вслух.

- Я понимаю... - прошептала Тина. - А что такое "промывка"?

- А, ерунда. Профессиональный термин. Это такой метод допроса, - почти не соврал Игорь. - Человеку, которому нечего скрывать, он не опасен. А тебе нечего скрывать, учти это. Ты не участвовала ни в чем дурном или направленном во вред твоей родине. Запомни это крепко. А теперь иди.

- Я увижу тебя... когда-нибудь? - спросила Тина с надеждой.

- Обязательно. Если сделаешь все так, как я сказал - обязательно.

- Но ведь ты...

- Что я, ангел мой? Я тоже не сделал ничего дурного. И я тоже скоро приду сдаваться. Просто нам с Алексом нужно завершить одно дело. Ничего не бойся. Мы встретимся в Москве, я обещаю. И очень скоро.

- Я верю... - Тина прильнула к нему, и Игорь крепко ее обнял.

- Все, - прошептал он, поцеловал ее волосы и легонько оттолкнул девушку от себя.

- До свидания, - сказала Тина. - Любимый.

- Счастливо! - крикнул из машины Вестгейт.

- Пока, - Тина повернулась и исчезла в лесу. Но сразу за первым же большим деревом остановилась, прижалась к нему спиной и съехала по стволу на землю, как будто у нее подломились ноги.

- Позер и лжец, - сказал Вестгейт севшему за руль Игорю. Сказал вяло, не осуждая, а констатируя факт. - До чего же ты любишь манипулировать людьми! С каким наслаждением ты это делаешь!

- Ты давай копыта растирай, - посоветовал Игорь, трогаясь с места.

- Да я растираю...

- Потерял Батарейку? Она бы сейчас тоже пригодилась.

- Да черт ее знает, где она. Неважно. А ты, братец, все-таки редкая

зараза.

Любого, с кем соприкоснулся, в состоянии говном измазать. Вот скажи, кого ты из меня сделал? Против моей воли. Сначала убийцу. Потом клятвопреступника.

Интересно, что дальше, а?

Игорь рассмеялся. - - Неужели ты все это серьезно? - спросил он беззлобно, выруливая с проселка на шоссе.

- Не очень, - признался Вестгейт. - Слушай, ты не гони. И вообще не нарушай.

Машина-то краденая.

- Да пусть нас поймают. Сами же и отвезут, куда скажем. Но какой же идиот этот Улоф! Собственными руками могилу себе вырыл, трепло!

- И вовсе он не идиот. Был. У него просто специальность не та. Он же, наверное, уголовников ловил. А тут увидел двоих перепуганных мальчишек...

- Так уж я старался! - гордо заявил Игорь. - Играл, как в хорошем театре! Я разве что не описался. С перепугу и от безысходности...

- А ты ее совсем не чувствуешь? - удивился Вестгейт. - Я имею в виду - безысходности...

- Ты же слышал, что я Тине сказал. Я не сделал на Службе ничего дурного.

- После "чистки" она тебя забудет... - неожиданно сменил тему Вестгейт. - Слушай, а ты ее...

- И тебя она забудет тоже! - рявкнул Игорь так жестко, что Вестгейт мгновенно умолк и принялся с удвоенной энергией массировать ноги. Некоторое время они ехали молча. А потом Игорь сказал:

- Не в добрый час мы с тобой встретились, правда?

- Да уж...

- И все-таки я очень рад, что познакомился с убийцей и клятвопреступником.

- От такого слышу. Я тоже рад.

- Да не "от такого", братишка. Если бы не твое вмешательство, я мог бы стать еще и отцеубийцей. Спасибо тебе.

- Забудь! Это же ты сам догадался... Я, собственно, только помогал.

- Все равно с меня бутылка. Слушай, ты ходить уже можешь?

- Думаю, да. А что?

- Просто мне не нравится, что у моего брата такая некрасивая морда. Вон бензоколонка, там должен быть сортир. Нейтрализатор у меня в рюкзаке. Пошли, восстановим былое очарование?

Минут десять они, страдальчески морщась, поливали себя химией, уничтожая несмываемый грим. Фальшивая пластиковая борода Вестгейта сопротивлялась нейтрализатору как родная. А особенно туго пришлось Игорю с его пышной гривой, которой нужно было вернуть естественный цвет. Но в конце концов они увидели в зеркале свои привычные лица. И лица эти улыбались.

- И что, кто-то хочет сказать, что мы не прорвемся? - спросил Игорь у своего отражения.

- Все-таки у тебя колоссальная психическая упругость, - заметил Вестгейт завистливо. - Весь мир, можно сказать, обрушился, а ты...

- Мой мир в порядке. Служба для меня не значила ни черта. Она мне только палки в колеса ставила каждый божий день.

- И что ты дальше намерен...

- Да я уже все сказал! - Игорь удивленно повернулся к Вестгейту. - Разберемся с личными проблемами, и я пойду сдаваться. Спорим, что меня возьмут в Безопасность уже через месяц? Спорим, у меня будет свой отдел Спецпроектов? И спорим, что у меня половина народу в подчинении будет со Службы?

Вестгейт недоверчиво хмыкнул.

- Ты уже забыл про город Каледин, с которого все началось, - сказал Игорь.

- Действительно... - пробормотал Вестгейт.

- А ведь он остался. Пусть там даже все помереть успеют, пока мы до Волкова доберемся. Но, в любом случае, с городом что-то нужно делать. А кто это организует?

- Хорошая у тебя специальность, - вздохнул Вестгейт.

- И у тебя тоже, - сказал Игорь твердо. - И на тебя найдется спрос. Конечно, если ты не успел натворить черт знает чего.

- Может, и не успел. Но без "промывки" мне никто не поверит. А она меня убьет!

- А снять твою блокировку - никак? - спросил Игорь осторожно. Он совсем забыл про опасность, подстерегающую Вестгейта при "промывании мозгов". Точнее, он все никак не мог поверить в такие иезуитские методы засекречивания информации, как установка смертельных для носителя блоков в сознании.

- Того, кто мне ее ставил, уже нет в живых, - процедил Вестгейт.

- Н-да, хорошего мало... Какая гадость эти нейротехнологии! Тина бедная теперь их прочувствует во всей красе ни за что ни про что...

- Слушай! - оживился Вестгейт. - Так все-таки ты ее успел поймать или нет?

- А в лоб?

- Подумаешь, - надулся Вестгейт. - Тоже мне событие, девчонку соблазнил.

- А по яйцам? - Игорь подобрал рюкзак и направился к выходу. Вестгейт еще раз посмотрел на себя в зеркало, пригладил виски и заковылял вслед за братом.

- По яйцам не надо, - сказал он на улице. - Это уже было. Только и делает Россия-мать, что пытается меня кастрировать.

- Может, и не зря, - заметил Игорь, бросая рюкзак на заднее сиденье и усаживаясь за руль.

- Вообще, нам не помешал бы ланч, - Вестгейт сел рядом и с тоской посмотрел на придорожный кафетерий.

- У меня наличных нет. Только карточки, а они теперь все заблокированы, да еще и в розыске.

- И у меня то же самое. Ладно, не будем искать неприятностей. А может, ограбишь кого-нибудь, а? Чего тебе стоит? Вот, машину угнал...

- Слушай, Алекс. - Игорь повернулся к Вестгейту и посмотрел на него в упор. - Давай ты перестанешь меня злить, а я тебе за это облегчу страдания. У меня с Тиной ничего не было. А вот ты, подлец, ее изнасиловал.

- А-а... То есть?

- После того, как бедная девчонка от имени России-матери дала тебе по яйцам, твои нейролингвистические штучки-дрючки все-таки ее достали. Она мастурбировала с такой силой, что я думал, она себя в клочья порвет. Ну что, доволен?! - против желания Игорь начал повышать голос. - Скажи мне

теперь, кто из нас манипулирует людьми?! А?! Еще раз увижу... Не дай бог! - Игорь задохнулся от ненависти, умолк и отвернулся.

- А ты, значит, подсматривал! - осклабился Вестгейт.

- Убью!!! - заорал Игорь.

- Да за что?! Все же тебе досталось! Я старался, раскручивал ее эмоционально, а ты...

- Ах ты сука!

- Да пошел ты!!! Я в кустах лежал почти без сознания! А ты в это время смотрел, как она дробит! А сам ты что делал, когда смотрел, а?!

Дальше события развивались почти по московскому сценарию. Только Игорь на этот раз ударил первым. Локтем правой руки он залепил брату в живот, а кулаком - в глаз. Вестгейт широко открыл рот, уронил голову между колен и в таком положении затих.

Игорь прислонился щекой к ободу руля, вцепился в "баранку" до боли в пальцах и громко застонал. Ему было невероятно больно, и он совершенно не понимал отчего.

Когда Вестгейт пришел в себя, оказалось, что Игорь навзрыд плачет - неумело, задыхаясь и размазывая слезы по лицу.

Так их и арестовала финская дорожная полиция - один угонщик обнимает другого, гладит по голове и баюкает, как ребенка, и шепчет ему на ухо слова на непонятном языке.

И улыбается при этом счастливой улыбкой. Как будто утешает очень близкого человека.

ГЛАВА 17

ВОСЬМОЕ ИЮНЯ, УТРО

Внешне участок, принадлежавший господину Хайнеману, от соседних не отличался. И жилище у него было - ничего особенного, типичный швейцарский домик. Но в то же время сразу было видно, что здесь живет русский человек. Словно пылью все присыпали. Где-то что-то хоть чуть-чуть да обшарпано. А увидев в глубине двора отцовский "Лендровер", Вестгейт брезгливо сморщил нос. Даже у лесника Максакова техника выглядела почище.

Из-за кустов в глубине участка поднимался легкий туман. Судя по всему, там пряталось небольшое озерцо.

- Красота! - сказал Игорь, заводя руки за голову и потягиваясь. - Свобода! А также равенство и братство. Только вот пиво в Европах сомнительное, доложу я тебе. Настоящее пиво - это такое, которого незачем выпивать помногу. Возьмем, к примеру, "Гиннесс"... Практически от любого его сорта глубокое и всеобъемлющее счастье обрушивается на меня уже в начале второго литра. А эта косорыловка, которой нас на неметчине угощали, ее же канистрами нужно хлестать...

- Косорыловка - это от "косое рыло"?

- Разумеется. Велик и могуч наш родной язык. Знаешь, какое самое экзотическое название русского деревенского самогона? "Стенолаз".

Вестгейт на секунду задумался, потом коротко хохотнул и снова впал в отрешенное молчание.

- Тоже нервничаешь? - догадался Игорь. - Ну-ну.

- Пошли, - сказал Вестгейт сухо и вышел из машины. Он теперь командовал часто. В Европе роль ведущего в паре как-то вполне

естественно перетекла к нему. А Игорь хотя и не потерял своего красноречия, но в целом заметно поутих. Особенно с той поры, как ему на нервы стали давить Альпы.

Двое суток эсэсовцы разных стран передавали братьев из рук в руки, но за это время статус Игоря и Вестгейта так и не определился. Соответственно с ними и обращались - со сдержанной неприязнью. На вопросы отвечал только Вестгейт, коротко и неопределенно. А Игорь молчал, сумрачно улыбался и непрерывно курил, чем особенно досаждал конвоирам-европейцам. Едва обстановка немного разрядилась и воевать стало не с кем, он вспомнил, что неуютно чувствует себя за границей, подозрительно относится ко "всяким нерусским" и вообще хочет домой. Это была, конечно, блажь, но с каждым новым километром, отдаляющим Игоря от Москвы, на душе у него действительно становилось все муторней. Пейзажи вокруг были чужие, дома непривычные, люди странные. И вели себя эти люди совсем не так, как в Москве, где любого иностранца рано или поздно начинают окорачивать русские культурные традиции, одна из которых - сдержанность и корректность на трезвую голову. А здесь все были словно под мухой - развязные, излишне подвижные и голосистые. Игорь представлял себе Европу несколько другой. Как минимум, он не подозревал, что здесь ему все время будет хотеться выпить.

Еще хотелось показать конвоирам, что такое Служба - набить как следует их раскормленные морды и сбежать. Но, во-первых, это было бы глупо. Во-вторых, оружие у братьев все равно отобрали, а сцепиться врукопашную с четырьмя здоровенными лбами Игорь не рискнул бы. Оставалась, правда, клякса, временно превратившаяся в черный блинчик и теперь неодобрительно ворочавшаяся у Игоря в сапоге. Кляксе тоже было нехорошо. Особенно тягостно на ее состоянии отразились те полтора часа, что она пряталась в прямой кишке хозяина во время личного досмотра. Проводивших его финских эсэсовцев штатная экипировка офицера Службы потрясла до глубины души. Они явно никогда раньше не видели ни усовершенствованного игольника, ни спецрации, а маркер-кит разве что не облизывали. Но в итоге у Игоря забрали даже часы и дотошно просканировали все тело. А Вестгейту помимо всего прочего сменили пломбу на зубе.

Зато о "промывке" никто и не заикался. И допрашивали братьев без энтузиазма. Про бойню на явке Интерпола вообще не было ни звука. Может быть, потому, что дотошный Игорь собрал на месте преступления все ядовитые иглы и затер отпечатки пальцев. А потом их спросили: "Вам куда?" - "Fuck off, - ответил Игорь. - Только сначала дайте нам машину и немного денег". - "Я же говорил, он мудака", - сказал двойной агент Пааво, вялый и заторможенный от "промывки". Видимо, местное эсэсовское начальство таким людям на слово не верило. "Я еще с тобой разберусь, - пообещал ему Игорь. - Ты, урод, будешь кровью ссать, срать и блевать. И собаку я твою обожаемую застрелю, возьму грех на душу. Чтобы Мэкс на том свете из-за тебя не расстраивался". - "Я же говорил, этот русский сумасшедший, - объяснил Пааво. - Все они такие". Тогда Игорь обозвал Пааво грязным предателем и подлым шпионом, плюнул ему в лицо, разбил коленную чашечку и едва не выдавил глаз. А Пааво стал как-то очень по-детски молотить Игоря кулаками, вывихнул себе три пальца на правой руке и подвернул здоровую ногу. Прежде чем потерять сознание от удара по голове, Игорь еще и ухо ему чуть не отгрыз.

"Вы его действительно спрячьте куда-нибудь, - посоветовал Вестгейт,

когда брызжущего слюной Пааво уволокли в медпункт. За дракой он наблюдал с каменным лицом, предусмотрительно зажатый в углу охраной. - Игорь не профессионал, тонкостей нашего дела не понимает и к двойной игре относится плохо. Искалечит он этого вашего истеричного дурака. Н-да... Машину вы нам теперь не дадите. Ладно, так уж и быть, организуйте нам экскурсию в Монтре. А оттуда мы - сами. Такой расклад вас устроит?". - "А ваш коллега всегда такой буйный?" - словно не расслышав предложения, спросил координатор операции, пожилой грузный немец, потя и отдуваясь. Он спешно прибыл в Финляндию с Ближнего Востока и сейчас тяжело страдал от перемены климата. "Не знаю, мы всего третий день знакомы". - "Ну-ну. Кстати, а почему Монтре? Вам же от Цюриха добираться будет гораздо ближе". И, услышав это, Вестгейт неожиданно замкнулся и перестал отвечать на вопросы по существу дела. Он вдруг почувствовал себя так, будто о его тайне личности написали на заборе, и элементарно обиделся. Хотя на родственную связь с Игорем Волковым ему никто и не собирался намекать.

Так или иначе, но в Цюрихе их действительно отпустили на все четыре стороны.

Правда, без документов, так что легально покинуть Европу братья не смогли бы. И с дебетной карточкой на сумму, которой в обрез хватило на аренду машины.

Теперь эта машина стояла у заветной калитки, и Игорь протянул руку и нажал кнопку звонка. Вестгейт заметил на запястье брата ссадину от наручников и сам передернулся от боли. В нарушение всех писанных и неписанных правил в машине охрана пристегивала Игоря к ручке двери. А на остановках - к самому здоровому конвоиру.

- Ты как? - спросил Вестгейт. - Голова не кружится?

- Бог миловал. Я вел себя как мальчишка, да?

- Не мое дело тебя осуждать.

- Спасибо. На самом деле это я с перепугу безобразничал. Боялся, что ко мне отнесутся излишне серьезно. Начнут ломать, выдавливать сведения. Кто ж мне поверит, что я на Службе за летающими тарелками охотился! Я же, по их понятиям, настоящий русский ээсовец, как и ты... А вот молодой истерик - это уже другой разговор. Согласись, ну кто такому неуравновешенному типу доверит хоть один достойный внимания топ-секрет?

Вестгейт невесело усмехнулся.

- Пааво тоже оказался не на высоте, - заметил он.

- Да уж, этот крендель мне просто гениально подыграл. А обидно, да? Интересно, его намеренно внедрили или была перевербовка?

- Черт его знает. Вот из-за такой мелюзги сыплются большие дела. Задействован на второстепенном участке неприметный человечек. Знает мало, соображает туго.

Конечно, никому и в голову не приходит его как следует зомбировать, чтобы на сторону не глядел. Да и сложно это технически. Сам представляешь, сколько тысяч таких Пааво работает у наших Юсси, ни о чем не подозревая. И сколько тысяч Юсси в подчинении у одного-единственного офицера Службы. Да, а я, честно говоря, именно на Юсси грешил...

- Как-то с Юсси нехорошо получилось, мир праху его, - вздохнул Игорь.

- Несправедливо. Только вот не надо ему было так резко падать духом.

- Мы слишком мало знаем о его обстоятельствах, чтобы судить. Может, он спал и видел, как бы со Службой расстаться.

- Запросто. Ну что они там копаются? Полдевятого утра! Или эту деревню русская культурная экспансия долбанула? Научились, как в Москве, спать до обеда?

- Позвони еще, - сказал Вестгейт.

Игорь потянулся к кнопке и задержал руку на полпути. Скорее даже отдернул.

Потому что в доме открылась дверь, и на крыльцо шагнула светловолосая девушка, стриженная под мальчика, в джинсах и клетчатой рубашке навыпуск. На мгновение Игорю показалось, что это Тина. Сходство было такое разительное, что он буквально остолбенел. Но девушка подошла к калитке, и Игорю полегчало. Она была совсем не похожа на Тину. Совпадали только стрижка, цвет волос и рост. Да еще и одежда, если не считать, что Тина бегала в стоптанных кроссовках, а у местной хозяйки на ногах были дорогие туристские ботинки "Экко". Но человек перед Игорем стоял абсолютно другой.

- Good morning, - начал Игорь, машинально пряча в рукав помятое запястье и радуясь в душе, что после инцидента с Пааво не осталось синяков на лице. - I'm sorry... На что спорим, вы по-русски говорите не хуже меня?

- Скорее всего лучше. Я все-таки из Петербурга. Было ей лет двадцать семь-двадцать восемь, и Игорь одним взглядом буквально ее съел. Да, это была совсем не Тина. Это было просто загляденье, да еще и взрослое, с которым можно не миндальничать и которое не станет церемониться с тобой. Удивительно ладная фигура, маленькие упругие груди торчком, красивые руки и серые глаза в поллица, с такой же кошачьей поволокой, как у Игоря. Вот только роста барышне не хватало на его вкус сантиметров этак пять.

- Не может быть, чтобы вы - и вдруг из Питера, - заявил Игорь и подумал, что буквально на днях он то же самое уже говорил. - Не бывает в Питере таких женщин.

Такие как раз в Москве водятся или в крайнем случае на Валдае. А в Питере все девушки анемичные и подозрительно смахивают лицом на лошадей... Ой, извините.

Что-то я того. Последствия контузии. Здравсте.

- Здравствуйте, - девушка наконец-то улыбнулась. Перевела взгляд на стоящего в отдалении Вестгейта и тут же вся напряглась как пружина. Сомнений не было - она его узнала. Точнее, догадалась, что этот ранний визит неспроста.

- Так, - сказал Игорь, поворачиваясь к Вестгейту. Тот с застывшей полуулыбкой на лице разглядывал девушку. - Теперь я точно знаю, что мы пришли по адресу. Милая барышня, это Игорь Александр Вестгейт. Зовите его просто Алекс, он так привык. А меня зовут Игорь Бойко. Мы приехали из Москвы.

- Меня зовут Ирина Хайнеман, - пробормотала девушка, не в силах оторвать взгляд от Вестгейта, который окончательно спал с лица. Чем-то "милая барышня" его расстроила. Наверное, самим фактом того, что была здесь.

- Ага! - обрадовался Игорь. "Хорошо живет папаша. Женится себе на молоденьких..." - Очень приятно. А как бы нам с господином Хайнеманом переговорить?

- Он там, - вяло махнула рукой Ирина, не сводя глаз с Вестгейта. - В конце участка, за кустами, будет такая же калитка и от нее тропинка к

озеру. Он там, на берегу.

- Тогда мы пойдем, - сказал Игорь. Девушка шагнула в сторону, распахивая калитку. - Алекс, пошли!

Вестгейт с отчетливым усилием толкнул себя вперед. И мимо. Ирины прошел на максимально возможной дистанции.

- Что с тобой? - шепотом спросил его Игорь, когда они удалились на достаточное расстояние. - Ты ее раньше видел? Вестгейт помотал головой.

- Просто как-то странно, - пробормотал он.

- А-а... - Игорь заботливо приподнял ветку, в которую брат намеревался врезаться носом. - Ну, это нормально. Господин Хайнеман живет полной жизнью, ни в чем себе не отказывает. У него тут и детей; наверное, целый выводок. Любит папа размножаться... Еще увидишь, братишка, до какой степени мы с тобой не одиноки во Вселенной.

Вестгейт в ответ что-то неодобрительно пробурчал.

***

Они миновали участок и вышли на узкую песчаную тропинку в обрамлении давно не стриженных кустов. Под ногами начал стелиться зыбкий полупрозрачный туман и становилось зябко.

- Туман - это к дождю? - спросил Игорь.

- К теплу, по-моему.

- Так, - Игорь внезапно остановился, глядя куда-то вниз.

- В чем дело? - спросил Вестгейт.

- На, покури, - Игорь протянул ему сигареты. - И не оборачивайся.

Вестгейт покорно взял пачку. В Россию он приехал курящим от случая к случаю, а теперь у него даже была своя зажигалка. Игорь тем временем шагнул вперед и вправо, оказавшись впереди брата.

- Вот сука! - сказал он почти восхищенно.

- Да что такое?

- Мне только что в спину целились, - объяснил Игорь, ежась, будто от холода. Из его правой брючины выпала на песок маленькая черная амеба, приняла узнаваемые шарообразные очертания кляксы и прыгнула вверх, хозяину в руку.

- А что это ты за меня прячешься? - спросил Вестгейт сварливо, но с места не двинулся. Наоборот, до отказа развернул плечи.

- В тебя она стрелять не будет. Ты на отца чертовски похож. Она сразу догадалась, кто ты.

- Это я понял, - кивнул Вестгейт. - Но зачем в тебя-то?..

- Может, решила, что я твой конвоир. Да мало ли что ей в голову взбрело... Уф...

На чердаке она сидит, - Игорь прятался за Вестгейта, изо всех сил стараясь быть маленьким. - Не знаю, что делать. Кляксой ее нельзя, не откачаем потом. Может, Волкова позвать?

- Откуда ты знаешь, где она сейчас? - поинтересовался Вестгейт просто для того, чтобы хоть как-то участвовать в происходящем. Он видел, что Игорь серьезно испуган, и чувствовал себя полным идиотом.

- Чую, - объяснил Игорь. - Вот дурацкая ситуация! Ну не хочу я убегать, понимаешь? Именно сейчас - не хочу - Да что тебе стоит? Упал в кусты, и дело с концом.

- Сам ты упал. Не хочу и не буду. В этот момент откуда-то спереди раздался топот. Кто-то бежал неторопливой тяжеловатой рысью им

навстречу.

- Та-ак... - протянул Игорь, крепко сжимая в руке кляксу. - Собаку Баскервилей видел? Сейча-ас... Расслабься на всякий случай.

- Ее ты тоже учуял? - спросил Вестгейт, не зная, что и думать.

- Не-а. Тут все в ее следах. Под ноги смотреть надо. Туман впереди был плотнее, доставал почти до пояса, и когда в нем возникла здоровенная черная башка с белой промоиной на носу, Вестгейт невольно вздрогнул.

- Ух ты! - воскликнул Игорь, и Вестгейт почувствовал в его голосе радостную интонацию. А Игорь сунул кляксу в карман и протянул собаке руку, тыльной стороной кисти вперед. Большой влажный нос уткнулся в нее и с шумом потянул воздух.

- Обалдеть! - сказал Игорь растроганно. - Ты только посмотри!

- Я тебя загораживаю, - напомнил Вестгейт.

- Спасибо, больше не нужно. Видишь, за нами пришли, нас признали безопасными.

Все в порядке, она уже не хочет стрелять. Просто наблюдает. Но задницу я этой девице еще надеру за самодеятельность. А вот этой девице... Ох ты, моя лапушка, какая же ты прелесть!

Вестгейт оглянулся. На какой-то миг ему показалось, что в далеком чердачном окне действительно блестит мощная оптика. Потом он вспомнил, что современные прицелы не бликуют, и в задумчивости потер нос. В этот момент его толкнули в бедро, он покачнулся и едва устоял на ногах. Снизу вверх на него смотрели пытливые и внимательные собачьи глаза.

- Какой окрас роскошный! - восхищался Игорь. Он сидел на корточках рядом с собакой, и головы их были почти на одном уровне.

- Это что? - спросил Вестгейт, наблюдая, как его обнюхивают. Собака была не так велика, как чудовищные псы лесника Максакова, но явно принадлежала к близкой им породе. А окрас у нее действительно оказался необыкновенно красив. Нереально, как с картинки. Спина и бока черные, рыжие подпалины, белая грудь, четко очерченные белые носочки и кончик хвоста. Шерсть у псины была длинная и шелковистая, уши висячие, а в изучающих Вестгейта глазах светился подозрительно откровенный интеллект.

- Бернский зенненхунд. Дальний родственник тех крокодилов, что ты на хуторе видел. Чудесная сучара. Только - очень крупная. Наш друг, господин Хайнеман, всегда любил больших собак. И обязательно длинношерстных.

Вестгейт отрешенно посмотрел в туман. Игорь понял, что он думает о своем, и принялся за собаку. Сначала он ее осторожно погладил по спине, затем по голове, почесал за ушами. Собака воспринимала его прикосновения с олимпийским спокойствием. И тарасилась на Вестгейта.

Игорь встал.

- Ну, - сказал он собаке. - Пошли? Словно дождавшись команды, овчарка тут же повернулась и исчезла в тумане. Игорь восторженно цыкнул зубом.

- Что-то мне нехорошо, - заметил Вестгейт.

- Пойдем! - сказал Игорь. - Немного осталось. Сколько мы с тобой километров отмахали...

- Пойдем, - согласился Вестгейт. - Но как-то мне все это удивительно не по душе.

- Да, обстановочка нервозная, - кивнул Игорь. - Может, и хорошо, что у нас оружие забрали. А то бы ты собаку шлепнул...

- А ты бы в женщину стрелял, - парировал Вестгейт.

- Она же тебе не понравилась! - рассмеялся Игорь.

- Наоборот. Очень даже понравилась...

- Никогда я в женщину не выстрелю, - твердо сказал Игорь. Подумал и добавил:

- Первым.

Подул легкий ветерок, и туман начал расползаться. Тропинка круто свернула вправо, и сейчас же перед братьями открылся берег озера. К широкому дощатому причалу было пришвартовано несколько потрепанных моторных лодок и новенький скутер. У входа на причал монументальной глыбой сидела давешняя собака и смотрела на братьев. А дальше, на самом краю, у воды, спиной к берегу, стоял Волков.

Машинально Игорь поднял руку к лицу, чтобы заслониться от невидимого мягкого щупальца, проникшего в его мозг. У него вдруг неприятно заломило виски, а картинка перед глазами покрылась рябью.

- Здравствуй, папа, - глухо, будто сквозь вату, донеслось откуда-то сзади.

Волков не обернулся.

Игорь сощурился, пытаясь восстановить зрение.

А собака хрипло рыкнула и прямо из положения сидя прыгнула вперед. Не на Игоря.

Мимо него.

Даже если бы Игорь не был парализован энергетической атакой, он ничего не успел бы сделать. Все случилось в какие-то доли секунды. Раздалось громкое шипение, и справа от Игоря ударила ярко-зеленая молния. Страшно, почти по-человечески закричала собака. Что-то с шумом упало на землю. А сверху обрушилась тишина.

Игорь устало присел на песок и достал сигареты. То, что сейчас произошло, его не касалось, в этом он был уверен. Преодолевая навалившуюся вдруг апатию, он закурил и, не затягиваясь, пустил дым через нос, чтобы забить доносящийся сбоку отвратительный запах паленого мяса. Смотрел он только вперед, на причал, по которому не спеша приближался Волков. Немолодой, грузный и совершенно чужой Игорю человек.

Волков подошел к Игорю и сел напротив, тоже прямо на землю.

- Что у него было? - спросил Игорь, качнув головой в ту сторону, где сейчас лежал - это Игорь знал точно - Вестгейт. Вопрос был только в том, уже он мертв или еще нет.

- Лазер в предплечье, - ответил Волков, в упор разглядывая Игоря. - Слушай, а я ведь тебя визуально не узнал. Как ты вырос...

- Собаку жалко.

- Она выполнила работу, для которой и была запрограммирована. Служить и защищать. Каждый должен выполнять свое предназначение.

- Вы могли успеть раньше, чем она прыгнет, - сказал Игорь, отводя взгляд. Ему не нравился Волков и не нравилось то, что вышло из этой встречи. Еще Игорь был зол на себя. Неизвестно, сколько лет Вестгейт носил имплантированный в руку излучатель. Но гипнотическую установку на убийство он получил несколько дней назад. Когда Игорь вернулся со встречи с Королевым и нашел Вестгейта спящим без задних ног.

- Может быть, - сказал Волков надменно, тоном старшего. - А может быть, и нет.

Как ты себя чувствуешь?

- Лучше, - сухо ответил Игорь. Волков "отпустил" его, но пережитый шок все еще отдавался где-то в затылке неприятной ломотой.

- Что у тебя в кармане? - спросил Волков. Игорь молча достал черный

мячик и не глядя сунул его Волкову в руки, втайне надеясь, что клякса сейчас покажет этому супермену, где раки зимуют. Но клякса повела себя нейтрально. Волков покатал ее в ладони и вернул Игорю, никак не комментируя свои впечатления.

- Ты очень похож на свою мать, - сказал он.

- Да, - Игорь щелчком выстрелил окурок далеко в воду. Он чувствовал себя опустошенным и совершенно не знал, что теперь говорить и вообще как вести себя дальше.

- Что у тебя с рукой? - спросил Волков.

- Где? А... Наручники. Ерунда, пройдет.

- Долго вы добирались. Я ждал вас гораздо раньше.

- Да вот так...

- Ладно... - Волков потер глаза ладонью, вздохнул, и Игорь почувствовал, что этот человек сейчас обескуражен ничуть не меньше его самого. Волкову точно так же нечего было сказать. Молчание становилось тягостным.

- Вы знаете, зачем мы здесь? - решил помочь отцу разрядить обстановку Игорь.

- Ты должен говорить мне "ты".

При иных обстоятельствах Игорь объяснил бы Волкову, кто кому что должен, в доступных выражениях. Но сейчас он сказал только:

- Мне нужно привыкнуть.

- Да, конечно, - сказал Волков. - Я все знаю. "Интересно, о чем это он, - подумал Игорь. - Спорим, не о том, что мне нужно привыкнуть".

- Вы можете нам? - спросил он.

- Незачем, - ответил Волков. - Забудь об этом.

- Там люди. Там очень много людей.

- Да забудь ты. Там ничего нет.

- Это как? - удивился Игорь. На мгновение ему показалось, что сбился прогноз Дяди и на злосчастный Каледин сбросили бомбу.

- Это я организовал, - объяснил Волков. - Мне нужно было вытащить тебя к себе. А ты мог сюда попасть только в одном случае - если бы тебя прислал за мной Проект.

И я создал такую ситуацию, когда тебя прислали. Вот и все. А в этой деревне, как ее там, сейчас все уже в порядке.

- Интересно, - пробормотал Игорь. Это действительно было интересно. А к тому же еще и страшно. И совершенно непонятно. А еще противно.

На тропинке послышались шаги.

- Пойдем, - сказал Волков, поднимаясь на ноги. - Отнесем его.

Игорь встал и с ненавистью уставился Волкову в затылок. Влепить в него пулю у Игоря вряд ли хватило бы злости, но чем-нибудь тяжелым он бы сейчас по этой голове с удовольствием врезал.

Зареванная Ирина сидела на корточках над телом собаки и тихо скулила. Видно было, что она хотела бы ее потрогать, но прикоснуться к обугленной дымящейся морде у нее не хватает духу. Рядом на земле валялись складные носилки.

- Берта исполнила свой долг, - провозгласил Волков, подходя к девушке. Игорь подумал, что, если этот Зевс-громовержец не перейдет на человеческий тон, он точно его пристукнет.

Вестгейт лежал навзничь, и правый рукав его куртки слегка тлел. Игорь встал на колени рядом с братом и с глубочайшим облегчением разглядел, что тот дышит, не часто, но ровно Игорь потянул к себе носилки и

развернул их.

- ...а потом вернемся и похороним ее, - объяснял Волков - Не надо плакать, ничего уже не сделаешь. Умереть за хозяина.

- Перестаньте, - попросил Игорь неприязненно, с трудом перекатывая Вестгейта на носилки. - Давайте понесли.

Волков что-то недовольно хрюкнул, но подошел и взялся за рукоятки.

- Большой вырос, - сказал он с удовлетворением. Игорь душераздирающе вздохнул.

Его не покидало ощущение, что он участвует в каком-то дурацком спектакле.

Раньше, когда вокруг творилось черт знает что, этого ощущения почему-то не было.

Оно возникло только сейчас, в конце пути.

ГЛАВА 18

ВОСЬМОЕ ИЮНЯ, ДЕНЬ

Прикрыв глаза и сложив руки на животе, Игорь полулежал в шезлонге на заднем дворе и старательно делал вид, что отдыхает. Волков с телефоном на поясе бродил туда-сюда по участку и с кем-то оживленно беседовал по-французски. С его роскошным прононсом и словарным запасом полагалось бы говорить очень быстро, помогая себе бурной жестикуляцией. Но Волков заложил руки за спину, а фразы бросал, словно кирпичи, - вещал с Олимпа.

Через открытое настежь кухонное окно было слышно, как что-то там парится, варится и жарится и тихо напевает Ирина. Госпожа Хайнеман оказалась хирургом местной клиники, и дома ей полагалось держать экспресс-кабинет. Она еще продолжала всхлипывать, когда Вестгейта положили на операционный стол, и Игорь с большим сомнением наблюдал, как трясущиеся руки настраивают аппаратуру. Он не без основания подозревал, что если эта неуравновешенная барышня час назад целилась в спину человеку, который ей ничего плохого не сделал, то убийце любимой собаки она может запросто что-нибудь отпилить. Слава богу, его опасения не оправдались, и теперь обезоруженный Вестгейт лежал в спальне на втором этаже.

Он по-прежнему был в коме, и Игорь по собственному опыту знал, что шевелиться бедняга начнет не раньше чем дня через три.

Волков переключил телефон и заговорил по-немецки. Чтобы хоть чем-то себя занять, Игорь сунул в зубы сигарету. Он всячески старался ни о чем не думать, и ему опять с непривычки было скучно. Стоило Игорю хоть на минуту собраться с мыслями, как его тут же охватывало глухое раздражение. И причиной его был Волков. Этот человек Игорю категорически не нравился. Он был совершенно не похож на того Волкова, о котором Игорю рассказывали.

И ненормальный Дядя, и вполне адекватный Королев, да и все, кого Игорю доводилось спрашивать о Волкове раньше, дружно рисовали в своих воспоминаниях совершенно иную фигуру. Волков-легенда был в первую очередь симпатяга и умница.

Он легко, мощно и свободно мыслил, щедро раздавая направо и налево великолепные идеи, часто парадоксальные, но всегда остроумные. Еще он умел слушать и понимать. А еще он был шутник, интеллектуальный хулиган, "пламенный борец с идиотизмом" и порядочный раздолбай. Его все любили.

Этот Волков оказался совершенно другой. Во-первых, он не разговаривал, а либо вещал свысока, либо отдавал приказания. Во-вторых, у него оказалась неприятно манерная и полностью клишированная речь. Он использовал банальные словосочетания и театральные интонации. Как дешевый провинциальный актер, который перенес со сцены в жизнь не самый удачный образ. А главное - этот Волков не принимал чужую точку зрения. Вообще. То ли он понял о жизни что-то самое главное, и теперь все, кто не разделял его убеждений, были на его взгляд ущербными недочеловеками. То ли он просто...

- Как самочувствие? - спросил Волков. Игорь встрепенулся и открыл глаза.

- Да нормально. Мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

Волков подтащил второй шезлонг поближе и уселся напротив Игоря. Тот поморщился от жжения в переносице. Волков периодически выстреливал в атмосферу мощный энергетический разряд. Похоже, сбрасывал лишнее напряжение.

- Ситуация под контролем, - важно заявил Волков. - Угрозы больше нет. К сегодняшнему дню полностью раскрыт и нейтрализован чудовищный заговор против человечества.

- Это я догадался, - фыркнул Игорь. - А в чем он состоял, хотелось бы знать?

- Идея возникла еще полвека назад. Организация, которая раньше называлась Проект, а позже Служба, пыталась захватить мировое господство. В конце прошлого века упор делался на массовую психотронную обработку, а сейчас - на выборочное зомбирование ключевых фигур. Старая концепция предполагала, что нужно все новые и новые территории накрывать психотронным колпаком и таким образом подчинять всех, кто попадется. Насаждать искусственное преклонение и обожание.

Насильственно внедрять идеи в головы. Конечно, такая стратегия не могла себя оправдать. Жертвы облучения постепенно сходили с ума, и контролировать их становилось невозможно. Проект из-за этого и потерпел неудачу. Но Служба, организованная на его руинах, выбрала более эффективную методику. Как раз появились современные технологии - например, дистанционная нейрохирургия. И началось выборочное подчинение интересам Службы ключевых фигур международного сообщества. А для прикрытия, чтобы их преступные инициативы находили поддержку у простых людей, были подключены масс-медиа. И всю нашу многострадальную планету захлестнул искусственно наведенный психоз...

- "Русская культурная экспансия"?

- Безусловно. Но, кстати, первыми заметили неладное не культурологи. И даже не политики. И те и другие сами оказались под воздействием этого безумия. О том, что происходит нечто ужасное, стали говорить экономисты. И аналитики секретных служб. Очень уж много денег потекло в Россию. Огромные, нереальные суммы. Даже больше, чем Россия могла переварить.

- И чем все это могло кончиться? - спросил Игорь, изо всех сил пытаясь удержать на лице выражение почтительного внимания.

- Ты должен знать, что мечта Службы - тотальный контроль. Но таким, как ты, насколько я знаю, идею контроля подавали в ложном толковании. Якобы русские заботятся о мировом благе. Сдерживают агрессивные режимы, подкармливают "третий мир", подавляют терроризм, улучшают экологию... Не так ли? И хотя эта работа ведется тайно, но идеи носятся в воздухе. Человечество интуитивно догадывается, что некая крепкая рука ведет его

прямоком к безграничному счастью. И на бессознательном уровне планета чувствует, что это рука Москвы. Поэтому так легко внедрились в умы и "культурная экспансия", и всеобщее обожание всего русского, и каждого русского человека в отдельности. Великий народ-страдалец, самый гуманный и самый мудрый, взвалил на свои плечи заботу об установлении Золотого Века!

Волков по-прежнему вещал с постамента, но сейчас в его словах был нескрываемый сарказм. И радость победителя.

- Я понимаю, что тебе непросто принять это, - продолжал он. - Ты чувствуешь себя причастным... Ты не казись. Это было не в твоей власти. А чтобы во всем разобраться, подумай сам, какого безумного влияния добилась Россия ко вчерашнему дню. Без одобрения русских ни одно государство и пальцем не шевельнет.

- Я не вижу главного, - сказал Игорь медленно и задумчиво. - Я не вижу цели. У любого завоевателя помимо личного комплекса Наполеона есть еще и совершенно четкие задачи политического и экономического плана. Ну, засосала Россия громадные инвестиции. И что?

- Ты не понимаешь, - усмехнулся Волков. - Экономика, политика - это все следствия. Повод к захвату власти может быть только один - личные амбиции. А ложь, которой их прикрывают, всегда ложь, и ничего больше. Конечно, с каждым веком она становится более правдоподобной. Но ты четко разделяй две вещи. Одно - что ваш Папа говорит в Кремле. И другое - что он думает на самом деле.

- Папа не Наполеон, - отмахнулся Игорь.

- Ты не понимаешь, - повторил Волков. - Любой Папа всегда Наполеон. Вне зависимости от того, чем он командует, - полком или секретным агентством. А ваш Папа настоящий дьявол. И если бы мы не вмешались, через год в Кремле сидел бы именно Папа. И заодно на всей Земле.

Игорь заложил ногу на ногу и скрестил руки на груди. Волков очень сильно давил на него своим яростным энергетическим потенциалом. Судя по всему, он пытался транслировать Игорю свои эмоции. То есть хотел заставить Игоря поверить в свою правоту, подчинить себе, превратить в послушно кивающую тупую куклу. Намеренно он делал это или по привычке, Игорь не знал. Но в том, что любой другой человек на месте Игоря был бы уже целиком и полностью согласен с мнением Волкова, Игорь не сомневался. Ему стало грустно и захотелось сменить тему. Волкова он ни в чем не винил, понимая, что сенс не всегда может контролировать себя. Но он не верил ни единому слову этого человека.

- Почему вы ушли тогда? - спросил Игорь.

Волков моргнул, сел прямее и нервно дернул головой.

- Ему нужно было мировое господство, - сказал он. - И он чуть было его не захватил. Вся планета была бы порабощена, сама этого не зная. И вся она работала бы не на Россию, нет. Только лично на него. Понимаешь? А он бы упивался властью.

Огромные силы пришлось задействовать для того, чтобы уничтожить агентурную сеть.

Но дело нельзя считать завершенным, пока этот человек жив. Он дьявол. Мы раскрыли глаза Кремлю и натравили на Службу русскую Безопасность. Впервые в истории все контрразведки в мире работают сейчас заодно, выкорчевывая Службу из политики, финансов, промышленности, культуры, да просто из умов людей. Но Папа еще жив. Его боятся тронуть. Представляешь?

Игорь озабоченно глядел на Волкова.

- Но мы эту проблему решим, - сказал тот. - Я и ты. Больше никто и не сможет. Ты вызовешь его на встречу, а я с ним разберусь. Вот так.

Игорь запустил руку за голову, снял резинку с хвоста и встряхнулся, отчего волосы рассыпались по плечам. Волков посмотрел на его прическу с явным неодобрением, но промолчал.

- Мне неизвестны ваши планы, - сказал Игорь с достоинством. - Но в любом случае вам придется быть чертовски убедительным, чтобы я сыграл на вашей стороне.

- Не понимаю.

- Я больше не хочу слышать ни о Службе, ни о Проекте, ни о каких-либо других тайных организациях. У меня от них мурашки по коже. Кстати, можете довести до сведения ваших хозяев, что единственная фирма, которой я расскажу все, - это русская Безопасность. При первой же возможности я ей сдаюсь.

- Это не профессиональный жест, - упрекнул его Волков. - Говоря такое вслух, ты ставишь себя под удар. Как раз после такого заявления они тебя и застрелят.

Чтобы ты русским лишнего не сболтнул.

- Не застрелят. Вы не позволите. Я вам нужен, не так ли?

- Игорь, ты действительно ничего не понимаешь. Разумеется, пока ты работаешь на меня, тебе ничего не угрожает. Но если ты начнешь играть в свою игру, я уже не смогу тебя защитить. И тебя действительно убьют.

- Вот и хорошо, - сказал Игорь безмятежно. - Поэтому будьте добры, ведите себя со мной поаккуратнее. Без давления.

- Мы должны спасти мир от угрозы, - заявил Волков. - Она еще не вполне устранена. Это наш долг, понимаешь?

- Ага, - кивнул Игорь, встал и пошел к дому, на ходу заново укладывая волосы и стягивая их резинкой. Волков, нехорошо прищурившись, посмотрел ему вслед, и под лопаткой у Игоря неприятно кольнуло.

***

Вестгейт лежал на спине, укрытый до подбородка одеялом. Судя по закрепленным на спинке кровати приборам, жизнь в нем едва теплилась. Игорь со вздохом приподнял одеяло, посмотрел на длинный шов у брата на предплечье и выругался.

- Все обойдется, - сказал он Вестгейту, как будто тот мог его слышать. - Денька через три проснешься и будешь как новенький. Эх, братишка... До чего же все не вовремя... - Он достал из кармана дышащую теплом кляксу, побеседовал с ней и сунул под одеяло. Посмотрел, как под тканью прокатился бугорок, выбирая позицию, снова вздохнул и вышел из спальни. "Если клякса найдет с биополем Алекса хороший контакт, он очнется уже через сутки. И тогда я буду не один. А вместе мы обязательно что-нибудь придумаем".

- Здорово, доктор! - сказал Игорь в спину Ирине, накрывающей на стол в кухне. - А как же клятва Гиппократова?

- О чем ты? - удивилась Ирина, поднимая на него глаза. Взгляд у нее был виноватый.

- Какая сволочь мне в спину целилась с чердака?

- Ничего я не целилась... - пробормотала девушка, краснея. И вдруг замерла, склонив голову набок, словно прислушиваясь. Из-за стены Игоря

обдало холодом. Он повернулся, безошибочно определил направление сигнала и сделал в ту сторону неприличный жест.

Ирина тихо всхлипнула, как человек, которого держали за горло, а потом отпустили. Прошла в угол, открыла шкафчик и выставила на стол бутылку виски.

"Вот как это у нас делается... - подумал Игорь. - Бедная ты марионетка. Но пристрелить ты меня хотела по собственной инициативе. Почуяла, что я опасен для здешней идиллии. Хорошо же тебе мозги зафачил господин Хайнеман. Выдрессировал лучше, чем покойницу Берту".

- Тебе налить? - спросила Ирина дружелюбно, словно Игорь ей ничего обидного не говорил.

- Потом, - сказал Игорь. - Давно вы вместе?

- Пять лет. Я здесь на стажировке была. Слушай, я это правда, что Алекс его сын?

- Угу.

- Как нехорошо получилось, да? Только приехал и заболел. И откуда у него такое нервное истощение... А Игорь не разрешает позвать терапевта, говорит, и так справимся.

- Да, все нормально, - Игорю вдруг захотелось поскорее уйти, и он заторопился к выходу.

- Обед через двадцать минут, - сказала Ирина ему вслед. Игорь выскочил на крыльцо, тяжело дыша. Волков по-прежнему сидел в шезлонге. И улыбался. Игорь сжал кулаки, подошел к нему и сел напротив. Ему невыносимо хотелось что-то сделать. Что-нибудь ужасное. Например, убить Волкова, погрузить Вестгейта и девушку в машину и рвануть проселочными дорогами в ближайший аэропорт. Угнать самолет - и в Россию. А там Безопасность, она не выдаст.

Не так уж и безнадежно выглядел этот план, если бы не одно "но". Игорь хорошо знал, как опасно поднимать руку на форсированного экстрасенса. Даже в мыслях. И даже ему, Игорю Бойко, мысли которого форсированный сенс читать не может.

Последнее он наконец-то установил совершенно точно.

- Так все-таки? - спросил Игорь. - Что там было двадцать лет назад?

- Что? - удивился Волков.

- Почему вы тогда ушли со Службы? Вы уже подозревали, что она замышляет?

- А-а... - сказал Волков. - Вот ты о чем. У меня не было другого выхода. Ты ведь из Спецотдела, ты должен знать, кто я.

- Кстати, вам низкий поклон от Королева.

- А, этот тупица... Помню, как же. Так вот, когда я почувствовал свое истинное предназначение, я был поначалу неосторожен. И тогдашнему Папе, редкостному подлецу, немедленно донесли, что я не такой, как все. Он вызвал меня и приказал сотрудничать в новом качестве. Такая жуткая грязь - внутренняя слежка и кодирование сотрудников. Конечно, я отказался. Во-первых, я тогда еще этого не умел. А во-вторых, это в любом случае не соответствовало моим представлениям о совести и чести. Он настаивал, я пытался что-то ему объяснить... И тут увидел, почувствовал, что с того момента, как я сказал "нет", нормальной жизни у меня не будет. Впереди был шантаж, причем очень жестокий. Я увидел это совершенно ясно.

Тогда я оттолкнул этого человека и ушел...

- Он умер от рака через год, - вставил Игорь.

- Знаю. Он меня разозлил. А на следующий день ко мне явился этот

дьявол, нынешний Папа, который тогда ходил еще в "шестерках". И он сказал мне открытым текстом, что теперь любое мое неосторожное движение плохо кончится для твоей мамы и для тебя. Ты меня понимаешь?

Игорь задумчиво кивнул. Волков уже снял давление - видимо, догадался, что у Игоря частичный иммунитет к энергетическому воздействию. С ним действовали только самые грубые методы, такие, как откачка энергии, например. Или агрессивная блокировка сознания. То, что несколькими днями раньше делал бородатый черт в московском дворе. И пару часов назад - сам Волков.

А сейчас Волков нагло врал. Их общий тезка, нынешний Папа, двадцать лет назад просто не мог сказать Волкову ничего подобного. Он еще не был допущен к тематике категории ЭКСТРА. И ходил не в "шестерках", а в психологах.

- Что мне оставалось делать? - сказал Волков с неподдельной горечью. То ли он искренне верил в свою ложь, то ли хорошо играл. - Я понимал, что от меня теперь не отстанут. Я поговорил с твоей мамой... Конечно, ей было нелегко все это принять, но я ее убедил. И ушел. Долго скитался по разным странам. А десять лет назад осел вот здесь. Организовал свою жизнь так, что меня никто не мог взять за живое. И уже сам диктовал условия тем, кто готов был хорошо заплатить за мои услуги...

- ...и на прошлой неделе взломал блокировку одному пожилому шведу, - закончил Игорь за него. Волков снисходительно рассмеялся.

- Ты и представить себе не можешь, как долго готовилась эта операция, - сказал он. - Несколько лет жизни я положил на то, чтобы восстановить баланс сил в мире.

Все западные психотехнологии разработаны по моей подсказке. Всему, что умеют эти тупоголовые европейцы, их научил я. И если бы не грамотно спланированное противодействие, Служба проглотила бы весь мир и не поперхнулась бы.

- Ну, у вас не все прошло гладко. Вы надеялись перевербовать агентов Службы, а их пришлось отстреливать. Сколько людей погибло? Сто? Двести? Тысяча?

- Три с половиной тысячи, - сказал Волков гордо. - Иначе было нельзя, ты же понимаешь. На войне как на войне.

- Тьфу! - Игорь отвернулся и полез за сигаретами.

- Такая вот судьба, - сообщил Волков. - Всю жизнь я только и делаю, что защищаю людей от опасностей, которых они не видят. Знаешь, как это тяжело - видеть то, чего не видят другие? Ты даже не догадываешься, какое это одиночество.

Игорь прокусил сигаретный фильтр насквозь. На Службе Волков работал в группе стратегического планирования. Ни от каких опасностей он там никого не защищал.

Его темой была перспективная геополитика. А одиночкой он был от природы.

Высокомерным одиночкой с мессианским комплексом. И когда мессия ощутил в себе божественный дар...

- Но я заботился о тех, кто был мне близок, - продолжал вещать наместник Бога на земле. - Наталкиваясь иногда на глухую стену непонимания...

- Расскажите об этом Игорю Александру Вестгейту, - посоветовал Игорь.

- Я же говорю, - Волков печально вздохнул, - ты совершенно не в курсе, а уже готов меня обвинить во всех смертных грехах. Просто за то,

что я не такой, как все. Стыдно, Игорь. Очень стыдно.

- А ни разу в жизни не поинтересоваться, как там себя чувствует на чужбине родная кровь, - не стыдно?

- Это была поистине трагическая история, - сказал Волков, пропуская обвинение мимо ушей. - Его мать была в меня безумно влюблена. И я очень долго не мог с ней расстаться. Я чувствовал ответственность, понимаешь? Но и продолжать жить вместе нам тоже было нельзя. У нее начинала развиваться душевная болезнь, и этого никто, кроме меня, почему-то не замечал. И я никак не мог придумать, что же делать. А потом меня осенило. Точнее, она сама подала идею. А я понял, что именно в этом будет ее спасение. И все оказалось именно так, как я предполагал.

Материнство купировало ее паранойю на начальной стадии. Во всяком случае, на время. Не знаю, как она сейчас. Но видишь, Алекс вырос нормальным. Значит, все в порядке. Получилось как нельзя лучше.

- А я? - спросил Игорь.

- Что ты?

- Ну, я тоже вырос нормальным?

- Конечно! - всплеснул руками Волков.

- Тогда с какой стати вы решили, что я поеду в Москву с посланием к Папе? На верную смерть...

Как и в прошлый раз, при внезапной перемене темы Волков часто заморгал. В воздухе ощутимо похолодало. Это был фантомный холод, следствие резкого энергетического выхлопа, но настолько реальный, что Игорь плотнее запахнул куртку.

- Тебе ничего не грозит, - сказал Волков наконец. - И ты меня не обманешь.

Ничего ты не боишься. Ты просто не хочешь. Почему? Хотя это пройдет у тебя. Ты просто очень устал. После обеда поспи несколько часов, а вечером все обсудим.

- За последние дни Алекса и меня пытались убить раз двадцать, - сказал Игорь. - Тут устанешь...

- Это были досадные накладки. И если кто-то и пытался действительно причинить вам вред, это могла быть только русская Безопасность, сдаться которой ты по наивности мечтаешь. Я же говорил, инсценировка с энергетической блокадой города была направлена именно на то, чтобы тебя отправили сюда. Нужно было сделать так, чтобы русские сами тебя отпустили.

- А как насчет Алекса? Он что, вообще не входил в расчет?

- Да нет, входил, конечно...

"Врет! - подумал Игорь. - Нет, ничего я ему не скажу. Хотя интересно было бы посмотреть, как он запляшет, когда узнает, что приказ на убийство получили мы оба. И что Папа с самого начала знал, кто выступил против Службы. Это хорошо, что Папа уцелел. Это просто замечательно. Должен же быть на свете хоть кто-то, кого этот безумец Волков опасается! Безумец Волков... Сумасшедший. Псих..."

- Все было учтено, - говорил Волков. - И незначительные мелкие накладки не должны сбивать тебя с толку. Поверь мне, Игорь. Ты должен мне верить.

"Боже, как мне сейчас не хватает Алекса! - терзался Игорь. - Мне позарез нужен хороший психолог. Волков неадекватен, это ясно. Но обзывать его сумасшедшим я могу, если я частное лицо. А вот как офицер Службы я должен мыслить иными категориями. Мне важно знать, насколько

именно у Волкова съехала крыша. То ли он еще что-то соображает, и тогда я с ним должен обращаться, как с высокой договаривающейся стороной. То ли он совсем е...нул, и тогда его следует нейтрализовать, пока он мировую войну не развязал. Но в любом случае пока что я ничего не могу предпринять..."

- Пойдем, - сказал Волков. - Обед на столе. На крыльцо вышла Ирина и помахала им рукой. Игорь с тоской посмотрел на девушку и задумался - а где, интересно, в доме лежит оружие?

ГЛАВА 19

ВОСЬМОЕ ИЮНЯ, ВЕЧЕР

Дом господина Хайнемана не охранялся. В нем не было микрофонов и камер, и никто не сканировал его издали. Но периметр сонного альпийского поселка оказался надежно прикрыт. На озере маячили загадочные лодки, а в моторках у причала отсутствовали свечи. В окрестном лесу бурлила туристская жизнь, и при виде лиц отдыхающих у Игоря засосало под ложечкой. Одну дорогу охранял полицейский мобильный патруль, на другой здоровенные лбы в фосфоресцирующих жилетах лениво взламывали отбойными молотками новенький асфальт. Даже на ручье какие-то мордастые типы с оттопыренными подмышками делали вид, что ловят рыбу. Сам поселок будто вымер. Но сквозь плотно закрытые жалюзи Игорь неоднократно ловил на себе профессиональные взгляды. Из этого котла выбраться не удалось бы даже с помощью кляксы. Здесь было просто слишком много людей.

Игорь сидел в гостиной и, прищурившись, рассматривал нацарапанный на салфетке график. Конечно, полностью доверять этой модели развития событий он не мог - не хватало информации. Но в общих чертах кризис развивался именно так.

Ликвидация зарубежной агентурной сети началась тридцатого-тридцать первого мая.

Сразу несколько контрразведок, действующих в рамках единой программы и управляемых из одного центра, захватили и подвергли "промыванию мозгов" два-три десятка агентов влияния Службы. Но никакого результата этот кавалерийский наскок не дал, поскольку все подозреваемые умерли под "промывкой", не приходя в сознание. Бесполезен оказался и обыкновенный допрос.

На этом все могло бы и кончиться, и Служба понесла бы лишь незначительный ущерб.

Но тут к непосредственной работе с агентурой подключился главный консультант операции господин Хайнеман. Он сломал блокировку Каспера и добыл информацию о ключевых звеньях цепи. Взяли еще человек десять, и с ними Волков тоже поработал.

Открылся следующий фрагмент картины. И руководство операции испугалось. Именно так - в противном случае последствия не могли бы принять столь катастрофический размах.

Неизвестно, какую роль в принятии решения сыграл Волков. Но в том, что он подлил масла в огонь, Игорь не сомневался. Обладая своим фантастическим даром убеждения, переполненный ненавистью к Службе в целом и ее шефу конкретно, Волков просто не мог не воспользоваться случаем. Он должен был надавить на тех, от кого зависел выбор методов - казнить или миловать. И он, конечно, своего не упустил.

А вложить в две-три смятенных души свою бредовую идею, это для форсированного сенса - раз плюнуть. И еще проще Волкову было выторговать право на самостоятельные действия в отношении некоего Игоря Бойко.

Первого июня Волков непонятным образом симулировал психотронный кризис в небольшом российском городке. К вечеру того же дня Служба, еще ничего не подозревая, отправила к нему на переговоры некоего Шнейдера, и Волков убил его второго числа утром. И перестарался. Он, видимо, не предполагал, что после этого инцидента Служба начнет действовать с характерной для себя обстоятельностью и прицелом на двухсотпроцентный резерв. В Москву затребовали дипломатического советника Вестгейта, который Волкову был совершенно не нужен. Волков рассчитывал уже днем третьего числа иметь в руках Игоря Бойко, человека, с которым отчего-то держался накоротке Папа. Человека, которого можно использовать как посредника.

Но Служба навязала Игорю в напарники Вестгейта. И выбилась из волковского графика на сутки.

Четвертого июня Вестгейт прибыл в Москву, познакомился с Игорем Бойко и получил задание. И в этот же день начался спровоцированный Волковым отстрел русских агентов по всему миру. Эта безумная крайняя мера была совершенно не нужна, но Волков либо внаглую зомбировал руководителей операции, либо убедил их в том, что последняя версия ментальной блокировки ему не по зубам. А вражеского агента, который и перевербовке не поддается и вообще не сознает, что работает на врага, можно только убить. Волков развернул перед своими хозяевами апокалиптическую картину захвата власти русскими, и началась стрельба.

Из-за этого братья застряли в России и элементарно не успели попасть на место вовремя. А повернуть машину убийства вспять было уже невозможно. И если днем четвертого июня серьезная опасность братьям еще не угрожала, то к вечеру тучи сгустились.

Потерявший рассудок Дядя собирался взять братьев живьем. Даже если на бестолкового мальчишку Игоря Бойко ему было наплевать, то относительно "продавшегося врагу" Вестгейта инструкция наверняка была однозначной. Из-за этого братьям удалось бежать. Снова взявший Службу под контроль Папа сделал все для того, чтобы вытолкнуть братьев за границу, туда, где их жизни были застрахованы Волковым. Но тут на Службу обрушилась новая беда. По официальным международным каналам волковскую разработку относительно кошмарных планов Службы получил Кремль.

Правительство оказалось перед фактом: либо оно собственными руками добывает Службу, либо против России ополчится весь мир. Шок был невероятно силен. И совершенно естественно было приказать Безопасности - всех схватить, возможное сопротивление подавить, а там разберемся. С этого момента жизни братьев на территории России не стоили и гроша. Не окажи они сопротивления под Тверью, их бы арестовали. А выйди они с хутора к границе чуть раньше времени, снайпер легко стреножил бы их и оставил искалеченными дожидаться приезда группы захвата. Оба раза братьев выручил только случай.

И по большому счету, если бы не маниакальное желание Волкова убить Папу, никому братья не были бы нужны уже четвертого июня. Но они продержались лишней день, выбрались за границу, а там уж с ними поступили четко по инструкции - взяли и доставили на место.

И еще одно их спасло. Уже третьего июня Папа совершенно точно знал, кто именно выступил против Службы. И решил уничтожить предателя Волкова

его собственным оружием. Поэтому самоходное взрывное устройство "Вестгейт и Бойко" получило зеленый свет и двинулось к месту подрыва, с досадными задержками, но верным курсом.

А в итоге оба честолюбивых маньяка проиграли. Они были живы, по-прежнему ненавидели друг друга и потеряли все, что имели. Только если Папа остался без Службы, то Волкову еще предстояло узнать, что с того момента, как Игорь Бойко шагнул через порог его дома, игры в Бога для Волкова окончены.

Игорь скомкал в кулаке салфетку и швырнул ее через всю гостиную в камин. Бумага ярко вспыхнула. Игорь встал и, сунув руки в карманы, прошелся из угла в угол.

Поднял голову и посмотрел на стену, за которой в кабинете сидел Волков. И горько усмехнулся.

Ни разу за весь день Игорь не подумал о Волкове как об отце. В какой-то момент его это открытие удивило. А потом он понял. Игорю просто не нужен был такой отец. Волков мог оказаться кем угодно и каким угодно. Но только не таким. Отец Игоря не мог подставить несколько тысяч людей под пулю исключительно по собственной прихоти. И независимо от того, зачал ли Волков Игоря биологически, относиться к нему как к родному человеку Игорь был не в состоянии. Внизу хлопнула дверь.

- Ой, здравствуйте! - воскликнула Ирина.

- Привет, красавица! - сказал кто-то, приятно и стильно грацируя. И этот голос буквально пригвоздил Игоря к полу. Из прихожей шел мощнейший биоэнергетический сигнал. Фоновый сигнал, не направленный. Просто в дом вошел человек с экстремально сильным биополем.

- А не одолжишь ли ты мне бутылочку снотворного, радость моя? - спросил гость.

- А вам какого именно?

- Какого не жалко. Еще в прошлом тысячелетии было установлено, что разницу между черным и красным "Johnnie Walker" потребитель не улавливает. И более выдержанный сорт покупает только из соображений престижа. А я не потребитель, я выпить хочу.

Мне лишь бы глаза залить, особенно сегодня. Что-то, Ирочка, укатала меня Земля-матушка...

- Знаете, Тимофей, идите и возьмите сами, что вам понравится.

- А может, один на один?

- Тим, у меня больной наверху лежит... Наступило секундное затишье.

Игорь начал осторожно спускаться по лестнице.

- Ну, не такой уж он и больной, - сказал гость. - Ладно, не хочешь - как хочешь.

Внизу послышались шаги, хлопнула дверь. Игорь бесшумно спустился в прихожую и с замиранием сердца заглянул на кухню. Воздух в доме был словно наэлектризован, и Игоря ощутимо трясло. А еще ему было страшно.

***

Гость в раздумье стоял перед шкафчиком с напитками. Он был чуть выше среднего роста, на плечи спадала густая темно-коричневая шевелюра. Странное бесформенное одеяние, черное с отливом, нечто вроде широкого плаща, мягко поблескивало. Нога в остроносом сапожке отбивала по полу нехитрый ритм.

Голова незнакомца слегка запрокинулась, и до Игоря донеслось бульканье.

- Уффф, - выдохнул гость. - Ххха-а... Какая вкусная гадость. А пьете ли вы виски, молодой человек?

Игорь облизнул пересохшие губы и переступил с ноги на ногу. В кухне что-то происходило. Помещение словно накрыли плотным невидимым колпаком. Температура в нем заметно повысилась.

- Пью, - сказал Игорь. - И даже без стакана. Гость повернулся к Игорю лицом.

Игорь протянул руку, нашарил стул и медленно сел.

Тимофей Сергеевич Костенко родился в Москве в 1968 году. Сейчас ему должно было исполниться шестьдесят. Но этому человеку оказалось на вид не больше тридцати пяти. Мягкий овал лица, пухлый чувственный рот, серо-зеленые глаза, взгляд острый и насмешливый. И очень странный оттенок кожи, совершенно не человеческий - с теплой переливчатой зеленцой.

- Это вы?.. - только и вымолвил Игорь.

Гость не ответил. Вместо этого он достал из бара два квадратных стакана с тяжелым дном и пошел к холодильнику. Игорь заворожено смотрел, как загадочный человек накладывает в стаканы лед, наливает виски и добавляет воды. Нет, это категорически не мог быть Тим Костенко. Но он как две капли воды походил на фотографию, которую Игорю зачем-то показал Королев.

Незнакомец подошел к Игорю, подвинул стул и уселся рядом. Один стакан он поставил перед Игорем, а свой покрутил в тонких холеных пальцах, звякая льдом о стекло.

- Устал, - сказал он, поднося выпивку к губам. Игорь молча последовал его примеру. Смешан напиток был отменно.

- Я рад, что вы сюда добрались... - пробормотал незнакомец, задумчиво глядя в стакан. - А что приключилось с тем, кто лежит наверху?

- У него лазер оказался в предплечье. Он в Волкова стрелял. Не по своей воле, это была гипнотическая установка.

- Какая неприятность... - сказал незнакомец с нескрываемым сарказмом.

Игорь поймал себя на том, что воровато оглядывается.

- Не беспокойтесь, - посоветовал незнакомец, снова припадая к стакану. - Он нас не унюхает. Не на тех напал, живодер.

- Слушайте! - не выдержал Игорь. - Так это вы или нет?!

- А вам кого нужно?

- Вы удивительно похожи на человека по имени Тимофей Костенко, - признался Игорь.

- А то! - усмехнулся незнакомец. - Конечно, похож. Только меня обычно называют Тим. И вам разрешаю. Давайте рассказывайте...

- Меня зовут Игорь Бойко, - представился Игорь. - Я специальный уполномоченный Федеральной Контрольной Службы...

- ...мир праху ее, - заключил Тим. - Кстати, большой привет вам от начальства.

- Так вы из Москвы сейчас?! Что там происходит? - быстро спросил Игорь.

- Уже ничего. А вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина...

Игорь схватился за стакан и поспешно высосал его до дна. Тим придвинул к нему бутылку.

- Поверить не могу, - прошептал Игорь, утираясь рукавом. -

Фантастика... Неужели вы действительно Тим Костенко? Тот самый...

- Ну что вам, фокус показать какой-нибудь? - усмехнулся Тим.

- Да нет, что вы... Это я так, от неожиданности. Какими судьбами здесь?

- Приехал к старому знакомому... - вздохнул Тим. - Хотел его на работу пристроить. А он уже сам нашел себе занятие. Спасает цивилизацию от русских.

Шизофреник... - в последнее слово было вложено столько злобы, что Игорь невольно вместе со стулом отодвинулся назад.

- Я опоздал буквально на пару дней, - сказал Тим с невероятной горечью. - И знаете, Игорь... Откровенно говоря, мне все равно, что у вас здесь происходит.

Пока вы терпите существование так называемых политиков... Впрочем, неважно.

Проповедовать - не моя специальность. Я просто хочу, чтобы вы знали - я ни за что бы не вмешался, если бы не чудовищная несправедливость того, что сейчас происходит. А несправедливость - это понятие вселенского масштаба. Она везде одинакова. И единственный мир, где ее почему-то терпеливо сносят и позволяют над собой творить, - наша с вами родина. Земля.

- А если бы вы успели?.. - спросил Игорь с замиранием сердца. Его не оставляла мысль, что сейчас Волков, который находится буквально в нескольких метрах над их головами, напрягая все силы, пытается "унюхать", о чем говорят на кухне. Но, судя по тому, как свободно вел себя этот странный человек, уверяющий, что он - Тим Костенко, Волков слышать ничего не мог. "А вот как спустится он сейчас..."

- Перестаньте вы дрожать, Игорь, - попросил Тим. - Пока вы со мной, вам никто не опасен. Даже снайперы, которых здесь на каждом столбе по двое.

- Вы что, умеете читать мысли? - смутился Игорь.

- Нет, - отрезал Тим. - Отвечаю на ваш предыдущий вопрос. Если бы я прилетел раньше, было бы меньше крови. Конечно, скандал. Конечно, вооруженные силы в готовности номер один. Массовые аресты. Возможная отставка правительства. Угроза экономического коллапса. Но главное - удалось бы спустить конфликт на тормозах.

Без ненужной жестокости и бессмысленных убийств.

- Вы извините... - пробормотал Игорь. - Я несколько дней оторван от информации.

Что, действительно все так, как вы сказали?

- Вчера было два шага до мировой войны. Сегодня, наверное, три. Ничего, Игорь, обойдется, поверьте мне. Хорошо еще, что народ русский по старой доброй привычке безмолвствует. Но он тоже скоро подаст голос. Служба парализована, держать людей в узде некому...

- О господи... - Игорь спрятал лицо в ладонях. Тим разлил виски по стаканам и не стал добавлять воды.

- Все обойдется, - повторил Тим, глядя на Игоря почти с отеческой нежностью. - Вы не казнитесь, Игорь. Вы-то к этому никаким образом не причастны.

- Проклятая Служба... - прошептал Игорь.

- Это судьба, - вздохнул Тим. - Службу построили на обломках Проекта. А его с самого начала преследовали неудачи.

- Вы так легко об этом говорите... Я думал, вам даже слово "Проект"

должно быть неприятно произносить.

- Я все забыл, - сказал Тим просто. - У меня давно уже совершенно другая жизнь.

Другая мораль, другие заботы... Даже состав крови, и тот другой.

- Слушайте, Тим, - сказал Игорь. - Я вот одного понять не могу.

Волков наверняка догадывается, что вы о нем думаете. Хозяева его тоже, как мне кажется, не должны радоваться вашему появлению. Так каким образом вы здесь со мной выпиваете?

Почему никто не пытается вам помешать?

- Ну, а как мне помешаешь? - спросил Тим. - Я писатель не местный. Попишу и уеду...

- А почему бы вам тогда э-э... не повлиять на Волкова? - поинтересовался Игорь.

- А может, я и влияю, - усмехнулся Тим. - Вот мы сидим тут сейчас, а он, бедняга, на стенку лезет... Я просто избегаю резких движений. Те снайперы, о которых я упоминал... Я ведь не шутил, Игорь. Здесь вокруг очень много вооруженных людей. И наш друг господин Волков держит их всех на коротком поводке. Стоит ему как следует испугаться, и они начнут стрелять. Мне-то что, а в вас могут и попасть...

- Елки-палки! - Игорь отодвинулся еще дальше от стола, чтобы его не видно было через окно.

- Равновесие... - произнес Тим. И в этот момент на лестнице послышались шаги.

Игорь вобрал голову в плечи.

- Ну что, заговорщики? - спросил Волков. - Чего ты ему тут наплел, Тимофей?

- Пошел на х...й, - брезгливо сказал Тим. Несколько секунд Волков ошарашено стоял на месте. А потом вдруг повернулся и ушел обратно вверх.

Игорь сидел как громом пораженный. Со стороны это выглядело роскошно - молодой красивый мужчина посылает на три буквы пожилого матерого дядьку. И тот уходит.

Просто идиллическая картинка.

Это если не знать, что на самом деле они ровесники. И если не чувствовать бешеного напряжения, которое на мгновение заполнило весь мир.

Игорь поднял руку и вытер рукавом пот со лба.

- Терпеть не могу сумасшедших, - сказал Тим, неприязненно морщась. - Омерзительная у них энергетика.

- Зачем вы так? - спросил Игорь сдавленным голосом. - Он же мог взорваться, как атомная бомба. Ладно, вам это не опасно, наверное... Но он же может за доли секунды разрядиться в одном истерическом импульсе. Здесь бы одни трупы остались в радиусе километров трех...

- Какой вы, Игорь, образованный молодой человек, - саркастически заметил Тим. - А никогда вы не задумывались, откуда у вас энергетическая блокировка? Какова ее природа? Свойства ее вам доводилось проверять в боевой обстановке? Вас хоть раз атаковал экстрасенс?

- Не далее как неделю назад меня атаковал сенс из другого измерения, - сообщил Игорь небрежно. - К вашему сведению, я чуть не помер. А год назад я чудом отдышался после контакта с реликтовым гоминоидом. Так что поверьте мне, я свои возможности знаю.

- Балбес, - сказал Тим мягко. - Ты каждый раз приходил в себя. Что,

не наводит на размышления?

- Нет, - признался Игорь. - Я же чувствую давление, когда Волков пытается меня "пробить".

- Правильно, давление! - Игорь заметил, что Тим начинает злиться. - И ничего больше! Дурак, ты экранирован! Максимум, что с тобой будет, - это потеря сознания и временная слабость. Общее недомогание. Даже если он тебя раз десять подряд ударит - все равно ты отлежишься и очухаешься.

- А что толку-то... - пробормотал Игорь обескуражено.

- Вот именно, - сказал Тим недовольным тоном. - Толку от тебя как от козла молока. Расписали мне тебя в красках, а ты тормозишь.

- Ну, и чего вы хотите?! - взорвался Игорь. - Спровоцировать его на энергетический выхлоп?

- Да ничего я не хочу, - отмахнулся Тим. - Просто он мне надоел. Я сюда приехал завербовать рабочую силу и отдохнуть. И что? Рабочая сила тронулась рассудком, а я вместо законного отпуска и посещения родных пепелищ вишу, как идиот, над зачуханным городишкой и пугаю мирное население...

- Так Каледин - это ваша работа?

- А кто еще так может? Волков, что ли?

- Слушайте, Тим, но для чего вы это сделали?!

- А как бы ты иначе сюда попал, друг мой?

- Вам-то я зачем?

- Да мне ты на хрен не нужен! - рявкнул Тим. - Просто так получилось... Слушай, пойдём отсюда, а? - Он поднялся и взял за горлышко бутылку-- Пошли на озеро, проветримся. Игорь встал и обескуражено помотал головой.

- Ничего не понимаю, - признался он.

- Это пройдет, - пообещал Тим.

ГЛАВА 20

ВОСЬМОЕ ИЮНЯ, НОЧЬ

На мостках кто-то сидел.

- Брысь! - рявкнул Тим.

Человек с плеском рухнул в озеро, вскочил и побежал по мелководью, поднимая фонтаны брызг. Тим залез в одну из моторок, уселся на корме и отхлебнул из горлышка.

- Как нож сквозь масло, - сказал он хрипло. - Ненавижу.

- О чем вы? - спросил Игорь, глядя вслед беглецу, который выбрался из воды и с треском ломанулся куда-то сквозь прибрежную растительность.

- Боюсь, тебе не понять, - ответил Тим удрученно. - Почему я могу ходить как тень? Почему я слышу то, чего не слышат другие? И почему я должен постоянно выбирать и решать за других? За что?

Игорь сел рядом и забрал у Тима бутылку. Ему как-то не пришло в голову, что инопланетяне тоже могут пьянеть.

- Устал я, - признался Тим. - Иногда, знаешь, проснусь среди ночи, выйду на балкон, заберусь "Ольге" в теплое брюхо... Ну, "Ольга", это мой... Что-то вроде корабля. Только живой. Сажу и думаю - что мне сейчас мешает дать по газам и уйти в подпространство? Закуклиться там и спать, спать, спать... Видеть сны. Знаешь, какие я сны удивительные вижу? Ни одному шизофренику такие и не снились. И спать, пока не проснусь. А

проснусь я не скоро...

- И что же вам мешает? - спросил Игорь.

- Да бог его знает. Понимаешь, у меня народу миллионов триста на шее висит. А народ какой! Золото, а не народ. И друзей до черта. Хороших, настоящих, до гроба. Дети уже взрослые, самостоятельные. Наглые. Сволочи, а не дети. Внуков целый выводок. Работы выше крыши. А чего-то не хватает. Какая-то идиотская типично русская тоска. Дай глотнуть...

- Держите.

- Спасибо, - Тим выпил и душераздирающе вздохнул. - Да, я же тебе объяснить хотел... Видишь ли, какое дело. Я Волкова знаю давно. И конечно сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что он всегда был малость не в себе. С бредовыми идеями... Но я же не психолог!

- А по энергетике...

- У обычного человека видно, да. Как только нарушена психика, тут же идет и характерное нарушение рисунка в определенной части спектра. А у сенса, да еще и форсированного - черта с два ты чего-нибудь разберешь. Ну, вот... Я прилетел на той неделе, утром первого июня по вашему счету. Прихожу к Волкову, говорю, мол, так и так, есть для тебя хорошее место, лучше и не придумаешь. А он смотрит на меня этаким Вовочкой Лениным и не узнает. Я ему - ты что, нездоров? Да нет, отвечает, здоров и даже счастлив. Глобальный заговор раскрыл. И давай нести ахинею... Твою мать, говорю, что же ты наделал! А сам понимаю, что все, бронепоезд уже не остановить, машина пущена... Ну, и куда мне было деваться?!

Игорь только руками в ответ развел.

- Вот именно, - кивнул Тим. - Ладно, говорю, скотина, Гитлер недорезанный, посмотрим, чем это у тебя кончится. Понимаешь, Игорь, в чем беда-то, мы ведь с ним сейчас в принципе на равных. Поэтому матом крыть я его могу сколько влезет.

А вот дать по голове... Конечно, я сильнее и опытнее. Хитрее, в конце концов. А он сумасшедший. У него взрывная мощь, ты совершенно прав, как у атомной бомбы. И черт его знает, чья возьмет, если мы войдем в прямое соприкосновение. Сейчас-то равновесие. Он меня откровенно боится. И я его опасаясь. Нужна какая-то третья сила. И как только я услышал, что Волков остро нуждается в некоем молодом человеке, я сразу подумал, что это можно будет использовать. Сделал вид, что успокоился. Согласился помочь...

- Как он только поверил... - удивился Игорь.

- Так он же псих, - напомнил Тим. - Он уверен, что все должны с ним соглашаться.

Он же спаситель человечества, мать его за ногу!

- А-а...

- Ну, я в этот самый Каледин. Сбросил там излучатель. И сразу в Москву. Прибегаю к Зигмунду... Ну, как вы его называете? Игорь Зимин, фюрер ваш. Директор.

- Папа. А вы что, знакомы?

- Сто лет. Потом расскажу, не сбивай меня, а то я уже косой. Вот, прихожу к вашему Папе, а он буквально еле дышит. Так и так, говорит, помнишь такого деятеля по кличке Волк? "Программа Детей", файл сто шестнадцать? Так мы по его милости уже половину агентуры потеряли. Ничего, отвечаю, дальше будет только хуже. Обрисовал ему ситуацию. Вот, собственно, и все.

- Как жаль, что вы не прилетели раньше, Тим, - сказал Игорь. - Как

жаль...

Просто невыносимо.

- Я не Волков, - ответил Тим сварливо. - Я не подряжался спасать человечество. А вот тебе за это, между прочим, деньги платят. Так что, давай соображай, что тебе дальше нужно делать.

- Да я ничего такого особенного не могу. Просто Волков хочет использовать меня как посредника. Он уверен, что Папа меня к себе подпустит даже сейчас. Есть такое мнение, что я у Папы хожу в любимчиках.

- Мне он этого не говорил, - заметил Тим и снова приложился к бутылке. Игорь покосился на него, но промолчал. Язык у Тима не заплетался и соображал он, похоже, хорошо. Только внезапные эмоциональные всплески указывали на то, что этот русский инопланетянин уже здорово навеселе. "С ума сойти, - подумал Игорь.

- Сижу запросто с таким человеком, слушаю фантастические бредни об иных мирах и совершенно ничего не ощущаю. Ни восторга, ни удивления. Наверное, это от стресса".

- Ладно, - сказал Тим. - Давай рассуждать логически. Один маньяк угробил Службу.

Теперь он хочет угробить ее шефа. По идее нам это до лампочки. Пусть грызутся.

Зигмунда жалко, конечно, он хороший мужик, хотя и дурак изрядный. Проблема не в этом. Проблема в другом. Допустим, мы сейчас повернемся и уйдем. События будут развиваться по сценарию Волкова. Лет через пять я загляну сюда в очередной раз.

И вот, следи за мыслью. Что я здесь увижу? Ставлю десять против одного, что диктатуру. И диктатором будет Волков. Не удивляйся. Ты Просто не в курсе. Он сейчас уже, подлец, захапал столько власти, сколько одному человеку не положено.

Недаром он, гад, в деревне прохлаждается и ходит в джинсах. Как ты думаешь, что я сделаю, когда увижу, как он тут Золотой Век насаждает?

- Ну? - тупо спросил Игорь. Перспектива увидеть Волкова диктатором как-то не приходила ему в голову. И только сейчас он понял, насколько же выкладки Тима правдоподобны.

- Я улечу обратно, - сказал Тим. - А еще через год я приведу сюда такую армаду, какой ты не видел ни в одном фантастическом кино. Потому что в кино земляне побеждают. А меня хрен вы одолеете. Если понадобится, я отбомблюсь по всем крупнейшим городам. И с этого момента земная история прекратит свое естественное течение. Посажу здесь младшего сына, и он из вас совет веревку. Пусть мальчишка тренируется. Он вас научит жить по-человечески. Уже поколения через два у вас появятся собственные космопорты и прекратятся убийства. Гарантирую. Но сначала я всех политиков выведу в расход. И за одного религиозного террориста буду расстреливать пятерых иерархов. Коммунистов - на лесоповал. Фашистов - в рудники. Бандитов - к стенке. Психов - в клиники. Хочешь, чтобы было так?

- Это ведь тоже диктатура, - отмахнулся Игорь. - Не шутите вы так, Тим.

- Это хуже, чем диктатура, - сказал Тим жестко. - Это геноцид. Но уже через полсотни лет первые корабли сядут на Землю с миссией доброй воли. Вы познакомитесь с такой потрясающей культурой и такими невероятными технологиями... Игорь, дорогой мой, вы ведь сейчас никому не нужны.

Совершенно.

Вы живете на задворках Вселенной, и мимо вас летают, морща нос. А летают постоянно. Здесь рудники на Цербере и в поясе астероидов. Только вы об этом и не догадываетесь. Так же, как и о том, что задворки Вселенной - это отвлеченное понятие. Звездные корабли не ходят по прямой. Я могу уже через несколько часов выскочить в любой точке пространства. Расстояние и направление почти ничего не значат. Просто земляне сами выбрали свой образ жизни. В выгребной яме. В куче дерьма. И дело не в том, что вы очень молодая раса. Это не важно, с вами бы всем поделились, всему бы научили. Но вы тупые, злобные и агрессивные. Обидно, Игорь.

Чертовски обидно.

- Значит, мы тупые, злобные и агрессивные, а вы такие великие гуманисты. И эти великие гуманисты обещают нам геноцид... Хорошие порядки у вас в межзвездном пространстве...

- Да забудь ты! - сказал Тим. - Я же действительно пошутил. Геноцид - это моя несбыточная мечта. Заслужили вы его своей тупостью. Но нельзя... Конечно, пугануть вас придется основательно. Иначе вы армии не распустите. Но никто не пострадает. Такие фокусы просто запрещены. А будут коренная перестройка экономики и грандиозные инвестиции. Оружие на металлолом. Приоритетные направления развития - медицина и экологически чистая энергетика. Сто тысяч новейших клиник по всей планете. Тектонические электростанции. Чистый транспорт, чистая промышленность. Конечно, дорого это все. Лет сто полностью будете зависеть от ввозного капитала. Ничего, потом расплатитесь. Будет чем.

- Так может, нам лучше Волкова не трогать? - усмехнулся Игорь.

Тим вздохнул и снова выпил.

- Не получится, - сказал он. - Его стараниями на планете нарушен баланс сил.

Черт побери! До чего же здесь у вас хрупко все! Один-единственный псих! И такие разрушения... Нет, Игорь, не получится. Кто-то должен Волкова нейтрализовать, причем не до смерти. Понадобится авторитетная психиатрическая экспертиза. И все заинтересованные лица должны будут узнать правду о том, кто он такой. Иначе Россия никогда уже не отмоется. Русским придется доказать, что их подставили.

Много интересного и нелицеприятного всплывет при этом. И сам факт существования злосчастной Службы вам, конечно, не простят. Но, во всяком случае, с вас снимут бредовое обвинение в том, что вы хотели править миром. А это уже какое-никакое, а облегчение...

- Разумно, - согласился Игорь. - Это Папа так считает?

- Это я сказал, - надулся Тим. - А Папа согласился.

- Неважно. Была бы тактика, а стратегию придумаем. Только вот тактики у нас и нет. Что нам делать с этим неистребимым Волковым, а? Тим, ну подскажите, вы же эксперт. Между прочим, а если я его... Знаете, у меня есть одна удивительная вещь. Она сейчас подзаряжает Алекса, но...

- Я заметил, - кивнул Тим. - Собачка. Где ты ее взял?

- Собачка? А я ее кляксой зову. В Африке ее нашли. Даже целых две. Одну пришлось отдать, а эту я вроде как приручил...

- Значит, хозяйева погибли. Иначе она бы у тебя не прижилась. Хорошая зверушка.

Но ты ее лучше побереги. Такой монстр, как Волков, ее по стене размажет.

- Да, он ее в руку взял и даже не поморщился. Виноват. Не подумал. Тим, а что вы знаете о кляк... собачках? Сколько они живут?

- Знаешь, я к твоей не принимался, но она, по-моему, совсем молодая. Лет двадцать пять, а то и все тридцать протянет. У меня внуки с такими ходят. А я не могу. Как представляю, что в один прекрасный день она уснет и начнет таять на глазах... Тьфу! Всю жизнь мечтал о настоящей собаке. Так и не завел. Очень я привязываюсь к тем, кого приручил...

- А вы же знали Мастера собак! - вспомнил Игорь.

- Я его и похоронил, - сухо ответил Тим. - В землю закопал и надпись написал. У себя в замке.

- Умер? - зачем-то переспросил Игорь.

- Два года только прожил. Даже я ничем не мог ему помочь. Необратимое поражение воспроизводства энергетики. Но знаешь, как ни горько об этом говорить, умер он счастливым. Там, у меня, он нашел дом, где ему всегда были рады и где он чувствовал себя комфортно. Хороший был парень Виктор. Очень непростой и очень хороший. У нас с ним удивительно судьбы переплелись. Учились на одном факультете, работали в одной газете, копали одну и ту же тему, но чуть-чуть не совпали по времени и поэтому ни разу не встретились. Правда, вспомнилось потом, что он мне однажды звонил, но я был, как всегда, пьяный и гадостей ему наговорил. Потом я... скажем так, эмигрировал. И только через десять лет нас жизнь столкнула. Он был уже Охотник, и звали его Мастер. А ваш драгоценный Папа был у него в подчинении.

- Я сейчас упаду в обморок, - сказал Игорь честно.

- Как было написано карандашом над дверью триста шестнадцатой аудитории факультета журналистики МГУ, "Жизнь - жестокая теть", - сообщил Тим.

- Но Папа не мог...

- Отчего? Папа - кадровый сотрудник Безопасности. Его внедрили в Школу практически в день ее основания. По легенде он был психолог-недоучка, и кликуху ему дали соответствующую - Зигмунд. Охотился себе на зомби-мутантов и стучал помаленьку в свою контору. Ты что! Если бы не он, никто бы и понятия не имел, что на самом деле творится в Проекте. Собственно, его донесения и помогли взять Проект за жабры. Зигмунд смог подтвердить, что для атаки на Объект у людей Виктора были достаточные основания. Это же была по всем статьям диверсия чистой воды. За такое, знаешь ли, по головке не погладят. Они ведь там без малого сотню человек уколошили. И техники поломали на миллион долларов. Прежде, чем сами полегли... Впрочем, ты эти подробности знаешь не хуже меня, а даже лучше. И между прочим, Зигмунд тоже должен был там погибнуть. Но у него буквально за час перед атакой собаку загрызли. Для Охотника это сильнейший шок, и Зигмунда оставили за воротами. Так что заруби себе на носу, что Зиг, то есть Папа, - честнейший мужик. Уж на что я спецслужбы ненавижу...

- Этот честнейший мужик, - сказал Игорь язвительно, - родному сыну Волкова дал установку пристрелить отца.

- И правильно. А кого еще из агентов Службы Волков к себе подпустит близко?

Игорь замолк, пораженный логикой Тима.

- Ты все еще не поверил до конца в то, насколько опасен Волков, - объяснил Тим.

- Может быть, дело в том, что ты действительно в последние дни не

смотрел новости.

- Да, - вздохнул Игорь. - Что-то во мне сопротивляется.

- А уж во мне-то... - неожиданно признался Тим. - Вот он умрет, и я останусь последним из могокан. Так хоть есть с кем парой слов перекинуться на одном языке. Какой-никакой, а свой. Тоже... выродок.

На тропинке раздалися шаги.

- И чего тебе надобно, старче? - громко спросил Тим.

- Я соскучился, - послышался голос Волкова.

- Выпить принес?

- Разумеется.

- Старый ты дурень, - сказал Тим, и Игорь расслышал в его голосе целое море противоречивых интонаций. - Давай садись, будем квасить и плакаться друг другу в жилетку.

Волков с видимым трудом спустился в лодку и достал из кармана початую бутылку. В ярком лунном свете блеснула черная с золотом этикетка. В отличие от Тима, Волков предпочитал виски двенадцатилетней выдержки.

- Вот ты все смеешься, а я ведь действительно уже немолод, - вздохнул он. - И ни одна сволочь не хочет меня понять. Или хотя бы поверить. Тима, скажи, почему я всегда один?

- Потому что ты можешь ходить как тень. Потому что ты слышишь то, чего не слышат другие, - продекламировал Тим. - И самое обидное, что ты об этом не просил. Тебя заставили.

- Тима, - сказал Волков проникновенно. - Я тебя люблю. Будь здоров.

- Будь, - кивнул Тим, и два форсированных сенса чокнулись бутылками.

Игорь выбрался на мостки, сунул руки в карманы, закурил и неспешно пошел к дому.

Остаться рядом с Волковым он не мог просто физически - ему было противно.

- Знаешь, иногда мне страшно, Тима, - сказал Волков позади-- Мы ведь просто чудом успели. Еще месяц, ну максимум два, и Служба взяла бы под контроль все мировые финансовые потоки. А ведь это конец!

- Да заткнись ты, - сказал Тим лениво. - Дай мне послушать ночь.

ГЛАВА 21

ДЕВЯТОЕ ИЮНЯ, УТРО

- Ну, ты как? - спросил Игорь. Вестгейт с трудом оторвал голову от подушки и приоткрыл один глаз. Выражение лица у него было страдальческое.

- Физически ничего, - пробормотал он. - А в душе...

- Да перестань ты. Если уж кто и виноват, так это я. Недоглядел.

- Какой он странный, - сказал Вестгейт. - Никак не могу привыкнуть к тому, что он такой...

- Привыкай, - улыбнулся Игорь. - Сын супермена - непростая должность. Придется мириться.

- Не знаю, - Вестгейт снова лег. - Я думал, что выясню здесь что-то, пойму... А по-моему, я окончательно запутался. Знаешь, не уверен я, что мне нужен такой отец. Нет, это, конечно, замечательно, что он есть, что мы так похожи. Но понимаешь, он ведь ничего не может мне дать того, чего у меня нет. Он просто старый, усталый и, по-моему, не очень здоровый психически человек. А еще, знаешь, он такой ограниченный... Просто

странно все это. А может, это не он?

Игорь опустил глаза. Все, кто соприкасался с Волковым, находились под его экстрасенсорным давлением. Они видели его таким, каким он сам хотел выглядеть.

Безропотно принимали его точку зрения. Беспрекословно повиновались. И потом рассказывали, какой он замечательный.

Того же самого Волков пытался добиться от Игоря - пока не увидел, что это невозможно. А вот с Вестгейтом он, судя по всему, вел себя как нормальный человек. Это было немного странно. Но объяснимо. В Игоре Александре Вестгейте пожилой сенс увидел сына. А в Игоре Бойко почему-то нет. И точно таким же образом братья реагировали на отца. Вестгейт его признал, хотя и с оговорками. А у Игоря все началось именно с оговорок, а кончилось полным неприятием.

- Я оставлю тебе кляксу, - сказал Игорь и осторожно взял брата за руку. - Думаю, еще сутки, и она тебя полностью вылечит.

- Ты уезжаешь? - встрепенулся Вестгейт. - Куда?

- К Папе в Москву. Посредническая миссия.

- Но... Постой, а когда же мы увидимся теперь?

- Ты не беспокойся. Отдохнешь немного и приедешь ко мне.

- Как же... Дадут они...

- Дадут, - сказал Игорь твердо. - Запомни одно. Волков - твой страховой полис. И ты единственный, кто может этим полисом воспользоваться.

- Объясни, - потребовал Вестгейт, оживая на глазах. Игорь поднялся и выглянул в окно. Волков и Тим стояли посреди двора, мирно беседуя. Вид у обоих был помятый.

Каждый держал в руке бутылку пива.

- Любой обычный человек, не защищенный от чужой энергетики, оказавшись рядом с Волковым, теряет способность объективно смотреть на вещи. Все ему верят, все его любят, все перед ним преклоняются.

- А чего он твердит, что никто его не понимает...

- Он имеет в виду, что никто его не понимает по доброй воле. Так вот, братишка.

На тебя Волков почему-то не давит. Я думаю, от безбрежной отцовской любви. С тобой рядом он забывает о своих возможностях. Не ждет от тебя дурного, не экранируется, не подсматривает твой эмоциональный спектр. Мужик как мужик.

Открытая система. Понял?

Вестгейт кивнул.

- Через пару часов к тебе зайдет один в высшей степени необычный человек. Он организует доставку. В крайнем случае вытащит тебя отсюда одного. Но хорошо бы...

- Все, - перебил его Вестгейт. - Дальше не надо. Я догадался.

Разберемся.

Придумаю что-нибудь. Слушай, брат, ты новости не смотрел?

- Боюсь, - честно сказал Игорь.

- Вот и не смотри.

- Очень плохо?

- Хуже некуда. Уже собирают международный трибунал. Игорь повернулся к Вестгейту и внимательно посмотрел ему в глаза.

- На этом трибунале должны судить Волкова, - сказал он. - Признать невменяемым, "промыть" ему мозги с блокировкой энергетики, чтобы больше

не шалил, и принудительно отправить в больницу.

- Я знаю, - кивнул Вестгейт. - Я все знаю.

- Будет жесточайший кризис всех мировых спецслужб. Может быть, заодно свалятся и два-три правительства. И баланс сил хоть отчасти восстановится, - продолжал Игорь. - Во всяком случае, с русскими опять начнут хотя бы разговаривать. Может быть...

- Да хватит меня уговаривать! Все, иди.

- До свидания, - сказал Игорь, пожимая слабую руку Вестгейта.

- Удачи, - Вестгейт закрыл глаза. У двери Игорь остановился.

- Знаешь, - сказал он, - я этой ночью много думал. И пришел к совершенно конкретному выводу. Как ты думаешь, в чем причина всего этого кошмара? А в том, что два мудака тридцать лет назад что-то не поделили. И до сих пор не могут этого забыть. Они просто сводят личные счета. В том числе и нашими руками.

Вестгейт повернулся на бок, к Игорю спиной, и ничего не ответил. Игорь вышел и медленно прикрыл за собой дверь.

***

Тим уже был в прихожей, и Игорь на него чуть не налетел.

- Э! - сказал Тим, упираясь Игорю рукой в грудь. - Полегче. Я и так на ногах не стою. Ну что, поговорили?

Игорь молча кивнул. Дверь на улицу была раскрыта настежь, и на утреннем солнце неземной зеленоватый оттенок кожи Тима был виден слишком отчетливо. Слишком для того, чтобы воспринимать этого человека - человека ли? - всерьез. Но тем не менее он был здесь, рядом, теплый и дружелюбный, и от него многое зависело в намечающейся аванюре.

- Спокойствие, только спокойствие! - сказал Тим, почувствовав, видимо, настроение Игоря. - Нам, мутантам, недоступно наслаждение битвой жизни... Ты уверен, что он все понял?

- Да. Главное - сможет ли он. Все-таки к отцу человек приехал... И вот на тебе...

- Ерунда. Таких отцов в каждом психдиспансере по сто штук на учете состоит.

- Тяжко вам будет, когда он... его... - Игорь замаялся. Тим расправил плечи и упер руки в бока. Этот жест показался Игорю удивительно знакомым.

- Не знаю, - сказал Тим лишенным выражения голосом. - Всю ночь я пытался до него достучаться - То ли это не тот Волков, которого я встретил много лет назад, то ли я сам уже не тот... А может, все от того, что я не переношу сумасшедших. Короче говоря, делайте с ним, что хотите. А мне наплевать.

Левый глаз Тима вдруг резко дернулся, и он прикрыл его рукой. Игорь деликатно отвернулся.

- Ирину жалко, - глухо произнес Тим. - Вот кого жалко, так это ее.

- Что, он серьезно вмешался в ее энергетику? - спросил Игорь.

- Да как тебе сказать... Конечно, без Волкова она не умрет. Будут депрессия, может быть, даже "ломки". Но это все переносимо. А вот то, что без Волкова черта с два она родит...

Игорь непонимающе уставился на Тима.

- Девочка бесплодна, - объяснил тот. - В очень тяжелой форме. Традиционная медицина ей не поможет ничем. А вот наш приятель Волков,

кажется, уже почти справился. Здоровенький крепенький эмбриончик. Ма-аленький такой, хорошенький.

Она сама еще не догадывается. Только без постоянной энергетической подпитки долго она его не пронесит. Вот так-то, Игорь.

- О господи! - сказал Игорь с чувством. - И вот так каждый день. Я за эту неделю постарел на двадцать лет.

- А ведь ты не умеешь ходить как тень, - вспомнил свою присказку Тим. - И не слышишь того, что слышат другие... Представляешь, какая это ответственность?

- Нет, - признался Игорь. - И не хочу представлять. Как вы с этим живете, Тим?

- А мы не живем, - Тим протянул руку и достал у Игоря из кармана пачку сигарет.

Понюхал ее с сомнением и положил на место. - Мы не живем с этим, - повторил он.

- Во всяком случае, долго не живем. Ощущать на своей шкуре все болячки мира...

Тяжко это. И опасно. Можно черт знает во что превратиться. Я, например, очень рано научился выбирать и отсекал лишнее. А Волков не сумел. И стал богом.

- А вы ничем не можете ей помочь?

- Ты не понял, - покачал головой Тим. - Я же сказал, я не бог. Бог - вон там - у забора околачивается. Хочет к нам подойти, но опять боится. Он, кажется, начал сомневаться в том, что я ему друг.

- Не очень я понимаю эти ваши философские выкладки, - сказал Игорь. - Но вам, наверное, виднее. Что, поехали?

Тим сделал приглашающий жест, и Игорь вышел на крыльцо. Странное движение в небе привлекло его внимание, он поднял глаза, и на миг ему показалось, что на участок спускается полупрозрачное облачко.

- Господин Хайнеман! - позвал из прихожей Тим. - Иди сюда, проводи гостя.

Игорь ощутил легкий энергетический толчок и повернул голову. Волков медленно шел к нему от калитки.

- Не подавай вида, если что-то почувствуешь, - прошипел Тим в затылок Игорю.

- Да ничего я не чувствую, - соврал Игорь. На самом деле он с трудом подавлял желание убежать. От одной мысли, что Волков захочет, наверное, пожать ему руку, и будет ловить его взгляд, и примется говорить что-нибудь, Игоря чуть не вывернуло наизнанку.

Сзади Тим ободряюще ткнул его кулаком в поясницу.

- Как же я тебе, слепому, завидую, - сказал он. - А меня, кажется, сейчас вырвет.

***

- Слушай, а у тебя деньги есть? - раздался откуда-то сверху голос Тима.

Игорь попробовал открыть глаза и тут же спрятал лицо в ладони - вокруг было невыносимо солнечно. Он сидел на чем-то жестком и шершавом, напоминающем асфальт, и за шиворот ему дул сильный теплый ветер.

- Не-а, - сказал он, пытаясь сквозь пальцы разглядеть хоть что-нибудь. - Ни денег, ни документов, ничегошеньки.

- И ампулу с ядом тоже враги отняли... - посочувствовал Тим.
- Не надо издеваться. Мы что, уже?..
- Осторожно, двери открываются. Столица нашей родины город-герой Москва.

Отстегните ремни, можете курить. С тебя полбанки за доставку.

Игорь осторожно выглянул из-под руки. Под ним действительно был асфальт. Он сидел на крыше высокого здания, и прямо впереди маячила сквозь дымку смога Останкинская башня.

- Что, не понравилось летать? - спросил Тим. - Ну, извини.

- Да уж... - пробормотал Игорь. - Комфорт у вас на борту, прямо скажем, неземной.

Собственно, что там было на борту, Игорь так и не понял. Он просто несколько минут лежал в бархатной темноте внутри чего-то теплого, мягкого и живого. Как будто тебя проглотили - без гастрономических намерений, а так, понарошку. Игорь даже испугаться не успел. Только они попрощались с Волковым, отбежали, нервно хихикая, за угол дома, вдруг Тим сказал "Хоп!" - и это самое живое и мягкое ласково обхватило Игоря вокруг туловища и принялось убаюкивать. Да так интенсивно, что Игорь начал зевать и мгновенно забылся. А очнулся уже здесь.

- А долго мы?.. - Он с трудом поднялся на ноги. Тим крепко ухватил его за плечо и развернул лицом к возвышающейся посреди крыши башенке.

- Минут двадцать. Сюда, пожалуйста.

У башенки Игорь затормозил и уперся рукой в стену.

- Что-то меня шатает, - пробормотал он смущенно.

- Это Волков, паразит. Сейчас, Игорь, сейчас... Только давай все-таки спустимся, ладно?

- Стойте. Тим, а нельзя мне увидеть? Хоть на секунду, а?

- Что увидеть?

- Корабль, - сказал Игорь, чуть ли не краснея.

- "Ольгу"? - Тим обернулся и посмотрел назад, туда, где над крышей зависло почти невидимое облачко. - Черт его знает. Что, очень хочется?

- Понимаете, Тим... Вы только не подумайте, что это у меня профессиональный интерес.

- Ха! - Во взгляде Тима зажегся смешливый огонек, и Игорю на миг показалось, что он видит свое отражение, такими большими и яркими казались эти зеленые глаза.

- Твой профессиональный интерес ничем не отличается от личного, - сказал Тим. - Я твою породу знаю. Сам такой. А не пожалеешь, а?

- Я понимаю, - кивнул Игорь. - Пусть мне будет хуже Неважно.

- Ладно, погоди, - Тим скорчил гримасу, будто принюхался. - Кажется, никто сюда не смотрит. Приготовься, включаю на секунду, не больше.

В воздухе раздался гулкий вздох.

Больше всего корабль оказался похож на земного дельфина, только громадного, и без хвоста. Веретенообразное тело с маленькими выступами-плавничками, упругое и лоснящееся, размером с железнодорожный вагон. От неожиданности Игорь охнул.

Корабль снова вздохнул, будто ему в ответ, и исчез.

- Красотуля моя, - проворковал Тим.

- Он... она... оно... - замялся Игорь.

- Она, - подсказал Тим.

- ...действительно живая! - воскликнул Игорь в полном восторге.

- А я что говорил? - удивился Тим. - Ладно, пойдем. Хорошенького

понемножку, - он пинком распахнул в башенке дверь и потянул Игоря за собой на лестницу.

- Я теперь ночами плакать буду, - сказал Игорь, придерживаясь за стену. - Надо же, красота какая!

- Ну, плакать ты, допустим, не будешь... Я же спрашивал - не пожалеешь ли ты, молодой человек?

- Не пожалею, - сказал Игорь твердо.

- Что ж мне с тобой делать-то теперь? - пробормотал Тим себе под нос, вызывая лифт. В шахте раздался отвратительный скрежет. - Ладно, прилечу еще. Придумаем что-нибудь. Если доживешь.

- Я постараюсь. Теперь обязательно постараюсь. Вы только не забывайте нас, хорошо?

- Вас забудешь! - усмехнулся Тим. - Эх, люди! Знаешь, от чего вас к звездам тянет? От того, что в дерьме живете.

- Слушайте, Тим, - Игоря шатало из стороны в сторону, он неосторожно прислонился к двери лифта, и Тим его оттащил. - Послушайте... Вот вы постоянно твердите, что мы такие, мы сякие, все у нас здесь не правильно... А у вас-то! Что там у вас?

Что за рай такой?

- Кто тебе сказал, что у меня там рай? - спросил Тим и раздраженно треснул кулаком по кнопке вызова. На этот раз лифт подчинился грубой силе и действительно пошел наверх. - Рай понятие чисто субъективное. Например, тебе у меня было бы нормально. Витька Ларин, тот просто как сыр в масле катался. А Зигмунд сказал бы, что мало демократии. А Волков - что ее, наоборот, много. И все бы меня спросили, какого черта я держу гарем. А мне пришлось бы объяснять, что это не гарем, а оперативный штаб, и шляются они почти голые потому, что лето, и вообще, кто в чем хочет, в том и ходит... Но с демократией это не имеет ничего общего. И так далее, и тому подобное... О! Наконец-то.

Тим впихнул Игоря в лифт, пристроил в угол и нажал кнопку пятого этажа.

- В общем, Игорь, я не шучу, - сказал он. - Давайте завязывайте убивать друг друга и стройте приличный космопорт. Что, слабо? Вот то-то и оно.

- Теперь у нас бардак надолго, - вздохнул Игорь. - Россия опять в жопе, мировое сообщество торжествует. А наши ведь хотели как лучше...

- Не положено, - отрезал Тим. - "Как лучше" русским не положено. Значит так, в квартире ничего руками не трогай, пока я чехлы не сниму. А то не отмоешься потом. Надо же - "как лучше"! Ха!

***

Пыль в квартире оказалась вековая, но обстановка была накрыта пластиковыми чехлами. Тим быстро скатал их, побросал в угол и махнул Игорю - устраивайся.

Игорь блаженно упал на кушетку. Тим открыл дверцу шкафа, за которой обнаружился сейф, и покрутил диск.

- Тебе какие деньги? - спросил он - У меня только нал. Баксы, рубли, "юрики", швейцарские франки?

- Рубли. Немного, чтобы хватило на такси в центр. При случае отдам.

- Забудь, - Тим швырнул Игорю на живот толстую пачку разнокалиберных купюр. - Убери и расслабься. На что жалуетесь, больной? Доктор Костенко

начинает прием.

- Легкая тошнота. И мешает что-то. Как будто держит и не отпускает. Это что, остаточные явления? Он давил на меня просто безумно, когда мы прощались.

- Способный ты молодой человек, - пробормотал Тим, глядя в сейф. - Лет тридцать-сорок тому назад тебя бы уже принудительно активировали. Как это у них называлось - "разбудили". И был бы ты у нас подающий надежды молодой специалист...

- Вы что? - встрепенулся Игорь. - Вы хотите сказать, что из меня получился бы сенс?

- Не исключено. Значит, мешает? Сейчас перестанет, - Тим захлопнул дверцу сейфа, закрыл шкаф, подошел к Игорю и как-то странно на него посмотрел. - Ну что? А теперь мешает?

Игорь судорожно зевнул. Ему вдруг мучительно захотелось спать, как совсем недавно в корабле.

- Отдохни часок, - сказал Тим сквозь подернувшую мир зыбкую пелену. - Это был киллер-фантом. Зигмунду очень повезло, что Волков не просто сумасшедший, а еще и сентиментальный дурак. И тебе повезло. Тебя бы еще за убийство посадили. Зашел бы ты к директору Службы, а он - брык, и готов...

- Так не бывает, - пробормотал Игорь и куда-то провалился. Там было хорошо. И там был Папа, который улыбнулся Игорю и сказал ему свое обычное "Здравствуй, сынок". А Игорь протянул руку и сказал: "Здравствуй, па. Вот я и вернулся. И знаешь, я на тебя почему-то не сержусь. Может быть, я просто тебя понял".

Произнести эти слова во сне было очень легко, и еще не успевшим заснуть краешком сознания Игорь саркастически усмехнулся. А потом ему стало больно и страшно, он начал ворочаться и бормотать, но теплая рука Тима легла ему на лоб, и тогда Игорь заснул по-настоящему, крепким и безмятежным сном.

ГЛАВА 22

ДЕВЯТОЕ ИЮНЯ, ДЕНЬ

Переулок, в который выходили двери центрального офиса Службы, оказался перегорожен усиленным милицейским постом. Водитель такси, пересчитывая деньги, так увлекся разглядыванием бронекостюмов и автоматов, что дважды сбивался и начинал с проклятьями мусолить бумажки заново. Судя по всему, таксист давно не имел дела с наличными. А уж мента с автоматом Калашникова нынешнее поколение москвичей не видело и вовсе. Только броня на ментах была почему-то не милицейская, а классом выше, из самых дорогих, та, которую носят штурмовики Безопасности. Но таксист вряд ли разбирался в подобных тонкостях, а Игорь просвещать его не стал.

- Что тут случилось? - спросил Игорь небрежно.

- Ты с Луны свалился? - удивился таксист. - Во всех новостях только об этом и разговор. Тут американский разведцентр был. Ничего себе, да? Устроились, гады, в двух километрах от Кремля...

- Обалдеть! А я из отпуска только что. Неужели американский?

- Так уже показывали какие-то рожи, взяли их всех как миленьких! Ну, земляк, ты даешь! Чуть было третья мировая не началась, а ты не в

курсе... Наши орут на всю планету, требуют созыва международного трибунала, и все такое прочее...

- Н-да, - пробормотал Игорь глубокомысленно, распахивая дверь. - Спасибо, что рассказал. Буду знать.

- Да не за что, - пожал плечами таксист. - Как доберешься до терминала - отмотай на шестое число и смотри, получай удовольствие. Я бы тебе и на своем мониторе показал, но у нас сеть закрытая, нам новости не положены.

- Шестого все началось, да?

- Угу.

- Счастливо, - Игорь захлопнул дверь и двинулся к "милицейскому" кордону. В лицо ему стеклянно тарасились забрала бронешлемов, а затылок буравил любопытный взгляд таксиста.

- Добрый день, - сказал Игорь двинувшейся ему навстречу громоздкой бронированной фигуре. - Мне нужна связь с дежурной частью Второго Статистического Управления.

- Прошу ваши документы, - глухо раздалось из-под шлема.

- У меня нет документов. Пожалуйста, свяжитесь с дежурной частью и скажите, что пришел Игорь Бойко.

Угловатый монстр сдвинул легкое ограждение и шевельнул автоматом в сторону патрульной машины. Игорь шагнул в образовавшийся проход.

- Руки на капот, - приказали ему. - Ноги шире Еще Вот так. Стойте не шевелясь.

Проворные опытные ладони аккуратно обшарили Игоря с ног до головы. Даже хвост на затылке разворошили.

- Стойте так, без команды не двигаться.

- Моя просьба будет выполнена? - поинтересовался Игорь, глядя исподлобья в глубь переулка. Там стояли фургоны Безопасности и суетился какой-то народ. Игорь прищурился, надеясь увидеть хоть одно знакомое лицо. По работе он с этими людьми не общался, но Второе Статистическое несколько раз в году обыгрывало Безопасность в пэйнтбол, а затем с побежденными крепко выпивало. Перед каждой игрой "внутряки" устраивали команде Службы инструктаж, напоминая, что Безопасность проигрывает неспроста, что она сама этот чемпионат затеяла, поэтому нужно держать ухо остро, опасаться перевербовки и не надираться вдрызг.

Получалось как раз наоборот - противники напивались до чертиков и клялись друг другу в вечной любви контрразведки и стратегических служб.

- Разберемся, что с вами делать, - прогудели сзади и сверху. - Назовите себя.

- Бойко Игорь Игоревич. Второе Статистическое Управление, служба оптимизации транспортных потоков, должность - старший логистик.

- Номер карточки ваш.

- Слушайте, как вас там... - перебил Игорь. - Вон, я вижу Нечитайло. Позовите его, пожалуйста, и все вопросы отпадут.

- Номер карточки, пожалуйста.

- Тьфу! Пятьсот, тридцать, три девятки, семьдесят семь.

- По цифрам, пожалуйста.

- Нечитайло!!! - рявкнул Игорь. На него тут же набросились, заломили руки за спину и чувствительно припечатали щекой о капот.

- Кто там?! - крикнули издалека.

- Все в порядке! - ответили из кордона. - Не обращайтесь внимания!

- Михалыч! - задушено пискнул Игорь и тут же взвыл от боли в

выкрученной руке.

- Кого ломаем, душегубы? - спросил Нечитайло, приближаясь. Он был уже в годах, дорого одет и положенную по штату рацию носил не на поясе, а в руке, как символ власти. В Безопасности он командовал подразделением с загадочной вывеской "группа корпоративных связей", а именно, отвечал за непосредственные проявления любви контрразведки к другим спецслужбам. Координировал взаимодействие. То, что Нечитайло сейчас оказался здесь, было для Игоря редкой удачей.

- Да вот, - Игоря оторвали от капота, чтобы Нечитайло смог его разглядеть.

- Здравствуйте пожалуйста! - Нечитайло озадаченно почесал антенной рации за ухом. - Какими судьбами?

- Михал Михалыч! - взмолился Игорь. - Скажите им, чтоб руки не крутили! Что за детский сад, мать их так!

- Он чист? - спросил Нечитайло. - Ну, и отпустите его тогда. Действительно как дети, хлебом не корми, дай над маленькими поиздеваться. Ты не обижайся, Игорек, у них приказ.

- Я не обижаюсь, - сказал Игорь, массируя запястья. - Только мне вот это место вероятный противник наручниками помял... Больно очень, когда за него хватают.

- Ага! - Нечитайло сунул было антенну прямо в ухо, но вовремя остановился.

- Папа где? - спросил Игорь.

- Так! - Нечитайло в раздумье покрутил рацию в руках и от греха подальше убрал-таки ее на пояс.

- Сначала я к нему, - сказал Игорь твердо. - А потом - куда Родина прикажет.

- Мы, конечно, этот вопрос урегулируем, - невпопад сказал Нечитайло. Видно было, что его раздражают какие-то внутренние противоречия. - К обоюдному удовольствию.

- Второе Статистическое еще существует? - спросил Игорь.

- Юридически - да, - кивнул Нечитайло. - А фактически - не знаю.

- Ну, если юридически - да, так я пошел?

- Куда?

- К Папе.

- А где он?

- А вы здесь что делаете, Михал Михалыч?

- Я спрашиваю, где Папа твой?

Игорь упер руки в бока и выпятил челюсть.

- Хватит со мной играть, - сказал он. - Если Второе Статистическое есть, значит, я его сотрудник. Значит, у меня свое начальство. Свой офис. Служебный кабинет.

Могу я туда пройти? Или как? Или пусть меня официально задерживают. Без адвоката слова не скажу. А потом, Михал Михалыч, я так понимаю, разговорчивость наших сотрудников уже вошла в легенду, разве нет?

- Кончай трепаться, - приказал Нечитайло. - Значит, так, господа, - повернулся он к бронированным монстрам. - Вы его зарегистрировали? Вот и отлично. Теперь я его у вас забрал. Отметьте и доложите. Все, Игорь, пойдем.

- Не скучайте тут, - бросил Игорь через плечо штурмовикам. - И спасибо, что не убили.

- Сам дурак, - ответили ему вслед.

***

В вестибюле Игорь от неожиданности встал как вкопанный. Стены и пульт дежурного были щедро выщерблены, и происхождение этих щербин не оставляло сомнений.

- Михал Михалыч, - пробормотал Игорь упавшим голосом. - Это что же такое?

Нечитайло ответить не успел.

- А это нас арестовывать приходили! - сквозь зубы невнятно сказали откуда-то снизу. - Здорово, Боец...

Из-под пульта высунулась голова сержанта наружной охраны Карпухина. Лицо у него было чумазое, в зубах он держал обрывок провода.

- Привет, - кивнул Игорь. - А ты почему живой?

- А я в отгуле был, - по-прежнему сквозь зубы ответил сержант. - Повезло. Тьфу!

- Он выплюнул провод в угол и принялся грязным пальцем давить кнопки на терминале.

- Ладно, Игорь, пойдете, - сказал Нечитайло.

- Секундочку! - уперся Игорь. - А вы-то мне зачем? Нечитайло грозно засопел и принялся наливать кровью.

- Боец, не обижай начальство, - заметил сержант. - Ему виднее.

- Мы что теперь - заодно? - удивился Игорь, тыча через плечо большим пальцем в сторону Нечитайло. Тот свирепо рванул с пояса рацию и чуть ли не до хруста сжал ее в кулаке.

- Это господин Нечитайло Михал Михалыч, - объяснил сержант. - Первый заместитель директора Второго Статистического Управления. Не забудь его поздравить с назначением.

Игорь повернулся было к Нечитайло, но тот уже исчез в боковом коридоре.

- Цветочков ему купи и конфеток! - почти крикнул сержант.

- Ты-то хоть не нарывайся, - посоветовал Игорь. - Ладно, увидимся.

- Хочется надеяться, - пробормотал сержант и снова исчез под пультом.

Игорь догнал Нечитайло только у лифтов.

- Так вы теперь, значит, Дядя, - сказал он. - Поздравляю с вступлением в семью.

Примите соболезнования.

- Ну, блядь, и порядки у вас! - выдохнул Нечитайло.

- Вы так рацию сломаете, Михал Михалыч. Оставьте вы ее в покое.

- Бар-р-рдак! - высказался Нечитайло, но рацию все-таки убрал.

Кабина лифта оказалась новой. Ковровое покрытие в подвальном вестибюле тоже. В тоннеле возилась бригада отделочников. И только на "третьем посту" Игорь увидел, насколько тяжело обошелся Службе штурм и как яростно она сопротивлялась.

- Что здесь взорвалось? - усмехнулся Игорь, стараясь изо всех сил быть ироничным. - Атомная бомба?

- Прожгли, - коротко ответил Нечитайло, имея в виду с мясом вывороченную бронированную дверь. - Иди, не задерживайся.

Будки голосового идентификатора больше не существовало. Края высокой стойки, за которой здесь сидела охрана, были сильно оплавлены. Некогда белые стены казались теперь черными.

- И много наших полегло? - спросил Игорь.

- Не очень. Порядка двадцати человек.

- На этажах сопротивления уже не было?

- Почти.

- Ясно... - хмыкнул Игорь, хотя никакой особой ясности ответы Нечитайло не вносили. - А есть уже какое-нибудь решение по тем из наших, кто остался цел и ни в чем ужасном не замешан? Они будут дальше работать?

- Вероятно.

- Вы тоже не очень разговорчивы, Михал Михалыч, - заметил Игорь - Прямо как хороший агент Службы.

- Слушай, Игорь, - сказал Нечитайло. - Мы с тобой, конечно, давно знакомы, но ты уж будь другом, привыкай к новой субординации, ладно? Во всяком случае, там, - он ткнул пальцем под ноги, - попридержи язык. Это я тебя по-дружески... Прошу.

- Тогда я вам тоже по-дружески... посоветую. Сделайте лицо попроще. Если будете щелкать каблуками и орать командным голосом, смею вас заверить, в "рейхсканцелярии" вы долго не продержитесь.

- Где? - удивился Нечитайло.

- Ну, в бункере. Ой, простите, это у нас фольклор такой дурацкий. Ничего, привыкнете. Недельку побудете Дядей и привыкнете. На самом деле, Михал Михалыч, я рад, что вы теперь с нами. Во-первых, прежний Дядя был кретин и психопат.

Во-вторых, вы - профи...

- А в-третьих, лучше я, чем расстрельная команда, - решил пошутить Нечитайло.

Игорь посмотрел на него озабоченно и впал в раздумье.

На этажах заметных разрушений то ли не было изначально, то ли их успели залатать. Только в нескольких местах Игорь заметил подозрительные темные пятна на ковре. Освещение горело тускло, некоторые двери в нарушение всех инструкций были распахнуты настежь, и вообще, офис поражал тишиной и безлюдьем.

Легкое шевеление обнаружилось только в "подвале Мюллера". Какие-то незнакомые люди перетаскивали коробки с аппаратурой. Игорь с горечью подумал, что "внутряки" наверняка либо погибли все, либо здорово покалечены, и вздохнул. На этих ребят он зла не держал-Особенно с тех пор, как раненый "внутряк" плюнул ему в лицо.

В тамбуре между этажами отдела внутренних расследований и директората Нечитайло остановился.

- Теперь слушай меня, - сказал он. Рация опять была у него в кулаке, и антенной он ткнул Игоря в грудь.

- Кажется, Зимин выкрутился, - это Нечитайло имел в виду Папу. - Отвертелся. Но для Службы настали очень тяжелые времена. Наверху очень недовольны всей этой историей. Просто рвут и мечут. И я не уверен, что твой тезка продержится долго.

То есть Службу-то не разгонят. Но вот Зимин... Он утрачивает доверие, понимаешь?

Не исключено, что его спишут.

- И очень хорошо, - ответил Игорь самым легкомысленным тоном.

- Вот как? - Нечитайло вдруг улыбнулся. - Тогда соображай. Я знаю, что он тебя очень ждет. Я догадываюсь, что ты привез информацию. Боже упаси, я тебя ни о чем спрашивать не намерен. Но в свете того, что я тебе сказал, - подумай, что стоит ему говорить, а что стоит, может быть,

и попридержаться.

- Михал Михалыч, давайте честно. Вам известно, в каком качестве дальше будет работать Служба? Ее стратегический характер сохранится? Или нас перепрофилируют?

Сделают придатком Безопасности?

- Это как раз сейчас решается, - ответил Нечитайло, и Игорь поверил, что он не врет. - И не исключено, что те данные, которые ты привез, могут оказаться судьбоносными. Могут?

- Не знаю, - помотал головой Игорь.

- В общем, ты подумай, - сказал Нечитайло. - Мне нужно с ним пару минут поговорить, а потом он тебя примет. Вот ты и подумай за это время. Я знаю, ты умный парень. И если что, работу мы тебе найдем.

- Спасибо, - процедил Игорь. Нечитайло толкнул дверь, вышел в приемную, быстро пересек ее и без стука нырнул в кабинет Папы. Игорь последовал за ним и устало присел в кресло за пультом референта.

И вскочил.

Терминал Лены был разбит. В мониторе зияла дыра, а киборд оказался буквально растоптан. И еще на столе были темные бесформенные пятна. Те же, что и на полу в коридорах. Пятна крови.

Игорь зябко обхватил себя руками и прикрыл глаза. Женщина с прекрасным лицом и волосами цвета бронзы. С самыми красивыми в мире ногами. Но главное - с самыми замечательными глазами... Умными, ясными, умеющими так посмотреть на Игоря, что он просто чувствовал, как становится под этим взглядом лучше, умнее, чище, значительнее... Она сидела здесь. И когда в офис ворвалась штурмовая группа... В такие моменты одно-единственное неосторожное движение может очень дорого обойтись. А Лена была не из тех, кто подобно Игорю умеет вовремя упасть на пол и прикинуться трупом.

- Что с тобой?! - воскликнул Нечитайло, появляясь в приемной. - Игорь! Ты что?!

Игорь молча показал на терминал референта.

- Извини, - сказал Нечитайло. - Без понятия. Спроси у него. А он ждет.

Игорь повернулся к двери кабинета.

- Ты подумал? - спросил Нечитайло. Но Игорь ничего ему не ответил.

***

На столе у Папы лежало странного вида оружие. Толстым прямоугольным стволом оно было направлено к двери. При иных обстоятельствах Игорь бы удивился. Но только не сейчас. Он с таким невероятным трудом заставил себя прийти в этот кабинет, что удивляться чему бы то ни было уже не мог. Разумеется, он узнал давно знакомый по секретным фотографиям "пульсатор" - лучемет Охотников, которого, по заверениям покойного Дяди, в природе больше не существовало. Но по сравнению с вопросом, который Игорь принес с собой, эта очередная загадка ничегошеньки не стоила.

То, что в Папином кабинете валялось нечто, чего на свете нет, совершенно не затрагивало Игоря лично. А вот человек, который сейчас уютно развалился в кресле, сцепив руки на животе и глядя в потолок, к Игорю имел самое непосредственное отношение.

- Здравствуй, сынок, - сказал Папа ласково. Игорь отодвинул стул и уселся за стол заседаний, тяжело облокотившись на него.

- Здравствуй, отец, - произнес он, и сам подивился тому, как просто оказалось выговорить эти слова. Как во сне.

- Слава богу! - сказал Папа с таким облегчением, что Игорю стало даже немножко смешно.

- Разве? - спросил он язвительно.

- Слава богу, что ты живой вернулся! - тут же пошел на попятный директор.

- А-а... - протянул Игорь.

Папа зачем-то подергал себя за кончик носа, видимо, набираясь смелости.

- Как же это так получилось? - спросил Игорь.

- Что? - поинтересовался Папа довольно воинственно. Игорь почувствовал, что его на полном серьезе разбирает смех.

- Что, что... То, что я только сейчас догадался о том, что знает куча народу.

- Кто?

- Слушайте, Игорь Иванович, - сказал Игорь. - Давайте, рассказывайте, что там у вас с Волковым произошло. Папа вздохнул.

- Если хочешь дать мне в морду, - сказал он, - не стесняйся. Я этого, наверное, не заслужил, но...

- Сколько вам лет? Шестьдесят?

- Пятьдесят девять, - сказал Папа с неожиданной обидой в голосе.

- Взрослый человек, - заметил Игорь. - А все боитесь, что я буду сводить с вами какие-то счеты, головой об стенку биться...

- Я не знаю, что там наврал тебе Волков... - начал было Папа, но Игорь его перебил.

- Ничего он мне не врал, - сказал он. - Я от Волкова о себе ни одного путного слова не услышал. Мне теперь известна с самых разных точек зрения история появления на свет некоего Игоря Вестгейта. Но вот про Игоря Бойко мне никто толком ничего не рассказал. Ни раньше, ни сейчас. И я искал сам. Думал, сопоставлял... А Волков - это была последняя часть мозаики. Не признал он во мне сына, Игорь Иванович. Вот так-то.

Папа то ли всхлипнул, то ли фыркнул, и полез в карман. Достал носовой платок и вытер лоб.

- Она категорически отказалась выходить за меня замуж, - сказал он.

- Ну! - обрадовался Игорь. - Прорвало.

- Теперь не перебивай, ладно? Мне действительно шестой десяток, а я до сих пор без дрожи в голосе вспоминать не могу эту историю.

- Пусть дрожит, только рассказывайте!

- Ты действительно этого хочешь? - спросил Папа, глядя на Игоря одним глазом.

Сидел он к нему по-прежнему вполоборота.

- Идиот, - сказал Игорь в пространство.

- Извини, - вздохнул Папа. - Видишь ли, мы с Галей познакомились чуть ли не детьми. И всегда нас друг к другу тянуло. Сходились, расходились, у нее кто-то был, у меня что-то было... Но каждый раз мы после этого встречались снова. Она была очень красивая и очень уверенная в себе. А я по ее понятиям... Не знаю. Мы очень любили друг друга. Но быть подолгу вместе - это оказалось выше наших сил.

По большому счету, я ее не устраивал. Она говорила, что я не от мира сего. Что я не такой, как все, и этим ей интересен. Но по этой же причине я совершенно не гожусь в мужья. А потом так вышло, что я

попал... Ну, в эту систему. Тогда еще не было Службы, но...

- В Охотники попал, - подсказал Игорь. Папа уставился на него как на привидение.

- Костенко, гад! - догадался он. - Больше некому... Вот мелкий пакостник! Да, в Охотники. Ты с Мэксом успел поговорить?

Игорь кивнул.

- Это его, - сказал Папа, ткнув пальцем в лучемер на столе. - Как ни пытался я ему жизнь облегчить, ничего не вышло. Занесли его в черный список, и все. Не любят в нашей системе неуправляемых людей. Конечно, я пристроил его как смог...

- Ага, - кивнул Игорь. - Как и меня. Только мне повезло. Меня ваша трогательная забота не убила. Все к тому шло, но я чудом выжил.

- Извини, - пробормотал Папа.

- Да мне плевать, - сказал Игорь. - И что там было дальше?

- В общем, однажды я от Гали услышал, что наша встреча - последняя. Что она наконец-то познакомилась с человеком, за которого стоит выйти замуж. Я умолял, я в ногах у нее ползал, но ты же знаешь, когда Галя принимает решение... Видимо, она сама еще не знала, что... Ну, что ты... Будешь. А когда узнала - подумала, наверное, что оно и к лучшему. А как уж она Волкову мозги запудрила - это можно только гадать. Вот так.

- А Волков?

- А вот это и есть самое неприятное. С Волковым приключилась удивительная история. Я его почти не знал, и уж конечно, когда мне сказали, на ком он женат, я чуть в обморок не хлопнулся. И старался обходить его за километр, чтобы не пристукнуть ненароком. Но так вышло, что он сам ко мне пришел.

- Я так и думал, - кивнул Игорь. - Психопат.

- Тот еще, - согласился Папа. - Если не сказать хуже. Как я теперь понимаю, тогдашний Папа его раскрыл. Вызвал к себе и предложил какую-то грязную работенку, которая по силам только форсированному сенсу. И шантажировал его наверняка. Редкий поганец он был. Волков пришел домой, и какой там у него с Галиной состоялся разговор, мы сейчас можем только гадать. Но на следующий день Волков неожиданно подкарауливает меня на улице. Берет за шиворот и говорит, чтобы я теперь за своим отродьем - извини, конечно, но это его слова - сам приглядывал. А он, мол, умывает руки.

- Весело, - заметил Игорь.

- Еще бы! - криво усмехнулся Папа. - Ты представь - стоит перед тобой сумасшедший экстрасенс, глазами сверкает и несет бредятину. То, что он сенс, я сразу понял, опыта хватило. То, что он настоящий псих - так это было видно, А в конечном итоге, не будь я Охотником, живым бы я не остался после этой встречи.

Ну, ты знаешь, в Охотники людей отбирали с очень сильной энергетикой. И твой иммунитет - это, я так думаю, наследственное. Теперь думаю. В тот момент я просто ничего не соображал. В первую очередь я не подозревал, что у меня есть дети...

Игорь достал сигареты, раскурил сразу две и одну сунул Папе в протянутую руку.

Папа благодарно кивнул.

- Короче говоря, он меня отпустил, и я упал. Разумеется, никому об этом случае я не рассказывал. И вообще, о том, что Волков в тот же день сбежал, я узнал только через месяц. Еще какое-то время пришлось

выжидать, чтобы не подставить Галю. А потом я пришел к ней и спросил, правда ли это. А она послала меня к черту, но я все понял.

- Н-да, - только и сказал Игорь.

- Вот и поставь теперь себя на мое место, - предложил ему Папа.

- И не подумаю, - скривился Игорь.

Несколько минут прошло в молчании. Отец и сын курили и старались друг на друга не смотреть. Первым не выдержал Папа.

- Я не прошу у тебя прощения, - сказал он. - Я вообще не имею права ни о чем тебя просить. Но если я хоть изредка смогу тебя видеть...

- Мы что-нибудь придумаем, - вздохнул Игорь. - Наверное, есть какой-то выход, правда?

- Как ты догадался? - спросил Папа.

- Как Менделеев. Во сне увидел. Сегодня утром. Озарение нашло.

- Шутишь, - разочарованно сморщился Папа.

- Нет. Просто у меня было очень много разрозненных данных, и я все никак не мог сложить мозаику. Я же сказал, последним кусочком стал Волков.

- Там... Ты извини, что я сейчас о деле. Что там произошло? У Волкова? Есть какой-то шанс? Костенко справится?

- Если он не справится, то мой брат точно что-нибудь сможет.

- Какой еще брат? - спросил Папа настороженно.

- Вестгейт. Братишка оказался неплохим специалистом. Ту гипнотическую установку, которую я получил в этом кабинете, он смог взломать в считанные минуты.

Папа сморщился и кряхтя закрыл лицо руками.

- "Что тебе наврал Волков..." - произнес Игорь с выражением. - Всюду ложь. И всюду страх. Родной отец, и тот врет и боится. Боится и врет... Больше всех.

Даже больше этого людоеда Волкова, который просто честно и искренне верит в свой бред!

- Игорь, - выдал Папа. - Сынок... Милый... Не было другого выхода, понимаешь?!

Не было! По всем прогнозам у нас выходила мировая война... И то, что нужно было сделать, мог сделать только ты!

- Волкова незачем было убивать. Совершенно. То, что вы задумали, это был акт личной мести и ничего больше, - сказал Игорь холодно.

- Да нет же! - воскликнул Папа. - Ты просто не знаешь! Он же зомбировал несколько десятков ключевых фигур! Людей, которые принимают решения! И дергал их за ниточки как марионеток! Как только Волков умрет, связь оборвется! И они прозреют. И все кончится.

- Все уже кончилось, - сказал Игорь очень спокойно. - И так без войны обошлось.

А вот врать не надо было.

- А когда я врал? Сейчас?

- В том числе. У меня не было шансов вернуться с этого задания живым. Убей я Волкова - смерть. Не убей - аналогично.

- Не правда, - Папа широко раскрыл глаза и приосанился. - Я же говорю, ты не знаешь. Тебя должен был подобрать Костенко.

- Когда мы прибыли на место, его там не было, - отмахнулся Игорь. - Да ладно, хватит... Я устал спорить и торговаться. И вообще, я устал. Надоело мне все это до Чертиков. Не хочу больше загадок. Не хочу больше тайн. И шли бы вы все в жопу, старичье закомплексованное, со своими

тайными операциями и секретными агентствами. Сами вы уроды и из детей своих пытаетесь уродов делать. А я не хочу! Ясно?!

Папа опустил глаза и посмотрел на свои руки, вцепившиеся в край стола. Костяшки на его пальцах были совершенно белые.

- Вы только не подумайте, что я вас осуждаю, - сказал Игорь. - Просто у вас своя правда, а у меня своя. И понять друг друга нам не суждено по определению. Может быть, когда-нибудь мы научимся друг друга любить. Это не так уж сложно. Мы оба в принципе неплохие люди. Но пока вы не научитесь уважать чужое мнение, наш разговор всегда будет разговором тупого с глухим.

Папа хотел что-то сказать, но Игорь перебил его.

- Значит, так, - сказал он. - Конверт с посланием от Волкова у меня забрал Костенко. Судя по всему, там вообще ничего не написано. А я сейчас ухожу. Не знаю куда. К чертовой матери-Скажите мне только вот что. Как я понимаю, Мэкс погиб?

Папа молча кивнул.

- Что с его дочерью?

- Пока что она в Безопасности. Чуть позже я ее заберу.

- Хорошо... - Игорь отвернулся к двери, за которой скрывался разбитый и окровавленный терминал. - А как у Лены дела? - спросил он, надеясь, что голос не дрогнет.

- Плохо, - сказал Папа. - Плохо дело. Ей понадобится новое лицо. Она, Игорек, не хотела пускать их сюда. И ее прикладом очень сильно ударили.

- А вас, конечно, тут Не было.

- Не было...

Игорь подошел к двери, взялся за ручку и обернулся. Папа сидел за столом какой-то удивительно маленький и жалкий. И смотрел на лучемер. Игорь подумал, что с гибелью Мэкса порвалась еще одна нить, связывающая Папу с его легендарным прошлым. Ярким и неповторимым, в котором Папа был молод, полон сил, окружен верными друзьями, у него была кавказская овчарка, и его любила замечательная женщина. И все было впереди.

Тем не менее даже в команде Охотников Папа уже выполнял секретную миссию, так что не такой уж безоблачной была его жизнь среди них. Собака у него погибла.

Женщину он уступил другому. Впереди была неопределенность, а за ней - пустота.

И теперь у него не осталось почти ничего, за исключением сына, который издевался над ним и говорил обидные слова.

"Не вздумай застрелиться, старый дурак", - чуть было не ляпнул Игорь. Но промолчал. И вышел.

ГЛАВА 23

ОДИННАДЦАТОЕ ИЮНЯ, ДЕНЬ

- Здравствуйте. Вот мой отчет, - сказал Игорь, бросая на стол перед Нечитайло коробочку с мини-диском. Под глазами у Игоря залегли тени. Кабинет новоиспеченного Дяди постепенно наполнялся запахом коньяка.

- А вот твои документы, - Нечитайло брезгливо сморщился и подвинул к Игорю конверт. - Счета твои разблокированы, отпускные должны были перевести. Гуляй, но в разумных пределах. И за границу ни ногой.

- Как будто меня здесь не пристукнут, если захотят, - фыркнул Игорь,

выгребая из конверта разноцветные карточки.

- Здесь не пристукнут. Вчера опустился железный занавес, если тебе, конечно, эти слова что-нибудь говорят. Ладно, Игорь, ступай. Была б моя воля, я бы тебя даже на улицу не выпустил. Но...

- Скоро вы поймете Службу, Михал Михалыч, - пообещал Игорь, рассовывая документы по карманам. - Папуля вам устроит веселую жизнь. У нас уже был один Дядя, которому надоело, что воля не его.

- О тебе же беспокоюсь, дурак! - прорычал Нечитайло, ухватил со стола новенький служебный телефон и сдал его в мускулистой лапе. - Ну что ты за человек, ей-богу!

- Человек, - кивнул Игорь. - И этот человек за последнюю неделю ухлопал столько народу, сколько вам и не снилось. А вам много приходилось убивать на работе, Михал Михалыч?

- До свидания, Бойко, - сказал Нечитайло, швырнул помятый телефон на стол, демонстративно отвернулся к своему терминалу и принялся бесцельно тереть клавиши.

- Пока, - Игорь сделал неопределенный жест и, заметно пошатываясь, вышел из кабинета. Но за дверью его походка мгновенно переменялась, и расслабленное выражение с лица исчезло. Игорь еще не был по-настоящему пьян. Он просто боялся, что Нечитайло станет задавать ему вопросы. Так бы оно и случилось, наверное, если бы Игорь давно не заметил, что новый Дядя непозволительно брезглив для кадрового ээсовца, и вообще мужик порядочный.

Служба за последние двое суток, видимо, оправилась от шока и суетилась вовсю. По коридорам сновал незнакомый народ, молодежавый и симпатичный, в тамбурах между этажами дежурили новые "внутряки", с непривычки дерганые, но вполне корректные.

Пятна с коврового покрытия исчезли.

Компьютеры Спецотдела были выключены - Лавров ушел в поликлинику к стоматологу.

Игорь ткнул клавишу вызова на двери Королева. Замок щелкнул в ответ.

- Ну вот, - сказал Королев, поднимаясь Игорю навстречу. - Вот. Наконец-то.

Здравствуй. Слава богу. Вот, - он неожиданно сгреб Игоря и крепко обнял. Потом отстранил от себя, заглянул в глаза и привычно обнюхал.

- Коньяк, - безошибочно заключил он. - И дешевый. Ну, садись.

Игорь сел. Королев склонился к терминалу, набрал команду, откинулся на спинку кресла и закрутил ус.

- Не хочу задавать бестактные вопросы, - сказал он. - Но придется. Ты вернешься?

Или этот отпуск - так, для разгона?

- Не знаю, дядя Андрей. Скорее всего решать я буду первого сентября. Приду сюда, осмотрюсь, как раз все ребята соберутся... Вы мне скажете что-нибудь убедительное.

- Ничего я тебе не скажу, - помотал головой Королев. - Конечно, если ты мне не расскажешь, что с тобой было за эти дни. А так... Я же вижу - ты вернулся совершенно другой.

- Разве? - удивился Игорь. Ему вдруг захотелось посмотреть на себя в зеркало.

Машинально он ощупал подбородок. Щетина была такая, что даже уже не кололась.

- Не нужно было тебе соглашаться, - сказал Королев. Это оказалось так

неожиданно, что Игорь широко раскрыл глаза.

- А у меня был выбор? - спросил он.

- Выбор есть всегда, - Королев нетерпеливо посмотрел на дверцу в стене, из-за которой должен был появиться его заказ.

- У меня его не было, - твердо сказал Игорь. - И вы это знаете, дядя Андрей.

Больше всего на свете я хотел узнать, кто я такой. Я не мог не поехать туда. И не вернуться... тоже не мог. Все получилось так, как и должно было. А то, что я узнал гораздо больше, чем хотел, - это уже издержки. Зато я теперь это знаю, понимаете? Никаких больше тайн. Ни-ка-ких.

На дверце загорелась лампочка, и Королев с удовлетворенным кряканьем выставил на стол поднос с кофе. Открыл ящик стола и извлек ярко раскрашенную пластиковую фляжку. "Pour cheveux noirs" - прочел Игорь.

- Мы что, уже с французского коньяка на французский шампунь перешли? - спросил он озадаченно.

Королев отвинтил крышечку и щедро плеснул в кофе буро-золотистой жидкости. Игорь потянул носом и учуял запах виски.

- Ирландский кофе, - объяснил Королев. - Как говорил один старый разведчик, тонизирует так, будто с размаху сел на ежа. Глотни. Мне еще весь день работать, а тебе небось бухать до рассвета.

Игорь осторожно сделал глоток. Вкус напитка был непривычен, но что-то в нем проглядывало такое, от чего старому разведчику хотелось верить.

- Что, совсем никаких тайн? - спросил Королев.

- Больше - нет. Скажите, Андрей Иванович, вы с самого начала знали, что Волков мне не отец?

- Что ты... Нет, конечно. Но пару лет назад я случайно увидел тебя рядом с...

Ну, ты понял, с кем. Знаешь, это было настолько очевидно - по-моему, даже Мишка Лавров, на что уж простая душа, и тот догадался.

- Какие же вы сволочи все! - сказал Игорь с чувством. Королев горестно вздохнул.

- Ты же знаешь Устав, Игорек.

Игорь осушил свою чашку до дна и со стуком припечатал к подносу.

- Никакого больше Устава, - сказал он.

- Только не делай глупостей, - быстро проговорил Королев.

- Да вы что! - рассмеялся Игорь. - Перестаньте. Если я даже и захочу рассказать кому-нибудь правду о Службе, она все равно никогда не будет опубликована. А какой смысл тогда рассказывать? Да и не уверен я, что знаю эту правду. Я прикоснулся к чему-то огромному и непостижимому, вот и все. И оно раздавило меня, как таракана сапогом. По большому счету, я из всей этой истории вынес только одно, дядя Андрей. Но уже этого одного для меня оказалось слишком много.

Игорь поднялся и аккуратно придвинул кресло обратно к столу. Королев смотрел на него снизу вверх и ждал.

- Дураки, сумасшедшие и двоечники, - сказал Игорь, держась обеими руками за спинку кресла и медленно раскачиваясь вперед-назад. - И еще люди, которые не могут справиться с эмоциями.

- Да? - поднял брови Королев.

- Вот кто принимает все деструктивные решения в нашем мире, - объяснил Игорь.

- Ха! - сказал Королев с видимым облегчением. - Тоже мне открытие.

Поздравляю.

Это называется - изобрел велосипед.

- Да нет же, Андрей Иванович! Я о другом, мне просто слов не хватает. Я пытаюсь вам объяснить... Я просто хочу сказать - в том, что случилось, никто не виноват.

- Это как? - опешил Королев.

- Не было злого умысла. Вот, посмотрите. Некомпетентный или элементарно глупый не видит последствий. Сумасшедший просто во власти бредовой идеи. А в нашем случае один на один сошлись двое одержимых жадной мести. Один совсем больной, да и другой немногим лучше. В результате погибли люди, мир стоял на грани катастрофы...

- Он и сейчас от этой грани недалеко ушел, - заметил Королев.

- Но теперь ведь разум возобладал. Разум и знание. И все будет хорошо. Все образуется. Это судьба, Андрей Иванович, понимаете? Служба пыталась нарушить основной закон мироздания - управлять развитием общества. И кто вернул все на круги своя? Двое несчастных, не отвечающих за свои поступки. Вот так-то. Службу раздавила Судьба.

- Пойди-ка ты, честное слово, выпей, - сказал Королев. - А я тебе вечером позвоню. Кстати, ты не уезжал бы пока из города, ладно?

- Интересно, Волков уже здесь? - спросил Игорь. - Скажите, дядя Андрей, когда все кончится... Вы к нему в клинику будете приходить?

Королев фыркнул. Усы у него встопорщились, как у рассерженного кота.

- А я буду, - сказал Игорь. - Вот в том-то и дело, Андрей Иванович. Ничего вы не поняли.

***

- Господи! - простонала Лена. - Ну зачем ты пришел! Ну зачем... - и заплакала.

- Леночка, - Игорь присел на край больничной кушетки и осторожно взял ее за плечо. Руки девушка прижала к лицу, хотя делать это было незачем. Все равно из-под бинтов виднелись только глаза и губы. - Леночка, милая. Ну как же - зачем... Я не мог не прийти. Я все это время только о тебе и думаю. Леночка...

Слезы у Лены просохли моментально.

- Подлец, - сказала она тихо и отчетливо. Игорь помотал головой, думая, что ослышался.

- Убила бы вас обоих, если бы могла, - пояснила Лена. - И тебя, и этого грязного старикашку. Это же все из-за ва-а-ас.... - она снова не выдержала и забилась в рыданиях.

- Да я-то тут при чем... - пробормотал Игорь, отворачиваясь и разводя руками, словно в палате мог быть кто-то еще. Но его не услышали.

***

Деревья на кладбище раскачивались под порывами ветра, и длинные волосы Тима Костенко, спадающие на поднятый воротник плаща, шевелились как живые. Руки Тима лежали на плечах совсем юной светловолосой девушки. Тина крепко прижималась спиной к его груди и смотрела перед собой. В могилу с шуршанием сыпалась земля.

Стоявший в отдалении Папа заметил Игоря и хотел было подойти, но Игорь сделал шаг назад, и Папа остановился. Лицо его страдальчески

искривилось. Игорь медленно приблизился к Тиму. Костенко обернулся и кивнул. Тина почувствовала его движение, бросила на Игоря короткий взгляд, не узнала его и снова уставилась в никуда.

- Где Алекс? - шепотом спросил Игорь. Тим в ответ неопределенно шевельнул бровью.

Какие-то пожилые люди группами по несколько человек подходили к Папе и вполголоса с ним заговаривали. Лицо Папы немного расслабилось. Некоторым он пожимал руки, остальным просто кивал. Чем-то все эти мужчины были похожи. Игорь присмотрелся и увидел, в чем дело. У них была странная манера держаться, как будто они все время прощупывают невидимыми лучами пространство вокруг себя.

Несколько раз до Игоря донесся едва ощутимый биоэнергетический сигнал. Это были Охотники. Совсем немного, от силы десятков человек, все, что осталось от непобедимой сотни.

Игорь опустил голову Тридцать лет назад эти старики грудью заслонили Москву от захватчиков из другого измерения. Но судьба распорядилась так, что самый жестокий урон Охотники понесли в столкновении с людьми. Игорь почувствовал, что сейчас ему станет плохо. Он, не скрываясь, вытащил из кармана флягу и от души к ней приложился. История Охотников была на памяти Игоря одним из самых ярких примеров того, как несправедливо обходится человечество с теми, кто его защищает. И только этой аналогии не хватало сегодня Игорю для того, чтобы почувствовать себя окончательно скверно.

- Угости, - попросил сзади Папа. Игорь, не глядя, сунул флягу за спину.

- Где Алекс? - спросил он.

- А зачем он тебе? - удивился Папа, отдуваясь.

- Не твое дело, старый козел! - вполголоса рявкнул Игорь.

- Ты это... потише.

Игорь сделал несколько глубоких вдохов.

- Где Алекс? - повторил он, изо всех сил пытаясь удержать себя в руках. Он вдруг почувствовал, что ничего не забыл и ничего не простил. И получилось, что возвышенные речи, которые он произносил у Королева, были только мечтой о справедливости. Только мечтой. Просто он, Игорь Бойко, чертовски не хотел быть такой же дрянью, как и все. Но одного желания оказалось недостаточно.

- Я отправил его, - сказал Папа. - Он сейчас единственный, кто может поднять наши старые контакты там. Конечно, веры ему теперь никакой, но как посредник он сойдет. Действительно, зачем он тебе нужен?

- Не нужен, - отозвался Игорь. - Не нужен... - он протянул руку и почувствовал, как осторожно, чтобы, не дай бог, не коснуться его даже пальцем, кладет в нее Папа флягу.

- Вечная память, Охотник, - прошептал Игорь, глядя, как заравнивают могилу.

Сунул руки в карманы и пошел, не разбирая дороги, прочь.

***

Он как раз подходил к воротам кладбища, когда его догнала машина.

- Игорь Игоревич! - позвал незнакомый голос. - Садитесь, пожалуйста.

- Что такое? - спросил Игорь с привычной брезгливой угрозой в голосе. Человека за рулем он не знал.

- Садитесь, садитесь, - повторил незнакомец, хлопая по сиденью рядом с собой. - Вас очень хотят видеть у нас на фирме. Мне велено передать вам самую настоятельную просьбу. Не отказывайтесь, Игорь Игоревич. Вам намерены сделать весьма заманчивое предложение.

- Сгинь, нечистая! - приказал Игорь и пошел дальше. Машина покатила рядом.

- Наша фирма весьма заинтересована в вас... - ну дел эсэсовец за рулем. - Вы совершенно напрасно... На самом высоком уровне... В нынешней ситуации... И вообще, Контрольная Служба для вас уже пройденный этап.

Игорь остановился и развернулся к машине лицом. Упер руки в бока, так, чтобы разошлись борта куртки, и оказалась видна торчащая из-за пояса рукоятка игольника.

- Для меня любая служба - пройденный этап, понял? - сказал он. - Вот так и передай своему начальству.

- Мне приказано вас привезти, и я это сделаю, - неожиданно жестко сказал эсэсовец. Его игольник уже был направлен на Игоря.

Игорь прикинул, что он может сделать, и понял, что уже ничего.

- В машину! - приказал эсэсовец. Внезапно его глаза смешно вылупились, а рука с игольником заходила ходуном. Смотрел он теперь не на Игоря, а как бы сквозь него. Игорь расслабился и потянулся за флягой. Он уже буквально всем телом почувствовал, кто пришел.

- Значит, так, - сказал Тим, подходя к машине. - Слушай меня внимательно, ты!

Меня зовут Тим Костенко. И я говорю - если кто-нибудь из ваших хотя бы еще раз сунется к этому парню, вместо него к вам приду я. И после моего визита зарплату вы будете тратить исключительно на лекарства. Это мое официальное заявление. И ты его передашь. Все.

Эсэсовец кивнул и медленно убрал игольник за пазуху. Внешне он действовал вполне осмысленно, но взгляд его был совершенно безумен.

- Давай-ка у него машину отнимем, - предложил Тим. - Ну-ка, брысь!

- Не надо, - слабо запротестовал Игорь, глядя, как эсэсовец мешком вываливается из-за руля и встает у двери на четвереньки. - Да не стоит... Зачем?

Тим взял эсэсовца за шиворот и отволок его в кусты, как нашкодившую собачонку.

- "Ольга" не самый удобный вид транспорта в городе, - сказал он. - Нужно выбирать места для старта и посадки. А то получается, что я при всем честном народе то растворяюсь в воздухе, то возникаю ниоткуда. Извини, но мне такая реклама совершенно не нужна. И по крышам лазать тоже надоело. Давай, садись за баранку.

- Да я вроде как нетрезв, - заметил Игорь.

- А тебе это чем-нибудь грозит? - удивился Тим. - Ты учти, я за рулем сорок лет не сидел. И до этого особым мастерством не отличался. Практики не было. То есть я с удовольствием, но...

Игорь задумался. Разумеется, капитану Бойко из линейного контроля МВД вождение в нетрезвом виде заказано не было. Но от выпитого у Игоря уже основательно притупилась реакция.

- Ладно, - сказал Тим, усаживаясь за руль. - Здесь "автомат", так что справимся как-нибудь. Нырять.

- Спасибо, - кивнул Игорь, садясь рядом. - Выручили.

- От чего? - усмехнулся Тим.

- Да от всего. От благодарного человечества.

- Ха! - Тим поиграл кнопками, подгоняя сиденье под себя. - Между прочим, этот урод тебя действительно собирался на какую-то встречу отвезти. В смысле - не на допрос.

- Меня теперь допрашивать никто не рискнет, - вздохнул Игорь. - Блокировка, - он постучал себя по лбу согнутым пальцем. - То есть у меня-то ее нет скорее всего.

Но считается, что должна быть.

- Да нет у тебя никакой блокировки... - проворчал Тим, разглядывая селектор автоматической коробки передач. - Та-ак... Сначала наступаем на тормоз, да?

Теперь втыкаем "драйв". Ну, поехали.

Машина плавно тронулась и, набирая скорость, покатила к выходу. На широкой бетонированной площадке перед административным зданием Тим неожиданно газанул, заложил, визжа покрышками, несколько крутых виражей и, удовлетворенно пробормотав "так, вас понял", утопил педаль до пола. Машина стрелой понеслась в сторону Калужского шоссе.

Игорь украдкой посмотрел на Тима. Инопланетянин земного происхождения сидел за рулем. Так, будто родился в водительском кресле. Внешне расслабленная посадка опытного водителя и даже хват руля, как у московского таксиста. Только глаза он чуть прищурил, и это выдавало напряжение. Невольно Игорь задумался, сколько всего пережил этот красивый и уверенный в себе мужчина в черном, совсем еще молодой. В архивах Службы о Тиме Костенко не было почти ничего. Во всяком случае, так утверждалось официально в справках топ-секретного уровня, а свой временный допуск ЭКСТРА Игорь использовать не успел.

- Вы отлично чувствуете дорогу, - заметил Игорь.

- Наследственность, скорее всего. Отец машину водил гениально, - сказал Тим. - И меня всему научил. А потом не пускал за руль. Пользовался возможностью хоть что-то мне запретить.

- Бестактный вопрос можно? - спросил Игорь.

- Хоть двадцать, - ответил Тим, грамотно обгоняя автобус.

- Почему вы такой молодой?

- А-а... Побочный эффект. Я, кажется, тебе говорил, что у меня даже кровь уже не человеческая. Ты, наверное, решил, что это аллегория. Отнюдь. Первые десять лет в эмиграции я сидел на химической подпитке, чтобы приспособиться к их среде. А последние десять лет, возвращаясь сюда, я вкалываю себе всякую дрянь, чтобы тут дуба не врезать.

- Простите, Тим, а... А зачем вы возвращаетесь?

- А ты меня разве об этом не спрашивал? - удивился Тим. - Странно. Не знаю я, Игорь. Есть у меня подозрение, но... Не знаю. В самом начале я очень зависел от земной энергетики. Мне нужна была дозарядка. Хотя бы раз в несколько лет. А зачем я приезжаю теперь, одному богу известно. В принципе на этом самом кладбище есть могила женщины, которая больше всего на свете хотела родить от меня ребенка и прожить со мной всю жизнь. И я этого хотел больше всего на свете. Но понимаешь, Игорь, я ведь не хожу на эту могилу. Моя Оля со мной, во мне, я ее не забыл, и мне не нужны ритуалы, чтобы кому-то что-то доказывать. Все эти славянские ежегодные плачи на кладбищах, это ведь показуха...

- Люди, которые сейчас провожали Мэкса, будут ходить туда, - сказал Игорь.

- Разумеется, - кивнул Тим, притормаживая на красный свет. Они уже въезжали в город. - Этим людям Мэкс нужен позарез. И гораздо больше

мертвый, чем живой.

Живой-то он их в упор не видел. А теперь они будут над ним ритуальные пляски учинять. Крутизной мериться. Это же все мелюзга, Игорь. Молодняк. Когда Мэкс штурмовал Объект, их рядом не было, их в Школе оставили, чтобы под ногами у ветеранов не путались. А Школа - это...

- Я знаю, - сказал Игорь. - Это база Охотников. По-моему, Тим, вы преувеличиваете. Как-то вы резко очень...

- Наверное, - согласился Тим. - Только ты не забывай, что их старший у меня на руках умер.

- Извините, - сказал Игорь совершенно искренне.

- Извиняю. Не обращай внимания. Я вообще ужасно злой. Был. А сейчас мне на все наплевать. Я просто не терплю несправедливости. Впрочем, об этом мы тоже говорили.

- Как там получилось с нашим клиентом?

- Легко. Алекс сделал его как маленького. Волков пришел на него полюбоваться в очередной раз, и, пока он кормил своего мальчика с ложечки, мальчик ему устроил сеанс эриксоновского гипноза. И все. Волков не то что бы совсем вырубился, но среагировать на мою атаку не успел. И я его скрутил. Понимаешь, это сложно объяснить, это нужно видеть... Аура форсированного сенса делится на множество контуров, и самый развитый - это защитный. Он работает постоянно, даже во сне.

Реагирует на малейшее раздражение. Поэтому сенса можно убить только по чистой случайности. Например, если сейчас какой-нибудь умник в Вашингтоне захочет меня укокошить и даст по Москве ядерный залп, он вряд ли своего добьется. Пока он решится, пока даст команду, пока команда пройдет все инстанции, пока ракета долетит... Мы с тобой за это время успеем до канадской границы добежать. А вот если противник будет целиться не в меня, а в Васю Пупкина, времени у нас с тобой останется в обрез. Чисто подлетное время ракеты. Я засеку только старт. Ясен принцип?

- Ничего себе... - пробормотал Игорь. - То есть достаточно захотеть причинить вам зло...

- Именно, - кивнул Тим. - Если бы Волков не был психом, наш приятель Зигмунд давно бы уже коньки отбросил. Но Волкову позарез нужно было, чтобы киллер-фантом приехал к Папе-Зигмунду на твоей шее. Кстати, я так и не разобрался до конца, кто из вас кому родственник. Такое ощущение, что вы все друг другу отцы и дети.

По идее ты сын Зигмунда. Но кто тебе Волков тогда?

- Считалось, что он мой отец, - сказал Игорь и полез за флягой.

- Да, без поллитры не разберешься, - покачал головой Тим. - Ну, бог с вами.

Мне-то что... Был бы человек хороший. Кстати, человек хороший, а тебе куда?

- Домой, - Игорь объяснил дорогу, Тим кивнул: "Знаю. Лучшие места захапали, гады". - Может, зайдете?

- Извини, не получится. Да и зачем?

- Действительно, - пробормотал Игорь. - Зачем?

- Ты поймешь, - сказал Тим. - Я тебе совершенно не нужен. Даже вреден. Ничего хорошего из общения со мной ты не почерпнешь. Что тебе может рассказать пожилой неудачник и эмигрант? И зачем тебе нужна тоска по иным мирам? Ты ведь не болен ею с детства, как я.

- Да, - вздохнул Игорь. - Я всегда думал, что мне удастся что-то

хорошее сделать здесь.

- Ну и умница.

- Но теперь я так не думаю.

- Это пройдет.

- Сомневаюсь, - Игорь закусил губу и отвернулся к окну.

- А ну, пусти маленького! - вдруг прикрикнул на кого-то Тим. Игорь посмотрел вперед и в изумлении увидел, как дружно шарахнулась в правый ряд колонна автобусов с затемненными стеклами.

- Менты в центр едут, - заметил Тим. - Под демонстрацию протеста ложиться. Как ты думаешь, не позаимствовать ли у этой колонны парочку машин с мигалками? Пусть нам дорогу почистят... Ладно, шучу. И так доедем. Кажется, получается у меня.

- У вас отлично получается. А что за демонстрация?

- Новости принципиально не смотришь? Правильно делаешь. Напряжение-то растет.

Как я понимаю, Служба ваша замечательная переняла все самые уродливые черты незабвенного Проекта. Например, пудрила мозги собственному народу. Убеждала его в том, что здесь все хорошо.

- А разве в России что-то не так? - спросил Игорь удивленно.

- Понятия не имею. Но на родине всегда что-то не так. Даже когда все прекрасно.

Только раньше Служба ненужные всплески эмоций придерживала. Теперь ей, как я понимаю, не до того. А как раз сейчас-то людям и есть за что спросить с властей.

Пусть даже их уверяют, что во всем Америка виновата. Когда того и гляди бомбы на голову повалятся, тебе все равно, кто бяка, Америка или, скажем, Занзибар. В любом случае, это свои недоглядели. Тах что сегодня благодарные москвичи кое-кому покажут "русскую культурную экспансию" во всей ее красе. Ментов даже жалко. Вечные мальчики для битья.

- Слушайте, Тим... - у Игоря даже в горле пересохло от волнения. - А они не повалятся, а?

- Бомбы? Нет. Уже нет. Проехали.

- Ну и слава богу, - пробормотал Игорь, откидываясь в кресле.

Остаток пути они проделали молча. Тим продирался через заторы, буквально расталкивая мешающие ему автомобили, и Игорь дорого бы дал за то, чтобы узнать, что именно Тим внушает водителям, но спросить не решился.

***

- Все, - сказал Тим, затормозив у подъезда. Он повернулся к Игорю, и взгляд больших зеленых глаз пронзил его насквозь. - Вот и все, - с непонятной тоской в голосе повторил Тим.

- Может, все-таки зайдете? - с надеждой спросил Игорь.

- Повторяю, я тебе не нужен. Пусть сейчас тебе обидно это слышать, но потом ты разберешься и поверишь мне. И вот еще что...

Тим сел к Игорю вполоборота и, отбивая пальцем на баранке ритм, заговорил почти нараспев.

- Я хочу, чтобы ты отдавал себе отчет вот в чем. Да, я вовремя подвернулся. В какой-то степени я помог вам разобраться с Волковым. Но если ты присмотришься, ты увидишь, что вы отлично справились бы и без меня. Да?

- Наверное, - согласился Игорь без особой уверенности.

- К сожалению, я всегда прав, - сказал Тим, и Игорь понял, что он это серьезно.

- А жаль. Не исключено, что именно вам, парни, я бы действительно рад был помочь. Но это ни к чему. Вы уже выросли из коротких штанишек. Очень хорошо.

Приятно было познакомиться с вами. Скажи это Алексу. И прощай, Игорь.

- До свидания, - сказал Игорь, пожимая изящную и сильную руку.

- Нет, - помотал головой Тим. - Скорее всего - прощай. Игорь вышел из машины, обошел ее и становился у двери водителя. Тим сидел, низко опустив голову и по-прежнему барабанил пальцем по ободу руля.

- Как странно, - сказал он себе под нос. - Меня сто раз спрашивали, зачем я возвращаюсь сюда. Но только сейчас я задумался всерьез.

Понимаешь, я ведь правда с детства мечтал о том, что прилетит "тарелка" и заберет меня отсюда. Мне всегда было неуютно на этой планете. А вышло так, что когда за мной на самом деле прилетели... Волшебное путешествие обернулось вынужденной эмиграцией. И какое счастье, что я это понимаю только в те дни, когда я здесь... Стыдно признаться, может быть, я езжу сюда, чтобы зарядиться ненавистью. Вспомнить, до какой же степени я вас, людей, не люблю. И с чистым сердцем улететь домой Странно.

Знаешь, Игорь, мне по земному исчислению уже на седьмой десяток пошло. А я так и не смирился с тем, что счастье приходит только через боль и оказывается совсем не таким, каким ты его себе представлял. Чертовски это несправедливо - найти его не там, где нужно, и не с теми, с кем хотел. Иди, пожалуйста, Игорь. Иди. А то я не уеду.

Игорь почувствовал мягкий толчок - Тим прогонял его. Завороженный, он сделал несколько шагов назад и остановился, бессмысленно хлопая себя по карманам в поисках сигарет. Машина очень медленно, будто крадучись, тронулась и поползла со двора. Игорь смотрел ей вслед даже когда она свернула за угол. А в голове у него все крутилась противоречивая фраза о счастье, которое находишь "через боль, не там и не с теми". И Игорь никак не мог понять - то ли он пытается эту формулу опровергнуть, то ли примеряет на себя.

ЭПИЛОГ

У Игоря была одна крайне неприятная для окружающих и совершенно неподобающая эсэсовцу черта. Когда его насильственно будили раньше времени, вместо Игоря просыпалось кровожадное чудовище. Убить оно, конечно, не убило бы, но покусать могло вполне.

Но сейчас Игорь был пьян, и когда дверной сигнал дозвонился-таки до его сознания, реакция оказалась неадекватной - вместо того, чтобы рычать и кидаться, Игорь со стоном повалился с кровати на пол. Вскочил, но был вынужден тут же сесть. И залился идиотским смехом.

Звонок вгрызался в уши. Матерясь и утирая непонятно отчего набежавшие слюни, Игорь нащупал под ногами халат. Снова встал, на этот раз уже осторожнее, просунул руки в рукава и, держась за стену, побрел к входной двери. Попытался нажать клавишу прозрачности, но вместо нее зацепил кнопку замка. Неожиданно потерял равновесие и съехал по стене на пол.

Дверь убралась в стену. Игорь силился поднять голову, но это оказалось неожиданно трудной задачей. Поэтому сначала он увидел в дверном проеме дорогие мексиканские сапоги. А рядом с ними на полу

возбужденно приплясывала клякса.

- Е! - только и смог произнести Игорь. Клякса прыгнула ему на колени и принялась на них скакать, исполняя танец восторга.

- Ты в порядке, брат? - спросил Вестгейт. Игорь с усилием поднял на него один глаз. Вестгейт стоял, прислонившись к косяку, и улыбка у него была просто до ушей. Выглядел дипломатический советник и русский шпион осунувшимся и помятым, но глаза его так и сверкали.

- Здорово, братишка... - пробормотал Игорь, уронил голову на грудь и заснул глубоким и счастливым сном.

Проснулся он неожиданно свежим и отдохнувшим. Вспомнил, какой видел удивительный сон. Прокрутил в памяти события вчерашнего дня - Служба, больница, кладбище, размышления Тима вслух. И чуть не заплакал от обиды. Крепко зажмурил глаза. И вдруг почувствовал на груди теплое шевеление кляксы.

Сначала Игорь схватил ее обеими руками, как утопающий цепляется за спасательный круг. Потом сел на кровати и, не вполне доверяя еще своим чувствам, медленно раскрыл ладони. Да, это действительно была клякса, родная, теплая, пульсирующая в такт биениям его сердца. Тогда Игорь ласково погладил ее, осторожно сполз с кровати, накинул халат и чуть ли не крадучись высунулся в гостиную.

- Это действительно ты? - спросил он Вестгейта, который уютно полулежал на диване с книжкой в руках и бутылкой под боком. - Или я уже до глюков допился?

Нет, это ты! все правильно... Уффф, - Игорь присел в кресло и с облегчением рассмеялся.

Вестгейт отложил книгу, посмотрел на Игоря и улыбнулся в ответ.

- Помнится, в предгорьях Альп кто-то мечтал о "Гиннесе", - сказал он, вставая.

- Сейчас достану из холодильника. И ты испытаешь... Как это ты говорил тогда?

Глубокое и всеобъемлющее счастье?

- Не знаю, - сказал Игорь серьезно. - Меня тут насчет счастья просветили, и что-то мне на эту тему больше шутить не хочется.

Вестгейт принес ему запотевшую бутылку и пивной стакан, и примерно с минуту Игорю было не до разговоров. Потом он утер с губ пену и сказал:

- Ты живой?

Вестгейт невоспитанно раздавил окурок в пепельнице.

- Черт его знает, - признался он. - Я пока еще не привык к своему новому состоянию. Да и к новому статусу мне еще адаптироваться очень долго придется. Но в целом - да. Я живой. Только иногда мне кажется, что это какой-то другой я.

- Что там про новый статус? - не понял Игорь.

- А я теперь политэмигрант, - небрежно сообщил Вестгейт.

Некоторое время Игорь пытался осмыслить эту информацию, но задача оказалась ему не по зубам.

- И куда же ты эмигрировал? - спросил он.

- На историческую родину, балда!

- С ума сошел? - не поверил Игорь.

- Выперли меня, - сказал Вестгейт. - Хотели с конфискацией имущества, но такового за мной не числится. Успел мой адвокат подсуетиться. Между прочим, я тебе еще вчера обзвонился, а у тебя что-то с телефоном...

- Как обычно, - сказал Игорь. - Разомкнул контакты, и все дела.

- Ты же говорил, технологический брак...

- Не-а.

Вестгейт захохотал.

- Я вот чего не понял, - сказал Игорь. - Как же ты дальше будешь?..

- А ты? - вопросом на вопрос ответил Вестгейт. - Мы теперь, братишка, два сапога пара. Заперты в России как тараканы в банке. Недели через две-три напряжение рассосется, границы откроются, и добропорядочные граждане снова начнут ездить по миру. А вот мы с тобой застряли тут надолго. Если не навсегда.

- Кто это сказал? - воинственно расправил плечи Игорь.

- Да все так говорят. Мы с тобой попали во все списки нежелательных элементов, которые только существуют в мире. Куда бы мы ни высунулись, нас будут отлавливать и вышибать обратно. В нежные объятия of Mother Russia.

- Что-то ты, брат, не особенно переживаешь по этому поводу. Или я ошибаюсь?

- Я же говорю - возможно, перед тобой не я, - объяснил Вестгейт. - Сам удивляюсь. Хотя... Я, может, всю жизнь только и жду возможности начать эту самую жизнь заново. С чистого листа.

- Как же я рад тебя видеть! - выпалил Игорь. Он пошарил в карманах халата, нашел резинку и собрал волосы в хвост. Поднялся и отправился на кухню за пивом.

- Первым делом, - мечтательно сказал в потолок Вестгейт, - перестану стричься. И никогда больше не надену галстук.

- У тебя как с деньгами? - спросил Игорь, копаясь в холодильнике.

- До швейцарских счетов враг не добрался. Так что деньги есть. А у тебя?

- Если не пить и не выпендриваться, года два с голоду не помру. А вот если пить...

- Разберемся, - сказал Вестгейт. - Лишь бы не было войны. А поскольку ее не будет, то и нам беспокоиться не о чем.

- Слушай, - Игорь поставил на стол бутылки и остался стоять, уперев руки в бока.

- Как-то странно мы с тобой рассуждаем. Как будто уже все решено.

- А все решено, - сказал Вестгейт. И улыбнулся. - Я больше не служу. Никому и никогда.

- Так тебя и отпустят! - усомнился Игорь.

- Уже отпустили. Как только сдал полный отчет. Бессрочный отпуск без содержания.

- Тебе же нравилась эта работа. Ты мог бы остаться как аналитик, преподаватель, консультант, наконец...

- Братишка, - сказал Вестгейт очень мягко. - Ты совершенно прав. Мне очень нравилась эта работа. Потому что она была моей жизнью. А другой жизни, настоящей, я просто не видел.

- А теперь, значит, разглядел? - спросил Игорь довольно язвительно.

- Да, - ответил Вестгейт просто, и Игорь ему поверил.

- Как же они тебя отпустили так легко? - спросил он недоверчиво.

- Они и тебя отпустят без звука, - усмехнулся Вестгейт. - У нас с тобой неожиданно появился влиятельный покровитель.

- Черт возьми! - воскликнул Игорь. От удивления он даже сел. И схватился за пиво. Он уже догадался, кого Вестгейт имел в виду.

- Я сидел на Службе, отчет составлял вчера днем, - сказал Вестгейт. -

И он вдруг зашел. Сказал, что хотел сначала через тебя попрощаться, но потом решил лично. И мы очень хорошо поговорили. Он ушел. А через полчаса я отправился сдавать отчет Папе. Захожу, а они с этим новым Дядей сидят ни живы ни мертвы... Только волосы на головах шевелятся. И лица очень выразительные. И слышу я неожиданно, что Служба допускает мой уход в отставку. Разумеется, если я выражу такое желание. А я взял и выразил. Само с языка слетело.

- Хотел бы я послушать, что он им сказал, - мечтательно произнес Игорь. - Он насчет эпитетов не стесняется...

- А он и не стеснялся. Меня потом догнал в коридоре Дядя и принялся рассыпаться в любезностях. Передавать тебе приветы и нам обоим ниже земли кланяться. Ну до смерти напуган человек. Я говорю - что случилось?

- И он рассказал? - не поверил Игорь.

- Ты бы его видел в этот момент? Потом, я все-таки умею разговаривать с людьми.

И выяснилось, что буквально передо мной явился в кабинет некто страшный до одури. Заявил, что если с этого момента на нас с тобой будет оказано хоть малейшее давление, то он, когда в следующий раз придет, устроит Службе полный и окончательный п...ц. И как я понял, это было сказано весьма убедительно.

- Значит, он вернется, - сказал Игорь. Он встал, шагнул к окну и посмотрел в небо. Там плыли белые облака и ярко светило солнце. Вестгейт подошел и встал рядом.

- Помнишь Иру? - неожиданно спросил он. - Ну, жену Волкова.

- Конечно, помню, - кивнул Игорь, продолжая рассматривать облака.

- Лежит в коме, - Вестгейт тяжело вздохнул и отошел. - Говорят, упала, как только мы его увезли.

- Откуда знаешь? - Игорь никак не мог оторвать взгляд от неба. Он понимал, что полупрозрачного мерцающего облачка там больше нет. Но ему так хотелось, чтобы оно было...

- Сказали наши из группы мониторинга. После истории с "русским заговором" все секретные агентства поменяли свои коды, но Служба по-прежнему копается в их компьютерах как у себя дома.

- Все равно, раз ее взяли чужие ээсовцы, нам до нее не добраться. А надо бы.

Это ведь из-за нас так получилось.

- Ты полагаешь, клякса сможет исправить положение?

- Уверен. Слушай, брат, ты же во всю эту чушь не верил! Ты слово "биоэнергетика" выговорить не мог!

- Жизнь заставила, - сказал Вестгейт и положил Игорю на плечо теплую дружественную руку.

- Настоящая жизнь? - спросил Игорь ехидно, но без желания обидеть.

- Настоящая, - кивнул Вестгейт.

- Тогда мы что-нибудь придумаем. Да?

- Конечно, - Вестгейт улыбнулся и отошел к столу. - Кстати, ты смотришь в правильном направлении. Он улетел именно отсюда. Несколько часов назад. Сбросил меня на крышу и улетел.

Игорь с трудом отвернулся от окна.

- Как страшно узнать, что все это правда, - сказал он. - Что мы живем на маленькой задрипанной планетке, и настоящая жизнь несется мимо нас. А то, что мы по глупости своей полагаем настоящей жизнью - это так,

мышинная возня. Как страшно, брат.

- А ты голову - в песок, - посоветовал Вестгейт, умело разливая по стаканам пиво так, чтобы не поднималось слишком много пены. Этому нехитрому искусству он научился у Игоря.

- Ни один нормальный страус никогда не прятал голову в песок, - сказал Игорь.

- А ненормальный? - спросил Вестгейт. - Какое, наверное, сильное зрелище - страус в мании преследования!

- Я так рад тебя видеть... - сказал Игорь очень тихо, потому что у него вдруг запершило в горле и навернулись слезы на глаза.

- А я - тебя, - сказал Вестгейт. - Вот за это и выпьем! Далеко, на другом конце Москвы, одурманенный наркотиками пожилой безумец, пристегнутый ремнями к больничной койке, почувствовал его настроение и улыбнулся широкой счастливой улыбкой. Улыбнулся во сне.

www.megabook.do.am